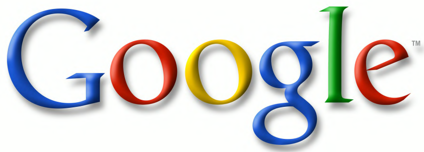

NEDL TRANSFER
HN 32UR G

[redacted]

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

НОВАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(ОТЪ ПЕТРА I ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРИСТОМАТІЯ

НОВАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ТОМЪ II.

(ОТЪ КАРАМЗИНА ДО ПУШКИНА).

Составилъ

А. Галаховъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА.

1864.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 10 ноября, 1864 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ III.

ОТЪ КАРАМЗИНА ДО ПУШКИНА.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ:

ОТЪ КАРАМЗИНА ДО ПУШКИНА.

I.

КАРАМЗИНЪ.

А. ИДИЛЛІЯ ГЕСНЕРА: ДЕРЕВЯННАЯ НОГА (1783). (1).

На горѣ, съ коей текущій источникъ своими струями орошалъ близь лежащую долину, пасъ молодой пастухъ своихъ козъ. Эхо его свирѣли распространялось по всей лощинѣ и производило пріятный шумъ. Тутъ увидѣлъ онъ стараго и сѣдинами украшеннаго человѣка, всходящаго на поверхность горы, который, опираясь о свой посохъ, ибо одна его нога была деревянная, тихими шагами къ нему приближался, и сѣлъ возлѣ его на одномъ камнѣ. Молодой пастухъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и устремилъ взоръ свой на его поддѣланную ногу. Юноша, сказалъ ему съ усмѣшкой старикъ, ты, конечно, думаешь, что я безразсудно поступаю, всходя на сію гору? Сіе путешествіе изъ долины дѣлаю я каждый годъ одинъ разъ. Нога, которую ты у меня видишь, приноситъ мнѣ болѣе чести, нежели иному двѣ цѣлыя; а почему? ты долженъ оное узнать. Пусть оно почтительно, старичекъ, сказалъ пастухъ; но я объ закладъ бьюсь, что одно другаго лучше. Но ты, думаю, усталъ. Если хочешь, то я пойду и принесу тебѣ свѣжей воды изъ сей стремнины текущаго ручья.

Старикъ его обнялъ. Слава Всевышнему! и такъ я могу восплатить Его благодѣяніе на тебѣ! пойдемъ, сынъ, пойдемъ въ мое жилище; пусть другой будетъ пасти сихъ козъ. Они сошли въ долину, гдѣ было его обитаніе. Старикъ имѣлъ съ излишествомъ земли и стада, и прекрасная дочь была его одна наслѣдница. Тотъ человѣкъ, сказалъ онъ своей дочери, который избавилъ меня отъ смерти, былъ отецъ сего юноши. Будешь ли мнѣ послушна и дашь ли ему свою руку? Пастухъ былъ прекрасенъ: русые волосы извивались кругъ его румянаго лица, и жаромъ наполненные черные глаза въ ономъ блистали. Не отступая она отъ дѣвической кротости, размышляла оономъ три дня; и третій день показался уже ей долгъ. Они сочетались бракомъ, и старикъ, плача отъ радости, сказалъ: да будетъ завсегда на васъ благословеніе Вышняго! въ сію минуту, въ сію минуту я наисчастливѣйшій человѣкъ!

В. ПОЭМА ГАЛЛЕРА: О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЗЛА (1786). (2).

Нѣжный зефиръ побудилъ меня нѣкогда остановиться между древами на уединенныхъ холмахъ. Изъ подошвы возвышеній сихъ истекаетъ тихая рѣка, коея воды составляетъ множество совокупившихся источниковъ. Внизу открывалася мнѣ пространная страна, ограниченная обширностію своею, которой око нигдѣ конца не обрѣтало, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ

Юрасъ (3) увѣнчаваетъ страну сію лазуревыми сѣнями. Пригорки покрываютъ зеленые лѣса, чрезъ кои съ плѣняющимъ блескомъ проницаетъ пламенный видъ полей. Тамъ извивается по разнымъ мѣстамъ блистающее сіяніе прозрачной Аары (4); здѣсь покоится глава Нихтланда въ мирѣ и безстрашіи на буграхъ своихъ, до коихъ высоты никто не достигалъ еще. Вездѣ, что токмо око объемлетъ, царствуетъ спокойствіе и изобиліе; подъ самымъ соломеннымъ кровомъ мхомъ обросшихъ хижинъ сельскихъ терпима здѣсь свобода, и трудъ всегда наслажденіемъ сопровождаемъ бываетъ. Земля покрыта тамъ множествомъ разновидныхъ овецъ: онѣ блѣятъ и щиплютъ мураву; тучные же волы, возлежа на мягкомъ злакѣ, вкушаютъ сладость цвѣтущаго трилиственника. Быстрый и рѣзвый конь, никакими заботами не отягощенный, носится тамо по полямъ, вновь зеленію покрывшимся, по коимъ онъ часто влачилъ орало. Колико увеселяетъ видъ лѣса сего! Въ багряномъ сіяніи являются тамо до половины обнаженныя буковыя древа, а здѣсь густая зелень соснъ осѣняетъ блѣдный мохъ. Въ мрачность зримыя сѣни, когда вѣяніе вѣтерка раздѣляетъ тѣсно соединенныя вѣтви древесъ, проницаетъ ночасту лучъ солнца и распространяетъ по ней свѣтъ трепещущій; зеленая нощь разновидно совокупляется тутъ со златозарнымъ днемъ.

В. ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРЕВОДУ ТРАГЕДІИ ШЕКСПИРА: ЮЛІЙ ЦЕСАРЬ (1786). (5).

При изданіи сего Шекеспирова творенія почитаю почти за необходимость писать предисловіе. До сего времени еще ни одно изъ сочиненій знаменитаго сего автора не было передано на языкъ нашъ (6); слѣдственно и ни одинъ изъ соотчичей моихъ, не читавшій Шекеспира на другихъ языкахъ, не могъ имѣть достаточнаго о немъ понятія. Вообще сказать можно, что мы весьма незнакомы съ англійскою литетурою. Говорить о причинѣ сего почитаю здѣсь не кстати. Доволенъ буду, если вниманіе читателей моихъ не отяготится и тѣмъ, что стану говорить собственно о Шекеспирѣ и его твореніяхъ.

Авторъ сей жилъ въ Англіи во времена королевы Елисаветы и былъ изъ тѣхъ великихъ духовъ (7), коими славятся вѣки. Сочиненія его суть сочиненія драматическія. Время, сей могущественный истребитель всего того, что подъ солнцемъ находится, не могло еще доселѣ затмить изящности и величія Шекеспировыхъ твореній. Вся почти Англія согласна въ хвалѣ, приписываемой мужу сему. Пусть спросятъ упражнявшагося въ чтеніи Англичанина: каковъ Шекеспиръ? Безъ всякаго сомнѣнія, будетъ онъ отвѣтствовать: Шекеспиръ великъ! Шекеспиръ неподражаемъ! Всѣ лучшіе англійскіе писатели, послѣ Шекеспира жившіе, съ великимъ тщаніемъ вникали въ красоты его произведеній. Мильтонъ, Юнгъ, Томсонъ и прочіе прославившіеся творцы пользовалися многими его мыслями, различно ихъ украшая. Немногіе изъ писателей столь глубоко проникли въ человѣческое естество, какъ Шекеспиръ; немногіе столь хорошо знали всѣ тайнѣйшія человѣка пружины, сокровеннѣйшія его побужденія, отличительность каждой страсти, каждаго темперамента и каждаго рода жизни, какъ удивительный сей живописецъ. Всѣ великолѣпныя картины его непосредственно натурѣ подражаютъ; всѣ оттѣнки картинъ сихъ въ изумленіе приводятъ внимательнаго разсматривателя. Каждая степень людей, каждый возрастъ, каждая страсть, каждый характеръ говоритъ у него собственнымъ своимъ языкомъ. Для каждой мысли находитъ онъ образъ, для каждаго ощущенія выраженіе, для каждаго движенія души наилучшій оборотъ. Живописаніе его сильно и краски его блистатель-

ны, когда хочетъ онъ явить сіяніе добродѣтели; кисть его весьма льстива, когда изображаетъ онъ кроткое волненіе нѣжнѣйшихъ страстей: но самая же сія кисть гигантскою представляется, когда описываетъ жестокое волненіе души.

Но и сей великій мужъ, подобно многимъ, не освобожденъ отъ колкихъ укоризнъ нѣкоторыхъ худыхъ критиковъ своихъ. Знаменитый софистъ, Волтеръ, силился доказать, что Шекеспиръ былъ весьма средственный авторъ, исполненный многихъ и великихъ недостатковъ. Онъ говорилъ: «Шекеспиръ писалъ безъ правилъ; творенія его суть и трагедіи и комедіи вмѣстѣ, или траги-коми-лирико-пастушьи фарсы безъ плана, безъ связи въ сценахъ, безъ единствъ; непріятная смѣсь высокаго и низкаго, трогательнаго и смѣшнаго, истинной и ложной остроты, забавнаго и безсмысленнаго; они исполнены такихъ мыслей, которыя достойны мудреца, и притомъ такого вздора, который только шута достоинъ; они исполнены такихъ картинъ, которыя принесли бы честь самому Гомеру, и такихъ каррикатуръ, которыхъ бы и самъ Скарронъ (8) устыдился». Излишнимъ почитаю теперь опровергать пространно мнѣнія сіи, уменьшеніе славы Шекеспировой въ предметѣ имѣвшія. Скажу только, что всѣ тѣ, которые старались унизить достоинства его, не могли противъ воли своей не сказать, что въ немъ много и превосходнаго. Человѣкъ самолюбивъ: онъ страшится хвалить другихъ людей, дабы, по мнѣнію его, самому симъ не унизиться. Волтеръ лучшими мѣстами въ трагедіяхъ своихъ обязанъ Шекеспиру; но, не взирая на сіе, сравнивалъ его съ шутомъ и поставлялъ ниже Скаррона. Изъ сего бы можно было вывести весьма оскорбительное для памяти Волтеровой слѣдствіе; но я удерживаюсь отъ сего, вспомня, что человѣка сего нѣтъ уже въ мірѣ нашемъ.

Что Шекеспиръ не держался правилъ театральныхъ, правда. Истинною причиною сему, думаю, было пылкое его воображеніе, не могшее покориться никакимъ предписаніямъ. Духъ его парилъ, яко орелъ, и не могъ паренія своего измѣрять тою мѣрою, которою измѣряютъ полетъ свой воробьи. Не хотѣлъ онъ соблюдать такъ называемыхъ единствъ, которыхъ нынѣшніе наши драматическіе авторы такъ крѣпко придерживаются; не хотѣлъ онъ полагать тѣсныхъ предѣловъ воображенію своему: онъ смотрѣлъ только на натуру, не заботясь впрочемъ ни о чемъ. Извѣстно было ему, что мысль человѣческая мгновенно можетъ перелетать отъ запада къ востоку, отъ конца области Моголовой къ предѣламъ Англіи. Геній его, подобно генію натуры, обнималъ взоромъ своимъ и солнце и атомы. Съ равнымъ искусствомъ изображалъ онъ и героя и шута, умнаго и безумца, Брута и башмачника. Драмы его, подобно неизмѣримому театру натуры, исполнены многоразличія; все же вмѣстѣ составляетъ совершенное цѣлое, не требующее исправленія отъ нынѣшнихъ театральныхъ писателей.

Трагедія, мною переведенная, есть одно изъ превосходныхъ его твореній. Нѣкоторые недовольны тѣмъ, что Шекеспиръ, назвавъ трагедію сію Юліемъ Цесаремъ, послѣ смерти его продолжаетъ еще два дѣйствія; но неудовольствіе сіе окажется ложнымъ, если съ основательностію будетъ все разсмотрѣно. Цесарь умерщвленъ въ началѣ третьяго дѣйствія, но духъ его живъ еще: онъ одушевляетъ Октавія и Антонія, гонитъ убійцъ Цесаревыхъ и послѣ всѣхъ ихъ погубляетъ. Умерщвленіе Цесаря есть содержаніе трагедіи; на умерщвленіи семъ основаны всѣ дѣйствія.

Характеры, въ сей трагедіи изображенные, заслуживаютъ вниманіе читателей. Характеръ Брутовъ есть наилучшій. Французскіе переводчики Шекеспиро-

выхъ твореній говорятъ объ ономъ такъ: «Брутъ есть самый рѣдкій, самый важный и самый занимательный моральный характеръ. Антоній сказалъ о Брутѣ: вотъ мужъ! а Шекеспиръ, изображавшій его намъ, сказать могъ: вотъ характеръ! ибо онъ есть дѣйствительно изящнѣйшій изъ всѣхъ характеровъ, когда либо въ драматическихъ сочиненіяхъ изображенныхъ».

Что касается до перевода моего, то я наиболѣе старался перевести вѣрно, стараясь притомъ избѣжать и противныхъ нашему языку выраженій. Впрочемъ пусть разсуждаютъ о семъ могущіе разсуждать о семъ справедливо. Мыслей автора моего нигдѣ не перемѣнялъ я, почитая сіе для переводчика непозволеннымъ.

Если чтеніе перевода доставитъ россійскимъ любителямъ литературы достаточное понятіе о Шекеспирѣ; если оно принесетъ имъ удовольствіе: то переводчикъ будетъ награжденъ за трудъ его. Впрочемъ онъ приготовился и къ противному. Но одно не будетъ ли ему пріятнѣе другаго?—Можетъ быть.—Октября 15, 1786.

Г. ТРАГЕДІЯ ЛЕССИНГА: ЭМИЛІЯ ГАЛОТТИ (1786). (*).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 2.

Конти, Принцъ.

Принцъ.

Здравствуй, Конти! Какъ поживаешь? Что твое художество?

Конти.

Художество мое, принцъ? Только что меня кормитъ.

Принцъ.

Нѣтъ, этому быть не должно. Въ небольшой области моей, конечно, не будетъ того, чтобы художникъ работалъ для своего прокормленія; однакожъ ему должно любить работу.

Конти.

Работу? Это его охота. Но должность работать много можетъ лишить его имени художника.

Принцъ.

Не много, да много; я говорю, не много, да съ прилежностію. Ты, вѣрно, пришелъ не съ пустыми руками, Конти?

Конти.

Я принесъ тотъ портретъ, который вы мнѣ написать приказывали, милостивый государь. Я принесъ еще и другой, о которомъ вы мнѣ не говорили; но, какъ онъ достоинъ того, чтобы посмотрѣть....

Принцъ.

Какой же первый портретъ? Если могу вспомнить...

Конти.

Портретъ графини Орсины.

Принцъ.

Да! да! я уже очень давно заказалъ его.

Конти.

Съ красавицъ нашихъ не всегда можно списывать портреты. Въ три мѣсяца графиня согласилась посидѣть только одинъ разъ.

Принцъ.

Гдѣ же портреты?

Конти.

Въ передней: я тотчасъ ихъ принесу.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Принцъ.

Портретъ!.. пусть такъ!.. Пусть увижу портретъ ея, только бы не ее самое.... Можетъ быть, найду въ портретѣ опять то, чего уже въ ней не вижу.... Но этого я не желаю. Досадный живописецъ! думаю, что она его подкупила. Какая же нужда? Если иной образъ, написанный другими красками, на другомъ грунтѣ, можетъ опять помѣстить ее въ моемъ сердцѣ, то, кажется, былъ бы я доволенъ. Когда ее любилъ, былъ всегда спокоенъ, веселъ, воленъ.... Теперь я совершенно въ противномъ положеніи.... Но нѣтъ, нѣтъ! Пріятнѣе или непріятнѣе, а мнѣ такъ лучше.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Принцъ, Конти (входитъ съ картинами, изъ коихъ одну, оборотивъ, ставитъ къ стулу).

Конти (устанавливая другую картину).

Покорнѣйше прошу вашу свѣтлость вспомнить границы художества нашего. Художникъ не можетъ изобразить многаго такого, что составляетъ въ красотѣ самое привлекательное. Извольте подойти такъ.

Принцъ (посмотря нѣсколько).

Хорошо, Конти! совершенно хорошо! Это дѣлаетъ честь твоему искуству, твоей кисти. Но много лести, очень много лести, Конти.

Конти.

Однакожъ оригиналъ, казалось, былъ другаго мнѣнія. Да и въ самомъ дѣлѣ лести тутъ не болѣе того, сколько искуство необходимо польстить должно. Искуство должно писать такъ, какъ образующая природа—буде есть она—образъ себѣ представляла, не смотря на то, что необходимо теряется отъ грубости вещества, и на то поврежденіе, которое въ образѣ производитъ время.

Принцъ.

Размышляющій художникъ вдвое похвалы достоинъ. Но оригиналъ, говоришь ты, не взирая на то, нашелъ....

Конти.

Простите мнѣ, ваша свѣтлость. Оригиналъ есть такая особа, къ которой долженъ я имѣть почтеніе. Я не думалъ сказать для нея ничего оскорбительнаго.

Принцъ.

Говори все, что тебѣ угодно. Что же сказалъ оригиналъ?

Конти.

Хорошо, сказала графиня, если я не дурнѣе этого.

Принцъ.

Не дурнѣе? Подлинный оригиналъ!

Конти.

И сказала это съ такою миною, какой, конечно, совсѣмъ нѣтъ въ портретѣ, какой по портрету и подозрѣвать нельзя.

Принцъ.

Тоже думалъ и я. Въ томъ-то нахожу я и безмѣрную лесть. О! я знаю эту гордую, эту насмѣшливую мину, которая обезобразила бы лице и самой Граціи. Не спорю, что прекрасный ротъ отъ нѣжной насмѣшки иногда вдвое прекраснѣе кажется; однако насмѣшка не должна походить на кривлянье, такъ какъ насмѣшки графинины. Надобно также, чтобы и глаза соотвѣтствовали насмѣшкѣ,—глаза, какихъ совсѣмъ нѣтъ у графини, какихъ даже нѣтъ и въ этомъ портретѣ.

Конти.

Милостивый государь! я въ великомъ замѣшательствѣ....

Принцъ.

Отъ чего? Все то, что искуство можетъ сдѣлать хорошаго изъ большихъ, выпуклыхъ и неподвижныхъ Медузиныхъ глазъ графини нашей, все то сдѣлалъ ты, Конти, наилучшимъ образомъ.... Наилучшимъ образомъ, говорю я? Нѣтъ, лучшебъ было, если бы ты не такъ хорошо написалъ портретъ. Ну, скажи самъ, Конти, можно ли по этому портрету сдѣлать справедливое заключеніе о свойствѣ самой особы? А этому бы такъ быть надлежало. Гордость превратилъ ты въ величественную осанку, насмѣшливость въ пріятную улыбку, готовность къ мрачному сумасбродству въ тихую задумчивость.

Конти (съ нѣкоторою досадою).

Милостивый государь, мы, живописцы, надѣемся, что при написаніи портрета любовникъ будетъ имѣть такую же страсть, съ какою его заказывалъ. Мы пишемъ глазами любви, и только глазамъ любви надлежало бы и судить насъ.

Принцъ.

Да, Конти, для чего не принесъ ты портретъ мѣсяцемъ прежде? Поставь его

въ сторону. Какая же у тебя другая картина?

Конти (взявъ картину и еще не оборачивая ее).

Также женскій портретъ.

Принцъ.

Такъ лучше бъ и совсѣмъ не смотрѣть. Тому образцу, который у меня здѣсь (указывая пальцемъ на лобъ) или, лучше сказать, здѣсь (указывая на сердце), не можетъ онъ быть подобенъ. Я желалъ бы, Конти, искуству твоему удивляться въ иныхъ предметахъ.

Конти.

Искуство можетъ быть удивительнѣе; но, вѣрно, нѣтъ ничего удивительнѣе этого предмета.

Принцъ.

Такъ я ручаюсь, Конти, что это собственная твоя любовница (живописецъ оборачиваетъ портретъ). Что я вижу? это произведеніе твоей кисти? или произведеніе моего воображенія?... Эмилія Галотти!

Конти.

Какъ! развѣ вы знаете этого ангела?

Принцъ (стараясь придти въ себя, но не спуская глазъ съ картины).

Нѣсколько.... только что могу узнать портретъ ея.... За нѣсколько недѣль передъ симъ случилось мнѣ видѣть ее съ матерью въ одномъ собраніи.... Послѣ я видалъ ее только въ церкви, гдѣ неприлично было смотрѣть на нее пристально. Я знаю и отца ея. Онъ болѣе всѣхъ противился требованіямъ моимъ на Сабіонетту. Старый драгунъ, гордый и суровый, а впрочемъ честный и добрый человѣкъ.

Конти.

То отецъ, а это дочь его.

Принцъ.

Я вижу ее здѣсь какъ въ зеркалѣ! (Все еще смотря на картину). Ты, конечно, знаешь, Конти, что тогда только совершенно хвалятъ художника, когда, занимаяся его работою, самого его хвалить забываютъ.

Конти.

Однакожъ этою работою я еще очень недоволенъ. Но въ этомъ случаѣ доволенъ я своимъ неудовольствіемъ. О еслибы непосредственно можно было писать глазами! Сколько теряется отъ глазъ до руки и отъ руки до кисти! Но зная, говорю я, чтò въ этомъ портретѣ потеряно, какъ потеряно и для чего должно быть потеряно, горжусь я такимъ знаніемъ столько же, да еще и болѣе, нежели всѣмъ тѣмъ, чего я не потерялъ нимало. Это болѣе увѣряетъ меня, что я дѣйствительно великій живописецъ, но что рука моя только не всегда соотвѣтствуетъ моему искуству. Или вы думаете, ваша свѣтлость, что Рафаэль не былъ бы величайшимъ живописцемъ, если бы онъ, по несчастію, безъ рукъ родился? Неужели вы такъ думаете? ([10]).

Принцъ (тогда только отводя глаза отъ картины).

Что ты говоришь, Конти? что ты спрашиваешь?

Конти.

Ничего, ничего!... все пустое!... Кажется, что душа у васъ совсѣмъ въ глаза переселилась. Я люблю такія души и глаза.

Принцъ (съ принужденною холодностію).

И такъ, Конти, ты дѣйствительно равняешь Эмилію Галотти съ лучшими красавицами въ городѣ нашемъ?

Конти.

Какъ! равняю Эмилію съ лучшими красавицами въ городѣ нашемъ? Вы шутите надо мною, ваша свѣтлость. Или вы во все это время не только ничего не слышали, да еще и ничего не видѣли.

Принцъ.

Любезный Конти.... (опять оборачивая глаза на картину) кто изъ насъ можетъ повѣрить глазамъ своимъ? Одинъ

только живописецъ можетъ судить о красотѣ.

Конти.

И такъ ощущеніе всякаго сердца должно ожидать рѣшенія отъ живописца?... Того въ монастырь запереть надобно, кто у насъ захочетъ узнать, что такое красота. Но, какъ живописецъ, скажу вамъ, что за величайшее благополучіе моей жизни почитаю то, что Эмилія Галотти позволила мнѣ списать себя. Эта голова, лице, лобъ, глаза, носъ, ротъ, подбородокъ, шея, грудь, ростъ, весь складъ будутъ отъ нынѣшняго времени для меня единственнымъ образцомъ красоты женской. Списокъ съ нея отосланъ къ ея отцу. А эта копія....

Принцъ (съ торопливостію къ нему оборачиваясь).

Что? не ужели обѣщана кому?

Конти.

Ваша, если вамъ она угодна.

Принцъ.

Угодна? (Улыбаясь) Этотъ портретъ есть для тебя, Конти, образецъ женской красоты: не лучше ли всего будетъ, если сдѣлаю его образцомъ и для себя? А тотъ портретъ возьми съ собою; прикажи на него сдѣлать раму.

Конти.

Очень хорошо.

Принцъ.

Самую лучшую и дорогую, какую только рѣщикъ сдѣлать можетъ. Онъ будетъ поставленъ въ галереѣ. А этотъ останется у меня. Образца такъ не украшаютъ; его не вѣшаютъ и на стѣну, а держатъ обыкновенно подлѣ себя. Благодарю тебя, Конти, очень благодарю. Художники, сказалъ я, не будутъ въ области моей трудиться для прокормленія своего, если я самъ нищимъ не буду. Пошли, Конти, къ казначею моему и вели заплатить себѣ за оба портрета, сколько тебѣ угодно—сколько тебѣ угодно, Конти.

Конти.

Не должно ли мнѣ подумать, что ваша свѣтлость скоро что нибудь и другое такъ же награждать будете, какъ художество?

Принцъ.

О ревнивый художникъ, не бойся! Слышишь ли, Конти? Вели себѣ заплатить, сколько тебѣ угодно.

Д. Дѣтское чтеніе (1785—89). ([11]).

Прогулка.

Никакое годовое время не бываетъ для меня такъ пріятно, какъ весна. Когда благотворное солнце, вступивъ въ знакъ Тельца, начинаетъ изливать на землю свѣтъ яснѣйшій; когда, мало по малу растопляя лучами своими снѣжныя громады, таинственнымъ магнитомъ извлекаетъ изъ земли нѣжную зелень: тогда во всемъ существѣ своемъ чувствую пріятную перемѣну, и тихая радость питаетъ сердце мое. Кажется, что лучи солнечные проницаютъ до самаго воображенія и разгорячаютъ его огнемъ своимъ; ибо въ сіе время бываетъ оно пламеннѣе, нежели въ другое. Я могу тогда лучше видѣть, слышать, чувствовать и мыслить.

Уже зеленые ковры украшали поверхность земли, уже многочисленныя стаи птицъ, возвратясь изъ отдаленныхъ странъ юга, давно воспѣвали хвалу прелестной веснѣ, какъ я, въ концѣ прекраснаго дня, взявъ въ руки своего Томсона, пошелъ за городъ прогуливаться. Я задумался, забылся, шелъ и не зналъ—куда. Между тѣмъ приближался вечеръ. Пришедши на берегъ рѣки и обративъ на нее глаза свои, увидѣлъ я въ чистыхъ водахъ ея образъ солнца. Вдругъ разсѣялись меланхолическія мысли мои, подобно какъ утренніе туманы разсѣеваются отъ перваго блеска яснаго дня. Облегченіе, свободность, веселіе вливались въ меня съ воздухомъ. Пріятности вечера вокругъ меня толпились. Вели-

чественное солнце, свершивъ кругъ дневнаго теченія своего, готовилось погрузиться въ бездны океана. Свѣтъ его не былъ уже ослѣпляющій свѣтъ, который въ часы полудня не позволяетъ оку человѣческому взирать на сего царя міра нашего: я безпрепятственно могъ его разсматривать. Укротивъ свое сіяніе, нимало не лишилось оно своего величества. Взирая на него нѣсколько времени, размышлялъ я: великолѣпное свѣтило! сколько вѣковъ освѣщаешь ты міръ нашъ! сколько тысящелѣтій питаешь его животворными своими вліяніями! коликое число мудрыхъ, вѣдавшихъ таинственныя твои дѣйствія, отъ начала міра воспѣвали силу твою въ гимнахъ торжественныхъ! Индія и Аравія издревле были исполнены почитателей твоихъ: гдѣ же теперь всѣ сіи мудрецы? Но ты, постоянное свѣтило, не ослабѣваешь въ своемъ теченіи; свѣтя всегда съ равнымъ блескомъ, во всякомъ вѣкѣ находишь новыхъ почитателей, новыхъ воспѣвателей чудесныхъ силъ твоихъ. Бывъ свидѣтелемъ тысячи перемѣнъ на землѣ нашей, ты ни въ чемъ не перемѣнилося. Въ сей день, въ сей часъ, въ сію минуту, за пять или за шесть тысячъ лѣтъ предъ симъ, какой-нибудь мудрецъ, котораго память загладилась уже въ лѣтописяхъ нашихъ, павъ на колѣни, со благоговѣніемъ восклицалъ къ тебѣ: «солнце заходящее, величественный образъ величественнѣйшаго Творца своего! уже ты сокрываешься отъ насъ, кончивъ дневный путь свой; но завтра паки явишься на горизонтѣ возвѣщать славу Творца своего!» Тщетно ложные мудрецы стараются увѣрять, что ослабѣлъ жаръ твоего пламени! Неистощимъ источникъ, наполняющій тебя свѣтомъ: неистощимо и ты въ изліяніяхъ своихъ, и пребудешь дотолѣ неистощимо, доколѣ поставившій тебя на тверди не воззоветъ къ тебѣ: сокройся!

Я размышлялъ и чувствовалъ. Мысль сцѣплялась съ мыслію, чувство сливалось съ чувствомъ. Глаза мои не совращались съ солнца, которое опустилось весьма низко на горизонтѣ. Уже начинало оно скрываться. Половина круга его зашла за горизонтъ, отбрасывая еще лучи свои на тонкія облака, по западу разсѣянныя, и украшая ихъ различными цвѣтами. Потомъ скрылось все солнце; но лучи его освѣщали еще вершины горъ, въ отдаленіи представлявшихся взору моему. Скоро и сей слабый свѣтъ сокрылся, и тонкія тѣни мгновенно покрыли небо. Куда же сокрылось ты, пышное свѣтило? Ахъ! почто не всегда освѣщаешь насъ? Безразсудное, но весьма естественное желаніе! Нѣтъ, ты довольно живило насъ свѣтомъ своимъ. Теки, теки, куда влекутъ тебя вѣчные законы твоего движенія! Теперь нужно твое присутствіе на другомъ краю міра нашего, гдѣ дикіе народы встрѣтятъ тебя съ радостію и на разныхъ языкахъ благословятъ твое пришествіе.

Вдругъ замолкли всѣ птицы, которыя до сей минуты пѣли въ орѣховомъ лѣску и гармоніею пѣсней своихъ услаждали мое сердце; каждая пара искала себѣ покойнаго убѣжища на ночное время. Настала глубокая тишина, прерываемая однимъ журчаніемъ быстрой рѣки и ручьевъ, стремившихся по зеленому лугу. Тѣни вечера сгущались болѣе и болѣе. Наконецъ всѣ предметы сокрылись отъ глазъ моихъ; все для меня исчезло, все, кромѣ—меня самого. Священная тишина, ужасъ сердца порочнаго, стихія невинности, убѣжище мудрыхъ, святилище добродѣтели! да не трепещетъ сердце мое въ твоихъ объятіяхъ! или да будетъ трепетъ его высочайшимъ восторгомъ радости! Буди благословенна, тишина уединенія! и въ то время, какъ все видимое твореніе погружается въ глубокомъ снѣ, возбуждай меня къ священнымъ размышленіямъ, къ ближайшему собесѣдованію съ сердцемъ моимъ, и утишай въ немъ всякое волненіе, производимое бурями общежитія. Да пробудятся

всѣ духовныя силы мои, и да чувствую во глубинѣ души своей, что я существую!... И се растекается сіе животворное чувство по всей внутренности моей! Ощущаю живо, что я живу и есмь нѣчто отдѣленное отъ прочаго, есмь совершенное цѣлое. Чувство существованія, въ единомъ человѣкѣ на землѣ сей обитающее! колико ты для меня драгоцѣнно! сколь восхитительно для меня думать, что я вѣчно буду тобою наслаждаться!

Но только въ сіи же тихія, мрачныя, нощныя минуты могу представить себѣ и небытіе, хаосъ—то состояніе земли нашей, которое воспѣваетъ святый еврейскій бардъ въ началѣ историческихъ своихъ пѣсней: «земля была дика и пуста, и мракъ покрывалъ бездну». Все твореніе представляется мнѣ теперь мертвымъ тѣломъ: нѣтъ жизни, нѣтъ дыханія. Шумъ быстрыхъ водъ уподобляется шуму волнъ первобытнаго океана, поглощавшаго неустроенную землю—шумъ, утишенный гласомъ творческимъ:

Волны шумящія, молчите! бездна мятежна, спокойся!

Сія мрачность представляетъ мнѣ и будущее состояніе мое, когда меня, томящагося на одрѣ болѣзни, застигнетъ смертная ночь. Зайдетъ солнце жизни; издалека буду внимать шумящимъ волнамъ моря вѣчности.... Сердце бьется; ужасъ разливается по всѣмъ нервамъ. Но утѣшься! скоро гласъ Элогима воззоветъ къ солнцу вѣчной твоей жизни: явися! Взойдетъ оно, и свѣтъ его проникнетъ все существо твое.

Е. ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА (1789—1790). ([12])

а) Тверь, 18 мая 1789.

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ нравственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ: на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои; на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись, въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто заставало меня восходящее солнце; на готическій домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные,—однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, растроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать! Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ.

Милый Птрв. ([13]) провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще

въ первый разъ видѣлъ я слезы его; тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: «прости!» Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались.... и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь! Ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему посреди васъ, милые? Если бы человѣку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ которую онъ думалъ назвать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ каррикатурами королевы французской и римскаго императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, «выплакать сердце свое». Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ. Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмѣрно грустно. Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній! Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства! ([14]).

б) Въ каретѣ дорогою (авг. 9).

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю ([15]). Счастливые Швейцары! всякій-ли день, всякій-ли часъ благодарите вы небо за свое счастіе ([16]), живучи въ объятіяхъ прелестной натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть, конечно, пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу (*), не возмущаемую свирѣпыми страстями! Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! если бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому счастію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой, когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ природы — чувствую я то же, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Благостію, если бы Она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей: и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими! Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, если я когда-нибудь, какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, роптал на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую!

(*) Читатель, можетъ быть, вспомнитъ о стрѣлахъ Аполлоновыхъ, которыя кротко умерщвляли смертныхъ. Греки въ миѳахъ своихъ предали намъ памятники нѣжнаго своего чувства. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ нѣжнѣе сего вымысла, приписывающаго разрушеніе наше дѣйствію вѣчноюнаго Аполлона, въ которомъ древніе воображали себѣ совершенство красоты и стройности?

в) Парижъ, апрѣля.... 1790.

Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку. «Утопія» (*) будетъ всегда мечтою добраго сердца или можетъ исполниться неприметнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ счастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственныя потрясенія гибельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно, конечно, имѣетъ свой планъ; въ Его рукѣ сердца государей—и довольно.

Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой перемѣны и живутъ тихо. Французская монархія производила великихъ государей, великихъ министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ; подъ ея мирною сѣнію возрастали науки и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей; бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ.... Но дерзкіе подняли сѣкиру на священное дерево, говоря: «мы лучше сдѣлаемъ!»

Новые республиканцы съ порочными сердцами! разверните Плутарха, и вы услышите отъ древняго, величайшаго, добродѣтельнаго республиканца, Катона, что «безначаліе хуже всякой власти!» ([17]).

г) О французской трагедіи. ([18]).

На такъ называемомъ Французскомъ Театрѣ играютъ трагедіи, драмы и большія комедіи. Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, немногихъ) Нѣмцевъ. Французскіе поэты имѣютъ тонкій, нѣжный вкусъ и въ искуствѣ писать могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго чувства натуры—простите мнѣ, священныя тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ!—должны они уступить преимущество Англичанамъ и Нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большой части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ «mes feux», «ma foi»; вездѣ Греки и Римляне à la française, которые таютъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами и, теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ автора прекрасныхъ стиховъ, des vers à retenir; они прославляютъ піесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели важностію приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными положеніями (situations), и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою (*).

(*) Или «царство счастія», сочиненіе Моруса.

(*) Я прошу знатоковъ французскаго театра найти мнѣ въ Корнелѣ или въ Расинѣ что нибудь подобное—напримѣръ симъ Шекспировымъ стихамъ, въ устахъ старца Леара, изгнаннаго собственными дѣтьми его, которымъ отдалъ онъ свое царство, свою корону,

Коротко сказать, творенія французской Мельпомены славны—и будутъ всегда славны—красотою слога и блестящими стихами; но если трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу: то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ, можетъ быть, ни двухъ истинныхъ трагедій, и д'Аланбертъ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ піесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра.

д) О Шекспирѣ.

Въ драматической поэзіи Англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного автора; но этотъ авторъ есть Шекспиръ, и Англичане богаты!

Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеровымъ, но и съ самымъ обыкновеннымъ умомъ; кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ я не хочу и спорить. Забавные Шекспировы критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: какой смѣшной! какой чудакъ!

Всякій авторъ ознаменованъ печатію своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самый великій геній не можетъ взять мѣръ своихъ. Но всякій истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности; современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, откровеніе человѣческаго сердца и великія мысли, разсѣянныя въ драмахъ британскаго генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини Фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ, гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творитъ чудеса!

е) Кронштадтъ, 1790.

Берегъ! отечество! благословляю васъ! Я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои! Всѣхъ останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать русскихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштадта; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній трактиръ можно назвать гостинницею нищихъ; но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища: записки, счеты, книги, камешки, сухія травки и вѣтви, напоминающія мнѣ или сокрытіе Роны, la perte du Rhone, или могилу отца Лоренза, или густую иву, подъ которою Англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи

свое величіе,—скитающагося въ бурпую ночь по лѣсамъ и пустынямъ:

«Шумите, вѣтры! свирѣпствуй, буря! Сѣрные, быстрые огни, предтечи разрушительныхъ ударовъ, лейте пламя на бѣлую главу мою!... Громы, громы! сокрушите зданіе міра; сокрушите образъ натуры и человѣка, неблагодарнаго человѣка!... Не жалуюсь на вашу свирѣпость, разъяренныя стихіи! Я не отдавалъ вамъ царства, не именовалъ васъ милыми дѣтьми своими! И такъ, свирѣпствуйте по волѣ! Разите—се я, рабъ вашъ, бѣдный, слабый, изнуренный старецъ, отверженный отъ человѣчества!»

Они раздираютъ душу; они гремятъ подобно тому грому, который въ нихъ описывается, и потрясаютъ сердце читателя. Но что же даетъ имъ сію ужасную силу? Чрезвычайное положеніе царственнаго изгнанника, живая картина бѣдственной судьбы его. И кто послѣ того спроситъ еще: какой характеръ, какую душу имѣлъ Леаръ?

свои! Согласитесь, что всѣ на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною!

Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіе осьмнадцати мѣсяцевъ! Оно черезъ 20 лѣтъ (если столько проживу на свѣтѣ) будетъ для меня еще пріятно—пусть для меня одного! Загляну и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что человѣку (между нами будь сказано) занимательнѣе самого себя?... Почему знать? можетъ быть, и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ эскизахъ; можетъ быть, и другіе.... но это ихъ, а не мое дѣло.

А вы, любезные, скорѣе, скорѣе приготовьте мнѣ опрятную хижинку, въ которой я могъ бы на свободѣ веселиться китайскими тѣнями моего воображенія, грустить съ моимъ сердцемъ и утѣшаться съ друзьями!

Ж. Бѣдная Лиза (1792). ([19])

Можетъ быть, никто изъ живущихъ въ Москвѣ не знаетъ такъ хорошо окрестностей города сего, какъ я, потому что никто чаще моего не бываетъ въ полѣ, никто болѣе моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли—куда глаза глядятъ—по лугамъ и рощамъ, по холмамъ и равнинамъ. Всякое лѣто нахожу новыя пріятныя мѣста или въ старыхъ новыя красоты.

Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на которомъ возвышаются мрачныя, готическія башни Симонова монастыря. Стоя на сей горѣ, видишь на правой сторонѣ почти всю Москву, сію ужасную громаду домовъ и церквей, которая представляется глазамъ въ образѣ величественнаго амфитеатра: великолѣпная картина, особливо когда свѣтитъ на нее солнце; когда вечерніе лучи его пылаютъ на безчисленныхъ златыхъ куполахъ, на безчисленныхъ крестахъ, къ небу возносящихся! Внизу разстилаются тучные, густозеленые, цвѣтущіе ([20]) луга; а за ними, по желтымъ пескамъ, течетъ свѣтлая рѣка, волнуемая легкими веслами рыбачьихъ лодокъ или шумящая подъ рулемъ грузныхъ струговъ, которые плывутъ отъ плодоноснѣйшихъ странъ россійской имперіи и надѣляютъ алчную Москву хлѣбомъ. На другой сторонѣ рѣки видна дубовая роща, подлѣ которой пасутся многочисленныя стада; тамъ молодые пастухи, сидя подъ тѣнію деревъ, поютъ простыя, унылыя пѣсни и сокращаютъ тѣмъ лѣтніе дни, столь для нихъ единообразные. Подалѣе, въ густой зелени древнихъ вязовъ, блистаетъ златоглавый Даниловъ монастырь; еще далѣе, почти на краю горизонта, синѣются Воробьевы горы. На лѣвой же сторонѣ видны обширныя, хлѣбомъ покрытыя поля, лѣсочки, три или четыре деревеньки, и вдали село Коломенское съ высокимъ дворцомъ своимъ.

Часто прихожу на сіе мѣсто, и почти всегда встрѣчаю тамъ весну; туда же прихожу и въ мрачные дни осени, горевать вмѣстѣ съ природою. Страшно воютъ вѣтры въ стѣнахъ опустѣвшаго монастыря, между гробовъ, заросшихъ высокою травою, и въ темныхъ переходахъ келлій. Тамъ, опершись на развалины гробныхъ камней, внимаю глухому стону временъ, бездною минувшаго поглощенныхъ—стону, отъ котораго сердце мое содрогается и трепещетъ. Иногда вхожу въ келліи и представляю себѣ тѣхъ, которые въ нихъ жили—печальныя картины! Здѣсь вижу сѣдаго старца, преклонившаго колѣни передъ распятіемъ и молящагося о скоромъ разрѣшеніи земныхъ оковъ своихъ; ибо всѣ удовольствія исчезли для него въ жизни, всѣ чувства его умерли, кромѣ чувства болѣзни и слабости. Тамъ юный монахъ, съ блѣднымъ лицемъ, съ томнымъ взоромъ, смотритъ въ поле сквозь рѣшетку окна,

видитъ веселыхъ птичекъ, свободно плавающихъ въ морѣ воздуха—видитъ, и проливаетъ горькія слезы изъ глазъ своихъ. Онъ томится, вянетъ, сохнетъ—и унылый звонъ колокола возвѣщаетъ мнѣ безвременную смерть его. Иногда на вратахъ храма разсматриваю изображеніе чудесъ, въ семъ монастырѣ случившихся: тамъ рыбы падаютъ съ неба для насыщенія жителей монастыря, осажденнаго многочисленными врагами; тутъ образъ Богоматери обращаетъ непріятелей въ бѣгство. Все сіе обновляетъ въ моей памяти исторію нашего отечества—печальную исторію тѣхъ временъ, когда свирѣпые Татары и Литовцы огнемъ и мечемъ опустошали окрестности россійской столицы, и когда несчастная Москва, какъ беззащитная вдовица, отъ одного Бога ожидала помощи въ лютыхъ своихъ бѣдствіяхъ.

Но всего чаще привлекаетъ меня къ стѣнамъ Симонова монастыря воспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы, бѣдной Лизы. Ахъ! я люблю тѣ предметы, которые трогаютъ мое сердце и заставляютъ меня проливать слезы нѣжной скорби!

Саженяхъ въ семидесяти отъ монастырской стѣны, подлѣ березовой рощицы, среди зеленаго луга, стоитъ пустая хижина, безъ дверей, безъ окончинъ, безъ полу; кровля давно сгнила и обвалилась. Въ сей хижинѣ, лѣтъ за тридцать передъ симъ, жила прекрасная, любезная Лиза съ старушкою, матерью своею.

Отецъ Лизинъ былъ довольно зажиточный поселянинъ, потому что онъ любилъ работу, пахалъ хорошо землю и велъ всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обѣднѣли. Лѣнивая рука наемника худо обработывала поле, и хлѣбъ пересталъ хорошо родиться. Онѣ принуждены были отдать свою землю въ наемъ, и за весьма небольшія деньги. Къ тому же бѣдная вдова, почти безпрестанно проливая слезы о смерти мужа своего—ибо и крестьянки любить умѣютъ!—день ото дня становилась слабѣе и совсѣмъ не могла работать. Одна Лиза, которая осталась послѣ отца пятнадцати лѣтъ, одна Лиза, не щадя своей нѣжной молодости, не щадя рѣдкой красоты своей, трудилась день и ночь: ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цвѣты, а лѣтомъ брала ягоды, и продавала ихъ въ Москвѣ. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее къ слабо-біющемуся сердцу, называла божескою милостію, кормилицею, отрадою старости своей, и молила Бога, чтобы Онъ наградилъ ее за все то, что она дѣлаетъ для матери. «Богъ далъ мнѣ руки, чтобы работать (говорила Лиза): ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенкомъ; теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживятъ батюшки». Но часто нѣжная Лиза не могла удержать собственныхъ слезъ своихъ—ахъ! она помнила, что у нея былъ отецъ, и что его не стало; но для успокоенія матери старалась таить печаль сердца своего и казаться покойною и веселою. «На томъ свѣтѣ, любезная Лиза (отвѣчала горестная старушка), на томъ свѣтѣ перестану я плакать. Тамъ, сказываютъ, будутъ всѣ веселы; я, вѣрно, весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть—что съ тобою безъ меня будетъ? на кого тебя покинуть? Нѣтъ, дай Богъ прежде пристроить тебя къ мѣсту! Можетъ быть, скоро сыщется добрый человѣкъ. Тогда, благословя васъ, милыхъ дѣтей моихъ, перекрещусь и спокойно лягу въ сырую землю».

3. ЦВѢТОКЪ НА ГРОБЪ МОЕГО АГАТОНА (1793). [21].

Нѣтъ Агатона!... Нѣтъ моего друга! Читатель! ты не зналъ его—онъ не былъ

ни богатъ, ни знатенъ—онъ былъ человѣкъ, благородный по душѣ своей, украшенный одними достоинствами, не чинами, не блескомъ роскоши,—и сіи достоинства таились подъ завѣсою скромности.

Но его уже нѣтъ! Горестная дружба можетъ теперь сказать, чего она лишилась, о чемъ проливаетъ слезы и вѣчно проливать будетъ!

Такъ, за долгъ, за самый священный долгъ почитаю сказать всякому нѣжному сердцу, всякому, кто любитъ человѣчество и кто умѣетъ цѣнить его, что въ нашемъ хладномъ сѣверномъ отечествѣ, гдѣ природа не весьма щедрою рукою разсыпаетъ благіе дары свои, родился и жилъ такой человѣкъ, котораго душа была бы украшеніемъ самой Греціи, отечества Сократовъ и Платоновъ, благословеннѣйшей страны подъ солнцемъ!

А вы, мрачныя души, вы не можете разумѣть меня. Оставьте печальнаго! оставьте сіи безпорядочныя строки, орошаемыя моими слезами! Не для васъ изливаю горесть свою и не требую вашего одобренія. Когда сердце мое превратится въ камень; когда огнь чувства угаснетъ въ груди моей(22); когда, забывъ святую истину, паду ницъ предъ златыми кумирами человѣческихъ заблужденій: тогда будете вы друзьями моими; тогда перо мое посвятится вашему удовольствію; тогда удостоите меня благопріятной улыбки своей. Теперь мы чужды другъ другу, и горесть моя не можетъ васъ тронуть.

Въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ жизни нашей мы увидѣли и полюбили другъ друга. Я полюбилъ въ Агатонѣ мудраго юношу, котораго разумъ украшался лучшими знаніями человѣчества, котораго сердце образовано было нѣжною рукою Музъ и Грацій. Что онъ полюбилъ во мнѣ, не знаю: можетъ быть пламенное усердіе къ добру, непритворную любовь ко всему изящному, простое сердце, не совсѣмъ испорченное воспитаніемъ, искренность, нѣкоторую живость, нѣкоторый жаръ чувства. Я нашелъ въ немъ то, что съ самаго ребячества было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія—человѣка, которому могъ я открывать всѣ милыя свои надежды, всѣ тайныя сомнѣнія, который могъ разсуждать и чувствовать со мною, показывать мнѣ мои заблужденія и научать меня не повелительнымъ голосомъ учителя, но съ любезною кротостію снисходительнаго друга; однимъ словомъ, я нашелъ въ немъ сокровище, особливый даръ Неба, который не всякому смертному въ удѣлъ достается—и время нашего знакомства, нашего дружества будетъ всегда важнѣйшимъ періодомъ жизни моей.

Свѣтъ былъ тогда чуждъ и мнѣ и ему: ему еще болѣе, нежели мнѣ, но мы любили книги и не думали о свѣтѣ; имѣли немного, немногимъ были довольны, и не чувствовали недостатка. Прелести разума, прелести душевныя казались намъ всего любезнѣе: ими плѣнялись мы, ими въ твореніяхъ великихъ умовъ наслаждались и нерѣдко за Оссіаномъ, Шекспиромъ, Боннетомъ просиживали половину зимнихъ ночей. Часто духъ нашъ на крыльяхъ воображенія облеталъ небесныя пространства, гдѣ Оріонъ и Сиріусъ въ златыхъ вѣнцахъ сіяютъ; тамъ искали мы нѣжныхъ друзей своему сердцу, и часто заря утренняя красила восточное небо, когда я разставался съ Агатономъ и возвращался домой съ покойною душою, съ новыми знаніями или съ новыми идеями.

Если когда нибудь осмѣлюсь я слабымъ перомъ своимъ начертать исторію моихъ мыслей, тогда опишу, можетъ быть, и нѣкоторыя изъ тѣхъ ночныхъ бесѣдъ, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія; пе-

чать молчанія хранитъ ихъ теперь въ груди моей.

Въ семъ искреннемъ сообщеніи душъ нашихъ пріобрѣлъ я и нѣкоторое эстетическое чувство, нужное для любителей литературы. Вѣрный вкусъ друга моего (отличавшій съ великою тонкостію посредственное отъ изящнаго, изящное отъ превосходнаго, выученное отъ природнаго, ложныя дарованія отъ истинныхъ) былъ для меня свѣтильникомъ въ искуствѣ и поэзіи. Восхищенный красотою цвѣтовъ, растущихъ на семъ полѣ, дерзалъ я иногда младенческими руками образовать нѣчто подобное онымъ и незрѣлыя свои мысли изливать на бумагу; онъ былъ первымъ моимъ судьею, и хотя замѣчалъ недостатки, однако же, по снисхожденію и нѣжности своей, ободрялъ меня въ сихъ упражненіяхъ. Ахъ! я жалѣю о томъ человѣкѣ, который занимается литературою и не имѣетъ знающаго друга!

Но никогда не хотѣлъ Агатонъ испытывать дарованій своихъ въ собственныхъ сочиненіяхъ. Тихій кругъ читателей нравился ему лучше, нежели заботливое состояніе автора, котораго спокойствіе нерѣдко зависитъ отъ людскаго сужденія. Великіе образцы были у него передъ глазами. Надлежитъ или сравняться съ ними (думалъ онъ), или не выходить на сцену; первое казалось ему труднымъ, и для того онъ молчалъ. Но разные переводы, имъ изданные, доказываютъ, что слогъ его былъ превосходенъ.

Одинакіе вкусы могутъ быть при различныхъ свойствахъ души. Агатонъ и я любили одно, но любили различнымъ образомъ. Гдѣ онъ одобрялъ съ покойною улыбкою, тамъ я восхищался; огненной пылкости моей противополагалъ онъ холодную свою разсудительность; я былъ мечтатель, онъ дѣятельный философъ. Часто, въ меланхолическихъ припадкахъ, свѣтъ казался мнѣ унылъ и противенъ, и часто слезы лились изъ глазъ моихъ: но онъ никогда не жаловался, никогда не вздыхалъ и не плакалъ; всегда утѣшалъ меня, но самъ никогда не требовалъ утѣшенія. Я былъ чувствителенъ, какъ младенецъ; онъ былъ твердъ, какъ мужъ: но онъ любилъ мое младенчество такъ же, какъ я любилъ его мужество. Разные тоны составляютъ гармонію, всегда пріятную для слуха; монотонія бываетъ утомительна — и два человѣка совершенно одинакихъ свойствъ всего скорѣе наскучатъ другъ другу ([23]).

II. МЕЛОДОРЪ КЪ ФИЛАЛЕТУ.
(1794). ([24]).

Пять лѣтъ мы не видались: сколько времени! Сколько перемѣнъ въ свѣтѣ— и въ сердцахъ нашихъ!... Тысячи мыслей волнуются въ душѣ моей. Я хотѣлъ бы вдругъ перелить ихъ въ твою душу, безъ помощи словъ, которыхъ искать надобно; хотѣлъ бы открыть тебѣ грудь мою, чтобы ты собственными глазами могъ читать въ ней сокровенную исторію друга твоего и видѣть — прости мнѣ смѣлое выраженіе — видѣть всѣ развалины надеждъ и плановъ, надъ которыми въ тихіе часы ночи сѣтуетъ нынѣ духъ мой, подобно страннику, воздыхающему на развалинахъ Иліона, стовратныхъ Ѳивъ или великолѣпнаго греческаго храма, когда блѣдный свѣтъ луны освѣщаетъ ихъ!

Помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда разсуждали о нравственномъ мірѣ, ловили въ исторіи всѣ благородныя черты души человѣческой, питали въ груди своей эѳирное пламя любви, котораго вѣяніе возносило насъ къ небесамъ, и, проливая сладкія слезы, восклицали: «человѣкъ великъ духомъ своимъ! Божество обитаетъ въ его сердцѣ!» Помнишь, какъ мы, сличая разныя вре-

мена, древнія съ новыми, искали и находили доказательство любезной намъ мысли, что родъ человѣческій возвышается, и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается къ духовному совершенству. Ахъ! съ какою нѣжностію обнимали мы въ душѣ своей всѣхъ земнородныхъ, какъ милыхъ дѣтей небеснаго Отца! Радость сіяла на лицахъ нашихъ—и свѣтлый ручеекъ, и зеленая травка, и алый цвѣточекъ, и поющая птичка, все, все насъ веселило! Природа казалась намъ обширнымъ садомъ, въ которомъ зрѣетъ божественность человѣчества.

Кто болѣе насъ славилъ преимущества осьмагонадесять вѣка: свѣтъ философіи, смягченіе нравовъ, тонкость разума и чувства, размноженіе жизненныхъ удовольствій, всемѣстное распространеніе духа общественности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, кротость правленій, и проч., и проч.? Хотя и являлись еще нѣкоторыя черныя облака на горизонтѣ человѣчества, но свѣтлый лучъ надежды златилъ уже края оныхъ предъ нашимъ взоромъ,—надежды: «все исчезнетъ, и царство общей мудрости настанетъ, рано или поздно настанетъ, и блаженъ тотъ изъ смертныхъ, кто въ краткое время жизни своей успѣлъ разсѣять хотя одно мрачное заблужденіе ума человѣческаго, успѣлъ хотя однимъ шагомъ приблизить людей къ источнику всѣхъ истинъ, успѣлъ хотя единое плодоносное зерно добродѣтели вложить рукою любви въ сердце чувствительныхъ, и такимъ образомъ ускорилъ ходъ всемірнаго совершенія!»

Конецъ нашего вѣка почитали мы концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее соединеніе теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣятельностію; что люди, увѣрясь нравственнымъ образомъ въ изящности законовъ чистаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности и, подъ сѣнію мира, въ кровѣ тишины и спокойствія, насладятся истинными благами жизни.

О Филалетъ! гдѣ теперь сія утѣшительная система? Она разрушилась въ своемъ основаніи!

Осьмойнадесять вѣкъ кончается: что же видишь ты на сценѣ міра? Осьмойнадесять вѣкъ кончается, и несчастный филантропъ (*) мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобы лечь въ ней съ обманутымъ, растерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза навѣки!

Кто могъ думать, ожидать, предчувствовать? Мы надѣялись скоро видѣть человѣчество на горней степени величія, въ вѣнцѣ славы, въ лучезарномъ сіяніи, подобно ангелу Божію, когда онъ, по священнымъ сказаніямъ, является очамъ добрыхъ съ небесною улыбкою, съ мирнымъ благовѣстіемъ! Но вмѣсто сего восхитительнаго явленія видимъ—фурій съ грозными пламенниками!

Гдѣ люди, которыхъ мы любили? Гдѣ плодъ наукъ и мудрости? Гдѣ возвышеніе кроткихъ, нравственныхъ существъ, сотворенныхъ для счастія? Вѣкъ просвѣщенія! я не узнаю тебя: въ крови и пламени не узнаю тебя, среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя!... Небесная красота прельщала взоръ мой, воспаляла мое сердце нѣжнѣйшею любовію; въ сладкомъ упоеніи стремился къ ней духъ мой; но небесная красота исчезла—змѣи шипятъ на ея мѣстѣ! Какое превращеніе!

Свирѣпая война опустошаетъ Европу, столицу искуствъ и наукъ, хранилище всѣхъ драгоцѣнностей ума человѣческаго: драгоцѣнностей, собранныхъ вѣками; драгоцѣнностей, на которыхъ основывались всѣ планы мудрыхъ и добрыхъ! И не только милліоны погибаютъ; не только города и села исчезаютъ въ пламени; не

(*) То есть, другъ людей.

только благословенныя, цвѣтущія страны (гдѣ щедрая натура отъ начала міра изливала изъ полной чаши лучшіе дары свои) въ горестныя пустыни превращаются— сего не довольно: я вижу еще другое, ужаснѣйшее зло для бѣднаго человѣчества.

«Мизософы (*) торжествуютъ. «Вотъ плоды вашего просвѣщенія!» говорятъ они: «вотъ плоды вашихъ наукъ, вашей мудрости! Гдѣ воспылалъ огнь раздора, мятежа и злобы? Гдѣ первая кровь обагрила землю? и за что?... И откуда взялись сіи пагубныя идеи?... Да погибнетъ же ваша философія!» И бѣдный, лишенный отечества, и бѣдный, лишенный крова, и бѣдный, лишенный отца, или сына, или друга, повторяетъ: да погибнетъ! И доброе сердце, раздираемое зрѣлищемъ лютыхъ бѣдствій, въ горести своей повторяетъ: да погибнетъ! А сіи восклицанія могутъ составить наконецъ общее мнѣніе: вообрази же слѣдствія!

Кровопролитіе не можетъ быть вѣчно: я увѣренъ. Рука, сѣкущая мечемъ, утомится; сѣра и селитра истощатся въ нѣдрахъ земли, и громы умолкнутъ; тишина рано или поздно настанетъ, но какова будетъ тишина сія? Если мертвая, хладная, мрачная?

I. ФИЛАЛЕТЪ КЪ МЕЛОДОРУ. (1794).

Мой другъ! письмо твое ознаменовано печатію меланхоліи. Ты безпокоенъ, ты печаленъ; сердце твое страдаетъ, милыя надежды твои исчезли; ты ищешь на театрѣ міра—и не находишь тѣхъ благородныхъ существъ, тѣхъ людей, которыхъ нѣкогда любили мы съ такимъ жаромъ. Однимъ словомъ, новыя ужасныя происшествія Европы разрушили всю прежнюю утѣшительную систему твою, разрушили, и повергнули тебя въ море неизвѣстности и недоумѣній: мучительное состояніе для умовъ дѣятельныхъ!

(*) Ненавистники наукъ.

Мелодоръ! я не надѣюсь утѣшить тебя совершенно, не надѣюсь сказать тебѣ ничего новаго; но любовь имѣетъ особливую силу, и всякій даръ любви, и всякое слово любви производитъ благое дѣйствіе. Часто самая простая мысль, согрѣтая огнемъ дружбы, бываетъ яркимъ лучемъ свѣта, разсѣвающимъ густую, хладную тьму сердца нашего.

Подобно тебѣ, смотрю я внимательнымъ окомъ на всѣ явленія въ мірѣ; вздыхаю, подобно тебѣ, о бѣдствіяхъ человѣчества и признаюсь искренно, что грозныя бури нашихъ временъ могутъ поколебать систему всякаго добродушнаго философа.

Но неужели, другъ мой, не найдемъ мы никакого успокоенія во глубинѣ сердецъ нашихъ? Ужели, въ отчаяніи горести, будемъ проклинать міръ, природу и человѣчество? Ужели откажемся навѣки отъ своего разума и погрузимся во тьму унынія и душевнаго бездѣйствія? Нѣтъ, нѣтъ! сіи мысли ужасны. Сердце мое отвергаетъ ихъ и, сквозь густоту ночи, стремится къ благотворному свѣту, подобно мореплавателю, который въ гибельный часъ кораблекрушенія, въ часъ, когда всѣ стихіи угрожаютъ ему смертію, не теряетъ надежды, сражается съ волнами и хватается рукою за плывущую доску.

Такъ, Мелодоръ! я хочу спастись отъ кораблекрушенія съ моимъ добрымъ мнѣніемъ о Провидѣніи и человѣчествѣ, мнѣніемъ, которое составляетъ драгоцѣнность души моей. Пусть міръ разрушится на своемъ основаніи: я съ улыбкою паду подъ смертоносными громами, и улыбка моя, среди всеобщихъ ужасовъ, скажетъ Небу: «Ты благо и премудро; благо твореніе руки твоей; благо сердце человѣческое, изящнѣйшее произведеніе любви божественной!»

Уничтожься навѣки мысленная и чувствительная сила моя, прежде нежели повѣрю, что сей міръ есть пещера разбойниковъ и злодѣевъ, добродѣтель—

чуждое растеніе на земномъ шарѣ, просвѣщеніе—острый кинжалъ въ рукахъ убійцы! Нѣтъ, мой другъ! пусть докажутъ мнѣ напередъ, что Богъ не существуетъ; что Провидѣніе есть одно слово безъ значенія; что мы дѣти случая, слѣпленіе атомовъ и болѣе ничего! Но гдѣ же тотъ безумный извергъ, который захотѣлъ бы увѣрить меня въ сихъ страшныхъ нелѣпостяхъ? Я взгляну на сафирное небо, взгляну на цвѣтущую землю, положу руку на сердце и скажу атеисту: ты безумецъ!

Неужели, видя Бога въ естественномъ мірѣ, видя руку Его въ теченіи планетъ, въ порядкахъ солнечныхъ, въ перемѣнѣ годовыхъ временъ и во всѣхъ физическихъ явленіяхъ нашей земной обители, будемъ мы отрицать Его содѣйствіе въ одномъ нравственномъ мірѣ, который по существу своему долженъ быть, если смѣю сказать, ближе перваго къ сердцу великаго Божества? Соглашаюсь, что порядокъ нравственный не столь ясенъ для насъ, какъ порядокъ физическій; но сіе затрудненіе не происходитъ ли отъ слабости нашего разума? Можетъ быть, единственно отъ того мы и не постигаемъ нравственной гармоніи, что она есть высочайшая, совершеннѣйшая. Дай несвѣдущему творенія Локковы: что онъ скажетъ объ нихъ? Дай ему сказку Кребильонову: онъ восхитится ею. Послѣдняя хороша въ своемъ родѣ; но въ ней ли наиболѣе удивляетъ насъ умъ человѣческій? Можетъ быть, то, что кажется смертному великимъ неустройствомъ, есть чудесное согласіе для ангеловъ; можетъ быть, то, что кажется намъ разрушеніемъ, есть для ихъ небесныхъ очей новое, совершеннѣйшее бытіе [25]. Сіи мысли ведутъ меня ко святилищу божественной премудрости, густымъ мракомъ окруженному; духъ мой, бренною плотію одѣянный, не можетъ проникнуть въ оное; упадаю во прахъ своего ничтожества и въ младенческомъ сердцѣ обожаю Всетворящаго.

Скажи, мой другъ, скажи, чего бы нельзя было ожидать отъ Всевышняго и тогда, когда бъ рука Его возжгла только единое солнце на голубомъ небесномъ сводѣ? Но тамъ горятъ ихъ билліоны. Тотъ, Кто великолѣпно прославилъ Себя въ натурѣ, великолѣпно прославитъ Себя и въ человѣчествѣ. Не будемъ требовать отъ вѣчной Премудрости отчета въ темныхъ путяхъ Ея; не будемъ требовать того для собственнаго нашего спокойствія! Знаешь ли, что всего болѣе плѣняетъ меня въ дружбѣ? Довѣренность, которую два сердца имѣютъ одно къ другому. Пусть гнусное злословіе всѣми стрѣлами своими язвитъ отдаленнаго Питіаса: Дамонъ внимаетъ клеветѣ и съ презрѣніемъ отвергаетъ ее (*). «Нѣтъ! я знаю моего друга: гдѣ бы онъ ни былъ, добродѣтель вездѣ съ нимъ; что бы онъ ни сдѣлалъ, дѣло его не преступленіе». Мелодоръ! для чего къ Провидѣнію не имѣть намъ той довѣренности, которую два человѣка могутъ имѣть одинъ къ другому? Богъ вложилъ чувство въ наше сердце; Богъ вселилъ въ мою и въ твою душу ненависть ко злобѣ, любовь къ добродѣтели: сей Богъ, конечно, обратитъ все къ цѣли общаго блага.

К. Изъ смѣси Московскихъ Вѣдомостей 1795 г. [26].

а) Юношество и мужество.

Человѣкъ въ 40 лѣтъ, подобно юношѣ, гоняется еще за весельемъ, но болѣе по привычкѣ, нежели по охотѣ, воспоминаетъ прошедшія удовольствія, сравниваетъ ихъ съ настоящими, чувствуетъ разницу и вздыхаетъ. Къ тому же въ самое сіе время раждаются заботы, слѣдствіе избраннаго нами состоянія въ гражданской жизни; мы болѣе узнаемъ людей, терпимъ болѣе отъ ихъ несправедливости, отъ ихъ злобы; боимся презрѣнія, боимся

(*) Дамонъ и Питіасъ—славные друзья въ древности.

ненависти, и душа отъ великаго напряженія ослабѣваетъ. Когда же опыты научатъ насъ менѣе уважать людское мнѣніе и болѣе любить свое внутреннее спокойствіе; когда человѣкъ скажетъ самому себѣ: зло въ свѣтѣ неминуемо! когда сердце, натерпѣвшись горести, сдѣлается уже не такъ чувствительно къ боли, какъ прежде: тогда начинаемъ мы на все смотрѣть равнодушно и теряемъ охоту къ дѣятельности. Слава, божество великихъ душъ, слава, которая вдали представлялась намъ лучезарною цѣлію и до которой старались мы достигнуть разными блестящими дѣйствіями, кажется тогда ничтожнымъ привидѣніемъ. Лѣность заступаетъ мѣсто честолюбія, лѣность, ведущая за собою скуку, отъ которой и самая мудрость не можетъ избавить умнаго, мыслящаго человѣка.

б) Разсужденіе философа, историка и гражданина.

Философъ.

Счастіе обитаетъ въ моемъ сердцѣ. Земля не принадлежитъ мнѣ; но я имѣю способность мыслить и могу управлять моими склонностями. Когда желанія и потребности мои находятся въ счастливомъ согласіи, когда разумъ мой повелѣваетъ чувствами, тогда я существую нравственно. Гнушаясь сладострастіемъ, презирая суетное честолюбіе, живу въ спокойствіи духа и славословлю Всевышняго. Человѣкъ сотворенъ быть не ученымъ, а благоразумнымъ. Умъ есть фаросъ жизни его; умъ, который велитъ мнѣ сносить терпѣливо несправедливость людей, запрещаетъ мстить, усмиряетъ всякое сердечное волненіе и приводитъ страсти мои въ то пріятное равновѣсіе, которое называется добродѣтелію. Однимъ словомъ, философъ въ чувственныхъ удовольствіяхъ не забываетъ своей мудрости, а въ мудрости помнитъ о своемъ человѣчествѣ.

Историкъ.

Гордые мудрецы! вы хотите въ самихъ себѣ найти путь къ истинѣ? Нѣтъ, нѣтъ! не тамъ его искать должно! Поднимите смѣлою рукою завѣсу временъ прошедшихъ: тамъ, среди гибельныхъ заблужденій человѣчества; тамъ, среди развалинъ и запустѣнія, увидите мало извѣстную стезю, ведущую къ великолѣпному храму истинной мудрости и счастливыхъ успѣховъ. Опытъ есть привратникъ его и немногими словами открываетъ важнѣйшія тайны тѣмъ героямъ, которые входятъ во внутренность храма. Философъ теряется въ системахъ; ораторъ излишне надѣется на суетный блескъ краснорѣчія. Историкъ напоминаетъ дѣянія... и умолкаетъ. Картины его полезны для всѣхъ вѣковъ, для всѣхъ народовъ, для всѣхъ состояній; злодѣй трепещетъ его пера и нерѣдко обращается на путь добродѣтели.

Гражданинъ.

Служить отечеству любезному; быть нѣжнымъ сыномъ, супругомъ, отцомъ; хранить, пріумножать стараніемъ и трудами наслѣдіе родительское—есть священный долгъ моего сердца, есть слава моя и добродѣтель. Богу не угодно было даровать мнѣ разума проницательнаго, мудрости глубокомысленной; но Онъ даровалъ мнѣ способность наслаждаться и быть полезнымъ. Когда жестокая буря опустошаетъ мои нивы, я не ищу въ умѣ своемъ тайной причины зла естественнаго, но говорю самъ себѣ: благость всевышняя наградитъ меня за претерпѣніе! Работа, и въ самой нищетѣ, будетъ всегда моею надеждою, помощію, спасеніемъ.

Л. ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОЙ КНИЖКѢ АОНИДЪ (1797). (17).

Поэзія состоитъ не въ надутомъ описаніи ужасныхъ сценъ натуры, но въ живости мыслей и чувствъ. Если стихотво-

рецъ пишетъ не о томъ, что подлинно занимаетъ его душу; если онъ не рабъ, а тиранъ своего воображенія, заставляя его гоняться за чуждыми, отдаленными, несвойственными ему идеями; если онъ описываетъ не тѣ предметы, которые къ нему близки и собственною силою влекутъ къ себѣ его воображеніе; если онъ принуждаетъ себя или только подражаетъ другому (что все одно): то въ произведеніяхъ его не будетъ никогда живости, истины или той сообразности въ частяхъ, которая составляетъ цѣлое и безъ которой всякое стихотвореніе (не смотря даже на многія счастливыя фразы) похоже на странное существо, описанное Гораціемъ въ началѣ Эпистолы къ Пизонамъ ([28]). Молодому питомцу музъ лучше изображать въ стихахъ первыя впечатлѣнія любви, дружбы, нѣжныхъ красотъ природы, нежели разрушеніе міра, всеобщій пожаръ натуры (*) и прочее въ семъ родѣ. Не надобно думать, что одни великіе предметы могутъ воспламенять стихотворца и служить доказательствомъ дарованій его: напротивъ, истинный поэтъ находитъ въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ піитическую сторону; его дѣло наводить на все живыя краски, ко всему привязывать остроумную мысль, нѣжное чувство, или обыкновенную мысль, обыкновенное чувство украшать выраженіемъ, показывать оттѣнки, которые укрываются отъ глазъ другихъ людей, находить непримѣтныя аналогіи, сходства, играть идеями и, подобно Юпитеру (какъ сказалъ объ немъ мудрецъ Езопъ), иногда «малое дѣлать великимъ», иногда «великое дѣлать малымъ». Одинъ бомбастъ, одинъ громъ словъ только-что оглушаетъ насъ и никогда до сердца не доходитъ; напротивъ того, нѣжная мысль, тонкая черта воображенія или чувства непосредственно дѣйствуютъ на душу читателя; умный стихъ врѣзывается въ память, громкій стихъ забывается.

Не надобно также безпрестанно говорить о слезахъ, прибирая къ нимъ разные эпитеты, называя ихъ блестящими и бриліантовыми—сей способъ трогать очень ненадеженъ: надобно описать разительно причину ихъ; означить горесть не только общими чертами, которыя, будучи слишкомъ обыкновенны, не могутъ производить сильнаго дѣйствія въ сердцѣ читателя, но особенными, имѣющими отношеніе къ характеру и обстоятельствамъ поэта. Сіи-то черты, сіи подробности и сія, такъ сказать, личность увѣряютъ насъ въ истинѣ описаній—и часто обманываютъ; но такой обманъ есть торжество искуства.

M. О воспитаніи (1802). ([29]).

Можно сказать, что дѣти у насъ воспитываются лучше отцовъ своихъ; но сколько еще желаній и надеждъ, въ разсужденіи сего предмета, имѣетъ въ запасѣ патріотическое сердце! Какимъ общимъ нравственнымъ правиламъ слѣдуютъ родители въ образованіи дѣтей своихъ? Много ли у насъ характеровъ? И молодой человѣкъ съ рѣшительнымъ образомъ мыслей не есть ли рѣдкое явленіе? Давно называютъ свѣтъ бурнымъ океаномъ: но счастливъ, кто плыветъ съ компасомъ! а это дѣло воспитанія. Родители, оставляя въ наслѣдство дѣтямъ имѣніе, должны присоединять къ нему и наслѣдство своихъ опытовъ, лучшихъ идей и правилъ для счастія. Хорошо, если отецъ можетъ поручить сына мудрому наставнику; еще лучше, когда онъ самъ бываетъ его наставникомъ: ибо натура даетъ отцу такія права на юное сердце, какихъ никто другой не имѣетъ. Что мѣшаетъ родителямъ заниматься дѣтьми? по большой части свѣтская разсѣянность—дѣйствіе полупросвѣщенія въ людяхъ и въ государствахъ.

(*) Къ издателю прислано было сочиненіе, подъ титуломъ: «Конецъ міровъ»; оно показалось ему слишкомъ ужасно для «Аонидъ».

Взглянемъ на великихъ мужей, одаренныхъ превосходными талантами ума: всѣ они— не знаю, будетъ ли исключеніе—всѣ они, говорю, любятъ семейственныя удовольствія. Взглянемъ и на самые народы: Англія есть, безъ сомнѣнія, просвѣщеннѣйшая земля въ Европѣ, и нигдѣ люди не наслаждаются столько пріятностями тихой домашней жизни, какъ въ Англіи. Просвѣщеніе цѣнитъ удовольствія и выбираетъ лучшія: а могутъ ли ничтожныя свѣтскія забавы сравняться съ нѣжными чувствами супруга и родителя, который, давъ жизнь дѣтямъ, даетъ имъ и мысли и чувства; ежедневно видитъ развитіе души ихъ, веселится ими, какъ своею милою собственностію, и готовитъ свѣту украшенные нравственные образы самого себя? Совершенное просвѣщеніе находитъ средство наслаждаться временемъ, а несовершенное хочетъ только избавляться отъ него: дикій Американецъ отъ скуки цѣлый день качается на вѣтвяхъ; Европеецъ, презирая его невѣжество, отъ скуки бѣжитъ изъ дому—играть въ карты! Дни летятъ, и онъ доволенъ; но съ ними летитъ и жизнь: старость съ болѣзнію приходитъ къ намъ въ гости, и мы невольнымъ образомъ должны наконецъ поселиться дома. Новыя привычки тягостны наканунѣ смерти! Нѣжный отецъ семейства не знаетъ, по крайней мѣрѣ, сей тягости; живъ всегда дома, не имѣетъ нужды привыкать въ старости къ кабинету и на что ни взглянетъ вокругъ себя, вездѣ находитъ утѣшительныя воспоминанія; всякій бездушный предметъ есть для него старый другъ, пріятно бесѣдующій съ нимъ о минувшемъ времени. И сколь неравное право на любовь и благодарность дѣтей имѣютъ два отца, изъ которыхъ одинъ самъ воспиталъ ихъ, а другой только нанималъ учителей! Будетъ время, когда сія любовь и благодарность составятъ для насъ главное удовольствіе въ жизни: подумаемъ объ немъ заранѣе!... Я говорилъ только о счастіи заниматься воспитаніемъ дѣтей; но съ другой стороны оно есть и долгъ гражданина, обязаннаго въ семействѣ своемъ образовать достойныхъ сыновъ отечества. Въ республикахъ предписывались для того законы; родительская нѣжность считалась гражданскимъ достоинствомъ и правомъ на общественную благодарность: ибо нѣжный отецъ семейства есть всегда и нѣжный сынъ отечества, съ судьбою котораго соединена участь дѣтей его. Наконецъ скажемъ, что безъ хорошихъ отцовъ нѣтъ хорошаго воспитанія, не смотря на всѣ школы, институты и пансіоны.

Любя жить дома, мы имѣли бы болѣе способовъ заниматься не только воспитаніемъ дѣтей, но и хозяйствомъ, которое заставило бы насъ лучше соображать расходы съ доходами. Безразсудная роскошь, слѣдствіе разсѣянной жизни, вредна для государства и нравовъ. Человѣкъ, разоряясь, прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ спастись отъ бѣдности, и къ самымъ неморальнымъ; онъ скорѣе другаго можетъ притѣснить своихъ крестьянъ, и, питая гнусную алчность ростовщиковъ, по неволѣ обманываетъ честныхъ заимодавцевъ; довѣренность истребляется, и невинный терпитъ за виновнаго. Мы нерѣдко видимъ, что самые богатые люди живутъ въ нуждѣ отъ безпорядка въ хозяйственныхъ дѣлахъ и неизвинительнаго мотовства. Ввечеру великолѣпное освѣщеніе, огромная музыка, живописныя Терпсихорины группы, и на столѣ произведенія всѣхъ частей міра; а на другой день низкіе поклоны заимодавцамъ! Хотятъ удивить иностранцевъ; хотятъ дать имъ выгодную идею о нашемъ вкусѣ, умѣ, просвѣщеніи.... Усердные любители отечественной славы! Россія увольняетъ васъ отъ такихъ патріотическихъ усилій, отъ пятидесяти сюрпризовъ въ одинъ вечеръ, и даже отъ французскихъ куплетовъ; она

требуетъ отъ васъ одной разсудительности, честности, однѣхъ гражданскихъ и семейственныхъ добродѣтелей; требуетъ, чтобы вы заставляли иностранцевъ удивляться не мотовству своему, а порядку въ вашихъ идеяхъ и домахъ: вотъ дѣйствіе истиннаго просвѣщенія! Я послалъ бы всѣхъ роскошныхъ людей на нѣсколько времени въ деревню быть свидѣтелями трудныхъ сельскихъ работъ и видѣть, чего стоитъ каждый рубль крестьянину: это могло бы излечить нѣкоторыхъ отъ суетной расточительности, платящей 100 рублей за ананасъ для десерта. «Но богатствомъ должно пользоваться». Безъ сомнѣнія. Во первыхъ, заплатите долги свои; во вторыхъ, приведите крестьянъ вашихъ, если можно, въ лучшее состояніе; а потомъ оставьте отечеству памятники вашей жизни. Сдѣлайте что-нибудь долговременное и полезное: учредите школу, госпиталь; будьте отцами бѣдныхъ и превратите въ нихъ чувство зависти въ чувство любви и благодарности; ободряйте земледѣліе, торговлю, промышленность; способствуйте удобному сообщенію людей въ государствѣ. Пусть этотъ новый каналъ, соединяющій двѣ рѣки, и сей каменный мостъ, благодѣяніе для проѣзжихъ, называется вашимъ именемъ! Тогда иностранецъ, видя столь мудрое употребленіе богатства, скажетъ: «Россіяне умѣютъ пользоваться жизнію и наслаждаться богатствомъ!»

Дворянство есть душа и благородный образъ всего народа. Я люблю воображать себѣ россійскихъ дворянъ не только съ мечемъ въ рукѣ, не только съ вѣсами Ѳемиды, но и съ лаврами Аполлона, съ жезломъ бога искуствъ, съ символами богини земледѣлія. Слава и счастіе отечества должны быть имъ особенно драгоцѣнны; слава государствъ бываетъ различная, счастіе ихъ есть сложное. Не всѣ могутъ быть воинами и судьями, но всѣ могутъ служить отечеству. Герой разитъ непріятелей или хранитъ порядокъ внутренній, судья спасаетъ невинность, отецъ образуетъ дѣтей, ученый распространяетъ кругъ свѣдѣній, богатый сооружаетъ монументы благотворенія, господинъ печется о своихъ подданныхъ, владѣлецъ способствуетъ успѣхамъ земледѣлія: всѣ равно полезны государству. Россіяне одарены отъ природы всѣмъ, что возводитъ народы на высочайшую степень гражданскаго величія: умомъ и твердымъ мужествомъ. Мы спѣшимъ къ цѣли—и, обращая взоръ на то мѣсто, гдѣ нашелъ Россіянъ Петръ, гдѣ нашла ихъ Екатерина, смѣло надѣемся, что между сею блестящею цѣлію и нами скоро не будетъ уже ни одного европейскаго народа.

Не желаю быть мечтателемъ; но въ царствованіе Александра могутъ ли добрыя желанія и патріотическія надежды быть мечтами?

II. ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ЕКАТЕРИНѢ II (1802). (30).

Екатерина-завоевательница стоитъ на ряду съ первыми героями вселенныя; міръ удивлялся блестящимъ успѣхамъ ея оружія, но Россія обожаетъ ея уставы, и воинская славѣ героини затмѣвается въ ней славою образовательницы государства. Мечъ былъ первымъ властелиномъ людей, но одни законы могли быть основаніемъ ихъ гражданскаго счастія; и, находя множество героевъ въ исторіи, едва знаемъ нѣсколько именъ, напоминающихъ разуму мудрость законодательную.

Нетерпѣливыя мысли мои спѣшатъ устремиться на многіе предметы, столь любезные уму и сердцу; но прежде означимъ главное и столь новое для Россіи благодѣяніе Екатерины, которое изъясняетъ всѣ другія и которое всѣми другими изъясняется: означимъ, такъ сказать, священный корень нашего блаженства во дни ея—сію печать, сей духъ всѣхъ ея законовъ.

Она уважила въ подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для счастія въ гражданской жизни. Петръ Великій хотѣлъ возвысить насъ на степень просвѣщенныхъ людей: Екатерина хотѣла обходиться съ нами какъ съ людьми просвѣщенными. Исторія представляетъ намъ самовластныхъ владыкъ въ видѣ грознаго божества, которое требуетъ единаго слѣпаго повиновенія, не даетъ отчета въ путяхъ своихъ: гремитъ, и смертные упадаютъ во прахъ ничтожества, не дерзая воззрѣть на всемогущество. Екатерина преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви и не только объявила торжественно, что владыки земные должны властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долголѣтнимъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину, которая отнынѣ будетъ правиломъ россійскаго трона: ибо Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель. Счастливые Россіяне нашего вѣка! вы уже не помните строгихъ, опасныхъ временъ, когда страшно было наименовать вѣнценосца; но имя Екатерины, съ самаго ея вступленія на престолъ, подобно имени благодѣтельнаго существа, изъ устъ въ уста съ любовію и радостію прелетало. Съ нею воцарились миръ въ семействахъ и веселіе въ обществахъ; всѣ души успокоились, всѣ лица оживились, и добрые подданные сказали: «Монархиня! читай въ сердцахъ нашихъ; мы не боимся, ибо мы любимъ тебя!» Хотя и оставалась еще нѣкоторая тѣнь мрачнаго, тайнаго судилища; но подъ ея собственнымъ, мудрымъ надзираніемъ оно было забыто добрыми и спокойными гражданами (*). Хотя Великая предоставила августѣйшему ея внуку безсмертную славу искоренить навѣки учрежденіе временъ несчастныхъ, ненужное въ то время, когда счастіе монарха и подданныхъ составляютъ единое, и когда любовь народная вооружена мечемъ правосудія для наказанія злыхъ умысловъ: но въ царствованіе Екатерины одни преступники, или явные враги ея, слѣдственно враги общаго благодѣйствія, страшились пустынь сибирскихъ; для однихъ извергов отверзался сей хладный гробъ живыхъ. Монархиня презирала и самыя дерзкія сужденія, когда оныя происходили единственно отъ легкомыслія и не могли имѣть вредныхъ слѣдствій для государства: ибо она знала, что личная безопасность есть первое для человѣка благо, и что безъ нея жизнь наша, среди всѣхъ иныхъ способовъ счастія и наслажденія, есть вѣчное, мучительное безпокойство. Сей кроткій духъ правленія, доказательство ея любви и самаго почтенія къ человѣчеству, долженствовалъ быть и главнымъ характеромъ уставовъ ея.

Россія имѣла многіе частные, мудрые законы, но не имѣла общаго уложенія, которое бываетъ основаніемъ государственнаго благоустройства. Обыкновенные умы довольствуются временными, случайными постановленіями: великіе хотятъ системы, цѣлаго и вѣчнаго. Чего Петръ Великій не могъ сдѣлать, то рѣшилась исполнить Екатерина. Чувствуя важность сего предпріятія, она хотѣла раздѣлить славу свою съ подданными и признала ихъ достойными быть совѣтниками трона. Повелѣвъ собраться государственнымъ чинамъ или депутатамъ изъ всѣхъ судилищъ, изъ всѣхъ частей имперіи, чтобы они предложили свои мысли о полезныхъ уставахъ для государства, Великая говоритъ: «Наше первое желаніе есть видѣть народъ россійскій столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться. Симъ учрежденіемъ даемъ ему опытъ Нашего чисто—

(*) См. указъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи въ 1762 году, октября 19.

сердечія, великія довѣренности и прямыя материнскія любви, ожидая со стороны любезныхъ подданныхъ благодарности и послушанія» (*). Воображеніе мое не можетъ представить ничего величественнѣе сего дня, когда въ древней столицѣ нашей соединились обѣ гемисферы земли, явились всѣ народы, разсѣянные въ пространствахъ Россіи, языковъ, обычаевъ и вѣръ различныхъ: потомки Славянъ—побѣдителей, Нормановъ, ужасныхъ Европѣ, и Финновъ, столь живо описанныхъ перомъ Тацитовымъ; мирные пастыри южной Россіи, лапландскіе ихтіофаги и звѣриными кожами одѣянные Камчадалы. Москва казалась тогда столицею вселенныя, и собраніе россійскихъ депутатовъ сеймомъ міра. Имъ торжественно объявили волю монархини—и Самоѣдъ удивился, слыша, что нужны законы людямъ (**)! Имъ торжественно вручили сей славный Наказъ Екатерины, писанный ею для избранной коммисіи депутатовъ, переведенный на всѣ европейскіе языки, зерцало ея великаго ума и небеснаго человѣколюбія. Никогда еще монархи не говорили съ подданными такимъ плѣнительнымъ, трогательнымъ языкомъ! Никто, никто еще изъ сѣдящихъ на тронѣ столь премудро не изъяснялся, не имѣлъ столь обширныхъ понятій о наукѣ управлять людьми, о средствахъ народнаго счастія.

Сограждане! принесемъ жертву искренности и правдѣ: скажемъ, что Великая не нашла, можетъ быть, въ умахъ той зрѣлости, тѣхъ различныхъ свѣдѣній, которыя нужны для законодательства. Да не оскорбится тѣмъ справедливая гордость народа россійскаго! Давно ли еще сіяетъ для насъ просвѣщеніе Европы? И мудрость Ликурговъ была ли когда нибудь общею? Не всегда ли великое искуство государственнаго образованія считалось небеснымъ вдохновеніемъ, извѣстнымъ только нѣкоторымъ избраннымъ душамъ? Оставляя суевѣрныя преданія древности о нимфахъ Эгеріяхъ, можемъ согласиться, что Нумы всѣхъ вѣковъ имѣли нужду въ чрезвычайныхъ откровеніяхъ генія. Сколько мудрости потребно законодателю? Сколь трудно знать человѣческое сердце, предвидѣть всѣ возможныя дѣйствія страстей, обратить къ добру ихъ бурное стремленіе или остановить твердыми оплотами, согласить частную пользу съ общею; наконецъ—послѣ высочайшихъ умозрѣній, въ которыхъ духъ человѣческій, какъ древле Моисей на горѣ Синайской, съ невидимымъ Божествомъ сообщается — спуститься въ обыкновенную сферу людей и тончайшую метафизику преобразить въ уставъ гражданскій, понятный для всякаго!

Но собраніе депутатовъ было полезно: ибо мысли ихъ открыли монархинѣ источникъ разныхъ злоупотребленій въ государствѣ. Прославивъ благую волю свою, почтивъ народъ довѣренностію, убѣдивъ его такимъ опытомъ въ ея благотворныхъ намѣреніяхъ, она рѣшилась сама быть законодательницею Россіи.

О. О НОВОМЪ ОБРАЗОВАНІИ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ (1803). ([31]).

24 января державная рука Александра подписала безсмертный указъ о заведеніи новыхъ училищъ и распространеніи наукъ въ Россіи. Сей счастливый императоръ—ибо дѣлать добро милліонамъ есть главное на землѣ блаженство—торжественно именуетъ народное просвѣщеніе важною частію государственной системы, любезною сердцу его. Многіе государи имѣли славу быть покровителями наукъ и дарованій; но едва ли кто нибудь издавалъ такой основательный,

(*) Манифестъ о собраніи депутатовъ.
(**) Сей анекдотъ извѣстенъ. Самоѣдамъ никакъ не могли изъяснить, что такое законъ.

всеобъемлющій планъ народнаго ученія, какимъ нынѣ можетъ гордиться Россія. Петръ Великій учредилъ первую академію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета первый университетъ, Великая Екатерина городскія школы; но Александръ, размножая университеты и гимназіи, говоритъ еще: «да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ!» Новая, великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи нравственнаго образованія Россіи, которое есть корень государственнаго величія и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываютъ только личною славою монарховъ,—не отечества, не народа. Россія, сильная и счастливая во многихъ отношеніяхъ, унижалась еще справедливою завистію, видя торжество просвѣщенія въ другихъ земляхъ и слабый, невѣрный блескъ его въ обширныхъ странахъ ея. Римляне, уже побѣдители вселенной, были еще презираемы Греками за ихъ невѣжество, и не силою, не побѣдами, но только ученіемъ могли наконецъ избавиться отъ имени варваровъ. Не одно народное славолюбіе—хотя оно, вопреки коварнымъ лицемѣрамъ смиренія, есть душа патріотизма—не одно народное славолюбіе терпитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: нѣтъ, онъ мѣшаетъ всякому дѣйствію благотворныхъ намѣреній правителя, на всякомъ шагу останавливаетъ его, отнимаетъ силу у великихъ, мудрыхъ законовъ, раждаетъ злоупотребленія, несправедливости и, однимъ словомъ, не позволяетъ государству наслаждаться внутреннимъ, общимъ благоденствіемъ, которое одно достойно быть цѣлію истинно великаго, то есть добродѣтельнаго монарха. Александръ, пылая святою ревностію ко счастію ввѣренныхъ ему милліоновъ, избираетъ вѣрнѣйшее, единственное средство для совершеннаго успѣха въ своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ. Онъ желаетъ просвѣтить Россіянъ, чтобы они могли пользоваться его человѣколюбивыми уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительнаго дѣйствія.

Ревностная признательность наша къ дѣламъ сего монарха не должна казаться неблагодарностію въ разсужденіи его славныхъ и великихъ предшественниковъ. Имя Петра и Екатерины будутъ вѣчно сіять въ заглавіи исторіи ума и просвѣщенія въ Россіи; но чего они не могли сдѣлать, то дѣлаетъ Александръ, который имѣетъ счастіе царствовать послѣ нихъ, и въ девятомъ—надесять вѣкѣ. Небо оставило ему славу и возможность увѣнчать ихъ безсмертныя творенія. Патріоты съ гордостію указывали иностранцамъ на великолѣпныя палаты столицъ, на знаки богатства и промышленности многочисленнаго купечества; съ гордостію вводили ихъ въ блестящія собранія нашего дворянства, въ университеты, въ академіи, въ гимназіи; но искренніе, разумные иностранцы говорили намъ: «въ Россіи уже много просвѣщенія, но еще не довольно; въ неизмѣримыхъ странахъ ея мы находили милліоны жителей, осужденныхъ на вѣчное невѣжество; они еще не умнѣе своихъ предковъ и не имѣютъ никакихъ способовъ умножать свои идеи, научаться опытами, успѣвать въ искуствѣ жизни и благородныхъ наслажденій». Русскіе отвѣтствовали имъ, что сей родъ людей по самымъ связямъ гражданскаго общества кажется осужденнымъ на печальное варварство и невѣжество; но иностранцы звали насъ въ свои земли— и мы съ изумленіемъ видѣли въ разныхъ государствахъ Европы земледѣльцевъ трудолюбивыхъ, но просвѣщенныхъ, живущихъ съ пріятностію, вкусомъ, мирно и счастливо—тѣмъ счастливѣе, чѣмъ они просвѣщеннѣе (*); мы видѣли заведенныя въ деревняхъ школы и дѣтей поселя—

(*) Можно поставить въ примѣръ швейцарскихъ, многихъ нѣмецкихъ (особливо голтшинскихъ) и англійскихъ земледѣльцевъ, которые имѣютъ библіотеки, сами работаютъ и богаты.

нина, награждаемыхъ за прилежность къ ученью; видѣли въ хижинахъ (не отвратительныхъ, но опрятныхъ и чистыхъ) книги и добрые нравы; говорили съ земледѣльцами и слышали, что они благословляютъ скромную долю свою въ гражданскомъ обществѣ, считаютъ себя не жертвами его, а благополучными, подобно другимъ состояніямъ, которыя всѣ должны трудиться, хотя разнымъ образомъ, для пользы отечества и собственной. Русскіе патріоты, убѣжденные очевидною истиною, что человѣкъ и въ хижинѣ и за плугомъ можетъ не обманывать видомъ своимъ, а быть въ самомъ дѣлѣ человѣкомъ, вѣрили тогда, что отечество наше имѣетъ право ожидать новыхъ, еще великихъ благодѣяній отъ трона въ разсужденіи государственнаго просвѣщенія; они желали ихъ—и добродѣтельный Александръ, слѣдуя влеченію прекрасной души своей, исполнилъ ихъ желаніе. Предупредимъ гласъ потомства, судъ историка и Европы, которая нынѣ съ величайшимъ любопытствомъ смотритъ на Россію: скажемъ, что всѣ новые законы наши мудры и человѣколюбивы, но что сей Уставъ народнаго просвѣщенія есть сильнѣйшее доказательство небесной благости монарха, который во всѣхъ своихъ подданныхъ желаетъ найти признательныхъ, всѣхъ равно любитъ и всѣхъ считаетъ людьми.

Теперь дворянство россійское имѣетъ случай доказать свое усердіе къ отечеству; доказать, что мы достойны такого монарха и нашихъ предковъ, и что польза общая намъ всего любезнѣе. Заведеніе и надежный успѣхъ сельскихъ училищъ зависятъ отчасти отъ патріотической ревности дворянъ: они, безъ сомнѣнія, изъявятъ ее всѣми возможными способами, и посредственность будетъ спорить съ избыткомъ въ знакахъ великодушной щедрости. Самая вѣрнѣйшая опора политическихъ или государственныхъ правъ есть государственная добродѣтель; мы желали бы возвысить ее названіемъ безкорыстной; но Небу угодно было во всемъ соединить съ нею награду, какъ въ морали, такъ и въ политикѣ. Дворянство никогда не упадало тамъ, гдѣ оно любило жертвы для общаго блага. Можемъ вспомнить нашу исторію: во времена бѣдствій Россіи, когда самозванцы и Поляки терзали ея внутренность, народъ изъявлялъ удивительную привязанность къ русскимъ боярамъ, охотно слѣдовалъ ихъ волѣ и за ихъ знаменами—отъ того, что бояре трогательнымъ образомъ доказывали свою любовь къ отечеству, первые жертвовали имѣніемъ и жизнію, забывали самую фамильную вражду (которая была тогда во всей силѣ) и думали единственно о спасеніи Россіи. Нынѣ, благодаря Провидѣнію, времена спокойны, и мы не въ печальной, но въ радостной одеждѣ можемъ служить отечеству или Александру (къ счастію, великія имена ихъ имѣютъ для насъ одно значеніе); можемъ и должны исполнить надежду монарха, котораго человѣколюбивая политика удаляетъ отъ насъ кровопролитіе войны, но не для того, чтобы мы въ мирной тишинѣ жили только для удовлетворенія прихотямъ безразсудной роскоши, всегда порочной; можемъ стараніями, пріятными для благородной души, и частію доходовъ своихъ способствовать славнѣйшему дѣлу въ свѣтѣ: просвѣщенію народа и благу потомства. Чье сердце не трогается сею великою мыслію, тотъ, безъ сомнѣнія, живетъ не въ свое время, и намъ остается жалѣть объ его несчастіи; но о комъ изъ истинныхъ дворянъ рускихъ осмѣлимся такъ подумать? Кто изъ нихъ захочетъ обратить въ истину злословіе многихъ чужестранныхъ писателей, представляющихъ насъ эгоистами и варварами? Нѣтъ, усердіемъ своимъ къ народному просвѣщенію докажемъ, что мы не боимся его слѣдствій и желаемъ пользоваться единственно такими правами, которыя соглас-

ны съ общимъ благомъ государства и съ человѣколюбіемъ.

Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть важнѣйшій въ глазахъ философа. Между людьми, которые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми метафизиками въ свѣтѣ. Исторія ума представляетъ двѣ главныя эпохи: изобрѣтеніе буквъ и типографіи; всѣ другія были ихъ слѣдствіемъ. Чтеніе и письмо открываютъ человѣку новый міръ, особливо въ наше время, при нынѣшнихъ успѣхахъ разума. Сверхъ того мудрое правительство еще умножаетъ пользу сельскаго ученія, соединяя съ нимъ начальное основаніе морали, простой, ясной, истинно человѣческой и гражданской (*). Дерзну сказать, что сочиненіе нравственнаго катихизиса для приходскихъ училищъ достойно перваго генія въ Европѣ: такъ оно важно и благодѣтельно! Можно предвидѣть затрудненія въ началѣ такого новаго для Россіи учрежденія, особливо въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ губерніяхъ; но время, опыты и великія выгоды грамотнаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ сельской жизни наконецъ убѣдятъ земледѣльцевъ въ необходимости ученія—и мѣры кроткаго понужденія уступятъ дѣйствію искренней охоты. Всего же болѣе отвѣтствуетъ за успѣхъ то, что мудрое наше правительство соединяетъ уважаемый народомъ санъ духовныхъ пастырей съ должностію сельскихъ учителей (**).

II. О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССІИ (1811). ([32]).

(Рукопись И. Публ. Библ.)

Вообще царствованіе Романовыхъ: Михаила, Алексѣя, Ѳеодора способствовало сближенію Россіянъ съ Европою, какъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ нравахъ, отъ частыхъ государственныхъ сношеній съ ея дворами, отъ принятія въ нашу службу многихъ иноземцевъ и поселенія другихъ въ Москвѣ. Еще предки наши усердно слѣдовали своимъ обычаямъ, но примѣръ начиналъ дѣйствовать, и явная польза, явное превосходство одерживали верхъ надъ старымъ навыкомъ въ воинскихъ уставахъ, въ системѣ дипломатической, въ образѣ воспитанія или ученія, въ самомъ свѣтскомъ обхожденіи; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Европа отъ XIII до XVII вѣка далеко опередила насъ въ гражданскомъ просвѣщеніи. Сіе измѣненіе дѣлалось постепенно, тихо, едва замѣтно, какъ естественное возрастаніе, безъ порывовъ и насилія. Мы заимствовали, но какъ бы нехотя, примѣняя все къ нашему и новое соединяя съ старымъ.

Явился Петръ. Въ его дѣтскія лѣта самовольство вельможъ, наглость и властолюбіе Софіи напомнили Россіи несчастныя времена смутъ боярскихъ, но великій мужъ созрѣлъ уже въ юношѣ и мощною рукою схватилъ кормило государства; онъ сквозь бурю и волны устремился къ своей цѣли, достигъ—и все перемѣнилось.

Сею цѣлію было не только новое величіе Россіи, но и совершенное присвоеніе обычаевъ европейскихъ. Потомство воздало усердную хвалу безсмертному государю — и личнымъ его достоинствамъ, и славнымъ подвигамъ. Онъ имѣлъ великодушіе, проницаніе, волю непоколебимую, дѣятельность, неутомимость рѣдкую, исправилъ, умножилъ войско, одержалъ блестящую побѣду надъ врагомъ искуснымъ и мужественнымъ, завоевалъ Ливонію, сотворилъ флотъ, основалъ гавани, издалъ многіе законы мудрые, привелъ въ лучшее состояніе торговлю, рудокопни, завелъ мануфактуры, училища,

(*) См. 32 статью Устава.
(**) Статья 33.

академіи, наконецъ поставилъ Россію на знаменитую степень въ политической системѣ Европы. Говоря о превосходныхъ его дарованіяхъ, забудемъ ли почти важнѣйшее для самодержавцевъ дарованіе— употреблять людей по ихъ способностямъ! Полководцы, министры, законодатели не родятся въ такое или такое царствованіе, но единственно избираются; чтобы избрать, надобно угадать; угадываютъ же людей только великіе люди, и слуги Петровы удивительнымъ образомъ помогали ему на ратномъ полѣ, въ сенатѣ, въ кабинетѣ. Но мы, Россіяне, имѣя передъ глазами свою исторію, подтвердимъ ли мнѣніе несвѣдущихъ иноземцевъ и скажемъ ли, что Петръ есть творецъ нашего величія государственнаго? Забудемъ ли князей московскихъ Іоанна I, Іоанна III, которые, можно сказать, изъ ничего воздвигли державу сильную и — что не менѣе важно—учредили твердое въ ней правленіе единовластное? Петръ нашелъ средства дѣлать великое; князья московскіе приготовили оныя. И, славя славное въ семъ монархѣ, оставимъ ли безъ замѣчанія вредную сторону его блестящаго царствованія?

Умолчимъ о порокахъ личныхъ; но сія страсть къ новымъ для насъ обычаямъ преступила въ немъ границы благоразумія. Петръ не хотѣлъ вникнуть въ истину, что духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, подобно физическому, нужное для ихъ твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ; онъ есть не что иное, какъ привязанность къ нашему особенному, не что иное, какъ уваженіе къ своему народному достоинству. Искореняя древніе навыки, представляя ихъ смѣшными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь Россіи унижалъ Росіянъ въ собственномъ ихъ сердцѣ. Презрѣніе къ самому себѣ располагаетъ ли человѣка и гражданина къ великимъ дѣламъ? Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго. Просвѣщеніе достохвально, но въ чемъ состоитъ оно? Въ знаніи нужнаго для благоденствія. Художества, искуства, науки не имѣютъ иной цѣли. Русская одежда, пища, борода не мѣшали заведенію школъ. Два государства могутъ стоять на одной степени гражданскаго просвѣщенія, имѣя нравы различные. Государство можетъ заимствовать отъ другаго полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе беззаконное.... Жизнь человѣческая кратка, а для утвержденія новыхъ обычаевъ требуется долговременность. Петръ ограничилъ свое преобразованіе дворянствомъ. Дотолѣ отъ сохи до престола Россіяне сходствовали между собою нѣкоторыми общими признаками народности и въ обыкновеніяхъ; со временъ Петровыхъ высшія степени отдѣлились отъ нижнихъ, и русскій земледѣлецъ, мѣщанинъ, купецъ увидѣлъ нѣмцевъ въ русскихъ дворянахъ, ко вреду братскаго народнаго единодушія государственныхъ состояній.

Семейственные нравы не укрылись отъ вліянія царской дѣятельности. Вельможи стали жить открытымъ домомъ; ихъ супруги и дочери вышли изъ непроницаемыхъ теремовъ своихъ; балы, ужины соединили одинъ полъ съ другимъ въ шумныхъ залахъ; Россіянки перестали краснѣть отъ нескромнаго взора мущинъ, и европейская вольность заступила мѣсто азіатскаго принужденія. Чѣмъ болѣе мы успѣвали въ людскости, въ обходительности, тѣмъ болѣе слабѣли связи родственныя; имѣя множество пріятелей, чувствуемъ менѣе нужды въ друзьяхъ и жертвуемъ свѣту союзомъ единокровія.

Не говорю и не думаю, чтобы древніе Россіяне подъ великокняжескимъ или царскимъ правленіемъ были вообще лучше насъ: не только въ свѣдѣніяхъ, но и въ нѣкоторыхъ нравственныхъ отношеніяхъ мы превосходнѣе, т. е. иногда стыдимся, чего они не стыдились и что дѣйствительно порочно; однакожъ должно согласиться, что мы съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ утратили гражданскія. Имя Русскаго имѣетъ ли теперь для насъ ту силу непобѣдимую, какую оно имѣло прежде? И весьма естественно: дѣды наши уже въ царствованіе Михаила и сына его, присвоивая себѣ многія выгоды иноземныхъ обычаевъ, все еще оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный Россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, и *Святая Русь* первое государство.

Пусть назовутъ то заблужденіемъ, но какъ оно благопріятствовало любви къ отечеству и нравственной силѣ онаго! Теперь же, болѣе ста лѣтъ находясь въ школѣ иноземцевъ, безъ дерзости можемъ ли похвалиться своимъ гражданскимъ достоинствомъ? Нѣкогда называли мы всѣхъ иныхъ Европейцевъ *невѣрными*, теперь называемъ *братьями*; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россію—*невѣрнымъ* или *братьямъ*? т. е. кому бы она, по вѣроятности, долженствовала болѣе противиться? При царѣ Михаилѣ или Ѳеодорѣ, вельможа россійскій, обязанный всѣмъ отечеству, могъ ли бы съ веселымъ сердцемъ навѣки оставить его, чтобы въ Парижѣ, Лондонѣ, Вѣнѣ спокойно читать въ газетахъ о нашихъ государственныхъ опасностяхъ? Мы стали гражданами міра, но перестали быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданами Россіи.

———

P. ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО. (1803—1824). ([38]**).**

a) Исторія вообще и исторія русская въ частности.

(Изъ Предисловія). (1815).

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе.

Но и простой гражданинъ долженъ читать исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку, и просвѣщенному и дикому. На славныхъ играхъ олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолвствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ исторію: старецъ

указываетъ юношѣ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искуствѣ грамоты были посвящены вѣрѣ и дѣеписанію; омраченный густою сѣнію невѣжества народъ съ жадностію внималъ сказаніямъ лѣтописцевъ. И вымыслы нравятся; но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердце и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая царства и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Если всякая исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить объ немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане—въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть Греки, Римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ; но имя русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла или Сципіона. Всемірная исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а россійская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, что̀ въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной державы: мысль цѣпенѣетъ! Никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами; какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія могли составить одну державу съ Москвою? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? Подобно Америкѣ, Россія имѣетъ своихъ дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы, являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостію и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частію міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи, исторіи и просвѣтилъ божественною вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Ѳукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не-Русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей: ибо Греція и

Римъ были народными державами и просвѣщеннѣе Россіи; однакожъ смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе древнихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіянъ при Донскомъ, паденіе Новагорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время междуцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы Храбрые, ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверской, столь знаменитый великодушною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ Невскій; герой-юноша, побѣдитель Мамаевъ, въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю монарха, достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра—и между сими двумя самодержцами удивительный Іоаннъ IV, Годуновъ, достойный своего счастія и несчастія, странный лже-Димитрій и, за сонмомъ доблественныхъ патріотовъ, бояръ и гражданъ, наставникъ трона, первосвятитель Филаретъ съ державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тьмѣ нашихъ государственныхъ бѣдствій, и царь Алексій, мудрый отецъ императора, коего назвала Великимъ Европа. Или вся новая исторія должна безмолвствовать, или россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца: но исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественныя горы и водопады, цвѣтущіе луга и долины; но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! Однакожъ путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ: въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные.

б) *Осада и взятіе Кіева Татарами.* (34).

Уже Батый давно слышалъ о нашей древней столицѣ днѣпровской, ея церковныхъ сокровищахъ и богатствѣ людей торговыхъ. Она славилась не только въ Византійской имперіи и въ Германіи, но и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ восточныхъ: ибо арабскіе историки и географы говорятъ объ ней въ своихъ твореніяхъ. Внукъ Чингисхана, именемъ Мангу, былъ посланъ осмотрѣть Кіевъ: увидѣлъ его съ лѣвой стороны Днѣпра и, по словамъ лѣтописцевъ, не могъ надивиться красотѣ онаго. Живописное положеніе города на крутомъ берегу величественной рѣки, блестящія главы многихъ храмовъ, въ густой зелени садовъ,—высокая бѣлая стѣна съ ея гордыми вратами и башнями, воздвигнутыми, украшенными художествомъ византійскимъ въ счастливые дни Великаго Ярослава, дѣйствительно могли удивить степныхъ варваровъ. Мангу не отважился идти за Днѣпръ: сталъ на Трубежѣ, у городка Песочнаго (нынѣ селенія Песковъ), и хотѣлъ лестію склонить жителей столицы къ подданству. Битва на Калкѣ, на Сити, пепелъ Рязани, Владиміра, Чернигова и столь многихъ иныхъ городовъ свидѣтельствовали грозную силу Моголовъ: дальнѣйшее упорство казалось безполезнымъ; но честь народная и великодушіе не слѣдуютъ внушеніямъ боязливаго разсудка. Кіевляне все еще съ гордостію именовали себя старшими и благороднѣй-

шими сынами Россіи: имъ ли было смиренно преклонить выю и требовать цѣпей, когда другіе Россіяне, гнушаясь уничиженіемъ, охотно гибли въ битвахъ? Кіевляне умертвили пословъ Мангу-хана и кровію ихъ запечатлѣли свой обѣтъ не принимать мира постыднаго. Народъ былъ смѣлѣе князя: Михаилъ Всеволодовичъ, предвидя месть Татаръ, бѣжалъ въ Венгрію, въ слѣдъ за сыномъ своимъ. Внукъ Давида Смоленскаго, Ростиславъ Мстиславичъ, хотѣлъ овладѣть престоломъ кіевскимъ; но знаменитый Даніилъ Галицкій, свѣдавъ о томъ, въѣхалъ въ Кіевъ и задержалъ Ростислава какъ плѣнника. Даніилъ уже зналъ Моголовъ: видѣлъ, что храбрость малочисленныхъ войскъ не одолѣетъ столь великой силы, и рѣшился, подобно Михаилу, ѣхать къ королю венгерскому, тогда славному богатствомъ и могуществомъ, въ надеждѣ склонить его къ ревностному содѣйствію противъ сихъ жестокихъ варваровъ. Надлежало оставить въ столицѣ вождя искуснаго и мужественнаго: князь не ошибся въ выборѣ, поручивъ оную боярину Димитрію.

Скоро вся ужасная сила Батыева, какъ густая туча, съ разныхъ сторонъ облегла Кіевъ. Скрыпъ безчисленныхъ телѣгъ, ревъ верблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ. Димитрій бодрствовалъ и распоряжалъ хладнокровно. Ему представили одного взятаго въ плѣнъ Татарина, который объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми воеводами могольскими; что знатнѣйшіе изъ нихъ суть: Гаюкъ (сынъ великаго хана), Мангу, Байдаръ (внуки Чингисхановы), Орду, Каданъ, Судай-Багадуръ, побѣдитель Ніучей китайскихъ, и Бастырь, завоеватель казанской Болгаріи и княженія суздальскаго. Сей плѣнникъ сказывалъ о Батыевой рати единственно то, что ей нѣтъ смѣты. Но Димитрій не зналъ страха. Осада началася приступомъ къ вратамъ Лятскимъ, къ коимъ примыкали дебри: тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда, и Кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный: «стрѣлы омрачили воздухъ; копья трещали и ломались», мертвыхъ, издыхающихъ попирали ногами. Долго остервенѣніе не уступало силѣ; но Татары ввечеру овладѣли стѣною. Еще воины россійскіе не теряли бодрости; отступили къ церкви Десятинной и, ночью укрѣпивъ оную тыномъ, снова ждали непріятеля, а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города! однакожъ не было слова о переговорахъ: никто не думалъ молить лютаго Батыя о пощадѣ и милосердіи; великодушная смерть казалась и воинамъ и гражданамъ необходимостію, предписанною для нихъ отечествомъ и вѣрою. Димитрій, исходя кровію отъ раны, еще твердою рукою держалъ свое копіе и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ Моголы отдыхали на развалинахъ стѣны: утромъ возобновили оное и сломили бренную ограду Россіянъ, которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ, помня, что за ними гробъ св. Владиміра, и что сія ограда есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери, но устлали путь своими трупами; схватили мужественнаго Димитрія и привели къ Батыю. Сей грозный завоеватель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ человѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную, и съ видомъ гордаго удовольствія сказалъ воеводѣ россійскому: «дарую тебѣ жизнь!» Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезенъ для отечества.

Моголы нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребле-

ніемъ людей и всѣхъ плодовъ долговременнаго гражданскаго образованія. Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки: ибо сія, нѣкогда знаменитая столица, мать градовъ россійскихъ, въ XIV и въ XV вѣкѣ представляла еще развалины; въ самое наше время существуетъ единственно тѣнь ея прежняго величія. Напрасно любопытный путешественникъ ищетъ тамъ памятниковъ, священныхъ для Россіянъ: гдѣ гробъ Ольгинъ? гдѣ кости св. Владиміра? Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ князей. Остался только надгробный памятникъ Ярославовъ, какъ бы въ знакъ того, что слава мудрыхъ гражданскихъ законодателей есть самая долговѣчная и вѣрнѣйшая.... Первое великолѣпное зданіе греческаго зодчества въ Россіи, храмъ Десятинный, былъ сокрушенъ до основанія: послѣ, изъ развалинъ онаго, воздвигли новый, и на стѣнахъ его видимъ отрывокъ надписи древняго. Лавра Печерская имѣла ту же участь. Благочестивые иноки и граждане, усердные къ святынѣ сего мѣста, не хотѣли впустить непріятелей въ ограду его: Моголы таранами отбили врата, похитили всѣ сокровища и, снявъ златокованный крестъ съ главы храма, разломали церковь до самыхъ оконъ, вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими. Если вѣрить лѣтописцамъ XVII вѣка, то первобытное строеніе лавры красотою и величіемъ превосходило новѣйшее. Они же повѣствуютъ, что нѣкоторые иноки Печерскіе укрылись отъ меча Батыева и жили въ лѣсахъ; что среди развалинъ монастыря уцѣлѣлъ одинъ малый придѣлъ, куда сіи пустынники собирались иногда отправлять службу божественную, извѣщаемые о томъ унылымъ и протяжнымъ звономъ колокола.

Батый, узнавъ, что князья южной Россіи находятся въ Венгріи, пошелъ въ область галицкую и владимірскую; осадилъ городъ Ладыжинъ и, не умѣвъ двѣнадцатью орудіями разбить крѣпкихъ стѣнъ его, обѣщалъ помиловать жителей, если они сдадутся. Несчастные ему повѣрили, и ни одинъ изъ нихъ не остался живъ: ибо Татары не знали правилъ чести и всегда, обманывая непріятелей, смѣялись надъ ихъ легковѣріемъ. Завоевавъ Каменецъ, гдѣ господствовалъ другъ Михаиловъ, Изяславъ Владиміровичъ, внукъ Игоревъ, Татары отступили съ неудачею отъ Кременца, Даніилова города; но взяли Владиміръ, Галичъ и множество иныхъ городовъ. Великодушный воевода кіевскій, Димитрій, находился съ Батыемъ и, сокрушаясь о бѣдствіяхъ Россіи, представлялъ ему, что время оставить сію землю, уже опустошенную, и воевать богатое государство Венгерское; что король Бела есть непріятель опасный и готовитъ рать многочисленную; что надобно предупредить его, или онъ всѣми силами ударитъ на Моголовъ. Батый, уваживъ совѣтъ Димитріевъ, вышелъ изъ нашего отечества, чтобы злодѣйствовать въ Венгріи: такимъ образомъ сей достойный воевода россійскій и въ самомъ плѣнѣ своемъ умѣлъ оказать послѣднюю, важную услугу несчастнымъ согражданамъ. Благоденствіе и драгоцѣнная народная независимость погибли для нихъ на долгое время; по крайней мѣрѣ они могли возвратиться изъ лѣсовъ на пепелище истребленныхъ жительствъ; могли предать землѣ кости милыхъ ближнихъ, и въ храмахъ, немедленно возобновленныхъ ихъ общимъ усердіемъ, молиться Всевышнему съ умиленіемъ. Вѣра торжествуетъ въ бѣдствіяхъ и смягчаетъ оныя.

Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ; что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ, отъ береговъ Оки до Сана. Лѣто-

писцы наши, сѣтуя надъ развалинами отечества о гибели городовъ и большой части народа, прибавляютъ: «Батый какъ лютый звѣрь пожиралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки. Храбрѣйшіе князья россійскіе пали въ битвахъ; другіе скитались въ земляхъ чуждыхъ; искали заступниковъ между иновѣрными, и не находили; славились прежде богатствомъ, и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, предъ ихъ глазами растоптанныхъ конями татарскими, а дѣвы о своей невинности: сколь многія изъ нихъ, желая спасти онýю, бросались на острый ножъ или въ глубокія рѣки! Жены боярскія, не знавшія трудовъ, всегда украшенныя златыми монистами и одеждою шелковою, всегда окруженныя толпою слугъ, сдѣлались рабами варваровъ, носили воду для ихъ женъ, мололи жерновомъ, и бѣлыя руки свои опаляли надъ очагомъ, готовя пищу невѣрнымъ.... Живые завидовали спокойствію мертвыхъ». Однимъ словомъ, Россія испытала тогда всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Римскою имперіею отъ временъ Θеодосія Великаго до седьмаго вѣка, когда сѣверные дикіе народы громили ея цвѣтущія области. Варвары дѣйствуютъ по однимъ правиламъ и разнствуютъ между собою только въ силѣ.

в) Обозрѣніе исторіи Новгорода. ([35]).

Исторія Новагорода составляетъ любопытнѣйшую часть древней россійской. Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ климатѣ суровомъ основанный, можетъ быть, толпою славянскихъ рыбарей, которые въ водахъ Ильменя наполняли свои мрежи изобильнымъ ловомъ, онъ умѣлъ возвыситься до степени державы знаменитой. Окруженный слабыми, мирными племенами финскими, рано научился господствовать въ сосѣдствѣ; покоренный смѣлыми Варягами, заимствовалъ отъ нихъ духъ купечества, предпріимчивость и мореплаваніе; изгналъ сихъ завоевателей и, будучи жертвою внутренняго безпорядка, замыслилъ монархію, въ надеждѣ доставить себѣ тишину для успѣховъ гражданскаго общежитія и силу для отраженія внѣшнихъ непріятелей; рѣшилъ тѣмъ судьбу цѣлой Европы сѣверной и, давъ бытіе, давъ государей нашему отечеству, успокоенный ихъ властію, усиленный толпами мужественныхъ пришельцевъ варяжскихъ, захотѣлъ опять древней вольности: сдѣлался собственнымъ законодателемъ и судіею, ограничивъ власть княжескую; воевалъ и купечествовалъ; еще въ X вѣкѣ торговалъ съ Царемградомъ, еще въ XII посылалъ корабли въ Любекъ; сквозь дремучіе лѣса открылъ себѣ путь до Сибири и, горстію людей покоривъ обширныя земли между Ладогою, морями Бѣлымъ и Карскимъ, рѣкою Обію и нынѣшнею Уфою, насадилъ тамъ первыя сѣмена гражданственности и вѣры христіанской; передавалъ Европѣ товары азіатскіе и византійскіе, сверхъ драгоцѣнныхъ произведеній дикой натуры; сообщалъ Россіи первые плоды ремесла европейскаго, первыя открытія искуствъ благодѣтельныхъ; славясь хитростію въ торговлѣ, славился и мужествомъ въ битвахъ, съ гордостію указывая на свои стѣны, подъ коими легло многочисленное войско Андрея Боголюбскаго; на Альту, гдѣ Ярославъ Великій съ вѣрными Новогородцами побѣдилъ злочестиваго Святополка; на Липицу, гдѣ Мстиславъ Храбрый съ ихъ дружиною сокрушилъ ополченіе князей суздальскихъ; на берега Невы, гдѣ Александръ смирилъ надменность Биргера, и на поля ливонскія, гдѣ орденъ Меченосцевъ столь часто уклонялъ знамена предъ святою Софіею, обращаясь въ бѣгство. Такія воспоминанія, питая народное честолюбіе, произвели извѣстную

пословицу: «кто противъ Бога и Великаго Новагорода?» Жители его хвалились и тѣмъ, что они не были рабами Моголовъ, какъ иные Россіяне: хотя и платили дань ордынскую, но великимъ князьямъ, не зная баскаковъ и не бывъ никогда подвержены ихъ тиранству.

Лѣтописи республикъ обыкновенно представляютъ намъ сильное дѣйствіе страстей человѣческихъ, порывы великодушія и нерѣдко умилительное торжество добродѣтели, среди мятежей и безпорядка, свойственныхъ народному правленію: такъ и лѣтописи Новагорода въ неискуственной простотѣ своей являютъ черты плѣнительныя для воображенія. Тамъ народъ, подвигнутый омерзѣніемъ къ злодѣйствамъ Святополка, забываетъ жестокость Ярослава I, хотящаго удалиться къ Варягамъ; разсѣкаетъ ладіи, приготовленныя для его бѣгства, и говоритъ ему: «ты умертвилъ нашихъ братьевъ, но мы идемъ съ тобою на Святополка и Болеслава; у тебя нѣтъ казны: возьми все, что имѣемъ». Здѣсь посадникъ Твердиславъ, несправедливо гонимый, слышитъ вопль убійцъ, посланныхъ вонзить ему мечъ въ сердце, и велитъ нести себя больнаго на градскую площадь, да умретъ предъ глазами народа, если виновенъ, или будетъ спасенъ его защитою, если невиненъ; торжествуетъ, и на вѣки заключается въ монастырь, жертвуя спокойствію согражданъ всѣми пріятностями честолюбія и самой жизни. Тутъ достойный архіепископъ, держа въ рукѣ крестъ, является среди ужасовъ междоусобной брани; возноситъ руку благословляющую, именуетъ Новогородцевъ дѣтьми своими, и стукъ оружія умолкаетъ: они смиряются и братски обнимаютъ другъ друга. Въ битвахъ съ врагами иноплеменными посадники, тысячскіе умирали впереди за Святую Софію. Святители новогородскіе, избираемые гласомъ народа, по всеобщему уваженію къ ихъ личнымъ свойствамъ, превосходили иныхъ достоинствами пастырскими и гражданскими; истощали казну свою для общаго блага; строили стѣны, башни, мосты и даже посылали на войну особенный полкъ, который назывался владычнимъ; будучи главными блюстителями правосудія, внутренняго благоустройства, мира, ревностно стояли за Новгородъ и не боялись ни гнѣва митрополитовъ, ни мести государей московскихъ. Видимъ также нѣкоторыя постоянныя правила великодушія въ дѣйствіяхъ сего, часто легкомысленнаго народа: таковымъ было не превозноситься въ успѣхахъ, изъявлять умѣренность въ счастіи, твердость въ бѣдствіяхъ, давать пристанище изгнанникамъ, вѣрно исполнять договоры, и слово: «новогородская честь», «новогородская душа», служило иногда вмѣсто клятвы. Республика держится добродѣтелью, и безъ нея упадаетъ.

Паденіе Новагорода ознаменовалось утратою воинскаго мужества, которое уменьшается въ державахъ торговыхъ съ умноженіемъ богатства, располагающаго людей къ наслажденіямъ мирнымъ. Сей народъ считался нѣкогда самымъ воинственнымъ въ Россіи, и гдѣ сражался, тамъ побѣждалъ, въ войнахъ междоусобныхъ: такъ было до XIV столѣтія. Счастіемъ спасенный отъ Батыя и почти свободный отъ ига Моголовъ, онъ болѣе и болѣе успѣвалъ въ купечествѣ, но слабѣлъ доблестію: сія вторая эпоха, цвѣтущая для торговли, бѣдственная для гражданской свободы, начинается со временъ Іоанна Калиты. Богатые Новогородцы стали откупаться серебромъ отъ князей московскихъ и Литвы; но вольность спасается не серебромъ, а готовностію умереть за нее: кто откупается, тотъ признаетъ свое безсиліе и манитъ къ себѣ властелина. Ополченія новогородскія въ XV вѣкѣ уже не представ-

ляютъ намъ ни пылкаго духа, ни искуства, ни успѣховъ блестящихъ. Что кромѣ неустройства и малодушнаго бѣгства видимъ въ послѣднихъ рѣшительныхъ битвахъ за свободу? Она принадлежитъ льву, не агнцу, и Новгородъ могъ только избирать одного изъ двухъ государей, литовскаго или московскаго: къ счастію, наслѣдники Витовтовы не наслѣдовали его души, и Богъ даровалъ Россіи Іоанна.

Хотя сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной; хотя самыя опасности и безпокойства ея, питая великодушіе, плѣняютъ умъ, въ особенности юный, малоопытный; хотя Новгородцы, имѣя правленіе народное, общій духъ торговли и связь съ образованнѣйшими Нѣмцами, безъ сомнѣнія, отличались благородными качествами отъ другихъ Россіянъ, униженныхъ тиранствомъ Моголовъ: однакожъ исторія должна прославить въ семъ случаѣ умъ Іоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россію твердымъ соединеніемъ частей въ цѣлое, чтобы она достигла независимости и величія, то есть, чтобы не погибла отъ ударовъ новаго Батыя или Витовта; тогда не уцѣлѣлъ бы и Новгородъ: взявъ его владѣнія, государь московскій поставилъ одну грань своего царства на берегу Наровы, въ угрозу Нѣмцамъ и Шведамъ, а другую за Каменнымъ Поясомъ или хребтомъ Уральскимъ, гдѣ баснословная древность воображала источники богатства, и гдѣ они дѣйствительно находились, во глубинѣ земли, обильной металлами, и во тьмѣ лѣсовъ, наполненныхъ соболями. Императоръ Гальба сказалъ: «Я былъ бы достоинъ возстановить свободу Рима, если бы Римъ могъ пользоваться ею». Историкъ русскій, любя и человѣческія и государственныя добродѣтели, можетъ сказать: «Іоаннъ былъ достоинъ сокрушить утлую вольность новогородскую, ибо хотѣлъ твердаго блага всей Россіи».

г) *Митрополитъ Филиппъ.* ([36]).

Среди хладныхъ волнъ Бѣлаго моря, на островѣ Соловецкомъ, въ пустынѣ дикой, но знаменитой въ Россіи святостію своихъ первыхъ тружениковъ, Савватія и Зосимы, сіялъ добродѣтелями игуменъ Филиппъ, сынъ боярина Колычова, возненавидѣвъ суету міра въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ юности и служа примѣромъ строгой жизни для иноковъ-отшельниковъ. Государь слышалъ о Филиппѣ: дарилъ его монастырю сосуды драгоцѣнные, жемчугъ, богатыя ткани, земли, деревни; помогалъ ему деньгами въ строеніи каменныхъ церквей, пристаней, гостинницъ, плотинъ: ибо сей игуменъ былъ не только мудрымъ наставникомъ братіи, но и дѣятельнымъ хозяиномъ острова, дотолѣ дикаго, неприступнаго: очистилъ лѣса, проложилъ дороги, осушилъ болота каналами; завелъ оленей, домашній скотъ, рыбныя ловли, соляныя варницы; украсилъ, сколько могъ, пустыню; смягчилъ суровость климата; сдѣлалъ воздухъ благорастореннѣе. Безсмертный Сильвестръ кончилъ дни свои въ монастырѣ Соловецкомъ, любимый, уважаемый Филиппомъ. Вѣроятно, что они вмѣстѣ сѣтовали о перемѣнѣ Іоаннова нрава; вѣроятно, что первый открывалъ игумену свою душу, нѣкогда блаженную исправленіемъ юнаго царя, устройствомъ и счастіемъ царства: сіи бесѣды могли приготовить Филиппа къ великому его подвигу, хотя онъ, ревностію труженика удаленный на край вселенныя, и не могъ ожидать такой славы. Никто, безъ сомнѣнія, не мыслилъ объ немъ, кромѣ Іоанна: отвергнувъ Германа, царь вздумалъ, мимо святителей, мимо всѣхъ архимандритовъ, возвести Филиппа на митрополію, желая изъявить тѣмъ свое особен-

ное уваженіе къ христіанскимъ добродѣтелямъ и показать, что самыя отдаленныя пустыни не скрываютъ ихъ отъ глазъ его. Филиппъ, царскою милостивою грамотою призываемый въ Москву для совѣта духовнаго, отслужилъ литургію, причастилъ всю братію и со слезами выѣхалъ изъ своей любимой обители, какъ бы предчувствуя, что одно мертвое тѣло его туда возвратится. За три версты отъ Новагорода встрѣтили смиреннаго Соловецкаго игумена всѣ жители сей древней столицы съ привѣтствіемъ, съ дарами и съ моленіемъ, да ходатайствуетъ за нихъ предъ трономъ: ибо носился слухъ, что Іоаннъ угрожаетъ имъ гнѣвомъ. Царь принялъ Филиппа съ отмѣнною честію, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ нимъ дружелюбно, и наконецъ объявилъ, что ему быть митрополитомъ. Пустынный инокъ изумился, плакалъ, не хотѣлъ сей блестящей тягости; убѣждалъ его не ввѣрять бремени великаго ладія малой. Царь былъ непреклоненъ. Тогда Филиппъ предложилъ условіе; сказалъ царю: «Повинуюся твоей волѣ; но умири же совѣсть мою: да не будетъ опричнины! да будетъ только единая Россія! ибо всякое раздѣленное царство, по глаголу Всевышняго, запустѣетъ. Не могу благословлять тебя искренно, видя скорбь отечества». Іоаннъ имѣлъ власть надъ собою: остановилъ движеніе гнѣва въ сердцѣ своемъ; отвѣтствовалъ тихо: «Развѣ не знаешь, что мои хотятъ поглотить меня; что ближніе готовятъ мнѣ гибель?» и доказывалъ необходимость сего учрежденія; но скоро, выведенный изъ терпѣнія смѣлыми возраженіями старца, велѣлъ ему умолкнуть. Всѣ думали, что Филиппъ, подобно Герману, будетъ удаленъ съ безчестіемъ: увидѣли противное. Іоаннъ на сей разъ не хотѣлъ дать ему славы гонимаго за добродѣтель: желалъ склонить его къ безмолвію, явить слабымъ въ глазахъ Россіи, сдѣлать какъ бы соучастникомъ въ новыхъ правилахъ своего царствованія. Главные пастыри церковные служили для того орудіемъ. Повинуясь волѣ Іоанновой, они убѣждали Филиппа принять санъ митрополита безъ всякаго условія, думать единственно о благѣ церкви, не гнѣвить государя дерзостію, но утолить гнѣвъ его и премѣнить въ милосердіе кротостію; доказывали, что мнимая твердость Филиппова въ семъ случаѣ будетъ дѣйствіемъ гордости, несогласной съ духомъ истиннаго слуги Христова; что долгъ святителя есть молиться и наставлять царя единственно во спасеніи души, а не въ дѣлахъ царства. Нѣкоторые изъ святителей внутренно одобряли Филиппову смѣлость, но сами не имѣли ея; другіе — именно: Пименъ новогородскій, Филоѳей рязанскій—искали мірской чести и раболѣпствовали страстямъ Іоанновымъ. Убѣжденія ихъ поколебали Филиппа, не устрашеннаго царскимъ гнѣвомъ, не ослѣпленнаго блескомъ архипастырства, какъ доказало слѣдствіе, но, можетъ быть, смятеннаго мыслію отвергнуть сей верховный санъ дѣйствительно по внушенію тайной гордости, по упрямству и недовѣренности къ Провидѣнію, которое властвуетъ надъ царями и не даетъ имъ выступать за черту его вышнихъ уставовъ, безъ сомнѣнія, мудрыхъ, хотя и неизъяснимыхъ для ума человѣческаго. Филиппъ отвѣтствовалъ: «да будетъ, что угодно государю и церковнымъ пастырямъ!»

Написали грамоту, въ коей сказано, что новый избираемый митрополитъ далъ слово архіепископамъ и епископамъ не вступать въ опричнину государеву и не оставлять митрополіи подъ тѣмъ предлогомъ, что царь не исполнилъ его требованія и запретилъ ему мѣшаться въ дѣла мірскія. Святители утвердили сію хартію своими подписями, и Филиппъ, заявленный врагъ опричнины, былъ немедленно возведенъ на митрополію, къ общему

удовольствію народа, къ досадѣ развратныхъ любимцевъ Іоанновыхъ. Казалось, что государь одержалъ счастливую побѣду надъ собою, воздавъ честь добродѣтели. Митрополитъ уступилъ, но обнаруживъ свою важную мысль: Россіяне узнали, чего онъ желаетъ, и могли надѣяться на будущее, имѣя такого первосвятителя. Всѣ добрые слушали съ восторгомъ привѣтственную рѣчь новаго митрополита къ Іоанну, истинно пастырскую: о долгѣ державныхъ быть отцами подданныхъ, блюсти справедливость, уважать заслуги; о гнусныхъ льстецахъ, которые тѣснятся къ престолу, ослѣпляютъ умъ государей, служатъ ихъ страстямъ, а не отечеству, хвалятъ достойное хулы, порицаютъ достохвальное; о тлѣнности земнаго величія; о побѣдахъ невооруженной любви, которыя пріобрѣтаются государственными благодѣяніями и еще славнѣе побѣдъ ратныхъ. Казалось, что самъ Іоаннъ внималъ съ умиленіемъ гласу настáвника, уже давно молчавшему въ семъ храмѣ; что сей нѣкогда любезный для него гласъ напомнилъ ему время счастливое и далъ вкусить сладость, имъ забвенную. Первые дни и мѣсяцы протекли въ мирѣ, въ надеждахъ для столицы. Затихли жалобы на кромѣшниковъ: чудовище вздремало. Царь ласкалъ митрополита; а сей добродѣтельный старецъ, какъ бы опасаясь забыть Соловецкую пустыню и строгій обѣтъ своей юности, началъ строить въ Москвѣ церковь во имя ея святыхъ, Зосимы и Савватія.

Однажды, въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Іоаннъ, провождаемый нѣкоторыми боярами и множествомъ опричниковъ, входитъ въ соборную церковь Успенія: царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ: Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: «Святый владыко! се государь: благослови его!» Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: «Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ царства.... О государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за алтаремъ льется невинная кровь христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ—а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства—и совершаются именемъ царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, судія нашъ и твой. Какъ предстанешь на судъ Его, обагренный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести!... Государь! вѣщаю яко пастырь душъ. Боюся Господа единаго!» Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: «Чернецъ! доселѣ я излишно щадилъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!» и вышелъ съ угрозою. На другой день были новыя казни. Въ числѣ знатныхъ погибъ князь Василій Пронскій. Всѣхъ главныхъ сановниковъ митрополитовыхъ взяли подъ стражу, терзали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филипповыхъ, и ничего не свѣдали. Еще не смѣлъ Іоаннъ возложить руку на самого первосвятителя, любимаго, чтимаго народомъ болѣе, нежели когда нибудь; готовилъ ему ударъ, но имѣлъ терпѣніе—и между тѣмъ что дѣлалъ?

Убѣгая митрополита, царь однакожъ видалъ его въ церкви. Въ день св. апостоловъ Прохора и Никанора, 28 іюля,

Филиппъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и ходилъ по стѣнѣ съ крестами: тутъ былъ и царь съ опричниками, изъ коихъ одинъ шелъ за нимъ въ тафьѣ. Митрополитъ, увидѣвъ сіе безчиніе, остановился и съ негодованіемъ сказалъ о томъ государю; но опричникъ уже спряталъ свою тафью. Царя увѣрили, что Филиппъ выдумалъ сказку, желая возбудить народъ противъ любимцевъ государевыхъ. Іоаннъ забылъ всю пристойность: торжественно ругалъ митрополита, называлъ лжецомъ, мятежникомъ, злодѣемъ; клялся, что уличитъ его во всемъ— и приступилъ къ дѣлу, по совѣту съ коварнымъ духовникомъ своимъ, Благовѣщенскимъ протоіеремъ Евстафіемъ, тайнымъ Филипповымъ ненавистникомъ. Немедленно отправились въ Соловки епископъ суздальскій Пафнутій, архимандритъ андрониковскій Θеодосій и князь Василій Темкинъ, прежде воинъ именитый, тогда ревностный слуга тиранства, подобно Басмановымъ и другимъ. Надлежало ли такъ далеко искать клеветниковъ гнусныхъ? Но царь хотѣлъ омрачить добродѣтель въ самомъ ея свѣтломъ источникѣ; гдѣ Филиппъ прославился ею, тамъ открыть его мнимое лицемѣріе и нечистоту душевную: сія мысль казалась Іоанну искусною хитростію. Послы царскіе то ласкали, то ужасали монаховъ Соловецкихъ, требуя, чтобы они безстыдно лгали на своего бывшаго игумена: всѣ говорили, что Филиппъ святъ дѣлами и сердцемъ; но сыскался одинъ, который дерзнулъ утверждать противное: ихъ глава, игуменъ Паисій, въ надеждѣ сдѣлаться епископомъ. Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну и велѣли митрополиту явиться на судъ. Царь, святители, бояре сидѣли въ молчаніи. Игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святаго мужа съ неслыханною дерзостію. Вмѣсто оправданія безполезнаго, митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вожделѣннаго; а царю: «Государь, великій князь! ты думаешь, что я боюся тебя или смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ пастырскій; се бѣлый клобукъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, святители, архимандриты, игумены и всѣ служители алтарей! пасите вѣрно стадо Христово; готовьтеся дать отчетъ и страшитеся небеснаго Царя еще болѣе, нежели земнаго». Онъ хотѣлъ удалиться: царь остановилъ его; сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею; принудилъ его взять назадъ утварь святительскую и еще служить обѣдню въ день архангела Михаила (8 ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ алтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана пастырскаго. Воины вступили въ алтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви метлами и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицемъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: «молитеся!» На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ

заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умилительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ, вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ; былъ перевезенъ въ обитель св. Николая Стараго, на берегу Москвы-рѣки; терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ: прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича, и велѣлъ сказать: «се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!» Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ московскихъ ко сверженному митрополиту; слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотрятъ на келлію заключеннаго и разсказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости—царь велѣлъ отвезти страдальца въ тверской монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго митрополита, Троицкаго архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступить мѣсто Филиппа.

д) *Убіеніе Ляпунова.* ([37]).

Станъ московскій представлялся уже не Россіею вооруженною, а мятежнымъ скопищемъ людей буйныхъ, между коими честь и добродѣтель въ слезахъ и въ отчаяніи укрывались! Одинъ Россіянинъ былъ душею всего, и палъ, казалось, на гробъ отечества. Врагамъ иноплеменнымъ ненавистный, еще ненавистнѣйшій измѣнникамъ и злодѣямъ россійскимъ, тотъ, на кого атаманъ разбойниковъ, въ личинѣ государственнаго властителя, извергъ Заруцкій, скрежеталъ зубами — Ляпуновъ дѣйствовалъ подъ ножами. Уважаемый, но мало любимый за свою гордость, онъ не имѣлъ, по крайней мѣрѣ, смиренія Михаилова; зналъ цѣну себѣ и другимъ; снисходилъ рѣдко, презиралъ явно; жилъ въ избѣ, какъ во дворцѣ недоступномъ, и самые знатные чиновники, самые раболѣпные уставали въ ожиданіи его выхода, какъ бы царскаго. Хищники, имъ унимаемые, пылали злобою и замышляли убійство, въ надеждѣ угодить многимъ личнымъ непріятелямъ сего величаваго мужа. Первое покушеніе обратилось ему въ славу. 20 козаковъ, кинутыхъ воеводою Плещеевымъ въ рѣку за разбой близь Угрѣшской обители, были спасены ихъ товарищами и приведены въ станъ московскій. Сдѣлался мятежъ: грабители, вступаясь за грабителей, требовали головы Ляпунова. Видя остервеніе злыхъ и холодность добрыхъ, онъ въ порывѣ негодованія сѣлъ на коня и выѣхалъ на рязанскую дорогу, чтобы удалиться отъ недостойныхъ сподвижниковъ. Козаки догнали его у Симонова монастыря, но не дерзнули тронуть: напротивъ того, убѣждали остаться съ ними. Онъ ночевалъ въ Никитскомъ укрѣпленіи, гдѣ въ слѣдующій день явилось все войско: кричало, требовало, слезно молило именемъ Россіи, чтобы ея главный поборникъ не жертвовалъ ею своему гнѣву. Ляпуновъ смягчился или одумался: занялъ прежнее мѣсто въ станѣ и въ совѣтѣ, одолѣвъ враговъ или только углубивъ ненависть къ себѣ въ ихъ сердцѣ. Мятежъ утихъ; возникъ гнусный ковъ, съ участіемъ и внѣшняго непріятеля. Имѣя тайную связь съ атаманомъ-тріумвиромъ, Госѣвскій изъ Кремля подалъ ему руку на гибель человѣка, для обоихъ страшнаго: вмѣстѣ умыслили и написали именемъ Ляпунова указъ къ го-

родскимъ воеводамъ о немедленномъ истребленіи всѣхъ козаковъ въ одинъ день и часъ. Сію подложную, будто бы отнятую у гонца бумагу представилъ товарищамъ атаманъ Заварзинъ: рука и печать казались несомнительными. Звали Ляпунова на сходъ: онъ медлилъ; наконецъ увѣренный въ безопасности двумя чиновниками, Толстымъ и Потемкинымъ, явился среди шумнаго сборища козаковъ; выслушалъ обвиненія; увидѣлъ грамоту и печать; сказалъ: «писано не мною, а врагами Россіи»; свидѣтельствовался Богомъ; говорилъ съ твердостію; смыкалъ уста и буйныхъ; не усовѣстилъ единственно злодѣевъ: его убили, и только одинъ Россіянинъ, личный непріятель Ляпунова, Иванъ Ржевскій, сталъ между имъ и ножами: ибо любилъ отечество; не хотѣлъ пережить такого убійства и великодушно пріялъ смерть отъ извергов: жертва единственная, но драгоцѣнная, въ честь герою своего времени, главѣ возстанія, животворцу государственному, коего великая тѣнь, уже примиренная съ закономъ, является лучезарно въ преданіяхъ исторіи, а тѣло, искаженное злодѣями, осталось, можетъ быть, безъ христіанскаго погребенія и служило пищею вранамъ, въ упрекъ современникамъ неблагодарнымъ, или малодушнымъ, и къ жалости потомства!

Слѣдствія были ужасны. Не умѣвъ защитить мужа силы, достойнаго стратига и властителя, войско пришло въ неописанное смятеніе; надежда, довѣренность, мужество, устройство исчезли. Злодѣйство и Заруцкій торжествовали; грабительства и смертоубійства возобновились не только въ селахъ, но и въ станѣ, гдѣ неистовые козаки, расхитивъ имѣніе Ляпунова и другихъ, умертвили многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Многіе воины бѣжали изъ полковъ, думая о жизни болѣе, нежели о чести, и вездѣ распространили отчаяніе; лучшіе, благороднѣйшіе искали смерти въ битвахъ съ Ляхами... Въ сіе время явился Сапѣга отъ Переславля, а Госѣвскій сдѣлалъ вылазку: напали дружно и снова взяли все отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ, весь Бѣлый-городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою-рѣкою. Россіяне вездѣ противились слабо, уступивъ малочисленному непріятелю и монастырь Дѣвичій. Сапѣга вошелъ въ Кремль съ побѣдою и запасами. Хотя Россія еще видѣла знамена свои на пеплѣ столицы, но чего могла ждать отъ войска, коего срамными главами оставались тушинскій лжебояринъ и злодѣй, сообщникъ Марины, вмѣстѣ съ измѣнниками, атаманомъ Просовецкимъ и другими, не воинами, а разбойниками и губителями?

[1]) «Деревянная нога, швейцарская идиллія гос. Геснера. Переведено съ нѣмецкаго Никол... Карамз... Спб. 1783». Содержаніе идилліи - разговоръ между молодымъ пастухомъ и старымъ воиномъ, который разсказываетъ, какъ онъ потерялъ ногу въ сраженіи, происходившемъ 1388 г. при Нефельсѣ (въ кантонѣ Гларусѣ) между Швейцарцами и герцогомъ Леопольдомъ Австрійскимъ. Изъ разговора открывается, что человѣкъ, спасшій воина отъ смерти въ пылу битвы, былъ отецъ пастуха. Инвалидъ въ радости обнимаетъ сына своего избавителя и женитъ его на своей дочери. И. И. Дмитріевъ, въ своихъ Запискахъ (Москв., 1841, № 1), говоритъ, что первымъ литературнымъ опытомъ Карамзина былъ «Разговоръ Маріи Терезіи съ русской императрицей Елисаветой»; но мы не могли найти его.

[2]) «О происхожденіи зла, поэма великаго Галлера. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1786». Посвящено старшему брату Карамзина, Василью Михайловичу, котораго онъ особенно любилъ и уважалъ и съ которымъ часто переписывался. Письма его, съ 1799 по 1826, нап. въ Атенеѣ, 1858, №№ 19—28. Поэма состоитъ изъ трехъ пѣсенъ: первая доказываетъ, что истинное достоинство человѣка пріобрѣтается добровольнымъ пребываніемъ его въ добродѣтельной жизни; вторая описываетъ блаженное состояніе первыхъ человѣковъ; третья — ихъ паденіе. Карамзинъ занимался переводомъ въ эпоху своего знакомства съ Новиковымъ, подъ вліяніемъ стремленій къ теолого-философскимъ изслѣдованіямъ. Вы-

боръ дидактической поэмы, которую самъ авторъ признавалъ наилучшимъ трудомъ своимъ, указываетъ на тогдашнее настроеніе переводчика, «благочестиваго ученика мудрости съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенію въ себѣ человѣка», какъ выражается И. Дмитріевъ въ своихъ Запискахъ, и кромѣ того говоритъ о связи его работы съ журналами серьезнаго, мистическаго направленія, издававшимися Новиковымъ: «Утренній свѣтъ» (1777—1780), «Московское ежемѣсячное изданіе» (1781), «Вечерняя заря» (1782), «Покоящійся трудолюбецъ» (1784—1785). Вопросъ о происхожденіи зла долгое время занималъ богослововъ и философовъ. Каждый изъ нихъ старался рѣшить его согласно съ характеромъ теологической догматики или съ воззрѣніями философскихъ системъ. Рѣшеніе Галлера принадлежитъ къ первой категоріи. Любопытны нѣкоторыя примѣчанія Карамзина. Одно изъ нихъ признаетъ справедливость основной мысли поэмы, что человѣку даны разумъ и воля для устройства его совершеннаго благополучія: «Свободная воля причинила паденіе человѣка, свободная воля токмо можетъ и паки возставить падшаго; она есть драгоцѣннѣйшій даръ Творца, сообщенный Имъ тварямъ избраннымъ». При словахъ Галлера о важности истинныхъ, духовныхъ потребностей, Карамзинъ замѣчаетъ: «Истина неопровергаемая и каждымъ человѣкомъ ощущаемая! Будешь окруженъ возлюбленными, будешь знатенъ, будешь богатъ, но все еще не будешь спокоенъ. Для чего? для того, что ты лишенъ *истинныхъ потребностей*; всѣ сіи блага суть для тебя блага чуждыя». Стихи подлинника объ альпійскихъ пастухахъ, какъ счастливѣйшихъ смертныхъ, внушаютъ переводчику идиллическое мечтаніе: «Все слышанное мною отъ путешествовавшихъ по Швейцаріи въ восхищеніе приводило меня. Размышленіе о сихъ счастливцахъ часто побуждало меня восклицать: «о смертные! почто уклонилися вы отъ начальной невинности своей? почто гордитесь мнимымъ просвѣщеніемъ своимъ?» Тѣмъ же идиллическимъ взглядомъ, хотя нѣсколько охладѣвшимъ, проникнуты письма Карамзина о Швейцаріи (Сличи помѣщенный на 12 стр. Христ. отрывокъ и Соч. Кар., изд. Смирд., II, 278—279). Подробности см. во 2-ой статьѣ моей о Карамзинѣ (Современникъ, 1853, № XI).

³) Гора Юра.

⁴) Ааръ—притокъ Рейна.

⁵) «Юлій Цезарь, трагедія, сочиненіе Вилліама Шекеспира. Москва. 1787». Переведена 1786-го, какъ видно изъ предисловія. Изъ англійскихъ писателей, Шекспиръ (или Шакеспеаръ и Шекеспиръ: такъ прежде называли его русскіе переводчики) особенно возбуждалъ удивленіе Карамзина, который говоритъ о немъ въ разныхъ мѣстахъ «Писемъ» (см. стр. 13 и 14 Христ.). По своимъ понятіямъ о драмѣ Карамзинъ былъ выше современныхъ ему критиковъ, не исключая Мерзлякова, хотя послѣдній читалъ въ подлинникѣ творенія Эсхила, Софокла и Эврипида. Мнѣніе его о существенныхъ принадлежностяхъ трагедіи не поколебалось ни отъ авторитета Вольтера, ни отъ общаго стремленія къ французскому псевдо-классицизму. Восторженное сочувствіе къ англійскому трагику выражено въ стихотвореніи: «Поэзія», сочиненномъ въ 1787 г. и напечатанномъ, безъ имени автора, въ сентябрской книжкѣ Московск. Журн. на 1792 г. Оно, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Карамзину, который упоминаетъ здѣсь своихъ любимыхъ поэтовъ: Оссіана, Шекспира, Мильтона, Юнга, Томсона, Геснера, Клопштока:

Шекспиръ, натуры другъ! кто лучше твоего
Позналъ сердца людей? Чья кисть съ такимъ искуствомъ
Живописала ихъ? Во глубинѣ души
Нашелъ ты ключъ къ великимъ тайнамъ рока,
И свѣтомъ своего безсмертнаго ума,
Какъ солнцемъ, озарилъ пути ночные жизни!
«Всѣ башни, коихъ верхъ скрывается отъ глазъ
«Въ туманѣ облаковъ; огромные чертоги
«И всякій гордый храмъ исчезнутъ какъ мечта—
Въ теченіе вѣковъ и мѣста ихъ не сыщемъ»—
Но ты, великій мужъ, пребудешь незабвенъ.

«Юлій Цесарь» переведенъ съ французскаго. На это указываетъ самъ Карамзинъ, цитуя въ предисловіи Летурнеровъ переводъ Шекспира (1776—82, въ 20 т.), посвященный Людовику XVI; это обнаруживается и строеніемъ фразы. Предисловіе Карамзина есть выборка изъ предисловій Летурнера, которому Французы одолжены своимъ знакомствомъ со многими англійскими поэтами: Гервеемъ, Юнгомъ, Стерномъ, Ричардсономъ.

⁶) Въ Петербургѣ, 1787 г., напечатана, переведенная, 1783 г., въ Нижнемъ Новгородѣ, съ французскаго, трагедія Шекспира: «Жизнь и смерть Ричарда III, короля аглинскаго».

⁷) Геніевъ.

⁸) Скарронъ (+ 1660)—авторъ «Комическаго романа» и другихъ произведеній въ шутливомъ родѣ.

⁹) и ¹⁰) «Эмилія Галотти, трагедія въ пяти

дѣйствіяхъ, сочиненная г. Лессингомъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1788». Сначала Карамзинъ перевелъ ее для театра «поспѣшно и неисправно»; потомъ переводъ, назначаемый для печати, былъ исправленъ. Если созданія Шекспира показали Карамзину ложность псевдо-классической Мельпомены, то къ тому же должны были привести его и драмы Лессинга († 1781), явившіяся, какъ противодѣйствіе французскому вкусу, какъ примѣненіе критическихъ началъ, которымъ слѣдовалъ преобразователь нѣмецкой литературы, глубоко изучившій Шекспира. Лессингъ самъ видѣлъ, что онъ, не имѣя истинно-поэтическаго генія, обязанъ критикѣ всѣмъ, что есть хорошаго въ его драмахъ. «Размышляющій художникъ вдвое похвалы достоинъ», говоритъ Принцъ живописцу въ Эмиліи Галотти. Это размышленіе, внушенное классическими образцами, сообщило Карамзину «живое чувство истины» при сравненіи французскихъ трагедій съ трагедіями Англичанъ и Нѣмцевъ (Разборъ Эмиліи Галотти въ Москов. Журналѣ, 1791, январь). Здѣсь мы видимъ не начало мертваго подражанія природѣ, проповѣданное французской эстетикой, а вѣрное понятіе о творчествѣ, выраженное словами Конти: «искуство должно творить такъ, какъ образующая природа образъ себѣ представляла». Московская публика любила представленія Эмиліи Галотти, какъ можно судить по разбору ея содержанія и сценическаго исполненія, написанному, по всѣмъ вѣроятностямъ, самимъ переводчикомъ. Въ этомъ разборѣ, сцены между Конти и Принцемъ названы прекрасными: Карамзину нравился художникъ «съ своею пластическою натурою и съ Рафаэлемъ безъ рукъ», хотя надобно замѣтить, что такой Рафаэль не могъ быть вовсе живописцемъ. Осуществленіе идеала требуетъ извѣстныхъ орудій; идеалъ живописца не выразится во внѣшности безъ помощи руки. Слова Конти: «сколько теряется отъ глазъ до руки и отъ руки до кисти!» означаютъ, что это осуществленіе часто бываетъ неудовлетворительно, почему художникъ остается недоволенъ своею работою.—Въ основаніе своей піесы, принадлежащей къ такъ называемымъ мѣщанскимъ трагедіямъ, Лессингъ сначала думалъ положить извѣстную исторію Римлянки Виргиніи, но потомъ перенесъ событіе въ новое время. Подобно Виргинію (отцу Виргиніи), честный, сурово-добродѣтельный Одоардо закалываетъ дочь свою Эмилію; что въ римской исторіи Аппій Клавдій, то здѣсь принцъ гвастальскій.

") «Дѣтское Чтеніе для сердца и разума, пер. съ нѣм. и франц. Николай Карамзинъ и А. П. (Александръ Петровъ). 20 частей. Москва. 1785—1789». Второе изд., во Владимірѣ, 1799—1804; третье (на заглавномъ листѣ второе) Москва. 1819. Дѣтское Чтеніе издавалось Новиковымъ при Московскихъ Вѣдомостяхъ. Причина, цѣль и содержаніе изданія указаны въ посвященіи его «благородному россійскому юношеству». *Причина* заключалась въ томъ, что до того времени на рус. языкѣ не было ничего, что служило собственно для дѣтскаго чтенія: дѣти, учащіяся по французски и по нѣмецки, читали французскія и нѣмецкія книги, а не знавшія иностранныхъ языковъ или вовсе не читали, или читали что-нибудь несоразмѣрное ихъ понятіямъ. Патріоту прискорбно видѣть дѣтей, которыя вмѣсто того, чтобы съ матернимъ молокомъ всасывать любовь къ отечеству, всасываютъ, питаютъ и укореняютъ въ себѣ разныя предубѣжденія противъ всего отечественнаго: поэтому издатели возъимѣли *намѣреніе* доставить дѣтямъ чтеніе на природномъ языкѣ. *Содержаніе* журнала имѣло въ виду два предмета: во первыхъ—внушать дѣтямъ нравственность, наставлять ихъ въ обязанностяхъ къ Богу, государю, родителямъ, воспитателямъ, самимъ себѣ и всѣмъ людямъ вообще; во вторыхъ—обогащать дѣтскій умъ полезными и пріятными познаніями. Хотя Карамзинъ назвалъ свои переводы въ Дѣт. Чт. «ученическими», однакожъ они остались не безъ вліянія на послѣдующую за тѣмъ его литературную дѣятельность—и въ содержаніи, и въ выраженіи. Касательно выраженія, справедливо называютъ «Дѣтское Чтеніе» *дѣтскою школою* самого Карамзина (С. Шевыревъ, въ соч. своемъ: «А. А. Прокоповичъ-Антонскій»); относительно содержанія, сочиненія Карамзина представляютъ много мѣстъ, отразившихъ въ себѣ мысли и чувства, которыя онъ передавалъ читателямъ, какъ переводчикъ статей для Дѣт. Чтенія. Участіе его въ этомъ изданіи начинается съ 9-ой части (1787). Ему принадлежатъ:

а) Деревенскіе вечера (переводъ соч. г-жи Жанлисъ: «Les veillés du château»). Здѣсь имена дѣйствующихъ лицъ и мѣстъ переименованы въ русскія. Замѣчателенъ разсказъ: «Исправленная лѣность», въ которомъ говорится о путешествіи Доралисы по Швейцаріи. Путешественница посѣтила Геснера въ Цюрихѣ. Что она, или, лучше, Жанлисъ, говоритъ о достоинствѣ его идиллій, то самое встрѣчаемъ въ сочиненіи Карамзина: «Что нужно автору?» Чувствительность почитается существеннымъ качествомъ писателя, такъ что дурной чело-

вѣкъ и хорошій авторъ—понятія несовмѣстимыя. Въ другомъ разсказѣ: «Пустынникъ», любопытно сходство мыслей у англійскаго путешественника и швейцарскаго пустынника съ одной стороны и у Карамзина съ другой.

б) Нѣсколько статей изъ Боннетова «Созерцанія природы» (Contemplation de la nature).

в) Аркадскій памятникъ, сельская драма въ одномъ дѣйствіи (изъ Вейсе).

г) Весна, Лѣто, Осень и Зима, изъ поэмы англійскаго поэта Томсона: «Времена года», и заключительный гимнъ къ этой поэмѣ.

д) Прогулка, сочиненіе.

е) Вѣроятно, имъ же написана «русская старинная повѣсть: Евгеній и Юлія» (Подробности см. въ указанной статьѣ моей о Карамзинѣ).

[12]) «Сочиненія Карамзина, изд. 3-ье (1820), въ 9 ч.» Отдѣльное изданіе Писемъ нап. 1797—1801 г.г. въ 6 ч., подъ заглавіемъ: «Письма Русскаго Путешественника», съ эпиграфомъ:

Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ.

Авторъ посвятилъ ихъ семейству друзей своихъ Плщвх. (Плещеевыхъ): «къ Вамъ писанное Вамъ же и посвящаю». Это семейство находилось въ числѣ короткихъ московскихъ знакомствъ Карамзина. Первая его супруга, Елизавета Ивановна Протасова, была сестра жены Плещеева. Предисловіе къ «Письмамъ» оправдываетъ внесеніе въ нихъ многихъ мелочей, пестроту и неровность слога:

«Я хотѣлъ при новомъ изданіи (*) многое перемѣнить въ сихъ письмахъ, и.... не перемѣнилъ ничего. Какъ они были писаны, какъ удостоились лестнаго благоволенія публики, пусть такъ и остаются. Пестрота, неровность въ слогѣ есть слѣдствіе различныхъ предметовъ, которые дѣйствовали на душу молодаго, неопытнаго русскаго путешественника: онъ сказывалъ друзьямъ своимъ, что ему приключалось, что онъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ—и описывалъ свои впечатлѣнія не на досугѣ, не въ тишинѣ кабинета, а гдѣ и какъ случалось—дорогою, на лоскуткахъ, карандашемъ. Много неважнаго, мелочи—соглашаюсь; но если въ Ричардсоновыхъ, Фильдинговыхъ романахъ безъ скуки читаемъ мы, напримѣръ, что Грандисонъ всякій день пилъ два раза чай съ любезною миссъ Биронъ; что Томъ Джонесъ спалъ ровно семь часовъ въ такомъ-то сельскомъ трактирѣ, то для чего же и путешественнику не простить нѣкоторыхъ бездѣльныхъ подробностей? Человѣкъ въ дорожномъ платьѣ, съ посохомъ въ рукѣ, съ котомкою за плечами, не обязанъ говорить съ осторожною разборчивостію какого-нибудь придворнаго или профессора, сидящаго въ шпанскомъ парикѣ на большихъ, ученыхъ креслахъ. А кто въ описаніи путешествій ищетъ однихъ статистическихъ и географическихъ свѣдѣній, тому, вмѣсто сихъ писемъ, совѣтую читать Бишингову Географію».

Перемѣны, сдѣланныя Карамзинымъ въ письмахъ при новомъ ихъ изданіи въ Собраніи его сочиненій (первомъ—1802—1803 г., второмъ—1814, третьемъ—1820), дѣйствительно маловажны, что замѣчено самимъ авторомъ въ вышеприведенномъ «Предисловіи». Онѣ касаются языка, а не содержанія, и состоятъ въ исключеніи нѣкоторыхъ словъ и выраженій или въ замѣнѣ ихъ другими. Выписываемъ нѣсколько варіантовъ въ первомъ письмѣ изъ Москов. Журнала:

Сердце мое столько къ вамъ привязано (сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами).

Въ составъ бытія моего (прибавлено: «нравственнаго»).

Съ бездушными вещами (съ вещами бездушными).

Гдѣ теперь тѣ часы (ахъ, гдѣ, гдѣ часы).

Въ самую ту секунду (минуту вм. секунду).

Выплакать все сердце свое («все» исключено).

Дай Богъ вамъ множество утѣшеній («множество» исключено).

Воспоминайте друга, но безъ всякаго прискорбнаго чувства (вм. воспоминайте—помните, вм прискорбнаго—горестнаго).

[13]) Петровъ, Александръ Андреевичъ, воспитанникъ моск. унив., другъ Карамзина, который изобразилъ его въ прозаической элегіи: «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона», и частію въ повѣсти: «Чувствительный и холодный», подъ именемъ Леонида. По свидѣтельству И. Дмитріева, Петровъ, при глубокомъ знаніи отечественнаго слова, былъ знакомъ съ древними и новыми языками, имѣлъ необыкновенный умъ и способность къ здравой критикѣ. Его эстетическому вкусу Карамзинъ былъ обязанъ развитіемъ своего чувства изящнаго. Вообще Карамзинъ смотрѣлъ на Петрова, какъ на руководителя при изученіи разныхъ предметовъ, какъ на старшаго себя по знаніямъ и благоразумію. Друзья долгое время жили въ Москвѣ вмѣстѣ, занимаясь переводами для журналовъ и другихъ изданій Но-

---

(*) Первымъ изданіемъ Писемъ Карамзинъ называетъ помѣщеніе ихъ въ Москов. Журн. 1791—92 г.г.

викова. Въ 1791 или 1792 г. Петровъ отправился на службу въ Петербургъ. Ум. въ 1793, и тогда-то явилась упомянутая элегія: «Цвѣтокъ на гробъ Агатона». Переводы Петрова печатались въ журналахъ: «Утренній Свѣтъ», 1780 г. (О противорѣчіяхъ въ человѣческой природѣ), «Дѣтское Чтеніе» (драма Беркеня: Честный откупщикъ), «Москов. Журналъ» (Прогулка арабскаго философа Ал-Рашида, Барухъ, или ученикъ мудрости). Другіе переводы указаны И. Дмитріевымъ: «Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть» (1783)—мистическое сочиненіе; «Багуатъ—Гета, санскритская поэма, съ англ. (1788)» и «Учитель», 2 т. (статьи этого перевода помѣщались, вѣроятно, въ Дѣт. Чтеніи, которое издавали Карамзинъ и Петровъ). Письма Петрова, любопытныя для характеристики его занятій съ Карамзинымъ въ обществѣ Н. Новикова, нап. въ «Памятникѣ отечественныхъ музъ», альманахѣ, издав. Б. Ѳедоровымъ на 1827 г. (См. мою 2-ую статью о Карамзинѣ).

[14]) Варіанты этого письма см. въ прим. 12.

[15]) «Тогда мнѣ было только 24 года!» замѣчаетъ Карамзинъ въ 1-мъ изд. Писемъ, гдѣ вм. «готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю», стояло: «и въ восторгѣ цѣловалъ землю».

[16]) После этихъ словъ, въ 1-мъ изд.: «при всякомъ-ли біеніи пульса благословляете вы свою долю», живучи.... Швейцарія особенно плѣняла Карамзина, какъ своими природными красотами, такъ и по наклонности его къ пасторальному сентиментализму. Въ Швейцаріи онъ видѣлъ новую Аркадію, въ образѣ ея жителей—картину первобытнаго, невиннаго состоянія людей, осуществленіе золотаго вѣка. Въ «Письмахъ» приводятся стихи изъ описательной поэмы Галлера: «Альпы», о невозмутимомъ счастіи пастуховъ и пастушекъ. Мы уже видѣли примѣчаніе къ переводу поэмы: «О происхожденія зла» (См. прим. 2), прославляющее счастіе швейцаровъ. Таже мысль повторена въ Письмахъ: «для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями? (*) Я съ радостію отказался бы отъ многихъ удобностей жизни (которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ), чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка».

[17]) Твердое убѣжденіе, которому не измѣнялъ Карамзинъ въ теченіе всей своей жизни. Идеаломъ его стремленій былъ мирный прогрессъ, совершаемый постепеннымъ ходомъ просвѣщенія.

[18]) Сличи съ слѣдующимъ письмомъ: «О Шекспирѣ» и съ предисловіемъ къ переводу Юлія Цесаря.

[19]) Соч. Карам. изд. 3. Въ 1-ый разъ нап. въ Москов. Журн. на 1792 г. Особое изданіе, съ картинкою, представляющею Лизинъ прудъ, 1797 г. Повѣсть имѣла успѣхъ чрезвычайный. Симоновъ монастырь сдѣлался любимымъ мѣстомъ для прогулки сентиментальныхъ и мечтательныхъ душъ. Каменевъ, авторъ баллады Громвалъ (см. ниже), пріѣхавъ изъ Казани въ Москву, въ письмѣ, отъ 22 февраля 1799 г., къ своему пріятелю Москотильникову, переведшему въ прозѣ Освобожденный Іерусалимъ Тасса (1819), говоритъ слѣдующее: «третьяго дня день былъ ясный. Вздумалось мнѣ воспользоваться пріятною погодой и побывать въ томъ монастырѣ, въ окрестностяхъ коего жила нѣкогда бѣдная Лиза. Въ три часа за-полдни пріѣхалъ я къ нему. Монастырь построенъ на горѣ; видъ хорошъ, и окрестности расположены точно такъ, какъ г. Карамзинъ описываетъ. Съ правой стороны, верстахъ въ двухъ разстоянія, видна почти вся Москва. Шесть или семь древнихъ башенъ, покрытыхъ красноватою черепицею, возвышаются по угламъ его. Въ срединѣ двѣ пятиглавыя церкви, стариннаго вкуса, а подлѣ воротъ кельи въ два жилья, выкрашенныя желтою краскою. Высокія стѣны съ покрытыми переходами, мрачностію подобны раифскимъ (*). Съ полуденной стороны, подъ самыми стѣнами, растетъ густой кустарникъ, а саженяхъ въ 80-ти рощица. Видно, что та самая, близь коей Лиза жила съ матерью; только очень, очень не густа, и на перечетъ не болѣе пятидесяти деревъ, безъ порядка разсѣянныхъ. Посмотрѣвши внутренность монастыря, вышелъ я за ворота. Воздухъ былъ чистъ, видъ Москвы величественъ; солнце блистало ярко на позлащенныхъ главахъ церквей ея, а болѣе всего на главѣ высокой колокольни Новоспасскаго монастыря. Монахъ, опершись объ надолбы, глядѣлъ, отъ скуки, на городъ и дожидался вечерней молитвы. Было 4 часа. Зазвонили колокола московскіе; протяжный, заунывный звукъ ихъ разлился по воздуху; монахъ перекрестился, пошолъ въ монастырь, и начался благовѣстъ къ вечернѣ»...

[20]) Вар.: вм. «Цвѣтущіе»—«бѣлыми, синими и красными цвѣточками распещренные».

(*) Мечта воображенія! (въ 1-мъ изд.). Когда же? (въ друг. изд.).

(*) Раифская пустынь, верстахъ въ 40 отъ Казани.

[21]) «Аглая». 2 книжки (М. 1794). 2-ое изд. 1796. Такъ какъ Аглая есть имя одной изъ трехъ Грацій, то первая книжка открывается стихотвореніемъ (не вошедшимъ въ собраніе сочиненій Карамзина): «Приношеніе Граціямъ»:

Богини милыя! благословите сей
Свободный плодъ моихъ часовъ уединенныхъ,
Природѣ, тишинѣ и музамъ посвященныхъ!
. . . .
Примите малый даръ—клянуся васъ любить,
Богини милыя, доколѣ буду жить!

Въ Аглаѣ одни русскія сочиненія, говоритъ Карамзинъ; переводовъ нѣтъ. «Любезные читатели, любезныя читательницы! (такъ заключаются нѣсколько словъ «отъ сочинителя»): ваше удовольствіе, ваше одобреніе есть драгоцѣнный мой вѣнокъ—онъ снова расцвѣтетъ нѣкогда на могилѣ моей, орошенный слезами милаго сердца!» Посвященіе второй книжки «Другу моего сердца» проникнуто еще большей меланхоліей и любопытно для характеристики сентиментализма:

«Тебѣ, любезная, посвящаю мою Аглаю, тебѣ, единственному другу моего сердца!

Твоя нѣжная, великодушная, святая дружба составляетъ всю цѣну и счастіе моей жизни. Ты мой благодѣтельный геній, геній хранитель!

Мы живемъ въ печальномъ мірѣ; но кто имѣетъ друга, тотъ пади на колѣна и благодари Вездѣсущаго!

Мы живемъ въ печальномъ мірѣ, гдѣ часто страдаетъ невинность, гдѣ часто гибнетъ добродѣтель; но человѣкъ имѣетъ утѣшеніе—любить!

Сладкое утѣшеніе! любить друга, любить добродѣтель!... любить, и чувствовать, что мы любимъ!

Исчезли призраки моей юности; угасли пламенныя желанія въ моемъ сердцѣ; спокойно мое воображеніе.

Ничто не прельщаетъ меня въ свѣтѣ. Чего искать? къ чему стремиться?... къ новымъ горестямъ? онѣ сами найдутъ меня—и я безъ ропота буду лить новыя слезы.

Тамъ лежитъ страннической посохъ мой, и тлѣетъ во прахѣ!

Любезная! сіи двѣ слезы, которыя выкатились теперь изъ глазъ моихъ, тебѣ же посвящаю!»

Кромѣ потери друга, Петрова (о чемъ говорится въ «Приношеніи Граціямъ»), Карамзинъ имѣлъ и другую, общую со многими современниками причину горести, выраженную словами: «мы живемъ въ печальномъ мірѣ», и яснѣе раскрытую въ перепискѣ Мелодора съ Филалетомъ (см. прим. 24). Въ Аглаѣ, кромѣ «Цвѣтка на гробъ Агатона», помѣщены прозаическія статьи: «Что нужно автору?» «Нѣчто о наукахъ и искуствахъ», «Островъ Борнгольмъ», «Сіерра - Морена», «Аѳинская жизнь», «Письма Мелодора къ Филалету и Филалета къ Мелодору», «Дремучій лѣсъ», два отрывка изъ Писемъ рус. путешественника, нѣсколько стихотвореній и сказка «Илья Муромецъ».

[22]) Въ Аглаѣ къ этимъ словамъ прибавлено: «подобно какъ заря вечерняя угасаетъ на полунощномъ небѣ».

[23]) Сличи съ другимъ сочиненіемъ Карамзина: «Чувствительный и Холодный» (прим. 13): «Въ первомъ (Эрастѣ) съ самаго младенчества обнаруживалась рѣдкая чувствительность; второй (Леонидъ), казалось, родился благоразумнымъ... Ихъ взаимная дружба казалась чудною: столь были они несходны характерами! Но сія дружба основывалась на самомъ различіи свойствъ. Эрастъ имѣлъ нужду въ благоразуміи, Леонидъ въ живости мыслей, которая для его души имѣла прелесть удивительнаго. Чувствительность одного требовала сообщенія; равнодушіе и холодность другаго искали занятія», и пр.

[24]) Соч. Кар., изд. 3, т. 7. Впервые нап. во 2-й кн. Аглаи. Переписка Мелодора съ Филалетомъ сочинена во время самаго разгара французской революціи. Карамзинъ, почитавшій, какъ онъ говоритъ, «конецъ 18-го вѣка концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества», временемъ, когда «законы чистаго разума начнутъ исполняться во всей ихъ точности», былъ потрясенъ въ своемъ убѣжденіи кровавыми событіями 1793 г. «Утѣшительная система его рушилась въ своемъ основаніи». Всего больше онъ боится торжества ненавистниковъ наукъ, того общественнаго мнѣнія, которое вооружится противъ просвѣщенія, находя въ немъ главную вину французскаго государственнаго переворота. Въ этой боязни ясно сказывается весь авторъ, какъ своими природными качествами, такъ и образомъ мыслей. Вездѣ онъ стоитъ за просвѣщеніе и литературу и всегда требуетъ мирнаго, постепеннаго прогресса обществъ, главнымъ средствомъ котораго служитъ просвѣщеніе. Посланіе къ Д*** (И. И. Дмитріеву), во 2-й кн. Аглаи, выражаетъ туже нравственную боль, которою страдалъ Мелодоръ. «Я желалъ не безполезно жить для людей», говоритъ Карамзинъ, «но время и опытъ разрушили воздушный замокъ юности.

Теперь иной я вижу свѣтъ,—
И вижу ясно, что съ Платономъ

Намъ тьмы въ умахъ не озарить,
Съ Питтакомъ, Ѳалесомъ, Зенономъ
Сердецъ жестокихъ не смягчить.
Ахъ! зло подъ солнцемъ безконечно,
И люди будутъ—люди вѣчно...

Пока не наполнится водою сосудъ Данаидъ, до тѣхъ поръ истина будетъ опасна,

Однимъ скучна, другимъ ужасна;
Никто не хочетъ ей внимать.
И часто ядъ тому заплата,
Кто гласомъ мудраго Сократа
Дерзаетъ буйству угрожать.
Гордецъ не любитъ наставленья,
Глупецъ не терпитъ просвѣщенья—
И такъ лампаду угасимъ,
Желая доброй ночи имъ.

На Мелодора и Филалета надобно смотрѣть не какъ на двѣ разныя личности, а какъ на одного и тогоже человѣка въ двухъ послѣдовательныхъ состояніяхъ его духа: Мелодоръ — это Карамзинъ, потрясенный событіями французской революціи; Филалетъ—это Карамзинъ, успокоенный оптимизмомъ.

[25]) Ученіе оптимистовъ, изложенное Карамзинымъ преимущественно въ «Разговорѣ о счастіи (1797 г.)». См. мою статью: «Карамзинъ, какъ оптимистъ» (Отеч. Зап. 1858, № 1).

[26]) Перепечатана въ Москвитянинѣ 1854 г. (№№ 3, 4, 6, 7, 10, 11 и 12), съ предисловіемъ г. Шевырева. Вотъ объявленіе Карамзина о содержаніи «Смѣси»: «Подъ симъ именемъ будемъ мы въ теченіе 1795 г. сообщать нашимъ читателямъ разные анекдоты, примѣчанія, достойныя мысли древнихъ и новыхъ философовъ, цвѣты разума и чувства, статьи изъ натуральной исторіи и краткія описанія малоизвѣстныхъ мѣстъ и народовъ; иногда стихи, иногда извѣстія о новыхъ англійскихъ и нѣмецкихъ книгахъ для любителей иностранныхъ литературъ, характерныя черты изъ Лондонскихъ Вѣдомостей и вообще разныя мелкія піесы и отрывки, которые по чемунибудь достойны вниманія». Оригинальный отрывокъ: «Юношество и мужество», сличи съ разсужденіемъ «О счастливѣйшемъ времени жизни» (Вѣст. Европы, 1803, № 13), гдѣ Карамзинъ также отдаетъ предпочтеніе возмужалому возрасту, послѣдней степени физической зрѣлости, «когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ природы, для нихъ уставленный.... Мы ограничиваемъ сферу бытія своего, чтобы не бѣгать вдаль за удовольствіями; перестаемъ странствовать по туманнымъ областямъ мечтанія; живемъ дома, живемъ болѣе въ самихъ себѣ; требуемъ менѣе отъ людей и свѣта; менѣе огорчаемся неудачами, ибо менѣе ожидаемъ благопріятныхъ случайностей. Жребій брошенъ: состояніе избрано, утверждено», и т. д. Карамзинъ въ разныхъ сочиненіяхъ своихъ возвращается къ однѣмъ и тѣмъ же мыслямъ, которыя признавалъ онъ истинными и изъ которыхъ слагалась система его основныхъ понятій и убѣжденій.

[27]) «Аониды, или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній. Москва. Три книжки: первая—1796, вторая—1797, третья—1798—1799». Аониды—другое имя Музъ. Сборникъ Карамзина есть то самое, что въ другихъ европейскихъ литературахъ называлось Календаремъ или Альманахомъ Музъ. Стихотворные альманахи ежегодно издавались во Франціи и пользовались большимъ успѣхомъ. Аониды наполнялись піесами почти всѣхъ извѣстныхъ въ то время стихотворцевъ: самого Карамзина, И. Дмитріева, Державина, Нелединскаго-Мелецкаго, В. Пушкина, Капниста, кн. Д. Горчакова, В. Измайлова, Кострова, Хераскова и жены его (Елизаветы), кн. Г. Хованскаго и другихъ. Предисловіе ко 2-ой книжкѣ Аонидъ вызвано было вопросами публики, доходившими до издателя: «для чего между многими хорошими стихами помѣщаются въ Аонидахъ и нѣкоторые очень несовершенные, слабые?» Издатель даетъ такой отвѣтъ: «Отчасти для ободренія незрѣлыхъ талантовъ, которые могутъ созрѣть и произвести со временемъ нѣчто совершенное; отчасти для того, чтобы справедливая критика публики заставила насъ писать съ большимъ стараніемъ, чтобы читатели имѣли удовольствіе видѣть, какъ молодые стихотворцы годъ отъ году очищаютъ свой вкусъ и слогъ; наконецъ и для того, чтобы не очень хорошее тѣмъ болѣе возвышало цѣну хорошаго». За тѣмъ Карамзинъ разсматриваетъ два недостатка нашихъ юныхъ музъ: излишнюю высокопарность и притворную слезливость. Предисловіе, не вошедшее въ собраніе его сочиненій, замѣчательно по своимъ здравымъ эстетическимъ понятіямъ.

[28]) Если бы женскую голову къ шеѣ коня—живописецъ
Вздумалъ приставить и, разные члены собравши отвсюду
Перьями ихъ распестрилъ, чтобъ прекрасная женщина сверху
Кончилась снизу уродливой рыбой: смотря на такую
Выставку, други! могли ли бы вы удержаться отъ смѣха?
(Перев. М. Дмитріева).

[29]) Изъ статьи: «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени» (Вѣст. Евр.,

1802, № 12). Въ ней различаются три части: первая изображаетъ современное состояніе Европы, въ которой водворенъ былъ порядокъ, необходимый для политическаго и нравственнаго благоденствія народовъ; вторая разсматриваетъ внѣшнее и внутреннее состояніе Россіи: общее спокойствіе сердецъ, распространеніе просвѣщенія, видимое изъ того, что благородныя, истинно-человѣческія идеи болѣе и болѣе дѣйствуютъ въ умахъ, разумъ утверждаетъ права свои, духъ Россіянъ возвышается; третья заявляетъ желанія въ будущемъ: полное собраніе законовъ, болѣе основательное воспитаніе, любовь къ семейной жизни и хозяйственнымъ занятіямъ, отсутствіе роскоши.

[30]) «Историческое похвальное слово Екатеринѣ Второй, сочиненное Николаемъ Карамзинымъ. М. 1802». Посвящено Александру I. Состоитъ изъ трехъ частей. Дѣленіе указано самимъ авторомъ, въ слѣдъ за приступомъ: «Сограждане! Екатерина безсмертна своими побѣдами, мудрыми законами и благодѣтельными учрежденіями; взоръ нашъ слѣдуетъ за нею на сихъ трехъ путяхъ славы». (Сличи прим. 60 на 311 стр., въ 1 т. Христоматіи). Того же 1802 г. въ Спб. напеч.: «Похвала Екатеринѣ Великой, сенатора Захарова» и «Слово Похвальное Екатеринѣ Второй», написанное въ Вышнемъ Волочкѣ Михаиломъ Храповицкимъ. Оба они рабски подражали Ломоносовскому складу рѣчи и думали больше о риторической высокопарности, нежели о содержаніи.

[31]) «Вѣст. Евр. 1803, № 5». Статья важная по образу мыслей Карамзина и по отношенію его литературной дѣятельности къ современнымъ правительственнымъ постановленіямъ. Онъ является здѣсь и какъ неизмѣнный ревнитель просвѣщенія, которымъ человѣчество направляется къ совершенству, и какъ писатель царствованія Александра I, въ которомъ видитъ идеалъ монарха. Статьи подобнаго рода, помѣщавшіяся въ Вѣстн. Европы, имѣли цѣлью разъяснять публикѣ преобразованія и новые учрежденія. Замѣтка о просвѣщенныхъ земледѣльцахъ (по поводу заведенія сельскихъ школъ) полнѣе выговорена въ апологической статьѣ: «Нѣчто о наукахъ, искуствахъ и просвѣщеніи» (Аглая, кн. 1). Въ заключеніе этой статьи Карамзинъ обращается къ главной, постоянно руководившей его мысли: «Законодатель и другъ человѣчества! ты хочешь общественнаго блага: да будетъ же первымъ закономъ твоимъ — просвѣщеніе!... Когда свѣтъ ученія озаритъ всю землю, тогда, можетъ быть, настанетъ златой вѣкъ поэтовъ, вѣкъ благонравія,— и тамъ, гдѣ возвышаются теперь кровавые эшафоты, тамъ сядетъ добродѣтель на свѣтломъ тронѣ». (Писано 1793 г.).

[32]) «О древней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ». Съ эпиграфомъ: «Нѣсть льсти въ языцѣ моемъ» (Псал. 138, ст. 4). Записка относится къ 1811 г. Главный предметъ ея—первое десятилѣтіе царствованія Александра I. Исторія Россіи до начала XIX вѣка изложена въ краткомъ, но рѣзкомъ очеркѣ, сколько было нужно для сужденія о главномъ предметѣ. «Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго» (такъ приступаетъ авторъ къ своему изложенію): «чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее; одно другимъ, такъ сказать, дополняется, и въ связи представляется мыслямъ яснѣе». Часть Записки (до смерти Екатерины II) нап. въ Современникѣ (1837, т. 5) и въ Ист. Гос. Рос., изд. Эйнерлинга (3 тома, 1842—1843). Нѣкоторые отрывки изъ нея, касающіеся организаціонныхъ работъ гр. Сперанскаго, помѣщены въ 1-ой ч. жизни этого государственнаго мужа, описанной барономъ М. Корфомъ (стр. 132—144). Г. Корфъ опредѣлилъ слѣдующимъ образомъ значеніе второй, главной части Записки: «Записка Карамзина имѣетъ для насъ, потомковъ, болѣе историческую цѣну, вовсе не по внутреннему ея достоинству и не по краснорѣчивому изложенію въ ней индивидуальныхъ его мыслей, но какъ искусная компиляція того, что онъ слышалъ вокругъ себя. Карамзинъ, гораздо болѣе литераторъ, нежели человѣкъ государственный или вообще политическій, говорилъ здѣсь, разумѣется, не одно свое. Если современная ему публика нашла въ его Запискѣ свое собственное темное неудовольствіе, облеченное въ форму изящной рѣчи, то нѣтъ сомнѣнія, что, взаимно, и та среда, въ которой онъ жилъ, не могла остаться безъ широкаго на него вліянія. Въ этомъ смыслѣ «Записка» представляетъ собою общій, такъ сказать, итогъ тогдашней консервативной оппозиціи и тѣхъ массъ, которыя, обветшавъ, требовали обновленія». Мнѣніе Записки о Петрѣ не только отступаетъ отъ прежнихъ взглядовъ Карамзина на реформу Россіи, высказанныхъ въ Письмахъ рус. путеш. (Соч. Кар., изд. Смирдина, 1848, т. 2, стр. 512—516), но становится въ совершенную съ ними противоположность. Оно сходится съ понятіями Болтина, Екатерины II и кн. Дашковой (см. въ 1 ч. Христ., стр. 311, прим. 68). Въ разговорѣ съ Кауницемъ, Дашкова оспаривала мнѣніе министра, буд-

то Россія обязана единственно Петру I своимъ политическимъ бытіемъ.

[33]) «Исторія Государства Россійскаго, соч. Н. Карамзина, 12 т.» (1-ое изд., 1816—1824; 2-ое—1819—24; 3-ье, Смирдина, 1830—1831; 4-ое, его же, 1833 г.; 5-ое, Эйнерлинга, въ 3 т., заключающихъ въ себѣ 12 книгъ, 1842—1843).

[34]) Отрывокъ этотъ, изъ IV тома, отношу приблизительно къ 1807 или 1808 г., слѣдуя письму Карамзина къ его брату, отъ 6 іюня 1808 г.: «Въ трудѣ моемъ бреду впередъ, шагъ за шагомъ, и теперь, описавъ ужасное нашествіе Татаръ, перешелъ въ четвертый-на-десять вѣкъ» (Атеней, 1858, № 22, стр. 418).

[35]) Въ письмѣ къ брату, отъ 5 іюля 1814 г., Карамзинъ говоритъ: «Я дописываю Василья Ивановича, чтобы скорѣе приняться за Грознаго царя Ивана» (Атеней, 1858, № 24, стр. 541); а черезъ годъ (24 іюля 1815) онъ извѣщалъ объ окончаніи VIII тома, откуда взято обозрѣніе исторіи Новгорода: «Дописываю осьмой томъ, содержащій въ себѣ завоеваніе Казани и Астрахани» (Атеней, 1858, № 25, стр. 600). Слѣдов. обозрѣніе могло быть сочинено въ 1814 или 1815 г.—Въ Вѣст. Евр., 1803 г., №№ 1, 2, 3, помѣщена историческая повѣсть Карамзина: «Мароа Посадница, или покореніе Новагорода». Взглядъ на событіе, выраженный въ предисловіи, любопытно сопоставить съ разсужденіями историка: «Мудрый Іоаннъ долженъ былъ для славы и силы отечества присоединить область новогородскую къ своей державѣ: хвала ему! Однакожъ сопротивленіе Новогородцевъ не есть бунтъ какихъ-нибудь якобинцевъ: они сражались за древніе свои уставы и права, данныя имъ отчасти самими великими князьями, на примѣръ Ярославомъ, утвердителемъ ихъ вольности. Они поступили только безразсудно: имъ должно было предвидѣть, что сопротивленіе обратится въ гибель Новугороду, и благоразуміе требовало отъ нихъ добровольной жертвы.... Кажется, что старинный авторъ сей повѣсти (*) и въ душѣ своей не винилъ Іоанна. Это дѣлаетъ честь его справедливости, хотя при описаніи нѣкоторыхъ случаевъ кровь новогородская явно играетъ въ немъ». Въ параллель съ этимъ мѣстомъ идутъ слова историка: «Хотя сердцу человѣческому свойственно», и пр. Сентенція: «Республика держится добродѣтелію и безъ нея упадаетъ», повторяетъ слова Монтескье изъ его Духа законовъ (кн. 3: Des principes des gouvernements).

[36]) Томъ IX. Письмо Карамзина, отъ 25 мая 1820: «Если Богъ дастъ зимою кончить мнѣ и напечатать 9-й томъ Исторіи».... (Атеней, 1858, № 27, стр. 59): поэтому отношу отрывокъ къ 1819 или 1820 г.

[37]) XII томъ. Письмо отъ 10 января 1825 г.: «Я слишкомъ старъ и думаю только кончить, если Богъ дастъ, 12-ый т. Исторіи» (Атеней, 1858, № 28, стр. 117): слѣд. послѣдній отрывокъ относится къ 1825 г.

(*) «Случай, доставилъ мнѣ въ руки старинный манускриптъ, который сообщаю здѣсь любителямъ исторіи и сказокъ.»

II.

И. И. ДМИТРІЕВЪ. ([1]).

А. ПѢСНИ.

а) *Стонетъ сизый голубочекъ....* (*1792*). ([2]).

Стонетъ сизый голубочекъ,
Стонетъ онъ и день и ночь:
Миленькій его дружочекъ
Отлетѣлъ надолго прочь.

Онъ ужъ болѣ не воркуетъ
И пшенички не клюетъ;
Все тоскуетъ, все тоскуетъ
И тихонько слезы льетъ.

Съ нѣжной вѣтки на другую
Перепархиваетъ онъ,
И подружку дорогую
Ждетъ къ себѣ со всѣхъ сторонъ.

Ждетъ ее.... увы! но тщетно;
Знать судилъ ему такъ рокъ!
Сохнетъ, сохнетъ непримѣтно
Страстный, вѣрный голубокъ.

Онъ ко травкѣ прилегаетъ;
Носикъ въ перья завернулъ;
Ужъ не стонетъ, не вздыхаетъ;
Голубокъ.... на-вѣкъ уснулъ!

Вдругъ голубка прилетѣла,
Пріунывъ, издалека,
Надъ своимъ любезнымъ сѣла,
Будитъ, будитъ голубка;

Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
Ходитъ милаго вокругъ —
Но.... увы, прелестна Хлоя!
Не проснется (3) милый другъ!

б) Ахъ! когда бъ я прежде знала»... (1792). (4).

Ахъ! когда бъ я прежде знала,
Что любовь родитъ бѣды:
Веселясь бы не встрѣчала
Полуночныя звѣзды!
Не лила бъ отъ всѣхъ украдкой
Золотаго я кольца;
Не была бъ въ надеждѣ сладкой
Видѣть милаго льстеца!

Къ удаленію удара
Въ лютой, злой моей судьбѣ,
Я слила бъ изъ воска яра (*)
Легки крылышки себѣ,
И на родину вспорхнула
Мила друга моего;
Нѣжно, нѣжно бы взглянула
Хоть однажды на него.

А потомъ бы улетѣла
Со слезами и тоской;
Подгорюнившись бы сѣла
На дорогѣ я большой;
Возрыдала бъ, возопила:
Добры люди! какъ мнѣ быть?
Я невѣрнаго любила....
Научите не любить.

в) Всѣхъ цвѣточковъ болѣ (1792). (5).

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ;
Ею только въ полѣ
Взоръ мой веселилъ.

Съ каждымъ днемъ милѣе
Мнѣ она была;
Съ каждымъ днемъ алѣе
Все какъ вновь цвѣла.

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ, какъ нарочно,
Привилась полынь.

Роза не увяла—
Тотъ же самый цвѣтъ;
Но не та ужъ стала:
Аромата нѣтъ!..

Хлоя! какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!
Сколь, увы, опасенъ
Для красы порокъ!

В. РАЗМЫШЛЕНІЕ ПО СЛУЧАЮ ГРОМА (1795). (6).

Гремитъ!.... благоговѣй, сынъ персти!
Се Ветхій деньми (7) съ небеси
Изъ кроткой, благотворной длани
Перуны сѣетъ по землѣ!
Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы
И... исчезаю предъ Тобой! (8).

Что человѣкъ? паритъ ли къ солнцу,
Смиренно ль идетъ по землѣ:
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ, въ океанѣ жизни,
Пловецъ на утлой ладіи,
Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ—и мчится на скалу!

Ты дхнешь, и двигнешь океаны!
Речешь, и вспять они текутъ!
А мы.... одной волной подъяты,
Одной волной поглощены!
Вся наша жизнь, о Безначальный!
Предъ тайной вѣчностью Твоей
Едва минутное мечтанье,
Лучъ блѣдный утренней зари (9).

(*) Эта пѣсня есть точное подражаніе старинной простонародной пѣснѣ.

В. САТИРА: ЧУЖОЙ ТОЛКЪ (1795). ([10]).

«Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку ([11]), Рамлеру ([12]) и ихъ собратьи равнымъ,
И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣньѣ славнымъ?
Какъ думаешь?... Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ и нашу пѣснь: въ ихъ... нечего читать!
Листочекъ, много три, а любо, какъ читаешь—
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ, рѣзвясь, а не четыре дни:
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
А иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно, ужъ весь приложитъ разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать ([13]), какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти ([14]) строфъ!
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ тому жъ и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье—
Точь въ точь, какъ говорятъ учены по церквамъ ([15])!
Со всѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, на примѣръ, я оды на побѣды ([16]),
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли Шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда, — короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!... а зѣваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ иль на что подобное тому:
Тутъ найдешь то, чего бъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: «зари багряны персты»,
И «райскій кринъ», и «Фебъ», и «небеса отверсты»!
Такъ громко, высоко!... а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ!»

Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной простотою
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною.
Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно.
По къ счастью—ежели назвать то счастьемъ можно,
Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ,—
Какой-то аристархъ съ нимъ началъ разговоръ.

«На это», онъ сказалъ, «есть многія причины;

Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторы вамъ охотно объявлю.
Я самъ языкъ боговъ, поэзію, люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ также мало;
Однакожъ здѣсь въ Москвѣ толкался я, бывало,
Межъ нашихъ Пиндаровъ и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ—лейбгвардіи капралъ,
Ассесоръ, офицеръ, какой нибудь подьячій,
Иль изъ кунсткамеры антикъ, въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ,—народъ все (17) нужный, должностной;
Такъ, часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни риѳму лишь прибрать едва успѣетъ,
Затѣмъ что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ (18);
Лишь только мысль къ нему счастливая придетъ,
Вдругъ—било шесть часовъ! уже карета ждетъ;
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону (*),
А тутъ и ночь.... Когда жъ заѣхать къ Аполлону?
На-завтра, лишь глаза откроетъ—ужъ билетъ:
На пробу (19) въ пять часовъ.... Куда же? Въ модный свѣтъ,
Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ арлекина (20) ролю.
До оды ль тутъ? тверди, скачи два раза къ Кролю (**);
Потомъ опять домой: здѣсь холься, да рядись;
А тамъ въ спектакль, и такъ со днемъ опять простись!

(*) Бывшій содержатель въ Петербургѣ вольныхъ маскерадовъ.
(**) Петербургскій портной.

Къ тому жъ, у древнихъ цѣль была, у насъ другая:
Горацій, на примѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? О! онъ—онъ бралъ не съ-высока:
Въ вѣкахъ безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!
А нашихъ многихъ цѣль—награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцослова,
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякій листъ быть кажется святымъ.
Судя жъ, сколь разные и тѣхъ и нашихъ виды,
Навѣрно льзя сказать, не дѣлая обиды
Ретивымъ господамъ, питомцамъ русскихъ музъ,
Что долженъ быть у нихъ и особливый вкусъ,
И въ сочиненіи лирической поэмы
Другіе способы, особые пріемы;
Какіе же они, сказать вамъ не могу,
А только объявлю—и, право, не солгу—
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворитель,
Котораго трудовъ Меркурій нашъ и Зритель (*),
И книжный магазинъ, и лавочки (21) полны.
«Мы съ риѳмами на свѣтъ», онъ мыслилъ, «рождены:
Такъ не смѣшно ли намъ, поэтамъ, согласиться—
На взморьѣ въ хижину, какъ Демосѳенъ, забиться,

(*) Петербургскіе журналы.

Читать да думать все, и то, что вздумалъ самъ,
Разсказывать однѣмъ шумящимъ лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
Онъ, не учась, ученъ, какъ придетъ въ восхищенье;
Науки будутъ все науки, а не даръ;
Потребный же запасъ: отвага, риѳмы, жаръ».
И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что Рымникскій Алкидъ Поляковъ разгромилъ
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ: «Ода!»
Потомъ въ одинъ присѣстъ: «такого дня и года!»
«Тутъ какъ?... «Пою»!...Иль нѣтъ, ужъ это старина!
Не лучше ль: «Даждь мнѣ,Фебъ»!... Иль такъ: «Не ты одна
Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта!»
Но что же мнѣ прибрать къ ней въ риѳму, кромѣ чорта?
Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я (22) лучше поброжу
И воздухомъ себя открытымъ освѣжу».
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
«Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ;
Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль (23) съ Орловымъ?
Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ новымъ—
Неловко что-то все. Да просто напишу:
«Ликуй, герой! ликуй, герой, ты!» возглашу.
Изрядно! Тутъ же что! Тутъ надобенъ восторгъ (24)!
Скажу: «Кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?
Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣта
И то, и то»... А тамъ?... извѣстно: «многи лѣта!»
Брависсимо! и планъ, и мысли, все ужъ есть!
Да здравствуетъ поэтъ! осталося присѣсть
Да только написать, да и печатать смѣло!»
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ, и въ шляпѣ дѣло!
И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ (25)!
Вотъ какъ пиндарилъ онъ и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны!
Желалъ бы я, чтобъ Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
«Кто въ громкій славою Екатерининъ вѣкъ
Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось ее, разбей, и знай: онъ не поэтъ!»

Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ мой клевретъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, ничтожилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ! Воспрянемъ! Марсій ожилъ!
Товарищи! къ столу, за перья! отомстимъ,
Надуемся, напремъ, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную сатиру
И оправдаемъ тѣмъ россійску громку лиру.

г. Сказка: Причудница (1795). (26).

Въ Москвѣ, которая и въ древни времена

Прелестными была обильна и славна—
Не знаю подлинно, при коемъ государѣ,
А только слышалъ я, что русскіе бояре
Тогда ужъ бросили запоры и замки,
Не запирали женъ въ высоки чердаки,
Но, слѣдуя нѣмецкой модѣ,
Ужъ позволяли имъ въ пріятной жить свободѣ;
И свѣтская тогда жена
Могла безъ опасенья
Съ домашнимъ другомъ, иль одна,
И на качеляхъ быть въ день свѣтла воскресенья,
И въ кукольный театръ отъ скуки завернуть,
И въ рощѣ Марьиной подъ тѣнью отдохнуть—
Въ Москвѣ, я говорю, Вѣтрана процвѣтала.
Она пригожествомъ лица,
Здоровьемъ и умомъ блистала;
Имѣла мать, отца;
Имѣла лестну власть щелчки давать супругу;
Имѣла, словомъ, все: большой, тесовый домъ,
Съ берлинами сарай, изрядную услугу,
Гуслиста, карлицу, шутовъ и дуръ содомъ,
И даже двухъ сорокъ, которыя болтали
Такъ точно, какъ она—однакожъ меньше знали.
Вѣтрана куколкой всегда разряжена
И каждый день окружена
Знакомыми, родней и нѣжными сердцами;
Но всѣ они при ней казались быть льстецами,
За тѣмъ что всякъ изъ нихъ завидовалъ то ей,
То цугу вороныхъ коней,
То парчевому ея платью,
И всякъ хотѣлъ бы жить съ такою благодатью.
Одна Вѣтрана лишь не вѣдала цѣны
Всѣхъ благъ, какія ей фортуною даны;
Ни блескъ, ни дружество, ни пляски, ни забавы,
Ни самая любовь—вѣдь есть же на свѣту
Такіе чудны нравы!—
Не трогали мою надменну красоту.
Ей царствующій градъ казался пустъ и скученъ,
И всякъ, кто ни былъ ей знакомъ,
Съ какимъ нибудь да былъ пятномъ:
«Тотъ глупъ, другой уродъ, тотъ ужасть (*) неразлученъ;
Сердечкинъ ноетъ все, вадыханьемъ гонитъ вонъ;
Такой-то все молчитъ и погружаетъ въ сонъ;
Та все чинится, та болтлива;
А эта слишкомъ зла, горда, самолюбива».
Такой отзывъ ея знакомыхъ всѣхъ отбилъ:
Родня и другъ ее забылъ;
Любовникъ разлюбилъ;
Пріѣздъ къ пригоженькой невѣжѣ
Часъ отъ часу сталъ рѣже, рѣже;
Осталась наконецъ лишь съ гордостью одной;
Утѣшно ли кому съ подругой жить такой,
Надутой, но пустой?
Она лишь пучитъ въ насъ, а не питаетъ душу!
Пожалуй, я въ глаза сказать ей то не струшу.
И такъ Вѣтрана съ ней сначала ну зѣвать,
Потомъ ужъ и грустить, потомъ и тосковать,
И плакать, и гонцовъ повсюду разсылать
За крестной матерью;—а та, извольте знать,
Чудесной силою невѣдомой науки
Творила на Руси неслыханныя штуки!
О если бы возсталъ изъ гроба ты въ сей часъ,
Драгунскій витязь мой, о ротмистръ Брамербасъ,

(*) Слово, употребительное и понынѣ въ губерніяхъ.

Ты, бывшій столько лѣтъ въ малоросс—
сійскомъ краѣ
Игралищемъ злыхъ вѣдьмъ!... Я помню,
какъ во снѣ,
Что ты разсказывалъ еще ребенку мнѣ,
Какъ вѣдьма нѣкая въ сараѣ,
Оборотя тебя въ драгунскаго коня,
Гуляла на хребтѣ твоемъ до полуночи,
Доколѣ ты уже не выбился изъ мочи:
Какимъ ты ужасомъ разилъ тогда меня!
Съ какой, бывало, ты разсказывалъ раз-
машкой,
Въ колетѣ палевомъ и въ длинныхъ са-
погахъ,
За круглымъ столикомъ, дрожащимъ съ
чайной чашкой!
Какой огонь тогда пылалъ въ твоихъ
глазахъ!
Какъ волосы твои, сѣдые съ желтиною,
Въ природной простотѣ взвѣвали по пле-
чамъ!
Съ какимъ безмолвіемъ ты былъ вни-
маемъ мною!
Въ подобномъ твоему я страхѣ былъ и
самъ,
Стоялъ какъ вкопаный, тебя глазами
мѣрилъ,
И что ужъ ты не конь.... еще тому не
вѣрилъ!
О если бы теперь ты, витязь мой, вос-
кресъ,
Я бъ смѣлый былъ пѣвецъ неслыхан-
ныхъ чудесъ!
Не сталъ бы истину я закрывать подъ
маску...
Но, ахъ, тебя ужъ нѣтъ, и быль идетъ
за сказку.
Простите! виноватъ! немного отступилъ;
Но, истинно, не я, восторгъ причиной
былъ;
Однако я клянусь моимъ пермесскимъ
богомъ,
Что буду продолжать обыкновеннымъ
слогомъ.
И такъ дослушайте жъ. Однажды, ве-
черкомъ,
Сидитъ, облокотясь, Вѣтрана подъ окномъ
И возведя свои уныло-ясны очи
Къ задумчивой лунѣ, сестрицѣ смуглой
ночи,
Грустить и думаетъ: «Прекрасная луна!
Скажи, не ты ли та счастливая страна,
Гдѣ матушка моя ликуетъ?
Увы! неужель ей, которой небеса
Вручили власть творить различны чудеса,
Невѣдомо теперь, что дочь ея тоскуетъ;
Что крестница ея оставлена отъ всѣхъ
И въ жизни никакихъ не чувствуетъ
утѣхъ?
Ахъ, если бы она хоть глазки показала!»
И съ этой мыслью вдругъ Всевѣда ей
предстала.
Здорово, дитятко! Вѣтранѣ говоритъ:
Какъ поживаешь ты?... Но что твой
кажетъ видъ?
Ты такъ стара! такъ похудѣла!
И, бывши розою, какъ лилія блѣдна!
Скажи мнѣ, отъ чего такъ скоро ты
созрѣла?
Откройся... — «Матушка», отвѣтствуетъ
она:
«Я жизнь мою во скукѣ трачу:
Настанетъ день, тоскую, плачу;
Покроетъ ночь, опять грущу;
И все чего-то я ищу».
—Чего же, свѣтикъ мой? или ты нездо-
рова?—
«О! нѣтъ, грѣшно сказать».—Иль домъ
вашъ небогатъ?—
«Повѣрьте, не хочу ни мраморныхъ па-
латъ».—
Иль мужъ обычая лихаго?—
«Напротивъ, врядъ найти другаго,
Который бы жену столь горячо лю-
билъ».—
Иль онъ не нравится?—«Нѣтъ, онъ
довольно милъ».—
Такъ развѣ отъ своихъ знакомыхъ не-
спокойна?—
«Я болѣе отъ нихъ любима, чѣмъ до-
стойна».—
Чего же, глупенька, тебѣ недостаетъ?—

«Признаться, матушка, мнѣ такъ наскучилъ свѣтъ,
И такъ я все въ немъ ненавижу,
Что то одно и сплю и вижу,
Чтобъ какъ нибудь попасть отсель
Хотя за тридевять земель;
Да только чтобы все въ глазахъ моихъ блистало,
Все новостію поражало
И рѣдкостью мой умъ и взоръ;
Гдѣ бъ разныхъ дивностей соборъ
Представилъ быль, какъ небылицу...
Короче: дай свою увидѣть мнѣ столицу!»
Старуха хитрая, кивая головой,
Что дѣлать, мыслила, мнѣ съ просьбою такой?
Желанье дерзко, безразсудно,
То правда, но его исполнить мнѣ нетрудно;
Зачѣмъ же дурочку отказомъ огорчить!...
Къ тому жъ, я тѣмъ могу ее и поучить.
Изрядно! наконецъ сказала:
Исполнится, какъ ты желала.—
И вдругъ, о чудеса!
И крестница и мать взвились подъ небеса
На лучезарной колесницѣ,
Подобной въ быстротѣ синицѣ,
И меньше, нежель въ три мига,
Спустились въ новый міръ, отъ нашего отмѣнный,
Въ которомъ тронъ веснѣ воздвигнутъ неизмѣнный!
Въ немъ рѣки какъ хрусталь, какъ бархатъ берега ([27]),
Деревья яблонны, кусточки ананасны,
А горы всѣ или янтарны, иль топазны.
Каковъ же феинъ былъ дворецъ—признаться вамъ,
То врядъ изобразитъ и Богдановичъ (*) самъ.
Я только то скажу, что всѣ матеріалы,
(А впрочемъ выдаю я это вамъ за слухъ)
Изъ коихъ феинъ кумъ, какой-то славный духъ,
Дворецъ сей сгромоздилъ: лишь изумрудъ, опалы,
Порфиръ, лазурь, пиропъ, кристаллъ,
Жемчугъ и лаллъ.
Всѣ, словомъ, рѣдкости богатыя природы,
Какими свадебны набиты русски оды;
А садъ—повѣрите ль?—не только описать
Иль въ сказкѣ разсказать,
Но даже и во снѣ его намъ не видать.
Пожалуй, выдумать нетрудно:
Но все то будетъ мало, скудно,
Иль много-много что во тьмѣ кудрявыхъ словъ
Удастся Сарское село себѣ представить,
Армидинъ садъ, иль Петергофъ;
Такъ лучше этотъ трудъ оставить
И далѣ продолжать. Вѣтрана, николи
Диковинокъ такихъ не видя на земли,
Со изумленьемъ всѣ предметы озираетъ
И мыслитъ, что мечта во снѣ надъ ней играетъ;
Войдя же въ храмины чудесницы своей,
И пуще щурится: то блескъ отъ хрусталей,
Сребристыя луны сражаяся съ лучами,
Которые бъ почлись за солнечные нами,
Какъ яркой молніей слѣпитъ Вѣтранинъ взоръ;
То перламутръ хруститъ подъ ней или фарфоръ....
Ахти! опять понесъ великолѣпный вздоръ!
Но быть ужъ такъ, когда пустился.
И такъ, переступя одинъ, другой порогъ,
Лишь къ третьему пришли, богатый вдругъ чертогъ
Не вѣтеркомъ, но самъ собою растворился!
Ну, дочка, поживай и веселися здѣсь!
Всевѣда говоритъ: не только дворъ мой весь,

(*) **Авторъ поэмы: Душенька.**

Но даже и духовъ подземныхъ и воздушныхъ,
Велѣніямъ твоимъ послушныхъ,
Даю во власть твою; сама же я, мой свѣтъ,
Отправлюся на мало время—
Вѣдь у меня заботъ беремя—
Къ сестрѣ, съ которою не видѣлась сто лѣтъ;
Она недалеко живетъ отсюда—въ Колѣ;
Да по дорогѣ ужъ оттолѣ
Зайду и къ брату я,
Камчатскому шаману.
Прощай, душа моя!
Надѣюсь, что тебя довольнѣе застану.—
Тутъ коврикъ-самолетъ она подостлала,
Ступила, свистнула, и вмигъ изъ глазъ ушла,
Какъ будто бы и не была.
А удивленная Вѣтрана,
Какъ новая Діана,
Осталась между нимфъ, исполненныхъ заразъ:
Онѣ тотчасъ ее подъ ручки подхватили,
Помчали и за столъ роскошный посадили,
Какого и видомъ не видано у насъ.
Вѣтрана кушаетъ, а дѣвушки прекрасны,
Изъ коихъ каждая почти какъ ты.... мила,
Поджавши руки вкругъ стола,
Поютъ ей аріи веселыя и страстны,
Стараясь слухъ ея и сердце услаждать.
Потомъ, она едва задумала вставать,
Вдругъ—дѣвушекъ, стола не стало,
И залы будто не бывало:
Ужъ спальней сдѣлалась она!
Вѣтрана чувствуетъ пріятну томность сна,
Спускается на пухъ, изъ розъ въ сплетенномъ нишѣ;
И въ тотъ же мигъ смычокъ невидимый запѣлъ,
Какъ будто бы самъ Дицъ за пологомъ сидѣлъ;
Смычокъ часъ отъ часу пѣлъ тише, тише, тише,
И вмѣстѣ, наконецъ, съ Вѣтраною уснулъ.
Прошла спокойна ночь; натура пробудилась;
Зефиръ вспорхнулъ,
И жертва отъ цвѣтовъ душистыхъ воскурилась;
Взыгралъ и солнца лучъ, и голосъ соловья,
Сліянный съ сладостнымъ журчаніемъ ручья
И съ шумомъ рѣзваго фонтана,
Воспѣлъ: «проснись, проснись, счастливая Вѣтрана!»
Она проснулася—и спальная ужъ садъ,
Жилище райское веселій и прохладъ!
Повсюду чудеса Вѣтрана обрѣтала:
Гдѣ только ступитъ лишь, тутъ роза расцвѣтала;
Здѣсь рядомъ передъ ней лимонны дерева,
Тамъ миртовый кустокъ, тамъ нѣжна мурава
Отъ солнечныхъ лучей какъ бархатъ отливаетъ;
Тамъ рѣчка по песку златому протекаетъ;
Тамъ свѣтлаго пруда на днѣ
Мелькаютъ рыбки золотыя;
Тамъ птички гимнъ поютъ природѣ и веснѣ,
И попугаи голубые
Со эхомъ въ запуски твердятъ:
«Вѣтрана! насыщай свой взглядъ!»
А къ полднямъ новая картина:
Садъ превратился въ храмъ,
Украшенный по сторонамъ
Столпами изъ рубина,
И съ сводомъ въ видѣ облаковъ
Изъ разныхъ въ хрусталѣ цвѣтовъ.
И вдругъ отъ свода опустился
На розовыхъ цѣпяхъ столъ круглый изъ сребра
Съ такою жъ пищей, какъ вчера,
И въ воздухѣ остановился;

А подъ Вѣтраной очутился
Съ подушкой бархатною тронъ,
Чтобы съ него ей кушать
И пѣніе, какимъ гордился бъ Амфіонъ,
Тѣхъ нимфъ, которыя вчера служили, слушать.
«По-чести, это рай! Ну, если бы теперь»,
Вѣтрана думаетъ, «подкрался въ эту дверь....»
И, слова не скончавъ, въ трюмо она взглянула—
Сошла со трона и вздохнула!
Что дѣлала потомъ она во весь тотъ день,
Признаться, сказывать и лѣнь,
И не умѣется, и было бы не кстатѣ;
А только объявлю, что въ этой же палатѣ,
Иль въ храмѣ, какъ угодно вамъ,
Былъ и вечерній столъ, приличный лишь богамъ,
И что на утро былъ день новыхъ превращеній
И новыхъ восхищеній;
А на другой день тожъ.—«Но что это за міръ?
Вѣтрана говоритъ, гармоніи внимая
Висящихъ по стѣнамъ золотострунныхъ лиръ.
«Все этакъ, то тоска возьметъ и среди рая!
Все чудо изъ чудесъ, куда ни поглядишь;
Но что мнѣ въ томъ, когда товарища не вижу?
Увы! я пуще жизнь мою возненавижу!
Веселье веселитъ, когда его дѣлишь» ([28]).
Лишь это вымолвить успѣла,
Вдругъ набѣжала тьма, всталъ вихорь, грянулъ громъ,
Ужасна буря заревѣла;
Все рушится, падетъ вверхъ дномъ,
Какъ не бывалъ волшебный домъ;
И бѣдная Вѣтрана,
Блѣдна, безгласна, бездыханна,
Стремглавъ летитъ, летитъ, летитъ—
И гдѣ жъ, вы мыслите, упала?
Средь страшныхъ Муромскихъ лѣсовъ,
Жилища вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ!
Вѣтрана возрыдала,
Когда, опомнившись, узнала,
Куда попалася она;
Всѣ жилки съ страха въ ней дрожали!
Ночь адская была! ни звѣзды, ни луна
Сквозь чернаго ея покрова не мелькали;
Все спитъ!
Лишь воетъ вѣтръ, лишь листъ шумитъ,
Да изъ дупла въ дупло сова перелетаетъ,
И изрѣдка въ глуши кукушка занываетъ.
Сиротка думаетъ, идти ли ей, иль нѣтъ,
И ждать, когда луны забрежжетъ блѣдный свѣтъ?
Но это часъ воровъ! И такъ она рѣшилась,
Не мѣшкая, идти; и такъ перекрестилась,
Вздохнула и пошла по вязкому песку
Со страхомъ и тоскою;
Блѣднѣетъ и дрожитъ, лишь ступитъ шагъ ногою;
Тамъ предвѣщаетъ ей послѣдній часъ: «куку!»
Тамъ лѣшій выставилъ изъ за деревьевъ роги;
То слышится: «ау»; то вспыхнулъ огонекъ;
То вѣдьма кошкою бросается съ дороги,
Иль кто-то скрылся за пенекъ;
То по лѣсу раздался хохотъ,
То вой волковъ, то конскій топотъ.
Но сердце въ насъ вѣщунъ: я самъ то испыталъ,
Когда мои стихи въ журналы отдавалъ;
Не даромъ и Вѣтрана плачетъ!
Ужъ въ самомъ дѣлѣ кто-то скачетъ
Съ рогатиной въ рукѣ, съ пищалью за плечьми.
Стой! стой! онъ гаркаетъ, сверкаючи очьми;

Стой! кто бы ты ни шелъ, по волѣ иль неволѣ;
Иль свѣта не увидишь болѣ!...
Кто ты? нагнавъ ее, онъ грозно продолжалъ.
Но, видя, что у ней страхъ губы оковалъ,
Беретъ ее въ охапку
И поперегъ кладетъ сѣдла,
А самъ, надвинувъ шапку,
Припавъ къ лукѣ, летитъ какъ изъ лука стрѣла (29),
Летитъ, исполненный отваги,
И, Клязьмы доскакавъ высокихъ береговъ,
Бухъ прямо съ нихъ въ рѣку, не говоря двухъ словъ;
Вѣтрана жъ: ахъ!... и пробудилась.—
Представьте, какъ она, взглянувши, удивилась!
Вся горница полна людей:
Мужъ въ головахъ стоялъ у ней;
Сестры и тетушки вокругъ ея постели
Въ безмолвіи сидѣли;
Въ углу приходскій попъ молился и читалъ,
Въ другомъ углу колдунъ досужій бормоталъ (*);
У шкафа жъ за столомъ, вощанкою накрытымъ,
Прописывалъ рецептъ хирургусъ изъ Нѣмчинъ,
Который по Москвѣ считался знаменитымъ,
За тѣмъ что былъ одинъ.
И все собраніе, Вѣтраны съ первымъ взоромъ:
Очнулась! возгласило хоромъ;
Очнулась! повторяетъ хоръ;
Очнулась!—и весь дворъ
Запрыгалъ, заплясалъ, воскликнулъ: слава Богу!
Боярыня жива! нѣтъ горя намъ теперь!
А въ эту самую тревогу
Вошла Всевѣда въ дверь
И бросилась къ Вѣтранѣ.
«Ахъ, бабушка! зачѣмъ явилась ты не ранѣ?»
Вѣтрана говоритъ: «гдѣ это я была?
И что я видѣла?... страхъ... ужасъ!»—
Ты спала,
А видѣла лишь бредъ, Всевѣда отвѣчаетъ:
Прости! развеселясь, старуха продолжаетъ,
Прости мнѣ, милая! я видѣла, что ты,
По молодости лѣтъ ударилась въ мечты;
И для того, когда ты съ просьбой приступила,
Трехсуточнымъ тебя я сномъ обворожила
И въ сновидѣніяхъ представила тебѣ,
Что мы, всегда чужой завидуя судьбѣ
И новыхъ благъ желая,
Изъ доброй воли въ адъ влечемъ себя изъ рая.
Гдѣ лучше, какъ въ своей родимой жить семьѣ?
И такъ впередъ страшись ты покидать ее!
Будь добрая жена и мать чадолюбива,
И будешь всѣми ты почтенна и счастлива.—
Съ симъ словомъ бросилась Вѣтрана обнимать
Супруга, всѣхъ родныхъ и добрую Всевѣду;
Потомъ всѣ сродники приглашены къ обѣду:
Наѣхали, нашли, и сѣли пировать.
Ужъ липецъ зашипѣлъ, все стало веселѣе,
Всякъ пьетъ и говоритъ, любуясь на бокалъ:
«Что матушки Москвы и краше и милѣе?»
На силу досказалъ.

Д. Басни. (30).

а) Мышь, удалившаяся отъ свѣта. (31).

Восточны жители, въ преданіяхъ своихъ,

(*) Въ старину ихъ называли досужими. См. Ядро рос. исторіи, кн. Хилкова.

Разсказываютъ намъ, что нѣкогда у нихъ
Благочестива Мышь, наскуча суетою,
Слѣпаго счастія игрою,
Оставила сей шумный міръ
И скрылась отъ него въ глубокую пещеру:
Въ голландскій сыръ.
Тамъ, святостью одной свою питая вѣру,
Къ спасенію души трудиться начала:
Ногами
И зубами (32)
Голландскій сыръ скребла, скребла,
И выскребла досужнымъ часомъ
Изрядну келейку съ достаточнымъ запасомъ.
Чего же болѣе? Въ такихъ-то Мышь трудахъ
Разъѣлась такъ, что страхъ!
Короче: на порогѣ рая!
Самъ Богъ блюдетъ того,
Работать міру кто отрекся для Него.
Однажды предъ нее явилось, воздыхая,
Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ;
Оно идетъ просить защиты отъ дворовъ
Противу кошачья народа,
Который вдругъ на ихъ республику напалъ
И Крысополисъ ихъ въ осадѣ ужъ держалъ.
«Всеобща бѣдность и невзгода»—
Посольство говоритъ—«причиною, что мы
Несемъ пустыя лишь сумы;
Что было съ нами, все проѣли,
А путь еще далекъ: и для того посмѣли
Зайти къ тебѣ и бить челомъ
Снабдить насъ въ крайности посильнымъ подаяньемъ».
Затворница на то, съ душевнымъ состраданьемъ
И лапки положа на грудь свою крестомъ:
Возлюбленны мои! смиренно отвѣчала,
Я отъ житейскаго давно уже отстала;
Чѣмъ, грѣшная, могу помочь?
Да ниспошлетъ вамъ Богъ! а я и день и ночь
Молить Его за васъ готова.—
Поклонъ имъ, заперлась, и болѣе ни слова.

Кто, спрашиваю васъ, похожъ на эту Мышь?
Монахъ? — Избави Богъ и думать!...
Нѣтъ, дервишъ.

б) *Лиса проповѣдница.*

Разбитая параличемъ
И одержимая на старости подагрой
И хирагрой (33),
Всѣмъ тѣломъ дряхлая, но бодрая умомъ,
И въ логикѣ своей изъ первыхъ мастерица,
Лисица
Уединилася отъ свѣта и отъ зла
И проповѣдывать въ пустыню перешла.
Тамъ кроткія свои бесѣды растворяла
Хвалой воздержности, смиренью, правотѣ;
То плакала, то воздыхала
О братіи, въ мірской утопшей суетѣ;
А братій и всего на проповѣдь сбиралось
Пять-шесть на перечетъ;
А иногда случалось
И менѣе того, и то Сурокъ, да Кротъ,
Да двѣ, три набожныя Лани,
Звѣришки бѣдные, безъ связей, безъ подпоръ:
Какой же ожидать отъ нихъ Лисицѣ дани?
Но Лисій дальновиденъ взоръ;
Она перемѣнила струны:
Взяла суровый видъ и бросила перуны
На кровожаждущихъ Медвѣдей и Волковъ,
На Тигровъ, даже и на Львовъ!
Что жъ? слушателей тьма стеклася,
И слава о ея витійствѣ донеслася
До самого царя звѣрей,
Который, не смотря, что онъ породы Львиной,
Безъ шума управлялъ подвластною скотиной,
И въ благочестіе вдался подъ старость дней.

«Послушаемъ Лису!» Левъ молвилъ: «что за диво?»
За словомъ въ слѣдъ указъ;
И въ сутки, ежели нелживо
Историкъ увѣряетъ насъ,
Лиса привезена и проповѣдь сказала.
Какую жъ проповѣдь? Изъ кожи лѣзла вонъ!
Въ тирановъ громъ она бросала,
А въ страждущихъ отъ нихъ духъ бодрости вливала
И упованіе на время и законъ.
Придворные оцѣпенѣли:
Какъ можно при дворѣ такъ дерзко говорить!
Другъ на друга глядятъ, но говорить не смѣли,
Смекнувъ, что царь Лису изволилъ похвалить.
Какъ новость, иногда и правда намъ по нраву!
Короче вамъ: Лиса вошла и въ честь и славу;
Царь Левъ, давъ лапу ей, привѣтливо сказалъ:
«Тобой я истину позналъ
И болѣ прежняго гнушаться сталъ пороковъ;
Чего жъ ты требуешь во мзду твоихъ уроковъ?
Скажи, безъ всякаго зазрѣнья и стыда:
Я твой должникъ». Лиса, глядь, глядь, туда–сюда,
Какъ будто совѣсти почувствуя улику:
Всещедрый царь–отецъ!
Отвѣтствовала Льву съ запинкой наконецъ:
Индѣекъ.... малую толику.

в) Царь и два Пастуха. ([34]),

Какой–то Государь, прогуливаясь въ полѣ,
Раздумался о царской долѣ.
Нѣтъ хуже нашего», онъ мыслилъ, «ремесла:
Желалъ бы дѣлать то, а дѣлаешь другое!
Я всей душой хочу, чтобъ у меня цвѣла
Торговля; чтобъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ:
А принужденъ вести войну,
Чтобъ защищать мою страну.
Я подданныхъ люблю, свидѣтели въ томъ боги,
А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги;
Хочу знать правду—всѣ мнѣ лгутъ;
Бояре лишь чины берутъ,
Народъ мой стонетъ, я страдаю,
Совѣтуюсь, тружусь, никакъ не успѣваю;
Полсвѣта властелинъ, не веселюсь ничѣмъ!»
Чувствительный Монархъ подходитъ между тѣмъ
Къ пасущейся скотинѣ,—
И что же видитъ онъ? разсыпанныхъ въ долинѣ
Барановъ, тощихъ до костей,
Овечекъ безъ ягнятъ, ягнятъ безъ матерей!
Всѣ въ страхѣ бѣгаютъ, кружатся,
А псамъ и нужды нѣтъ: они подъ тѣнь ложатся;
Лишь бѣдный мечется Пастухъ:
То за бараномъ въ лѣсъ во весь онъ мчится духъ,
То бросится къ овцѣ, которая отстала,
То за любимымъ онъ ягненкомъ побѣжитъ,
А между тѣмъ ужъ волкъ барана въ лѣсъ тащитъ;
Онъ къ нимъ, а здѣсь овца волчихи жертвой стала.
Отчаянный Пастухъ рветъ волосы, реветъ,
Бьетъ въ грудь себя и смерть зоветъ.
«Вотъ точный образъ мой», сказалъ самовластитель:
«И такъ, и смирненькихъ животныхъ охранитель

Таким же, как и мы, напастьми окру-
женъ,
И онъ, какъ Царь, порабощенъ!
Я чувствую теперь какую-то отраду».
Такъ думая, впередъ онъ путь свой
продолжалъ—
Куда? и самъ не зналъ;
И наконецъ пришелъ къ прекраснѣй-
шему стаду.
Какую разницу Монархъ увидѣлъ тутъ!
Баранамъ счету нѣтъ, отъ жира чуть
идутъ;
Шерсть на овцахъ какъ шелкъ и тя-
жестью ихъ клонитъ;
Ягнятки, кто кого скорѣе перегонитъ,
Толпятся къ маткинымъ питательнымъ
сосцамъ;
А Пастушокъ въ свирѣль подъ липою
играетъ
И милую свою пастушку воспѣваетъ.
«Не сдобровать, овечки, вамъ!»
Царь мыслитъ: «волкъ любви не чув-
ствуетъ закона,
И Пастуху свирѣль худая оборона».
А волкъ и подлинно, откуда ни возьмись,
Во всю несется рысь;
Но псы, которые то стадо сторожили,
Вскочили, бросились и волка задавили;
Потомъ одинъ изъ нихъ ягненочка до-
гналъ,
Который далеко отъ страха забѣжалъ,
И тотчасъ въ кучку всѣхъ по прежнему
собралъ;
Пастухъ же все поетъ, не шевелясь ни-
мало.
Тогда уже въ Царѣ терпѣнія не стало.
«Возможно ль?» онъ вскричалъ: «здѣсь
множество волковъ,
А ты одинъ.... умѣлъ сберечь большое
стадо!»—
Царь! отвѣчалъ Пастухъ, тутъ хитрости
не надо:
Я выбралъ добрыхъ псовъ.

Е. КЪ ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ. (58)

Въ Москвѣ ль я наконецъ? со мною
ли друзья?
О радость и печаль! различныхъ чувствъ
смѣшенье!
И такъ еще имѣлъ я въ жизни утѣ-
шенье
Внимать журчанію домашняго ручья,
Вкусить покойный сонъ подъ кровомъ,
гдѣ родился,
И быть въ объятіяхъ родителей моихъ!
Не сонъ ли былъ и то?... Увидѣлъ и
простился,
И, можетъ быть, уже въ послѣдній ви-
дѣлъ ихъ!
Но полно, этотъ день не помрачимъ
тоскою.
Гдѣ вы, мои друзья? сберитесь предо
мною;
Дай каждый мнѣ себя сто разъ поцѣ-
ловать!
Прочь посохъ! не хочу васъ болѣ по-
кидать,
И вотъ моя рука, что буду вашъ от-
нынѣ.

Сколь часто я въ шуму веселій воз-
дыхалъ,—
И вздохи бѣднаго терялись какъ въ пу-
стынѣ,
И тайной грусти въ немъ никто не замѣ-
чалъ!
Но ежели вашъ другъ, во дни разлуки
слезной,
Хотя однажды могъ подать совѣтъ по-
лезной,
Спокойствіе души вдовицѣ возвратить,
Наслѣдье сироты отъ хищныхъ за-
щитить,
Спасти невиннаго, то все позабыва-
етъ—
Довольно: другъ вашъ здѣсь и васъ онъ
обнимаетъ.
Но буду ли, друзья, по прежнему
вамъ милъ?

Увы! уже во мнѣ жаръ къ пѣнію простылъ;
Ужъ въ мысляхъ нѣтъ игры, исчезла прежня живость!
Простите ль... иногда мою вы молчаливость,
Мое уныніе? Терпите, о друзья!
Терпите хоть за то, что къ вамъ привязанъ я;
Что сердце приношу чувствительно, незлобно
И болѣе еще ко дружеству способно.
Теперь его ничто не отвратитъ отъ васъ,
Ни честолюбіе, ни блескъ прелестныхъ глазъ...
И самая любовь на-вѣки отлетѣла!
И такъ владѣйте впредь вы мною безъ раздѣла;
Питайте страсть во мнѣ къ изящному всему
И дайте вновь полетъ таланту моему.
Означимъ остальной нашъ путь еще цвѣтами!
Гдѣ нѣтъ коварныхъ ласкъ съ притворными словами,
Гдѣ сердце на рукѣ, гдѣ разумъ не язвитъ,
Тамъ другъ вашъ и поднесь веселья не бѣжитъ.
Такъ, братья, данные природой мнѣ и Фебомъ!
Я съ вами радъ еще въ саду, подъ яснымъ небомъ,
На зелени въ кустахъ душистыхъ пировать;
Вы станете своихъ любезныхъ воспѣвать,
А я... хоть вашими дарами восхищаться.
О други! я впередъ ужъ веселъ! можетъ статься,
Примѣръ вашъ воскреситъ и мой погибшій даръ.
О если бъ воспылалъ во мнѣ пермесскій жаръ,
Съ какою бъ радостью схватилъ мою я лиру
И благъ моихъ творца всему повѣдалъ міру!
Да будетъ счастіе и слава вѣчно съ нимъ!
Ему я одолженъ пристанищемъ моимъ,
Гдѣ солнце дней моихъ въ безмолвьѣ закатится,
И мой послѣдній взоръ на друга устремится.

Ж. ЗАПИСКИ. (36).

Съ приближеніемъ юношескаго возраста, Карамзинъ отправленъ былъ въ Москву и отданъ въ учебное заведеніе г. Шадена, одного изъ лучшихъ профессоровъ московскаго университета, гдѣ и находился до вступленія его въ настоящую службу. По тогдашнему обыкновенію въ гвардейскихъ полкахъ, онъ записанъ былъ такъ же, какъ и я, малолѣтный, въ преображенскій полкъ подпрапорщикомъ. Тогда началось наше знакомство, и вотъ какимъ образомъ:

Однажды я, будучи еще и самъ сержантомъ, возвращаюсь съ прогулки; слуга мой, встрѣтя меня на крыльцѣ, сказываетъ мнѣ, что кто-то ждетъ меня, пріѣхавшій изъ Симбирска. Вхожу въ горницу и вижу миловиднаго, румянаго юношу, который съ пріятною улыбкою вручаетъ мнѣ письмо отъ моего родителя.

Стоило только услышать имя Карамзина, какъ мы уже были въ объятіяхъ другъ друга. Стоило намъ сойтись три раза, какъ мы уже стали короткими знакомцами.

Едва ли не съ годъ мы были неразлучными. Склонность наша къ словесности, можетъ быть что-то сходное и въ нравственныхъ качествахъ укрѣпляли нашу связь день отъ дня болѣе; мы давали взаимный отчетъ въ нашемъ чтеніи. Между тѣмъ я показывалъ ему

иногда и мелкіе мои переводы, которые были печатаемы особо и въ тогдашнихъ журналахъ; слѣдуя моему примѣру, онъ принялся и самъ за переводы. Первымъ опытомъ его былъ Разговоръ австрійской Маріи Терезіи съ нашей императрицею Елисаветою въ Елисейскихъ поляхъ, переведенный имъ съ нѣмецкаго языка.

Я совѣтовалъ ему показать его книгопродавцу Миллеру, который покупалъ и печаталъ переводы, платя за нихъ, по произвольной оцѣнкѣ и согласію переводчика, книгами изъ своей книжной лавки. Не могу безъ улыбки вспомнить, съ какимъ торжественнымъ видомъ добрый и милый юноша Карамзинъ вбѣжалъ ко мнѣ, держа въ обѣихъ рукахъ по два томика Фильдингова Томаса Іонеса, въ маленькомъ форматѣ, съ картинками, перевода Харламова ([37]). Это было первымъ возмездіемъ за словесные труды его.

По кончинѣ отца своего, онъ вышелъ въ отставку поручикомъ и уѣхалъ на родину. Тамъ я видѣлся и пробылъ съ нимъ короткое время. Я нашелъ его уже играющимъ роль надежнаго на себя свѣтскаго человѣка: рѣшительнымъ за вистовымъ столомъ, любезнымъ и занимательнымъ въ дамскомъ кругу и политикомъ передъ отцами семейства, которые, хотя и не привыкли слушать молодежь, но его слушали. Такая жизнь не охладила, однакожъ, въ немъ прежней охоты къ словесности; при первомъ нашемъ свиданіи съ глазу на глазъ, онъ спрашиваетъ меня, занимаюсь ли по прежнему переводами. Я сказываю ему, что недавно перевелъ изъ книги: Картина смерти, г. Карачіоли, разговоръ выходца съ того свѣта съ живымъ другомъ его ([38]). Онъ удивился странному моему выбору и дружески совѣтовалъ мнѣ бросить эту работу, убѣждая тѣмъ, что по выбору перевода судятъ и о свойствахъ самого переводчика, и что я выборомъ моимъ, конечно, не заслужу завиднаго о себѣ мнѣнія. А я, промолвилъ онъ, думаю переводить изъ Вольтера съ нѣмецкаго.—Что же такое?—Бѣлаго быка.—Какъ! эту дрянь! и еще подложную! вскричалъ я, повторя ему его же заключеніе, и оба земляки поквитались ([39]).

Но разсѣянная свѣтская жизнь его недолго продолжалась. Землякъ же нашъ, покойный Иванъ Петровичъ Тургеневъ, уговорилъ молодаго Карамзина ѣхать съ нимъ въ Москву. Тамъ онъ познакомилъ его съ Николаемъ Ивановичемъ Новиковымъ, основателемъ, или по крайней мѣрѣ главной пружиной, Общества Дружескаго Типографическаго. При словѣ объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ нельзя умолчать объ лѣности или равнодушіи нашихъ авторовъ, особенно же издателей журналовъ. Никто изъ нихъ не сказалъ ни слова по случаю его кончины, и мы даже понынѣ знаемъ только объ немъ по однимъ слухамъ,—замѣчательномъ, повторю, по заслугамъ его въ словесности и по чрезвычайному въ жизни его перевороту. Я не оставлю сказать здѣсь въ своемъ мѣстѣ все, что объ немъ знаю, хотя для дѣтей нашихъ.

Въ этомъ-то дружескомъ обществѣ началось образованіе Карамзина, не только авторское, но и нравственное. Въ домѣ Новикова, онъ имѣлъ случай обращаться въ кругу людей степенныхъ, соединенныхъ дружбою и просвѣщеніемъ; слушать профессора Шварца, преподававшаго лекціи о богопознаніи и высокихъ предназначеніяхъ человѣка. Между тѣмъ знакомился и съ молодыми любословами, окончившими только учебный курсъ. Новиковъ употреблялъ ихъ для перевода книгъ съ разныхъ языковъ. Между ними по всей справедливости почитался отличнѣйшимъ Александръ Андреевичъ Петровъ. Онъ знакомъ былъ

съ древними и новыми языками при глубокомъ знаніи отечественнаго слова, одаренъ былъ необыкновеннымъ умомъ и способностью къ здравой критикѣ; но, къ сожалѣнію, ничего не писалъ для публики, а упражнялся только въ переводахъ, изъ коихъ извѣстны мнѣ первые два года еженедѣльника подъ названіемъ: Дѣтское Чтеніе; Учитель, въ двухъ томахъ; Хризомандеръ, мистическое сочиненіе, и Багуатгета, также родъ мистической поэмы, писанной на санскритскомъ языкѣ и переведенной съ нѣмецкаго.

Карамзинъ полюбилъ Петрова, хотя они были не во всемъ сходны между собою: одинъ пылокъ, откровененъ и безъ малѣйшей желчи; другой же угрюмъ, молчаливъ и подъ часъ насмѣшливъ. Но оба питали равную страсть къ познаніямъ, къ изящному, имѣли одинакую силу въ умѣ, одинакую доброту въ сердцѣ, и это заставило ихъ прожить долгое время въ тѣсномъ согласіи подъ одною кровлею, у Меншиковой башни, въ старинномъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ Дружескому Обществу. Я какъ теперь вижу скромное жилище молодыхъ словесниковъ! Оно раздѣлено было тремя перегородками: въ одной стоялъ на столѣ, покрытомъ зеленымъ сукномъ, гипсовый бюстъ мистика Шварца ([40]), умершаго незадолго передъ пріѣздомъ моимъ изъ Петербурга въ Москву, а другая освящалась Іисусомъ на крестѣ, подъ покрываломъ чернаго крепа. Карамзинъ оплакалъ раннюю смерть своего товарища въ сочиненіи: «Цвѣтокъ надъ гробомъ Агатона».

Послѣ свиданія нашего въ Симбирскѣ, какую перемѣну я нашелъ въ миломъ моемъ пріятелѣ! Это былъ уже не тотъ юноша, который читалъ все безъ разбора, плѣнялся славою воина, мечталъ быть завоевателемъ чернобровой, пылкой Черкешенки: но благочестивый ученикъ мудрости съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенію въ себѣ человѣка. Тотъ же веселый нравъ, таже любезность, но между тѣмъ главная мысль, первыя желанія его стремились къ высокой цѣли. Тогда я почувствовалъ передъ нимъ всю мою незначительность и удивлялся, за что онъ любитъ меня еще по прежнему. Мы прожили недолго вмѣстѣ. Послѣ того еще нѣсколько разъ встрѣчались въ Москвѣ, и наконецъ разлучились уже на долгое время: онъ отправился въ чужіе краи, но не на счетъ Общества, какъ многіе о томъ разглашаютъ, а на собственномъ иждивеніи. Со дня вступленія его въ Дружеское Общество до путешествія, онъ перевелъ и выдалъ съ нѣмецкаго языка два или три тома Штурмовыхъ Размышленій, подъ заглавіемъ, помнится мнѣ, Бесѣды съ Богомъ ([41]); Галлерову поэму: О происхожденіи зла; Эмилію Галотти, трагедію г. Лессинга; Юлія Цесаря, трагедію Шекспира; одну пѣснь (не напечатанную) изъ Мессіяды, поэмы Клопштока; съ французскаго: Les veillées du château, г-жи Жанлисъ, и, за отсутствіемъ Петрова, продолжалъ около года Дѣтское Чтеніе ([42]), въ которомъ напечаталъ первую повѣсть, имъ сочиненную ([43]), и первые опыты свои въ поэзіи.

[1]) Сочиненія и переводы Ивана Ивановича Дмитріева (1760—1837) имѣли шесть изданій. Первое, подъ названіемъ: «И мои бездѣлки» (*), съ эпиграфомъ изъ Лафонтена: «C'est là tout mon talent, je ne sais s'il suffit», нап. 1795 г. Второе: «Сочиненія и переводы И. Дмитріева», 3 ч., съ эпиграфомъ: «Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéri», вышло 1803—1805 г. (**); третье,

(*) Въ подражаніе Карамзину, который издалъ «Мои бездѣлки» (1794) — сборникъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ Московскомъ Журналѣ.

(**) На выходномъ листѣ не означено изданія, но П. Макаровъ, въ разборѣ сочиненій Дмитріева, ясно говоритъ: нынѣ (1803 г.) таже книга (т. е. «И мои бездѣлки») на-

въ 3 ч., 1810; четвертое, въ 3 ч., 1814; пятое, исправленное и *умноженное*, въ 3 ч., 1818; шестое, исправленное и *уменьшенное*, въ 2 ч., 1823, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ словъ «отъ автора» и «Извѣстія о жизни и стихотвореніяхъ Дмитріева», соч. кн. П. А. Вяземскаго (***). «Приступая на старости лѣтъ къ новому изданію стиховъ моихъ (говоритъ авторъ), я могъ думать, что оно будетъ послѣднимъ при моей жизни. Эта мысль рѣшила меня перечитать все, мною изданное, съ возможнымъ хладнокровіемъ, потомъ многое исключить изъ новаго изданія, въ томъ числѣ и 19 басенъ. Изъ прочихъ же стиховъ старался нѣкоторые, сколько умѣлъ, исправить, и такимъ образомъ прежніе три тома приведены въ два томика». Съ исторической точки зрѣнія надобно пожалѣть о такомъ строгомъ пуризмѣ: полное собраніе сочиненій Дмитріева, бывшаго въ свое время «первымъ версификаторомъ» (Благонамѣренный, журн., издав. А. Измайловымъ, 1824, № 1), дало бы вѣрное понятіе о движеніи нашего стихотворства въ теченіе 20 лѣтъ (1790-1810). По немъ въ особенности было бы можно судить о характерѣ такъ называемой легкой поэзіи, заимствованной нами у Французовъ, которые называютъ этотъ родъ стихотвореній — poésies fugitives. Дмитріевъ написалъ много подобныхъ піесъ. Статьи, помѣщенныя въ Христоматіи, напеч. съ послѣдняго изданія его сочиненій. Нѣкоторые варіанты взяты изъ изданій предъидущихъ.

[2]) Нап. въ 6 № Москов. Журн. 1792. Дмитріевъ началъ писать раньше этого времени, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Въ Москов. журналѣ, 1791 г., нап. извѣстная его эпиграмма: «Мнѣ лекарь говорилъ», допущенная въ собраніе его сочиненій.

[3]) Вар.: «ужъ не встанетъ».

[4]) Въ Моск. Жур. 1792, № 9, эта піеса названа: «Бабушкина пѣсня», а въ Бездѣлкахъ: «Старинная пѣсня». Г. Дмитріевъ заблуждался, говоря, что она есть точное подражаніе простонародной пѣснѣ. Слова: «ярый воскъ» не доказываютъ еще народности, у которой есть, кромѣ особеннаго способа выраженія, свой образъ мыслей и чувствъ, чего піеса Дмитріева вовсе не представляетъ. Не смотря на отсутствіе народнаго содержанія, языка и тона, пѣсни Дмитріева имѣли въ свое время чрезвычайный успѣхъ.

[5]) Въ Моск. Журн. 1792 и въ Бездѣлкахъ: «Къ Хлоѣ».

[6]) Нап., подъ названіемъ: «На случай грома», въ 8-ой ч. (1795) «Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени», издававшагося П. Сахацкимъ и В. Подшиваловымъ, съ 1794 по 1798 г. Дмитріевъ подражалъ стихотворенію Гете: «Границы человѣчества», переведенному Струговщиковымъ.

[7]) Это выраженіе взято изъ книги пророка Даніила: «Ветхій денми сѣде, и одежда его бѣла аки снѣгъ, и власы главы его аки волна чиста, престолъ его пламень огненный, колеса его огнь палящъ (гл. 7, ст. 9).

[8]) Вар.: «И весь теряюсь».

[9]) Сличи съ стихами Державина, изъ Водопада:

Вся наша жизнь не что иное,
Какъ лишь мечтаніе пустое,

и изъ оды «Богъ»:

Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьѣ исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

[10]) «И мои Бездѣлки». Это одна изъ лучшихъ сатиръ, направленная противъ торжественныхъ одъ, которыя расплодились въ нашей литературѣ со времени Ломоносова и давно уже подвергались насмѣшкамъ (см. въ 1 т. Христ. примѣчанія къ Фелицѣ). Авторъ назвалъ ее «Чужимъ толкомъ», т. е. такимъ сужденіемъ, которое произноситъ не онъ самъ, а старикъ и какой-то аристархъ.

[11]) Горацій Флаккъ.

[12]) Нѣмецкій стихотворецъ († 1798), переводчикъ Гораціевыхъ одъ и самъ писавшій оды.

[13]) Вар.: «Я не поэтъ, не вѣмъ».

[14]) Вар.: «Но полна, пальца въ два и въ полтораста».

[15]) Ложно-классическая піитика опредѣляла съ точностію, какъ сочинять оду: сколько въ ней должно быть частей, съ чего ее начинать, чѣмъ оканчивать. Одѣ вмѣнялось въ обязанность имѣть приступъ, предложеніе, уклоненія и отступленія, такъ называемый лирическій безпорядокъ, заключеніе.... Написанная по условнымъ правиламъ, она выходила искуственною и безжизненною, обращалась какъ бы въ разсужденіе или проповѣдь.

[16]) При этомъ стихѣ Дмитріевъ замѣчаетъ въ выноскѣ: «Строгій старикъ, конечно, имѣлъ въ виду не всѣ, а нѣкоторыя только оды; но читатели и безъ сего замѣчанія должны быть увѣрены, что произведенія Хераскова, Державина, Петрова не въ числѣ оныхъ». Впрочемъ, нѣкоторыя оды

печатана съ прибавленіемъ новыхъ піесъ (Москов. Меркурій, 1803 г.).

(***) Кн. Вяземскій ошибся, сказавъ, въ «Извѣстіи», что отъ 1795 до 1818 разошлось *шесть* изданій стихотвореній Дмитріева. Не шесть, а пять. Шестое вышло въ 1823 г.

Петрова подходятъ подъ замѣчанія строгаго старика. Что Дмитріевъ называетъ реляціей въ стихахъ, тому примѣры представляются сплошь и рядомъ. Такъ въ Одѣ Екатеринѣ II на заключеніе мира съ Швеціею 1790 г. (нап. 1790) исчислены различные образы смертей:

Иной. какъ бомба, къ верху вскинутъ
(Различны образы тамъ тратъ);
Другой съ вершины вихремъ сринутъ
На мель, на камень, въ водоворатъ;
Одни. въ подобьи вранья стада.
Ища сквозь зѣвъ прорваться ада,
Падутъ въ лету ко тѣнямъ въ мракъ;
Другіе, близки мщенья жертвы,
Плывутъ въ ладьѣ, какъ въ гробѣ мертвы:
Отъ страха искаженъ ихъ зракъ.

Здѣсь же читатель встрѣчаетъ выраженіе обычнаго восторга: «я вижу небеса отверсты». «Творенія» Ириарха Завалишина, капитана сухопутнаго кадетскаго корпуса, а потомъ подполковника Фанагорійскаго гренадерскаго полка: «Героида поэма (1793)» и «Суворонда» (1796) исполнены реляціонныхъ мѣстъ. Авторъ удерживаетъ даже военные термины, которые долженъ былъ объяснять въ примѣчаніяхъ; на прим.

Владыки гордые, пароды, всѣ внемлите,
Вы участь Прагскую, бой Бржестскій вспомяните.
. . . .
Противъ Суворова побѣдъ не ожидайте.
Оплоты, крѣпости, полки предъ нимъ всѣ тлѣнъ.
На твердость уповать брегитесь толстыхъ стѣнъ.
Ни рвы глубокіе, ни остры *палисады*,
Ниже усыпанны *штурмфалами* ограды,
Ни самый подъ землей *въ фугасахъ* скрытый ядъ,
Не можетъ удержать полночныхъ грозныхъ чадъ.

[17]) Вар.: «Уродовъ, чучелъ стражъ — людъ».

[18]) Послѣ этого въ прежнихъ изданіяхъ слѣдовали слѣдующіе стихи:

Лишь только палецъ въ лобъ, какъ разомъ барабанъ
Ударитъ сборъ, и нашъ поэтъ — вѣдь капитанъ
Страшнѣе, нежель Фебъ—свою отброся лиру,
Къ ружью—и ну бѣжать къ сурову командиру!
Другому средь его восторговъ бракъ приказъ,
Чтобъ вымести, прибрать всѣ комнаты тотчасъ;
Тому, чтобъ въ тотъ же самый мигъ прямѣйшимъ самымъ трактомъ,
Хотя бъ на гривенномъ, летѣть съ своимъ экстрактомъ.

[19]) На репетицію театральной піесы.

[20]) Вар.: «Гдѣ онъ и самъ взялся играть лакейску».

[21]) Вар.: «И многи важныя изданія». Большая часть стихотвореній въ журналахъ: «Зритель,» И. Крылова (1792) и «С. п. бургскій Меркурій», И. Крылова и А. Клушина (1793), принадлежатъ Клушину, И. Мартынову и А. Бухарскому. Двое первыхъ писали не въ томъ родѣ, который осмѣивается «Чужимъ толкомъ», и потому слова Дмитріева предположительно отношу къ послѣднему. Въ числѣ многихъ сочиненій Бухарскаго есть торжественныя оды, которыя не обходятся безъ «казенныхъ лирическихъ выраженій». Одна изъ нихъ, по случаю тезоименитства Екатерины II (24 ноября 1788), содержитъ въ себѣ слѣдующіе стихи:

Какимъ я жаромъ воспалился!
Отверзлись умны очеса:
Се вѣчности храмъ растворился,
Въ немъ міра вижду чудеса, и пр.

Другая «на взятіе Очакова» (1788) начинается такимъ образомъ:

Какій восторгъ мой духъ объемлетъ!
Какій лiется въ мысли свѣтъ!
Какіе громы слухъ мой внемлетъ?
Что музу къ подвигу влечетъ?

[22]) Вар.: «Семъ» вм. «я».

[23]) Вар.: «Не вѣдь съ Румянцовымъ его, не вѣдь».

[24]) Какъ плодъ вдохновенія, ода не можетъ подчиняться строго-логическому порядку: движеніе чувства совершается по особеннымъ законамъ, имѣетъ свою собственную логику. Изъ непонятаго различія между развитіемъ мысли и движеніями сердца произошло ученіе о такъ называемомъ «лирическомъ безпорядкѣ», который состоялъ въ намѣренномъ разрывѣ цѣпи ощущеній, въ искуственныхъ переходахъ отъ одного предмета къ другому, выражаемыхъ по преимуществу фигурами вопрошенія и восклицанія, на прим.: «но что я зрю!» «какое зрѣлище предстало?» и т. п. Фигуры эти обратились въ общія мѣста, равно какъ и поэтическіе образы греческой миѳологіи, посредствомъ которыхъ многоразличные предметы являлись въ одномъ и томъ же образѣ, конкретное становилось отвлеченностью, противоположною существу поэзіи.

[25]) Подражаніе 1-ой сатирѣ Персія на плохихъ писателей. Латинскій сатирикъ также говоритъ о сочиненіяхъ, которымъ суждено служить оберткою рыбы-макрели.

[26]) «И мои бездѣлки». «Предваряю читателя (замѣчаетъ здѣсь авторъ въ выноскѣ), что эта сказка родилась отъ Вольтеровой сказки: La Bégueule. Лучше признаться, пока не уличили». Вольтерова нравоучительная сказка (conte moral) написана 1772 г. Дмитріевъ передѣлалъ ее на русскій ладъ, вставивъ въ свою передѣлку даже нѣсколько народныхъ словъ: ужасть, за тридевять земель, иль въ сказкѣ разсказать, коврикъ-самолетъ, видомъ не видано, досужій колдунъ. Замѣчательно, что эти слова напечатаны курсивомъ, какъ нѣчто особенное, или случайно зашедшее въ піесу, и что въ послѣднемъ изданіи сочиненій нѣкоторыя черты народности или сглажены, или совсѣмъ исключены (см. ниже варіанты). Описывая дворецъ, садъ и другія чудеса столицы волшебницы Всевѣды, Дмитріевъ подражалъ «Душенькѣ».

[27]) Вар.: «Въ немъ рѣки сычены, кисельны берега».

[28]) Сличи съ стихами изъ басни: «Чижикъ и Зяблица» (1794):

Но безъ товарища и радость намъ не въ радость:
Желаешь для себя, а ищешь раздѣлить.

[29]) Въ новомъ изданіи исключены слѣдующіе стихи:

Какъ жаль, мои друзья, что это позже было
Тѣхъ дней, какъ жилъ Илья, могучій богатырь!
Желѣзо, мѣдь, булатъ—предъ нимъ все было гнило,
Какъ, вырвавъ дубъ, взмахнетъ, бывало, какъ косырь!
Пустилъ ли бъ онъ.... но намъ его ужъ не дождаться;
Такъ лучше постараться
Самимъ разбойника съ Вѣтраною догнать.

[30]) Въ «Извѣстіи» кн. Вяземскаго сказано, что «съ 1795 по 1818 г. вышло два изданія басенъ Дмитріева, изъ коихъ послѣднее было перепечатано въ 1810 г.» Первое изданіе 1799, какъ показано Сопиковымъ (II, № 2141); второе имъ же отнесено къ 1810 г. (II, № 2142); третье, въ 4-хъ книгахъ, посвященное императрицамъ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и Маріи Ѳеодоровнѣ, нап. въ двухъ форматахъ: въ 8-ую и въ 4-ую долю листа.—«Апологи въ четверостишіяхъ», выбранные преимущественно изъ Мольво, нап. 1826.

[31]) Изъ Лафонтена: «Le Rat qui s'est retiré du monde».

[32]) Это слово (и зубами) вмѣстѣ съ предъидущимъ (ногами) составляютъ, по настоящему, одинъ ямбическій трехстопный стихъ:

Ногами и зубами.

Дмитріевъ раздѣлилъ его на два. отъ чего вторая половина (и зубами) переходитъ въ двустопный хорей.

[33]) Тоже хореическій стихъ (см. предъидущее примѣчаніе).

[34]) Эта басня, равно какъ и предъидущая, переведены изъ Флоріана. См.: «Le Renard qui prêche» и «Le Roi et les deux Bergers».

[35]) «По случаю перваго свиданія съ ними послѣ моей отставки изъ оберъ-прокуроровъ Сената». Нап. въ изданія Стихотвореній Дмитріева, 1803 г.

[36]) Москвитянинъ, 1841, №. 1. Здѣсь помѣщенъ только отрывокъ; полныя записки И. Дмитріева хранятся у племянника его, М. А. Дмитріева.

[37]) «Повѣсть о Томасѣ Іонесѣ, или найденышѣ, 1770—1771». (Соп. библ. IV, 8415.)

[38]) «Tableau de la mort». Изъ сочиненій Людовика Карачіоли (+ 1803) многія переведены на рус. яз.

[39]) «Le taureau blanc, traduit du syriaque par M. Mamaki, interprète du roi d'Angleterre pour les langues orientales (1774)». И. Дмитріевъ ошибся: «Бѣлый быкъ» дѣйствительно написанъ Вольтеромъ и помѣщается въ собраніи его сочиненій.

[40]) Мистикъ Шварцъ, Иванъ Григорьевичъ (+ 1784), пріѣхавъ въ Россію 1779 г., поступилъ профессоромъ нѣмецкаго языка въ Москов. университетъ. Въ томъ же году назначенъ былъ инспекторомъ основанной при университетѣ Педагогической Семинаріи (для приготовленія учителей). Въ 1781 г. учредилъ «Собраніе университетскихъ питомцевъ» для упражненій въ сочиненіяхъ и переводахъ и издавалъ «Московскую Нѣмецкую Газету». Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ дѣйствіяхъ «Дружескаго ученаго общества», вмѣстѣ съ основателемъ его Н. И. Новиковымъ. Приватныя лекціи его: «о трехъ родахъ познаній», производили большое вліяніе на слушателей. Отрывки изъ этихъ лекцій, относящихся къ 1783 г. (въ томъ же году Шварцъ вышелъ изъ университета), нап. въ журналѣ: «Другъ юношества и всякихъ лѣтъ,» М. Невзорова (1813, № 1). Полное ихъ собраніе находится у проф. Н. С. Тихонравова. Другія сочиненія Шварца: Рѣчь о способахъ изученія языковъ, на нѣм. яз. произнесенная при вступленіи на каѳедру (1779); Начертаніе первыхъ основаній нѣмец. слога, для употребленія въ публичныхъ лекціяхъ при университетѣ, ч. I (1780); О достоинствахъ и недостаткахъ нѣмецкаго слога (1780), слово произнесенное въ торжественномъ собраніи университета (см. мою 2-ую статью о Карамзинѣ; Біограф. Словарь Профес. и преподаватей Моск. Унив., т. II; Матеріалы для исто-

рія рус. просвѣщенія и литературы въ концѣ XVIII в., М. Лонгинова, Рус. Вѣст. 1857, № 19, и 1858, № 15).

[41]) «Размышленія о дѣлахъ Божіихъ въ царствѣ натуры и Провидѣнія, на каждый день года, и Бесѣды съ Богомъ, или размышленія въ утренніе и вечерніе часы» 12 ч., період. изд., переводъ съ нѣм., 1787—89 г. г. (Кат. Смирд., № 928). Что именно въ этомъ изданіи переведено Карамзинымъ—неизвѣстно.

[42]) Это невѣрно. Напротивъ, Петровъ продолжалъ Дѣтскіе Чтеніе, за отъѣздомъ Карамзина въ чужіе края. «Осиротѣвшее безъ тебя Дѣтское Чтеніе», писалъ Петровъ своему другу, отъ 20 сентября 1789, «намѣренъ я наполнять по большей части изъ Кампева Теофрона» (Письма Петрова въ «Памятникѣ отечественныхъ Музъ», изд. Б. Ѳедоровымъ на 1827.; перепечатаны въ моей 2-ой ст. о Карамзинѣ).

[43]) См. 11-ое прим. къ Карамзину (стр. 46—47).

III.

КАМЕНЕВЪ. ([1]).

А. ГРОМВАЛЪ, БАЛЛАДА (1802). ([2]).

Мысленнымъ взоромъ я быстро лечу,
Быстро проникнувъ сквозь мрачность временъ;
Поднимаю завѣсу сѣдой старины,
И Громвала я вижу на добромъ конѣ.

Зыблются перья па шлемѣ его,
Стрѣлы калены въ колчанѣ звучатъ;
Онъ по чистому полю несется какъ вихрь,
Въ вороненыхъ доспѣхахъ, съ булатнымъ копьемъ.

Солнце склонялось къ кремнистымъ горамъ,
Вечеръ спускался съ воздушныхъ высотъ;
Богатырь пріѣзжаетъ въ глухіе лѣса,
Сквозь вершины ихъ видитъ лишь небо одно.

Буря, облекшись въ угрюмую ночь,
Мчится съ закату на черныхъ крылахъ;
Заревѣла пучина, дуброва шумитъ,
И столѣтніе дубы скрипятъ и трещатъ.

Негдѣ укрыться отъ бури, дождя;
Нѣтъ ни пещеры, не видно жилья;
Лишь во мракѣ сгущенномъ, сквозь вѣтви деревъ,
То блеснетъ, то померкнетъ вдали огонекъ.

Въ сердцѣ съ надеждой, съ отвагой въ душѣ,
Ѣхавши тихо сквозь лѣсъ на огонь,
Богатырь пріѣзжаетъ на берегъ ручья,
И вдругъ—видитъ онъ замокъ вблизи предъ собой.

Синее пламя изъ замка блеститъ,
Свѣтъ отражая въ струистомъ ручьѣ;
Тѣни въ окнахъ мелькаютъ и взадъ и впередъ;
Завыванія, стоны въ немъ глухо ревутъ.

Витязь, сошедши поспѣшно съ коня,
Идетъ къ воротамъ, заросшимъ травой,
Ударяетъ въ нихъ сильно булатнымъ копьемъ,
Но на стукъ отвѣчаютъ лишь гулы въ лѣсу.

Вмигъ потухаетъ внутрь замка огонь,
Свѣтъ умираетъ въ объятіяхъ тьмы;
Завыванія, стоны утихли, молчатъ;
Усугубилась буря, удвоился дождь.

Сильнымъ ударомъ могучей руки
Рушится твердость желѣзныхъ воротъ.
Отлетѣли запоры, скрипятъ вереи,
И во внутренность входитъ безстрашный Громвалъ.

Мечъ обнаживши, готовый разить,
Ощупью тихо онъ въ замокъ идетъ.

Тишина распростертѣ и мрачность вездѣ,
Лишь сквозь окна и щели вихрь бурный свиститъ.

Витязь въ досадѣ и въ грусти вскричалъ:
«Хищный волшебникъ, коварный Зломаръ!
Ты Громвала принудилъ по свѣту бродить,
Ты похитилъ Рогнеду, подругу его!

Многія царства и земли прошелъ,
Рыцарей сильныхъ, чудовищъ побилъ,
Великановъ сразилъ я могучей рукой;
Но Рогнеды любезной еще не нашелъ!

Гдѣ обитаешь ты, лютый Зломаръ?
Въ дебряхъ ли дикихъ, въ пещерахъ, въ лѣсахъ,
Въ подземельяхъ ли мрачныхъ, въ пучинѣ ль морской
Укрываешь ее ты отъ взоровъ моихъ?

Если найду я жилище твое,
Злобный волшебникъ, лихой чародѣй,
Извлеку изъ неволи Рогнеду мою,
Вырву черное сердце изъ груди твоей!»

Витязь, умолкнувъ, почувствовалъ сонъ;
Одръ ему стелютъ усталость и ночь.
Не снимая доспѣховъ, въ бронѣ, въ шишакѣ
Прикорнувъ, засыпаетъ глубокимъ онъ сномъ.

Тучи промчались и вихрь замолчалъ,
Звѣзды потухли, алѣетъ востокъ;
Пробудилась денница, Зимцерла цвѣтетъ
Какъ румяная роза — Громвалъ еще спитъ.

Катится солнце по своду небесъ,
Блещетъ съ полудня каленымъ лучемъ,
И по соснамъ слезится смола сквозь кору;
Но Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Ночи предтеча со смуглымъ челомъ
Смотритъ съ востока на лѣсъ, на луга,
Окропляетъ изъ урны росой мураву;
Но Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Ночь, съ кипарисныиъ вѣнкомъ на главѣ,
Въ ризѣ, сотканной изъ мрака и звѣздъ,
По ступенямъ, нахмурясь, на тронъ свой идетъ;
А Громвала все держитъ въ объятіяхъ сонъ.

Тучи сомкнулись на сводѣ небесъ,
Мрачность густѣетъ, настала полночь:
Богатырь, воспрянувши отъ крѣпкаго сна,
Изумился, не видя румяной зари!

Вдругъ затрещало по замку какъ громъ,
Стѣны трясутся, окошки звенятъ,
И, какъ молнія быстро блистаетъ во тьмѣ,
Освѣщается зала ужаснымъ огнемъ.

Громко всѣ двери стучатъ, отворясь:
Въ саванахъ бѣлыхъ, съ свѣчами въ рукахъ,
Появляются тѣни—за ними несутъ
Гробъ желѣзный скелеты въ рукахъ костяныхъ.

Въ залѣ обширной поставили гробъ,
Крышка слетѣла мгновенно съ него,
И волшебникъ Зломаръ — ужасающій видъ! —
Бездыханенъ лежалъ въ немъ, открывши глаза.

Полъ разступился, и адскій огонь
Съ вихремъ трескучимъ и съ громомъ летитъ,
Охвативъ гробъ желѣзный, какъ жаръ раскалилъ;

Застоналъ стономъ тяжкимъ геенны Зломаръ.

Въ дикихъ, свирѣпыхъ, кровавыхъ глазахъ
Ужасъ начертанъ, отчаянье, скорбь;
Изо рта пѣна черная клубомъ кипитъ:
Но лежитъ неподвижно, какъ трупъ, чародѣй.

Духи, скелеты, руками схватясь,
Гаркаютъ, воютъ, хохочутъ, свистятъ.
Въ изступленномъ восторгѣ бѣснуясь, они
Пляшутъ адскую пляску вкругъ гроба его.

Въ страшныхъ забавахъ проходитъ полночь:
Вопли ихъ, клики ужаснѣй гремятъ.
Но лишь утра предвѣстникъ три раза пропѣлъ,
Исчезаютъ вмигъ духи, скелеты и гробъ.

Тьма, какъ въ могилѣ, повсюду покой!
Тихо и мрачно въ окрестномъ лѣсу.
Удивляется чуду смущенный Громвалъ;
Изумившись, не вѣритъ себѣ самому.

Вдругъ раздалася волшебна свирѣль,
Арфы внезапный послышался звукъ,
Растворился сводъ залы, и розовый лучъ
Разогналъ тихимъ свѣтомъ сгущенную ночь.

Въ облакѣ легкомъ душистыхъ паровъ
Будто бы свѣжій дышалъ вѣтерокъ,
И въ поднебесьѣ лебедь спокойно плыла,
Опускается тихо волшебница въ залъ.

Чище лилеи одежда ея,
Поясъ по чресламъ какъ яхонтъ горитъ;
Какъ игра златояркой восточной звѣзды,
Такъ веселость сіяетъ у ней во очахъ.

Гласомъ пріятнымъ Добрада рекла:
«Рыцарь печальный, покорствуй судьбѣ!
Знай: Зломара не стало; судьба навсегда
Ужъ очистила свѣтъ отъ злодѣя сего.

Въ адскую пропасть низверженъ на вѣкъ;
Челюсть геенны его пожрала;
Съ клокотаніемъ лавы и съ ревомъ огня,
Вой и стонъ его бездна лишь будетъ внимать.

Смерть, преступивши природы законъ,
Чувствъ не лишила волшебниковъ трупъ:
Развращенныхъ имъ тѣни погибшихъ людей
Каждоночно здѣсь въ замкѣ терзаютъ его.

Рыцарь! спѣши ты къ Рогнедѣ своей:
Къ югу за лѣсомъ, въ песчаныхъ степяхъ,
Тамъ Зломарова замка въ темницѣ стальной
Два крылатыхъ Зиланта ее стерегутъ.

Рогъ сей волшебный прими отъ меня,
Челюсть чудовищъ онъ силенъ сомкнуть;
Но внимай! ты не можешь Рогнеду спасти,
Не проливъ ея крови: судьбы такъ велятъ».

Струны волшебны вторично звучатъ,
Облако къ верху съ Добрадой летитъ.
Пораженный сей рѣчью, Громвалъ внѣ себя,
Истукану подобенъ, въ слѣдъ смотритъ за ней.

Рогъ изумрудный держащій въ рукѣ,
Съ горькой досадой вскричалъ богатырь:
«Вѣроломной волшебницы пагубный даръ!
Ты убійствомъ Рогнеды мнѣ счастье сулишь!

Нѣтъ! трепещу я отъ мысли одной, —
Сердце изъ груди ей въ жертву летитъ.
Но, Громвалъ, повинуйся глаголу судьбы,
Чародѣйство Зломара спѣши истребить.

Если не можешь Рогнеду спасти,

Замокъ разрушить, Зилантовъ сразить,—
Богатырскую кровь ты пролей за нее
И геройскою смертью любовь увѣнчай!»

Красное утро блестящимъ лучемъ
Сосенъ столѣтнихъ верхи золотитъ;
Обращая на полдень коня своего,
Оставляетъ нашъ витязь и замокъ и лѣсъ.

Дебри, утесы, стремнины, хребты
Стонутъ отъ тяжкихъ ударовъ копытъ;
Пыль густая какъ туча, крутяся столбомъ,
По поднебесью вьется, гдѣ скачетъ Громвалъ.

Мрачнымъ ущельемъ скалистой горы
Выѣхалъ рыцарь въ обширную степь:
Открывается взорамъ песка океанъ,
Вдали будто бы съ небомъ сливается онъ.

Вѣтръ не волнуетъ сыпучую зыбь,
Дышитъ тлетворнымъ дыханіемъ зной.
Ни кусты не шумятъ, не журчатъ ручейки,
Какъ въ полночь на кладбищѣ, все ноетъ, молчитъ.

Въ дикой пустынѣ, въ сихъ страшныхъ поляхъ,
Нѣтъ ни дороги, не видно слѣдовъ,
Лишь къ востоку примѣтна крутая гора,
И на ней крѣпкій замокъ чернѣетъ въ дали.

Съ жаждой и зноемъ сражаясь три дня,
Смерти препоны расторгъ богатырь;
На конѣ утомленномъ, въ кровавомъ поту,
Подъѣзжаетъ онъ тихо къ подошвѣ горы.

Въ скользкихъ стремнинахъ нависнувшихъ скалъ,
Страшно грозящихъ низринуться въ долъ,
Обрываясь надъ бездной по узкой тропѣ,
Достигаетъ вершины и замка Громвалъ.

Силой геенны и адскихъ духовъ
Мрачный сей замокъ построилъ Зломаръ.
Взгроможденныя башни на черныхъ скалахъ
Предвѣщаютъ погибель и лютую смерть.

Въ сердцѣ съ Рогнедой, съ геройствомъ въ душѣ,
Бурѣ свирѣпой подобный Громвалъ
Сокрушаетъ чугунныхъ воротъ верен,
Въ замокъ страшный вступаетъ съ булатнымъ мечемъ.

Грозно идетъ онъ,—подъ крѣпкой пятой
Мертвыя кости, черепья хрустятъ;
Враны, птицы ночныя и нетопыри
Пробуждаются въ мшистыхъ разсѣлинахъ стѣнъ.

Облакомъ вьются надъ замкомъ они,
Воздухъ колеблетъ ужасный ихъ крикъ;
И Зиланты, послышавъ Громваловъ приходъ,
Испускаютъ вой, свисты и крыльями бьютъ,

Челюсть разинувъ, летятъ на него:
Копьями жала торчатъ изъ пастей;
Чешуею брянчатъ, извивая хвосты,
Выпускаютъ погибельны когти изъ лапъ.

Въ рогъ изумрудный трубитъ богатырь,
Звукъ оглушилъ ихъ: какъ камни падутъ;
Подсѣкаются крылья, сомкнулся ихъ зѣвъ,
Погрузившись въ сонъ смертный, горами лежатъ.

Рыцарь въ восторгѣ къ темницѣ летитъ
Съ пламеннымъ сердцемъ Рогнеду обнять;
Но огромная дверь растворяется вдругъ,

И на встрѣчу выходитъ въ бронѣ исполинъ.

Грозные взгляды—кометы во тьмѣ;
Мѣдь на немъ—панцырь, свинецъ—булава,
Сѣрый мохъ по болоту—брада у него,
Черный лѣсъ послѣ бури — власы на челѣ.

Съ силой ужасной взмахнувъ булаву,
Прямо въ Громвала пустилъ исполинъ,
Поражаетъ его по буйной головѣ;
Содрогается эхо, по замку звуча.

Шлемъ, зазвенѣвши, дробится въ куски,
Сыплются искры изъ темныхъ очей,
Булава отъ удара согнулась дугой,
Но не двинулся съ мѣста Громвалъ, какъ скала.

Мечъ въ богатырской рукѣ заблисталъ,
Бурнымъ перуномъ злодѣя разитъ:
Разлетѣлась бы крѣпкая въ дребезги мѣдь,
Но скользитъ лезвѣе по волшебной бронѣ.

Въ бѣшенствѣ лютомъ реветъ великанъ,
Пламенемъ пышетъ, отъ злости дрожитъ;
Напрягаетъ онъ мышцы укладистыхъ плечъ,
Угрожаетъ Громвала въ когтяхъ задушить.

Смерть неизбѣжна, погибель близка,
Страшныя длани касаются латъ;
Но Громвалъ, ухватя его ногу, какъ дубъ,
Потряхнувши, повергъ, опрокинулъ его.

Башнѣ подобно громыхнулъ гигантъ,
Звукомъ ужаснымъ весь замокъ потрясъ;
Разсѣдаются стѣны, валятся зубцы;
Онъ упалъ и въ сырой землѣ яму вдавилъ.

Взявши за горло могучей рукой,
Мечъ ему въ челюсть вонзаетъ Громвалъ;
По булату зубами скрипитъ великанъ,
Возревѣлъ, застоналъ и въ изгибы свился.

Черная пѣна, багровая кровь
Хлещетъ, клубится изъ пасти его;
Разъяренный мученьемъ, со смертью борясь,
Роетъ землю ногами, трепещетъ, хрипитъ.

Вмѣстѣ сливаясь кипящей струей,
Пучится, бродитъ гигантова кровь;
Поднявшись облачкомъ, легкій паръ отъ нея
Образуетъ Рогнеды прекрасной черты:

Розы въ ланитахъ и прелесть въ очахъ,
Алыя губы манятъ поцѣлуй;
По плечамъ разстилаясь, какъ бархатъ, власы
Осѣняютъ ея лебединую грудь.

Чуду такому дивится Громвалъ:
Призракъ ли видитъ, или существо?
Приближаясь съ надеждой и съ робостью къ ней,
Не мечту, но Рогнеду онъ къ персямъ прижалъ.

Страстнымъ восторгомъ исполнясь, Громвалъ
Голосомъ нѣжнымъ любезной вѣщалъ:
«Долго, долго искалъ я, Рогнеда, тебя
И по бѣлому свѣту скитался, какъ тѣнь!»

Тяжко вздохнувши, сказала она:
«Лютый волшебникъ, коварный Зломаръ,
Раздраженный презрѣнною страстью своей,
Въ чародѣйскій сей замокъ меня перенесъ.

Здѣсь, поразивши волшебнымъ жезломъ,
Памяти, чувства меня онъ лишилъ:
Погрузившись мгновенно въ таинственный сонъ,

Я съ тѣхъ поръ въ безднѣ мрака сокрыта была».

За руку взявши Рогнеду, Громвалъ
Тихо спустился къ подошвѣ горы;
Посадивши ее на коня за собой,
По дорогѣ обратно стрѣлой полетѣлъ.

Замокъ объемлетъ глубокая тьма;
Громы во мракѣ свирѣпо ревутъ;
Бурны вихри завыли, сорвавшись съ цѣпей;
Затрещали кремнистыя ребра горы.

Съ ревомъ ужаснымъ разверзлась земля,
Рухнули башни въ бездонную пасть;
Ниспроверглись Зиланты, темница, гигантъ:
Чародѣйство Зломара разрушилъ Громвалъ.

в. ПИСЬМА. (³).

1800, октября 10.

Въ прошедшемъ письмѣ я обѣщалъ вамъ сообщить подробности визита моего у г. Карамзина. Вотъ онѣ. Въ половинѣ 12-го часа, съ старшимъ сыномъ (⁴) г. Тургенева поѣхали мы на Никольскую улицу и взошли въ нижній этажъ зелененькаго домика, гдѣ г. Карамзинъ нанимаетъ квартиру. Мы застали его съ Дмитріевымъ, читающаго 5-ю и 6-ю части его путешествія, которыя теперь въ петербургской ценсурѣ и скоро, вмѣстѣ съ Московскимъ Журналомъ, будутъ напечатаны. Увидѣвши насъ, Карамзинъ всталъ изъ вольтеровскихъ креселъ, обитыхъ алымъ сафьяномъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и сказалъ, что Иванъ Владиміровичъ давно ему обо мнѣ говорилъ, что онъ любитъ знакомиться съ молодыми людьми, любящими литературу, и, не давши мнѣ ни слова вымолвить, спросилъ, не я ли присылалъ ему переводъ изъ Казани, и напечатанъ ли онъ. Я отвѣчалъ и на то, и на другое какъ можно короче. Послѣ сего начался разговоръ о книгахъ, и оба сочинителя спрашивали меня наперерывъ: какіе языки мнѣ извѣстны? гдѣ я учился? сколько времени? что переводилъ? что читалъ? и не писалъ ли чего стихами? Я отвѣчалъ, что перевелъ оду изъ Клейста (⁵). Г. Дмитріевъ требовалъ наступательно, чтобы я нѣсколько строфъ прочелъ ему, утверждая, что онъ послѣднюю піесу, которую сочинялъ, всегда помнитъ наизусть. Но я имѣлъ на тотъ разъ такое отсутствіе духа, что не выговорилъ бы порядочно ни одного слова, и чѣмъ болѣе приступали, тѣмъ менѣе чувствовалъ въ себѣ способности ихъ удовольствовать (хотя всю оду наизусть помню), и наконецъ отказался слабостію памяти. Карамзинъ спросилъ Тургенева, перевелъ ли переписку Юнга съ Фонтенелемъ изъ Философіи природы, и начали говорить о сей книгѣ, которой сочинителя онъ не любитъ. Вотъ слова его: «Этотъ авторъ можетъ только нравиться тому, кто имѣетъ *темную* любовь къ литературѣ. Опровергая мнѣніе другихъ, самъ не говоритъ ничего сноснаго; ожидаешь много, приготовишься,—и выйдетъ вздоръ. Нѣтъ плавкости въ стилѣ, нѣтъ *зернистыхъ* мыслей; многое слабо, иное *плоско*, и онъ ничѣмъ не *брильируетъ*». Карамзинъ употребляетъ французскихъ словъ очень много: въ десяти русскихъ, вѣрно, есть одно французское. *Имажинація*, *сентименты*, *tourment*, *énergie*, *épithète*, *экспрессія*, *экселлировать*, и пр. повторяетъ очень часто. Стихи съ риѳмами называетъ *побѣжденною трудностію*; стихи бѣлые ему нравятся; но говоритъ, что если начнетъ писать, то заставитъ всѣхъ подражать себѣ. По его мнѣнію, русскій языкъ не сотворенъ для поэзіи, а особливо съ риѳмами; что окончаніе стиховъ на глаголы ослабляетъ экспрессію. Перебирая людей, имѣ-

ющихъ въ Казани свои библіотеки, о васъ упомянулъ я и сказалъ, что вы трудитесь въ переводѣ Тасса. Да не стихами ли? спросилъ Дмитріевъ. Я отвѣчалъ, что прозою, съ перевода Лебрюнова([6]),—и Карамзинъ призналъ этотъ переводъ за самый лучшій. Дмитріевъ хвалилъ Фонъ-Визина, Богдановича; но Карамзинъ былъ противнаго мнѣнія, и когда первый читалъ нѣсколько стиховъ изъ Поэмы на разрушеніе Лиссабона, переведенные, какъ онъ говоритъ, Богдановичемъ, то онъ критиковалъ стихи:

Я живъ, я чувствую, и сердце отъ мученья
Взываетъ ко Творцу и проситъ облегченья...

называя ихъ слабыми и пр. Онъ росту болѣе, нежели средняго, черноглазъ, носъ довольно великъ, румянецъ неровный и бакенбартъ густой. Говоритъ скоро, съ жаромъ, и перебираетъ всѣхъ строго. Сожалѣетъ, что не умѣлъ воспользоваться отъ своихъ сочиненій, и называетъ ихъ своею *деревенькою*. Дмитріевъ росту высокаго, волосовъ на головѣ мало, косъ и худощавъ. Они живутъ очень дружно и обращаются просто, хотя одинъ поручикъ, а другой генералъ-поручикъ. Прощаясь со мной, просилъ меня, чтобъ я чаще къ нему ходилъ.

Того же года и мѣсяца.

Третьяго дня я сдѣлалъ второй визитъ г. Карамзину и принятъ имъ столь же хорошо, какъ и въ первый. Сѣвши въ вольтеровскія свои кресла, просилъ онъ меня, чтобы я сѣлъ на диванъ, возвышенный не болѣе шести вершковъ отъ полу, гдѣ, какъ карла передъ гигантомъ, въ уничижительнѣйшемъ положеніи, имѣлъ удовольствіе съ часъ говорить съ нимъ. Г. Карамзинъ былъ въ совершенномъ дезабилье: бѣлый байковый сюртукъ, на-распашку, и медвѣжьи большіе сапоги составляли его одежду. Говоря о новыхъ французскихъ авторахъ (которыхъ я очень мало знаю), совѣтовалъ мнѣ читать новѣйшіе романы, утверждая, что ничѣмъ не можно столь себя усовершенствовать въ истинѣ, какъ прилежнымъ чтеніемъ оныхъ. Совѣтовалъ мнѣ сочинять что-нибудь въ нынѣшнемъ вкусѣ и признавался, что, до изданія Московскаго Журнала, много бумаги имъ перемарано, и что не иначе можно хорошо писать, какъ писавши прежде худо и посредственно. Журналъ его скоро выйдетъ новымъ тисненіемъ.— Комнаты его очень хорошо убраны, и на стѣнахъ много портретовъ французскихъ и италіянскихъ писателей; между ними замѣтилъ я Тасса, Метастазія, Франклина, Буфлёра, Дю-Пати и другихъ беллетристовъ. Сколь онъ ни добръ, сколь характеръ его ни кротокъ, но имѣетъ многихъ непріятелей, которые, изъ зависти, ему вредить стараются. Нѣкто сочинилъ на него слѣдующую глупую эпиграмму:

Былъ я въ Женевѣ, былъ я въ Парижѣ,
Спесью сталъ выше, разумомъ ниже.

А на «Бездѣлки» его также кто-то сдѣлалъ стихи:

Собравъ свои творенья мелки,
Французъ, изъ Русскихъ, надписалъ:
«Мои бездѣлки»,
А умъ, прочтя, сказалъ:
Немного дива,
Лишь надпись справедлива.

Г. Дмитріевъ, почитатель и другъ Карамзина, думая, что послѣдніе стихи сочинены Шатровымъ ([7]), отвѣчалъ на нихъ:

Коль разумъ чтить должны мы въ образѣ Шатрова,
Насъ, Боже, упаси отъ разума такова.

Того же года въ ноябрѣ.

На вопросъ мой г. Карамзину, гдѣ и какимъ образомъ усовершенствовалъ онъ себя въ россійскомъ языкѣ, отвѣчалъ онъ мнѣ слѣдующее: «Родившись въ деревнѣ, воспитывался я въ Симбирскѣ, ходилъ въ пансіонъ и читалъ много

книгъ русскихъ. Пріѣхавши въ Москву, учился въ домѣ профессора Шадена нѣмецкому и французскому языкамъ. Началъ переводить, сочинять и, къ счастію, познакомился съ Петровымъ (молодымъ человѣкомъ, котораго подъ именемъ Агатона оплакивалъ). Онъ имѣлъ вкусъ моего свѣжѣе и чище; поправлялъ мои маранья, показывалъ красоты авторовъ и началъ чувствовать силу и нѣжность выраженій. Вознамѣрясь выдти на сцену, я не могъ сыскать ни одного изъ русскихъ сочинителей, который бы былъ достоинъ подражанія, и, отдавая всю справедливость краснорѣчію Ломоносова, не упустилъ я замѣтить стиль его *дикій, варварскій*, вовсе несвойственный нынѣшнему вѣку, и старался писать чище и живѣе. Я имѣлъ въ головѣ нѣкоторыхъ иностранныхъ авторовъ; сначала подражалъ имъ, но послѣ писалъ уже своимъ, ни отъ кого незаимствованнымъ слогомъ. И это совѣтую всѣмъ подражающимъ мнѣ сочинителямъ, чтобъ не всегда и не вездѣ держаться оборотовъ моихъ, но выражать свои мысли такъ, какъ имъ кажется живѣе. Въ письмахъ Измайлова (⁸) замѣтилъ я нѣсколько періодовъ, съ меня копированныхъ; но ему простительно: онъ по-русски не читалъ ничего, кромѣ «Моихъ бездѣлокъ».

⁷) Каменевъ, Гаврила Петровичъ (1772—1803), сынъ купца, род. въ Казани, гдѣ получилъ образованіе въ частномъ пансіонѣ. Узнавъ основательно нѣм. и франц. языки, посвятилъ себя литературнымъ занятіямъ, хотя и служилъ нѣкоторое время по выборамъ купечества: сначала ратманомъ, а потомъ бургомистромъ въ магистратѣ. По дѣламъ своимъ ѣздилъ онъ въ послѣдніе годы своей жизни въ Москву, гдѣ, какъ писатель, познакомился съ И. П. Тургеневымъ и его сыновьями (Андреемъ и Александромъ), Карамзинымъ и И. Дмитріевымъ. «Иванъ Владиміровичъ (Лопухинъ)», пишетъ онъ отъ 25 сентября 1800 г. къ своему другу, С. А. Москотильникову, «рекомендовалъ меня г. Тургеневу, подъ именемъ казанскаго негосіанта и литератора. Я принятъ былъ очень благосклонно, и г. директоръ университета (Тургеневъ) сказалъ мнѣ, что онъ за удовольствіе поставляетъ знать меня лично, хотя уже я, какъ ему, такъ и дѣтямъ его, давно по переводамъ извѣстенъ. Потомъ спросилъ меня въ шуткахъ, былъ ли я у «старосты россійской литературы» (т. е. у Хераскова), и на отвѣтъ Ив. Вл., что онъ меня съ нимъ еще не познакомилъ, препоручилъ онъ старшему сыну своему съѣздить со мною и рекомендовать меня «десятнику литературы», г. Карамзину, который боленъ и никуда не выѣзжаетъ. Потомъ сѣли за столъ, въ продолженіе коего говорилъ я съ дѣтьми его о нѣмецкихъ авторахъ. Старшій (Андрей) любитъ страстно Гете, Коцебу, Шиллера и Шпиза; онъ много переводилъ изъ нихъ, а особенно изъ Коцебу».—Литературные труды Каменева ограничиваются нѣсколькими стихотвореніями, мелкими прозаическими статьями и переводами. Нѣкоторые изъ нихъ напеч. въ журналахъ: Пріятное и полезное препровожденіе времени (1794—1799), Муза (1796), Ипокрена, или утѣхи любословія (1799—1801), Новости русской литературы (1802—1805) и Періодическое изданіе Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ (1804). Изъ переводовъ Каменева напеч. отдѣльно: Софія, или сумасшедшая отъ любви, повѣсть Шписа (1801), Гробница на холмѣ, повѣсть Коцебу (1802), Счастіе одного бываетъ несчастіемъ другому, повѣсть Коцебу (1805). (Г. П. Каменевъ, ст. Второва въ 1-ой кн. литературнаго сборника графа Соллогуба: «Вчера и сегодня». 1845).

⁸) «Собраніе образцовыхъ рус. соч., изд. 2, ч. 3 (1822)». Громвалъ помѣщенъ впервые въ «Періодическомъ изданіи Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ» (1804), основаннаго въ 1801 г. В. В. Попугаевымъ, издавшимъ «Минуты Музъ, ч. 1-ая (1801)», и И. М. Борномъ, авторомъ «Краткаго руководства къ рос. словесности (1808)». Кромѣ 1-ой части «Період. изданія», общество напечатало еще «Свитокъ Музъ», 2 ч. (1802—1803). Каменевъ поступилъ въ его члены 1802 г. О двухъ піесахъ его: «Графъ Глейхенъ» (не напеч.) и «Громвалъ», въ отчетѣ общества замѣчено, что первая изъ нихъ переведена съ нѣм. русскимъ размѣромъ (т. е. хореями съ дактилическимъ окончаніемъ, въ подражаніе Ильѣ Муромцу, Карамзина), а вторая написана особымъ дактилическимъ размѣромъ (точнѣе: первые два стиха строфы дактили, послѣдніе два—анапесты), и что обѣ онѣ за-

служиваютъ вниманіе по плавности слога. Но это только внѣшнее ихъ отличіе, которое въ то время имѣло свою цѣну: анапестъ, называвшійся въ шутку «пестомъ», по своему тяжелому ходу, почитался непріятнымъ метромъ, прежде чѣмъ стихотворенія Жуковскаго узаконили ему мѣсто въ русской версификаціи. Главное значеніе Громвала заключается въ элементѣ романтическомъ. Оно указано А. Пушкинымъ: «Каменевъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма; мы, русскіе романтики, должны привести должную дань его памяти». Кромѣ врожденной наклонности къ романтизму, Каменевъ знакомился съ нимъ изъ нѣмецкой литературы. (См. критическую статью Н. Тихонравова: «Мелочи изъ запаса моей памяти, М. Дмитріева», Отеч. Зап. 1855, № 1).

[3]) Нап. въ упомянутой ст. Второва (см. прим 1).

[4]) Андреемъ Ивановичемъ, другомъ Жуковскаго, который посвятилъ ему переводъ Греевой элегіи: «Сельское кладбище» (Вѣст. Евр. 1802 г.).

[5]) Вѣроятно: «Желаніе спокойствія», нап. въ 7-ой ч. «Ипокрены» (1800).

[6]) Лебрюнъ, Шарль Франсуа (✝ 1824), переведшій прозою Освобожденный Іерусалимъ (1774) и Иліаду (1776).

[7]) Николаемъ Михайловичемъ, славившимся нѣкогда переложеніями псалмовъ.

[8]) Путешествіе въ полуденную Россію (1802), Владиміра Измайлова, который подражалъ Письмамъ рус. путешественника (см. ниже).

IV.

ПОДШИВАЛОВЪ. ([1]).

А. КЪ СЕРДЦУ (1794). ([2]).

Тихія колебанія сердца! электризуйте перо мое, да прославитъ оно чистый, неизсякаемый источникъ вашъ, источникъ драгоцѣнныхъ чувствъ и добродѣтелей!

О ты, противъ коего ополчаются хладныя и тусклыя души и сравниваютъ тебя въ чернотѣ съ Арапомъ и въ пятнахъ съ рысью; о ты, въ которомъ таинственные лжеумники находятъ множество ущелинъ и вертеповъ и вовсе хотятъ заглушить тебя; о ты, вещь незнаемая и непонятная для людей обыкновенныхъ, доброе и благодѣтельное сердце! не пробуждайся въ нихъ, щадя мнимое ихъ благополучіе, не наказывай ихъ упорства и незнанія, бейся только для своихъ любимцевъ!

Пусть твои гонители въ пространныхъ владѣніяхъ твоихъ находятъ одни пороки и пусть приписываютъ ихъ не себѣ, но Богу, коего изображаютъ они Богомъ проклятій: ты можешь безпрепятственно изливать свои щедроты на немногихъ, чувствующихъ цѣну твою, можешь и изъ камня извлекать для нихъ пищу, можешь и въ пустынѣ, въ нѣдрахъ натуры, дѣлать ихъ счастливыми!

Чувствительное сердце! благословляю тебя. Благословляю твою волшебную силу, утѣшающую родъ человѣческій, возвышающую наши радости, услаждающую наши прискорбія. Гдѣ только дѣйствуешь ты, тамъ не слышенъ ропотъ на всещедраго Бога, тамъ цвѣтетъ величественная натура и упоеваетъ чувства нектаромъ простоты, непринужденности, легкой и сладостной жизни; тамъ и самыя горести превращаются въ источникъ утѣхъ. Несчастливъ братъ мой, сердце мое рвется: но, стремясь помочь ему, утѣшить его, ощущаетъ неизъяснимое веселіе. Несчастливъ я самъ, сердце мое надымается противъ утѣснителей: но я невиненъ, я отношу ихъ притѣсненія на счетъ властолюбія или зависти, что они не могутъ наслаждаться тѣми жъ удовольствіями, которыми я наслаждаюсь, и сія мысль извлекаетъ болѣзненный вздохъ изъ груди моей; а на вздохъ мой нисходитъ любимая дщерь небеснаго Отца, кроткая надежда и, усыпляя мои мученія, манитъ возвратиться къ внутреннимъ радостямъ, которыхъ никто

у меня похитить не можетъ. Я люблю—чувствительнымъ сердцамъ любить сродно—и пламенная любовь моя переселяетъ меня въ край благодѣтельныхъ фей, учитъ таинствамъ грацій, готовитъ среди самыхъ терзаній пріятныя для предбудущихъ временъ воспоминанія. Чувствительное сердце... о, сколь драгоцѣнно ты! Въ самое то время, когда мы, кажется, отъ тебя злополучны, ты устрояешь наше счастіе. Горе нечувствительнымъ! горе управляемымъ силою одного механизма!

Мягкое сердце! ты еще менѣе находишь поборниковъ. Сколько считаютъ невыгодъ, отъ тебя происходящихъ! Но развѣ лучше, когда подобный намъ, не имѣя тебя, равнодушно смотритъ на злополучія, насъ обременяющія; когда сильный, не имѣя тебя, давитъ слабаго, со стономъ передъ нимъ извивающагося; когда тигръ-воинъ, не имѣя тебя, терзаетъ съ лютостью непріятеля, молящаго о пощадѣ? Развѣ лучше, когда безчеловѣчный судья мыслитъ токмо о своей корысти и умножаетъ строгость законовъ; когда лихоимецъ грабитъ ближняго, у него просить помощи принужденнаго? Развѣ лучше обманывать, нежели быть обмануту?—Горе жестокосердымъ!

Доброе сердце! руководствуй всегда мною. Ахъ! я чувствовалъ небесное наслажденіе, съ твоими изліяніями сопряженное; а чувствовавъ его, могу ли самовольно отказаться отъ твоихъ прелестей? Несчастливъ, кто ихъ не знаетъ, кто неспособенъ слѣдовать твоимъ внушеніямъ! Согласившись одинъ только часъ быть добрымъ человѣкомъ, легко всякій увѣрится, что нѣтъ ничего пріятнѣе въ свѣтѣ, какъ быть всегда таковымъ. Доброе сердце! руководствуй моими мыслями и дѣлами. Пусть всѣ мои знакомые, всѣ приближенные будутъ довольны мною и, сколько можно, чрезъ меня счастливы.

Простосердечіе, чистосердечіе! надъ вами смѣются въ нынѣшнія времена; но ты, любезный К**, иныхъ со мною о томъ мыслей. Сколько разъ желалъ ты ихъ возвращенія на землю, и чтобъ единодушная любовь одушевляла всѣхъ смертныхъ!

Виновникъ дѣлъ великихъ, дѣлъ благородныхъ, сердце! для чего ученые, ищущіе просвѣщенія, съ ущербомъ правъ твоихъ обогащаютъ свой разумъ? для чего образуютъ, воспитываютъ болѣе сей послѣдній, нежели тебя? Какой можетъ быть проповѣдникъ, какой писатель, когда нѣтъ сердца, нѣтъ чувства? Какой человѣкъ будетъ безъ нихъ счастливъ?

Тихія колебанія сердца! вы электризовали перо мое, и похвала чистому, неизсякаемому источнику вашему, источнику драгоцѣнныхъ чувствъ и добродѣтелей, понравится душамъ добрымъ.

В. Моимъ дѣтямъ (1813). (*).

а) *Наша фамилія*.

Начало фамиліи нашей теряется во мракѣ временъ; думаю однакожъ, что и мы, подобно другимъ людямъ, произошли отъ Адама, а что дѣйствительно Русскіе, безъ всякой примѣси со стороны Кипчатской, или Золотой, орды, въ томъ свидѣтельствуютъ русые волосы, общіе всѣмъ однофамильцамъ нашимъ. Не углубляясь въ происхожденіе Русскихъ отъ Троянъ, Скиѳовъ, Даковъ, Мидянъ и проч. и проч., что не принадлежитъ къ фамиліи нашей, довольно сказать, что былъ шутливый крестьянинъ (это мой дѣдушка), котораго сосѣди за остроту, можетъ быть съ излишествомъ иногда расточаемую, прозвали моимъ именемъ. Такъ по крайней мѣрѣ покойная мать мнѣ пересказывала; но я съ своей стороны имѣю причины думать, что фамилія наша гораздо древнѣе.... Я и самъ,

проѣзжая чрезъ Клинъ, собственными глазами видѣлъ многихъ однофамильцевъ нашихъ, хотя родствомъ съ ними никакъ счесться не могъ; но пожертвованія, дѣланныя въ пользу милиціи въ последнюю войну съ Французами, открыли въ Твери и Орлѣ еще болѣе зажиточныхъ однофамильныхъ съ нами купцовъ, изъ коихъ одинъ и головою въ Орлѣ. Наконецъ неподалеку отъ Петербурга есть цѣлая деревня нашего имени. И такъ вотъ сколько причинъ древности нашей фамиліи вѣрить и вамъ, дѣти мои, оною гордиться!

б) *Деревня Романова.*

Какъ я ее помню, бывъ тамъ въ младенчествѣ и потомъ для сладкихъ воспоминаній въ юношескихъ лѣтахъ! Она принадлежитъ къ селу Турбичеву, верстахъ въ 60 отъ Москвы, и положеніе имѣетъ романтическое. Впереди кустарникъ, куда я ходилъ иногда за грибами, позади болото и верстахъ въ двухъ небольшой прудъ, изъ котораго довольствуются водою скотъ и люди.

У крестьянина Василья были три сына: Мартынъ, Илья и Сергѣй. Мартынъ, какъ старшій, наслѣдовалъ послѣ отца домоводство, прилежно пахалъ землю, разводилъ пчелъ, ѣдалъ ихъ соты и яблоки. У него также были три сына: Игнатій, Егоръ и Иванъ; но, по тогдашнему ихъ малолѣтству, въ домашнемъ быту больше всего помогалъ ему братъ Илья, человѣкъ равномѣрно женатый. Сергѣй, младшій изъ всѣхъ, занимался работою, которая была полегче; между тѣмъ онъ росъ и выросъ румянъ и пригожъ.

Крестьяне и крестьянки сосѣдней деревни Малышной—и ее помню я живо, какъ, бывало, пекъ тамъ, на крутомъ берегу ручья, при подошвѣ стараго дуба, большую Дмитровскую рѣпу; какъ любовался на противоположномъ берегу деревнями Селивановымъ и Могоеиловымъ, а позади Есипнымъ, чуть виднымъ на высокой горѣ, съ которой поспѣвающій хлѣбъ волновался — и такъ крестьяне и крестьянки Малышскіе были прихожане къ Турбичевской же церкви. Марья, прекрасная молодая дѣвушка, дочь Ивана Забѣлина, увидѣла тамъ пригожаго Сергѣя, Сергѣй увидѣлъ прекрасную Марью, и оба воспылали другъ къ другу первою, неугасаемою любовію. Съ какимъ нетерпѣніемъ дожидались они воскресенья или праздника, чтобы опять увидѣться! Какъ выискивали случаи видѣться чаще на лугу, въ кустарникахъ, на сѣнокосѣ! Наконецъ (говоря высокимъ слогомъ) они объяснились, и какъ со стороны обѣихъ фамилій никакого препятствія не было, то и поклялись предъ алтаремъ Господнимъ вѣчно любить другъ друга.

О любовь! сколько горести твои мучительны, сколько удовольствія сладки! Сергѣй утопалъ въ морѣ блаженствъ, Марья отвѣтствовала его восторгамъ. Но когда счастіе человѣческое бываетъ продолжительно? Уже шумятъ издалека врановы крылья грозной тучи, уже приближается она, уже виситъ надъ головами счастливцевъ. Объявленъ рекрутскій наборъ. Старики ѣдутъ къ чудотворному образу Спаса Цѣлителя на Ведерницы молить Его объ отвращеніи громоваго удара отъ ихъ семействъ. Молодежь разсыпается. Одни себя увѣчатъ, другіе кроются по лѣсамъ. Сергѣй также скрылся. Первый жаръ любви, слезы, ласки и убѣжденія Марьи увлекли его. Кто не подверженъ слабости! Между тѣмъ изъ Борисо-Глѣбскаго монастыря, къ которому приписана была Турбичевская волость, пріѣзжаетъ для набора ужасный служка. Старшіе братья ищутъ Сергѣя, находятъ его, кидаются предъ нимъ на колѣни. Мартынъ, котораго уважалъ онъ, какъ отца, и котораго горя-

чо любилъ (Иванъ былъ тутъ же), всхлипывая, говоритъ ему: «братецъ, помилуй! жеребій палъ на нашу семью. Ты знаешь, какъ давно мы женаты, и сколько у насъ дѣтей! не дай въ конецъ разориться!» Сергѣй взглядываетъ на Марью; Марья стоитъ, сложа руки, какъ окаменѣлая. Слезы прошибаютъ его. Онъ обращается къ братьямъ и любимцу Мартыну, долго молчитъ, блѣднѣетъ, наконецъ твердымъ голосомъ произноситъ: «иду!»—И вотъ Сергѣй рекрутъ.

в) Дальнѣйшія приключенія Сергѣя и Марьи.

Я для того такъ ими занимаюсь, что Сергѣй и Марья были въ послѣдствіи отецъ и мать мои. Съ какою, бывало, жадностію, дѣти, слушалъ я повѣствованіе вашей бабушки, неоднократно повторяемое! съ какою горестію мысленно странствовалъ съ нею, какъ съ матерью, по чужимъ сторонамъ, по краямъ незнаемымъ.

«Другъ ты мой, я отъ тебя не отстану!» сказала Марья Сергѣю, когда началъ сѣдѣть туманъ, ихъ окружавшій. Произнесла и сдержала слово. Они отправлены въ Москву, а оттуда въ новый корпусъ, который тогда—это было въ царствованіе блаженной памяти императрицы Елисаветы Петровны—противъ Прусаковъ набирался. Фельдмаршалъ, графъ Ферморъ, командовалъ россійскимъ войскомъ; но онъ имѣлъ дѣло съ опытнымъ, искусимъ полководцемъ—извѣстнымъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ (4). Имѣя больше людей, графъ Ферморъ рѣшился окружить прусскую армію; а Ѳедоръ Ѳедоровичъ въ это время, когда наши вытягивали полукругомъ, ударилъ на лѣвое наше крыло, гдѣ новый корпусъ находился, и давай колоть и рубить. Марья не упомнитъ мѣста, при которомъ происходило это побоище, да и я не намѣренъ справляться о немъ съ исторіею; ибо не военные подвиги графа Фермора описываю, а приключенія Сергѣя и Марьи.

Ну! новый корпусъ разбитъ, такъ что немного изъ него уцѣлѣло, хотя и говорятъ, что онъ изъ 10 тысячъ человѣкъ былъ составленъ. Остатки размѣщены по другимъ полкамъ, а тяжело раненые—разумѣется, когда не умирали, а выздоравливали—разосланы по гарнизонамъ. И Сергѣй, какъ раненый, отправленъ въ Казань. Марья съ нимъ.

Не стану разсказывать, какъ они плыли по Волгѣ, какъ бурлаки умышляли на жизнь Сергѣеву, дабы овладѣть прекрасною Марьей, и какъ ихъ, подъ самою Казанью, чуть было волной не захлеснуло. Словомъ: они прибыли въ Казань благополучно.

Служба гарнизонная извѣстна. Сергѣй служилъ и—тужилъ, потому что дѣлать было нечего. Онъ задумалъ объ отставкѣ, но не смѣлъ открыться въ томъ командиру. Марья, участница всѣхъ его таинъ, была уже столько смѣтлива, чтобъ поднести лекарю кусокъ холстины и чрезъ то получить отъ него свидѣтельство о мнимо-неизлечимыхъ болѣзняхъ Сергѣя. И такъ, вотъ онъ—опять на свободѣ.

Изъ путешествія ихъ отъ Казани до Москвы слабая память моя удержала только то, что они ѣхали на одной лошадкѣ и много потерпѣли дорожнаго горя. Наконецъ они прибыли въ Москву бѣлокаменну съ золотыми маковками.

Здѣсь надлежало рѣшиться, какъ жить да быть, да добра наживать; ибо на родину ѣхать послѣ службы царской казалось имъ уже стыдно. Думать надобно, что у Сергѣя голова была романическая (я его помню: ростъ средній, станъ прямой и крѣпкій, волосы русые, лобъ открытый, глаза сѣро-голубые, цвѣтъ свѣжій), ибо первая мысль ему пришла

извозничать. Сколько разныхъ сѣдоковъ, сколько разныхъ разсказовъ! сколько новыхъ домовъ, улицъ и лицъ! Признаюсь, что и я, во время пѣшеходства, нѣсколько лѣтъ занимался тѣмъ, чтобъ смотрѣть въ глаза прохожимъ и изъ тѣлодвиженій ихъ угадывать, каковъ кто, куда спѣшитъ, чѣмъ занятъ. Но послѣ того, какъ онъ везъ опальное имѣніе и съ нимъ попалъ въ полицію, откуда его Марья выручила, пробудилась въ немъ прежняя любовь къ природѣ и ея произведеніямъ. Сергѣй снялъ огородъ. Продажа зелени и овощей съ избыткомъ наградила труды его.

г) Никола въ Новой слободѣ.

Тутъ я родился въ деревянномъ домѣ секретаря Ключарева, у котораго отецъ мой нанималъ вышеупомянутый огородъ; а это случилось 2-го марта 1765 года на солнечномъ восходѣ, какъ мнѣ послѣ мать пересказывала. У отца и матери было насъ осьмеро: четыре сына, Григорій, Левъ, Имярекъ, я, и четыре дочери: Имярекъ именемъ (*), Елисавета и Аграфена. Я былъ предпослѣдній, и одинъ остался на свѣтѣ; а безъ того не было бы исторіографа нашей славной фамиліи.

Есть люди, которые утверждаютъ, что со втораго или третьяго года жизни своей всѣхъ и все уже помнятъ. Я, къ стыду моему, признаться долженъ, что въ то время память моя спала еще глубокимъ сномъ, и того даже не упомнитъ, какъ глаза мои закрылись—отъ золотухи, или чего другаго, не знаю. Около полутора года слѣпотствовалъ я, какъ вдругъ сестра Елисавета радостно воскликнула: «маменька! Ясенька проглянулъ!» Съ тѣхъ поръ и гляжу я; а ежели бы навсегда слѣпымъ остался, то многаго не увидѣлъ бы на свѣтѣ!

(*) Это значитъ, что я имена ихъ запамятовалъ.

Съ шестаго года началъ помнить я себя, да и то болѣзненнымъ образомъ. Отецъ мой произведеніе огорода своего важивалъ для продажи на Моховую. Однажды вздумалось ему, по укладкѣ зелени, посадить и меня въ тележку, которую онъ самъ возилъ. У Тверскихъ воротъ пошелъ дождь; отецъ прикрылъ меня рогожкой. Но на Моховой дождь усилился, пробилъ насквозь рогожку и меня, соннаго, до костей, и я началъ плакать. «Экой братецъ ты какой!» напустили другіе огородники: «вѣдь убьешь малаго!» и батюшка, не продавши ничего, воротился домой, гдѣ еще ему отъ матушки досталось.

Что я былъ баловень у отца съ матерью, то можно заключить изъ моего наряда, въ какомъ я хаживалъ по праздникамъ и воскресеньямъ. На мнѣ бывалъ тогда китайчатый озямъ, бархатный камзолъ съ золотымъ позументомъ, на площади купленный, и на головѣ корабликъ съ шерстянымъ вязаннымъ околышемъ. Къ томужъ, какъ ни свято мои родители наблюдали посты, меня однако не строго къ нимъ придерживали, и я, даже до обѣдни, въ Рождество Христово могъ выпросить у матушки мяса.

Отецъ мой поразжился и вздумалъ купить свой домишка,—что и дѣйствительно исполнилъ. Домъ нашъ находился позади Вязковъ, на ямскихъ концахъ, предпослѣдній къ полю; и при немъ былъ постоялый дворъ съ большимъ огородомъ, который оканчивался длиннымъ прудомъ. Какъ мнѣ жаль было разставаться съ домомъ Ключарева, котораго сынъ Алексѣй, мой крестный батюшка, часто лакомилъ меня! А однажды объ масляницѣ, въ прощальное воскресенье, когда я и матушка принесли ему большой круглый пряникъ да кусокъ мыла, подарилъ мнѣ шелковый кошелечекъ, въ которомъ лежали два серебряные гривенника. Какое торжество, какая радость! У меня ни-

когда еще въ рукахъ денегъ не бывало.

На новосельѣ познакомился я съ Жереховымъ, коего отецъ слылъ важнымъ человѣкомъ въ околодкѣ, ибо имѣлъ домъ, обитый тесомъ и выкрашенный зеленою краскою пополамъ съ бѣлой. Притомъ же онъ былъ сержантъ и счетчикъ при монетномъ дворѣ. Его-то сынъ, который годами двумя былъ меня старше, преподалъ мнѣ первые уроки, какъ играть въ кляпы и бабки. Но кляпы скоро мнѣ надоѣли, ибо я всегда, почти даже и въ грязь осенью, долженъ былъ извѣстное разстояніе проскакать на одной ногѣ, при чемъ сзади многіе голоса кричали: «а, кисель, кисель! ноги подъѣлъ». Отъ того у меня нерѣдко бывали цыпки. Въ бабки онъ меня также обыгрывалъ, и я часто, чтобъ намѣнять бабокъ, тихонько бралъ у бабушки изъ залавки свѣжія яица.... (Виноватъ! и позабылъ объ ней. Ее звали Степанидой, отечества не упомню; она была мать моей матери, любила меня безъ памяти и жила болѣе осьмидесяти лѣтъ). Но въ бабки я со временемъ сдѣлался такой мастеръ играть, что когда идешь, бывало, по Арбату, то со всѣхъ сторонъ кричатъ: «лихой, лихой идетъ!»

Съ Жереховымъ странствовали мы по Ямскому полю (гдѣ теперь острогъ), чтобы рвать щавель, а особливо столбцы, также и дягель, кои, облупливая, съ удовольствіемъ ѣли. Съ тѣмъ же намѣреніемъ, перешедъ дорогу и пустясь въ противную сторону, мы дошли было разъ до Лазарева кладбища, какъ на берегу пруда увидѣли нагую женщину, которая расчесывала себѣ длинные черные волосы. Оба обмерли, оба вскричали: русалка! русалка! и безъ чувствъ пустились бѣжать къ М—ой (5) заставѣ.

Съ Жереховымъ же однажды забрались мы въ чужой садъ. Онъ успѣлъ набить яблоками карманы, а я только что два или три сорвалъ, какъ увидѣлъ насъ сторожъ. Жереховъ ушелъ. Я какъ куръ во щи. Безчеловѣчный сторожъ высѣкъ меня свѣжею крапивой. И теперь больно, какъ вспомнишь! Сколько на свѣтѣ грабителей и воровъ, которые и не яблоки крадутъ, а ихъ не сѣкутъ свѣжею крапивой!

Шесть лѣтъ минуло, и меня отвели къ Казанской въ Сущовѣ къ курносому дьячку учиться грамотѣ. Грамота мнѣ далась, и я ужъ бѣгло читалъ подъ титлами: азъ—ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій, буки—Богъ, Божество, Богородица, блаженъ, благословенъ и проч., какъ наступила страшная эпоха.

д) Моръ и бунтъ.

Ахъ! два вдругъ, и какіе жъ два ужасные бича для рода человѣческаго!... узы родства, узы крови сами по себѣ расторгнуты; съ другой стороны невольно течетъ кровь черными рѣками. Стонетъ въ домахъ и по стогнамъ умирающій; вопіетъ громогласно пьяно-неистовый; или привидѣнія, или страшилища; смерть осклабляется, видя вездѣ и во множествѣ жертвы, ей угодныя. Рушился порядокъ, хаосъ владычествуетъ. И блѣдныя, и рдяныя лица равно прахъ земной лобызаютъ. Небо безпрерывно плачетъ.

Я самъ видѣлъ—и волосы подымались дыбомъ—какъ фурманщики въ маскахъ и вощаныхъ плащахъ,—воплощенные діаволы,—длинными крючьями таскали трупы изъ выморочныхъ домовъ, другіе подымали на улицѣ, клали на телѣгу и везли за городъ, а не къ церквамъ, гдѣ оные прежде хоронялись и гдѣ уже запрещено было хоронить ихъ. У кого рука въ колесѣ, у кого нога, у кого голова черезъ край виситъ и, обезображенная, безобразно мотается. Человѣкъ по двадцати разомъ взваливали на телѣгу.

Я самъ слышалъ—и кровь леденѣла въ жилахъ:—«батюшки, рѣжутъ!» Голосъ часъ отъ часу слабѣлъ; на другой день въ самомъ дѣлѣ зарѣзаннаго находили. Слышалъ, какъ всюду били въ набатъ, и взволновавшаяся чернь за 30 верстъ отъ Москвы и кругомъ ея бѣжала съ яростію и въ ночное время била дубинами въ ставни, крича: «постойте за домъ Божій, постойте за Мать Пресвятую Богородицу!»

Это было начало мора и бунта, и въ это-то время меня отпустили, меня увезли въ деревню. Не помогало ношенье чесноку въ карманахъ, ни куренье можжевельникомъ и прыганье черезъ огонь. Моръ разлился, какъ быстрое пламя, гонимое вихремъ. Отецъ мой заразился—я это послѣ услышалъ—сначала показались на тѣлѣ прыщики съ острыми головками, позеленѣли, почернѣли: отецъ мой умеръ. У матушки открылась рана, гноилась долго, прорвалась и затянулась: матушка выздоровѣла. Напротивъ, бабушка и сестра Елисавета не устояли. Самая Аграфена зачахла; она черезъ годъ за ними послѣдовала. И вотъ—мы одни съ матерью!...

Причиной мора была шерсть, привезенная изъ Константинополя на суконную фабрику у Каменнаго моста....

[1]) Подшиваловъ, Василій Сергѣевичъ (1765—1813), сынъ отставнаго солдата, жившаго въ Москвѣ, получилъ образованіе въ университетской гимназіи, откуда, въ 1782 году, вышелъ съ званіемъ студента и былъ назначенъ учителемъ «россійскаго стиля» и логики. Какъ ревностный членъ «Собранія университетскихъ питомцевъ», основаннаго въ 1781 году, онъ участвовалъ въ періодическихъ изданіяхъ Новикова, который любилъ окружать себя даровитыми молодыми людьми, кончившими курсъ въ университетѣ: статьи Подшивалова есть въ «Вечерней Зарѣ (1782 г.)» и въ «Покоящемся Трудолюбцѣ (1784—85)». Въ тоже время Подшиваловъ, занимая должность надзирателя въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, преподавалъ его воспитанникамъ стилистику. Для распространенія между ними вкуса къ русской словесности, онъ занималъ ихъ въ засѣданіяхъ «Собранія», открытаго по примѣру Собранія воспитанниковъ университета, практикой словеснаго искуства: разбиралъ ихъ собственные опыты и произведенія классическихъ писателей. Съ 1785 года Подшиваловъ оставилъ ученую службу и поступилъ въ московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ сначала получилъ мѣсто актуаріуса, а потомъ переводчика. Но съ новою должностію не прекратились его литературные труды. Въ Москов. Журналѣ обоихъ годовъ (1791 и 1792) помѣщено нѣсколько его статей оригинальныхъ и переводныхъ: «Нравственное удовольствіе», «Мысли въ день моего рожденія», «Титъ», и др.,Въ это же время, именно съ 1791 г., онъ, вмѣстѣ съ профессоромъ московскаго университета, Сахацкимъ, становится издателемъ журналовъ: «Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія», 12 ч. (1791—1793), «Пріятное и полезное препровожденіе времени», 20 ч. (1794—1798), «Иппокрена, или утѣхи любословія», 11 ч. (1799—1801). Въ первомъ изъ нихъ напечатаны многіе его переводы изъ нѣмецкихъ авторовъ, особенно изъ Мейснера (Біанка Капелло и другія повѣсти), а равно переводъ Сенъ-Пьерова романа: «Павелъ и Виргинія», сдѣланный его первою супругою (другой переводъ ея: «Индѣйская хижина», того же автора). Почти каждую часть втораго журнала Подшиваловъ открывалъ лирическою статьею въ прозѣ, напр.: «Къ сердцу», «Къ жизни», «Покой», «Суеты» и пр.; первая изъ нихъ взята въ Христоматію. Въ этомъ же изданіи нап. его «Письмо къ дѣвицѣ Ф. о россійскомъ стопосложеніи». Въ 1795 г. Подшиваловъ перешелъ изъ архива въ моск. восп. домъ на должность цензора и помощника главнаго надзирателя; вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ инспекторомъ классовъ въ коммерческомъ училищѣ. При переводѣ училища въ Петербургъ (1800), былъ назначенъ его директоромъ, а въ 1810 опредѣленъ предсѣдателемъ гражданской палаты во Владимірѣ, гдѣ и скончался.

Отдѣльно изданные переводы и сочиненія Подшивалова:

а) Книга премудрости и добродѣтели, или состояніе человѣческой жизни. Индѣйское нравоученіе. Съ англійскаго на нѣмецкій, а съ нѣмецкаго на россійскій языкъ переведенное В. П. 3 ч. (1786). Подшиваловъ два раза переводилъ ее, такъ какъ первый переводъ былъ похищенъ. Введеніе къ ней заключаетъ въ себѣ два письма изъ Пекина, гдѣ будто

бы сочиненіе было обнародовано, въ Лондонѣ къ лорду Честерфильду. «Книга премудрости» имѣла нѣсколько русскихъ переводовъ: «Экономія жизни человѣческой» (1765), «Китайскій мудрецъ» (2-ое изд. 1777), «Нравственная энциклопедія» (1804), «Мысли индѣйскаго философа» (1810), «Мысли о таинствѣ натуры» 1811). Многое въ ней — по замѣчанію г. Ешевскаго — совершенно сходно съ содержаніемъ книги, изданной Н. Новиковымъ въ 1783 году: «Карманная книжка для В.. К.. (*т. е. Вольныхъ Каменьщиковъ, или франмасоновъ*) и для тѣхъ, которые и не принадлежатъ къ числу оныхъ, съ присовокупленіемъ: 1) изъ высочайшей философіи для размышленія, и 2) поучительныхъ изреченій, раздѣленныхъ на три степени (См. «Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній къ статьѣ: Новиковъ и Шварцъ», въ 21 кн. Русскаго Вѣстника 1857). Сочиненіе это, нѣкогда знаменитое и часто переводившееся на иностранные языки, приписывали и Честерфильду и Боннету. Авторъ его — англичанинъ Додслей (✝ 1764).

б) Двѣ книги Аполлодоровой библіотеки о богахъ (1787). См. I т. Ист. Христ., стр. 45, прим. 1.

в) Краткая психологія, или ученіе о душѣ для дѣтей. Кампе, пер. съ нѣм. (1789).

г) Біанка Капелло, Мейснера, съ нѣм. (1803). (Сопиковъ указываетъ еще изданіе 1793).

д) Сокращенный курсъ россійскаго слога, изданный ученикомъ Подшивалова, Александромъ Скворцовымъ (1796).

е) Повѣсти и басни Мейснера, 10 ч. (1800–1807).

Кромѣ того, въ період. изданіяхъ: «Моимъ дѣтямъ» (начало автобіографіи, см. прим. 3.), «Чтеніе и письмо, или азбука» (Труды Общ. люб. рос. слов. ч. V, 1816). Вмѣстѣ съ М. Снегиревымъ Подшиваловъ занимался редакціею сборника: «Распускающійся цвѣтокъ» (1787), содержащаго въ себѣ сочиненія и переводы воспитанниковъ благороднаго пансіона. (О жизни и сочиненіяхъ Подшивалова, статья ученика его, В. Измайлова, въ 13 № Вѣст. Евр. 1811 г.; Слов. Евгенія, II).

[2]) «Пріят. и полез. препровожденіе времени», ч. 1 (см. прим. 1). Одна изъ многихъ піесъ того времени, увлеченнаго сентиментализмомъ Карамзина, къ которому Подшиваловъ обращается («любезный К***», и пр.). Въ «Письмѣ къ издателямъ», при посылкѣ стиховъ (ч. 2-ая того же журнала) неизвѣстнаго автора, Карамзинъ называется «чувствительнымъ, нѣжнымъ, любезнымъ и привлекательнымъ *нашимъ Стерномъ*». Вотъ и стихи въ похвалу ему, названные эпиграммой (въ смыслѣ надписи)·

Кто въ прозѣ и стихахъ пріятностью блистаетъ?
Какъ Мармонтель, какъ Стернъ, сердца и умъ плѣняетъ?
Кто ихъ чувствительность вмѣстилъ въ себя одинъ?
Нашъ путешественникъ россійскій Карамзинъ.

Что касается до Стерна, то онъ вызывалъ самые пламенные восторги. При отрывкахъ изъ Новаго Іорика, читается такая выноска: «Безподобный Стернъ! ты произвелъ многихъ подражателей, которые и чрезъ то уже имѣютъ въ глазахъ моихъ великую цѣну, что *тебѣ* подражали».

[3]) «Вѣст. Европы 1814, № 5». Въ примѣчаніи сказано: «Писано за нѣсколько недѣль до смерти въ самой жестокой болѣзни. Таже острота, которая всегда его отличала, видна и въ семъ отрывкѣ, къ сожалѣнію, неконченномъ».

[4]) Фридрихомъ Великимъ.

[5]) Міусской.

V.

ШИШКОВЪ.

а. РАЗСУЖДЕНІЕ О СТАРОМЪ И НОВОМЪ СЛОГѢ РОССІЙСКАГО ЯЗЫКА. ([1]).

Всякъ, кто любитъ россійскую словесность и хотя нѣсколько упражнялся въ оной, не будучи зараженъ неисцѣлимою и лишающею всякаго разсудка страстію къ французскому языку, тотъ, развернувъ большую часть нынѣшнихъ нашихъ книгъ, съ сожалѣніемъ увидитъ, какой странный и чуждый понятію и слуху нашему слогъ господствуетъ въ оныхъ ([2]). Древній славенскій языкъ, отецъ многихъ нарѣчій, есть корень и начало

россійскаго языка, который самъ собою всегда изобиленъ былъ и богатъ, но еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами, заимствованными отъ сроднаго ему эллинскаго языка, на коемъ витійствовали гремящіе Гомеры, Пиндары, Демосѳены, а потомъ Златоусты, Дамаскины и многіе другіе христіанскіе проповѣдники (³). Кто бы подумалъ, что мы, оставя сіе, многими вѣками утвержденное, основаніе языка своего, начали вновь созидать оный на скудномъ основаніи французскаго языка? Кому приходило въ голову съ плодоносной земли благоустроенный домъ свой переносить на безплодную болотистую землю? Ломоносовъ, разсуждая о пользѣ книгъ церковныхъ, говоритъ: «такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднягo намъ кореннаго славенскаго языка купно съ россійскимъ, отвратятся и странныя слова нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту отъ греческаго, и то еще чрезъ латинскій. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ». Когда Ломоносовъ писалъ сіе, тогда зараза оная не была еще въ такой силѣ, и потому могъ онъ сказать: «вкрадываются къ намъ нечувствительно»; но нынѣ уже должно говорить: вломились къ намъ насильственно и наводняютъ языкъ нашъ, какъ потопъ землю. Мы въ продолженіи сего сочиненія ясно сіе увидимъ. Недавно случилось мнѣ прочитать слѣдующее: «раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, первую должно начать съ Кантемира, вторую съ Ломоносова, третью съ переводовъ *славяно-русскихъ* господина Елагина и его многочисленныхъ подражателей, а четвертую съ нашего времени, въ которое образуется пріятность слога, называемая Французами *élégance*» (⁴). Я долго размышлялъ, вподлинну ли сочинитель сихъ строкъ говоритъ сіе отъ чистаго сердца, или издѣвается и шутитъ: какъ? нелѣпицу нынѣшняго слога называетъ онъ пріятностію! совершенное безобразіе и порчу онаго — образованіемъ! Онъ именуетъ прежніе переводы славянорусскими: что разумѣетъ онъ подъ симъ словомъ? Неужъли презрѣніе къ источнику краснорѣчія нашего, славенскому языку? Не дивно: ненавидѣть свое и любить чужое почитается нынѣ достоинствомъ. Но какъ же назоветъ онъ нынѣшніе переводы, и даже самыя сочиненія? безъ сомнѣнія, французско-русскими: и сіи-то переводы предпочитаетъ онъ славено-россійскимъ? Правда, ежели французское слово élégance перевесть по русски «чепуха», то можно сказать, что мы дѣйствительно и въ краткое время слогъ свой довели до того, что погрузили въ него всю полную силу и знаменованіе сего слова (⁵)!

Отколѣ пришла намъ такая нелѣпая мысль, что должно коренный, древній, богатый языкъ свой бросить и основать новый на правилахъ чуждаго, несвойственнаго намъ и бѣднаго языка французскаго? Поищемъ источниковъ сего крайняго ослѣпленія и грубаго заблужденія нашего.

Начало онаго происходитъ отъ образа воспитанія: ибо какое знаніе можемъ мы имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся на рукахъ у Французовъ, прилѣпляются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій, говорятъ языкомъ ихъ свободнѣе, нежели своимъ, и даже до того заражаются къ нимъ пристрастіемъ, что не токмо въ языкѣ

своемъ никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать онаго, но еще многіе изъ нихъ симъ постыднѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкоторымъ украшающимъ ихъ достоинствомъ, хвастаютъ и величаются?

Будучи такимъ образомъ воспитываемы, едва силою необходимой наслышки научаются они объясняться тѣмъ всенароднымъ языкомъ, который въ общихъ разговорахъ употребителенъ; но какимъ образомъ могутъ они почерпнуть искуство и свѣдѣніе въ книжномъ или ученомъ языкѣ, толь далеко отстоящемъ отъ сего простаго мыслей своихъ сообщенія? Для познанія богатства, изобилія, силы и красоты языка своего, нужно читать изданныя на ономъ книги, а наипаче превосходными писателями сочиненныя: изъ нихъ научаемся мы знаменованію и производству всѣхъ частей рѣчи; пристойному употребленію оныхъ въ высокомъ, среднемъ и простомъ слогѣ; различію сихъ слоговъ; правильному писанію; краснорѣчивому смѣшенію славенскаго величаваго слога съ простымъ россійскимъ; свойственнымъ языку нашему изгибамъ и оборотамъ рѣчей; складному или нескладному расположенію ихъ; краткости выраженій; ясности и важности смысла; плавности, быстротѣ и силѣ словотеченія. Между тѣмъ какъ разумъ обогащается сими познаніями, слухъ нашъ привыкаетъ къ чистому выговору словъ, къ пріятному произношенію оныхъ, къ чувствованію согласнаго или несогласнаго сліянія буквъ, и, однимъ словомъ, ко всѣмъ сладкорѣчія прелестямъ. Отсюду природное дарованіе наше укрѣпляется искуствомъ; отсюду раждается въ насъ любовь къ писаніямъ и разумѣніе судить объ оныхъ. Кратко сказать, чтеніе книгъ на природномъ языкѣ есть единственный путь, ведущій насъ во храмъ словесности. Но коль сей путь, толико трудный и требующій великаго вниманія и долговременнаго упражненія, долженъ быть еще несказанно труднѣйшимъ для тѣхъ, которые отъ самаго младенчества до совершеннаго юношества никогда по немъ не ходили? Когда, можетъ быть, изъ превеликаго множества нынѣшнихъ, худымъ складомъ писанныхъ книгъ, для вящшаго въ языкѣ своемъ развращенія, прочитали они пять или шесть, а въ церковныя и старинныя славенскія и славено-россійскія книги, отколѣ почерпается истинное знаніе языка и красота слога, вовсе не заглядывали (6)? Они читаютъ французскіе романы, комедіи, сказки и проч. Я уже не говорю, что молодому человѣку, на подобіе управляющаго кораблемъ кормчаго, надлежитъ съ великою осторожностію вдаваться въ чтеніе французскихъ книгъ, дабы чистоту нравовъ своихъ, въ семъ преисполненномъ опасностію морѣ, не преткнуть о камень; но скажу токмо, разсуждая о словесности: какую пользу принесетъ имъ чтеніе иностранныхъ книгъ, когда не читаютъ они своихъ? Вольтеры, Жанъ-Жаки, Корнеліи, Расины, Моліеры не научатъ насъ писать по-русски. Выуча всѣхъ ихъ наизусть и не прочитавъ ни одной своей книги, мы въ краснорѣчіи на русскомъ языкѣ должны будемъ уступить сочинителю Бовы Королевича. Весьма хорошо слѣдовать по стопамъ великихъ писателей, но надлежитъ силу и духъ ихъ выражать своимъ языкомъ, а не гоняться за ихъ словами, кои у насъ совсѣмъ не имѣютъ той силы. Безъ знанія языка своего мы будемъ точно такимъ образомъ подражать имъ, какъ человѣку подражаютъ попугаи, или, иначе сказать, мы будемъ подобны такому павлину, который, не зная или пренебрегая красоту своихъ перьевъ, желаетъ для украшенія своего заимствовать оныя отъ птицъ, несравненно меньше его прекрасныхъ, и

столько ослѣпленъ симъ желаніемъ, что въ прельщающій око разноцвѣтный хвостъ свой готовъ натыкать перья изъ хвостовъ галокъ и воронъ. Отъ сего, можно сказать, безумнаго прилѣпленія нашего къ французскому языку, мы, думая просвѣщаться, часъ отъ часу впадаемъ въ большее невѣжество и, забывая природный языкъ свой или по крайней мѣрѣ отвыкая отъ онаго, пріучаемъ понятіе свое къ ихъ выраженіямъ и слогу.

Прилежное чтеніе россійскихъ книгъ отниметъ у нынѣшнихъ писателей драгоцѣнное время читать французскія книги. Возможно ли, скажутъ они съ насмѣшкою и презрѣніемъ, возможно ли «трогательную» Заиру, «занимательнаго» Кандида, «милую» Орлеанскую дѣвку промѣнять на скучный прологъ, на непонятный Несторовъ Лѣтописецъ? Избѣгая сего труда, принимаются они за самый легкій способъ, а именно: одни изъ нихъ безобразятъ языкъ свой введеніемъ въ него иностранныхъ словъ, таковыхъ, напримѣръ, какъ: *моральный*, *эстетическій*, *эпоха*, *сцена*, *гармонія*, *акція*, *энтузіазмъ*, *катастрофа* и тому подобныхъ(7). Другіе изъ русскихъ словъ стараются дѣлать не русскія, какъ напримѣръ: вмѣсто будущее время, говорятъ *будущность;* вмѣсто настоящее время, *настоящность* и проч. (8). Третьи французскія имена, глаголы и цѣлыя рѣчи переводятъ изъ слова въ слово на русскій языкъ; самопроизвольно принимаютъ ихъ въ томъ же смыслѣ изъ французской литературы въ россійскую словесность, какъ будто изъ ихъ службы офицеровъ тѣмижъ чинами въ нашу службу, думая, что они въ переводѣ сохранятъ тожъ знаменованіе, какое на своемъ языкѣ имѣютъ. Напримѣръ: influence переводятъ *вліяніе* и, не смотря на то, что глаголъ *вливать* требуетъ предлога *въ*: *вливать вино въ бочку*, *вливать въ сердце ей любовь*, располагаютъ нововыдуманное слово сіе по французской грамматикѣ, ставя его, по свойству ихъ языка, съ предлогомъ на: faire l'influence sur les esprits, *дѣлать вліяніе на разумы* (9). Подобнымъ сему образомъ переведены слова: *переворотъ*, *развитіе*, *утонченный*, *сосредоточить*, *трогательно*, *занимательно*, и множество другихъ. Въ показанныхъ ниже сего примѣрахъ мы яснѣе увидимъ, какой нелѣпый слогъ раждается отъ сихъ русско-французскихъ словъ. Здѣсь же примѣтимъ токмо, что по сему новому правилу такъ легко съ иностранныхъ языковъ переводить всѣхъ славныхъ и глубокомысленныхъ писателей, какъ бы токмо списывать ихъ(10). Затрудненіе встрѣтится въ томъ единственно, что незнающій французскаго языка, сколько бы ни былъ силенъ въ россійскомъ, не будетъ разумѣть переводчика; но, благодаря презрѣнію къ природному языку своему, кто не знаетъ нынѣ по французски? По мнѣнію нынѣшнихъ писателей, великое было бы невѣжество, нашедъ въ сочиняемыхъ ими книгахъ слово *переворотъ*, не догадаться, что оное значитъ révolution, или по крайней мѣрѣ révolte. Такимъ же образомъ и до другихъ всѣхъ добраться можно: *развитіе*, développement; *утонченный*, raffiné; *сосредоточить*, concentrer; *трогательно*, touchant; *занимательно*, intéressant, и такъ далѣе(11). Вотъ бѣда для нихъ, когда кто въ писаніяхъ своихъ употребляетъ слова: *брашно*, *требище*, *рясна*, *зодчество*, *доблесть*, *прозябать*, *наитствовать* и тому подобныя, которыхъ они сроду не слыхивали, и потому о таковомъ писателѣ съ гордымъ презрѣніемъ говорятъ: «онъ недантъ, провонялъ славянщиною и не знаетъ французскаго въ стилѣ элегансу».

Главная причина, къ какой многіе нынѣшніе писатели относятъ необходимость рабственнаго подражанія ихъ Французамъ,

состоитъ въ томъ, что они, читая французскія книги, находятъ иногда въ нихъ такія слова, которымъ, по ихъ мнѣнію, на нашемъ языкѣ нѣтъ равносильныхъ, или точно соотвѣтствующихъ ([12]). Чтожъ до того? Неужели безъ знанія французскаго языка не позволено быть краснорѣчивымъ? Мало ли въ нашемъ языкѣ такихъ названій, которыхъ Французы точно выразить не могутъ? *Милая, гнусный, погода, пожалуй, благоутробіе, чадолюбіе* и множество сему подобныхъ, коимъ на французскомъ языкѣ, конечно, нѣтъ равносильныхъ; но меньше ли чрезъ то писатели ихъ знамениты? Гоняются ли они за нашими словами и говорятъ ли: mon petit pigeon, для того что мы говоримъ: *голубчикъ мой*? Стараются ли они глаголъ *приголубить* выражать на своемъ языкѣ глаголомъ, происходящимъ отъ имени pigeon, ради того, что онъ у насъ происходитъ отъ имени *голубь*? Силу нашихъ рѣчей, таковыхъ напримѣръ, какъ: *мнѣ было говорить, писать было тебѣ къ твоему отцу, быть писать, быть посему* и проч., выразятъ ли они на своемъ языкѣ, когда переведутъ ихъ изъ слова въ слово: à moi été parler, écrire à toi été, être écrire, être comme cela etc.? Странно бы сіе было и смѣшно, и не было бы у нихъ ни Расиновъ, ни Буаловъ, еслибъ они такъ думали; но мы не то ли самое дѣлаемъ? Не находимъ ли мы въ нынѣшнихъ нашихъ книгахъ: *подпирать мнѣніе свое, двигать духами, черта злословія* и проч.? Не есть ли это рабственный переводъ съ французскихъ рѣчей: soutenir son opinion, mouvoir les esprits, un trait de satire? Я думаю, скоро boire à longs traits станутъ переводить: *пить долгими чертами*; il a épousé ma colère, *онъ женился на моемъ гнѣвѣ*. Наконецъ меньше ли странны слѣдующія и симъ подобныя рѣчи: *Имена мелкія цѣны.— Принудился провождать скитающуюся жизнь.—Голова его образована для тайной связи съ невинностію.—Храбрость обоихъ оказывается самъ на самъ.—Законъ ударяетъ совсѣмъ на иные предметы*, и проч.?

Между тѣмъ какъ мы занимаемся симъ юродливымъ переводомъ и выдумкою словъ и рѣчей, нимало намъ несвойственныхъ, многія коренныя и весьма знаменательныя россійскія слова иныя пришли совсѣмъ въ забвеніе; другія, не взирая на богатство смысла своего, сдѣлались для непривыкшихъ къ нимъ ушей странны и дики; третьи перемѣнили совсѣмъ знаменованіе свое и употребляются не въ тѣхъ смыслахъ, въ какихъ сначала употреблялись. И такъ съ одной стороны въ языкъ нашъ вводятся нелѣпыя новости, а съ другой истребляются и забываются издревле принятыя и многими вѣками утвержденныя понятія: такимъ-то образомъ процвѣтаетъ словесность наша и образуется пріятность слога, называемая Французами élégance.

Многіе нынѣ, почитая невѣжество свое глубокимъ знаніемъ и просвѣщеніемъ, презираютъ славенскій языкъ и думаютъ, что они весьма разумно разсуждаютъ, когда изо всей мочи кричатъ: неужъли писать: *аще, точію, вскую, уне, поне, распудить* и проч.? Такихъ словъ, которыя обветшали уже, и мѣста ихъ заступили другія, толико же знаменательныя, конечно, нѣтъ никакой нужды употреблять; но дѣло въ томъ, что мы вмѣстѣ съ ними и отъ тѣхъ словъ и рѣчей отвыкаемъ, которыя составляютъ силу и красоту языка нашего. Какъ могутъ обветшать прекрасныя и многозначащія слова, таковыя напримѣръ, какъ: *дебелый, доблесть, присно*, и отъ нихъ происходящія: *одебелѣть, доблій, приснопамятный, приснотекущій* и тому подобныя? Должны ли слуху нашему быть дики прямыя и коренныя наши названія, таковыя, какъ: *любомудріе, умодѣліе,*

зодчество, *багряница*, *вожделѣніе*, *велелѣпіе* и проч.? Чѣмъ меньше мы ихъ употреблять станемъ, тѣмъ бѣднѣе будетъ становиться языкъ нашъ и тѣмъ болѣе возрастать невѣжество наше; ибо вмѣсто природныхъ словъ своихъ и собственнаго слога мы будемъ объясняться чужими словами и чужимъ слогомъ. Отъ чего, напримѣръ, *благорастворенный воздухъ* есть выраженіе, всякому вразумительное, между тѣмъ какъ рѣчь: *царство*, *мудростію растворенное*, многимъ кажется непонятною? Отъ того, что они не знаютъ всей силы и знаменованія глагола *растворять*.... Премножество богатыхъ и сильныхъ выраженій, которыя прилежнымъ упражненіемъ и трудолюбіемъ могли бы возрасти и умножиться, остаются въ зараженныхъ французскимъ языкомъ умахъ нашихъ безплодны, какъ сѣмяна, ногами попранныя или на камень упавшія. Предосудительно, конечно, и нехорошо безобразить слогъ свой смѣшеніемъ высокихъ славенскихъ реченій съ простонародными и низкими выраженіями, но поставить знаменательное слово приличнымъ образомъ и кстати весьма похвально, хотя бы оно и не было обыкновенное.

В. О ПРЕВОСХОДНЫХЪ СВОЙСТВАХЪ НАШЕГО ЯЗЫКА (1810). ([13])

По истинѣ языкъ нашъ есть нѣкая чудная загадка, понынѣ еще темная и неразрѣшенная. Въ какомъ состояніи былъ онъ до введенія въ Россію православной христіанской вѣры, мы не имѣемъ ни малѣйшаго о томъ понятія, точно какъ бы его не было. Ни одна книга не показываетъ намъ онаго. Но вдругъ видимъ его возникшаго съ вѣрою. Видимъ на немъ псалтирь, евангеліе, Іова, премудрость Соломонову, дѣянія апостоловъ, посланія, ирмосы, каноны, молитвы и многія другія творенія духовныя. Видимъ его въ оныхъ не младенцемъ, едва двигающимъ мышцы свои; но мужемъ, поражающимъ силою слова, подобно какъ Геркулесъ силою руки. Дивимся острымъ и глубокимъ мыслямъ, заключающимся въ словахъ его. Дивимся чистотѣ, согласію, важности, великолѣпію. Кажется, какъ будто умъ и ухо истощили все свое тщаніе на составленіе онаго. Надлежало ли назвать какую-либо невидимую вещь: умъ примѣчалъ дѣйствіе и звукъ ея, или раздробляющійся по воздуху, или вдругъ потрясающій оный, или съ великимъ стремленіемъ свистящій; тогда ухо тотчасъ давало имена: *громъ*, *трескъ*, *вихрь*. Надлежало ли составить нарѣчія: *далеко*, *близко*, *низко*, *глубоко*, *широко*, *высоко*, и проч., кажется, самъ разсудокъ придумывалъ сіи названія, говоря въ нихъ: *даль око* (то есть: простирай зрѣніе далѣе); *близь око* (не простирай оное вдаль); *низь око* (опускай внизъ); *глубь око* (углубляй); *ширь око* (расширяй); *высь око* (возвышай). Сличимъ оныя съ нарѣчіями другихъ языковъ. Говорятъ ли сіе Французу слова его: loin, proche, bas, profond, large, haut? или Нѣмцу слова его: weit, nahe, niedrig, tief, breit, hoch? Надлежало ли дать имена чувствамъ нашимъ: *слухъ*, *зрѣніе*, *обоняніе* и проч., умъ искалъ въ нихъ самихъ изобразить знаменованіе оныхъ. Въ словѣ *слухъ* (l'ouie, фран.) помѣстилъ и названіе той части тѣла, которая служитъ орудіемъ къ возрожденію въ насъ сего чувства: *ухо* (l'oreille, фр.). Слово *зрѣніе* сблизилъ съ подобными же свѣтъ означающими понятіями: *зареніе*, *заря*. Слово *обоняніе* (сокращенное изъ *обвоняніе*) составилъ изъ предлога *объ* и имени *воня*, слѣдовательно сдѣлалъ его выражающимъ чувствованіе окрестнаго запаха. Надлежало ли назвать какую либо видимую вещь: умъ разбиралъ качества ея; ежели примѣчалъ въ ней круглость, то, для составленія

имени ея, выбиралъ и буквы, такой же образъ имѣющія: *око*. Потомъ отъ каждаго названія производилъ вѣтви такъ, чтобъ оныя, означая разныя вещи, сохраняли въ себѣ главное, отъ корня заимствованное понятіе. Отъ *грома* произвелъ: *громко*, *громогласно*, *громоздко*, *огромно*, *гремушка* и проч. Отъ *ока*: *около*, *околица*, *околичность*, *окно* и проч. Потомъ отъ сихъ вѣтвей пустилъ еще новыя отрасли: *коло*, или *колесо*, *коловратно*, *колесница*, *кольцо*, *колыхать*, *колыбель*, и такъ далѣе. Всѣ сіи вѣтви, подобно вѣтвямъ дерева, питаются отъ своего корня, то есть сохраняютъ въ себѣ первоначальное понятіе о круглости: потому *коловратность*, что изображаетъ *вращеніе кола*, или *колеса*; потому *колыхать*, что движеніе сіе совершается не по прямой чертѣ, но по дугѣ, подобной *колу*, или *колесу*, и проч. ([14]).

В. ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКІЙ И РУССКІЙ. (1810). ([15]).

Отколѣ родилась неосновательная мысль сія, что славенскій и русскій языкъ различны между собою? Ежели мы слово «языкъ» возьмемъ въ смыслѣ нарѣчія или слога, то, конечно, можемъ утверждать сію разность; но таковыхъ разностей мы найдемъ не одну, многія: во всякомъ вѣкѣ или полувѣкѣ примѣчаются нѣкоторыя перемѣны въ нарѣчіяхъ. Слово о полку Игоревомъ, Библія, Чети-минеи, Несторова лѣтопись, Ѳеофановы проповѣди, Кантемировы сатиры, оды Ломоносова, сочиненія Петрова, Богдановича и проч., суть книги, писанныя разными слогами и нарѣчіями, но языкъ въ нихъ одинъ и тотъ же славенскій или русскій. Собственно подъ именемъ языка разумѣются корни словъ и вѣтви, отъ нихъ происшедшія. Когда оные въ двухъ языкахъ различны, тогда и языки различны между собою; но когда знаменованія словъ и вѣтвей оныхъ находятся въ самомъ языкѣ, тогда оныя всякому нарѣчію общи, выключая развѣ такое, которое совсѣмъ отъ корней языка своего удалилось: тогда уже оное не есть болѣе нарѣчіе, но совсѣмъ иной языкъ. Гдѣ жъ примѣчаемъ мы то въ нашемъ нарѣчіи? Мы не имѣемъ нынѣ двойственнаго числа, не говоримъ: *ядоста*, *идоста*, *ногама*, *рукама*; но говоримъ: *ѣдятъ*, *идутъ*, *руками*, *ногами*; мы у тѣхъ же самыхъ именъ и глаголовъ измѣнили только окончаніе: слѣдовательно разность не въ языкѣ, а въ нарѣчіи, нимало не уклонившемся чрезъ то отъ разума и свойствъ языка. Скажутъ: мы много имѣемъ двоякихъ именъ, изъ которыхъ одни русскія, а другія славенскія; напримѣръ, по русски: *глазъ*, *лобъ*, *щеки*, *плечи*, а по славенски: *око*, *чело*, *ланиты*, *рамена*. Но чѣмъ докажутъ мнѣ, что *глазъ*, *лобъ*, *щеки*, *плечи* суть русскія, а не славенскія названія? Сошлются ли на то, что ихъ нѣтъ въ священныхъ писаніяхъ? Это не доказательство: 1) потому, что во всякомъ языкѣ есть сословы, слѣдовательно и въ нашемъ быть должны; 2) что нѣкоторые изъ нихъ и въ священныхъ книгахъ попадаются, напримѣръ, индѣ сказано *рамена*, индѣ *плещи* или *плечи*; 3) священныя книги обыкновенно пишутся высокимъ или важнымъ слогомъ, а потому, хотя бы въ нихъ и не было нѣкоторыхъ словъ, это не отрицаетъ еще существованія оныхъ въ славенскомъ языкѣ, ибо въ какомъ важномъ сочиненіи найдемъ мы: *калякать*, *кобениться*, *задориться*, *пригорюниться*, *ошеломить*, *треснуть въ рожу* и подобныя тому простыя или низкія слова? Весьма бы странно было признать ихъ не славенскими для того только, что ихъ нѣтъ въ высокихъ твореніяхъ, въ которыхъ имъ и быть неприлично. Возьмемъ Библію, лѣтописи, народныя сказки или пѣсни: въ каждомъ изъ сихъ трехъ родовъ сочи-

неній найдемъ мы разные слоги, разныя нарѣчія и множество словъ особливыхъ, въ другомъ родѣ не существующихъ, но которымъ корни однакожъ находятся въ общемъ языкѣ, всѣ сіи роды объемлющемъ. Мы, конечно, не найдемъ въ народномъ языкѣ ни *благовонія*, ни *воздоенія*, ни *додледушія*, ни *древодѣлія*; а напротивъ того, въ Библіи не найдемъ ни *любчика*, ни *голубчика*, ни *удалаго добраго молодца*, однако не можемъ изъ сего различія заключить о разности языковъ. Всякое слово пускаетъ отъ себя вѣтви, изъ которыхъ иныя приличны высокому, а другія простому нарѣчію или слогу. Изъ сего раздѣленія ихъ не слѣдуетъ утверждать, будто бы оныя не одно и тожъ дерево составляли. Могутъ еще сослаться на слова: *лошадь*, *колпакъ*, *кучеръ*, *артиллерія*, *фортификація* и проч.; но сіи столько же не славенскія, сколько и не русскія, потому что изъ чужихъ языковъ взяты. Чтожъ такое русскій языкъ отдѣльно отъ славенскаго? Мечта, загадка. Не странно ли утверждать существованіе языка, въ которомъ нѣтъ ни одного слова? Между тѣмъ однакожъ, не взирая на сію несообразную странность, многіе новѣйшіе писатели на семъ точно мнимомъ раздѣленіи основываютъ словесность нашу. Они не о томъ разсуждаютъ, что такое-то слово въ такомъ-то слогѣ высоко или низко: таковое сужденіе было бы справедливо; но нѣтъ, они о каждомъ словѣ особенно, не въ составѣ рѣчи, говорятъ: это славенское, а это русское. Сіе неудобовозможное раздѣленіе основываютъ они на томъ мечтательномъ правилѣ, что которое слово употребляется въ обыкновенныхъ разговорахъ, такъ то русское, а которое не употребляется, такъ то славенское. Утверждаясь на семъ мнѣніи, проповѣдуютъ они, что всѣ славенскія слова надобно исключить изъ нынѣшняго языка и писать, какъ говоримъ. Въ этомъ, по ихъ мнѣнію, состоитъ совершенное краснорѣчіе. Они называютъ это утонченною литературою или новою эпохою языка, и все то, что до нихъ или не по ихъ писано, отвергаютъ, яко старое и обветшалое. Разсмотримъ, основательно ли сіе ихъ умствованіе.

Мы доказали, что славенскій и русскій языкъ есть одно и тоже. А когда языкъ одинъ, то и нарѣчія онаго, хотя бы они разнствовали между собою, не могутъ называться одно славенскимъ, а другое русскимъ: въ такомъ случаѣ предполагалось бы различіе въ сихъ двухъ языкахъ. Но положимъ, что мы для различенія прежняго и нынѣшняго нарѣчія назовемъ, хотя и несвойственно, одно славенскимъ, а другое русскимъ нарѣчіемъ. Станемъ разумѣть подъ именемъ славенскаго языка нарѣчіе Священнаго Писанія, а подъ именемъ русскаго языка нарѣчіе свѣтскихъ книгъ. Въ чемъ состоитъ разность между сими двумя нарѣчіями? Безъ сомнѣнія, въ нѣкоторомъ токмо измѣненіи словъ, а не въ раздѣленіи оныхъ на славенскія и русскія; ибо какимъ образомъ можемъ мы сдѣлать сіе раздѣленіе? Ежели назовемъ: *воронъ*, *корова*, *воробей*, *молоко*, русскими словами, а *вранъ*, *крава*, *врабій*, *млеко* славенскими; то за чѣмъ же говоримъ по славенски: *правъ*, *врагъ*, *владѣть*, *награда*, а не по-русски: *норовъ*, *ворогъ*, *володѣть*, *нагорода*, какъ читаемъ въ лѣтописяхъ и въ простомъ народномъ языкѣ? Ежели скажемъ, что *лѣпота* есть славенское, а *красота* русское слово; то къ какому же языку причислимъ слово *великолѣпіе*? Буде къ славенскому, такъ по правилу сихъ проповѣдниковъ въ нынѣшнемъ нарѣчіи употреблять его не должно; а буде къ русскому, то какимъ образомъ, не знавъ, что̀ *лѣпота*, будемъ мы знать, что̀ великолѣпіе? Ежели скажемъ, что глаголъ *дѣлаю* есть русскій,

а *дъю* славенскій; такъ за чѣмъ же говоримъ: *злодѣянія, злодѣй*? Таковыхъ затрудненій могъ бы я представить множество. Какимъ же образомъ въ составѣ языка разберемъ мы, что славенское и что русское? Обыкновенное противъ сего возраженіе людей, не читающихъ ничего твердаго, созидающаго въ насъ зрѣлость ума и разсудка, состоитъ въ томъ, что когда они напишутъ десятка два бранныхъ противъ славенскаго языка стишковъ и въ простыя рѣчи некстати вставятъ нѣсколько высокихъ (называемыхъ славенскими) словъ, то и торжествуютъ, думая, что они ясно доказали худость сего языка. Имъ до разбора свойствъ онаго, до первоначальныхъ основаній, до кореннаго заключающагося въ словахъ смысла и до всѣхъ подобныхъ обстоятельствъ нѣтъ никакой нужды. Они не изъ книгъ, писанныхъ учеными и знающими силу языка людьми, хотятъ учиться оному, но изъ простонародныхъ разговоровъ. По ихъ мнѣнію, говорящій нынѣшнимъ нарѣчіемъ староста церковный гораздо краснорѣчивѣе преосвященнаго Ѳеофана, говорившаго славенскимъ нарѣчіемъ. У нихъ только и вопросовъ: неужели намъ говорить: «аще бы ты не скоро возвратился, я бы, не дождавшись тебя, абіе ушелъ домой?» Имъ довольно поставить некстати *аще* и *абіе*, дабы возненавидѣть весь славенскій языкъ, какъ будто онъ и виноватъ въ томъ, что они употреблять его не умѣютъ. Поэтому ежели я скажу: «несомый быстрыми конями рыцарь внезапу низвергся съ колесницы и расквасилъ себѣ рожу», такъ будетъ русскій языкъ виноватъ, что я сказалъ на немъ такую нелѣпость? Нѣтъ, тутъ никакого языка винить не можно, а должно винить себя за то, что мы ни на которомъ изъ нихъ не умѣемъ прилично объясняться. Заключать же изъ подобныхъ доказательствъ о худости языковъ есть судъ объ оныхъ самый невѣжественный. И такъ не славенскій языкъ, отдѣляя отъ русскаго, презирать; не слова онаго на славенскія и русскія раздѣлять: но какое слово какому слогу прилично, знать надлежитъ.

г. ЗАМѢЧАНІЯ НА КРИТИКУ ДАШКОВА (1810). ([14]).

Что значитъ раздѣленіе языка нашего на славенскій и русскій? Раздѣленія сего (разсуждая о языкѣ въ прямомъ смыслѣ онаго) никакимъ образомъ доказать не можно, поелику оно не существуетъ. И такъ выходитъ, что разумѣется подъ симъ языкъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ. На что жъ чуждаться намъ перваго изъ оныхъ и стараться приводить его въ забвеніе и презрѣніе? для того ли, чтобъ умъ и сердце каждаго отвлечь отъ нравоучительныхъ духовныхъ книгъ, отвратить отъ словъ, отъ языка, отъ разума оныхъ и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности, что, совлеченная единожды съ прямаго пути, она непремѣнно должна попасть въ оныя? Какое намѣреніе полагать можно въ стараніи удалить нынѣшній языкъ нашъ отъ языка древняго, какъ не то, чтобъ языкъ вѣры, ставъ невразумительнымъ, не могъ никогда обуздывать языка страстей? Отсюда, можетъ быть, происходитъ, что всякое благонамѣренное и полезное сочиненіе, кажется, досаждаетъ у насъ многимъ и вооружаетъ противъ себя писателей, старающихся всячески помрачить оное. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ прямо, какъ умѣютъ; другіе же лукавствуютъ и хотятъ настоящее намѣреніе свое прикрыть нѣкою благовидностію, но сіе намѣреніе еще болѣе видно изъ подъ худаго ихъ покрывала. Во множествѣ журналовъ нашихъ (исключая, можетъ быть, немногіе) находимъ подъ именемъ

критикъ такія сужденія о языкѣ и словесности, которыя не только предъ цѣлымъ свѣтомъ, но и предъ двумя человѣками изъявлять надлежало бы стыдиться. Главная цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ стихами и прозою вопіять противъ славенскаго языка, не зная и не разумѣя, о чемъ идетъ дѣло и въ чемъ состоитъ языкъ. Взявъ одно такое сочиненіе, могли бы мы въ каждой строкѣ, отъ первой до послѣдней, показать неосновательность за неосновательностію, незнаніе за незнаніемъ, неправду за неправдою, даже клевету (ибо часто господинъ или господа писатели сихъ нелѣпицъ, называемыхъ критиками, ссылаясь на страницу разсматриваемой ими книги, отъ того ли, что не поняли, или по надеждѣ, что не всякій станетъ справляться, говорятъ совсѣмъ не то, что на сей страницѣ сказано, и такимъ образомъ, выдавая свое за чужое, сами противъ себя возражаютъ); мы могли бы во многихъ подобныхъ сему ощутительныхъ неправдахъ ясно уличить, но такое подробное показаніе не стоитъ того, чтобъ терять на оное труды и время. Для того выпишемъ только нѣкоторыя мѣста и рѣчи, дабы мимоходомъ взглянуть, какимъ образомъ сіи безъименные критики (столько еще остается въ нихъ стыда, что они скрываютъ имена свои) толкуютъ о языкѣ и словесности. Вотъ какъ: «Россійскій языкъ происходитъ отъ славянскаго точно также, какъ французскій отъ латинскаго». (Неоспоримая правда! съ тою только разностію, что ни одинъ Французъ, не обучась латинскому языку, не разумѣетъ онаго; а у насъ всякій безграмотный мужикъ заставляетъ грамотнаго сына своего читать предъ нимъ прологъ, четію-минею и другія духовныя книги, разумѣя и слушая его съ удовольствіемъ).—«Мы на нашемъ языкѣ никакихъ не имѣли сочиненій до временъ Петра Великаго». (Мнѣ кажется, еже ли бы кто и ничего, кромѣ романовъ, комедій и журналовъ, не читалъ, такъ и тотъ не могъ бы сего сказать; ибо неужели онъ даже и не слыхалъ, что у насъ есть Русская Правда, Владимірова духовная, Слово о полку Игоревомъ, древняя Вивліоѳика, лѣтопись Несторова, Никонова, Сильвестрова, псалтырь, евангеліе и множество духовныхъ книгъ, сочиненныхъ и переведенныхъ задолго до Петра Великаго? Какъ все это опровергать и не поставлять въ число книгъ, для того только, что не было журналовъ и комедій?).—«Языкъ,которымъ говорили мы (до Петра Великаго), давно уже отдѣлился отъ славянскаго введеніемъ множества татарскихъ словъ и выраженій, совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ». (Вотъ какое раздѣленіе полагаютъ и защищаютъ! нѣсколько словъ, вошедшихъ въ простонародное нарѣчіе, пріемлется за основаніе новаго языка! гдѣ же покажутъ мнѣ сіе множество татарскихъ словъ и выраженій въ Библіи, въ Ѳеофанѣ, въ Ломоносовѣ, въ Херасковѣ и проч.? Но положимъ, что чистота языка нашего и повредилась нѣсколько отъ принятія въ него иностранныхъ словъ, слѣдуетъ ли изъ того утверждать, что нечистый языкъ сталъ лучше чистаго?).—«Можно ли называть однимъ и тѣмъ же языкомъ два нарѣчія, изъ коихъ одно, хотя непосредственно происходитъ отъ другаго, но смѣшано съ третьимъ, чуждымъ, и притомъ испорчено пятисотлѣтнимъ употребленіемъ? къ чему величаться названіемъ, намъ не принадлежащимъ?» (Вотъ какія умствованія! говорить, что мы люди, потомки нашихъ предковъ, и что имѣемъ свой языкъ, есть непринадлежащее намъ названіе! да чтожъ мы такое? и какое названіе намъ принадлежитъ?).—«Мы и безъ того имѣемъ множество выгодъ предъ всѣми европейскими народами: нашъ русскій

языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, сильнѣе всѣхъ прочихъ; но мы сверхъ того можемъ еще почерпать изъ славенскаго (выгода несравненная), съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобъ выраженія и обороты, заимствованные нами, не были противны собственному языку нашему. Если жъ бы они оба составляли одно и тоже цѣлое, на что сіи предосторожности?»—(Что значатъ сіи слова: нашъ русскій языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, сильнѣе всѣхъ прочихъ? какъ! нашъ русскій языкъ самъ по себѣ? да что такое нашъ русскій языкъ самъ по себѣ? гдѣ онъ? возьмемъ какую нибудь нынѣшнюю книгу, найдемъ ли мы въ ней хотя два такихъ слова (выключая иностранныя), о которыхъ бы могли мы сказать: вотъ это славенское, а это русское? Ежели мы подъ славенскимъ словомъ разумѣть будемъ высокое слово, напримѣръ *вниду*, а подъ русскимъ простое, напримѣръ *войду*, то, конечно, о разности ихъ разсуждать можемъ, утверждая справедливо, что первое изъ нихъ прилично важному, а другое среднему или простому слогу; но утверждать, что *вниду* есть славенское, а *войду* русское, и дѣлать изъ того два разныхъ языка есть не знать составленія словъ, есть утверждать, что предлогъ *въ* различенъ отъ предлога *въ*, и глаголъ *иду* различенъ отъ глагола *иду*. Возьмемъ вышесказанную рѣчь: «нашъ русскій языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе», и проч.; можно ли о мѣстоименіи *нашъ*, о словѣ *русскій*, о существительномъ имени *языкъ*, о мѣстоименіи *самъ*, о предлогѣ *по*, о мѣстоименіи *себѣ*, о нарѣчіи *гораздо*, о именахъ *богатѣе*, *великолѣпнѣе*, и такъ далѣе по порядку, сказать, что слова сіи суть русскія, а не славенскія, или славенскія, а не русскія? Можно ли о Невѣ сказать, что она и безъ воды богата водою?).—«Для чего большая часть нашихъ теперешнихъ выраженій (я говорю только о настоящемъ русскомъ языкѣ, а не о варварской смѣси, какою писаны многія нынѣшнія книги) не токмо не принадлежатъ къ славенскому языку, но даже и не отъ него происходятъ?» (Въ подобныхъ сборищахъ словъ не должно искать мыслей, а еще меньше разума; ибо они совсѣмъ не съ тѣмъ пишутся, чтобы сказанное можно было доказать или разумѣть, но только съ тѣмъ, чтобъ оное написано и прочтено было. Здѣсь говорится о варварской смѣси, а въ чемъ она состоитъ, до того дѣла нѣтъ. Говорится, что большая часть нынѣшнихъ нашихъ выраженій не токмо не принадлежитъ къ славенскому языку, но даже и не отъ него происходитъ, а какъ и почему—этого прошу не спрашивать. Между тѣмъ варварская смѣсь, конечно, бываетъ, и еще двоякая, напримѣръ, ежели бы кто написалъ: «меня фрапировалъ колоритъ этой пьесы», рѣчь сія была бы варварское смѣшеніе своихъ двухъ мѣстоименій съ тремя чужими словами; или если бы кто, говоря о младенцѣ сынѣ своемъ, сказалъ: «мой малютка дѣлаетъ зубы» (вмѣсто: у моего малютки растутъ зубы), тотъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ бы варварское смѣшеніе, потому что русское выраженіе: «мой малютка», смѣшалъ бы съ выраженіемъ, взятымъ съ французскаго и которое въ нашемъ языкѣ не имѣетъ того значенія. И такъ варварская смѣсь состоитъ или въ принятіи многихъ чужихъ словъ, или въ буквальномъ переводѣ съ чужаго языка такихъ выраженій, которыя нашему языку или несвойственны, или невразумительны, или не то значатъ. Другой никакой варварской смѣси быть не можетъ. Но когда выраженія не принадлежатъ къ славенскому языку и не отъ него происходятъ, такъ откудажъ они взялися? какія же они,

какъ не чужестранныя? и когда большая часть нынѣшнихъ нашихъ выраженій такова, то какимъ же образомъ вмѣстѣ и вопіять противъ нихъ, называя варварскою смѣсью, и утверждать, что она-то и есть украшеніе нашего языка?).—«Правда, что возвышенный слогъ не можетъ у насъ существовать безъ помощи славенскаго; но сія необходимость пользоваться мертвымъ для насъ языкомъ, для подкрѣпленія живаго, не есть доказательство». (Что такое значитъ здѣсь слово *помощь*? не мудрено понять, когда скажутъ: человѣкъ помогаетъ человѣку; но какимъ образомъ представить себѣ, что языкъ помогаетъ языку? этого мало: мертвый помогаетъ живому! и этого мало: живой безъ мертваго существовать не можетъ! Какъ? подобныя сему загадки, странности, небылицы смѣютъ являться въ видѣ разсужденій? и предъ кѣмъ? предъ лицемъ свѣта? О!... но воздержимся отъ удивленія. Здѣсь языкъ славенскій называется мертвымъ. Что такое мертвый языкъ? тотъ, которымъ никакой народъ не говоритъ болѣе. Латинскій языкъ есть мертвый, ибо существуетъ въ однѣхъ только книгахъ и между учеными всѣхъ земель людьми. Эллинскій или древній греческій можетъ также назваться мертвымъ, потому что число нынѣшнихъ Грековъ весьма не велико, состоитъ подъ владѣніемъ турецкимъ, и притомъ новымъ нарѣчіемъ своимъ такъ далеко отошло отъ языка своихъ предковъ, языка Гомеровъ, что уже больше не разумѣютъ онаго. Въ томъ ли положеніи находится славенскій языкъ? Пятьдесятъ милліоновъ человѣкъ говорятъ имъ! И тамъ, гдѣ главная колыбель его, гдѣ на немъ основана вѣра и законы, тамъ называютъ его мертвымъ! О!... но воздержимся отъ удивленія) ([17]). —«Хорошіе писатели наши весьма наблюдаютъ это, и дѣйствительно въ ихъ сочиненіяхъ языкъ нашъ, хотя наполненный великолѣпіемъ славенскаго, не престаетъ однакожъ быть русскимъ». (Евклидъ говоритъ: ежели опущенъ на прямую черту отвѣсъ, дѣлающій по одну сторону уголъ прямой, то и по другую сторону будетъ уголъ прямой же. Такъ-то и здѣсь: ежели языкъ нашъ, наполненный великолѣпіемъ славенскаго, не престаетъ быть русскимъ, такъ по той же причинѣ наполненный простотою русскаго не престаетъ быть славенскимъ. Евклиду надобно вѣрить, онъ учитъ разсуждать. Впрочемъ хорошіе писатели, конечно, не смѣшиваютъ славенскаго языка съ русскимъ; но подъ сими словами разумѣется различіе высокаго слога съ простонароднымъ. Напримѣръ можно сказать: «препояши чресла твоя и возьми жезлъ въ руцѣ твои», и можно также сказать: «подпояшься и возьми дубину въ руки»; то и другое, въ своемъ родѣ и въ своемъ мѣстѣ, можетъ прилично быть, но, начавъ словами: «препояши чресла твоя», кончить: «и возьми дубину въ руки», было бы и смѣшно и странно. Вотъ что наблюдаютъ хорошіе писатели; а не то, чтобъ кричать: *чресла*, *жезлъ*, *препояши*, *безлучный*, *огнезарный*, *безлестный*, *всезлобный*, *плотоядный*, *возсоздать*, *бдѣніе*, *стыдѣніе*, *воздоенный* и проч. это славянскія—сохрани насъ Богъ отъ нихъ!—а *подпоясаться*, *дубина*, *горшокъ*, *лапши*, *кочерга*, *блины*, *помело*, *огурцы*, *квашня*: вотъ это наши русскія слова! Какъ можно такихъ писателей или судей называть хорошими? они языка не знаютъ; ничего путнаго и хорошаго не читали по-русски; не умѣютъ высокаго слога отличить отъ низкаго: какъ же имъ разсуждать о словесности?).— «При Петрѣ Великомъ, или въ началѣ просвѣщенія нашего, высокимъ слогомъ, то есть, по просту на славенскомъ языкѣ, писали всякія книги безъ разбора». (Прекрасное истолкованіе: «высокимъ слогомъ, то есть, по просту на славенскомъ

языкѣ!» да развѣ славенскій языкъ и высокій слогъ есть одно и тоже? Неужели всякая славенская рѣчь есть высокая? не ужъ ли: «хощеши ли, дамъ ти подзатыльницу», есть такой же высокій языкъ, какъ: «трепетна бысть земля, и основанія горъ смятошася?» Ежели при Петрѣ Великомъ всякія книги безъ разбора писали высокимъ слогомъ, такъ поэтому всякая челобитная была поэма, всякій писарь Ломоносовъ? Лучше бы намъ быть въ началѣ нашего просвѣщенія, нежели подобными разсужденіями чрезъ сто лѣтъ показывать такіе худые успѣхи въ ономъ).—«А простымъ слогомъ, или, лучше сказать, нарѣчіемъ, испорченнымъ изъ славенскаго и смѣшаннымъ со множествомъ татарскихъ словъ, тогда говорили. Нынѣ же, когда русскій языкъ образовался, сіе различіе въ слогѣ съ точностію наблюдается по различію рода сочиненій». Потомъ, въ возраженіе на то, что многіе корни греческихъ и латинскихъ словъ примѣчаются въ славенскомъ языкѣ, сказано: «не зная по гречески, я не могу опровергнуть онаго; но можно ли подумать, чтобъ Греки, народъ столь просвѣщенный, наслѣдовавшій самымъ богатымъ изъ всѣхъ языкомъ, захотѣли пользоваться славенскимъ, который въ сравненіи съ греческимъ былъ грубъ и бѣденъ?» (Сблизимъ теперь всѣ вышесказанныя мѣста и посмотримъ на кучу скомканныхъ въ нихъ противорѣчій, не имѣющихъ между собою ни соображенія, ни слѣдствія, ни связи: «Славенское и русское нарѣчіе суть два языка различные между собою!—Славенскій языкъ есть высокій слогъ!—Славенскій мертвый языкъ великолѣпенъ, и русскій живой безъ помощи его существовать не можетъ.—Славенскій языкъ въ сравненіи съ греческимъ (котораго сочинитель не знаетъ) грубъ и бѣденъ!—Славенскимъ языкомъ или высокимъ слогомъ до Петра Великаго писали всѣ книги безъ разбора, а русскимъ говорили!—Русскій языкъ давно отдѣлился отъ славенскаго введеніемъ множества татарскихъ словъ и выраженій, совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ!—Онъ есть испорченное изъ славенскаго нарѣчіе, смѣшанное съ третьимъ чуждымъ!—Онъ непосредственно происходитъ отъ славенскаго языка, но большая часть нынѣшнихъ выраженій его не принадлежитъ къ славенскому языку, и даже не отъ него происходитъ?»—Какъ? это называется критикою? разсужденіемъ о языкѣ и словесности? на этомъ основываются доказательства, что мы должны славенскій языкъ почитать особымъ языкомъ, презирать, уклоняться отъ него? Неужъ ли есть люди, которые сему повѣрятъ?

Д. О воспитаніи и языкѣ (1811). (18).

Воспитаніе должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранецъ можетъ преподать намъ, когда нужно, нѣкоторыя знанія свои въ наукахъ; но не можетъ вложить въ душу нашу огня народной гордости, огня любви къ отечеству, точно также, какъ я не могу вложить въ него чувствованій моихъ къ моей матери. Онъ научитъ меня математикѣ, механикѣ, физикѣ, но и самый честный изъ нихъ и благонамѣренный не научитъ меня знать землю мою и любить народъ мой; ибо онъ самъ сего не знаетъ, не имѣетъ нужныхъ для меня чувствованій, и не можетъ ихъ имѣть: у него своя мать, свое гнѣздо, свое отечество. Любовь къ оному почерпается не изъ хладныхъ разсужденій, не изъ принужденной благовидности, нѣтъ! она должна пламенною рѣкою литься изъ души моего учителя въ мою, пылать въ его лицѣ, сверкать изъ его очей. Откуда иностранецъ возьметъ сіи чувствованія? Онъ научитъ меня своему языку, своимъ нравамъ, своимъ обычаямъ, своимъ обрядамъ; воспалитъ во мнѣ любовь къ нимъ:

а мнѣ надобно любить свои. Двѣ любови не бываютъ совмѣстны между собою. Онъ покажетъ мнѣ славу своихъ единоземцевъ; а мои погребены будутъ во мракѣ забвенія. Онъ возбудитъ во мнѣ желаніе читать его писателей, пристраститъ меня къ ихъ слогу, выраженіямъ, словамъ, а чрезъ то отвратитъ меня отъ чтенія собственныхъ моихъ книгъ, отъ познанія красотъ языка моего. Каждое слово его будетъ мнѣ казаться прелестнымъ, каждое слово мое грубымъ; ибо кто можетъ устоять противъ возбужденной съ малыхъ лѣтъ склонности и привычки? Онъ поведетъ меня по своимъ городамъ, полямъ, путямъ, вертоградамъ; натвердитъ мнѣ о своихъ забавахъ, играхъ, зрѣлищахъ, нарядахъ; распишетъ ихъ въ воображеніи моемъ своими красками; обольститъ, очаруетъ понятіе мое; родитъ во мнѣ благоговѣніе ко всѣмъ мелкимъ прелестямъ и къ самымъ порокамъ земли своей. Такимъ образомъ, даже нехотя, вложитъ въ меня все свое, истребитъ во мнѣ все мое и, сближа меня съ своими обычаями и нравами, удалитъ отъ моихъ. Я пойду за нимъ шагъ за шагомъ: и тогда, когда бы надлежало мнѣ съ молокомъ матери моей сосать любовь къ моему отечеству, пріобрѣтать съ каждымъ днемъ возраста новую къ нему привязанность, новую силу любви, новую степень удовольствія принадлежать ему, новый предлогъ гордиться и восхищаться славою его, новую причину веселиться и радоваться, что я рожденъ въ немъ,—тогда сдѣлаетъ онъ, что всѣ сіи священныя чувствованія умрутъ или охладѣютъ во мнѣ, и я только тѣломъ буду жить у себя, въ родной странѣ моей, а сердцемъ и умомъ нечувствительно и по неволѣ переселюся въ чужую землю. Таковое превращеніе, больше или меньше сильное, произведетъ во мнѣ чужестранное воспитаніе безъ всякой вины воспитателя; ибо онъ невиноватъ, что любитъ землю свою больше моей. Чтожъ, если положимъ еще въ немъ худые нравы, наклонность къ безвѣрію, къ своевольству, къ повсемѣстному гражданству, къ новой и пагубной философіи, къ симъ обманчивымъ именамъ начальствующаго безначалія, вѣрной измѣны, человѣколюбиваго терзанія людей, скованной свободы? Тогда, для образованія моей наружности, при малѣйшемъ поползновеніи моемъ къ порокамъ, вложитъ онъ въ меня такую душу, отъ которой Богъ, вѣра и добродѣтель отвращаютъ свое зрѣніе. Народное воспитаніе есть весьма важное дѣло, требующее великой прозорливости и предусмотрѣнія. Оно не дѣйствуетъ въ настоящее время, но приготовляетъ счастіе или несчастіе предбудущихъ временъ, и призываетъ на главу нашу или благословеніе или клятву потомковъ. Оно медленно приноситъ плоды, но когда уже созрѣютъ оные, тогда нѣтъ возможности удержать ихъ отъ размноженія: должно будетъ вкусить сладость ихъ или горькость. Для посѣянія чистыхъ сѣмянъ благонравія надлежитъ, чтобъ санъ воспитателя былъ важенъ и почтенъ, не наружными почестями украшенъ, не тѣлесною ловкостію пріятенъ, но добрымъ именемъ и славою долговременно извѣстенъ. Лучше простой человѣкъ съ здравымъ разсудкомъ и добрыми нравами, нежели ученый съ развращенными мыслями и худымъ сердцемъ; лучше грубоватъ и пасмуренъ лицемъ, нежели статенъ тѣломъ, блестящъ остроуміемъ, но мраченъ душою: ибо гораздо полезнѣе отечеству и всему роду человѣческому судія сострадательный, воинъ храбрый, земледѣлецъ трудолюбивый, нежели легкомысленный вертопрахъ или важный метафизикъ, разсуждающій о монадахъ и дѣлающій воспитанника своего монадою.

Языкъ есть душа народа, зеркало нравовъ, вѣрный показатель просвѣщенія,

неумолчный проповѣдникъ дѣлъ. Возвышается народъ, возвышается языкъ; благонравенъ народъ, благонравенъ языкъ. Никогда безбожникъ не можетъ говорить языкомъ Давида: слава небесъ не открывается ползающему въ землѣ червю. Никогда развратный не можетъ говорить языкомъ Соломона: свѣтъ мудрости не озаряетъ утопающаго въ страстяхъ и порокахъ. Писанія зловредныхъ умовъ не проникнутъ никогда въ храмъ славы: даръ краснорѣчія не спасаетъ отъ презрѣнія глаголы злочестивыхъ. Гдѣ нѣтъ въ сердцахъ вѣры, тамъ нѣтъ въ языкѣ благочестія. Гдѣ нѣтъ любви къ отечеству, тамъ языкъ не изъявляетъ чувствъ отечественныхъ. Гдѣ ученіе основано на мракѣ лжеумствованій, тамъ въ языкѣ не возсіяетъ истина; тамъ въ наглыхъ и невѣжественныхъ писаніяхъ господствуетъ одинъ только развратъ и ложь. Однимъ словомъ, языкъ есть мѣрило ума, души и свойствъ народныхъ. Онъ не можетъ тамъ цвѣсти, гдѣ умъ послушенъ сердцу, а сердце слѣпотѣ и заблужденію. Но гдѣ добродѣтель вкоренена въ душахъ людей, гдѣ всякому любезенъ языкъ правоты и чести, тамъ, не опасаясь стрѣлъ невѣжества и клеветы, растутъ и зрѣютъ одни только плоды наукъ и трудолюбія. Тогда раждаются и возникаютъ сіи отличные люди, которые силою расцвѣтающаго въ умахъ ихъ краснорѣчія приносятъ во всѣхъ родахъ познаній всеобщую пользу. Тогда воскриляются сіи великіе пѣснопѣвцы, которые въ твореніяхъ своихъ говорятъ языкомъ нроевъ, языкомъ боговъ. Симъ восхищаютъ, воспламеняютъ они воображеніе своихъ читателей; сообщаютъ имъ огонь свой; раждаютъ въ нихъ новый свѣтъ: отсюду храбрая душа воина воспаляется новою любовію къ славѣ; отсюду зодчій почерпаетъ мысль о великолѣпіи храма; отсюду живописецъ учится изображать величество Юпитера и силу Геркулеса; отсюду ваятель и каминсѣчецъ безчувственнымъ истуканамъ своимъ даютъ жизнь и прелесть, Тогда растутъ науки, цвѣтутъ художества, зеленѣютъ искуства, и древо просвѣщенія, пуская корни свои глубоко, возносится вершиною къ небесамъ. Таковы суть пользы языка!

[1]) «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка» (1803). Изд. 2-ое, безъ всякихъ перемѣнъ противъ перваго—1818 (У Соп. и Смирд. показано также 2-ое изд.—1813 г., такъ что изд. 1818 г. должно считаться третьимъ, хотя на заглавномъ листѣ его и выставлено *второе*. Четвертое во 2 т. Собранія сочиненій и переводовъ Шишкова). Въ 1804 г. Шишкòвъ написалъ «Прибавленіе къ сочиненію, называемому Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ рос. языка, или собраніе критикъ, изданныхъ на сію книгу, съ примѣчаніями на оныя» (Собр. сочин., т. 2).

[2]) Со времени перваго изданія сей книги по сіе время (чему прошло уже около 20 лѣтъ) не вижу я болѣе (или по крайней мѣрѣ гораздо меньше) тѣхъ странныхъ мыслей и выраженій, какія тогда попадались мнѣ во многихъ книгахъ. Обыкновенная участь таковыхъ сочиненій есть скорое ихъ исчезаніе. Вообще слогъ съ того времени поправился. Мы не чувствуемъ болѣе «жажды созерцать неподражаемые оттѣнки рисующихся полей»; не слышимъ болѣе «печальной свиты галокъ, кои, крякая, сообщаютъ періодическій трауръ»; и, кажется, перестали «нѣжиться въ ароматическихъ испареніяхъ всевожделѣнныхъ близнецовъ». Все это, благодаря прехожденію заблужденій, кажется, стало становиться смѣшно и жалко. Однакожъ слѣдствія сихъ поврежденныхъ воображеній не скоро истребляются. Часто на мѣсто ихъ заступаютъ другія, едва ли лучшія. Здѣсь не мѣсто разсуждать о томъ, но замѣтимъ мимоходомъ, что, доколѣ станемъ мы языку своему учиться изъ книгъ чужеязычныхъ, до тѣхъ поръ не попадемъ на правый путь.— *Примѣчаніе Шишкова въ 4 изд. Разсужденія (Собр. соч., т. 2. Спб. 1824).*

[3]) Всякій языкъ обогащается другимъ, но не заимствованіемъ изъ него словъ, а тѣмъ, что, размножая наши понятія, открываетъ намъ путь и даетъ разуму силу и знаніе извлекать изъ корней собственнаго языка своего дотолѣ неизвѣстныя и для раздробленія мыслей нашихъ нужныя вѣтви. *Прим. Шишкова въ 4 изд. (ib., стр. 2).*

[4]) Это—мнѣніе Карамзина, въ «Пантеонѣ россійскихъ авторовъ». (М. 1801), при

характеристикѣ Кантемира. Въ нов. изд., слова: «называемая Французами élégance», опущены.

[5]) Хотя не можно сего сказать вообще, поелику и нынѣ есть писатели, достойно сочиненіями своими славящіеся; но ихъ такъ мало въ сравненіи съ другими, что умы младыхъ читателей гораздо меньше наставляются ихъ писаніями, нежели заражаются и портятся твореніями сихъ послѣднихъ.—*Прим. Ш—ва въ 1-мъ изд.*

Можетъ быть, любовь къ отечественному языку моему понудила меня здѣсь съ излишнимъ жаромъ ополчиться противу словъ, не заслуживающихъ толь строгаго осужденія. Я не извиняю сего излишества, но между тѣмъ не престаю и нынѣ думать, чтобъ подобныя мнѣнія не произвели въ умахъ неопытныхъ писателей тѣхъ слѣдствій, какія отъ презрѣнія къ *старому слогу* родились въ *новомъ*, довольно въ сей книгѣ показанномъ. Для справедливаго сужденія о вещахъ, надлежитъ разсматривать ихъ съ двухъ сторонъ; иначе, смотря на одну и не видя другой, часто можемъ обманываться. Еслы бы сей *élégance*, или, скажемъ по своему, *благоязычіе, чисторѣчіе, краснословіе*, почерпаемо было изъ источниковъ русскаго языка, такъ чтобы, не разрушая природныхъ свойствъ его и силы, придавало ему новый блескъ и чистоту, тогда могли бы мы гордиться успѣхами словесности. Симъ образомъ гордимся мы появленіемъ стиховъ Ломоносова предъ прежними, до него сочиняемыми стихами. Но когда сей *élégance* поставляется въ истребленіи старыхъ словъ, вводя на мѣсто оныхъ новопереводныя съ французскаго языка; когда русскимъ оборотамъ и словосочиненію предпочитаются словосочиненіе и обороты иностранные; когда силу языка своего думаютъ замѣнять силою чужихъ выраженій, ему несвойственныхъ; когда, по примѣру другихъ языковъ, не имѣющихъ толь великаго, какъ нашъ, изобилія и различія въ выборѣ словъ, хотятъ величавый языкъ поэмы или трагедіи сравнять съ простымъ языкомъ басни или оперы; когда, гоняясь за хитростями ума, удаляются отъ языка природы, и проч. и проч., —тогда одинъ наборъ словъ для уха, не говорящій ничего разуму, часто противный здравому разсудку, есть для меня самый пустой *élégance*. Я люблю лучше старый, даже тяжелый и обветшалый слогъ, когда онъ ясенъ и силенъ, нежели новый, одною только легкостію и звучностію словъ щеголяющій. Въ языкѣ умъ велитъ иногда угождать уху, однако не велитъ разсуждать ушами.—*Прим. Ш—ва въ нов. изд. (Собр. соч. т. 2, стр. 4—6).*

[6]) Подъ именемъ славенскихъ, славенороссійскихъ и русскихъ книгъ можно разумѣть различныхъ временъ слоги, или языкъ въ смыслѣ слога, какъ то: слогъ Библіи, Патерика или Четы-Миней, Слова о полку Игоревомъ, старинныхъ грамотъ, Несторовой лѣтописи, Ломоносова, и проч. Во всѣхъ оныхъ слогъ или образъ объясненія различенъ; но чтобъ славенскій и русскій языкъ были два языка, тѣ есть, чтобъ можно было сказать: это славенское, а это русское слово, сего различія въ нихъ не существуетъ. Между тѣмъ многіе, безъ всякаго основанія, почитаютъ ихъ двумя разными языками, и сіе ложное мнѣніе подало поводъ русскій языкъ подъ именемъ славенскаго презирать и тотъ же самый языкъ, унижая до просторѣчія и располагая оный по свойствамъ французскаго языка, называть русскимъ. Подъ симъ-то ни съ чѣмъ несообразнымъ раздѣленіемъ одного и того же языка на двѣ разныя части, изъ коихъ одна, важнѣйшая, познаваемая изъ чтенія книгъ не читаемыхъ, приводится въ забвеніе, а другая, простѣйшая, навыкомъ изъ общихъ разговоровъ съ малолѣтства затверживаемая, обвиняется неопредѣленностію словъ, обыкновенностію воображеній, малою игривостію ума, и все сіе поправляется тѣми, которые, меньше всего вникая въ происхожденіе, силу и свойства языка своего, проповѣдываютъ введеніе въ него новыхъ понятій, новой легкости, новой чистоты, новаго вкуса. *Прим. Ш—ва въ нов. изд. (Ib., стр. 8 и 9).*

[7]) Сіи суть самыя новомодныя слова, и для того въ нынѣшнихъ книгахъ повторяются они почти на каждой страницѣ; впрочемъ въ языкѣ нашемъ имѣются также и обветшалыя иностранныя слова, какъ напримѣръ: *авантажиться, манериться, компанію водить, куры строить, комедь играть* и проч. Сіи прогнаны уже изъ большаго свѣта и переселились къ купцамъ и купчихамъ. *Прим. Ш—ва въ 1-мъ изд. (Ib., стр. 23).* Подъ «Орлеанской дѣвкой» разумѣется сочиненіе Вольтера.

[8]) Сіи слова, нигдѣ прежде въ языкѣ нашемъ не существовавшія, произведены по подобію словъ: изящность, суетность, безопасность и проч. Нынѣ уже оныя пишутся и печатаются во многихъ книгахъ; а потому надѣяться должно, что словесность наша время отъ времени будетъ еще болѣе процвѣтать. Напримѣръ: вмѣсто прошедшее время станутъ писать *прошедшность*; вмѣсто человѣческое жилище, по подобію съ голубятнею, *человѣчатня*; вмѣсто березовое или дубовое дерево, по подобію съ телятиною, *березятина, дубовятина*, и такъ далѣе. О, мы становимся вели-

кими изобрѣтателями словъ!—*Прим. Ш—ва въ 1-мъ изд. (Ib., стр. 24).*

Подобныя слова, какъ *будущность*, хотя и скорѣе могутъ быть приняты, нежели рабственно переводимыя съ Французскаго или иннаго языка; однакожъ и они требуютъ основательнаго разбора. Изобрѣтая ихъ, то есть производя изъ корня съ симъ или инымъ окончаніемъ, надлежитъ строго разсматривать: 1-е) подлинно ли сіе превращеніе прилагательныхъ именъ въ существительныя нужно для лучшаго выраженія мыслей; 2-е) въ какомъ случаѣ не портитъ это языкъ. Напримѣръ, хорошо ли будетъ, когда мы вмѣсто: *перестанемъ толковать о будущемъ, станемъ говорить о настоящемъ времени*, скажемъ: *перестанемъ толковать о будущности, станемъ говорить о настоящности?* или, примѣчая, что языкъ позволяетъ изъ глаголовъ *ходить, гулять, стрѣлять* и проч., составлять имена: *ходьба, гульба, стрѣльба*, начнемъ по сему правилу, противосвойственно языку, тожъ самое дѣлать и съ другими глаголами, какъ то: отъ *пить, сидѣть, грустить* и проч. производить имена: *питьба, сидьба, грустьба* и тому подобное? Изобрѣтеніе новыхъ словъ и отверженіе старыхъ равный принесутъ вредъ словесности, когда пріемлемы или отвергаемы будутъ безъ всякаго знанія силы и свойствъ языка.—*Прим. Ш—ва въ нов. изд. (Ib., стр. 24).*

[9]) Глаголъ *влить* есть не иное что, какъ глаголъ *лить*, соединенный съ предлогомъ *въ*, отъ котораго безгласная буква *ъ* отнята. Всѣ составленные подобнымъ образомъ глаголы соединяются съ тѣми жъ самыми предлогами, какъ напримѣръ: *набѣжать на камень, исторгнуться изъ напасти, отбиться отъ непріятеля, слетѣть съ дерева, войти въ церковь*, а когда надобно сказать: *на церковь*, тогда употребляется другой глаголъ *взойти*. По какому же правилу или примѣру говоримъ мы: *вліяніе на разумы*? по Французскому? О, мы выбрали прекрасную дорогу для обогащенія языка своего! Въ священныхъ книгахъ находимъ мы: *Духъ Святый найдя на Тя*, и въ другомъ мѣстѣ: *Сохрани душу мою отъ наитствованія страстей*. Тако жъ и въ молитвѣ къ Богородицѣ: *Напастей Ты прилоги отгоняеши и страстей находы, Дѣво*. Здѣсь *наитіе* или *наитствованіе* не иное что значитъ, какъ то самое понятіе, которое Французы изображаютъ словомъ *influence*. Понятіе сіе и въ просторѣчіе введено; мы говоримъ: *на него дурь находитъ*, такъ какъ бы по нынѣшнему сказать: *безуміе имѣетъ вліяніе на его разумъ*. Изъ сего видѣть можно, что если бы тотъ, кто первый слово *influence* перевелъ *вліяніемъ*, читалъ старинныя русскія книги, то бы онъ почерпалъ слова изъ нихъ, а не изъ французскихъ книгъ, и тогда не находили бы мы въ нынѣшнихъ сочиненіяхъ таковыхъ нерусскихъ рѣчей, каковы суть слѣдующія: *Авторскою дѣятельностію имѣть вліяніе на современниковъ.—Несходство въ характерѣ разума и авторства имѣетъ вліяніе на судъ о человѣкѣ. — Находиться подъ вліяніемъ исключительной торговли.—Сіе приключеніе имѣло вліяніе на ходъ политики*, и тому подобныя. Мнѣ случилось разговаривать съ однимъ изъ защитниковъ нынѣшнихъ писателей, и когда я сказалъ ему, что слово *influence* переведено *вліяніемъ* не потому, чтобъ въ языкѣ нашемъ не было соотвѣтствующаго ему названія, но потому, что переводчикъ не зналъ слова *наитствовать*, изображающаго тожъ самое понятіе; тогда отвѣчалъ онъ мнѣ: *Я лучше дамъ себя высѣчь, нежели когда нибудь соглашусь слово это употребить*. Сіе одно уже показываетъ, какъ много заражены мы любовію къ французскому и ненавистію къ своему языку. Какая же надежда ожидать намъ знающихъ языкъ свой писателей, и мудрено ли, что у насъ ихъ мало?—*Прим. Ш—ва въ 1-мъ изд. (Ib., стр. 25 и 26).*

[10]) Напримѣръ: un des hommes de France qui a le plus d'esprit, qui a rempli avec succès de grandes places, et qui a écrit sur divers objets avec autant d'intérêt que d'élégance, a dit, dans des Considérations sur l'état de la France: «одинъ изъ людей Франціи, который имѣлъ наиболѣе разума, который наполнялъ съ успѣхомъ великія мѣста, и который писалъ на разные предметы съ такою занимательностію, какъ элегансомъ, сказалъ, въ Разсужденіяхъ на состояніе Франціи». Сей переводъ весьма похожъ на многіе нынѣшніе.—*Прим. Ш—ва въ 1-мъ изд. (Ib., стр. 26 и 27).*

[11])Здѣсь по причинѣ оговариваемыхъ мною словъ, вошедшихъ между тѣмъ почти въ общее употребленіе, долженъ я снова сказать мои мысли. Съ языкомъ тоже бываетъ, что съ одѣваніемъ или нарядами. Остриженная безъ пудры голова такъ теперь кажется обыкновенною, какъ прежде казалась напудренная и съ пуклями. Время и частое употребленіе однихъ или рѣдкое другихъ словъ и выраженій пріучаетъ или отучаетъ слухъ нашъ отъ нихъ, такъ что сперва новыя кажутся намъ дикими, а потомъ къ новымъ мы прислушаемся, и тогда старыя одичаютъ. Но между языкомъ и одѣваніемъ та разность, что носить такимъ или инымъ покроемъ платье есть обычай, которому должно слѣдовать, потому что нѣтъ причины не соглашаться съ общимъ обыкновеніемъ. Въ языкѣ, на-

противъ, слѣдовать употребленію словъ и реченій, противному свойству языка, есть не разсуждать о нихъ или, вопреки разсудка, уступать худому навыку. Въ семъ случаѣ, сколько бы онъ ни сдѣлался общій, надлежитъ возставать противъ него и отвращать отъ худаго ему послѣдованія. Нѣкто весьма справедливо сказалъ: «языкъ по свойству своему есть тѣло и духъ: тѣло его есть звукъ, духъ же—соединенный съ нимъ разумъ; одинъ токмо духъ языка даетъ разверзающемуся понятію человѣческому соразмѣрную духовнымъ потребностямъ его пищу». Дѣйствительно, какъ бы составленная изъ словъ рѣчь ни была благозвучна для слуха, но она безъ соединенія съ сими звуками оживотворяющаго ихъ разума есть мертвое тѣло. Чѣмъ больше въ какомъ либо языкѣ тѣло сіе предпочитается духу, тѣмъ больше портится языкъ и упадаетъ даръ слова. Употребленіе и навыкъ часто бываютъ враги разсудка. Извѣстно, что всякое слово, всякое выраженіе, хотя бы оно по составу своему не имѣло никакого смысла или бы несвойственно было языку, когда войдетъ въ употребленіе, то чрезъ сильный навыкъ получитъ наконецъ нѣкоторое данное ему значеніе и, не смотря на разумъ, доказывающій его несвойственность, такъ укоренится, что истребитъ оное трудно. Я не нахожу, какъ нѣкоторые утверждаютъ, что новыя слова раждаются вмѣстѣ съ мыслями и, какъ счастливое вдохновеніе въ произведеніяхъ таланта, входятъ въ языкъ самовластно, украшаютъ и обогащаютъ его безъ всякаго ученаго законодательства. Мысль сія можетъ справедлива быть въ нѣкоторой токмо весьма тѣсной ограниченности. Она, конечно, лестна для всѣхъ безъ изъятія, какъ писателей, такъ и читателей; ибо предполагаетъ въ каждомъ изъ нихъ совершенное знаніе и любовь къ языку. Но, разсуждая вообще о нововводимыхъ и пріемлемыхъ въ языкъ словахъ, едва ли она содержитъ въ себѣ столько истины, сколько снисхожденія; ибо ежели мы можемъ сказать сіе о пяти или десяти словахъ, то, напротивъ того, о цѣлыхъ сотняхъ должны сказать противное тому, то есть, что они не родились вмѣстѣ съ мыслями, но взяты точно тѣми же или переведены съ чужихъ словъ, чужою мыслію, часто намъ несвойственною, порожденныхъ, и вошли въ языкъ не по счастливому вдохновенію таланта, но по неосновательной переимчивости, и утверждаются въ немъ не самовластно, то есть не властію достоинства своего, но силою частаго повторенія тѣми, которые понимаютъ ихъ не по разуму собственнаго своего, но по смыслу чужаго языка. Навыкъ силенъ. Часто слышанное нами вкореняется въ нашъ умъ и покоряетъ его подъ свое иго. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ новыми доводами и примѣрами. Въ книгѣ сей довольно ихъ показано. Сверхъ сего можно прочитать еще въ одиннадцатой книжкѣ Академическихъ Извѣстій статью II подъ названіемъ: «Нѣкоторыя выписки изъ сочиненій графа Мейстера съ примѣчаніями на оныя». Изъ сего можно будетъ достаточно усмотрѣть (ибо исчислить всѣ худовводимыя слова недостало бы ни у кого терпѣнія), что языкъ отъ таковыхъ нововведеній несравненно больше скудѣетъ и портится, нежели богатѣетъ и украшается, и если не оговаривать сихъ несвойственныхъ ему словъ и выраженій, если не дѣлать имъ никакого законодательства, то напослѣдокъ заразятъ они его совершеннымъ мракомъ и непонятностію. Употребленіе и навыкъ вводятъ въ языкъ слово, но оправдываютъ его не они, а разсудокъ. Державинъ нѣгдѣ о мелкомъ при солнечныхъ лучахъ волненіи рѣкъ сказалъ: «чешуятся рѣки златомъ». Онъ первый примыслилъ и употребилъ глаголъ сей, толь прилично изображающій взволнованную вѣтеркомъ поверхность водъ. Подобная новость въ языкѣ или, правильнѣе, въ словесности есть, конечно, счастливое вдохновеніе таланта; но можно ли тожъ самое сказать о выраженіи: *вліяніе на*, о которомъ здѣсь разсуждается (или о иныхъ тому подобныхъ)? Какимъ образомъ, не взирая на то, что оно вошло въ общее употребленіе, присвоимъ мы ему сіе право? оно не вмѣстѣ съ мыслями родилось, но взято съ Французскаго: influence sur, и притомъ переведено худо, а именно—по свойству ихъ, а не по свойству нашего языка; ибо латинскіе глаголы: fluo, influo (откалѣ Французы взяли свое выраженіе), значатъ *теку, втекаю*, а не *лью, вливаю*. Сіи два дѣйствія въ частныхъ значеніяхъ своихъ имѣютъ немалое различіе, и потому во всѣхъ языкахъ разными названіями выражаются: мы говоримъ; *течь* и *лить*, Французы: *couler* и *verser*, Нѣмцы: *fliessen* и *giessen*, и такъ далѣе. Сверхъ сего каждый языкъ имѣетъ свое свойство: одинъ употребляетъ слово въ иносказательномъ смыслѣ, въ какомъ другой не употребляетъ. Мы весьма прилично можемъ о какомъ нибудь витязѣ сказать: *течетъ на брань*. Французъ въ подобномъ случаѣ не скажетъ: il coule au champ de bataille. Такъ и намъ несвойственно всѣ его иносказанія перенимать и вносить въ свой языкъ. Но положимъ, чтобы мы, имѣя надобность въ выраженіи его: influence sur, хотѣли, не

ища никакихъ своихъ оборотовъ, перевесть оное по точности словъ, то и тогда, мнѣ кажется, скорѣе можно бы было употребить для сего слово *втеченіе*, нежели *вліяніе*; ибо, хотя мы въ языкѣ нашемъ и не находимъ, чтобъ слова сіи когда либо употреблялись въ семъ иносказаніи, однакожъ лучше поймемъ, напримѣръ: «втекаетъ въ память»,«втеченіе во нравы», нежели: «вливается на память»,«вліяніе на нравы» и проч. Опять повторю: навыкъ ко всему пріучить можетъ, но должно ли слѣпо ему повиноваться, и то, что не подходитъ подъ здравый разсудокъ, почитать красотою? Возьмемъ еще весьма употребительное нынѣ выраженіе: «носить отпечатокъ»; оно также взято съ французскаго: porter l'empreinte. Я понимаю слово «отпечатокъ», но выраженіе: «носить отпечатокъ»,не иначе понимаю, какъ по французскому языку. На что брать съ чужаго языка то, что и на немъ есть нѣкое натянутое, худо придуманное уподобленіе; а на нашемъ еще болѣе, по причинѣ новости своей и необыкновенности. Для чего, вмѣсто слѣдующей выписки (взятой изъ печатной книги): «все, что вы видите въ семъ городѣ, носитъ на себѣ отпечатокъ строгаго порядка»,не сказать просто: все,что вы видите въ семъ городѣ, показываетъ строгій порядокъ, или наблюденіе строгаго порядка? Красота языка не въ томъ состоитъ, чтобъ тамъ объясняться на немъ хитро-придуманными уподобленіями, гдѣ простое выраженіе гораздо лучше и яснѣе. Послѣ словъ: «я вижу вездѣ порядокъ», нѣтъ надобности толковать ихъ; они сами по себѣ ясны; но послѣ словъ: «я вижу вездѣ отпечатокъ порядка», надобно ломать себѣ голову, чтобъ добраться до смысла сей рѣчи. Первое, надобно представить себѣ порядокъ печатью (какое несвойственное превращеніе одной вещи въ другую: порядка въ печать!), и второе—надлежитъ сдѣлать уподобленіе не меньше странное, что, какъ отъ печати, послѣ тисненія ею, остается на сургучѣ или воскѣ изображеніе, называемое отпечаткомъ (въ прямомъ смыслѣ), такъ, когда мы порядокъ возьмемъ за печать и этимъ порядкомъ, какъ бы печатью, тиснемъ, то отъ него останется такое же изображеніе, называемое тожъ отпечаткомъ (въ иносказательномъ смыслѣ). Какое трудное, нимало не нужное усиліе мыслей, дабы выразить хитросплетеннымъ образомъ самое простое понятіе о существованіи порядка! Я могъ бы показать тысячи подобныхъ нововведеній, которыми стараются нынѣ обогащать и украшать языкъ, называя ихъ цвѣтущимъ, легкимъ слогомъ и презирая для нихъ старый, часто сильный и краснорѣчивый слогъ, который называютъ они тяжелымъ; могъ бы выписать много «пыльныхъ могилъ», «кипящихъ табуновъ»,«душистыхъ тѣней» и проч., и проч.; но къ чему послужатъ мои доказательства? оставимъ времени исправить заблужденія; оно покажетъ истину.—*Прим. Ш—ва въ нов. изд. (Ib., стр. 27—34).*

[12]) Иныхъ, можетъ быть, нѣтъ, а другія и есть, но мы, не читая книгъ своихъ, не можемъ ихъ знать. Виноватъ ли бы былъ языкъ, если бы кто слово *préface* перевелъ *предличіе*, не знавъ, что оно давно уже употребительно и называется *предисловіемъ*? Мы выше сего видѣли подобный сему переводъ слова *influence*. — *Прим. Ш—ва къ 1-му изд. (Ib., стр. 44—45).*

[13]) «Разсужденіе о краснорѣчіи Священнаго Писанія и о томъ, въ чемъ состоитъ богатство, обиліе, красота и сила россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространять, обогатить и усовершенствовать можно», читанное въ годичное Россійской Академіи собраніе, 3 декабря 1810 (нап. 1811). Изд. 2-ое—1825. Также въ IV т. Собр. сочиненій Шишкова. Сочиненіе это служитъ отвѣтомъ на двѣ задачи, предложенныя Академіею и выраженныя его заглавіемъ. Шишковъ соединилъ оба вопроса въ одинъ, находя между ними тѣсную и неразрывную связь.

[14]) Произвольныя толкованія Шишкова, которыми хотѣлъ онъ доказать превосходныя свойства русскаго языка, вызвали справедливую критику со стороны Каченовскаго, Дашкова и другихъ писателей. (См. ниже: Дашковъ).

[15]) «Разсужденіе о краснорѣчіи Свящ. Писанія» и пр. Шишковъ упорно отстаивалъ тождество языковъ славянскаго и русскаго и часто обращался къ этому коренному началу своихъ мнѣній, стараясь разъяснить его всевозможными средствами. Сличи прим. 6-ое. Тоже самое говорилъ онъ, черезъ 23 года, въ «Опытѣ словопроизводнаго словаря» (1833): «Необдуманное раздѣленіе языка на славенскій и русскій произошло отъ неопредѣленности слова *славенскій*. Мы даемъ сіе названіе языку по имени народа, называвшагося *Славянами*, но не ужъ ли народъ сей до принятія сего имени былъ нѣмой, безъязычный? не ужъ ли съ того времени сталъ имѣть языкъ, или перемѣнилъ его на другой? Нѣтъ, онъ продолжалъ говорить тѣмъ же языкомъ; не знаемъ, какъ его называли, но знаемъ, что по раздѣленіи сего народа на Русскихъ, Поляковъ, Чеховъ, Иллиріянъ и проч., и языкъ сей сталъ называться по ихъ именамъ: русскій, польскій, чешскій, иллирійскій и проч. При

всѣхъ сихъ именахъ онъ былъ и есть одинъ и тотъ же общій всѣмъ. Вотъ первое объ языкѣ понятіе. Второе: языкъ хотя одинъ и тотъ же, но у разныхъ народовъ больше или меньше измѣняется и получаетъ имя *нарѣчій*. Польское нарѣчіе отошло всего далѣе отъ нашего, такъ что мы и уразумѣть онаго не можемъ; но русское не есть нарѣчіе славенскаго языка, а тотъ же самый языкъ, не имѣющій ни малѣйшаго съ нимъ различія», и т. д. (стр. 8—10).

[16]) «Присовокупленіе» къ Разс. о красн. Св. П.—Въ 1808 г. Шишковъ напечаталъ «Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа, съ своими примѣчаніями: а) сравненіе франц. языка съ древними языками, б) о краснорѣчіи» (Собр. соч., III). Дашковъ написалъ на него критику въ журналѣ «Цвѣтникъ» (1810, №№ 11 и 12). «Присовокупленіе» служитъ отвѣтомъ Дашкову, который послѣ того издалъ книжку: «О легчайшемъ способѣ возражать на критики» (1811). См. ниже: «Дашковъ».

[17]) Приговорка Шишкова: «о... но воздержимся отъ удивленія!» дала поводъ А. Измайлову написать въ 1811 г. сказку: «Шутъ въ парикѣ» (Сочиненія А. Измайлова, изд. Смирдина, 1849, т. I, стр. 195—196):

Однажды въ маскерадѣ
Явился старый шутъ въ неслыханномъ нарядѣ:
Съ хрустальной запонкой и воротомъ косымъ
Изъ ткани пестрыя на немъ была срачица,
Да съ гульфикомъ большимъ
Атласна черна исподница.
Съ нагнутыхъ плечъ его висѣлъ
Запачканный тулупъ, но настоящій русскій;
На головѣ же онъ имѣлъ
Распудренный парикъ французскій.
За старымъ шутомъ въ слѣдъ шелъ молодой чудакъ,
Въ престранномъ тоже одѣяньѣ,
Въ какомъ-то шахматномъ, смѣшномъ полукафтаньѣ,
И съ колокольчикомъ торчалъ на немъ колпакъ.
Лишь въ залу чучелы вступили,
Всѣ бросилися къ нимъ, кругомъ ихъ обступили,
Никто не могъ свести съ нихъ глазъ.
Старикъ, пожавъ плечьми, воскликнулъ: «Вижу азъ,
Коликой степени достигли развращенья!
О!.. но воздержимся еще отъ удивленья!
О буйно сонмище безумцевъ и невѣжлъ!
И мужескъ полъ и женскъ совлекся тѣхъ одеждъ,
Которыя дѣдовъ и бабокъ украшали.
Почто французскія вы моды переняли?
Воззрите на меня, на юношу сего,
Такъ иноземнаго не найдешь ничего.
Все русское на насъ, изящно все и лѣпо;
Мы любимъ старое, и вы любите слѣпо...»
Тутъ нѣкто старика прервалъ
И вѣжливо ему сказалъ:
«За что всѣхъ, дѣдушка, поносишь?
Ты самъ парикъ французскій носишь».
О если бы кто видѣлъ тутъ,
Какъ разозлился старый шутъ!
Сначала у него языкъ прильпѣ гортани;
Потомъ ужъ кое-какъ собрался съ силой онъ,
И полился изъ устъ его источникъ брани.
Безбожникъ! закричалъ: измѣнникъ! фармасонъ!
Сжечь надобно его, на вѣру нападаетъ!—
Что жъ это былъ за шутъ, никто не отгадаетъ.

Извѣстно, что Шишковъ вопросъ о языкѣ связывалъ съ вопросами о вѣрѣ, нравственности и любви къ отечеству.

[18]) «Разсужденіе о любви къ отечеству». Читано въ «Бесѣдѣ любителей рус. слова» 1811 г., нап. въ 5 кн. «Чтеній въ Бесѣдѣ» и отдѣльно 1812 г. Въ письмѣ, отъ 27 декабря 1811 г., къ Якову Іевлевичу Бардовскому, переводчику сочиненій: Лагарпа—«Опроверженіе злоумышленныхъ толковъ, распространенныхъ философами XVIII в., противъ христіанскаго благочестія» (1810), и Месона—«Разсужденіе о познаніи самого себя» (1820), Шишковъ пишетъ: «На сихъ дняхъ была у насъ «бесѣда», въ которой читалъ я «Разсужденіе о любви къ отечеству». Собраніе было многочисленное. Болѣе четырехъ сотъ посѣтителей едва вмѣстилось въ залу. Духовенство и знатнѣйшія особы обоего пола украшали оную. Признаюсь, что я приступилъ къ чтенію съ нѣкоторою робостію: казалось мнѣ, что не всѣ раздѣляютъ со мною мои чувствованія и, можетъ быть многимъ нѣкоторыя истины покажутся слишкомъ смѣлыми; однакожъ я обманулся. Успѣхъ превзошелъ мое чаяніе, и тутъ увидѣлъ я, что какъ бы нравы ни были повреждены, однакожъ правда не престаетъ жить въ сердцахъ человѣческихъ. Кто даже и нейдетъ путемъ ея, тотъ самый, при гласѣ ея, просыпается и отворяетъ ему душу свою, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время». (Двѣнадцать собственноручныхъ писемъ адмирала А. С. Шишкова. Спб. 1841). Патріотическія чувства, которыми проникнуто «Разсужденіе», доставили его автору мѣсто государственнаго секретаря: «Весною въ 1812 г. Государь призываетъ

меня къ себѣ и говоритъ: «Я читалъ разсужденіе твое о любви къ отечеству. Имѣя таковыя чувства, ты можешь ему быть полезенъ. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ Французами; нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; Я бы желалъ, чтобы ты написалъ о томъ манифестъ» (Краткія записки адмирала А. Шишкова, веденныя имъ во время пребыванія его при блаженной памяти Государѣ Императорѣ Александрѣ Первомъ въ бывшую съ Французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну. 1831; изд. 2-ое—1832). «Собраніе манифестовъ, грамотъ, указовъ, рескриптовъ, приказовъ и разныхъ извѣщеній», написанныхъ Шишковымъ въ 1812—16 г.г., нап. 1816 г. (Смирд. № 1677). По случаю назначенія Шишкова статсъ-секретаремъ, явились, 1812 г., слѣдующіе стихи:

Любовь къ отечеству перомъ твоимъ водила,
Когда изображалъ *къ отечеству любовь*;
Любовь сія и славный путь тебѣ открыла,
Чтобъ въ сонмѣ истинныхъ отечества сыновъ,
Любовь къ отечеству въ груди твоей питая,
Ты благо лишь его въ виду своемъ имѣлъ:
Въ одномъ лицѣ твоемъ всегда соединяя—
Изящный *слова* даръ съ изящностію *дѣлъ*.

А. Пушкинъ отдалъ дань патріотизму Шишкова такою поэтической похвалой:

Сей старецъ дорогъ намъ; онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

Шишковъ, Александръ Семеновичъ (1754—1841), адмиралъ, занимавшій должности президента Россійской Академіи (съ 1813 по 1840 г.) и министра народнаго просвѣщенія (съ 1824 по 1828), писалъ очень много. «Собраніе сочиненій и переводовъ» его, въ 17 т.т., изд. 1818—39 г.г. Исчислимъ тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ языку и словесности, оставляя въ сторонѣ сочиненія по морскому искуству:

а) Невольничество, драма въ 1 д., 1780 (также въ XII ч. Собр. соч.). Сочинена при открытіи намѣстничества въ Спб. Она прославляетъ благодѣяніе Екатерины II. Русскій солдатъ, взятый въ плѣнъ Турками и проданный ими Алжирцамъ, просилъ императрицу о выкупѣ. Императрица послала такую сумму, что не только онъ, но и другіе невольники-христіане были освобождены.

б) Дѣтская библіотека, Кампе, 1788 (Соп. III, 5014).

в) Разсужденіе о стар. и нов. слогѣ, 1803 (см. прим. 1).

г) Собраніе дѣтскихъ повѣстей, 2 ч., 1806—1807 (исправленная и дополненная Дѣтская библіотека). Обѣ части составили потомъ, въ нов. изд., одну, которая вошла въ I т. Собр. соч

д) Прибавленіе къ «Разс. о слогѣ», 1804 (см. прим. 1). Оно содержитъ въ себѣ отвѣты на критики журналовъ: Московскій Меркурій, 1803 (см. ниже: Макаровъ), и Сѣверный Вѣстникъ, того же года, издававшійся И. Мартыновымъ.

е) Переводъ двухъ статей изъ Лагарпа, 1808 (см. прим. 16).

ж) Разсужденіе о краснорѣчіи Свящ. Писанія, 1810 (см. прим. 13).

з) Разговоры о словесности, 1811 (Собр. соч., III).

и) Разсужд. о любви къ отечеству, 1811 (см. прим. 18).

і) Прибавленіе къ Разговорамъ о словесности, или возраженія противъ возраженій, сдѣланныхъ на эту книгу, 1812 (Собр. соч., III). Здѣсь Шишковъ полемизируетъ съ Качеповскимъ, котораго критика нап. въ 12 и 13 №№ Вѣст. Евр. 1811.

к) Краткія записки, 1831 (см. прим. 18).

л) Опытъ словопроизводнаго Словаря, содержащій въ себѣ дерево, стоящее на корнѣ *мр*. Съ означеніемъ 24 колѣнъ и 920 вѣтвей. 1833 (см. прим. 15).

м) Разговоры старца съ юною дѣвицею (внукою Шишкова). 1835.

Изслѣдованія Шишкова о языкѣ и слогѣ печатались въ изданіяхъ Россійской Академіи: «Извѣстія Рос. Академіи, 12 ч. (1815—28)», «Повременное изданіе Академіи, 4 ч. (1829—32)», «Краткія записки, 3 кн. (1834—35)», «Труды Рос. Академіи, 5 ч. (1840—42)». Отсюда перепечатаны они въ Собраніи его сочиненій. Дѣятельность Рос. Акад. въ президентство Шишкова изложена въ ст. И. Давыдова: «Рос. Академія и 2-ое отд. Академіи Наукъ» (Ученыя Записки 2-го отд. Акад. Н., кн. 1-ая, 1854). Живая характеристика Шишкова, какъ человѣка и писателя, начертана С. Аксаковымъ въ «Воспоминаніи объ А. С. Шишковѣ» (Семейная Хроника и Воспоминанія).

VI.

МАКАРОВЪ. (1).

А. РОССІЯНИНЪ ВЪ ЛОНДОНѢ, ИЛИ ПИСЬМА КЪ ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ (1795). (2).

8 сентября, 1795.

Здѣсь правительство гораздо учтивѣе частныхъ людей: оно принимаетъ всякаго иностранца какъ гостя, какъ добраго человѣка; не дѣлаетъ ему никакихъ допросовъ, не оскорбляетъ его никакимъ подозрѣніемъ. Пріѣхавшій въ Англію долженъ явить свой паспортъ одинъ разъ въ портовомъ городѣ, послѣ чего онъ можетъ объѣхать все государство и прожить въ немъ десять или двадцать лѣтъ подъ именемъ, какимъ хочетъ. У воротъ лондонскихъ никого не останавливаютъ, не спрашиваютъ; трактирщики и вообще хозяева отдаточныхъ комнатъ не любопытствуютъ знать, кто платитъ имъ за квартиру. Эта нѣжность правительства, и еще въ такое время, когда государство должно остерегаться шпіонства и возмущеній, дѣлаетъ честь лондонской полиціи: боятся только *слабые*. Отъ чего же воровство и драки на улицахъ?... Можетъ быть, политика министровъ и гражданскія права народа не дозволяютъ употребить строгости (*).

Напротивъ того, частные люди весьма неблагосклонны къ иностранцамъ. Родиться не Англичаниномъ и быть честнымъ человѣкомъ кажется имъ непонятнымъ противорѣчіемъ. Думая такимъ образомъ, они принимаютъ иностранца холодно, съ видомъ презрѣнія, съ явнымъ желаніемъ уклониться отъ его знакомства. Справедливость требуетъ сказать, что если какой нибудь особливый, чрезвычайный случай подастъ объ иностранцѣ хорошее мнѣніе, тогда Англичанинъ будетъ искреннимъ и вѣрнѣйшимъ его другомъ. Но можно прожить нѣсколько лѣтъ и не дождаться такого случая; а между тѣмъ сухой пріемъ отниметъ у человѣка самаго терпѣливаго желаніе искать дружескихъ связей.

Знакомства, сдѣланныя по обыкновеннымъ рекомендательнымъ письмамъ, вездѣ мало приносятъ удовольствія, а въ Лондонѣ еще менѣе. Трудно здѣсь иностранцу войти въ пріятельское общество: зовутъ его только на пиры, на великолѣпные обѣды, на балы—и зовутъ очень рѣдко. Притомъ англійскія собранія довольно скучны; ихъ обѣды выдуманы, кажется, для испытанія человѣческаго терпѣнія: садятся за столъ въ пять часовъ, молчатъ и съ важностію наполняютъ свой желудокъ. По окончаніи этой механической работы, отпускаютъ женщинъ въ другую комнату, остаются одни съ бутылками и начинаютъ располагать судьбою міра, повторять извѣстное всякому наизусть. Уже подъ вечеръ входятъ къ женщинамъ. Хозяйка разливаетъ чай; потомъ играютъ въ карты, и наконецъ разъѣзжаются. «Можетъ ли тутъ быть разговоръ, гдѣ чашки непрестанно гремятъ, гдѣ хозяйка болѣе занимается самоваромъ, нежели гостями?» спрашиваетъ Жанлисъ. Какая великая разница между обществами англійскими и обществами французскими!

Ѣхавъ изъ Базеля въ Цирихъ, на послѣдней почтѣ я познакомился съ однимъ изъ нашихъ спутниковъ, графомъ де Б*, молодымъ человѣкомъ, сыномъ знаменитаго отца, извѣстнаго въ рес-

(*) Послѣ 1795 года многое перемѣнилось. Вольная Англія завела у себя почти инквизицію государственную. Теперь ни въ одной республикѣ не льзя жить такъ свободно, такъ безопасно, какъ въ Россіи. *Прим. Макарова.*

публикѣ литераторовъ по переводу Саллюстія на французскій языкъ. Мы остановились въ одномъ трактирѣ и оба имѣли намѣреніе отправиться черезъ нѣсколько дней въ Констанцъ. Б* поѣхалъ прежде; я хотѣлъ быть у Лафатера. По пріѣздѣ моемъ въ Констанцъ, любезный знакомецъ мой тотчасъ прибѣжалъ ко мнѣ и повелъ меня къ сестрѣ своей, маркизѣ де Ф*, которая тогда жила въ одномъ домѣ съ епископомъ Н*, епископомъ С. М* и графомъ де Ш., генераломъ прежней французской службы. Въ тотъ день была у нея вечеринка. Всѣ осыпали меня ласками; женщины дѣлали мнѣ вопросъ за вопросомъ, и чрезъ недѣлю я уже имѣлъ множество знакомствъ. Прожилъ въ Констанцѣ болѣе мѣсяца и оставилъ этотъ маленькій городъ, весьма сожалѣя, что не могъ прожить въ немъ гораздо долѣе.

Пріѣзжаю въ Лондонъ, являюсь съ рекомендательнымъ письмомъ къ человѣку богатому: послѣ обыкновенныхъ учтивостей, очень холодныхъ, онъ вмѣсто приглашенія сказалъ только, что я въ случаѣ надобности могу съ полною довѣренностію требовать его совѣтовъ и услугъ. Черезъ двѣ недѣли мы встрѣтились въ сент-женесскомъ паркѣ. »Отъ чего такъ давно не видались?» спросилъ онъ, пожавъ мою руку: «на завтрашній день не дали слова?»— Нѣтъ. — «Пріѣзжайте въ таверну ***; мы.... человѣка три.... условились тамъ обѣдать. Въ четыре часа».—Хорошо.— Я пріѣхалъ, или, правду сказать, пришелъ. Знакомецъ мой имѣетъ доходу около пятидесяти тысячъ рублей, изъ которыхъ тридцать издерживаетъ на загородный свой домъ, на книги, на картины и статуи, восемь проживаетъ въ Лондонѣ (въ четырехъ наемныхъ комнатахъ съ однимъ камердинеромъ), а двѣнадцать бросаетъ. Онъ и пріятели его спрашивали вина, пили много, шумѣли еще болѣе. Одинъ я ничего не спрашивалъ, и однакожъ заплатилъ изъ своего кармана пять гиней. Этотъ вечеръ доставилъ мнѣ жестокую головную боль. За то я узналъ, что Фоксъ краснорѣчивѣе Питта, что цвѣтущая торговля обогащаетъ всякое государство, что въ Россіи холодно, а въ Италіи жарко, и проч.

В. Критика на книгу Шишкова: Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка (1803). (³).

Нѣтъ вещи, нѣтъ и слова; нѣтъ понятія, нѣтъ и выраженія, посредствомъ котораго можно бы то понятіе сообщить другому человѣку. Послѣ Ломоносова мы узнали тысячи новыхъ вещей; чужестранные обычаи родили въ умѣ нашемъ тысячи новыхъ понятій; вкусъ очистился; читатели не хотятъ, не терпятъ выраженій противныхъ слуху; болѣе двухъ третей русскаго словаря остается безъ употребленія: что дѣлать? искать новыхъ средствъ изъясняться. Удержать языкъ въ одномъ состояніи невозможно: такого чуда не бывало отъ начала свѣта. Языкъ Гомера не перемѣнился ли совершенно? Потомки Перикловъ, Фокіоновъ и Демосѳеновъ должны, какъ чужестранцы, учиться тому, которымъ предки ихъ гремѣли на каѳедрѣ аѳинской. Русская Правда однимъ ли слогомъ писана съ Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича? Всякій ли Французъ можетъ нынѣ понимать Монтаня или Рабеле? и должно ли винить писателей вѣка Людовика XIV за то, что они не подражали писателямъ временъ Франциска I или Генриха IV? Должно ли винить Ѳеофана, Кантемира и Ломоносова, что они первые удалились отъ своихъ предшественниковъ, которыхъ сочинитель Разсужденія о слогѣ предлагаетъ намъ те-

перь въ образецъ? Языкъ слѣдуетъ всегда за науками, за художествами, за просвѣщенiемъ, за нравами, за обычаями. Придетъ время, когда и нынѣшнiй языкъ будетъ старъ: цвѣты слога вянутъ, подобно всѣмъ другимъ цвѣтамъ. Въ утѣшенiе писателю остается, что умъ и чувствованiя не теряютъ своихъ прiятностей и достигаютъ до самаго отдаленнаго потомства. Красавицы двадцать третьяго вѣка не станутъ, можетъ быть, искать могилы Бѣдной Лизы; но и въ двадцать третьемъ вѣкѣ другъ словесности, любопытный знать того, кто за 400 лѣтъ прежде очистилъ, украсилъ нашъ языкъ и оставилъ послѣ себя имя любезное отечественнымъ благодарнымъ музамъ, другъ словесности, читая сочиненiя Карамзина, всегда скажетъ: «онъ имѣлъ душу, онъ имѣлъ сердце!»

Нынѣшнiе писатели (мы говоримъ только о писателяхъ хорошихъ) приняли нѣсколько словъ чужестранныхъ, большею частiю греческихъ и латинскихъ. Сочинитель жалуется на сiю мнимую новость, и однакожъ говоритъ самъ, что языкъ славенскiй «еще болѣе процвѣлъ и обогатился красотами, заимствованными отъ сроднаго ему эллинскаго языка». Почему же слова эллинскiя, взятыя въ десятомъ или двѣнадцатомъ вѣкѣ, кажутся ему почтеннѣе взятыхъ изъ того же языка нынѣ? Мы изъяснимъ сiю загадку: сочинитель Разсужденiя о слогѣ почитаетъ греческiя и латинскiя (*) за французскiя! Но почему и французскiя не должны быть у насъ терпимы? Всѣ языки составились одинъ изъ другаго обмѣномъ взаимнымъ. Римляне приняли много словъ отъ Грековъ и передали много своихъ другимъ народамъ; Французы приняли слова греческiя, латинскiя и даже италiянскiя, для того что Италiанцы прежде ихъ упражнялись въ наукахъ и художествахъ; Англичане образовали свой языкъ изъ разныхъ языковъ древнихъ и новыхъ. Почему намъ однимъ не занимать? мы ли первые начали? Мы застали русскiй языкъ, наполненный словами греческими, латинскими, татарскими, нѣмецкими: всѣ народы, съ которыми наши предки имѣли войну или связи торговыя, сообщали имъ слова. Безобразитъ ли теперь нашъ языкъ нѣмецкое слово «кучеръ?» какой поселянинъ не разумѣетъ его? или, лучше сказать, какого поселянина увѣришь, что оно не коренное русское? Нѣкоторыя чужестранныя слова совершенно необходимы; лишь только не должно пестрить языка безъ крайней осторожности. Взять слово приличное (французское, арабское, нѣмецкое, какое угодно) весьма хорошо; а неприличное весьма дурно: двадцать грамматическихъ ошибокъ не подвергнутъ такому осмѣянiю, какъ одно слово чужестранное, неудачно взятое. Напротивъ того, потерять счастливую мысль или выразить ее слабо, для нѣкоторой лишней чистоты языка, будетъ непростительное педанство. Науки и художества требуютъ названiй такихъ, въ которыхъ заключался бы смыслъ ясный и опредѣленный: переводомъ испортишь сiи названiя. Сочинитель Разсужденiя о слогѣ, запрещая чужестранныя слова, говоритъ самъ, что мы еще имѣемъ надобность въ нѣкоторыхъ техническихъ; самъ пишетъ: «единоцентренны», «метафорическiй смыслъ», «прозаическiя сочиненiя», «текстъ». Чѣмъ же слово «проза», а особливо производное отъ него прилагательное, лучше слова «эпоха», которое онъ называетъ безобразiемъ языка? и если можно сказать «проза», то для чего не сказать: «перiодъ», «тропъ»? для чего не писать: «гармонiя», «монотонiя»—техническихъ словъ музыки? Говорятъ, что никто не обязанъ разумѣть

(*) Такiя, какъ напримѣръ «фраза» и нѣсколько другихъ.

языковъ чужестранныхъ. Правда; однакожъ, гдѣ пишутъ «метафора» и «тропъ», такое сочиненіе, вѣроятно, назначается не для толпы безграмотной. Впрочемъ мы не хотимъ оправдывать дурныхъ писателей, которые, ссылаясь на хорошихъ, употребляющихъ иностранныя слова, забываютъ границы, опредѣляемыя разсудкомъ и вкусомъ. Такихъ людей очень много: по счастію, никто не подражаетъ имъ.

Сочинитель Разсужденія о слогѣ не любитъ даже и настоящихъ русскихъ словъ, если нѣтъ ихъ въ книгахъ старинныхъ; не любитъ даже такихъ, которыя включены въ Словарь Академіи, приняты всѣми и употребительны равно въ слогѣ высокомъ и въ обыкновенномъ разговорѣ, напримѣръ: «трогательно», «утонченный». Слѣдующее замѣчаніе служитъ ему неоспоримымъ доказательствомъ: «если бы это свойственно было языку нашему, то давно бы уже оное введено было въ употребленіе». Вмѣсто «вліянія» онъ велитъ писать «наитствованіе», вмѣсто «развитія»—«прозябеніе» понятій. Не говоримъ уже, что писатель обязанъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ общему вкусу; но чѣмъ можно доказать, что въ старину производили слова правильнѣе? Кто знаетъ, не ошибались ли тогда болѣе нынѣшняго? Какая старинная грамматика рѣшитъ сей вопросъ? Сочинитель Разсужденія о слогѣ, утверждая, что каждый народъ въ составленіи языка своего умствовалъ по собственнымъ своимъ понятіямъ, весьма различнымъ отъ другаго народа (*), подаетъ оружіе на себя: ибо, въ отношеніи къ обычаямъ и понятіямъ, мы теперь совсѣмъ не тотъ народъ, который составляли наши предки; слѣдственно хотимъ сочинять фразы и производить слова по своимъ понятіямъ, нынѣшнимъ, умствуя какъ Французы, какъ Нѣмцы, какъ всѣ нынѣшніе просвѣщенные народы. Неужели сочинитель, для удобнѣйшаго возстановленія стариннаго языка, хочетъ возвратить насъ и къ обычаямъ и къ понятіямъ стариннымъ?... Мы не смѣемъ остановиться на сей мысли: однако жъ что иное подумать, приводя всѣ его разсужденія въ систему? что подумать, читая: «народъ, который все перенимаетъ у другаго, его воспитанію, его одеждѣ, его обычаямъ послѣдуетъ, такой народъ уничижаетъ себя и теряетъ собственное свое достоинство?»

(*) «Мы, напримѣръ (говоритъ онъ), слово «сокровище» произвели отъ глагола «сокрывать», разсуждая, что чѣмъ драгоцѣннѣе какая вещь, тѣмъ рачительнѣе стараются сохранять или сокрывать оную. По сему понятію нашему всякое богатство или рѣдкую драгоцѣнную вещь называемъ мы сокровищемъ. Французы, напротивъ того, умствуя иначе, произвели названіе сіе отъ имени «or» (золото), сложа оное съ предлогомъ «très», соотвѣтствующимъ нашему предлогу «пре» или нарѣчію «весьма». И такъ по ихъ понятію «trésor,» то есть сокровище, есть вещь превосходнѣйшая или дражайшая золота».

[1]) Макаровъ, Петръ Ивановичъ (р. около 1765, ум. 1804), сынъ казанскаго помѣщика, служилъ въ артиллеріи. Получивъ чинъ поручика, пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ лишился большей части своего имѣнія, чему причиною былъ дурной выборъ знакомыхъ. По выходѣ въ отставку маіоромъ, воротился въ Казань, продалъ остальное имѣніе роднымъ и въ 1795 путешествовалъ по Англіи, откуда писалъ письма къ друзьямъ своимъ. Не зная англійскаго языка и не имѣя достаточныхъ средствъ, путешественникъ обратился въ Лондонѣ къ русскому священнику, который помѣстилъ его «въ пансіонъ», т е. на хлѣбы къ содержателю школы. Хотя Макаровъ прожилъ въ Лондонѣ недолго, однакожъ надѣлалъ долговъ и рѣшился бѣжать. Изъ Петербурга онъ выслалъ занятыя имъ деньги. Одна чувствительная для сердца утрата заставила его, по возвращеніи изъ Англіи, предаться литературѣ. Онъ перевелъ съ франц. (другихъ языковъ онъ не зналъ: а) «Графъ де Сенъ-Меранъ, или новыя заблужденія сердца и ума, 8 ч. (М. 1799—1800)». Первая часть этого перевода была нап. въ Спб. 1796. Второе изд. вышло въ 1818—19 г.г.; б) «Антеноровы

путешествія по Греціи и Азіи съ прибавленіемъ разныхъ извѣстій о Египтѣ. Греческая рукопись, найденная въ Геркуланѣ и переведенная на франц. языкъ г-мъ Лантье. Переводъ съ послѣдняго франц. изданія, исправленнаго и пополненнаго, 3 т. (М. 1801 — 1802)». Второе изд. — 1814; третье — 1822. Сочиненіе Лантье († 1826) служитъ какъ бы дополненіемъ къ знаменитой нѣкогда книгѣ аббата Бартелеми († 1795): «Путешествіе младшаго Анахарсиса по Греціи». — Въ 1803 г. Макаровъ издавалъ: «Московскій Меркурій», одинъ изъ лучшихъ тогдашнихъ журналовъ, доставившій издателю почетное мѣсто въ ряду литераторовъ. Сочиненія и переводы Макарова имѣли два изданія: 1-ое. въ 2 т., 1805 г.; 2-ое, въ 2 т. или 4 ч., 1817, съ приложеніемъ статьи М. А. Дмитріева: «О Макаровѣ и его сочиненіяхъ». Оригинальныхъ статей только три: «Критика на книгу Шишкова о старомъ и новомъ слогѣ», «Разборъ 2-го изд. Сочиненій и переводовъ И. Дмитріева» и «Нѣкоторыя мысли». Все остальное (повѣсти и смѣсь)—переводы съ франц.

²) Соч. и перев. Макарова, изд. 2 (т. II, ч. 3). Начало писемъ въ 1 кн. Московскаго Меркурія, продолженіе въ Вѣст. Евр. 1804 г.

³) «Москов. Меркурій, декабрская книжка». Статья во многихъ отношеніяхъ дѣльная. Шишковъ отвѣчалъ на нее въ «Прибавл. къ Разсужд. о ст. и нов. слогѣ» (См.: Шишковъ, прим. 18). Она доставила Макарову извѣстность знающаго и остроумнаго критика. Вообще современники признавали его талантливымъ литераторомъ, на пріятномъ и чистомъ слогѣ котораго очевидно вліяніе Карамзинской реформы. Статью свою о книгѣ Шишкова, обличавшаго неправильныя, часто дикія фразы бездарныхъ переводчиковъ и сочинителей, онъ заключилъ сознаніемъ своего авторскаго мастерства: «Должностію почитаемъ сказать своимъ читателямъ, что въ «Разсужденіи о ст. и нов. слогѣ рос. языка» мы не нашли ни одной фразы изъ нашего журнала». — Макаровъ извѣстенъ также своимъ уваженіемъ къ прекрасному полу, которое выражалось и сентиментальными чувствами, по духу того времени, и признаніемъ правъ женщины не только на занятія литературой, но и на высшее просвѣщеніе. Награда «милой» служила, по его мнѣнію, наилучшею оцѣнкой авторскихъ заслугъ мужчины: «Всякій ли можетъ посвятить тридцать лѣтъ цвѣтущаго времени своей жизни на чтеніе старинныхъ книгъ, чтобы при сѣдыхъ волосахъ написать хорошее сочиненіе, непонятное всѣмъ его знакомымъ, кромѣ *ученыхъ*? Похвалы Аристарховъ пріятны самолюбію; но похвалы Делій несравненно милѣе сердцу. Лавры изъ нѣжныхъ рукъ женщины любезной всегда были почитаемы за драгоцѣннѣйшую награду, за украшеніе и для шлема рыцаря, и для блистательнаго вѣнца повелителя народовъ» (*Критика на Разсужденіе Ш—ва*). Полнѣе, по этому предмету, высказался Макаровъ въ примѣчаніяхъ къ «Критикѣ сочиненія Сегюра о женщинахъ» (пер. съ фр.) и въ «Нѣкоторыхъ мысляхъ издателей Меркурія». Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ второй статьи:

«Удивительно, непонятно, по какому странному несчастію изъ всѣхъ французскихъ модъ не перенимаютъ здѣсь только той, которая одна полезна. Француженки девятаго-надесять вѣка посѣщаютъ лицеи, смотрятъ музеумы, слушаютъ профессоровъ, читаютъ, переводятъ и сами сочиняютъ. У насъ нѣтъ ни лицеевъ, ни дружескихъ ученыхъ собраній; но все это было бы, если бы женщины захотѣли.... Кто не желаетъ женщинамъ просвѣщенія, тотъ врагъ ихъ, тотъ хочетъ удержать себѣ право сказать нѣкогда женѣ своей (въ которой онъ искалъ ключницу или няньку): я тебя умнѣе!... И почему не быть женщинѣ столько же ученою, сколько и мужчинѣ? Способности ея превосходнѣе нашихъ и требуютъ только развитія..... Женщины всегда были и будутъ первою (хотя иногда невидимою) пружиною человѣческихъ дѣяній, причиною всего изящнаго и великаго». (Моск. Мерк., № 1).

См. указанную ст. М. Дмитріева и ст. Г. Геннади: «П. И. Макаровъ и его журналъ: Московскій Меркурій» (Соврем. 1854, № 10).

VII.

ДАШКОВЪ. (¹).

А. О ПЕРЕВОДѢ ДВУХЪ СТАТЕЙ ИЗЪ ЛАГАРПА (1810). (²).

Разсматривая сей переводъ почтеннаго сочинителя Разсужденія о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка, совсѣмъ не намѣренъ я опровергать сильныхъ доказательствъ его противъ злоупотребленія, столь обыкновеннаго нынѣ,

вводить въ языкъ нашъ несвойственныя оному выраженія и обороты. За великую честь поставляю себѣ, что въ семъ случаѣ мысли его сходны съ моими. Мнѣ кажется только, что онъ слишкомъ распространилъ заключенія свои и что между множествомъ весьма справедливыхъ замѣчаній у него вырываются иногда парадоксы, несовмѣстные съ красотою и свойствомъ россійскаго языка. Впрочемъ я отнюдь не хочу критиковать его, но представляю здѣсь ученика, предлагающаго сомнѣнія свои учителю на разрѣшеніе.

Я не буду разбирать Лагарповыхъ сужденій. Г. переводчикъ говоритъ самъ, что онъ «переводилъ обѣ статьи не съ начала оныхъ и не до конца, но съ тѣхъ мѣстъ, которыя ему наиболѣе для примѣчаній его нужны». Довольно ясно, что намѣреніе его было не примѣчанія дѣлать на Лагарповы слова, а самого Лагарпа перевести для своихъ примѣчаній, кои можно назвать дополненіемъ къ прежнимъ сочиненіямъ его о старомъ и новомъ слогѣ. Цѣль его вездѣ одинакова; благородное рвеніе возвратить языкъ нашъ къ первобытному его великолѣпію и чистотѣ вездѣ очевидно.

Въ предувѣдомленіи своемъ объясняетъ онъ причины, побудившія его къ сему переводу, и говоритъ между прочимъ, что «сличеніе, какое дѣлаетъ Лагарпъ между своимъ французскимъ и чужими греческимъ и латинскимъ языками, покажетъ намъ, къ которому изъ нихъ нашъ славенороссійскій языкъ свойствами своими подходитъ ближе». Для чего не просто «россійскій», также какъ г. переводчикъ назвалъ его въ своемъ Разсужденіи? Я не отвергаю, чтобъ языкъ нашъ не былъ весьма близокъ къ славенскому и чтобъ сей последній не былъ главнымъ основаніемъ его; но не слишкомъ ли много смѣшивать сіи два языка и почитать ихъ за одинъ и тотъ же? Россійскій происходитъ отъ славенскаго точно также, какъ французскій отъ латинскаго, смѣшаннаго съ цельтскимъ, или вельхскимъ (³), съ тѣмъ только различіемъ, что французскій еще въ X вѣкѣ началъ отдѣляться отъ корня своего, а мы на нашемъ никакихъ не имѣли сочиненій до временъ Петра Великаго; но языкъ, которымъ говорили мы, давно уже отдѣлился отъ славенскаго введеніемъ множества татарскихъ словъ и выраженій, совсѣмъ прежде неизвѣстныхъ. Г. переводчикъ, кажется, чувствовалъ силу сего возраженія и старался отклонить оное, говоря: «всѣ вещи, конечно, подвержены перемѣнамъ: нѣкоторыя старинныя слова и обороты ветшаютъ и выходятъ изъ обыкновенія; употребленіе даетъ силу словамъ и выраженіямъ; отъ новыхъ понятій раждаются новыя названія и новый образъ реченій; но все сіе тогда токмо вредитъ языку и потрясаетъ свойства онаго, когда не изъ собственныхъ его, но изъ чуждыхъ источниковъ почерпается». Но сіе можетъ ли служить достаточнымъ отвѣтомъ? Можно ли называть однимъ и тѣмъ же языкомъ два нарѣчія, изъ коихъ одно, хотя непосредственно происходитъ отъ другаго, но смѣшано съ третьимъ, чуждымъ, и притомъ испорчено пятисотлѣтнимъ употребленіемъ? Къ чему величаться названіемъ, намъ не принадлежащимъ! Мы и безъ того имѣемъ множество выгодъ предъ всѣми европейскими народами: нашъ русскій языкъ самъ по себѣ гораздо богатѣе, великолѣпнѣе, сильнѣе всѣхъ прочихъ; но мы сверхъ того можемъ еще почерпать изъ славенскаго (выгода несравненная!), съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобъ выраженія и обороты, заимствованные нами, не были противны собственному языку нашему. Если жъ

бы они оба составляли одно и тоже цѣлое, на что сіи предосторожности? Для чего не пишемъ мы такимъ же точно языкомъ, какимъ писана Библія? Для чего большая часть нашихъ теперешнихъ выраженій (я говорю только о настоящемъ русскомъ языкѣ, а не о варварской смѣси, какою писаны многія нынѣшнія книги) не токмо не принадлежатъ къ славенскому языку, но даже и не отъ него происходятъ?... Правда, что возвышенный слогъ не можетъ у насъ существовать безъ помощи славенскаго: но сія необходимость пользоваться мертвымъ для насъ языкомъ для подкрѣпленія живаго не есть доказательство и притомъ требуетъ большой осторожности. Хорошіе писатели наши весьма наблюдаютъ это, и дѣйствительно въ ихъ сочиненіяхъ языкъ нашъ, хотя наполненный великолѣпіемъ славенскаго, не престаетъ однакожъ быть русскимъ.

Французы несравненно менѣе насъ имѣютъ права почерпать изъ главнаго, кореннаго языка своего, однакоже иногда онымъ пользуются. Вольтеръ первый употребилъ въ своей «Китайской сиротѣ» латинское, съ греческаго языка взятое прилагательное hyperboreus, сдѣлавъ изъ него слово hyperboré (la horde hyperborée); и Лагарпъ, сей строгій, даже иногда несправедливый критикъ, хвалитъ эту смѣлость какъ услугу, оказанную французской поэзіи. Многіе другіе, особливо Расинъ, образецъ драматическихъ стихотворцевъ, еще прежде Вольтера брали съ латинскаго выраженія и обороты и, перенося ихъ въ свой языкъ, обогащали оный. Лагарпъ представляетъ многіе тому примѣры. И такъ для чего Французы не называютъ языка своего «латиновельхофранцузскимъ»? Они почерпаютъ, подобно намъ, хотя не такъ часто, изъ кореннаго языка своего, не преставая писать по-французски. Англичане еще болѣе имѣли бы права называть языкъ свой «французоанглійскимъ», ибо большая часть ихъ выраженій взята ими у сосѣдей своихъ.

Раздѣленіе г—мъ переводчикомъ мнимаго славенороссійскаго языка на три слога: высокій, средній и низкій, изъ коихъ къ первому относитъ онъ чистый славенскій языкъ, а къ послѣднему простонародный, противно имъ самимъ предполагаемому совокупленію сихъ двухъ языковъ, и тогда названіе «славенороссійскій» само собою уничтожается. При Петрѣ Великомъ, или въ началѣ просвѣщенія нашего, высокимъ слогомъ, то есть по просту на славенскомъ языкѣ, писали всякія книги безъ разбора; а простымъ слогомъ, или, лучше сказать, нарѣчіемъ, испорченнымъ изъ славенскаго и смѣшаннымъ со множествомъ татарскихъ словъ, тогда говорили. Нынѣ же, когда русскій языкъ образовался, сіе различіе въ слогѣ съ точностію наблюдается по различію рода сочиненій; но исключительное назначеніе получаемыхъ нами отъ славенскаго пособій одному высокому слогу, а языка общенароднаго простому слогу, не существуетъ да и существовать не можетъ. Примѣры объяснятъ намъ сіе гораздо лучше:

Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ: Богъ!

Вотъ высокій слогъ! подлинно высокій по предмету, мыслямъ и выраженіямъ. Славенскій языкъ доставилъ много пособій стихотворцу; но, не взирая на то, сіе не похоже на чистый славенскій языкъ, который здѣсь, такъ сказать, есть токмо вспомогательный. Стихотворецъ не употреблялъ ни славенскихъ оборотовъ, ни словосочиненія

славенскаго. Возьмемъ теперь въ примѣръ басню, которой болѣе приличенъ простой слогъ:

Дубъ съ Тростію вступилъ однажды въ разговоры, и пр.

Нельзя сказать, чтобъ этотъ слогъ былъ слишкомъ высокъ для басни; но между тѣмъ «вступить въ разговоры» не есть выраженіе, свойственное общенародному языку; въ просторѣчіи сказали бы: «сталъ говорить». Тросъ, просто тростникъ, есть также славенское слово.

Господинъ переводчикъ охуждаетъ тѣхъ, «кои вмѣсто: *грядый*, *созерцаяй*, *грядущій*, *созерцающій*, хотятъ въ важныхъ и краснорѣчивыхъ сочиненіяхъ писать: тотъ, который идетъ, тотъ который поглядываетъ»; а потомъ отвергаетъ и окончанія на *щій*, какъ непріятныя для слуха. Признаюсь, что, не взирая на сію непріятность, я предпочитаю руское причастіе *созерцающій* славенскому *созерцаяй*, которое весьма рѣдко употребляется хорошими стихотворцами нашими, и то по необходимости, какъ на прим:

Живый въ движеньи вещества.

Грядущій, *созерцающій*, конечно, болѣе приличны высокому слогу, нежели: тотъ, который идетъ, тотъ, который разсматриваетъ (ибо созерцать совсѣмъ не значитъ поглядывать); но за чѣмъ отнимать у стихотворца свободу употребить по произволу то или другое выраженіе, когда оба не противны свойству языка нашего? Если бы въ прекрасныхъ стихахъ:

Царямъ подвластенъ міръ, цари подвластны Богу,
Тому, кто съ облачныхъ высотъ
Гигантамъ въ адъ отверзъ дорогу;
Кто маніемъ бровей колеблетъ неба сводъ,

если бы здѣсь вмѣсто: «тому, кто отверзъ, кто колеблетъ», поэтъ непремѣнно долженъ былъ поставить: «отверзшему, колеблющему», то могли ли бы у него выдти стихи? Или:

Въ отвѣтъ на вздохъ мой — вѣтръ ревущій
И ключъ, въ гранитно дно біющій,
Шумятъ сквозь вѣтвія древесъ.

Въ этихъ стихахъ, конечно, *ревущій*, *біющій* гораздо лучше и удобнѣе для стихотворца, нежели: тотъ, который реветъ или бьетъ; но захотѣлъ ли бы онъ промѣнять сіи причастія на славенскія: *ревяй* и *біяй*, не смотря на непріятное окончаніе *щій*?

Сравненіе, дѣлаемое г-мъ переводчикомъ между красотами славенскаго языка, переносимыми въ словесность нашу, и введеніемъ въ оную французскихъ выраженій, съ дубовою рощею, которую хотятъ вырубить, дабы вмѣсто оной насадить молодыхъ ольхъ и осинъ, было бы очень кстати, если бъ онъ подъ французскими выраженіями разумѣлъ токмо тѣ, которыя противны свойству языка нашего. Я согласенъ съ нимъ, что лучше, когда бы всѣ даже учебныя выраженія, безъ коихъ мы теперь обойтиться не можемъ, были переведены настоящими русскими словами; довольно видно изъ всѣхъ трудовъ его, что онъ, поступая согласно съ правилами своими, переводитъ почти каждое иностранное учебное слово, по необходимости нами употребляемое. Но можно ли все вдругъ обдумать? Не лучше ли тамъ, гдѣ дубовъ совсѣмъ нѣтъ, насадить хотя ольхъ, дабы сколько нибудь имѣть тѣни? Я не защищаю тѣхъ, кои съ большимъ напряженіемъ силъ вырываютъ дубы, чтобъ на мѣсто ихъ насадить осинъ: самое дѣйствіе показываетъ безразсудность ихъ, и въ семъ смыслѣ сравненіе г. переводчика совершенно справедливо. Но тамъ, гдѣ нѣтъ дубовъ, нельзя никому поставить въ порокъ, что онъ сажаетъ осины, только

бы сажалъ ихъ къ сторонѣ, и оныя не дѣлали бы никакой пестроты съ главною частію рощи.

Можно, безъ сомнѣнія, надѣяться, что со временемъ всѣ сіи иностранныя слова будутъ переведены равносильными русскими выраженіями: нашъ языкъ довольно для сего богатъ и гибокъ. Но хотѣть все вдругъ перемѣнить, хотѣть переводить всякое слово безъ разбора есть также погрѣшность: ибо вмѣсто извѣстнаго и значительнаго иностраннаго слова, вездѣ употребляемаго, мнѣ вбиваютъ въ голову другое славенорусское, или, лучше сказать, славеноварварское, совсѣмъ того смысла не выражающее. Когда мнѣ скажутъ «актеръ», я тотчасъ пойму значеніе сего слова и буду употреблять оное, пока писатели наши не сыщутъ другаго, которое бы заключало въ себѣ точно такой же смыслъ. Когда же слышу «лицедѣй», то хотя и вижу, что оно составлено изъ двухъ словъ, порознь извѣстныхъ мнѣ, но не понимаю сложнаго ихъ значенія. Злодѣемъ называемъ мы того, кто дѣлаетъ зло; посему лицедѣй долженъ быть тотъ, кто дѣлаетъ лице: что это значитъ? Видна ли въ семъ переводѣ мысль, заключающаяся въ словѣ «актеръ»? Совсѣмъ нѣтъ, и вмѣсто лучшаго объясненія мнѣ только затемняютъ понятіе, само по себѣ очень явственное.

Лагарпъ говоритъ о сложныхъ греческихъ словахъ какъ человѣкъ, живущій въ бѣдности и удивляющійся чужому богатству. Г. переводчикъ примѣняетъ слова Лагарповы къ нашему языку. «Мы такихъ многознаменательныхъ словъ не меньше греческаго найдемъ въ языкѣ нашемъ». Конечно, сложныя прилагательныя: *свѣтоносный*, *лучезарный*, *искрометный*, весьма полезны стихотворцамъ и риторамъ нашимъ. Но г. переводчикъ, не остановясь на этомъ, продолжаетъ: «Мы говоримъ: древо *благосѣннолиственное*. Пусть во французскомъ языкѣ найдутъ мнѣ слово, заключающее въ себѣ три разныхъ понятія»! Кто говоритъ «благосѣннолиственное древо»? Не только у насъ, но, кажется, и во всей Библіи нѣтъ сего слова. Хорошо ли сказать: *благая* сѣнь дерева, вмѣсто благотворная, или пріятная? Не лучше ли замѣнить предлинное сіе слово двумя или тремя, въ коихъ смыслъ будетъ правильнѣе выраженъ, наприм.: древо, дающее пріятную тѣнь? Тутъ даже будетъ меньше буквъ, нежели въ осьмисложномъ прилагательномъ г. переводчика. Развѣ трудно ковать такимъ образомъ новыя слова, соединяя въ одно три или четыре, имѣющія каждое особенный смыслъ? Развѣ трудно, переводя напримѣръ изъ Освобожденнаго Іерусалима прекрасную рѣчь сатаны и описывая его самого, сказать: *длинногустозикоптѣлая* брада по персямъ висѣла; или въ другомъ мѣстѣ: сія *Христогробопоклоняемая* страна (⁴); но къ чему такая варварская смѣсь? Хорошіе писатели наши часто совокупляютъ два слова, изъ коихъ одно дополняетъ или поясняетъ смыслъ другаго. Г. Державинъ очень хорошо сказалъ въ своемъ Памятникѣ:

> «Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ
> *быстротечный*».

И сіе соединеніе придаетъ болѣе блеска его выраженію. Но въ предъидущемъ стихѣ:

> «Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный,
> вѣчный»,

для чего не сказалъ онъ: «чудесновѣчный»? Для того, что сіи двѣ мысли никакого не имѣютъ отношенія между собою и что, смѣшавъ ихъ, онъ не придалъ бы стиху своему никакой новой красоты.

В. О ЛЕГЧАЙШЕМЪ СПОСОБѢ ОТВѢЧАТЬ НА КРИТИКИ (1811). (*).

Въ 11-мъ и 12-мъ нумерахъ Цвѣтника 1810 года напечаталъ я Разсмотрѣніе перевода двухъ статей изъ Лагарпа съ примѣчаніями переводчика. Я осмѣлился замѣтить нѣсколько важныхъ ошибокъ противъ языка и смысла, которыя выбралъ изъ множества другихъ въ семъ переводѣ; осмѣлился иногда противорѣчить г-ну переводчику въ его странныхъ и несвязныхъ заключеніяхъ, выводимыхъ изъ сходства россійскаго языка съ славенскимъ, но вездѣ сохранилъ должную учтивость и уваженіе къ его лѣтамъ. Мнѣнія свои вездѣ предлагалъ я въ видѣ скромныхъ, почтительныхъ представленій, показывалъ даже нѣкоторое сомнѣніе тамъ, гдѣ имѣлъ полное право говорить утвердительно и явно укорять г-на переводчика въ отступленіи отъ правилъ здравой логики, въ несоблюденіи смысла, заключающагося въ подлинникѣ. Полагаясь на его точныя слова, я совсѣмъ не думалъ оскорбить его своими замѣчаніями; я ожидалъ, что онъ, отвѣчая мнѣ, постарается оправдать свои ошибки и получше объяснитъ слова свои, часто весьма темныя для читателей. Сочиненіе мое раздѣлено было на двѣ части: въ одной особенно разсматривалъ я парадоксы касательно мнимаго славенороссійскаго языка; въ другой показывалъ мимоходомъ погрѣшности въ слогѣ перевода и невѣрность онаго.

Но къ величайшему моему удивленію и, думаю, къ удивленію всѣхъ просвѣщенныхъ любителей словесности, г. переводчикъ двухъ статей изъ Лагарпа, издавая въ свѣтъ Разсужденіе свое о краснорѣчіи Св. Писанія, напечаталъ еще при ономъ какое-то Присовокупленіе, въ которомъ, вмѣсто основательныхъ доказательствъ, отвѣчаетъ мнѣ однѣми личностями и бранью.

Отвѣчать бранью на учтивую, благонамѣренную критику значитъ признать себя торжественно не въ состояніи отвѣчать на оную доказательствами; но къ сужденіямъ о языкѣ примѣшивать нравственность и вѣру, въ неукротимой запальчивости называть противниковъ своихъ имѣющими поврежденное сердце и укорять ихъ въ мнимомъ намѣреніи ослабить благотворную власть вѣры, забывать права общественныя и должное уваженіе къ лицу всякаго гражданина— есть разительный примѣръ, сколь сильно дѣйствуютъ оскорбленное самолюбіе и желаніе властвовать въ республикѣ словесности. Вотъ послѣдствія страстей нашихъ! Человѣкъ, упражняющійся въ словесности, оставляетъ почтенное сіе занятіе, вступаетъ въ поприще ругательства, присвоиваетъ себѣ право обвинять своихъ согражданъ — и все сіе, дабы отмстить за то, что ему дерзнули противорѣчить, что смѣли показать его ошибки!

Оставимъ сіи прискорбныя для насъ размышленія: къ сожалѣнію нашему, во всѣ времена бывали примѣры подобной сему несправедливости. Кому неизвѣстны Буаловы стихи:

Qui méprise Cotin, n'estime point son roi,
Et n'a, selon Cotin, ni Dieu, ni foi, ni loi.
. . . .
Hé, mon Dieu, craignez tout d'un auteur en courroux.

Можно бы подумать, что Буало писалъ сіе въ наше время.

Я не буду подражать примѣру сочинителя Присовокупленія: я намѣренъ разобрать всѣ его сужденія и показать просвѣщеннымъ читателямъ, такъ ли истолкованы слова мои и точно ли утверждено существованіе славенороссійскаго языка.

Но, скажутъ мнѣ, отрицать сіе вар-

варское смѣшеніе, утверждать, что русскій языкъ есть языкъ отдѣльный, и не нарѣчіе или слогъ, но самъ корень многихъ мѣстныхъ нарѣчій: не значитъ ли сіе спорить единственно въ словахъ, и можетъ ли потерпѣть словесность наша отъ того, что русскій языкъ будутъ называть славенороссійскимъ, варягороссскимъ, или какъ бы то ни было?... Конечно нѣтъ, если бы г. переводчикъ Лагарпа и его послѣдователи довольствовались сими названіями и не выводили изъ оныхъ весьма пагубныхъ для языка послѣдствій. Отложимъ поверхностное о вещахъ сужденіе, посмотримъ со вниманіемъ, отъ чего у насъ многіе пишутъ такъ дурно послѣ образцовыхъ сочиненій Ломоносова, Хераскова, Богдановича, Державина, Дмитріева, Карамзина и другихъ хорошихъ авторовъ нашихъ? отъ чего многіе молодые люди, впрочемъ не безъ дарованій, представляютъ намъ въ стихахъ своихъ живое подражаніе тяжелому и грубому слогу Тредіаковскаго? Отъ того, что они съ младенчества пріучились полагать истинную поэзію, истинное достоинство слога въ нескладномъ сборищѣ славенскихъ выраженій, неупотребительныхъ въ русскомъ языкѣ и несвойственныхъ оному; привыкли думать, что ничему не должно учиться, кромѣ славенороссійскаго языка, и потому гнушаются чтеніемъ хорошихъ писателей, какъ своихъ, такъ и чужестранныхъ. Напротивъ того, другіе юноши, воспитанные въ правилахъ здраваго вкуса, просвѣтившіе умъ свой опытностію всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ, видятъ, при вступленіи въ поприще словесности, расколъ сей столь усилившимся, что сами не смѣютъ даже свободно мыслить и часто зарываютъ талантъ свой въ землю, опасаясь вооружить противъ себя всѣхъ вкусоборцевъ. Вотъ къ чему ведетъ сіе ученіе, защищаемое нынѣ съ такимъ упорствомъ и основанное единственно на томъ, что большая часть русскихъ словъ происходитъ отъ славенскаго, какъ будто бы Англичане не могли имѣть особеннаго языка потому только, что большая часть словъ ихъ заимствована ими отъ Французовъ и Нѣмцевъ!

Не трудно было бы опровергнуть толь слабое основаніе, если бы противники русскаго языка истинно хотѣли разсуждать о языкѣ и порядочно отвѣчали на всѣ возраженія; если бы, воздержавшись отъ личностей, они старались только убѣдить своихъ противниковъ, а не называли ихъ предателями отечества и вѣры за то, что они защищаютъ отечественный языкъ свой. Какое вліяніе споры о словесности могутъ имѣть на священную любовь къ отечеству, равно пылающую во всякой груди русской?... Я самъ весьма почитаю славенскій языкъ, на которомъ предки наши передали намъ святую свою вѣру и богослуженіе; я самъ всегда любилъ слѣдовать совѣту Ломоносова, «дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги» (6). Но, утверждаясь на сихъ же словахъ Ломоносова и на здравомъ разсудкѣ, я всегда отвергалъ мнимое смѣшеніе славенскаго языка съ русскимъ, и мнѣ никогда не приходило въ голову называть сей послѣдній слогомъ. «Оставшійся въ книгахъ духовныхъ славенскій языкъ (говоритъ г. издатель Вѣстника Европы, 1811, № 12, стр. 293) отдѣленъ отъ нынѣшняго русскаго несходствомъ нѣкоторыхъ словъ и разностію въ спряженіяхъ и даже въ правилахъ синтаксиса. Безъ всякаго сомнѣнія, русскій языкъ есть отрасль славенскаго; но теперь онъ уже въ такомъ состояніи, что приличнѣе называть его языкомъ, а не нарѣчіемъ. На немъ издаются законы; на немъ написаны многія книги: какъ же можно сказать, что онъ не существуетъ, и какъ можно называть его нарѣчіемъ, тогда

какъ самъ онъ уже имѣетъ множество мѣстныхъ нарѣчій? Ежели такъ, то ни одинъ изъ нынѣшнихъ европейскихъ языковъ не существуетъ, ибо всѣ они произошли отъ древнихъ и изъ нихъ составились. Было бы очень странно, когда бъ увѣрять стали, что у Италіянцевъ и Французовъ нѣтъ языка, и что тѣ и другіе говорятъ нарѣчіемъ или слогомъ» (7).

Что можно отвѣчать на толь справедливыя разсужденія? Но противники наши, непрестанно уклоняясь отъ отвѣта, прибѣгаютъ единственно къ брани или наполняютъ книги свои неумѣстнымъ наборомъ славенскихъ примѣровъ, которые совсѣмъ нейдутъ къ дѣлу и притомъ всякому давно знакомы. Въ ихъ книгахъ находимъ мы предлинныя разсужденія на многихъ страницахъ объ одномъ глаголѣ *доить*, хотя всякому извѣстны его значеніе и всѣ производныя отъ него слова, употребительныя и неупотребительныя (8). Тамъ хотятъ увѣрить насъ, что мы непремѣнно должны употреблять славенское слово *доилица* и что мы совсѣмъ не знаемъ прилагательнаго *воздоенный*, между тѣмъ какъ всѣ говорятъ у насъ: «Юпитеръ, воздоенный на горѣ Идѣ», или въ стихахъ: «поэтъ, въ объятіяхъ фортуны воздоенный». Такимъ образомъ сіи господа, если только гдѣ нибудь прекращаютъ свои восклицанія, то стараются тотчасъ отклонить читателя отъ разсужденій безчисленными примѣрами изъ Библіи, которую всѣ не меньше ихъ читали и уважаютъ.

«Ни одинъ Французъ (продолжаетъ онъ), не обучась латинскому языку, не разумѣетъ онаго; а у насъ всякій безграмотный мужикъ заставляетъ грамотнаго сына своего читать предъ нимъ Прологъ, Четію минею и другія духовныя книги, разумѣя и слушая его съ удовольствіемъ». Въ этомъ г. сочинитель весьма ошибается: у насъ ни одинъ мужикъ, хотя бы и грамотный, не пойметъ ничего изъ Пролога и Четіи-минеи, если не учился читать по Часослову и не затвердилъ начальныхъ правилъ славенскаго языка. Безграмотный мужикъ многаго не могъ бы даже понимать и въ обѣднѣ (не смотря на то, что въ оной ектеніи и большая часть молитвъ писаны самымъ простымъ слогомъ), если бы частое хожденіе въ церковь и всегдашнее толкованіе не замѣняли ему науки. Возьмемъ безграмотнаго мужика: что пойметъ онъ изъ приведенныхъ въ Разсужденіи о краснорѣчіи Св. Писанія примѣровъ: «Ланиты его аки фіалы ароматъ, прозябающыя благовоніе. Устнѣ его крины, каплющіи смирну полну. Лыста его столпи марморовы, основани на степенехъ златыхъ. Гортань его сладость, и весь желаніе»; или: «посѣченіе его прежде часа растлѣетъ, и лѣторасль его не облиственѣетъ»? — «Мнѣ кажется, ежели бы кто и ничего, кромѣ романовъ, комедій и журналовъ не читалъ, такъ и тотъ не могъ бы сего сказать (что мы на нашемъ языкѣ никакихъ не имѣли сочиненій до временъ Петра Великаго); ибо неужели онъ даже и не слыхалъ, что у насъ есть Русская Правда, Владимірова духовная, Слово о полку Игоревомъ, Псалтирь, Евангеліе и проч. Какъ все это опровергать и не поставлять въ число книгъ для того только, что не было журналовъ и комедій?»... Мое выраженіе: «на нашемъ языкѣ», и по грамматикѣ, и по логикѣ, очевидно, относится къ нынѣшнему русскому: и я все право имѣлъ сказать, что до Петра Великаго не было на ономъ сочиненій, ибо почти до самаго того времени русскій языкъ существовалъ особо въ изустномъ токмо употребленіи, а книжный нашъ языкъ или совсѣмъ не существовалъ, или только что еще мало по малу отдѣлялся отъ славенскаго, ибо въ старину всякія книги духовныя и свѣт-

скія писали языкомъ славенскимъ, болѣе или менѣе испорченнымъ. Развѣ Русская Правда, Владимірова духовная, Слово о полку Игоревомъ (коихъ у насъ не знающіе по-славенски безъ перевода читать не могутъ, даже и знающіе очень часто не понимаютъ), развѣ всѣ сіи книги писаны по-русски? (9). Можно ли называть русскими книгами Псалтырь и Евангеліе, хотя они въ новѣйшія времена переправлены? Пишетъ ли наконецъ самъ г. сочинитель такимъ же языкомъ, хотя впрочемъ и смѣшиваетъ неправо въ сужденіяхъ своихъ славенскій съ русскимъ?

Уклоняясь непрестанно отъ своего разсужденія, г. сочинитель старается доказать, что славенскій языкъ не мертвый, и сравниваетъ его съ древнимъ греческимъ: «число нынѣшнихъ Грековъ весьма невелико и притомъ новымъ нарѣчіемъ своимъ такъ далеко отошло отъ языка своихъ предковъ, языка Гомеровъ, что уже больше не разумѣютъ онаго». Слова сіи заслуживаютъ особенное вниманіе: они показываютъ намъ, сколь упоренъ г. сочинитель въ систематическихъ своихъ заблужденіяхъ. Онъ самъ говоритъ, что нынѣшніе Греки новымъ нарѣчіемъ своимъ такъ далеко отошли отъ языка своихъ предковъ, что уже больше не разумѣютъ онаго. Если это правда (ибо г. сочинитель въ своемъ переводѣ XVI пѣсни Иліады признается, что греческаго языка вовсе не знаетъ), то какъ же не называть сихъ двухъ нарѣчій различными языками, когда одно съ другимъ столь несходно? Скоро будутъ увѣрять, что нашъ языкъ и турецкій суть два нарѣчія (или слога) одного и того же языка, потому что ни Турки насъ, ни мы ихъ не понимаемъ.—«Въ такомъ ли положеніи находится славенскій языкъ? Пятьдесятъ милліоновъ человѣкъ говорятъ имъ! И тамъ, гдѣ главная колыбель его, гдѣ на немъ основана вѣра и законы, тамъ называютъ его мертвымъ! О!... но воздержимся отъ удивленія!» Сколько словъ, столько ошибокъ. Откуда г. сочинитель взялъ, что пятьдесятъ милліоновъ человѣкъ говорятъ по-славенски? (первая ошибка противъ географіи). Если онъ здѣсь разумѣлъ Россію, то, кромѣ множества народовъ иноплеменныхъ, подвластныхъ россійскому скипетру и входящихъ въ составленіе сей обширной имперіи, природные даже Россіяне не говорятъ уже по-славенски, но по-русски, то есть языкомъ, имѣющимъ многія мѣстныя нарѣчія и отдѣленнымъ отъ славенскаго. Откуда г. сочинитель взялъ, что главная колыбель сего послѣдняго въ Россіи? (вторая ошибка противъ исторіи). Намъ извѣстно, что главное мѣстопребываніе Славянъ было на Дунаѣ; въ Моравіи изобрѣтены буквы наши: слѣдственно тамъ и главная колыбель славенскаго языка. Далѣе: могутъ ли вѣра и законы быть основаны на языкѣ? Святая вѣра наша основана на откровеніи, а законы на правосудіи и милосердіи монарховъ нашихъ. Притомъ Евангеліе и всѣ священныя книги Новаго Завѣта писаны на греческомъ языкѣ: и такъ лучше бы уже сказать, что на немъ-то основана христіанская вѣра, если только она можетъ быть основана на языкѣ (третья сочинителева ошибка противъ логики). Наконецъ я сказалъ, что славенскій языкъ есть мертвый для насъ—и сіе послѣднее выраженіе нарочно было напечатано косыми буквами для показанія, что у насъ мѣсто славенскаго языка заступилъ уже русскій; но впрочемъ есть многіе соплеменные намъ народы, коихъ языкъ, хотя также отмѣнившійся отъ древняго славенскаго, гораздо ближе нашего къ оному. Г-ну сочинителю угодно было въ своей выпискѣ напечатать все одинакими буквами и тѣмъ, ослабивъ мысль мою,

отвратить вниманіе читателя отъ выраженія: «для насъ» (ошибка противъ точности, съ какою должно приводить изъ книгъ тѣ мѣста, на которыя ссылаются). Не успѣвъ опровергнуть сихъ моихъ словъ, г. сочинитель привязывается къ послѣдующимъ. «Хорошіе писатели», говоритъ онъ, «конечно, не смѣшиваютъ славенскаго языка съ русскимъ (признаніе невольное, но справедливое!); но подъ сими словами разумѣется различіе высокаго слога съ простонароднымъ». Съ такими толкованіями скоро дойдемъ до того, что другъ друга понимать не будемъ; посему нельзя сказать дурному и скучному писателю: «ты весьма худо знаешь русскій языкъ», но «русскій слогъ».

«При Петрѣ Великомъ, или въ началѣ просвѣщенія нашего, высокимъ слогомъ, то есть, по просту на славенскомъ языкѣ, писали всякія книги безъ разбора»; такъ выписываетъ г. сочинитель слова мои, и потомъ возражаетъ: «Прекрасное истолкованіе! да развѣ славенскій языкъ и высокій слогъ есть одно и тоже?» Конечно нѣтъ, и я никогда не говорилъ, чтобъ они были одно и тоже. Слова мои довольно ясно означаютъ, что на русскомъ языкѣ, въ изустномъ употребленіи, давно уже отдѣлившемся отъ славенскаго, до Петра Великаго не было еще книгъ, ибо до него всѣ писали по-славенски, хотя говорили по-русски, подобно какъ нынѣ проповѣдникъ говоритъ на каѳедрѣ совсѣмъ особымъ языкомъ, нежели дома. Слѣдовательно до Петра Великаго въ русскомъ языкѣ не было высокаго слога: всѣ книги были писаны на славенскомъ языкѣ, болѣе или менѣе испорченномъ, и въ нихъ находимъ мы не одни высокія славенскія выраженія, но и множество низкихъ, которыя однакожъ въ разговорахъ не были употребляемы. — Потомъ г. сочинитель вопрошаетъ: «неужъли всякая славенская рѣчь есть высокая? неужъли: *хощеши ли, дамъ ти подзатыльницу*, есть такой же высокій языкъ, какъ: *трепетна бысть земля, и основаніе горъ смятошася?*» Не всякая славенская рѣчь есть высокая, но высокій слогъ нашъ безъ славенскихъ словъ, съ осторожностію употребляемыхъ, существовать не можетъ. Славенскія рѣчи бываютъ высокія и низкія (кто въ этомъ сомнѣвается?), и приведенный г-мъ сочинителемъ примѣръ: «хощеши ли, дамъ ти подзатыльницу», конечно, не есть такой же высокій языкъ, какъ: «и абіе воздамъ ти сторицею»; послѣднее выраженіе несравненно сильнѣе.—Далѣе: «ежели при Петрѣ Великомъ (до Петра Великаго) всякія книги безъ разбора писали высокимъ слогомъ, такъ поэтому всякая челобитная была поэма, всякій писарь Ломоносовъ?» Можно ли такъ смѣшивать понятія и такъ криво толковать слова самыя простыя? Я говорилъ не о челобитныхъ и писаряхъ, но о книгахъ; онѣ тогда писаны были духовными людьми, которые, привыкнувъ къ высокому слогу, во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ безъ разбора употребляли оный, а притомъ не всегда умѣли по свойству матеріи избѣгать низкихъ славенскихъ выраженій. Г. сочинитель Присовокупленія, всячески стараясь затемнить мысль мою, нимало не доказалъ, чтобы отъ нашествія Татаръ до начала просвѣщенія нашего всѣ книги не были писаны высокимъ славенскимъ языкомъ (повторю опять), болѣе или менѣе испорченнымъ, болѣе или менѣе смѣшаннымъ съ низкими выраженіями. Впрочемъ тотъ еще не есть Ломоносовъ, кто только пишетъ высокимъ слогомъ: мало ли мы видимъ такихъ изъ Гомера и Тасса переводовъ, которыхъ ни одинъ знающій человѣкъ не назоветъ хорошими, хотя слогъ въ нихъ самый высокій и

преизобилуетъ славенскими словами и оборотами.

Разсматривая столь подробно сіе Присовокупленіе, я хотѣлъ удостовѣрить читателей въ неосновательности всѣхъ обвиненій и восклицаній г–на сочинителя; теперь, дабы показать, сколь заблуждается онъ въ своихъ системахъ, разберемъ со вниманіемъ начало его Разсужденія о краснорѣчіи Св. Писанія. Безпристрастные судіи вездѣ увидятъ однѣ догадки, и то чужія, не подкрѣпленныя никакими доказательствами, но защищаемыя съ отмѣннымъ упорствомъ. Сказавъ, что Императорская Россійская Академія предложила два *заданія*: «1–е —написать разсужденіе о краснорѣчіи Св. Писанія; 2-е—показать, въ чемъ состоитъ богатство и сила россійскаго языка, и какими средствами оный еще болѣе распространить, обогатить и усовершенствовать можно»—г. сочинитель проситъ позволенія оба сіи вопроса соединить вмѣстѣ, «ибо (говоритъ онъ) я полагаю толь тѣсную и неразрывную между оными связь, что, мнѣ кажется, предложенные совокупно, могутъ они гораздо лучше освѣщать одинъ другой (по русски ли это?), нежели когда бы о каждомъ изъ нихъ разсуждаемо было порознь». Удовлетворяя симъ вопросамъ, приступаетъ онъ къ разсмотрѣнію превосходныхъ свойствъ нашего языка.

«По–истиннѣ языкъ нашъ есть нѣкая чудная загадка, понынѣ еще темная и неразрѣшенная. Въ какомъ состояніи былъ онъ до введенія въ Россію православной христіанской вѣры, мы не имѣемъ ни малѣйшаго о томъ понятія, точно какъ бы его не было». (Вѣроятно, въ такомъ же состояніи, какъ и языки вообще всѣхъ необразованныхъ народовъ).—«Ни одна книга не показываетъ намъ онаго». (Какъ же и быть книгамъ, когда славенскій букварь составленъ не прежде IX вѣка?).—«Но вдругъ видимъ его возникшаго съ вѣрою. Видимъ на немъ Псалтырь, Евангеліе, Іова, и проч. Видимъ его въ оныхъ не младенцемъ, едва двигающимъ мышцы свои, но мужемъ, поражающимъ силою слова. Дивимся острымъ и глубокимъ мыслямъ, заключающимся въ словахъ его». (Всѣ книги, наименованныя г–мъ сочинителемъ, переведены съ греческаго: и такъ могутъ ли въ нихъ мысли сколько нибудь принадлежать къ превосходнымъ свойствамъ нашего языка?).—«Дивимся чистотѣ, согласію, важности, великолѣпію. Кажется, какъ будто умъ и ухо истощили все свое тщаніе на составленіе онаго». (Сравнимъ сію напыщенную похвалу славенскаго языка со свидѣтельствомъ святѣйшаго синода въ Предисловіи къ Библіи: «Ктому же и искуство грамматическое въ языцѣ славенскомъ едва каковое изящество тогда имѣ, и потому древніе слоги рѣчей стропотни и реченія грубы»—и мы увидимъ, какъ мало г. сочинитель заботился объ исторической истинѣ въ своемъ Разсужденіи).—«Надлежало ли назвать какую–либо невидимую вещь: умъ примѣчалъ дѣйствіе и звукъ ея или раздробляющійся по воздуху, или вдругъ потрясающій оный, или съ великимъ стремленіемъ свистящій; тогда ухо тотчасъ давало имена: *громъ*, *трескъ*, *вихрь*». (Но лат. tonitru, фр. tonnerre, нѣм. Donner не лучше ли еще выражаютъ звукъ грома, а лат. strepitus, fragor и фр. tourbillon—трескъ и вихрь? Самые дикіе народы имѣютъ въ языкахъ своихъ еще болѣе нашего такихъ звукоподражательныхъ дѣйствіямъ природы словъ).—«Надлежало ли составить нарѣчія: *далеко*, *близко*, *низко*, *глубоко*, *широко*, *высоко*—кажется, самъ разсудокъ придумывалъ сіи названія, говоря въ нихъ: *даль око*, т. е. простирай зрѣніе далѣе; *близь око*, не простирай

оное въ даль», и проч. (Въ сихъ словахъ окончанія: *еко*, *ко*, *око*, тоже самое означаютъ, что и въ словахъ: *жестоко*, *мягко*, *крѣпко*, *велико*, *елико*, *колико*, *только*, *двояко*, и проч. Сіе *к*, приложенное въ извѣстныхъ случаяхъ къ корнямъ словъ, вообще качество вещей или сказуемое (praedicatum) означающихъ: *даль*, *близь*, *ширь*, *глубь*, *вел*, *толь*, даетъ имъ опредѣленный видъ нарѣчія или прилагательнаго: перваго посредствомъ гласнаго окончанія *о*: *широко*, *низко*, *двояко*, а втораго посредствомъ окончаній: *ій*, *ая*, *ое* или *ъ*, *а*, *о*— *широкій*, *ая*, *ое*, *широкъ*, *а*, *о*, *низкій*, *низокъ*, и пр. Вставляемыя же между симъ значительнымъ *к* и кореннымъ слогомъ гласныя: *а*, *е*, *и*, *о*, никакой важности въ себѣ не заключаютъ и служатъ токмо для облегченія выговора; почему не во всѣхъ словахъ имѣютъ мѣсто и не во всѣхъ діалектахъ равно употребляются, на прим: Русскій говоритъ *великій*, а Полякъ wielki, и такъ далѣе. Сходство сего окончанія съ словомъ *око* есть совершенно случайное ([10]). Притомъ, говоря словами г-на издателя Вѣстника Европы, трудно согласиться, будто при составленіи языка Славенинъ умѣлъ уже выразить понятія о глаголѣ *высить* и объ имени *око*, умѣлъ уже соединить оба сіи понятія, не знавши нарѣчія *высоко*!).—«Надлежало ли дать имена чувствамъ нашимъ: *слухъ*, *зрѣніе*, *обоняніе*—умъ искалъ въ нихъ самихъ изобразить знаменованіе оныхъ». (Признаюсь, что я рѣчь сію весьма худо понимаю; къ чему относятся мѣстоименія: *въ нихъ и оныхъ*, и что значитъ: изобразить въ чувствахъ знаменованіе именъ или въ именахъ знаменованіе чувствъ?).— «Въ слювѣ *слухъ*, l'ouie, помѣстилъ и названіе той части тѣла, которая служитъ орудіемъ къ возрожденію въ насъ сего чувства: *ухо*, l'oreille». (Точно также и въ латинскомъ языкѣ: auris—ухо, audire—слышать, auditus—слухъ; а слѣдовательно также и во французскомъ: ouir, oreille, съ тѣмъ только различіемъ, что мѣсто лат. двугласной au заступила буква о, какъ и во многихъ другихъ латинскихъ словахъ).—«Слово *зрѣніе* сблизилъ съ подобными же, свѣтъ означающими понятіями: *зареніе*, *заря*». (Но почему же слова: *день*, *солнце*, гораздо болѣе означающія понятіе свѣта, lux, нежели *заря*, и даже самое слово *свѣтъ*, ни мало не похожи на *зрѣніе*? и откуда г. сочинитель взялъ слово *зареніе*?).—«Слово *обоняніе*, сокращенное изъ *обвоняніе*, составилъ изъ предлога *объ* и имени *воня*, слѣдовательно сдѣлалъ его выражающимъ чувствованіе окрестнаго запаха». (По лат. и по фр. точно также: запахъ, воня — odor, odeur; отъ сего odoratus, odorat. Чему тутъ дивиться, что въ каждомъ языкѣ слова, несомнѣнно одно отъ другаго происходящія и почти одинакое значеніе имѣющія, одно на другое похожи? и такими ли мелочами доказывать должно истинное превосходство русскаго языка предъ французскимъ?).— «Надлежало ли назвать какую либо видимую вещь: умъ разбиралъ качества ея; ежели примѣчалъ въ ней круглость, то для составленія имени ея выбиралъ и буквы, такой же образъ имѣющія: *око*». (Прекрасно! поэтому буква *о* есть несомнѣнный признакъ круглости во всѣхъ словахъ, гдѣ только она находится: отъ чего же нѣтъ ея въ названіяхъ *круга* и *шара*, фигуръ самыхъ круглѣйшихъ? Неужели Славенинъ, умѣвшій столь искусно разсуждать при составленіи языка своего, забылъ при названіи сихъ образцовъ (prototypes) круглости любимую свою систему?... Хвала славенскому языку, составленному не цѣлымъ вообще народомъ, какъ всѣ прочіе языки, но токмо глубокомысленными философами, оставившими намъ

столь явственные слѣды своей мудрости!).—«Отъ *громъ* произвелъ умъ: *громко*, *громогласно*, *громоздко*, *огромно*, *гремушка*... отъ слова *лукъ* произошло *лука* и уменьш. *лучица*, заливецъ (и вложи отроча въ ковчежецъ, и положи его въ лучицѣ при рѣцѣ. Исх. 2. 3)». *Лучица* не значитъ заливецъ. Церковный Словарь П. Алексѣева, а за нимъ Словарь Рос. Академіи толкуютъ сіе слово *лучица*—поростъ въ водѣ. Лютеръ переводитъ оное Schilf—тростникъ: оно и въ славенскомъ, вѣроятно, означаетъ тростникъ, ибо по польски lacz, по краински *лочь*, *лочье*—тростникъ. Чтожъ касается до словъ: *огромно*, означающее величину, и *громоздко*, отъ глагола *громоздить*, класть груду на груду: то они, конечно, никакого не имѣютъ отношенія къ *грому*, кромѣ случайнаго сходства въ немногихъ буквахъ. Такимъ-то образомъ страсть къ системамъ часто увлекаетъ насъ отъ умствованія къ умствованію, отъ софизма къ софизму, и наконецъ ввергаетъ въ очевидное заблужденіе!

[1]) Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ (+ 1839), воспитанникъ московскаго университетскаго благороднаго пансіона, въ послѣдствіи министръ юстиціи (съ 1830 по 1839 г.). Онъ принадлежалъ къ литературному кружку «Арзамасъ», который образовался изъ молодыхъ литераторовъ, принявшихъ сторону Карамзина, когда шли споры по поводу книги Шишкова о стар. и нов. слогѣ (см. Мелочи изъ запаса моей памяти, М. Дмитріева).

[2]) «Цвѣтникъ 1810 г., издававшійся А. Измайловымъ и П. Никольскимъ, №№ 11 и 12». Дашковъ самъ указалъ содержаніе своей статьи: «Сочиненіе мое раздѣлено на двѣ части: въ одной разсматривалъ я парадоксы (Шишкова) касательно мнимаго славенороссійскаго языка; въ другой показывалъ мимоходомъ погрѣшности въ слогѣ перевода и невѣрность», Послѣ этой статьи надобно читать: «Замѣчанія на критику Дашкова» (см. выше, стр. 95). Изъ всѣхъ критикъ на славянофильство Шишкова, написанныхъ послѣдователями Карамзина, эта, равно какъ и слѣдующая за нею, были самыми замѣчательными. Послѣ мнѣній Дашкова и Каченовскаго (см. выше, стр. 107, і), дѣло Шишкова не могло быть выиграннымъ.

[3]) Вольтеръ весьма справедливо доказываетъ, что слово Галлы есть испорченное Римлянами изъ Вальховъ, или Вельховъ. Вотъ что говоритъ онъ о происхожденіи французскаго языка: «La langue française ne commença à prendre quelque forme que vers le dixième siècle; elle naquit des ruines du latin et du celte, mêlées de quelques mots tudesques. Ce langage était d'abord le romanum rusticum, le romain rustique, etc.» (Dict. Philos. art. Français). *Прим. Дашкова.*

[4]) Могу увѣрить, что сіи слова точно я видѣлъ въ рукописномъ переводѣ Освобожденнаго Іерусалима г-на Б...ча, и не я одинъ видѣлъ ихъ. Не знаю, будетъ ли напечатанъ сей памятникъ безумія, въ какое худые переводчики наши впадаютъ часто, подражая однѣмъ ошибкамъ хорошихъ писателей, когда не могутъ подражать красотамъ ихъ. *Прим. Д—ва.*

[5]) «О легчайшемъ способѣ возражать на критики (Спб. 1811)». Это слѣдуетъ читать послѣ статей Шишкова (см. выше, стр. 92, 93 и 95).

[6]) Здѣсь Дашковъ выписываетъ изъ Разсужденія Ломоносова о пользѣ книгъ церковныхъ, которое различаетъ языки русскій и церковнославянскій.

[7]) Я могъ бы еще подкрѣпить сіи доказательства мнѣніемъ многихъ извѣстныхъ въ словесности людей, и особенно мнѣніемъ достойныхъ гг. профессоровъ московскаго университета, коимъ ввѣрено попеченіе надъ учрежденнымъ при ономъ Благороднымъ пансіономъ, однимъ изъ лучшихъ въ Россіи заведеній для воспитанія юношества. Въ изданномъ на 1811 годъ объявленіи о семъ пансіонѣ на стр. 25-й между прочимъ сказано, что въ 2-мъ классѣ русскаго языка «будутъ переводить на русскій лучшія мѣста съ славянскаго и другихъ языковъ». Сіи точныя слова почтенныхъ гг. издателей, согласныя притомъ со свидѣтельствомъ Ломоносова и другихъ, могутъ и одни достаточно опровергнуть ложныя умствованія г-на сочинителя. *Прим. Д—ва.*

[8]) Въ Разсужденіи о краснорѣчіи Св. Писанія (Соч. Ш—ва, IV, 76 -81).

[9] Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что и г. сочинитель въ переводѣ Игоревой пѣсни на русскій языкъ иногда ошибается въ своихъ догадкахъ, и что не всегда довѣрять можно сему преложенію, о которомъ онъ самъ говоритъ: «Сего ради разсудилось мнѣ преложить, или паче передѣлать оную, такимъ образомъ, чтобъ, оставляя

всѣ красоты подлинника безъ всякой, поколику можно, перемѣны словъ, невразумительныя мѣста сократить или пропустить; прочія же, требующія распространенія, дополнить своими приличными и на вѣроятныхъ догадкахъ основанными умствованіями». (Соч. и перев. Росс. Акад. ч. I, стр. 202). И такъ ни древность сего драгоцѣннаго остатка славенскаго стихотворства, ни всеобщее къ оному почтеніе не могли спасти его отъ поправокъ новѣйшаго переводчика, который, по собственному признанію, болѣе заботился о избѣжаніи всякой, поколику можно, перемѣны словъ, нежели о соблюденіи мыслей! Горе намъ, если найдутся многіе послѣдователи сему примѣру, и всѣ будутъ самопроизвольно сокращать, дополнять своими умствованіями, или иначе передѣлывать переводимыя ими творенія, и такимъ образомъ искажать Гомеровъ и Виргиліевъ! *Прим. Д—ва.*

[10]) Всѣ сіи этимологическія догадки о словахъ: *высоко*, *глубоко* и проч., также о круглости буквъ въ словѣ *око*, предложены были въ первый разъ А. П. Сумароковымъ въ Трудолюбивой Пчелѣ (мѣс. февраль, статья о коренныхъ словахъ русскаго языка). Г-нъ сочинитель Разсужденія, подражая Сумарокову въ его страсти къ словопроизводству, давно уже занимается онымъ, хотя многіе почтеннѣйшіе люди неоднократно доказывали ему неосновательность его догадокъ. Наприм: въ своемъ славенскомъ словарѣ (Разсужд. о стар. и нов. слогѣ, стр. 222) произвелъ онъ глаголъ *брашнать* отъ существительнаго имени *брашно*, и въ подтвержденіе того сослался на пророка Іеремію, гл. 14: «онагри сташа на каменіяхъ, брашна въ себѣ вѣтръ яко зміеве». Но сіе возразили ему, что весьма не надежно объяснять тексты Св. Писанія безъ справокъ съ древними языками; что въ греческой и латинской Библіяхъ выраженія, соотвѣтствующія тексту: *брашна въ себѣ вѣтръ*, однознаменательны славенскому: *браша*, или *вбираша въ себѣ вѣтръ*, и потому надлежитъ читать не *брашна*, а *браша*: буква же *н* вкралась здѣсь отъ ошибки, и ее не токмо въ другихъ изданіяхъ Библіи, но въ самомъ острожскомъ нѣтъ. Притомъ, когда бы слово *брашна* въ самомъ дѣлѣ происходило отъ глагола *брашнать* и означало здѣсь третье лице: то вмѣсто *брашна* слѣдовало бы сказать *брашнаша* или *брашнаху*, потому что глаголы, оканчивающіеся на *ать*, въ третьемъ лицѣ множественнаго числа преходящаго и давнопрошедшаго времени всегда имѣютъ окончаніе на *аша* или *аху*, наприм: *вкушаху*, *зваша*, и проч. *Прим. Д—ва.*

VIII.

БЕНИЦКІЙ. ([1]).

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ, ИНДѢЙСКАЯ СКАЗКА (1809). ([2]).

Нарудъ, багарскій набабъ, воспитанный въ Беннаресѣ, въ святилищѣ брахмановъ, имѣлъ умъ, не зараженный предразсудками, познанія отличныя, но сердце отъ природы слишкомъ доброе, слѣдовательно и легковѣрное.

Ежели праздность справедливо почитается матерью всѣхъ пороковъ, то еще справедливѣе можно назвать легковѣріе матерью всѣхъ слабостей, а слабости государя—какъ говоритъ славный мудрецъ Беасъ—Муни, жившій за четыре тысячи лѣтъ до восшествія Наруда на престолъ—буде онъ ихъ не скроетъ отъ наблюдательнаго ока царедворцевъ, суть самое тяжелѣйшее иго для народа; ибо царедворцы не замедлятъ воспользоваться ими и назвать ихъ добродѣтелями.

Нарудъ зналъ это правило и крайне удивлялся, слыша ежечасно новыя похвалы своему добродушію. Разсматривая безпристрастно дѣла свои, находилъ онъ ихъ обыкновенными, отнюдь не такими, какими казались они придворнымъ и стихотворцамъ. Набабъ начиналъ догадываться, что ему говорили по меньшей мѣрѣ неправду; подозрѣвалъ, что если

его еще не обманули, такъ вѣрно хотятъ обмануть: но отвратить зло, происходившее отъ излишней доброты его сердца, не умѣлъ, хотя и желалъ.

Прогуливаясь нѣкогда по улицамъ столицы своей Патны, ѣхалъ Нарудъ мимо Пагода, стоящаго на берегу Ганга, и увидѣлъ выходящаго изъ него престарѣлаго саттриса (*) съ молодою, прекрасною дѣвушкою. Она такъ пріятно посмотрѣла на набаба и въ такую счастливую для любви минуту, что взоры ея остались неизгладимы въ душѣ Наруда. Онъ забылъ, куда ѣхалъ, остановился и, самъ не зная для чего, спрашивалъ у окружавшихъ его найровъ (**): «давно ли построенъ пагодъ? какого рода деревья, коими онъ обсаженъ? сколько въ немъ браминовъ?»—а между тѣмъ не сводилъ глазъ съ красавицы.

Саттрисъ и дѣвушка, будучи не столь любопытны, ушли въ первый домъ противъ пагода. Нарудъ замѣтилъ ихъ жилище и поѣхалъ прочь отъ пагода, совсѣмъ уже не слушая обстоятельныхъ описаній о его построеніи, браминахъ и деревьяхъ, коими онъ обсаженъ; но чиновники, составлявшіе свиту набабову, не переставали говорить и разсказывать до самаго дворца.

Весь день думалъ Нарудъ о саттрисѣ и молодой дѣвушкѣ, или, лучше сказать, объ одной дѣвушкѣ; всю ночь снилась она ему. Набабъ собралъ по утру придворныхъ и спрашивалъ у нихъ совѣта, какъ поступать въ такомъ случаѣ, ежели любовь вкрадется въ сердце набаба.

«Это не наше дѣло!» отвѣчали они ему, лобызая зеленые каблуки желтыхъ его туфлей: «если бы касалось что-нибудь до твоихъ сокровищъ, то бы мы умѣли присовѣтовать; но любовь.... любовь есть нѣчто для насъ вовсе почти незнакомое».

— Неужъли вы никого не любили и не любите?

«Напротивъ! мы любили, любимъ и клянемся многорукимъ, четыреглавымъ Брамою, что все потомство наше будетъ любить тебя, государь!»

— А кромѣ меня, никого?

«Чины, великолѣпіе, роскошь, праздники, доходы»....

— Но женщинъ, женщинъ?

«И женщинъ, буде онѣ имѣютъ значущія связи или богатое приданое».

— Кто же рѣшитъ вопросъ мой?

«Никто, исключая сѣдобородаго Саиба, главноначальствующаго надъ священными сословіями благочестивыхъ браминовъ и юродствующихъ факировъ».

Нарудъ послалъ за Саибомъ, но Саибъ прежде вечера не могъ придти, ибо оселъ, взбѣжавъ нечаянно на дворъ пагода, опрокинулъ корыто, изъ котораго пили телята. Брамины, нуждаясь въ деньгахъ, почли сіе дурнымъ предзнаменованіемъ, и для того, вымаравъ лице грязью и посыпавъ лысыя чела пепломъ, провели цѣлый день въ молитвахъ передъ кумиромъ Брамы, не вкушая ничего, кромѣ малабарскаго пшена, посыпаннаго цейлонскою корицею, тонкинскихъ ананасовъ, максудабадскихъ въ сахарѣ вареныхъ тамариндовъ и кохинхинскихъ финиковъ, банановъ и фигъ; цѣлый день томились они жаждою, ибо пили аракъ безпрестанно. Весь городъ взволновался, видя жрецовъ, наблюдающихъ толь строгій постъ; каждый житель Патны принесъ по малой, а многіе по большой монетѣ для умилостивленія раздраженнаго Злаго Начала, изъявившаго злобу свою къ людямъ чрезъ осла надъ телятами.

Около вечера наполнился сундукъ пагода ѳаннами, лерами, рупіями, томанами, в изами и всякими другими золотыми и серебряными монетами: ибо мѣдныя Брама не жалуетъ; по крайности, такъ утверждаютъ факиры. Саибъ умылся

(*) Воинъ.
(**) Дворяне.

розовою водою, замкнулъ монеты и, возвѣсти народу, что Доброе Начало превозмогло Злое, пошелъ къ Наруду.

Набабъ тотчасъ спросилъ его, что должно дѣлать въ такомъ случаѣ, когда набабу понравится красавица.

«Для разрѣшенія вопроса», отвѣтствовалъ Саибъ, устремя взоры свои къ верху: «потребно знать, чья она дочь».

— Кажется, что я этого самъ не знаю.

«Должно узнать; и если она дочь набаба же, или субаба, или по меньшей мѣрѣ знатнаго райя, то, повѣсивъ на шею истукана Брамы пару лучшихъ гидрабантскихъ алмазовъ и положа семь тысячъ семьсотъ семьдесятъ семь золотыхъ, самаго крупнаго разбора монетъ въ сундукъ пагода, стоящаго на берегу Ганга...»

— Почему не въ сундукъ какого-нибудь другаго пагода? Развѣ не все равно?

«Великая и превеликая разница! въ какомъ-нибудь другомъ пагодѣ получаетъ Саибъ десятую часть вклада, а въ этомъ третью: причина, заслуживающая уваженіе всякаго благочестиваго брамина!»

— Не спорю: продолжай.

«Положа монеты, испросить позволеніе на бракъ у Бримга, Брамы и Бисгена (*) чрезъ главнаго брамина, то есть черезъ меня; и когда они моими устами позволятъ, тогда насладись ея прелестями».

— Какое множество околичностей!

«Ихъ предписываетъ Брама».

— Вездѣ Брама! Саибъ! я думаю, что или ты, или онъ, или вы оба мѣшаетесь часто не въ свое дѣло и предписываете невозможное, наложивъ на мое сердце обязанность любить непремѣнно дочь набаба. Что же предписываетъ Брама, ежели дѣвушка дочь саттриса?

«Въ такомъ случаѣ велитъ Брама, и книга Веда, и книга Эзуръ-Веда (*), и я, и священныя сословія браминовъ— набабамъ не думать объ ней».

— Мудрено, что Брама, книги, ты и сословія браминовъ приказываютъ не думать: ибо мысли не состоятъ въ нашей власти.

«Слова твои пагубны! ихъ нѣтъ ни въ которой изъ книгъ нашихъ; а все то, чего тамъ нѣтъ, предано сенассеями (**) проклятію».

— Такая жестокость не пристала смиренію сенассеевъ.

«Они жестоки къ простымъ беніанамъ: набабы свободны отъ ихъ проклятія».

— Слѣдовательно набабы имѣютъ свободу и мыслить какъ заблагоразсудится?

«Безъ всякаго сомнѣнія».

— А мои мысли заняты дѣвушкою?

«Старайся забыть ее».

— Это выше силъ моихъ!

«Стоитъ только единожды выкупаться предъ восхожденіемъ солнца въ Гангѣ, и она изгладится изъ твоихъ мыслей».

Нарудъ повѣрилъ, купался двѣнадцать разъ предъ восхожденіемъ и послѣ восхожденія солнца, и все думалъ о дѣвушкѣ.

Утомясь обливаться водою, призвалъ онъ къ себѣ Саиба и говорилъ, что дѣвушка не выходитъ изъ его мыслей. Саибъ клялся и увѣрялъ, что она давно уже вышла.

(*) Три главныя свойства Бога, почитаемыя Индами, т. е. собственно Богъ, Премудрость Божія и Провидѣніе.

(*) Ученіе браминовъ заключается въ книгѣ, именуемой Веда, а толкованіе на нее называется Эзуръ-Веда.

(*) Сеннассеи, или просто называемые факиры, суть философы, провождающіе самую бѣдственную жизнь. Разныя жестокости, коими они себя произвольно мучатъ, снискиваютъ имъ уваженіе и довѣренность черни. Самое же слово факиръ значитъ бѣднякъ.

Набабъ повелѣлъ предстать передъ себя факиру, котораго почитали за вдохновеннаго самимъ Брамою, ибо онъ, отвѣчая на вопросы, ему предлагаемые, коверкался какъ лаоская обезьяна, ходилъ подпоясавшись желѣзными веригами, вколачивалъ въ пятки по девяти гвоздей, и кричалъ мимоходящимъ: «обожай корову!»

Нарудъ спросилъ у него, какъ надобно поступать, ежели набабу понравится красавица.

«Понравится? красавица?» вскричалъ факиръ, бѣснуясь: «пренебреги ею! все, что принадлежитъ къ наслажденію, удовольствію, радостямъ, веселію—все должно быть чуждо истинному человѣку: однѣ печали, одна корова, или хвостъ ея, суть предметы, достойные занимать душу, разумъ и чувства смертнаго!»

За удовлетворительный отвѣтъ факира приказалъ Нарудъ построить большой хлѣвъ подлѣ дома сумасшедшихъ, собралъ всѣхъ факировъ, шатавшихся по Багару, посадилъ ихъ въ него и далъ каждому по коровьему хвосту.

Избѣгшіе отъ поимки сенассеи разломали ночью двери и, выпустивъ факировъ, разгласили поутру, что Брама освободилъ ихъ своими собственными руками.

О чудо! кричали сеннассеи; о чудо! восклицали праздные люди; о чудо! повторяли старухи и суевѣры.

Набабъ велѣлъ факировъ переловить опять, опять посадилъ ихъ въ большой хлѣвъ подлѣ дома сумасшедшихъ и приставилъ къ нимъ двѣ сотни носящихъ мечи при бедрѣ своемъ и пищали за раменами: они, снявъ вериги съ чреслъ факировъ, возложили имъ оныя на выи, руки и ноги.

Народъ ожидалъ чуда, толпами собирались смотрѣть его, ждали, глядѣли— но чуда на сей разъ не послѣдовало.

Нарудъ послалъ вопросъ свой въ бенаресскій университетъ. Какъ скоро его тамъ получили, то одна половина пундитовъ науки о числахъ доказала посредствомъ алгебраическаго сложенія и вычитанія невозможность рѣшенія; а другая половина рѣшила ариѳметическимъ умноженіемъ и дѣленіемъ, что они солгали.

Пундиты любомудрія утвердили единогласно, что такъ какъ любовь не есть дружба, а дружба не любовь, то и надобно, чтобы она была чувство, ощущаемое мужчиною къ женщинѣ или обратно.

Пундиты словесности сочинили восемь похвальныхъ словъ и восемьдесятъ торжественныхъ одъ, каждую въ восемьсотъ стиховъ, на санскритскомъ нарѣчіи, по случаю Нарудовой любви.

Всѣ сочиненія пундитовъ отправлены были къ набабу, который, прочитавъ ихъ, увидѣлъ, что ученые пишутъ иногда и о томъ, чего они вовсе не понимаютъ.

Наконецъ тотъ же вопросъ предложилъ Нарудъ Раару, врачу, коего слава гремѣла на сорока трехъ кладбищахъ. Рааръ совѣтовалъ принять полкапли извѣстнаго ему состава. Набабъ выпилъ и едва было черезъ четверть часа не умеръ. Рааръ предписалъ порошки, которые не подѣйствовали.

Нарудъ негодовалъ на врача; врачъ сердился на крѣпкое сложеніе Наруда.

«О великій Бримгъ!» говорилъ набабъ: «всѣ увѣряютъ, что для меня нѣтъ ничего невозможнаго, а я вижу, что для меня очень немногое возможно!»

Размышляя такимъ образомъ, рѣшился онъ послѣдовать однимъ внушеніямъ сердца, вѣрить чувствамъ и совѣтоваться съ разсудкомъ, надѣлъ платье беиза (*) и пошелъ въ сумерки къ пагоду, стоящему на берегу Ганга.

(*) Купца.

Нарудъ сѣлъ подъ пальмовымъ деревомъ, устремилъ глаза на жилище красавицы, выдумывалъ способы увидѣть ее и объявить ей любовь свою, не взирая ни на запрещенія Брамы и Саиба, ни на проклятія книги Веды и книги Эзуръ-Веды.

Вдругъ показалась дѣвушка въ концѣ просади, ведущей къ пагоду: та самая, которая овладѣла сердцемъ набаба, и— одна. Нечаянность сія обрадовала Наруда болѣе, нежели Скандербека (*) покореніе всего міра. Набабъ всталъ и дожидался ее подлѣ воротъ.

— Прекрасная! сказалъ Нарудъ при ея приближеніи: дозволь обнаружить тайну, тягостную для моего сердца, дозволь открыть чувства, кои ты возбудила твоею красотою, выслушай незнакомца...

«Незнакомца? могу ли я не знать моего государя, славнаго набаба Патны, повелителя Багара!»

— Ты ошибаешься, любезная дѣвица, ты видишь....

«Бенза? нѣтъ, я очень хорошо знаю Наруда: сія одежда не перемѣнила его лица».

— Случайное сходство....

«Если такъ, то сожалѣю и уйду».

— Остановись! ты узнала меня: я Нарудъ. Но да послужитъ тебѣ сей случай доказательствомъ въ моей горячности; я люблю тебя.

«Государь!»...

— Повергаю къ ногамъ твоимъ корону Багара, мои сокровища, власть мою! раздѣли со мною владычество царя, его славу и великолѣпіе! повелѣвай мною и люби только меня.

«Корона, сокровища, власть — на что они мнѣ? я счастлива и безъ нихъ: кто дерзнетъ ручаться, что буду счастливѣе съ ними? Государь, ты предлагаешь мнѣ все, чѣмъ судьба одарила тебя, и требуешь любви моей: но возмездіе любви есть любовь, а не титла и богатства; сердца, благороднаго сердца нельзя ни купить, ни покорить. Я не имѣю ничего, но вольности моей не продамъ за корону Багара; ты можешь мнѣ приказать быть твоею супругою—я могу не любить тебя».

— Увы! я въ отчаяніи.... ты любишь уже!

«Нѣтъ, сердце мое свободно, но свобода ему не наскучила. Оковы супружества—всегда оковы».

— Для тебя сплетутся онѣ изъ розъ весеннихъ.

«Этого не довольно; надобно, чтобы благоразуміе очистило съ розъ шипы, коими онѣ усыпаны».

— Красота твоя защититъ тебя отъ сего тернія.

«Красота прельщаетъ любовника: супругу нужно нѣчто болѣе; наслажденія любовника—минута, наслажденія супруга —вѣкъ; такъ говоритъ отецъ мой: опытность его заслуживаетъ довѣріе».

— Скажи мнѣ имя твое, прелестнѣйшая дщерь Индостана!

«Меня зовутъ Онидою».

— Онида, прекрасная Онида, что долженъ сдѣлать человѣкъ, который ищетъ любви твоей? что долженъ сдѣлать я, дабы снискать взаимную любовь Ониды?

«Подвергнуться испытанію».

— Я воскресаю! испытывай Наруда, и ты увидишь, можетъ быть, что онъ не недостоинъ нѣжности твоей.

«Испытаніе мое, государь, начну я *на другой день*.

Сказала—и быстрѣе бенгальской серны удалилась во внутренность пагода. Нарудъ горестно посмотрѣлъ въ слѣдъ за нею и пошелъ отъ воротъ, говоря съ глубокимъ вздохомъ: «Ахъ, какъ ничтожна власть набаба, и какъ велико могущество красоты! нѣтъ, теперь уже

(*) Александръ Великій.

никто меня не увѣритъ, чтобы мнѣ все было возможно».

На другой день, въ то же самое время, пришелъ Нарудъ къ пагоду; вскорѣ послѣ него Онида.

О какъ я счастливъ, говорилъ онъ, ее встрѣчая: испытаніе мое начнется, и я поспѣшу доказать моей возлюбленной, сколь велика моя любовь къ ней! предписывай, повелѣвай,—Нарудъ горитъ нетерпѣніемъ исполнить все то, что повелитъ ему Онида.

«Онида проситъ Наруда придти *на другой день*: тогда она предложитъ свое испытаніе».

— На другой день! сказалъ Нарудъ печально.

«На другой день!» сказала Онида хладнокровно и ушла въ пагодъ.

Набабъ явился на другой день, равнымъ образомъ и Онида. Съ веселымъ видомъ подошелъ онъ къ ней и говорилъ: теперь я не оставлю тебя до тѣхъ поръ, пока ты однимъ своимъ словомъ не сдѣлаешь меня или навѣки счастливымъ, или навсегда несчастнымъ; теперь я непремѣнно хочу знать....

«И такъ Нарудъ, коего добродушіе прославляютъ брамины и наиры, намѣренъ употребить насиліе?»

— Да поразитъ меня гнѣвъ Бримга, ежели я помышлялъ о насиліи! но ты хотѣла начать испытаніе.

«Начну его *на другой день*».

Въ третій разъ покинутый набабъ стоялъ въ недоумѣніи предъ воротами пагода. «На другой день! на другой день!» говорилъ онъ самъ себѣ съ нѣкоторою досадою: «на другой день! что это значитъ? ахъ! вѣрно, она меня не любитъ!—не любитъ?... истребись, ужасная мысль, исчезни! кто подозрѣваетъ, тотъ недостоинъ любви взаимной; одна безпредѣльная довѣренность имѣетъ право на нее, она одна есть вѣрнѣйшее средство снискать нѣжность женщины. Такъ, воля Ониды священна для меня! буду ей слѣпо повиноваться, и приду на другой день».

Нарудъ пришелъ и ушелъ, не видавъ Ониды. Насталъ еще день, и еще день—въ четвертый показалась Онида.

— Онида! воскликнулъ набабъ: жестокосердая! чѣмъ заслужилъ я сіи мученія? почто воздаешь ты суровостію за любовь мою?

«Упреки твои, государь, столько же несправедливы, сколько лестны слова, коими ты ихъ выражаешь; но оправдаться передъ тобою не могу иначе, какъ *на другой день*».

— Еще на другой день? нѣтъ, Онида, нѣтъ....

Нарудъ, примѣтивъ ея намѣреніе бѣжать, хотѣлъ схватить за руку, но ему попалась голубая лента, которою было обвязано платье на груди Ониды: красавица вырвалась, оставя набабу свой поясъ.

Такъ восхищаются дѣти, видя разноцвѣтную радугу, какъ восхищался Нарудъ, смотря на голубую ленту Ониды.

— Счастливая ткань! говорилъ онъ: ты украшала прелестную, помрачающую всѣ украшенія! къ тебѣ прикасались иногда персты ея, тебя удостоивала она, можетъ быть, каждый день нѣсколькими взглядами.... впредь ты не будешь столь счастлива!—ахъ, ежели бы ты имѣла глаза, то проливала бы горькія, вѣчныя слезы, разлучась съ Онидою! но ты не можешь плакать,—такъ я стану орошать тебя моими слезами, возвращу нѣкогда ей и скажу: вотъ повѣренная любви моей и горести, свидѣтельница тоски и сокрушенія! она покрыта поцѣлуями моими, она не осушалась отъ слезъ моихъ! Онида, Онида! кто исчислитъ слезы, кои проливалъ я, томясь надеждою? кто измѣритъ любовь мою къ тебѣ?

«Моя любовь!» сказала Онида, выступя изъ воротъ пагода: «довольно,

Народъ; испытаніе твое скоро кончится. Приди сюда *на другой день*: я приведу съ собою отца моего; онъ исполнитъ, вмѣсто меня, мое обѣщаніе и, можетъ быть, позволитъ Онидѣ любить набаба Патны. Участь Наруда и Ониды рѣшена уже; *на другой день* рѣшится участь бѣдной подданной и владыки Багара».

— На другой день? жестокая! на что откладывать благополучіе мое до другаго дня, когда можно его совершить ныньче? Никогда не раздѣлялъ я человѣка съ государемъ въ моей особѣ: Нарудъ и набабъ багарскій одно и то же; пойдемъ, сейчасъ пойдемъ къ отцу твоему: да будетъ онъ и моимъ отцемъ!

«Ахъ, государь! для тебя тягостно отложить свиданіе съ понравившеюся тебѣ дѣвушкою до другаго дня; суди же, какъ несносно должно казаться терпѣніе ожидающимъ правосудія, помысли, какъ мучительно откладывать и самую надежду до другаго дня, какъ горестно говорить самому себѣ: ныньче ничего, а можетъ быть на другой день!»

— На другой день?

«Тысячи подвластныхъ тебѣ произносятъ это, обливаясь слезами: почему же и государю не извѣдать всей горечи непріятной отсрочки?»

— Я извѣдалъ все... знаю все...

«Тѣмъ лучше: слѣдовательно для тебя не новое проститься со мною до другаго дня».

— Нѣтъ, Онида, скорбь разлуки всегда будетъ новою язвою для моего сердца: можно ли привыкнуть къ печали? Взгляни: здѣсь, у ногъ твоихъ, прошу тебя не терзать разлученіемъ съ тобою души моей, умоляю тебя не упоминать болѣе ненавистнаго слова: *на другой день*; оно безконечно какъ вѣчность, мучительно какъ адъ; ахъ, или мало еще терпѣлъ я отъ него?

«Вѣрно менѣе, нежели я и несчастный отецъ мой!»

— Менѣе? несчастный?—ты плачешь? менѣе?

«Увы, мы много, слишкомъ много потерпѣли отъ сего ужаснаго слова!»

— Правосудный Бримгъ, что я слышу? объяснись, прекрасная; заклинаю тебя, объяснись!

«Буду откровенна передъ моимъ государемъ; не утаю ничего, ибо надѣюсь оказать услугу ему и всѣмъ его подданнымъ: надѣюсь, что, открывъ злоупотребленіе приближенныхъ его, закрою раны страждущаго человѣчества».

— О Нарудъ, Нарудъ! и такъ ты заблуждался, думая, что нѣтъ несчастныхъ въ твоемъ владѣніи!

«Отецъ мой служилъ въ войскахъ твоего родителя пятьдесятъ лѣтъ; старость и болѣзни принудили его покинуть знамена твои черезъ годъ по восшествіи твоемъ на престолъ. Заслуги позволяли ему надѣяться получить награду, опредѣленную законами, но исполнители законовъ предали забвенію долговременную его службу и славные подвиги: они извѣстны были одному покойному государю»....

— Имя отца твоего?

«Беккиръ».

— Знаменитый Беккиръ, коего мечъ усмирялъ дважды неспокойнаго сосѣда, набаба ногракутскаго, и которому Багаръ обязанъ выгоднымъ миромъ? Беккиръ, отразившій нападеніе Европейцевъ при устьѣ Ганга, куда отправилъ его родитель мой на помощь государю бенгальскому... Онида, ты несправедлива: подвиги Беккировы и мнѣ извѣстны, но я никогда не видалъ его въ моихъ чертогахъ.

«Ибо доступъ подданному къ тебѣ труднѣе, нежели грѣшнику ко вратамъ рая».

— И я слышу объ этомъ въ первый разъ? и наиры не стыдятся прославлять мое милосердіе?

«Отецъ мой прибѣгнулъ къ твоему намѣстнику».

— Къ моему другу, Онида, къ моему истинному другу.

«Твой другъ и намѣстникъ отказалъ ему.»

— Отказалъ!

«Но до отказа своего приказывалъ, просилъ приходить *на другой день* цѣлый годъ, межъ тѣмъ какъ мы часто не имѣли на другой день—пропитанія».

— Мой другъ это сдѣлалъ? намѣстникъ мой отказалъ заслуженному саттрису? обманывалъ Беккира, получая отъ меня каждый мѣсяцъ для раздачи вѣрнымъ сынамъ отечества по полубочкѣ золота!

«Изъ всѣхъ твоихъ бочекъ не удѣлилъ онъ отцу моему ни золотника».

— Понимаю теперь, для чего найры прославляютъ мое добродушіе! разумѣю, для чего они съ такимъ удовольствіемъ превозносятъ щедроту мою!

«Намъ сказали, что Саибъ находится въ большомъ у тебя уваженіи, и потому возобновилъ отецъ мой просьбу свою предъ главноначальствующимъ надъ священными сословіями браминовъ»....

— Отъ котораго и получилъ желаемое? Ахъ, какъ я досадую, что намѣстникъ мой лишилъ себя сладостнаго удовольствія исполнить обязанность государеву, лишилъ себя моей благодарности; и какъ я радъ, что Саибъ заплатилъ Беккиру мой долгъ! что онъ симъ поступкомъ заставляетъ меня перемѣнить дурное мое объ немъ мнѣніе! о какъ я радъ, что могу наконецъ сказать: у меня есть человѣкъ, на котораго смѣло можно положиться! отнынѣ Саибъ будетъ моимъ совѣтникомъ, наставникомъ, другомъ.

«Полтора года приказывалъ Саибъ приходить къ себѣ *на другой день* то отцу моему, то мнѣ: наконецъ сегодня отказалъ совершенно».

— Саибъ? сѣдобородый Саибъ, читающій Веду и Эзуръ-Веду?

«Онъ самый. Теперь только я была у него, и онъ—увы, какъ тягостна бѣдность!—онъ дерзнулъ мнѣ, дочери добраго, честнаго воина, предложить за заслуженную награду отца моего мое.....»

— Какъ, неужели и это повелѣваетъ Брама? въ моей области такое преступленіе? въ столицѣ добродушнаго Наруда продаютъ награду заслугъ, оскорбляютъ невинность, угнетаютъ слабыхъ? О какъ жестоко меня обманывали! Однако же, Онида, почему ты или Беккиръ не просили меня, когда я прогуливаюсь?

«Или государь забылъ свое повелѣніе, обнародованное въ тотъ самый день, когда праздновала Патна третій годъ твоего царствованія?»

— Сей день незабвененъ въ моей памяти! я помню очень хорошо, что повелѣлъ уничтожить варварскій законъ, отчуждающій несчастныхъ Гаррисовъ (*) отъ общества, и возобновить древнюю терпимость всѣхъ вѣръ въ моей области.

«И только?»

— Только; я подписалъ два сіи повелѣнія и нѣсколько еще благодарственныхъ листовъ къ отличившимся гражданскими подвигами начальникамъ.

«Но въ самый тотъ день объявлено было твое же повелѣніе, чтобы никто не дерзалъ безпокоить тебя просьбами во время твоихъ выѣздовъ».

— Что слышу?—безпокоить государя просьбами!

«Ослушнику назначена смертная казнь».

— И это дѣлали мои любимцы! друзья мои, сѣдобородые брамины и благовос-

(*) Жители Индостана раздѣляются на нѣсколько поколѣній, изъ коихъ есть одно самое несчастнѣйшее, называемое Гаррисами, Паріями или Пуліатами. Они обязаны отправлять наиподлѣйшія работы, должны избѣгать встрѣчи со всякимъ Индіаниномъ, и каждый, принадлежащій не къ ихъ поколѣнію, имѣетъ право убить Гарриса до смерти за ничто.

питанные найры, восхвалявшіе добродушіе легковѣрнаго Наруда! Впредь будутъ прославлять правосудіе, а не добродушіе Нарудово; впредь станутъ лобызать зерцало истины, а не зеленые каблуки моихъ туфлей! Онида, благодарю тебя за открытіе моего заблужденія; если бы я и не любилъ тебя, то сія услуга творитъ тебя достойною быть супругою повелителя Патны: пойдемъ къ отцу твоему. Не Саибово, но его благословеніе надобно мнѣ; онъ получитъ семь тысячъ семьсотъ семьдесятъ семь золотыхъ монетъ крупнѣйшаго разбора, а не сундукъ пагода, стоящаго на берегу Ганга; не на истуканъ Брамы, а на шею милой Ониды повѣшу я всѣ, всѣ гидрабантскіе алмазы, какіе только есть въ моихъ сокровищахъ!

Едва озлатило солнце верхи зданій Патны, какъ уже Нарудъ ѣхалъ въ сопровожденіи двухъ полковъ отборныхъ меченосцевъ къ пагоду, стоящему на берегу Ганга; вся свита окружала его.

Весело играли музыканты передъ полками; меченосцы шли, улыбаясь, за набабомъ; народъ толпился около Наруда, привѣтствующаго ихъ ласково и дружелюбно. Радость сіяла на лицѣ у каждаго.

Одни найры, составлявшіе свиту набабову, поглядывали горестно другъ на друга; трепеща, ѣхалъ подлѣ Наруда его намѣстникъ, ибо Нарудъ, противъ своего обыкновенія, не говорилъ ни съ кѣмъ изъ нихъ ни слова и не объявилъ никому, за чѣмъ ѣдетъ къ пагоду. Всѣ предчувствовали бѣду, особливо намѣстникъ набаба. Отъ сотворенія придворныхъ никогда еще не бывало, чтобы предчувствіе кого-нибудь изъ нихъ обмануло!

Равнымъ образомъ изумился Саибъ и брамины, увидя внезапу Наруда. Еще болѣе перепугалось благочестивое сословіе, усмотрѣвъ съ нимъ два полка меченосцевъ. Саибъ отсчитывалъ въ сіе время третью часть вчерашняго сбора, но, сколько ни любилъ онъ монеты, побѣжалъ однако же на встрѣчу къ набабу, имѣя въ рукахъ книгу Веду, Эзуръ-Веду и кадильницу съ аравійскими благовоніями,—побѣжалъ, не замкнувъ монеты.

Страхъ и ужасъ овладѣлъ Саибомъ, браминами, намѣстникомъ и найрами, когда Нарудъ, въѣхавъ на дворъ пагода, слѣзъ съ лошади и пошелъ не въ пагодъ, а къ возвышенію, сдѣланному посреди двора. Подобно ручьямъ сѣвера, останавливающимся отъ губительнаго дыханія хладныхъ вѣтровъ въ мѣсяцы Козерога, замерзла кровь въ ихъ жилахъ, когда набабъ, взошедъ на возвышеніе, обратился къ народу и началъ говорить слѣдующее:

«Дѣти мои! три года управляю я вами послѣ смерти моего родителя; три года коварные льстецы угнетали васъ моимъ именемъ; приближься, кто имѣетъ жалобу на намѣстника или на судей, поставленныхъ надъ вами!»

Всѣ пали на колѣни: тысячи вопіяли. Нарудъ далъ знакъ къ молчанію и продолжалъ говорить:

«Обѣщаю воздать должное каждому: обѣщаю разобрать всѣ жалобы, и удовлетворю справедливую. Отнынѣ васъ никто не разлучитъ со мною; дѣти могутъ видѣть отца своего во всякое время, когда имъ надобно. Нуждающійся и несчастный, гонимый и беззащитный, сирый и вдовица не должны разбирать дней и часовъ, дабы обрѣсти себѣ отраду у престола государева, ибо владѣніе мое не обширно. Богъ пріемлетъ молитвы наши днемъ и нощію: днемъ и нощію да будутъ отверсты народу мои чертоги!» (*Оборачивается къ намѣстнику*). А ты, дерзнувшій употребить во зло довѣріе твоего владыки, будь съ женою твоею и чадами твоими, ибо и они участво-

вали въ твоихъ преступленіяхъ, будь рабъ Беккира! пресмыкайся въ неволѣ у того, кто не получилъ отъ тебя заслуженной награды, кому ты цѣлый годъ обѣщалъ исполнить просьбу его *на другой день* и кому ты наконецъ отказалъ съ свирѣпостію, сродною жестокосердному корыстолюбцу!» — (*Къ Саибу*). Здѣсь, предъ полками защитниковъ вѣры и отечества, предъ лицемъ дѣтей моихъ, скажи, какъ должно поступать въ такомъ случаѣ, когда набабу понравится красавица?»

— Какъ ему угодно! отвѣчалъ Саибъ, уронивъ обѣ книги и кадильницу съ аравійскими благовоніями.

«Вѣроломный жрецъ!» говорилъ Нарудъ: «сей отвѣтъ не спасетъ тебя, не примиритъ съ раздраженнымъ правосудіемъ; я презираю его и вмѣсто онаго требую, чтобы ты раскрылъ Веду и удовлетворилъ вопросу моему; хочу изобличить развратнаго мздоимца, прикрывающагося личиною смиренія. Повинуйся!»

Саибъ дрожащими руками раскрылъ Веду и читалъ:

«Не взирайте на сокровища, титла и красоту, когда желаете, чтобы дѣвица, избираемая вами въ супругу, любила васъ до конца жизни, когда желаете быть счастливы! красота увянетъ, титла можетъ отнять сильнѣйшій, сокровища подвержены тому же жребію. Одна истинная любовь, основанная на взаимномъ уваженіи, пребудетъ неизмѣнною вовѣки!» Саибъ умолкъ; Нарудъ продолжалъ:

«Ни слова о вкладахъ въ сундукъ пагода? ни слова о парѣ гидрабантскихъ алмазовъ? И такъ Саибъ оклеветалъ книгу Веду, обманулъ Бога, государя, народъ! Обманщикъ и клеветникъ недостоинъ жреческаго сана, котораго я тебя и лишаю».

— Главноначальствующаго надъ священными сословіями браминовъ (сказалъ Саибъ прерывающимся голосомъ, простершись предъ Нарудомъ) никто, кромѣ браминовъ, не можетъ лишить сана: сіе написано въ Эзуръ-Ведѣ, въ шестой главѣ, на страницѣ пятнадцатой.

«Саттрисы!» воскликнулъ набабъ: «станьте вокругъ браминовъ; пусть они напишутъ сейчасъ въ Эзуръ-Ведѣ, въ первой главѣ, на первой страницѣ, что набабъ властенъ сжечь Эзуръ-Веду, ежели написанное въ ней будетъ противно истинѣ и здравому разсудку. Брамины написали книгу: брамины могутъ и переписать ее».

Бубны загремѣли, саттрисы въ ладъ вынули мечи свои и ровнымъ шагомъ, весьма красиво построились около браминовъ. Книгу Эзуръ-Веду разогнули и повелѣніе Наруда вписали. Набабъ продолжалъ говорить:

«Клятвопреступника Саиба лишаю сана! да будетъ онъ со всѣми неправедно пріобрѣтенными богатствами рабъ Ониды, которую оскорбилъ вчера и отцу которой обѣщалъ онъ помочь на другой день полтора года. (*Оборачивается къ найрамъ*). Возбраняю вамъ лобызать каблуки туфлей моихъ, а и того болѣе прославлять какое-либо дѣяніе набаба. Кто сдѣлалъ добро, тому собственное его сердце, сладостный голосъ совѣсти пріятнѣе похвалъ вашихъ и увѣрительнѣе всѣхъ санскритскихъ стиховъ. Народу запрещаю становиться на колѣни предо мною; ибо если такимъ образомъ будутъ воздавать почтеніе набабамъ, то что уже останется Богу? Колѣнопреклоненіе есть почесть, принадлежащая Ему одному».

Рукоплесканія и крикъ Патнійцевъ заглушили слова Наруда. Когда восторгъ народный утихъ, тогда онъ началъ опять говорить:

«Отнынѣ, буде брама благоволитъ учинить какое-либо откровеніе браминамъ,

то да увѣдомятъ они о томъ напередъ меня, а я уже сообщу его моему народу».

Брамины посмотрѣли изъ подлобья на меченосцевъ и низко, низко поклонились набабу въ знакъ непринужденнаго согласія.

«Теперь дѣти мои!» продолжалъ набабъ говорить къ народу: «представлю я вамъ того, кто показалъ мнѣ коварство намѣстника моего и Саиба; кто открылъ ихъ злодѣйства и козни, и кто возвратилъ меня вамъ. Смотрите, вотъ моя и ваша благотворительница!»

Народъ и саттрисы раздались; Онида шла къ Наруду подлѣ отца своего, между рядовъ восклицающихъ Патнійцевъ. Набабъ взялъ ее за руку и, возведя на возвышеніе, съ котораго говорилъ, сказалъ:

«Вотъ показавшая мнѣ путь къ достиженію до существеннаго благоденствія Багара; она, кому я обязанъ спасительнымъ урокомъ самопознанія; словомъ, тотъ добрый духъ, который помогъ мнѣ положить начало къ устроенію вашего счастія! Народъ, чѣмъ заплатишь ты ей? чѣмъ заплачу я?»

Нѣкоторые изъ народа.

Отдай половину твоихъ сокровищъ!

Другіе.

Отдай всѣ: мы возвратимъ ихъ!

Другіе.

Отдай всѣ!

Другіе.

Награди ее, чѣмъ хочешь!

Нарудъ.

Сокровища мои вамъ принадлежатъ: отдавъ ихъ, заплатилъ бы я только вашъ долгъ, не свой; но у меня есть моя собственность—сердце.

Нѣкоторые изъ народа.

Да будетъ твоею супругою!

Другіе.

И нашею матерью!

Всѣ.

Да будетъ!

Нарудъ.

Да будетъ! На другой день (въ послѣдній разъ произношу сіе слово) совершится мое бракосочетаніе, и дѣти мои пусть придутъ участвовать въ общей радости; проклятое же слово *на другой день* да искоренится навѣки изъ языка индостанскаго!

Доколѣ царствовалъ Нарудъ, то никогда не было употребляемо слово *на другой день*, потому что всѣ просьбы доходили къ набабу или судіямъ испытанной честности и безкорыстія, и потому что всѣ просьбы рѣшались въ тотъ же день.

Долго продолжалось благоденствіе Багарянъ, долго управлялъ ими Нарудъ, но онъ умеръ: съ нимъ умерло и счастіе его народа.

Хотя изъ уваженія къ памяти Нарудовой, потомки его и гнушались виною многихъ золъ, словомъ *на другой день*, но они выпустили сперва факировъ, потомъ дозволили цѣловать каблуки у своихъ туфлей, а напослѣдокъ сняли запрещеніе и съ откровеній Брамы.

Брама, начавъ по прежнему бесѣдовать съ браминами, благоволилъ учинить нѣсколько чудесъ, между коими находилась буковая доска, приплывшая ночью вверхъ по рѣкѣ Гангу и остановившаяся прямо противъ пагода, гдѣ нѣкогда жилъ Саибъ. На доскѣ сей было начертаніе: *Завтра*. Никто не понималъ смысла сего таинственнаго слова, но Брама растолковалъ его браминамъ, которые извѣстили найровъ, что оно значитъ точь въ точь тоже, что и *на другой день*.

Первые приняли сіе слово брамины, потомъ внесено оно было съ великимъ торжествомъ въ словарь блюстителей правосудія, потомъ воспользовались имъ ростовщики, а наконецъ сдѣлалось оно столь употребительнымъ, что разнеслось по всему Багару, Индостану и востоку.

Дорого однако же стоило сіе чудо преемникамъ Наруда, ибо когда непріятели напали на предѣлы Багара, и набабъ, желая отразить ихъ, просилъ помощи у сосѣднихъ государей, то всѣ они обѣщали ему прислать ее—*завтра*.

Теперь Багаръ стенаетъ подъ ярмомъ своихъ непріятелей и, не взирая на продолжающіяся чудеса и толки браминовъ, вноситъ ежегодно въ сундукъ завоевателей изрядныя кучки золота и кучи серебра; для того что и враги ихъ, подобно Саибу, имѣютъ непреодолимое отвращеніе ко всѣмъ другимъ металламъ, которые неспособны вмѣщать въ немногомъ количествѣ многое.

И факиры, встрѣчаясь съ мимоходящими, вмѣсто прежняго привѣтствія: «обожай корову!» говорятъ: «о горе, горе намъ! когда возвратитъ Патна свою свободу?»

Завтра!...

[1]) Александръ Петровичъ Бенитцкій (1781—1809), или Бенитцки, какъ онъ самъ подписывалъ свою фамилію подъ нѣкоторыми статьями, воспитывался въ пансіонѣ профессора московскаго университета Шадена, которому и Карамзинъ былъ одолженъ начальнымъ образованіемъ. Здѣсь онъ основательно выучился языкамъ французскому и нѣмецкому: послѣдній доставилъ ему возможность познакомиться съ поэзіей Клопштока и Шиллера, и чрезъ то избѣгнуть односторонности французскаго классицизма какъ въ сужденіяхъ объ искуствѣ, такъ и въ собственныхъ сочиненіяхъ. На смерть Шиллера написалъ онъ элегію; изъ него же переведены имъ: «Мысли объ употребленіи въ искуствѣ обыкновеннаго и низкаго», повѣсть: «Преступникъ отъ безславія» и нѣсколько стихотвореній. По выходѣ изъ пансіона, Бенитцкій служилъ въ арміи съ небольшимъ четыре года, а потомъ находился при Коммиссіи составленія законовъ (въ Петербургѣ). Не смотря на свою молодость, онъ выказалъ замѣчательный литературный талантъ и славился въ свое время, какъ повѣствователь и рецензентъ. Повѣсти его (хотя онѣ вѣроятно переводныя или передѣлки иностранныхъ повѣстей) заслуживаютъ и теперь вниманіе по основной идеѣ, занимательному содержанію, живому, остроумному разсказу и чистому, пріятному языку. Начальные опыты его авторства явились въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, И. Мартынова (1804—1805) и въ Журналѣ Рос. Словесности, Н. Брусилова (1805). Въ первомъ изданіи напечатана «Комала, драматическая пѣснь Оссіана»—подражаніе нѣмецкому образцу; во второмъ помѣщены стихотворенія: «Гробница друга», «Къ Амуру», «Весна», «Развалины», «Вдова» (сказка), упомянутая элегія на кончину Шиллера, «Сентябрь» (идиллическій разговоръ) и нѣсколько басенъ. Въ 1807 г. Бенитцкій издалъ «Талію, или собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, кн. I». Въ сборникѣ участвовали Батюшковъ и Гнѣдичъ. Самому издателю принадлежатъ двѣ повѣсти: «Ибрагимъ, или великодушный», и «Бедуинъ», и «Параллели» (женщина и дама, умный и дуракъ), 13 басенъ и нѣсколько другихъ стихотвореній. Вторая книжка Таліи, обѣщанная въ томъ же 1807 г. и уже отпечатанная, по какимъ-то обстоятельствамъ не вышла въ свѣтъ. Въ 1809 г. Бенитцкій вмѣстѣ съ А. Измайловымъ издавалъ журналъ Цвѣтникъ, который ему особенно обязанъ былъ своимъ интересомъ. Второй и послѣдній годъ Цвѣтника (1810), выходившаго подъ редакціей А. Измайлова и П. Никольскаго, не представляетъ прежняго разнообразія и живости. Къ важнѣйшимъ статьямъ Бенитцкаго въ обоихъ годахъ Цвѣтника относятся: повѣсть «На другой день», «Восточныя сказанія», «Похвальное слово чижику Пипинькѣ», разборы нѣкоторыхъ книгъ, басни. Есть также его переводы изъ Виламова, Клопштока и Шиллера. Какъ въ стихотворныхъ піесахъ Бенитцкаго большею частію выражается меланхолія—слѣдствіе душевныхъ страданій, ускорившихъ его смерть, такъ въ его повѣстяхъ, басняхъ и критическихъ разборахъ много здравыхъ понятій, остроумія и сатирическихъ замѣтокъ. Кромѣ того, остались послѣ Бенитцкаго въ рукописяхъ: «Неронъ», трагедія въ стихахъ (неконченная), и нѣсколько другихъ піесъ, оригинальныхъ и переводныхъ. Краткій некрологъ Бенитцкаго см. въ ноябрской книжкѣ Цвѣтника на 1809 г.

[2]) «Цвѣтникъ, 1809 г., № 1».

IX.

В. В. ИЗМАЙЛОВЪ. (1).

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПОЛУДЕННУЮ РОССІЮ (1799). (*).

Сарепта, или Сарпинская колонія.

Торжество человѣческихъ обществъ есть, конечно, общество евангелическое, котораго братья поселились у насъ на берегахъ Сарпы.

Гуляю въ убѣжищѣ новыхъ евангелистовъ, собираю пріятныя впечатлѣнія и радуюсь на гражданскій и нравственный порядокъ колоніи, которая присвоила себѣ, съ наукою добродѣтелей, художества нашего философическаго вѣка.

Вообразите себѣ посреди дикихъ пустынь веселый городокъ, украшенный не великолѣпными, но пріятными зданіями, съ малымъ числомъ людей, живущихъ безъ излишности изобилія, но безъ недостатковъ роскоши; счастливыхъ не блескомъ просвѣщенія, но простотою нравовъ; занятыхъ не важными науками, но полезными ремеслами. Вообразите себѣ уединенное убѣжище, гдѣ укрываются добродѣтели изгнаныя въ мірѣ, гдѣ художества блестятъ на тронѣ, гдѣ семейство людей есть семейство братій: такова Сарепта!

Но воображеніе не представитъ себѣ никогда того, что глаза видятъ здѣсь. Не довольно читать самое вѣрное описаніе Сарепты: надобно видѣть ее. Колонія выстроена очень хорошо; домики въ два этажа, осѣненные цвѣтущими раинами (*), занимаютъ площадь, къ которой примыкаютъ улицы, украшенныя также рядами пріятныхъ зданій. Здѣсь домъ директорскій, не превышая другихъ кровлею, величается одною смиренностью; тамъ прикасаются къ облакамъ одни тѣ дома, гдѣ воспитывается юношество и покоится вдовство (*); далѣе, согласно съ бѣдностью жертвъ, приносимыхъ землею небу, стоитъ скромный храмъ молитвы; частныя жилища, фабрики, мастерскія улыбаются пріятно передъ глазами зрителя. Посреди площади, которая можетъ назваться средоточіемъ колоніи, вырытъ колодезь, изъ котораго вода проведена во всѣ кухни домовъ, чтобы быть всегда подъ рукою хозяина.

Подите по улицамъ, и вы встрѣтите на каждомъ шагѣ хозяйство трудолюбія и любовь къ порядку и тишинѣ. Спокойствіе въ домахъ, чистота даже на улицахъ, простота и опрятность въ одеждѣ каждаго человѣка, выраженіе сердца на всѣхъ лицахъ. Такимъ, какъ идетъ здѣсь каждый колонистъ въ темномъ фракѣ, съ кроткимъ видомъ и смѣлымъ шагомъ, надобно воображать себѣ истинно счастливаго человѣка, который, по мнѣнію Руссо, тихо наслаждается во глубинѣ своего сердца мирнымъ положеніемъ жизни. Такою, какъ видишь здѣсь каждую сестру за рукодѣльемъ, въ легкомъ корсетѣ, съ однимъ простымъ чепчикомъ на головѣ, подвязаннымъ ленточкою подъ шею, и съ ангельскимъ взглядомъ невинности, воображалъ я всегда ту женщину, съ которою хотѣлъ бы раздѣлить мое сердце, жизнь и уединеніе.

Вы можете въ нѣсколько минутъ замѣтить всѣ главныя черты ихъ гражданскаго учрежденія.

Первый изъ начальниковъ встрѣчается на улицѣ съ послѣднимъ изъ ремесленниковъ (**), и вы трогаетесь до слезъ,

(*) Peupliers.

(*) Домъ вдовій и домъ братскій—одни изъ лучшихъ, изъ огромнѣйшихъ въ колоніи.

(**) Я говорю по нашему; но нѣтъ нужды сказывать, что въ Сарептѣ всѣ ремесла равны и всѣ одинаково уважаются.

видя ихъ братскую привѣтливость, ихъ взаимныя ласки, ихъ кроткое смиреніе, которое удаляетъ всякое первенство сана.

Вы видите въ окно огонь, пылающій на очагѣ. Войдите изъ любопытства. Сарептянка въ фартукѣ бѣломъ, подобно снѣгу, съ руками столь же бѣлыми, отправляетъ кухню такъ чисто, такъ хорошо, что сама Софія, столь гордая въ семъ случаѣ, полюбила бы кухню (*). Но ктожъ стряпаетъ? нанятая женщина, кухарка, служанка? Нѣтъ: сама хозяйка дома, мать многочисленнаго семейства и не послѣдняя въ обществѣ.

Остановитесь передъ окошкомъ чистаго домика, который манитъ васъ къ себѣ. Вамъ открывается прекрасная комната; нигдѣ не видно пылинки, все чисто и свѣтло; столы краснаго дерева; по стѣнамъ шкафы, и за стеклами лежатъ.... что бы вы думали?... хлѣбы. Это калашня.

Но вотъ мельница. Мельникъ отработалъ и зоветъ васъ къ себѣ въ гости. Комната его убрана со вкусомъ; на столѣ лежатъ двѣ или три книжки; въ углу стоятъ клавикорды, и хозяинъ тотъ, который за минуту передъ тѣмъ ссыпалъ муку на мельницѣ, прикасается легкими пальцами къ тушамъ инструмента и играетъ передъ вами симфоніи. Вы удивляетесь; но спросите всѣхъ тѣхъ, которые были въ Сарептѣ.

Насталъ часъ утра: братья и сестры въ молчаніи и въ смиреніи приближаются къ дому молитвы, котораго величество состоитъ въ простотѣ и все украшеніе въ одномъ образѣ Законодателя христіанъ. Мужчины садятся внизу, женщины вверху, въ особливомъ отдѣленіи, и одинъ изъ нихъ начинаетъ читать нравоучительныя главы изъ Библіи.

Съ первымъ словомъ, съ первымъ именемъ Бога, произнесеннымъ языкомъ проповѣдника, глубокое чувство воцаряется во всѣхъ сердцахъ, тишина въ храмѣ, благоговѣніе на лицахъ. Кажется, что Божество исходитъ къ смертнымъ.

Стою во храмѣ, внимаю великимъ истинамъ, возвѣщаемымъ именемъ Бога, и самъ преклоняю колѣна. Между тѣмъ чтеніе пресѣкается; хоръ мужчинъ, вмѣстѣ съ нѣжными женскими голосами, поетъ небесные гимны, и ангельская гармонія переселяетъ, кажется, человѣка на небо.

Молитва кончится—и всѣ возвращаются въ дома свои къ рукодѣлью, работамъ и должностямъ. Надзиратель идетъ пещись объ общемъ порядкѣ, мать семейства приправлять чадолюбивою рукою обѣденное кушанье, ремесленникъ работать для удовольствія и для потребности: каждый платить долгъ свой общежитію—трудиться и покупать пропитаніе трудами рукъ своихъ.

Послѣ обѣда снова занимаются, снова работаютъ. Въ сіи часы дня весь городокъ есть одна мастерская. Пятьсотъ рукъ (*) находятся въ движеніи. Дѣятельность есть душа міра. Кажется, что Сарепта тогда еще счастливѣе и веселѣе.

Ввечеру дружеская искренность соединяетъ людей, иногда однихъ родныхъ, иногда и чужихъ. Они живутъ для тихихъ удовольствій и тѣмъ наполняютъ разговоры; тихо наслаждаются и тихо бесѣдуютъ. Вечерняя молитва, подобно утренней, при новомъ соединеніи братій и сестеръ, и встрѣча безмятежнаго сна, въ покоѣ ночи и совѣсти, заключаютъ кругъ ихъ мирнаго дня.

Такъ гернгутеры проводятъ день свой; такъ они проводятъ и всю жизнь свою. Такъ хотѣлъ бы провести хоть нѣсколько минутъ живущій на театрѣ шумнаго свѣта и незнакомый никогда съ тѣми тихими движеніями, которыя посѣщаютъ сердца сихъ людей.

(*) Руссо говоритъ въ своемъ Эмилѣ, что Софія чувствовала всегда отвращеніе заниматься кухнею.

(*) Колонія, какъ мы увидимъ послѣ, состоитъ изъ 500 членовъ.

[1]) Измайловъ, Владиміръ Васильевичъ (1773—1830), род. въ Москвѣ, гдѣ и получилъ образованіе въ родительскомъ домѣ. Онъ зналъ языки латин., франц., нѣм. и англійскій. Уроками русской словесности обязанъ Подшивалову, котораго поэтому называлъ своимъ учителемъ и въ журналѣ котораго: «Пріят. и полез. препровожденіе времени», помѣщалъ первые свои литературные опыты. Чувствуя наклонность къ умственному труду, онъ недолго оставался въ военной службѣ: изъ гвардіи прапорщиковъ вышелъ въ отставку премьеръ-маіоромъ и воротился на родину, гдѣ познакомился съ Карамзинымъ и И. Дмитріевымъ. Въ «Аонидахъ» (1796—99) напечатаны многія его стихотворенія. Чтобы свободнѣе предаться литературѣ, Измайловъ поселился въ деревнѣ своей, недалеко отъ Москвы. Подражая Карамзину, онъ въ 1799 г. отправился путешествовать по южной Россіи. Описаніе этого путешествія издано имъ особою книгой, подъ названіемъ: «Путешествіе въ полуденную Россію» (см. ниже, прим. 2). Кромѣ работы въ журналахъ, наприм. въ Вѣстн. Евр. 1803 г., гдѣ помѣщена его переводная повѣсть: «Молодой философъ» (№№ 5 и 6), Измайловъ трудился надъ переводами нѣкоторыхъ франц. сочиненій: «Аталы, Шатобріана» (1802 г.) и «Исторической и политической картины Европы XVIII в., Сегюра» (1802—1803 г. г.; 2 изд.—1807 г.). Въ 1804 г. онъ издавалъ журналъ для воспитанія: «Патріотъ» (4 ч. или 12 книжекъ), каждый нумеръ котораго дѣлится на три отдѣленія: первое назначалось для воспитателей, второе для дѣтей, третье для молодыхъ людей. Передовая статья самого издателя, № 1, излагаетъ и настоятельную потребность педагогическаго журнала, и выбранныя имъ руководства:

Никогда польза умственнаго образованія не могла быть такъ чувствительна, какъ нынѣ, когда свѣжи еще въ памяти бѣдствія полупросвѣщенія. Невѣдѣніе истинныхъ благъ было источникомъ золъ революціонныхъ. Монтескье замѣчаетъ, что обитатели новаго міра претерпѣли порабощеніе отъ того, что они не имѣли понятія о нѣкоторыхъ свойствахъ физики. Можно сказать, что Франція страдала безпримѣрнымъ образомъ отъ недостатка философіи. Сей великій примѣръ, вопреки врагамъ восьмагонадесять вѣка, оправдываетъ писателей-философовъ, которые хотѣли просвѣтить умы для великихъ должностей, прежде нежели даровать имъ великія права».

«Въ нынѣшнюю эпоху, когда ученая республика въ Европѣ раздѣлилась на разныя партіи; когда юные умы колеблются между писателями послѣдняго вѣка и нашего; когда отцы и матери имѣютъ право требовать отчета о мнѣніяхъ автора, посвящающаго перо свое нравственному образованію молодыхъ людей, мы поставляемъ себѣ за должность сказать, что будемъ слѣдовать самому безпристрастному мнѣнію: что не будемъ приставать ни къ ученикамъ энциклопедической школы, которая опровергаетъ христіанскія истины, ни къ послѣдователямъ Дюкре—Жанлисовой секты, которая не признаетъ философскихъ, но слѣдовать за знаменами тѣхъ истинныхъ мудрецовъ, которые умѣютъ чувствовать важность древнихъ учрежденій, освященныхъ вѣками, не позволяютъ себѣ ускорять хода происшествій и не похищаютъ правъ у времени».

Изъ этихъ мудрецовъ, главнымъ авторитетомъ для Измайлова служилъ Руссо, слова котораго (изъ Эмиля) выставлены эпиграфомъ къ журналу, и который, какъ сказано Измайловымъ въ послѣдствіи, «одинъ опередилъ своихъ современниковъ въ открытіи истинъ, относящихся къ тайнѣ воспитанія, первый задалъ высокую мысль творить въ гражданинѣ человѣка, способнаго ко всѣмъ состояніямъ общества, ко всѣмъ превратностямъ жизни и судьбы». Измайловъ во всѣ періоды своей жизни сохранилъ страстное почтеніе къ Руссо, котораго называлъ *своимъ любезнымъ Женевцемъ* потому, что ему былъ обязанъ «первой обработкой вкуса, слога и ума». Онъ началъ переводить «Новую Элоизу» и почти кончилъ ея первую часть. Въ «Путешествіи» онъ нерѣдко обращается къ творцу Элоизы съ восторженными восклицаніями: «О Руссо, Руссо!»

Заслуживаетъ вниманія и другая статья Измайлова: «о русскомъ старинномъ воспитаніи» (№ 4), законченная слѣдующимъ выводомъ:

«Мы пріобрѣли довольно просвѣщенія для того, чтобы не завидовать блеску другихъ народовъ, но не довольно для того, чтобы не подражать чужимъ порокамъ. Заимствовать отъ прѣдковъ все, что было хорошаго въ ихъ простотѣ, добронравіи и физическомъ воспитаніи, какъ мы заимствовали отъ европейскихъ народовъ науки, искуства и вѣжливость; принять добродѣтели другихъ вѣковъ, не отказываясь отъ преимущества нашего — вотъ чего недостаетъ намъ, какъ и другимъ народамъ, среди блеска просвѣщенія».

Не довольствуясь теоріей воспитанія, Измайловъ задумалъ приложить ее къ самому дѣлу, и съ этой цѣлью завелъ пансіонъ, который впрочемъ существовалъ недолго. Императоръ Александръ I въ уваженіе того, что Измайловъ, первый изъ природныхъ дворянъ, посвятилъ себя воспита-

нію юношества, наградилъ его за это орденомъ св. Владиміра 4-й степени (Мелочи изъ запаса моей памяти, М. Дмитріева). Кн. Шаликовъ, посѣтивъ однажды Измайлова въ его сельскомъ жилищѣ, говоритъ о немъ слѣдующее: «Онъ былъ окруженъ своими питомцами, которыхъ любитъ болѣе, нежели отцы и матери; которыхъ образуетъ какъ Руссо, какъ Песталоци; которымъ посвящаетъ жизнь свою въ такихъ лѣтахъ, когда жизнь требуетъ всѣхъ удовольствій личности.... Я находилъ удивительное сходство между симъ любимцемъ музъ и Ж. Ж. Руссо: тѣже чувства, тѣже вкусы, тотъ же образъ жизни и мыслей; подобно женевскому философу, онъ любитъ страстно ботанику, занимается ею всякій день, описываетъ цвѣты, дѣлаетъ травники, имѣетъ своего Эмиля—одного изъ питомцевъ, который неразлученъ съ нимъ и котораго учитъ столярному ремеслу.» (Аглая, 1808, ноябрь, ст.: Любимецъ Музъ). Мысль о важности воспитанія не оставляла Измайлова въ теченіе цѣлой жизни. Небрежность родителей, въ этомъ случаѣ, возбуждала въ немъ прискорбное недовольство. Статья Литературнаго Музеума (1827): «Русскій Наблюдатель въ XIX вѣкѣ», исчисливъ важнѣйшіе педагогическіе труды, такъ отзывается о современномъ состояніи русскаго воспитанія:

«Нынѣ, когда видишь отцевъ и матерей, приведенныхъ небомъ и собственнымъ ихъ сердцемъ къ священной обязанности руководить дѣтей къ цѣли, указанной просвѣщеніемъ, предполагаешь въ родителяхъ свѣдѣнія, необходимыя для сего великаго дѣла. Когда видишь, съ другой стороны, младенцевъ, сихъ подрастающихъ сыновъ Россіи, кажется, будто ихъ взоръ и улыбка говорятъ: мы оправдаемъ высокія надежды отечества! Такъ думается; но чтоже въ самомъ дѣлѣ? Дѣти, какъ и прежде, ввѣряются наемнымъ и невѣжественнымъ рукамъ, неспособнымъ трудиться для вѣковъ; у родителей нѣтъ заботы о томъ, чтобы слѣдовать за развитіемъ юныхъ умовъ, заглядывать въ книги и почерпать въ нихъ способы воспитанія, согласнѣйшіе съ новыми потребностями человѣческаго духа и съ новыми измѣненіями человѣческихъ вещей».

Въ сельской жизни, Измайловъ занимался не одной литературой, но и ботаникой. Онъ любилъ натуральную исторію и питалъ большое уваженіе къ испытателямъ природы. Путешествуя на югѣ Россіи, онъ посѣтилъ въ Николаевѣ бывшаго профессора московскаго университета Аѳонина, радуясь, что познакомился съ человѣкомъ, «который былъ нѣкогда близокъ къ безсмертному Линнею» (*), и говорилъ съ нимъ о природѣ, «которая приноситъ неистощимыя наслажденія душамъ чувствительнымъ». Въ Симферополѣ Измайловъ видѣлся съ Палласомъ и цѣлое письмо посвятилъ описанію его характера и образа его жизни. Какъ руководство къ ботаникѣ, онъ перевелъ Руссовы письма объ этой наукѣ (1810), дополнивъ его ботаническій словарь и объяснивъ системы Турнефора, Линнея и Жюсье. Особая статья въ Вѣст. Евр. 1814 г.: «Естественная Исторія въ ея нравственномъ отношеніи,» и многія статьи по той же наукѣ въ Патріотѣ показываютъ, что Измайловъ приписывалъ изученію природы сильное воспитательное дѣйствіе.

Съ 1814 г. Измайловъ снова становится журналистомъ. Онъ издавалъ въ этомъ году Вѣстникъ Европы, гдѣ явились первые опыты А. Пушкина и Дельвига. Изъ собственныхъ его статей укажемъ слѣдующія: «Сироты въ Малороссіи, или цвѣты Иванъ да Марья» (повѣсть), «Естественная наука въ ея нравственномъ отношеніи», «Религія и философія», «О жизни и сочиненіяхъ Подшивалова». Другой журналъ: «Россійскій Музеумъ» (1815 г. въ 4 ч., или 12 №№), имѣлъ хорошій успѣхъ. Стихотворный отдѣлъ его, благодаря участію В. Пушкина, А. Пушкина, Дельвига, Жуковскаго и кн. Вяземскаго, много интереснѣе отдѣла прозаическаго. Большая часть стихотвореній А. Пушкина, относящихся къ 1815 г., нап. въ Музеумѣ. Въ 1819—20 г.г. Измайловъ собралъ прозаическіе переводы свои, разсѣянные по разнымъ журналамъ, и издалъ ихъ въ 6 ч. Въ слѣдующемъ 1821 г. перевелъ онъ комедію Шамфора: «Молодая Индіанка». По ходатайству Карамзина и И. Дмитріева, уважавшихъ его за искреннюю любовь къ литературѣ, доброту и благородство характера, онъ получилъ отъ императора Александра I тысячу рублей ежегодной пенсіи и вскорѣ потомъ званіе цензора при московскомъ университетѣ. Служба и пенсія доставили ему способъ хотя нѣсколько поправить свое хозяйство, разстроенное философскою безпечностью. Въ 1827 г., послѣ долгаго молчанія, Измайловъ снова выступилъ въ литературный міръ съ альманахомъ: «Литературный Музеумъ». Здѣсь встрѣчаются тѣже имена, которыя участвовали въ «Рос. Музеумѣ»: И. Дмитріевъ, В. Пушкинъ, кн. Вяземскій, А. Пушкинъ. Самому издателю, назвавшему себя «ветераномъ словесности», принадлежатъ двѣ статьи: «Краткое обо-

(*) Аѳонинъ слушалъ зоологію и ботанику у Линнея, въ упсальскомъ университетѣ.

зрѣніе (политическое и литературное) 1826 г.» и «Русскій наблюдатель въ XIX в.» Незадолго до смерти своей онъ говорилъ одному пріятелю, что болѣзнь препятствуетъ ему докончить начатую имъ «Исторію просвѣщенія въ Европѣ» и свои «Записки», которыя, по указанію г. Геннади (Записки рус. людей, въ 4 кн. Чтеній, 1861), находятся у Б. Н. Ѳедорова. (О В. В. Измайловѣ, ст. Н. Иванчина-Писарева, въ 66 № Литературной Газеты, Дельвига, на 1830; Мелочи изъ запаса моей памяти, М. Дмитріева).

В. Измайловъ принадлежалъ къ числу литераторовъ образованныхъ, но талантъ его былъ ниже образованія: поэтому въ ряду послѣдователей Карамзина онъ занимаетъ второстепенное мѣсто, уступая не только Дашкову и Бенитцкому, но и Макарову, хотя послѣдній могъ читать однѣ французскія книги. Званіе иностранныхъ языковъ не принесло ему той пользы, какой слѣдовало бы ожидать отъ знакомства съ богатою литературой Нѣмцевъ, Англичанъ и даже Французовъ. Содержаніе его сочиненій бѣдно, въ слогѣ нѣтъ колорита и силы, которыя всегда служатъ несомнѣннымъ знакомъ дарованія. Начавъ съ подражанія Карамзину, онъ и остался при этомъ подражаніи на всю жизнь. Позднѣйшіе труды его не возвысили его литературнаго значенія; напротивъ, «Путешествіе въ Полуденную Россію» осталось лучшимъ его сочиненіемъ. Если въ 1800 году Карамзинъ сказалъ объ Измайловѣ, что онъ по русски не читалъ ничего, кромѣ «Моихъ бездѣлокъ», то и въ 1827 г., когда уже Измайловъ читалъ многое, можно было сказать о немъ, что его авторское искусство мало подвинулось впередъ. Вся его заслуга состоитъ въ послѣдованіи реформѣ Карамзина, которой онъ вмѣстѣ съ другими современными литераторами помогалъ искренно и усердно. Его читали съ удовольствіемъ, что доказывается разными изданіями нѣкоторыхъ его книгъ. Между стихотвореніями Измайлова считается лучшимъ переводъ изъ Мильвуа: «О независимости ученаго мужа» (1806). Замѣтимъ, что Измайловъ имѣлъ здравое понятіе *о литературѣ, какъ выраженіи общества*, и о ихъ взаимномъ дѣйствіи. Разбирая первое изданіе сочиненій Карамзина въ 9 № Патріота (1804), онъ связываетъ ихъ характеръ съ обстоятельствами эпохи, въ которую они явились, и въ заключеніи говоритъ: «такимъ образомъ духъ вѣка и народа имѣетъ, въ началѣ, столько же вліянія на характеръ писателя, сколько писатель, въ послѣдствіи и въ свою очередь, пріобрѣтаетъ вліянія на духъ и языкъ народа». Таже мысль высказана имъ въ «Обозрѣніи 1826 г.» (Лит. Муз., 1827): «въ литературѣ повторяется духъ общежитія; ея характеръ бываетъ всегда выраженіемъ общаго вкуса и мнѣнія».

³) «Путешествіе въ Полуденную Россію, въ письмахъ, изданныхъ Владиміромъ Измайловымъ» (Москва, 1800—1802). Первая часть—1800 г; третья и четвертая—1802 г. Вѣроятно, авторъ намѣревался при новомъ изданіи раздѣлить 1-ую книжку на двѣ, почему продолженіе писемъ, въ ней помѣщенныхъ, началъ съ 3-ей, а не со 2-ой. Это доказывается выноской LXXVIII письма, которымъ открывается *третья* часть изданія 1802 г. (стр. 3): «Смотри *первую* часть сего путешествія, письмо LXXVII». Если третья часть, по числу писемъ, непосредственно слѣдуетъ за первою, то ясно, что второй не было. «Новое изданіе, вновь обработанное авторомъ» (т. е. второе), вышло подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Путешествіе въ Полуденную Россію Владиміра Измайлова» (Москва, 1805 года, 4 части). Поэтому «Роспись Смирдина» (№ 3808) ошибочно считаетъ три изданія «Путешествія», называя *вторымъ* 3-ю и 4-ю части, которыя были только продолженіемъ и окончаніемъ 1-го изданія первой части. Новое изданіе значительно сокращено; многія письма исключены вовсе (наприм. первыя 18); нѣкоторыя иностранныя слова (параллель, канева романа) замѣнены русскими (сравненіе, основаніе романа); изліянія сентиментализма ослаблены. Не смотря на эти перемѣны, путешествіе осталось «чувствительнымъ». Впрочемъ, такова и была цѣль Измайлова. Недаромъ выбралъ онъ эпиграфъ изъ Дюпати: «Нѣкоторые путешественники привозятъ изъ чужихъ странъ статуи, медали, произведенія природы: я же возвращаюсь съ идеями и чувствами». Въ другомъ мѣстѣ онъ цитуетъ «Анахарсиса» (Бартелеми): «C'est un bien pour un voyageur d'avoir acquis un fond d'émotions douces et vives dont le souvenir se perpétue pour toute la vie». Согласно съ потребностью души своей, а равно изъ подражанія Карамзину и Дюпати (его Письмамъ объ Италіи, 1788), Измайловъ заботился не столько о знакомствѣ читателя съ предметами, которые онъ видѣлъ на пути своемъ, сколько о передачѣ ему впечатлѣній, возбужденныхъ этими предметами. Но, не имѣя дарованій своихъ образцовъ, онъ не могъ, подобно имъ, заинтересовать публику: описаніе достопримѣчательностей скудно и нехарактеристично, лиризмъ держится на приторной чувствительности

и безпричинной меланхоліи, слогъ, какъ замѣчено выше, страдаетъ отсутствіемъ силы, хотя не лишенъ пріятной легкости, начало которой положено Карамзинымъ.

X.

В. Л. ПУШКИНЪ. (1).

А. ЭПИГРАММА (1798—99). (2).

Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ!)
Послалъ двѣ оды на Парнассъ.
Онъ въ нихъ описывалъ красу природы, неба,
Цвѣтъ *розожелтый* облаковъ,
Шумъ листьевъ, вой звѣрей, ночное пѣнье совъ,
И милости просилъ у Феба.
Читая, Фебъ зѣвалъ и наконецъ спросилъ:
Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ
«И оды громкія давно ли сочиняетъ?
—Ему пятнадцать лѣтъ, Эрата отвѣчаетъ.—
«Пятнадцать только лѣтъ?»—Не болѣе того!—
«Такъ розгами его!»

В. ПОСЛАНІЕ КЪ ЖУКОВСКОМУ (1810). (3).

Licuit semperque licebit
Signatum praesente nota producere nomen.
Ut silvae foliis pronos mutantur in annos,
Prima cadunt; ita verborum vetus interit aetas,
Et, juvenum ritu florent modo nata, vigentque.
Horat. Ars poët. (4).

Скажи, любезный другъ, какая прибыль въ томъ,
Что часто я тружусь день цѣлый надъ стихомъ?
Что Кондильяка я и Дюмарсе читаю,
Что логикѣ учусь и яснымъ быть желаю?
Какая слава мнѣ за тяжкіе труды?
Лишь только всякій часъ себѣ я жду бѣды:
Стихомарателей здѣсь скопище упрямо.
Не ставлю я нигдѣ ни *сьмо*, ни *овамо*;
Я признаюсь, люблю Карамзина читать,
И въ слогѣ Дмитреву стараюсь подражать.
Кто мыслитъ правильно, кто мыслитъ благородно,
Тотъ изъясняется пріятно и свободно.
Славенскія слова таланта не даютъ
И на Парнассъ они поэта не ведутъ.
Кто русской грамотѣ, какъ должно, не учился,
Напрасно тотъ писать трагедіи пустился;
Поэма громкая, въ которой плана нѣтъ,
Не пѣснопѣніе, но сущій только бредъ (5).

Вотъ мнѣніе мое. Я въ немъ не ошибаюсь
И на Горація и Депрео ссылаюсь:
Они противъ враговъ мнѣ твердый будутъ щитъ,
Разсудокъ слѣдовать примѣрамъ ихъ велитъ.
Талантъ намъ Фебъ даетъ, а вкусъ даетъ ученье;
Что просвѣщаетъ умъ? питаетъ душу? чтенье.
Въ чемъ увѣряютъ насъ Паскаль и Боссюэтъ,
Въ Синопсисѣ того, въ Степенной книгѣ (6) нѣтъ.
Отечество люблю, языкъ я русскій знаю,
Но Тредьяковскаго съ Расиномъ не равняю,
И Пиндаръ нашихъ странъ тѣмъ слогомъ не писалъ,
Какимъ Боянъ въ свой вѣкъ героевъ воспѣвалъ.

Я правъ, и ты со мной, конечно, въ томъ согласенъ;
Не правду говорить безумцамъ—трудъ напрасенъ.
Я вижу весь соборъ безграмотныхъ Славянъ,
Которыми здѣсь вкусъ къ изящному попранъ,
Противъ меня теперь рыкающій ужасно!
Къ дружинѣ вопіетъ нашъ Балдусъ (7) велегласно:
«О братіе мои, зову на помощь васъ!
Ударимъ на него, и первый буду азъ.
Кто намъ грамматикѣ совѣтуетъ учиться,
Во тьму кромѣшную, въ геенну погрузится;
И аще смѣетъ кто Карамзина хвалить,
Нашъ долгъ, о людіе! злодѣя истребить».

Не бойся, говоришь ты мнѣ, о другъ почтенный,
Не бойся: мракъ исчезъ. Насталъ намъ вѣкъ блаженный!
Великій Петръ, потомъ Великая Жена,
Которой именемъ вселенная полна,
Намъ къ просвѣщенію, къ наукамъ путь открыли,
Вѣнчали лаврами и свѣтомъ озарили.
Виргилій и Гомеръ, Софоклъ и Еврипидъ,
Горацій, Ювеналъ, Саллустій, Ѳукидидъ
Знакомы стали намъ, и къ вѣчной славѣ Россовъ
Во хладномъ сѣверѣ родился Ломоносовъ!
На лирѣ золотой Державинъ возгремѣлъ,
Безсмертную въ стихахъ безсмертныхъ онъ воспѣлъ;
Любимецъ Аонидъ и Фебомъ вдохновенный
Представилъ Душеньку въ поэмѣ несравненной.
Во вкусѣ часъ насталъ великихъ перемѣнъ:
Явились Карамзинъ и Дмитревъ-Лафонтенъ!
Вотъ чѣмъ всѣ Русскіе должны гордиться нынѣ!
Хвала Великому! хвала Екатеринѣ!
Пусть Клитъ рецензіи тисненью предаетъ:
Безумцу вопреки, поэтъ всегда поэтъ.
И такъ, любезный другъ, я смѣло въ бой вступаю;
Въ словесности расколъ, какъ должно, осуждаю.
Аристъ душою добръ, но авторъ онъ дурной,
И намъ отъ книгъ его нѣтъ пользы никакой;
Въ страницѣ каждой онъ слогъ древній выхваляетъ
И русскимъ всѣмъ словамъ прямой источникъ знаетъ:
Что нужды? толстый томъ, гдѣ зависть лишь видна,
Не есть Лагарповъ курсъ (8), а пагуба одна.
Въ славенскомъ языкѣ и самъ я пользу вижу,
Но вкусъ я варварскій гоню и ненавижу.
Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь;
Творенье безъ идей мою волнуетъ кровь.
Словъ много затвердить не есть еще ученье;
Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье.

8. ПОСЛАНІЕ КЪ ДАШКОВУ (1811). (9).

En blâmant ses écrits, ai-je d'un style affreux
Distillé sur sa vie un venin dangereux?
Boileau, sat. IX.

Что слышу я, Дашковъ? какое ослѣпленье!
Какое лютое безумцевъ ополченье!
Кто тщатся жизнь свою наукамъ посвящать,
Раскольниковъ-Славянъ дерзаетъ уличать,
Кто пишетъ правильно и не варяжскимъ слогомъ—
Не любитъ Русскихъ тотъ и виноватъ предъ Богомъ!
Повѣрь: слова невѣждъ пустой кимвала звукъ;

Они безумствуютъ — сіяетъ свѣтъ наукъ!
Неужель отъ того моя постраждетъ вѣра,
Что я подъ часъ прочту двѣ сцены изъ Вольтера?
Я христіаниномъ, конечно, быть могу,
Хотя французскихъ книгъ въ каминѣ и не жгу.
Въ предубѣжденіяхъ нѣтъ святости нимало:
Они мертвятъ нашъ умъ и варварства начало.
Ученымъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тьмѣ ходить.
Невѣжда можетъ ли отечество любить?
Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ,
Кто хвалитъ все свое, чужое презираетъ,
Кто слезы льетъ о томъ, что мы не въ бородахъ,
И, бѣдный мыслями, печется о словахъ:
Но тотъ, кто, слѣдуя похвальному внушенью,
Чтитъ дарованія, стремится къ просвѣщенью;
Кто, согражданъ любя, желаетъ славы ихъ;
Кто чуждъ и зависти и предразсудковъ злыхъ.
Квириты храбрые полсвѣтомъ обладали,
Но общежитію ихъ Греки обучали.
Науки перешли въ Римъ гордый изъ Аѳинъ,
И славный Цицеронъ, ораторъ-гражданинъ,
Сражая Верреса, вступаясь за Мурену,
Былъ велерѣчіемъ обязанъ Демосѳену,
Виргилія училъ поэзіи Гомеръ,
Грядущимъ временамъ вѣкъ Августовъ примѣръ!

Такъ, сынъ отечества науками гордится,
Во мракѣ утопать невѣжества стыдится,
Не проповѣдуетъ расколовъ никакихъ
И въ старинѣ для насъ не видитъ дней благихъ.
Хвалу я воздаю счастливѣйшей судьбинѣ,
О мой любезный другъ, что я родился нынѣ!
Свободно я могу и мыслить и дышать,
И даже *абіе* и *аще* не писать.
Виргилій и Гомеръ бесѣдуютъ со мною;
Я съ возвышенною иду вездѣ главою;
Мой разумъ просвѣщенъ, и Сены на брегахъ
Я пѣлъ любезное отечество въ стихахъ(10).
Не улицы однѣ, не площади и домы,
Сен-Пьеръ, Делиль, Фонтанъ мнѣ были тамъ знакомы:
Они свидѣтели, что я въ землѣ чужой
Гордился Рускимъ быть и Рускій былъ прямой.
Не грубымъ Остякомъ, достойнымъ сожалѣнья —
Предсталъ предъ ними я любителемъ ученья:
Они то видѣли, что съ юныхъ дней моихъ
Познаній я искалъ не въ именахъ однихъ;
Что съ восхищеніемъ читалъ я Ѳукидида,
Тацита, Плинія — и, признаюсь, Кандида.
Но благочестію ученость не вредитъ.
За Бога, вѣру, честь мнѣ сердце говоритъ.
Родителей моихъ я помню наставленья;
Сынъ церкви долженъ быть и другомъ просвѣщенья!
Спасительный законъ ниспосланъ намъ съ небесъ,
Чтобъ быть подпорою средь счастія и слезъ.
Онъ благо и любовь. Прочь клевета и злоба!
Безбожникъ и ханжа равно порочны оба.

Въ сужденьяхъ таковыхъ не вижу я вины:
За чтожъ мы на костеръ съ тобой осуждены?
За то, что мы, любя словесность и науки,
Не вѣкъ надъ букваремъ твердили *азъ* и *буки*;
За то, что смѣемъ мы ученіе хвалить
И въ слогѣ варварскомъ ошибки находить;

За то, что мы съ тобой Лагарпа понимаемъ,
Въ расколѣ не живемъ, но по славенски знаемъ.

Что дѣлать? вотъ нашъ грѣхъ. Я каяться готовъ.
Я, напримѣръ, твержу, что скученъ Старословъ ([11]),
Что длинныя его, сухія поученья—
Морфея даръ благій для смертныхъ усыпленья;
И если вздоръ читать пришла моя чреда,
Не ужели заснуть надъ книгою бѣда?
Я каюсь, что въ рѣчахъ иныхъ ([12]) не вижу плана,
Что томовъ не пишу на древняго Бояна ([13]);
Что музъ и Феба я съ Парнаса не гоню,
Писателей дурныхъ, а не людей браню.
Нашествіе Татаръ не чтимъ мы вѣкомъ славы;
Мы правду говоримъ—и слѣдственно неправы.

Г. КЪ *. ([14]).**

Cujus autem aures veritati clausae, ut ab amico verum audire nequeant, hujus salus desperanda est. Cicero. ([15]).

Я грѣшенъ. Видно, мнѣ кибитка не Парнасъ;
Но строгъ, несправедливъ карающій вашъ гласъ,
И бѣдные стихи, плодъ шутки и дороги,
По мнѣнью моему, не стоили тревоги.
Просодіи въ нихъ нѣтъ, нѣтъ вкуса—виноватъ!
Но вы передо мной виновнѣе стократъ.
Разборъ, повѣрьте мнѣ, столь ѣдкій, не услуга:
Я слухъ вашъ оскорбилъ, вы оскорбили друга.
Вы вспомните о томъ, что первый, можетъ быть,
Осмѣлился глупцамъ я правду говорить;
Осмѣлился сказать хорошими стихами,
Что авторъ безъ идей, трудяся надъ словами,
Останется всегда невѣждой и глупцомъ;
Я злаго Гашпара убилъ однимъ стихомъ
И, гнѣва не боясь Варяговъ безпокойныхъ,
Въ восторгѣ я хвалилъ писателей достойныхъ ([16])!
Неблагодарные! о томъ забыли вы,
И нынѣ, не щадя сѣдой моей главы,
Вы издѣваетесь безчинно надо мною!
Довольно и безъ васъ я былъ гонимъ судьбою!
Въ дурныхъ стихахъ большой не вижу я вины;
Пріятели беречь пріятеля должны.
Я не обидѣлъ васъ. Въ душѣ моей незлобной,
Лишь къ пламенной любви и дружеству способной,
Не приходила мысль надъ другомъ мнѣ шутить ([17])!
Съ прискорбіемъ скажу: что прибыли любить?
Здѣсь острое словцо пріязни всей дороже,
И дружество почти на ненависть похоже.
Но Боже сохрани, чтобъ точно думалъ я,
Что въ наши времена не водятся друзья!
Нѣтъ, бурныхъ дней моихъ на пасмурномъ закатѣ,
Я истинно счастливъ, имѣя друга въ братѣ ([18]).
Сердцами сходствуемъ; онъ точно я другой:
Я горе съ нимъ дѣлю; онъ радости со мной.
Благодарю судьбу! чего желать мнѣболѣ?
Проказничать, шутить, смѣяться въ вашей волѣ.
Вы все любезны мнѣ, хоть я на васъ сердитъ;
Намъ быть въ согласіи самъ Аполлонъ велитъ.
Прямая наша цѣль есть польза, просвѣщенье,
Богатство языка и вкуса очищенье;
Но должно ли, шутя, о пользѣ разсуждать?
Глупцы не престаютъ возиться и писать,
Дурачить Талію ([19]), ругаться Мельпоменѣ ([20]),

Смѣемся мы тайкомъ—они кричатъ на сценѣ.
Нѣтъ, явною войной искоренимъ враговъ!
Я вѣрный вашъ собратъ и дѣйствовать готовъ;
Ихъ оды жалкія, забавныя ихъ драмы,
Похвальныя слова, поэмы, эпиграммы,
Конечно, не уйдутъ отъ критики моей:
Невѣждъ учить люблю и уважать друзей.

¹) Пушкинъ, Василій Львовичъ (1770—1830), родной дядя А. С. Пушкина, род. въ Москвѣ, воспитывался въ родительскомъ домѣ, служилъ гвардіи въ измайловскомъ полку. Главнымъ предметомъ его воспитанія былъ франц. языкъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ; нѣмецкій, по его собственнымъ словамъ, зналъ плохо; англійскому выучился во время путешествія своего по Англіи. Первая его стихотворная піеса: «Къ камину», нап. въ ноябрской книжкѣ С.п.бургскаго Меркурія (1793), съ подписью: «.....нъ». Издатель журнала, Клушинъ, назвалъ автора скромнымъ и просвѣщеннымъ молодымъ человѣкомъ, пишущимъ не изъ тщеславія, а изъ любви къ литературѣ, которая при Екатеринѣ II была значительно распространена въ военномъ сословіи. Нѣсколько другихъ стихотвореній, между прочимъ «Къ Хлоѣ» (Соч. В. Пушкина, изд. Смирд., 1855), помѣщено въ «Пріят. и пол. препр. времени». Вышедъ въ отставку (1797), Пушкинъ поселился въ Москвѣ и предался своимъ любимымъ занятіямъ: писалъ посланія, элегіи, басни, мадригалы, эпиграммы (въ Аонидахъ, 1796—99: «Суйда», «Къ брату и другу», «Вечеръ», «Элегія изъ Проперція», Біонова идиллія: «Ученикъ и учитель», и мн. др.; въ Вѣст. Евр. 1802 г.: «Завѣщаніе Киприды», басни: «Мудрецъ и Филинъ», «Старый левъ и звѣри», «Левъ и его любимецъ»). Въ 1803 г. отправился за границу, и путешествіе свое описывалъ въ письмахъ къ друзьямъ: одно письмо, изъ Берлина, и другое, изъ Парижа, нап. въ 14 и 20 №№ Вѣст. Евр. 1803 г. Въ Парижѣ Пушкинъ свелъ короткое знакомство съ современными литераторами: Дюси, Сикаромъ, Делилемъ, Сенъ-Пьеромъ, Легуве, Мишо и др. Чтобы познакомить ихъ съ нашею древнею поэзіею, онъ перевелъ на фр. яз. нѣсколько народныхъ русскихъ пѣсенъ и переводъ свой помѣстилъ въ журналѣ гр. Сегюра: «Archives littéraires» (*). Живучи въ Лондонѣ, занимался англійскимъ языкомъ и перевелъ нѣсколько отрывковъ изъ Томсоновой поэмы: «Четыре времени года». Сборы Пушкина за границу дали поводъ И. Дмитріеву сочинить шуточное стихотвореніе, подъ названіемъ: «Путешествіе N. N. въ Парижъ и Лондонъ, писанное за три дня до путешествія, въ 3-хъ ч.» (М. 1808). Сочиненіе это относится, вѣроятно, къ 1803 г., когда въ Вѣст. Евр. помѣщены были письма рус. путешественника (т. е. Пушкина) изъ Берлина и Парижа, но въ печати явилось черезъ пять лѣтъ, въ числѣ 50 экз. для дружескаго круга; перепечатано въ Библіографическихъ Запискахъ М. Лонгинова (Современникъ 1856, № 8). Заключая въ себѣ всего 104 стиха, Путешествіе указываетъ добродушный характеръ Пушкина и нѣкоторыя слабыя его стороны, напр. страсть къ щегольству и чтенію стиховъ:

Я самъ готовъ, когда хотите
Признаться въ слабостяхъ моихъ:
Я, напримѣръ, люблю, конечно,
Читать мои куплеты вѣчно,
Хоть слушай, хоть не слушай ихъ;
Люблю и страннымъ я нарядомъ,
Лишь былъ бы въ модѣ, щеголять;
Но словомъ, мыслью, даже взглядомъ,
Хочу ль кого я оскорблять?
Я, право, добръ! и всей душою
Готовъ обнять, любить весь свѣтъ.

По возвращеніи въ отечество, Пушкинъ писалъ для журналовъ, издававшихся его пріятелями: В. Измайловымъ (Патріотъ), кн. Шаликовымъ (Московскій Зритель, 1806, и Аглая, 1808—1812), Жуковскимъ (Вѣст. Евр., 1808 и 1809). Въ первомъ нап.: «Къ любимцамъ музъ», въ послѣднемъ: нѣсколько басенъ, подражанія Горацію—«Къ Пиррѣ и къ Лилѣ», и Парни — «Скромность». Пушкинъ принималъ живое участіе въ спорѣ защитниковъ стараго слога съ Карамзинистами, что видно изъ его посланій къ Жуковскому и Дашкову, направленныхъ противъ Шишкова (см. ниже). Въ 1811 г., какъ членъ кавалерскаго карусельнаго собранія, издалъ книжку «О каруселяхъ», встрѣченную неблагосклоннымъ отзывомъ Вѣст Европы (1812, № 16): она посвящена «благородному московскому обоего пола сословію». Война 1811 г. заставила его удалиться въ Нижній Новгородъ (*). Здѣсь онъ приготовлялъ изданіе своихъ стихотвореній, которое однакожъ вышло гораз-

(*) По другому указанію, въ Mercure de France.

(*) Піеса: «Къ жителямъ Нижняго Новгорода» (Соч., изд. Смирд., стр. 142), начинается стихами:

Примите насъ подъ свой покровъ,
Питомцы волжскихъ береговъ!

до позднѣе (1822). Изъ Нижняго Новгорода, по окончаніи военныхъ дѣйствій, въ 1815 или 1816 г. (*), переѣхалъ въ Москву, гдѣ и провелъ остальные свои годы. Къ этому періоду его жизни относятся стихотворенія, нап. въ Вѣст. Евр. 1814 г. (второе Посланіе къ Дашкову), Рос. Музеумѣ, 1815 (Посланіе къ Вяземскому, На случай шутки А. М. Пушкина, романсъ: «Не пеняй мнѣ, что съ тобою», и др.), Трудахъ Общества любителей рос. словесности, 1812—21, котораго онъ былъ членомъ (большею частію басни, элегія: «Летятъ какъ вихрь веселій годы», подражанія Горацію: «Къ Аполлону и Разговоръ Горація съ Лидіей», и сказка: «Кабудъ путешественникъ»), Литерат. Музеумѣ, 1827 (Подражаніе Бейрону; Счастливый младенецъ, элегія; Замѣчанія о людяхъ и обществѣ, проз. ст.). Кромѣ того Пушкинъ написалъ три главы стихотворной повѣсти: «Капитанъ Храбровъ», изъ которыхъ двѣ напечатаны. Принятіе его въ члены арзамасскаго общества, гдѣ ему дано было имя «Вотъ», описано М. Дмитріевымъ (Мелочи изъ запаса моей памяти); о Посланіи его къ Арзамасцамъ см. ниже. А. Пушкинъ называлъ его «Несторомъ Арзамаса, поэтомъ, воспитаннымъ въ бояхъ» (съ противниками вкуса и новаго движенія въ литературѣ). Изданія его сочиненій: первое—«Стихотворенія В. Пушкина» (Спб. 1822); второе, Смирдинское, въ одномъ томѣ съ стихотвореніями Веневитинова: «Сочиненія Пушкина, Василія Львовича» (Спб. 1855). Въ томъ и другомъ недостаетъ многихъ піесъ. Краткія извѣстія о жизни и трудахъ Пушкина см. въ Галатеѣ, 1830 г. (№ 35), и въ Дамскомъ Журналѣ, того же года (№№ 37 и 38). Статья кн. Вяземскаго о 1-мъ изд. его сочиненій въ Сынѣ Отечества, 1822.

В. Л. Пушкинъ принадлежалъ къ стихотворной школѣ, основанной Карамзинымъ и Дмитріевымъ. При несомнѣнномъ, хотя и небольшомъ, дарованіи, онъ отличался вкусомъ и любилъ признавать его главнымъ достоинствомъ своихъ сочиненій: «вкусъ варварскій гоню и ненавижу», «прямая цѣль наша — очищеніе вкуса», говоритъ онъ въ Посланіяхъ къ Жуковскому и Дашкову. Слогъ Пушкина пріятенъ, свободенъ и близокъ къ простотѣ разговорной рѣчи. Онъ обязанъ этими качествами сколько роду сочиненій (посланіямъ, сатирамъ, баснямъ, сказкамъ, эпиграммамъ), столько послѣдованію реформѣ, произведенной въ русскомъ стихосложеніи Дмитріевымъ, къ которому онъ, по характеру своего дарованія, стоялъ ближе, чѣмъ къ Карамзину. Въ піесахъ Пушкина больше остроумія, нежели сентиментализма. Не чувствуя никакой наклонности къ торжественной лирикѣ, онъ избѣгнулъ упрековъ въ риторикѣ, которая такъ часто заступала мѣсто поэтическаго выраженія чувствъ. Такъ называемая легкая поэзія: стихи на заданныя риѳмы, мадригалы, шарады—вотъ что было главнымъ предметомъ стихотворства Пушкина. Замѣтимъ, что талантъ его—какой бы онъ ни былъ—стѣснялся требованіями условной піитики. Однажды онъ освободился отъ нихъ и написалъ шутливое, прославившее его стихотвореніе: «Опасный Сосѣдъ», въ которомъ главное лице — Буяновъ, почему А. Пушкинъ и назвалъ своего дядю «замысловатымъ пѣвцомъ Буянова» (Городокъ, Соч. Пушк., изд. Анненкова, т. 2). Самъ авторъ призналъ «Опаснаго Сосѣда» лучшимъ, удачнѣйшимъ своимъ произведеніемъ. Оно отличается веселымъ, простодушно-шутливымъ тономъ; легкимъ и живымъ стихомъ, натуральнымъ изображеніемъ выбраннаго предмета. Въ немъ также затронуты славянофилы. Употребивъ слово «двоица» вмѣсто пары, Пушкинъ взываетъ къ Шишкову:

Позволь, Варяго-Россъ, угрюмый нашъ пѣвецъ,
Славянофиловъ кумъ, взять слово въ образецъ.
Досель, въ невѣжествѣ коснѣя, утопая,
Мы, *парой* двоицу по-русски называя,
Писали для того, чтобъ понимали насъ. —
Ну, къ чорту умъ и вкусъ! пишите въ добрый часъ!

«Опасный Сосѣдъ» имѣлъ три изданія: первое, литографированное, въ Мюнхенѣ (1815), второе въ Лейпцигѣ (1855), третье въ Берлинѣ (1859).

(*) «Любовь перваго возраста, сказка въ прозѣ на заданныя риѳмы» (Рос. Муз., № 9), написана въ Нижнемъ Новгородѣ 1815 г. Ея нѣтъ въ Собр. сочиненій Пушкина.

²) Подражаніе французской эпиграммѣ. (Аониды, кн. 3. 1798—99).

³) Нап. въ декабрской кн. Цвѣтника, 1810 г., гдѣ также находится вторая половина критики Дашкова (см. выше, стр. 112), и потомъ въ «Двухъ Посланіяхъ В. Пушкина» (1811), изъ коихъ первое — къ Жуковскому.

⁴) «Всегда дозволялось, всегда будетъ дозволено вводить слова, носящія на себѣ печать современной эпохи. Съ теченіемъ годовъ лѣсъ мѣняетъ свои листья: изъ нихъ сначала падаютъ тѣ, которые прежде выросли. Такъ и слова обветшалыя приходятъ въ забвеніе; на ихъ мѣсто являются новыя и цвѣтутъ во всемъ блескѣ юно-

сти». Этимъ эпиграфомъ ясно показана мысль Посланія: оно смотритъ на языкъ, какъ на существо живое, подлежащее перемѣнамъ и обновленіямъ въ организмѣ.

[5]) Вѣроятно. намекъ на поэму: «Петръ Великій» (1810), кн. Сергѣя Шихматова, любившаго многосложныя слова, въ которыхъ онъ, подобно Шишкову, видѣлъ особенное преимущество рус. языка. Цвѣтникъ (1810, декабрь) выписалъ изъ этой поэмы многія выраженія, напр.: злождадная грудь, многосластная жизнь, достомужный образъ, присолнечные холмы, звиздающія ехидны, тартара отродъ, исподнѣйшія дрожди, безпищныя скалы, разбойство, Этна чревоболя пожарами, тріобоюдное остріе, удержавить землю, водостланная равнина,солнцелучный полдень, піяный множествомъ кровей, и пр.

[6]) Синопсисъ (*т. е. обозрѣніе, очеркъ*), или краткое собраніе отъ разныхъ лѣтописцевъ, Иннокентія Гизеля, архимандрита Кіево-печерской лавры (1674). Степенная книга излагаетъ событія по «степенямъ» рода великихъ князей (полная редакція ея XVI в.).

[7]) Намекъ на Шишкова.

[8]) Тоже намекъ на Шишкова, переведшаго двѣ статьи изъ Лагарпа.

[9]) «Два Посланія». Имъ предшествуетъ слѣдующее «Предувѣдомленіе»:

«Первое изъ сихъ Посланій (къ В. А. Жуковскому) напечатано было въ 12 № Цвѣтника 1810 г. и было причиною происшествія, весьма страннаго въ нашей словесности. Всѣмъ извѣстна польза, проистекающая изъ сего рода дидактическихъ сочиненій: древніе и новые писатели употребляли оныя для исправленія пороковъ, или, переходя отъ общаго къ частному, для направленія на прямой путь къ словесности молодыхъ, неопытныхъ авторовъ. Важная и благородная цѣль сочиненій сихъ всегда была достойно уважаема: кто бы подумалъ, что въ наше просвѣщенное время будутъ презирать ихъ, подражанія онымъ называть *модными посланіями* и, что всего хуже, отвѣчать на нихъ непозволительными личностями? Въ одномъ *Присовокупленіи*, читанномъ, какъ увѣряютъ, въ Академіи (въ чемъ, однакожъ, я весьма сомнѣваюсь), г. сочинитель говоритъ слѣдующее: «Сіи судьи и стихотворцы «въ посланіяхъ своихъ взываютъ къ Виргиліямъ, Гомерамъ, Софокламъ, Еврипидамъ, «Гораціямъ, Ювеналамъ, Саллустіямъ, Өукидидамъ, затвердя одни только имена ихъ «и, что всего удивительнѣе, научась благочестію въ Кандидѣ и благонравію и знанію въ парижскихъ переулкахъ, съ поврежденнымъ сердцемъ и помраченнымъ умомъ «вопіютъ противъ невѣжества и, обращаясь «къ тѣнямъ великихъ людей, толкуютъ о «наукахъ и просвѣщеніи!» Risum teneatis, amici! И я, вмѣсто того, чтобы сердиться на такую нескладицу, хотѣлъ бы лучше самъ посмѣяться ей отъ добраго сердца; но обвиненія, относящіяся до нравственности и вѣры, слишкомъ важны. Я долженъ былъ опровергнуть оныя и, кажется, исполнилъ сіе во второмъ Посланіи—къ Д. В. Дашкову, равномѣрно навлекшему на себя учтивою критикою гнѣвъ новѣйшихъ нашихъ Славянъ».

Намъ уже извѣстно «Присовокупленіе», о которомъ говоритъ Пушкинъ (см. выше, стр. 106, прим. 16). Приведенная изъ него тирада находится въ выноскѣ къ словамъ: *бдѣніе, стыдѣніе, воздоенный и пр.* (стр. 98). Шишковъ говоритъ: «Читатель да не подумаетъ, что сіе собраніе словъ есть одно мое предположеніе: нѣтъ, мы найдемъ въ журналахъ вопіяніе противъ каждаго изъ оныхъ. Однимъ словомъ, всѣ тѣ имена, какими лучшія наши творенія и высокій языкъ священныхъ книгъ преисполненъ; все то, что въ Академическій Словарь включено; все то, чѣмъ Лагарпы и другіе ученые люди превозносятъ единосвойственные нашимъ греческій и латинскій языки (а именно: подобнымъ нашему словосочиненіемъ, таковою же удобностію къ составленію словъ и свободою извращенія ихъ въ рѣчахъ), все то, говорю, сіи судьи и стихотворцы отмещутъ, и потомъ въ посланіяхъ своихъ», и т. д.—Шишковъ перечислилъ именно тѣхъ древнихъ писателей, которые приведены въ Посланіи Пушкина къ Жуковскому (см. 143 стр.). Намекъ на парижскіе переулки относится къ пребыванію Пушкина въ Парижѣ, почему «Предувѣдомленіе» и называетъ слова выноски «непозволительными личностями».

Шишковъ назвалъ посланія «модными» родомъ стихотворства. Дѣйствительно, и во Франціи и позднѣе у насъ (съ начала XIX в.), они стали замѣнять оду, наскучившую читателямъ и потерпѣвшую сильные удары отъ «Чужаго толка» и другихъ сатиръ. «Разсужденіе объ одѣ», Даламбера, (переведено въ майской книжкѣ С. п.бургскаго Меркурія, 1793) показываетъ причины, почему посланіе болѣе отвѣтствовало духу времени и цѣлямъ поэтовъ. Главнѣйшая изъ нихъ—господство философіи, которая волею и неволею всюду вторгается: посланіе удобнѣе выражаетъ философическія мысли, допуская болѣе свободный планъ и болѣе свободные переходы изъ однихъ тоновъ въ другіе; притомъ оно скромнѣе по своей внѣшней отдѣлкѣ, не имѣя притязаній на столь пышное убранство, какое привыкли видѣть въ одѣ и ка-

кое противорѣчило вкусу публики, устремленной философами XVIII в. къ простотѣ и естественности; наконецъ, оно доступнѣе дарованіямъ всякаго размѣра, тогда какъ ода требуетъ сильнаго поэтическаго таланта. Вотъ почему стихотворное письмо сдѣлалось модною формою для нашихъ писателей, начиная съ Карамзина: они передавали въ немъ свои нравственныя и преимущественно литературныя понятія, свой взглядъ на интересы общества, свои личныя впечатлѣнія и мысли.

[10]) Во время пребыванія въ Парижѣ.

[11]) Шишковъ.

[12]) Намекъ на Разс. о краснорѣчіи Свящ. Писанія.

[13]) Разумѣется переложеніе Слова о полку Игоревомъ на современный рус. яз., сдѣланное Шишковымъ (Собр. соч., VII).

[14]) «Къ Арзамасцамъ». Поводомъ къ этому посланію служило слѣдующее обстоятельство: «Пушкинъ, ѣдучи изъ Москвы, написалъ эпиграмму на станціоннаго смотрителя и мадригалъ его женѣ. И то и другое онъ прислалъ въ арзамасское общество: и то и другое найдено плохимъ, и Пушкинъ былъ разжалованъ изъ имени *Вотъ*; ему было дано другое: *Вотрушка*! Василій Львовичъ чрезвычайно огорчился и упрекнулъ общество дружескимъ посланіемъ. По разсмотрѣніи посланія, оно было найдено хорошимъ, а нѣкоторые стихи сильными и прекрасными—и Пушкину возвращено было прежнее *Вотъ*, съ прибавленіемъ *я вась*, т. е.: *Вотъ я васъ*! (Виргиліево: Vos ego!). Пушкинъ былъ отъ этого въ такомъ восхищеніи, что ѣздилъ по Москвѣ и всѣмъ это разсказывалъ» (Мелочи).

[15]) «Чьи уши закрыты для истины и не могутъ выслушивать правды отъ друзей, тотъ—человѣкъ погибшій».

[16]) Послѣдніе восемь стиховъ — сознаніе своихъ заслугъ, нѣчто въ родѣ литературнаго себѣ памятника (подобно памятнику Горація или Державина). «Авторъ безъ идей, трудящійся надъ словами» — разумѣется тотъ, кто раздѣлялъ понятія Шишкова о языкѣ, если не самъ Шишковъ. «Варяги безпокойные»—его послѣдователи, славянофилы. «Гашпаръ» — переплетчикъ, герой комической поэмы кн. Шаховскаго: «Расхищенныя шубы». Имя этого лица дано было, въ арзамасскомъ обществѣ, самому автору, т. е. Шаховскому, на котораго Арзамасцы писали эпиграммы за его нападки на чувствительныхъ путешественниковъ въ ком. «Новый Стернъ» (1806) и на романтизмъ Жуковскаго въ ком. «Липецкія воды» (1815). Преслѣдованіе поэмы Шаховскаго было основано на томъ, что онъ въ ней отчасти выписалъ цѣликомъ, только на оборотъ, а отчасти пародировалъ стихи изъ Посланія В. Пушкина къ Жуковскому. Стихи эти вложены имъ въ уста нотаріуса Сноидея, возражающаго на предложеніе Гашпара о новомъ порядкѣ храненія шубъ во время баловъ шустеръ-клуба, и рѣчь эта произносится Снондеемъ въ собраніи старшинъ этого увеселительнаго общества. Пушкинъ отмстилъ за себя двумя стихами о «Новомъ Стернѣ» въ «Опасномъ Сосѣдѣ». Въ письмѣ къ нему (1817), Батюшковъ характеризуетъ Пушкина двумя его собственными стихами (Соч. Бат., изд. Смирд., I, 349):

Ты злаго Гашпара убилъ однимъ стихомъ
И пѣлъ на лирѣ гимнъ, Эротомъ вдохновенный.

Второй стихъ взятъ, съ небольшой перемѣной, изъ пьесы Пушкина: «Къ Делію, подражаніе Горацію» (Соч., изд. Смирд., 139):

Брядай на лирѣ гимнъ, Эротомъ вдохновенный.

(Библ. Зап., М. Лонгинова, Совр. 1856, № 6).

[17]) Характеристика права, согласная съ посторонними свидѣтельствами: «В. Л. Пушкинъ», говоритъ М. Дмитріевъ, «былъ чрезвычайно добродушенъ, не сердился за шутки, дорожилъ постоянствомъ въ дружбѣ. Добрый и любящій общественную жизнь, онъ переходилъ, такъ сказать, отъ поколѣнія къ поколѣнію: былъ пріятель съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ; потомъ съ Жуковскимъ, Батюшковымъ, Дашковымъ и ихъ современниками, которые всѣ были его моложе; потомъ сдѣлался пріятелемъ и съ нами, которые были и ихъ моложе. Кто-то примѣнилъ къ нему очень удачно названіе журнала Невзорова: «Другъ юношества и всякихъ лѣтъ» (Мелочи).

[18]) Сергѣѣ Львовичѣ, отцѣ А. Пушкина.

[19]) Вѣроятно, здѣсь разумѣются: «Новый Стернъ» и «Липецкія воды».

[20]) Не относятся ли эти слова къ трагедіямъ Висковатова и Грузинцева, которыя цѣнились славянофилами?

XI.

КНЯЗЬ ШАЛИКОВЪ. (¹).

А. ВЕЧЕРЪ. (²).

Можетъ быть думаютъ, говорятъ, что для того, кто любитъ марать бумагу, самая бездѣлица кажется *интереснымъ сюжетомъ*: это отчасти справедливо; но какъ не сказать о томъ, что сильно дѣйствовало на чувства наши? Удивляюсь такому человѣку, который чувствуетъ и молчитъ! Но я опишу пріятный вечеръ мой. По крайней мѣрѣ друзья мои прочтутъ его безъ скуки.

Вышедъ однимъ вечеромъ, около семи часовъ, на улицу, думалъ я, куда идти. Въ поле? — нѣтъ; въ какой нибудь садъ?—нѣтъ; на берегъ Москвы рѣки?—хорошо—и побрелъ (*).

Пришедъ къ кроткой рѣкѣ этой, я устремилъ тотчасъ глаза мои на изгибающіеся по ней плоты, которые всякій разъ раждаютъ во мнѣ какую-то задумчивость. Потомъ взглянулъ вдоль берега, увидѣлъ Дѣвичій монастырь, котораго стѣны подлѣ самой рѣки, и пустился къ нему. Около трехъ верстъ было до него, и когда я сѣлъ подъ его стѣною, то солнце готовилось уже оставить міръ нашъ.

Какія красоты увидѣли глаза мои!... блестящія радужными цвѣтами послѣднихъ солнечныхъ лучей волны; златопесчаный берегъ; широкій на другой сторонѣ лугъ; какія-то строенія; гордыя Воробьевыя горы, одѣтыя въ густую, темную зелень деревъ; на вершинѣ ихъ крестьянскія избы, по пологостямъ пашни, дороги, тропинки. Тамъ ѣдетъ телѣга; тутъ идетъ молодая крестьянка съ двумя ведрами за рѣчною водою; тамъ пастухъ гонитъ стадо; тутъ мчатся кареты, линеи, дрожки гулявшихъ. Наконецъ этотъ монастырь, высокія стѣны его съ своими башнями... довольно! Сердце сильно билось, не знаю отъ чего, въ груди моей; трепетало, выпрыгивало.... тихая, сладкая унылость овладѣла моею душею; задумчивость остановила мысли мои; чувства волновались и были такъ *тонки*, что всякое впечатлѣніе могло проникнуть всю глубину ихъ. Потомъ мечта за мечтою раждалась въ воображеніи моемъ. Всѣ тѣ мѣста, гдѣ бывалъ я и которыя по чему-нибудь памятны мнѣ (*); всѣ тѣ случаи, которые оставляли нѣкоторое впечатлѣніе въ сердцѣ моемъ, предстали, оживились въ растроганномъ моемъ воображеніи... «Ахъ! если бы милые сердцу моему какимъ-нибудь волшебствомъ перенеслись теперь сюда—думалъ я—и нашли бы друга своего на этомъ мѣстѣ, подъ этою стѣною, ввечеру, одного въ задумчивости!.. что бы они сказали въ удивленіи своемъ? что бы я отвѣчалъ имъ?.. Ахъ! мы обнялись бы, долго бъ безмолвствовали, сѣли бъ потомъ вмѣстѣ; я указалъ бы имъ тѣ предметы, которые возбудили мечты мои; они бъ вздохнули, я также; молчали бы, но сердца бъ наши говорили; напослѣдокъ взглянули бъ другъ на друга, слезы блистали бъ въ глазахъ нашихъ, сердца бъ затрепетали и мы бросились бы въ объятія одинъ къ другому.» Тутъ голова моя опустилась, сладкія слезы капали на грудь....

(*) Не на этотъ берегъ, гдѣ гуляютъ; совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

(*) Я не имѣлъ удовольствія — одно изъ живѣйшихъ, лучшихъ удовольствій въ жизни!—путешествовать; но я былъ въ Польшѣ, въ Молдавіи, видѣлъ нѣкоторое разнообразіе природы, нравовъ, и часто мечтаю объ нихъ.

Солнце угасло на яхонтахъ запада, и только блѣдножелтые оттѣнки мелькали въ облачкахъ. Я всталъ, окинулъ еще разъ вокругъ взоры и пошелъ тою же дорогою. На половинѣ пути моего нахожу человѣка, который, бывъ спиною ко мнѣ, кланялся въ землю. Я остановился и узналъ, что онъ молится Богу. Какое-то неизъяснимое чувство удержало меня на одномъ мѣстѣ долѣе, нежели я думалъ. Потомъ, подошедъ къ нему ближе, услышалъ я слова сіи: *чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка*. Живѣйшее благоговѣніе восхитило душу мою, и я повторилъ ихъ въ глубинѣ сердца моего. Остальнымъ путемъ моимъ занимался я важностію ихъ содержанія.

в. ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МАЛОРОССІЮ (1803). (3).

а) Сладкія воспоминанія.

«Здравствуй, любезная!» твердилъ я съ восхищеніемъ любовника, увидѣвъ *Малороссію*. Глаза мои не могли налюбоваться выбѣленными избами, опрятною одеждою обитателей ихъ, ласковымъ, милымъ взглядомъ прекрасныхъ здѣшнихъ женщинъ и проч.

Какъ пріятны сердцу нашему тѣ предметы, которые напоминаютъ намъ юность нашу! какъ любезны, сладки мыслямъ тѣ впечатлѣнія, которыя принимала душа наша при первыхъ развитіяхъ способностей своихъ! Растроганное мое воображеніе сбирало каждое обстоятельство, по чему-нибудь милое воспоминанію; каждое чувство, оставшееся въ сердцѣ; каждую идею, оставшуюся въ душѣ; сбирало, составляло — что? назвать не умѣю, но что душѣ и сердцу было пріятнѣе всего на свѣтѣ.

Милая, безцѣнная Малороссія! подъ твоимъ кроткимъ, яснымъ небомъ питалась душа моя и сердце первыми сладостями любви и дружбы; съ твоимъ благодѣтельнымъ воздухомъ вливалась въ грудь мою чувствительность и страсти, страсти, которымъ человѣкъ обязанъ всѣмъ величіемъ своимъ, безъ которыхъ нѣтъ ни счастія, ни добродѣтели; твоя прекрасная природа воспламенила воображеніе мое, научила любить природу, научила быть съ самимъ собою, научила плѣняться прелестями ума, прелестями грацій, научила счастію!

Привѣтствую тебя, любезная! и сіи слезы, ліющіяся по лицу моему, есть дань благодарнаго сердца моего твоимъ благодѣяніямъ.

б) Фортепіано.

Въ тихія, нѣжныя минуты вечера, въ уединенной комнатѣ, при блѣдномъ свѣтѣ луны, томные звуки фортепіано, производимые женщиною — въ слезахъ... ничего не знаю трогательнѣе этого! Ахъ! какія магическія чувства овладѣютъ душею и сердцемъ вашимъ! Образъ счастія и горести, надежды и отчаянія въ сліянныхъ чертахъ предстанетъ вашему воображенію. Напрасно будете стараться отдѣлить одно отъ другаго: нѣтъ возможности! Союзъ улыбки и слезы—доля человѣческая!—въ сіи минуты болѣе, нежели когда нибудь, покажется вамъ неразрывнымъ. Ежели вы любили; ежели узнали сію главную, необходимую бурю жизни: то вы еще чувствительнѣе, то вы еще болѣе находите себя въ очарованіи. О сердце! о любовь! благо ли вы, или мука? Кто можетъ сказать *да* или *нѣтъ*—сказать и не ошибиться! Гдѣ же блаженство наше? неужели *блаженство* пустое слово? Ахъ, нѣтъ! сердце и любовь... но роза *не могла* быть безъ тернія! Вздыхаю и простираю руки къ блаженству; лью слезы и объемлю его!..

Одной изъ дамъ моихъ обязанъ я сладостью теперешнихъ моихъ чувствъ и мыслей. Ея фортепіано и слезы—слезы женщины за фортепіаномъ—вообразите еще разъ! имѣли несказанную пре-

лесть для души и сердца моего. Ахъ! можетъ быть собственная душа и сердце ея въ сіи минуты были счастливѣе, нежели въ другія!

в) Чтеніе.

Въ деревнѣ, въ счастливой тишинѣ ея, всякое удовольствіе живѣе. Сидя около вечера у открытаго окна, подъ яснымъ небомъ, передъ зелеными деревами сада, читаю съ такимъ удовольствіемъ, котораго въ шумномъ городѣ заманить въ сердце почти никакъ невозможно. Свѣжесть чувствъ и мыслей моихъ подобна свѣжести ничѣмъ не зараженнаго воздуха; нѣсколько разъ повторяю одну фразу, одно слово, чтобъ не вдругъ выпить божественный нектаръ, но понемногу, но прихлебывая... охъ! сластолюбіе ума во сто разъ тонѣе всякаго сластолюбія на свѣтѣ! Это истинная роскошь Эпикурова; это истинное блаженство смертнаго! Умъ, талантъ, книги! что можетъ сравняться съ вами!.. Безъ васъ все недостаточно, все грубо, мертво; а съ вами—съ вами въ тишинѣ сельской, въ прохладѣ тѣней, подлѣ милой, которая умѣетъ цѣнить, чувствовать васъ... укажите мнѣ лучшее наслажденіе!

Однажды въ кругу любезныхъ дамъ моихъ читалъ я Вѣстника Европы, которому въ особенности жители провинцій столько обязаны пріятнѣйшимъ удовольствіемъ. Особливое вниманіе чувствительныхъ моихъ слушательницъ къ исторіи *Рыцаря нашего времени* (*) было прервано—игрою случая: въ самое то время, когда я читалъ въ ней слѣдующее: «такъ вѣрный подсолнечникъ не перестаетъ никогда обращаться къ солнцу и проч.»—подсолнечникъ лежалъ на столикѣ передъ нами; вдругъ по невольному движенію мы всѣ взглянули на него, потомъ другъ на друга, взглянули и засмѣялись. «Какъ онъ зашелъ туда?» По милости пресыщенія... милыхъ дамъ моихъ: всякій день вишни, персики, абрикосы и проч., то есть всякій день одно да одно надоѣстъ, конечно; надобно было что нибудь новое, другое—и подсолнечникъ на столикѣ. Какой притомъ былъ случай для любезныхъ непостоянницъ хвалиться счастливымъ своимъ *инстинктомъ*! Теперь подсолнечникъ не выходитъ изъ рукъ ихъ, а по возвращеніи въ столицу, безъ сомнѣнія, цвѣтокъ этотъ будетъ у нихъ и на печатяхъ; теперь—признаться ли?—и я поглядываю на него съ особливыми чувствами; думаю о Леонѣ (⁴), о сравненіи чувствительнаго сердца съ подсолнечникомъ и о своей печати, на которой, къ счастію, еще ничего не вырѣзано и которая, кажется, ожидала этой милой эмблеммы.

B. ДРУГОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МАЛОРОССІЮ (1804). (⁵).

а) Трогательная вдова.

Душа моя оцѣпенѣла при взглядѣ на одну женщину, которую я зналъ еще въ цвѣтущей юности ея, которая блистала прелестьми и славою видѣть плѣнника своего въ каждомъ молодомъ человѣкѣ и которая имѣла все право на самыя лестныя надежды, на самую счастливую судьбу. Но, ахъ! судьба и надежды такъ измѣннически часто соединяются противъ сердца нашего! Глубокій трауръ, блѣдное лицо, томные взоры сдѣлали такую перемѣну въ сей женщинѣ, что я не узналъ-было ея, хотя не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ тому, какъ видѣлся съ нею.

Она лишилась любезнаго ей супруга за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ и оплакиваетъ его всею душею. Съ первымъ словомъ, которое произнесла она ко мнѣ, слезы заструились въ прекрас-

(*) Книжка тринадцатая.

ныхъ глазахъ ея, прекрасныхъ въ самой горести. Я искалъ другихъ слѣдовъ прежней красоты ея, и почти не находилъ. Ахъ, какъ это было прискорбно сердцу моему! Но время и обстоятельства могутъ еще возвратить ей нѣкоторыя потери: она еще молода и будетъ *счастлива*, если Небо услышитъ молитву моего сердца.

Я утѣшалъ ее искреннѣйшимъ состраданіемъ и имѣлъ сладкое удовольствіе видѣть, какъ иногда облегчалась душа ея. Но лучшимъ для нея утѣшеніемъ служатъ дѣти, милыя, прелестныя малютки. И въ самомъ дѣлѣ, какое лучше можетъ быть для горестной матери?

Однажды, когда я любовался, по обыкновенію, маленькою дочерью ея, она съ чувствомъ сказала мнѣ: «Сочините на нее стихи, въ воспоминаніе о себѣ». *Весьма охотно*! отвѣчалъ я, и первая мысль, которая пришла ко мнѣ, была счастлива тѣмъ, что извлекла слезу чувствительности изъ сердца нѣжной женщены. Une larme du sentiment-quelle plus douce récompense!

Вотъ стихи:

Прекраснымъ личикомъ, улыбочкой прелестной
Лей, крошка, радости въ грудь маменьки своей;
А папенька ужъ тамъ, въ странѣ благой, небесной:
Онъ будетъ геніемъ твоимъ въ юдоли сей!

б) Сердечный вздохъ.

Je ne puis jouir sèchement de la vie; il faut que je la trempe dans mes larmes.

Наконецъ должно было оставить счастливую Полтаву, прекрасную ея натуру, любезныхъ жителей, милыхъ прелестницъ! Ахъ, чего не должно оставить рано или поздно въ нашемъ мірѣ! Восемь дней изъ вѣка моего улетѣли какъ птичка быстрая, какъ перышко легкое!

Странно сердце человѣческое! Чего оно всегда желаетъ? чтобы часы жизни шли какъ можно скорѣе. О чемъ оно всегда жалѣетъ? что скоро прошли они!

И... что же дѣлать бѣдному сердцу? Не подвязывая крыльевъ времени, надобно томиться подъ свинцовою его тягостію; подвязавъ—испытать участь Икарову. Бездна скуки ожидаетъ васъ изъ за-облакъ наслажденія! таковъ законъ природы!

Что осталось мнѣ послѣ удовольствій моихъ? *воспоминаніе*—и только! Не все ли кончится воспоминаніемъ? «Здѣсь *было* то, тамъ *было* другое, тогда *было* такъ»—вотъ общее и всегдашнее *повтореніе* романса жизни нашей!

Такъ думалъ я, прощаясь томными глазами съ незабвенною Полтавою. Синяя завѣса воздуха скрыла ее, и *сердечный вздохъ* мой сказалъ ей послѣднее *прости*!

в) Мой кабинетъ.

Москва!... и я въ кабинетѣ своемъ! Томною рукою ставлю въ уголъ странническій посохъ мой; съ чувствомъ благодарности привѣтствую пенатовъ-хранителей моихъ; жадными глазами осматриваю всѣ предметы тихаго моего убѣжища.

Покой и удовольствіе проливаютъ цѣлебный бальзамъ свой въ сердце и душу мою... Никогда душа моя и сердце не были полнѣе; никогда покой и удовольствіе не были для меня сладостнѣе; никогда кабинетъ мой не былъ мнѣ любезнѣе. Все, что ни терзало чувства мои, осталось за порогомъ его.

Геніи ума и талантовъ, украшающіе мой скромный *музеумъ*, взглянули на меня, казалось воображенію моему, съ ласковою улыбкою и поздравляли съ счастливымъ возвращеніемъ.

Прошедшее есть сонъ; настоящее—

быстрая молнія; будущее — сады Армидины. Мало по малу мысли мои стали заниматься свиданіемъ съ милыми друзьями; пріятностію бесѣды ихъ; любопытствомъ о томъ, что случалось съ другомъ ихъ въ его *странствованіи*; удовольствіемъ, которое будетъ находить сердце мое въ разсказываніи имъ о приключеніяхъ моихъ; радостію, которая будетъ сіять въ глазахъ ихъ при каждомъ обстоятельствѣ счастливомъ; искренностію, съ которою будутъ они брать участіе во всемъ. Наконецъ мысли мои ничѣмъ инымъ не могли заниматься. Сладкія мысли!

•

г. Въ день моего рожденія. (1806). (*).

Сегодня свершилось тридцать лѣтъ физическаго существованія моего и десять, по крайней мѣрѣ, моральной моей жизни!

Мечты, надежды, воздушные замки! гдѣ вы? Быстрый потокъ времени умчалъ васъ, подобно какъ Зефиръ уноситъ легкое перышко, легкую соломенку, которыя не оставляютъ и признака тамъ, гдѣ лежали!

Какъ много льстилось сердце мое достиженіемъ тридцатилѣтняго возраста! «Я буду въ состояніи исполнить священнѣйшія мои обязанности: возвращу попеченія и заботы тѣмъ, которые пеклись и заботились обо мнѣ въ дѣтствѣ моемъ; старость ихъ будетъ подобна спокойной и счастливой моей юности; рука моя усыплетъ розами западъ ихъ жизни. Нѣжная, умная подруга, которую буду имѣть, и милыя малютки распространятъ тихія удовольствія ихъ!» говорилъ я самому себѣ въ пріятныхъ, восхитительныхъ мечтахъ моихъ, и слезы радости катились по лицу моему при воображеніи этой картины.

Увы! я не могу болѣе воображать ее въ такой полнотѣ прелестей! Черныя тѣни покрыли ее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ навѣки!

Для чего я жилъ до сихъ поръ? для чего буду жить впередъ? Какая польза въ томъ, что я занимаю мѣсто въ системѣ *эфемернаго* бытія? Зачѣмъ это чувствительное сердце въ груди моей? Зачѣмъ сіи мысли въ головѣ у меня? Грущу, тоскую, лью слезы о себѣ, о ближнемъ—и болѣе ничего! Думаю о человѣчествѣ, о странной судьбѣ его, о величіи и ничтожности, о суетности и заблужденіяхъ, о счастіи и горестяхъ, о добродѣтели и порокахъ, объ успѣхахъ разума и слѣдствіяхъ страстей, разбираю, сравниваю, взвѣшиваю, вымѣриваю и.... беру посохъ свой, иду въ поле, съ тѣмъ чтобы облегчить голову и ни о чемъ не думать!

Къ чему же служатъ мнѣ моя чувствительность, мои разсужденія? Выигралъ ли я въ самомъ дѣлѣ что-нибудь стараніемъ пріобрѣсть нѣкоторыя сердечныя достоинства, украсить разумъ нѣкоторыми познаніями? Составляютъ ли что-нибудь слабыя мои дарованія, на которыхъ основываю все мое честолюбіе? Ахъ! не видалъ ли я тысячу разъ, какъ несмысленному Крезу или дерзкому пансофу (*) отдаютъ преимущество передъ скромными достоинствами? Наконецъ могу ли я ласкать себя какимъ-нибудь счастіемъ въ свѣтѣ, ежели ты, сынъ и другъ природы, нѣжный, добрый Руссо, испыталъ всю жестокость людей за небесныя свои дарованія? ежели ты, о Сократъ, слава и украшеніе рода человѣческаго! долженъ былъ прекратить поучительную жизнь свою страшнымъ ядомъ?

Ахъ! не смотря на отдаленность времени, въ которое жилъ мудрецъ Греціи; не смотря на новые успѣхи нравственнаго просвѣщенія, съ тѣхъ поръ какъ

(*) Всезнающій. «Лучшебъ было, еслибъ онъ ничего не зналъ», говоритъ Виландъ. *Изд. Москов. Зрителя.*

женевскій философъ закрылъ утомленные глаза свои навѣки,—люди такъ еще опасны для Сократовъ и Руссо! Корысть людей въ основаніи своемъ всегда одинакова; нѣкоторые только оттѣнки составляютъ все различіе.

И такъ—что прибыли въ существованіи моемъ? Дары своенравной фортуны не мой лотъ (7); дары матери-природы ничто для свѣта.... за чѣмъ же скитаюсь въ немъ? За чѣмъ взошла еще для меня Аврора? Для чего вмѣстѣ съ закатомъ вчерашняго солнца не закатилось и солнце моей жизни?

Тридцатый годъ бытія моего! ты ознаменовался печальнѣйшею эпохою для моего сердца!

Я лишился одной изъ двухъ нѣжнѣйшихъ въ свѣтѣ матерей моихъ (8)! Увы! руки мои опустили въ хладную могилу ту, которая взяла меня въ пеленахъ еще на свои руки! Я видѣлъ, какъ хладѣло то сердце, которое пылало ко мнѣ любовію; видѣлъ, какъ смыкались навѣки тѣ уста, которыя учили меня добродѣтели!

Всемогущій! ежели дѣла слабыхъ смертныхъ значатъ что-нибудь передъ величіемъ Твоимъ; ежели Ты удостоиваешь ихъ Своего вниманія: то благодѣтельница моя предпочтется, конечно, у трона Твоего многимъ изъ тѣхъ, которые разсыпаютъ щедрою рукою дары счастія, ими обладаемаго!

Тихая лира моя составляетъ нынѣ все мое утѣшеніе. Часто звуки ея бываютъ томны и унылы; часто жаркія слезы окропляютъ ее, не смотря на холодныя сатиры противъ чувствительности и меланхоліи!

¹) Князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ (1768—1852), происхожденіемъ Грузинъ, служилъ въ гусарахъ. Черезъ восемь лѣтъ службы вышелъ въ отставку, поселился въ Москвѣ и предался литературнымъ занятіямъ, къ которымъ сохранилъ искреннюю любовь въ теченіе всей своей долголѣтней жизни. Стихотвореніе: «Истинный благодѣтель» было, какъ онъ самъ выразился, «первенцомъ его таланта». Другія статьи, въ стихахъ и прозѣ, печатались въ «Пріят. и полез. препровожденіи времени» (наприм.: «Весна», «Къ слезамъ», и пр.). Карамзинъ и Дмитріевъ служили ему образцами. Уже по первымъ опытамъ Шаликова можно было видѣть, до какой крайности доведетъ онъ поклоненіе тогдашнему сентиментализму. Самыя заглавія его книгъ и статей, посвященія ихъ, эпиграфы, къ нимъ прибранные, характеристичны въ этомъ отношеніи. Восхищенный повѣстью Карамзина, онъ пишетъ: «Къ праху Бѣдной Лизы». Сборникъ піесъ, которыя онъ написалъ до 1798 г., изданъ подъ названіемъ: «Плодъ свободныхъ *чувствованій*» (3 ч., 1798—1801). Первая часть вышла съ эпиграфомъ изъ Руссо: «La franchise et *la sensibilité* sont les sources de bonheur»; вторая съ эпиграфомъ изъ Грессе: «L'esprit n'est jamais las d'écrire, lorsque *le coeur* est de moitié; третья посвящена «праху моей милой». За первымъ сборникомъ послѣдовалъ другой, какъ его продолженіе: «Цвѣты грацій» (1802), посвященный «милымъ, искреннимъ друзьямъ». Письма Рус. Путешественника и Путешествіе въ Полуденную Россію заставили Шаликова вздыхать по «одномъ изъ живѣйшихъ, лучшихъ удовольствій жизни», котораго онъ еще не испыталъ. Вскорѣ исполнилось его душевное желаніе: онъ два раза ѣздилъ въ Малороссію—сначала безъ всякой дѣловой цѣли (Путешествіе въ Малороссію, 2 ч., 1803), а потомъ для полученія наслѣдства (Другое Путешествіе въ Малороссію, 1804). Описаніе третьей поѣздки его—въ Кронштадтъ (1805) помѣщено въ Моск. Зрителѣ, который онъ издавалъ въ 1806 г. (отдѣльное изданіе поѣздки 1817 г.). Послѣ Зрителя, Шаликовъ издавалъ Аглаю (1808—1812) и Дамскій журналъ (1823—1833). Кромѣ того онъ въ теченіе 25 лѣтъ былъ редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей. При нашествіи Наполеона на Россію, онъ оставался въ Москвѣ и написалъ «Историческое извѣстіе о пребываніи въ Москвѣ Французовъ 1812 г.» (нап. 1813). Перо кн. Шаликова не знало усталости; одна книжка выходила въ слѣдъ за другою, и каждый почти годъ дарилъ онъ публику то сочиненіемъ, то какимъ-либо переводомъ. Представляемъ списокъ трудовъ его, въ хронологическомъ порядкѣ:

а) Островъ Эльба и новый Санхо-Панса (1814).

б) Мысли, характеры и портреты (1815). Безцвѣтное подражаніе франц. сочиненіямъ того же рода. (Замѣчанія о людяхъ и обществѣ, мысли и характеры В. Пушкина принадлежатъ сюда же).

в) Герцогиня де ла-Вальеръ, соч. Жанлисъ (1815—16).

г) Путевыя записки Шатобріана изъ Парижа въ Іерусалимъ (1815—16).

д) Посланія въ стихахъ (1816).

е) Исторія Генриха Великаго, соч. Жанлисъ (1816—17).

ж) Воспоминанія объ Италіи, Англіи и Америкѣ, Шатобріана (1817).

з) Новыя повѣсти графини Жанлисъ (1818).

и) Подарокъ моей дочери въ новый годъ, или занимательные вечера для молодыхъ людей, переводъ (1818).

і) Повѣсти (1819).

к) Сочиненія, 2 ч. (1819).

л) Посланіе къ графу Н. П. Румянцову (1820).

м) Лудовикъ, или сынъ человѣка съ геніемъ, пер. съ фр. (1820).

Исторія русской литературы не можетъ обойти кн. Шаликова, какъ такого писателя, въ сочиненіяхъ котораго сентиментализмъ доведенъ до комическаго преувеличенія. Достаточно прочесть одну страницу, вышедшую изъ-подъ его пера, чтобы видѣть приторность, аффектацію чувствъ, получившую у Французовъ особое названіе—sensiblerie. Иные предметы, обращавшіе на себя его вниманіе, были такъ мелки, что не стоили сердечныхъ движеній; а иные, не смотря на свою важность, возбуждали въ немъ мелкія впечатлѣнія. Отсюда бѣдность содержанія, иногда полное его отсутствіе, вялость изложенія, не одушевляемаго никакимъ порывомъ ума или чувства, и однообразная постройка. Въ любой піесѣ кн. Шаликова читатель находитъ междометія горести; съ первыхъ строкъ являются слезы, безъ видимаго къ нимъ повода; пустая мечтательность сопровождаетъ каждое описаніе и каждый разсказъ. Ни одинъ литераторъ не подвергался такимъ насмѣшкамъ отъ своихъ товарищей по ремеслу, какъ Шаликовъ: тотъ называлъ его сладенькимъ и розовымъ, другой—Эрастомъ Чертополоховымъ, третій (Кн. Вяземскій)—Вздыхаловымъ, въ особой эпиграммѣ: «Отъѣздъ Вздыхалова», направленной противъ его чувствительныхъ путешествій:

Съ собачкой, съ посошкомъ, съ лорнеткой
И съ миртовой отъ мошекъ вѣткой,
На шеѣ съ розовымъ платкомъ,
Въ карманѣ съ парой мадригаловъ
И чуть съ звенящимъ кошелькомъ,
По свѣту бѣлому Вздыхаловъ
Пустился странствовать пѣшкомъ.
«Прости, жестокая Аглая!»
Онъ говоритъ въ послѣдній разъ;
И вздохъ за вздохомъ, грудь стѣсняя,
Его перерываетъ гласъ...
«Прости, Макаровъ, Фебомъ чтимый,
И ты, о Бланкъ (*) неистощимый,
Единственный читатель мой!
Вотъ вамъ мое благословенье:
Кроплю васъ тихою слезой».—
А прочной дружбы въ увѣренье,
Кольнувъ булавкой палецъ свой,
Онъ на бумажкѣ пишетъ кровью:
«Дышу до гроба къ вамъ любовью!
«До гроба, или я не Стернъ,
«Или по крайности не Вернъ (**).»
Тутъ онъ вздохнулъ, перекрестился,
Еще вздохнулъ, еще.... и скрылся.

Другая на него эпиграмма нап. въ журналѣ А. Измайлова: «Благонамѣренный» (1823, № 11):

Дитя пастушеской натуры,
Писатель *Нуликовъ* такъ сладостно поетъ,
Что ужъ пора бъ ему назваться безъ хлопотъ
Кондитеромъ литературы.

Слѣдующіе стихи И. Дмитріева вѣрно передаютъ любовь Шаликова къ пасторальному идиллизму:

Янтарная заря, румяный неба цвѣтъ,
Тѣнь рощи, въ ночь потокъ, сверкающій въ долинѣ,
Надъ печкой соловей, три Граціи въ картинѣ,
Вотъ все его добро, и счастливъ: онъ поэтъ!

Но, замѣчая смѣшныя стороны сентиментальнаго увлеченія, необходимо отдавать справедливость похвальнымъ чертамъ той литературной школы, къ которой принадлежалъ кн. Шаликовъ и которая считаетъ его въ числѣ своихъ неизмѣнныхъ послѣдователей. Карамзинъ служилъ ему образцомъ. «Сколько я обязанъ Аглаѣ!» (***), говоритъ онъ въ письмѣ къ Н. С. П. (Москов. Зритель, кн. 3); «она образовала вкусъ мой, развила чувства души моей, открыла въ ней способность и силу изливать сіи чувства въ нѣкоторой гармоніи, съ нѣкоторымъ искуствомъ». Дѣйствительно, прозаическія сочиненія кн. Шаликова написаны чистымъ, гладкимъ языкомъ; въ постройкѣ фразъ, между которыми попадаются галлицизмы, есть своего рода благозвучіе, хотя и монотонное. Какъ литераторъ, онъ не простиралъ своихъ претензій далеко. И современники его, смѣясь, говорили, что «издатель Дамскаго Журнала посвятилъ нравственное существо свое *легкому и пріятному*»; и онъ самъ, безъ ироніи надъ самимъ собой, а серьезно, отвѣчалъ С. Глинкѣ, издававшему Русскій

(*) М. Н. Макаровъ и Бланкъ участвовали съ кн. Шаликовымъ въ изданіи Аглаи.

(**) Авторъ чувствительнаго путешествія во Францію.

(***) Альманахъ, Карамзина.

Вѣстникъ: «Такъ, я служу граціямъ, ибо надобно и имъ служить; посвящаю труды мои одной *пріятности*, ибо въ этомъ состоитъ вся моя способность» (Аглая, 1808, августъ). Его преданность литературѣ, уваженіе къ мысли и чувству могли бы служить во всякое время примѣромъ для подражанія. Наконецъ за смѣшными формами сентиментализма стоитъ очень почтенное дѣло—гуманность, подъ вліяніемъ которой писатель не позволяетъ ни себѣ оскорблять въ ближнихъ человѣческаго достоинства, ни другимъ наступать себѣ на ногу. Таковъ и былъ кн. Шаликовъ. Сентиментальность противодѣйствовала грубости нравовъ. Какъ ни забавны и ни скучны мечтанія, вздохи и слезы чувствительнаго пастушка, но все же они споснѣе похвальныхъ пѣсней татарской силѣ и безцеремонному обхожденію въ семьѣ и въ обществѣ.

[2]) «Плодъ свободныхъ чувствованій, ч. 2».

[3]) «Путешествіе въ Малороссію, изданное Кн. П. Шаликовымъ». Эпиграфъ изъ Карамзина: «Кто еще не запертъ въ клѣтку; кто можетъ, подобно птичкамъ небеснымъ, быть здѣсь и тамъ, и тамъ и здѣсь — тотъ можетъ еще наслаждаться бытіемъ своимъ, и можетъ быть счастливъ, и долженъ быть счастливъ». Посвященіе: «Любезнымъ сердцу моему — Андрскму, Бину, Тшву» (т. е. Андреевскому, Бунину, Таушеву). «Путешествіе мое», говоритъ здѣсь кн. Шаликовъ, «не напомнитъ вамъ ни Стерна, ни Дюпати, ни Карамзина, ни Измайлова — большое разстояніе!—но вы найдете въ немъ вашего друга съ пламенною любовью къ вамъ и, можетъ быть, съ нѣкоторыми замѣчательными чувствами; можетъ быть, съ вами и другіе что-нибудь найдутъ въ немъ. Сердца, образованныя для чувствительности, находятъ подъ печатью ея самую бездѣлку пріятностію и на часъ забываютъ о талантѣ». Нѣсколько словъ «отъ издателя» даютъ знать о содержаніи книги: «Въ семъ путешествіи нѣтъ ни статистическихъ, ни географическихъ описаній: одни впечатлѣнія путешественника описаны въ немъ.... не блестящею кистію—нѣтъ! но скромнымъ карандашемъ. «На чтожъ издавать его?» Отвѣтъ на это почти уже есть: «сердца, образованныя для чувствительности», и проч. (см. выше).

[4]) Имя героя въ «Рыцарѣ нашего времени», Карамзина.

[5]) «Другое путешествіе въ Малороссію, изданное Кн. П. Шаликовымъ». Издатель (т. е. самъ авторъ) объявляетъ: «Сіе путешествіе во всемъ подобно первому, съ тою разницею, что авторъ старался, сколько можно, избѣжать, въ разсужденіи слога, тѣхъ упрековъ, которые были дѣланы ему критикою Московскаго Меркурія». Эта критика перваго путешествія нап. въ 5-ой кн. Шаликовъ говоритъ о ней въ 13-ой гл. своего втораго «Путешествія». Макаровъ (редакторъ Меркурія) осуждаетъ путешественника за то, что у него нѣтъ ни статистическихъ, ни географическихъ, ни историческихъ, ни философическихъ описаній; что онъ не даетъ знать читателю о нравахъ и образѣ жизни въ томъ краю, по которому проѣхалъ; что о Малороссіи не говорится ничего положительнаго, хотя книга и названа «Путешествіемъ въ Малороссію». «Впечатлѣнія сторонняго, незнакомаго человѣка (замѣчаетъ еще Макаровъ) единственно въ такомъ случаѣ бываютъ занимательны, когда предметы, которые производятъ ихъ, достойны общаго любопытства».—Другой разборъ перваго путешествія кн. Шаликова (въ 6 № Вѣст. Евр. 1803) принадлежитъ Жуковскому: соблюдая приличіе формъ и кажущуюся похвалу, онъ выставляетъ ту безхарактерность впечатлѣній, которыя имѣютъ значеніе общихъ мѣстъ, потому что могутъ быть вызываемы любымъ предметомъ и помѣщаемы при описаніи любаго предмета. Рецензентъ говоритъ о «Лѣтнемъ вечерѣ въ Малороссіи» (гл. 33): «иной, прочитавъ эту статью, скажетъ: «поѣду въ Малороссію!» А я скажу: «не ѣздите; на Дѣвичьемъ Полѣ (въ Москвѣ) можете увидать тоже самое». Въ самомъ дѣлѣ, если «Путешествіе В. Измайлова» страдаетъ отсутствіемъ положительнаго содержанія, то въ Путешествіи кн. Шаликова совершенно стерты особенности страны и людей, съ которыми онъ знакомился. Передъ глазами чувствительнаго путешественника исчезаютъ не только образы предметовъ, но даже самыя имена ихъ: подумаешь, что города, деревни, жители, деревья, цвѣты не имѣютъ названій и обречены на безличное, мечтательное существованіе. В. Пушкинъ выбралъ для своихъ стихотвореній эпиграфъ Монтеня: «Ce sont ici mes fantaisies, par lesquelles je ne tache point à donner à connaître les choses, mais moi.» Кн. Шаликовъ могъ бы сказать о своихъ стихахъ и прозѣ тоже, только еще въ сильнѣйшей степени, ибо самыя фантазіи должны быть опредѣленны и ясны. Онъ самъ признается, въ отвѣтѣ на критику Макарова, что онъ изъ Малороссіи хотѣлъ сдѣлать Аркадію, забывая, что каждый предметъ существуетъ самъ по себѣ, и что Аркадія, если ужъ пришла фантазія замѣстить ею Малороссію, должна явиться истинною, живою Аркадіею, какою знали ее Греки, а не въ смутномъ представленіи автора, который, по волѣ своихъ мечтаній, иска-

жаетъ исторію и природу. Сентиментальное настроеніе кн. Шаликова забавно осмѣяно комедіей кн. Шаховскаго: «Новый Стернъ» (1807 г.; 2-ое изд.—1822). Кн. Пронской и Ипатъ соотвѣтствуютъ въ своемъ родѣ Донъ-Кихоту и Санчо-Пансѣ: очарованія путешественника постоянно разрушаются здравымъ смысломъ его слуги. Предлагаемъ нѣсколько сценъ изъ этой комедіи:

явленіе 1: Судбинъ (*) и Ипатъ.

Ипатъ. Какъ, сударь, это вы? Я не вѣрю глазамъ моимъ: вы за пятьсотъ верстъ отъ Москвы, вы разлучились съ старымъ вашимъ генераломъ?

Судбинъ. Сумасбродство твоего господина разлучило меня съ отцомъ его.

Ипатъ. Какъ, сударь, такъ вы гоняетесь за его сіятельствомъ?

Судбинъ. Да вотъ ужъ скоро мѣсяцъ, какъ я ѣзжу по слѣдамъ вашимъ. Привязанность моя къ старому графу Пронскому сдѣлала меня путешественникомъ по неволѣ; отецъ твоего графа хотѣлъ женить его на доброй, любезной дѣвушкѣ, дочери стариннаго нашего друга, писалъ къ нему въ Петербургъ, чтобъ онъ просился въ отпускъ; но въ отвѣтъ получилъ полдести посланія, изъ котораго мы не безъ труда поняли, что молодой человѣкъ слишкомъ нѣжно чувствуетъ для военной службы, что сердце его слишкомъ сентиментально для женитьбы безъ страсти, и что онъ слишкомъ восхищенъ новыми произведеніями ума, и для того, выйдя въ отставку, не хотя жениться и желая сдѣлать журналъ, онъ поѣхалъ путешествовать въ Россію. Мой старый генералъ ударилъ тревогу, хотѣлъ писать въ Петербургъ, просить всѣхъ о возвращеніи его сына; но я, напомня ему наши молодыя лѣта, уговорилъ его не дѣлать огласки, которая могла быть пагубна для его сына; велѣлъ заложить коляску и отправился васъ искать. Я надѣюсь, что мнѣ удастся вывести изъ заблужденія твоего барина.

Ипатъ. Врядъ ли, сударь! баринъ мой всякій день дѣлается сентиментальнѣе, трогательнѣе, интереснѣе...

Судбинъ. Изъ какой полукнижки ты взялъ эти слова?

Ипатъ. О сударь! это ли я еще знаю! Лазурно-розовое небо, предметъ умозрѣнія, цвѣты вѣчности, вліяніе бальзамическое....

Судбинъ. Довольно, довольно! И такъ скажи мнѣ, что вы дѣлаете?

Ипатъ. Мы, сударь?... смотря по погодѣ: вздыхаемъ, плачемъ, восхищаемся, умиляемся, трогаемся. Ясное солнце согрѣваетъ наши чувства; ужасный морозъ напрягаетъ нашу жизненность; быстрый ручей мелодіею своею питаетъ нашу меланхолію; тихое озеро служитъ зеркаломъ нашей сентиментальности; наконецъ ведро, вѣтеръ, дождь, горы, лѣса, луга, болота, люди, скоты, птицы, мухи, комары.... все имѣетъ вліяніе на нашу душу; словомъ, мы сентиментальные вояжеры. Но, увы! судьбѣ угодно было, чтобъ изъ трехъ насъ геній смерти похитилъ одного.... о Леди! тебя ужъ нѣтъ.... Ахъ!... вѣчность!

Судбинъ. Какъ! что это значитъ? одинъ изъ васъ умеръ? Кто этотъ Леди?

Ипатъ. Чувствительный, признательный, сентиментальный другъ человѣчества, печать вѣрности, наконецъ англійская собачка, которую третьяго дня на этой горѣ переѣхали колесомъ и которой графъ воздвигаетъ монументъ вѣчности.

Судбинъ. Такъ это-то и удержало его здѣсь?

Ипатъ. Это, но не совсѣмъ. Смерть привязанной Леди оставила пустоту въ нашихъ сердцахъ, которую мой баринъ хочетъ наполнить интересною дочерью здѣшней мельничихи.

Судбинъ. Кузьминишны, у которой я живу въ домѣ?

Ипатъ. Ею, сударь, ею. Вчера, какъ мы оплакивали нашего друга, Маланья, трогательная пастушка, гнала добренькихъ коровъ, романическихъ овечекъ, сытенькихъ свинокъ, гибкою хворостинкою, въ скромный скотный дворъ. Она пѣла: *По горамъ, по горамъ*. Голосъ ея раздавался въ душахъ нашихъ. Я сегодня до свѣта полетѣлъ, по приказанію его сіятельства, развѣдать объ этой обворожительницѣ, какъ мнѣ сказали, что какой-то баринъ меня спрашиваетъ; я пустился бѣжать, прибѣжалъ, взглянулъ и—увидѣлъ заслуженнаго, почтеннаго друга нашего стараго графа: сердце мое забилось страхомъ и надеждою.

Судбинъ. Ежели ты мнѣ поможешь завербовать въ порядочные люди твоего графа, то тебѣ нечего бояться.

Ипатъ. Вы можете на меня надѣяться, какъ на каменную стѣну; тѣмъ больше, что мнѣ хочется выдти въ отставку изъ сентиментальныхъ вояжеровъ.

явленіе 4: Графъ Пронской.

Графъ. Утро ясно, ясна душа моя! а тамъ, тамъ, за дымчатыми горами, за грустнымъ лѣсомъ, милліоны людей!... чудна, пестра природа!... Здѣсь потерялъ я друга, истиннаго, тонкаго, бережливаго! О Леди! Леди! тебя ужъ нѣтъ!... слеза дружбѣ!... Здѣсь

(*) Другъ отца Пронскаго.

встрѣтилъ я невинное существо, ангела въ образѣ интересной пастушки.... ахъ!... вздохъ любви! Ея взглядъ, здѣсь!... пламенная стрѣла Амура экскизировала ея силуетъ въ сердцѣ моемъ.... всю ночь мрачный Морфей не очернилъ зрѣнія моего; она была въ мысленныхъ очахъ моихъ! Напрасно я перелистывалъ Новую Элоизу: я вездѣ читалъ имя незнакомой дѣвушки; наконецъ скромный геній мой инспирировалъ томной музѣ моей сладостный романсъ. Заставимъ любовницу Нарциссову повторить его: гитара, другъ моей чувствительности, устрой томный голосъ мой!

РОМАНСЪ.

Вѣнцы, мечи, щиты, порфиры!
Не васъ я, бѣдные, ищу;
Герои, побѣждайте міры!
Предъ вами я не трепещу.

Натура мнѣ сама сказала,
Что долженъ жить я межъ цвѣтовъ.
Она любить мнѣ приказала,
Она — малиновка-любовь!

Змѣитесь, рѣчки! вѣтры, дуйте!
Шепчи любовь, младой Зефиръ!
Вы, нѣжны голубки, воркуйте!
Ты, соловей, плѣняй весь міръ!

Натура, я тебѣ подобенъ:
Я вольно чувствовать хочу.
Какъ скромный кроликъ, я незлобенъ
И въ слѣдъ любви вездѣ лечу.

ЯВЛЕНІЕ 5: Графъ и Ипатъ.

Графъ. Какая гармонія въ этомъ пейзажѣ! какіе оттѣнки въ натурѣ! (*увидя Ипата*). Восхищайся, простой сынъ природы, твоею матерью (*хочетъ обнять его*). Фуй! какъ отъ него пахнетъ виномъ! долго ли ты будешь обезображивать человѣчество напиткомъ безразсудности?... ты пилъ вино?

Ипатъ. Виноватъ, въ ближней корчмѣ выпилъ крючокъ.... за здоровье матери натуры и вашего сіятельства.

Графъ. Ты всякій день профанируешь себя этимъ презрѣннымъ виномъ.... а для чего?

Ипатъ. О сударь! я божусь, что никогда не пью безъ причины. Четвертаго дня я выпилъ для того, что нечего было дѣлать; третьяго дня для поправленія желудка; вчерась съ горя, а сегодня на радости.

Графъ. На радости! на какой?

Ипатъ. Ахъ, сударь, на какой? на радости душевной, сердечной, мысленной. По приказанію вашего сіятельства, я сегодня прежде солнца проснулся, побѣжалъ на мельницу и чуть чуть спустился съ этого пригорка, какъ встрѣтилъ—кого вы думаете?

Графъ. Сердце мое отгадываетъ! ты встрѣтилъ....

Ипатъ. Я встрѣтилъ.... добрую рыженькую корову, которую за крутыя рога вела....

Графъ. Она?...

Ипатъ. Нѣтъ, не совсѣмъ она, а подобіе ея, словомъ сестра ея Домна. Милая, рѣзвая, быстрая Домна! обворожительница, плѣнительница, побѣдительница вѣрнаго, усерднаго и проворнаго Ипата!

Графъ. Какъ! и ты трогаешься, влюбляешься....

Ипатъ. А натура!... Только что глаза мои завидѣли корову и Домну, сердце мое забилось и ноги мои понесли меня къ ней.— Здравствуй, красная дѣвица!—Здорово, добрый молодецъ!—Не знаешь ли, моя кралечка, чья это мельница?—Какъ не знать, это моего батюшки, Сидора Архипыча.— Какъ! она Архипыча? поцѣлуй меня за добрую вѣсть.—Да развѣ ты его знаешь?— Нѣтъ, но я сердечно привязанъ ко всѣмъ Сидорамъ и безъ памяти люблю всѣхъ Архипычей; скажи мнѣ, не сестрица ли твоя вчера гнала милую скотинку?—Какой отгадчикъ! вѣстимо, сестра моя Маланья...

Графъ. Что я слышу! ее зовутъ Меланія?

Ипатъ. Маланья, сударь.

Графъ. Какая грубость! какое невѣжество! можно ль такъ портить самыя интересныя имена? Это только терпимо у насъ!.. Мармонтель, Лагарпъ, Детушъ,— вашъ прахъ долженъ потрястись, услышавъ это варварское названіе, которое здѣсь даютъ вашимъ Меланіямъ!.. Послушай, ежели ты еще осмѣлишься огрубить слухъ мой, то я, для чести литературы и сентиментальности, дамъ тебѣ почувствовать силу руки моей.

Ипатъ. Я готовъ ее перекрестить, какъ вамъ угодно—только....

Графъ. Продолжай!

Ипатъ. Сестра ея сказала, что интересная.... имрекъ... выходитъ замужъ.

Графъ. Какъ! кто этотъ счастливый смертный?

Ипатъ. Сынъ кузнеца Антипа—Фока, блаженнѣйшій изъ Фокъ!

Графъ. Сынъ кузнецовъ! Фока!... Но милая Меланія должна все плѣнить, что только имѣетъ сердце.

Ипатъ. О! у Фоки самое пылкое сердце; онъ чуть чуть не доказалъ мнѣ его горячность.

Графъ. Говорилъ ли ты ей?... сказалъ ли ты ея сестрѣ, что я....

Ипатъ. Какъ вы прикажете, чтобъ я

говорилъ объ васъ? вы мнѣ запретили называть васъ графомъ Пронскимъ, и вотъ ужъ четыре мѣсяца, какъ выбираете другое имя.

Графъ. Это правда, что я до сей поры не могу выбрать имени, приличнаго для сентиментальнаго вояжера.

Ипатъ. Да что васъ заставляетъ перекрещиваться?

Графъ. Все, — желаніе укрыться отъ гонящихся, можетъ быть, за мною и обычай, консакрированный Стерномъ, который путешествовалъ подъ именемъ Іорика.

Ипатъ. Іорика? прекрасное имя! да что оно значитъ на ихъ языкѣ?

Графъ. Ничего. Это имя шута англійскаго короля.

Ипатъ. Шута царскаго? славно!.. благодарите мой умъ, онъ нашелъ вамъ названіе.

Графъ. Какое?

Ипатъ. Ежели этотъ Іорикъ былъ шутъ англійскаго короля, такъ Балакиревъ былъ шутъ русскаго царя; и такъ что вамъ мѣшаетъ назваться Балакиревымъ?

Графъ. Балакеръ? нѣтъ, это дурно въ ухо звенитъ! Балакеръ... что я слышу? голосъ интересной Мелани.

явленіе 6: Тѣже и Маланья (*идя съ горы съ ведрами, поетъ*).

Графъ. Какая восхитительная невинность! ноги мои мнѣ себя отказываютъ; я не смѣю подойти къ этому ангелу, сошедшему на нашъ міръ съ эѳирной высоты.

Ипатъ. Я за васъ подойду.—Добрый путь, красавица!—Красавица! постой, я тебѣ говорю.

Маланья. Мнѣ? а я думала, ни вѣсть кому.

Графъ. Онъ назвалъ тебя красавицею: это твое имя.

Маланья. И! баринъ, балагуришь, меня зовутъ Маланьей.

Графъ. Скромная фіялка! интересная Меланія! сентиментальный ангелъ мой!

Маланья. Баринъ, я не умѣю по нѣмецкому. (*Ипату*) Развѣ онъ не Русскій?

Ипатъ. И такъ и сякъ, по середнему.

Графъ. Выслушай меня, трогательная пастушка!

Маланья. Что ты, баринъ, я не сиротинка, чтобъ мнѣ быть пастушкою; у меня есть мать.

Ипатъ. И отецъ.

Маланья. Какъ?... да бишь.... у меня есть и отецъ.

Графъ. Долженъ ли я вѣрить молвѣ, раздирающей мое сердце? Слышалъ я, что ты выходишь замужъ?

Маланья. Вѣстимо, за Фоку кузнеченка.

Графъ. И твое сердце ему отдано?

Маланья. Ты шутишь, баринъ.

Графъ. Какъ! узелъ симпатіи не связуетъ васъ? ты свободна? Неужели и здѣсь тиранство корыстолюбивыхъ родителей жжетъ блѣдныя щеки дѣтей ихъ пламенными слезами? Какъ, ты только повинуешься волѣ родительской?

Маланья. Когожъ намъ и слушаться, коль не матушки?

Графъ (*Ипату*). Какіе патріаршіе нравы!

Ипатъ. Нравы патріаршіе!

Графъ. И такъ, ежели одно дѣтское подобострастіе дѣлаетъ тебя женою, я берусь освободить тебя.

Маланья. Я и такъ свободна!

Графъ. Ангелъ! ты свободна!... Ипатъ! восхищаешься ли ты этою непринужденною дочерью природы?

Ипатъ. Я плачу!

Графъ. Скромная невинность!

Ипатъ. Невинная скромность!

Графъ (*Маланьѣ*). Кудажъ ты идешь?

Маланья. Мнѣ не годится подслушивать, что другіе говорятъ.

Графъ. Какіе пренсипы! краснѣйте всѣ модныя красавицы предъ этой крестьянкой.

Ипатъ. Краснѣйте, всѣ горничныя дѣвушки, всѣ барскія барыни, ежели вы можете краснѣть!

Маланья. И вправь никакъ, что мнѣ сказывалъ Фока, онъ какъ будто не въ себѣ.... Какъ онъ коверкается, какъ глядитъ на меня! ахти! я начинаю побаиваться! что это наши нейдутъ!

Графъ. Еще разъ прошу тебя, открой мнѣ всѣ изгибы твоего сердца; скажи мнѣ одно слово; взгляни на меня, красавица! агнесса! фіялка!

Маланья. Знать, на него нашло.

Графъ. Какая интересная застѣнчивость! Она, какъ желтобокій чижикъ, порхаетъ отъ сѣти птицелова! (*Онъ подходитъ къ Маланьѣ, она отъ него пятится, и они дѣлаютъ кругъ театра*).

Графъ. Невинность, не страшись меня, я не извергъ.

Ипатъ. Право, Маланьюшка, мы не опасны; любовь сентиментальная чиста, какъ голубь.

Графъ (*хватая ее за руку*). Выслушай! выслушай меня, я умѣю почитать стыдливость.

Маланья. Ай! ай! ай! что ты, баринъ! ай! ай!

Друзья Карамзина, положившаго основаніе сентиментализму въ литературѣ, и кн. Шаликовъ, котораго особенно имѣла въ виду комедія, отомстили ея автору нѣсколькими эпиграммами. Самое удачное мщеніе Шаховскому нанесено классическимъ стихомъ В. Пушкина (въ Опасномъ Сосѣдѣ):

Прямой талантъ вездѣ защитниковъ найдетъ.

Издатель Аглаи, въ ст. «О Стернахъ, или

путешествіяхъ сентиментальныхъ» (1808, январь), замѣчаетъ: «Было время, когда всякій хотѣлъ сентиментальнаго; наступило другое—и всякій старается написать эпиграмму противъ сентиментальности. Въ комедіи: «Не все то золото, что блеститъ» (Ѳедора Иванова, 1808), ростовщикъ приноситъ къ моту, нуждающемуся въ деньгахъ, списокъ негоднымъ вещамъ, въ числѣ которыхъ стоитъ сентиментальное путешествіе... Стерны въ книгахъ сносвѣе, чѣмъ Стерны на сценѣ».—Полемика по поводу «Новаго Стерна» любопытна тѣмъ, что противники его стояли за сентиментализмъ во имя гуманныхъ стремленій. Письмо къ издателю Журнала Рос. Словесности, Брусилову (1805, № 7), касается трехъ пунктовъ комедіи Шаховскаго: а) оно доказываетъ, что не одной службой можно приносить пользу отечеству (NB. Князь Пронской не служилъ); б) не видитъ ничего смѣшнаго въ печали о собачкѣ Леди: если человѣку доступно все человѣческое, то ему не должно быть чуждо и все сотворенное, такъ какъ онъ самъ есть твореніе; в) не понимаетъ, почему предосудительно дворянину жениться на бѣдной, но доброй крестьянкѣ (NB. Кн. Пронской хотѣлъ жениться на Маланьѣ): «кто унижаетъ права человѣчества, тотъ перваго унижаетъ себя; благодѣтельная природа равно смотритъ какъ на вельможу, такъ и на дворянина». Прибавимъ сюда: «Письмо сельскаго дворянина къ издателю Моск. Зрителя»(1806, апрѣль) и «Размышленіе объ этомъ письмѣ» (іюнь). «Съ нѣкотораго времени», говоритъ авторъ Письма, «у дворянъ губерніи нашей произошла чудная перемѣна въ мысляхъ и правилахъ! Многіе молодые люди и пожилые вдовцы женятся на бывшихъ своихъ челядинкахъ и наемницахъ. Одинъ вводитъ крестьянку въ сообщество благовоспитанныхъ сестеръ своихъ; другой заставляетъ дѣтей цѣловать руки у рабыни покойной ихъ матери. Для чего же (таковъ выводъ статьи) буду я воспитывать дочь мою?»—«Письмо сельскаго дворянина» взволновало чувства автора «Размышленія» и заставило его «скорбѣть за человѣчество». «Въ началѣ 19-го столѣтія (таковъ приступъ Размышленія), въ странѣ, отличающейся успѣхами въ наукахъ и искуствахъ, въ государствѣ, славящемся просвѣщеніемъ своимъ—въ Россіи явился ревностный защитникъ добронравія, вопіющій противу ослѣпленія благовоспитанныхъ людей, возлагающихъ на себя цѣпи Гименея съ невоспитанными женщинами. Если бы сей поборникъ нравовъ явилъ себя чуждымъ всякаго пристрастія и, не взирая на знатность особъ, устремилъ бы вниманіе свое лишь на образованіе ума и сердца ихъ—тогда трудъ его былъ бы полезенъ! Но нѣтъ: онъ изливаетъ обильный токъ строгости единственно противу женщинъ, не гордящихся множествомъ предковъ; онъ оскорбляется вещію, которую самъ оправдываетъ, ибо утверждаетъ, что жалобу свою (*на браки дворянъ съ крестьянками*) не можетъ принести ни въ какомъ присутственномъ мѣстѣ. Но говорить, что на такую-то вещь нельзя жаловаться, не значитъ ли признавать, что она законами покровительствуема? А мудрые законы покровительствовать могутъ только справедливости.... Дворянка, упоенная предразсудками вмѣсто истиннаго просвѣщенія, не можетъ дать хорошаго воспитанія дѣтямъ своимъ, не можетъ подать имъ наставленія о нравственности, также какъ и крестьянка, находящаяся въ сущемъ невѣжествѣ.... Нѣжный родитель! если воспитаешь дочь свою, какъ слѣдуетъ, то увѣряю тебя, что крестьянка не отниметъ у ней жениха».

[6]) Московъ. Зритель.

[7]) Жребій.

[8]) Одной изъ тетокъ, которыя приняли на себя воспитаніе автора, когда онъ лишился матери.

XII.

КНЯЗЬ ШИХМАТОВЪ. ([1]).

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, ЛИРИЧЕСКОЕ ПѢСНОПѢНІЕ (1810). ([2]).

Хотя пріятства не лишенны
Пустынны, злачныя поля,
Обильной влагой орошенны,
Которыхъ черная земля
Природой угобженна щедро:
Но, безъ труда искусныхъ рукъ,
Безплоденъ ихъ пребудетъ тукъ,
Богатствъ не израститъ ихъ нѣдро;
И путникъ, съ высоты горы
Измѣривъ ихъ усталымъ окомъ,

Жалѣетъ, что во снѣ глубокомъ
Лежатъ благихъ небесъ дары.

Но къ нимъ едва свой умъ небесный
И силу крѣпкихъ мышцъ своихъ
Приложитъ царь земли словесный,
Уже лице равнинъ нагихъ
Цвѣтетъ красою разновидной;
Живится жизнью вещество;
И обновленно естество,
Хвалой немолчной, непостыдной,
Препрославляетъ смертныхъ родъ.
На мѣстѣ тернія, крапивы,
Волнуются златыя нивы,
Сторичный обѣщая плодъ.

Растутъ дубравы насажденны,
Холмовъ присолнечныхъ вѣнцы;
Густою тѣнью услажденны,
Поютъ воздушные пѣвцы;
И гласы пѣсней ихъ созвучныхъ,
Угодныхъ самой тишинѣ,
Віются къ выспренней странѣ.
На пажитяхъ зеленыхъ, тучныхъ
Стада доилицъ (3) общихъ—кравъ,
Воловъ—оратаелей прилежныхъ,
Овецъ рунистыхъ, бѣлоснѣжныхъ,
Пасутся сочностію травъ.

Катясь съ высотъ въ долины злачны,
Лобзая пестрые луга,
Звенятъ источники прозрачны;
Извивъ зміями берега,
Теряются въ своемъ Дедалѣ.
Озера, зыблясь межъ древесъ,
Сугубятъ красоту небесъ
Въ кристальномъ чистыхъ струй зерцалѣ.
По сводамъ тѣнистыхъ пещеръ,
Убѣжищъ лѣтнія прохлады,
Кипятъ сребристы водопады,
И бѣгъ ихъ твердость камней стеръ.

Утѣха взору и гортани,
Висятъ червленные плоды,
Пріятныя приносятъ дани
За легкіе о нихъ труды.
Летаютъ гроздіями пчелы,
Влеченію природы въ слѣдъ,
Сосутъ изъ травъ душистыхъ медъ
И множатъ наши дни веселы.
Вдыхаютъ рѣзвы вѣтерки
Въ сердца людей весенню радость,
На воздухъ разсыпаютъ сладость,
Окравъ (4) душистые шипки.

Заря, возставъ съ одра востока,
На землю одождивъ жемчугъ,
Срѣтаетъ, чуждое порока,
Блаженство сельское вокругъ:
Предъ симъ сокровища—уметы (5);
Презрѣнна—роскошь, золъ дитя;
И солнце, съ запада златя
Вечернихъ облаковъ ометы (6),
Зритъ долу счастіе и миръ;
И странники, какъ быстры рѣки,
Преодолѣвъ пути далеки,
Текутъ на сей природы пиръ.

Подобно древняя Россія,
До творческихъ Петровыхъ дней,—
Хотя ключи богатствъ златые
Таились сокровенно въ ней,
И даже до послѣднихъ свѣта
Гремѣлъ ея оружій звукъ,—
Не согрѣваясь отъ наукъ,
Неплодна зрѣлась многи лѣта:
Но Петръ, исполненъ доблихъ чувствъ,
Подвигнулъ исполински силы
И претворилъ страны унылы
Въ прекрасный вертоградъ искуствъ.

Одинъ собою недовольной,
Разсыпавъ суевѣрій мракъ,
Нисходитъ съ высоты престольной,
Пріемлетъ страннический зракъ;
И, скипетръ отложивъ державный,
Скрывая санъ свой простотой,
Плѣненный мудростью святой,
Обходитъ царства, путникъ славный;
Да въ Россахъ ей созиждетъ храмъ,
Спѣшитъ достичь ея исходовъ,
Пролить въ Россію свѣтъ народовъ,
Слѣдъ новый проложивъ царямъ.

Его величіе и слава
Предъ нимъ уготовляютъ путь;
И злость завистниковъ лукава
Напрасно мнитъ ему запнуть:
Орелъ превыше запинаній.
Не пышность спутница ему:
Любовь къ народу своему
И духъ геройскій, жаждущъ знаній.
Премудрыхъ мирная молва
Звучнѣе громкія побѣды;
И Петръ взыскуетъ ихъ бесѣды,
Слагаетъ въ сердцѣ ихъ слова.

Щитомъ спокойства неозлобныхъ
Покрывъ наслѣдія свои,
Лицемъ своимъ богоподобнымъ
Счастливитъ чуждые края;
Зритъ духомъ древніе народы,
Красу и прелесть тишины,
Слѣды и ужасы войны,
И царствъ упады и восходы;
Пронзаетъ остротой ума
Составы всѣхъ державъ обильныхъ.
Ему дивятся лица сильныхъ
И зависть ѣдкая сама (7).

¹) Князь Шихматовъ, Сергѣй Александровичъ, въ монашествѣ Аникита (1783—1837), обучался въ морскомъ корпусѣ и поступилъ на службу мичманомъ. Во время морскихъ плаваній, познакомился съ А. С. Шишковымъ, который потомъ нашелъ въ немъ вѣрнаго послѣдователя своихъ мнѣній и оказывалъ ему покровительство. Зная франц., нѣм., англ., лат. и греч. языки, основательно изучивъ языкъ славянскій, прочитавъ многихъ древнихъ и новыхъ писателей, Шихматовъ самъ принялся за поэзію; но труды его показываютъ отсутствіе творческаго таланта. Убѣжденный въ справедливости ученія Шишкова, онъ наполнялъ свою рѣчь церковнославянскими и древне-русскими словами и думалъ тѣмъ сообщить ей красоту и величіе. За поэму: «Петръ Великій», Россійская Академія выбрала его (1809) въ свои члены. Императоръ Александръ I опредѣлилъ ему (1812 г.) пенсію въ 1500 руб., за то, какъ сказано въ указѣ, что онъ «трудами и прилежаніемъ усовершенствовавъ природныя дарованія къ стихотворству, обратилъ оныя въ сочиненіяхъ своихъ на пользу словесности и благонравія». Глубокое религіозное настроеніе заставило Шихматова удалиться изъ міра въ иночество: онъ оставилъ Петербургъ (1827), обратилъ крестьянъ своихъ въ свободные хлѣбопашцы и въ Юрьевѣ монастырѣ, недалеко отъ Новгорода, послѣ трехлѣтняго искуса, принялъ постриженіе (1830). Здѣсь онъ проводилъ строгую монашескую жизнь въ особо устроенномъ скитѣ, недалеко отъ обители. Въ 1834 г. странствовалъ къ извѣстнѣйшимъ русскимъ монастырямъ, а въ 1836 г. отправился на востокъ: жилъ нѣкоторое время на Аѳонѣ и посѣтилъ Іерусалимъ. Въ 1837 г. назначенъ въ преемники архимандриту Иринарху при русскомъ посольствѣ въ Аѳинахъ, гдѣ и умеръ («О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты, въ мірѣ князя Сергія Александровича Шихматова. Читано въ Рос. Академіи 29 октября 1838 г.» Нап. того же года. См. также Одесскій Вѣстникъ, 1837, № 65).

Сочиненія и переводы Шихматова: а) Опытъ о критикѣ, въ 3 пѣсняхъ, Попа, съ англ. (1806); б) Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, или спасенная Россія, въ 3 пѣс. (1807); в) Сатира, подражаніе 8-ой сатирѣ Боало (1807); Пѣснь россійскому слову (1809); г) Петръ Великій, лирическое пѣснопѣніе, въ 8 пѣс. (1810); д) Возвращеніе въ отечество любезнаго моего брата, кн. П. А. (Платона Александровича) изъ пятилѣтняго морскаго похода (1810); е) Ночь на гробахъ, подражаніе Юнгу (1812); ж) Пѣснь Россу (1812); з) Ночь на размышленія (1814); и) Усердный зовъ (стихотвореніе А. С. Шишкову, 1815); і) Пѣснь сотворившему вся (1817); к) Іисусъ въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтахъ (1824). Не напечатаны: «Зерцало царскихъ должностей» и «Псалтирь десятострунный» (переложеніе 10 псалмовъ).

²) «Петръ Великій, лирическое пѣснопѣніе, въ 8 пѣсняхъ (Спб. 1810)». Оно дало поводъ Батюшкову написать извѣстную эпиграмму:

Какое хочешь имя дай,
Твоей поэмѣ полудикой:
Петръ длинный, Петръ большой, но только Петръ Великій
Ея не называй.

Отрывокъ изъ этой поэмы приведенъ для показанія, какимъ образомъ послѣдователи Шишкова (не отличавшіеся талантами) хотѣли оправдать на дѣлѣ его теорію. Упомянемъ кстати, что, за семь лѣтъ до стихотворенія Шихматова, Петръ Великій былъ воспѣтъ Романомъ Сладковскимъ. Современная критика потѣшалась надъ его дѣйствительно чудовищной поэмой (1803) и выписывала изъ нея стихи

дикіе по смыслу и нестерпимые для слуха, напр.: «Гласъ изліялъ надежду въ сердце горъ»; «слезъ токъ течи изсякъ»; «не бѣгай праздностей особою своею»; Лондонъ — «возможной на земли центръ мудрости почтенной»; «чрезъ Ворсклу при преправѣ»; «піютъ сокъ съ нѣжныхъ розъ, съ піонъ, взоръ веселящихъ». Неудачное прославленіе Петра Великаго Шихматовымъ, Сладковскимъ и Грузинцевымъ (Петріада, въ 10 пѣс., 1812) осмѣяно было эпиграммой.

Какъ страненъ здѣсь судьбы уставъ!
Пѣвцы Петровыхъ дѣлъ—несчастья жертвы:
Нашъ Пиндаръ (*) кончилъ жизнь, поэмы не скончавъ;
Другіе живы всѣ, но ихъ поэмы мертвы.

[3]) «Доилица», по толкованію Шишкова, —кормилица, женщина, доящая или питающая грудью младенца, отъ глагола «доить»—изливать изъ сосцевъ своихъ молоко, питать, кормить. Отсюда выраженія: «корова доитъ теленка», «мать доитъ младенца», которыя Шишковъ рекомендовалъ для употребленія (Собр. соч., IV, 76—84, и V, 158—159). Желающій знать, какъ восхищался онъ стихами Шихматова, можетъ прочесть о томъ въ Семейной Хроникѣ, С. Аксакова (Воспоминаніе объ А. С. Шишковѣ).

(*) Ломоносовъ, написавшій только двѣ пѣсни поэмы: «Петръ Великій.»

[4]) Похитивъ. Другія выраженія, употребленныя подъ вліяніемъ славянофильства, см. выше (стр. 148, прим. 5). Любовь къ сложнымъ словамъ вошла между нѣкоторыми авторами въ моду, послѣ книги Шишкова: «О стар. и нов. слогѣ». Она почиталась какъ бы знакомъ глубокаго проникновенія въ духъ и превосходныя свойства русскаго языка. Въ «Разсвѣтѣ полночи,» Боброва (1804), читатель встрѣтитъ *горохосныя* моря (по кораблямъ, которые, какъ горы, по нимъ плаваютъ), *водосланое* море (отъ соленой, сланой воды), *кровомлечное* лице (т. е. кровь съ молокомъ), *свѣтолучный*; въ одеждѣ скорби *слезошвенной*, Музы, въ плачѣ *растопленны*.

[5]) Пометъ, навозъ.

[6]) Края.

[7]) Читатель замѣтитъ, что въ цѣломъ отрывкѣ, здѣсь напечатанномъ (120 стиховъ), нѣтъ ни одной риѳмы на глаголы. Ихъ чрезвычайно мало и въ цѣлой поэмѣ. Поэтому Батюшковъ назвалъ Шихматова «безглагольнымъ» (сатира: «Пѣвецъ въ бесѣдѣ Славено-Россовъ»). Сличи стихъ Пушкина: «Такъ (*т. е. безъ наглагольныхъ риѳмъ*) писывалъ Шихматовъ богомольный» (Домикъ въ Коломнѣ).

XIII.

МАРИНЪ. ([1]).

ПОСЛАНІЕ КЪ И. И. ДМИТРІЕВУ. (1808). ([2]).

Любимецъ нѣжныхъ Музъ, питомецъ Аполлона,
Блюститель истинный парнасскаго закона,
Что ясно видимъ мы въ твореніяхъ твоихъ,
Въ которыхъ мыслію отличенъ каждый стихъ,
Хотя за ними ты не мучишься, не ходишь,
Скажи, о Дмитріевъ! гдѣ риѳмы ты находишь?
Какъ можешь безъ труда пріятно такъ писать
И мысли съ легкостью столь ясно выражать?
Читавъ твои стихи, всякъ долженъ согласиться,
Что риѳма подъ перо сама собой ложится,
Не такъ, какъ у меня, который за грѣхи
Судьбою осужденъ марать весь вѣкъ стихи!
Въ семъ трудномъ ремеслѣ мой разумъ убивая,
За риѳмами гонюсь, отъ смысла убѣгая,
Терзаюсь, мучуся, бумагу я деру,
Но нужнаго стиха никакъ не приберу.
Коль ненавистника хочу назвать пороковъ,
Мнѣ умъ твердитъ: *Княжнинъ*, а въ стихъ идетъ *Сумбороковъ* ([3]);
Когдажъ съ Омиромъ я сравнить кого готовъ,
Херасковъ на умѣ, а подъ перомъ *Графовъ* ([4]);

И сколько наконецъ ни мучусь, ни терзаюсь,
А съ риөмою моей никакъ не повстрѣчаюсь.
Досадуя, рѣшусь, себя чтобъ не томить,
Стихи и риөмы всѣ на-вѣки позабыть;
Несчастну страсть мою къ писанью проклинаю.
Ахъ, тщетно удержать себя предпринимаю!
И Музъ всѣхъ разругавъ, и Феба разбраня,
Приходитъ бѣшенство маранья на меня;
Мой умъ забытый стихъ нечаянно встрѣчаетъ,
И огнь опять въ душѣ писателя пылаетъ;
Всѣ клятвы позабывъ, перо опять найду
И за стихомъ стиха съ терпѣніемъ я жду.
О, еслибъ я умѣлъ мою принудить музу,
Чтобъ, тяжкихъ правилъ всѣхъ сваливъ съ себя обузу,
Рѣшилася въ стихахъ искать лишь словъ наборъ
И кстати вклеивать холодный важный вздоръ, —
Мнѣ легчебъ было то; и, многимъ подражая,
Имѣлъ бы я слова для всякаго случая.
Хваля красавицу—*небесной красоты*,
Тотчасъ бы я нашелъ — *прелестный солнца ты!*
Начавъ другой въ стихахъ—*единственна въ вселенной!*
А риөма тутъ и есть—*ты ангелъ воплощенной!*
И словомъ, говоря не къ мѣсту въ сихъ стихахъ
О солнцѣ и лунѣ, о вздохахъ и слезахъ,
Въ твореніи моемъ, безъ знанья, безъ искуства,
Я могъ бы выказать всѣ *Ахалкина* ([5]) чувства
И всѣхъ любителей надутыхъ пустяковъ.
Но разумъ мой всегда вникаетъ въ силу словъ
И безъ разбору онъ писать ихъ не рѣшится;
Противно слово мнѣ, не кстати коль ложится.
Стихъ двадцать разъ готовъ съ терпѣньемъ начинать
И, написавъ шесть словъ, изъ нихъ мараю пять.
Да будетъ проклятъ тотъ, кто впервые рѣшился,
Чтобъ умъ его въ стихѣ размѣрномъ заключился!
Кто выдумалъ словамъ границы положить
И съ риөмой захотѣлъ разсудокъ согласить!
Безъ ремесла сего, я жизнью бъ наслаждался,
Ни зависти людей, ни злобы не боялся,
Смѣялся, пилъ, и ѣлъ, и веселился бъ я;
Какъ, взятокъ нахватавъ, безграмотный судья,
Ночь спалъ бы хорошо, день встрѣтилъ безъ работы,
И сердце бы мое, безъ страсти, безъ заботы,
Умѣло бъ положить для гордости конецъ.
Я знатныхъ бѣгалъ бы, не зналъ бы, гдѣ дворецъ,
И, словомъ, былъ бы всѣхъ счастливѣе межъ вами!
Но, заразясь къ бѣдамъ проклятыми стихами,
Въ писатели попалъ. Съ того печальна дня,
Спокойствіе мое оставило меня;
Враждующій мнѣ духъ прельстилъ меня желаньемъ,
Чтобы прославиться мнѣ правильнымъ писаньемъ.
Съ тѣхъ поръ съ перомъ моимъ минуты провожу
И за бумагою, прикованный, сижу;

Самъ у себя весь вѣкъ я находясь въ неволѣ,
Завидую твоей, о *Патрикеичъ!* долѣ.
А ты, что на потопъ поэму сочинилъ
И цѣлый книжный рядъ стихами затопилъ,
Ты дару твоему препоны не встрѣчаешь
И мѣсяцъ каждый намъ по тому выставляешь:
Счастливымъ чту тебя! Хоть въ томахъ чепуха,
Но рифма на концѣ есть каждаго стиха.
Чтожъ нужды, что твои творенья осуждаютъ!
Ихъ Глазуновъ продастъ,—а глупые читаютъ.
Ты пишешь весело, не мыслишь никогда
И очищать стихи не дашь себѣ труда;
Бывъ новой пораженъ въ писаньѣ красотою,
Дивишься въ немъ себѣ, доволенъ ты собою.
Но какъ несчастливъ тотъ, кто хочетъ сочинять
И строгимъ правиламъ свой разумъ подчинять!
Умъ пылкій, не терпя ни въ чемъ себѣ равенства,
Стремится достигать до цѣли совершенства;
Но, не смотря на то, что нравится онъ всѣмъ,
Ошибки видитъ всѣ въ твореніи своемъ,
И часто тотъ, кого свѣтъ цѣлый прославляетъ,
Что былъ писатель онъ, забыть на вѣкъ желаетъ.
Спѣши жъ, о Дмитріевъ! отъ бѣдъ меня спасать
И научи стихи по-твоему писать;
Когда жъ надежды нѣтъ, скажи мнѣ безъ притворства,
Какъ мнѣ избавиться отъ страсти стихотворства?

[1]) Маринъ, Сергѣй Никифоровичъ (1775—1813), воспитанникъ кадетскаго корпуса, служилъ въ гвардіи преображенскомъ полку и былъ въ послѣдствіи флигель-адъютантомъ Императора Александра I. Свѣдѣнія о немъ заимствуемъ изъ Библіогр. Записокъ, г. Лонгинова (Современ., 1856, № XI): Маринъ былъ свѣтскій шутникъ, веселый товарищъ, образованный человѣкъ и очень недурной стихотворецъ, игравшій блистательную роль въ кругу петербургской молодежи конца прошедшаго и начала нынѣшняго вѣка. Онъ никогда не принадлежалъ къ числу записныхъ литераторовъ, но владѣлъ стихомъ бойко, хотя и не давалъ себѣ труда отдѣлывать его надлежащимъ образомъ. Кромѣ немногихъ его піесъ, явившихся въ печати, извѣстны еще разныя шуточныя его стихотворенія, большею частію рукописныя, а такія же пародіи одъ Ломоносова и Державина. Любители литературы переписывали ихъ вмѣстѣ съ другими піесами, не преданными печати, или и напечатанными, но которыхъ они, по недостатку средствъ, не могли имѣть въ своей библіотекѣ. Эта особаго рода рукописная литература заслуживаетъ большаго вниманія: по ней можно судить о направленіи вкуса и образѣ мыслей тогдашней публики. Стихотворенія Марина:

а) Подражанія двумъ сатирамъ Боало, написанныя въ видѣ посланій къ Капнисту и И. Дмитріеву. Первое посланіе напечатано въ Драматическомъ Вѣстникѣ, 1808 г., 5 ч. (№ 21), второе тамъ же (№ 23). Они изданы также отдѣльной брошюрой, подъ названіемъ: «Сатиры, взятыя изъ Боало» (Спб., въ типографіи императорскаго театра, безъ означенія года и безъ заглавнаго листа). Вторая сатира помѣщена также въ «Пантеонѣ русской поэзіи», изданномъ П. Никольскимъ, 6 ч., 1814—1815 г. (ч. 2).

б) Переводъ 1-го акта «Медеи», трагедіи Лонжъ-Пьера (вмѣстѣ съ братомъ трагика Озерова). Второй актъ переведенъ Дельвигомъ, третій Гнѣдичемъ, четвертый Катенинымъ, пятый Поморскимъ. Напечатанъ только четвертый въ Сочиненіяхъ Катенина (1832, ч. 2).

в) Переводъ трагедіи Вольтера: «Меропа». Отрывокъ изъ нея нап. въ Русской Таліи, изданной Булгаринымъ, 1825 г.

г) Посланіе къ М. М. (Чтенія въ Бесѣдѣ любителей рус. слова, кн. 3).

д) Посланіе къ другу, сатира (рукописная). Начинается такъ:

«Служи отечеству!» твердятъ намъ съ юныхъ лѣтъ;

«Люби отечество!» твердитъ все бѣлый свѣтъ;
Да только на словахъ тѣ рѣчи исполняютъ,
И со вредомъ его счастливо поживаютъ.

е) Письмо къ Арс...., полковнику гвардіи (рук.).

ж) Пародія на «Подражаніе Іову», Ломоносова (рук.). Первая строфа:

О ты, что въ горести напрасно
На службу ропщешь, офицеръ,
Шумишь и сердишься ужасно,
Что ты давно не кавалеръ!

з) «На рожденіе Геракова», пародія оды Державина «На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока» (рук.). Гераковъ, родомъ Грекъ, былъ учителемъ исторіи въ первомъ кадет. корпусѣ и написалъ много книгъ, показывающихъ совершенную его бездарность. Пародія представляетъ, что къ колыбели Геракова прилетаютъ тѣни Грековъ, и одна изъ нихъ, именно тѣнь Віаса, пророчитъ будущность новорожденному:

Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ!
Будешь въ корпусѣ учитель,
Будешь вѣчно капитанъ!
Будешь—и судьбы гласили—
Ростомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ!
И всѣ старцы подтвердили:
Будешь вѣкъ ходить пѣшкомъ!

и) «Возвращеніе князя А. А. Шаховскаго изъ Франціи въ 1802 году», пародія на описаніе морскаго поѣзда Венеры, въ Душенькѣ, Богдановича (нап. въ Библ. Зап., Лонгинова, Совр. 1856, № XI, стр. 44—46).

[2]) «Сатиры, взятыя изъ Боало» (см. прим. 1). Посланіе къ Дмитріеву есть подражаніе второй сатирѣ: A. M. de Molière».

[3]) Сумароковъ.

[4]) Графъ Д. И. Хвостовъ, извѣстный метроманъ.

[5]) Отъ слова: Ахъ!—Насмѣшка надъ чувствительными стихотворцами, въ особенности надъ кн. Шаликовымъ.

XIV.

ШАТРОВЪ. ([1]).

А. ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ 1 (1800).

Блаженъ, кто въ счастіи не дремлетъ,
Не тратитъ мирныхъ дней въ мечтахъ,
Льстецамъ, клеветникамъ не внемлетъ,
Не носитъ лжи въ своихъ устахъ,
Не ищетъ дружбы съ нечестивымъ,
Не ходитъ на совѣтъ къ строптивымъ,
Отъ злыхъ бесѣдъ себя хранитъ,
Не медлитъ въ обществѣ развратныхъ,
И, ради прозьбы сильныхъ, знатныхъ,
Неправдой правды не тѣснитъ.

Блаженъ, кто жаждетъ поучаться
Въ законѣ Божьемъ день и нощь;
Готовъ на гордость ополчаться,
И отъ небесъ пріемлетъ мощь;
Какъ храбрый ратоборецъ, смѣло
На доброе исходитъ дѣло;
Всѣмъ людямъ служитъ, какъ друзьямъ;
Внушаетъ искренность—коварнымъ,
Чувствительность—неблагодарнымъ,
Прямую совѣсть—злымъ судьямъ.

Пророкъ ли онъ, иль вождь народа,
Гремящій ли псалмовъ пѣвецъ,
Или владѣлецъ огорода,—
Вездѣ, какъ опытный мудрецъ,
Вездѣ сей мужъ за добродѣтель,
Какъ другъ людей, какъ благодѣтель,
Отъ Бога будетъ награжденъ:
Въ царяхъ, какъ царь благочестивый,
Въ рабахъ, какъ рабъ миролюбивый,
Равно любимъ, равно почтенъ.

Какъ финикъ вѣчно зеленѣетъ,
Который близь ключей растетъ,
Обильный плодъ всегда имѣетъ
И каждый мѣсяцъ вновь цвѣтетъ:
Такъ вѣрой въ Бога возрастаетъ,
Любовью къ ближнимъ процвѣтаетъ

Мужъ правды на лицѣ земномъ;
Такъ славой доброй богатится
И стать по смерти не боится
Предъ Божьимъ праведнымъ судомъ.

Но чада смерти, люди злые,
Не такъ свои проводятъ дни:
Ихъ лавры, какъ цвѣты ночные,
А жизнь — воздушные огни;
Недолго счастье ихъ блистаетъ:
Злодѣй злодѣйски погибаетъ!
И въ тотъ ужасный день, когда
Вся тварь къ отвѣту воззовется,
Онъ самъ собою въ адъ снесется
И казнь пріиметъ безъ суда.

Такъ! не воскреснутъ смерти чада,
Хотя услышатъ трубный гласъ!
Прейдя изъ гроба въ бездну ада,
Какъ духи тьмы, въ тотъ грозный часъ
Въ тьмѣ адской глубже погрузятся,
Второю смертью поразятся,
Въ мученье вѣчное падутъ;
А Божьи чада просвѣтлѣютъ,
На судъ безъ страха стать посмѣютъ,
Отъ смерти къ жизни перейдутъ.

8. ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ XXVIII (1814). (*).

Внемлите, князи Завулона,
Племенъ халдейскихъ мудрецы!
И вы, владыки Вавилона,
И вы, Дагоновы жрецы!
Услышьте чадъ сіонскихъ пѣнье,
Воздайте славу, поклоненье,
Творцу вселенной одному.
Возвысьте разумъ къ просвѣщенью
И, вѣры чистой внявъ ученью,
Воспойте съ нами въ честь Ему!

Богъ славы возгремѣлъ: и тучи,
Какъ парусъ тонкій, вдругъ свились;
Пустынные лѣса дремучи
Безъ грозной бури сотряслись;
Дубы столѣтніе качнулись;
Скалы кремнистыя шатнулись;
Растреснулись хребты холмовъ;
Горамъ подобно, волны встали;
Безстрашные вострепетали
Отъ Божьихъ всемогущихъ словъ.

И кто изъ смертныхъ не смутится
Отъ гласа Бога своего?
Куда нашъ слухъ ни обратится,
Вездѣ гремитъ глаголъ Его:
И въ словѣ — міръ земный судящимъ,
И въ воплѣ—милости просящимъ,
И въ звонѣ грознаго меча,
И вѣтра быстраго въ стремленьѣ,
И соловья въ пріятномъ пѣньѣ,
И въ шумѣ горнаго ключа.

Онъ слышится въ волнахъ ревущихъ,
Въ движеніи превѣчныхъ льдовъ,
Въ призывѣ трубъ, на бой зовущихъ,
Въ звучаніи стальныхъ щитовъ,
Въ бряцаніяхъ согласной лиры,
Въ великолѣпіи порфиры,
Въ лавровыхъ и златыхъ вѣнцахъ,
Въ могуществѣ красотъ тѣлесныхъ,
Въ величествѣ свѣтилъ небесныхъ,
Онъ слышенъ и у насъ въ сердцахъ.

Онъ все—и всѣмъ повелѣваетъ;
На всякомъ мѣстѣ, какъ труба,
Къ любви взаимной призываетъ
Царя, вельможу и раба.
Еще ль жить будемъ какъ слѣпые!
Что значатъ прелести земныя,
Богатства горы, блескъ вѣнца,
Толпы пѣвцовъ, всегда поющихъ,
И тысящи владыкъ могущихъ?
Ничто, ничто противъ Творца!

О вы, которые стоите
Земныхъ честей на высотѣ,
Пещись и слышать не хотите
О безпокровной сиротѣ!
Любви небесной бывши чужды,
Стыдитесь, не имѣя нужды,
На бѣдность ласково взглянуть;

Не внемлете вдовамъ убогимъ,
Но гордымъ взоромъ, словомъ строгимъ
Хотите всѣмъ уста замкнуть.

Исправьтесь и—доколѣ можно —
Предупредите грозный рокъ!
Безсмертіе земное ложно,
И вамъ судьбой предписанъ срокъ.
Не воспрещайте притѣсненнымъ,
Цѣпями нуждъ обремененнымъ,
Въ чертоги къ вамъ съ мольбой входить;
Внимайте правду говорящимъ;
Отрадой будьте всѣмъ скорбящимъ
И научитеся любить!

Пора увидѣть заблужденье,
Ничтожность славы и льстецовъ.
Довольно учитъ провидѣнье,
Что мудрость ложныхъ мудрецовъ,
Что лавры страшныхъ въ ратномъ полѣ,
Что власть ужасныхъ на престолѣ,
Что счастіе временщика
И честь недобраго вельможи
Случайнымъ бытіемъ похожи
На блескъ ночнаго червяка.

Одно мгновенье—и ужасный
Не ужасаетъ никого!
Единый мигъ—и самовластный
Безъ самовластья своего!
Въ десницѣ Божьей наши лѣта,
И Онъ потребуетъ отвѣта
Отъ алчныхъ къ золоту судей,
Отъ злыхъ вельможъ, царей строптивыхъ,
Отъ всѣхъ жестокихъ, гордыхъ, лживыхъ:
Что скажетъ въ тѣ часы злодѣй?

Гдѣ скроется отъ наказанья?
Куда онъ отъ себя уйдетъ?
Не сыщетъ разумъ оправданья,
И слово на устахъ замретъ.
Тогда гласъ Божій, всюду сущій,
Въ душѣ его, какъ громъ ревущій,
Отгрянетъ: «Я свидѣтель былъ,
Что ты путями шелъ разврата
И, презирая въ нищемъ брата,
Свою корысть одну любилъ!»

Кто словомъ изсѣкаетъ пламень,
Огню предѣлы положивъ,
Какъ воскъ растапливаетъ камень,
Вращаетъ вспять морской приливъ,
Дыханье бури прерываетъ,
Съ корнями кедры вырываетъ,
Безтрепетныхъ приводитъ въ страхъ—
Тотъ можетъ словомъ всѣхъ развратныхъ,
И родомъ и богатствомъ знатныхъ,
Разсѣять такъ, какъ вихремъ прахъ.

О Ты, создавшій всю вселенну!
Разрушь владычество страстей;
Свободу, сердцемъ вожделѣнну,
Распространи на всѣхъ людей;
Соедини всѣхъ миромъ вѣчнымъ,
Довѣріемъ къ Тебѣ сердечнымъ,
И воцарись во всѣхъ странахъ:
Да всѣ любовью просвѣтятся,
Единой вѣрой всшламенятся
Къ Единому на небесахъ!

[1]) Шатровъ, Николай Михайловичъ (1765—1841), былъ сынъ плѣннаго Персіянина Шатра, вывезеннаго мальчикомъ въ Россію около 1727 г. Шатръ воспитывался въ домѣ Михаила Аѳанасьевича Матюшкина, командовавшаго русскими войсками въ персидскомъ походѣ; у него же въ домѣ выросъ и воспитался Н. М. Шатровъ, котораго потомъ опредѣлили въ службу, въ Москвѣ, гдѣ онъ успѣлъ познакомиться и сблизиться со многими знатными людьми, особенно съ другомъ Новикова и покровителемъ знаній и талантовъ, П. А. Татищевымъ. Дослужившись до чина, который давалъ ему право на потомственное дворянство, онъ просилъ себѣ грамоты и герба: императоръ Павелъ приказалъ ему составить гербъ, помѣстя въ немъ золотую лиру въ голубомъ полѣ. Шатровъ не имѣлъ научнаго образованія, но русскую грамоту зналъ твердо, и языкъ у него вездѣ правиленъ и чистъ. Въ литературѣ имя его начало появляться въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Большую извѣстность дала ему «Пѣснь Екатеринѣ II» (1805 года), хотя она уступаетъ переложеніямъ псалмовъ, имѣющимъ несомнѣнное достоинство и

показывающимъ природный талантъ, вмѣстѣ съ умѣньемъ строить красивые и сильные стихи. Шатровъ принадлежалъ къ партіи Шишкова, почему неблагосклонно смотрѣлъ на Карамзина и его послѣдователей. Мы знаемъ, какъ онъ встрѣтилъ «Бездѣлки», и что отвѣчалъ на его эпиграмму Дмитріевъ (стр. 78). Жуковскій, признавая талантъ въ Шатровѣ, замѣчалъ однакожъ, что все его искуство заключалось только въ томъ, чтобы «сказать извѣстное и обыкновенное необыкновеннымъ образомъ» (Литерат. и театр. воспоминанія, С. Аксакова, Рус. Бесѣда 1856, № 4; Мелочи М. Дмитріева). Лѣтъ за десять слишкомъ до своей смерти, Шатровъ лишился зрѣнія. Въ 1831 г. напечаталъ онъ «Осень 1830 г., лирико-историческое пѣснопѣніе *слѣпаго*». Россійская Академія, во вниманіе къ достоинству стихотвореній Шатрова и нравственному ихъ содержанію, издала ихъ въ пользу слѣпца-автора, въ трехъ ч. (1831 г.): 1 и 2 ч. содержатъ въ себѣ «подражанія псалмамъ» и «пѣсни духовныя», 3-я преимущественно похвальныя оды. Кромѣ того особо изданы: а) Пѣснь Александру I на восшествіе его на престолъ (1801); б) Пѣснь Екатеринѣ Второй, или мысли Россіянина, пришедшаго къ ея гробу въ 1805 г. (1805). Послѣдняя, посвященная «добродѣтельному вельможѣ», обратила на себя вниманіе смѣлостію нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя могли относиться къ современной эпохѣ.

*) Подражанія свои псалмамъ Шатровъ большею частію примѣнялъ къ современнымъ событіямъ, особенно къ войнамъ Наполеона. Такъ въ подражаніи псалму 32-му (1816) выражено торжество европейскаго міра, послѣ заточенія Наполеона на островъ св. Елены. Выписываемъ изъ него три первыя строфы, написанныя очень хорошими стихами:

Стройте гусли, славы чада!
Гряньте въ праздничный тимпанъ!
Пойте Богу! Онъ отрада,
Стражъ и Царь Сіонскихъ странъ.
Пойте Богу! Онъ всесиленъ,
Правосуденъ, милосердъ;
Съ Нимъ Израиль въ браняхъ твердъ,
И богатствомъ изобиленъ.
Пойте Богу! Имъ крѣпка
Царства нашего держава,
И побѣды дивной слава
Знаменита и громка.

Словомъ Божьимъ утвердилась
Звѣздныхъ сводовъ высота;
Духомъ устъ Его свершилась
Сила, жизнь и красота.
Онъ изрекъ: «да будетъ время,
Тьма нощная, дневный свѣтъ;
Да прозябнетъ, возрастетъ
Кедра и былинки сѣмя;
Да прольются токи рѣкъ,
Птицы въ воздухъ воскрылятся,
Звѣри въ дебряхъ поселятся,
И явится человѣкъ!»

Рекъ.... и вдругъ хаосъ ужасный
Видъ прекрасный воспріялъ:
Солнца краснаго лучъ ясный
Надъ землею возсіялъ.
Милліоны звѣздъ зажглися;
Засвѣтилася луна;
Темныхъ пропастей со дна
Горы къ небу вознеслися;
Океанъ въ брега вошелъ;
Пальмы осѣнили сушу;
Все пріяло образъ, душу;
Міръ родился и зацвѣлъ.

XV.

КНЯЗЬ ГОРЧАКОВЪ. (1).

ИЗЪ САТИРЫ: ПОСЛАНІЕ КЪ КНЯЗЮ С. Н. ДОЛГОРУКОВУ. (2).

(по рукописи).

Воскресни, Ювеналъ, воскресни, правды другъ!
Вручи свою мнѣ кисть, впери въ меня свой духъ,
Чтобъ смѣлою рукой, презря эхидно жало,
Съ злодѣйства, съ глупости я сорвалъ покрывало;
Чтобъ въ сихъ моихъ стихахъ твой ѣдкій, рѣзкій слогъ
Постыдныя дѣла карать достойно могъ!

«Опять съ сатирою!» я слышу, мнѣ пеняютъ:
«Опять стихи о томъ, о чемъ давно всѣ знаютъ!
«Людскія каверзы у всѣхъ на перечетъ;
«Напрасно желчь твоя, сатирикъ, потечетъ,
«И, что ни скажешь ты, ужъ все обыкновенно!»

Какъ! подъ предлогомъ симъ, открыто, дерзновенно,
Подъявъ съ безстрашіемъ надменное чело
И языки связавъ, восторжествуетъ зло?
И мнѣ велятъ молчать за тѣмъ, что все не диво?
Быть можетъ, еслибъ я сказалъ, что племя лживо
Издавна завистью на истину кипитъ,
Что блескомъ золота дуракъ толпу слѣпитъ,
Что по приданому лишь цѣнится невѣста,
Что ходитъ человѣкъ съ способностью безъ мѣста,
А съ покровительствомъ у должности глупецъ,
Что деньгами досталъ ассессорство купецъ,
Что Сусликовъ себѣ лишь въ пуншѣ зритъ отраду....
Признаться, о такихъ писать мірскихъ грѣхахъ
И въ прозѣ не по что̀, не только что въ стихахъ.
Уже изъ давнихъ лѣтъ все это между нами
Обыкновенными считается дѣлами.
Но, къ вящшему всегда стремяся, человѣкъ
Намъ новыя явилъ неистовства въ нашъ вѣкъ.

Не ужъ ли кажется то вещь обыкновенна,
Когда въ числѣ честныхъ, средь общества почтенна,
Безъ затрудненія Щечинъ себя вмѣстилъ,
Хоть банкомъ сто семействъ онъ по міру пустилъ?
Разбойникъ вѣжливый, неся безстыдну рожу,
Алкая холодно со всякаго драть кожу,
Тѣмъ развѣ сдѣлался на честнаго похожъ,
Что выдумалъ изъ картъ на ближнихъ сдѣлать ножъ?
Что нужды! Честенъ онъ, коль всюду безъ простою,
Лишь только проигралъ, всѣмъ платитъ чистотою.
Всѣ знаютъ, что онъ воръ, но принятъ потому,
Что, конча партію, не долженъ никому,
А что онъ кралъ, такъ то онъ банкъ металъ счастливо!

А это, напримѣръ, ужъ ли не чтить за диво,
Когда, губернію Подлягинъ разоря
И ужъ отмѣченный (3) указомъ отъ царя,
Другой родъ службы взялъ и, ко вреду (4) законовъ,
Въ распоряженіе вступая милліоновъ,
Мнитъ такъ: пускай граждан мѣшаютъ грабить мнѣ,—
Убытокъ вымещу я этотъ на казнѣ (5).
Иль, жаркой мы когда бывъ заняты войной,
Заграбинъ и Хапковъ, въ подрядъ вступя съ казной,
Одинъ невыставкой припасовъ и доспѣховъ,
Ко славѣ препиналъ путь войскамъ средь успѣховъ;
Другой—на раненныхъ свершилъ въ госпиталяхъ
Смерть недоконченну на Марсовыхъ поляхъ:
Корыстолюбія всѣмъ жертвуя куміру,

Готовы подписать за грошъ погибель міру.
Хоть сдѣлались они, раждая бѣдствій тьмы,
Солдатамъ пагубнѣй картечей и чумы;
Но, покровительство доставъ себѣ изъ платы,
Великолѣпныя воздвигнули палаты,
Даютъ и праздники, и балы, и столы,
За коими льстецы вспѣваютъ имъ хвалы.
Искуствомъ повара загладя преступленьи,
Средь пиршествъ жизнь ведутъ въ пріятномъ усыпленьи;
А воинъ между тѣмъ, пришедшій на клюкѣ
И черезъ нихъ однихъ не въ лавровомъ вѣнкѣ,
Простря подъ окнами изстрѣленну десницу,
За счастье чтитъ достать отъ ихъ стола крупицу.
Посмотримъ на сего теперь откупщика!
Въ карманъ къ нему течетъ серебряна рѣка;
Презрѣвши скромные отца въ лаптяхъ примѣры,
Въ дворяне вышелъ онъ, и даже въ кавалеры,
И столько сдѣлался своей казною дюжъ,
Что тысячъ нѣсколько теперь имѣетъ душъ.
А началъ онъ съ чего? Какъ былъ еще купчишко,
Онъ кое-какъ тогда досталъ себѣ чинишко;
Но, встрѣтя къ откупамъ преграду чрезъ него,
Безстыдно отперся отъ имя своего:
Вдругъ сталъ опять купцомъ,—и вновь вступилъ въ дворяне,
Какъ туго у него ужъ сдѣлалось въ карманѣ.
Какихъ не принималъ къ обогащенью мѣръ
Сей изъ подносчиковъ возникшій кавалеръ!
Не удовольствуясь, что пьянствомъ портилъ нравы,
Онъ пакостилъ вино, клалъ вредныя приправы;
И часто, превратя народну радость въ плачъ,
На откупъ имъ взятыхъ губерній былъ палачъ.

Но кинемъ сихъ злодѣйствъ мерзительный соборъ!
На глупость, на порокъ простремъ усталый взоръ:
Посмотримъ, меньше ль мы у нихъ въ порабощеньѣ,
И сильны ли у насъ успѣхи въ просвѣщеньи.
Первѣйшимъ долгомъ всѣ считаютъ межъ людей
О воспитаніи пещись своихъ дѣтей,
Къ ихъ свѣдѣнью довесть науки и искуства,
Любви къ отечеству влить въ сердце жарки чувства,
На пользу общую образовать ихъ духъ,
Чтобъ сынъ отечества былъ вмѣстѣ людямъ другъ.
Вотъ сладкіе плоды трудовъ, отцамъ пріятныхъ!
Разсмотримъ же теперь своихъ *Невѣроятныхъ* (*):
Имѣютъ ли сіи отечества сыны
Потребны качества для блага сей страны?
Различны знанія, чѣмъ ихъ умы набиты,
Намъ могутъ ли служить для пользы иль защиты?
И съ полнымъ свѣдѣньемъ о всѣхъ земляхъ чужихъ,
Хоть сокращенное о нашей—есть ли въ нихъ?
Какой къ отечеству ихъ жаръ, къ служенью рвенье?

(*) Incroyables.

И къ праху праотцевъ въ душѣ благоговѣнье?...
Я тщетно Русскаго найти межъ ними льщусь:
Всякъ Англичанинъ въ нихъ, иль Нѣмецъ, иль Французъ;
Презрѣнье къ своему, къ чужому почитанье
Имъ иностранное внушило воспитанье.
Тамъ *Вральманъ*, тутъ *Годдемъ*, а здѣсь училъ *Аббе*,—
И всякъ образовалъ питомца по себѣ!
Дивиться должно ли, что сихъ людей уроки
Къ природнымъ привили и ихъ земель пороки?
Коль собственный развратъ умножили чужимъ,
Когда отечествомъ своимъ не дорожимъ,
Такъ дивно ль, что, имѣвъ забавы тщетны цѣлью,
Тамъ посвящаютъ дни виновному бездѣлью?
Что, съ помочей сойдя, мальчишка, въ двадцать лѣтъ,
Уже съ прелестницей открыто жизнь ведетъ?
Что тотъ, кто рожею сѣсть къ ставцу не умѣетъ,
Судить религію, судить правленье смѣетъ,
И, на губахъ не давъ обсохнуть молоку,
Предѣловъ не кладетъ болтливу языку;
По модѣ—врагъ дворянъ, по модѣ—другъ народа,
Свободою плѣненъ, не зная, что̀ свобода,
И въ клубѣ англійскомъ прехрабрый молодецъ!
Но въ полѣ чести, тамъ, гдѣ палъ его отецъ,
Безстрашно защищавъ отечество любезно,
Онъ ни ногой туда,—и было бъ безполезно:
Наукамъ, кои знать дворянства есть удѣлъ,
Учиться онъ въ свой вѣкъ не могъ и не хотѣлъ
И, къ моднымъ знаніямъ стремя дары натуры,
Онъ мастеръ рисовать однѣ каррикатуры.
Что жъ въ войскахъ сдѣлалъ бы присутствіемъ своимъ?
Помѣху бы иль вредъ нанесъ невѣжда имъ.
Влачи всю жизнь свою въ потьмахъ, Невѣроятной,
И къ гробу, плящучи, спѣши стезей развратной!

Предавши въ сихъ стихахъ, не льстя, изъ рода въ родъ,
Вкушаемый теперь отъ воспитанья плодъ,
Къ словесности на часъ мы нашей обратимся!
Произведеньями ея не восхитимся.
Въ ней модныхъ авторовъ французско-русскій ликъ
Стремится искажать отеческій языкъ.
Одинъ въ ней слѣдуетъ жеманну Дюпати,
Другой съ собакою вступаетъ въ симпати;
Тамъ воздыхающій, плаксивый Мирлифлоръ
Гордится, выпустя сентиментальный взоръ;
Тотъ безъ просодіи стихами пѣсни пишетъ;
Иной наивностью въ развратной сказкѣ дышитъ;
А сей, вообразя, что онъ россійскій Стернъ,
Жемчужну льетъ слезу на шелковистый дернъ,
Привѣтствуетъ луну и входитъ въ восхищенье (6),
Курсивомъ прописавъ змѣѣ свое прощенье.
Всѣмъ хочется писать, великъ иль малъ ихъ даръ,
Повсюду авторства въ сердцахъ затмился жаръ;

Исполнить торопясь писательски желанья,
Всѣ въ ежемѣсячны пустилися изданья,
И наконецъ я зрю въ странѣ моей родной
Журналовъ тысячи, а книги ни одной (7).
Орелъ поэзіи, честь лиры, слава Россовъ,
Къ тебѣ я обращусь, великій Ломоносовъ,
Къ тебѣ, котораго въ стихахъ безсмертный даръ
Въ тьмѣ подражателей родилъ напрасный жаръ!
Сколь путь шероховатъ къ Парнасу ихъ ватагѣ!
Надѣются, прыгнутъ, споткнулись и—въ оврагѣ!
Я часто оды ихъ, читая, хохочу,
Бросаю и съ тобой бесѣдовать хочу.

Но, можетъ быть, театръ здѣсь славой Россіянамъ
И двѣ на немъ сестры къ намъ смотрятъ не Касьяномъ (8)?
Заглянемъ на него, заглянемъ на успѣхъ
Искуства—въ насъ раждать иль слезы, или смѣхъ.
Какія, общаго достойны удивленья,
Мы въ модныхъ драмахъ зримъ диковинны явленья?
И, скучныхъ свободясь издревле чтимыхъ узъ,
Чѣмъ превосходенъ сталъ очищенный нашъ вкусъ?...
Въ комедіяхъ теперь не нужно острыхъ словъ:
Чтобы смѣшить, пусти на сцену дураковъ (*)!
Къ законнымъ дѣтямъ дверь чувствительности скрыта:
Нѣтъ жалости къ бѣдамъ несчастна Ипполита,
Иль Ифигеніи, стенящей отъ отца (9);
Одинъ лишь «Сынъ любви» здѣсь трогаетъ сердца!
«Гусситы», «Попугай» предпочтены Сорене
И Коцебятина (10) одна теперь на сценѣ.

О, сколькобъ былъ еще благословенъ сей часъ,
Когдабъ въ однихъ стихахъ лишь порча завелась
И въ драматическихъ писаньяхъ здѣсь встрѣчалась!
Когда бы нравственность у насъ не развращалась;
Когда бы въ юношахъ свободы вредна страсть
Къ презрѣнью не вела у нихъ священну власть;
Когда бъ учители, возникшіе изъ грязи,
Софизмомъ родственны не разрывали связи;
Когда бы цѣлою всякъ частью чтя себя,
Совлекся самости, отечество любя,
И, ревностью къ его служенью воспаленной,
Гордился Русскимъ быть передъ лицемъ вселенной!
Но тщетно ждать сего отъ нашихъ молодцовъ:
Прошедшей славы громъ, примѣры ихъ отцовъ
Безсильны тронуть въ нихъ собою полны души,
И долга общій гласъ вотще разитъ имъ въ уши.

Прочетши все сіе, еще ли скажутъ мнѣ:
Всегда бывало такъ на нашей сторонѣ!
Отъ вопля моего еще ли не проснутся!
Отъ слѣдствій пагубныхъ еще ль не содрогнутся!
Вотъ что мнѣ сердце рветъ въ отечествѣ моемъ.
Къ несчастью, бывъ не слѣпъ, ищу я тщетно въ немъ

(*) Англичане, а болѣе Нѣмцы, обыкновенно смѣшатъ въ комедіяхъ глупостями выведенныхъ на сцену пошлыхъ дураковъ или сумасшедшихъ. Изобрѣтеніе сего способа, избавляющаго автора отъ трудной обязанности быть умнымъ, должно заслуживать отъ многихъ нынѣшнихъ писателей общую благодарность.

Болѣзненной душѣ хоть въ чемъ-нибудь утѣхи!
Часъ мрака наступилъ; сокрылись игры, смѣхи;
Совсѣмъ лишились мы знакомства милыхъ музъ;
И если съ кѣмъ еще хранятъ онѣ союзъ,
То, ревомъ буйныя ватаги отстраненны,
Въ бесѣдахъ дружныхъ лишь возносятъ гласъ смиренный,
Межъ тѣмъ какъ дерзкаго невѣжства мутный илъ
Со всѣхъ сторонъ Парнасъ безстыдно наводнилъ.

На глупость, на развратъ глядѣть уставши въ мірѣ,
Я скрылся, чтобъ бряцать свободнѣе на лирѣ,
Чтобъ волю въ сихъ стихахъ дать чувству моему,
Ихъ дружбѣ посвятить и зрѣлому уму,
И льстяся, что они тягчить не будутъ скукой,
Тебѣ сей даръ принесть, любезный Долгорукой!
Прими его, прими, колико онъ ни малъ:
Еще не конченну, ему ты восплескалъ.

[1]) Князь Горчаковъ, Дмитрій Петровичъ (1756—1824), членъ Академіи Россійской, получивъ домашнее образованіе, вступилъ въ военную службу: былъ сначала адъютантомъ кн. П. С. Гагарина, потомъ капитаномъ въ корпусѣ войскъ на Кубани, гдѣ обратилъ на себя вниманіе Суворова. Въ 1780 г. вышелъ въ отставку и занимался домоводствомъ. Когда началась при Екатеринѣ II вторая турецкая война, онъ снова явился къ Суворову и при взятіи Измаила (1790) получилъ тяжелую рану. Послѣ того занималъ должности: таврическаго губернскаго прокурора, правителя дѣлъ въ молдавской арміи при главнокомандующемъ кн. М. Л. Голенищевѣ-Кутузовѣ и вице-губернатора въ Костромѣ (1813 г.). Съ 1816 г. по самую кончину жилъ въ Москвѣ частнымъ человѣкомъ. Зная франц. и нѣм. языки, Горчаковъ предпочиталъ классическія произведенія Французовъ всѣмъ другимъ литературамъ. Вольтеръ, по его мнѣнію, былъ верхомъ совершенства въ трагическомъ родѣ. Вмѣстѣ съ Шишковымъ и другими писателями его школы, кн. Горчаковъ участвовалъ въ учрежденіи Бесѣды Любителей русскаго слова (Сѣверная Пчела, 1825, № 12). Сочиненія его:

а) Калифъ на часъ, комич. опера въ 4 д. (1786).

б) Счастливая тоня, ком. въ 4 д. (1786).

в) Баба-Яга, опера въ 3 д. (Калуга, 1788).

г) Пламиръ и Раида, россійская повѣсть (1796).

д) Сатира: «Совѣтъ Пустону» (С.п.бургскій Меркурій, 1793, августъ, и Памятникъ отечественныхъ музъ на 1827 г., изд. Б. Ѳедоровымъ).

е) Письмо къ пріятелю, или безпристрастный зритель, сатира, 1794 (Памятникъ отечественныхъ музъ на 1828 г., изд. Б. Ѳедоровымъ).

ж) Сатира: «Онъ и я» (отрывки изъ нея въ Памят. от. музъ на 1827).

з) «Посланіе къ кн. С. Н. Долгорукому, россійскому министру въ Голландіи», сатира (рукописная, см. ниже прим. 2).

и) «Святки», сатира (рукоп.):

Спасителя рожденье
Встревожилъ весь народъ, и пр.

к) Безпечный, ком. въ 5 д., въ стихахъ. (Отрывки изъ нея въ Памят. от. музъ на 1828 г.).

л) Бесѣда о суетности, въ стихахъ (Чтенія въ Бесѣдѣ Любителей рус. слова, кн. VII).

м) Бесѣда о уединеніи, въ стихахъ (ib., кн. XI).

Нѣсколько другихъ стихотвореній разсѣяны по журналамъ. Кн. Горчаковъ прославился сатирами, которыя были въ большомъ почетѣ у членовъ Бесѣды Любителей русскаго слова. Онѣ дѣйствительно принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ нашей сатирической поэзіи по рѣзкости обличенія, по силѣ негодующаго, часто одушевленнаго тона. Литературныя и нравственныя стремленія ихъ автора склоняли его на сторону Шишкова: онъ также нападалъ на иностранное воспитаніе Русскихъ и на преобразованія Карамзина, называя его школу «французско-русскимъ ликомъ» писателей. Но разница въ томъ, что кн. Горчаковъ имѣлъ несомнѣнный талантъ, не въ примѣръ большинству членовъ Бесѣды, соединившей въ себѣ современныхъ ему славянофиловъ. Сатиры его не подходили подъ разрядъ тѣхъ стиховъ, которые и В. Пушкинъ и Батюшковъ называли «варяго-россиими».

²) Часть этой сатиры нап. въ Памятникѣ отеч. музъ на 1827 г., подъ названіемъ: «Невѣроятные». Кн. Сергѣй Николаевичь Долгорукій (1770—1829) служилъ комендантомъ с. п. бургской петропавловской крѣпости, потомъ посланникомъ въ Гагѣ при Людовикѣ Бонапартѣ и въ Неаполѣ при Іоахимѣ Мюратѣ. Онъ собралъ «Хронику Россійской Императорской арміи» (1799).

³) Въ другой рукописи: «обруганный».

⁴) Вар.: «ко стыду».

⁵) Въ другой рук. прибавлено:

И, шествуя стезей воровъ безъ остановки,
На шеѣ съ лентою избавлюсь отъ веревки.

⁶) Нападки на послѣдователей Карамзина.

⁷) Два классическіе стиха, ставшіе поговоркой.

⁸) Т. е. не такъ рѣдко (Праздникъ Касьяна, 29 февраля, приходится только въ високосные годы).

⁹) Здѣсь ясно виденъ приверженецъ ложно-классической трагедіи, недовольный ни драмами въ родѣ Лашоссе, Детуша и Дидро (такъ называемыми comédies larmoyantes), ни піесами нѣм. и англ. трагиковъ.

¹⁰) Сынъ Любви, Гусситы, Попугай—драм. піесы Коцебу (+ 1819), который сталъ входить у насъ въ моду преимущественно съ первыхъ лѣтъ прошлаго вѣка. Отсюда и «Коцебятина». Сорена—трагедія Николева (1758—1815), возбуждавшая большое сочувствіе зрителей.

XVI.

ПНИНЪ. (¹).

ОДА НА ПРАВОСУДІЕ. (1805). (²).

Блаженство смертныхъ, царствъ подпора,
Злодѣевъ страхъ, невинныхъ щитъ,
Ты, коего трепещетъ взора
Порокъ, хоть онъ вѣнцемъ покрытъ.
Ты, кое лицъ не разбираешь,
Равно щадишь, равно караешь
Рабовъ, вельможей и царей;
Ты, безъ когобъ и боги сами
Не почитались бы богами
И не имѣли алтарей.

О Правосудіе! тобою
Хранится только смертныхъ родъ.
Гдѣ ты—тамъ съ мирною душою
Трудовъ своихъ вкушаютъ плодъ.
Гдѣ ты—тамъ собственность священна,
Тобою твердо ограждена,
Ликуетъ въ щастливыхъ сердцахъ;
Тамъ всюду золотой рѣкою
Текутъ сокровища съ тобою
И зрится радость на челахъ.

Гдѣ ты—тамъ царствуютъ законы,
Тамъ человѣкъ всегда почтенъ,
Тамъ тверды въ основаньяхъ троны,
И къ правдѣ путь не загражденъ.
Тамъ истина безъ страха ходитъ,
Ко всѣмъ безъ робости подходитъ,
И чистою своей рукой
Личину съ зависти срываетъ,
Коварство, мщенье обнажаетъ,
И кажетъ умыселъ ихъ злой.

Гдѣ ты—тамъ равными правами
Граждане пользуются всѣ.
Тамъ надъ породой и чинами
Заслуги верхъ берутъ однѣ.
Тамъ гнусна лесть у всѣхъ въ презрѣньи,
Наружный блескъ не въ уваженьи,
Не чтутъ достоинствомъ его.
Богатый съ подлою душою
Ничто предъ честной нищетою;
Добро превыше тамъ всего.

Гдѣ ты—тамъ вопль не раздается
Несчастныхъ брошенныхъ сиротъ;
Всѣмъ нужна помощь подается,
Не раболѣпствуетъ народъ.

Тамъ земледѣлецъ не страшится,
Чтобы насильствомъ могъ лишиться
Имъ въ потѣ собранныхъ плодовъ.
Любуется, смотря на ниву;
Въ ней видя жизнь свою счастливу,
Благословляетъ твой покровъ.

Гдѣ ты—тамъ воинъ презираетъ
Опасности и жизнь свою.
Умру! въ восторгѣ восклицаетъ,
Умру за родину мою!
Я жизни ввѣкъ не пожалѣю,
Хотя жену, дѣтей имѣю;
Паду ли отъ враговъ моихъ
И болѣе меня не будетъ,
Тогда законъ ихъ не забудетъ:
Есть правосудіе для нихъ.

Гдѣ ты—тамъ геній просвѣщенья,
Лучами мудрости своей,
Открывъ зловредны заблужденья,
Ведетъ на путь прямой людей.
Науки храмы тамъ имѣютъ,
Художества, искуства зрѣютъ,
Торговля богатитъ народъ.
Тамъ духъ зиждительный свободы,
Проникнувъ таинства природы,
Сторичный собираетъ плодъ.

Душа покоя и устройства,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ!
Ты образуешь духъ геройства,
Безсмертіе есть твой удѣлъ.
О правосудіе! не можно
Тебя намъ описать, какъ должно;
Ты божество между людей!
Природа въ красный день весною
Не восхищаетъ насъ собою,
Когда не зримъ твоихъ лучей.

Гдѣ нѣтъ тебя—тамъ все рыдаетъ,
Все стонетъ, смерть къ себѣ зоветъ;
Пожаръ вражды вездѣ пылаетъ,
И жертвы острый мечъ сѣчетъ.
Тамъ всюду кровь течетъ ручьями,
Родители въ борьбѣ съ сынами,
Сыны противъ отцовъ идутъ.
Тамъ сѣтуетъ сама природа,
Права отъяты у народа,
И тигры агнцовъ тамъ пасутъ.

Гдѣ нѣтъ тебя—тамъ всѣ несчастны,
Отъ земледѣльца до царя.
Законы дремлютъ и безгласны,
Тамъ всякъ живетъ лишь для себя.
Нѣтъ ни родства, союза, вѣры,
Тамъ видны лишь злодѣйствъ примѣры,
Шипятъ пороки и язвятъ.
Тамъ выгодъ нѣтъ быть добрымъ, честнымъ,
Быть другомъ искреннимъ, нелестнымъ;
Тамъ чашу смерти пьетъ Сократъ.

Гдѣ нѣтъ тебя—тамъ нѣтъ невинныхъ,
Тамъ гибнутъ всѣ своей чредой;
Тотъ нынѣ жертвою былъ сильныхъ,
А завтра сильныхъ жребій злой
Ведетъ на эшафотъ кровавый.
Тамъ совѣсть и разсудокъ здравый
Не сильны произнесть свой гласъ.
Народы тамъ живутъ безъ цѣли,
Для коей жить они хотѣли;
Горятъ раздоры всякій часъ.

Но если то должно случиться,
Что міръ съ своей оси падетъ,
Вселенна въ хаосъ погрузится,
И солнце шаръ земной зажжетъ:
То роковой сей день природы
Тогда постигнетъ лишь народы,
Когда ты скроешься отъ нихъ!
О! лучше міръ пусть истребится,
И больше смертный не родится,
Чѣмъ жить ему въ бѣдахъ такихъ!

Нѣтъ, нѣтъ, живи ты вѣчно съ нами,
Храни сей міръ, храни людей,
Да твой обвитый скиптръ цвѣтами
Составитъ счастье нашихъ дней!
Совокупи ты всѣ народы,
Дѣтей единыя природы,
Подъ сѣнь державы твоея;

Владѣй надъ цѣлою вселенной
И сей внушай законъ священной:
Что нѣтъ блаженства безъ тебя!

¹) Пнинъ, Иванъ Петровичъ (1772—1805), побочный сынъ гр. Петра Ивановича Репнина, обучался сперва въ Благородномъ пансіонѣ московскаго университета, а потомъ въ Инженерномъ кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ артиллеріи поручикомъ и служилъ въ шведскую войну 1792 г. Въ 1797 г. перешелъ въ статскую службу. Въ 1798 году, соединясь съ А. А. Бестужевымъ (отцемъ Александра Бестужева, болѣе извѣстнаго подъ псевдонимомъ «Марлинскій»), издавалъ «С.п.бургскій Журналъ». Пнинъ, употребляя современное названіе, былъ редакторомъ, а Бестужевъ издателемъ (*). Въ 12 №№ журнала помѣщено много серьезныхъ статей по законовѣдѣнію, государственному хозяйству и воспитанію; таковы: переводы изъ Духа законовъ, Монтескье, и изъ Разсужденій о политической экономіи, Пьера Верри († 1797), современника Беккаріи, и Трактатъ о воспитаніи, преимущественно военномъ, составленный по Филіанжери и дополненный примѣчаніями Бестужева (**). Здѣсь также явились впервые: двѣ книги (вторая не вполнѣ) «Исповѣданія» фонъ-Визина, и его же «Письмо къ гр. П. И. Панину изъ Парижа». Изъ нѣмецкой поэзіи, вошло въ изданіе нѣсколько стихотвореній Галлера, большею частію въ прозаическихъ переводахъ (изъ поэмы: «Альпійскія горы», «Вѣчность», «Дориса», «Утро», «О славѣ», и пр.). Журналъ отличался благороднымъ образомъ мыслей, уваженіемъ къ наукѣ и слову: одна критическая статья его («Письмо къ издателю», въ сентябрской книжкѣ) умно защищаетъ книгопечатаніе отъ нападковъ тогдашняго обскурантизма, который былъ выраженъ въ книгѣ, переведенной Михаиломъ Антоновскимъ: «Вѣрное лекарство отъ предубѣжденія умовъ (1798)». Въ 1801 Пнинъ поступилъ въ канцелярію государственнаго совѣта, а въ 1802 г. экспедиторомъ въ департаментъ министерства народнаго просвѣщенія, откуда, по слабости здоровья, долженъ былъ выдти за два мѣсяца до смерти. Въ годъ своей смерти (1805), Пнинъ былъ выбранъ въ президенты «Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ», которое, будучи основано въ 1801 г. (см. выше, стр. 79, прим. 2), задумало распространить свою дѣятельность, по вступленіи въ него новыхъ членовъ: А. Г. Волкова, А. Х. Востокова, А. А. Писарева, Н. П. Брусилова, Н. Ѳ. Остолопова, А. Е. Измайлова, Д. И. Языкова. Въ послѣдствіи общество сдѣлалось средоточіемъ оппозиція славянофиламъ. Оно имѣло свой органъ: «С.п.бургскій Вѣстникъ» (1812), прекратившійся на 10-мъ №, по случаю войны съ Наполеономъ. Участниками въ этомъ изданіи были и прежніе и вновь поступившіе члены: Д. Н. Блудовъ, Д. В. Дашковъ, Д. П. Сѣверинъ, К. Н. Батюшковъ, Д. М. Княжевичъ, В. Л. Пушкинъ, Н. Ѳ. Грамматинъ, И. М. Фовицкій, В. И. Панаевъ, С. Ѳ. Жихаревъ, В. С. Филимоновъ, П. А. Никольскій, и др. Первыя книжки журнала отличались живостью и разнообразіемъ, особенно по отдѣлу критики, которая постановлена была главною его цѣлію. Вступительная или, употребляя современное выраженіе, руководящая статья: «Нѣчто о журналахъ», принадлежитъ Дашкову. Имъ же написаны лучшіе разборы книгъ, и между прочимъ «Прибавленія къ Разговорамъ о словесности, Шишкова». Стихи Милонова, В. Пушкина, А. Измайлова, Гнѣдича, Хмельницкаго и Батюшкова (Посланіе къ Дашкову: «Мой другъ, я видѣлъ море зла»); переводы Никольскаго восточныхъ повѣстей, напоминавшихъ повѣсти Бенитцкаго; синонимы, Княжевича; Опытъ о русскомъ стихосложеніи, Востокова; отрывки изъ Словаря поэзіи, Остолопова, ставили «С.п.бургскій Вѣстникъ» въ разрядъ видныхъ періодическихъ изданій. Впрочемъ успѣху его вредили несогласія, возникшія между членами, изъ которыхъ однимъ, связаннымъ пріязнію или знакомствомъ съ Шишковымъ и его послѣдователями, не нравились нападки на славянофильство, а другіе находили тягостнымъ превосходство одного своего сочлена (Дашкова). Послѣдній долженъ былъ выйти изъ общества послѣ иронической рѣчи, произнесенной имъ по случаю избранія гр. Д. И. Хвостова въ члены (она нап. въ 4-ой кн. «Чтеній», 1861). Вольное общество любителей словесности прекратилось въ 1831 г., со смертію послѣдняго его предсѣдателя, А. Измайлова.

О характерѣ и образованности Пнина сохранились самые лестные отзывы. Смерть его искренно огорчила друзей и знако-

(*) См. Письма А. Бестужева (Рус. Вѣст. 1861, № 3, стр. 302—303).

(**) Напечатанъ особо, подъ заглавіемъ: «Опытъ военнаго воспитанія, относительно благороднаго юношества (1803)». См. еще въ Росписи Смирдина, подъ № 1461: «Правила военнаго воспитанія, относительно благороднаго юношества (1807)».

мыхъ. Съ благородствомъ души соединялъ онъ твердость столь же благородныхъ убѣжденій. Этими качествами объясняется то вліяніе, которое онъ имѣлъ на людей, состоявшихъ съ нимъ въ тѣсной связи. Память его была почтена многими стихотвореніями: два изъ нихъ написаны Радищевымъ и Батюшковымъ.

Сочиненія Пнина:

а) Стихотворенія печатавшіяся въ Петербургскомъ Журналѣ (1798), котораго онъ былъ издателемъ, Журналѣ Россійской Словесности, Брусилова (1805), Сѣверномъ Вѣстникѣ, Мартынова (1804—1805). Важнѣйшее изъ нихъ «Ода на правосудіе» (см. ниже, прим. 2). Кромѣ того напечатанъ отдѣльно его «Гимнъ, пѣтый при заложеніи с. п. бургской биржи» (1805).

б) «Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи (1804)», разсматривающій три предмета: въ чемъ состоять должно истинное просвѣщеніе? всѣ ли состоянія въ Россіи требуютъ одинаковаго просвѣщенія? что можетъ наиболѣе споспѣшествовать просвѣщенію?

Въ некрологѣ Пнина (Журн. Рос. Слов., № 10) сказано, что онъ написалъ еще «Вопль невинности, отвергаемой закономъ», и первое дѣйствіе драмы «Велизарій», трудился надъ сочиненіемъ «О возбужденіи патріотизма» и думалъ издавать «Народный Вѣстникъ». Въ стихахъ на смерть Пнина, Батюшковъ говоритъ, что онъ былъ полезенъ согражданамъ,

> Перомъ отъ злой судьбы невинность защищалъ.

Слова эти, вѣроятно, относятся къ «Воплю невинности». (О Пнинѣ и его сочиненіяхъ, Журн. Рос. Слов., 1805, № 10; Сѣверный Вѣстникъ, Мартынова, ч. VII, стр. 345—346, и ч. VIII, стр. 86—87; Библ. Зап., Лонгинова, Совр. 1856, № 6; Сѣвер. Пчела, 1857, № 125, въ фельетонѣ).

[2]) «Ода на правосудіе», съ эпиграфомъ изъ Гольбаха: «Правосудіе есть основаніе всѣхъ общественныхъ добродѣтелей» (Спб. Въ Медицинской типографіи, безъ означенія года). Перепечатана въ 10 № Журнала Рос. Словесности, 1805 г. Къ этому же году относится ея сочиненіе. Поэтическихъ достоинствъ она не имѣетъ, и между тѣмъ современные литераторы видѣли въ ней «славнѣйшій памятникъ» таланта ея автора. Отзывъ заслуженный и совершенно понятный, если достоинство стихотворенія цѣнить по силѣ убѣжденія, которое въ немъ выражено. «Ода на правосудіе» есть піеса дидактическая, имѣющая цѣлію убѣдить читателей въ истинѣ и важности мысли. Такого же рода и другіе стихи Пнина, о которомъ издатель Журнала Рос. Словесности справедливо сказалъ: «Пнинъ былъ рожденъ *поэтомъ истины*. Лира его не гремѣла похвалъ лести: онъ хвалилъ иногда, но самая похвала его имѣла въ себѣ *печать истины*. Осыпая похвалами, онъ умѣлъ давать *уроки* строгой добродѣтели». Содержаніе Оды совпадаетъ съ содержаніемъ «Опыта о просвѣщеніи», или, лучше, «Опытъ» далъ существенную основу стихотворенію, какъ это видно изъ нижеприводимыхъ выписокъ. Но прежде посмотримъ, въ чемъ авторъ полагаетъ просвѣщеніе:

> Просвѣщеніе, въ настоящемъ смыслѣ пріемлемое, состоитъ въ томъ, когда каждый членъ общества, въ какомъ бы званіи ни находился, совершенно знаетъ и исполняетъ свои должности; то есть, когда начальство съ своей стороны свято исполняетъ обязанности ввѣренной оному власти, а нижняго разряда люди ненарушимо исполняютъ обязанности своего повиновенія. Если сіи два состоянія не переступаютъ своихъ мѣръ, сохраняя должное въ отношеніяхъ своихъ равновѣсіе, тогда просвѣщеніе достигло желаемой цѣли. Есть люди, которые о просвѣщеніи народовъ заключаютъ по числу ихъ сочинителей: то есть, тамъ, гдѣ больше находится сочинителей, тамъ болѣе и просвѣщенія. По мнѣнію сихъ людей, Франція должна бы почесться наипросвѣщеннѣйшею страною въ свѣтѣ, потому что она обильнѣе всѣхъ прочихъ своими писателями. Но сколь, при всей ея блистательной учености, далеко еще отстоитъ она отъ истиннаго образованія! Ибо тамъ, гдѣ царствуетъ просвѣщеніе, тамъ спокойствіе и блаженство суть удѣломъ каждаго гражданина. Но доколѣ власть во зло употребляетъ довѣренность, обществомъ ей дѣлаемую, доколѣ подчиненность не перестаетъ выходить изъ своихъ предѣловъ, и доколѣ равновѣсіе гражданственныхъ взаимностей теряется, дотолѣ та страна, хотя бы она состояла вся изъ ученыхъ и философовъ, едва ли счастливѣе той, которая покрыта мракомъ невѣжества.

Съ понятіемъ *о правосудіи* авторъ соединяетъ неразрывно понятіе *о собственности*. Вторая строфа Оды сокращенно передаетъ то самое, что говорится въ слѣдующихъ словахъ «Опыта»:

> Сколь ни многоразличны государственныя постановленія, совсѣмъ тѣмъ всѣ оныя стремятся къ сохраненію собственности и личной безопасности гражданина. Собственность! священное право! душа общежитія! источникъ законовъ! мать изобилія и удовольствій! Гдѣ ты уважена, гдѣ ты неприкосновенна, та только благословенна страна, тамъ только спокоенъ и благополученъ

гражданинъ. Но ты бѣжишь отъ звука цѣпей! Ты чуждаешься невольниковъ. Права твои не могутъ существовать ни въ рабствѣ, ни въ безначаліи, поелику ты обитаешь только въ царствѣ законовъ. Собственность! гдѣ нѣтъ тебя, тамъ не можетъ быть и правосудія... Гдѣ нѣтъ собственности, тамъ, конечно, не можетъ быть и животворной дѣятельности, сей души общественнаго тѣла. Гдѣ нѣтъ собственности, тамъ всѣ постановленія существуютъ только на одной бумагѣ. Гдѣ нѣтъ собственности, тамъ кругъ общественныхъ дѣяній едва движется, тамъ все имѣетъ видъ изнеможенный, печальный, мертвенный и слѣдовательно несчастный. Наконецъ тамъ, гдѣ нѣтъ собственности, гдѣ никто не можетъ безопасно наслаждаться плодами своихъ трудовъ, тамъ самая причина соединенія людей истреблена, тамъ узелъ, долженствующій скрѣплять общество, уже разорванъ— и будущее, истекая изъ настоящаго положенія вещей, знаменуетъ черную тучу, страшную бурю въ себѣ заключающую.

Какъ эта тирада о важномъ значеніи собственности могла бы дать стихотворцу поводъ къ сочиненію оды на собственность, такъ 9, 10, 11 и 12-ая строфы «Оды на правосудіе», составляющія вторую ея половину, служатъ картиною пагубныхъ дѣйствій неправосудія, которыя въ общихъ чертахъ набросаны «Опытомъ»:

Какимъ же непонятнымъ образомъ держится общественное зданіе тамъ, гдѣ не имѣетъ оно надлежащаго основанія? тамъ, гдѣ права собственности попраны, гдѣ правосудіе извѣстно по одному только названію, и гдѣ оное болѣе пріобрѣтается посредствомъ денегъ или покровительствъ, нежели исполняется какъ законъ? Тамъ все покрыто неизвѣстностію, все зависитъ единственно отъ случая. Одно мгновеніе—и общественнаго зданія не станетъ. Одно мгновеніе— и развалины онаго возвѣстятъ о бѣдствіяхъ народныхъ.

Въ противоположность второй половинѣ Оды, первая (8 строфъ) рисуетъ блаженство, разливаемое въ обществѣ правосудіемъ. Взглядъ стихотворца подтверждается мыслями, выраженными въ «Опытѣ»:

Правосудіе, говоритъ Пиѳагоръ, есть соль жизни. И подлинно: оно все сохраняетъ, сберегаетъ все отъ поврежденія; дѣлаетъ ненарушимымъ и священнымъ для насъ какъ особу, такъ и имущество другихъ. Одинъ лишь человѣкъ есть господинъ надъ самимъ собою: для безопасности своей живетъ онъ въ обществѣ. Слѣдовательно общество должно каждаго изъ членовъ своихъ обезпечить наслажденіе самимъ собою, обезпечить свободное употребленіе законныхъ его правъ и владѣніе вещей, чрезъ трудолюбіе и промышленность имъ пріобрѣтаемыхъ. Изъ чего слѣдуетъ, что никакая власть на землѣ не имѣетъ права лишить человѣка свободы, которая не иное что есть, какъ способность трудиться для счастія своего, согласно съ правосудіемъ; ни собственности, подъ коею разумѣется все, что только человѣкъ имѣетъ или доставляетъ себѣ чрезъ свои попеченія, дарованія, проворство. Человѣкъ пріобрѣтаетъ справедливыя права на всѣ тѣ вещи, которыя, дабы сдѣлаться таковыми, каковыми онѣ суть, требовали употребленія личныхъ его способностей. Его работа сливаетъ его, такъ сказать, съ вещію, которую бралъ онъ на себя трудъ образовать, усовершенствовать, сдѣлать полезною, хотя бы то было для себя, хотя бы то было для другихъ. Безъ безопасности, безъ свободы, безъ собственности, общество дѣлается для насъ совершенно безполезнымъ, и жизнь гражданственная потому только для насъ выгодна, что она защищаетъ права сіи отъ несправедливости и насилій. Правосудіе есть основаніе общественнаго и частнаго благоденствія; люди потому только порочны и несчастны, что они несправедливы; всѣ нравственныя добродѣтели основаны на правосудіи.

Замѣтимъ, что Пнинъ началъ свою Оду подражаніемъ 8-ой одѣ Ломоносова:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина....

XVII.

ВОСТОКОВЪ. (1).

А. КЪ МЕЦЕНАТУ: О СПОКОЙСТВІИ ДУХА (1803). (2).

Премудро скрыли боги грядущее
Отъ нашихъ взоровъ темною нощію,
Смѣясь, что мы свои заботы
Вдаль простираемъ. Что днесь предъ нами,

О томъ помыслимъ! прочее, столько же
Какъ Тибръ, измѣнѣ всякой подвержено:

Рѣка, впадающая въ море
Тихо въ иной день, брегамъ покорно;

Въ иной день волны пѣнисты, мутныя
Стремяща; камни, корни срывающа;
Подъ стономъ горъ, дубравъ окрест-
ныхъ,
Домы, стада уносяща въ море.

Тотъ прямо счастливъ, царь надъ судьбой
своей,
Кто съ днемъ протекшимъ можетъ сказать
себѣ:
«Сегодня жилъ я! пусть заутра
Юпитеръ черныя тучи кажетъ

Или чистѣйшу ясность лазурную:
Но не изгладитъ то, что свершилося,
Ниже отыметъ тѣ минуты,
Кои провелъ я теперь толь сладко».

Фортуна любитъ мѣны жестокія;
Играетъ нами злобно и, почести
Невѣрны раздая, ласкаетъ
Нынѣ меня, а потомъ другаго.

А а безскорбенъ: хочетъ ли инуда
Летѣть, охотно все возвращаю ей;
Своею доблестью одѣнусь,
Правду свою обыму и бѣдность.

Когда отъ бурныхъ вихрей шатаются
Со скрыпомъ мачты,—мнѣ не вымаливать
Себѣ драгихъ стяжаній цѣлость;
Мнѣ малодушно не класть обѣты,

Чтобъ алчнымъ моремъ не были пожраны
Мои товары дальнопривозные.
За то проѣду безопасно
Въ самыя бури на утломъ стругѣ!

в. ЛИСТОПАДЪ И ЦВѢТЕНЬ (1804). (³).

Здравствуй, златое на западѣ солнце,
Послѣ осенняго, скучнаго дня!
Вдругъ, разогнавши завистныя тучи,
Бросило свѣтлый ты взоръ на меня!
Я вспоминаю весенни
Дни золотые;
Тѣшусь, живу вспоминаньемъ
Радостей прошлыхъ.

Такъ! *настоящее* есть
Неосязаемый пунктъ.
Вѣчная благость смертнымъ дала
Въ *будущемъ* жить и въ *минувшемъ*.
Двухъ имъ послала спутницъ,
Прекрасныхъ фантазіи дщерей,
Надежду и Память.

Одна передъ нами во мглѣ нерѣшимой
Высоко держитъ свѣтильникъ;
Путь усыпаетъ цвѣтами,
И нудитъ гордый разсудокъ
На помочахъ легкихъ
Идти за собой.
Но часто и встрѣчные вихри
Отъ насъ отрываютъ ее:
Едва остается намъ виденъ
Пылающій факелъ ея,
Какъ звѣздка вдали.

Сестра же ея неотлучно
За нами слѣдитъ.
Какъ даровитая осень,
Въ вѣнцѣ изъ колосьевъ,
У сердца держитъ снопы,
Прилежно цвѣты и плоды собираетъ,
А плевелъ и терніе топчетъ ногой!

Здравствуй же, солнце златое,
Въ дни Листопада!
Ты представляй мнѣ живѣе
Радостный Цвѣтень!

в. ПИСЬМО О СЧАСТІИ (1805).

(Къ И. А. Иванову).

Во время, впору, кстати:
Вотъ счастія девизъ.
Ивановъ, что есть счастье?

Имѣть покровъ въ ненастье,
Тепло во время стужи,
Прохладну тѣнь отъ зною;
Голодному хлѣбъ-соль,
А сытому надежду
На *завтрешнее* благо;
Сегодняжъ—увѣренье,
Что совѣсть въ немъ чиста,
Что онъ пріятенъ людямъ,
Друзьямъ своимъ любезенъ,
Младой подругѣ милъ;
Что онъ, не зная рабства,
Не обинуясь, можетъ
Работать, отдыхать,
Копить и расточать,
Во время, *впору*, *кстати*.

Но кто научитъ насъ
Все дѣлать *впору, кстати*?
Никто иной какъ сердце,
Какъ собственное сердце;
Оно должно вести
Насъ бережно и ловко,
Какъ хитрыхъ балансеровъ,
По оной тонкой нити,
Которая зовется:
Во время, въ пору, кстати.
Протянута надъ бездной
Сія чудесна нить:
Надъ темной бездной скуки,
Душевной пустоты:
Гдѣ приметъ насъ зѣвота,
Положатъ спать болѣзни,
И отвращенье въ льдяныхъ
Объятіяхъ моритъ.

Но какъ намъ убеpечься,
Чтобы туда не пасть?
Спроси у философовъ.
Одинъ тебѣ твердитъ:
«Не слушайся ты сердца,
А слушайся ума;
Сего имѣй вождемъ!»
Другой велитъ напротивъ.
А мой совѣтъ таковъ:
Умъ съ сердцемъ согласи;
Но болѣе второму
Всегда послушенъ будь,
За тѣмъ, что въ немъ природа
Свой внѣдрила инстинктъ,
Законъ *поры и стати*.

Конечно, умъ есть жезлъ,
Къ которому должны
Привязывать мы сердце,
Какъ винограду лозу
Къ тычинкѣ,—чтобы вверхъ
Росла, не въ прахѣ бъ стлалась;
Но можетъ вѣдь лоза
Прожить и безъ тычинки,
Хотя и дико, криво,
И плодъ нести, хоть горькій!
Тычинка жъ безъ лозы
Дреколье лишь сухое.

Г. КЪ ГАРПОКРАТУ (1812). (4).

(Ода нѣмаго.)

Священный богъ молчанья,
Которому, увы! невольно я служу,
Несчастливъ я и счастливъ,
Что на устахъ моихъ твою печать держу:
Несчастливъ, коль безмолвенъ
Въ бесѣдѣ съ добрымъ я и съ умнымъ. Ни излить
Предъ нимъ совѣтно мысли,
Ни время съ нимъ могу пріятно раздѣлить!
Языкъ имѣя связанъ,
Истолкователя сердечныхъ чувствъ и нуждъ,
Я долженъ, сжавши сердце,
Полезныхъ многихъ дѣлъ и радостей быть чуждъ,
Которыми владѣетъ
Послѣдній изъ людей, когда онъ получилъ
Божественный даръ слова,
Сего слугу ума и движителя силъ.
Но мнѣ, его лишенну,
Роптать ли и другихъ завидовать судьбѣ?
Нѣтъ: я не менѣ счастливъ,
Что скрыться иногда могу въ самомъ себѣ,

Съ тобою, богъ молчанья!
Когда злословіемъ бываю оглушенъ
И дикимъ пустословьемъ,
О радость! отвѣчать я имъ не принужденъ.
Могу лишь помаваньемъ
Главы иль знаками отдѣлаться отъ нихъ,
Ни въ спорахъ безполезныхъ,
Ниже часы губя въ учтивостяхъ пустыхъ.
И отъ пороковъ многихъ,
Молчанья строгій богъ, меня ты оградилъ:
Я по неволѣ скроменъ,
Смиренъ и терпѣливъ. Во мнѣ ты притупилъ
Сей, обоюду острый,
Опасный мечъ—языкъ. Ахъ, можетъ быть, во зло
Онъ былъ бы мнѣ и ближнимъ!
Твое храненіе меня отъ бѣдъ спасло.
Изъ сѣти искушенья
Не ты ли отрока меня еще извлекъ,
И въ сѣнь уединенья
Пренесъ, и чистыхъ Музъ служенію обрекъ?
Священный богъ молчанья,
Которому, увы! невольно я служу,
Несчастливъ я и счастливъ,
Что на устахъ моихъ твою печать держу!

¹) Указаніе ученой дѣятельности А. Х. Востокова (род. 1781), конечно, не здѣсь, а въ исторія филологіи, гдѣ его имя стоитъ на ряду съ первоклассными европейскими филологами. Здѣсь же онъ долженъ занять почтенное мѣсто по своей дѣятельности литературной, относящейся къ первому пятнадцатилѣтію текущаго вѣка. Мы уже видѣли его членомъ-учредителемъ Вольнаго общества любителей словесности, которое состояло изъ даровитыхъ молодыхъ людей, одушевленныхъ искреннею любовію къ наукѣ и поэзіи. Въ Свиткѣ Музъ (1802—1803) и въ Періодическомъ изданія общества (1804) помѣщены первыя стихотворенія Востокова, сочиненныя, какъ онъ самъ замѣчаетъ, «прилежнымъ читателемъ Московскаго журнала и Аглаи», т. е. подъ вліяніемъ Карамзина. Въ 1805—1806 г.г. все написанное имъ до сего времени было издано особой книгой, въ 2 ч., подъ названіемъ: «Опыты лирическіе и другія мелкія сочиненія въ стихахъ». Между ними, авторъ представилъ на судъ просвѣщенныхъ критиковъ новые стихотворные размѣры, взятые, по примѣру Нѣмцевъ, съ латинскаго и греческаго. Отличаясь, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, скромностію, не дозволявшею ему говорить о собственныхъ заслугахъ, онъ смотрѣлъ на это нововведеніе, какъ на пробу въ русской версификаціи. «Не для того», говорилъ онъ, «выставлены пробы дактилическихъ и иныхъ разностопныхъ стиховъ, чтобы требовать точнаго имъ подражанія и хотѣть на русскомъ языкѣ именно сафическихъ, алкейскихъ, асклепіадейскихъ, ферекратійскихъ стиховъ, но только для того, чтобы побудить молодыхъ нашихъ поэтовъ заняться обработываніемъ собственной нашей просодіи, не ограничиваясь ямбами и хореями, а испытывая всѣ пути, пользуясь всѣми способами, которые предлагаетъ намъ славенорусскій языкъ, благомѣрный и звучный». Не смотря, однакожъ, на такую оговорку, за Востоковымъ остается первенство попытки слагать русскій стихъ изъ разнообразныхъ метровъ. Кромѣ того, въ примѣчаніяхъ къ «Опытамъ» высказано много здравыхъ понятій о переносѣ рѣчей изъ одного стиха въ другой, о переносѣ смысла изъ строфы въ другую, о сущности оды, и проч.

Переносы рѣчей изъ одного стиха въ другой сами по себѣ рѣдко красоту составляютъ, но переводчику (Гораціевыхъ одъ) казались нужными, чтобъ точнѣе изобразить форму оригинала. Я сказалъ: *рѣдко* составляютъ красоту; ибо нельзя иногда и въ переносахъ не признать существеннѣйшихъ красотъ, особливо подъ перомъ искусныхъ мастеровъ, Ломоносова или Державина... Въ Гораціевыхъ же стихотвореніяхъ видимъ мы еще одну особенность (общую ему и греческимъ лирикамъ), а именно: переносъ смысла изъ строфы въ другую. Но въ этомъ еще болѣе имѣетъ онъ подражателей, нежели въ строчныхъ переносахъ. Да и всякъ, кто сколько нибудь постигаетъ лирическій ходъ мыслей, почувствуетъ, что такіе переносы иногда *необходимы*; и сіе не только въ такомъ случаѣ, когда строфы состоятъ изъ четырехъ или шести стиховъ, но даже изъ осьми и десяти. Такія строфы съ переносами, по замѣчанію самого Клопштока, неудобны къ положенью на ноты и къ пѣнью. Но мнѣ кажется, что и не имѣютъ въ томъ нужды. Ода не поется, а читается; она есть болѣе предметъ понятія нашего, нежели предметъ слуха: и хотя требуетъ плавнѣйшаго теченія словъ, согласнѣйшихъ звуковъ и вообще, такъ сказать, *музыкальнѣйшихъ* стиховъ; но не для того ли почти, чтобъ могла тѣмъ болѣе обойтись

безъ прямаго пособія музыки, чтобъ доставляла понятію нашему собственную, тончайшую музыку, внятную душѣ — музыку, въ которой не столько важны число и мѣра *словъ*, сколько число и мѣра *мыслей*».

По изданіи «Опытовъ лирическихъ», Востоковъ помѣщалъ свои стихи и прозаическія статьи въ Цвѣтникѣ, С.п.бургскомъ Вѣстникѣ и Сынѣ Отечества (1812—14 г.г.). Во второмъ изъ этихъ журналовъ (№№ 4, 5 и 6) напечатанъ его «Опытъ о русскомъ стихосложеніи», вышедшій отдѣльною книгою въ 1817 г. Новыя стихотворныя піесы, вмѣстѣ съ прежними, составили 2-ое изд. «Опытовъ». въ 3-хъ ч., подъ названіемъ: «Стихотворенія Александра Востокова (1821)». Послѣдній поэтическій трудъ его — переводъ четырехъ сербскихъ пѣсенъ—см. въ альманахѣ: «Сѣверные Цвѣты на 1827 г.» (А. Х. Востоковъ. Его ученая и литературная дѣятельность. Ст. Н. П. Карелкина, въ 1 № От. Зап. 1855; Труды и юбилей А. Х. Востокова, ст. Срезневскаго, въ Учен. Зап. 2 отд. Ак. Н., книги 2-ой вып. 1).

Стихотворенія Востокова, не поражая ни блескомъ фантазіи, ни увлекающимъ восторгомъ, имѣютъ другія несомнѣнныя достоинства, которыя для цѣнителей искуства дороги не меньше поэтическихъ красотъ. Въ каждомъ изъ нихъ есть мысль, выражаемая яснымъ и отчетливымъ словомъ, есть разумная мѣра, не позволяющая ни воображенію уноситься въ сторону, ни чувству разливаться напраснымъ потокомъ. Кто не смотритъ на одну внѣшность, а умѣетъ постигать внутреннюю стройность содержанія, тотъ легко различитъ и въ первыхъ лирическихъ опытахъ Востокова особенныя черты, болѣе привлекательныя, чѣмъ паѳосъ иныхъ поэтовъ, и, безъ сомнѣнія, отражающія въ себѣ личность самого стихотворца: онъ увидитъ столько же искреннее, сколько и скромное, чуждое всякаго тщеславія служеніе музамъ, стремленіе къ зависимости отъ своего собственнаго суда и къ независимости отъ случайной обстановки жизни, цѣломудренную сдержанность лиризма—если можно такъ выразиться, и наконецъ ту нравственную безупречность, которая служитъ наилучшею жертвою Аполлону и о которой такъ часто вздыхаютъ поэты, какъ объ утраченномъ идеалѣ.

[2]) Изъ Горація (книги 3-ей оды 29-ой окончаніе, отъ стиха: Prudens futuri temporis exitum, и пр.). Переведено размѣромъ подлинника.

[3]) Листопадъ—древнее названіе ноября, а цвѣтень—апрѣля.

[4]) Гарпократъ—сынъ Озириса и Изиды, египетскій богъ, получившій у Грековъ имя «бога молчанія». Его изображали мальчикомъ съ перстомъ на устахъ. Г. Карелкинъ (см. указанную статью его) называетъ эту піесу «полною исповѣдью поэта», прибавляя: «какою теплотою отзывается каждое слово! сколько искренности, и какъ трудно человѣку возвыситься до этой искренности!» Ода Гарпократу состоитъ въ связи съ «Откровеніемъ Музы», 1804 (Стихотворенія, кн. II, стр. 126—128). Выписываемъ отсюда двѣ послѣднія строфы, содержащія въ себѣ заключеніе рѣчи, которую Муза обратила къ автору:

Хотя же строгая судьба отъемлетъ
От устъ твоихъ вѣтійства даръ,
Создавъ тебя косноязычнымъ;
Но чувствъ сердечныхъ жаръ

Тѣмъ съ большей силою да воскресаетъ
Въ размѣрѣ сладостныхъ стиховъ:
Языкъ тебѣ не доданъ смертныхъ,
Но данъ языкъ боговъ!

XVIII.

ГРАФЪ РАСТОПЧИНЪ. ([1]).

А. ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ПРУССІИ (СЪ 1786). ([2]).

а) Граница.

Городъ Цилингъ малъ, дуренъ и ничего не заключаетъ примѣчанія достойнаго; въ немъ, такъ какъ и во всѣхъ нѣмецкихъ маленькихъ городахъ, лучшія строенія—ратуша, кирка и почтмейстеровъ домъ. Тутъ начинается прусское владѣніе, нѣмецкій языкъ и курсъ терпѣнія. Несчастный русскій путешественникъ, плачь и сокрушайся о ямщикахъ! Забывай, что лошадь можетъ бѣжать рысью и скакать! Мужайся и

терпи! Ты знаешь, какъ варвары мучатъ христіанъ; но ихъ искупаютъ изъ плѣна, а тебя ничто спасти не можетъ.

б) Почта.

Содержится почтмейстерами. Большая изъ нихъ часть отставные офицеры— хвастуны и болтуны. У нихъ бываетъ въ конюшнѣ толстоногихъ, большихъ, жирныхъ лошадей до шестнадцати. Сперва почтмейстеръ осмотритъ карету или коляску проѣзжаго, чтобъ придраться и, если есть возможность, то припречь лишнюю лошадь, что всегда и случается, когда почтмейстеръ имѣетъ покровителей или пьянѣе обыкновеннаго. Сіе зависитъ отъ воли его, ибо пріѣзжій въ совершенной его власти. Тогда уже лучше заплатить почтовыя деньги, а лошади прибавочной не запрягать: у нихъ законъ—какъ пріѣхалъ, такъ и поѣхалъ. Потомъ велятъ мазать повозку; начнется совѣтъ, какихъ запрягать лошадей. Рѣшеніе почтмейстера. Дадутъ лошадямъ корму. Пока онѣ ѣдятъ, пойдетъ также ѣсть и почтальонъ; надѣнутъ хомуты; станутъ запрягать. Все сіе продолжается полтора часа. Между тѣмъ временемъ почтмейстеръ, выкуривая, закуривая или докуривая трубку, разсказываетъ всякому проѣзжему, безъ разбора, про свою службу, подвиги, раны, милости королевскія, и проч. Сіе продолжается до минуты отъѣзда. А въ Бранденбургѣ почтмейстеръ задерживалъ полчаса лишняго плодовитымъ описаніемъ безконечной исторіи его жизни; и какъ, по несчастію, онъ былъ раненъ въ лопатку, въ ляшку и въ сердце, то, для показанія сихъ ранъ, долженъ онъ былъ раздѣваться. Но тамъ, гдѣ почтмейстеръ и не раненъ, прежде полутора часа съ почты выѣхать невозможно, и когда объявитъ съ торжественнымъ видомъ оборванный мужикъ въ должности вагенмейстера, что все готово, и думаешь, хотя шагомъ, но какъ-нибудь доѣхать впередъ, то тутъ найдутъ разныя непостижимыя уму человѣческому остановки. Должно платить не въ однѣ руки, а порознь— постъ-гельдъ, шмиръ-гельдъ, тринкъ-гельдъ, барьеръ-гельдъ, шосе-гельдъ, торъ-гельдъ, брикъ-гельдъ, экспедиціонъ-гельдъ.

Постъ-гельдъ — беретъ почтмейстеръ впередъ на каждую лошадь за милю по 8 грошей, то есть по 30 коп.

Шмиръ-гельдъ—беретъ вагенмейстеръ 4 гроша (16 к.) за мазанье колесъ. Въ Мемелѣ у меня раскололи доску на боку у кареты, а я все-таки шмиръ-гельдъ заплатилъ.

Тринкъ-гельдъ — беретъ почтальонъ. Хотя и положено ему давать по три гроша (12 к.) за милю, но они никогда ничѣмъ не довольны и грубымъ, дерзкимъ и неотступнымъ образомъ принуждаютъ давать себѣ, выводя изъ терпѣнія, гроша по 4 и болѣ.

Барьеръ-гельдъ—беретъ за проѣздъ приставленный отъ помѣщика земли по копѣйкѣ и болѣ съ лошади; а чтобъ вѣрнѣе получить, то закидываются рогатки. Всякій, чья земля подъ дорогой, имѣетъ право останавливать проѣзжихъ и требовать съ нихъ денегъ.

Шосе-гельдъ—беретъ казенный приставъ за мостовую въ городахъ, селеніяхъ и по дорогѣ.

Торъ-гельдъ — беретъ привортникъ, швейцаръ или затворникъ, при въѣздѣ въ городскія ворота.

Брикъ-гельдъ—беретъ приставъ за проѣздъ чрезъ мостъ.

Экспедиціонъ-гельдъ — беретъ Христа ради инвалидный унтеръ-офицеръ, опредѣленный къ почтѣ въ награжденіе за его службу. Онъ при отъѣздѣ подходитъ къ проѣзжему, протягиваетъ руку и проситъ двухъ грошей. Сіи инвалиды приводили мнѣ всегда на память монаха,

что просилъ милостыню у Стерна въ Кале. Но тотъ имѣлъ убѣжище въ монастырѣ, а прусскихъ сихъ героевъ жизнь зависитъ отъ подаянія проѣзжихъ.

Прежде меня сердило, а теперь трогаетъ то, что сія неподвижная почта называется *экстрапость*, т. е. чрезвычайная почта. Неудивительно, что она существуетъ въ Пруссіи, въ разсужденіи флегматическаго сложенія жителей. Въ другихъ земляхъ сіе столь полезное учрежденіе служило бы къ пагубѣ и истребленію народа. Въ древнихъ философическихъ школахъ, въ Греціи, научались терпѣнію чрезъ многіе годы, а въ нынѣшнія времена прусская почта, на разстояніи нѣсколькихъ миль, довела бы до совершенства учениковъ премудрости. Почта сія есть мученіе несносное, а почтмейстеръ тиранъ безчеловѣчный. Ни просьба, ни ласка, ни слезы, ничто его не трогаетъ. Не смотря ни на что, онъ непускаетъ изъ себя сквозь дымъ слово: глейхъ (тотчасъ). Сей глейхъ служитъ отвѣтомъ на все и продолжается полтора часа. Иные, разсердясь, хотѣли ихъ бить, но послѣ были отвезены, на той же почтѣ, и еще тише обыкновеннаго, подъ судъ и подвергли себя наказанію законовъ. Нѣкоторые ихъ бранили, но тогда почтмейстеры, положа трубку, принимались вытаскивать съѣденную ржавчиною шпагу и угрожали отмщеніемъ за оскорбленіе почтовой ихъ чести. Я предавалъ обыкновенно ихъ проклятію, хаживалъ гулять или читывалъ въ каретѣ книгу. Симъ способомъ избавлялся отъ злобы и отъ раскаянія, что поѣхалъ въ чужіе краи.

в) Почтальоны.

Почтальонъ, или мужикъ, служитъ почтмейстеру, одѣтъ въ длинномъ сюртукѣ, волторну носитъ чрезъ плечо, сидитъ на лѣвой коренной лошади, а правитъ двумя, тремя и четырьмя; въ рукахъ держитъ длинный бичъ и сѣчетъ имъ воздухъ, по преданіямъ своихъ предковъ, по примѣру товарищей, по наученію почтмейстера, по приверженности къ лошадямъ, и сходственно съ своимъ нравомъ; возитъ онъ круглый годъ шагомъ. Когда лошади побѣгутъ рысью, думаетъ, что они бьютъ. Между почтмейстера и почталіона та разница, что одинъ мучитъ два часа, а другой четыре, шесть, восемь и сутки.

По установленію королевскому, курьеровъ должно возить на почтѣ по семи, а проѣзжихъ по пяти верстъ на часъ. Но никогда еще никто не уѣзжалъ болѣ двѣнадцати миль въ двадцать четыре часа.

Намъ сіе непонятно отъ того, что мы въ Россіи уѣзжаемъ по 20, рѣдко меньше 10 верстъ, въ часъ; на долгихъ по 100 верстъ въ сутки; пѣшкомъ ходоки наши уходятъ по 60 верстъ въ день. А нѣмецкій почталіонъ хотя и долженъ ѣхать по 5 верстъ въ часъ, а уѣзжаетъ по три. Но и того много, если исчислить, сколько ему времени надобно: кормить на каждой милѣ лошадей, поить вездѣ, гдѣ естъ вода, ѣсть и пить самому вездѣ, гдѣ найдетъ хлѣбъ, масло и пиво, раскуривать трубку, высѣкать огонь, говорить со встрѣчающимися, торговаться за перевозъ, играть на волторнѣ.

Бранить его дурно, бить еще хуже, просить—не поможетъ, давать денегъ—не подѣйствуетъ.

Если ему дать денегъ, то онъ сперва попроситъ посмотрѣть, какъ онъ скоро поѣдетъ: хлопнетъ разъ десять бичемъ, лошади побѣгутъ рысью, онъ засмѣется, оглянется, попридержитъ и опять поѣдетъ шагомъ.

Древніе, для изображенія скуки, представляли время съ обрѣзанными крыльями: лучше бы его одѣть прусскимъ почтальономъ.

Кажется, что часы лишаются движенія и что минутная стрѣлка стоитъ неподвижно.

Со мною былъ Тристрамъ-Шанди, и онъ мнѣ показался печальнѣе Юнга.

г) Глейхъ.

Симъ словомъ почтмейстеръ и почтальонъ отвѣтствуютъ нетерпѣнію путешественника. Глейхъ наводитъ на меня уныніе, печаль и отчаяніе. Почтовый глейхъ въ сравненіи: съ русскимъ—тотчасъ, съ французскимъ—dans l'instant, съ италіянскимъ—subito, съ англійскимъ — directly, то, что секунда въ сравненіи съ годомъ.

д) Первый допросъ.

Стоящій въ воротахъ часовой при въѣздѣ останавливаетъ всякаго; если пріѣзжій иностранный и ѣдетъ въ коляскѣ или въ каретѣ, то выходитъ офицеръ, на караулѣ стоящій, и, вынувъ записную книжку и карандашъ, требуетъ отвѣта на множество вопросовъ, дабы узнать, что за человѣкъ пріѣзжій и съ какимъ намѣреніемъ пріѣхалъ въ Берлинъ, будетъ ли представленъ къ королю, и проч. Намаравъ листа два, выведя изъ терпѣнія отвѣтчика, выбившись самъ изъ силъ и не узнавъ ничего, приказываетъ солдату сѣсть на повозку и проводить ее въ таможню.

е) Второй допросъ.

Лишь только войдешь въ трактирѣ въ комнату, то явится хозяинъ съ бумагою, разграфленной, такъ какъ у насъ пишутъ рапорты, вѣдомости и списки. Тутъ стоятъ слѣдующіе вопросы, на кои должно отвѣчать непремѣнно, и я обыкновенно одно писывалъ:

Вопросы:	Отвѣты:
Откуда пріѣхалъ?	Съ послѣдней почты.
За чѣмъ?	Такъ.
Долго-ли пробудешь?	Пока случится.
Военный ли человѣкъ?	Ношу мундиръ.
Имѣетъ ли въ Пруссіи родню?	Можетъ быть.

в. МЫСЛИ ВЪ СЛУХЪ НА КРАСНОМЪ КРЫЛЬЦѢ (1807). (³)

Ефремовскій дворянинъ Сила Андреевичъ Богатыревъ, отставной подполковникъ, израненный на войнахъ, три выбора предводитель дворянскій и кавалеръ георгіевской и владимірскій, отправился изъ села Зажитова, по случаю милиціи, въ Тулу для закупки ружей, и узнавъ о побѣдѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, проѣхалъ въ Москву, для развѣдыванія о двухъ сыновьяхъ, братѣ и племянникѣ, кои служатъ на войнѣ. Отпѣвъ молебенъ за здравіе государя и отстоявъ набожно обѣдню въ Успенскомъ Соборѣ, по выходѣ, въ прекрасный день сѣлъ на Красномъ Крыльцѣ для отдохновенія, и преисполненъ бывъ великими произшествіями, славою Россіи и своими замѣчаніями, положа локти на колѣна, поддерживая сѣдую голову руками, сталъ думать въ-слухъ - тако:

Господи, помилуй! да будетъ ли этому конецъ? долго ли намъ быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за умъ, сотворить молитву и, плюнувъ, сказать Французу: сгинь ты, дьявольское навожденіе! ступай въ адъ или въ свояси, все равно,—только не будь на Руси.

Прости Господи! ужъ ли Богъ Русь на то создалъ, чтобъ она кормила, поила и богатила всю дрянь заморскую, а ей, кормилицѣ, и спасибо никто не скажетъ. Ее жъ бранятъ вcѣ не на животъ, а на смерть. Пріѣдетъ Французъ съ висѣлицы, всѣ его на перехватъ, а онъ еще ломается; говоритъ: либо принцъ, либо богачъ, за вѣрность и вѣру пострадалъ. А онъ, собака-холопъ, либо купчишка, либо подьячій, либо попъ разстрига, отъ страха убѣжалъ изъ своей земли. Поманерится недѣли двѣ, да и пустится либо

въ торгъ, либо въ воспитанье, а иной и грамотѣ-то плохо знаетъ.

Боже мой! да какъ же предки наши жили безъ Французскаго языка, а служили вѣрой и правдою государю и отечеству, не жалѣли крови своей, оставляли дѣтямъ въ наслѣдство имя честное и помнили заповѣди Господни и присягу свою? За то имъ слава и царство небесное.

Спаси Господи! чему дѣтей нынче учатъ! выговаривать чисто по французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тотъ и уменъ и хорошъ, котораго Французъ за своего брата приметъ. Какъ же имъ любить свою землю, когда они и русскій языкъ плохо знаютъ? Какъ имъ стоять за вѣру, за царя и за отечество, когда они закону Божьему не учены и когда Русскихъ считаютъ за медвѣдей? Мозгъ у нихъ въ тупеѣ, сердце въ рукахъ, а душа въ языкѣ; понять нельзя, что врутъ и что дѣлаютъ. Всему свое названье: Богъ помочь—*Bon jour;* отецъ—*Monsieur;* старуха мать—*Maman;* холопъ—*Mon ami;* Москва—*Ridicule;* Россія—*Fi donc.* Сущія дѣти и духомъ и тѣломъ, такъ и состарѣются.

Господи помилуй! только и видишь, что молодежь одѣтую, обутую по французски; и словомъ, дѣломъ и помышленіемъ французскую. Отечество ихъ на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное Парижъ. Родителей не уважаютъ, стариковъ презираютъ и, бывъ ничто, хотятъ быть все. Завелись филантропы и мизантропы. Филантропы любятъ людей, а разоряютъ мужиковъ; мизантропы отъ общества людей убѣгаютъ въ трактиры. Старухи и молодыя сошли съ ума. Все стало каша кашей. Бѣгутъ за мужъ за Французовъ и гнушаются Русскими. Одѣты какъ мать наша Евва въ раю, сущія вывѣски торговой бани либо мяснаго ряду. Даже и Чухонцы сказываются Лифляндцами, а эти Нѣмцами. Охъ, тяжело! дай, Боже, сто лѣтъ здравствовать государю нашему, а жаль дубины Петра Великаго: взять бы ее хоть на недѣльку изъ кунстъ-камеры, да выбить дурь изъ дураковъ и дуръ. Господи помилуй, согрѣшилъ грѣшный.

Прости Господи! все по французски, все на ихъ манеръ; пора уняться. Чего лучше быть Русскимъ? не стыдно нигдѣ показаться, ходи носъ въ верхъ, есть что поразсказать, а слушать иной хоть не радъ, да готовъ. Вѣдь что за люди къ намъ ѣздятъ, и кому дѣтей своихъ мы ввѣряемъ! Того и смотримъ, чтобъ хорошо выговаривалъ, а впрочемъ хоть иконы обдери: ей Богу, стыдъ! Во всѣхъ земляхъ по французски учатся, но для того, чтобъ умѣть писать, читать и говорить внятно. Ну, не смѣшно ли нашему дворянину покажется, если бы русскій языкъ въ такой модѣ былъ въ иныхъ земляхъ, какъ французскій: чтобъ псарь Климка, поваръ Абрашка, холопъ Вавилка, прачка Грушка и непотребная дѣвка Лушка стали воспитывать благородныхъ дѣтей и учить ихъ доброму. А вотъ, съ позволенія сказать, это-то у насъ лѣтъ ужъ тридцать какъ завелось и, по несчастью, не выводится. Дожить, ей Богу, до бѣды!

Владыко мой! да чего отцамъ и матерямъ хочется? чего у насъ нѣтъ? все есть или быть можетъ. Государь милосердый, дворянство великодушное, купечество богатое, народъ трудолюбивый. Россія извѣстна лѣтъ съ полтораста. А какіе великіе люди въ ней были и есть! Воины: Шуйскій, Голицынъ, Меншиковъ, Шереметевъ, Румянцовъ, Орловъ и Суворовъ; спасители отечества—Пожарскій и Мининъ, Москвы—Еропкинъ; главы духовенства: Филаретъ, Ермогенъ, Прокоповичъ и Платонъ; великая женщина дѣлами и умомъ—Дашкова; министры: Панинъ, Шаховской, Марковъ; писатели: Ломоносовъ, Сума-

роковъ, Херасковъ, Державинъ, Карамзинъ, Нелединскій, Дмитріевъ и Богдановичъ. Всѣ они знали и знаютъ французскій языкъ, но никто изъ нихъ не старался знать его лучше русскаго.

Царь небесный! мало этого, вотъ еще вамъ. Слушайте, что такое Русь. Государь пожелалъ милиціи, и явилась; да какая! не двадцать тысячъ, не пятьдесятъ, не осудите—шесть сотъ двѣнадцать! одѣта, обута, снаряжена и вооружена; а кто начальники? кто чиновники?—русскіе дворяне, вѣрные слуги государскіе, вѣрные сыны отечества, съ грудью гордою, съ рукою сильною. Потѣшили духъ предковъ своихъ, кои служили вѣрой и правдою подъ Казанью, подъ Полтавой, подъ каменной Москвой; милліоны посыпались, всѣ вооружилися; и отъ Леданаго моря до Чернаго, отъ сердца и души закричали: всѣ готовы, идемъ и побьемъ!

Господи помилуй! да что за народъ эти Французы! копѣйки не стоитъ! смотрѣть не на что, говорить не о чемъ. Вретъ чепуху; ни стыда, ни совѣсти нѣтъ. Языкомъ пыль пускаетъ, а руками все забираетъ. За котораго ни примись—либо философъ, либо Римлянинъ, а все наровитъ въ карманъ; труслива какъ заяцъ, шалостливъ какъ кошка; хоть немного дай воли, тотчасъ и напроказитъ. Да вотъ то бѣда, что наша молодежь читаетъ Фоблаза, а не исторію; а то бы увидѣла, что въ французской всякой головѣ вѣтряная мельница, гошпиталь и сумасшедшій домъ. На дѣлахъ они плутишки, а на войнѣ разбойники; два лишь правила у нихъ есть: «все хорошо, лишь бы удалось; что можно взять, то должно прибрать». Хоть немного по шерсти погладятъ, то и бунтъ. Вѣдь что проклятые надѣлали въ эти двадцать лѣтъ! все истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потомъ спорить, браниться, драться; ничего на мѣстѣ не оставили: законъ попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя! — отца. Головы рубили, какъ капусту; всѣ повелѣвали—то тотъ, то другой злодѣй. Думали, что это будто равенство и свобода, а никто не смѣлъ рта разинуть, носу показать и судъ былъ хуже Шемякина. Только и было два опредѣленія: либо въ петлю, либо подъ ножъ. Мало показалось своихъ рѣзать, стрѣлять, топить, мучить, жарить и ѣсть: опрокинулись къ сосѣдямъ и почали грабить и душить Нѣмцевъ и Венгерцевъ, Италіянцевъ и Гишпанцевъ, Голландцевъ и Швейцарцевъ, приговаривая: послѣ спасибо скажете. А тамъ явился Бонапартъ; ушелъ изъ Египта, шикнулъ, и все замолчало. Погналъ сенатъ въ зашей, забралъ все въ руки, запрягъ и военныхъ, и свѣтскихъ, и духовныхъ, и сталъ погонять по всѣмъ по тремъ. Сперва стали роптать, потомъ шептать, тамъ головой качать, а наконецъ кричать: шабашъ, республика! давай Бонапарта короновать, а ему то и на стать. Вотъ онъ и сталъ глава французская, и опять стало свободно и равно всѣмъ, то есть: плакать и кряхтѣть; а онъ, какъ угорѣлая кошка, и пошелъ метаться изъ угла въ уголъ, и до сихъ поръ въ чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революція пожаръ, Французы головешки, а Бонапарте кочерга. Вотъ отъ того-то и выкинуло изъ трубы. Онъ и пошелъ драть. Италію разграбилъ, двухъ королей на острова отправилъ, Цесарцевъ обдулъ, Прусаковъ до нага раздѣлъ и разулъ, а все – мало! весь міръ захотѣлъ покорить: что за Александръ Македонскій! Мужичишка въ рекруты не годится: ни кожи, ни рожи, ни видѣнья; разъ ударить, такъ слѣдъ простынетъ, и духъ вонъ,—а онъ таки лѣзетъ впередъ на Русскихъ. Ну, милости просимъ! Лишь перешелъ за Вислу и стали бубноваго

короля катать: подъ Пултускомъ по щекѣ, сталъ покашливать; подъ Эйлау по другой, и свѣту Божьяго не взвидѣлъ. Думалъ потѣшными своими удивить, а наши армейскіе такъ ихъ утѣшили, что только образцовыхъ пустили живыхъ.

Слава тебѣ, россійское побѣдоносное христіанское воинство! Честь государю нашему и матушкѣ-Россіи! Слава вамъ, герои россійскіе: Толстой, Кожинъ, Голицынъ, Докторовъ, Волконскій, Долгорукій! Вѣчная память, юноша храбрый Голицынъ! Молодые у тебя научатся, братья тебѣ позавидуютъ, старики воздохнутъ не разъ, раздѣлятъ печаль тяжкую съ отцомъ твоимъ, матерью и не скроютъ отъ нихъ слезы горькія о несчастной судьбѣ твоей. Радуйся, царство русское! Всемірный врагъ предъ тобою уклоняется, богатырской твоей силою истребляется! Онъ пришелъ, какъ свирѣпый левъ, хотѣлъ все пожрать; теперь бѣжитъ, какъ голодный волкъ, только озирается и зубами пощелкиваетъ. Не щади звѣря лютаго: тебѣ слава и вѣнецъ, ему срамъ и конецъ. Ура, Русскіе! вы одни молодцы. Побѣда предъ вами, Богъ съ вами, Россія за вами.

За симъ Сила Андреичъ взвелъ съ восторгомъ глаза къ небу, слезы покатились изъ нихъ на землю и смѣшались въ ней съ слезами радости и печали, пролитыми въ теченіе двухъ вѣковъ на мѣстѣ семъ сынами отечества; потомъ онъ всталъ, посмотрѣлъ на Кремль, вынулъ табакерку съ полтавскою медалью, перекрестился и пошелъ въ Спасскія ворота домой.—Миръ съ тобой, Сила Андреичъ! многія тебѣ лѣта здравствовать!

В. АФИШИ (1812). (¹).

Слава Богу! все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаетъ, и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется, чтобъ злодѣя побить,—и то будетъ. Станемъ Богу молиться, да воиновъ снаряжать, да въ армію ихъ отправлять. А за насъ предъ Богомъ заступники: Божія Матерь и московскіе чудотворцы, предъ свѣтомъ милосердый государь нашъ Александръ Павловичъ, а предъ супостаты христолюбивое воинство. А чтобъ скорѣе дѣло рѣшить, государю угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ начальниковъ, и они рады съ вами и жить и умереть. Когда дѣло дѣлать, я съ вами; на войну идти—предъ вами; а отдыхать—за вами. Не бойтесь ничего: нашла туча, да мы ее отдуемъ; все перемелется, мука будетъ. А берегитесь одного—пьяницъ да дураковъ: они, распустя уши, шатаются, да и другимъ въ уши въ расплохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ; а его дѣло кожу драть: обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулитъ фельдмаршальство, нищимъ золотыя горы, народу свободу; а всѣхъ ловитъ за виски, да въ тиски, и пошлетъ на смерть: убьютъ либо тамъ, либо тутъ. И для сего и прошу, если кто изъ нашихъ или изъ чужихъ станетъ его выхвалять и сулить и то и другое, то, какой бы онъ ни былъ, за хохолъ, да на съѣзжую: тотъ, кто возьметъ, тому честь, слава и награда; а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣлаюсь, хоть пяти пядей будь во лбу; мнѣ на то и власть дана, и государь изволилъ приказать беречь матушку Москву; а комужъ беречь мать, какъ не дѣткамъ! Ей Богу, братцы, государь на васъ, какъ на Кремль, надѣется, а я за васъ присягнуть готовъ. Не введите въ слово! А я вѣрный слуга царскій, русскій баринъ и православной христіанинъ. Вотъ моя и молитва: «Господи, Царю небесный! продли дни благочестиваго земнаго царя нашего! продли

благодать Твою на православную Россію, продли мужество христолюбиваго воинства, продли вѣрность и любовь къ отечеству православнаго русскаго народа! направь стопы воиновъ на гибель враговъ, просвѣти и укрѣпи ихъ силою животворящаго Креста, чело ихъ охраняюща, и симъ знаменіемъ побѣдиша».

Главная квартира между Гжати и Можайска. Нашъ авангардъ подъ Гжатью; мѣсто, нашими войсками занимаемое, есть прекрѣпкое, и тутъ свѣтлѣйшій князь намѣренъ дать баталію; теперь мы равны съ непріятелемъ числомъ войскъ. Черезъ два дня, у насъ еще прибудетъ 20,000; но наши войска русскія, единаго закона, единаго царя, защищаютъ церковь Божію, домы, женъ, дѣтей и погосты, гдѣ лежатъ отцы наши. Непріятели же дерутся за хлѣбъ, умираютъ на разбоѣ; если они разъ проиграютъ баталію, то всѣ разбредутся, и поминай, какъ звали.

Вы знаете, что я знаю все, что въ Москвѣ дѣлается: а что было вчера, не хорошо, и побранить есть за что. Два Нѣмца пришли деньги мѣнять, а народъ ихъ катать; одинъ чуть ли не умеръ. Вздумали, что будто шпіоны; а для этого допросить должно: это мое дѣло. А вы знаете, что я не спущу и своему брату, Русскому; и что за диковина ста человѣкамъ прибить костянаго Француза, или въ парикѣ окурнаго Нѣмца! Охота руки марать! и кто на это пускается, тотъ при случаѣ за себя не постоитъ. Когда думаете, что шпіонъ,— ну, веди ко мнѣ, а не бей и не дѣлай нареканія Русскимъ; войска-то французскія должно закопать, а не шушерамъ глаза подбивать. Сюда раненыхъ привезено; они лежатъ въ Головинскомъ дворцѣ; я ихъ осмотрѣлъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ. Вѣдь они за васъ дрались, не оставьте ихъ; посѣтите и поговорите. Вы и колодниковъ кормите, а это государевы вѣрные слуги и наши друзья—какъ имъ не помочь!

Братцы! сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество. Не впустимъ злодѣя въ Москву; но должно пособить, и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкій своихъ выдавать. Москва наша мать; она васъ поила, кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе; возьмите только на три дни хлѣба; идите со крестомъ; возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ. Я буду съ вами и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ! вѣчная память, кто мертвый ляжетъ! горе на страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ!

[1]) Графъ Растопчинъ, Ѳедоръ Васильевичъ. (1763—1826), до пятнадцатилѣтняго возраста жилъ при родителѣ, подъ надзоромъ иностранныхъ гувернеровъ, которые въ совершенствѣ выучили его французскому и нѣмецкому языкамъ. Онъ самъ говоритъ, что у него было «десятка съ три заморскихъ учителей, но (прибавляетъ онъ), помня поученія священника Петра и мамы Герасимовны, я остался Русскимъ». Подъ вліяніемъ этой мамы и другихъ окружавшихъ его людей, онъ усвоилъ языкъ русскій, даже во всей чистотѣ его народнаго говора. Въ 1775 г. Растопчинъ былъ принятъ въ пажи, и даромъ замѣчать и представлять смѣшное обратилъ на себя вниманіе императрицы Екатерины II, которая удостоивала его чести участвовать въ своемъ избранномъ обществѣ. Изъ пажей перешелъ въ гвардію, гдѣ оставался до 1784 г., а въ этотъ годъ отправился въ чужіе краи и прожилъ тамъ почти четыре года. Записки его о путешествіи по Пруссіи нап. въ Москвитянинѣ 1849 г. (см. ниже, примѣч. 2). Воротясь въ отечество, отправился съ гр. Безбородко въ Турцію для мирныхъ переговоровъ, по окончаніи которыхъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ (1792). Въ

этомъ званіи, Растопчина часто назначали къ наслѣднику престола, который приблизилъ его къ себѣ въ послѣдствіи. Въ 1796 г. (ноября 15) онъ написалъ записку о кончинѣ Императрицы, подъ названіемъ: «Послѣдній день жизни Екатерины II и первый день царствованія Павла I»; она нап. въ 3-ей кн. Чтеній на 1860 г. Императоръ произвелъ его, при вступленіи своемъ на престолъ, въ генералъ-маіоры и пожаловалъ ему другія важныя награды. Послѣ временнаго увольненія отъ службы въ 1798 г., Растопчинъ того же года снова былъ въ нее принятъ генералъ-лейтенантомъ, вскорѣ назначенъ третьимъ присутствующимъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а по смерти канцлера Безбородки (1799) первоприсутствующимъ. Къ этому времени относится его переписка съ Суворовымъ, предводителемъ русско-австрійской арміи, котораго онъ узналъ еще въ Турціи и къ которому питалъ великое уваженіе. Въ 1801 г. гр. Растопчинъ принужденъ былъ выдти въ отставку и отправился въ Москву: отсюда начинается новая его жизнь, спокойная и однообразная. Проживая попеременно то въ Москвѣ, то въ селѣ своемъ Вороновѣ, онъ занимался сельскимъ хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей. Г. Тихонравовъ (Графъ Ѳ.В. Растопчинъ, Отеч.Зап.1854, № 7) приписываетъ ему брошюру: «Плугъ и Соха»(1806), авторомъ которой другіе почитали кн. Е. Р. Дашкову. Цѣль брошюры—доказать превосходство сохи, или прежняго способа хлѣбопашества, предъ новымъ, англійскимъ, усвоеннымъ нѣкоторыми тогдашними агрономами. Со времени войны съ Наполеономъ (1806—1807), являются въ нашей литературѣ произведенія, выражающія чувство любви къ отечеству и ненависти къ Французамъ. Первымъ изъ такихъ произведеній была брошюра гр. Растопчина: «Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ, 1807 г.» (см. ниже, прим. 3). За тѣмъ слѣдовали нѣкоторыя его же статьи въ Рус. Вѣстникѣ, который началъ издавать С. Глинка съ 1808 г. (Письмо къ издателямъ Устина Вѣникова, О Суворовѣ); Вѣсти, или убитый живой, ком. въ 1 д. (1807); Письмо Устина Ульяновича Вѣникова къ Силѣ Андреевичу Богатыреву и отвѣтъ Силы Андреевича Богатырева къ Устину Ульяновичу Вѣникову (1808). До 1812 г. Растопчинымъ написаны еще: а) Замѣчаніе на книгу гр. Валеріана Стройновскаго: «О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами,» переведенную въ 1809 г., съ польскаго на русскій Анастасевичемъ (оно нап. во 2 кн. Чтеній 1860) и б) повѣсть: «Охъ, Французы» (Отеч.Зап., 1842 г., № 10). Цѣль ея таже, что и «Мыслей въ слухъ»: возбудить патріотизмъ, чувство собственнаго достоинства въ Русскихъ, отчужденныхъ иностраннымъ воспитаніемъ отъ отечества и зараженныхъ галломаніей. Въ 1810 г. гр. Растопчинъ получилъ званіе оберъ-камергера, но жилъ по прежнему въ Москвѣ. Въ 1812 г. онъ былъ переименованъ въ генерала отъ инфантеріи и назначенъ главнокомандующимъ въ Москвѣ. Съ этого времени его имя становится историческимъ. Гр. Растопчину предстояло, въ трудную годину для Россіи, когда непріятель близился къ древней столицѣ, ободрять и успокоивать ея граждинъ, удовлетворять всеобщему любопытству извѣстіями о военныхъ дѣйствіяхъ и сдерживать раздраженіе народа противъ иностранцевъ. Этой цѣли онъ достигалъ своими знаменитыми афишами, получившими названіе «растопчинскихъ» (см. ниже, прим. 4). Ему приписывали сожженіе Москвы и смотрѣли на этотъ подвигъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. По крайней мѣрѣ онъ имѣлъ это намѣреніе. Въ запискахъ Вильсона (Рус. Вѣст. 1862, № 1) прямо говорится, что Растопчинъ горько жаловался на Кутузова за то, что онъ оставилъ Москву, не давъ ему условленнаго предувѣдомленія и тѣмъ лишивъ возможности начальство столицы явить «болѣе чѣмъ римскую—русскую доблесть» правильнымъ сожженіемъ столицы, прежде чѣмъ она была осквернена присутствіемъ хищника. Но если онъ не могъ обратить въ пепелъ столицу, то сдѣлалъ это съ своимъ домомъ въ имѣніи Вороновѣ, когда стали подходить къ нему Французы. Въ 1814 г. служебное поприще Растопчина кончилось: онъ получилъ увольненіе отъ должности и выѣхалъ изъ Россіи. Побывавъ въ Германіи, въ Англіи, гдѣ принимали его съ особеннымъ восторгомъ, онъ съ 1816 г. поселился въ Парижѣ, гдѣ въ 1823 г. издалъ книжку: La verité sur l'incendie de Moscou, переведенную того же года на русскій языкъ Волковымъ: «Правда о пожарѣ Москвы». Это сочиненіе изумило всѣхъ не въ одной Россіи, но и въ цѣлой Европѣ, такъ какъ авторъ его отрекся отъ чести быть виновникомъ московскаго пожара, послѣ десятилѣтняго молчанія объ этомъ событіи. Друзья графа, дорожившіе его славою болѣе, чѣмъ онъ самъ, огорчились появленіемъ книжки, противорѣчившей давно составленному общему мнѣнію, письмамъ Растопчина къ Александру I и кн. Багратіону, разсказамъ историковъ о войнѣ 1812 г. и Слѣдственному дѣлу, приведенному въ статьѣ: «Историческія извѣстія о пожарѣ московскомъ 1812», которая нап. въ 27 №. Москов. Телеграфа за 1829 г. Въ тоже время Растопчинъ написалъ: «Mes mémoires, ou moi au naturel,

écrite en dix minutes», напечатанные уже въ 1835 г. въ газетѣ «Le Temps» и отдѣльно. Руcскій переводъ ихъ, подъ названіемъ: «Жизнь Растопчина, списанная съ натуры въ десять минутъ», не даетъ полнаго понятія ни объ остроуміи подлинника, ни объ его мастерскомъ языкѣ. Возвратясь въ отечество (1823), Растопчинъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, съ сохраненіемъ званія оберъ-камергера. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Москвѣ (Словарь достопамятныхъ людей, Бантышъ-Каменскаго; Графъ Ѳ. В. Растопчинъ, Тихонравова; критика его сочиненій въ 8 № Отеч. Зап. 1853; Краткое описаніе происшествіямъ въ столицѣ Москвѣ въ 1812 г., А. А. Бестужева-Рюмина, во 2 кн. Чтеній 1859; Разсказъ Варнгагена фонъ-Энзе, въ Моск. Вѣд. 1852, № 234; О графѣ Ѳ. В. Растопчинѣ и о событіяхъ 1812 г. въ Москвѣ—въ 4 кн. Чтеній 1861). Смирдинское изд. сочиненій Растопчина (1853) неполно.

[2]) Нап. въ Москвитянинѣ 1849 г. (№№ 1, 10, 13 и 15). Гр. Растопчинъ былъ три раза въ Берлинѣ и жилъ тамъ долго. Онъ описываетъ случившуюся при немъ смерть Фридриха Великаго (1786). При немъ былъ въ столицѣ Пруссіи Мирабо (1787). Растопчинъ посѣтилъ также Голландію и видѣлъ Сардамъ. Путешествовалъ ли онъ въ это время въ другихъ странахъ? По словамъ его сына, гр. А. Ѳ. (см. письмо его въ Рус. Вѣст. 1860, № 5), онъ никогда не былъ ни въ Швейцаріи, ни въ Италіи и увидѣлъ Францію не ранѣе 1816 г. Путешествіе по Пруссіи выражаетъ отличительныя черты характера и литературнаго таланта Растопчина: оно оригинально по формѣ, исполнено остроумія и написано бойкимъ русскимъ языкомъ, чуждымъ рутинныхъ условій записнаго словесника.

[3]) «Мысли въ слухъ на Красномъ Крыльцѣ. Съ приложеніемъ письма Силы Андреевича Богатырева къ одному пріятелю въ Москвѣ (Москва. 1807)». Цѣль сочиненія указана самимъ авторомъ: оно имѣло своимъ назначеніемъ предупредить жителей городовъ противъ Французовъ, жившихъ въ Россіи, которые старались пріучить умы къ мысли пасть передъ арміями Наполеона (La verité sur l'incendie de Moscou). Г. Тихонравовъ говоритъ о Мысляхъ слѣдующее: «Богатыревъ — идеалъ, въ которомъ для Растопчина сосредоточились всѣ лучшія качества русскаго человѣка,—сѣтуетъ на слѣпое пристрастіе Русскихъ къ Французамъ, на вредное нравственное вліяніе, производимое послѣдними. Авторъ обличаетъ воспитаніе, довѣряемое заѣзжимъ Французамъ, моды, ими заносимыя къ намъ. Понятіямъ, которыя Французы вкореняютъ молодому поколѣнію, ничтожнымъ ихъ достоинствамъ Растопчинъ противопоставляетъ великихъ людей родины, какъ примѣръ для подражанія». Брошюра быстро разошлась въ 7000 экз. Въ первый разъ она была издана безъ вѣдома автора, въ Петербургѣ, А. С. Шишковымъ, который позволилъ себѣ измѣнять въ ней нѣкоторыя мѣста, кое-что прибавилъ отъ себя и въ концѣ сдѣлалъ замѣчаніе: «Если читателю не понравятся *нѣкоторыя жесткія выраженія* Силы Андреевича, то да проститъ ему оныя, уваживъ горячее чувство и любовь къ отечеству, искони славившемуся гостепріимствомъ, вѣротерпѣніемъ и покровительствомъ гонимыхъ за честность и правду». Эта оговорка могла отчасти ослабить то впечатлѣніе, которое авторъ «Мыслей» думалъ произвести на публику. Съ другой стороны, хотя брошюра была встрѣчена общимъ одобреніемъ и похвалами «Московскихъ Вѣдомостей», но графу Растопчину не могли понравиться дополненія и перемѣны, сдѣланныя въ ней Шишковымъ; особенно оскорбило автора то, что послѣ словъ: «Честь Государю нашему и матушкѣ Россіи», прибавлено было: «слава тебѣ, храбрый Беннигсенъ». Въ томъ же году Растопчинъ самъ издалъ въ Москвѣ свое произведеніе, въ первоначальномъ видѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ, съ приложеніемъ письма Силы Андреевича Богатырева къ одному пріятелю въ Москвѣ» (Москва, 1807). Письмо Силы Андреевича, приложенное къ московскому изданію «Мыслей», все направлено противъ продѣлокъ петербургскаго издателя: въ немъ, что ни слово, то намекъ на измѣненія и приставки, допущенныя въ петербургскомъ изданіи брошюры (Ст. г. Тихонравова). Выписываемъ вполнѣ письмо Богатырева къ пріятелю:

Любезный другъ, Кузьма Филатычъ!

Получая отъ скуки Московскія газеты, увидѣлъ, что я напечатанъ и расхваленъ безъ спросу, Господь вѣдаетъ, по какой причинѣ. Не мудрено, что меня кой-кто въ Москвѣ знаетъ, потому что многіе честные люди, по милости своей, не оставляютъ; а какъ подслушали, чтò у меня въ головѣ бродило, то это, право, диковина! Видно много праздношатающихся, или уши длиннѣй стариннаго стали, или я и заправду таки рѣчи говорилъ. Ну, да что за бѣда, Господи помилуй! я мужикъ старый; кто осудитъ, ему же стыдно будетъ. Бранить не диковина, да было бы за что! А у меня, чтò на умѣ, то и на языкѣ. Каковъ въ колыбелку, таковъ и въ могилку. Какъ я прочиталъ, что меня хвалятъ, то сказалъ: Ба! опять въ честь попалъ. Смотри,

помилуй! Дай Богъ, чтобъ въ прокъ пошло. Подслушивать охотниковъ много, и слушать таки есть, а слушаться—мало. Право такъ! я радъ, сидя, разговаривать одинъ; пусть говорятъ, что съ ума сошелъ; отъ слова ничего не подѣется; дай Богъ мнѣ доброе здоровье, а имъ типунъ на языкъ. Согрѣшилъ, грѣшный! Ну, да это бы все и такъ и сякъ, да вотъ что больно: за чѣмъ перекроили меня? Вѣдь я думалъ, что̀ хотѣлъ, а другой изволилъ придумать иное. Кто просилъ? Иного всунули, другаго вытолкнули, а тамъ оговорка: жестка дескать рѣчь. И вѣдомо такъ, вѣдь правда не пуховикъ. Это нынче изъ нея дѣлаютъ помаду. Про меня грѣхъ сказать, что мягко стелетъ да жестко спать. И ужъ вышло мнѣ Красное крыльцо сокомъ! въ кои-то вѣки присѣлъ отдохнуть; на немъ потѣлъ, да и отъ него потѣю. Господи помилуй, да будетъ ли этому конецъ? а про васъ то слово, я говорилъ дѣло. Пусть мои рѣчи толкуютъ, да своихъ не примѣшивай.

А я, мой другъ, по отпускѣ сего письма, живъ и здоровъ. Ѣздилъ нарочно въ Калугу смотрѣть плѣнныхъ Французовъ. Какъ гусей, стадами гонятъ. Насмѣшили, проклятые: оборваны какъ нищіе; видно у нихъ коммисаріату нѣтъ; и что за мелочь! что за худерба! любымъ въ курилку играй. Ну, ужъ настоящій народъ заморскій. Всѣ обросли бородами, да и не диво—съ каторги! ради, что въ полонъ попались. Ужъ тутъ не до цукерброту. Такъ ржаной хлѣбъ уписываютъ, что за ушьми пищитъ. А нахальство все есть. Одинъ увидѣлъ меня въ мундирѣ, говоритъ: бонъ журъ, капитенъ! Ужъ я такъ ему спустилъ, не захотѣлъ рукъ марать. Богъ и Каина живаго оставилъ на свѣтѣ. А милиціонные наши такъ и валяются со смѣху. Спрашиваютъ: гдѣ остальные? Хотятъ до тѣхъ добраться. Одинъ крикнулъ Французу на ухо: ура! а онъ и оземь, только ножками подрягиваетъ. Хорошъ воинъ! да ихъ шапками замечутъ. Только боюсь, чтобъ плѣнныхъ-то не разобрали по домамъ въ учители. Вотъ ужъ будетъ бѣда. Тогда и я скажу: фи донъ! Прощай, другъ сердечный! Твой доброжелательный, Сила Богатыревъ.

А сынъ Левушка пишетъ, что на третій день послѣ баталіи опять при ротѣ. Въ этомъ путь будетъ. Его ранили въ руку, да голову порубили: говоритъ, что кровью было изошелъ: туда ей и дорога—за отечество.

Московскія Вѣдомости, которыя упоминаетъ Богатыревъ, дали такой отзывъ о брошюрѣ Растопчина въ 37 № за 1807 г.:

Входить въ подробное исчисленіе красотъ сего сочиненія былъ бы трудъ и совершенно излишній и невозможный: излишній—поелику всякое слово вмѣщаетъ въ себя сильную и богатую мысль; невозможный же потому, что сердечныхъ чувствъ изображеніе никому еще не удавалось. Довольно сказать, что цѣль автора, страстно любящаго свое отечество, счастливо достигнутая, есть показать преимущество Россіянъ передъ Французами. Слогъ его такъ плѣнителенъ, такъ разителенъ, что цѣлыя страницы врѣзались ужъ въ памяти у всѣхъ, кто ни читалъ патріотическія сіи размышленія.

[1]) Первое собраніе афишъ приложено къ сочиненію И. И. Снегирева: «Очерки жизни московскаго архіепископа Августина». Отсюда онѣ перешли въ Смирдинское изданіе сочиненій Растопчина. Нѣкоторыя, бывшія неизвѣстными г. Снегиреву, помѣщены въ 2 № Библ. Зап. 1859 г. Послѣдняя, отъ 20 сентября 1812 г., относилась не къ жителямъ Москвы, а къ крестьянамъ, похищавшимъ, что ни попадалось на пепелищѣ, и грабившимъ домы помѣщиковъ по деревнямъ. Историческій, Статистическій и Географическій Журналъ 1812 г., издававшійся профессоромъ М. Гавриловымъ, называетъ афиши бесѣдами градоначальника съ Москвичами; дружескими посланіями главнокомандующаго къ жителямъ. Дѣйствіе ихъ простиралось на всѣ концы государства: вездѣ, съ каждой почтой, ожидали ихъ, читали съ довѣріемъ и жадностью, затверживали наизусть; по всѣмъ рукамъ ходили съ нихъ списки. Цѣлью ихъ было—ободрить робкіе и успокоить взволнованные умы, удовлетворять общему любопытству извѣстіями о военныхъ событіяхъ и обуздывать самоуправство толпы, при ея столкновеніяхъ съ иностранцами. Нужно было осторожно ладить съ народомъ, чтобъ онъ не освирѣпѣлъ на торопливо покидавшихъ городъ купцовъ, чиновниковъ, съ женами и дѣтьми. Здѣсь приказъ и сила не имѣли бы такого значенія, какое имѣлъ убѣдительный голосъ градоначальника, возбуждавшій чувство вѣры, патріотизма и покорности, въ духѣ народныхъ понятій и складомъ народной рѣчи. И афиши достигли своей цѣли: народъ, готовый идти на смерть за Москву, оставался покоенъ и сдержанъ до той поры, пока не разнеслась вѣсть о скорой сдачѣ Москвы Наполеону (См.: О гр. Ѳ. В. Растопчинѣ, въ 4 кн. Чтеній 1861).

XIX.

ОЗЕРОВЪ. [1].

А. ТРАГЕДІЯ: ЭДИПЪ ВЪ АѲИНАХЪ (1804). [2].

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 1.

Эдипъ и Антигона.

Эдипъ.

Постой, дочь нѣжная преступнаго отца,
Опора слабая несчастнаго слѣпца!
Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили.

Антигона.

Здѣсь камень вижу я; надъ нимъ древа склонили
Густую сѣнь свою: ты отдохни на немъ!

Эдипъ (сѣвши на камень).

Спокойно. Я мой вѣкъ на камнѣ кончу семъ.

Антигона.

Ужасною тоской твои всѣ мысли полны.

Эдипъ.

Увы, какъ въ бурный день свирѣпы гонятъ волны
И отвергаетъ брегъ обломки корабля,
Такъ небомъ и землей гонима жизнь моя!

Антигона.

Какимъ мечтаніемъ смущаешь духъ унылой!

Эдипъ.

Ахъ, я Эдипъ!

Антигона.

Увы, ты съ большей прежде силой
Несправедливый гнѣвъ судьбы своей сносилъ!

Эдипъ.

Печальну жизнь влачить недостаетъ мнѣ силъ.
Слѣпецъ, чтобъ слезы лить, осталися мнѣ очи;
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нѣтъ, никогда уже мой не увидитъ взоръ
Ни красоты долинъ, ни возвышенныхъ горъ,
Ни въ вешній день лѣсовъ зеленыя одежды,
Ни съ жатвою полей, оратаевъ надежды,
Ни мужа кроткаго пріятнаго чела,
Котораго боговъ рука произвела;
Сокрылись отъ меня всѣ прелести природы.
При имени моемъ всѣ возстаютъ народы:
Какъ язва лютая, отвсюду я гонимъ!

Антигона.

Мы здѣсь убѣжище найдемъ бѣдамъ своимъ.

Эдипъ.

Съ какой жестокостью сыны меня изгнали!

Антигона.

Почто возобновлять прошедшія печали?

Эдипъ.

Я ихъ любилъ...

Антигона.

Увы, забудь, забудь о нихъ
И вспоминаньемъ ранъ не растравляй своихъ!

Эдипъ.

Предвижу ихъ бѣды: тщеславія развратомъ
Влекомый, Полиникъ не будетъ въ мирѣ съ братомъ....
На злость, на пагубу дѣтей извелъ я въ свѣтъ!

Антигона.

Ужели предъ тобой и я виновна?

Эдипъ.

Нѣтъ;
Ты утѣшенье мнѣ, любезна Антигона,
Противъ гоненія одна мнѣ оборона,
Одна сопутница моей ты нищеты.
Для странника-отца забыла счастье ты,
Санъ свѣтлый, царскій дворъ и юности забавы:
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы.

Антигона.

Ахъ, не жалѣю я о пышной славѣ той;
Горжусь симъ рубищемъ, моею нищетой;
Предпочитаю ихъ сіянію короны.

Опорой быть твоей—вотъ счастье Антигоны,
Вотъ титло славное превыше титловъ всѣхъ!
Спокойствіе твое дороже мнѣ утѣхъ.
Увы, родитель мой, гонимъ людьми, судьбою,
Безъ помощи моей, чтобъ сдѣлалось съ тобою!
Ты древнюю главу къ кому бы приклонилъ?
На чью, на чью бы грудь ты слезы уронилъ?
Прохлады въ жаркій день въ моей ты ищешь тѣни;
Я сяду, ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бурныхъ зимъ,
Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.
Ахъ, свѣтъ, забывшій насъ, взаимно мы забудемъ
И утѣшеніемъ одинъ другому будемъ!
Ко мнѣ ты проливай свою сердечну боль,
Но мнѣ защитою твоею быть дозволь!
Не позавидую въ моей тогда я долѣ
И братьевъ участи, сѣдящихъ на престолѣ.

Эдипъ.

Награда сладостна толикихъ скорбныхъ лѣтъ....
О радость полная, моихъ превыше бѣдъ!
Приди, о дочь моя, приди, мое рожденье,
Да будетъ надъ тобой боговъ благословенье!
Живой отрадою наполнила мнѣ грудь.
Любви къ родителю въ примѣръ потомству будь!
О имени твоемъ повѣдаютъ народы,
И похвала твоя прейдетъ изъ рода въ роды.
Но, ахъ, печальна мысль!... приблизился тотъ срокъ,
Когда разстаться намъ судилъ жестокій рокъ!

Антигона.

Еще ты жизнь вести возможешь многи годы.

Эдипъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не льстись: пора исполнить кругъ природы!
Родится человѣкъ лѣтъ нѣсколько поцвѣсть,
Потомъ скорбѣть, дряхлѣть и смерти дань отнесть.
Одинъ, шедъ малый путь, другой, прошедъ поболѣ,
Въ гробу покоятся сномъ крѣпкимъ въ равной долѣ.
Но ты, о дочь моя, печаль свою умѣрь:
Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ отверзаетъ дверь!
Гдѣ мы?

Антигона.

Въ долинѣ мы: окрестъ пустынны виды,
И близко межъ древесъ храмъ видѣнъ Эвмениды.

Эдипъ.

Храмъ Эвменидъ? Увы, я вижу ихъ: онѣ
Стремятся въ ярости съ отмщеніемъ ко мнѣ;
Въ рукахъ змѣи шипятъ, ихъ очи распаленны,
И за собой ведутъ всѣ ужасы геенны.

Антигона.

Въ забвенье страшное ума впадаетъ онъ!

Эдипъ.

Гора несчастная, ужасный Киѳеронъ!
Ты, первыхъ дней моихъ пустынная обитель,
Куда на страшну смерть извергъ меня родитель!
Скажи, пещеръ своихъ во мрачной глубинѣ
Скрывала ль ты когда чудовищъ, равныхъ мнѣ?

Антигона (упадая на колѣни).

Спокойте мысль его, о вы, могущи боги!

Эдипъ.

О сколько, фуріи, терзать меня вы строги!
Не вы ль на семъ пути мой обнажили мечь,
Чтобъ жизнь родителя моей рукой пресѣчь?
Вотъ храмъ, гдѣ съ матерью меня вы сочетали!
Изъ вашихъ змѣй вѣнцы намъ брачные сплетали:

Тамъ былъ не Гименей, Мегера тамъ была
И смрадный пламенникъ съ усмѣшкою зажгла.
Вы лютости свои, о фуріи! смягчите,
Иль жизнь Эдипову скорѣе прекратите!
(Упадает на камень).

Антигона.

Отъ мыслей удали толь страшныя мечты!

Эдипъ (не вставая и отталкивая се).

Оставь, о Полиникъ! Меня отрекся ты;
Бѣги и не смущай моей минуты слезной!

Антигона.

Ужель не узнаешь и дочери любезной?
Увы, родитель мой, познай хотя мой гласъ!
Нѣтъ Полиника здѣсь, весь міръ оставилъ насъ;
Одна я твоему свидѣтельница стону:
Молю, не отвергай усердну Антигону!

Эдипъ (пришедъ въ себя).

Гласъ сладостный! О дочь, такъ ты одна при мнѣ?
Увы, я здѣсь мечталъ какъ бы въ ужасномъ снѣ!
Представилась мнѣ мать, родитель, Эвмениды,
Неблагодарныхъ чадъ противные мнѣ виды
И все сцѣпленіе несносныхъ бѣдъ моихъ.
Сказала ты, что храмъ въ мѣстахъ воздвигнутъ сихъ:
Пойдемъ (встаетъ), поищемъ въ немъ конца бѣдамъ ужаснымъ:
Едины алтари—прибѣжище несчастнымъ.

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ 4.

Эдипъ, Антигона и Полиникъ.

Полиникъ.

И такъ я осужденъ на вѣчныя мученья?
И такъ не должно мнѣ надѣяться прощенья?
Нѣтъ, недостоинъ я, чтобъ ты когда простилъ:
Я добродѣтели, природу оскорбилъ;
Неблагодаренъ былъ, я былъ безчеловѣченъ;
Твой справедливый гнѣвъ быть долженъ безконеченъ,
И клятвою твоей страданія, напасть, —
Вотъ все, что на землѣ мнѣ отдано на часть!
Но если можетъ въ насъ раскаянье живое
Къ намъ небо мстительно перемѣнить въ благое,
Когда боговъ оно съ злодѣями миритъ,
Твой гнѣвъ, твой правый гнѣвъ ужель не укротитъ?
Ужели въ ярости всегда пребудетъ твердымъ?
Родитель будетъ ли одинъ немилосердымъ?
Склонися къ милости, подобенъ будь богамъ! (бросается къ ногамъ Эдипа).
Твой кающійся сынъ падетъ къ твоимъ ногамъ:
Тронись раскаяньемъ, въ которомъ я стенаю,
Почувствуй жаръ тѣхъ слезъ, которы проливаю!
Онѣ отъ чувствъ текутъ, душа источникъ имъ,
И ѣдкостью равны мученіямъ моимъ. (По нѣкоторомъ молчаніи).
Но ты молчишь.... но ты чело свое скрываешь....
Прошенья, жалобы и слезы отвергаешь.

Антигона (упадая къ ногамъ Эдипа).

Родитель мой! и я соединяюсь съ нимъ:
Чтобъ умолить тебя, паду къ ногамъ твоимъ.
Встрѣчались ли когда съ тобою огорченны,
Которы бъ не были въ печали облегченны,
Которыхъ рѣчью ты отрадной не дарилъ
И коихъ съ жизнію опять не примирилъ?
Иль сына своего ты не услышишь стона?

Эдипъ (поднимая Антигону).

Ты просишь за кого, любезна Антигона!
Пусть нечестивецъ сей тебя благодаритъ,
Что здѣсь чело мое еще онъ нынѣ зритъ,
Что слышитъ голосъ мой! Клянуся небесами,
Что безъ тебя его не тронулся бъ слезами.
Хотя бъ у ногъ моихъ въ сей часъ онъ умиралъ
И слова моего къ спасенью ожидалъ,

Никакъ бы жалости душа не изъявила:
Я бы безмолвенъ былъ, какъ хладная могила. (Къ Полинику):
Скажи, злодѣй, чего ты хочешь отъ меня?

Полиникъ.

Чтобъ, чувствія свои ко мнѣ перемѣня,
Мой стонъ услышалъ ты, раскаянье увидѣлъ,
И чтобъ родитель мой меня не ненавидѣлъ;
Нѣтъ, я не варваромъ, не извергомъ рожденъ:
Порокомъ могъ я быть мгновенно побѣжденъ
И уподобиться ужасному злодѣю;
Но душу пылкую, чувствительну имѣю,
И сердце нѣжное тобою мнѣ дано.
Увы, днесь страждуще, растерзанно оно,
Покрыто язвами, тоскою изнуренно
И страшной клятвою твоей обремененно!
Ты даровалъ мнѣ жизнь, даруй ее мнѣ вновь,
Дай сердцу тишину и возврати любовь!
Любовь твоя, какъ лучъ божественный, небесный,
Проникнетъ въ душу мнѣ, мой токъ престанетъ слезный,
И въ добродѣтеляхъ я укрѣплюся ей.
Родитель, убѣдись мольбою ты моей!
И, милосердія являя совершенство,
Дай сыну своему хоть разъ вкусить блаженство!
Ты согласись идти въ отеческу страну:
Мою передъ тобой исправлю тамъ вину.
Седмь вождей за меня всѣ силы вооружаютъ;
Мой станъ, побѣда, тронъ Эдипа ожидаютъ;
Надъ войскомъ, надо мной тебѣ вручаю власть.
Ѳивъ стѣны гордыя должны предъ нами пасть,
И не изгнанника въ тебѣ увидятъ болѣ,
Но мощнаго царя на отческомъ престолѣ,
Страдальчествомъ своимъ достойнаго вѣнца,
И посреди дѣтей счастливаго отца.
Я буду подданнымъ послушнѣйшимъ, вѣрнѣйшимъ,
И ревностнымъ рабомъ, и изъ сыновъ нѣжнѣйшимъ.
Въ супругѣ же моей найдешь ты нѣжну дочь:
Въ день будетъ утѣшать, твой сонъ покоить въ ночь
И такъ любить тебя, какъ любитъ Антигона.
Повѣрь, инаго мы не будемъ чтить закона,
Какъ волю лишь твою и, твой храня покой
Семейства цѣлаго союзною рукой,
Въ забвенье у тебя привесть мое злодѣйство.

Эдипъ.

Какой несчастный царь тебя пріялъ въ семейство?
Какой отецъ возмогъ безъ чувствъ толико быть,
Чтобъ дочь свою тебѣ супругою вручить,
Чтобы предать ее на горесть и напасти?
Или онъ о моей не вѣдалъ скорбной части?
Жестокосердый сынъ и подданныхъ тиранъ,
Чувствительности даръ тебѣ ль когда былъ данъ?
Тебѣ ли можно быть отцомъ, супругомъ нѣжнымъ,
Главою чадъ своихъ и другомъ ихъ надежнымъ?
Для сердца твоего какой союзъ священъ?
Одною гордостью упитанъ, пресыщенъ,
Священнѣйшій союзъ ты испровергъ природы,
Который первымъ чтутъ по всей землѣ народы.
Нѣтъ, не раскаянье тебя ко мнѣ вело:
Тщеславіе твое унизило чело;
Оно причиною и слезъ твоихъ и стона:
Симъ чувствомъ приведенъ и алчностію трона.
Ты мыслишь оправдать предъ небомъ и землей
Войну, подъятую противъ страны своей,

Когда предлогомъ дашь Эдипа защищенье,
Мое въ отечество и къ трону возвращенье.

Полиникъ.

Клянуся всѣмъ тебѣ, что свято въ мірѣ есть,
Что для тебя хочу скиптръ ѳивскій пріобрѣсть.

Эдипъ.

Меня склонить къ себѣ ты тщетно уповаешь.
Сей скиптръ, который мнѣ толь щедро предлагаешь,
Не я ль оставилъ самъ, не я ли вамъ вручилъ,
Не я ли дней моихъ покой вамъ поручилъ,
Быть съ вами навсегда одной считавъ отрадой?
Неблагодарные! что было мнѣ наградой?
Презрѣнье, ненависть, изгнанье и позоръ.
Коль смѣешь, ты на мнѣ останови свой взоръ!
Зри ноги ты мои, скитавшись, изъязвленны;
Зри руки, милостынь прошеньемъ утомленны;
Ты зри главу мою, лишенную волосъ:
Ихъ изсушила грусть и вѣтеръ ихъ разнесъ!
Тѣмъ временемъ, тебя какъ услаждала нѣга,
Твой изгнанный отецъ, безъ пищи, безъ ночлега,
Не зналъ, куда главу несчастну приклонить:
Повсюду долженъ былъ вашъ стыдъ съ собой влачить;
И дебри темныя, и глубины пещерны,
Природа зрѣла вся злодѣйства безпримѣрны.
Иди, жестокій сынъ! усугубляй вины,
Будь истребителемъ отеческой страны,
Союзниковъ своихъ веди противу брата,
Яви еще примѣръ неслыханна разврата!
Но тамъ, у ѳивскихъ стѣнъ, не тронъ тебѣ готовъ:
Десница мстящая тамъ ждетъ тебя боговъ.
Отъ ѳивскихъ областей удѣлъ тебѣ сужденный
То мѣсто лишь одно, гдѣ ты падешь, сраженный.
Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я,
По смерти будетъ такъ скитаться тѣнь твоя;
Безъ гроба будешь ты; тебя земля не приметъ,
Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и смрадъ его обыметъ,
И призоветъ звѣрей, птицъ хищныхъ изъ лѣсовъ
И домы подданныхъ твоихъ стрегущихъ псовъ.
Иди, бѣги, спѣши на ново преступленье!
Всѣхъ васъ я чуждъ: мнѣ дочь—семья и утѣшенье.

В. ТРАГЕДІЯ: ФИНГАЛЪ (1805). (³).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 1.

Моина сидящая, Морна, Уллинъ, Барды и Дѣвы Локлинскія.

Хоръ Бардовъ и Локлинскихъ Дѣвъ.

Какое сильно дарованье
Во власти, красота, твоей!
Сердецъ, умовъ очарованье,
Веселье пламенныхъ очей
И нѣжныхъ душъ любовь—отрада
Отъ твоего родится взгляда.

Одна изъ Дѣвъ Локлинскихъ.

Цвѣти, о красота Моины,
Какъ въ утро раннее, весной,
Цвѣтутъ прелестныя долины
Благоуханной красотой!

Хоръ Бардовъ и Дѣвъ.

Фингала сердце ты плѣнила
И тишину намъ возвратила.

Моина.

О дѣвъ и бардовъ сонмъ, не славьте красоту,
Сію обманчиву, прелестную мечту!
Она.... какъ слабый цвѣтъ, который украшаетъ
Видъ утренній пустынь и въ полдень увядаетъ.
Гордиться можно ли Моинѣ красотой?
Единымъ только духъ гордиться можетъ мой,

Единымъ.... О Уллинъ, Фингаловъ бардъ любимый,
Ты, коего прислалъ сей вождь непобѣдимый
Во званьѣ мудраго и мирнаго посла,
Воспой геройскія Фингаловы дѣла!
Со дня, какъ мой отецъ, Локлинскихъ странъ владѣтель,
Морвенскаго царя уважилъ добродѣтель,
Вручить меня ему священный далъ обѣтъ.
Желаю я, Уллинъ, чтобы мнѣ цѣлый свѣтъ
Вѣщалъ, гласилъ, твердилъ о имени Фингала,
Чтобъ слава лишь его Монну восхищала.
Прими же арфу, бардъ, воспламени свой духъ
И дщери Старновой увеселяй ты слухъ!

Уллинъ.

Умолкни все въ странѣ подлунной,
Чтобъ гласы арфы златострунной
По холмамъ дальнимъ пронеслись,
Въ пустыняхъ гуломъ раздались!
Пою Фингала дивны бои,
Его забавы юныхъ дней.
А вы, почившіе герои,
Покрытые сырой землей,
Возстаньте отъ могилъ безмолвныхъ,
На высотахъ явитесь холмныхъ!

Хоръ Бардовъ.

Ударили въ мѣдяный щитъ,
Ко брани гласъ обыкновенный:
Во броню ратникъ облеченный
Воинскимъ гнѣвомъ ужъ кипитъ;
Дубы столѣтни загорѣлись,
И тучи заревомъ одѣлись.

Уллинъ.

Встаетъ Морвена вождь, Фингалъ;
Оружье грозное пріялъ;
Стрѣла въ колчанѣ роковая;
На груди рдяна сталь видна;
Копье, какъ сосна вѣковая,
И щитъ, какъ полная луна,
Возсѣвшая надъ океаномъ
И вся подернута туманомъ.

Хоръ Бардовъ.

Мелькаютъ, сѣются, падутъ
Враги предъ нимъ, какъ легки тѣни,
Или, какъ робкіе елени,
Отъ мстительной руки бѣгутъ:
И стала вкругъ него равнина,
Какъ смерти мрачная долина.

Уллинъ.

Падутъ.... и не избѣгъ судьбинъ
И ты, Тоскаръ, о Старновъ сынъ,
Локлинскихъ чадъ стѣна надежна!
Закрыла смерть твой юный взоръ.
Ты палъ въ поляхъ, какъ глыба снѣжна,
Съ крутыхъ отторгнутая горъ:
Паденья шумъ въ лѣсахъ раздался,
Высокій холмъ поколебался.

Моина (встаетъ и прерываетъ пѣснь Уллина).

Какую смерть, о бардъ, напоминаешь мнѣ?
Тоскаръ, несчастный братъ, погибшій на войнѣ
Фингаловымъ мечемъ, мнѣ стоилъ слезъ довольно.

Уллинъ.

Фингаломъ нанесенъ ударъ тебѣ невольно.

Моина.

Онъ прелестей твоихъ еще тогда не зналъ.

Моина.

Конечно, предо мной невиненъ въ томъ Фингалъ:
Случайность браней то, судьбы случайность гнѣвной.
Ахъ, еслибъ мой отецъ о смерти сей плачевной
Забыть, утѣшиться отъ времени возмогъ,
Была бы я тогда, была бы безъ тревогъ!
Но нѣтъ, ничто отца не развлекаетъ муки:
Ни бардовъ пѣніе, ни арфъ согласны звуки,
Ни шумъ, восторгъ пиршествъ и чаши круговой;
И мрачный духъ его, питаяся тоской,
Ни въ чемъ утѣхъ не зритъ, ловитву забываетъ
И гуловъ ловчихъ гласъ въ лѣсахъ не возбуждаетъ.
Ему въ молчаніи засѣли, какъ во мглѣ,
Унылые въ душѣ и дума на челѣ....

ЯВЛЕНІЕ 6.

Фингалъ, Моина, Барды, Дѣвы Локлинскія.

Фингалъ.

О небо, доверши блаженство дней моихъ!
Моина, повтори пріятность словъ твоихъ!
Скажи, что, моему ты не противясь счастью,
Не оскорбляешься моею нѣжной страстью,

Что ты довольна ей, что милъ тебѣ Фингалъ!
Когда бы знала ты, какъ много я страдалъ
Со дня, какъ въ первый разъ твои красы увидѣлъ!...
Дотолѣ мыслью дикъ, любовь я ненавидѣлъ,
Считалъ ее мечтой и слабостью умовъ;
Какъ стужа нашихъ зимъ, былъ духъ во мнѣ суровъ.
Твой взоръ перемѣнилъ нравъ дикій и суровый:
Онъ далъ мнѣ нову жизнь, далъ сердцу чувства новы
И, огнь, палящій огнь проливъ въ моей крови,
Мнѣ далъ почувствовать страданія любви,
Уныніе, тоску, отчаянье разлуки,
И страхъ немилымъ быть, и ревности всѣ муки.
Не утолялся огнь въ прохладности ночей,
И сонъ не могъ тебя скрыть отъ моихъ очей.
Сей голосъ, коимъ ты со мною говорила,
Твой тихій, свѣтлый взглядъ, твоя улыбка мила,
Твое дыханіе и легкій шумъ шаговъ,
Какъ вешній вѣтерокъ, журчащій межъ листовъ,
И все, что ты, плѣняя мое воображенье,
Въ разлукѣ множило любовное мученье,
Какъ нынѣ все, что ты, Фингала веселитъ.
Пусть счастіе мое Моина подтвердитъ!

Моина.

Въ пустынной тишинѣ, въ лѣсахъ, среди свободы,
Мы возрастаемъ здѣсь, какъ дочери природы,
И столько жъ искренны, сколь искренна она.
И такъ, о государь, открыть тебѣ должна,
Что съ перваго тебя я возлюбила взгляда.
Къ герою страсть—души высокія отрада:
Гордяся чувствомъ симъ и радуясь ему,
Призналась въ томъ отцу, народу и всему,
Что въ отческой странѣ чувствительность имѣетъ,
И праху матери, который въ гробѣ тлѣетъ,
Природѣ, словомъ, всей извѣстна страсть моя,
О коей небесамъ сказать готова я.
Повѣрь, Моина здѣсь не менѣе Фингала,
Терзаясь мыслію, разлукою страдала.
Какъ часто съ береговъ или съ высокихъ горъ
Я въ море синее мой простирала взоръ!
Тамъ каждый валъ вдали мнѣ пѣною своею
Казался парусомъ, надеждою моею,
Но, тяжко опустясь къ глубокому песку,
По сердцу разливалъ мнѣ мрачную тоску;
Какъ часто въ темну ночь, печальна и уныла,
Обманывать себя я къ морю приходила!
Внимая шуму волнъ, біющихся о брегъ,
Мечтала слышать въ немъ твой быстрый въ морѣ бѣгъ.
Ты прибылъ наконецъ, Фингалъ, передъ Моиной:
Забывши грусть, любви я предаюсь единой.

Фингалъ.

Не столько звуки арфъ въ вечерній тихій часъ
Пріятны при зарѣ, сколь твой пріятенъ гласъ.
Сколь кажду рѣчь твою я нахожу прелестну,
Несущу радость мнѣ, донынѣ неизвѣстну!
Но я, блаженствуя въ моей теперь судьбѣ,
Не знаю, чѣмъ и какъ воздать могу тебѣ,
Которой долженъ я толикою отрадой!

Моина.

Любви лишь можетъ быть одна любовь наградой.
Люби меня, Фингалъ, и, чувство то храня,
Въ родителѣ моемъ спокой, утѣшь меня!
Ты зрѣлъ, какъ очи въ немъ подъ брови углубленны,
Какъ всѣ черты лица печалью измѣненны,
И какъ чело его наморщила тоска,
Которую развлечь моя слаба рука!
Онъ не участвуетъ въ веселіи безвинномъ
И стонетъ, какъ волна при берегѣ пустынномъ.

Стараніемъ, Фингалъ, соединись со мной,
Чтобъ прежній возвратить душѣ его покой
И сына нѣжнаго чтобъ замѣнить потерю!
По симъ стараніямъ любовь твою измѣрю
И, сердце раздѣливъ межъ Старна и тебя,
Почту тогда, почту счастливою себя.

Фингалъ.

Не ошибался я; судьба моя надежна:
Супруга та вѣрна, которая дочь нѣжна,
Священнымъ долгомъ чтитъ родителей покой.
Моина, мнѣ отцемъ родитель будетъ твой.
Любовь моя внушитъ мнѣ нѣжныя старанья,
Чтобъ въ Старнѣ облегчить душевныя страданья,
Чтобы тоску, его снѣдающу, развлечь,
Чтобъ радости слезу изъ глазъ его извлечь,
Чтобъ видѣть наконецъ намъ духъ его спокойнымъ,
И мнѣ содѣлаться твоей любви достойнымъ.

в. ТРАГЕДІЯ: ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ. (1807). (1).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 1.

Димитрій и прочіе россійскіе князья, бояре, военачальники (сидящіе и составляющіе совѣтъ).

Димитрій.

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы
И свергнуть наконецъ насильствія яремъ!
Доколѣ было намъ въ отечествѣ своемъ
Терпѣть Татаровъ власть и въ униженной долѣ
Рабами ихъ сидѣть на княжескомъ престолѣ?
Уже близь двухъ вѣковъ, какъ въ ярости своей
Послали небеса жестокихъ сихъ бичей;
Близь двухъ вѣковъ, враги то явные, то скрытны,
Какъ враны алчные, какъ волки ненасытны,
Татары губятъ, жгутъ и расхищаютъ насъ.
Къ отмщенью нашему я созвалъ нынѣ васъ:
Бѣды платить врагамъ настало нынѣ время.
Кипчакская орда, какъ исполинско бремя,
Лежала въ цѣлости на русскихъ раменахъ
И разсѣвала вкругъ уныніе и страхъ;
Теперь отъ тягости распалася на части.
Междоусобна брань, раздоръ и всѣ напасти,
Которыми предъ симъ россійская страна
До разслабленія была доведена,
Прешли въ сію орду. Возникли новы ханы
Отторглись отъ нея; но алчные тираны,
Едва возникшіе, нашъ угрожаютъ край.
Изъ нихъ алчнѣе всѣхъ, хитрѣе всѣхъ Мамай,
Задонскія орды властитель злочестивой,
Возсталъ противу насъ войной несправедливой.
Онъ къ намъ уже спѣшитъ, и, можетъ быть, сей ханъ
Съ зарею завтрашней предъ нашъ явится станъ.
Но, видя россскихъ силъ внезапно съединенье,
Смутился сердцемъ онъ и мыслью впалъ въ сомнѣнье;
Посольство предъ собой рѣшился къ намъ прислать.
Друзья Димитрія, разсудите ль принять?
Иль, твердыми пребывъ въ намѣреньѣ геройскомъ,
Мамаю отвѣчать мы будемъ передъ войскомъ,
Чтобъ первый Россіянъ и смѣлый ихъ ударъ
Раздался по землѣ и ужаснулъ Татаръ?

Тверскій.

Такъ будемъ отвѣчать предъ войскомъ въ ратномъ полѣ!
Никто изъ васъ, князья, меня не можетъ болѣ

Желать отмщенія врагамъ свирѣпымъ симъ.
Чей родъ во бѣдствіяхъ сравняется съ Тверскимъ?
Мой дѣдъ и прадѣдъ мой, въ мученіяхъ безмѣрныхъ,
Главы сложили въ гробъ измѣною невѣрныхъ,
И прахъ стонаетъ ихъ подъ властію орды.
Великій Россовъ князь, ты созвалъ насъ сюды
Не съ тѣмъ, чтобы вступать съ Мамаемъ въ договоры,
Но битвою рѣшить и кончить съ нимъ раздоры.
Тверское воинство родитель ввѣрилъ мнѣ;
Нижегородскій князь, участвуя въ войнѣ,
Но древностію лѣтъ не въ силахъ выдти въ поле,
Свою отважну рать моей повѣрилъ волѣ.
Отъ устія Оки, отъ Волжскихъ береговъ,
Привелъ я храбрыхъ сонмъ искать, сражать враговъ
Или за вѣру пасть и лечь за русску землю.
Когда наградою я Ксенію пріемлю,
Коль града Нижняго прелестная княжна
Отцомъ ея мнѣ быть супругой суждена:
На всѣ опасности отважиться я смѣю.
Я ждалъ ее во станъ; но съединюся съ нею,
Когда велитъ мнѣ Богъ съ сраженія сойти
И въ даръ ея отцу доспѣхъ врага нести.
Всѣ русскіе князья съ отважностію равной
Горятъ принять мечи и въ бой стремиться славной:
Почто же видѣть намъ Мамаева посла?
Когда пріязнь Татаръ быть искренней могла?
Пойдемъ противу нихъ, сотремъ ихъ горды силы,
Или найдемъ себѣ здѣсь славныя могилы!

Бѣлозерскій.

О сколько счастливъ я, до сихъ доживши дней,
Согласье видя здѣсь, любовь между князей
И на враговъ въ сердцахъ единодушну ревность!
И такъ, въ отверстый гробъ мою склоняя древность,
Почіющимъ отцамъ могу надежду несть,
Что возстановится страны россійской честь,
Что возвратится ей могущество и слава.
О тѣнь Владиміра, и ты, тѣнь Ярослава,
Родоначальныя домовъ княжихъ главы!
На лонѣ ангеловъ возвеселитесь вы,
Когда предвидите благополучно время,
Какъ раздѣленное народовъ русскихъ племя,
Соединясь душой одной въ составъ одинъ,
Явится въ торжествѣ, какъ грозный исполинъ,
И міру дастъ законъ Россія съединенна.
(Къ Димитрію):
Димитрій, для тебя побѣда несомнѣнна.
Нѣтъ, никогда еще въ такой обширный станъ
Не собирали войскъ ни дѣдъ твой Іоаннъ,
Ни гордый Симеонъ, ни кроткій твой родитель;
И бѣлозерскихъ силъ я давній предводитель
Не видѣлъ, чтобъ когда Россія извела
Отважныхъ ратниковъ толикаго числа.
Изъ русскихъ всѣхъ князей одинъ Олегъ въ Рязани
Остался въ праздности и безъ участья въ брани;
Одинъ на общій стонъ его безчувственъ слухъ.
Погибни память тѣхъ, которыхъ можетъ духъ
Бѣды отечества спокойнымъ видѣть взоромъ,
Иль лучше, имя ихъ пускай прейдетъ съ позоромъ
Въ потомство позднее и въ безконечный стыдъ!
Но сколь, о государь, успѣхъ тебѣ ни льститъ,

Совѣтъ однакожъ мой: принять Татаръ посольство,
И если можемъ мы возстановить спокойство,
Платя Мамаю дань... (Всѣ князья изъявляютъ негодованіе).

Димитрій.

О Бѣлозерскій князь,
Что предлагаешь ты? Чтобъ, брани убоясь,
Постыдной податью мы власть признали ханску?

Бѣлозерскій.

Чтобы щадили кровь безцѣнну христіанску.
Мамая побѣдивъ, брегися, чтобъ орды
Не съединились вновь для нашея бѣды;
Брегись, чтобъ подвигъ сей, намъ временно счастливый,
Не возбудилъ опять ихъ духъ властолюбивый,
И чтобы наконецъ не усмотрѣлъ ихъ взоръ,
Сколь вреденъ власти ихъ тщеславія раздоръ,
Который межъ собой ихъ хановъ раздѣляетъ.
Скорѣй обиженный обиды забываетъ,
Чѣмъ тотъ, кто ихъ нанесъ въ свирѣпости своей.
И грабежи, пожаръ, убійство женъ, дѣтей,
Которые на насъ Татары изливали,
По мнѣнью ихъ, ордамъ надъ нами право дали;
Своею отчиной они Россію чтутъ;
Зря наше мужество, нестройствія прервутъ;
На бѣдства Россіянъ согласны будутъ вскорѣ.
Дай лучше имъ слабѣть въ ихъ пагубномъ раздорѣ;
Дай намъ усилиться средь мирной тишины
И, отклонивъ отъ насъ случайности войны,
Ты миръ предпочитай побѣдѣ безполезной!

Димитрій.

Ахъ, лучше смерть въ бою, чѣмъ миръ принять безчестной!
Такъ предки мыслили, такъ мыслить будемъ мы.
Прошли тѣ времена, какъ робкіе умы
Въ Татарахъ видѣли орудіе небесно,
Чему противиться безумно и невмѣстно.
Но въ наши дни и честь и самой вѣры гласъ
Противъ мучителей вооружаютъ насъ.
Сей гласъ вѣщаетъ намъ, сей вѣры гласъ завѣтный,
Что павшему въ бою вѣнецъ готовъ безсмертный,
Что въ радость райскую чрезъ гробъ вступаетъ онъ.
О Сергій, пастырь душъ, кого согражданъ стонъ
Толико разъ смущалъ среди молитвъ пустынныхъ,
Толико слезъ извлекъ на участь неповинныхъ!
О ты, который намъ, священною рукой
Явивъ, благословилъ сей предлежащій бой!
Изъ той обители, гдѣ дни ведешь смиренны,
Внуши мои слова: тобою вдохновенны,
Они воспламенятъ россійскія сердца
Искать свободы здѣсь иль райскаго вѣнца!
Такъ лучше жить престать иль вовсе не родиться,
Чѣмъ племенамъ чужимъ подъ иго покориться,
Чѣмъ званьемъ данниковъ корыстолюбью льстить.
Симъ рабствомъ ли бѣды мы можемъ отвратить?
Кто платитъ дань, тотъ слабъ; кто слабый духъ являетъ,
Тотъ алчность наглую къ обидѣ призываетъ.
Но ханскаго посла согласенъ я принять
И ввесть предъ сонмъ князей, не съ тѣмъ, чтобы внимать
Татарской наглости постыднымъ предложеньямъ,
Но чтобъ явить ему готовый духъ къ сраженьямъ;

Чтобъ мужество читалъ на вашихъ онъ челахъ,
Содрогся бъ и принесъ во станъ къ Мамаю страхъ.

Смоленскій.

Весь сонмъ на твой совѣтъ согласье изъявляетъ.

Димитрій.

Посланникъ близь шатра рѣшенья ожидаетъ;
Ты, Бренскій, приведи прибывшихъ къ намъ Татаръ!

ЯВЛЕНІЕ 3.

Русскіе Князья (сидящіе), Посолъ Мамаевъ, (сопровождаемый нѣсколькими Татарами).

Посолъ.

Россійскіе князья, непобѣдимый ханъ
Задонскія орды и всѣхъ восточныхъ странъ,
И русскія земли верховный обладатель,
Вашъ грозный судія, крамольниковъ каратель,
Ту руку, коею нанесть вамъ долженъ смерть,
Благоволилъ еще ко благости простерть:
Остановляетъ онъ грозящи вамъ удары,
И за Непрядвою удержаны Татары;
Съ Мамаемъ девять ордъ и семьдесятъ князей,
Съ нимъ страшный исполинъ, наѣздникъ Челубей,
Чья грудь широкая, какъ бы стѣна средь боевъ,
Чей мечъ ужаснѣе великой рати воевъ.
Противу нашихъ силъ вамъ можно ль устоять?
Смиритесь лучше вы, разсѣйте вашу рать,
Отправьте должну дань, покорствуя Мамаю!
Я именемъ его вамъ милость обѣщаю.
Раскаяніе зря, рѣшится онъ простить
И вашу жизнь еще позволитъ вамъ продлить.

Димитрій.

О дерзостный посолъ надменнѣйшаго хана!
Обширность видѣлъ ты Россійскихъ воевъ стана,
Здѣсь видишь храбрыхъ сонмъ: и жизнь, какъ нѣкій даръ,
Намъ смѣешь предлагать отъ благости Татаръ!
Но жить еще кому—иль намъ, или Мамаю—
Оружіе рѣшитъ; и твердо уповаю,
Что чудный крѣпостью и справедливый Богъ
Поможетъ намъ сотреть гордыни вашей рогъ;
Поможетъ намъ отмстить убійства, расхищенья,
Пожары, грабежи, всѣ роды истребленья,
Которые отъ васъ Россія пренесла.
Вотъ ваши подвиги, вотъ славныя дѣла,
На что ссылаяся, вы требуете дани!
Но брань конецъ правамъ, добытымъ черезъ брани.
Осталось мужество единымъ намъ добромъ:
И хану дань несемъ не златомъ, не сребромъ;
Нѣтъ, дани для него мы собрали иныя:
Мечи булатные и стрѣлы каленыя.
Пусть оныя принять Непрядву перейдетъ!

Посолъ.

Какая слѣпота васъ къ гибели ведетъ!

Димитрій.

Какою алчностью вы къ гибели ведомы!

Посолъ.

По праву сильнаго, всѣ ваши земли, домы
И все имущество—стяжаніе Татаръ,
И самый солнца свѣтъ вамъ хановъ нашихъ даръ.

Димитрій.

Но право храбраго мечемъ отмщать убійство,
Свободу защищать и отражать насильство.

Посолъ.

Или не помните Батыевыхъ побѣдъ?

Димитрій.

Для мести намъ Батый оставилъ вѣчный слѣдъ.

Посолъ.

Страшитесь раздражить Мамая непокорствомъ!

Димитрій (встаетъ; за нимъ всѣ князья).

Татаринъ, я твоимъ скучаю ужъ упорствомъ;
Но, чтя въ лицѣ посла народныя права,
Презрѣнье мой отвѣтъ на дерзкія слова.
Ты наше войско зрѣлъ, рѣшимость нашу знаешь:
Чего же медлишь здѣсь? чего ты ожидаешь?
Иди къ пославшему и возвѣсти ему,
Что Богу русскій князь покоренъ одному.

Посолъ.

Иду отсель. Но знай, о князь высокомѣрный,
Что будетъ надъ тобой Мамая гнѣвъ примѣрный!
И отъ сего часа, покорствуй ты иль нѣтъ,
Нашъ ханъ Димитрію пощады не даетъ:
Для русскихъ всѣхъ князей на милость онъ склонится;
Съ тобою же никакъ, ничѣмъ не примирится:
И будетъ тотъ владѣть престоломъ и Москвой,
Кто явится къ нему съ твоей въ рукахъ главой.

Бренскій (берется за мечъ).

Ордынецъ дерзостный!...

Димитрій (останавливая Бренскаго).

Оставь его безумство!
Престола хищника послу прилично буйство.
(Къ послу).
Скажи, что я горжусь Мамаевой враждой:
Кто чести, правдѣ врагъ, тотъ врагъ, конечно, мой.
(Подаетъ знакъ, чтобъ Татаръ вывели).

ДѢЙСТВІЕ IV, ЯВЛЕНІЕ 2.

Димитрій и Московскіе Бояре.

Димитрій.

Опоры твердыя престола и державы,
Совѣтный духъ князей, лучи ихъ прочной славы,
Вы, коихъ за меня избралъ народа гласъ:
Такъ, онъ мнѣ указалъ молвой своей на васъ,
Цѣнитель доблестей и часто справедливой!
Бояре, рѣшено ль? Отъ рати злочестивой
Еще ль хотите вы, чтобы я шелъ чрезъ Донъ?
Иль, мужества принявъ единственный законъ,
Не лучше ль, ни на шагъ предъ ней не отступая,
Съ отважностью идти во срѣтенье Мамая?

Бояринъ.

Хоть прежде, государь, совѣтъ твоихъ бояръ
И предлагалъ тебѣ отъ ярости Татаръ
Нашъ станъ перенести чрезъ быстры Дона воды,
Гдѣ переправа имъ, препона отъ природы,
Остановила бы стремленіе ихъ силъ;
Но плѣнникъ нашу мысль признаньемъ просвѣтилъ:
Постыдно будетъ намъ отъ боя уклоняться,
Когда священный долгъ и честь велятъ сражаться.

Димитрій.

Какую жъ тайну вамъ Ордынецъ сей открылъ?

Бояринъ.

Что ханъ посольскія угрозы подтвердилъ;
Что, русской смѣлости признавъ тебя душою,
Онъ обѣщался брань не прекращать съ Москвою,
Доколѣ не сорветъ съ главы твоей вѣнецъ,
Доколѣ сей главы не сокрушитъ въ конецъ,
И оной въ ярости, для трепета вселенной,
Не выставитъ въ Ордѣ залогъ окровавленной.
Татаръ воспламенилъ свирѣпостью своей;
И, гордый силою, огромный Челубей
Мамаю поклялся словами алкорана
Димитрія главу повергнуть передъ хана.
Живымъ ли, государь, ту наглость намъ терпѣть?

Нѣтъ, лучше средь враговъ съ оружьемъ умереть!

Димитрій.

Не столь легко, друзья, надменну Челубею
Сорвать мою главу и похваляться ею!
И, Бога браней я на помощь намъ призвавъ,
Сражусь, и ницъ падетъ сей новый Голіаѳъ!
Исчезнетъ дерзкихъ путь, сотрется мощь строптива,
И съ шумомъ память ихъ погибнетъ нечестива!
Не въ сонмѣ силъ земныхъ, но въ правдѣ явенъ Богъ.
И вашъ Ордынцамъ мечъ то доказать возмогъ,
Когда съ Бигичемъ ихъ онъ поражалъ на Вожѣ.
Тотъ Самый съ нами Богъ, и мужество въ насъ то же:
Такъ смертью ли смущать и мысль и тверду грудь?
Мечи къ побѣдѣ намъ прольютъ кровавый путь.

Бояре.

Побѣды, государь, для насъ надежда тщетна.
Какъ зимней вьюги снѣгъ, такъ рать враговъ несмѣтна,
И сборно воинство россійскихъ всѣхъ князей
Едва противостать могло бы нынѣ ей.
Но мы, оставленны большею войска частью,
Не устрашаемся грозящей намъ напастью;
На вѣрну смерть течемъ, какъ къ морю сонмы водъ.
Гдѣ, благостью князей блаженствуя, народъ
Въ владыкахъ зритъ любовь отечественной славы,
Тамъ въ нихъ онъ признаетъ отцовъ священны правы,
И подданные тамъ не такъ, какъ ихъ рабы,
Которы, отъ премѣнъ ждя лучшія судьбы,
Въ день брани преклоня и выи и колѣна,
О жизни молятъ лишь и не стыдятся плѣна;
Но такъ, какъ дѣти ихъ, Ордынцевъ презря мечъ,
За честь своихъ князей костьми готовы лечь:
На смерть рѣшительно такъ мы идемъ съ тобою.

Димитрій.

Умремъ, коль смерть въ бою назначена судьбою;
Не преживемъ, друзья, надежды лестной той,
Чтобъ свергнуть съ насъ яремъ отважною рукой!
Пусть цѣпи тотъ влачитъ, кто ихъ сорвать не смѣетъ.
Въ могилѣ нѣтъ оковъ, тамъ звукъ цѣпей нѣмѣетъ.
Умремъ, какъ храбрые: и, въ память нашихъ дѣлъ,
Чтобы надгробный дернъ надъ нами зеленѣлъ;
Чтобъ робкаго стопы къ нему не прикасались,
И праху мыслію потомки поклонялись.
Грядущи времена, сокрытыя отъ насъ!
Судьями нашихъ дѣлъ я призываю васъ:
Вы будете цѣнить нашъ подвигъ знаменитой!
И коль свободы днесь мы слабою защитой,
Когда отечества не можемъ мы спасти,
Хотимъ себя въ его паденьѣ погребсти;
Но память пусть живетъ: въ примѣръ ее почтите!
Бояре мудрые! вы къ воинамъ идите,
Устройте ихъ ряды, и, какъ наступитъ часъ,
Пусть битву возвѣститъ воинскій трубный гласъ!

[1]) Озеровъ, Владиславъ Александровичъ (1770—1816), род. въ тверской губ., воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ поручикомъ (1787) и состоялъ адъютантомъ при директорѣ корпуса, графѣ Ангальтѣ, на смерть котораго (1794) написалъ французскіе стихи. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ военной службы, Озеровъ получилъ чинъ генералъ-маіора, пе-

решелъ въ статскую и былъ членомъ лѣснаго департамента. По выходѣ въ отставку (1808), онъ страдалъ долговременною болѣзнію, съ которой соединено было разстройство умственныхъ силъ (Опытъ краткой исторіи литературы, Греча; Основаніе рус. театра, Н. Карабанова; О жизни и сочиненіяхъ Озерова, кн. Вяземскаго).

Сочиненія Озерова были издаваемы нѣсколько разъ: а) Глазуновымъ (1816); б) Пахорскимъ, въ 2 ч., 1817 (2-ая ч. этого изд. была вновь нап. 1819 г.); в) Заикинымъ, подъ редакціей баснописца А. Е. Измайлова, въ 2 ч. (1824 г.); г) тоже Заикинымъ (1827); д) Глазуновымъ, въ 3 ч. (1828)—изданіе дополненное и свѣренное по рукописямъ автора; е) Смирдинымъ, въ Пол. Соб. соч. рус. авторовъ (1846); ж) тоже Смирдинымъ (1847); з) Вольфомъ (1856). Въ изданіи Пахорскаго (1817) многіе стихи Озерова были исправлены литераторами. Редакторъ 3-го изд., Измайловъ, нашелъ эти поправки «весьма удачными». Онъ самъ, «по просьбѣ издателя (*книгопродавца Заикина*) и по уваженію (!) къ памяти незабвеннаго трагика, осмѣлился исправить у него нѣкоторыя очевидныя ошибки въ словахъ». «Надѣюсь (прибавляетъ онъ), что просвѣщенные (!) любители отечественной словесности не поставятъ мнѣ этого въ вину. Озеровъ, равно какъ и Державинъ, былъ великій поэтъ, но не всегда, какъ и тотъ, искусный стихослагатель. Этотъ недостатокъ есть, такъ сказать, неизбѣжная дань, заплаченная ими тому времени, въ которое они начали писать, не учась—къ сожалѣнію—классически словесности и не имѣвъ тогда образцовъ исправнаго стихосложенія» (Предувѣдомленіе къ 3-му изд. 1824 г.). Ложный взглядъ на памятники словесности и вандальское самоуправство съ ними по современнымъ понятіямъ встрѣчены были сильной критикой въ 17 № Сына Отечества за 1824 г. и въ 8 № Литературныхъ Листковъ, того же года, издававшихся Ѳ. Булгаринымъ. Первый журналъ замѣтилъ по этому поводу слѣдующее:

«Именно изъ уваженія къ памяти Озерова должно бъ было этого не дѣлать и даже отсовѣтывать издателю покушаться на передѣлку стиховъ незабвеннаго нашего трагика. Осмѣлимся напомнить г. Измайлову басню И. А. Крылова: «Червонецъ», тѣмъ болѣе, что она во многихъ мѣстахъ можетъ быть примѣнена къ поправкамъ, о коихъ идетъ рѣчь.... Трудно поправлять чужое, особливо творенія автора умершаго и слѣд. не могущаго оправдать себя передъ публикой; легко можно впасть въ погрѣшность, напр.: не отгадать намѣренія автора, по которому онъ далъ такую, а не другую перестановку словамъ въ стихѣ своемъ; легко можно ослабить мысль и испортить стихъ.... Творенія отличныхъ писателей суть наслѣдіе потомства и должны перейти къ нему неприкосновенными, ибо не разъ уже было сказано, что «самыя ошибки великихъ поэтовъ поучительны». Если бы при каждомъ изданіи Лафонтена, Расина и Мольера, издатели вздумали переправлять то, что имъ не нравится, то мы читали бы теперь не Лафонтена, Расина и Мольера, а басни, трагедіи и комедіи par une société des gens des lettres; и кто знаетъ, по ихъ слѣдамъ, можетъ быть, и des gens illetrés вздумали бы также поправлять сихъ великихъ стихотворцевъ (Современная рус. библіографія, стр. 134—138).»

Литературные Листки (стр. 314—319) выразились съ большею рѣзкостью:

«По какому праву г. Измайловъ перемѣнилъ и переправилъ стихи Озерова въ самомъ текстѣ? Это событіе, неслыханное понынѣ въ исторіи словесности просвѣщенныхъ народовъ! Неужели г. Измайлову неизвѣстно, какимъ образомъ Алкивіадъ поступилъ съ учителемъ, поправлявшимъ стихи Гомера? Не знаемъ, до какой степени искажены были стихи Гомера, но, имѣя передъ глазами поправки г. Измайлова, мы рѣшительно объявляемъ, что онъ во многихъ мѣстахъ превратилъ смыслъ стиховъ Озерова, лишилъ ихъ сладкозвучія и несносною перестановкою словъ совершенно ослабилъ дѣйствіе рѣчей драматическихъ лицъ.... Перо выпадаетъ изъ рукъ моихъ при мысли о столь безжалостномъ искаженіи стиховъ безсмертнаго Озерова. Какая надежда остается для нашихъ первоклассныхъ поэтовъ, послѣ этого примѣра? Издатели, книгопродавцы, безъ сомнѣнія, всегда найдутъ усердныхъ поправщиковъ».

Переходя къ основанію, по которому Измайловъ дозволилъ себѣ поправки, Листки замѣчаютъ:

«Странная логика! Гомеръ и Гезіодъ также не имѣли образцевъ исправнаго стихосложенія, но сдѣлались сами образцами, и потомство пользовалось ихъ ошибками, какъ наставительными уроками, но не перемѣняло стиховъ въ текстѣ. .. Спрашиваемъ г. Измайлова, что онъ разумѣетъ подъ «классическимъ» ученіемъ словесности? Озеровъ воспитывался въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, возведенномъ знаменитымъ Бецкимъ и гр. Ангальтомъ на отличнѣйшую степень совершенства. Озеровъ былъ ученикъ Княжнина. Если г. Измайловъ подъ названіемъ «классической словесности» разумѣетъ латинскую и греческую, то онъ правъ: Озеровъ не зналъ древнихъ языковъ: но и г. Измайловъ, какъ намъ извѣстно, не знаетъ

онымъ, и потому не имѣетъ преимущества предъ Озеровымъ въ семъ отношеніи... Сдѣлаемъ еще одинъ вопросъ г. Измайлову: чѣмъ обнаруживается классическое познаніе словесности, если не произведеніями? Чѣмъ означаются преимущества одного автора предъ другимъ? Безъ сомнѣнія, произведеніями же. И такъ сочиненныя г. Измайловымъ басни и сказки не могли дать ему права исправлять безсмертныя творенія Озерова».

Вотъ нѣсколько поправокъ, сдѣланныхъ Измайловымъ.

У Озерова, въ Эдипѣ:

Вздыханія ловить и исчислять рыданья....
Какой несчастный царь тебя пріялъ въ семейство?...
Ты зри главу мою, лишенную волосъ.

Въ Фингалѣ:

Ты храбростью своей въ лѣтахъ младыхъ извѣстенъ....
Сонмъ воевъ у чертогъ. Спаси царя, Уллинъ.

Въ поправкахъ Измайлова:

Ловить вздыханія и исчислять рыданья....
Какой несчастный царь пріялъ тебя въ семейство?...
Зри и главу мою, лишенную волосъ. —
Ты мужествомъ своимъ вселенной всей извѣстенъ....
Къ чертогамъ воины пошли сейчасъ, Уллинъ.

Въ собраніи сочиненій Озерова помѣщены: Элоиза къ Абеларду, ироида, вольный переводъ изъ Колардо (первый опытъ Озерова въ стихахъ, какъ сказано имъ самимъ въ предисловіи къ отдѣльному изданію ироиды, 1794 г,); трагедіи: Ярополкъ и Олегъ (1798), Эдипъ въ Аѳинахъ (1804), Фингалъ (1805), Димитрій Донской (1807), Поликсена (1809), и лирическія піесы (оды, басни и другія стихотворенія). Къ нѣкоторымъ изданіямъ Озерова приложены: Краткое разсужденіе объ Озеровѣ и краткое извѣстіе о его жизни, Греча; надгробіе Озерову, А. Измайлова; О жизни и сочиненіяхъ Озерова, кн. Вяземскаго; стихотворенія Державина, Капниста и Батюшкова въ честь Озерова, и выписка изъ письма, писаннаго Озеровымъ въ 1809 г. къ Заикину.

[1]) Эдипъ въ Аѳинахъ, трагедія въ 5 д., въ стихахъ. Представлена въ 1-ый разъ 1804. Изданія: первое—1804, второе—1805, третье—1816, четвертое—1823 (другое изд. въ томъ же году, Заикина). Озеровъ посвятилъ свою трагедію Державину, который отвѣчалъ на посвященіе слабыми стихами: «Витія, кому Мельпомена», и пр. (Соч. Державина, изд. Смирд., 1847, т. I, стр. 308). Блестящій успѣхъ Эдипа, чувства, возбужденныя его представленіемъ на зрителей, выражены Капнистомъ въ Посланіи къ Озерову (Сѣвер. Вѣстникъ, 1805, № 5):

Эдипа видѣлъ я.... и чувство сострадавья
Понынѣ въ растроганной душѣ моей хранитъ
Гонимаго слѣпца прискорбный, томный видъ.
Еще мнѣ слышатся несчастнаго стенанья,
И жалобы его, и грозный клятвы гласъ,
Что ужасомъ мой духъ встревоженный потрясъ.
Еще въ ушахъ моихъ печальной Антигоны
Унылый длится вопль и раздаются стоны,
и т. д.

Приглашая трагика идти въ храмъ Мельпомены за лавровымъ вѣнкомъ, Капнистъ говоритъ:

Теки и, презря ядъ зоиловъ злоязычныхъ,
Въ опасномъ поприщѣ ты бѣгъ свой простирай;
Внемли плесканью рукъ и вѣкъ не забывай,
Что зависть спутница однихъ даровъ отличныхъ,
Что, яркимъ озаренъ сіяніемъ, предметъ
Уродливу на долъ и мрачну тѣнь кладетъ.

Озеровъ, благодаря Капниста, заключилъ свои стихи словами:

Къ безсмертью я дойду въ досаду злоязычныхъ.

На завистниковъ-зоиловъ таланта указываютъ также Батюшковъ въ баснѣ «Пастухъ и Соловей», посвященной Озерову, и Жуковскій, въ «Посланіи къ Вяземскому и В. Пушкину». Батюшковъ сочинилъ свой разсказъ въ утѣшеніе трагику: храмъ славы, пишетъ онъ

..... затворенъ для всѣхъ зоиловъ строгихъ,
Богатыхъ знатностью, талантами убогихъ.
Ахъ, если и теперь они своей рукой
Посмѣютъ къ твоему творенью прикасаться,
А ты, нашъ Эврипидъ, чтобъ позабыть ихъ рой,
Захочешь съ музами разстаться
И болѣ не писать,
Тогда прошу тебя разсказъ мой прочитать.

Онъ же, въ прозаической статьѣ: «Петрарка», доказывая примѣрами Мольера, Расина и Тасса, что глубокая чувствительность—источникъ дарованій—нерѣдко бываетъ источникомъ мученій, прибавляетъ: «И въ наши времена русская Мельпомена оплакиваетъ еще своего любимца (*Озерова*), столь ужасно отторженнаго отъ Парнаса, отъ всего человѣчества! Есть люди, которые завидуютъ дарованію. Великое дарованіе и великое страданіе почти одно и тоже».

Жуковскій приписываетъ смерть Озерова печали, испытанной имъ отъ завистниковъ:

Увы, Димитрія творецъ
Не отличилъ простыхъ сердецъ
Отъ хитрыхъ, полныхъ вѣроломства!
Зачѣмъ онъ свой сплетать вѣнецъ
Давалъ завистникамъ съ друзьями!
Пусть дружба нѣжными перстами
Изъ лавровъ сей вѣнецъ свила;
Въ нихъ зависть тернія вплела....
И торжествуетъ. Растерзали
Ихъ иглы славное чело.
Простому сердцу страшно зло:
Пѣвецъ угаснулъ отъ печали.
. . . .
Чувствительность его сразила!
Чувствительность, которой сила
Моины душу создала,
Пѣвцу погибелью была....

Присоединимъ еще сюда «Письмо Д. къ новѣйшему Аристофану» (Сынъ Отеч. 1815, № 42), заключающее въ себѣ упреки Шаховскому въ зависти, побудившей его погубить Озерова. Такимъ образомъ въ литературномъ кругу, дорожившемъ славою Озерова, образовалось и укрѣпилось понятіе о какихъ-то злоязычникахъ, которые не только порицали его трагедіи, но и были причиною печальнаго исхода его жизни. Этотъ недобрый слухъ, вѣроятно, имѣлъ основаніе. Самъ Озеровъ подтверждалъ его въ отвѣтѣ Капнисту. Современники называли даже лице, именно кн. Шаховскаго, который долженъ былъ принять на свой счетъ полуясные намеки на зоиловъ, равно какъ и стихъ Батюшкова: «богатыхъ знатностью». Зная, какъ относился Шаховской къ новымъ литературнымъ явленіямъ и къ даровитымъ творцамъ ихъ (Карамзину и Жуковскому), можемъ вѣрить его недоброжелательнымъ отношеніямъ и къ Озерову. Карамзинъ, уже въ 1816 г., слѣд. черезъ девять лѣтъ послѣ «Новаго Стерна», писалъ къ женѣ своей изъ Петербурга: «здѣсь все, кромѣ К. (*Кутузова, бывшаго кураторомъ москов. университета*) и Шаховскаго, сыплетъ на меня цвѣты». Впрочемъ, обвиняемый находилъ и заступниковъ. Катенинъ, думавшій вмѣстѣ съ нимъ, Жандромъ и нѣсколькими другими литераторами основать новую школу русской драмы, осуждаетъ «исключительное пристрастіе къ Озерову, многихъ или немногихъ, которые видятъ въ немъ жертву собственной чувствительности и посторонняго гоненія, хотя Озеровъ прошелъ по лаврамъ чрезъ все свое драматическое поприще» (Еще слово о Фингалѣ, въ 26 № Сына Отеч. 1820).

«Эдипъ въ Аѳинахъ» есть подражаніе оперѣ Саккини: «Oedipe à Colon», и трагедіямъ французскаго трагика Дюси (+ 1816): «Oedipe chez Admète» и «Oedipe à Colon», заимствованной, съ передѣлками, изъ Эдипа Колонскаго, Софокла. Больше всего Озеровъ перевелъ изъ 2-ой трагедіи Дюси: такъ переведены всѣ сцены, въ которыхъ является Антигона; первое явленіе II-го акта (помѣщенное въ Христ.)—лучшее мѣсто нашей трагедіи—есть не что иное, какъ лучшее мѣсто французскаго образца, близкое и хорошее его переложеніе; да и слѣдующія за тѣмъ сцены, до конца піесы, взяты у Дюси, съ тою разницей, что у Озерова умираетъ Креонъ, пораженный громомъ за свои злодѣянія, и оставленъ въ живыхъ Эдипъ, тогда какъ въ подлинникѣ умираетъ Эдипъ, а Креона нѣтъ вовсе. Любопытно сличить трагедіи французскую и русскую съ первымъ, греческимъ образцомъ ихъ, чтобы видѣть, какъ ихъ авторы, подъ вліяніемъ псевдоклассицизма, невыгодно уклонялись отъ Софокла. Мерзляковъ далъ основательный отчетъ объ Эдипѣ въ Аѳинахъ, въ 8 и 9 №№ Вѣст. Евр. 1817.

[5]) Фингалъ, трагедія въ 3 д., въ стихахъ, съ хорами и пантомимными балетами. Представлена въ 1-ый разъ въ 1805 г., а нап. въ 1807 (2-ое изд.—1816; 3-ье Глазунова, 1824, и Заикина, въ томъ же году; 4-ое, Заикина—1827). Франц. переводъ въ стихахъ, Дальмаса, 1808. Трагедія посвящена А. Н. Оленину, по совѣту котораго была написана. Изъ посвященія видно, что Озеровъ имѣлъ цѣлью представить «Ахилла сѣверныхъ странъ». Одна уже новость предмета должна была интересовать публику, знавшую только греческихъ и римскихъ героевъ. Содержаніе трагедіи взято изъ 3-ей пѣсни поэмы «Фингалъ», приписываемой его сыну Оссіану. Подлинникъ исполненъ поэзіи. Бардъ Кариллъ славитъ храбрость и великодушіе Фингала, который, побѣдивъ Старна, царя локлинскаго, не хотѣлъ удержать его плѣнникомъ, но даровалъ ему свободу. Сердце Старна исполнилось гордости и злобы: онъ замыслилъ смерть юнаго побѣдителя, единственнаго соперника своей силы. Для совершенія замысловъ онъ пригласилъ къ себѣ Фингала и предложилъ ему руку своей дочери. Дочь, любившая Фингала, открываетъ угрожающую ему опасность. Старнъ, раздраженный открытіемъ своихъ преступныхъ плановъ, убиваетъ дочь. Фингалъ сзываетъ воиновъ, поражаетъ Локлинцевъ, уноситъ на корабль тѣло дочери Старна и погребаетъ его на одномъ изъ утесовъ своей родины.—У Озерова другая причина мести: Фингалъ убилъ Старнова сына, Тоскара, и огорченный отецъ далъ обѣтъ успокоить тѣнь убитаго смертію убійцы.

Моина, невѣста Фингала, избавляетъ его отъ смерти. Раздраженный неуспѣхомъ, Старнъ убиваетъ дочь свою. Мерзляковъ (въ 9 № Вѣст. Евр. 1817) произнесъ строгій приговоръ вымыслу и плану Фингала, но въ тоже время показалъ его достоинства и причины успѣха: волшебную силу стиховъ, унылость Моины, величіе души, нѣжность и мужество Фингала, самую новость сцены, дикость характеровъ и мѣстъ, арфу и осенніе туманы, придающіе піесѣ меланхолическую занимательность.

По поводу той же трагедіи, завязалась, въ 1820 г., полемика. Статья Жандра о первыхъ двухъ дебютахъ Каратыгина въ роли Фингала (Сынъ От., 1820, № 23) сильно критикуетъ Озерова: «Трагедія Фингалъ, по мнѣнію моему, вовсе не трагедія. Въ планѣ ея нѣтъ никакого плана. Характеры лицъ не похожи ни на какіе характеры. Все, что въ Фингалѣ случается по счастью или по несчастью, случается именно отъ глупости главныхъ лицъ. Старнъ плутуетъ съ жрецомъ: стало, онъ не вѣруетъ въ Одена и онъ же очень усердно молится Одену. Фингалъ—и то изъ любви только къ Моинѣ, готовъ клясться предъ кумирами и жрецами всей земли, а впрочемъ онъ принадлежитъ къ сектѣ чистыхъ деистовъ. Въ 3-мъ дѣйствіи по Тоскарѣ поютъ панихиду, и Фингалъ, вмѣсто того, чтобы спѣшить окончаніемъ этого обряда, впадаетъ въ меланхолію. Въ самую ту минуту, какъ воины Старновы, которыхъ, впрочемъ, очень немало, бросаются на обезоруженнаго Фингала, ему, по счастью, попадается въ руки мечъ, который не догадались отъ него спрятать. Въ трагедіи есть однакожъ очень хорошіе стихи и ловкіе, блестящіе отрывки, которые хотя и не въ смыслѣ содержанія трагедіи написаны, но даютъ случай актерамъ пощеголять искуснымъ чтеніемъ». Жандру возражали В. С. (Разные толки о Фингалѣ, С. О., 1820, № 24) и Я.... (Замѣчанія на статью Жандра, ib., № 27). Первый замѣчаетъ, что приговоръ, произнесенный Фингалу, можетъ служить универсальнымъ приговоромъ всѣхъ трагедій, не только бродяги Беллуа (+1775), но и лучшихъ французскихъ трагиковъ. Второй, ссылками на Маллетову Исторію Даніи, доказываетъ, что сѣверные народы признавали единаго Бога до самаго прибытія Одена: слѣд. Фингалъ могъ быть деистомъ, не занимаясь философскими науками, когда въ Норвегіи уже боготворили Одена. Сверхъ того, если въ Шотландіи слѣдовали закону Друидовъ, то Фингалъ непремѣнно былъ чистымъ деистомъ (въ доказательство берется Макферсонова Исторія Великобританіи). Поддерживая Жандра, Катенинъ (ib., № 28) порицаетъ слѣдующую выходку Фингала:

.... Какой сей даръ чудесный!
И какъ предъ всѣми онъ небесный слышалъ гласъ,
Которому никто не могъ внимать изъ насъ?
Что въ вашемъ храмѣ я, мнѣ должно ль лицемѣрить?

[1]) Представлена въ 1-й разъ 1807 г. Нап. того же года (2-ое изд.—1816; 3-ье—1824; 4-ое—1827). Посвящена императору Александру I. Посвященіе объясняетъ цѣль, которую имѣлъ Озеровъ, сочиняя эту трагедію: «Димитрій, поразивъ высокомѣрнаго Мамая на задонскихъ поляхъ, положилъ начало освобожденію Россіи отъ ига татарскаго. Ваше императорское величество возбудили мужество Россіянъ на защищеніе европейскихъ державъ. Будущіе вѣки благословятъ твердость и великодушіе монарха, принявшаго оружіе для спасенія разноплеменныхъ народовъ отъ ига честолюбиваго завоевателя». Димитрій Донской представленъ былъ за нѣсколько дней до прейсишъ-эйлаускаго сраженія. Публика приняла его съ чрезвычайнымъ восторгомъ. Главная причина успѣха заключалась въ чувствѣ патріотизма, которымъ проникнута піеса, и въ примѣненіяхъ ея къ современнымъ обстоятельствамъ. Димитрій служилъ образомъ Александра, какъ Мамай образомъ Наполеона. «Дерзостный посолъ надменнѣйшаго хана» представлялъ высокомѣріе французскихъ посланниковъ. Короче: трагедія Озерова для зрителей имѣла такое же значеніе, какое «Мысли въ слухъ» Растопчина имѣли для читателей. Она принадлежала къ явленіямъ «патріотической» литературы, которой голосъ сильно раздавался въ современныхъ журналахъ, стихотвореніяхъ и отдѣльныхъ книжкахъ и брошюрахъ. Кромѣ того, благородныя чувства патріотизма выражены прекраснымъ, по тому времени, стихомъ. Наконецъ успѣху піесы много содѣйствовала игра Семеновой, которая, по словамъ Пушкина, «дѣлила вмѣстѣ съ авторомъ невольную дань народныхъ слезъ и рукоплесканій».

Послѣдняя трагедія Озерова «Поликсена» представлена была и нап. 1809 (другія изданія вышли въ 1819, 1824 и 1827 г.г.). Разборъ ея, Мерзлякова, въ 4 и 5 №№ Вѣст. Евр. 1817. См. также, въ Отеч. Зап. 1846 г., мой разборъ Смирд. изд. сочиненій Озерова.

XX.

КРЮКОВСКІЙ. ([1]).

ТРАГЕДІЯ: ПОЖАРСКІЙ (1807). ([2]).

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ 2.

Пожарскій, Заруцкій, Вожди, Дружина.

Пожарскій (обращаясь къ Москвѣ).

Любви къ отечеству сильна надъ сердцемъ власть!
Россійскихъ воиновъ она едина страсть.
То чувство пылкое, творящее героя,
Покажемъ скоро мы среди кровава боя.
Похищенно добро намъ время возвратить,—
Добро, что мы всего привыкли выше чтить:
Свободу общества, закономъ огражденну,
Что игу чуждому мы зримъ порабощенну.
Иль хищника подъ сей стѣною погребемъ,
Иль, славой вѣнчанны, во мрачный гробъ сойдемъ.

Заруцкій.

Я радость общую усердно раздѣляю,
Что у московскихъ стѣнъ Пожарскаго встрѣчаю.
Ты, презирая скорбь жестоку тяжкихъ ранъ,
Сей трудный предпріялъ походъ изъ дальнихъ странъ.

Пожарскій.

Въ часы, въ которые отечествомъ крушуся,
Не собственныхъ своихъ опасностей страшуся.
И можноль было мнѣ о ранахъ помышлять?...
Я шелъ отечество отъ ига избавлять!

Заруцкій.

Кто храбрости всегда священны чтилъ законы,
Тотъ долженъ умереть граждан для обороны.
И сердцу близкая забота твоему
Въ Россіи быть чужда не можетъ никому;
Но чаяньемъ себя не ложнымъ ли ласкаешь
И мечь, къ спасенью всѣхъ, не поздно ль извлекаешь?...

Пожарскій.

Коль надобно гражданъ оковы тяжки рвать
И лютаго врага за дерзости карать:
Тогда, послѣдуя любви и мести гласу,
Не должно избирать ни времени, ни часу.

Заруцкій.

Усердствую и я согражданъ кончить стонъ,
Но множество сему усердью зрю препонъ.
Страшусь, чтобы, стремясь отъ ига дать свободу,
Бѣдъ новыхъ не навлечь россійскому народу.
Или не знаешь ты, сколь власть враговъ сильна?
Измѣной предана имъ вся сія страна,
И тѣ, которые упорность силъ являли,
Усердіе свое безплодно утомляли.
Не тщетно ль кровь гражданъ мы будемъ проливать?..

Пожарскій.

Служа отечеству, со славой умирать —
Не жертва тщетная, а праведная плата.
Не крови дорога Россіянамъ утрата,
Но чести! что намъ жизнь, когда ей спутникъ стыдъ,
Когда въ ней слабости являть все будетъ видъ?
Погибни лучше все! и градъ, порабощенной
Въ отеческой странѣ рукой иноплеменной,
Готовъ разрушить я, въ прахъ зданія попрать,
Во храмы бросить огнь и пламенемъ объять

Ихъ гордыя главы, что въ золотѣ сіяютъ
И блескъ прошедшаго величія являютъ:
Да пеплъ родимыхъ стѣнъ потомству возвѣститъ,
Что славу Россъ свою всѣхъ выше благъ цѣнитъ!

Заруцкій.

Всѣ способы равны, коль кончатъ неустройство;
И если Владиславъ даруетъ намъ спокойство...

Пожарскій.

Блаженство хочетъ кто Россіи возвратить,
Совѣта тотъ не дастъ пришельцу скиптръ вручить.

Заруцкій.

Я волю чтилъ бояръ, согласныхъ Владиславу
Въ правленье поручить россійскую державу.
Не въ ихъ ли обществѣ отечество живетъ?
Россія вся въ Москвѣ, другой Россіи нѣтъ!
И въ дальномъ что краю на мірѣ положили,
То въ думѣ бы вельможъ съ презрѣньемъ осудили.

Пожарскій.

Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она (3),
Которыхъ вѣрна грудь любовью къ ней полна!
Не тотъ Россіянинъ, кто славу забываетъ
И гордое чело подъ иго преклоняетъ;
Но прямо Русскій тотъ, кто изъ дальнѣйшихъ странъ
Спѣшитъ подъ царскій стягъ, въ нашъ ратоборный станъ.
Столица, сонмъ бояръ не въ градѣ семъ мятежномъ,
Но съ честью, вольностью въ убѣжищѣ надежномъ:
На ратномъ полѣ... тамъ, гдѣ Россъ иль побѣдитъ,
Иль славной смертью жизнь позорну замѣнитъ!

Заруцкій.

Но если Владиславъ дни мирны обѣщаетъ?...

Пожарскій.

Но такъ ли царь любовь народу изъявляетъ?
Онъ съ пламенемъ, съ мечемъ въ предѣлы къ намъ вступилъ;
Въ залогъ спокойныхъ дней столицу разорилъ;
Убійствомъ, грабежемъ, свирѣпостью прославилъ
И самозванцевъ всѣхъ въ себѣ одномъ представилъ!

Заруцкій.

Но мы должны въ Литвѣ союзниковъ признать,
Которыхъ цѣль была пособіе намъ дать...

Пожарскій.

Ты обрати свой взоръ на храмы опаленны,
Селенья выжженны, поля опустошенны;
На добытый трудомъ расхищенный запасъ,
Что долженъ былъ питать въ сурову зиму насъ;
На разоренныя убѣжища невинны,
И бѣдный гдѣ хранилъ права гостепріимны:
Не ихъ ли то дѣла? не ихъ ли даръ суровъ?
Убогой хижины они развѣя кровъ
И удаливъ жену отъ вѣрнаго супруга,
Отторгли буйственно оратая отъ плуга;
Луга притоптаны увяли въ красотѣ;
Оставленъ пеплъ одинъ въ наслѣдство сиротѣ!
Они и въ сердце намъ разврата ядъ вливаютъ,
И нравы нѣгою постыдной разслабляютъ.
Обычай суетный почто перенимать
И рабски чуждому примѣру подражать?
Не пользу отъ сего, какъ мыслятъ, обрѣтаемъ,
Но русскій духъ въ мѣнѣ толь низкой мы теряемъ;
Издѣлій роскоши не зная Россъ цѣнить,
Умѣлъ карать порокъ и добродѣтель чтить (4).

(обращаясь къ Москвѣ).

О русская земля! отечество драгое!
Узримъ ли время мы опять твое златое?
Заставимъ ли врага, какъ прежде, трепетать?
Коварныхъ замыслы успѣемъ ли попрать?
И водворимъ ли вновь въ сердцахъ доброты рѣдки.
Что завѣщали намъ въ залогъ почтенны предки?

Заруцкій.

Прошли на вѣкъ сіи счастливы времена,
И истинныхъ сыновъ Россія лишена.
Отечество у насъ одно лишь изреченье,
Существенность ему даетъ воображенье([5]).

[1]) Крюковскій, Матвѣй Васильевичъ (1781—1811), шести лѣтъ поступилъ въ сухопутный кадетскій корпусъ, изъ котораго выпущенъ поручикомъ (1798). Потомъ служилъ переводчикомъ въ коммиссіи составленія законовъ и перевелъ соч. Гереншванда: «О новѣйшемъ государственномъ хозяйствѣ» (1807). Въ томъ же, 1807 г., представлена была трагедія его «Пожарскій». Императоръ Александръ, милостиво принявъ ее, приказалъ спросить у автора, какой бы желалъ онъ награды. Крюковскій объявилъ, что ему хотѣлось усовершенствовать свое драматическое дарованіе во Франціи. Ему назначили хорошее содержаніе и отправили (1808) въ Парижъ, откуда онъ возвратился въ 1810 г., не сдѣлавъ ничего для театра (Опытъ ист. лит., Греча; Основаніе рус. театра, Карабанова).

[2])«Пожарской, трагедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, сочиненіе М. Крюковскаго (Спб. 1807)». Другія изданія: 2-ое (1810) и 3-ье, Заикина (1828). Предметъ ея—освобожденіе Москвы отъ Поляковъ Пожарскимъ и Мининымъ. Русскіе патріоты встрѣчаютъ врага въ Заруцкомъ, который замышлялъ вступить на престолъ, женясь на вдовѣ Лжедимитрія. Атаманъ обѣщаетъ Пожарскому дѣйствовать заодно, но потомъ измѣняетъ ему, задерживаетъ его супругу и сына и велитъ казакамъ соединиться съ Жолкевскимъ. Пожарскій изъ любви къ отчизнѣ забываетъ опасность своего семейства: онъ идетъ противъ Поляковъ, побѣждаетъ ихъ и Заруцкаго, и съ общимъ торжествомъ Россія соединяетъ свою личную радость: жена его и сынъ выручены изъ плѣна начальникомъ дружины. Удивительный успѣхъ піесы на театрѣ описанъ въ Дневникѣ Чиновника (ст. 6-ая, въ 10 № От. Зап. 1855). Всѣ стихи, выражавшіе патріотизмъ, были принимаемы съ восторгомъ. На трактацію сюжета публика не обращала никакого вниманія: она занималась однимъ Пожарскимъ, котораго представлялъ знаменитый актеръ Яковлевъ. Наибольшій энтузіазмъ возбудила та сцена, когда Пожарскій, узнавъ объ измѣнѣ Заруцкаго и объ опасности своего семейства, бросается къ Москвѣ, не слушая убѣжденій приверженцевъ поспѣшить на помощь роднымъ:

Родные!... но Москва не мать ли мнѣ?...

Трагедія «Пожарскій» успѣхомъ своимъ превзошла даже «Димитрія Донскаго». Она была дана уже послѣ военныхъ дѣйствій съ Французами, когда непріязнь къ нимъ стала еще болѣе напряженною, и каждое примѣненіе къ современнымъ событіямъ принималось сильнѣе. Послѣ ея представленія, Крюковскій сказалъ одному пріятелю: «Чувствую все снисхожденіе публики и всю слабость моей пьесы. Не думаю, чтобъ она достойна была перейти къ потомству, но надѣюсь, что она никогда совершенно забыта не будетъ. Просвѣщеніе распространится, языкъ усовершенствуется, стихи мои обветшаютъ, но чувствованія Русскаго, которыми я дышу и которыя старался изобразить въ трагедіи, не измѣнятся никогда». (Сынъ Отеч. 1820, № 44, разборъ другой трагедіи Крюковскаго: Елисавета, дочь Ярослава).

Елисавета, дочь Ярослава, трагедія въ 5 д., нап. послѣ смерти автора (1820). Содержаніе ея: любовь норвежскаго принца Гаральда къ русской княжнѣ. Піеса слаба во всѣхъ отношеніяхъ: по дѣйствію, характерамъ и плану.

Обѣ трагедіи изданы вмѣстѣ въ 1820 г., подъ заглавіемъ: «Сочиненія М. Крюковскаго». Другое изд. ихъ, Смирдинское, 1854 (въ одной книжкѣ съ сочиненіями Грибоѣдова.)

[3]) Въ послѣдствіи, этотъ стихъ считали пророческимъ и видѣли его осуществленіе въ московскомъ пожарѣ 1812 г. Вотъ что сказано въ «Замѣчаніяхъ на нѣкоторыя замѣчанія о Москвѣ» (Рус. Вѣстникъ, 1814, кн. 5, стр. 19 и 20): «По представленіи трагедіи «Пожарскій» какъ будто бы вошли въ пословицу стихи, которыми сочинитель заставляетъ отвѣчать князя Заруцкому. Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ послѣ 1812 г. повторены были сіи стихи въ подтвержденіе, что съ уступленіемъ Москвы не была сопряжена гибель Россіи.»

[4]) Тирада, направленная противъ пристрастія Русскихъ къ французскимъ обычаямъ.

[5]) Упреки современникамъ за недостатокъ патріотизма, противополагаемый счастливой старинѣ.

XXI.

С. Н. ГЛИНКА. (1).

ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ (1808). (2).

Издавая Русскій Вѣстникъ, намѣренъ я предлагать читателямъ все то, что непосредственно относится къ Русскимъ.

Всѣ наши упражненія, дѣянія, чувства и мысли должны имѣть цѣлью отечество; на семъ единодушномъ стремленіи основано общее благо.

Подражая иноземнымъ модамъ и обыкновеніямъ, для чего не перенимать у нихъ полезнаго и похвальнаго? На французскомъ языкѣ есть множество сочиненій, посвященныхъ единственно къ сохраненію гражданскихъ и воинскихъ добродѣтелей. Извѣстнѣйшія изъ нихъ: Добродѣтели народныя, въ двухъ частяхъ, Училище воиновъ въ шести (3).

Истинная добродѣтель не требуетъ похвалъ; но нужно напоминать о ней въ наставленіе другимъ.

Издатель и участвующіе въ Вѣстникѣ его весьма будутъ признательны за извѣстія о благодѣяніяхъ, полезныхъ заведеніяхъ,—словомъ, о всемъ томъ, что можетъ услаждать сердца русскія. Увѣдомленія сіи составятъ новую отечественную исторію: *исторію о добродѣтельныхъ дѣяніяхъ и благотворныхъ заведеніяхъ*. Отцы и матери, напечатлѣвая въ сердцахъ дѣтей своихъ сохраненныя въ ней преданія, будутъ одушевлять ихъ рвеніемъ къ добродѣтели и общему благу.

Въ сихъ листахъ найдутъ многія статьи о древнихъ временахъ Россіи. Бесѣда съ праотцами, бесѣда съ героями и друзьями отечества питаетъ душу и, сближая прошедшее съ настоящимъ, умножаетъ бытіе наше. Настоящее объясняется прошедшимъ, будущее настоящимъ.

Но быстрота мыслей человѣческихъ рѣдко на одной вещи останавливается: и такъ отъ древности будемъ возвращаться къ нашимъ временамъ. Новая книга большаго свѣта, по сравненію съ древностію, представляетъ особый міръ и особыхъ людей, хотя потомки не перемѣнили ни страны, ни имени праотцевъ своихъ.

Часто старое принимаютъ за новое; путь, проложенный однимъ человѣкомъ, оставляется другимъ; третій еще иную стезю избираетъ: многое преобразуется, не перемѣняясь.

Одинъ иностранный писатель, обозрѣвая европейскія государства, говоритъ: «въ Австріи мнѣнія противорѣчатъ законамъ, въ Пруссіи чувствія и мысли народныя несогласны съ чувствами и мыслями правительства, въ Россіи лучшіе умы заняты новизною или нововведеніями (4).

Не объяснивъ, какую примѣтилъ онъ въ Россіи новизну, можно ли укорять лучшіе умы? Философы осьмагонадесять столѣтія никогда не заботились о доказательствахъ: они писали политическіе, историческіе, нравоучительные, метафизическіе, физическіе романы; порицали все, все опровергали, обѣщевали безпредѣльное просвѣщеніе, неограниченную свободу, не говоря, что̀ такое то и другое, не показывая къ нимъ никакого слѣда,—словомъ, они желали преобразить все по-своему.

Мы видѣли, къ чему привели сіи романы, сіи мечты воспаленнаго и тщеславнаго воображенія! И такъ, замѣчая нынѣшніе нравы, воспитаніе, обычаи,

моды и проч., мы будемъ противополагать имъ не вымыслы романическіе, но нравы и добродѣтели праотцовъ нашихъ. Пусть друзья блага общаго судятъ о преимуществахъ того и другаго! Мы не устрашимся предлагать имъ истину (5): кто любитъ своихъ согражданъ, тотъ счастіе ихъ предпочитаетъ своему личному благу или, лучше сказать, тотъ счастливъ ихъ благоденствіемъ.

Примѣръ добродѣтелей и нравовъ праотеческихъ заключается въ древнихъ преданіяхъ; въ нихъ означено то особое воспитаніе (6), о которомъ говорятъ извѣстнѣйшіе наши писатели; въ нихъ заключается изображеніе свойствъ князей, бояръ и прочаго званія людей; въ нихъ означены прелесть и сладость семейственной жизни; наконецъ то особое счастіе, которое Богъ и природа предоставили Русскимъ въ нѣдрахъ любезнаго ихъ отечества.

Тамъ измѣны счастью нѣтъ,
Гдѣ оно въ душѣ живетъ.

Добродѣтели и пороки повсюду и во всѣ времена владычествовали совокупно. Въ Аѳинахъ Сократы и Анитусы, въ Римѣ Силлы и Катоны, во Франціи Гвизы и Колиньи, въ Гишпаніи Бовадиллы и Лас-Казасы, въ Россіи Филареты и Отрепьевы, бояре Матвѣевы и Милославскіе жили въ одно время; но счастіе предковъ нашихъ было вѣрнѣе и надежнѣе: они не распространяли его на всѣ четыре части свѣта, не требовали избытковъ всѣхъ странъ; они довольствовались тѣмъ, что посылалъ имъ Богъ, и чѣмъ благословляли ихъ отцы ихъ. «Самые тяжкіе налоги», говоритъ Франклинъ, «суть тѣ, которые происходятъ отъ лѣности, тщеславія и неумѣренности». И потомъ присовокупляетъ: «Богъ помогаетъ тѣмъ, которые сами себѣ помогаютъ» (7).

И мы скажемъ: Богъ поможетъ Русскимъ! Все истинно полезное, пріобрѣтенное ими въ теченіи цѣлаго столѣтія, присовокупятъ они къ полезнымъ и похвальнымъ качествамъ предковъ и не чужимъ, незаимственнымъ, но своимъ роднымъ добромъ будутъ богаты.

Въ нѣкоторыхъ статьяхъ Русскаго Вѣстника, добрые и попечительные отцы семействъ найдутъ способы ученія для семейственнаго воспитанія, основанные на опытѣ и утвержденные друзьями блага общаго.

Столицы, города, уѣзды послужатъ къ новымъ замѣчаніямъ и разсужденіямъ. Все то, что относится къ родной странѣ и согражданамъ нашимъ, драгоцѣнно сердцу, любящему отечество. Воображеніе обтекаетъ весь шаръ земной, мечтаетъ, будто бы можетъ объять весь родъ человѣческій; сердце, по убѣжденію чувствъ своихъ, приближается особенно къ единоземцамъ и любитъ ихъ болѣе всѣхъ другихъ народовъ. Русскій Вѣстникъ посвящается Русскимъ.

Нѣтъ! мы не тщетно взываемъ къ праху Пожарскихъ, Мининыхъ, Филаретовъ, Донскихъ и прочихъ незабвенныхъ мужей нашего отечества: они жили и всегда будутъ жить въ сердцахъ своихъ потомковъ.

И какъ не любить намъ имени своего, когда самъ Монархъ Россіи почитаетъ славой начальствовать надъ Русскими (8); когда вмѣстѣ съ отцами оплакиваетъ онъ сыновъ, умершихъ на полѣ битвъ (9); когда торжественно воздаетъ хвалу заслугамъ отечеству и добродѣтелямъ семейственнымъ (10); и наконецъ, когда онъ чтитъ и прахъ нашихъ героевъ!

И такъ Монархъ Россіи учитъ любить и уважать имя Россіянъ. При воспоминаніи сихъ дѣяній, скажемъ съ Ломоносовымъ:

О сколь Монархъ благополученъ,
Кто знаетъ Россами владѣть!
Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ
И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣть!

В. Записки о 1812 г. (**).

Іюля 11-го, 3 часа утра.

Въ достопамятный и бурный 1812 годъ жилъ я въ переулкѣ Тишинѣ близъ Драгомиловскаго моста. 11 іюля на ранней зарѣ утренней разбудилъ меня внезапный приходъ хозяйки дома. Едва вышелъ я къ ней, она со слезами вскричала: «мы пропали!» и подала мнѣ печатный листъ. То было воззваніе къ первопрестольной столицѣ Москвѣ отъ 6-го іюля изъ Полоцка. Прочитавъ воззваніе, я сказалъ: «Благодарите Бога, сударыня! Гдѣ заранѣе предвидятъ опасность, тамъ примутъ и мѣры къ отвращенію ея. Будьте спокойны и молитесь Богу!»

Іюля 11-го, 5 часовъ утра.

Наскоро одѣвшись, полетѣлъ я въ Сокольники на дачу къ графу Ѳедору Васильевичу Растопчину, поступившему вмѣсто графа Гудовича на чреду московскаго генералъ-губернатора. Не слыша еще громкой вѣсти о грозной опасности, исполинская Москва объята была сномъ и безмолвіемъ. Тишина владычествуетъ на поверхности океана до воскипѣнія волнъ: тоже нерѣдко бываетъ и съ областями земными. Изъ нѣдръ глубокаго безмолвія вылетаетъ роковой ударъ грома; смотримъ: откуда онъ грянулъ? Слышимъ новые удары и теряемся въ недоумѣніи. Поэтъ сказалъ:

Кто дышитъ, не дремли!

Это теперь излилось изъ души моей. А тогда спѣшилъ я съ одною мыслію: съ мыслію—отдать себя отечеству за отечество. Къ графу пріѣхалъ я въ пять часовъ утра. Все уже въ домѣ было въ движеніи. Передъ кабинетомъ графа засталъ я тогдашняго губернскаго предводителя Василія Дмитріевича Арсеньева и Аркадія Павловича Рунича, секретаря графа. Говорю Аркадію Павловичу, что мнѣ нужно видѣться съ графомъ. «Нельзя», отвѣчалъ онъ: «графъ занятъ теперь совѣщаніемъ съ преосвященнымъ Августиномъ и съ Петромъ Степановичемъ Валуевымъ» (*). — «Позвольте же мнѣ по крайней мѣрѣ оставить записку». Привѣтливо Аркадій Павловичъ подалъ мнѣ бумагу, перо, и я написалъ: «Хотя у меня нигдѣ нѣтъ помѣстья, хотя у меня нѣтъ въ Москвѣ никакой недвижимой собственности и хотя я не уроженецъ московскій: но гдѣ кого застала опасность отечества, тотъ тамъ и долженъ стать подъ хоругви отечественныя. Обрекаю себя въ ратники московскаго ополченія и на алтарь отечества возлагаю на триста рублей серебра».

Такимъ образомъ 1812-го года іюля 11-го мнѣ первому удалось записаться въ Москвѣ въ ратники и принесть первую жертву усердія.

Пишу объ этомъ не изъ тщеславія, но для сохраненія связи въ ходѣ обстоятельствъ моихъ. Самоотреченіе есть порывъ, вызываемый изъ души необычайными событіями. Не вѣрить этому значитъ уничижать и уничтожать благородныя движенія сердца человѣческаго.

Въ этотъ мигъ показалось мнѣ, что съ груди моей спало бремя гробовой тоски, налегшее на нее съ 1808 года. Въ Сокольникахъ блеснуло солнце въ полномъ сіяніи на свѣтломъ лазурномъ небосклонѣ. «Какъ очаровательна природа и какъ злобны люди!» говорилъ Жанъ Жакъ Руссо. И я въ юности моей, воспоминая о томъ, что съ оживленіемъ весенней природы загараются битвы кровопролитныя, сказалъ, обращаясь къ людямъ, вооруженнымъ противъ людей:

Иль кровь амврозія для васъ?

Мирите человѣчество съ человѣче-

(*) Тогдашнимъ начальникомъ кремлевской экспедиціи.

ствомъ, и менѣе будетъ злобныхъ и менѣе будетъ жажды къ крови!

Увлекаясь красотами загородной природы, я какъ будто бы забылъ, что въ то самое мгновеніе гремѣли битвы и за Днѣпромъ и у Днѣпра, и на Двинѣ и за Двиною.

Іюля 11-го, 9 часовъ утра, въ Москвѣ.

Вскорѣ улицы закипѣли жизнію и движеніемъ. Страхъ и боязнь не витали по стогнамъ градскимъ. Вѣсть о прибытіи государя отдалила мысль о бурѣ, мчавшейся къ Москвѣ. Вездѣ сходились и вездѣ сговаривались идти и спѣшить на встрѣчу государя.

Лица гражданъ и жителей сіяли веселіемъ сердечнымъ. Казалось, что всѣ ожидали какого-то пира торжественнаго. Тотъ пиръ былъ пиръ любви народной, и любовь на крыльяхъ душевныхъ порывалась къ нему. Замѣтить должно, что тутъ не проявлялись никакія хвастливыя выходки. Не слышно было удалыхъ поговорокъ: «мы закидаемъ шапками; мы постоимъ за себя!» Довѣренность безмятежная обладала умами. Никакое слово ненависти и негодованія противъ враговъ не исторгалось изъ устъ. Всѣ мысли, всѣ слова слились въ одно чувство любви. Въ обширныхъ московскихъ рядахъ лавки запирались ранѣе обыкновеннаго. Замкнувъ товары и осѣнясь крестомъ, добрые граждане говорили: «пойдемъ въ храмы Господни: помолимся за царя-государя, а оттуда за заставу». Встрѣчался ли кто съ кѣмъ на улицѣ, первый вопросъ: «куда идешь?» И общій отвѣтъ: «на встрѣчу государя, за заставу!»

Іюля 11-го, 3 часа пополудни.

Народъ за Драгомиловскою заставою.

Около трехъ часовъ пополудни, надѣвъ въ петлицу золотую мою медаль, чтобы свободнѣе протѣсняться сквозь безчисленные сонмы народа, пошелъ я вслѣдъ за ними, желая прислушаться къ мнѣнію народному и прибавить новую статью въ Русскій Вѣстникъ.

Не вмѣщая въ стѣнахъ своихъ радости и восторга, казалось, что вѣковая Москва, сдвинувшись съ исполинскаго основанія своего, летѣла на встрѣчу государя. Всѣ сердца ликовали; на всѣхъ лицахъ блистало веселіе. Духъ народный всего торжественнѣе высказывается въ годину рѣшительнаго подвига. Въ часы грозной, въ часы явной опасности, народъ русскій подрастаетъ душою и крѣпчаетъ мышцею отважною.

Размышляя о дивномъ полетѣ духа русскаго, часу въ шестомъ вечера очутился я на Поклонной горѣ, гдѣ тогда была дубовая роща. Земля какъ будто бы исчезала подъ сонмами народа; иные читали воззваніе къ первопрестольной столицѣ Москвѣ; другіе спокойно и съ братскимъ радушіемъ передавали другъ другу мысли свои. Подъ шумомъ бурь исчезаетъ личность и сердца сродняются союзомъ общей опасности. Рѣчи лились рѣкою и пламенѣли рвеніемъ любви. Вмѣшивался и я въ разговоры, но еще охотнѣе прислушивался къ живымъ и, такъ сказать, самороднымъ изреченіямъ духа русскаго.

Порывъ духа народнаго.

Между тѣмъ донеслась въ рощу молва, что у заставы Драгомиловской народъ намѣренъ выпрячь лошадей изъ государевой коляски и нести ее на плечахъ до Кремля. Сонмы народа, сидѣвшіе на Поклонной горѣ, безъ всякаго посторонняго возбужденія и какъ будто бы сговорясь душами и мыслію, воскликнули: «не уступимъ! мы впереди; мы скорѣе посиѣемъ; мы на себѣ понесемъ коляску государеву оттуда, гдѣ ее встрѣтимъ». Потомъ, оборотясь ко мнѣ, сказали: «а вы, ваше благородіе! ведите насъ!» Я

провозгласилъ: ура! впередъ! И тысячи голосовъ повторили: ура! впередъ! Все быстро двинулось. Воздухъ огласился звуками родныхъ пѣсенъ; шапки и шляпы летѣли вверхъ. Въ это время душевнаго разгула народнаго, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ ([12]) возвращался изъ Подмосковной. Увидя меня и за мною народъ, онъ приказалъ остановиться коляскѣ и спросилъ: Сергѣй Николаевичъ! куда идешь?—«Веду къ государю народъ», отвѣчалъ я. 1812 года іюля 11-го, порывистый духъ народа сдѣлалъ меня вождемъ своего усердія. Начинало смеркаться. Пѣсни и ура! не умолкали. На закатѣ солнца мы были уже на семнадцатой верстѣ. Останавливая всѣхъ проѣзжихъ, народъ спрашивалъ: скоро ли будетъ государь? Наконецъ около десяти часовъ услышали, что государь остается въ Перхушковѣ, гдѣ находился тогда и графъ Растопчинъ.

Повѣстка моя въ московскую полицію.

Въ ту же ночь извѣстилъ я, гдѣ слѣдовало, что народъ, по собственному порыву душъ своихъ, двинулся на встрѣчу государя и что разошелся съ сокрушеніемъ сердечнымъ. А потому и просилъ, чтобы на другой день напечатать что-нибудь ободрительное для народа. Не знаю, почему приказано было за мною присматривать. Но это не обезпокоило меня. Не отставая усердіемъ отъ общаго дѣла, я не забѣгалъ впередъ и не заботился о слухахъ. Идите на ряду съ необычайными обстоятельствами: они сами укажутъ вамъ мѣсто. Мелкіе происки и увертливыя искательства истощаютъ духъ. Берегите его для тѣхъ случаевъ, когда онъ можетъ дѣйствовать явно, не уклоняясь со стези, проложенной обстоятельствами, не вынужденными, а вызванными голосомъ времени и правительствомъ.

Полночь на 12-ое іюля.

Первая встрѣча государю.

Все дремало и въ домахъ, и на улицахъ, и въ окрестностяхъ Москвы: но не дремала любовь. Подмосковные крестьяне деревни Филей или села Покровскаго, нетерпѣливо ожидая проѣзда государя, отправили двухъ гонцовъ въ село Перхушково, которые, быстро прискакавъ оттуда, успѣли извѣстить причетъ церковный о выѣздѣ государя. Немедленно изъ села Покровскаго, перешедшаго въ родъ Нарышкинъ отъ царицы Натальи Кирилловны, священникъ Григорій Гавриловъ поспѣшилъ въ облаченіи на Поклонную гору съ серебрянымъ блюдомъ, на которомъ возлежалъ крестъ Господень, а престарѣлый дьяконъ держалъ свѣчу, разливавшую трепетное сіяніе въ ночь безлунную и беззвѣздную. Поровнявшись съ причетомъ, государь вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубокимъ вздохомъ облобызалъ крестъ Господень. Священникъ изъ стиховъ пасхи возглашалъ: да воскреснетъ Богъ и расточатся враги Его!

12 іюля. Красная площадь.

Побѣда первая—побѣда надъ сердцами.

Іюля двѣнадцатаго, съ первымъ мельканіемъ зари утренней, народъ волнами кипящими стекался на Красную площадь. Старцы, опираясь на костыли; матери съ грудными младенцами—все шло, все спѣшило. Надъ Кремлемъ сіяло солнце въ полномъ блескѣ роскошнаго дня лѣтняго. Въ девять часовъ утра явился на Красномъ крыльцѣ Александръ Первый; явился, какъ ангелъ Божій подъ осѣненіемъ щита небеснаго. На довѣренность царя громко откликнулась довѣренность народа. Со звономъ колокольнымъ сливались сотни тысячъ голосовъ: ура! да здрав-

ствуетъ царь–государь! веди насъ, куда хочешь! веди насъ, нашъ отецъ! умремъ или побѣдимъ! такъ восклицало душевное ополченіе русскаго народа, и Александръ Первый однимъ мановеніемъ руки своей могъ бы двинуть съ Красной площади сотни тысячъ подъ знамена ратныя. Въ сердцѣ царства русскаго, въ стѣнахъ Москвы, іюля двѣнадцатаго, императоръ Александръ убѣдился, что Россія устоитъ въ Россіи; онъ видѣлъ, что, и подъ полетомъ вѣсти объ общей опасности, духъ русскій воскипѣлъ двухвѣковою жизнію завѣтныхъ временъ гражданина Минина и князя Пожарскаго. Въ день іюля двѣнадцатаго не утварью царскою, не блескомъ вѣнца,- -Александръ украшался любовью народною, взиравшею на него очами сердца и души. То былъ въ полномъ смыслѣ именинный день Александра Перваго. На алтарь любви чистой, любви безкорыстной, любви пламенной, народъ и отечество радостно возлагали и достояніе и жизнь свою. И такъ приносимая тогда дань, говоря словами В. А. Жуковскаго, была:

«Не власти, не вѣнцу, а человѣку дань!»

Благовѣстъ продолжался. Государь двинулся съ Краснаго крыльца. Двинулось и общее усердіе. На каждой ступени, со всѣхъ сторонъ, сотни торопливыхъ рукъ хватались за ноги государя, за полы мундира, цѣловали и орошали ихъ слезами. Одни кричали: Отецъ! отецъ нашъ! Дай намъ на себя наглядѣться! Другіе восклицали: Отецъ нашъ! ангелъ нашъ! А съ площади, отъ воротъ Спасскихъ до соборовъ, отъ прибрежнаго Кремлевскаго возвышенія до воротъ Троицкихъ, съ кровли арсенала, съ кровлей домовъ, отовсюду, откуда, казалось, что услышится голосъ душевный, неслись, летѣли клики: ура! да здравствуетъ царь-государь! Веди насъ, куда хочешь!

На ступеняхъ крыльца государь часъ отъ часу болѣе стѣснялся быстрымъ приливомъ народа. Чиновники его порывались раздвигать ряды. Государь, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: «не троньте! не троньте ихъ! Я пройду!» И онъ прошелъ сквозь ряды сердецъ, пылавшихъ усердіемъ. До паперти, до вратъ собора Успенскаго гремѣли отклики: Отецъ нашъ! ангелъ нашъ! Да хранитъ тебя Господь Богъ!

Въ день іюля двѣнадцатаго, торжество любви народной сочеталось съ благодарнымъ молебствіемъ по случаю заключенія мира съ Турціей.

Звонъ колокольный продолжался, и когда государь сходилъ съ крыльца, народъ цѣловалъ его одежду и раздавались восклицанія: Отецъ нашъ! ангелъ нашъ! Да сохранитъ тебя Богъ!...

Въ дивный 1812 годъ миръ и война шли рядомъ.

13 и 14 іюля.

13 и 14 іюля быстрымъ пролетѣли мгновеніемъ. Казалось (повторяю еще), что народъ русскій подросъ душою, ополчившеюся за край родной, и усилился мышцею, торопившеюся къ оружію.

На Красномъ крыльцѣ, во время государева обѣда, происходилъ непрерывный приливъ и отливъ народа. Государь обращалъ взоры къ зрителямъ и дарилъ ихъ улыбкою привѣтливою. Іюля 13 Петръ Степановичъ Валуевъ, находясь въ числѣ приглашенныхъ къ обѣду и привыкнувъ говорить съ государемъ голосомъ сердечнымъ, сказалъ: «Государь! смотря на васъ и на народъ, взирающій на васъ, скажешь, что общій отецъ великаго семейства народа русскаго вкушаетъ хлѣбъ-соль среди радостной, родной своей семьи».

Съ 14 на 15 повѣщено было въ бывшемъ слободскомъ дворцѣ, сперва принадлежавшемъ графу канцлеру Безбородкѣ, собраніе дворянству и купечеству. Записавшись въ ратники по волѣ и

охотѣ, я думалъ: «за чѣмъ пойду въ дворянское собраніе? да и въ правѣ ли я говорить о пожертвованіи и собственности, вовсе не имѣя никакой собственности?» Такіе упреки и прежде слышалъ я въ Смоленскѣ, при вступленіи моемъ въ земское войско; тоже откликнулось и въ Москвѣ 1812 года.

Но, обозрѣвая положеніе мое съ другой стороны и зная, что подпалъ подъ присмотръ, я рѣшился, для отстраненія предположеній и пересудовъ, явиться въ собраніе съ одною неотъемлемою собственностію: съ чистою совѣстію и съ самоотреченіемъ отъ жизни. Не было у меня ни милиціоннаго, ни губернскаго мундира. Послѣдній выпросилъ я у г. Васильева, роднаго брата хозяйки нанимаемаго мною дома. Невольно улыбнулся я, взглянувъ въ зеркало и увидя себя въ необычайномъ нарядѣ. Улыбки знакомыхъ встрѣтили меня и при входѣ въ собраніе. Но—тутъ было не до смѣха.

15 іюля. Собраніе дворянское и купеческое.

Совѣщаніе въ дворянскомъ собраніи.

Между тѣмъ, когда часъ отъ часу болѣе наполнялись залы дворянскаго и купеческаго собранія, въ комнатѣ передъ залою дворянскою завязался жаркій разговоръ. Одинъ изъ чиновныхъ бояръ сказалъ: «мы должны спросить у государя: сколько у насъ войска и гдѣ наше войско?» Степанъ Степановичъ Апраксинъ возразилъ: «еслибъ мы и въ-правѣ были спросить объ этомъ у государя, то государь не могъ бы намъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Войска наши движутся сообразно движеніямъ непріятеля, которыя могутъ измѣняться каждый часъ: такому же измѣненію подлежитъ и число войскъ». Вслѣдъ за этимъ, мужчина, лѣтъ въ сорокъ, высокій ростомъ, плечистый, статный, благовидный, рѣчистый въ русскомъ словѣ и въ мундирѣ безъ эполетовъ (слѣдственно отставный)—о имени его некогда было спросить—возвыся голосъ, сказалъ: «Теперь не время разсуждать: надобно дѣйствовать. Кипитъ война необычайная: война нашествія, война внутренняя. Она изроетъ могилы и городамъ и народу. Россія должна выдержать сильную борьбу; а эта борьба требуетъ и небывалой доселѣ мѣры. Двинемся сотнями тысячъ; вооружимся, чѣмъ можемъ. Двинемся быстро въ тылъ непріятеля; составимъ дружины конныя; будемъ вездѣ тревожить Наполеона; отрѣжемъ его отъ Европы и покажемъ Европѣ, что Россія возстаетъ за Россію!»

Въ пылу рвенія душевнаго раздался и мой голосъ; я воскликнулъ: «Адъ должно отражать адомъ. Я видѣлъ однажды младенца, который улыбался при блескѣ молніи и при раскатахъ грома; но то былъ младенецъ. Мы не младенцы: мы видимъ, мы понимаемъ опасность; мы должны противоборствовать опасности». Среди общаго безмолвія пламенѣла моя рѣчь. И меня часъ отъ часу болѣе вдвигали въ залу собранія, гдѣ по обѣимъ сторонамъ стола, накрытаго зеленымъ сукномъ, сидѣло болѣе семидесяти чиновныхъ вельможъ въ лентахъ. Сжатый отовсюду, я принужденъ былъ остановиться за стульями къ стѣнѣ посреди задняго ряда. Не прерывая словъ моихъ или, лучше сказать, увлекаясь душою, я предлагалъ различныя мѣры ко внутренней безопасности и къ оборонѣ отечества. Наконецъ сказалъ: «мы не должны ужасаться; Москва будетъ сдана». Едва вырвалось изъ устъ моихъ это роковое слово, нѣкоторые изъ вельможъ и превосходительныхъ привстали. Одни кричали: кто вамъ это сказалъ? Другіе спрашивали: почему вы это знаете? Не смущаясь духомъ, я продолжалъ: «Милостивые государи! во-первыхъ: отъ Нѣмана до Москвы нѣтъ ни природной, ни иску-

ственной обороны, достаточной къ остановленію сильнаго непріятеля. Во-вторыхъ: изъ всѣхъ отечественныхъ лѣтописей нашихъ явствуетъ, что Москва привыкла страдать за Россію. Въ-третьихъ (и дай Богъ, чтобъ сбылись мои слова): сдача Москвы будетъ спасеніемъ Россіи и Европы».

Рѣчь мою, продолжавшуюся около часа съ различными поясненіями, требуемыми различными лицами, прервалъ входъ графа Растопчина. Всѣ оборотились къ нему. Высвободясь изъ осады, я поспѣшилъ къ московскому градоначальнику. Указывая на залу купеческаго собранія, графъ сказалъ: «оттуда польются къ намъ милліоны; а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя».

Послѣ мгновеннаго совѣщанія, положено было выставить въ ратники десятаго.

Совѣщаніе въ залѣ купеческаго собранія.

Между тѣмъ въ залѣ купеческой, по отпѣтіи молебствія, готовились къ пожертвованіямъ. Государь началъ рѣчь и съ первымъ словомъ слезы брызнули изъ очей его. Жалостію сердечной закипѣли души русскаго купечества. Казалось, что въ каждомъ гражданинѣ воскресъ духъ Минина. Гремѣлъ общій голосъ: «Государь! возьми все—и имущество и жизнь нашу!» Вслѣдъ за удалявшимся государемъ летѣли тѣ же клики и души ревностныхъ гражданъ.

Входъ государя въ залу дворянскаго собранія.

Слезы блистали еще на глазахъ государя, когда онъ вошелъ въ залу дворянскаго собранія. А лице его сіяло умиленіемъ довѣренности къ духу самоотреченія сыновъ Россіи. Мнѣ удалось помѣститься за графомъ, стоявшимъ подлѣ императора. Вотъ слова государя. «Никогда не сомнѣвался я въ усердіи русскаго дворянства; но въ этотъ день оно превзошло мое ожиданіе. Благодарю васъ отъ лица отечества. Господа! будемъ дѣйствовать: время всего дороже».

При выходѣ государя, Петръ Степановичъ Валуевъ схватилъ меня за руку и сказалъ: «Пойдемъ, Сергѣй Николаевичъ! я представлю васъ Государю». «Ваше высокопревосходительство!» отвѣчалъ я: «теперь не до меня». И съ этимъ словомъ, вырвавъ руку, я опрометью бросился съ крыльца. Предчувствуя, что до моего пріѣзда долетятъ разсказы стоустной молвы въ семейство мое, я поспѣшилъ домой. Сбылось мое предчувствіе. Застаю бѣдную жену мою въ страданіи и въ горькихъ слезахъ. Нѣкоторые изъ услужливыхъ моихъ знакомыхъ настращали ее, что мнѣ за отважные мои возгласы въ собраніи не миновать бѣды. «Молись Богу, мой другъ!» сказалъ я плачущей женѣ моей: «знаю, что меня позовутъ; а потому на всякій случай заготовь бѣлый жилетъ и бѣлую косынку. Когда потребуютъ, то поѣду во фракѣ. Чужой губернскій мундиръ насмѣшилъ и меня и знакомыхъ моихъ». Неизъяснима была душевная пытка жены моей. Куда ни бросалась она для какой-нибудь отрадной вѣсти, вездѣ убѣждали ее ждать участи своей и укрѣпляться вѣрою: такъ напугалъ голосъ мой, раздавшійся въ собраніи дворянскомъ по одному порыву душевному.

Іюля 19. Москва по отбытіи государя.

Восторги и порывы жителей московскихъ откликались только въ присутствіи Александра Перваго. Съ отбытіемъ его на берега Невы, въ ночь 19 іюля, полетъ душъ осѣкся: Москва смолкла въ Москвѣ. Вѣсть объ опасности отечества вызвала мгновенный порывъ самоотреченія. Казалось, что все это было и не было. Начали около себя оглядываться,

думать, обдумывать: личность заполонила самоотреченіе. Не было страха, не было трепета; но была суетливость жизни и о жизни.

Не смущаясь духомъ, но томясь думою о жребіи отечества, для разсѣянія мыслей взялъ я съ собою въ утреннюю мою прогулку Ѳеофаново слово на битву полтавскую. Обходя тѣнистыя тропинки Пресненскаго пруда, я оживлялъ въ настоящемъ прошедшее. «Полтава», думалъ я, «отразила Карла; въ стѣнахъ Москвы затеряется нашествіе Наполеона». Отъ чего и въ глубокой думѣ о бѣдѣ отчизны таится такая сладость, какой не промѣняешь ни на какой вихрь утѣхъ? Не объясняю: но я тогда вполнѣ чувствовалъ эту сладость скорби.

Іюля 19. Первое свиданіе съ гр. Растопчинымъ.

Между тѣмъ часу въ одиннадцатомъ возвращаюсь съ прогулки. Жена моя почти безъ памяти сидѣла на софѣ. Увидя меня, она вскричала: «отъ графа Растопчина пріѣхалъ ординарецъ!» «Я ожидалъ этого; а ты молись Богу и вели подать мнѣ косынку и бѣлый жилетъ». Переодѣвшись, поспѣшилъ я къ графу, находившемуся тогда въ Москвѣ, а не на дачѣ. Съ графомъ былъ только адъютантъ его Обресковъ. Подбѣжавъ ко мнѣ, графъ сказалъ: «забудемъ прошедшее; теперь дѣло идетъ о судьбѣ отечества» (*).

Возложеніе особенныхъ препорученій на сочинителя Записокъ.

Взявъ со стола бумагу и орденъ, графъ продолжалъ: «государь жалуетъ васъ кавалеромъ четвертой степени Владиміра за любовь вашу къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями вашими. Такъ изображено въ рескриптѣ за собственноручною подписью государя императора. Вотъ рескриптъ и орденъ».— Адъютантъ бросился улаживать въ петлицѣ орденъ, а графъ прибавилъ: «поздравляю васъ кавалеромъ». Съ этимъ словомъ поцѣловалъ онъ меня и продолжалъ: «священнымъ именемъ государя императора развязываю вамъ языкъ на все полезное для отечества, а руки на триста тысячъ экстраординарной суммы. Государь возлагаетъ на васъ особенныя порученія, по которымъ будете совѣщаться со мною».

«Благодарю Государя», отвѣчалъ я, «но позвольте мнѣ поспѣшить къ женѣ моей. У нея трое сутокъ отзывается въ ушахъ звонъ сибирскаго колокольчика».

Не стану описывать восторга жены моей. Минуло болѣе двадцати лѣтъ, но мигъ нашего свиданія все еще въ полной свѣжести живетъ въ душахъ нашихъ. Ожидая меня, она сидѣла у открытаго окна. Поровнявшись съ домомъ, я взмахнулъ длинною лентою ордена и сказалъ: «вотъ крестъ, а не бѣда!»

Особенныя порученія.

Немедленно приступилъ я къ тѣмъ особеннымъ порученіямъ, съ которыми нерѣдко и въ Москвѣ и внѣ стѣнъ ея сопряжена была опасность жизни. Но тогда жизнь была для меня послѣднимъ условіемъ. Я былъ счастливъ и подъ грозною тучею, быстро устремлявшеюся къ Москвѣ. Провидѣніе помогало мнѣ оживлять души добрыхъ гражданъ, успокоивать ихъ умы и внушать имъ мѣры осторожности, предостерегая ихъ отъ смущенія и торопливой робости. Непрестанное присутствіе мое на площадяхъ, на рынкахъ и на улицахъ московскихъ сроднило со мною взоры, мысли и сердца московскихъ обывателей. Дѣйствуя открытою грудью и громкимъ словомъ, я не прикасался рукою къ сотнямъ тыся-

(*) Съ декабря 1809 до этого времени мы были въ личной размолвкѣ съ графомъ.

чамъ, ввѣреннымъ мнѣ вмѣстѣ съ свободою развязанныхъ устъ. Однажды только, по запискѣ моей, препровождены были въ село Крылацкое кушакъ и шапка крестьянину Никифору, благословившему на брань трехъ сыновъ своихъ. Деньги хороши какъ средство къ оборотамъ потребностей быта общественнаго; но бѣда, гдѣ онѣ заполонятъ общество человѣческое, бѣда, гдѣ, говоря словами нашего девятнадцатаго столѣтія, онѣ дѣлаются представителями всѣхъ наслажденій и приманкою страстей! При возстаніи душъ дѣйствуйте на нихъ силою нравственною, уравнивающею духъ народный съ величіемъ необычайныхъ обстоятельствъ.

¹) Глинка, Сергѣй Николаевичъ (1776—1847), на седьмомъ году поступилъ въ сухопутный кадетскій корпусъ, куда былъ записанъ самою Императрицею Екатериною II, которая, во время путешествія въ Бѣлоруссію (1781), удостоила посѣщеніемъ его родителей, имѣвшихъ помѣстье въ Смоленской губ. Духовщинскаго уѣзда. Чувства признательности за это благодѣяніе выражены имъ въ «Пѣсни Великой Екатеринѣ (1794)»—первомъ его литературномъ опытѣ. Вышедъ изъ корпуса съ чиномъ поручика (1795), онъ поступилъ адъютантомъ къ кн. Ю. В. Долгорукому, въ Москву. По кончинѣ отца, вышелъ въ отставку маіоромъ (1800), отказался, въ пользу сестры, отъ своей части наслѣдства и отправился въ Украйну, гдѣ пробылъ три года учителемъ. Потомъ снова поселился въ Москвѣ, получивъ при театрѣ мѣсто сочинителя и переводчика. Для сцены перевелъ онъ нѣсколько оперъ: «Тайна (1800)», «Странная предпріимчивость (1800)» и др. и сочинилъ: «Наталья, боярская дочь, героическая драма въ 4 д. (1806)» (Тоже лице послужило ему предметомъ стихотворной повѣсти, въ 10 пѣсняхъ: «Царица Наталья Кириловна, 1809) и «Сумбека, или паденіе казанскаго царства, трагедія въ 5 д. (1806)». Въ 1803 г. Глинка издалъ переводъ въ стихахъ 4-хъ Юнговыхъ ночей, или вѣрнѣе подражаніе имъ, потому что не зналъ англ. языка (всѣ 12 пѣсенъ нап. 1806 года). Въ 1806 г. поступилъ въ смоленское ополченіе. Послѣ Тильзитскаго мира основавшись въ Москвѣ, приступилъ, съ 1808 г., къ изданію Русскаго Вѣстника (см. прим. 2), но не забылъ и театра, для котораго были имъ написаны: «Михаилъ кн. черниговскій, траг. въ 5 д. (1808)»; «Ольга прекрасная, героич. опера въ 2 д. (1808)»; «Боянъ, прологъ на открытіе новаго Петровскаго театра въ Москвѣ (1808)»; «Мининъ, отечественная драма въ 3 д. (1809)». Кромѣ того сочинилъ: «Пожарскій и Мининъ, или пожертвованія Россіянъ, поэма въ стихахъ (1807)» и «Зеркало новаго Парижа, отъ 1789 до 1809 г. (1809)». Срочная работа по журналу не мѣшала ему, отъ времени до времени, являться съ переводами или сочиненіями, изъ которыхъ главнѣйшія будутъ указаны ниже. Съ 1812 издатель Русскаго Вѣстника становится общественнымъ дѣятелемъ: онъ первый записался ратникомъ въ московское ополченіе, получилъ отъ императора Александра орденъ св. Владиміра 4-й степени, «за любовь къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями», и 300,000 руб. экстраординарной суммы, которою могъ распоряжаться по усмотрѣнію. Государь возложилъ на него особыя порученія, по которымъ онъ долженъ былъ совѣщаться съ московскимъ главнокомандующимъ, гр. Растопчинымъ. Эти порученія состояли въ томъ, чтобы успокоивать умы московскихъ жителей, внушать имъ единомысліе и осторожность, предостерегать отъ смятенія и робости. Образъ дѣйствій Глинки описанъ имъ въ «Запискахъ о 1812 г. (1836)», изъ которыхъ любопытные отрывки приведены выше, и въ «Запискахъ о Москвѣ и о заграничныхъ происшествіяхъ отъ исхода 1812 г. до половины 1815 г. (1837)». Для характиристики ихъ автора достаточно сказать, что триста тысячь руб. остались въ казнѣ сполна: Глинка не прикасался до ввѣренной ему суммы, убѣдясь, что для русскаго сердца достаточно силы слова, идущаго отъ души. Единственная трата, которую онъ позволилъ себѣ сдѣлать, была покупка шапки и кушака одному крестьянину, который привелъ въ ополченіе троихъ сыновей. Примѣрно безкорыстный, онъ старался помогать изъ собственныхъ средствъ: такъ, заложивъ драгоцѣнныя вещи жены своей, онъ снарядилъ до 20 человѣкъ ополченцевъ; между ними находилось нѣсколько студентовъ, и въ томъ числѣ К. Ѳ. Калайдовичъ, извѣстный трудами по русской исторіи. Въ 1825 г. Глинка прекратилъ изданіе своего журнала. Въ 1827 г. помѣщенъ цензоромъ въ московскій цензурный комитетъ и при увольненіи получилъ пенсію. Послѣ этого времени онъ продолжалъ также издавать разныя сочиненія, такъ что литературная его дѣятельность продолжалась болѣе полустолѣтія (Пятидесятилѣтіе литературной жизни С. Н. Глинки, въ XVI т. Маяка, 1844, № 5).

Глинка принадлежитъ къ числу самыхъ плодовитыхъ писателей. Труды его составляютъ болѣе ста книгъ, а съ присоединеніемъ Русскаго Вѣстника—болѣе 150. Собраніе его сочиненій, написанныхъ до 1820 г., издано въ 12 ч. (1817—1820). Сюда, кромѣ нѣкоторыхъ вышеупомянутыхъ, вошли еще слѣдующія:

а) Русскіе анекдоты, военные, гражданскіе и историческіе, 2 изд., въ 3 ч. (1-ое изд., въ 2 ч., 1811; 3-ье, въ 5 ч., 1822).

б) Современныя лирическія стихотворенія, съ 1808 по 1817 г.

в) Русскія историческія и нравоучительныя повѣсти.

Другіе труды, отдѣльно изданные:

г) Русская Исторія въ пользу воспитанія (первыя 5 частей печатались въ Рус. Вѣст.; 2-ое изд., въ 10 ч., 1817—18; 3-ье, въ 10 ч., 1818—19; 4-ое, въ 14 ч., 1823—25). Число изданій показываетъ успѣхъ книги, которая читалась даже и по выходѣ Исторіи Карамзина, разумѣется своимъ кругомъ читателей. Въ 1825 г. Карамзинъ писалъ къ министру народнаго просвѣщенія, что Русская Исторія Глинки достойна быть введенною въ учебныя заведенія и ходатайствовалъ о наградѣ сочинителю за его полезный трудъ.

д) Вѣра, вѣрность и слава Донцевъ (1813).

е) Подвиги добродѣтели и славы Русскихъ въ отечественную и заграничную войну (1816).

ж) Тайныя злодѣянія и явныя лжи и обманы Наполеона Бонапарта, выбранныя изъ разныхъ франц. книгъ (1816).

з) Театръ свѣта, или изображеніе достопамятнѣйшихъ происшествій древнихъ и новыхъ временъ, нравовъ и словесности, 8 ч. (1823—24).

и) Исторія жизни и царствованія Александра I (1828).

і) Картина новой Греціи (1828).

к) Очерки всемірной исторіи (1832).

л) Очерки жизни и сочиненій А. П. Сумарокова, 3 ч. (1841).

м) Руские въ своихъ доблестяхъ, вѣрѣ и вѣрности къ престолу и отечеству, 3 ч. (1842).

Кромѣ того Глинкою изданы:

н) Жизнь Суворова, имъ самимъ описанная, или собраніе писемъ и сочиненій его, съ примѣчаніями, 2 ч. (1819).

о) Были и небылицы. Собраніе сочиненій Екатерины Великой (1832).

[2]) «Руской Вѣстникъ на 1808 годъ. Издаваемый Сергѣемъ Глинкою. № 1». Журналъ этотъ издавался съ 1808 по 1824 г. (М., 1808—1826). Первыя шесть лѣтъ (съ 1808 по 1814) выходило его по 12 книжекъ въ годъ, въ 1814 и 1815 г.г. по 15-ти, въ 1816-мъ 22 №№, въ 1817—1819 по 24 №№, въ 1820-мъ 11 книжекъ и въ 1824-мъ 9 книжекъ, всего—51 часть. Въ 1816 г. онъ имѣлъ два отдѣленія: первое—Русскій Вѣстникъ, или отечественныя вѣдомости и достопамятныя европейскія происшествія; второе—Русскій Вѣстникъ въ пользу семейственнаго воспитанія. Въ 1821—22 г.г., вмѣсто Русскаго Вѣстника, Глинка издалъ «Новое дѣтское чтеніе, въ 6 ч.», а въ 1822—23—«Плутархъ въ пользу воспитанія, въ 6 ч.» «Вступленіе» служитъ руководящею статьею, показывая цѣль и характеръ журнала. Намѣреніе издателя знакомить Руских со всѣмъ, что непосредственно относится къ Россіи, было привѣтствовано гр. Растопчинымъ, который, подъ именемъ Устина Вѣникова (см. прим. I, стр. 191), написалъ ему изъ села Зипунова слѣдующее замѣчательное письмо, помѣщенное въ 1-мъ же № Р. В. на 1808 г.:

Хотя я имѣлъ и самъ человѣкъ съ десятокъ заморскихъ учителей, вѣвалъ на чужой землѣ и говорю на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, но совсѣмъ тѣмъ Богъ охранилъ меня отъ заразы; и я, узнавъ свою отчизну, помня примѣры предковъ, поученія священника Петра и слова мамы Герасимовны, остался до сихъ поръ совершенно Рускимъ. Отдавая должную справедливость перу и уму сочинителя Сумбеки и Натальи, боярской дочери, увидѣлъ я обнародованіе ваше о Россійскомъ Вѣстникѣ: хвалю столько же благое намѣреніе, сколько дивлюся смѣлости духа вашего. Вы имѣете въ виду единственно пользу общую и хотите издавать одну русскую старину, ожидая отъ ней исцѣленія слѣпыхъ, глухихъ и сумасшедшихъ, но забыли, что неизмѣнное дѣйствіе истины есть колоть глаза и приводить въ изступленіе. Конечно, васъ будутъ читать многіе: всѣ благомыслящіе и любящіе законы, отечество и государя (слѣдственно и честь) отдадутъ справедливость подвигу вашему. Но для сихъ прошедшее не нужно: ибо они сами настоящимъ служатъ примѣромъ. А какъ заставить любить отечество тѣхъ, кои его презираютъ, не знаютъ своего языка и по необходимости Руские? Какъ привлечь вниманіе вольноопредѣляющихся въ иностранные? Какъ сдѣлаться терпимымъ у разлѣтыхъ по модѣ барынь и барышенъ? Упрашивайте, убѣждайте, стыдите: ничто не подѣйствуетъ. Для сихъ, отпадшихъ отъ своихъ и впадшихъ въ чужихъ, вы будете проповѣдникомъ, какъ посреди дикаго народа въ Африкѣ. До сего одни лишь иностранные за наше гостепріимство, терпѣніе и деньги ругали насъ безъ пощады, а нынѣ уже и Руские къ нимъ пристаютъ. Я не

удивлюсь, если со временемъ найдется какой-нибудь безстыдный враль, который станетъ намъ доказывать, что мы не люди, и что Богъ создалъ одно наше тѣло, а души вкладываются иностранными, по ихъ благоразсмотрѣнію; что мы безъ нихъ обратились бы въ четвероногихъ, безъ ихъ языка.... и безъ ихъ поваровъ ѣли бы траву и жолуди. Мы съ перваго раза вытверживаемъ имя всякаго иностраннаго искидка, а они до сихъ поръ не могутъ правильно писать Суворовъ, а что еще лучше—что симъ великимъ именемъ называютъ въ Лондонѣ бѣлаго медвѣдя; и въ Парижѣ въ 1785 г. показывали за деньги Француза, одѣтаго въ звѣриную кожу, подъ вывѣской: «здѣсь можно видѣть страшное чудовище, которое говоритъ природнымъ своимъ московскимъ языкомъ».

Принимая живое участіе въ успѣхѣ вашего сочиненія, совѣтую пріучить слегка къ забытой русской были тѣхъ изъ соотчичей нашихъ, кои тѣломъ на Руси, а духомъ за границей: совѣтую называть подлинныя сочиненія наши переводами, разжаловать всѣхъ нашихъ именитыхъ людей въ иностранныхъ, украсить каждую книжку французскимъ и англійскимъ эпиграфомъ и картинкой, представляющей невинную въ новомъ вкусѣ насмѣшку. Напримѣръ, представьте парикмахера, стригущаго Рускаго, съ надписью: «подстриженный сѣверный Самсонъ»; или обезьяну, которая учитъ медвѣдя танцовать, съ надписью: «сержусь, но покоряюсь»; или бѣса, раздѣвающаго Рускаго, съ надписью: «облегчится и просвѣтится».

Вотъ совѣты, кои русскій старикъ почитаетъ нужными для васъ, подтверждая, что опытность его и долгое обращеніе съ людьми увѣрили въ неоспоримой истинѣ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ исправлять поврежденныхъ и проповѣдывать добродѣтель тѣмъ, кои ее ищутъ въ словаряхъ для переводу.

Чрезвычайный успѣхъ Русскаго Вѣстника и его дѣйствіе на читателей объясняются современными обстоятельствами. Подражаніе Французамъ, начатое въ царствованіе Елисаветы, дошло въ первые годы текущаго столѣтія до крайности, которая обозначалась именемъ галломаніи. «Какое несчастіе», писалъ Растопчинъ къ одному изъ друзей своихъ (1805), «что Петръ Великій насъ обрилъ, а Шуваловъ заставилъ говорить этимъ нечестивымъ французскимъ языкомъ!» Со временъ Сумарокова, литература наша обличала это, вредное для патріотизма и оскорбительное для народнаго самолюбія, подражаніе иностранцамъ въ образѣ жизни, модахъ, языкѣ, воспитаніи. «Разсужденіемъ о любви къ отечеству и народной гордости» (1802) Карамзинъ показалъ, какъ недостойно народа быть смиреннымъ въ понятіяхъ о самомъ себѣ и какъ Рускіе мало знаютъ свое отечество, если они думаютъ, что ихъ прошедшее и настоящее не даетъ имъ права гордиться именемъ Рускаго. Содержаніе его статьи сдѣлалось какъ бы программой для писателей, желавшихъ отвлечь своихъ согражданъ отъ слѣпаго пристрастія къ чужеземцамъ и направить ихъ любовь къ родной старинѣ и родной современности. Къ тому же, нравственная зависимость Рускихъ, постоянно возбуждавшая ропотъ ревностнаго патріотизма, особенно противорѣчила тѣмъ событіямъ, которыя совершились въ первые годы царствованія Александра. Недостатокъ самоуваженія угрожалъ вреднымъ вліяніемъ на политическое достоинство народа. Галломанія была преступленіемъ, даже измѣною, въ то время, когда мы уже начали воевать съ Французами. «Въ то время», говоритъ кн. Вяземскій въ прекрасной статьѣ своей о Глинкѣ (С.п.бургскія Вѣдомости, 1847, №№ 277 и 278), «властолюбіе и побѣды Наполеона, постепенно порабощая Европу, грозили независимости всѣхъ государствъ. Нужно было поддерживать и воспламенять духъ народный, пробуждать силы его, напоминая о доблестяхъ предковъ, которые также сражались за честь и цѣлость отечества. Духъ чужеземства могъ быть тогда въ самомъ дѣлѣ опасенъ. Нужно было противодѣйствовать ему всѣми силами и средствами. Въ такихъ обстоятельствахъ даже излишество и крайность убѣжденія были у мѣста. Укорительныя слова: «галломанія», «французолюбы», бывшія тогда въ употребленіи, имѣли полное значеніе. Ими стрѣляли не на воздухъ, а въ прямую цѣль. Надлежало драться не только на поляхъ битвы, но воевать и противъ нравовъ, предубѣжденій, малодушныхъ привычекъ. Европа «онаполеонилась». Россія, прижатой къ своимъ степямъ, предлежалъ вопросъ: «быть или не быть», т. е. слѣдовать за общимъ потокомъ и поглотиться въ немъ, или упорствовать до смерти или до побѣды? Перо Глинки, первое на Руси, начало перестрѣливаться съ непріятелемъ. Онъ не заключалъ перемирія даже въ тѣ роздыхи, когда русскіе штыки отмыкались, уступая силѣ обстоятельствъ и выжидая новаго вызова къ дѣйствію.... Мнѣнія, имъ оглашаемыя, и отзывъ, который они встрѣчали въ массахъ читателей, не могли ускользнуть отъ неусыпнаго, безпокойнаго и ревниваго деспотизма Наполеона. Французскій посолъ Коленкуръ жаловался на-

шему правительству на непріязненный духъ Русскаго Вѣстника (*)».

Въ Русскомъ Вѣстникѣ все было направлено къ одной цѣли—знакомить Рускихъ съ Россіею. Объявляя о продолженіи журнала на 1810 г., Глинка обѣщалъ наполнять его только тѣмъ, что касается отечества, объ иностранномъ же упоминать только по отношенію къ отечественному. Издатель пользовался каждымъ случаемъ, чтобы, согласно программѣ, изображать доблести Рускихъ прошлаго и настоящаго времени, уличать иностранныхъ писателей за ихъ ложныя о насъ мнѣнія и доказывать превосходство отечественнаго предъ чужеземнымъ. Излагая мысли по случаю представленія «Ябеды», онъ защищаетъ старинныхъ судей и старинное правосудіе; на вопросъ Мерзлякова, въ предисловіи къ его переводу Виргиліевыхъ эклогъ: «гдѣ этотъ золотой вѣкъ, эта золотая сторона, въ которой царствовали невинность и правда?» отвѣчаетъ: «онѣ извѣстны были въ Россіи», и дѣлаетъ выписку изъ путешественника Флемминга о простотѣ и счастіи нашихъ поселянъ; разбирая древнія русскія стихотворенія, отыскиваетъ въ нихъ доблестныя черты русскаго народа: человѣколюбіе, мужество, великодушіе и пр. Достохвальныя свойства Россіянъ вообще, русскихъ бояръ въ частности служатъ предметомъ особыхъ статей. Изъ разныхъ городовъ и селъ корреспонденты журнала доставляли ему свѣдѣнія о замѣчательныхъ проявленіяхъ русскаго духа: братской любви (изъ Воронежа), наслѣдственномъ мужествѣ (изъ Старобѣльска), рѣшительности (изъ Москвы) и пр. Въ противодѣйствіе французскимъ повѣстямъ, Русскій Вѣстникъ печаталъ романы и повѣсти оригинальные (наприм.: «Глафира, или Прекрасная Валдайка, народный русскій романъ», «Здравомыслъ и Плѣнира, воспитатели дѣтей своихъ», «Добрый отецъ»), которые постоянно воевали съ иноземнымъ воспитаніемъ и модами. Сочувствуя Шишкову, авторы повѣстей старались замѣнять иностранныя слова русскими: вмѣсто «горизонтъ» писали «обзоръ», вм. «визитъ»—«посѣщеніе», и т. п. Поборничество за родную старину нерѣдко увлекало Глинку слишкомъ далеко, вынуждая его сопоставлять такіе предметы, которые не допускали никакого сопоставленія. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ: «Зотовъ, наставникъ Петра I», способъ его ученія «соображается съ правилами Руссо, Кондильяка, Локка и прочихъ писателей о воспитаніи»; другая статья: «Наставленіе Симеона Полоцкаго царю Алексѣю Михайловичу», сравниваетъ мысли, въ немъ изложенныя, съ мнѣніями не только Сократа, Платона и Цицерона, но и Декарта, Боссюэта, Вольтера, Дидро. Не смотря на такія крайности журнальнаго направленія, которыя, какъ справедливо замѣтилъ кн. Вяземскій, въ иныхъ обстоятельствахъ умѣстны, Глинка отовсюду, особенно изъ провинцій, получалъ изъявленія благодарности. Какой-то «степной житель» обратился къ нему съ стихотворнымъ посланіемъ, въ которомъ называлъ его «писателемъ русской правды». «Староверовъ» (вымышленное и въ то время значительное имя) выражалъ ему въ письмѣ признательность за то, что онъ «указываетъ дѣянія и нравы предковъ, которыми скорѣе можемъ величаться, нежели стыдиться». Русскій Вѣстникъ былъ дѣйствительною силою. Эту силу онъ пріобрѣлъ не литературнымъ достоинствомъ, котораго въ немъ и не было. На страницахъ его не видно блистательныхъ именъ нашей словесности. Самъ издатель писалъ съ-плеча и безъ оглядки, не имѣя охоты или времени ни вдумываться въ предметы, о которыхъ разсуждалъ, ни излагать свои разсужденія въ надлежащей формѣ. Но онъ имѣлъ другой талантъ, всегда дорогой, а въ нѣкоторыя эпохи стоящій десяти, — талантъ угадывать духъ народный, «который всего торжественнѣе высказывается въ годину рѣшительнаго подвига», и направлять его въ извѣстную сторону; громкимъ словомъ возбуждать чувство любви къ отечеству, а если оно уже возбуждено, то поддерживать его на высотѣ событій; русскимъ сердцемъ давать вѣсть русскимъ сердцамъ или откликаться на ихъ голосъ; «при возстаніи душъ дѣйствовать на нихъ силою нравственной, при которой нѣтъ надобности въ сотняхъ тысячъ рублей». Вотъ мѣсто, занятое Глинкою съ 1808 г. Не онъ искалъ его: безъ его домогательствъ «оно было ему указано необычайными обстоятельствами, съ которыми онъ шелъ на-ряду». Многіе ученые и поэты, толкуя о народѣ, не знаютъ народа: они не могутъ вести его за собою, да и онъ не хочетъ идти за ними. Глинка—не ученый и

(*) Государь сказалъ Коленкуру, что цензура обязана разсматривать, что можно и чего нельзя пропустить. Цензору Вѣстника (профессору Мерзлякову) сдѣланъ былъ выговоръ, а издатель, по политическимъ обстоятельствамъ, былъ удаленъ отъ московскаго театра. Но день, въ который онъ узналъ, что Государь не положилъ преграды Рус. Вѣстнику, былъ радостнѣйшимъ днемъ въ его жизни (Пятидесятилѣтіе литератур. жизни С. Н. Глинки, Маякъ, 1844, № 5).

не поэтъ—толковалъ не о народѣ, а съ народомъ: «непрестанное присутствіе его на площадяхъ, на рынкахъ и на улицахъ московскихъ сроднило съ нимъ взоры, мысли и сердца московскихъ обывателей». Духъ народа выбираетъ вождемъ своихъ порывовъ того, кто самъ проникнутъ этимъ духомъ. И потому-то на Поклонной горѣ тысячи голосовъ воскликнули Глинкѣ: «ведите насъ!» и тысячи людей двинулись за нимъ по одному слову: «впередъ!» Потому-то воспитанники московскаго университета, юноши-патріоты, являлись къ нему съ просьбами содѣйствовать ихъ усердію. «Вашъ Русскій Вѣстникъ», говорили они ему, «воспламенилъ нашъ духъ: помогите намъ жертвовать собою отечеству». По тому же близкому и живому соотношенію съ публикой, воодушевленной чувствомъ любви къ отечеству, Русскій Вѣстникъ былъ читаемъ съ жадностью и пріобрѣлъ политическое значеніе. Когда же наступилъ двѣнадцатый годъ и жизнь сдѣлалась послѣднимъ условіемъ для Глинки, какъ онъ самъ искренно говоритъ о себѣ, журналъ получилъ еще большее дѣйствіе. Здѣсь мы снова обращаемся къ статьѣ кн. Вяземскаго: «Русскій Вѣстникъ облекся въ плоть и кровь. Одно заглавіе его было уже знамя. Глинка перенесъ свою литературу на площадь. Онъ попалъ на свою колею. Онъ былъ рожденъ народнымъ трибуномъ, но трибуномъ законнымъ, трибуномъ правительства. Онъ умѣлъ по-православному говорить съ православными. Рѣчами своими онъ успокоивалъ и ободрялъ народъ. И то и другое по обстоятельствамъ было нужно».

Русскій Вѣстникъ, особенно въ началѣ своего изданія, встрѣчалъ и противниковъ между литераторами. «Разумѣется», замѣчаетъ кн. Вяземскій, «дѣло шло не объ основныхъ началахъ и убѣжденіяхъ, которыя проявлялись въ журналѣ. Тутъ между всѣми честными и благонамѣренными людьми не могло быть разногласія; но всякое исключительное убѣжденіе, мнѣніе, доведенное до крайности, въ прикосновеніи съ убѣжденіемъ не столь самовластнымъ, неминуемо возбуждаютъ противорѣчіе и состязаніе»... Одни изъ литераторовъ смѣялись собственно надъ литературными странностями и промахами Глинки: надъ его словоохотливостью, торопливымъ писаніемъ, выводами на авось о Европѣ и Россіи, ступаніемъ «ощупью въ темныхъ переходахъ оружейной палаты нравственныхъ русскихъ сокровищъ»; другимъ не нравился «пирронизмъ въ любви къ отечеству, грозившій сдѣлаться какъ бы заразительною болѣзнію»; для третьихъ (и эти смотрѣли на дѣло серьезнѣе) литературное старообрядство Глинки казалось опаснымъ для успѣховъ отечественной цивилизаціи, которые возможны только при нашемъ сближеніи съ Европою. Послѣдняя категорія литераторовъ состояла къ Глинкѣ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ послѣдователи Карамзина находились къ Шишкову: они стояли за просвѣщеніе, введенное Петромъ, и въ своихъ упрекахъ любителямъ старины, защитникамъ исключительно-русскаго направленія, руководимы были также ревностнымъ патріотизмомъ, который, по ихъ понятію, состоялъ въ томъ, чтобы вести Россію по пути европейскаго образованія. Подъ внушеніемъ такого чувства помѣщены были въ 6-мъ № Цвѣтника на 1810 г. «Мнѣнія и замѣчанія пустынника». Выписки изъ этой статьи Рус. Вѣстникъ перепечаталъ на своихъ страницахъ, съ примѣчаніями (1810 г., № 8). Приводимъ здѣсь то и другое:

Вчера вечеромъ читалъ я одинъ русскій журналъ. Ночью приснился мнѣ удивительный сонъ. Мнѣ показалось, что я стою на пространномъ полѣ, подлѣ котораго находилось необозримое черное болото (*) Въ этомъ болотѣ сидѣло множество людей: иной по уши, другой по шею, у третьяго чуть видна была маковка; всѣ они были въ грязи выше груди, такъ что не могли дѣйствовать руками (**). Нѣкоторые изъ нихъ немного подымались, другіе опускались. Вдругъ возвысился одинъ изъ средины ихъ съ величайшимъ усиліемъ и потомъ вышелъ на сухое мѣсто; солнечные лучи вскорѣ осушили его платье, и онъ началъ вытаскивать изъ грязи прочихъ; тысячи поднимались вверхъ одинъ за другимъ; изъ болота выглянули милліоны головъ, котрорыя до тѣхъ поръ вовсе были невидны. Всѣ поднимавшіеся изъ грязи бросались на колѣни предъ тѣмъ, который первый подалъ въ томъ примѣръ и помогалъ имъ; всѣ радовались лучамъ благодѣтельнаго солнца, какъ вдругъ одинъ изъ тѣхъ, которые были суше прочихъ, стремглавъ бросился въ болото, увязъ въ грязь, такъ что виденъ былъ лишь воротникъ его зеленаго кафтана (***), и закричалъ: «что вы, друзья, нашли хорошаго въ солнцѣ? Оно

(*) Нужно ли объяснять, что значитъ это «черное болото?» О бѣдной русской старинѣ и не то еще говорили. Впрочемъ не берусь разгадывать сны. *Прим. Рус. Вѣст.*

(**) Сіи болотные жители, кажется, предки наши. *Id.*

(***) Обвертка Р. В. *Прим. сочинителя статьи.* — Тутъ безъ ошибки можно полными буквами написать: «Обвертка Русскаго Вѣстника». Уподобленіе обвертки Вѣстника во-

только что палитъ васъ; возвратитесь опять въ болото; здѣсь прохладно и покойно: то-то раздолье!» Всѣ смотрѣли на чудака, но никто за нимъ не слѣдовалъ. Увязшій кричалъ безъ умолку; а что? того, право, я не могъ разобрать.

Въ статью кн. Вяземскаго включены еще стихи Батюшкова (изъ «Видѣнія на берегахъ Леты») и Воейкова (изъ сатиры: «Сумасшедшій домъ»). Первое стихотвореніе описываетъ, какъ нѣкоторые современные писатели приходятъ на судъ къ Миносу и, по приговору его, или тонутъ въ Летѣ, или спасаются отъ забвенія. Является Глинка:

«Уфъ! я усталъ! подайте стулъ!
Позвольте мнѣ, я очень славенъ!
Безсмертенъ я, пока забавенъ».
—Кто жъ ты?—«Я Руской и поэтъ!
Бѣгомъ бѣгу, лечу за славой;
Мнѣ врагъ—чужой разсудокъ здравый;
Для Рускихъ правъ мой толкъ кривой ...
И въ томъ клянусь моей сумой».
—Да кто же ты?—«Жанъ-Жакъ я русской,
Расинъ, и Юнгъ, и Локкъ я русской,
Три драмы русскихъ сочинилъ
Для Рускихъ. Нѣтъ ужъ болѣ силъ
Писать для Рускихъ драмы слезны,
Труды мои всѣ безполезны;
Вина тому—развратъ умовъ».
Сказалъ—въ рѣку! и былъ таковъ (*).

Въ «Сумасшедшемъ домѣ» писатели разсажены по нумерамъ:

Нумеръ третій—на лежанкѣ
Истый Глинка возсѣдитъ:
Передъ нимъ духъ русской въ стклянкѣ
Не откупоренъ стоитъ.
Книга Кормчая отверста,
А уста отворены:
Сложены лесной два перста;
Очи вверхъ устремлены.
«О Расинъ! откуда слава!
Я тебя, дружокъ, поймалъ!
Изъ Россійскаго Стоглава
Ты Гоеолію укралъ!
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженій красота
Въ Андромахѣ—подражанье
Погребенію кота.

[3]) Книга сія издана въ 1788 г.; она еще не переведена. Сколько же съ того времени вышло у насъ иноземныхъ романовъ? Усердно просимъ защитниковъ отечества сообщать въ Русскій Вѣстникъ о подвигахъ нашихъ героевъ. Пусть русская словесность обязана имъ будетъ училищемъ русскихъ воиновъ. *Прим. С. Глинки.*

[4]) Политическія разсужденія о дарованіяхъ и умѣ (стр. 47). Книга сія не переведена. *Id.*

[5]) Фонтенель сказалъ: «имѣя въ рукѣ всѣ истины, я не разжалъ бы ее и для двѣнадцати человѣкъ». Трудно кому-либо изъ людей обладать не только всѣми, но и нѣсколькими истинами; однако участвующіе въ изданіи Рускаго Вѣстника не устрашатся предлагать истины, ощутительныя ихъ понятію, особливо если могутъ подтвердить оныя доводами опытныхъ наблюдателей общества. *Id.*

[6]) Здѣсь издатель отсылаетъ къ статьѣ своей, напечатанной въ 1-ой же кн. его журнала: «Мнѣнія извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей о воспитаніи отечественномъ и иноземцахъ». Выходя изъ той основной мысли, что каждый народъ долженъ имѣть воспитаніе, приличное первообразному его свойству, авторъ спрашиваетъ: «есть ли у насъ теперь сіе воспитаніе?» и даетъ отрицательный отвѣтъ: «кажется, что оно замѣнено воспитаніемъ иноземнымъ, что у насъ нѣтъ особаго воспитанія, свойственнаго въ Россіи Рускимъ». Доказательства тому: а) кромѣ благороднаго пансіона, находящагося при московскомъ университетѣ, много ли въ Москвѣ русскихъ пансіоновъ? б) много ли вызываютъ по вѣдомостямъ русскихъ наставниковъ и учителей, для домашняго воспитанія? в) мнѣнія людей благомыслящихъ и любящихъ отечество. За тѣмъ излагаются эти мнѣнія о воспитаніи отечественномъ и объ иноземцахъ.

[7]) Собраніе разныхъ сочиненій Веньямина Франклина, 1803 г. (стр. 145). *Прим. С. Г.*

[8]) Высочайшій рескриптъ къ министру сухопутныхъ силъ 1805 г. *Id.*

[9]) Высочайшій рескриптъ къ кн. Сергію Өедоровичу Голицыну. *Id.*

[10]) Указъ о кончинѣ гр. Васильева. *Id.*

[11]) «Записки о 1812 г. Сергѣя Глинки, перваго ратника московскаго ополченія (Спб. 1836)». Другія записки: «о Москвѣ и о заграничныхъ происшествіяхъ отъ исхода 1812 до половины 1815 г. (1837)»; «Добро отъ слова: ты, и бѣда отъ денегъ и отъ порученій» (Воспоминанія изъ моихъ частныхъ и историческихъ Записокъ въ Рус. Вѣст. 1841, т. 3); «Екатерина II на родинѣ моихъ отцевъ» (ib., № 8); «Корпусныя воспоминанія» (Литер. прибавленія къ Журналу Мин. Нар. Просв. 1843); Воспоминаніе (изъ Записокъ издателя Рус. Чтенія. Спб. 1846).

[12]) Бывшій въ послѣдствіи директоромъ московскаго театра, авторъ и переводчикъ многихъ театральныхъ піесъ.

———

ротнику кафтана ясно показываетъ успѣхи моднаго вкуса. *Прим. Р. В.*

(*) Послѣ Батюшковъ, извиняясь передъ Глинкою, сказалъ ему: «обстоятельства оправдали васъ и ваше изданіе».

XXII.

КРЫЛОВЪ. (1).

А. ПОЧТА ДУХОВЪ (1789). (*).

а) Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку.

Вотъ первое письмо, любезный и премудрый Маликульмулькъ, которое я къ тебѣ пишу послѣ нашей разлуки. Я было хотѣлъ тебя поздравить съ новымъ годомъ, но не знаю, которому ты вѣришь календарю: Юліанскому, или древнему Римскому; а можетъ быть, ты и того мнѣнія, что годъ со всякаго новаго дня начинается. Я бы желалъ увѣрить тебя о моемъ къ тебѣ дружествѣ; но мы съ тобою столько знакомы, что можемъ оставить для другихъ такія учтивости, которыми нынѣ почти всѣ письма наполняются; и такъ лучше скажу тебѣ новость и какая ужасная перемѣна дѣлается въ адѣ.

Вчерась минулъ срокъ полугодовому отсутствію Прозерпинину. Плутонъ съ нетерпѣливостію ожидалъ ея возвращенія; вдругъ предстала передъ него одна тѣнь, одѣтая въ скороходское платье, и докладывала, что Прозерпина прибыть изволила. Минуту спустя, богиня сама входитъ въ нынѣшнемъ французскомъ платьѣ, въ шляпкѣ съ перьями и въ прекрасныхъ башмачкахъ, которыхъ тоненькіе каблучки придавали ей вершка три росту. Бѣдный Плутонъ оледенѣлъ, увидя ее въ семъ нарядѣ; мы сами нѣсколько оторопѣли; нѣкоторые изъ насъ говорили очень тихо: «конечно, она сошла съ ума», а другіе кричали во все горло: «богиня еще прекраснѣе»; но всѣ съ нетерпѣливостію ожидали, чѣмъ все это кончится. Здравствуй, мой ангелъ! сказала, подошедъ къ своему мужу Прозерпина, и присѣла передъ нимъ два раза; признайся, продолжала она, что я не безъ пользы возвратилась къ тебѣ съ того свѣта! каково тебѣ кажется это платье, эта ческа, эта шляпка, эти высокенькіе башмачки? знаешь ли, что все это послѣдней моды и взято изъ французскихъ лавокъ?—Другъ мой, говорилъ, почти всхлипывая, бѣдный Плутонъ, что тебѣ сдѣлалось?... здорова ли ты?.. Ахъ! я вѣдь говорилъ, что частая перемѣна воздуха можетъ повредить мозговую перепонку; любезная Прозерпина! опомнись, что ты! ахъ, зачѣмъ ты ѣздила на тотъ проклятый свѣтъ! я предчувствовалъ.... Какъ зачѣмъ, перехватила рѣчь его Прозерпина: знаешь ли ты, что я тамъ въ нынѣшнюю поѣздку выучилась пѣть и танцовать; посмотри, какъ чисто дѣлаю я англійскія па въ контрдансѣ. Въ минуту подхватила она близь стоящаго Сократа и принудила его пропрыгать съ собою «англійскія прогулки». Діогенъ хохоталъ во все горло и говорилъ, что это прекрасная пара! а Плутонъ бѣсился и не зналъ, что дѣлать; онъ шепнулъ тихонько Цицерону, не можетъ ли онъ уговорить жену его отстать отъ такихъ дурачествъ. Цицеронъ подошелъ къ ней со всею важностію, достойною римскаго оратора и сенатора. А! здравствуй, дѣдушка, сказала она ему: послушай, мнѣ есть до тебя маленькая просьба, и мнѣ ужесть хочется, чтобъ ты ее исполнилъ; напиши, пожалуй, похвальную рѣчь французскимъ торговкамъ; ты не повѣришь, какъ я и онѣ будемъ тебя благодарить; твои филиппическія рѣчи стоили тебѣ головы; а за эту рѣчь, о которой красотѣ я увѣрена, подарю я тебя послѣдней моды фракомъ и англійскимъ гарнитуромъ пряжекъ. Признайся,

что это очень щедрая плата.—Богиня! сказалъ Цицеронъ, могу ли я вѣрить своимъ глазамъ, чтобъ ты, будучи безсмертна, плѣнилась дурачествами существъ, которыя едва живыми назваться могутъ.—О! ты скучишь своими нравоученіями, жизнь моя, отвѣчала Прозерпина; оставь ихъ. Знаешь ли, что ты былъ бы нестерпимъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ и развѣ одними твоими острыми словами могъ бы сыскать благосклонность у женщинъ, которыя нынѣ рѣшаютъ судьбу ученыхъ людей.—Богиня, говорилъ Цицеронъ, сія вредная язва не заразила ли и мое любезное отечество? ахъ! я бы лучше желалъ еще шесть разъ быть изъ него изгнанъ и двадцать разъ быть удавленъ, по приказанію новыхъ Антоніевъ, нежели видѣть такую странную перемѣну.—Ты не повѣришь, отвѣчала Прозерпина, въ какомъ совершенствѣ нынѣ Италія! Правда, ты не найдешь тамъ ни одного Катона, ни Юлія, ни Брута, ни древняго Тарквинія; но еслибъ ты зналъ, какъ тамъ хорошо сочиняютъ оперы буфо, то бы ты самъ сдѣлался театральнымъ буфономъ. Жизнь моя, продолжала она, оборотясь къ Плутону, который смотрѣлъ на нее, вытараща глаза: сдѣлай милость, заведи здѣсь оперный театръ; я на себя беру выписать актеровъ, музыкантовъ и хорошихъ капельмейстеровъ.—Богиня! вскричалъ съ сердцемъ Плутонъ, ты наконецъ досаждаешь мнѣ своими вздорными предложеніями, и сама не знаешь, что хочешь дѣлать.—Выбрить тебѣ бороду, радость моя, отвѣчала съ нѣжностію Прозерпина, и нарядить тебя во французскій кафтанъ. Ахъ! ты не повѣришь, какъ прекрасны нынѣшніе мужчины съ выбритыми бородами; я видѣла, своими глазами, цѣлые города, наполненные Нарцисами и Адонисами; и я увѣрена, что ты съ выбритою бородою такъ же прекрасенъ будешь, какъ Ганимедъ; прибавь же къ тому французскій кафтанъ, тупей а ла кроше, модныя пряжки и щегольскую французскую шпагу. О! мужчины такъ стали хитры, что умѣли сдѣлать прелестными, въ глазахъ женщинъ, и шпаги свои. Ты не увидишь болѣе тѣхъ старинныхъ саблищъ, которыя вѣсомъ тянули столько же, сколько тѣ, которые ихъ носили; но увидишь маленькія прекрасныя шпажки, которыя, ничуть не ужасая, дѣлаютъ только украшеніе и включены въ число галантерейныхъ вещей. Да, въ число галантерейныхъ вещей! Лучшія шпаги и лучшія тросточки продаются въ англійскихъ магазинахъ.

Представь, мудрый Маликульмулькъ, каково было для насъ видѣть такое сумасбродство! Радамантъ, Эакъ и Миносъ жались какъ можно болѣе, желая сохранить судейскую важность и чтобъ не треснуть отъ смѣха; самъ Плутонъ половину плакалъ и половину смѣялся; однакожъ ничѣмъ не могъ уговорить Прозерпины, чтобъ скинула она свое фуро, а особливо, чтобъ испортила прическу своей головы.—Какъ! говорила она, я буду ходить съ растрепанными волосами въ такое время, когда послѣдняя театральная дѣвка имѣетъ у себя французскаго парикмахера! Нѣтъ, если ты хочешь, чтобъ я осталась здѣсь, то неотмѣнно выпиши мнѣ парикмахера, портнаго и купца съ галантерейными вещами; а безъ того я въ сію же минуту ѣду въ Парижъ. Плутонъ морщился, сердился, смѣялся, но наконецъ долженъ былъ согласиться на ея требованіе.

Кого же бы, ты думалъ, выбрали доставить такихъ надобныхъ людей?... Меня, ученый Маликульмулькъ! Поздравь меня съ должностію моднаго повѣреннаго Прозерпины. Я скоро ѣду набирать лучшихъ искусниковъ. Весь адъ теперь въ смятеніи отъ этой перемѣны, и я скоро,

можетъ быть, увѣдомлю тебя, чѣмъ это кончится.

б) Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку.

Если бы случилось тебѣ, любезный Маликульмулькъ, быть въ здѣшней землѣ, ты очень бы удивился, услыша всенародное роптаніе на бѣдность. Здѣсь всѣ жалуются, что нѣтъ денегъ, отъ нищаго до милліонщика и отъ сторожей у старыхъ архивъ даже до вельможъ, приставленныхъ у смотрѣнія откуповъ и управленія тяжебными дѣлами. Всѣ тоскуютъ, что жить нечѣмъ; у всѣхъ недостатокъ въ необходимости и всѣ говорятъ, будто приближается послѣдній вѣкъ. А я такъ думаю, что свѣту преставленіе давно уже было, и что люди всѣ померли, а остались однѣ только машины, которыя думаютъ, будто онѣ дѣйствуютъ, какъ между тѣмъ самая малѣйшая неодушевленная вещь приводитъ ихъ въ движеніе. Но всего страннѣе, что они жалуются на судьбу въ томъ, въ чемъ сами виноваты; они ропщутъ на богатство прежнихъ временъ и негодуютъ на бѣдность настоящаго. Каково бы тебѣ показалось, что есть здѣсь люди, которые почитаютъ необходимостію прожить въ годъ двѣсти тысячъ рублей, хотя знатные люди древнихъ вѣковъ, каковъ былъ Публикола и прочіе, проживали во сто разъ меньше и не жаловались на свою бѣдность.

Говорятъ, будто здѣшніе жители, за 200 лѣтъ назадъ, не жаловались на свою бѣдность и почитали себя богатыми, до того времени, когда Французы не растолковали имъ, что у нихъ нѣтъ ничего нужнаго, что они не похожи на людей, потому что ходятъ пѣшкомъ, потому что у нихъ волосы не засыпаны пылью и потому что они не платятъ по двѣ тысячи рублей за вещь, стоющую не больше ста пятидесяти рублей, какъ то дѣлаютъ многіе просвѣщенные народы. Жители здѣшніе, услыша это, устыдились, что они не просвѣщены: стали отдавать Французамъ множество денегъ за бездѣлицы; заставляли себя возить въ ящикахъ такъ, какъ возятъ на продажу деревенскіе мужики куръ; засыпали головы свои мукой—и теперь думаютъ о себѣ, что они въ просвѣщеніи перещеголяли всѣхъ Европейцевъ.

И такъ здѣшній житель, который почитаетъ себя важнымъ въ большомъ свѣтѣ, желая сохранить эту важность, несетъ свой годовой доходъ, состоящій изъ трехъ тысячъ рублей, въ лавки, платя шесть сотъ рублей за кузовъ, въ которомъ протаскаютъ его не болѣе одного года; тысячу двѣсти рублей отдаетъ за хорошія англійскія и французскія матеріи на платье; на девятьсотъ рублей покупаетъ пряжекъ, цѣночекъ и другихъ подобныхъ необходимостей; а послѣдніе триста рублей отдаетъ парикмахеру Французу и, не оставя денегъ на столъ, жалуется, что хлѣбъ дорогъ, и ищетъ обѣдовъ у своихъ пріятелей. Такимъ-то образомъ богатый помѣщикъ превращаетъ свой хлѣбъ и своихъ крестьянъ въ модные товары; а Французы имѣютъ искуство дѣлать эти товары такими, чтобъ превращались они черезъ мѣсяцъ въ ничто. И такъ мудрено ли, что здѣсь недостатокъ въ хлѣбѣ; ибо надобно, по крайней мѣрѣ, четыре куля муки, чтобъ превратить ихъ въ посредственную англійскую шляпу, и надобно десять кулей, чтобъ имѣть простыя серебряныя на ногахъ пряжки. Сначала хотя это и дѣлало вредъ щеголямъ, однакожъ тогда хлѣбъ раздѣлялся по народу, и господа недовольны были только тѣмъ, что надобно было много имѣть труда и терпѣнія дождаться нѣсколькихъ тысячъ кулей, чтобы превратить ихъ въ пуговицы и кружева. Французы наставили ихъ наконецъ на умъ и научили

не одинъ только хлѣбъ, но и людей превращать въ модные товары. Послѣдуя такому премудрому наставленію, молодой помѣщикъ мало-по-малу убавляетъ у себя хлѣбопашцевъ, промѣниваетъ ихъ на модные товары или превращаетъ въ волосочесовъ и портныхъ, отъ которыхъ надѣется доставать болѣе денегъ. И такъ лучшіе люди отнимаются съ полей, на которыхъ оставляются только старые и малолѣтніе, мѣняются на разныя бездѣлки, а остальные, вмѣсто того, чтобъ доставать хлѣбъ изъ земли своими руками, за каретами и въ переднихъ у своихъ господъ ждутъ спокойно, пока ихъ накормятъ. Просвѣщенные люди нынѣшняго вѣка дивятся невѣжеству своихъ предковъ: къ чему старались они наполнять свои житницы хлѣбомъ и содержать хорошо своихъ крестьянъ? Напротивъ того, сами, стараясь загладить ихъ погрѣшности, пекутся только о томъ, чтобъ имѣть у себя болѣе кафтановъ, и не инымъ чѣмъ думаютъ лучше доказать свое просвѣщеніе, какъ промотавъ въ шесть лѣтъ то, что̀ предки ихъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ скопили. Французы удивляются ихъ просвѣщенному вкусу, смѣются имъ въ глаза и сбираютъ съ нихъ деньги. Эти Французы очень хитры и довели наконецъ до того, что почти всякій изъ здѣшнихъ жителей мучится совѣстію и почитаетъ за стыдъ, если не отнесетъ ежегодно къ Французамъ три четверти своего дохода и пятую часть всего своего имѣнія.

В. ПОХВАЛЬНАЯ РѢЧЬ ВЪ ПАМЯТЬ МОЕМУ ДѢДУШКѢ (1792). (5).

Любезные слушатели!

Въ сей день проходитъ точно годъ, какъ собаки всего свѣта лишились лучшаго своего друга, а здѣшній округъ разумнѣйшаго помѣщика: годъ тому назадъ, въ сей точно день, съ неустрашимостію гонясь за зайцемъ, свернулся онъ въ ровъ и раздѣлилъ смертную чашу съ гнѣдою своею лошадью прямо по-братски. Судьба, уважая взаимную ихъ привязанность, не хотѣла, чтобъ изъ нихъ одинъ пережилъ другаго; а міръ между тѣмъ потерялъ лучшаго дворянина и статнѣйшую лошадь. О комъ изъ нихъ болѣе должно намъ сожалѣть? Кого болѣе восхвалить? Оба они не уступали другъ другу въ достоинствахъ, оба были равно полезны обществу, оба вели равную жизнь и наконецъ умерли одинаково славною смертью.

Совсѣмъ тѣмъ дружество мое къ покойнику склоняетъ меня на его сторону и обязываетъ прославить память его, ибо хотя многіе говорятъ, что сердце его было, такъ сказать, стойломъ его гнѣдой лошади, но я могу похвалиться, что, послѣ нея, покойникъ любилъ меня болѣе всего на свѣтѣ. Но хотя бы и не былъ онъ мнѣ другомъ, то одни достоинства его не заслуживаютъ ли похвалы и не должно ли возвеличить память его, какъ память дворянина, который служитъ примѣромъ всему нашему окольному дворянству?

Не думайте, любезные слушатели, чтобъ я выставлялъ его примѣромъ въ одной охотѣ; нѣтъ, это было одно изъ послѣднихъ его дарованій. Кромѣ сего, имѣлъ онъ тысячу другихъ, приличныхъ и необходимыхъ нашему брату дворянину: онъ показалъ намъ, какъ должно проживать въ недѣлю благородному человѣку то, что двѣ тысячи подвластныхъ ему простолюдиновъ выработаютъ въ годъ; онъ знаменитые подавалъ примѣры, какъ эти двѣ тысячи человѣкъ можно пересѣчь въ годъ раза два-три съ пользою; онъ имѣлъ дарованіе обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда казалось, что въ нихъ наблюдался величайшій постъ, и такимъ искуствомъ дѣлалъ гостямъ

своимъ пріятныя нечаянности. Такъ, государи мои! часто бывало, когда пріѣдемъ мы къ нему въ деревню обѣдать, то, видя всѣхъ крестьянъ его блѣдныхъ, умирающихъ съ голоду, страшимся сами умереть за его столомъ голодною смертью; глядя на всякаго изъ нихъ, заключали мы, что на сто верстъ вокругъ его деревень нѣтъ ни корки хлѣба, ни чахотной курицы,—но, какое пріятное удивленіе! садясь за столъ, находили мы богатство, которое, казалось, тамъ было неизвѣстно, и изобиліе, котораго тѣни не было въ его владѣніяхъ. Искуснѣйшіе изъ насъ не постигали, что̀ еще могъ онъ содрать съ своихъ крестьянъ; и мы принуждены были думать, что онъ изъ ничего созидалъ великолѣпные свои пиры. Но я не примѣчаю, что восторгъ мой отвлекаетъ меня отъ порядку, который я себѣ назначилъ. Обратимся же къ началу жизни нашего героя: симъ средствомъ не потеряемъ мы ни одной черты изъ его похвальныхъ дѣлъ, коимъ многіе изъ васъ, любезные слушатели, подражаютъ съ великимъ успѣхомъ. Начнемъ его происхожденіемъ.

Сколько ни бредятъ философы, что, по родословной всего свѣта, мы братья, и сколько ни твердятъ, что всѣ мы дѣти одного Адама, но благородный человѣкъ долженъ стыдиться такой философіи; и если уже необходимо надобно, чтобъ наши слуги происходили отъ Адама, то мы лучше согласимся признать нашимъ праотцемъ осла, нежели быть равнаго съ ними происхожденія. Ничто столь человѣка не возвышаетъ, какъ благородное происхожденіе: это первое его достоинство. Пусть кричатъ ученые, что вельможа и нищій имѣютъ подобное тѣло, душу, страсти, слабости и добродѣтели: если это правда, то это не вина благородныхъ, но вина природы, что она производитъ ихъ на свѣтъ такъ же, какъ и подлѣйшихъ простолюдиновъ, и что никакими выгодами не отличаетъ нашего брата дворянина; это знакъ ея лѣности и нераченія. Такъ, государи мои! и если бы эта природа была существо, то бы ей очень было стыдно, что тогда, какъ самому послѣднему червяку удѣляетъ она выгоды, свойственныя его состоянію; когда самое мелкое насѣкомое получаетъ отъ нея свой цвѣтъ и свои способности; когда, смотря на всѣхъ животныхъ, кажется намъ, что она неисчерпаема въ разновидности и въ изобрѣтеніи,—тогда, къ стыду ея и къ сожалѣнію нашему, не выдумала она ничего, чѣмъ бы отличался нашъ братъ отъ мужика, и не прибавила намъ ни одного пальца, въ знакъ нашего преимущества передъ крестьяниномъ. Неужли же она болѣе печется о бабочкахъ, нежели о дворянахъ? И мы должны привѣшивать шпагу, съ которою бы, кажется, надлежало намъ родиться. Но какъ бы то ни было, благодаря нашей догадкѣ, мы нашли средство поправлять ея недостатки и избавились отъ опасности быть признанными за животныхъ одного роду съ крестьянами.

Имѣть предка разумнаго, добродѣтельнаго и принесшаго пользу отечеству—вотъ что дѣлаетъ дворянина, вотъ что отличаетъ его отъ черни и отъ простаго народа, котораго предки не были ни разумны, ни добродѣтельны и не приносили пользы отечеству. Чѣмъ древнѣе и далѣе отъ насъ такой предокъ, тѣмъ блистательнѣе наше благородство; а симъ-то и отличается герой, которому дерзаю я сплетать достойныя похвалы: ибо болѣе трехъ сотъ лѣтъ прошло, какъ въ родѣ его появился добродѣтельный и разумный человѣкъ, который надѣлалъ столь много прекрасныхъ дѣлъ, что въ поколѣніи его не были уже болѣе нужны такія явленія, и оно до нынѣшняго времени пробав-

лялось безъ умныхъ и безъ добродѣтельныхъ людей, не теряя нимало своего достоинства. Наконецъ появился нашъ герой Звениголовъ; онъ еще не зналъ, что онъ такое, но уже благородная его душа чувствовала выгоды своего рожденія, и онъ на второмъ году началъ царапать глаза и кусать уши своей кормилицѣ. Въ этомъ ребенкѣ будетъ путь, сказалъ нѣкогда, восхищаясь, его отецъ: онъ еще не знаетъ толкомъ приказать, но учится уже наказывать; можно отгадать, что онъ благородной крови. И старикъ сей часто плакалъ отъ радости, когда видѣлъ, съ какою благородною осанкою отродье его щипало свою кормилицу или слугъ; не проходило ни одного дня, чтобы маленькій нашъ герой кого-нибудь не оцарапалъ. На пятомъ еще году своего возраста примѣтилъ онъ, что окруженъ такою толпою, которую можетъ перекусать и перецарапать, когда ему будетъ угодно.

Премудрый его родитель тотчасъ смекнулъ, что сыну его нуженъ товарищъ; хотя и много было въ околоткѣ бѣдныхъ дворянъ, но онъ не хотѣлъ себя унизить до того, чтобъ его единородный сынъ раздѣлялъ съ ними время, а холопскаго сына дать ему въ товарищи казалось еще несноснѣе. Иной бы не зналъ, что дѣлать, но родитель нашего героя тотчасъ помогъ такому горю и далъ сыну своему въ товарищи прекрасную болонскую собачку. Вотъ, можетъ быть, первая причина, отъ чего герой нашъ во всю свою жизнь любилъ болѣе собакъ, нежели людей, и съ первыми провождалъ время веселѣе, нежели съ послѣдними. Звениголовъ, привыкшій повелѣвать, принялъ новаго своего товарища довольно грубо и на первыхъ часахъ вцѣпился ему въ уши; но Задорка (такъ звали маленькую собачку) доказала ему, какъ вредно иногда шутить, надѣясь слишкомъ много на свою силу: она укусила его за руку до крови. Герой нашъ остолбенѣлъ, увидя въ первый разъ такой суровый отвѣтъ на обыкновенныя свои обхожденія. Это былъ первый щипокъ, за который его наказали. Сколь сердце въ немъ ни кипѣло, совсѣмъ тѣмъ боялся отвѣдать сразиться съ Задоркою и бросился къ отцу своему жаловаться на смертельную обиду, причиненную ему новымъ его товарищемъ. «Другъ мой!» сказалъ безпримѣрный его родитель, «развѣ мало вкругъ тебя холопей, кого тебѣ щипать? На что было трогать тебѣ Задорку? Собака вѣдь не слуга: съ нею надобно осторожнѣе обходиться, если не хочешь быть укушенъ. Она глупа: ее нельзя унять и принудить терпѣть, не разѣвая рта, какъ разумную тварь».

Такое наставленіе сильно тронуло сердце молодаго героя и не выходило у него изъ памяти. Возрастая, часто занимался онъ глубокими разсужденіями, къ коимъ подавало оно ему поводъ; изыскивалъ способы бить домашнихъ своихъ животныхъ, не подвергаясь опасности, и сдѣлать ихъ столь же безмолвными, какъ своихъ крестьянъ; по крайней мѣрѣ, искалъ причинъ, отъ чего первыя имѣютъ дерзости болѣе огрызаться, нежели послѣдніе, и заключилъ, что его крестьяне ниже его дворовыхъ животныхъ.

Чадолюбивый отецъ, примѣтя, что дитя его начинаетъ думать, заключилъ, что время начать его воспитаніе и самъ посадилъ его за грамоту. Въ пять мѣсяцевъ ученикъ сдѣлался сильнѣе учителя и съ нимъ въ-запуски складывалъ гражданскую печать. Такіе успѣхи устрашили его родителя. Онъ боялся, чтобы сынъ его не выучился бѣгло читать по толкамъ и не вздумалъ бы сдѣлаться когда-нибудь академикомъ, а потому-то послѣднею страницею букваря кончилъ

его курсъ словесныхъ наукъ. «Этой грамоты для тебя полно», говорилъ онъ ему: «стыдись знать болѣе; ты у меня будешь баринъ знатный, такъ непристойно тебѣ читать книги».

Герой нашъ пользовался такимъ прекраснымъ разсужденіемъ и привыкъ всѣ книги любить какъ моровую язву. Ни одна книга не имѣла до него доступа; я не включаю тутъ разсужденія Руссо о вредности наукъ: вотъ одно твореніе, которое снискало его благосклонность, по своей привлекательной надписи. Правда, онъ и его не читалъ, но никогда не спускалъ съ своего камина. «Прочти только это», говаривалъ онъ, когда кто вздумаетъ хвалить передъ нимъ науки: «прочти это, и ты будешь каяться, что въ тебѣ болѣе ума, нежели въ моей гнѣдой лошади. О, Руссо— великій человѣкъ!», продолжалъ онъ, и послѣ этого принимался съ подобострастіемъ считать листы въ его сочиненіи: это было величайшее его снисхожденіе къ учености, которое оказывалъ онъ только одному сочинителю Новой Элоизы.

Время наконецъ наступило записывать его въ службу, и рѣдкій родитель его, отпуская, далъ сыну своему послѣднее наставленіе: «Помни, любезный сынъ», говорилъ онъ ему, «что у тебя двѣ тысячи душъ; помни, что ты старинный дворянинъ и остался одинъ въ своемъ родѣ; и такъ береги себя; не подражай бѣднымъ людямъ, которые, не имѣя куска хлѣба, принуждены на службѣ тратить здоровье. Служи такъ, чтобы не быть разжаловану, а о достальномъ не пекись. Пусть бѣдные ищутъ чиновъ, а нашу братью, богатыхъ, чины сами должны искать. Будь только порядочнаго поведенія, то есть: не выходи изъ передней знатныхъ; болѣе всего берегись досадить женщинѣ, сколь бы низкаго состоянія она тебѣ ни казалась. Наружное состояніе женщины бываетъ сходно съ молодымъ деревомъ, которое сколь ни кажется слабо и презрѣнно, но часто корень его глубоко подъ землею сплетенъ съ корнемъ великаго дуба, который можетъ задавить тебя своею тяжестію. Короче, вотъ тебѣ въ двухъ словахъ мое завѣщаніе: я не требую, чтобы ты возвратился заслуженнымъ, но чиновнымъ», и послѣ сего наградилъ онъ его своимъ родительскимъ благословеніемъ и двумя тысячами рублей на дорогу. Спустя же три дни послѣ его отъѣзду, кончилъ свою знаменитую жизнь.

Сколь ни жаденъ былъ нашъ герой пользоваться наставленіями, совсѣмъ тѣмъ благородная его душа неохотно приняла сіи послѣднія, или, лучше сказать, онъ изъ нихъ одобрилъ половину, то есть, послѣдуя отцу своему, не хотѣлъ онъ служить, но не хотѣлъ также состарѣться въ переднихъ; эти два правила поссорили его съ двумя его дядюшками и со службою и сдѣлали философомъ. Суеты большаго свѣта скоро ему наскучили: онъ видѣлъ, что куда онъ ни приходилъ, то или онъ зѣвалъ, или надъ нимъ зѣвали, и взялъ миролюбивое намѣреніе разстаться со свѣтомъ, видя по всему, что они другъ другу не надобны.

Рѣдкое великодушіе, неподражаемая скромность,—сіи два любезныя качества видны въ немъ были съ самаго пріѣзда его въ столицу. Честолюбивый, на его мѣстѣ, имѣя столь знатную родню, какъ онъ, не отсталъ бы отъ большихъ обществъ и искалъ бы въѣзду въ первые домы; но герой нашъ просиживалъ цѣлыя ночи въ трактирахъ. Онъ убѣгалъ пышности и часто, подъ вечерокъ, изъ толпы завидливыхъ игроковъ возвращался домой смиренно, безъ кафтана. Онъ не былъ злопамятенъ и очень спокойно обѣдалъ тамъ, гдѣ наканунѣ били его за ужиномъ:

терпѣливъ былъ до крайности. Я самъ, государи мои, былъ свидѣтелемъ, съ какою умильною кротостію принималъ онъ побои отъ своихъ пріятелей и послѣ съ ними вмѣстѣ запивалъ свое горе. Иной бы, честолюбивый, на его мѣстѣ, повторяю я, былъ соблазненъ примѣрами большаго свѣта и увлеченъ его суетами, но онъ равнодушно слушалъ вѣсти, что такой-то его сверстникъ пожалованъ, что тому дано мѣсто, другому награжденіе; всѣмъ этимъ не тронута была великая его душа, и онъ, зѣвая, стоически слушалъ такія новости. «Можетъ быть, половину этихъ чиновниковъ мнѣ же кормить достанется», говаривалъ онъ; «полно и того, что у меня есть двѣ тысячи душъ: это такой чинъ, съ которымъ въ моемъ околоткѣ вездѣ дадутъ мнѣ первое мѣсто. Все суета суетъ!» такъ заключалъ онъ обыкновенно свои разсужденія и послѣ того, обставясь кругомъ дюжиною бутылокъ портеру, садился метать банкъ.

Посему можете вы заключить, милостивые государи, что общества его были хотя не пышныя, но весьма веселыя. Правда, замѣшивались иногда въ нихъ люди чиновные, но обыкновенно первыя двѣ дюжины бутылокъ возставляли во всей бесѣдѣ совершенное равенство и дружество; но это не было скучное дружество, заведенное лѣтъ на пять; нѣтъ, это было вольное и благородное дружество, такое, что часто, не конча еще взаимныхъ о немъ увѣреній, вцѣплялись другъ другу въ виски, но безъ всякой злобы и нерѣдко для одного препровожденія времени.

Вотъ, государи мои, образъ городской его жизни! Онъ, не гоняясь за счастіемъ, искалъ однихъ удовольствій; онъ не ѣздилъ, по этикету, зѣвать въ большіе домы, но, любя вольность, часто въ своихъ дружескихъ бесѣдахъ засыпалъ подъ столомъ; онъ не занимался тѣмъ, чтобъ когда-нибудь привлечь на себя вниманіе всего свѣта: ему довольно было и того, что имя его знали наизусть во всѣхъ трактирахъ и кофейныхъ домахъ. Онъ никогда не намѣревался быть политикомъ, но не для того, чтобъ не доставало ему ума; нѣтъ, государи мои, онъ былъ слишкомъ уменъ и нерѣдко даже былъ за это битъ отъ своихъ пріятелей за картами, гдѣ болѣе всего щеголялъ онъ остроуміемъ. Но какъ умъ гонимъ въ цѣломъ свѣтѣ, то очень скоро наскучилъ онъ быть умнымъ и сталъ играть въ карты съ философскою простотою и съ благородною довѣренностію. Друзья его, вмѣсто того, чтобы удивляться такимъ любезнымъ качествамъ, въ два мѣсяца очистили все его имѣніе и оставили нашего философа полунагимъ, не смотря на то, что сѣверный климатъ совсѣмъ не удобенъ къ цинической философіи.

Всякій бы другой изнемогъ духомъ въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, всякій бы пришелъ въ отчаяніе; но онъ не поколебался нимало и, сидя дома, съ крайнимъ умиленіемъ сердца ожидалъ, какъ заимодавцы поведутъ его въ тюрьму. Какъ Юлій, не бѣжалъ онъ отъ своего несчастія и даже не выходилъ за ворота, хотя тогдашними темными вечерами могъ онъ прогуливаться по улицѣ въ одномъ камзолѣ и туфляхъ, не нарушая городской благопристойности. Онъ не искалъ даже помочь своему несчастію. «Что будетъ, то будетъ!» говорилъ онъ, зѣвая неустрашимо. И судьба наградила его къ ней довѣренность. Тогда какъ, казалось, что онъ оставленъ отъ всего свѣта; когда всѣ ворота были для него заперты, выключая воротъ городской тюрьмы; когда въ кухнѣ его, какъ въ Римѣ, не осталось ни тѣни древней славы и, что всего бѣдственнѣе, когда послѣднюю бутылку портеру у него разбила испо-

ствившаяся кошка, искавъ съ такимъ же усердіемъ черствой корки, съ какимъ Колумбъ искалъ новой земли; когда, говорю я, всѣ сіи несчастія собрались вокругъ него: тогда родной его дядя— славный своею экономіею, которую храня, 20 лѣтъ онъ уже не ужиналъ, вздумалъ наконецъ и не обѣдать—оставя въ наслѣдство герою нашему пять тысячъ душъ и сто тысячъ денегъ.

Можетъ быть, подумаете вы, что это сдѣлало его надменнымъ; нимало: въ тотъ же день пошелъ онъ къ знакомому винному погребщику, напился съ нимъ вмѣстѣ и очень смиренно провелъ у него ночь на голомъ, кирпичномъ полу.

Но уже страсти въ немъ начали угасать, и онъ, пользуясь прошедшими своими несчастіями, не захотѣлъ болѣе ни въ которой масти искать счастія; получилъ чинъ, пошелъ въ отставку и намѣревался удалиться въ свои деревни, дабы украсить собою нашъ уѣздъ; имѣя же къ шумнымъ прощаньямъ отвращеніе, уѣхалъ изъ города, не увѣдомя ни одного своего заимодавца. Можетъ быть, по скромности его, нравился ему также французскій обычай уходить не простясь; ибо свидѣтельствуютъ достовѣрнѣйшіе маркеры, что, когда только могъ, уходилъ онъ по-французски изъ трактировъ, сколь ни убѣдительно они ему за то пеняли.

Наконецъ удалился онъ отъ городскаго шума и вступилъ въ новое поприще для испытанія своихъ дарованій, и вы, государи мои, сами были свидѣтелями, какъ сильно умѣлъ онъ ими блистать.

Едва появился онъ здѣсь, какъ объявилъ открытую войну зайцамъ и набралъ многочисленную армію псовъ; наблюдая пользу поселянъ, хотѣлъ онъ истребить весь заячій родъ—и сдержалъ свое слово. Правда, многіе изъ строптивыхъ его крестьянъ кричали, что они бы лучше хотѣли кормить зайцевъ, нежели безчисленное множество псовъ и тунеядливую шайку охотниковъ; что имъ милѣе было въ хлѣбѣ своемъ встрѣтить зайца, нежели полсотни лошадей и вдвое болѣе того собакъ: но герой нашъ, умѣя кстати и къ мѣсту пересѣчь сихъ разсказчиковъ, укротилъ ихъ роптанія и продолжалъ непримиримую ненависть къ зайцамъ, какъ Аннибалъ къ Римлянамъ. А чтобы вѣрнѣе ихъ выжить, то вырубилъ и продалъ свои лѣса, а крестьянъ привелъ въ такое состояніе, что имъ нечѣмъ было засѣвать поля. Съ какимъ внутреннимъ удовольствіемъ герой нашъ выѣзжалъ тогда на поля и находилъ ихъ такъ чистыми, какъ скатерть, не тревожась сомнѣніемъ, чтобы гдѣ могъ скрыться заяцъ! Въ три года обрилъ онъ такъ чисто свои земли, что неустрашимѣйшіе зайцы могли въ нихъ искать одной только голодной смерти. «Скажи», спрашивалъ у него нѣкто, «не лучше ли на земляхъ своихъ видѣть тысячу сытыхъ зайцевъ, нежели пять тысячъ голодныхъ крестьянъ, и не сходенъ ли тотъ, кто зажжетъ свой домъ, желая выжить изъ него таракановъ?»— Молчи, только отвѣчалъ нашъ герой; я самъ знаю, что моимъ крестьянамъ ѣсть нечего, но еще лѣтъ пять и зайцы позабудутъ мои земли: они будутъ бѣгать ихъ, какъ песчаной степи, а тутъ-то я и обмáну весь этотъ родъ трусливыхъ грабителей, возстановя прежній порядокъ и изобиліе.

Какой рѣдкій умъ, милостивые государи! Имѣлъ ли кто когда-нибудь такое великое и смѣлое предпріятіе? Неронъ зажегъ великолѣпный Римъ, чтобы истребить небольшую кучку христіанъ; Юлій побилъ множество согражданъ своихъ, желая уронить вредную для нихъ власть Помпея; Александръ прошелъ съ мечемъ чрезъ многія государства, по-

билъ и разорилъ тысячи народовъ, кажется, для того, чтобы вымочить свои сапоги въ приливѣ океана и послѣ пощеголять этимъ дома. Но всѣ эти намѣренія и труды не входятъ въ сравненіе съ подвигами нашего героя: тѣ морили людей, чтобы пріобрѣсти славу, а онъ морилъ ихъ для того, чтобы истребить зайцевъ. Но судьба, завидующая великимъ дѣламъ, не дала совершить ему своего намѣренія, подобно какъ множеству другихъ героевъ, которые, захватя себѣ дѣлъ тысячи на двѣ лѣтъ, умирали на первомъ или на второмъ году своего предпріятія.

Вотъ, государи мои, подвиги героя, которые... Но что я вижу! любезные мои слушатели заснули со умиленіемъ; почтенныя головы ихъ лежатъ какъ прекрасныя бухарскія дыни вокругъ пуншевой чаши! Торжествуй, покойный мой другъ! твои друзья, любя тебя, наслѣдовали твои нравы. Такъ точно нѣкогда засыпалъ ты на своихъ веселыхъ вечеринкахъ, съ половину окунутымъ въ ендову носомъ. Увернись, если можешь, на одну минуту отъ Плутона, взгляни изъ подпола на твоихъ друзей, потомъ разскажи торжественно адскимъ жителямъ, какое пріятное дѣйствіе произвела похвала твоей памяти; и пусть покосятся на тебя завидливые наши писатели, которые думаютъ, что они одни выправили отъ Аполлона привиллегію усыплять здѣшній свѣтъ своими твореніями.

8. ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМУ 37. (1796). (4).

(Господи, да не яростію Твоею обличиши мене).

Смягчи, о Боже, гнѣвъ Твой ярый,
Вины души моей забудь,
И молній уклони удары,
Въ мою направленные грудь!
Престани въ тучахъ, въ облистаньяхъ
И въ бурныхъ пламенныхъ дыханьяхъ
Являть, колико судъ Твой строгъ!
Пролей надежду въ грудь унылу,
Яви Свою во благѣ силу
И буди въ милостяхъ мнѣ Богъ!

Стрѣлами острыми Твоими
Мнѣ сердце все изъязвлено
И, раздираемое ими,
Горитъ, какъ въ пламени, оно.
Свои счисляя (5) преступленья,
Въ стыдѣ, въ болѣзни, въ изумленьи,
Смыкаю я смущенный взоръ.
Нѣтъ предо мною свѣта дневна;
На мнѣ Твоя десница гнѣвна—
Хладнѣе льдовъ, тяжелѣ (6) горъ.

Всѣ скорби на меня зіяютъ
И плоть мою себѣ дѣлятъ.
Какъ воскъ, во мнѣ такъ кости таютъ,
И кровь моя какъ острый ядъ;
Какъ трость ломка во время зною,
Какъ ломокъ ледъ въ рѣкахъ весною,
Такъ ломки ноги подо мной.
Все множитъ мнѣ печалей бремя;
Остановилось само время,
Чтобы продлить мой жребій злой.

Въ семъ злѣ, какъ бы въ тревожномъ морѣ (7),
Собравъ остатокъ слабыхъ (8) силъ,
Въ отчаяньи, въ надеждѣ, въ горѣ
Къ Творцу міровъ я возопилъ,—
Воззвалъ, и сердцемъ колебался (9):
То лучъ надежды мнѣ являлся,
То, вспомянувъ мои вины,
Терялъ я изъ очей свѣтъ красный,
Мечъ видѣлъ мщенія ужасный
И видѣлъ ада глубины.

Вкругъ моего собравшись ложа,
Съ унылой жалостью, друзья,
Моей кончины ужасъ множа,
Казалось, взорами меня
Во гробъ холодный провожали.
Притворнымъ плачемъ мнѣ служали

Враги сокрыты дней моихъ;
А я, какъ мертвъ, среди смятенья
Лежалъ безъ слуха, безъ движенья
И устъ не отверзалъ своихъ.

Но въ страшную сію минуту,
Въ сей часъ ужасный бытію,
Зря подъ ногами бездну люту,
А предъ очами смерть мою,
Надеждой на Тебя отрадной,
Какъ въ жаръ поля росой прохладной,
Мой слабый духъ себя питалъ;
Хоть тѣломъ упадалъ я въ бездны,
Но духомъ, за пространства звѣздны,
Къ Тебѣ съ молитвой возлеталъ.

Нѣтъ, рекъ я въ глубинѣ сердечной,
Нѣтъ, не погибну я стеня:
Исторгнетъ Богъ мой сильный, вѣчный
Изъ смертныхъ челюстей меня,
И духъ мой не отдастъ Онъ аду—
Неправеднымъ врагамъ въ отраду;
Ихъ не свершится торжество;
Не посмѣется мнѣ ихъ злоба,
Что у дверей ужасныхъ гроба
Помочь безсильно Божество.

Творецъ, внемли мое моленье
И гласу сердца Ты внемли!
Хотя ничтожное творенье,
Я прахъ, невидный на земли,
Но что̀ есть мало, что̀ презрѣнно
Тобою, Боже, сотворенно!
Прекрасенъ звѣздный Твой чертогъ;
Ты въ солнцахъ и въ громахъ Ты чуденъ (10):
Но гдѣ жъ Ты чудесами скуденъ?
Ты и въ пылинкѣ тотъ же Богъ.

И я къ Тебѣ, надежды полный,
Свой простираю томный гласъ:
Смири страстей свирѣпыхъ волны,
Въ которыхъ духомъ я погрязъ!
Мои велики преступленья;
Ихъ сердцу страшно исчисленье;
Но въ Судіи я зрю отца.
Мой страшенъ грѣхъ, но онъ конеченъ;
А Ты, мой Богъ, Ты силенъ, вѣченъ,
Твоимъ щедротамъ нѣтъ конца.

г. Урокъ дочкамъ, комедія (1807). (11).

ЯВЛЕНІЕ 1.

Даша, Семенъ и потомъ Лиза.

Семенъ.

Ну, думалъ ли я, скакавъ по почтѣ, какъ угорѣлый, за 700 верстъ отъ Москвы, наѣхать дорогую мою Дашу?

Даша.

Ну, чаяла ли я увидѣться такъ скоро съ любезнымъ моимъ Семеномъ?

Семенъ.

Да какъ тебя занесло въ такую глушь?

Даша.

Да тебя куда это нелегкая мчитъ?

Семенъ.

Какъ ты здѣсь?

Даша.

Что ты здѣсь?

Семенъ.

Вѣдь ты оставалась въ Москвѣ?...

Даша.

Вѣдь ты поѣхалъ-было въ Петербургъ?...

Семенъ.

Гдѣ жъ ты послѣ была?

Даша.

Что съ тобою сдѣлалось?

Семенъ.

Постой, постой, Даша, постой; мы этакъ ничего не узнаемъ до завтра; надобно, чтобъ сперва изъ насъ одинъ, а тамъ другой разсказалъ свое похожденіе. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мы съ тобой въ Москвѣ разочли, что намъ, не смотря на то, что мы, кажется, люди вольные и промышленные, а печѣмъ жениться, и пустились каждый въ свою сторону добывать денегъ,—мы увидимъ, кто изъ насъ былъ проворнѣе, а потомъ посмотримъ, тянутъ ли наши кошельки

столько, чтобъ намъ возможно было вступить въ почтенное супружеское состояніе. И такъ, если хочешь, я начну.

Даша.

Пожалуй, хоть я сперва тебѣ разскажу. Я въ Москвѣ...

Семенъ.

Ты чудеса услышишь—я изъ Москвы...

Даша.

То-то ты удивишься—я въ Москвѣ...

Семенъ.

Постой же, ужъ я кончу. Выѣхавши изъ Москвы...

Даша.

Да выслушай меня. Оставшись въ Москвѣ...

Семенъ.

Мнѣ очень хочется подробно...

Даша.

Ну вотъ такъ и горю, какъ на огнѣ, разсказать тебѣ...

Семенъ.

Тфу пропасть! Даша, у тебя во рту не языкъ, а маятникъ, не дашь слова выговорить. Ну, разсказывай, коли ужъ тебѣ не терпится.

Даша.

Вотъ еще какой! да пожалуй, болтай себѣ, коли охота пришла....

Семенъ.

Охъ! зачинай, пожалуй-ста, я слушаю.

Даша.

Самъ начинай... видишь, какой!

Семенъ.

Ну, ну! полно гнѣваться, мой ангелъ, неужели тебѣ это слаще, нежели говорить?

Даша.

Я не гнѣваюсь. Говори.

Семенъ.

Ладно; такъ слушай же обоими ушами. Ты ахнешь, какъ поразскажу я тебѣ всѣ чудеса...

Лиза (выглядывая изъ другой комнаты).

Даша! Даша! господа идутъ съ гулянья.

Даша.

Ну вотъ дѣльно! Много мы съ тобой узнали!

Семенъ.

Кто жъ виноватъ?

Даша.

Послушай, по этой лѣстницѣ...

Лиза (показываясь).

Даша! господа поворотили на птичій дворъ.

Даша.

Не проглядй жъ, какъ они воротятся.

Лиза.

Не бойся, развѣ это въ первой?... (Уходитъ).

Семенъ (почесывая лобъ).

Такъ это не въ первой у тебя отводные-то караулы разставлены! Даша, что это значитъ?

Даша.

То, что ты глупъ. Мы опять потеряемъ время попустому: они тотчасъ воротятся. Ну, разсказывай свое похожденіе.

Семенъ.

Ты знаешь, что я, нанявшись въ Москвѣ къ Честону, поѣхалъ съ нимъ въ Петербургъ. Тамъ любовь и карты выцѣдили кошелекъ его до дна, и мы, благодаря имъ, теперь на самомъ легкомъ ходу ѣдемъ въ армію бить бусурмановъ. Здѣсь остановились-было перемѣнить лошадей; но баринъ съ дороги нѣсколько занемогъ и едва ль не останется до завтра. Онъ легъ заснуть, а я, ходя по деревнѣ, увидѣлъ тебя подъ окномъ и бросился сюда—вотъ и все тутъ!

Даша.

Только всего и чудесъ?

Семенъ.

А развѣ это не чудо; Дашенька, что меня на всемъ скаку соннаго сбрасывало съ облучка разъ десять и я еще ни руки, ни ноги себѣ не вывихнулъ? Ну-тка, что ты лучше разскажешь?

Даша.

Послѣ твоего отъѣзда, принялась я къ теперешнимъ своимъ господамъ Велькаровымъ, и мы поѣхали въ эту деревню—вотъ и все тутъ!

Семенъ.

Даша! коли тебя съ облучка не сбрасывало, такъ у тебя чудесъ-то еще меньше моего. Да обрадуй меня хоть однимъ чудомъ. Есть ли у тебя деньги?

Даша.

А у тебя?

Семенъ.

Въ моихъ карманахъ хоть выспись—такой просторъ.

Даша.

Ну, Семенушка, и мнѣ не болѣе твоего посчастливилось,—такъ свадьба наша опять затянулась. Горе да и все тутъ; сколько золотыхъ дней потеряно!

Семенъ.

Эхъ, Дашенька, дни-то бы ничего, да и ты неизворотлива; вѣдь люди богатѣютъ же какъ-нибудь.

Даша.

Да неужли таки твой баринъ...

Семенъ.

Мой баринъ? его теперь хоть въ жомъ, такъ рубля изъ него не выдавишь. А твои господа?

Даша.

О! въ городѣ мои барышни были бы кладъ; онѣ съ утра до вечера разъѣзжаютъ по моднымъ лавкамъ; тó закупаютъ, другое заказываютъ; что день, то новая шляпка; что балъ, то новое платье; а какъ меня часто за уборами посылаютъ, то мнѣ бы отъ нихъ и отъ мадамовъ что-нибудь перепало...

Семенъ.

Что-нибудь? шутишь ты, Даша! да такія барышни для расторопной горничной подлинно кладъ. Дождись только зимы, и коли будешь умна, такъ мы будущею же весною домкомъ заживемъ.

Даша.

Охъ, Семенушка, то-то и бѣды, что чуть ли намъ здѣсь не зимовать!

Семенъ.

Какъ?

Даша.

Да такъ! Видишь ли что? барышни мои были воспитаны у ихъ тетки на послѣдній маперъ. Отецъ ихъ со службы пріѣхалъ наконецъ въ Москву и захотѣлъ взять къ себѣ дочекъ, чтобъ до замужства ими полюбоваться. Ну, правду сказать, утѣшили же онѣ старика! Лишь вошли къ батюшкѣ, то поставили домъ вверхъ дномъ; всю его родню и старыхъ знакомыхъ отвадили грубостями и насмѣшками. Баринъ не знаетъ языковъ, а онѣ накликали въ домъ такихъ не-Русей, между которыхъ бѣдный старикъ шатался какъ около Вавилонской башни, не понимая ни слова, чтò говорятъ и чему хохочутъ. Вышедши наконецъ изъ терпѣнія отъ ихъ проказъ и дурачествъ, онъ увезъ дочекъ сюда на покаяніе—и отгадай, какъ вздумалъ наказать ихъ за всѣ грубости, непочтеніе и досады, которыя въ городѣ отъ нихъ вытерпѣлъ?

Семенъ.

Ахти! никакъ заставилъ модницъ учиться деревенскому хозяйству?

Даша.

Хуже.

Семенъ.

Чтожъ? посадилъ за книги да за пяльцы?

Даша.

Хуже.

Семенъ.

Тьфу пропасть! неужели вздумалъ изнурять ихъ модную плоть хлѣбомъ да водою?

Даша.

И того хуже.

Семенъ.

Ахъ онъ варваръ! неужели?... (Дѣлаетъ знакъ, будто хочетъ дать пощечину).

Даша.

И это бы легче; а то гораздо хуже.

Семенъ.

Чортъ же знаетъ, Даша, я ужъ хуже побой ничего не придумаю.

Даша.

Онъ запретилъ имъ говорить по-французски. (Семенъ хохочетъ).Смѣйся, смѣйся, а бѣдныя барышни безъ французскаго языка, какъ безъ хлѣба, сохнутъ. Да этого мало: немилосердый старикъ сдѣлалъ въ своемъ домѣ законъ, чтобъ здѣсь никто, даже и гости иначе не говорили, какъ по-русски; а такъ какъ онъ въ уѣздѣ всѣхъ богаче и старѣ, то и не мудрено ему поставить на своемъ.

Семенъ.

Бѣдныя барышни! то-то, чай, натерпѣлись онѣ русскаго-то языка!...

Даша.

Это еще не конецъ. Чтобъ и между собой не говорили онѣ иначе, какъ по-русски, то приставилъ къ нимъ старую няню Василису, которая должна, ходя за ними по пятамъ, строго это наблюдать; а если заупрямятся, то докладывать ему. Онѣ-было сперва этимъ пошутили, да какъ няня Василиса доложила, то увидѣли, что старикъ до шутокъ не охотникъ. И теперь куда ни пойдутъ, а няня Василиса съ ними; что слово скажутъ не по-русски, а няня Василиса тутъ съ носомъ, такъ-что отъ няни Василисы приходитъ хоть въ петлю.

Семенъ.

Да неужли въ нихъ такая страсть къ иностранному?

Даша.

А вотъ она какова, что онѣ бы теперь вынули послѣднюю сережку изъ ушка, лишь бы только посмотрѣть на Француза.

Семенъ.

Да щедры ли твои барышни? скажитка; вотъ, какъ бы тебя спросить: легко ли ихъ разжалобить?

Даша.

Легко, только не русскими слезами. Въ Москвѣ у нихъ иностранцы пропасть денегъ выманиваютъ.

Семенъ (въ задумчивости).

Деньги—палки, палки—деньги: какъ-будто вижу и то и другое. Чортъ знаетъ, какъ быть: и надежда манитъ и страхъ беретъ.

Даша.

Семенъ, что ты за горячку несешь?

Семенъ.

Славно! божественно! прекрасно! Даша! жизнь моя!...

Даша.

Семенъ! Семенъ! съ ума ты сошелъ?

Семенъ.

Послушай, какъ скоро барышни воротятся...

Лиза (показываясь).

Даша! Даша! господа идутъ, ужъ на крыльцѣ... (Уходитъ).

Даша.

Сбѣги по этой лѣстницѣ.

Семенъ.

Прости, сокровище! прости, жизненокъ! прости, ангелъ! ты будешь моя! Жди меня черезъ пять минутъ. (Убѣгаетъ).

Даша.

Ну, право, онъ въ умѣ помѣшался. (Садится за шитье).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Ѳекла, Лукерья, Даша и Няня Василиса, которая становитъ стулъ и, на немъ сидя, вяжетъ чулокъ, вслушиваясь въ разговоры барышень.

Ѳекла.

Да отвяжешься ли ты отъ насъ, няня Василиса?

Лукерья.

Няня Василиса, да провались ты сквозь землю!

Василиса.

Съ нами Богъ! матушки. Вѣдь я господскую волю исполняю. Да и вы, кра-

савицы мои, барышни, что вамъ за прибыль батюшку гнѣвить? Неужли у васъ язычекъ болитъ говорить по-русски?

Лукерья.

Это несносно! сестрица, я выхожу изъ терпѣнія.

Ѳекла.

Мучительно! убійственно! Оторвать насъ отъ всего, что есть милаго, любезнаго, занимательнаго, и завезти въ деревню, въ пустыню...

Лукерья.

Будто мы на то воспитаны, чтобъ знать, какъ хлѣбъ сѣютъ.

Даша (особо).

Не бось для того, чтобъ знать, какъ его ѣдятъ.

Лукерья.

Что ты бормочешь, Даша?

Даша.

Не угодно ль вамъ взглянуть на платье?

Ѳекла (подходя).

Сестрица миленькая, не правда ли, что оно будетъ очень хорошо?

Лукерья.

И, мой ангелъ! будто оно можетъ быть сносно!... Мы ужъ три мѣсяца какъ изъ Москвы, а тамъ еще при насъ понемножку стали грудь и спину открывать.

Ѳекла.

Ахъ, это правда! Ну вотъ, есть ли способъ намъ здѣсь по-людски одѣться? Въ три мѣсяца, Богъ знаетъ, какъ низко выкройка спустилась. Нѣтъ, нѣтъ, Даша, поди, кинь это платье. Я до Москвы ничего дѣлать себѣ не намѣрена.

Даша (уходя, особо).

Я приберу его для себя въ приданое.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Ѳекла, Лукерья и няня Василиса.

Лукерья.

Eh bien, ma soeur...

Василиса.

Матушка Лукерья Ивановна, изволъте говорить по-русски: батюшка гнѣваться будетъ.

Лукерья.

Чтобъ тебѣ оглохнуть, няня Василиса!

Ѳекла.

Я думаю, право, если бъ мы попались въ полонъ къ Туркамъ, и тѣ съ нами бъ поступали вѣжливѣе батюшки, и они бы не стали столько принуждать насъ русскому языку.

Лукерья.

Прекрасно, божественно! съ нашимъ вкусомъ, съ нашими дарованіями—зарыть насъ живыхъ въ деревнѣ! Нѣтъ, да на что жъ мы тамъ воспитаны? къ чему потрачено это время и деньги? Боже мой! когда вообразишь теперь молодую дѣвушку въ городѣ — какая райская жизнь! По утру, едва успѣешь сдѣлать первый туалетъ, явятся учители: танцовательный, рисовальный, гитарный, клавикордный; отъ нихъ тотчасъ узнаешь тысячу прелестныхъ вещей: тутъ любовное похожденіе, тамъ отъ мужа жена ушла; тѣ разводятся, другіе мирятся; тамъ свадьба навертывается, другую свадьбу разстроили; тотъ волочится за той, другая за тѣмъ; ну, словомъ: ничто не ускользнетъ, даже до того, что знаешь, кто себѣ фальшивый зубъ вставитъ; и не увидишь, какъ время пройдетъ. Потомъ пустишься по моднымъ лавкамъ: тамъ встрѣтишься со всѣмъ, что только есть лучшаго и любезнаго въ цѣломъ городѣ; подмѣтишь тысячу свиданій; на недѣлю будетъ, что разсказывать; потомъ ѣдешь обѣдать и за столомъ съ подругами цѣнишь бабушекъ и тетушекъ; послѣ домой—и снова займешься туалетомъ, чтобъ ѣхать куда-нибудь на балъ или въ собраніе, гдѣ одного мучишь жестокостью, другому жизнь даешь улыбкою, третьяго съ ума сводишь равнодушіемъ; для забавы, давишь ста-

рушкамъ ноги и толкаешь подъ бока; а онѣ-то морщатся, онѣ-то ворчатъ... ну, умереть надо со смѣху! (*Хохочетъ*). Танцуешь какъ полуумная; и когда случится въ первой парѣ, то забавляешься досадою дѣвушекъ, которымъ иначе не удается танцовать, какъ въ хвостѣ; словомъ, не успѣешь опомниться, какъ ужъ разсвѣтаетъ, и ты, полумертвая, ѣдешь домой. А здѣсь, въ деревнѣ, въ степи, въ глуши.... ахъ! я такъ зла, что задыхаюсь отъ бѣшенства; такъ зла, такъ зла, что... ah! si jamais je suis....

Василиса.

Матушка Лукерья Ивановна, извольте гнѣваться по-русски!

Лукерья.

Да исчезнешь ли ты отъ насъ, старая колдунья?

Ѳекла.

Не убійственно ли это, миленькая сестрица? не видать здѣсь ни одного человѣческаго лица, кромѣ русскаго, не слышать человѣческаго голоса, кромѣ русскаго?... Ахъ, я бы истерзалась, я бы умерла съ тоски, еслибъ не утѣшалъ меня Жако, нашъ попугай, котораго одного во всемъ домѣ слушаю я съ удовольствіемъ. Милый попенька! какъ чисто говоритъ онъ мнѣ всякій разъ: Vous êtes une sotte. А няня Василиса тутъ, какъ тутъ, такъ-что и ему слова по-французски сказать я не могу. Ахъ, если бы ты чувствовала всю мою печаль! Ah! ma chère amie!

Василиса.

Матушка Ѳекла Ивановна, извольте печалиться по-русски; ну, право, батюшка гнѣваться будетъ.

Ѳекла.

Надоѣла, няня Василиса!

Василиса.

Ахъ, мои золотыя! ахъ, мои жемчужныя! злодѣйка ли я? У меня у самой, на васъ глядя, сердце надорвалось; да какъ же быть?—воля барская! Вѣдь вы знаете, каково прогнѣвить батюшку. Да неужели, мои красавицы, по-французскому-то говорить слаще? Кабы я не боялась барина, такъ послушала бы васъ, чтой-то за нарѣчье.

Ѳекла.

Ты не повѣришь, няня Василиса, какъ говорится все на немъ чувствительно, ловко и умно.

Василиса.

Кабы да не страхъ обуялъ, право бы послушала, какъ имъ говорятъ.

Ѳекла.

Ну да вѣдь ты слышала, какъ говоритъ нашъ попугай Жако?

Василиса.

Охъ вы, мои затѣйщицы! А ужъ какъ онъ, окаянный, рѣчисто выговариваетъ— только я ничего-то не понимаю.

Ѳекла.

Вообрази жъ, миленькая няня, что мы въ Москвѣ, когда съѣзжаемся, то говоримъ точно, какъ Жако.

Василиса.

Такое дѣло, мои красавицы! Ученье свѣтъ, а неученье тма. Да вотъ погодите, дождетесь своей вольки, какъ выйдете за-мужъ.

Лукерья.

За кого? за здѣшнихъ жениховъ? сохрани Богъ! мы ужъ ихъ дюжины отбоярили добрымъ порядкомъ; да и съ Хопровымъ и съ Таниным, которыхъ теперь намъ батюшка прочитъ, не лучше поступимъ. Куда онъ забавенъ, если думаетъ, что здѣсь кто-нибудь можетъ быть на нашъ вкусъ.

Д. ПОСЛАНІЕ О ПОЛЬЗѢ СТРАСТЕЙ.
(1808). (12).

Почто, мой другъ, кричишь ты такъ
на страсти
И ставишь ихъ виной всѣхъ нашихъ золъ?
Повѣрь, что намъ не сдѣлаютъ напасти
Любовь, вино, гульба и вкусный столъ,

Пусть мудрецы, нахмуря смуры брови,
Журятъ весь міръ, кладутъ посты на всѣхъ,
Бранятъ вино, улыбку ставятъ въ грѣхъ
И бунтъ хотятъ поднять противъ любови.
Они страстей не знаютъ всей цѣны;
Они вещамъ дать силы не умѣютъ:
Хотя кричатъ, что вещи всѣ равны,
Но воду пьютъ, а пива пить не смѣютъ.
По ихъ словамъ, полезенъ умъ одинъ;
Противъ него всѣ вещи въ мірѣ низки:
Онъ долженъ быть нашъ полный властелинъ;
Ему лишь въ честь вѣнцы и обелиски.
Онъ кажетъ намъ премудрые пути
На камнѣ спать, не морщась пить изъ лужи,
Не прѣть въ жары, не мерзнуть вѣкъ отъ стужи—
Ну, словомъ, быть безплотнымъ во плоти,
И, презря міръ, разставшись съ заблужденьемъ,
Питать себя единымъ разсужденьемъ.
Но что въ умѣ на свѣтѣ безъ страстей?
Природа здѣсь для насъ, ея гостей,
Въ садахъ своихъ столъ пышный, вкусный ставитъ,
Для насъ въ землѣ сребро и злато плавитъ;
А мудрость намъ, нахмуря бровь, поетъ,
Что здѣсь во всемъ для нашихъ душъ отрава,
Что наши всѣ лишь въ томъ здѣсь только права,
Чтобъ намъ на все смотрѣть, разинувъ ротъ.
На что жъ такъ міръ богатъ и разновиденъ?
На что во всемъ щедра природа къ намъ?
Ужель на то, чтобъ дѣлать только вредъ?
Ей судъ такой и скученъ и обиденъ.
Повѣрь, мой другъ, весь этотъ мудрый шумъ
Между людей съ досады сдѣлалъ умъ.
И если бъ мы дались ему на волю,
Терпѣли бы съ звѣрями равну долю:
Не смѣли бы возвесть на небо взоръ,
Питались бы кореньями сырыми,
Ходили бы нагими и босыми
И жили бы внутри глубокихъ норъ.

Какія мы ни видимъ перемѣны
Въ художествахъ, въ наукахъ, въ ремеслахъ—
Всему виной корысть, любовь, иль страхъ,
А не запачканны, безстрастны Діогены.
На что бы намъ огромныя палаты,
Плоды, вино и ткани дальнихъ странъ,
Коль были бы, мой другъ, мы всѣ Сократы?
Начто бы плыть за грозный океанъ,
Торговлею соединять народы?
А если бы не плыть намъ черезъ воды,
Съ Ураніей на что бъ знакомство намъ?
Къ чему бы намъ служили всѣ науки?(13).

А все-таки золотятъ этотъ вѣкъ,
Когда труды природы даромъ брали,
Когда ея вещамъ цѣны не знали,
Когда, какъ скотъ, такъ пасся человѣкъ.
Повѣрь же мнѣ, повѣрь, мой другъ любезный,
Что нашъ златой, а тотъ былъ вѣкъ желѣзный,
И что тогда лишь люди стали жить,
Когда сталъ умъ страстямъ людей служить.
Тогда пути небесны намъ открылись,
Художества, науки воцарились;
Тогда корысть пустилась за моря—
И въ ней весь міръ избралъ себѣ царя.
Тщеславіе родило Александровъ,
Орфеевъ—страхъ, надменіе — Менандровъ.
Среди морей явились корабли,
Среди полей богатыри Полканы;
Тамъ башни вдругъ, какъ будто великаны,
Встряхнулися и встали изъ земли,
Чтобъ вдаль блистать верхами золотыми.
Разсталися съ звѣрями люди злыми,

И нужды, въ нихъ роями разродясь,
Со прихотьми умножили ихъ связь.
Солдату сталъ во брани нуженъ Кесарь,
Больному врачъ, скупому добрый слесарь.
Для Греціи потребенъ сталъ Эзопъ(14).
Художества связали крѣпче міръ:
Для щегольства намъ нуженъ казимиръ,
Голландское бѣлье для прочной носки.
Въ Америкѣ трудится бездна рукъ,
Изъ тростника даря пріятны соки,
И сахаромъ въ Европу шлетъ оброки,
Чтобъ нашихъ баръ умножить пухлый тукъ.
Я вкругъ себя зрю сокращенье свѣта:
Тамъ вижу вкусъ французскаго корнета,
Тамъ англійской кареты слышу стукъ.
Все сблизилось и все въ связи со мной,
Все движется и все живетъ мѣной,
Въ которой намъ указчикъ первый—страсти.
Куда взгляну—торговлю вижу я;
Дальнѣйшіе знакомятся края:
Знакомщикъ ихъ — причуды, роскошь, сласти.

Взгляни важнѣй (оставимъ шутки мы):
Великіе и сильные умы
Выходятъ вдругъ, плѣняся страстью славы
Иль удивить, или плѣнить весь міръ.
Тамъ съ музами божественный Омиръ;
Горацій тамъ для шутокъ и забавы;
Тамъ Апеллесъ вливаетъ душу въ холстъ;
Тамъ Пракситель одушевляетъ камень,
Который былъ великъ и грубъ и толстъ—
А онъ въ него вливаетъ жизни пламень.
Чтобъ пріобрѣсть вниманіе людей,
На трехъ струнахъ поетъ боговъ Орфей,
А Діогенъ нагой садится въ кадку.
И мудрецы имѣютъ ту жъ повадку;
Хоть сладко пѣлъ на лирѣ Амфіонъ,
Но страсть его была—давать законъ.
Изъ платы здѣсь трудятся грязны руки,
Изъ платы жъ здѣсь трудятся и науки.
У мудрецовъ возьми лишь славу прочь,
Скажи, что ихъ покроетъ вѣчна ночь—
Замолкнутъ вдругъ Платоны, Аристоты
И въ школахъ вмигъ затворятся вороты.
Но страсти имъ движеніе даютъ:
Держась за нихъ, въ храмъ славы всѣ идутъ;
Держась за нихъ, людей нерѣдко мучатъ;
Держась за нихъ, добру ихъ много учатъ.
Чтобъ заключить въ короткихъ мнѣ словахъ,
Вотъ что, мой другъ, скажу я о страстяхъ:
Онѣ ведутъ—науки къ совершенству,
Глупца ко злу, философа къ блаженству.
Хорошъ сей міръ, хорошъ; но безъ страстей
Онъ кораблю бъ былъ равенъ безъ снастей.

Е. Басни. (15)

а) Дубъ и Трость (1806). (16).

Съ Тростинкой Дубъ однажды въ рѣчь вошелъ.
— «По истинѣ, роптать ты въ правѣ на природу»,
Сказалъ онъ: «воробей, и тотъ тебѣ тяжелъ.
Чуть легкій вѣтерокъ подернетъ рябью воду,
Ты зашатаешься, начнешь слабѣть
И такъ нагнешься сиротливо,
Что жалко на тебя смотрѣть.
Межъ-тѣмъ какъ, наравнѣ съ Кавказомъ, горделиво,
Не только солнца я препятствую лучамъ,
Но, посмѣваяся и вихрямъ, и грозамъ,
Стою я твердъ и прямъ,
Какъ будто бъ огражденъ ненарушимымъ миромъ:
Тебѣ все бурей—мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Густою тѣнію вѣтвей моихъ покрытой,—
Отъ непогодъ бы я быть могъ тебѣ защитой;
Но вамъ въ удѣлъ природа отвела

Брега бурливаго Эолова владѣнья:
Конечно, нѣтъ совсѣмъ у ней о васъ радѣнья».
— «Ты очень жалостливъ», сказала Трость въ отвѣтъ;
«Однако не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь;
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь:
Такъ бури мало мнѣ вредятъ;
Едва ль не болѣе тебѣ онѣ грозятъ!
То правда, что еще доселѣ ихъ свирѣпость
Твою не одолѣла крѣпость,
И отъ ударовъ ихъ ты не склонялъ лица;
Но—подождемъ конца!»
Едва-лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ
И съ градомъ, и съ дождемъ шумящій аквилонъ.
Дубъ держится,—къ землѣ Тростиночка припала.
Бушуетъ вѣтръ, удвоилъ силы онъ,
Взревѣлъ и вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

б) Разборчивая Невѣста (1806). (17)

Невѣста-дѣвушка смышляла жениха—
Тутъ нѣтъ еще грѣха,
Да вотъ что грѣхъ: она была спесива.
Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ,
И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ
(Красавица была немножко прихотлива):
Ну, чтобы все имѣлъ—кто можетъ все имѣть?
Еще и то замѣть,
Чтобы любить ее, а ревновать не смѣть.
Хоть чудно, только такъ была она счастлива,
Что женихи, какъ на отборъ,
Презнатные катили къ ней на дворъ.
Но въ выборѣ ея и вкусъ и мысли тонки:
Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ;
А ей они на взглядъ
Не женихи, а женишонки!
Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ женихов?
Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ;
А тотъ бы и въ чинахъ, да жаль—карманы пусты;
То носъ широкъ, то брови густы;
Тутъ этакъ, тамъ не такъ;
Ну, не придетъ никто по мысли ей никакъ.
Посмолкли женихи, годка два перепали;
Другіе новыхъ свахъ заслали:
Да только женихи середней ужъ руки.
«Какіе простаки!»
Твердитъ красавица: «по нихъ ли я невѣста?
Ну, право, ихъ затѣи не у мѣста!
И не такихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойду ль я за кого изъ этихъ чудаковъ?
Какъ-будто бъ я себя замужствомъ торопила;
Мнѣ жизнь дѣвическа ничуть не тяжела:
День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;
Такъ замужъ кинуться ничуть мнѣ не пристойно».
Толпа и эта уплыла.
Потомъ, отказы слыша тѣ же,
Ужъ стали женихи навертываться рѣже.
Проходитъ годъ,
Никто нейдетъ;
Еще минулъ годокъ, еще уплылъ годъ цѣлой:
Къ ней свахъ никто не шлетъ.
Вотъ наша дѣвушка ужъ стала дѣвой зрѣлой.
Зачнетъ считать своихъ подругъ
(А ей считать большой досугъ):
Та замужемъ давно, другую сговорили:
Ее какъ-будто позабыли:

Закралась грусть въ красавицыну грудь.
смотришь: зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что-нибудь
прелестей ея лихое время крало.
ва румянца нѣтъ, тамъ живости въ глазахъ;
ьны ямочки пропали на щекахъ;
лость, рѣзвости какъ-будто ускользнули;
ъ волоска два-три сѣдые проглянули:
Бѣда со всѣхъ сторонъ!
Бывало, безъ нея собранье не прелестно;
Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно:
А нынѣ, ахъ! ее зовутъ ужъ на бостонъ!
Вотъ тутъ спѣсивица перемѣняетъ тонъ.
Разсудокъ ей велитъ замужествомъ торопиться:
Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мужчинъ дѣвица ни глядитъ,
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ.
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку,
Красавица, пока совсѣмъ не отцвѣла,
За перваго, кто къ ней присватался, пошла:
И рада, рада ужъ была,
Что вышла за калѣку.

в) Старикъ и трое молодыхъ (1806). (18).

Старикъ садить сбирался деревцо.
«Ужъ пусть бы строиться; да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда ужъ смотришь вонъ изъ свѣта»!
Такъ, Старику смѣясь въ лицо,
Три взрослыхъ юноши сосѣднихъ разсуждали.
«Чтобъ плодъ тебѣ твои труды желанный дали,
То надобно, чтобъ ты два вѣка жилъ.
Неужли будешь ты второй Маѳусаилъ?
Оставь, старинушка, свои работы:
Тебѣ ли затѣвать толь дальніе расчеты?
Едва-ли для тебя текущій вѣренъ часъ;
Такіе замыслы простительны для насъ:
Мы молоды, цвѣтемъ и крѣпостью и силой,
А старику пора знакомиться съ могилой.
—«Друзья!» смиренно имъ отвѣтствуетъ Старикъ:
«Издѣтства я къ трудамъ привыкъ;
А если отъ того, что дѣлать начинаю,
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю,
То признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣе берусь.
Кто добръ, не все лишь для себя трудится.
Сажая деревцо, и тѣмъ я веселюсь,
Что если отъ него самъ тѣни не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда сей тѣнью насладится,
И это для меня ужъ плодъ.
Да можно ль и за то ручаться напередъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ?
Смерть смотритъ ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лицъ?
Ахъ, въ старости моей прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей я провожалъ въ могилу!
Кто знаетъ: можетъ быть, что вашъ и ближе часъ,
И что сыра земля покроетъ прежде васъ.»
Какъ имъ сказалъ Старикъ, такъ послѣ то и было.
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ;
Надеждой счастіе сперва ему польстило,
Но бурею корабль разбило:
Надежду и пловца—все море поглотило.
Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока власти,
За роскошь, нѣгу, и за страсти

Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ.

А третій въ жаркій день холоднаго испилъ

И слегъ: его врачамъ искуснымъ поручили,

А тѣ его до-смерти залечили.

Узнавши о кончинѣ ихъ,

Нашъ добрый Старичекъ оплакалъ всѣхъ троихъ.

г) Лягушка и Волъ (*1808*). (19).

Лягушка, на лугу увидѣвши Вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться—
Она завистлива была—
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
—«Смотри-ка, квакушка, что̀, буду ль я съ него?»
Подругѣ говоритъ.—«Нѣтъ, кумушка, далеко!»
«Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко....
Ну, каково?
Пополнилась ли я?»—«Почти-что ничего».
— «Ну, какъ теперь?»—«Все тожъ».
Пыхтѣла, да пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что, не сравнявшися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ:
И диво ли, когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ.

д) Слонъ и Моська (*1808*). (20).

По улицамъ слона водили,
Какъ видно, на-показъ—
Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ,
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться,
Ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ.
«Сосѣдка, перестань срамиться»,
Ей шавка говоритъ: «тебѣ ль съ Слономъ возиться?
Смотри, ужъ ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ».
— «Эхъ, эхъ»! ей Моська отвѣчаетъ:
«Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я, совсѣмъ безъ драки,
Могу попасть въ большіе забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
«Ай, Моська! знать, она сильна,
Что лаетъ на Слона!»

е) Квартетъ (*1811*). (21).

Проказница-Мартышка,
Оселъ,
Козелъ
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть Квартетъ.
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрипки,
И сѣли на лужокъ подъ липки
Плѣнять своимъ искусствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ.
«Стой, братцы, стой!» кричитъ Мартышка: «погодите!
Какъ музыкѣ идти? вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я прямо сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужъ музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы!»
Разсѣлись, начали Квартетъ;
Онъ все-таки на ладъ нейдетъ.
—«Постойте-жъ, я сыскалъ секретъ»,
Кричитъ Оселъ: «мы вѣрно ужъ поладимъ,

Коль рядомъ сядемъ».
Послушались Осла: усѣлись чинно въ рядъ,
А все таки Квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ, пуще прежняго, пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.
Тутъ съ просьбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье:
«Пожалуй, говорятъ, «возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы Квартетъ въ порядокъ нашъ привесть.
И ноты есть у насъ, и инструменты есть;
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть!»—
—«Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ понѣжнѣй»,
Имъ отвѣчаетъ Соловей:
А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь.»

ж) Листы и Корни (1811). (22).

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что бъ было въ немъ безъ насъ? Ну право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаетесь съ нами.»
— «Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ,»
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
«Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно (23)?
Вы кто такіе тамъ,
Что дерзко такъ считаться съ нами стали?»
Листы, по дереву шумя, залепетали
— «Мы тѣ,
Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ!
Да только помните ту разницу межъ насъ,
Что съ новою весной листъ новый народится.
А если корень изсушится,—
Не станетъ дерева, ни васъ.»

з) Ворона и Курица (1812). (24).

Когда Смоленскій Князь,
Противу дерзости искуствомъ вооружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ,
И на погибель имъ Москву оставилъ:
Тогда всѣ жители, и малый, и большой,
Часа не тратя, собралися,
И вонъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиный рой.
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ.
—«А ты что жъ, кумушка, въ дорогу?»
Ей съ возу Курица кричитъ:
«Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ.»
— «Мнѣ что до этого за дѣло?»
Вѣщунья ей въ отвѣтъ: «я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ, ваши сестры какъ хотятъ;

А вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ ([25]):
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А, можетъ быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ-нибудь.
Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
Ворона подлинно осталась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей—
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ и глупъ.
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься:
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься—
Попался какъ ворона въ супъ!

и) Любопытный (1814). ([26]).

«Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ?»
—«Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа таровата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки».
— «А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ?
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?»
— «Да развѣ тамъ онъ?»—«Тамъ».—
«Ну, братецъ, виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ».

і) Лжецъ (1815). ([27]).

Изъ дальнихъ странствій возвратясь,
Какой-то дворянинъ (а можетъ-быть и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Расхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
«Нѣтъ,» говоритъ: «что я видалъ,
Того ужъ не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчъ совсѣмъ не надо,
Не знаешь вѣкъ: что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ:
А если бъ посмотрѣлъ, что тамъ растетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору!
Повѣришь ли? ну, право, былъ онъ съ гору».
— «Что за диковина!» пріятель отвѣчалъ:
«На свѣтѣ чудеса разсѣяны повсюду;
Да не вездѣ ихъ всякій примѣчалъ.
Мы сами, вотъ, теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ,
И я въ томъ спорить буду.
Вонъ, видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ? Онъ съ виду хоть и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ:
До половины не дойдетъ—
Провалится, и въ воду упадетъ;

Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ карет̂ѣ».
—«А какова у васъ рѣка?»
—«Да не мелка.
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть Римскій огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ:
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ о немъ?
—«Гора хоть не гора, но, право, будетъ съ домъ.»
—«Повѣрить трудно!
Однако жъ какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца никакъ не подымаетъ;
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста, да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо.»
—«Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть:
Не думай, что вездѣ по-нашему хоромы:
Что тамъ за домы!
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать, ни сѣсть!»
—«Пусть такъ, но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однако жъ мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду!
Хоть Римскій твой и чуденъ огурецъ...»
—«Послушай-ка, тутъ перервалъ мой Лжецъ:
«Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду.»—

к) Кукушка и Горлинка (1816). [28].

Кукушка на суку печально куковала.
«Что, кумушка, ты такъ грустна?»
Ей съ вѣтки ласково Голубка ворковала:
«Или о томъ, что миновала
У насъ весна [29],
И съ ней любовь, спустилось солнце ниже,
И что къ зимѣ мы стали ближе?»
— «Какъ, бѣдной, мнѣ не горевать?»
Кукушка говоритъ «будь ты сама судьею:
Любила счастливо я нынѣшней весною
И, наконецъ, я стала мать;
Но дѣти не хотятъ совсѣмъ меня и знать.
Такой ли чаяла отъ нихъ я платы!
И не завидно ли, когда я погляжу,
Какъ увиваются вкругъ матери утяты,
Какъ сыплютъ къ курицѣ дождемъ по зву цыпляты:
А я, какъ сирота, однимъ-одна сижу,
И что есть дѣтская привѣтливость, не знаю».
—«Бѣдняжка! о тебѣ сердечно я страдаю;
Меня бы нелюбовь дѣтей могла убить,
Хотя примѣръ такой не рѣдокъ;
Скажи жъ—такъ, стало, ты ужъ вывела и дѣтокъ?
Когда же ты гнѣздо успѣла свить [30]?
Я этого и не видала:
Ты все порхала, да летала».
— «Вотъ вздоръ, чтобъ столько красныхъ дней
Въ гнѣздѣ я, сидя, растеряла;
Ужъ это было бы всего глупѣй!
Я яица всегда въ чужія гнѣзды клала».
— «Какой же хочешь ты и ласки отъ дѣтей?»
Ей Горлинка на то сказала.

Отцы и матери! вамъ басни сей урокъ.
Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И нелюбовь—всегда порокъ.
Но если выросли они въ разлукѣ съ вами,
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ:
Не вы ли виноваты сами,

Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ?

л) Ворона (1825). (31).

Когда не хочешь быть смѣшонъ,
Держися званія, въ которомъ ты рожденъ.
Простолюдинъ со знатью не роднися;
И если карлой сотворенъ,
То въ великаны не тянися,
А помни свой ты чаще ростъ.

Утыкавши себѣ павлиньимъ перьемъ хвостъ (32),
Ворона съ Павами пошла гулять спѣсиво
И думаетъ, что на нее
Родня и прежніе пріятели ея
Всѣ заглядятся, какъ на диво;
Что Павамъ всѣмъ она сестра
И что пришла ея пора
Быть украшеніемъ Юнонина двора.
Какой же вышелъ плодъ ея высокомѣрья?
Что Павами она ощипана кругомъ,
И что, бѣжавъ отъ нихъ, едва не кувыркомъ,
Не говоря ужъ о чужомъ,
На ней и своего осталось мало перья.
Она-было назадъ къ своимъ, но тѣ совсѣмъ
Заклеванной Вороны не узнали,
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ея затѣи тѣмъ,
Что отъ Воронъ она отстала,
А къ Павамъ не пристала.

Я эту басенку вамъ былью поясню.
Матренѣ, дочери купецкой, мысль припала,
Чтобъ въ знатную войти родню.
Приданаго за ней полмилліона.
Вотъ выдали Матрену за барона.
Что жъ вышло? Новая родня ей колетъ глазъ
Попрекомъ, что она мѣщанкой родилась,
А старая за то, что къ знатнымъ приплелась:
И сдѣлалась моя Матрена
Ни Пава, ни Ворона.

м) Пушки и Паруса (1828). (33).

На кораблѣ у Пушекъ съ Парусами
Возстала страшная вражда.
Вотъ Пушки, выставясь изъ портовъ вонъ носами,
Роптали такъ предъ небесами:
«О боги! видано ль когда,
Чтобы ничтожное холстинное творенье
Равняться въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье?
Что дѣлаютъ они во весь нашъ трудный путь?
Лишь-только вѣтеръ станетъ дуть,
Они, надувъ спѣсиво грудь,
Какъ-будто важнаго какого сану,
Несутся гоголемъ по океану,
И только чванятся; а мы — громимъ въ бояхъ!
Не нами ль царствуетъ корабль нашъ на моряхъ?
Не мы ль несемъ съ собой повсюду смерть и страхъ?
Нѣтъ, не хотимъ жить болѣ съ Парусами:
Со всѣми мы безъ нихъ управимся и сами;
Лети же, помоги, могущій намъ Борей,
И изорви въ клочки ихъ поскорѣй!»
Борей послушался — летитъ, дохнулъ и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса;
Валы вздымаются и рушатся какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей реветъ и рветъ въ лоскутья паруса.
Не стало ихъ, утихла непогода;
Но что жъ? Корабль безъ парусовъ
Игрушкой сталъ и вѣтровъ и валовъ,
И носится онъ въ морѣ, какъ колода;
А въ первой встрѣчѣ со врагомъ,
Который вдоль его всѣмъ бортомъ страшно грянулъ,
Корабль мой, недвижимъ, сталъ скоро рѣшетомъ,
И съ пушками, какъ ключъ, онъ ко дну канулъ.

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней всѣ премудро части:
Оружіемъ — врагамъ она грозна,
А паруса—гражданскія въ ней власти [34].

н) Бритвы (1828). [35].

Съ знакомцемъ съѣхавшись однажды я въ дорогѣ,
Съ нимъ вмѣстѣ на одномъ ночлегѣ ночевалъ.
Поутру, чуть лишь я глаза продралъ,
И что же узнаю?—Пріятель мой въ тревогѣ:
Вчера заснули мы межъ шутокъ, безъ заботъ;
Теперь я слушаю — пріятель сталъ не тотъ [36]:
То вскрикнетъ онъ, то охнетъ, то вздохнетъ.
«Что сдѣлалось съ тобой, мой милый!... Я надѣюсь,
Не боленъ ты».—«Охъ, ничего: я брѣюсь».
«Какъ! только?» Тутъ я всталъ—гляжу: проказникъ мой
У зеркала сквозь слезъ такъ кисло морщитъ рожу,
Какъ-будто бы съ него содрать сбирались кожу.
Узнавши наконецъ вину бѣды такой,
«Что́ дива?» я сказалъ: «ты самъ себя тиранишь.
Пожалуй, посмотри:
Вѣдь у тебя не Бритвы, косари;
Не бриться — мучиться ты только съ ними станешь».
— «Охъ, братецъ, признаюсь,
Что Бритвы очень тупы!
Какъ этого не знать? Вѣдь мы не такъ ужъ глупы,
Да острыми-то я порѣзаться боюсь.»
«А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю,
Что Бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обрѣешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею».

Вамъ пояснить разсказъ мой я готовъ:
Не такъ ли многіе, хоть стыдно имъ признаться,
Съ умомъ людей — боятся,
И терпятъ при себѣ охотнѣй дураковъ?

о) Вельможа (1835). [37].

Какой-то, въ древности, Вельможа
Съ богато-убраннаго ложа
Отправился въ страну, гдѣ царствуетъ Плутонъ.
Сказать простѣе: умеръ онъ;
И, такъ, какъ встарь велось, въ аду на судъ явился.
Тотчасъ допросъ ему: «Чѣмъ былъ ты? гдѣ родился?»
«Родился въ Персіи, а чиномъ былъ сатрапъ;
Но такъ-какъ, живучи, я былъ здоровьемъ слабъ,
То самъ я областью не правилъ,
А всѣ дѣла секретарю оставилъ».
— «Что жъ дѣлалъ ты?»—«Пилъ, ѣлъ и спалъ,
Да все подписывалъ, что́ онъ ни подавалъ».
— «Скорѣй же въ рай его!»—«Какъ! гдѣ же справедливость?»
Меркурій тутъ вскричалъ, забывши всю учтивость.
— «Эхъ, братецъ!» отвѣчалъ Эакъ:
«Не знаешь дѣла ты никакъ.
Не видишь развѣ ты? Покойникъ—былъ дуракъ!
Что, если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью?
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край!...
И ты бъ тамъ слезъ не обобрался!
Затѣмъ-то и попалъ онъ въ рай,
Что за дѣла не принимался».

Вчера я былъ въ судѣ и видѣлъ тамъ судью:
Ну, такъ и кажется, что быть ему въ раю!

⁴) Сочиненія Крылова, Ивана Андреевича (1768—1844):

Кофейница, опера (сочинена на 15-мъ году, слѣд. въ 1783, и нигдѣ не напечатана).

Клеопатра, траг. (1784 г.), также не напечатанная.

Филомела, траг. въ 5 д., въ стихахъ (1786). Нап. въ Рос. Ѳеатрѣ и въ Полн. собр. соч.

Бѣшеная семья, ком. оп. въ 3 д. (1793). Ib.

Проказники, ком. въ 5 д. (1793). Ib.

Сочинитель въ прихожей, ком. въ 3 д. (1794). Ib.

Трумфъ, траг. въ 2 д., въ стихахъ, шутка—каррикатура (соч. 1801 или 1802 г., нап. въ Берлинѣ 1859).

Модная Лавка, ком. въ 3 д. (1807; 2-ое изд.—1816).

Урокъ дочкамъ, ком. въ 1 д. (1807; 2-ое изд.—1816).

Илья богатырь, волшебная оп. въ 4 д. (1807).

Басни (см. прим. 15).

Полное собраніе сочиненій Крылова имѣло два изданія, каждое въ 3 ч: первое—1847, второе—1859. Содержаніе 1-ой ч.: Жизнь и сочиненія И. А. Крылова (ст. П. А. Плетнева); статьи извлеченныя изъ журналовъ: Почта духовъ (1789), Зритель (1792) и Спб. Меркурій (1793). Во 2-ой ч. помѣщены стихотворенія, напечатанныя въ разныхъ изданіяхъ при жизни автора; стихотворенія, найденныя по кончинѣ автора въ рукописи и нигдѣ не напечатанныя; басни, по изданію 1843 г. Третья часть содержитъ въ себѣ драматическія сочиненія.

⁵) «Почта духовъ, ежемѣсячное изданіе, или ученая, нравственная и критическая переписка арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными духами. 2 ч. Спб. 1789.» Второе изданіе вышло въ 4 ч. (Спб. 1802). Письма, сочиненныя Крыловымъ, перепечатаны въ Полномъ собраніи его сочиненій. Товарищемъ его по изданію былъ Рахмановъ, человѣкъ остроумный, откровеннаго и веселаго нрава. Въ первой книжкѣ Почты духовъ помѣщено «извѣстіе», которое знакомитъ съ содержаніемъ и цѣлью сатирическаго журнала:

«Секретарь недавно пріѣхавшаго сюда арабскаго волшебника Маликульмулька, имѣющаго великое отвращеніе къ бѣшенымъ домамъ и расположившагося нѣсколько времени прожить здѣсь инкогнито, симъ объявляетъ, что онъ по намѣренію и обѣщанію своему началъ выдавать переписку сего знатнаго въ своемъ родѣ господина съ водяными, воздушными и подземными духами. Изданіе сіе будетъ очень любопытно для тѣхъ кои не путешествовали подъ водою, подъ землею и по воздуху. Онъ увѣряетъ, что сочинители сихъ писемъ всѣ духи очень знающіе и что самъ Маликульмулькъ человѣкъ пресамолюбивый, который всегда говоритъ хорошо только о себѣ, отзывается иногда объ нихъ не худо и сказываетъ, что будто многіе изъ нихъ очень добрые духи, но только иные не любятъ крючкотворцевъ, ростовщиковъ и лицемѣровъ, а иные не жалуютъ щегольства, волокитства и мотовства, и отъ того-де они никакъ не могутъ ужиться въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ свѣтѣ видимыми, почему ходятъ въ немъ невидимыми и бываютъ иногда такъ дерзки, что посѣщаютъ въ самые критическіе часы комнаты щеголихъ, присутствуютъ въ кабинетахъ вельможъ, снимаютъ очень безбожно маски съ лицемѣровъ, и выкрадываютъ иногда очень нахально и противъ всѣхъ правъ общежитія изъ записныхъ книжекъ любовныя письма, тайныя записки, стихи и пр., чѣмъ-де многія дѣлаютъ безпокойства въ любовныхъ интригахъ и плутовствахъ; а потому нѣтъ почти ни одной новопріѣзжей на тотъ свѣтъ тѣни, которая бы не подавала на нихъ челобитной Плутону или бы черезъ него не пересылала ихъ къ Нептуну, не могущихъ однакоже со всею своею властію унять сихъ шалуновъ. И такъ г. Маликульмулькъ бранитъ только сей ихъ поступокъ; однакожъ признается, что онъ симъ похищеніямъ и входамъ безъ докладу обязанъ многими весьма любопытными письмами, которыя отъ нихъ получаетъ и дѣлаетъ благосклонность прочитывать безъ остатку.

Слѣдующее за «извѣстіемъ» «вступленіе» описываетъ, какимъ образомъ издатель принялъ должность секретаря при особѣ Маликульмулька и получилъ отъ него письма духовъ съ правомъ предать ихъ тисненію. Обѣщаніе выдавать «Почту духовъ» ежемѣсячно по книжкѣ въ теченіи года не было однакожъ исполнено: журналъ остановился на августовской книжкѣ.

⁵) «Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ, говоренная его другомъ въ присутствіи его пріятелей за чашею пуншу». Напеч. въ сентябрской книжкѣ журнала: «Зритель, ежемѣсячное изданіе 1792 г. (Спб.)», издававшагося Крыловымъ и Клушинымъ. Въ Полн. собр. сочиненій Крылова, неизвѣстно почему, много отмѣнъ противъ Зрителя, хоть въ выноскѣ и сказано, что рѣчь перепечатана изъ этого журнала. «Введеніе» къ Зрителю объясняетъ въ краткихъ словахъ какъ названіе (данное, вѣроятно, въ подражаніе Аддисонову Зрителю), такъ и сатирическое его направленіе:

Пускай представятъ человѣка, который любопытнымъ взоромъ смотритъ на все и дѣ-

лаетъ свои примѣчанія: сей-то воображаемый зритель позволяетъ себѣ, выбравъ изъ самой природы, образовать разныя свойства по своему разсужденію, не дерзая ни мало касаться личности; подобно какъ живописецъ, желая написать на своей картинѣ различныя страсти, рисуетъ человѣка во всѣхъ правилахъ естества, но ничьего прямо лица не изображаетъ.

Право писателя—представлять порокъ во всей его гнусности, дабы всякъ получилъ къ нему отвращеніе, а добродѣтель во всей ея красотѣ, дабы плѣнить ею читателя: симъ правомъ вознамѣрился пользоваться Зритель.

Не подумаетъ ли кто, что здѣсь стиховъ не будетъ? Боже сохрани! безъ стиховъ ежемѣсячникъ, какъ пища безъ питья, или какъ чай безъ сахару. Угоститъ ли тотъ хозяинъ гостей, который представитъ имъ обѣдъ, хотя бы изобильный и превкусный, но безъ всякихъ напитковъ?.. безъ стиховъ нельзя.

Первая книжка журнала вышла въ февралѣ. Издатели открыли ее такими словами: «нынѣ высокосъ, февраль именинникъ; вотъ причина, для чего Зритель начинается съ февраля». Въ Зрителѣ помѣщены многія статьи Крылова въ прозѣ, преимущественно сатирическаго содержанія: «Ночи», «Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ», «Разсужденіе о дружествѣ», «Мысли философа по модѣ, или способъ казаться разумнымъ, не имѣя ни капли разума», «Каибъ, восточная повѣсть», и «Похвальная рѣчь моему дѣдушкѣ». Кромѣ того написалъ онъ оду: «Утро, подражаніе французскому» (представляющую нѣкоторое сходство съ піесой тогоже имени, Княжнина). Другой издатель Зрителя, Клушинъ, наполнялъ его также сатирами, которыя уступаютъ въ достоинствѣ сатирамъ Крылова, хотя и преслѣдуютъ одинъ и тотъ же предметъ—слѣпое пристрастіе ко всему французскому. Мнѣніе, что у насъ нѣтъ ничего собственнаго, что мы не что иное, какъ переимчивыя обезьяны, опровергается статьею Плавильщикова: «Нѣчто о врожденномъ свойствѣ душъ россійскихъ», которая столько же превозноситъ Рускихъ, сколько понижаетъ иностранцевъ, и на которую С. Глинка нѣсколько разъ ссылался въ Рус. Вѣст. «Письмо къ издателямъ изъ Орла» (сентябрская книжка) содержитъ въ себѣ очень большую критику на эту статью, выдумывающую небывалыя въ народѣ достоинства, на эти «панегирики, сплетенные изъ малыхъ мыслей и большихъ словъ». Авторъ Разсужденія о природномъ свойствѣ Россіянъ осуждалъ иностранный вкусъ на нашей сценѣ, осуждалъ драматическихъ писателей нашихъ, которые подражаютъ французскимъ трагикамъ и почерпаютъ сюжеты для своихъ піесъ не изъ отечественной исторіи, а изъ исторіи Грековъ, Римлянъ и другихъ народовъ. Письмо отвѣчаетъ ему:

«Я согласенъ, что Козьма Мининъ и князь Пожарскій могутъ со временемъ украсить россійскую Мельпомену; но не во гнѣвъ вамъ, милостивый государь, мнѣ также пріятно видѣть «тающую Дидону и бѣснующагося Ярба». Когда у насъ выдумаютъ басни, похожія на Гомерову Иліаду и Виргиліеву Энеиду, тогда будьте увѣрены, что чрезъ 2000 лѣтъ на театрахъ цѣлаго свѣта станутъ читать наши поэмы и представлять нашихъ героевъ въ трагедіяхъ. Вы равнодушно смотрите на императора Тита, потому что онъ миловалъ только Римлянъ, какъ будто добродѣтели, подобно людямъ, имѣютъ разныя отечества? Вы надѣетесь на лучшихъ героевъ въ нашей исторіи.... Желательно, чтобы во всѣхъ лѣтописяхъ міра пріискали вы такихъ дюжину для дополненія вашего щедраго списка....

Желаніе видѣть своихъ предковъ, подающихъ примѣры мужества, великодушія и пр., есть обще самолюбію всѣхъ народовъ, и оно имѣетъ свои похвальныя стороны. Но запрещать чужимъ героямъ нравиться на нашей сценѣ, когда мы еще не имѣемъ ни сочинителей трагическихъ, ни актеровъ, — такого самовластія нигдѣ не видано, кромѣ папской инквизиціи. Изъ милости позвольте намъ восхищаться сладкою нѣжностію Расина, мужественною высотою Корнелія и многоразличнымъ блескомъ Вольтера; и пока Козьма Мининъ не заставитъ насъ плакать, не запрещайте намъ ходить въ представленія Федры, Аѳаліи, Ифигеніи, Сида, Гораціевъ, Цинны, Магомета, Заиры, Кесаря, а иногда и Титова милосердія....

Вы меня мучите вопросами: «для чего не создать въ Россіи на театрѣ вкуса, приличнаго нашему свойству?» Я у васъ спрашиваю: для чего бы не построить домъ безъ работниковъ и безъ припасовъ? Вы сами признаетесь, что мы съ вами плохіе работники и что господа «зрители» печатаютъ насъ развѣ изъ одного снисхожденія или для пополненія листовъ своихъ. Припасовъ много, но и тѣ не всѣ годятся для составленія, по желанію вашему, россійскаго вкуса. Зрѣлище есть картина большаго свѣта, сельской жизни, или любопытныхъ приключеній древнихъ героевъ. Большой свѣтъ у насъ больше иностранный, нежели русскій; сельскіе жители наши коптятся въ дыму, и надобно быть страшнымъ охотникомъ до романовъ (*),

(*) Вы сами не прочь отъ романовъ, когда увѣряете насъ, какъ будто Китайцевъ, что въ Россіи не слыхать про бѣглаго солдата. Или нельзя хва-

чтобы недостатки природы дополнить силою воображенія и сплести шалашъ какому-нибудь Ивану изъ миртъ и розовыхъ кустовъ. И такъ вамъ остается только общество героевъ. Но между тѣмъ, пока не родится у васъ Шакеспиръ, который бы расширилъ и опредѣлилъ границы россійскаго вкуса, вы сами разберите, въ какихъ тѣсныхъ предѣлахъ будетъ оный заключаться: на площадяхъ, на рынкахъ и въ кабакахъ.

Нѣкоторые листомаратели, думая тѣмъ угодить своему отечеству, наперерывъ выхваляютъ просвѣщеніе, художества, науки, театръ, и въ глазахъ нашихъ, среди Россіи, составляютъ нелѣпые романы, которые они называютъ ободреніемъ россійскихъ дарованій. Прекрасное средство ободрять науки, говоря, что намъ не нужно болѣе учиться! Не лучше ли, изъ любви къ соотечественникамъ, показывать имъ ихъ недостатки и, устыжая ихъ томную сонливость, воспламенять желаніе углубляться въ науки, дабы слава нашего непритворнаго просвѣщенія сравнилась съ славою россійскаго оружія.

Литературныя понятія Зрителя, равно какъ и Петербургскаго Меркурія, были невысокаго уровня и ставили ихъ издателей въ противорѣчіе съ ихъ нападками на все французское, такъ какъ въ сферѣ словесности они сами твердо стояли за французовъ. Отвѣтъ на письмо изъ Орла, заявляя справедливое требованіе народной драмы, но не указывая никакихъ для того средствъ, говоритъ между прочимъ: «А для героевъ вы хотите, чтобъ родился у васъ Чекснеръ (Шекспиръ).... Вотъ изряднаго нашли вы опредѣлителя вкуса, и видно вы, его начитавшись, заключаете вкусъ въ тѣсные предѣлы рынковъ и кабаковъ». Въ январской книжкѣ Петерб. Меркурія помѣщенъ былъ переводъ Вольтерова разсужденія объ англійской трагедіи. При словахъ Вольтера, назвавшаго піесы Шекспира «чудообразными игрищами», Клушинъ дѣлаетъ такую замѣтку:

Что же бы сказалъ г. Вольтеръ о многихъ нѣмецкихъ драматическихъ твореніяхъ, сихъ безобразныхъ выродкахъ литературы, въ которыхъ нѣтъ никакихъ правилъ, даже самаго важнѣйшаго—единства дѣйствія? Что бы сказалъ онъ о сихъ удивительныхъ піесахъ, которыя суть ни трагедіи, ни комедіи; гдѣ смѣшанъ плачъ съ смѣхомъ безъ всякой нужды; гдѣ эпизоды затмеваютъ самое дѣйствіе; гдѣ разговоры пустые и слабые, а дѣйствующія лица каррикатурныя; гдѣ все обезображиваетъ и вкусъ и правила? о піесахъ, каковы суть: Разбойники, Сара Сампсонъ, Эмилія Галотти, Ненависть и раскаяніе, и пр., и пр.? Ежели не болѣе, то конечно тоже, что говоритъ Горацій въ Посланіи къ Пизонамъ (*). И есть люди, которые предпочитаютъ нѣмецкія драмы французскимъ. Отъ чего же? Отъ того только, что, читая послѣднія, не понимаютъ, какимъ образомъ играть ихъ. Что думать о сихъ знатокахъ? Или что они не знаютъ правилъ театральныхъ, какъ и того, что значитъ самая драма, или слѣпое имѣютъ пристрастіе къ нѣмцамъ.

Сличивъ эту замѣтку съ сужденіемъ Карамзина о нѣмецкой и англійской трагедіи, мы ясно увидимъ, на сколько издатель Московскаго Журнала стоялъ выше другихъ журналистовъ по своему вкусу и эстетическимъ возрѣніямъ.

Содержаніе «С.-п.бургскаго Меркурія» болѣе общее, чѣмъ въ Зрителѣ, въ которомъ сатирическій элементъ преобладаетъ. Отличіемъ новаго журнала издатели поставляли критику, особенно критику театральную. «Для чего», говорятъ они въ предисловіи, «не сказать публикѣ о новыхъ произведеніяхъ россійской словесности? для чего не возвѣстить о театрѣ, что на немъ играно?» Впрочемъ, Меркурій не богатъ и критическими статьями. Лучшая между ними принадлежитъ Крылову: это—разборъ комедіи Клушина: «Смѣхъ и горе» (см. 1 т. Хрест.), представляющій много здравыхъ мыслей объ условіяхъ драмы. Крыловъ, осуждая резонерство одного изъ дѣйствующихъ лицъ (Старовѣка), проводитъ вѣрное различіе между философомъ и драматургомъ. «Старовѣкъ, деверь Вздоровой, есть нравоучитель. Авторъ, кажется, вывелъ это лице, дабы болѣе оттѣнить характеръ Вздоровой, въ чемъ онъ очень изрядно успѣлъ, сдѣлавъ только ту ошибку, что и этому лицу не далъ дѣйствія. На театрѣ должно нравоученіе извлекаться изъ дѣйствія. Пусть говоритъ философъ, сколь недостойно питать въ сердцѣ зависть къ счастію ближняго, сколь вредна страсть сія въ общежитіи, сколь пагубна въ сильныхъ людяхъ; пусть истощаетъ всѣ риторическія украшенія, дабы сдѣлать отвратительное изображеніе сей страсти: я буду восхищенъ и тронутъ его краснорѣчіемъ. Но драматическій авторъ долженъ мнѣ показать завидливаго, коего риторъ сдѣлалъ описаніе; онъ долженъ придать ему такое дѣйствіе и оттѣнки, которыя бы, безъ помощи его слова, заставили меня ненавидѣть это лице, а съ нимъ вмѣстѣ и па-

лить свое отечество, не сплетая чудесъ въ его славу? Скоро вы станете божиться, что въ цѣлой Россіи нѣтъ ни плутовъ, ни дураковъ.

(*) Здѣсь слѣдуютъ начальные строки посланія. Мы имѣли случай привести ихъ на 50 стр. этого тома, въ прим. 28.

губную страсть, въ немъ образованную. Мольеръ въ своей комедіи, не говоря длинныхъ нравоученій противъ скупости, заставляетъ ненавидѣть Гарпагона и дѣлаетъ его смѣшнымъ: но въ нѣкоторыхъ нашихъ комедіяхъ старики говорятъ преизрядныя и предлинныя нравоученія, охлаждаютъ ими жаръ дѣйствія, и весь успѣхъ, производимый ими,—это тотъ, что слушатели желаютъ только скорѣе дождаться счастливой минуты, когда опустятъ занавѣсъ.» Такъ называемый разборъ трагедіи Княжнина: «Вадимъ», надѣлавшей много шума, состоитъ въ выпискахъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Авторъ этого разбора, Клушинъ, не имѣлъ ни таланта, ни познаній, нужныхъ критику. Замѣтки его на стихотвореніе И. Мартынова: «Къ Бардамъ», касаются только отдѣльныхъ выраженій и часто неудачны, наприм.: «небосклонъ»—слово вновь произведенное, прекрасное и музыкальное; «хитрый живописецъ»—«хитрый» здѣсь не у мѣста: надобно «искусный», «превосходный», и пр. Онъ же, подражая Гете, написалъ повѣсть, основанную на истинномъ происшествіи: «Несчастный М—овъ (Масловъ) (*) Между стихотвореніями замѣчательны: «сатира», кн. Д. Горчакова (см. выше, стр. 170), и двѣ піесы, написанныя въ народномъ тонѣ: «Ода на масляницу», Чулкова, и «Анекдотъ съ мужичкомъ въ мартѣ 1793 г.» кн. Г. Хованскаго. Есть переводы изъ Вольтера, Даламбера, Рейналя, Фридриха II и Попа (Опытъ о человѣческой жизни, въ прозѣ). Наилучшимъ украшеніемъ журнала служатъ прозаическія сатиры и стихотворенія Крылова. Къ первымъ относятся: «Похвальная рѣчь наукѣ убивать время, говоренная въ новый годъ», «Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей»; ко вторымъ: «Утѣшеніе» (къ Анютѣ, по случаю запрещенія французскихъ товаровъ), «Мое оправданіе (къ Анютѣ), «Посланіе къ другу моему» (Клушину, который подарилъ автора также посланіемъ), «Изображеніе Анеты эскизомъ», «Похищенные волоски въ перстень» (къ Анетѣ), «Мой отъѣздъ», «Къ счастію».

[4]) Въ 1-ой кн. Аонидъ, Карамзина. Перепечатано въ Пантеонѣ русской поэзіи, Никольскаго (12 книжекъ, 1814—1815).

[5]) Вар.: «считая» (Аониды).

[6]) Вар.: «тягчѣе».

[7]) Вар.: «въ семъ злѣ, какъ въ возмущенномъ морѣ».

[8]) Вар.: «слабый».

[9]) Вар.: «встрепетался».

[10]) Вар.: «Ты въ солнцахъ, Ты во громахъ чуденъ».

(*) Отдѣльное изданіе: «Вертеровы чувствованія, или несчастный М—въ». Спб. 1802.

[11]) «Урокъ дочкамъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи И. Крылова. Спб. 1807 (2-ое изд.—1816)». Главныя дѣйствующія лица: дворянинъ Велькаровъ, дочери его: Ѳекла и Лукерья, ихъ горничная Даша и няня Василиса, Семенъ (слуга Честона). Піеса осмѣиваетъ слѣпое пристрастіе Рускихъ къ французамъ, и въ особенности къ ихъ языку. Дочери Велькарова были воспитаны ихъ теткой на иностранный манеръ. Воротясь со службы въ Москву, онъ взялъ ихъ къ себѣ, но модныя дѣвицы поставили домъ вверхъ дномъ: родню и старыхъ знакомыхъ отвадили грубостями и насмѣшками, и завели новыя знакомства, все съ иностранцами. Старикъ-отецъ вышелъ изъ терпѣнія: увезъ дочерей въ деревню, запретилъ имъ говорить по французски и приставилъ къ нимъ няню, которая должна была строго наблюдать за точнымъ исполненіемъ его приказа. Всѣ эти обстоятельства узнаетъ отъ горничной Семенъ, остановившійся съ своимъ бариномъ въ имѣніи Велькарова для перемѣны лошадей, проѣздомъ изъ Петербурга въ армію. И у Честона, и у слуги его карманы пусты. Надобно было во чтобы ни стало добыть денегъ. Ловкій слуга, узнавъ слабую сторону барышенъ, помѣшанныхъ на всемъ французскомъ, прикинулся заѣзжимъ французомъ, будто бы ограбленнымъ ворами на дорогѣ, назвался маркизомъ Глаголемъ (взявъ это имя изъ перевода Елагина: «Приключенія Маркиза Г..., см. Ист. Хрест., т. 1, стр. 555) и проситъ у Велькарова гостепріимства и помощи. Велькаровъ обѣщаетъ ему и то и другое, только съ условіемъ, чтобы онъ ни слова не говорилъ съ дочерьми по французски. Лжемаркизъ согласился, такъ какъ онъ, по его словамъ, довольно долго жилъ въ Россіи и могъ объясняться по-русски. Лукерья и Ѳекла осаждаютъ Семена любезностями. Наконецъ продѣлка обнаруживается. Ѳекла, пристыженная тѣмъ, что принимала слугу за знатнаго парижанина, восклицаетъ: «Ah! quelle leçon!»

[12]) «Драматическій Вѣстникъ, ч. 5-я, содержащая въ себѣ прибавленія, относящіяся до наукъ, словесности и художествъ вообще». Въ Пол. собр. сочин. Крылова это стихотвореніе нап. въ значительно-измѣненномъ видѣ (который принятъ въ Хрестоматію) противъ своего начальнаго текста.—Драм. Вѣстникъ, 5 ч. (Спб. 1808), выходилъ два раза въ недѣлю по полулисту; кромѣ того въ концѣ мѣсяца давались два листа «прибавленій», которыя и составили 5-ую ч. Издатели (главнымъ изъ нихъ былъ Д. И. Языковъ) начертали для своего журнала слѣдующую программу: а) сужденіе объ игранныхъ піесахъ; б) переводы и извлеченія (изъ лучшихъ иностран-

ныхъ писателей) драматическихъ правилъ и исторій людей, прославившихся симъ искуствомъ; в) изысканіе въ древнихъ сочиненіяхъ всего, что касается художествъ, чтобы содѣйствовать отвращенію дурнаго вкуса, который, царствуя въ новыхъ иностранныхъ произведеніяхъ, развращающихъ умъ и сердце, угрожаетъ заразить и нашу словесность». Подъ дурнымъ вкусомъ въ драмѣ Вѣстникъ разумѣлъ новыя ея явленія во Франціи и Германіи, особенно слезныя комедіи; а подъ хорошимъ вкусомъ—вѣрность правиламъ и преданіямъ французскаго классицизма. Противодѣйствуя такъ называемой драматической заразѣ, редакція помѣщала сатиры и критики на новыя нѣмецкія и французскія піесы, наприм.: стихотвореніе «Быль», г. А., «О слезной комедіи (съ франц.), «Разговоръ цензора и его друга» (неблагопріятный отзывъ о трагедіи Шиллера: «Коварство и любовь»), разборъ драмы Бомарше: «Евгенія», и Коцебу: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Теорія драмы, долженствующая внушать истинныя понятія объ этомъ родѣ поэзіи, большею частію переводилась изъ Вольтера; другими источниками служили правила Корнеля, Батте, Лагарпа. Вѣстникъ содержитъ въ себѣ многія басни Крылова, два стихотворенія Державина, два стихотворенія Батюшкова (басня: «Пастухъ и Соловей», посвященная Озерову, и апологъ изъ Лафонтена: «Сонъ богомольца»), двѣ сатиры и статьи Марина, стихи Гнѣдича трагической актрисѣ Семеновой на игру ея въ королѣ Лирѣ. «Посланіе о пользѣ страстей», равно какъ и два другія: «Посланіе къ другу моему (Меркурій 1792) и «Посланіе о пользѣ желаній» (найденное по кончинѣ автора въ рукописи), обнаруживаютъ въ Крыловѣ искренняго и ловкаго панегириста страстей, развивающаго въ другой формѣ тѣ самыя идеи, что̀ были выражены Карамзинымъ въ «разговорѣ о счастіи» (см. мою ст.: Карамзинъ какъ оптимистъ, Отеч. Зап. 1858, № 1).

[13]) Ужъ ли на то, чтобъ жить поджавши руки,
Какъ встарь живалъ нашъ праотецъ Адамъ?
Подъ деревомъ, въ шалашикѣ убогомъ,
Съ праматерью не пекся онъ о многомъ;
Виньель ему не строивалъ палатъ;
Онъ подъ ноги не стлалъ ковровъ персидскихъ,
Ни жемчуговъ не нашивалъ бурмитскихъ,
Ни насѣкалъ онъ яшму и агатъ
На пышные кубки для винъ превкусныхъ;
Не зналъ онъ рѣзьбъ, альфресковъ, позолотъ,
И на стѣнахъ не выставлялъ работъ
Рафаэлей и Рубенсовъ искусныхъ;
Восточныхъ онъ не нашивалъ парчей.
Когда къ нему ночь темна приходила,
Не замѣнялъ онъ люстрами свѣтила,
Не превращалъ въ дни ясные ночей;
Онъ, кромѣ яствъ, не зналъ столу уборовъ
И не ѣдалъ съ фаянсовъ и фарфоровъ.
Когда изъ тучъ осенній дождь ливалъ,
Подъ кожами зубъ объ зубъ онъ стучалъ,
И, твердо знавъ премѣнчивость природы,
Какъ стоикъ ждалъ конца дурной погоды,
Иль въ ближній лѣсъ за легкимъ тростникомъ
Ходилъ нагой—и вѣрно босикомъ.
Потомъ, расклавъ хворостнику беремя,
Онъ сживалъ съ женой у огонька,
И проводилъ свое на свѣтѣ время
Въ шалашикѣ, не лучше Калмыка.
Все для него равно на свѣтѣ было·
Ничто его на свѣтѣ не манило:
Такъ чтожъ его на свѣтѣ веселило?

[14]) Ханжовой попъ, да сказочникъ Антропъ;
Жеманкиной—Лафлеръ для модной чески.

[15]) Отдѣльныя изданія басенъ Крылова (*): первое въ одной книжкѣ, 1809 (всего 23 басни); второе, 1811 (тѣже басни, «вновь исправленныя»); Новыя басни, 1811 (числомъ 21); въ 5 ч., 1815—16 (первыя 3 части посвящены императору Александру I-му; 4 и 5-ая содержатъ новыя басни); въ 6 ч. (1819); въ 7 книгахъ, новое, исправленное и пополненное изданіе, съ портретомъ автора и картинами (1825); въ 8 кн., или двухъ частяхъ съ картинами (1834); въ 9 кн., третье полное изд., съ краткой біографіей автора и характеристикой его произведеній, подъ заглавіемъ: И. А. Крыловъ, 1848 (издатели: Юнгмейстеръ и Веймаръ); тоже, пятое полное изданіе, съ біографіей Крылова, написанной П. А. Плетневымъ (1852); тоже, шестое полное изданіе (1854 и 1856); тоже, седьмое полное изданіе (1860); тоже, восьмое полное изданіе, безъ біографіи Крылова (1861). Въ основу басенъ, выбранныхъ для Христоматіи, положено изданіе 1843—послѣднее, изъ напечатанныхъ самимъ авторомъ и вошедшее въ Полн. собр. его сочиненій. Варіанты же приводятся по начальному виду каждой басни.

[16]) Нап. въ 1-ой кн. «Московскаго Зрителя», издававшагося кн. Шаликовымъ (1806), вмѣстѣ съ другою басней: «Разборчивая невѣста», при слѣдующемъ замѣчаніи издателя: «Я получилъ сіи прекрасныя басни отъ И. И. Д. (Дмитріева). Онъ отдаетъ имъ справедливую похвалу и желаетъ, при сообщеніи ихъ, доставить и другимъ то удовольствіе, которое онѣ принесли ему».

(*) Здѣсь исчислены только тѣ изданія, которыя я имѣлъ возможность разсмотрѣть, почему и могу отвѣчать за точность библіографическихъ указаній.

Третья басня «Старикъ и трое молодыхъ», помѣщена во 2-ой кн. тогоже журнала. Г. Плетневъ свидѣтельствуетъ, что стихи въ басняхъ не легко доставались Крылову и что особенно пришлось ему помучиться надъ баснею «Дубъ и Трость», главною причиною чего былъ превосходный образецъ Дмитріева (Жизнь и сочиненія Крылова). Дѣйствительно, сличеніе обоихъ переводовъ показываетъ, что Крыловъ старался избѣгать тѣхъ словъ и выраженій, которыя были употреблены его предшественникомъ. Помѣщаемъ сполна всю басню, какъ она впервые вышла изъ подъ пера Крылова: это дастъ возможность судить о перемѣнахъ, которымъ подвергались сочиненія нашего баснописца въ позднѣйшей ихъ отдѣлкѣ.

Тростинкѣ какъ-то Дубъ изволилъ сдѣлать честь
Съ ней разговоръ завесть.
«Куда тебя обидѣла природа!»
Онъ началъ: «вѣдь тебѣ овсянка ужъ тяжка;
Чуть мелкой рябью ужъ погода
Подернетъ по водѣ слегка,
Нагнешься такъ ты сиротливо!...
Не такъ, какъ я!... Чело подъемля горделиво
До мѣстъ, гдѣ видишь ты небесную лазурь,
Спокойно вѣтви тамъ мои распространяю,
Долинамъ цѣлымъ здѣсь я солнце заслоняю
И посмѣваюся порывамъ злѣйшихъ бурь;
Я наслаждаюсь тихимъ миромъ
Среди стихійныя войны....
Какъ розно мы съ тобой сотворены!
Тебѣ все бурей—мнѣ все кажется зефиромъ.
Хотя бъ ужъ ты въ окружности росла,
Моею тѣнію покрытой:
Отъ вѣтровъ и отъ бурь я бъ былъ тебѣ защитой!
Но васъ природа разнесла
По влажнымъ берегамъ Эолова владѣнья:
Конечно въ ней о васъ ни мало нѣтъ раденья!»—
Ты очень жалостливъ, сказала Трость въ отвѣтъ;
Однакожъ не крушись: мнѣ столько худа нѣтъ,
Не за себя я вихрей опасаюсь...
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь;
А ты еще во вѣкъ не уклонялъ лица,
Какъ сдерживалъ порывы ихъ ужасны;
Погнуть тебя досель всѣ силы ихъ напрасны,
Но подождемъ конца.—
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
Взвивая пыль столбомъ, ревущій аквилонъ:
Уперся Дубъ,—къ землѣ Тростиночка припала;
Бунтуетъ вѣтръ,—удвоилъ силы онъ
И вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался
И въ области тѣней пятою упирался.

[17]) Москов. Зритель (1806, кн. 1).

[18]) Ib., кн. 2.

[19]) Драм. Вѣст., 1808, № 2. Послѣдніе четыре стиха, заключающіе въ себѣ такъ называемое нравоученіе, прибавлены послѣ: ихъ не было ни въ Драмат. Вѣстникѣ, ни въ первыхъ изданіяхъ басенъ (1809 и 1811). У Лафонтена говорится о мѣщанахъ, которые тянутся за вельможами (tout bourgeois veut bâtir comme les grands seigneurs); Крыловъ примѣнилъ свой переводъ къ нашимъ мѣщанамъ и мелкопомѣстнымъ дворянамъ.

[20]) Драм. Вѣст., № 85. Басня осталась почти безъ перемѣнъ. Одно только слово «зѣвакъ» замѣнило начальное: «смотрителей».

[21]) «Новыя басни» (1811). Остроумною баснью «Квартетъ», говоритъ баронъ Корфъ въ «Жизни гр. Сперанскаго», мы обязаны продолжительнымъ преніямъ о томъ, какъ разсадить предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта, учрежденнаго въ 1809 г., и даже нѣсколькимъ послѣдовавшимъ пересадкамъ (т. I, стр. 118).

[22]) «Нов. басни». Подъ листами разумѣются высшіе классы народа, подъ корнями —простонародье. Въ этой баснѣ, говоритъ Плетневъ, опредѣляются законныя отношенія между сословіями (Жизнь и сочиненія Крылова).

[23]) Вар.:

Кто смѣетъ съ нами такъ считаться дерзновенно?
Кто вы такіе тамъ?

[24]) Нап. въ Сынѣ Отечества, 1812, № 8, подъ заглавіемъ «Ворона», а во 2-мъ изд. тогоже журнала подъ заглавіемъ: «Вороній Супъ». Эта басня, вмѣстѣ съ двумя другими: «Волкъ на псарнѣ» (С. О., 1812, № 2) и «Обозъ» (ib., № 7) написаны по поводу событій въ нашествіе Наполеона. Впрочемъ, мораль басни: «Ворона и Курица» имѣетъ общее значеніе, хотя и извлечена изъ случая, бывшаго въ извѣстное время.

[25]) Вар.: «Ты знаешь, не ѣдятъ».

[26]) С. О., 1814, № 40. Крыловъ осмѣялъ въ этой баснѣ легкомысленность и пустоту тѣхъ людей, которые за мелочами не видятъ важнаго, за несущественнымъ существеннаго.

[27]) Басни Крылова, изд. Оленина (1815—16). Въ изданіяхъ басенъ Крылова, переводныя или подражательныя басни означены звѣздочкой. Такой звѣздочки нѣтъ при баснѣ Лжецъ, ни въ одномъ изданіи, а между тѣмъ она—подражаніе Геллерту, который самъ подражалъ старинному баснописцу Вальдису, въ его баснѣ: «Лгунъ-юноша», и нашелъ себѣ подражателя во французскомъ писателѣ Эмберѣ (Imbert). (См. 3-ью ст. мою о Княжнинѣ, въ 12 № От.

Зап. 1850 г. Здѣсь приведена басня Эмбера, въ подлинникѣ).

28) «Три новыя басни И. А. Крылова, читанныя въ торжественномъ собраніи Императорской публичной Библіотеки января 2 дня сего года» (Спб. 1817). Предметъ этой басни—вредъ иноземнаго воспитанія, представленный также въ баснѣ «Крестьянинъ и Змѣя» (Сынъ От., 1813, № 39).

29) Вмѣсто двухъ стиховъ одинъ:

Или о томъ, что ужъ прошла весна.

30) Вм. предъидущихъ четырехъ стиховъ два:

Такъ у тебя ужъ дѣти есть!
Когда же ты гнѣздо успѣла свесть?

31) «Полярная звѣзда на 1825 г.»

32) Вар.: «Натыкавши себѣ павлиныхъ перьевъ въ хвостъ».

33) Сѣверные цвѣты на 1829 г. (Спб. 1828). Въ объясненіе происхожденія этой и слѣдующей басни приводимъ слова Гоголя изъ ст.: «Въ чемъ существо русской поэзіи» (Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями): «Когда нѣкоторые черезъ-чуръ военные люди стали было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на военной силѣ и въ ней одной спасеніе, а чиновники статскіе начали въ свою очередь подтрунивать надъ всѣмъ, что ни есть военнаго, изъ за того только что нѣкоторые изъ военныхъ не понимали истинной важности своего званія,—Крыловъ написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ законныя границы. Когда у нѣкоторыхъ доброжелательныхъ, но не дальнозоркихъ начальниковъ утвердилось было странное мнѣніе, что нужно опасаться бойкихъ, умныхъ людей и обходить ихъ въ должностяхъ изъ-за того единственно, что нѣкоторые изъ нихъ были когда-то умны и замѣшались въ безразсудное дѣло, онъ написалъ не меньше замѣчательную басню: «Бритвы». Посланіе свое о пользѣ страстей Крыловъ заключилъ слѣдующимъ выводомъ:

Хорошъ сей міръ, хорошъ; но безъ страстей
Онъ кораблю бъ былъ равенъ безъ снастей.

По этому поводу г. Плетневъ замѣчаетъ: «Говоря о пользѣ страстей, Крыловъ какъ бы подготовилъ канву для одного изъ совершеннѣйшихъ своихъ произведеній, которое названо «Пушки и паруса» (Жизнь и сочиненія Крылова).

34) Вар.: вм. «изъ портовъ»—изъ люковъ, «важнаго какого»—равнаго намъ; «тучею тяжелой»—тучами густыми; «утихла»—межъ тѣмъ бушуетъ; «сталъ»—сдѣлался; «и носится онъ въ морѣ, какъ колода»—и въ морѣ носится, какъ вялая колода.

35) «Сѣв. Цв. на 1829 г.»

36) Эти два стиха прибавлены послѣ.

37) «Написана въ 1835 г. Крыловъ читалъ ее Государю и Государынѣ въ маскерадѣ, бывшемъ въ Аничковскомъ дворцѣ, гдѣ онъ былъ одѣтъ кравчимъ, въ русскомъ кафтанѣ, шитомъ золотомъ, въ красныхъ сапогахъ, съ подвязанной сѣдой бородою» (Жизнь и соч. Крылова).

Содержаніе Трумфа подробно изложено въ статьѣ М. Лобанова: «Жизнь и сочиненія И. А. Крылова» (Сынъ Отечества, 1847, кн. 1). Привожу нѣсколько мѣстъ изъ этой піесы по берлинскому изданію. Дѣйствіе открывается разговоромъ Подщипы (дочери царя Вакулы) съ ея дѣвкой Чернявкой:

Чернявка.

Престанете-ль, княжна, крушиться столько вы
И молодость губить?

Подщипа.

Увы! увы! увы!

Чернявка.

Ахъ! сжальтесь надъ собой! И такъ ужъ вы какъ спичка,
И съ горя въ неглиже одѣты какъ чумичка,
Не умываетесь, я чаю, дней вы шесть,
Не чешитесь, ни пить не просите, ни ѣсть.
Склонитесь наконецъ, княжна, меня послушать:
Извольте вы хотя телячью ножку скушать.

Подщипа.

Чернявка милая! петиту нѣтъ совсѣмъ.
Ну что за прибыль ѣсть, коль я безъ вкуса ѣмъ!
Сего дня поутру, и то совсѣмъ безъ смаку,
Насилу съѣсть могла съ сигомъ я кулебяку.
Ахъ! въ горести моей до пищи-ль мнѣ теперь!
Ломаетъ грусть меня, какъ агнца лютый звѣрь.

Въ 3-мъ явленіи 1-го акта является Трумфъ, нѣмецкій принцъ, который предложилъ руку свою Подщипѣ, но, получивъ отказъ, пошелъ войною на ея отца и овладѣлъ его городомъ.

Трумфъ.

Старофа, анкель мой! прелестной мой книшовъ!
Для бляполушна шасъ, когда мой будешь шовъ,
Мой ноши всѣ не спи и серсе польно пьотся;
Прелестна твой фигуръ на мой душа шивется.
Куритъ ли трупка мой—изъ трупка твой пихтитъ,
Или мой кофе пилъ—твой въ шашечка сидитъ.
Вездѣ мой видитъ твой — на полѣ и на пушка...

Подщипа.

Конечно, государь, мнѣ много было-бъ славы:

Но вспомни, что у насъ совсѣмъ различны нравы:
Ты любишь устрицы, а я ихъ не терплю;
Противны слизни вамъ — а я ихъ смерть люблю.
Привыкъ ты на войнѣ сносить и жаръ, и холодъ,
И къ пищѣ всякій тамъ тебя приводитъ голодъ,
А я лишь выборный вездѣ люблю кусокъ:
Пѣтушья гребешки, у курочки пупокъ;
Ты радъ дрянь всяку ѣсть, находишь вкусъ въ лягушкахъ,
А я у матушки взросла лишь на ватрушкахъ;
Ты храбръ, но съ нѣжностью и вкусомъ незнакомъ,
И за версту, о князь! ты пахнешь табакомъ.
Помысли-жъ: каково твоею быть женою!
Подумай, государь, и сжалься надо мною.

Трумфъ.

Фуй! што тутъ шалиться! вамъ будетъ шить утѣшна!
Когда на свѣтѣ насъ любовь сопряшетъ вѣшна,
Изъ крушечка одна ми будемъ пиво пить,
Изъ трубошка одна табакъ съ тобой курить;
Не будетъ мало твой ни садикъ ни палатка,
Ни платьиса богатъ, ни сани, ни лошатка.
Все это будетъ твой! Не тушь, мой трукъ, не тушь!
Шесной пароль тебѣ: мой будетъ тобра мушъ.

Раздраженный отказомъ царевны и узнавъ ея любовь къ князю Слюняю (трусу и картавому), Трумфъ уходитъ съ гнѣвомъ и угрозами. Въ-слѣдъ за нимъ, является Слюняй.

Слюняй.

Княвьна! усой-и онъ? Ну, бьять, какой сейдитый!
Онъ съядитъ хоть бы съ кѣмъ, хоть съ куцеіомъ Никитой.
Пьеестная! какъ я боийся за тебя!
Усь такъ за двейю тамъ езёмъ и зай себя.
Ну, такъ и думаю: убьетъ ее до смейти!
На сию побьяя его отсюда цейти!

Подщипа.

Чтобъ сдѣлалъ ты тогда?

Слюняй

Ну, такъ бы и завый!
Безъ миенькой княвьны куда бъ я годенъ бый!

Подщипа.

Ужели симъ мечемъ ты-бъ не сразилъ злодѣя!
Скажи, любезный князь: утѣшь меня скорѣе!

Слюняй.

Да, да, подсунься-ка къ его ты пансу;
Вѣдь деевянную я спагу-то носу.

Чернава.

Возможно-ль, государь?

Слюняй.

А какъ бы ты хотѣла?
Мнѣ матуска носить зеѣзной не веѣя.

Чернава.

Но если, князь, на васъ напасть дерзнулъ бы кто?

Подщипа.

Чтобъ сдѣлалъ ты тогда?

Слюняй.

А ноги-то на сто?
Не бось, какъ дамъ стьецка, такъ поминай какъ звай!

Подщипа.

Увы, безцѣнный князь! съ тобою мы пропали.

Слюняй.

Ой! какъ мнѣ быть, какъ ты съ дьюгимъ пойдесь къ вѣнцу!
Я такъ тебя юбью... ну пусце іеденцу.
Ты знаесь, миля, моей веикость стьясти;
Подумай, какъ бы намъ спастися отъ напасти.
Кой выйдесь за него—не быть во мнѣ добью!
Отъ мазинаціи одной лись я умью!

XXIII.

А. Е. ИЗМАЙЛОВЪ. ([1]).

1. БАСНИ И СКАЗКИ. ([2]).

а) Кукушка (1805). ([3]).

«Послушайте меня, я не совру»,
Кукушка говорила птицамъ:
Чижамъ, щеглятамъ и синицамъ;
«Была я далеко, въ большомъ, густомъ бору;
Тамъ слышала, чего доселѣ не слыхала,
Какъ Соловей поетъ.
Ужъ не по-нашему! Я хорошо пѣвала,
Да все не то—такъ сердце и замретъ

Отъ радости, когда во весь онъ голосъ свиснетъ,
А тамъ защелкаетъ, иль тихо пустить трель;
Забудешься совсѣмъ, и голова повиснетъ.
Ну что противъ него свирѣль?
Дивилась, право я, дивилась...
Однако же не потаю:
По соловьиному и я пѣть научилась.
Для васъ, извольте, пропою
Точнехонько какъ онъ—хотите?»
— Пропой, послушаемъ.—«Чуръ не шумѣть, молчите!
Вотъ выше сяду на суку.
Ну, слушайте жъ теперь: куку, куку, куку!»

Кукушка хвастуна на память мнѣ приводитъ,
Который классиковъ-поэтовъ переводитъ.

б) Дуракъ Филатка (1815). (4).

У Толстосумова дуракъ Филатка былъ.
Не видывалъ еще я дурака такого:
Глупѣе барина! И баринъ, какъ роднаго,
Филатку дурака любилъ,
Поилъ его виномъ и всюду бралъ съ собою.
Филатка все въ деревнѣ жилъ.
Вотъ какъ-то господинъ поѣхалъ съ нимъ водою
Изъ Нижняго въ Казань. Филатъ тому былъ радъ:
На все зѣвалъ, всему дивился;
Однако ничему въ пути не научился.
Пріѣхали назадъ.
Чортъ дернулъ ключницу Маланью
О путешествіи спросить у дурака.
«Деревня наша велика,
А не сравняется ни съ Нижнимъ, ни съ Казанью»,
Филатка говоритъ: «церквей, крестовъ
Тебѣ не сосчитать, не только-что домовъ!»
— Ну что жъ тамъ, хорошо?—«И вѣдомо, не худо!
А вотъ на Волгѣ я, скажу, ужъ видѣлъ чудо!»
— Какое!—«Знаешь ли? бѣжимъ на парусахъ:
И домы-то на берегахъ,
Деревья всѣ бѣгутъ. Мы къ берегу пристали:
Они, какъ вкопаные, стали.
Опять поѣхали: опять бѣгутъ, бѣгутъ!»
— Прямой. Филатъ, ты шутъ!
Тебѣ казалось такъ, а домы-то стояли.—
«Э, нѣтъ, Маланьюшка, бѣжали!»
— По-твоему! да ты вѣдь, правда, безъ ума!—
«Такъ дура ты сама!
Я говорю тебѣ, коль хочешь, побожуся!
Бѣжали домы всѣ назадъ.»
— Ну полно врать, Филатъ!
«Смотри, Маланья, я съ тобою не смѣюся.
Не вѣришь что ли?» — Нѣтъ.—«Бѣжали!»—
Какъ не такъ!—
«Повѣрь же, говорю»—Да развѣ я взбѣсилась?—
Филатъ, чтобъ убѣдить, покрѣпче сжалъ кулакъ,
Занесъ, и ключница во всемъ съ нимъ согласилась.

Я спорить съ умными люблю:
Отъ споровъ съ ними я учуся;
Но спорить съ глупыми боюся,
И имъ всегда во всемъ охотно уступлю,

в) Приказные Синонимы (1822). (5).

Какой-то человѣкъ имѣлъ въ приказѣ дѣло.
Онъ правъ былъ и богатъ; и такъ, взявъ денегъ, смѣло
Къ секретарю ранехонько идетъ,
Челомъ ему, а самъ мошонку вынимаетъ
И передъ нимъ на столъ крестовики кладетъ.
Тотъ, бросивши перо, просителя сажаетъ,
Но съ денегъ самъ не сводитъ глазъ.
«Вчерашняго числа въ приказѣ

Я подалъ, батюшка, прошенье.»
— Читалъ его, ты правъ! все знаю!—
«А рѣшенье
Когда послѣдуетъ? осмѣлюся спросить.»
— Да стоитъ только *доложить*...
А тамъ и въ городъ свой ты можешь убираться,
Чѣмъ здѣсь напрасно проживаться. —
«Счастливо жъ оставаться!»
Проситель черезъ день пришелъ опять въ приказъ.
«Что жъ, батюшка, указъ
По дѣлу моему? Когда бъ сегодня можно...»
— Вѣдь я сказалъ тебѣ, что *доложить* мнѣ должно.—
Проситель принужденъ былъ съ мѣсяцъ тутъ прожить
И слышалъ тожъ, да то: *лишь только доложить*,—
Не зналъ что дѣлать челобитчикъ;
Но сжалился надъ нимъ повытчикъ.
«Ну полно, не тужи»,
Шепнулъ онъ такъ ему: «всю правду мнѣ скажи,
Что̀ далъ секретарю?»—Да двадцать пять цѣлковыхъ.—
«Ну такъ десяточекъ еще ты доложи,
Да мнѣ пять рубликовъ. Учи васъ, безтолковыхъ!
Не смыслите, что *доложить*
Все тоже, что и *приложить*.
Фунтъ чаю взять еще съ тебя за объясненье!»
Истецъ исполнилъ все тотчасъ,
И на другой же день, какъ разъ,
Поспѣлъ экстрактъ, опредѣленье
И выдали ему указъ.

г) Пьяница (1817). (7).

Пьянюшкинъ, отставной квартальный,
Совѣтникъ титулярный,
Исправно насандаливъ носъ,
Въ худой шинелишкѣ, зимой, въ большой морозъ,
По улицѣ шелъ утромъ и шатался.
На встрѣчу кумъ ему, маіоръ Петровъ, попался.
«Мое почтеніе!»—А! здравствуй, Емельянъ
Архиповичъ! да ты, братъ, видно
Уже позавтракалъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно?
Еще обѣденъ нѣтъ, а ты какъ стелька пьянъ!—
«Ахъ! виноватъ, мой благодѣтель!
Вѣдь *съ горя* мой отецъ!»—Такъ съ горя то и пить?—
«Да какъ же быть!
Вотъ Богъ вамъ, Алексѣй Ивановичъ, свидѣтель:
Ѣсть нечего; всѣ дѣти босикомъ;
Жену оставилъ я съ однимъ лишь пятакомъ.
Гдѣ взять? Давно уже безъ мѣста я несчастный!
Сгубилъ меня разбойникъ приставъ частный!
Я до отставки не пивалъ:
Спросите, скажетъ весь кварталъ;
Теперь же съ горя какъ напьюся,
То будто бы развеселюся.»
—Не пей, такъ я тебѣ охотно помогу.—
«Въ ротъ не возьму, ей Богу, не солгу;
Господь порукою!....»—Ну, полно, не божися,
Вотъ крестникамъ снеси полсотенки рублей.—
«Отецъ!.. дай ручку!..»—Ну, поди домой, проспися,
Да чуръ, смотри, впередъ не пей.—
Летитъ Пьянюшкинъ нашъ, отколь взялися ноги,
И чуть-чуть не упалъ разъ пять среди дороги!
Летитъ... домой?—О нѣтъ!—Неужели въ кабакъ?—
Да, какъ бы вамъ не такъ!
Въ трактиръ, а не въ кабакъ, зашелъ; чтобы промѣна
Съ бумажки бѣленькой напрасно не платить,
Спросилъ ветчинки тамъ и хрѣна,

Немножко такъ перехватить,
Да рюмку водочки, потомъ бутылку пива,
А послѣ пуншику стаканъ,
Другой... и наконецъ, о диво!
Пьянюшкинъ напился уже мертвецки пьянъ;
Къ несчастію еще въ трактирѣ онъ подрался,
А съ кѣмъ, за что,—и самъ того незналъ,
На лѣстницѣ споткнулся и упалъ,
И весь, какъ чортъ, въ грязи, въ крови перемарался.
Вотъ вечеромъ его по улицѣ ведутъ
Два воина осанки важной,
Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.
Толпа кругомъ. И кумъ, гдѣ ни возьмися, тутъ.
Увидѣлъ, изумился,
Пожалъ плечами и спросилъ:
— Что? вѣрно съ *горя* ты, бѣднякъ, опять напился?—
«За здравіе твое отъ *радости* я пилъ!»

У пьяницы всегда есть радость или горе,
Всегда есть случай пьянымъ быть,
Закается лишь только пить—
Да и напьется вскорѣ.
Однако надобно, чтобъ больше пилъ народъ:
Хоть людямъ вредъ, за то откупщикамъ доходъ.

д) Смѣтливый экономъ (1823). ([8]).

Хемницеръ говоритъ: *гдѣ сборы,*
Тутъ и воры!
А я скажу: гдѣ есть расходъ,
Тамъ вѣрно и доходъ
Всегда тому бываетъ,
Кто деньги выдаетъ, или что закупаетъ.

Былъ у меня одинъ пріятель экономъ,
Который въ пять-шесть лѣтъ себѣ построилъ домъ
По крайней мѣрѣ тысячъ во сто;
А жалованья бралъ въ годъ триста девяносто
И шесть рублей—за вычетомъ на госпиталь.
Покойникъ умеръ. Очень жаль!
Мы часто въ шашки съ нимъ играли
И пуншъ пивали.
На сватьбѣ дочери его попировали
И славно подгуляли—
Шампанскимъ запоилъ!
«А что, Климъ Сидорычъ, я у него спросилъ,
Воруешь ты? Скажи всю правду-матку;
Скажи пожалуй-ста.»—На что тебѣ? Ха, ха!
Самъ знаешь, кто же безъ грѣха?—
«А много ль въ годъ?»—Ну, тысячъ до десятку,
А можетъ быть и слишкомъ два.—
«Вотъ ты купилъ теперь дрова...
По чемъ?»—По десяти, и то едва, едва
Знакомый уступилъ; за то дрова какія!
Здоровыя, сухія,
Осины нѣтъ, все березнякъ!—
«Какую жъ цѣну въ счетъ поставишь ты? двѣнадцать?»
— Избави Господи! да что я за дуракъ!—
«Неужели тринадцать?»
—Смѣшонъ ты право мнѣ!—«Четырнадцать? пятнадцать?»
— Да, какъ тебѣ не такъ!
По десяти купилъ, по десяти поставлю;
Знай, никогда въ цѣнѣ полушки не прибавлю,
Но сажень со ъ пятокъ я у себя оставлю.

е) Встрѣча двухъ подругъ (1823). ([9]).

Двѣ дамы встрѣтились въ рядахъ.
«Ахъ,
Прасковья Марковна! Вы ль это?»
— Я, Анна Дмитревна, вотъ нынѣшнее лѣто
Изъ Твери приплыла.—«Ахъ, Боже мой! лѣтъ пять
Мы съ вами не видались.
Привелъ же Богъ увидѣться опять!»
(Тутъ три раза онѣ поцѣловались).
«Какъ рада я!... Но какъ перемѣнились вы!
«Ужасно похудѣли!...»
— И вы не очень подобрѣли!—

«Конечно за мужемъ?»—Увы!
Четвертый годъ... — «А кто супругъ
вашъ?»—Крючкотворецъ,
Совѣтникъ Праволовъ; богатъ, но страхъ
какъ скупъ,
Ревнивъ!..—«А у меня и старъ, и глупъ,
И къ этому же стихотворецъ!»
— Я въ заперти живу, не вижу и людей;
Взгляну ль въ окно—и онъ шумитъ, кричитъ, ругаетъ...—
«А у меня такой злодѣй:
И день и ночь все мнѣ стихи свои читаетъ!»
— Скажу вамъ: мужъ мой вѣдь вдовецъ;
Онъ былъ женатъ, не знаете ль? на Ленской,—
И уморилъ ее!—«А мой-то молодецъ
Двухъ женъ отправилъ ужъ къ Смоленской.
Представьте: первая сошла совсѣмъ съ ума;
Въ чахотку онъ вогналъ вторую;
Не знаю, право, и сама
Отъ виршей чувствую тоску такую...»
— Смотрите! вслѣдъ за мной ревнивецъ
мой бѣжитъ;
Не дастъ поговорить мнѣ съ вами!—
«И мой вонъ тащится!... Душа такъ и
дрожитъ...
Ахъ, Боже мой! и со стихами!»
Ревнивецъ прибѣжалъ. «Парашенька, другъ
мой!
Какъ ты замѣшкалась! Пора, пора домой!
Что жъ стала?»—Не браните:
Я встрѣтилась вотъ здѣсь съ подругою
моей;
Пять лѣтъ мы не видались съ ней,
А вмѣстѣ выросли...—«Какъ радъ я!...
Извините...
Рекомендуюсь вамъ... имѣю честь...
Однако же часовъ ужъ шесть...»
— А у меня посланье есть!
(Вскричалъ, къ нимъ подошедши
Риѳмачъ сѣдой и сумасшедшій).
Анюта, знаешь ли? тебѣ я написалъ
Прелестный мадригалъ.
Послушай..»—Батюшка! да постыдись
народу
И дай съ знакомыми ты мнѣ поговорить.»
— А смѣю васъ, сударь, спросить,
Читали ли вы оду
На погребеніе Прибыткина купца?
У Холмогорскаго пѣвца
Ей Богу нѣтъ такой! Войдемте въ эту
лавку;
Я оду вамъ прочту, да притчей пять въ
прибавку.—
Сказалъ и за воротъ совѣтника схватилъ;
А тотъ хоть изумился,
Но за руку жену съ собою потащилъ.
Народъ предъ лавкою столпился
И по гостинному двору прохода нѣтъ.
Безсовѣстный поэтъ
Что силы есть стихи читаетъ,
Жена напрасно унимаетъ,
Купецъ изъ лавки выгоняетъ,
Сидѣлецъ головой качаетъ—
Онъ ничего не примѣчаетъ,
А все читаетъ, да читаетъ
И отъ себя ревнивца не пускаетъ.
Тотъ все молчалъ, молчалъ;
Но напослѣдокъ закричалъ:
Ой караулъ!—и побѣжалъ.
Риѳмачъ за нимъ—кричитъ: *держи! держите!*
Я притчей не читалъ еще, а вы бѣжите!
И оба скрылися изъ глазъ.
«Ну, матушка, такихъ проказъ
(Прасковья Марковна сказала),
Признаться, я не ожидала.
Мой Петръ Кондратьевичъ ревнивъ,
Взыскателенъ, сварливъ,
Но все сноснѣй, чѣмъ вашъ мучитель.»

Я самъ, къ несчастью, сочинитель;
Писать стихи люблю
И ужъ никакъ не утерплю,
Чтобъ не читать *друзьямъ* свои стихотворенья;
А бѣдная моя жена—
Пошли ей, Господи, терпѣнья!—
Хотя не хочетъ, но должна

Сидѣть и слушать, какъ читаю басни, сказки—
Молчитъ голубушка и только щуритъ глазки.
Ахъ, знаю по себѣ, что всякій метроманъ
Жены своей тиранъ.

ж) Лгунъ (1824). (10).

Павлушка-*мѣдный лобъ* (приличное прозванье!)
Имѣлъ ко лжи большое дарованье.
Мнѣ кажется, еще онъ въ колыбели лгалъ;
Когда же съ бариномъ въ Парижѣ побывалъ
И черезъ Лондонъ съ нимъ въ Россію возвратился,
Вотъ тутъ-то лгать пустился!
Однажды... ахъ, его лукавый побери!...
Однажды этотъ лгунъ бездушной
Разсказывалъ, что въ Тюльери
Спускали шаръ воздушной.
«Представьте — говорилъ — какъ этотъ шаръ великъ!
Клянуся честію, такого не бывало!
Съ Адмиралтейство!... что? нѣтъ, мало!
А дѣлалъ кто его?—Мужикъ
Нашъ русскій маркитантъ, коломенскій мясникъ,
Софронъ Егоровичъ Куликъ,
Жена его Матрена
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это лѣтомъ въ ночь—
Въ день именинъ Наполеона.
На шарѣ вышиты гербъ, вензель и корона.
Я *срисовалъ*—хотите?—покажу....
Но послѣ... Слушайте, что я теперь скажу:
На лодочку при шарѣ посадили
Пять тысячъ человѣкъ стрѣлковъ
И музыку со всѣхъ полковъ.
Всѣ лучшіе тутъ виртуозы были.
Пріѣхалъ Бонапартъ и заиграли маршъ.
Наполеонъ махнулъ рукою—
И вотъ Софронъ Егорычъ нашъ,
Въ кафтанѣ бархатномъ, съ предлинной бородою,
Какъ хватитъ топоромъ—
Канатъ вмигъ пополамъ; раздался ружей громъ,—
Шаръ въ небѣ очутился
И вдругъ весь газомъ освѣтился.
Народъ кричитъ: diable! vive Napoleon!
Bravo, monsieur Sophron!
Шаръ выше, выше все—и за звѣздами скрылся.
А знаете ли, гдѣ спустился?
На берегу морскомъ, въ Кале!
Да, опускаяся къ землѣ,
За сосну какъ-то зацѣпился
И на суку повисъ;
Но по веревкамъ всѣ спустились тотчасъ внизъ;
Шаръ только прорвался и больше не годился.
Каковъ же мужичекъ *Куликъ*?»
— Повѣсилъ бы тебя на сосну за языкъ,
Сказалъ одинъ старикъ:
Ну, Павелъ, исполать! Какъ ты людей морочишь!
Обманывалъ бы ты въ Парижѣ дураковъ,
Не земляковъ.
Смотри, братъ, на кого наскочишь!...
Какъ шаръ-то былъ великъ?—
«Свидѣтелей тебѣ представлю, если хочешь:
Въ объемѣ будетъ съ полверсты.»
— Ну какъ же прицѣпилъ его на сосну ты?
За олуховъ что ль насъ считаешь?
Прямой ты *мѣдный-лобъ*! Ни крошки нѣтъ стыда!—
«Э! полно, миленькій, неужели не знаешь,
Что *надобно прикрасить иногда.*»

з) Дворянка-буянка. (*1827*). (11).

Какъ могутъ люди забываться!
Прилично ль дамамъ драться?
Одна изъ городскихъ и самыхъ важныхъ дамъ,
По долгу христіанки
Вошедши въ Божій храмъ,
Плыветъ поднявши носъ,—какъ гордыя дворянки,

Которыя крестьянъ, мѣщанъ
Едва ли чтутъ за христіанъ—
Жеманится, пыхтитъ. Лакей большой предъ нею.
Но въ церкви тѣснота, прохода не даютъ.
«Что ты зѣваешь, плутъ?»
Кричитъ она лакею:
Не можетъ растолкать уродъ
Приказныхъ этихъ модницъ,
Чепешницъ и купчихъ платочницъ.
Пусти меня впередъ!
И барыня моя—нѣтъ, барышня, дѣвица,
Рванулася впередъ какъ львица.
Съ отважностью лихаго мясника,
Который съ братіей своей изъ кабака
По площади бѣжитъ рвать голову съ быка,
Идетъ она и всѣхъ толкаетъ подъ бока
На обѣ стороны локтями,
Ступаетъ съ форсу каблуками
На ноги секретаршъ смиренныхъ и купчихъ,
Да и ворчитъ еще на нихъ.
Вотъ вдругъ впередъ взглянула—
Стоитъ смирнехонько тутъ барышня одна,
Одѣта запросто и молится она.
Злодѣйка такъ ее толкнула,
Что та упала на амвонъ.—
Раздался вопль и стонъ.
Діаконъ оглянулся
И содрогнулся.
Но чѣмъ же кончилось?—Она остановилась,
Не извинилась
И Богу съ важностью дворянской помолилась,
Потомъ же на уборы дамъ
Глядѣла и косилась.

О стыдъ! о срамъ!
И это сдѣлала дворянка и дѣвица!
Проклятая срамница!
Будь я архіерей,
Иль хоть протоіерей,
То право бъ проучилъ злодѣйку:
На паперти бъ ее поставилъ у дверей,
Вздѣвъ ожерелье ей желѣзное на шейку (12).
Сошлось бы множество народа поглядѣть.
Дай Господи ей вѣкъ весь въ дѣвкахъ просидѣть!

и) Канарейка и Соловей (*1830*). (13).

Въ красивой клѣткѣ у окна
Въ саду висѣла Канарейка,
И пѣла цѣлый день она;
Вдали жъ, гдѣ изъ березъ однѣхъ была аллейка,
Къ смородиннымъ, малиновымъ кустамъ,
Въ уединеньи тамъ
Пѣлъ соловей всю ночь и рано по утрамъ.
И человѣкъ, и звѣрь, и птица,
И все, что ни имѣетъ кровь,
Весною чувствуетъ всесильную любовь.
Вотъ познакомилась съ пѣвцомъ пѣвица.
Для Соловья забытъ бездѣльникъ попугай
Въ зеленомъ щегольскомъ мундирѣ;
Всѣхъ птицъ милѣе, лучше въ мірѣ
Пѣвицѣ Соловей: какъ запоетъ, такъ рай!
И Соловей, любимецъ розы
Нерѣдко ночью покидалъ
Свои душистыя березы,
У дома подъ окномъ по цвѣтнику порхалъ
И въ чаяньи награды
Въ сиреневыхъ кустахъ давалъ ей серенады.
Онъ Канареечку всѣмъ сердцемъ полюбилъ.
Сначала, какъ артистъ, неловокъ, робокъ былъ,
Но наконецъ рѣшился
И въ страсти пламенной, вздыхая, объяснился.
Чувствительная жъ дщерь Канарскихъ острововъ,
Желтѣй соломы и лимона,
Зажмуряся, въ полтона
Пропѣла, что и ей милъ лучшій изъ пѣвцовъ.

Любовники уговорились
Въ лѣсъ дальній улетѣть;
Забыли клѣтку запереть;
Женихъ съ невѣстою пустились,
При покровительствѣ небесъ,
Въ желанный лѣсъ.

Летѣли долго—прилетѣли
Ужъ къ вечеру, въ густой кустъ сѣли,
Поцѣловались и запѣли....
А съ самаго утра не ѣли.
Вотъ новобрачная супругу говоритъ:
«Какъ весело тебя мнѣ слушать!.....
Однако же нельзя ль чего нибудь покушать?»
— Сейчасъ, о ангелъ мой!—И Соловей летитъ,
Какъ-бы отъ ястреба пустился,
Черезъ минуту воротился
— О другъ моей души!
Вотъ мураши,
И очень хороши!
Вотъ муравьиныя яички.....—
«Не для воспитанной, сударь, въ столицѣ птички.
Бисквитовъ принеси, конфетъ!»
— Увы, въ лѣсу ихъ нѣтъ!—
«Нѣтъ? Что же, съ голоду мнѣ умереть здѣсь должно?»
— Пожалуй, сѣмячекъ найти на полѣ можно.—
«Да! стану сѣмя я клевать!»
И ну тутъ милаго ругать,
Ужасно разсердилась
И къ попугаю въ садъ опять переселилась.

Неопытные женихи!
Когда плѣнитеся *воспитанной* дѣвицей,
Неразлучавщейся съ роскошною столицей,—
Прочтите вмѣстѣ съ ней мои стихи:
Коль кушать согласится
Изъ *незабудокъ супъ*—совѣтую жениться.

¹) Измайловъ, Александръ Ефимовичъ (1779—1831), воспитывался въ горномъ кадетскомъ корпусѣ. По окончаніи курса наукъ (1797), ему слѣдовало явиться въ преображенскій полкъ, куда онъ былъ записанъ еще съ малолѣтства, по тогдашнему обычаю; но, чувствуя себя неспособнымъ къ военному званію, онъ получилъ отъ него увольненіе и опредѣлился къ статскимъ дѣламъ по министерству финансовъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 33-хъ лѣтъ, онъ не перемѣнялъ рода своей службы и почти все ея время провелъ въ Петербургѣ. Только два раза оставлялъ онъ столицу, и то на короткое время: въ 1826 г. онъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Тверь, откуда въ 1828 г. переведенъ, также вице-губернаторомъ, въ Архангельскъ, гдѣ оставался около года. Служба не мѣшала Измайлову постоянно заниматься словесностью,которую онъ любилъ искренно и горячо. Первое его стихотвореніе: «Смерть» (переводъ изъ Малерба) напечатано въ мартовской книжкѣ «С.п.бургскаго журнала» (1798), а первое сочиненіе въ прозѣ: «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества», вышло въ 1799 г. (*). Его стараніемъ и подъ его руководствомъ, вмѣстѣ съ Попугаевымъ, Востоковымъ и Борномъ, образовалось «Общество любителей словесности, наукъ и художествъ» (1801). Труды членовъ этого общества, подъ заглавіемъ «Свитокъ Музъ», напечатаны въ 1802—1803 г.; кромѣ того оно выдало 1-ую часть «Періодическаго изданія» (1804) и издавало «С.п.бургскій Вѣстникъ» (1812). Съ цѣлію дать обществу постоянный органъ для заявленія своей дѣятельности, Измайловъ, бывшій его предсѣдателемъ, основалъ журналъ «Благонамѣренный», существованіе котораго продолжалось десять лѣтъ (съ 1818 по 1827). Еще прежде этого, онъ два года занимался редакціею журнала «Цвѣтникъ»: въ 1809 г. вмѣстѣ съ Бенитцкимъ, а по смерти Бенитцкаго съ Павломъ Никольскимъ (1810). Первое изданіе его басенъ и сказокъ явилось 1814 г. Въ 1817 г., онъ временно завѣдывалъ редакціею «Сына Отечества», издатель котораго, г. Гречъ, уѣзжалъ за границу. Кромѣ того имъ изданы двѣ книжки альманаха: «Календарь Музъ» на 1826 и 1827 г.г. Въ концѣ 1830 г., Измайловъ, по разстроенному здоровью, уволенъ отъ службы. Въ отставкѣ онъ короткое время преподавалъ русскую словесность воспитанникамъ пажескаго корпуса.

Скудныя біографическія извѣстія, собранныя по смерти Измайлова, дополняются его собственными указаніями въ сочиненіяхъ и журналѣ «Благонамѣренный». По нимъ легко видѣть не только литературныя, но даже служебныя и семейныя его обстоятельства. Различныя черты его портрета, набросанныя имъ самимъ, даютъ возможность представить личность нашего баснописца—внѣшнюю и внутреннюю,—личность по преимуществу добрую, откровенную, простодушную, правдивую. Измайловъ былъ честный человѣкъ и благонамѣренный литераторъ, который никому не враждовалъ и котораго любилъ каждый, кто зналъ его хорошо. На «Бла-

(*) Измайловъ написалъ эту повѣсть вскорѣ по выходѣ изъ корпуса, какъ видно изъ его собственныхъ словъ:

Осьмнадцати, не больше, лѣтъ,
Урода этого я произвелъ на свѣтъ

гонамѣреннаго» сердиться невозможно, говаривалъ издатель «Дамскаго журнала» (кн. Шаликовъ). Эти слова, сказанныя въ чувствѣ литературной досады, могли говорить не только знакомые Измайлова, но даже подписчики на его журналъ, неисправно издававшійся. Въ кругу современныхъ ему писателей онъ оставилъ по себѣ доброе воспоминаніе (Сѣверная Пчела, 1849 г., ст. Булгарина о Смирд. изд. сочиненій Измайлова; Біографическій очеркъ Измайлова въ Иллюстраціи 1846 г., т. 2; Письма Измайлова къ Грамматину, въ 13 и 14 №№ Библ. Зап. 1859 г.; см. также мои критическія статьи о сочиненіяхъ Измайлова въ Современникѣ 1849 г., № 12, и 1850, №№ 10 и 11).

Сочиненія и изданія Измайлова:

Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества. Повѣсть въ 2 ч. (1799; 2-ое изд.—1801).

Бѣдная Маша, россійская, отчасти справедливая повѣсть (1801).

Разсужденіе о нищихъ, какимъ образомъ можно уменьшить у насъ въ Россіи великое число оныхъ и доставить всѣмъ прочимъ безнужное пропитаніе безо всякаго на то иждивенія казны (1804).

Вчерашній день или нѣкоторыя размышленія о жалованьѣ и о пенсіяхъ (1807).

Басни и сказки, первое изданіе, 1814 г. (26 піесъ); второе, въ 3-хъ книгахъ, 1819 (45 піесъ); новыя басни и сказки, также разныя мелкія стихотворенія, съ присовокупленіемъ опыта о разсказѣ басни 1817 (это изданіе, которое самъ авторъ назвалъ третьимъ, содержитъ въ себѣ 9 басенъ, 13 сказокъ, смѣсь, т. е. разныя, большею частію мелкія стихотворенія, и опытъ о разсказѣ басни, составляющій часть полнаго Разсужденія или опыта о баснѣ); четвертое, въ 3-хъ ч., 1821 (въ 1-ой ч. помѣщено 35 собственно такъ называемыхъ «басенъ, или апологовъ», fables morales et mixtes; во 2-ой—42 «притчи и сказки» — fables raisonables et contes; 3-ья, по объявленію автора, должна была заключать въ себѣ «Опытъ о разсказѣ басни и разборъ нѣкоторыхъ образцовыхъ басенъ лучшихъ нашихъ фабулистовъ», но она не вошла въ это изданіе; пятое, въ 3 ч., 1826 (ч. 1-ая—54 басни; ч. 2-ая—40 сказокъ; ч. 3-ья—«Опытъ о разсказѣ басни, съ присовокупленіемъ разбора нѣкоторыхъ образцовыхъ басенъ лучшихъ россійскихъ фабулистовъ, служащій дополненіемъ къ баснямъ и сказкамъ); шестое — 1839 г.; седьмое, въ 2-хъ ч., 1862 (ч. 1-ая—60 басенъ, ч. 2-ая—54 сказки). При 4-мъ и 5-мъ изданіяхъ въ особомъ оглавленіи указаны источники, откуда заимствованы переводныя и подражательныя басни и сказки.

Письмо издателя Благонамѣреннаго къ редактору Вѣстника Европы (Каченовскому) о десятилѣтіи Сына Отечества (1822).

Въ одномъ году (1826) съ 5-мъ изданіемъ басенъ Измайлова вышла первая часть его сочиненій (проза). Незадолго до смерти, онъ приготовилъ къ печатанію вторую часть (стихотворенія), но не успѣлъ ее выдать.

Смирдинское изданіе сочиненій Измайлова (1849) состоитъ изъ 2-хъ томовъ (въ 1-мъ проза, во 2-мъ стихотворенія). Здѣсь 68 басенъ и 58 сказокъ.

Есть извѣстіе, что Измайловъ, по совѣту Коцебу, велъ собственно для себя журналъ, подъ названіемъ «Книга совѣсти». Сохранился ли этотъ журналъ и, если сохранился, гдѣ онъ,—неизвѣстно.

«Благонамѣренный» издавался сначала ежемѣсячно, потомъ два раза въ мѣсяцъ и наконецъ каждую недѣлю, почему Измайловъ въ шутку называлъ его *недѣльнымъ*. Книжки выходили неисправно, въ чемъ издатель комически оправдывался; такъ въ 1820 г., по случаю запоздалаго появленія нумера на масляницѣ, онъ сознался въ винѣ своей передъ читателями:

Какъ русскій человѣкъ, на праздникахъ гулялъ,
Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ.

О Цвѣтникѣ было сказано выше (стр. 136).

[2]) Основнымъ текстомъ басенъ Измайлова принимаю (какъ и въ басняхъ Крылова) послѣднее ихъ изданіе, вышедшее при жизни автора (5-ое, 1826), указывая при каждой, гдѣ и когда она явилась впервые.

[3]) «Журналъ Россійской Словесности, Брусилова» (1805, № XI), гдѣ эта басня напечатана подъ заглавіемъ: «Соловей и Кукушка» (изъ Геллерта). Измайловъ написалъ ее на извѣстнаго метромана, гр. Д. И. Хвостова, какъ можно догадываться и по слову «хвастунъ» въ нравоученіи.

[4]) Басни и сказки А. Измайлова, изд. 2-ое (1816 г.). Я выставилъ 1815-ый, такъ какъ рукопись была цензурована въ концѣ этого года.

[5]) Эта строка и предъидущая образуютъ одинъ стихъ, по ошибкѣ наборщика раздѣленный на два.

[6]) Эта басня, по ошибкѣ, поставлена прежде другихъ, раньше написанныхъ. Благонамѣренный, 1822, № 43; нап. также въ Сынѣ Отечества 1822 г., № 42. На подобной игрѣ словъ вертится другая сказка: «Такъ да не такъ» (Соревнователь просвѣщенія и благотворенія, 1823, ч. 3).

[7]) «Новыя басни и сказки А. Измайлова (3-ье изд., 1817). Это одна изъ лучшихъ басенъ, наиболѣе характеризующихъ свойство его таланта. Нѣкоторые стихи сдѣлались какъ бы классическими. Особенно нравилось читателямъ изображеніе будочниковъ:

Два воина осанки важной,
Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.

Послѣдніе два стиха въ нравоученіи очень метки и злы.

8) Соревнователь просвѣщенія, 1823, ч. 3.

9) Полярная звѣзда на 1823 г. Здѣсь снова является лице, о которомъ мы упоминали въ 3-мъ примѣчаніи и которое служитъ также предметомъ сказокъ: «Стихотворецъ и Чортъ», «Страсть къ стихотворству». Измайловъ выводилъ его иногда подъ именемъ «Графова», какъ будто опасаясь, что читатели не поймутъ, на кого онъ метилъ въ своихъ, вовсе не замаскированныхъ характеристикахъ.

10) «Полярная звѣзда на 1824 г.» Въ этой баснѣ, восхищавшей современныхъ читателей, осмѣяна слабая сторона одного изъ литераторовъ—*Павла* Петровича Свиньина, редактора Отечеств. Записокъ (съ 1820 по 1828) и автора «Опыта живописнаго путешествія по Сѣверной Америкѣ» (1815) и «Ежедневныхъ Записокъ въ Лондонѣ» (1817). О немъ говорили, что онъ дѣйствительно *сочиняетъ* путешествія. Пріятели, шутя надъ его слабостью, совѣтовали ему вести «исходящую», т. е. для избѣжанія противорѣчій самому себѣ записывать въ особой книгѣ все, что имъ ни говорится. Имя «Куликъ» указываетъ на сочиненіе Свиньина: «Жизнь русскаго механика Кулибина и его изобрѣтенія» (1819).

11) Сочин. Изм., изд. Смирдина.

12) Встарину надѣвали въ церквахъ ошейники на тѣхъ, которые дѣлали тамъ какое-либо безчиніе. Ошейники сіи прикованы были цѣпью къ стѣнамъ. *Прим. Измайлова.*

13) Литерат. Газета, издававшаяся Дельвигомъ (1830, № 15). Басня, какъ здѣсь сказано, переведена съ нѣмецкаго. Есть и другія басни, въ которыхъ Измайловъ подражалъ Лессингу (Волкъ и Лисица) и Геллерту (Несчастный любовникъ, Умирающая собака). Между тѣмъ, въ одномъ письмѣ (1822 г.), описывая экзаменъ въ училищѣ благородныхъ дѣвицъ при с.п.бургскомъ женскомъ патріотическомъ обществѣ, Измайловъ ясно говоритъ: «какъ сожалѣлъ я, что не разумѣю нѣмецкаго языка.» (Соч. Изм., въ Смирд. изд., II, 481). Впрочемъ, онъ могъ знакомиться съ нѣмецкими баснями по ихъ переводамъ на франц. или русскій языкъ.

XXIV.

НАХИМОВЪ. (1).

А. Элегія-сатира (1809). (2).

Восплачь канцеляристъ, повытчикъ, секретарь!
Надсмотрщикъ возрыдай и вся приказна тварь!
Ланиты въ горести чернилами натрите
И въ перси перьями другъ друга поразите!
О, сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
Зрятъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщеньемъ,
И акциденцій (3) всѣхъ и ябедъ истребленьемъ.
Какъ древо, сокрушенъ падетъ подьячихъ родъ;
Увы, насталъ для васъ теперь плачевный годъ!
Какія времена! должны вы слушать курсы,
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсы.
Ахъ! если бы воскресъ одинъ хоть думный дьякъ
И съ челобитною явясь предъ царскій зракъ,
Чѣмъ заслужили гнѣвъ мои, воскликнулъ, внуки,
Что посылаются къ нимъ палачи науки?
Ты хочешь, чтобъ отъ ихъ немилосердыхъ рукъ,
Расправился или переломился крюкъ.
О солнце, не лишай ты филиновъ затменья,
Да крюкъ пребудетъ крюкъ по силѣ Уложенья!
Но что! гдѣ дьякъ и гдѣ прошеніе къ царю?

Бѣда коллежскому теперь секретарю.
Очинъ ассесорскій, толико вожделѣнный!
Ты убѣгаешь днесь, когда я, восхищенный,
Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ:
Быть можетъ—навсегда прости, любезный чинъ.
Сколь тяжко для меня, степенна человѣка,
Учиться начинать, проживши ужъ полвѣка!
Какія каверзы, какое зло для насъ
О просвѣщеніи глясящій намъ указъ!
Друзья! пока еще не свѣтло въ нашемъ мірѣ,
На счетъ просителей пойдемъ гулять въ трактирѣ;
Съ отчаянья начнемъ какъ можно больше драть:
Свѣтъ близокъ—должно ли ворамъ теперь дремать?

в. Отрывки изъ Пурсоніады. (¹).

а) Изъ первой пѣсни.

Помилуй ты меня, о Фебъ, парнасскій богъ!
Кого велишь ты пѣть, внушая мнѣ восторгъ?
Ахъ! сжалься надо мной, чувствительная Муза!
Могу ли я хвалить толь дивнаго француза,
Каковъ былъ нѣкогда преславный Пурсоньякъ?
Въ Парижѣ продавалъ на рынкѣ онъ табакъ,
Герой былъ въ кабакахъ и первый жрецъ въ харчевняхъ;
Шумѣлъ на площадяхъ, смирялся онъ въ деревняхъ,
Гдѣ часто странствовалъ для черстваго куска,
Гдѣ бѣдная его, голодная рука,
Тряся котомкою, прохожихъ умоляла,
И съ жадностію хлѣбъ насущный принимала.
Изъ нищихъ вдругъ потомъ попался Пурсоньякъ
Въ число мошенниковъ, воровъ и забіякъ;
Потомъ онъ заклейменъ и сосланъ на галеру,
Но, земляковъ своихъ послѣдуя примѣру,
Чудеснымъ образомъ въ Россію убѣжалъ,
И ссылочный французъ какъ солнце возблисталъ.

Возсталъ французъ, но ахъ! отъ слабости шатался;
Вотще онъ воздухомъ, какъ манною, питался:
Лишь первый шагъ ногой дрожащею ступилъ,
Зефиръ съ насмѣшкою француза повалилъ.
Внезапно выглянулъ изъ ада Вельзевулъ,
Во всю бѣсовску мочь онъ крикнулъ: караулъ!
И къ Гладу такъ вѣщалъ: «о подлый забіяка,
Вотъ до чего довелъ ты славна Пурсоньяка!
Познай, что сей французъ—мой искреннѣйшій другъ;
Ступай къ нему, ступай скорѣе для услугъ!»
Уродливый скелетъ, вооружась клюкою,
Пустился въ дальній путь съ походною сумою;
По ребрамъ повязалъ широкій онъ кушакъ
И пламенный надѣлъ на голову колпакъ;
Гремитъ онъ на бѣгу изсохшими костями,
И, челюсть искривявъ, гигантъ стучитъ зубами;
Траву, и дерево, и корни, и цвѣты
Теребитъ, гложетъ, жретъ, глотаетъ все въ пути.
«Возможно ль! онъ кричитъ: я долженъ быть слугою!
Вотъ какъ ругается царь адскій надо мною!
Нѣтъ, Вельзевулъ! хотя ты знатный господинъ,
Но Голодъ въ пеклѣ тожъ имѣетъ знатный чинъ,
И родъ мой твоему ни чѣмъ не уступаетъ:
Почтенна Смерть меня отмѣнно уважаетъ;
Война сестра моя, а Нищета кума,
Родная тетка мнѣ сіятельна Чума,
Въ великой дружбѣ я съ ученостью бываю
И часто чудеса творить ей помогаю.
О, сколь поругана высока честь моя:
Холопомъ буду нынь у санкюлота я!

Хоть долженъ выполнить бѣсовско повелѣнье,
Но Стиксомъ я клянусь питать къ французамъ мщенье,
И, въ помощь пригласивъ Развратъ, Болѣзнь, Войну,
Обрушу гибель всю на горду ихъ главу!—

Безумные враги отечественныхъ щей!
Не зрю я въ васъ Славянъ, не зрю богатырей:
Насилу движутся полмертвы ваши трупы!
Оставьте наконецъ вы соусы и супы;
Не Галламъ вы должны, но предкамъ подражать:
Прямою доблестью и пузомъ щеголять.

б) Изъ второй пѣсни.

На деньги ужасть какъ нечисты духи падки;
Извѣстно, что они всегда любили взятки;
Бѣсовской алчности уже я зрю примѣръ:
Содралъ съ меня алтынъ на привязи Церберъ.
Когда съ бумагой въ судъ приходитъ челобитчикъ,—
Кряхтитъ и кашляетъ отъ радости повытчикъ,
Облизывается въ восторгѣ секретарь
И нюхаетъ табакъ приказна мелка тварь.
Проситель корчится; подьячіе гордятся:
Змѣею долженъ онъ предъ гадомъ увиваться,
Просить и кланяться, давать и обѣщать,
Въ трактирахъ подчивать и дома угощать.
Случилось такъ и мнѣ межъ адскими крючками.
Чего не дѣлалъ я предъ подлыми чертями!
Нижайше кланялся, покорнѣйше просилъ;
Давая деньги имъ, кису опорожнилъ;
Но недовольны тѣмъ кургузы оплеталы:
Зачѣмъ, кричатъ, зачѣмъ твои карманы малы?
Насилу я смягчилъ бѣсовскія сердца.
Отверзлися врата геенскаго дворца:
Въ огнѣ и въ пламени монархъ мнѣ адскій зрится,
Престолъ его въ дыму, какъ ветчина, коптится;
Покрыты сажею порфира и вѣнецъ;
Величество его такъ черно, какъ кузнецъ.
Отъ роду я не зрѣлъ толь пакостныя рожи!

Простерла Мода перстъ—и вдругъ дѣвицы, дамы,
Какъ вѣдьмы, стали всѣ съ предлинными хвостами;
Рекла—и волосы нависли на глаза;
Велитъ—и лысина, гдѣ были волоса;
Восхощетъ—и всѣ вдругъ дѣвицы обнажатся
И будутъ голыя, какъ дикія, таскаться;
Прикажетъ имъ—и вдругъ одѣнутся въ мѣшки,
И вмѣсто чепчиковъ носить начнутъ горшки;
Мигнетъ—и тѣ, что нынь лепечутъ по-французски,
Заквакаютъ въ домахъ, какъ жабы иль лягушки.

в. Пѣснь Лужѣ.

Пускай иной, потѣя годы,
Съ надсадой трубитъ страшны оды
Ручьямъ, озерамъ ѝ морямъ:
Не море, Лужу воспѣваю;
Грязь въ жемчугъ я преобращаю,
Ударивъ лиры по струнамъ.

Судебъ благоугодно волѣ,
Чтобъ, Лужа, ты, въ несчастной долѣ,
Была другихъ всѣхъ ниже водъ:
Ручьи насъ веселятъ струями,
Моря приводятъ въ страхъ волнами,
А Лужей брезгуетъ народъ.

Но насѣкомы неисчетны,
Для гордыхъ взоровъ непримѣтны,
Зрятъ въ Лужѣ дивный океанъ
И въ подлыхъ жабахъ—страшныхъ китовъ;
Четвероногихъ сибаритовъ
Ты вмѣстѣ ванна и диванъ.

Паши, украшенны щетиной,

Презрѣнною твоею тиной
Не промѣняются на пухъ:
За бархатъ грязь они считаютъ
И въ роскоши такой не чаютъ,
Что ихъ готовятъ подъ обухъ.

Ни предъ ручьемъ, ни предъ рѣкою
Ты не похвалишься водою;
Но страннику, въ несносный жаръ,
Вода твоя въ степи ливійской,
Или въ пустынѣ аравійской —
Небесный кажется нектаръ.

Пространствомъ море пусть гордится,
Шумитъ волнами и стремится
Достигнуть грозной высоты:
Въ обширности неизмѣримой,
Однимъ Всесильнымъ обозримой,
И море—лужа, какъ и ты.

Хотя бъ на днѣ его лежали
Блестящій бисеръ и кораллы,
Приманчивы для алчныхъ глазъ;
Но что жъ? предъ мудрыми очами,
Столь почитаемые нами,
Кораллъ и бисеръ—таже грязь.

Нѣтъ! Лужи я не презираю;
Я въ Лужѣ пользу обрѣтаю;
Наставникъ Лужа для меня,
Читаетъ мнѣ урокъ прекрасный,
Съ которымъ опыты согласны,
Сію намъ истину гласяː

Чей духъ лѣнивый дремлетъ вѣчно,
Въ томъ мысль и чувствіе сердечно—
Какъ въ лужѣ мутная вода;
И праздности его въ награду
Пороки въ немъ, подобно гаду,
Плодятся, множатся всегда!

Г. ЭПИГРАММЫ.

а) Кутейкину, который, кончивши въ семинаріи поэзію, посвященъ въ пономари.

Прошедъ поэзію, крылатаго Пегаса
Кутейкинъ осѣдлалъ;
Онъ думалъ залетѣть на верхъ горы Парнаса,
Но быстрый конь его на колокольню мчалъ.

б) Франту, причесанному à la coq.

Съ забавнымъ встрѣтился сегодня я дѣтиной;
За диво можно бы показывать его:
Пѣтушій гребень у него
На головѣ ослиной.

в) Виртуозу Антину. (*).

На лирѣ золотой когда Орфей игралъ,
То горы, и лѣса, и тартаръ подвигалъ;
А ты, Антинъ, когда на скрипкѣ заиграешь,
Смычекъ лишь подвигаешь.

г) Чортъ и Смерть.

«Куда, курносая?»—Иду я за душою—
«Къ кому?»—Къ секретарю: такъ велѣно судьбою!—
«Ахъ, какъ проста судьба! живетъ она въ глуши:
Какой въ секретарѣ, какой искать души!
Но если бъ и была, то вѣрь, что прежде смерти
Ту душу за алтынъ купить успѣютъ черти.»

Д. СКАЗАНІЕ О ѲЕМИДѢ И ОБЪ ИНОПЛЕМЕННЫХЪ ПРИКАЗНЫХЪ.

Обитаемая нами планета значитъ менѣе по вселенной, нежели какой нибудь уѣздный городъ въ обширной Россійской Имперіи. Удивительно ли, что богиня Правосудія не часто посѣщаетъ нашъ уѣздный міръ? Ея присутствіе нужно и для другихъ планетъ, изъ коихъ нѣкоторыя, по своему пространству и многолюдству, заслуживаютъ названіе міровъ губернскихъ. Таковъ Юпитеръ: онъ въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе Земли. Московскій гигантъ Иванъ Великій ничто въ сравненіи съ Юпитерскимъ подьячимъ, котораго карманъ—ужасная без-

дна, могущая поглотить всѣхъ крючкотворцевъ земнаго шара. Вотъ какими приказными громадами озабочено теперь Правосудіе! Не столько восхищается земнородный крапивнаго естества, наблюдая сквозь очки движеніе красной ассигнаціи въ рукѣ просителя, сколько восхищался одинъ знаменитый астрономъ нашей планеты, взирая сквозь волшебный телескопъ на слѣдующее происшествіе:

Быстро катилася Ѳемидина одноколка по эѳирной столбовой дорогѣ. На границѣ Юпитерской атмосферы удивительное зрѣлище представилось очамъ Ѳемиды: шесть парадныхъ филиновъ важно подвигали торжественный берлинъ, откуда выглядывала угрюмая Ночь, оправляя на себѣ блестящія звѣзды. Сіяющая мрачность согласилась, по усильной просьбѣ Правосудія, закрыть звѣзды свои черною мантильею. Симъ воспользовалась Ѳемида и очутилась на площади одного города, подлѣ огромнаго зданія, не въ величествѣ богини, но въ смиренномъ видѣ челобитчика. Какое-то горестное предчувствіе стѣснило сердце Ѳемиды! Появившаяся Луна указала ей, на крыльцѣ высокихъ палатъ, чернильницы сокрушенныя, бумагу растерзанную и перья изгрызенныя. Здравствуй, Правосудіе-челобитчикъ! вѣщала съ усмѣшкою Луна. Странно мнѣ, Ѳемида, что ты, при одномъ взглядѣ на посвященный тебѣ храмъ, повѣсила уже носъ. О, сколь будешь ты утѣшена, когда лучезарный братъ мой покажетъ тебѣ служителей твоихъ! Клянусь Стиксомъ, что на Юпитерѣ подьячіе самыя неугомонныя твари. Теперь, во время всемірной тишины, иные изъ нихъ за карточными столами гремятъ алтынами; другіе, при неистовыхъ восклицаніяхъ, бьютъ въ дребезги опорожненныя фляги и красоули; иные же, въ ябедническомъ изступленіи, заставляютъ кричать несчастныя перья; даже и тѣ, которыхъ Морфей держитъ на привязи, нарушаютъ страшнымъ храпѣніемъ спокойствіе природы. Прости, жалкое подьяческое божество! скоро увидишься ты съ Авророю. Багряная сія богиня не замедлила показаться верхомъ на красной лошади. И съ богини, и съ коня сыпались румяна. Примѣтя въ Ѳемидѣ удивленіе, Заря сказала ей: такъ ли ты удивишься, когда увидишь дѣвственную красоту подьячихъ здѣшней планеты! Райскія розы цвѣтутъ на ихъ пухлыхъ ланитахъ, и небесная лазурь бываетъ нерѣдко у нихъ подъ глазами. Внезапно отворились двери храма и вышло нѣкое приказное чудо для нѣкоего, не терпящаго проволочки, дѣла. Ужасный писарь возвратился въ свое логовище, зѣвая и потягиваясь. Не только бѣднаго челобитчика, но и Аврору взглядомъ онъ не удостоилъ. Вотъ, сказала Аврора Ѳемидѣ, одинъ изъ твоихъ причетниковъ. При наступленіи ночи, Морфей засталъ его въ храмѣ твоемъ еле-движущагося, и повергъ безчувственна съ презрѣніемъ подъ лавку. Ахъ, еслибы Морфей не подъ лавку, но въ преисподнюю забросилъ сіе скаредное порожденіе ябеды, находившееся при послѣднемъ издыханіи отъ чрезмѣрнаго пріема пьяной акциденціи! Ты видѣла, какъ грубо обошелся со мною крючкотворецъ. Но можетъ ли Заря обижаться нечувствительностью сего животнаго? Само солнце никогда не зрѣло на Юпитерѣ такого дива, чтобы великолѣпіемъ его восхищался подьячій. Въ гадахъ и въ чудовищахъ возбуждаютъ, кажется, солнечные лучи нѣкоторое чувство благодарности, а въ подьячихъ, въ сихъ одаренныхъ жизнію куфахъ, производятъ они только броженіе. Правда! воскликнулъ Фебъ,—и Заря, засвидѣтельствовавъ ему и Ѳемидѣ усердное почитаніе, ускакала. Въ слѣдъ за нею отправилась и тишина. Разнозвучные голоса колоссальныхъ жителей Юпитера потрясли воздухъ. Сиповатый и принужденный подьяческій голосъ отличался отъ другихъ и былъ несносенъ для ушей Правосудія. Вскорѣ покрылась Ѳемидина площадь нижайшими формами: онѣ имѣли скрюченное

туловище, проворныя ходули, острыя когти, желѣзный лобъ, мутные глаза; ноздри табаку алчущія, уста водки жаждущія, уши длинныя, пернатыя и карманы широкіе, укладистые. Хищное сонмище раздѣлилось на двѣ части: меньшая, кашляя и кряхтя, вступила во храмъ Правосудія, а большая направила стопы къ Бахусову капищу. Богиня-челобитчикъ дрожащею ногою коснулася прага судилища. Остановись! грозно сказала ей нѣкая плѣшивая особа: я здѣшняго храма пономарь! Должность моя состоитъ въ томъ, чтобы наполнять жертвенные сосуды чернилами и собирать пошлину со входящихъ въ Ѳемидино святилище молельщиковъ. Подай алтынъ!—Тщетно Правосудіе увѣряло своего пономаря, что оно, по неимѣнію широкихъ кармановъ, не могло запастись алтынами: грубый алтынникъ хотѣлъ уже оттолкнуть отъ дверей бѣдную свою богиню, но Фебъ такъ сильно бросилъ лучъ въ его плѣшивую голову, что пошлина вылетѣла оттуда вмѣстѣ съ памятью. Освобожденная отъ приказнаго Цербера, Ѳемида вошла во внутренность храма. Какая чрезвычайная картина поразила взоры Правосудія! Тамъ страшная бумажная гора возносила до потолка гордое свое чело, увѣнчанное паутиною; а здѣсь простиралось длинное деревянное поле, усѣянное чернильницами и табакерками испещренное; по краямъ его возвышались бумажные холмы, на которыхъ съ крикомъ бѣгало многочисленное стадо гусиныхъ перьевъ. Принуждали ихъ къ тому бездушные дьячки храма. Къ одному изъ сихъ дьячковъ, сирѣчь подьячихъ, подошла богиня-челобитчикъ и сказала ему, что ей нужна помощь Правосудія. Подьячій, не говоря ни слова, протянулъ къ ней руку. Ѳемида подходила къ каждому изъ нихъ поочереди, но всѣ они молчали и протягивали руки. Богиня погрузилась въ мрачную задумчивость. Вижу, шепнулъ ей наконецъ подьяческій голосъ, что ты челобитчикъ непросвѣщенный. Пойдемъ въ капище премудраго Бахуса, принесемъ ему на твой счетъ утреннюю жертву, и тогда открою тебѣ важныя таинства нашего храма.—Открой мнѣ напередъ, сказала Ѳемида, гдѣ ваши жрецы, гдѣ вашъ дьякъ и гдѣ вѣсы правосудія?—Все сіе принадлежитъ къ таинствамъ, отвѣчалъ подьячій. Взглянувъ на него съ презрѣніемъ, Ѳемида вышла изъ храма. Она возвела къ солнцу печальные взоры. Чувствительный Фебъ и самъ прослезился. Онъ подалъ ей знакъ, чтобы слѣдовала за нимъ, и привелъ ее на одинъ пространный дворъ. Здѣсь толпа народа, обремененнаго различными приношеніями, тѣснилась вокругъ огромныхъ вѣсовъ. Съ отчаяніемъ увидѣла Ѳемида надпись: *вѣсы правосудія*, и стоявшаго подлѣ нихъ жирнаго дьяка. Посмотримъ, говорилъ дьякъ одному отвѣтчику, что ты въ свое оправданіе положишь на сіи безпристрастные вѣсы.—Я кладу, сказалъ несчастный, мою совѣсть, мою обиду, мои слезы.—И только! возгласилъ дьякъ; а ты, господинъ истецъ, что положишь въ доказательство справедливости твоего иска?—Не токмо положу, но и поставлю, отвѣчалъ сутяга. Кладу сію сафьянную архиву, наполненную синими, красными и бѣлыми документами; въ дополненіе же ставлю на безпристрастные вѣсы фуру питательныхъ документовъ и сороковую бочку самаго крѣпкаго доказательства справедливости моего иска. Отвѣтчикъ проигралъ! воскликнулъ дьякъ; вѣсы Правосудія упали на твою, истецъ, сторону. Иди съ миромъ и поклонися жрецамъ.—Чувствуешь ли ты, съ гнѣвомъ у дьяка спросила Ѳемида, что такое Правосудіе?—Очень чувствую, отвѣчалъ дьякъ, погладивъ себя по толстому чреву. Правосудіе, очищенное отъ акциденціи, составило бы нѣкую воздушную снѣдь, довольно, можетъ быть, сытную для постныхъ людей, именуемыхъ добрыми, но весьма неудовлетворительную для приказной лакомой утробы. Утверждаютъ въ шко-

лахъ, что Правосудіе добродѣтель, а преданіе гласитъ, что оное Правосудіе божество; но можетъ ли сія добродѣтель, сіе божество сравниться съ свѣжепросольною осетриною и съ копченымъ окорокомъ?—О Солнце! вскричала Ѳемида, принявъ на себя величественный видъ богини, ты обтекаешь вселенную, вѣщай: гдѣ еще растутъ столь подлые дьяки и подьячіе?—Нигдѣ, отвѣчалъ Фебъ. Въ небольшомъ мірѣ, называемомъ Землею, приказные не столь крупны, какъ на Юпитерѣ; но они могутъ почесться украшеніемъ своей планеты. Земные дьяки и подьячіе не опиваютъ и не обыгриваютъ просителей, не кривятъ душею, чужды ябеды, непричастны акциденціи, усердны государю и Правосудію. Если бы тамъ осмѣлился дьякъ перенести изъ судилища на свой дворъ вѣсы правосудія, то онъ былъ бы осмѣянъ, презрѣнъ и повѣшенъ.— А ты, людоѣдъ, вѣщала Юпитерскому дьяку Ѳемида, думаешь ли, что злодѣянія твои останутся ненаказанными? Позовите ко мнѣ искуснаго анатомика.—Всепресвѣтлѣйшая богиня! возопилъ дьякъ, бью челомъ о нижеслѣдующемъ: повели разсмотрѣть мое уголовное дѣло судебнымъ порядкомъ и дозволь мнѣ, окаянному, умереть по формѣ.—Между тѣмъ явился искусный анатомикъ, и узнавъ, что должно потрошить дьяка, произнесъ по сему случаю витіеватую латинскую рѣчь. Потомъ, растянувши дьяка на сороковой бочкѣ, принялся анатомить его карманъ. Дьякъ ощутилъ ужасное мученіе и поднялъ жалкій крикъ. Посинѣвшее лице и судорожное движеніе перстовъ, недавно алтыны принимавшихъ, показывали исходъ дьячей души. Вскорѣ вылетѣла она изъ распоротаго кармана въ образѣ нетопыря—и страдалецъ преставился. Богиня приказала разрѣзать лакомую утробу; но анатомикъ поклялся всею миѳологіею, что отъ вскрытія дьячаго чрева непремѣнно произойдетъ моровая язва. Въ головѣ у дьяка найдено, сверхъ множества крючковъ, основательное познаніе о ходячей монетѣ, о напиткахъ и съѣстныхъ припасахъ; подъ ябедническими ногтями примѣчено ядовитое чернило; а въ груди, къ лѣвой сторонѣ, отысканъ большой камень. Ѳемида повелѣла на семъ камнѣ вырѣзать надпись: *чувствительное сердце Юпитерскаго дьяка*—и сію натуральную рѣдкость отослала въ кунсткамеру. Туда же отправила и дьячій трупъ, посадивши въ наполненную спиртомъ сороковую бочку. Неизвѣстно еще, какъ поступлено съ подьячими. Но весьма вѣроятно, что они наказаны публично анатомическимъ ножемъ и сосланы въ кунсткамеру.

Преблагородные дьяки и подьячіе здѣшняго міра! вы, безъ сомнѣнія, гнушаетесь пороками и злодѣйствами преподлыхъ вашихъ собратіи на Юпитерѣ. Сколь вы почтенны и счастливы, если вы добродѣтельны! Въ противномъ случаѣ, страшитесь Правосудія и ножа анатомическаго.

[1]) Нахимовъ, Акимъ Николаевичъ (1782—1815), уроженецъ харьковской губерніи, первое образованіе получилъ въ Благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ. По выходѣ изъ него, короткое время состоялъ въ военной службѣ, а потомъ опредѣлился къ статскимъ дѣламъ въ Петербургѣ. Здѣсь, по неопытности и пылкости, подвергся онъ увлеченіямъ столичной жизни, память о которыхъ сохранилась въ баснѣ «Молодой орелъ», оконченной такимъ нравоучительнымъ выводомъ:

О пылкій юноша! не торопися въ свѣтъ:
Чѣмъ пламеннѣе ты, тѣмъ больше сыщешь бѣдъ.

Нахимовъ воротился на родину вскорѣ по открытіи Харьковскаго университета (1805) и, желая восполнить недостатокъ начальнаго образованія, поступилъ въ него студентомъ, на 24-мъ году своего возраста. Окончивъ курсъ по словесному факультету, онъ былъ удостоенъ степени кандидата. Радость его по этому случаю выражена въ стихахъ «на полученіе кандидатскаго достоинства» (1808). Когда явился знаменитый указъ объ экзаменахъ на гражданскіе чины (коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника), Нахимовъ написалъ элегію-сатиру (1809), которая сдѣлала извѣстнымъ его имя не въ одной Ма-

лороссіи, но и между всѣми русскими читателями: она всюду переписывалась и заучивалась наизусть. Сатирикъ жилъ тогда въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи, въ 50 верстахъ отъ Харькова: къ этому времени относится большая часть всего, имъ сочиненнаго. Изъ деревни, разъ въ недѣлю, онъ ѣздилъ въ Харьковъ преподавать грамматику гражданскимъ чиновникамъ, для которыхъ, въ силу означеннаго указа, учрежденъ былъ при университетѣ двухгодичный курсъ. Онъ открылъ свои уроки чтеніемъ стиховъ: «Предисловіе къ Россійской Грамматикѣ» (1810):

Блаженъ, кто въ жизни сей, съ указкой межъ перстовъ,
Прошедъ сквозь *юсъ* и *кси*, достигнулъ до складовъ,
И тамо въ *бра* и *дра* (*) прилежно углублялся, и пр.

Каждую почти лекцію слушатели Нахимова (говоритъ одинъ изъ его біографовъ) получали отъ него нѣсколько строчекъ. Онъ заставлялъ однихъ писать на доскѣ «Похвалу гусиному перу», передъ которымъ подьячіе, въ знакъ благодарности, должны преклонять свою главу, или басню «Дьякъ и Нищій» (**); другихъ — исправлять орѳографическія ошибки товарищей; третьихъ— склонять имена «сучокъ» и «крючокъ», или спрягать глаголы «брать» и «драть». Иногда сатирическіе намеки преподавателя выходили изъ границъ; важность занимаемаго имъ мѣста требовала строгой пристойности; однакожъ слушатели признавались, что чтенія его были полезны и удобны для легкаго уразумѣнія; въ нихъ не находили они той сухости, какою подчивали ихъ другіе педагоги.»—Нахимовъ прекратилъ свои лекціи въ половинѣ 1811 г., не докончивъ курса, чему причиною были домашнія обстоятельства и неудобство поѣздки (почти за 50 верстъ, для одной лекціи): «Стихи на пути изъ города въ деревню» показываютъ, съ какою радостію возвращался онъ изъ города, гдѣ «пыль и кирпичей громада», къ «прелестнымъ полямъ». Съ этого времени Нахимовъ рѣдко оставлялъ деревню, гдѣ велъ тихую и беззаботную жизнь, занимаясь сочиненіемъ басенъ и другихъ піесъ, преимущественно сатирическихъ. Быстро слѣдовавшія другъ за другомъ семейныя огорченія (онъ лишился отца, любимой сестры и сына) подѣйствовали на его здоровье и сократили его жизнь. (Память о харьковскомъ стихотворцѣ А. Н. Нахимовѣ, сочиненіе В. Масловича, 1818 г.; другая біографія, приложенная къ 3-му изд. сочиненій Нахимова, написана издателемъ ихъ, г. Борзенковымъ).

Сочиненія Нахимова имѣли слѣдующія изданія: 1815, 1816, 1822, 1841, 1842, 1849, 1852. Первыя два (1815 и 1816) были нап. въ Харьковѣ, товарищемъ автора по университету, Д. Борзенковымъ; послѣднее вышло въ Полномъ собр. сочиненій рус. авторовъ, Смирдина, вмѣстѣ съ сочиненіями Милонова и Судовщикова. Всѣ они неполны.

(*) Намекъ на глаголы: *брать* и *драть*.

(**) Эта басня не вошла въ собраніе сочиненій Нахимова:

Придрался къ нищему старинный, пьяный Дьякъ:
Ноздря твоя гласитъ, что нюхалъ ты табакъ;
И если на тебя пойду въ приказъ съ доносомъ,
По Уложенью ты проститься долженъ съ носомъ;
Такъ если нуженъ носъ тебѣ для табаку,
Отдай котомку мнѣ, лохмотье и клюку.

2) См. прим. 1.

3) Взятокъ.

4) Отъ франц. «pourceau»—свинья.

5) Нахимовъ часто смѣялся надъ этимъ виртуозомъ (вѣроятно, невымышленнымъ), выведя его въ трехъ эпиграммахъ и четырехъ эпитафіяхъ. Стихотвореніе «Саранча» описываетъ какихъ-то харьковскихъ орфеевъ, избавившихъ страну отъ этого бича: упорство саранчи уступило ихъ оркестру, за тѣмъ, что

Къ спасенью ей лишь два пути:
Оглохнуть должно, иль уйти!

XXV.

МИЛОНОВЪ. (1).

А. КЪ РУБЕЛЛІЮ (1810). (2).

Царя коварный льстецъ, вельможа напыщенный,
Въ сердечной глубинѣ таящій злобы ядъ,
Не доблестьми души, пронырствомъ вознесенный,

Ты мещешь на меня съ презрѣніемъ твой взглядъ!
Почту ль вниманіе твое ко мнѣ хвалою?
Унижуся ли тѣмъ, что униженъ тобою?
Одно достоинство и счастье для меня,
Что чувствами души съ тобой не равенъ я!
Что твой минутный блескъ? что санъ твой горделивой?
Стыдъ смертнымъ и укоръ судьбѣ несправедливой!
Стать лучше на ряду послѣднихъ плебеянъ,
Чѣмъ выситься на смѣхъ, позоръ своихъ гражданъ;
Пусть скроюсь, пусть навѣкъ бѣгу отъ ихъ собора,
Чѣмъ выставлю свой стыдъ для строгаго ихъ взора;
Когда величіемъ прямымъ не одаренъ,
Что пользы, что судьбой я буду вознесенъ?
Безцѣненъ лавръ простой, вѣнчая ликъ героя;
Священъ лишь на царѣ владычества вѣнецъ:
Но коль на поприщѣ, устроенномъ для боя,
Неравный силами, уродливый боецъ,
Гдѣ славу зрѣть стеклись безчисленны народы,
Явитъ убожество, посмѣшище природы,
И съ низкой дерзостью героевъ станетъ въ рядъ,—
Ужель не обличенъ онъ наглымъ ослѣпленьемъ,
И менѣ на него уставленъ взоръ съ презрѣньемъ?
Тамъ всѣ его шаги о немъ заговорятъ.
Безславный тѣмъ подлѣй, чѣмъ больше ищетъ славы.
Что въ томъ, что ты въ честяхъ, въ кругу льстецовъ лукавыхъ,
Вельможи на себя пріемлешь гордый видъ,
Когда онъ ихъ самихъ украдкою смѣшитъ?
Рубеллій! титла лишь съ достоинствомъ почтенны,
Не блескомъ собственнымъ, сіяя имъ однимъ;
Заставятъ ли меня дѣла твои презрѣнны
Неправо освящать хваленіемъ моимъ?
Лесть сыщешь, но хвалы не купишь справедливой!
Минутою одной пріятенъ лести гласъ;
Но нужны доблести для жизни намъ счастливой:
Онѣ насъ усладятъ, онѣ возвысятъ насъ!
Гордися, окруженъ ласкателей соборомъ;
Но знай, что предо мной, предъ мудрыхъ строгимъ взоромъ,
Равно презрѣнъ и лесть внимающій, и льстецъ.
Наемная хвала—безславія вѣнецъ!
Кто чтитъ достоинства и чувства въ насъ не знаетъ,
Въ неистовствѣ своемъ тѣснитъ и гонитъ ихъ,—
Повѣрь мнѣ, лишь себя жестоко срамляетъ:
Унизимъ ли мы то, что выше насъ самихъ?
Когда презрѣніе питать къ тебѣ я смѣю—
Я силенъ, и ни въ чемъ еще не оскудѣю;
Въ изгнаньи отъ тебя пусть цѣлый вѣкъ гублю,
Но лестію твоихъ сокровищъ не куплю!
Мнѣ ль думать, мнѣ ль скрывать для обща посмѣянья
Убожество души богатствомъ одѣянья?
Мнѣ ль ползать предъ тобой въ толпѣ твоихъ льстецовъ?
Пусть Альбій, Арзелай—но Персій не таковъ!
Ты думаешь сокрыть дѣла свои отъ міра
Въ мракѣ гроба? но и тамъ потомство насъ найдетъ;
Пусть цѣлый міръ рабомъ къ стопамъ твоимъ падетъ,
Рубеллій! трепещи: есть Персій и сатира!

———

в. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЛУЦИЛІЕВОЙ САТИРЫ ПРОТИВЪ ЕГО ВѢКА (1810). (3).

Какія времена! какое ослѣпленье!
За злато плебеи вступають въ знатный санъ,
Берутъ достоинствъ мзду и кроютъ преступленье!
Весь Римъ—софистовъ сонмъ! нѣтъ истинныхъ гражданъ!
Гдѣ древнихъ праотцевъ прямое превосходство,
Ихъ въ браняхъ храбрый духъ, ихъ неизмѣнный нравъ,
Ко славѣ, истинѣ любовь и благородство?
Все пало, все падетъ! таковъ судебъ уставъ!
О миръ, довольствіе, народа благоденство!
Весь градъ огнемъ вражды мятежной воспаленъ,
И отрокъ, слабыхъ силъ, владыкой нареченъ!
Изображу ль семействъ печальную картину?
И тамъ порокъ возжегъ погибельный раздоръ.
Подвластныхъ ли возьму несчастную судьбину,
Къ владычеству ль простру свой огорченный взоръ?
Вездѣ лишь ищутъ пользъ, другихъ къ вреду и стону,
Вездѣ лишь сильному предстательство и кровъ;
Суды суть торжища, судьи—враги закону,
Безчестьемъ оскверненъ и самый санъ жрецовъ.
Гдѣ Рима древняго величіе и сила?
Почто не обращенъ мгновенно онъ во прахъ?
Здѣсь прелесть слабыхъ женъ порфиры блескъ затмила,
Тамъ стыдъ властителей, тамъ воевъ низкій страхъ....
Гдѣ любомудрый взоръ, стрегущій судъ и брани?
Тамъ знатный родъ возвелъ надменнаго глупца
Въ священный санъ вождя, далъ мечъ и жезлъ во длани,
И чтитъ достоинствомъ гражданскаго вѣнца!
О участь жалкая! умовъ порабощенье!
Въ могилѣ хладной я почто еще не скрытъ?
Ахъ, лучше бы меня боговъ постигло мщенье,
Чѣмъ Римлянъ чувствовать и бѣдствіе и стыдъ!
Оплачемъ, граждане, нашъ жребій униженный!
Я видѣлъ.... о, почто очей былъ не лишенъ!
Нашъ сильный легіонъ, коварствомъ подкупленный,
Безъ браней, безъ побѣдъ повергшійся во плѣнъ!
Я зрѣлъ и алтарей и жатвъ опустошенье,
Я зрѣлъ оратая, среди его трудовъ,
Безъ силы, безъ надеждъ, съ отчаяньемъ боренье!
Я зрѣлъ, при пышности вельможескихъ дворовъ,
Какъ въ мигъ, ихъ алчности въ угодность, исчезало
Терпѣніе и трудъ чрезъ цѣлый рядъ годовъ,
Какъ истину и лесть изгнанье осрамляло!
Я зрѣлъ, отечество, красу твою и щитъ,
Героевъ средь смертей себя на жертву несшихъ,
И, возвратясь къ тебѣ (о срамъ, о вѣчный стыдъ!),
Презоръ и нищету и гладъ себѣ обрѣтшихъ!
Я зрѣлъ—и скорби мракъ мой духъ отяготилъ.
Оставимъ все, о вы, для коихъ предковъ слава,
Еще въ душахъ жива, еще сердецъ отрава—
И будемъ Римъ искать.... среди однѣхъ могилъ.

в. ДОГОВОРЪ СО СМЕРТІЮ. [1].

Такъ, други, умереть намъ должно,
Въ концѣ ль, въ началѣ нашихъ дней;
Предвидѣть смерти невозможно,
Ни защитить себя отъ ней.
Примите жъ мой совѣтъ нелестный,
Да каждый думаетъ изъ васъ,
Какъ въ путь сбираться неизвѣстный
И быть готовымъ каждый часъ.
Что до меня—то я, неложно
Спокойный къ ней склоняю взоръ,
И былъ бы радъ, когда бъ возможно
Вступить съ ней даже въ договоръ.
«О смерть! разяща безъ разбора!»
Такъ сталъ бы я ее молить:
«Отсрочь, не приходи ты скоро
Мой тѣсный уголъ навѣстить;
Мнѣ двадцать лѣтъ—немногимъ болѣ,
Дай столько же еще желать;
А тамъ въ твоей ужъ будетъ волѣ;
Но ранѣ тяжко умирать.
Какая честолюбью пища
Оставить только по себѣ,
Что на краю прочтутъ кладбища:
«Молитесь о его судьбѣ!»
Нѣтъ, смерть! мнѣ жизнь еще не бремя;
Пусть поживу на свѣтѣ я;
Къ тому жъ у насъ военно время:
Тебѣ дѣлъ бездна безъ меня.
Лишь двадцать лѣтъ прошу—и точно,
Минуты болѣ ни одной,
Готовъ я буду безотсрочно;
И съ благодарною душой
Тогда твоей предамся власти,
Благословляя свой предѣлъ.
Увы, возьмутъ на равны части
Любовь и дружба сей удѣлъ!
За то, ни одного упрека
Даю обѣтъ не допустить
И, сколько твердость человѣка
Намъ дозволяетъ, твердымъ быть;
Не возмутитъ мольба, роптанье
Мои послѣдніе часы:
Все, что узришь при разставаньѣ—
Лишь пара словъ и двѣ слезы!
Еще.... о будь мнѣ благосклонна!
Какъ роковой ударитъ мигъ
И устремишься, непреклонна,
Похитить свѣтъ отъ глазъ моихъ,
Предвѣстника изъ страшной свиты
Не шли къ мучительной борьбѣ:
На то чертоги знамениты,
Пусть тамъ доложатъ о тебѣ;
Ко мнѣ жъ, увидя входъ нескрытый,
Посломъ не возвѣщай приходъ:
Я самъ, хозяинъ старобытный,
Съ тобою встрѣчусь у воротъ;
Другъ другу мы—поклонъ учтиво;
Не будетъ спора между насъ;
Вопросъ, отвѣтъ, все торопливо:
—«Готовы ль вы?»—Готовъ сейчасъ.»
Минутъ послѣднихъ я не множа,
На свѣтъ прелестный погляжу,
И мигомъ, мягкое отъ ложа,
Возглавье въ гробъ переложу.
Вотъ все, иль нѣтъ! еще два слова:
Къ чему ужасный сей нарядъ,
Причуда варварства сурова,
И этотъ крепъ, и сей обрядъ?
Къ чему коса? и пожелтѣлый
Сквозной, гремящій твой скелетъ?
Ты омрачишь мой путь веселый,
А мнѣ другой не страшенъ свѣтъ!
Нѣтъ, смерть, ты въ радужной одеждѣ,
Какъ ангелъ благости, явись,
Вели впередъ идти *надеждѣ*,
Сама жъ *за вѣру* придержись!
И путь къ могилѣ мнѣ цвѣтами,
Не кипарисомъ устели».
Вы жъ, други, братскими руками,
По горсти матери-земли,
И гимны въ память, коль угодно,
Но прочь гоните плачъ и стонъ:
Приличнѣй пиршество надгробно
На мѣсто мрачныхъ похоронъ;
Сберитесь всѣ—и безъ печали
Тогда на мой вы бросьте прахъ
Тѣ юны розы, что вѣнчали
При васъ чело мое въ пирахъ!

[1]) Милоновъ, Михаилъ Васильевичъ (1792—1821), родился воронежской губ. въ За-

донскомъ уѣздѣ. Воспоминаніе о родинѣ сохранилось въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ, напр. въ «Посланіи къ сестрѣ» (1812) и въ «Придонскомъ ключѣ». Обучался въ Благородномъ пансіонѣ при московскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ кандидатомъ. Службу свою началъ (1809) въ бывшемъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ главномъ правленіи мануфактуръ, откуда перешелъ (1811) въ департаментъ министерства юстиціи, подъ начальство И. И. Дмитріева, управлявшаго этимъ министерствомъ съ 1810 по 1813 г. Когда Дмитріевъ назначенъ былъ предсѣдателемъ временной коммиссіи (1813) для пособія тѣмъ жителямъ Москвы, которые пострадали отъ нашествія непріятеля,—Милоновъ поступилъ въ нее правителемъ канцеляріи. Черезъ два года (1815) онъ оставилъ службу, а въ 1819 г. опредѣленъ въ провіантскій департаментъ и состоялъ при генералъ-провіантмейстерѣ чиновникомъ для особыхъ порученій. По словамъ рѣчи, произнесенной въ память его А. Княжевичемъ, онъ имѣлъ отличныя дарованія, доброе сердце и пылкія страсти, бывшія причиною преждевременной его смерти. Другой литераторъ (О. Сомовъ), разбирая стихотвореніе покойнаго: «Бѣдный поэтъ» (подражаніе Жильберу), говоритъ, что нѣкоторыя печальныя обстоятельства въ жизни Милонова охладили его къ людямъ и свѣту и наложили печать меланхоліи на его стихотворенія. «Мой геній подавленъ подъ бременемъ утратъ». Такимъ признаніемъ заканчивается «Посланіе» Милонова къ его другу, Фовицкому (1818). Упомянутое «Посланіе къ сестрѣ» также сѣтуетъ на отрадныя мечты, прогнанныя грознымъ опытомъ, и воспоминаетъ какую-то борьбу съ бѣдами и судьбою. Поэтому А. Измайловъ, въ эпитафіи Милонову, назвалъ его «бѣднымъ поэтомъ», находя сходство между нимъ и Жильберомъ. Письма Милонова къ А. Ѳ. и Н. Ѳ. Грамматинымъ (Библ. Записки, 1859, № 10) разъясняютъ нѣсколько дѣло. Цѣлью желаній Милонова были «совершенная независимость, свобода, покой, дружество»; онъ съ отвращеніемъ смотрѣлъ на службу, а между тѣмъ долженъ былъ служить и по волѣ отца и по нуждѣ, «этому ужасному бичу». Къ должности ходилъ онъ съ большимъ принужденіемъ и называлъ счастливыми тѣ рѣдкіе дни, въ которые удавалось ему освобождаться отъ нея. «Меня выбираютъ членомъ общества любителей наукъ и словесности» (писалъ онъ въ 1810 г.): «хотя оно и пустое, но все лучше быть его членомъ, нежели засѣдателемъ какого-нибудь нижняго суда». Какъ онъ завидуетъ Грамматину, жившему тогда въ деревнѣ! какъ онъ ждалъ-не-дождался того времени, когда, подобно ему, могъ бы заключиться въ тѣсномъ уголкѣ своемъ? Впослѣдствіи, Милоновъ какъ будто иначе начинаетъ смотрѣть на свое положеніе: «съ службою своею я помирился, потому что пересталъ искать въ ней химерныхъ отличій, а долженъ нести ее, какъ вещь полезную и нужную въ обществѣ; нѣкоторыя неудовольствія и непріятности, въ ней встрѣчаемыя, переношу съ возможнымъ равнодушіемъ и хладнокровіемъ, почитая сіи качества настоящею мудростію жизни, въ которой необходимы должны быть разнообразія.» Но это было временное самообольщеніе. Вскорѣ снова являются жалобы и страданія: «непріятности и нездоровье вскружили мнѣ голову.... я часъ отъ часу деревенѣю. За всякій вздоръ оглушаются уши отъ брани. Что дѣлать? Если уже судьба не даетъ *жить*, то *доживать* надобно.» Наконецъ терпѣніе его кончилось и онъ, перемѣнивъ мѣсто служенія, излилъ на письмѣ свое негодованіе: «Послѣ долгаго боренія и непріятностей по службѣ со многими мерзавцами, изъ коихъ я не пощадилъ, по крайней мѣрѣ въ стихахъ моихъ, ни одного, начиная отъ перваго Ру—ва и до послѣдняго Тур—ва, съ которымъ къ несчастію продолжалъ мою послѣднюю службу, надѣясь на ложныя обнадеживанія сихъ мечтательныхъ и ничтожныхъ благодѣтелей, теперь служу при генералъ-провіантмейстерѣ (Абакумовѣ). Человѣкъ простой и доброй, безъ дальнихъ обѣщаній сдѣлалъ для меня больше, чѣмъ всѣ прежніе мои начальники, покровители, меценаты словесности, не исключая и высокопревосходительнаго И. И. Дмитріева.» Безпорядочный ходъ жизни и внутреннія досады сокрушили здоровье Милонова; онъ положительно говоритъ, что крѣпкая натура его потрясена въ основаніи отъ увлеченій и соблазновъ, особенно отъ «излишняго служенія Вакху», котораго и сдѣлался онъ жертвою (см. письма 1-ое и 3-ье).

Разочарованный, недовольный и людьми и еще болѣе самимъ собою, поэтъ находилъ утѣшеніе въ дружбѣ и музахъ. Стихи «Къ юности» (подражаніе Шиллеровымъ «Идеаламъ») воспѣваютъ то и другое:

О дружба, сердца услажденье!
Какія въ мірѣ семъ бѣды,
Какую горесть иль мученье,
Не усладишь собою ты?
Не ты ль, источникъ благъ обильный,
Крѣпишь въ борьбѣ сердца безсильны?
Что рокъ бы намъ ни присудилъ—
Съ тобой и слабый бодръ творится,
Судебъ гоненья не страшится:
Твой щитъ ихъ стрѣлы притупилъ!

И вы, которые столь нѣжно
Храните дружескій союзъ,
Одно богатство здѣсь надежно,
О наслажденья чистыхъ музъ!
Восторгъ вашъ, непорочность, силу
Вливайте въ грудь мою унылу,
Гоните горесть и тоску
Прелестныхъ вашихъ струнъ игрою—
Да съ бодрой я еще душою
Путь краткій къ гробу протеку.

Послѣдніе два стиха какъ будто выражаютъ предчувствіе. Въ «Договорѣ со смертію» (1812), сочиненной двадцати лѣтъ отъ роду, Милоновъ желалъ прожить еще столько же. Желаніе его не исполнилось: онъ умеръ на 29 г. своеіі жизни. (Некрологъ Милонова, составленный А. Измайловымъ, въ 17 и 18 №№ Благонамѣреннаго на 1821 г. Декабрская книжка, №№ 23 и 24, того же журнала и на тотъ же годъ вся посвящена памяти Мил—ва. Здѣсь напечатаны: упомянутая Рѣчь г. Княжевича; Разборъ двухъ стихотвореній,—«Мечты» и «къ Юности»— переложенныхъ изъ Шиллера Жуковскимъ и Мил—мъ, В. Княжевича; Разборъ стихотворенія Мил—ва: «Бѣдный поэтъ», О. Сомова; о сочиненіяхъ Мил—ва; стихи на его кончину, два надгробія, и рѣчь послѣдняя, Дм. Княжевича. См. также, въ 1-мъ № Соревнователя просвѣщенія на 1822 г., разборъ стихотвореній Милонова, соч. П. Плетнева).

Первыя стихотворенія Милонова явились въ Утренней зарѣ (1807, кн. 5-ая): «Стихи, читанные въ день заведенія университетскаго пансіона, 1807 марта 3-го и «Гимнъ къ поэзіи» (вольный переводъ изъ Аддисона). Потомъ они печатались въ журналахъ: Цвѣтникъ, Спб. Вѣстникъ, Вѣстникъ Европы, Благонамѣренный и др. Первое изданіе сочиненій его, подъ заглавіемъ: «Сатиры, посланія и другія мелкія стихотворенія Михаила Милонова», вышло въ 1819 г.; второе, Смирдинское, въ Полн. собр. сочиненій рус. авторовъ, въ одной книжкѣ съ сочиненіями Нахимова и Судовщикова. Оба изданія далеко не полны.

[2]) Цвѣтникъ на 1810 г., октябрская книжка. Хотя въ заглавіи и сказано, что это сатира Персіева, но между сохранившимися шестью сатирами латинскаго поэта нѣтъ ни одной, которую можно было бы почесть подлинникомъ стихотворенія Милонова. Имя Персія только прикрываетъ цѣль нашего стихотворца, который, по преданію, метилъ своей сатирой въ сильнаго временщика царствованія Александра I.

[3]) Цвѣтникъ, 1810 г. сентябрь.

[4]) Вѣстн. Европы, 1816, №№ 17 и 18. Написана раньше, въ 1812 или 1813 г., какъ видно изъ стиховъ: «мнѣ двадцать лѣтъ—немногимъ болѣ» (Милоновъ род. 1792 г.); «къ тому жъ у насъ военно время: тебѣ (смерть) дѣлъ бездна безъ меня.»

XXVI.

В. И. ПАНАЕВЪ. ([1]).

А. ПРОИСХОЖДЕНІЕ СВИРѢЛИ, ИДИЛЛІЯ (1811). ([2]).

Однажды, стоя надъ рѣкою,
Подъ ивою густою,
Такъ пастушокъ Миртилъ
Безсмертныхъ въ горести молилъ:
«Умилосердитесь, о боги, надо мною!
Внемлите жалобамъ моимъ,
Невольному сердечну стону!
Вотъ двѣ уже весны, какъ я люблю Клеону,
Но ею не любимъ!
Я молодъ, я пригожъ собою:
То каждый ручеекъ Миртилу говоритъ;
Не бѣденъ: сто овецъ гоняю къ водопою:
За чтожь бы кажется Миртила не любить?
За то, ну сами разсудите,
И горю пособите,
За то, что не умѣю пѣть!
Она жъ, упрямица, она велитъ умѣть!
Знакъ, правда, не худой, но какъ ни принуждаю
Суровый голосъ мой —ей пуще досаждаю.
О боги добрые! лишите стадъ меня,
Все у меня возмите,

Лишь только научите,
Чтобъ какъ нибудь умѣлъ Клеонѣ вторить я!
Вѣдь всякій пастушокъ поетъ съ своей любезной.»
Едва Миртилъ умолкъ, вдругъ легкій вѣтерокъ
Повѣялъ на тростникъ, обсѣвшій бережокъ,
И звукъ пріятный, нѣжной
Достигъ его ушей. Онъ къ камышу бѣжитъ,
Прилежно слушаетъ, туда-сюда глядитъ
И видитъ наконецъ, что, скрывшись межъ листами,
Малюточка Зефиръ въ источенну червями,
Сухую дуетъ трость. Трепещущей рукой
Онъ вмигъ ее срываетъ,
Самъ дуетъ въ тросточку, лады перебираетъ,—
И тросточка играетъ.
Миртилъ въ восторгѣ самъ не свой.
«Вотъ что, онъ думаетъ, замѣнитъ голосъ мой!»
Тогда, какъ говорятъ, предсталъ ему внезапно,
Съ зеленымъ плющевымъ вѣнкомъ вокругъ роговъ,
Богъ, покровитель пастуховъ;
Въ минуту изъяснилъ искуство непонятно,
Владѣть свирѣлью научилъ.
Миртилъ, внушенный имъ, любовью вдохновенный,
Съ зарею каждою въ мѣста уединенны
Украдкой уходилъ,
И тамъ свирѣли нѣжны тоны
Старался подъ голосъ подлаживать Клеоны,
Любимы пѣсенки пастушкины твердилъ.
Далеко сладкій звукъ по рощамъ разносился;
Всякъ слушалъ и дивился;
А онъ часъ отъ часу межъ тѣмъ
Игралъ все лучше и складнѣе,
Все становился веселѣе.
О радость! наконецъ постигъ уже совсѣмъ
Искуство, данно вышней силой,
И вотъ, надежды полнъ, идетъ къ суровой милой.
«Спой пѣсню», говоритъ ей ласково:— поетъ;
Пастухъ къ устамъ свирѣль кладетъ, играетъ;
Клеона слушаетъ и, млѣя, умолкаетъ.
Съ сихъ поръ утѣшенный Миртилъ
Клеонѣ сталъ любезенъ, милъ;
И чѣмъ пріятнѣе свирѣль его играла,
Тѣмъ больше ласкъ она счастливцу расточала.
Онъ вскорѣ всѣхъ игрой плѣнилъ:
Всѣ шли внимать ему,—онъ каждаго училъ.

в. Сновидѣніе, идиллія (1819).

МЕНАЛКЪ.

Ты кажешься грустнымъ, любезный Миконъ?
Скажи, что̀ случилось съ тобою?

МИКОНЪ.

Меня потревожилъ сегоднишній сонъ:
Посмѣйся, Меналкъ, надо мною.

МЕНАЛКЪ.

О, вѣрно ты видѣлъ подземныхъ боговъ?

МИКОНЪ.

Напротивъ. Послушай: мнѣ снилось,
Что будто десятокъ, иль больше, годовъ
Съ меня непримѣтно свалилось....

МЕНАЛКЪ.

Увы! это только во снѣ на-бѣду.

МИКОНЪ.

Что будто, ставъ юношей снова,
Въ какомъ-то обширномъ, прекрасномъ саду,
Подъ тѣнію мирта густова
Лежалъ я на мягкой душистой травѣ;
Въ кустахъ соловьи распѣвали;
Зефиры жъ, скрываясь въ цвѣтахъ, муравѣ,
Прохладой въ лице мнѣ дышали;
А шумъ водопада въ сосѣднемъ лѣсу,
Сквозь чащу деревъ проникая,
Все больше и больше склонялъ отъ часу
Къ дремотѣ....

МЕНАЛКЪ.

И ты, засыпая....

миконъ.

Я не спалъ. Вдругъ, вижу, подходитъ ко мнѣ
Пастушка—осанкой богинѣ,
Цвѣтущей красою подобясь веснѣ—
(Взоръ дѣвы, склоненной къ корзинѣ,
Глубокую сердца печаль выражалъ);
Приближилась, стала, взглянула,—
И что же? кого я въ пастушкѣ узналъ?...
Дориду!

меналкъ.

Дочь старца Эввула?

миконъ.

Дориду, подругу младенческихъ лѣтъ,
Которой любовь озарила
Блаженствомъ Миконовой жизни разсвѣтъ,
Завидную участь сулила!
Которую воля всесильныхъ боговъ
Діаниной жрицей назвала
Въ то время, какъ нѣжность счастливыхъ отцовъ
Намъ брачный вѣнокъ сплетала!....
Прельщенъ, очарованъ видѣньемъ такимъ,
Я бросился къ милой, но прежде,
Чѣмъ обнялъ, видѣнье исчезло какъ дымъ—
Лишь руки коснулись къ одеждѣ—
И я, пожалѣй, пробудился отъ сна!

меналкъ.

Такъ это тебя возмущаетъ?
Не дважды въ теченіи года весна
Цвѣтами поля убираетъ;
Не дважды, товарищъ, намъ быть молодымъ.
Ты за тридцать за пять считаешь,
Слывешь въ околоткѣ разумнымъ такимъ,
Самъ твердо увѣренъ и знаешь,
Что прошлаго снова нельзя воротить,
А хочешь (какъ другъ, попѣняю),
Ребенокъ, бѣгущую тѣнь изловить!

миконъ.

О, слишкомъ увѣренъ и знаю!
И завтра охотно готовъ надъ собой
Съ тобою же вмѣстѣ смѣяться;
Но нынѣ съ прелестной о прошломъ мечтой,
Повѣрь мнѣ, не въ силахъ разстаться!
Какъ осенью солнце внезапно блеснетъ,
Прощаясь съ унылой природой,
И птичка весеннюю пѣсню поетъ,
Обманута ясной погодой:
Такъ я, обольщенный сегодняшнимъ сномъ,
Хотѣлъ бы на время забыться;
Иль лучше, хотѣлъ бы увѣриться въ томъ,
Что онъ на-яву продолжится!

[1]) Отецъ Панаева, Владиміра Ивановича (1792—1859), принадлежа къ образованнѣйшимъ людямъ своего времени, былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ тогдашними литераторами, изъ которыхъ Державинъ приходился ему родственникомъ. Но самъ онъ не могъ дать воспитанія своему сыну, оставшемуся сиротой на четвертомъ году возраста. Молодой Панаевъ обучался въ казанской гимназіи, а потомъ въ казанскомъ университетѣ, откуда вышелъ кандидатомъ словесныхъ наукъ (1814). Первоначальное воспитаніе, мирная семейная жизнь и частое пребываніе въ деревнѣ въ періодъ юности сообщили его характеру идиллическое направленіе и внушили ему намѣреніе испытать свои способности въ пастушеской поэзіи. Въ послѣдствіи, посвящая сборникъ своихъ идиллій сестрѣ, онъ воспоминаетъ то время, когда, будучи «питомцемъ сельской музы», онъ

....Звуки робкіе свирѣли деревенской
Однимъ лишь родины дубравамъ повѣрялъ.

Державинъ, первый, принялъ участіе въ литературныхъ опытахъ своего родственника. Онъ прочелъ въ рукописи пять его идиллій, отозвался о нихъ благосклонно и совѣтовалъ автору взять за образецъ древнихъ, если знаетъ греческій и латинскій языки; если же нѣтъ, то Геснера, сочиненія котораго (писалъ онъ Панаеву) могутъ служить достаточнымъ примѣромъ въ описаніи природы и невинныхъ нравовъ. «Хотя климатъ нашъ суровъ», прибавляетъ онъ, «но и въ немъ можно найти красоты и въ жизни и въ морали, которые трогаютъ сердце; безъ нихъ же все будетъ сухо и пусторѣчіе.» Швейцарскій идилликъ, дѣйствительно, сдѣлался любимцемъ и образцемъ Панаева, который вездѣ старался подражать ему, какъ объявилъ самъ въ предисловіи къ своимъ идилліямъ. Въ 1815 г. Панаевъ, увлеченный патріотизмомъ, хотѣлъ поступить въ военную службу; университетское же начальство намѣревалось образовать изъ него педагога. Оба предположенія не исполнились. Повинуясь волѣ своего дяди, заступившаго ему мѣсто отца, Панаевъ отправился въ Петербургъ для опредѣленія къ гражданскимъ дѣламъ. Началъ онъ свою службу въ департаментѣ министерства юстиціи (1816),

а кончилъ директоромъ канцеляріи министерства императорскаго двора (съ 1832 по 1859). (Нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни Панаева сообщаются его «Воспоминаніями о Державинѣ», въ 1-ой ч. учено-литературнаго сборника: «Братчина», 1859; см. еще: В. И. Панаевъ. Воспоминаніе, съ обозрѣніемъ его идиллій. Соч. Б. Өедорова).

Сочиненія Панаева:

Похвальное слово императору Александру Первому (Спб. 1816). Произнесено при открытіи Общества любителей отечественной словесности въ Казани 1814 г.

Идилліи (Спб. 1820). Всѣхъ идиллій 25. Большая часть ихъ помѣщена въ Сынѣ Отеч. 1817 и Благонамѣренномъ 1818 и 1819 г. Написанныя послѣ этого времени также печатались въ современныхъ журналахъ. «Разсужденіе о пастушеской поэзіи», служащее предисловіемъ къ «Идилліямъ», перепечатано, съ поправками и дополненіями, изъ 10 № Благонам. на 1818 г.

Историческое похвальное слово Кутузову (Спб. 1823). Читано въ С.п.бургскомъ вольномъ обществѣ любителей словесности 1821 г. Отрывокъ изъ онаго помѣщенъ въ 11 № Благон. 1818 г.

Третье похвальное слово—Державину см. въ 5 № С. О. на 1817 г. Тѣ же изданія Панаевъ снабжалъ мелкими стихотвореніями и небольшими разсказами въ прозѣ, напр.: «Романическое письмо изъ Петербурга, или хорошія слѣдствія дружескаго разговора»; «Стихи и Собака», «Приключеніе въ маскарадѣ», «Жестокая игра судьбы», «Не родись ни пригожъ, ни красивъ, а родись счастливъ», и др.

Отрывокъ изъ воспоминаній о Державинѣ (Братчина, ч. 1-ая, 1859).

Изъ повѣстей Панаева болѣе другихъ извѣстна «Иванъ Костинъ». Нѣсколько стихотвореній нап. въ Воспоминаніи г. Өедорова. Кромѣ того онъ оставилъ «Записки», еще неизданныя.

[*]) Помѣщенныя стихотворенія напечатаны въ исправленномъ видѣ, о чемъ самъ авторъ замѣчаетъ слѣдующее: «Никто конечно не подумаетъ, чтобы за нѣсколько лѣтъ написанныя идилліи являлись здѣсь (въ изд. 1820 г.) въ первоначальномъ своемъ видѣ; онѣ столько разъ были исправлены, что нѣкоторыя сохранили, можетъ быть, одно прежнее содержаніе.» Время сочиненія каждой идилліи означено авторомъ въ оглавленіи.

«Происхожденіе свирѣли» нап. въ 43 № С. О. 1817.

XXVII.

НАРѢЖНЫЙ. (1).

А. ИЗЪ РОМАНА: «БУРСАКЪ» (1824). (2).

Есть многіе сельскіе и иногородные отцы, кои, охотно желая видѣть сыновей своихъ учеными, по бѣдности не въ силахъ содержать ихъ въ городѣ, гдѣ понадобилось бы платить за квартиру и за пищу. Чтобы и таковымъ доставить посильные способы къ образованію, то, помощію вкладовъ щедрыхъ обывателей и по распоряженію монастырей, при каждой семинаріи устроены просторныя избы съ печью или и двумя, окруженныя внутри широкими лавками; на счетъ также монастыря снабжаются онѣ отопленіемъ, и болѣе ничѣмъ. Сіи-то избы называются бурсами, а проживающіе въ нихъ школьники—бурсаками. Старшій изъ студентовъ, по волѣ ректора, управляетъ другими, неся величественное имя консула, въ томъ предположеніи, что и начальный Римъ былъ не что иное, какъ бурса.

Варухъ и Варулъ ввели меня торжественно въ сей вертепъ премудрости, и отрекомендовали консулу и будущимъ сожителямъ; а чтобъ я милостивѣе былъ принятъ, то отецъ мой вручилъ консулу полтину денегъ, прося приготовить праздничный ужинъ. Послѣ чего, снабдя меня соломеннымъ мѣшкомъ и какою-то латинскою книгою на польскомъ языкѣ, и благословя гривною денегъ, сказалъ: «Неонъ! не печался, другъ мой! Я оставляю тебя въ надежномъ пристанищѣ. Бойся Бога, чти старшихъ и слушайся, не лги и не крадь,—тогда ты угоденъ будешь и Богу и людямъ. Учись прилежно, когда

хочешь быть благополученъ. Каждый мѣсяцъ ты меня увидишь, или по крайней мѣрѣ обо мнѣ услышишь. Другъ мой Варулъ не оставитъ тебя своею милостію. Прощай».

Обнявъ меня, оба друга удалились. Стоя у дверей бурсы, я провожалъ ихъ слезящими глазами; когда же скрылись, то я вздумалъ осмотрѣть кругомъ новое мое обиталище. Это былъ сарай, состроенный изъ плетня, обмазаннаго изнутри и снаружи желтою глиною; крыша была соломенная; двери и четыре круглыя окна освѣщали сіе зданіе. Впереди имѣло оно обширной пустырь, поросшій высокимъ бурьяномъ, однако торчало на ономъ съ десятокъ полуусохшихъ шелковичныхъ деревьевъ; съ задней стороны примыкалось къ высокому берегу рѣки Десны; правая боковая сторона граничила съ заборомъ огромнаго сада, принадлежащаго монастырю, въ коемъ помѣщена и семинарія; лѣвая съ чьимъ-то пространнымъ огородомъ, на углу коего стоялъ шинокъ.

Осмотрѣвъ сіе плѣнительное мѣсто, я вошелъ въ бурсу и усѣлся въ углу на лавкѣ на своемъ ложѣ. Консулъ—это былъ высокій, дородный, смуглый мущина съ большими черными усами—лежалъ на войлокѣ, склонивъ голову на связку травы и держа въ рукахъ претолстую тетрадь. Изъ двадцати пяти моихъ товарищей, кои всѣ были гораздо возрастнѣе меня, человѣка четыре уже усланы для закупки вещей, нужныхъ къ ужину, а остальные заняты были различнымъ образомъ. Иной басилъ ужаснымъ голосомъ духовную пѣсню; другой бряцалъ на балалайкѣ, подъ звукъ коей человѣка два-три скакали въ присядку; нѣкоторые боролись или бились на кулачкахъ; словомъ, всякій дѣлалъ, что хотѣлъ, при всемъ томъ одинъ другому не мѣшая.

Солнце клонилось къ западу; купчины возвратились, принесши съ собою полбарана, мѣшокъ со пшеномъ и деревянную баклагу съ пѣнникомъ. Консулъ сей-часъ вскочилъ и, овладѣвъ баклагою, отвѣдалъ, и, похваля напитокъ, пошелъ съ нею на берегъ Десны, куда и я, по данному знаку, вмѣстѣ со всѣми ему послѣдовалъ. Три кашевара развели огонь, утвердили треножный таганъ, разсѣкли баранину на куски по числу братіи и начали стряпню. Между тѣмъ консулъ, отдѣлившись съ шестью товарищами, сѣлъ на берегу и началъ цѣловаться съ баклагою, не забывая своихъ собесѣдниковъ; прочіе, позади коихъ былъ и я, разлегшись на травѣ, точили балы, разсказывали сказки и присказки и производили самыя чудныя тѣлодвиженія. Видя, что консулъ не дѣлалъ ихъ участниками въ осушиваніи баклаги, я у сосѣда своего спросилъ тому причину. «Мы еще не имѣемъ на то права, отвѣчалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ: «ибо мы всѣ только этимологи, поэты и риторы, и отъ того-то не смѣемъ, подъ опасеніемъ строгаго наказанія, пить вино, курить табакъ и отращивать усы. А какъ консулъ Далматъ и его товарищи всѣ философы, то они на сіи преимущества имѣютъ всякое законное право.» Не понимая, что значатъ сіи неслыханныя мною слова, я замолчалъ и продолжалъ внимательно смотрѣть и слушать. Каша поспѣла и котелъ поставленъ на лужайкѣ. Консулъ съ своими товарищами сѣли около него, а прочіе составили второй кругъ; всякій вытащилъ изъ кармана длинную ложку и началъ упражнять свои челюсти, сколько было силы. Хотя отецъ мой и забылъ снабдить меня ложкою, но консулъ приказалъ младшему изъ бурсаковъ дѣлиться со мною своею. Котелъ опорожненъ; всѣ удалились въ бурсу и полегли на лавкахъ. Я также растянулся на своемъ мѣшкѣ, и скоро уснулъ крѣпко.

На слѣдующее утро консулъ, сопровождаемый своими подчиненными, отправился въ семинарію и представилъ меня префекту. Это былъ преважный протопопъ,

и составлялъ второе лицо послѣ ректора. Меня отвели въ надлежащій классъ, гдѣ и начали преподавать латинскую, польскую и русскую азбуку. Менѣе, нежели въ часъ, прозорливый учитель, католицкій монахъ, догадался, что я церковныя книги читалъ столько же проворно и внятно, какъ стихарный дьячекъ; а посему дальнѣйшее въ семъ упражненіе признано излишнимъ, а совѣтовали мнѣ всѣми силами налечь на изученіе языковъ латинскаго и польскаго. Передъ полуднемъ раздался на дворѣ семинарскомъ звонъ колокола; учитель и ученики поднялись съ мѣстъ, и первый далъ мнѣ знакъ приближиться къ нему и протянуть обѣ руки, распрямя ладони. Я исполнилъ, и наставникъ съ улыбкою удовольствія влѣпилъ въ каждую ладонь по полудюжинѣ рѣзкихъ ударовъ деревянною лопаткою. Послѣ сего пропѣта торжественно молитва, и всякій пошелъ домой, а я въ бурсу. Дорогою нагналъ меня одинъ изъ моихъ товарищей, по имени Касторъ, которому со слезами разсказалъ я о наказаніи, невинно полученномъ отъ учителя. «Другъ мой,» сказалъ онъ засмѣявшись, «ты еще новъ и неопытенъ. Дюжина добрыхъ ударовъ, тобою полученныхъ, совсѣмъ не есть знакъ учительскаго гнѣва, а напротивъ доказательство особеннаго благоволенія. Здѣсь теперь такое заведеніе, чтобы всякаго ученика, вступающаго въ сей храмъ мудрости, пріучать къ кротости и терпѣнію. Хотя обыкновеніе сіе почти ни одному новичку не нравится, но къ нему привыкаютъ, а особливо зная, что количество полученныхъ ударовъ приближаетъ каждаго къ лестной цѣли быть скорѣе діакономъ, или и попомъ.»—Но,—говорилъ я, подумавши,—отецъ мой сказывалъ, что въ семинаріи обучается много дворянскихъ и купеческихъ сыновей, которые никогда не думаютъ быть ни діаконами, ни попами.—«О,» сказалъ товарищъ, «на таковыхъ наше начальство не обращаетъ никакого вниманія. Впрочемъ замѣть, Неонъ, я по дружбѣ тебѣ это открою: если ты будешь терпѣливъ, послушенъ и совершенно преданъ волѣ учителя, то испытаніе сіе продлится недолго; въ противномъ случаѣ, оно будетъ безконечно, и ты въ тридцать лѣтъ будешь не что другое, какъ сельскій дьячекъ, сколько бы ученъ ни былъ. Обладая же помянутыми мною добродѣтелями, ты скоро получишь выгодное мѣсто.»

Привыкши у отца никогда желудокъ не доводить до ропота, я крайне запечалился, не видя и слѣда обѣда; но вспомня, что у меня въ карманѣ цѣлая гривна, я тотчасъ сдѣлалъ планъ къ удовлетворенію алчбы и, вышедъ изъ бурсы, опрометью бросился къ площади, граничащей съ семинаріею, гдѣ поутру еще мелькомъ замѣтилъ множество торговокъ съ хлѣбомъ разнаго званія. Я купилъ за цѣлую копейку большую булку, и принялся насыщать себя съ великимъ удовольствіемъ; еще добрый ломоть оставался въ рукѣ моей, когда вступилъ я въ свою обитель. Не мало испугался я, взглянувъ на консула. Онъ ходилъ по сараю большими шагами и, оборотясь ко мнѣ, спросилъ свирѣпымъ голосомъ: «Гдѣ былъ ты, негодница?»—Съ трепетомъ показалъ я остатокъ булки и не могъ промолвить ни одного слова, сколько отъ испуга, столько и отъ того, что ротъ былъ полонъ. «Понимаю» вскричалъ онъ: «сей бунтовщикъ, никому не сказавшись, ходилъ на рынокъ. Ликторы! сей часъ нарѣжьте два пука крапивы и накажите виновнаго!»

Двое изъ бурсаковъ, которыхъ называли риторами, бросились въ бурьянъ и въ мигъ возвратились съ пучками зрѣлой крапивы; двое другихъ кинулись на меня, повалили на полъ и разоблачили, а первые двое начали хлестать весьма исправно. Я кричалъ, какъ отчаянный; но они не прежде выпустили меня изъ рукъ, пока не увидѣли, что крапива измочалилась.—

Уединясь въ темный уголъ, я плакалъ неутѣшно. Если такими средствами, думалъ я, пріобрѣтается премудрость, столько прославляемая отцемъ моимъ, то пропадай она негодная. Въ тысячу разъ лучше оставить всю надежду быть когда-либо діакономъ, чѣмъ безпрестанно пробовать на себѣ дѣйствіе лопатокъ учительскихъ или крапивныхъ прутьевъ отъ какихъ-то ликторовъ.

Быть-можетъ, я и надолго остался бы въ такомъ пасмурномъ расположеніи, если бы не разсѣялъ меня вошедшій бурсакъ Касторъ, котораго за веселый нравъ полюбилъ я съ перваго еще раза.—«Что это значитъ, Неонъ,» спросилъ пріятель, «что ты и до сихъ поръ печалишься о бездѣлицѣ? Повѣрь, другъ мой, что такія происшествія не заслуживаютъ вниманія.»—Вмѣсто отвѣта я показалъ ему спину.—«Да,» продолжалъ онъ съ важностію, «ты изрядно исписанъ; но это пройдетъ, и не замѣтишь, какъ пройдетъ.»

Когда я жаловался, что консулъ во зло употребляетъ возрастъ свой, силу и право пить вино, курить табакъ и носить усы, Касторъ сказалъ мнѣ: «Напрасно такъ думаешь, пріятель, и видно не знаешь нашихъ постановленій. Послушай же: почтенное сословіе бурсаковъ образуетъ въ маломъ видѣ великолѣпный Римъ, и консулъ управляетъ онымъ вмѣстѣ съ сенатомъ. Въ консулы избирается старшій изъ богослововъ, а прочіе богословы и философы образуютъ сенаторовъ; риторы составляютъ ликторовъ, или исполнителей приговоровъ сенатскихъ; поэты называются целерами, или бѣгунами, которые употребляются на разсылки; прочіе составляютъ плебеянъ, или чернь—простой народъ. Видишь, какъ все это прекрасно устроено! Если бы консулъ сдѣлалъ какое позорное дѣло, то сенаторы доносятъ о томъ ректору, и тотъ немедленно снимаетъ съ него величественный санъ и, наказавъ, по мѣрѣ вины, палками, розгами или батожьемъ, обращаетъ въ званіе сенатора. За то и консулъ имѣетъ свои выгоды и преимущества. Именно: если кто провинится изъ насъ, но немного, какъ напримѣръ сего дня ты, то онъ одинъ своею властію опредѣляетъ мѣру наказанія; въ случаѣ же вины важной, онъ созываетъ сенатъ, и съ нимъ вмѣстѣ разсуждаетъ о дѣлѣ и произноситъ кару. Кромѣ одежды и обуви, у насъ все общее, и хранится въ каморкѣ, пристроенной къ бурсѣ, а ключъ всегда у консула. Главный промыселъ нашъ состоитъ въ пѣніи подъ окнами міранъ церковныхъ пѣсней, или—если кто столько смышленъ—въ проворствѣ рукъ. Мы получаемъ мукою, свинымъ саломъ, птицами, зеленью разнаго рода и отчасти деньгами, которыя обыкновенно переходятъ отъ насъ въ руки шинкарки Мастридіи, торгующей вблизи отъ насъ. По симъ основаніямъ самыми злыми преступленіями почитаются у насъ, если кто изобличенъ будетъ въ утайкѣ хотя одной добытой копейки, или попадется въ сѣти на ручномъ промыслѣ.»

Такъ повѣдалъ Касторъ о законахъ сего малаго Рима, какъ прибѣжалъ целеръ съ объявленіемъ, что каша готова. «Инъ пойдемъ, Неонъ», сказалъ Касторъ, вытаскивая изъ кармана ложку.—Спасибо за ласку, отвѣчалъ я: пропадайте вы всѣ и съ кашею; мнѣ есть не хочется.—«Упаси тебя угодникъ Божій, соименитый тебѣ Неонъ, нейти со мною! Развѣ тебѣ хочется еще разъ быть сѣчену?»—А за что?—«За то, что не хочешь съ нами ѣсть каши; это значило бы противиться уставамъ общества, о чемъ ужасно и помыслить.»

Нечего было дѣлать: я участвовалъ въ общей трапезѣ, а послѣ въ купаньѣ и отдыхѣ. Но лишь только раздался звонъ колокола на семинарской колокольнѣ, какъ и въ бурсѣ раздался басистый голосъ консула: «ребята! на работу!» Тотчасъ четыре философа, взявъ на плеча по огромному мѣшку, стали поодаль одинъ отъ

другаго. Консулъ, стоя противъ нихъ, началъ пальцемъ указывать то на того, то на другаго изъ прочей ватаги, и въ мигъ къ каждому мѣшконосцу присоединилось по нѣскольку риторовъ, поэтовъ и инфимовъ. Я попалъ подъ команду Сарвила, философа веселаго, смѣлаго, собою дороднаго и сильнаго, но весьма вспыльчиваго, такъ что, кромѣ сенаторовъ, всѣ въ бурсѣ его трепетали. Отряды сіи двинулись въ молчаніи, и младшіе шли впереди, за ними старшіе, а ходъ заключался философомъ. Какъ скоро прошли мы свой пустырь, то раздѣлились на четыре части, и каждая небольшая шайка сія пошла по особой улицѣ. Мы шли тихо, а философъ, нашъ вождь, мѣрными шагами и съ великою важностію повертывая голову направо и налѣво. По приказанію его, мы остановились подъ окнами одного виднаго дома, и онъ, подозвавъ меня, сказалъ: «Это домъ зажиточнаго купца; поди, спроси!» Опрометью устремился я къ воротамъ, отворилъ калитку и вошелъ на большой дворъ. У самаго входа въ домъ стоялъ большой столъ, за коимъ сидѣли: хозяинъ—судя по платью,—жена его и дѣти, и всѣ полдничали. Снявъ бриль, съ робостію подошелъ я къ столу, и трепещущимъ голосомъ сказалъ хозяину: тебя приказано спросить.—«О чемъ и кто?»—Философъ Сарвилъ, а о чемъ не знаю!—Купецъ и жена его улыбнулись, а дѣти захохотали. «Твой философъ,» сказалъ хозяинъ, «повидимому, не весьма разумный человѣкъ, что посылаетъ спросить у меня, не сказавши о чемъ. Гдѣ этотъ философъ?»—За воротами!—«Такъ поди же ты, спроси, чего онъ отъ меня хочетъ.»—Я выбѣжалъ на улицу, и на вопросъ: что сказалъ хозяинъ? отвѣчалъ съ потупленными глазами: онъ сказалъ, что ты, повидимому, не весьма разумный человѣкъ, когда послалъ меня спросить у него, не сказавши о чемъ.—Философъ заскрыпѣлъ зубами. «Ахъ, ты проклятый!» вскричалъ онъ, и такую отвѣсилъ мнѣ пощечину, что у меня глаза ушли подъ лобъ и я опрокинулся на землю. «Поди ты, сказалъ онъ другому бурсаку, и спроси.» Сей бросился какъ стрѣла, въ одинъ мигъ возвратился и воззвалъ громогласно: дозволяется!—Скинувъ бремя, вступили мы на дворъ, и стали полугругомъ около стола сажени за двѣ. Тутъ раздался ужасный ревъ Сарвила, такъ что всѣ вздрогнули, прочіе ему подтянули, и начался духовный концертъ. Я взглянулъ на своего вождя, и ужасъ обнялъ меня. Представь себѣ, кто хочетъ, высокаго чернаго мущину, съ разинутою пастью, выпучившаго страшные глаза и дерущаго горло, шевеля длинными усами.—Трепеща всѣмъ тѣломъ, я вообразилъ: что будетъ со мною, если сей ужасный философъ дастъ другую пощечину? Я погибъ невозвратно!—Тутъ не могъ я удержать слезъ и утиралъ ихъ кулаками.

Концертъ конченъ. Сарвилъ, подошедъ къ самимъ хозяевамъ, протянулъ руку и проговорилъ рѣчь, которую кончилъ желаніемъ хозяину и хозяйкѣ съ чадами и домочадцами счастія и многолѣтія. Едва замолкъ онъ, какъ вся ватага воскликнула многая лѣта.

Когда все утихло, то ласковый хозяинъ поднесъ философу большую чарку водки и сунулъ въ руку сколько-то денегъ; по приказанію доброй хозяйки, въ нашъ мѣшокъ высыпана мѣрка гороха, впущена часть свинины и оставшійся отъ полдника большой кусъ жаркой говядины.

На другой день явился я въ классѣ. Помня вчерашніе Касторовы разсказы, что здѣсь бьютъ по рукамъ лопатками за излишнее вниманіе и прилежность, я рѣшился избѣжать сей лестной награды и началъ безпрестанно вертѣться на скамейкѣ, толкать товарищей, безъ нужды кашлять, чихать и дѣлать всякія непотребства. Учитель только смотрѣлъ на меня, не го-

воря ни слова. Когда урочное время прошло, то онъ по прежнему подозвалъ меня къ себѣ, велѣлъ протянуть руки и разнять ладони; послѣ чего влѣпилъ въ каждую по дюжинѣ уже ударовъ лопаткою. По пропѣтіи молитвы всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ.

Что за диковинная вещь! говорилъ я со слезами, потирая горящія ладони: за прилежаніе бьютъ и за лѣпость бьютъ! Видно, товарищъ мой Касторъ самъ ничего не знаетъ. Нечего уже у него болѣе и спрашивать, кромѣ развѣ объ уставахъ бурсы.

Точно такъ прошли остальные три дня въ недѣлѣ; но какъ я—сколько малолѣтенъ ни былъ—догадался, что если уже необходимо должно мнѣ быть биту, то пусть лучше бьютъ за прилежаніе и успѣхи, нежели за лѣность и невѣжество: почему знать, думалъ я, можетъ быть за это скоро удостоенъ буду въ діаконы!

На семъ основаніи я сдѣлался столько прилеженъ, внимателенъ и рачителенъ ко всему, преподаваемому въ классѣ, что не могъ бы уже увеличить сихъ качествъ, хотя бы отбили лопатками обѣ руки по самые локти; но, къ великому моему удивленію и горести, удары каждый день увеличивались, такъ что къ субботѣ ладони мои распухли какъ подушки. Въ сей роковой день, по окончаніи класснаго ученія, двое сторожей внесли скамейку и поставили по срединѣ комнаты, другіе двое явились съ пуками лозъ. По мановенію наставника, они схватили меня, разложили на скамьѣ и начали оказывать удальство свое. Нѣтъ! это уже не крапивные удары въ бурсѣ.

Разумѣется, что я вопіялъ, сколько силъ доставало, призывалъ всѣхъ святыхъ во свидѣтели своей невинности; тщетно: удары сыпались градомъ, и вскорѣ я не могъ уже кричать. Истязаніе прекращено, я снятъ со скамьи и, одѣтый, подведенъ къ наставнику, но какъ не могъ держаться на ногахъ, то два сторожа меня поддерживали. По данному знаку, всѣ школьники удалились, и тогда учитель взглянулъ на меня съ милостивою улыбкою, произнеся: «Я тобою весьма доволенъ, Неонъ Хлопотинскій! Ты учился весьма прилежно, велъ себя скромно, и въ теченіи всей седмицы доказалъ примѣрное терпѣніе и послушаніе—добродѣтели, необходимыя для всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, а особливо для готовящаго себя въ духовное званіе. Сей день есть послѣдній день твоего испытанія. Продолжай учиться съ возможнымъ раченіемъ, веди себя скромно и честно, повинуйся установленнымъ надъ тобою властямъ, и ты будешь счастливъ. Я уже наказалъ твоему консулу, чтобы онъ имѣлъ особенное за тобою наблюденіе. Вотъ тебѣ злотый (*). Употреби его на сродныя лѣтамъ твоимъ лакомства. Я буду имѣть особенное къ счастію твоему вниманіе. Прощай и иди съ миромъ. Я поцѣловалъ руку сего пастыря, всталъ, вышелъ, и въ одинъ мигъ выбѣжалъ за монастырскія ворота. Вертясь на незабвенной скамейкѣ, я думалъ, что не скоро въ силахъ буду и ползать; а теперь сдѣлался столь твердъ на ногахъ и крѣпокъ во всемъ тѣлѣ, что могъ скакать, какъ жеребенокъ. На рынкѣ купилъ я двѣ булки, одну для себя, а другую для Кастора, ибо въ продолженіи цѣлой недѣли онъ болѣе всѣхъ оказывалъ мнѣ доброхотства.

В. ИЗЪ РОМАНА: ДВА ИВАНА, ИЛИ СТРАСТЬ КЪ ТЯЖБАМЪ (1825). (³).

День клонился къ окончанію, но веселье въ домѣ гостепріимнаго хозяина (**) не уменьшалось. Великое множество посѣтителей не было ему въ тягость. Онъ угощалъ мущинъ, жена его женщинъ. Панъ Харитонъ водилъ гостей по саду, хотя сентябрскіе вѣтры пообили уже половину древесныхъ листьевъ; по гумну, гдѣ вычислялъ, сколько каждый стогъ ржи дастъ

(*) 15 копѣекъ серебромъ, польская монета.

(**) Харитона Занозы.

ему пѣннику; по скотному двору, гдѣ имѣлъ случай похвалиться быками и коровами, козлами и баранами. Его супруга изъ окна показывала пріятельницамъ толпы куръ, гусей, утокъ и индѣекъ, повѣствуя о нравѣ и привычкахъ каждаго пѣтуха и каждой курицы. Не утѣшно ли это?

Когда всѣ собрались опять въ комнату, гдѣ столъ уставленъ былъ корчагами съ дымящеюся варенухою, и гости и хозяинъ поставили, гдѣ попало, свои кубки, услышали на дворѣ стукъ колесъ и лошадиный топотъ, и вскорѣ является въ собраніе человѣчекъ низменный, лѣтъ въ пятьдесятъ, но за то довольно пространный въ чревѣ и широкій въ раменахъ. Лысина его свѣтилась, какъ полный мѣсяцъ. Кто же былъ этотъ гость? Писецъ сотенной канцеляріи панъ Анурій. Всѣ изъ почтенія привстали, а хозяинъ, ласково обнявъ его, усадилъ на своемъ мѣстѣ и предложилъ свой кубокъ съ варенухою. Всѣ глядѣли ему въ глаза, ловили каждое слово и хохотали, когда сей глупецъ улыбался своимъ выдумкамъ. Когда три кубка перелились въ его утробу, то онъ, избоченясь, произнесъ: «что дашь, панъ Харитонъ, за добрыя вѣсти, привезенныя мною изъ города? Самъ сотникъ, отдавая мнѣ сей свертокъ бумагъ, сказалъ: поѣзжай, дружище, и бумаги сіи отдай самолично пану Харитону. Изъ сего заключаю,» продолжалъ Анурій, «что онѣ благопріятны, ибо въ заключеніяхъ никогда не обманываюсь.»—Понимаю, понимаю! сказалъ панъ Харитонъ, и съ улыбкою вышелъ. Едва успѣлъ панъ Анурій управиться съ четвертымъ кубкомъ, какъ панъ Харитонъ явился съ дарами и предложилъ ему новую шляпу изъ лучшей коровьей шерсти, новые сапоги, напитанные самымъ чистымъ дегтемъ, и глиняную трубку работы перваго гончара въ Полтавѣ. Панъ Анурій принялъ благосклонно подносимое и бросился къ своей одноколкѣ для укладки; послѣ чего, вошедъ въ собраніе съ большимъ запечатаннымъ сверткомъ бумагъ, учтиво подалъ оный пану Харитону и усѣлся на прежнемъ мѣстѣ. Панъ Харитонъ, просмотрѣвъ бѣгло каждый листъ, сказалъ: у меня послѣ случившихся тревогъ глаза что-то мутны; потрудись, панъ Анурій, самъ прочесть. Опредѣленіе сотенной канцеляріи не есть тайна.—Панъ Анурій съ важностію взялъ бумаги, вынулъ опредѣленіе, надѣлъ очки и началъ читать:

«Панъ Харитонъ Заноза жалуется, что паны Иваны Зубарь и Хтара сожгли у него голубятню и съ голубями, коихъ было болѣе двухъ сотъ; а паны Иваны доказываютъ, что у старшаго изъ нихъ истреблена пасѣка, въ коей было не менѣе пятидесяти ульевъ.

«Сотенная Канцелярія, по долгу своему вникнувъ въ сіи обстоятельства, опредѣляетъ:

«1. Предположа, что у пана Харитона при сгорѣніи голубятни погибли всѣ голуби, коихъ было счетомъ болѣе двухъ сотъ, т. е. двѣсти одинъ, то, назнача высшую цѣну за каждаго по полушкѣ, выйдетъ убытку на пятьдесятъ копеекъ съ полушкою. Но какъ паны Иваны клятвенно увѣряютъ, что въ пищу употребили только двадцать птицъ, слѣдовательно настоящаго, чистаго убытку принесли на пять копѣекъ; прочіе же голуби частію разлетѣлись, частію сгорѣли. А какъ никто ни одному голубю не связывалъ и не обрѣзывалъ крыльевъ, то и прочіе могли улетѣть: и такъ они изжарились по доброй волѣ.

2. У пана Ивана старшаго истреблено пятьдесятъ ульевъ, и, по теперешней порѣ, наполненныхъ сотами. По справочнымъ цѣнамъ каждый таковой улій стоитъ шестьдесятъ копеекъ: и такъ всего убытку выйдетъ на тридцать рублей. Исключа изъ сей суммы пять копеекъ, панъ Харитонъ причинилъ пану Ивану старшему истин-

наго убытку на двадцать девять рублей девяносто пять копеекъ, каковыя деньги въ теченіи трехъ дней и долженъ непремѣнно выдать писцу Анурію. Для необходимыхъ расходовъ сотенной канцеляріи удержится двадцать восемъ рублей девяносто пять копѣекъ; за тѣмъ остающійся цѣлый рубль имѣетъ быть выданъ пану Ивану старшему съ роспискою.»

Кто опищетъ бѣшенство пана Харитона! Онъ ломалъ на рукахъ пальцы, стучалъ въ полъ ногами и страшно поводилъ глазами. Наконецъ вскочилъ какъ отчаянный, подбѣжалъ къ изумленному писцу, выхватилъ роковое опредѣленіе, изорвалъ въ лоскутки и кинулъ въ глаза послу сотенной канцеляріи. Со всѣхъ сторонъ раздался шумъ и ропотъ. Панъ Харитонъ ничему не внималъ; онъ вопіялъ, оборотясь къ писцу: За чѣмъ же вы разъѣзжали на лошадяхъ моихъ? а? За чѣмъ орали землю моими волами и засѣвали ее моими сѣменами? а? За чѣмъ пожирали моихъ овецъ и барановъ и изъ шкуръ ихъ дѣлали себѣ шубы? а? За чѣмъ брали у меня деньги, душегубцы, бездѣльники, разбойники? За чѣмъ выманивали у меня деньги, говорю я, когда не хотѣли держать мою сторону? а?

Съ симъ словомъ—къ ужасу всѣхъ гостей и семействъ ихъ, ибо на громоподобный ревъ пана Харитона сбѣжались всѣ жены и дочери собесѣдниковъ—онъ поволокъ пана Анурія за воротъ, вытащилъ на дворъ, схватилъ въ охапку, стукнулъ въ одноколку, подалъ вожжи въ руки сидящему, и давъ двѣ добрыя позатыльщины, схватилъ съ земли березовый сукъ и началъ поражать имъ то лошадь, то Анурія. Бѣдное животное, сколько было въ немъ силы, бросилось со двора на улицу, а панъ Харитонъ, туда же выскоча, кричалъ вслѣдъ писцу: «скажи дураку сотнику и бездѣльникамъ членамъ сотенной канцеляріи, что они беззаконники, и что я завтра же ѣду въ Полтаву позываться съ ними въ полковой канцеляріи!»

Одержавъ столь знаменитую побѣду надъ злѣйшимъ врагомъ своимъ по дѣлу о сожженной голубятнѣ и истребленной пасѣкѣ, паны Иваны съ торжествомъ ѣхали изъ города въ свою обитель, какъ на серединѣ дороги у стоявшей корчмы увидѣли они одноколку, и тотчасъ узнали, кому принадлежитъ оная. «Вотъ кстати,» сказалъ Иванъ старшій: «возьмемъ у Анурія принадлежащій намъ рубль и хорошенько его попотчуемъ.»

Вошедъ въ сборную комнату, они и подлинно увидѣли пана Анурія за столомъ сидящаго у сулеи въ самомъ пасмурномъ положеніи. «Что такое, панъ Анурій?» вскричалъ Иванъ старшій: «сулея у самаго рта и печальный видъ—это что-то не клеится. Жидъ! подай-ка еще двѣ сулеи, съ чѣмъ хочешь, только бы съ самыми лучшими душами! Право, ты, панъ Анурій, великій дѣлецъ и весьма проворенъ! Возможно ли только въ такое короткое время управиться съ такою буйною головою, какова у негоднаго Занозы!»—И подлинно управился! сказалъ Анурій съ горькою улыбкою и, наливъ кубокъ, пилъ изъ него съ примѣтнымъ неудовольствіемъ. Паны Иваны диковину сію замѣтили съ удивленіемъ, приступили съ разспросами, и Анурій разсказалъ все подробно. Выслушавъ съ подобающимъ вниманіемъ о семъ приключеніи, отъ существованія Малороссіи неслыханномъ, паны Иваны сердечно возрадовались, и старшій восплескалъ руками. Анурій показалъ весьма недовольный видъ и спросилъ:—Неужели вы, коихъ я считалъ моими друзьями, можете радоваться, что затылку моему достались оплеушины, а спинѣ полновѣсные удары дубиною?—«Никакъ,» отвѣчалъ Иванъ старшій: «мы радуемся и веселимся не тому, что именно тебѣ, нашему другу и ходатаю, достались славные побои, но тому, что они даны именитому писцу сотенной канцеляріи дерзкою рукою злобнаго Занозы. Мы надѣемся, что

сіе злодѣяніе скорѣе его доконаетъ, чѣмъ застрѣленные кролики, перебитые гуси, утки, овцы и наконецъ истребленная пасѣка! Шутка ли только! Пану Анурію, мужу, посѣдѣвшему и оплѣшивѣвшему среди бумаги, черниль и перьевъ, надавать позатыльщинъ и разъ десять огрѣть орясиною!»—Ровно двѣнадцать разъ огрѣлъ онъ, отвѣчалъ надменно панъ Анурій, а въ тринадцатый замахнулся, и хотя сдѣлалъ промахъ, но все его должно счесть за ударъ. Притомъ же, при безчисленномъ множествѣ шляхтичей и шляхтянокъ, онъ поносилъ самыми безчестными ругательствами сотника и всю сотенную канцелярію; волокъ меня чрезъ всю комнату,—что все равно, какъ черезъ весь домъ,—за воротъ, которой достаетъ, какъ видите, до затылка,—а потому все равно, какъ бы волокъ за чубъ. О паны Иваны! если вы тому радуетесь, что Харитону Занозѣ достанется за сіе богопротивное дѣло съ лихвою, то мнѣ это любо! О, если бы у него было и вдвое имѣнія болѣе, нежели сколько онъ имѣетъ, то и его было бы недостаточно заплатить мнѣ за безчестье и увѣчье. Нѣтъ! надобно будетъ ему познакомиться съ городскою тюрьмою и отвѣдать, какой вкусъ имѣетъ черствый хлѣбъ и прѣсная вода. Вотъ вамъ рука моя, что это сбудется и притомъ скоро!

[1]) О жизни Нарѣжнаго, Василія Трофимовича, къ сожалѣнію, сохранилось немного свѣдѣній. Извѣстно, что онъ родился въ полтавской губерніи, обучался въ Московскомъ университетѣ и служилъ въ Пѣтербургѣ, гдѣ и скончался. Одно изъ его сочиненій посвящено П. А. Буцкому, бывшему домашнимъ секретаремъ при министрѣ финансовъ, графѣ Гурьевѣ; другое Взметневу, который, при томъ же министрѣ, былъ главнымъ организаторомъ винной продажи отъ казны. Въ послѣднемъ посвященіи, авторъ, обращаясь къ Взметневу, какъ къ своему другу, говоритъ о какихъ-то грозныхъ тучахъ, которыя нерѣдко собирались надъ его головою въ продолженіе 15 лѣтъ (1806—1821). Знавшіе Нарѣжскаго отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ чрезвычайно тихомъ и добромъ. Первыя его сочиненія, въ стихахъ и прозѣ, нап. въ «Пріят. и полез. препровожденіи времени» (1798, ч. 18 и 20) и «Ипокренѣ» (1799, №№ 1 и 2). Въ первомъ изъ этихъ журналовъ нап.: Сотвореніе розы (съ нѣм.), Берега Альты, Къ Аристію (Гораціева ода), Къ другу моему, Рогвольдъ, Пѣснь Владиміру кіевскихъ бояновъ; во второмъ: два драматическіе разговора (Римская ревность и Мстящіе евреи) и басня «Снѣжинка». Вѣроятно, Нарѣжному также принадлежатъ, подписанныя буквами В. Н., повѣсть «Георгій и Елена» (Цвѣтникъ, 1809, августъ) и «Анастасія, супруга Іоанна» (ib., 1810, февраль). Нѣсколько славянскихъ вечеровъ (Игорь, Любославъ и др.) нап. въ Соревнователѣ просвѣщенія 1818 и 1819 г.

Сочиненія:

Димитрій Самозванецъ, траг. въ 5 д. (сочин. 1800 г., нап. 1804; другое изд. 1830).

Россійскій Жилблазъ, или похожденія князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814). Напечатаны только три части; остальныя три части не были допущены къ печатанію и хранятся въ рукописи у сына автора.

Славенскіе вечера, книжка 1-ая (1809). Второе изданіе, съ прибавленіемъ 2-ой книжки, 1826 г.

Аристіонъ, или перевоспитаніе. Справедливая повѣсть, 2 ч. (1822).

Бурсакъ, малороссійская повѣсть. 4 ч. (1824). Другое изд. 1860 г.

Новыя повѣсти, 3 ч. (1824). Всѣхъ повѣстей четыре: въ 1 ч. — «Марія» и «Богатый бѣднякъ»; во 2-ой—«Невѣста подъ замкомъ», «Турецкій судъ» и «Заморскій принцъ»; въ 3-ей—«Запорожецъ».

Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ, 3 ч. (1825).

Черный годъ или Горскіе князья, 4 ч. (1829).

Второе изданіе сочиненій Нарѣжнаго, подъ названіемъ «Романы и повѣсти», вышло въ 10 ч. (1836). Въ 1 и 2 ч.—Бурсакъ; въ 3 и 4—Два Ивана; въ 5—Аристіонъ; въ 6 и 7—Черный годъ; въ 8—Богатый бѣднякъ и Запорожецъ; въ 9—Марія, Невѣста подъ замкомъ, Турецкій судъ и Заморскій принцъ; въ 10—Славянскіе вечера. Сюда не вошли: Димитрій Самозванецъ и Россійскій Жилблазъ.

Въ предисловіи къ послѣднему сочиненію, Нарѣжный объявляетъ, что онъ вывелъ на показъ русскимъ людямъ русскаго же человѣка, имѣя цѣлію, по примѣру Лесажа, соединить полезное съ пріятнымъ, и что вѣроятность, приличіе, сходство описаній съ природою, изображеніе нравовъ въ различныхъ

состояніяхъ и отношеніяхъ были тѣми правилами, которыя онъ постоянно старался не выпускать изъ виду. «Да не погнѣваются на меня (говоритъ онъ) изступленные любители метафизики, славенскаго языка и всего, что есть нѣмецкаго, что я не всегда съ должною почтительностію объ нихъ отзывался. Это отнюдъ не значитъ, чтобы считалъ я метафизику наукою вздорною, славенскій языкъ варварскимъ, и все то, что выдумано нѣмецкою головою, глупою выдумкою. Сохрани отъ того Боже! Но мнѣ всегда казалось, что перейти должные предѣлы, въ чемъ бы то ни было, есть крайнее неразуміе. Метафизика, безъ сомнѣнія, есть наука высокая и утончаетъ разумъ человѣка, однакожъ не до такой степени, чтобы могъ онъ опредѣлить, чѣмъ занималось Высочайшее Существо до созданія міра, и чѣмъ заниматься будетъ по разрушеніи онаго. А есть такіе храбрые ученые, которые на то пускались. Славенскій языкъ безспорно высокъ, точенъ, обиленъ; однакожъ тотъ изъ насъ, который, стоя предъ красавицею, будетъ нѣжить слухъ ея названіями: лѣпообразная дѣво! голубице, краснѣйшая рая!— едва ли не долженъ быть почтенъ за сумасброда; а такіе витязи и до сихъ поръ у насъ находятся, и не безъ послѣдователей! Что касается до нѣмчизны, подъ которымъ названіемъ, слѣдуя выраженію нашихъ прадѣдовъ, разумѣю я всякую чужеземщину, то весьма недовольнымъ почту себя, если кто нибудь назоветъ меня порицателемъ всего того, что не наше. Это была бы излишняя благосклонность ко всему своему, что также никуда не годится. Всякое пристрастіе ведетъ къ заблужденію; а я не знаю, что было бы хуже, слѣд. вреднѣе заблужденія, подкрѣпленнаго упрямствомъ».

Эти слова предисловія относятся ко многимъ разсказамъ. Приводимъ одинъ изъ нихъ, чтобы дать читателямъ нѣкоторое понятіе о романѣ:

«Не безпокойся, отвѣчалъ купецъ съ улыбкою: я пріискалъ мѣстечко, на первый разъ изрядное. У меня есть пріятель изъ ученыхъ этого города. Должность его преподавать публичные уроки, или говорить рѣчи о наукѣ метафизикѣ, въ коей онъ весьма силенъ, и за то почитаемъ въ городѣ отъ именитыхъ людей. Онъ давно ищетъ себѣ секретаря, который бы зналъ правописаніе, ибо должность его будетъ переписывать на бѣло сочиненія г. Трисмегалоса: такъ называется ученый.

«Я съ радостію принялъ предложеніе почтеннаго моего хозяина. Онъ написалъ одобрительное обо мнѣ письмо, вынулъ изъ комода кошелекъ золота, положилъ на столъ и сказалъ съ ласкою: хотя ты и будешь жить не у меня въ домѣ, однако всегда почитай меня отцемъ и другомъ. Г. Трисмегалосъ человѣкъ простой и очень добродушный; онъ вѣрно тебя полюбитъ и сколько можно о тебѣ со временемъ постарается. Однако онъ имѣетъ и слабости, о которыхъ я долженъ сказать тебѣ, не въ предосужденіе г. ученому, но для того, чтобы ты, зная объ нихъ, не дивился и не огорчилъ тѣмъ добраго старика; именно: онъ страстно влюбленъ въ метафизику, славянскій языкъ и пуншъ. Всѣ сіи три предмета занимаютъ его совокупно и безъ мѣры. Онъ рѣдко о чемъ говоритъ, кромѣ метафизики; рѣдко другимъ языкомъ, кромѣ славянскаго; и очень рѣдко что пьетъ, кромѣ пуншу. Однакожъ публичныя рѣчи его на обыкновенномъ языкѣ, ибо такъ предписало ему начальство: за то онъ утѣшается въ гостяхъ и дома, разсуждая славянскимъ. Если ты сколько нибудь поговоришь съ нимъ этимъ языкомъ, онъ полюбитъ тебя какъ сына. Теперь время, когда люди пьютъ чай: поди, ты вѣрно застанешь его дома; работникъ мой понесетъ за тобою пожитки и укажетъ домъ. Вотъ письмо къ г. Трисмегалосу и двѣсти червонныхъ: они тебѣ пригодятся. Прости, любезный другъ!

«Тутъ обнялъ меня родительскою ласкою. Я плакалъ, такъ же обнималъ его, какъ сынъ добраго отца; простился съ женою его и дочерью и въ сопровожденіи работника вышелъ. Я не сказалъ, что, во время пребыванія моего въ домѣ купца, честное семейство снарядило меня бѣльемъ, обувью и проч. Дорогою перебиралъ я въ мысляхъ всѣ церковныя книги, какія только удавалось мнѣ читывать, и затверживалъ самыя громогласныя слова и выраженія. Съ трепетомъ сердца, вступилъ я въ вороты дома Трисмегалоса.

«Вошедъ въ покой, встрѣчены были старухою въ запачканномъ платьѣ. Что вамъ надобно, господа? спросила она. Я отвѣчалъ, что г. Трисмегалоса, къ которому имѣю письмо. Она ввела въ его кабинетъ. Тамъ пребольшіе шкапы наполнены были пребольшими книгами и толстыми тетрадями. У окна стоялъ столикъ, накрытый черною клеенкою; на столѣ большой самоваръ; а у стола два пожилые господина, съ багряными лицами, держали по большому стакану въ рукѣ. Они оба обратили на меня блистающіе взоры, и я оробѣлъ, не зная, которому изъ нихъ подать письмо. Одинъ былъ высокаго роста, съ надменнымъ видомъ; другой малъ, коренастъ и съ головою, едвали меньше, какъ была у Ермила Федуловича, носъ луковицей, съ прешерокими ноздрями.

«Чесо ищеши здѣ, чадо? спросилъ послѣдній. Вдругъ догадался я, что это самъ Трис-

мегалосъ, и съ почтеніемъ подалъ письмо. Онъ прочелъ, улыбнулся, засунулъ въ носъ съ горсть табаку, закинулъ голову назадъ, отъ чего она походила на дельфинову, и сказалъ: благо ти, чадо, аще тако хитръ еси въ наукахъ, яко же вѣщаетъ почтенный благопріятель мой! Ты пребудеши въ дому моемъ, аки Ное въ ковчезѣ, и треволненія никогда же тя коснутся. Добрѣ ли вѣси правописаніе?

«Я отвѣчалъ со смиреніемъ: мню, честнѣйшій господине мой, яко добрѣ вѣмъ; ни чимъ же мнѣе великоученнѣйшихъ мужей.

«Трисмегалосъ пораженъ былъ ужасомъ. Онъ вскочилъ, выпялилъ глаза и осматривалъ меня съ благоговѣніемъ. За то пріятель его поднялъ такой жестокій смѣхъ, что стаканъ изъ рукъ его выпалъ. Ну, нашла коса на камень! Онъ продолжалъ хохотать.

«Трисмегалосъ сѣлъ и съ видомъ увѣщанія сказалъ другому: что смѣешися, о Горланіе! Не есть ли во времена наши, егда погибло все изящное на земли и нравы развратишася,—не есть ли, глаголю, чудо, зрѣти юношу сего въ толикомъ благомысліи, вѣщающаго языкомъ мудрѣйшимъ и доброгласнѣйшимъ? О Горланіе, Горланіе! Почто глумишися?

«Обнявъ меня, сказалъ онъ: возсяди, чадо, посреди насъ и вкуси отъ питія сего, имъ же утѣшаемся.

«Не тако, о господине, отвѣчалъ я: юнъ бо есмь и не обыкохъ вкушати отъ питія, его же нарицаютъ пуншемъ.

«Добрѣ, отвѣчалъ онъ: обаче возсяди!

«Такимъ образомъ я сѣлъ; разговоръ сдѣлался веселѣе; Горланіусъ довольно грубо насмѣхался надъ нами, слыша безпрестанно: аще, обаче, абіе и проч.

«Когда г. Горланіусъ ушелъ по вечеру, то метафизикъ отвелъ мнѣ горенку, похуже правда, чѣмъ была у меня въ домѣ купца, но за то гораздо лучше, чѣмъ на чердакѣ у Ермила Федуловича. На другой день раскazалъ онъ мнѣ о будущей моей должности, которая и подлинно состояла только въ томъ, чтобъ переписывать его рѣчи; а какъ онѣ были на обыкновенномъ русскомъ языкѣ, то мнѣ это весьма легкою показалось работою. Болѣе двухъ мѣсяцевъ провелъ я въ перепискѣ; послѣ полудня уходили съ Трисмегалосомъ въ его садикъ, разговаривали дружески и съ пріятностію, и г. ученый сдѣлалъ мнѣ величайшее снисхожденіе, говоря со мною простымъ русскимъ нарѣчіемъ, и позволилъ мнѣ говорить такимъ же, прибавя, что пока хорошенько не выучусь славянскому, то не должно во зло употреблять языка того, такъ какъ нечистыми руками прикасаться къ святынѣ.

«Въ одно утро меня позвали въ кабинетъ Трисмегалоса. Вхожу и вижу, что онъ сидитъ съ важностію и улыбается, глядя на толстую тетрадь и листъ исписанной бумаги.

«Сядь, другъ мой, сказалъ онъ. Я сѣлъ, и онъ началъ продолжать:

«Теперь открою тебе дражайшую тайну сердца моего. Не думай, какъ многіе изъ непросвѣщенныхъ, что я полюбилъ только метафизику, языкъ славянскій и пуншъ. Такъ, люблю и ихъ, но не однихъ! Увы! въ преклонной старости лѣтъ моихъ полюбилъ я паче мѣры и благообразную Анисію, племянницу велемудраго Горланія.

«Онъ остановился и тяжко вздохнулъ.

«Почто смущается сердце ваше? сказалъ я. Мужъ толикой учености, какъ вы, сдѣлаетъ великую честь именитой дѣвицѣ, предложивъ ей сердце свое и руку.

«Каждодневно дѣлаю сіе, сказалъ онъ, но всуе: она гордѣе Навуходоносора. Тьмократно увѣщеваетъ ее Горланіусъ склониться на мои желанія; но она, для отдаленія сего вожделѣннаго брака, даетъ мнѣ задачи многотрудныя. Напримѣръ, однажды она сказала мнѣ: доколѣ не кончите своего трактата, не войду я на брачное ложе ваше. Увы! сынъ мой Никандръ, много трудился я, но безъ пользы. Во первыхъ, по ея велѣнію доказалъ я неоспоримо, что душа наша во лбу между глазами. Хорошо, отвѣчала она; и на другой день въ письмѣ пишетъ: теперь хочу, чтобъ доказано было, что душа наша въ затылкѣ. О злоумышленія на честь метафизики! О святотатство, равняющееся отцеубійству! Но что дѣлать? я покусился и на сіе злодѣйство, ибо любовь къ Анисьи превозмогла любовь мою къ метафизикѣ: и вотъ ты видишь начертаніе на ста семидесяти листахъ съ половиною, гдѣ ясно и неоспоримо доказано, что душа человѣческая имѣетъ пребываніе свое въ затылкѣ, съ тѣмъ однако, что она властна прейти въ чело. Такимъ образомъ исправилъ я свое преступленіе, сколько могъ. Ты, сынъ мой, пріими на себя трудъ отнести къ свирѣпой сіе начертаніе.

«Теперь выслушай писаніе, при коемъ понесешь ты разсужденіе о душѣ въ затылкѣ.—Онъ взялъ листъ, еще вздохнулъ, и началъ читать:

«Днесь посылаю начертаніе, въ коемъ узрѣвши, на коликое злодѣйство умыслихъ азъ окаянный изъ единыя любви моея, доказавъ душѣ нашей быти въ затылкѣ, и аще поволиши, то и невозвратно. Возымѣй надо мною жалость и престани, избраннѣйшая дѣво, отлагати день брака нашего. Ты еди-

ная для мя стала днесь метафизика: во очію твою зрю онтологію; на челѣ пневматологію; а на затылкѣ, увы! днесь психологію. Не буди свирѣпа, яко же свинія дубравная, или птицы, у коихъ поврежденъ затылокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ душа и разумъ.

«Такое дурачество, и притомъ въ такія лѣта, привело меня въ жалость къ доброму старику, почтенному Трисмегалосу. Я выдумывалъ разныя средства, какъ бы его вылечить. Говорилъ много, и кажется основательно, но тщетно: онъ вздыхалъ, обращалъ глаза вверхъ, и казалось, что и подлинно скоро душа его переселится изо лба въ затылокъ, и невозвратно. Я рѣшился льстить его страсти, чтобы по крайней мѣрѣ успокоить, если не навсегда, то хотя на время, а тамъ ожидать, что онъ сдѣлаетъ. Я понесъ письмо и трактатъ. Анисья приняла ихъ съ хохотомъ, издѣвалась надъ старикомъ, честя его безумцемъ; а читая его письмо, едва не задохнулась отъ смѣха.

«Я краснѣлъ со стыда и досады за добродушнаго Трисмегалоса. Анисья показалась мнѣ такъ гадка, такъ распутна, что не только не заслуживала называться племянницею велемудраго Горланія, но ни послѣдняго пастуха. Завтре буду отвѣчать письменно, сказала она, и я вышелъ.

«О Трисмегалосъ, Трисмегалосъ! говорилъ я, идучи улицею. Какъ не разсудилъ ты, что со столькими любовьми управиться трудно человѣку и не въ твои лѣта? Шутка ли! любовь къ метафизикѣ, къ славянскому языку, къ пуншу и еще Анисьѣ! и всѣ сіи любови, какъ вижу, страстныя! О несчастный Трисмегалосъ!

[2]) Въ этой повѣсти главное дѣйствующее лице (Неонъ) разсказываетъ свои похожденія: изъ мнимаго сына дьячка Варуха онъ, подъ конецъ разсказа, оказывается внукомъ малорусскаго гетмана. Оставивъ въ сторонѣ романическія событія въ жизни героя, я выбралъ описаніе бурсы и нравовъ ея воспитанниковъ. Варулъ—пріятель Варуха, келейникъ ректора переяславской семинаріи, куда поступилъ Неонъ.

[3]) Содержаніе романа видно изъ его заглавія: это-страсть къ тяжбамъ. Два друга шляхтича, Иванъ старшій и Иванъ младшій, поссорились за пустяки съ сосѣдомъ, шляхтичемъ Харитономъ Занозой, и начали съ нимъ процессъ, который, послѣ многихъ лѣтъ, кончился миролюбивой сдѣлкой: сыновья двухъ Ивановъ, Коронатъ и Никаноръ, воспитанники полтавской семинаріи, женились на дочеряхъ Занозы.

XXVIII.

МЕРЗЛЯКОВЪ. ([1]).

А. НА РАЗРУШЕНІЕ ВАВИЛОНА. (1805). ([2]).

Свершилось! нѣтъ его!—сей градъ,
Гроза и трепетъ для вселенной,
Величья памятникъ надменной,
Упалъ!... еще вдали горятъ
Остатки роскоши полмертвой!
Тиранъ погибъ тиранства жертвой,
Замолкъ торжествъ и славы кличъ!
Яремъ позорный прекратился,
Желѣзный скиптръ переломился,
И сокрушенъ народовъ бичъ!

Таковъ Егова, царь побѣдъ!
Таковъ предвѣчный правды мститель!
Скончался въ мукахъ нашъ мучитель,
Изсякло море нашихъ бѣдъ!
Воскресла радость, миръ блаженный;
Подвигнулся Ливанъ священный,
Главу подъемлетъ къ небесамъ;
Въ восторгѣ кедры встрепетали:
Ты умеръ наконецъ! вѣщали,—
Теперь чего страшиться намъ?

Трясется адъ, сомнѣнья полнъ,
Тебя срѣтая въ мрачны сѣни;
Бѣгутъ испуганныя тѣни,
Какъ въ бурю сонмы бѣлыхъ волнъ!
Цари, герои царствъ прошедшихъ
Встаютъ съ престоловъ потемнѣвшихъ
Чудовище земли узрѣть:
«Какъ! ты, равнявшійся съ богами,
И ты теперь сравнялся съ нами,
Не думавъ вѣчно умереть!»

Почто теперь тебѣ во слѣдъ
Величье, пышность пе дерзаетъ?
Почто теперь не услаждаетъ
Твою надменность звукъ побѣдъ?
Ты не взялъ ничего съ собою;
Какъ тѣнь, исчезло предъ тобою
Волшебство льстивыхъ, свѣтлыхъ дней.
Ты въ жизнь копилъ себѣ мученье;
Твой домъ есть ночь, твой одръ—гніенье,
Покровъ—кипящій рой червей!

Высоко на горахъ небесъ
Свѣтило гордое блистало;
Вчера всѣхъ взоры ослѣпляло:
Сегодня смотришь—блескъ исчезъ.
Вчера смирялъ народы въ страхѣ:
Смиренъ сегодня, тлѣешь въ прахѣ.
Вчера мечталъ съ собою ты:
«Взнесусь, пойду надъ облаками,
«Поставлю тронъ между звѣздами,
«Попру Сіона высоты!

«Простру повсюду гнѣвъ и страхъ,
«Устрою небеса чертогомъ
«И буду въ немъ всесильнымъ Богомъ!»...
Изрекъ—и превратился въ прахъ.
Идетъ сегодня путникъ бѣдный
И зритъ въ пустынѣ трупъ твой блѣдный,
На пищу брошенный звѣрямъ:
Стоитъ, не вѣритъ въ изумленьи;
Потомъ въ сердечномъ сокрушеньи
Возводитъ взоръ свой къ небесамъ.

Не се ли ужасъ нашихъ дней?
Не се ли варварской десницей
Содѣлалъ цѣлый міръ темницей,
Жилищемъ глада, бѣдъ, скорбей?...
Никто предъ смертію не станетъ;
Но память добрыхъ не увянетъ:
Ихъ прахъ святится отъ сыновъ.
Благою вѣрой огражденный,
Слезами бѣдныхъ оживленный.
Онъ спитъ въ обители отцовъ!

Единъ твой трупъ, въ позоръ и срамъ,
Лежитъ на грозномъ полѣ брани;
Земля послѣдней бѣдной дани
Не хочетъ дать твоимъ костямъ;
Своей земли опустошитель,
Народа своего гонитель,
Лежишь межъ трупами враговъ,
Лишенный чести погребенья:
А тамъ—летитъ духъ бурный мщенья
Противъ сыновъ твоихъ сыновъ!

Рази, губи, карай злой родъ,
Прокляты вѣтви корня злова!
Въ нихъ скрыта язва, гибель нова,
Въ нихъ новый плѣнъ для насъ растетъ.
Всесильный рекъ: «Я самъ возстану,
Приду, одѣнусь въ бури, гряну,
И истреблю все племя злыхъ!
Въ градахъ ихъ звѣри поселятся,
Ихъ земли моремъ поглотятся,
Погибнетъ съ шумомъ память ихъ!»

Изрекъ—и святъ Его обѣтъ,
И вѣчно нерушимо слово!
Изрекъ—событіе готово!
Израиль! лести въ Богѣ нѣтъ...
Егова сломитъ рогъ тиранства,
И узы тягостныя рабства
Огнемъ и кровію сожжетъ;
Подниметъ руку надъ вселенной...
Кто громъ удержитъ разъяренной?
Кто съ Богомъ брани въ брань пойдетъ?

В. ВЕЛИЗАРІЙ, РОМАНСЪ (1806). (*).

Малютка, шлемъ нося, просилъ,
Для Бога, пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ,—
Кѣмъ славны Римъ и Византія.
«Тронитесь жертвою судебъ!
(Онъ такъ прохожихъ умоляетъ)
Подайте мальчику на хлѣбъ:
Онъ Велизарія питаетъ.

Вотъ шлемъ того, который былъ
Для Готѳовъ, Вандаловъ грозою;
Враговъ отечества сразилъ,
Но самъ сраженъ былъ клеветою.

Тиранъ лишилъ его очей,—
И міръ хранителя лишился.
Увы! свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велизарія закрылся!

Несчастный,—за кого въ слезахъ
Одинъ вознесъ я гласъ смиренной,—
Водилъ царей земныхъ въ цѣпяхъ,
Законы подавалъ вселенной;
Но въ счастіи своемъ равно
Онъ не былъ гордымъ, лютымъ, дикимъ,
И нынѣ мнѣ твердитъ одно:
Не называй меня великимъ!

Не видя свѣта и людей,
Паритъ онъ мыслью въ царствѣ славы,
И видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы.
Вотъ постоянство здѣшнихъ благъ!
Сколь чуденъ промыслъ Твой, Содѣтель!
И я, сиротка, въ юныхъ дняхъ
Сталъ Велизарью благодѣтель!...»

в. УТРО. ДЛЯ ДѢТЕЙ (1806). [1].

Какъ прекрасно все созданье!
Какъ все весело вокругъ!
Въ разноцвѣтномъ одѣяньѣ
Улыбается намъ лугъ!
Будто бисеромъ красуясь,
Роща свѣтится росой;
Будто гладкой шолкъ волнуясь,
Нива движется рѣкой.

Отъ чего все такъ прекрасно,
Все такъ весело вокругъ?
Что пернатыхъ хоръ согласной,
Что вѣщаетъ рощи въ слухъ?
Что тамъ шепчетъ со цвѣтками
Тихій, нѣжный вѣтерокъ?
Что лепечетъ съ бережками
Тамъ игривый ручеекъ?

Дѣти! утра появленье—
Торжество природы всей:
Празднуетъ она рожденье
Изъ ничтожности своей.
Какъ хозяинъ пребогатый,
Солнце, сынъ ея большой,
Входитъ въ свѣтлыя палаты
И зоветъ на пиръ съ собой.

Все хваленіемъ срѣтаетъ
Лучезарныхъ дней отца;
Онъ насъ снова увѣряетъ
Въ новыхъ милостяхъ Творца.
Онъ приходитъ: пробудитесь!
Исчезаетъ ночи тѣнь.
Онъ вѣщаетъ: веселитесь!
Богъ еще даетъ вамъ день.

Богъ даетъ вамъ день на радость
И на добрыя дѣла.
Пойте, птички, жизни младость!
Утучняйтеся поля!
Дерева, распространите
Тѣнь, подобную шатру!
Люди, другъ друга любите
И учитеся добру!

Преклоните же колѣна,
Дѣти милыя, въ сей часъ,
Передъ Тѣмъ, Кого вселенна,
Въ безпрерывный хоръ сліясь,
Громко хвалитъ, прославляетъ
Какъ нѣжнѣйшаго Отца,
Кто вамъ пищу посылаетъ
И щедроты безъ конца!

Говорите: о Безвѣстной,
Ты, который вѣстенъ намъ,
По одной любви чудесной,
По родительскимъ сердцамъ!
Если птичекъ пѣснопѣнье
Ты внимаешь отъ небесъ,
Пріими дѣтей хваленье,
Благодарныхъ жертву слезъ!

Дай намъ разумъ просвѣщенной,
Чтобъ дѣла Твои узнать;
Дай намъ сердце умиленно,
Чтобъ однимъ Тобой дышать;

Дай благое совершенье
Всѣмъ родительскимъ мольбамъ;
Людямъ всѣмъ благословенье:—
Ахъ! они всѣ братья намъ!

г. изъ посланія о стихотворствѣ (1808). (⁵).

Когда маляръ, въ жару, потѣя надъ картиной,
Напишетъ женскій ликъ на шеѣ лошадиной;
Все тѣло перьями и шерстью распестритъ,
И части всѣхъ родовъ въ урода помѣститъ;
Начавъ красавицей чудесное творенье,
Окончитъ рыбою, себѣ на прославленье....
Пизоны! можете-ль, скрѣпя свои сердца,
Не осмѣять сего безумнаго творца?
Повѣрьте мнѣ, друзья, съ такимъ малярствомъ сходны
И проза, и стихи, гдѣ мысли разнородны,
Какъ грезы соннаго или больнаго бредъ,
Безъ толку смѣшаны на собственной свой вредъ:
Съ ногами голова въ мучительномъ расколѣ.
Вы скажете: «Поэтъ и живописецъ въ волѣ,
Что могутъ—выдумать, что въ умъ придетъ—писать!»
Кто споритъ? Кто дерзнетъ права сіи отнять?
Съ охотой ихъ даемъ, и смѣло просимъ сами;
Но только съ тѣмъ, чтобъ лугъ украшенъ былъ цвѣтами
Весной, а не зимой; чтобъ въ вымыслахъ пѣвца
Съ мышами не жилъ котъ, а съ тиграми овца.
Начала пышныя нерѣдко обольщаютъ:
Ждемъ важнаго—и что-жъ?—На рубищѣ мелькаютъ
Кое-гдѣ пурпуры блестящей лоскутки:
По бархатнымъ лугамъ струятся ручейки;
Тамъ стонетъ мрачный лѣсъ; тамъ башня смотритъ въ волны;
Тамъ радужный чертогъ; тамъ Реинъ думы полный!..
Къ чему сей громкій вздоръ? Я дѣло знать спѣшалъ.
Положимъ: кипарисъ ты кистью оживилъ,—
Прелестно! Да за чѣмъ онъ въ страшной сей картинѣ,
Гдѣ буря, гдѣ корабль? Хозяинъ самъ въ пучинѣ
Тонулъ, и вышелъ вонъ.... чтобъ дать тебѣ за трудъ?
Положимъ: на-заказъ работаешь сосудъ—
Мнѣ страшной бочкою казался онъ сначала;
Но ты вертѣлъ, вертѣлъ: изъ бочки кружка стала!
Намъ правило дано природою самой:
Да царствуетъ вездѣ *единство съ простотой*!
Такъ! Часто мы, пѣвцы, не истиной единой,
Плѣняемся красотъ обманчивой личиной:
Я краткость сохранилъ—нельзя понять меня;
Пріятность, легкость есть—нѣтъ силы и огня;
Желая воспарить—въ безсмыслицѣ теряюсь;
Хочу исправнымъ быть—и въ прахѣ пресмыкаюсь;
Я въ вымыслахъ богатъ—но что-жъ въ моихъ стихахъ?
Гуляетъ китъ въ лѣсу, играетъ вепрь въ волнахъ!
Спасаясь отъ бѣды, въ другую вязну болѣ.
Одинъ изъ хитрецовъ, въ Эмиліевой школѣ,
На бронзѣ изражалъ, въ диковинку, людей,
И мягкость волосовъ, и нѣжный видъ ногтей:
Искуство жалкое! Что пользы въ немъ для свѣта,
Когда не можетъ дать намъ цѣлаго предмета?
Нѣтъ! съ умникомъ такимъ стоять мнѣ на-ряду,
Есть то же, что имѣть отъ бога на роду
Кривой, нескладный носъ съ прекрасными глазами

И губки алыя съ отвислыми ушами!
Берите трудъ всегда не выше силъ своихъ,
Умѣйте разбирать, судить себя самихъ;
Какъ съ берега пловецъ объемлетъ путь пространный,
Вникайте въ свой предметъ и будьте постоянны.
Кто выбралъ хорошо и осмотрѣлъ свой трудъ,
Къ тому порядокъ, связь и мысли притекутъ.
Богатый, чѣмъ начать, чѣмъ кончить, угадаетъ,
Всему число, и часъ, и мѣсто назначаетъ.
Что лишнее—долой; что нужно—то въ запасъ;
Что должно говорить—то говоритъ сей часъ;
Что можно отложить—до времени оставитъ!...
Разборчивъ, точенъ, строгъ, самимъ собою правитъ.
Онъ знаетъ силу словъ, умѣетъ соглашать,
И связью хитрою имъ новый видъ давать.

———

Исправность въ правилахъ не дастъ еще вѣнца.
Искуство намъ блеститъ, но хладными лучами;
Лишь чувство ихъ живитъ, лишь чувство правитъ нами.
По взгляду въ ближнемъ мы участіе беремъ;
Съ веселымъ - веселы, съ печальнымъ слезы льемъ.
Умѣй своя бѣды бѣдами намъ представить;
Умѣй заплакать самъ, чтобъ плакать насъ заставить!
Ты скученъ, слабъ: я сплю, или кляну тебя!
Ты въ горѣ—въ мракъ одѣнь и стихъ свой и себя;
Ты въ гнѣвѣ—поражай грозящими устами;
Ты гордъ—повелѣвай; шутливъ—рѣзвися съ нами.
Природа хитрая сердца своихъ дѣтей
Устроила для всѣхъ способными страстей.
Теперь мы радостны, но мигъ—трепещемъ въ страхѣ;
Съ надеждой въ небесахъ съ отчаяньемъ во прахѣ.
Языкъ—органъ души, толковникъ думъ нѣмыхъ,
Языкъ равно течетъ съ движеньемъ чувствъ моихъ.
Слова, съ твоей судьбой и званіемъ несходны,
Наскучатъ знатокамъ, возбудятъ смѣхъ народный.
Мнѣ скажетъ разговоръ, кто рабъ, кто дворянинъ,
Гдѣ сѣтуетъ отецъ, гдѣ споритъ пылкій сынъ,
Гдѣ мать въ кругу дѣтей, и гдѣ она съ гостями.
Поселянинъ, купецъ, бывалый за морями,
Аргивянинъ, Халдей, Колхидецъ, Скиѳъ простой,
Всѣ въ добромъ и худомъ отмѣнны межъ собой!
Послѣдуй мнѣнію, или молвѣ народа,
Будь самъ зиждителемъ и дѣйствуй, какъ природа.
Согласное въ частяхъ одѣнь въ приличный видъ!
Ахиллъ передъ тобой пусть яростный грозитъ,
Жестокъ, неумолимъ, которому законы
Даютъ война и честь, и въ свѣтѣ нѣтъ препоны;
Пускай Медея адъ громами клятвъ трясетъ;
Пусть Іо странствуетъ, дщерь Кадма слезы льетъ,
Орестъ задумчивый готовитъ убіенье,
И строитъ Иксіонъ на святость покушенье!—

———

Д. Пѣсня: «Среди долины ровныя» (1811). (6).

Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ,
Цвѣтетъ, растетъ высокій дубъ въ могучей красотѣ.
Высокій дубъ развѣстый, одинъ у всѣхъ въ глазахъ,
Одинъ, одинъ, бѣдняжечка, какъ рекрутъ на часахъ.
Взойдетъ-ли красно солнышко: кого подъ тѣнь принять?
Ударитъ-ли погодушка: кто будетъ защищать?
Ни сосенки кудрявыя, ни ивки близь него,
Ни кустики зеленые не вьются вкругъ него.
Ахъ, скучно одинокому и дереву рости!
Ахъ, горько, горько молодцу безъ друга жизнь вести!
Есть много сребра, золота: кого имъ подарить?
Есть много славы, почестей: но съ кѣмъ ихъ раздѣлить?
Встрѣчаюсь-ли съ знакомыми: поклонъ, да былъ таковъ.
Встрѣчаюсь-ли съ пригожими: поклонъ, да пара словъ.
Однихъ я самъ пугаюся, другой бѣжитъ меня;
Всѣ вѣрны, всѣ пріятели до чернаго лишь дня!
Гдѣ съ сердцемъ отдохнуть могу, когда гроза взойдетъ?
Другъ нѣжный спитъ въ сырой землѣ, на помощь не придетъ!
Ни роду нѣтъ, ни племени въ чужой мнѣ сторонѣ,
Не ластится любезная подруженька ко мнѣ,
Не вьются вкругъ малюточки, тихохонько рѣзвясь!
Возьмите-же все золото, всѣ почести назадъ:
Мнѣ родину, мнѣ милую, мнѣ милой дайте взглядъ!

Е. Пѣсня: «Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить». (7).

Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить:
Пришло время, начало сердце крушить.
Съ воздыханья бѣлой груди тяжело!
То ли въ свѣтѣ здѣсь любовью прослыло:
Полюбя дружка, отъ горести изныть,
Кто по сердцу мнѣ, не смѣть того любить?
Злые люди все украдкою глядятъ,
Меня дѣвушку заочно всѣ бранятъ....
Какъ же слушать пересудовъ мнѣ людскихъ?
Сердце любитъ, не спросясь людей чужихъ;
Сердце любитъ, не спросясь меня самой!
Вы уймитесь, злые люди, говорить!
Не уйметесь, научите не любить!
Потужите лучше въ горести со мной;
Было время и на васъ была бѣда:
Чье сердечко не болѣло никогда?
Всякъ извѣдалъ грусть-злодѣйку по себѣ,
А не всякій погорюетъ обо мнѣ!
Что же дѣлать съ горемышной головой?
Куда спрятать сердце бѣдное съ тоской?
Другъ не знаетъ, что я плачусь на него;
Людямъ нужды нѣтъ до сердца моего!...
Вы, забавушки при радости моей,
Цвѣты алые, поблекните скорѣй!
Васъ горючими слезами оболью,
Вамъ однимъ скажу про горесть я свою.
Какъ безъ солнышка не можно вамъ пробыть,
Мнѣ безъ милаго не можно больше жить.

Ж. Пѣсня: «Чернобровый, черноглазый»

Чернобровый, черноглазый,
Молодецъ удалый,
Вложилъ мысли въ мое сердце,
Зажегъ ретивое!
Нельзя солнцу быть холоднымъ,
Свѣтлому погаснуть;
Нельзя сердцу жить на свѣтѣ,
И не жить любовью!
Для того ли солнце грѣетъ,
Чтобы травкѣ вянуть?

Для того ли сердце любитъ,
Чтобы горе мыкать?
Нѣтъ, не дамъ злодѣйкѣ-скукѣ
Ретиваго сердца!
Полечу къ любезну другу
Осеннею пташкой;
Покажу ему платочикъ,
Его же подарокъ:
Сосчитай горючи слезы
На аломъ платочкѣ,
Изсуши горючи слезы
На бѣлой ты груди,
Или сладкими ихъ сдѣлай,
Смѣшавъ со своими....

Воетъ сыръ боръ за горою,
Мятелица въ полѣ;
Встала вьюга, непогода,
Запала дорога.
Оставайся, бѣдна птичка,
Запертая въ клѣткѣ!
Не отворишь ты слезами
Отеческій теремъ;
Не увидишь дорогова,
Ни прежняго счастья!
Не ходить-бы красной дѣвкѣ
Вдоль по лугу-лугу;
Не искать-было глазами
Пригожихъ, удалыхъ!
Не любить-бы красной дѣвкѣ
Молодаго парня;
Поберечь-бы красной дѣвкѣ
Свое нѣжно сердце!

3. РАЗБОРЪ ТРАГЕДІИ СУМАРОКОВА: «ДМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ» (1817). (8).

Дмитрій Самозванецъ въ 1771 году въ первый разъ представленъ на императорскомъ театрѣ въ Петербургѣ. Сія трагедія, кажется, была счастливѣе всѣхъ трагедій Сумарокова, чему, безъ сомнѣнія, весьма много способствовалъ выборъ содержанія, какъ ближайшаго къ тому вѣку, всѣмъ знакомаго и занимательнаго; потомъ не мало помогло самое искуство актеровъ, уже достигшихъ до весьма важной степени совершенства. Въ это время составлена была довольно полная труппа, главою и красотою которой былъ почтенный Дмитревскій, окруженный знаменитыми сотрудниками Волковымъ и Крутицкимъ (9). Не почитаю нужнымъ расказывать здѣсь содержанія трагедіи Самозванца: оно всѣмъ извѣстно, ибо ни одна трагедія, не только Сумарокова, но и другихъ счастливыхъ его послѣдователей, безъ сомнѣнія, не имѣла столько представленій, сколько Дмитрій Самозванецъ. Должно признаться, правда, что и стихотворство въ сей трагедіи болѣе обработано, нежели въ другихъ піесахъ возстановителя нашего театра. Есть монологи, которые по крайней мѣрѣ въ представленіи производили и будутъ еще производить весьма сильное дѣйствіе; даже набатный колоколъ въ этой піесѣ, какъ нѣчто напоминающее, можетъ быть, о вечевомъ, играетъ довольно важную роль; мѣсто дѣйствія—Кремль, Москва; потомъ бояра русскіе и время, въ исторіи нашей столько важное, какъ переходъ отъ несчастнаго положенія Россіи къ самому счастливѣйшему; низверженіе злобнаго тирана, котораго память проклинается и церковію и обществомъ: все это вмѣстѣ весьма много способствовало тому, чтобы піеса была одною изъ занимательнѣйшихъ для публики россійской.

Вся трагедія заключаетъ въ себѣ послѣдній день низверженія тирана, изъ ничтожнаго состоянія вышедшаго, жестоко—лютаго, ненавистнаго, въ отчаянномъ положеніи находящагося. Вотъ съ какой точки зрѣнія должны мы судить о піесѣ. Чего требуетъ такое положеніе? Дѣятельности чрезвычайной во всѣхъ лицахъ враждебныхъ, дружественныхъ и особенно въ самомъ главномъ характерѣ. Кажется, это неоспоримо. Назовемъ всѣхъ дѣйствующихъ въ трагедіи: Дмитрій Самозванецъ, Парменъ, наперсникъ его, князь

Шуйскій, Георгій, Ксенія, военачальникъ и стража.

Я сказалъ уже, что сія трагедія, въ продолженіи многихъ лѣтъ, была, такъ сказать, царствующая на нашемъ театрѣ; ее всѣ учили наизусть. Однако я смѣю сказать прямо, что она имѣетъ гораздо болѣе погрѣшностей, нежели какая-либо другая трагедія сего же автора. Вычислите всѣ необходимыя качества драмы: онѣ всѣ нарушены, или пренебрежены. Вотъ непонятная странность въ уклоненіяхъ всеобщаго вкуса! Драма не можетъ быть безъ дѣйствія, которое составляетъ ея душу. Какое дѣйствіе въ Дмитріи Самозванцѣ? Во всѣхъ пяти актахъ нѣтъ никакого. Дмитрій грозитъ муками, смертію; себя обрекаетъ вѣчно жертвою гееннѣ; ни онъ не дѣйствуетъ, ни противъ него не дѣйствуютъ: ибо изъ разсказа начальника стражи, три раза на сцену приходящаго, только знаемъ, что чернь бунтуетъ, приближается къ Красному крыльцу, входитъ въ государевы комнаты; но никто не отражалъ ее. Кажется, будто хотѣлъ Дмитрій между прочимъ жениться на Ксеніи и отравить свою супругу; но не видимъ, чтобъ сіе намѣреніе произведено было въ дѣйство какимъ-либо образомъ: онъ погибаетъ не отъ другихъ, но самъ собою. И такъ содержаніе сей трагедіи слѣдующее: *тиранъ сердился, бранился и съ досады наконецъ убилъ себя.* Это могъ бы онъ сдѣлать и въ первомъ дѣйствіи и даже въ первомъ явленіи,—все бы было равно. Драма должна имѣть единство дѣйствія: какого требовать единства, гдѣ нѣтъ ничего? Далѣе, должны быть сохранены еще единства времени и мѣста. Въ разсужденіи времени, кажется, дѣйствіе началось по утру и оканчивается въ полночь, когда самозванецъ въ самыхъ ужасахъ бунта заснулъ и пробужденъ былъ мечтами грозными, а особливо набатнымъ колоколомъ, возвѣстившимъ послѣдній часъ его. Судя по сему, можно бы сказать, что единство времени соблюдено, если бы только что-нибудь дѣйствовало; но, говоря о сей трагедіи, надобно сказать, что оно *потрачено* и, соотвѣтственно правилу Аристотелеву, точно *потрачено не болѣе одного дня*: въ этомъ правъ Сумароковъ болѣе, нежели въ разсужденіи *мѣста*. Въ цѣлой піесѣ одна декорація, одна зала. Авторъ конечно такимъ образомъ весьма много услуживаетъ содержателямъ театра, избавляя ихъ отъ издержекъ, но нѣсколько обижаетъ наше честолюбіе: онъ думалъ, что мы столько незамѣчательны, столь легковѣрны и просты, что можемъ повѣрить тому, чего никакъ быть не могло; на прим. будто мы повѣримъ, чтобы разговоръ Самозванца съ Парменомъ, пріемная зала, тронная, опочивальная царская, кабинетъ, гдѣ совѣщаетъ онъ о тайныхъ дѣлахъ государственныхъ, и комната, гдѣ Ксенія видится съ своимъ Георгіемъ, съ Димитріемъ и Шуйскимъ, однимъ словомъ, гдѣ она живетъ и отправляетъ свой туалетъ, гдѣ начинается противъ Самозванца заговоръ и гдѣ сидитъ она подъ стражею,—чтобы все это происходило въ продолженіи столь критическаго времени не только въ одномъ дворцѣ, но и въ одной и той же залѣ. Прибавьте къ тому неизвѣстность мучительную, откуда и какъ кто являлся, и почему выходилъ на сцену или уходилъ съ нея. Особенно очень странно видѣть Ксенію одну, даже безъ наперсницы, въ чертогахъ столь развратнаго и свирѣпаго тирана, видѣть ее вмѣстѣ съ Георгіемъ изъясняющихся весьма нѣжно въ своей страсти, и Шуйскаго, опаснѣйшаго врага Самозванцу, въ его комнатѣ, въ его, такъ сказать, глазахъ разглагольствующаго о существующемъ заговорѣ, дающаго совѣты Ксеніи и Георгію, объявляющаго скорую гибель тирану. Всѣ лица похожи на китайскія тѣни, переходящія, переносимыя совершенно безвинно изъ одной кулисы за другую, по мановенію десполти-

ческаго прутика стихотворца, который освободилъ себя отъ всякой, даже малѣйшей отвѣтственности природѣ и строгому разсудку.

Дѣйствіе трагедіи должно быть *героическое*: цѣль важная, усилія необыкновенныя, страсти высокія, способности душевныя блистательныя, добродѣтели или пороки въ значительной степени великости. Какая цѣль у героевъ сей трагедіи? Не знаю. Шуйскій нигдѣ не говоритъ о намѣреніи своемъ пріобрѣсть тронъ; Димитрій не боится потерять его и, нимало не удерживаясь отъ злодѣйствъ, кажется, для забавы бесѣдуетъ объ адѣ и гееннѣ. Никто ничего не дѣлаетъ и не знаетъ, для чего не дѣлаетъ; страстей также нѣтъ: ибо если бы точно любилъ Димитрій или юную Ксенію, или самого себя, то бы видно было, что онъ стремится къ цѣли, то есть или къ обладанію княжной, или къ сохраненію трона. Какой характеръ Самозванца? Золъ ли онъ? Правда, что онъ такъ о себѣ сказываетъ; но, по моему, онъ весьма добръ, ибо переноситъ равнодушно всѣ грубыя личныя оскорбленія Георгія и Ксеніи, никому не мститъ, а только грозитъ. Такой человѣкъ весьма неопасенъ; онъ глупъ просто. И такъ нѣтъ дѣйствія героическаго; а изъ того слѣдуетъ, что нѣтъ и характеровъ героическихъ. Еще вопросъ: есть ли по крайней мѣрѣ *какіе-нибудь* характеры? Когда подъ характеромъ разумѣть должно особенныя отличительныя черты одного человѣка, то въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно показать различія между лицами сей трагедіи: Димитрій не похожъ на Георгія, на Шуйскаго, на Пармена, и каждое лице также. Но когда подъ характеромъ разумѣть то, что всего важнѣе—постоянный образъ дѣйствованія, мыслей, поступковъ, однимъ словомъ поведеніе героя трагическаго; то сія піеса не имѣетъ почти ни одного характера.

Что такое Парменъ? Не знаю. Надобно думать, что онъ весьма приближенный человѣкъ къ Самозванцу; ибо говоритъ ему всегда открыто и смѣло, и тотъ слушаетъ терпѣливо его укоры. Между тѣмъ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы онъ показалъ ему свое настоящее усердіе и вѣрность; равномѣрно нѣтъ также ни одного признака и измѣны его или приверженности къ противной сторонѣ. Онъ уговариваетъ Димитрія часто, ободряетъ надеждою на милосердіе Божіе, совѣтуетъ, философствуетъ, но безъ всякаго дѣйствія противъ него или за него. Кажется, въ-тайнѣ онъ самъ желалъ и низверженія тирана. Онъ не выставленъ нигдѣ и патріотомъ русскимъ. Шуйскій ему не довѣряетъ, и онъ не имѣлъ участія въ заговорѣ. Пойдемъ далѣе. Шуйскій—скрытный непріятель Димитрія. Онъ притворяется предъ нимъ каждую минуту, и къ тому же принуждаетъ Ксенію и Георгія. Въ однѣхъ и тѣхъ же царскихъ палатахъ онъ и ругаетъ Самозванца и льститъ ему; но впрочемъ не видно ни одного предпріятія, ни одного движенія, ни одной мысли къ низверженію тирана; даже намъ ничего неизвѣстно до самаго третьяго акта, гдѣ по отшествіи Пармена говоритъ самъ съ собою Шуйскій:

Лукавствуй ты, иль нѣтъ, Димитрій мной увянетъ, и пр.

До сего времени онъ былъ истинно загадкою. Теперь мы его знаемъ; но все не видимъ никакого дѣйствія. Льстивость и угодливость его предъ тираномъ даже до излишества простерта: онъ такъ явно и дерзко обманываетъ Лжедимитрія, что хитрость его перестаетъ быть хитростію или политическимъ средствомъ; онъ такъ унижается, что нарушаетъ всѣ приличія сана своего.

Дѣятельность каждаго лица имѣетъ два средства показать себя: слова и поступки. Шуйскій не сказываетъ и не объясняетъ поступковъ ни своихъ собственныхъ, ни своихъ соучастниковъ: что же можетъ

быть въ развязкѣ занимательнаго для зрителя? Не знаю и его характера; ибо не вижу, какъ онъ дѣйствуетъ, не вижу ума, ловкости, силы, вліянія его на общее мнѣніе: вообще нѣтъ ничего особеннаго, важнаго, чѣмъ отличалось бы сіе главное дѣйствующее лице; тѣмъ болѣе жаль этого, что, кажется, Димитрій его боялся. Въ немъ видѣнъ только человѣкъ, который ожидалъ, что̀ другіе сдѣлаютъ въ его пользу, а самъ пребывалъ въ покоѣ. Въ одномъ этомъ характерѣ онъ выдержанъ *точно* отъ начала до конца: вездѣ ровенъ, то есть вездѣ незанимателенъ.

Ксенія и Георгій—дѣти, водимыя на помочахъ. По молодости своей они иногда спотыкались, падали и убивали себя. Тотъ и другая, по вольности, позволенной дѣтямъ, говорятъ ужасныя грубости и ругательства тирану *милосердому*; иногда философствуютъ, иногда сердятся, ласкаютъ другъ друга, но всегда остаются при своемъ:. вся отъ нихъ польза не для зрителей, но для автора та, что они милымъ пастушескимъ или ребяческимъ своимъ болтаньемъ наполняютъ пять актовъ. Должно впрочемъ замѣтить и то, что эпизодъ любви Ксеніи и Георгія, занимающій почти всю трагедію отъ начала до конца, вставленный, кажется, съ намѣреніемъ для произведенія завязки и развязки, совсѣмъ не имѣетъ вліянія на главное дѣйствіе. Надобно было показать, что прежняя супруга дѣйствительно отослана отъ двора или умерщвлена тираномъ; что первый вельможа и князь Шуйскій оскорбленъ былъ требованіемъ дочери своей въ супруги Лжедимитрію, или что, не въ силахъ будучи противиться тирану, онъ выжидалъ случая. Впрочемъ и эти способы не трагическіе, а комическіе. Что теперь трагедія Димитрій Самозванецъ? Анюта и Степанъ, дочери богатаго крестьянина, любятъ другъ друга. Бурмистръ сластолюбивый, сильный и глупый, полюбилъ дѣвушку; онъ требуетъ руки ея у отца и угрожаетъ солдатствомъ и пытками любовнику, отцу и дѣвушкѣ. Но кстати случилось: крестьяне озлобленные, безъ всякаго со стороны обиженныхъ внушенія, ожесточились и довели его до того, что онъ самъ себя зарѣзалъ, не дождавшись законами положенной казни. Сколько оперъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, изъ которыхъ, кажется, взялъ свое содержаніе Сумароковъ для Димитрія Самозванца! Инаго источника не нашелъ онъ. Я говорю: *точно* взялъ, ибо исторія не представляетъ намъ Ксеніи, дочери Шуйскаго; но Ксенія была, по свидѣтельству историковъ, дочь Годунова, прелестная, одаренная всѣми достоинствами тѣлесными и душевными. Не знаю, для чего Сумароковъ выдумалъ сію Ксенію? Пусть бы для того, чтобы Шуйскому посредствомъ брака пріобрѣсть способъ приблизиться къ трону, чему видимъ мы весьма многіе примѣры въ честолюбивыхъ вельможахъ. Здѣсь совсѣмъ противное. Шуйскій не хотѣлъ выдать своей дочери за Лжедимитрія и не употреблялъ въ этомъ переворотѣ дочь свою орудіемъ къ достиженію своей цѣли, ибо все дѣлалось за кулисами и не зависѣло нимало отъ сей любви; и кончился сей заговоръ съ успѣхомъ совершенно по другимъ причинамъ, для насъ сокрытымъ. Вы читаете довольно странный стихъ Ксеніи: *избавь Россію мной, о небо правосудно*! Милостивые государи, видѣвшіе и читавшіе сію піесу, скажите: какимъ образомъ спасла Россію Ксенія, и какъ любовь ея способствовала спасенію царства въ лицѣ отца и въ ней самой? Послѣ того еще спрашивается: для чего же любовь сія? Но отнимите ее,—что останется въ трагедіи?

Сколько сіи роли ни слабы, ни уродливы, ни малозначительны, однако всѣ онѣ безъ всякаго сомнѣнія лучше роли Димитрія, котораго, признаюсь, описать я силы не имѣю. Не знаю, что̀ хотѣлъ

представить въ немъ авторъ; недоумѣваю, какое чувство къ нему хотѣлъ возбудить въ зрителяхъ. Въ немъ все склеено несообразное и противоположное въ природѣ. Явная ненависть и удивительно снисходительное терпѣніе, подозрительность и безпечность, могущество и безсиліе, раскаяніе и стремленіе къ новымъ злодѣяніямъ, алчба къ пролитію крови и нерѣшимость, какая-то набожность, кажется, чувствующая всю черноту души своей и готовность злодѣйствовать вновь; сластолюбіе и холодность самая бездѣйственная, пылкость и спокойствіе удивительное, ярость и равнодушіе, гордость и терпѣніе ругательствъ и озлобленій чувствительнѣйшихъ: все это одѣто въ глупость, тупоуміе, фанфаронство, въ безсиліе, въ характеръ послѣдняго слѣпотствующаго человѣка: вотъ летаргическій, нескладный составъ Димитрія душевно и тѣлесно. Онъ любитъ Поляковъ, какъ своихъ защитниковъ и друзей, и между тѣмъ нѣтъ при немъ ни одного Поляка въ самой крайности его положенія. Онъ сердился и грозилъ только, пока наконецъ самъ собою отправился на тотъ свѣтъ. Въ немъ есть что-то хаосное, безъ намѣренія, безъ движенія, безъ силъ, безъ жизни. Желалъ бы я весьма угадать мысль Сумарокова при составленіи сего чудовища; но догадки мои останутся тщетными. Иногда, кажется, онъ хотѣлъ сдѣлать его презрительнымъ; но этого мало для трагедіи: презрительное лице не есть трагическое; но ненависть возбуждается не словами, а поступками, а въ цѣлой трагедіи онъ не сдѣлалъ ни шагу ни тайно, ни явно. Иногда кажется, хотѣлъ показать оттѣнки его прежняго званія и привычекъ, не могущихъ сокрыться и подъ царственною, похищенною имъ порфирою: онъ безпрестанно говоритъ о небѣ, гееннѣ, мукахъ, о гнѣвѣ Божіемъ, о томъ, что онъ лишенъ всякаго помилованія въ семъ и будущемъ вѣкѣ; но что значатъ сіи слова сами по себѣ? Безсовѣстный ростовщикъ, крестясь и молясь, меня грабитъ; но такъ и быть—по крайней мѣрѣ уже грабитъ. Димитрій ничего не дѣлаетъ. Онъ хочетъ подъ окнами своими вѣшать Шуйскаго и Георгія, а въ его чертогахъ уже бунтъ! Онъ въ изступленіи кричитъ стражѣ:

Бѣги! куда бѣжать?

Онъ самъ себѣ говоритъ:

Люблю себя—за что, того не вижу.

И сіе изступленіе угасло вмѣстѣ съ словами! Въ первомъ еще актѣ догадывался онъ, что *мятежъ отъ Шуйскаго*, а не принялъ никакихъ мѣръ: онъ спалъ въ самый тотъ часъ, когда уже весь Кремль былъ въ движеніи и въ комнаты его вторгался народъ, справедливо негодующій.

Ради Бога, объясните мнѣ, какой имѣетъ характеръ Димитрій, или паче увѣрьте меня, что его можно было выставить на сцену! Надобно думать, Сумароковъ чувствовалъ и самъ, что сіе лице или совсѣмъ не представительное, или такое, которое показывается съ особымъ намѣреніемъ: непосредственно и прямо для возбужденія отвращенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ представлять злодѣя отринутаго, проклинаемаго церковію и народомъ,—представлять на сценѣ, удовольствію сладостному посвященной? Такія лица не принадлежатъ драмѣ. Представивъ Лжедимитрія въ лучшемъ видѣ, авторъ погрѣшилъ бы противъ общаго мнѣнія; представивъ такимъ, каковъ онъ теперь, непростительно погрѣшилъ трагикъ противъ правилъ поэзіи. Въ томъ и другомъ случаѣ содержаніе сіе неспособно для трагедіи.

[1]) Мерзляковъ, Алексѣй Θеодоровичъ (1778—1830), сынъ небогатаго купца пермской губ., получилъ начальныя основанія въ наукахъ въ пермскомъ главномъ народномъ училищѣ при директорѣ онаго Ив. Иван. Панаевѣ. Тринадцати лѣтъ написалъ онъ «Оду на заключеніе мира со Шведами», которая была отправлена къ главному на-

чальнику народныхъ училищъ, гр. П. В. Завадовскому, и чрезъ него представлена императрицѣ Екатеринѣ II. Государыня приказала напечатать это сочиненіе въ издававшемся тогда при Академіи журналѣ и нѣсколько экземпляровъ особенно для сочинителя (*). Сверхъ того повелѣно было Мерзлякова, по окончаніи курса наукъ въ училищѣ, отправить на казенный счетъ въ Петербургъ или Москву для продолженія наукъ. Въ 1793 г. Мерзляковъ прибылъ въ Москву и порученъ куратору университета Хераскову, который помѣстилъ его въ гимназію. Отсюда (1198) онъ перешелъ студентомъ въ университетъ. Къ этому періоду занятій относятся первые опыты его стихотвореній, помѣщенныя въ изданіи Подшивалова: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» (1794—1798). Въ тоже время онъ сблизился съ Жуковскимъ и его другомъ, Андреемъ Тургеневымъ, однимъ изъ сыновей директора университета, И. П. Тургенева, извѣстнаго по своимъ связямъ съ Новиковымъ и Лопухинымъ. Въ 1801 г. явилось его стихотвореніе: «Слава». Труды воспитанниковъ благороднаго пансіона выходили съ 1800 по 1806 г. (всего 6 книжекъ). Здѣсь, изъ стихотвореній Мерзлякова, особенно замѣчательны: «Пѣснь Моисеева по прехожденіи Чермнаго моря», «Утро (для дѣтей)» и Гораціева «Наука стихотворная». Всѣ они перепечатаны въ «Избранныхъ сочиненіяхъ изъ Утренней Зари» (2 ч., 1809) и поставили автора въ ряду лучшихъ нашихъ стихотворцевъ. Въ 1804 г. Мерзляковъ произведенъ въ магистры; того же года, по преобразованіи московскаго университета, занялъ въ немъ каѳедру россійскаго краснорѣчія и поэзіи; въ слѣдующій за тѣмъ годъ (1805) получилъ степень доктора и званіе адъюнкта; въ 1807 г., избранъ въ экстраординарные профессоры, а въ 1810-мъ утвержденъ профессоромъ ординарнымъ. Онъ зналъ древніе и нѣсколько новыхъ языковъ: французскій, нѣмецкій и италіанскій. Съ послѣдняго онъ переводилъ очень много. Тассъ, Метастазій и Альфіери были его любимыми писателями.

За два года до нашествія непріятеля, кн. Борисъ Владиміровичъ Голицынъ, предложилъ Мерзлякову въ домѣ его открыть публичный курсъ словесности. Бесѣды начались въ 1812 г. и имѣли предметомъ теорію изящнаго. Первыя четыре нап. въ Вѣст. Евр., въ концѣ 1812 и первой половинѣ 1813 г. Война съ Наполеономъ и смерть князя отъ ранъ, полученныхъ на Бородинскомъ полѣ, воспрепятствовали продолженію чтеній. Въ 1815 г. Мерзляковъ издавалъ Амфіонъ (12 книжекъ). Здѣсь напечатаны многія его стихотворенія и переводы изъ древнихъ, также изъ Тасса, и цѣлый почти годъ тянулся разборъ «Россіады», написанный въ формѣ письма къ другу (Жуковскому). Издателю помогали своимъ участіемъ Жуковскій, Батюшковъ, кн. Вяземскій, Д. Давыдовъ. Въ 1816 г. возобновились публичныя чтенія о словесности. Курсъ состоялъ изъ 20 лекцій и обнималъ сначала общія правила о краснорѣчіи и поэзіи, потомъ изложеніе правилъ различныхъ родовъ сочиненій, и наконецъ чтеніе и разборъ знаменитѣйшихъ русскихъ писателей. Такимъ образомъ была достигнута цѣль професcора образовать изъ своихъ чтеній нѣкоторый родъ курса словесности, котораго первая часть заключала бы въ себѣ теорію, а другая критику (Біограф. словарь профессоровъ моск. университета, ч. 2). Сочиненія Мерзлякова печатались преимущественно въ Вѣст. Евр., Амфіонѣ и Трудахъ московскаго общества любителей рос. словесности. Отдѣльно же изданныхъ трудовъ прилагается здѣсь списокъ:

Слава (1801).

Ода на коронованіе императора Александра I (1801).

Эклоги Виргилія Марона (1807).

Идилліи Дезульеръ (1807).

Слово о духѣ, отличительныхъ свойствахъ поэзіи первобытной и о вліяніи, какое имѣла она на нравы и на благосостояніе народовъ (1808).

Слово похвальное Александру I (1814).

Гласъ радованія восхищенныхъ музъ по случаю прибытія Александра I въ Москву, въ первый разъ по ея возобновленіи (1816).

Пѣснь на заложеніе Храма Спасителя въ Москвѣ (1817).

Краткая Риторика, или правила, относящіяся ко всѣмъ родамъ сочиненій прозаическихъ (2 изд. 1817, 3-ье—1821, 4-ое—1828).

Къ Миру, стихотвореніе (1822).

Благотворителю музъ, стихотвореніе (1822).

Признательное воспоминаніе Москов. универ. въ день рожденія П. Г. Демидова.

Краткое начертаніе Теоріи изящной словесности, 2 ч. (1821—1822). Переводъ изъ Эшенбурга.

Трудъ, стихотвореніе (1825).

Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ, съ Разсужденіемъ о началѣ и духѣ древней трагедіи и о характерѣ трехъ греческихъ трагиковъ, 2 ч. (1825—1826).

Ода на коронованіе Николая I (1826).

(*) Было ли напечатано это стихотвореніе, и гдѣ именно—неизвѣстно.

Полтава, стихотвореніе (1827).

Шуваловъ и Ломоносовъ, стихотвореніе (1827).

Освобожденный Іерусалимъ, Тасса, пер. съ итал., 2 ч. (1828).

Краткое руководство къ эстетикѣ, пер. изъ Эшенбурга (1829),

Пѣсни и романсы (1830).

Юбилей, стихотвореніе (1830).

³) Исправленный текстъ. Въ первый же разъ нап. въ XI № Вѣст. Евр. на 1805 г., подъ названіемъ: «На разрушеніе Вавилона. Ода, выбранная изъ пророка Исаіи (гл. XIV, ст. 5—28).» Варіанты: «прешедшихъ» — прошедшихъ; «свиститъ»—летитъ; «и кто удержитъ громъ разженной»—кто громъ удержитъ разъяренный. Эта ода, вмѣстѣ съ другимъ опытомъ религіозной лирики Мерзлякова: «Пѣснь Моисеева по прохожденіи Чермнаго моря» (Утренняя заря, 3-я кн., 1805; также въ 19 № Вѣст. Евр. 1811), справедливо почитались лучшими переложеніями изъ Св. Писанія послѣ переложенія Ломоносова изъ книги Іова.

⁴) Вѣст. Евр. 1806, № 14. Этотъ романсъ долгое время пользовался извѣстностью въ образованномъ кругу.

⁴) Утренняя Заря. Труды воспитанниковъ универ. благород. пансіона, кн. 4-я (1806). Перепечатано, безъ перемѣнъ, въ 1-ой ч. Избранныхъ сочиненій изъ Утр. Зари (1809) и въ 10—11 №№ Амфіона.

⁵) Утр. Заря, кн. 6-ая (1808). Съ поправками въ Амфіонѣ, №№ 10—11 и 12. Болѣе исправленный текстъ въ Подражаніяхъ и переводахъ, ч. 2-ая (1826). По этому тексту нап. отрывокъ въ Хрест.

⁶) Вѣст. Евр. 1811, № 2; также въ Пѣсняхъ и Романсахъ Мерзлякова (1830). Сочинена въ подмосковной г. Вельяминова-Зернова, гдѣ авторъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы. Однажды, заведя грустный разговоръ о своемъ одиночествѣ, онъ взялъ мѣлъ и на открытомъ столѣ написалъ почти половину стихотворенія. Потомъ ему подложили перо и бумагу: онъ переписалъ написанное и кончилъ тутъ же всю пѣсню (Мелочи изъ запаса моей памяти, М. Дмитріева).

⁷) «Пѣсни и романсы». Большая часть ихъ написана до 1812 г., «во время мечтаній и той сладостной жизни, или не жизни (по выраженію самого автора), о которой жалѣемъ и въ которой не можемъ дать себѣ отчета, какъ во снѣ». Это время, говоритъ М. Дмитріевъ, было для Мерзлякова самое пріятное и цвѣтущее, исполненное мечтаній не сбывшихся, но тѣмъ не менѣе оживлявшихъ душу поэта, который жилъ среди любимаго имъ семейства Вельяминова-Зернова (Мелочи).

⁸) Вѣст. Евр. 1817, № 4. Это одинъ изъ лучшихъ критическихъ разборовъ, написанныхъ Мерзляковымъ. Печатая его, мы исключали стихи, которые критикъ приводилъ изъ трагедіи въ подкрѣпленіе своего объ ней сужденія.

⁹) Здѣсь Мерзляковъ ошибся. Трагедія Димитрій Самозванецъ была представлена черезъ восемь лѣтъ по смерти Волкова (+1763).

XXIX.

А. И. ТУРГЕНЕВЪ. (¹).

ЭЛЕГІЯ. (²).

Угрюмой осени мертвящая рука
Уныніе и мракъ повсюду разливаетъ;
Холодный, бурный вѣтръ поля опустошаетъ,
И грозно пѣнится ревущая рѣка.
Гдѣ тѣни мирныя доселѣ простирались,
Безпечной радости гдѣ пѣсни раздавались—
Поблекшіе лѣса въ безмолвіи стоятъ,
Туманы стелются надъ доломъ, надъ холмами.
Гдѣ сосны древнія задумчиво шумятъ
Усопшихъ поселянъ надъ мирными гробами,
Гдѣ все вокругъ меня глубокій сонъ тягчитъ,
Лишь колоколъ нощной одинъ вдали звучитъ,
И медленныхъ часовъ при томномъ удареньи
Въ пустыхъ развалинахъ я слышу стонъ глухой—
На камнѣ гробовомъ печальный, тихій геній
Сидитъ въ молчаніи, съ поникшею главой.
Его прискорбная улыбка мнѣ вѣщаетъ:

«Смотри, какъ сохнетъ все, хладѣетъ, истлѣваетъ;
Смотри, какъ грозная, безжалостная смерть
Всѣ ваши радости на-вѣки поглощаетъ!
Все жило, все цвѣло, чтобъ послѣ умереть!
О ты, кого еще надежда обольщаетъ—
Бѣги, бѣги сихъ мѣстъ, счастливый человѣкъ!

Но вы, несчастные, гонимые судьбою—
Вы, кои въ мірѣ семъ простилися на-вѣкъ
Блаженства съ милою, прелестною мечтою,
Въ чьихъ горестныхъ сердцахъ умолкъ веселья гласъ,—
Придите: здѣсь еще блаженство есть для васъ!
Съ любезною на-вѣкъ иль съ другомъ разлученный!
Приди сюда о нихъ въ свободѣ размышлять.
И въ самыхъ горестяхъ, насъ можетъ утѣшать
Воспоминаніе минувшихъ дней блаженныхъ.
Ахъ! только имъ однимъ страдалецъ и живетъ!
Пускай счастливца міръ къ веселію зоветъ:
Но ты, во цвѣтѣ лѣтъ сраженная судьбою,
Приди, приди сюда бесѣдовать съ тоскою!
Ни юность, для другихъ заря прекрасныхъ дней,
Ни прелести ума, ни рай души твоей,
Которой все вокругъ тебя счастливо было,
Ничто, ничто судьбы жестокой не смягчило!
Какъ будто въ сладкомъ снѣ узнала счастье ты,
Проснулась—и ужъ нѣтъ плѣнительной мечты!
Напрасно въ слѣдъ за ней душа твоя стремится,
Напрасно хочешь ты опять заснуть, мечтать:
Ахъ! тотъ, когобъ еще хотѣла ты прижать
Къ изсохшей груди—плачь!—ужъ онъ не возвратится
Во вѣкъ... Здѣсь будешь ты оплакивать его,
Всѣхъ въ жизни радостей на вѣки съ нимъ лишенна:
Здѣсь бурной осенью природа обнаженна
Раздѣлитъ съ нѣжностью грусть сердца твоего.
Печальный мракъ ея съ душой твоей сходнѣе:
Тебѣ ли радости въ мірскомъ шуму найти?
Одинъ увядшій листъ несчастному милѣе,
Чѣмъ всѣ блестящіе весенніе цвѣты.
И горесть сноснѣе въ объятіяхъ свободы!
Здѣсь съ нимъ тебя ничто, ничто не раздѣлитъ:
Здѣсь все тебѣ о немъ лишь будетъ говорить.
Съ улыбкой томною отцвѣтшія природы
Его послѣднюю улыбку вспомнишь ты;
А тамъ, узрѣвъ цвѣтовъ печальные слѣды,
Ты скажешь: гдѣ они? здѣсь только прахъ ихъ тлѣетъ,
И скоро бурный вихръ и самый прахъ развѣетъ!
И время быстрое блаженства твоего,
И тѣнь священная, и образъ вѣчно милой,
Воскреснутъ, оживутъ въ душѣ твоей унылой.
Ты вспомнишь, какъ сама цвѣла въ глазахъ его;
Какъ нѣжная рука тебя образовала
И прелестью добра тебя къ добру влекла;
Какъ ты всѣ радости въ его любви вмѣщала
И радостей иныхъ постигнуть не могла;
Какъ раемъ для тебя казалась вся вселенна...
Но жизнь обманъ; а ты, минутой обольщенна,
Хотѣла вѣчно жить для счастья, для него;
Хотѣла—громъ гремитъ—ты видишь... гробъ его!...
Что счастье? быстрый лучъ сквозь мрачныхъ тучъ осеннихъ:
Блеснетъ—и только лишь несчастный въ восхищеньи
Къ нему объятія и взоры устремитъ, —
Уже сокрылось все, чѣмъ бѣдный веселился;
Отрадный лучъ исчезъ и мракъ надъ нимъ сгустился.

И онъ обманутый, растерзанный стоитъ,
И небо горестной слезою укоряетъ!
Такъ! счастья въ мірѣ нѣтъ, и кто живетъ—страдаетъ!
Напрасно хочешь ты, о добрый другъ людей,
Найти спокойствіе внутри души твоей;
Напрасно будешь ты сей мыслью веселиться,
Что съ мирной совѣстью твой духъ не возмутится!
Пусть съ доброю душой для счастья ты рожденъ,
Но бывъ несчастными отвсюду окруженъ.
Но бѣдствій ближняго со всѣхъ сторонъ свидѣтель—
Не будетъ для тебя блаженствомъ добро дѣтель!
Какъ часто доброму отрада лишь въ слезахъ,
Спокойствіе въ землѣ, а счастье въ небесахъ!
Не вѣчно и тебѣ, не вѣчно здѣсь томиться!
Утѣшься; и туда твой взоръ да устремится,
Гдѣ твой смущенный духъ найдетъ себѣ покой,
И позабудешь все, чѣмъ онъ терзался прежде;
Гдѣ вѣра не нужна, гдѣ мѣста нѣтъ надеждѣ,
Гдѣ царство вѣчное одной любви святой!

*) Тургеневъ, Андрей Ивановичъ, старшій сынъ Ивана Петровича (см. мою Исторію Русской Словес., I, 554), воспитывался въ Благород. пансіонѣ при Москов. университетѣ, въ одно время съ Жуковскимъ. По окончаніи курса, поступилъ въ Москов. Архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а отсюда перешелъ на службу въ Петербургъ, гдѣ Н. Н. Новосильцовъ готовилъ ему мѣсто въ коммиссіи составленія законовъ. Между тѣмъ онъ посланъ былъ временно курьеромъ въ Вѣну, и по возвращеніи оттуда скончался въ Петербургѣ (1803). А. Тургеневъ былъ связанъ съ Жуковскимъ искреннею, горячею дружбою, какъ Петровъ съ Карамзинымъ, Петинъ съ Батюшковымъ, Дельвигъ съ Пушкинымъ (см. примѣчаніе П. Бартенева къ отрывку изъ Записокъ Вигеля, въ 10 и 11 выпускахъ Русскаго Архива 1863 г.). Прибавимъ къ этому, что какъ Карамзинъ оплакалъ смерть Петрова въ прозаической элегіи: «Цвѣтокъ на гробъ друга моего Агатона», а Батюшковъ смерть Петина въ стихотворной элегіи: «Тѣнь друга», такъ Жуковскій посвятилъ памяти своего друга Посланіе къ его брату, Александру Тургеневу (Стихотворенія Жуковскаго, изд. 5-ое, Карлсруэ, 1849, т. II, стр. 12, и прим. къ нему, стр. 287) и кромѣ того въ балладѣ Ахиллъ изобразилъ горесть греческаго героя, котораго вѣрный другъ былъ преждевременно взятъ могилою и которому осиротѣлое сердце запрещаетъ долѣ жить на унылой землѣ. Не Ахиллъ, а Жуковскій, отъ его имени, предается печальнымъ мыслямъ, обращаясь къ прошлому:

И Патроклъ съ бреговъ забвенья
Въ полуночной тишинѣ
Легкой тѣнью сновидѣнья
Прилеталъ уже ко мнѣ.

Какъ Зефирово дыханье
Онъ провѣялъ надо мной;
Мнѣ послышалось призванье,
Сладкій гласъ души родной;
Въ нѣжномъ взорѣ скорбь разлуки,
И слѣды минувшихъ слезъ....
Я простеръ ко брату руки—
Онъ во мглѣ пустой исчезъ.

Жуковскій посвятилъ Тургеневу элегію: «Сельское кладбище» и начало повѣсти: «Вадимъ Новгородскій» (В. Е. 1803, №№ 23 и 24). Дружеская связь соединяла Тургенева также съ Мерзляковымъ, какъ видно изъ письма послѣдняго къ Жуковскому, который находился тогда въ Петербургѣ (1803). Мерзляковъ проситъ Жуковскаго, ради великой печали, постигшей ихъ обоихъ, не писать стиховъ въ память умершему: «не пиши ничего теперь самъ,—теперь, когда горесть твоя больше твоей поэзіи» (Біограф. словарь профессоровъ Моск. университета, ч. II, стр. 58—59). Вигель, вообще не любившій отзываться о людяхъ съ доброй стороны, дѣлаетъ какъ бы исключеніе для А. Тургенева, своего сослуживца по Архиву: «Андрей Тургеневъ», говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ, «со всею скромностію великихъ достоинствъ, стоялъ на распутіи всѣхъ дорогъ, ведущихъ ко славѣ: какую ни избралъ бы онъ, можно утвердительно сказать, что онъ далеко бы по ней ушелъ. Но изъ отличныхъ людей Провидѣніе сохраняетъ только нужное число для его благотворныхъ видовъ: остальные гибнутъ рано, и старшій Тургеневъ не долго оставался въ свѣтѣ» (Рус. Архивъ, вып. 10 и 11).

*) «Пантеонъ русской поэзіи, изд. Павломъ Никольскимъ, ч. 4-ая, 1815».

XXX.

ЖУКОВСКІЙ. (1).

А. МАЙСКОЕ УТРО 1797). (2).

Бѣлорумяна
Всходитъ заря,
И разгоняетъ
Блескомъ своимъ
Мрачную тьму
Черныя нощи.

Фебъ златозарный,
Ликъ свой явивши,
Все оживялъ.
Вся ужъ природа
Свѣтомъ одѣлась
И процвѣла.

Сонъ встрепенулся
И отлетаетъ
Въ царство свое.
Грезы, мечтанья,
Рой какъ пчелиный,
Мчатся за нимъ.

Смертны, вспряните!
Съ благоговѣньемъ,
Съ чистой душей
Падъ предъ Всевышнимъ,
Пламень сердечный
Мы изліемъ.

Радужны крылья
Распростирая,
Бабочка пестра
Вьется, кружится,
И лобызаетъ
Нѣжно цвѣтки.

Трудолюбива
Пчелка златая
Мчится, жужжитъ.
Все, что безплодно,
То оставляетъ—
Къ розѣ спѣшитъ.

Горлица нѣжна
Лѣсъ наполняетъ
Стономъ своимъ.
Ахъ! знать любезна,
Сердцу драгаго,
Съ ней уже нѣтъ!

Вѣрна подружка!
Для чего тщетно
Въ грусти, тоскѣ
Время проводишь?
Рвешь и терзаешь
Сердце свое?

Можноль о благѣ
Плакать другаго?...
Онъ вѣдь заснулъ
И не страшится
Лука и злобы
Хитра стрѣлка.

Жизнь, мой другъ, бездна
Слезъ и страданій....
Счастливъ стократъ
Тотъ, кто, достигнувъ
Мирнаго брега,
Вѣчнымъ спитъ сномъ.

В. СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ (1802). (3).

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ покойный свой.

Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ;

Повсюду тишина, повсюду мертвый сонъ:
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ;

Лишь дикая сова, стеня ([4]) подъ древнимъ сводомъ
Мохнатой башни сей, винитъ передъ луной
Заблуждшихъ странниковъ, разрушившихъ приходомъ ([5])
Ея безмолвнаго владычества покой!

Во мракѣ ([6]) черныхъ соснъ и вязовъ наклоненныхъ,
Которы у могилъ, развѣсившись, шумятъ ([7]),
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
На-вѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ.

Дыханіе зари, гласъ утра золотова ([8]),
Ни крики пѣтуха, ни ранній звукъ ([9]) роговъ,
Ни трели ласточки съ соломеннаго крова ([10])—
Ничто не воззоветъ почившихъ изъ гробовъ!

Пылающій огонь, въ горнилахъ развѣвая ([11]),
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И чада нѣжныя, приходъ ихъ упреждая ([12]),
Не будутъ съ жадностью лобзаній ихъ ловить!

Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали,
И потомъ ихъ лица кропилася земля!

Пускай рабы суетъ ихъ жребій презираютъ ([13]),
Смѣются дерзостно ([14]) полезнымъ ихъ трудамъ!
Пускай съ холодною надменностью ([15]) внимаютъ
Таящимся во тьмѣ убогаго дѣламъ!

На всѣхъ ярится смерть! Царя, любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная—и нѣкогда найдетъ;
Всемощныя судьбы незыблемы уставы:
Стезя ([16]) величія ко гробу насъ ведетъ!

А вы, наперсники фортуны ослѣпленны,
Не смѣйте ([17]) спящихъ здѣсь безумно укорять ([18])
За то, что гробы ихъ не пышны и забвенны,
Что лесть имъ алтарей не хочетъ ([19]) воздвигать!

Вотще надъ мертвыми, истлѣвшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія блестятъ!
Вотще гласъ почестей звучитъ ([20]) передъ гробами—
Угасшій пепелъ нашъ они не воспалятъ!

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратитъ?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной доскою:
Надменный мавзолей лишь персть ихъ бременитъ.

Ахъ! можетъ быть, подъ сей могилою таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить;
И кровожадный ([21]) червь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ иль мыслями парить!

Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,
Жестокою судьбой для нихъ былъ затворенъ;

Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями;
Ихъ геній, не родясь, неволей ([22]) умерщ-
вленъ!

Какъ часто рѣдкій перлъ, волнами со-
кровенной,
Въ бездонной пропасти блистаетъ ([23])
красотой!
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой!

Быть можетъ, пылью сей покрытъ Гамп-
денъ надменный,
Защитникъ сельскихъ правъ ([24]), тиран-
ства смѣлый врагъ;
Иль кровію гражданъ Кромвель не обаг-
ренный,
Или Мильтонъ нѣмой, безъ славы скры-
тый въ прахъ.

Сенатомъ управлять ([25]) державною рукою,
Сражаться съ вихремъ ([26]) бѣдъ, фортуну
презирать,
Дары обилія на смертныхъ лить рѣкою,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои чи-
тать—

Сего лишилъ ихъ ([27]) рокъ,—но вмѣстѣ
преступленьямъ
Онъ съ доблестями ихъ предѣлы ([28]) поло-
жилъ;
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, на-
слажденьямъ,
И быть жестокими къ страдальцамъ за-
претилъ;

Таить въ душѣ своей гласъ истины ([29]) и
чести,
Румянецъ робкія стыдливости терять,
И, раболѣпствуя, на жертвенникахъ лести
Цвѣты небесныхъ музъ гордынѣ посвя-
щать!

Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смя-
теній,
Безъ страха и надеждъ, въ долинѣ жиз-
ни сей,
Не зная горестей, не зная наслажденій,
Они безпечно шли тропинкою своей.

Здѣсь мирный пепелъ ихъ почіетъ подъ
землею ([30]);
И скромный памятникъ, во мракѣ ([31])
соснъ густыхъ,
Украшенъ рѣзьбою и надписью ([32]) простою,
Зоветъ прохожаго ([33]) вздохнуть надъ пра-
хомъ ихъ!

Любовь на камнѣ семъ ихъ память со-
хранила:
Ихъ лѣта, имена потщилась начертать,
Евангельску мораль вокругъ ([34]) изобразила,
Въ которой ([35]) мы должны учиться умирать!

И кто съ сей жизнію безъ горя разлу-
чался ([36])?
Кто прахъ свой по себѣ забвенью остав-
лялъ ([37])?
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ
не плѣнялся,
И взора горькаго ([38]) назадъ не обращалъ?

Ахъ! сердце нѣжное ([39]), природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой,
И взоры тусклые, на вѣки угасая,
Хотятъ взглянуть на нихъ съ послѣднею
слезой!

Для нихъ гласъ нѣжности ([40]) въ могилѣ
нашей слышенъ ([41])
И ([42]) камень гробовой надъ нами ожив-
ленъ ([43]);
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холод-
ной урнѣ дышетъ;
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ!

А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уеди-
ненный!
И твой ударитъ часъ, послѣдній, роковой!
И къ гробу твоему, тоскою заведенный ([44]),
Чувствительный придетъ услышать жре-
бій твой:

Быть можетъ, селянинъ, покрытый ([45])
сѣдиною,
Воспомнитъ о тебѣ и будетъ ([46]) говорить!

Онъ часто, по утрамъ, встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить.

Тамъ часто (47) онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой,
Поднявшей изъ земли косматый корень свой;
Тамъ часто въ горести безпечной, молчаливой
Лежалъ надъ тихою, прозрачною (48) рѣкой.

Тамъ часто (49), въ-вечеру, скитаясь межъ кустами—
Когда мы съ поля шли, и въ рощѣ соловей
Свисталъ вечерню пѣснь—онъ томными очами
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей!

Грустя, задумавшись, тоскою отягченный (50),
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенный,
Котораго и жизнь несносно бременитъ (51)!

Настало утро—ахъ!—онъ съ утромъ (52) не являлся;
Ни къ ивѣ, ни на холмъ, ни въ лѣсъ не приходилъ!
Другое притекло (53)—нигдѣ онъ не встрѣчался;
Мой взоръ его искалъ—нигдѣ (54) не находилъ!

На утро пѣніе услышалъ (55) гробовое;
Несчастнаго несли (56) въ могилу положить!
Приближься и прочти (57) надгробіе простое
На дикомъ камнѣ семъ, подъ коимъ онъ лежитъ:

ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь пепелъ юноши въ сырой землѣ (58) сокрыли!
Что слава, счастіе—не зналъ онъ въ мірѣ семъ;
Но Музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ!

Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою;
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ.
Дарилъ несчастныхъ онъ—чѣмъ только могъ—слезою;
Въ награду отъ Творца онъ друга получилъ.

Прохожій, удались! во гробѣ—сонъ священный;
Судьба почившихъ въ немъ покрыта грозной тьмой;
Надежда робкая живитъ ихъ пепелъ тлѣнный:
Кто знаетъ, что ихъ ждетъ за гробовой доской (59)!

В. ЛЮДМИЛА, РУССКАЯ БАЛЛАДА (1808). (60).

«Гдѣ ты, милый? что съ тобою?
Съ чужеземною красою
Знать въ далекой сторонѣ
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ?
Иль безвременно могила
Свѣтлый взоръ твой угасила?»
Такъ Людмила, пріунывъ,
Къ персямъ очи преклонивъ,
На распутіи вздыхала.
«Возвратится ль онъ—мечтала—
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ,
Съ грозной ратію Славянъ?»

Пыль туманитъ отдаленье!
Свѣтитъ ратныхъ ополченье!
Топотъ, ржаніе коней!
Трубный трескъ и стукъ мечей!
Прахомъ панцыри покрыты!
Шлемы лаврами обвиты!
Близокъ, близокъ ратныхъ строй!—
Мчатся шумною толпой

Жены, чада, обрученны!
«Все забыто: возвращенны!»(61)
А Людмила? Ждетъ-пождетъ:
«Тамъ дружину онъ ведетъ!

«Сладкій часъ—соединенье!»—
Вотъ проходитъ ополченье!
Миновался ратныхъ строй!
Гдѣжъ, Людмила, твой герой?
Сладость-счастье, ты увяло!
Жизнь-любовь, тебя не стало!
Радость! гибни, друга нѣтъ! (62)
Тихо въ теремъ свой идетъ,
Томно голову склонила:
«Разступись, моя могила!
Гробъ откройся! полно жить:
Дважды сердцу не любить!»

«Что съ тобой, моя Людмила?»
Нѣжна матерь (63) возопила:
О, спокой тебя Творецъ!»
—Милый другъ, всему конецъ!
Что прошло—невозвратимо!
Небо къ намъ неумолимо,
Царь небесный насъ забылъ!
Мнѣ ль Онъ счастья не сулилъ?
Гдѣжъ обѣтовъ исполненье?
Гдѣ святое Провидѣнье?
Нѣтъ! немилостивъ Творецъ!
Все прости, всему конецъ!—

«О Людмила! грѣхъ—роптанье!
Скорбь—Создателя посланье:
Зла Создатель не творитъ!
Мертвыхъ стонъ не воскреситъ!»
—Ахъ, родная, миновалось!
Сердце вѣрить отказалось!
Я ль, съ надеждой и мольбой,
Предъ иконою святой,
Не точила слезъ ручьями?
Нѣтъ, безплодными мольбами
Не призвать минувшихъ дней!
Не цвѣсти душѣ моей!

—Рано жизнью насладилась,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежнихъ лѣтъ краса!
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимыхъ?
Возвращу ль невозвратимыхъ?
«Царь небесъ, то скорби гласъ!
Дочь, воспомни смертный часъ!
Кратко жизни сей страданье!
Рай—смиреннымъ воздаянье,
Адъ—бунтующимъ сердцамъ!
Будь послушна Небесамъ!»

—Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
Съ милымъ вмѣстѣ—всюду рай!
Съ милымъ розно—счастья (64) край
Горькихъ горестей (65) обитель!
Нѣтъ, забылъ меня Спаситель!—
Такъ Людмила жизнь кляла,
Такъ Творца на судъ звала.....
Вотъ ужъ солнце за горами;
Вотъ усыпала звѣздами
Ночь спокойный сводъ небесъ;
Мраченъ долъ и мраченъ лѣсъ.

Вотъ и мѣсяцъ величавой
Всталъ надъ тихою дубравой:
То изъ облака блѣснетъ,
То за облако зайдетъ.
Съ горъ простерты длинны тѣни,
И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зерцало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны!
Спятъ пригорки отдаленны,
Боръ заснулъ, долина спитъ.....
Чу! полночный часъ звучитъ!

Потряслись дубовъ вершины!
Вотъ, повѣялъ изъ (66) долины
Перелетный вѣтерокъ.....
Скачетъ по полю ѣздокъ:
Борзый конь и ржетъ и пышетъ!
Вдругъ... идутъ, Людмила слышитъ,
На чугунное крыльцо....
Тихо брякнуло кольцо.....
Тихимъ шопотомъ сказали:

(Всѣ въ ней жилки задрожали;
То знакомый голосъ былъ:
То ей милый говорилъ)

—Спитъ иль нѣтъ моя Людмила?
Помнитъ друга, иль забыла?
Весела, иль слезы льетъ?
Встань, женихъ тебя зоветъ!—
«Ты ль? Откуда въ часъ полночи?
Ахъ! едва прискорбны очи
Не потухнули отъ слезъ!
Знать тронулся Царь небесъ
Бѣдной дѣвицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Гдѣ блуждалъ? Какой судьбой
Ты опять въ странѣ родной?»

—Близь Наревы домъ мой тѣсный!
Только мѣсяцъ поднебесный
Надъ долиною взойдетъ,
Лишь полночный часъ пробьетъ—
Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ!
Поздно я пустился въ путь!
Ты моя, моею будь!
Чу! Совы пустынной крики!
Слышишь? Пѣнье, брачны лики!
Слышишь? Борзый конь заржалъ!
Ѣдемъ, ѣдемъ, часъ насталъ!—

«Переждемъ хоть время ночи:
Вѣтеръ всталъ отъ полуночи,
Хладно въ полѣ, боръ шумитъ,
Мѣсяцъ тучами закрытъ.»
—Вѣтеръ буйный перестанетъ,
Стихнетъ боръ, луна проглянетъ!
Ѣдемъ: намъ сто верстъ ѣзды!
Слышишь? Конь грызетъ бразды!
Бьетъ копытомъ съ нетерпѣнья!
Мигъ намъ страшенъ замедленья!
Краткій, краткій данъ мнѣ срокъ!
Ѣдемъ, ѣдемъ; путь далекъ!—

«Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила;
Слышишь? Колоколъ гудитъ.»
—Вѣтеръ стихнулъ, боръ молчитъ!
Мѣсяцъ въ водный токъ глядится!
Мигомъ борзый конь домчится!—
«Гдѣ жъ, скажи, твой тѣсный домъ?»
—Тамъ, въ Литвѣ, краю чужомъ:
Хладенъ, тихъ, уединенный,
Свѣжимъ дерномъ покровенный:
Саванъ, крестъ и шесть достокъ!
Ѣдемъ, ѣдемъ; путь далекъ!—

Мчатся всадникъ и Людмила.
Робко дѣва обхватила
Друга нѣжною рукой,
Приклонясь къ нему главой.
Скокомъ, летомъ по долинамъ,
По горамъ (67) и по равнинамъ;
Пышетъ конь—земля дрожитъ;
Брызжутъ искры отъ копытъ;
Пыль катится въ слѣдъ клубами;
Скачутъ мимо ихъ рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
Съ громомъ зыблются мосты (68).

—Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится,
Мертвый съ дѣвицею мчится:
Путь ихъ къ кельѣ гробовой!
Страшно ль, дѣвица, со мной!—
«Что до мертвыхъ? что до гроба?
Мертвыхъ домъ земли утроба!»
—Чу! въ лѣсу потрясся листъ!
Чу! въ глуши раздался свистъ!
Черный воронъ встрепенулся!
Вздрогнулъ конь и отшатнулся!
Вспыхнулъ въ полѣ огонекъ!—
«Близко ль милый?»—Путь далекъ!—

Слышутъ шорохъ тихихъ тѣней:
Въ часъ полуночныхъ видѣній,
Въ дымѣ облака, толпой,
Прахъ оставя гробовой
Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ,
Въ цѣпь воздушную свились,
Вотъ за ними понеслись!
Вотъ поютъ воздушны лики...
Будто въ листьяхъ повилики

Вьется легкій вѣтерокъ,
Будто плещетъ ручеекъ! (69)

—Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится,
Мертвый съ дѣвицею мчится.
Путь ихъ къ кельѣ гробовой!
Страшно ль, дѣвица, со мной?—
«Что до мертвыхъ? что до гроба?
Мертвыхъ домъ земли утроба!»
—Конь, мой конь! бѣжитъ песокъ (*)!
Чую ранній вѣтерокъ!
Конь, мой конь! быстрѣе мчися:
Звѣзды утренни зажглися!
Мѣсяцъ въ облакѣ потухъ!
Конь! мой конь, кричитъ пѣтухъ!—

«Близко ль, милый?»—Вотъ примчались!
Слышутъ: сосны зашатались!
Слышутъ: спалъ съ воротъ запоръ!
Борзый конь стрѣлой на дворъ!
Что же, что въ очахъ Людмилы?
Камней рядъ, кресты, могилы,
И среди ихъ Божій храмъ!
Конь несется по гробамъ!
Стѣны звонкій вторятъ топотъ,
И въ травѣ чуть-слышный шопотъ
Мнится мертвыхъ (70) тихій гласъ!....
Вотъ денница занялась!

Что же чудится Людмилѣ?
Къ свѣжей конь примчась могилѣ,
Бухъ въ нее и съ сѣдокомъ!
Вдругъ—глухой подземный громъ!
Страшно доски затрещали;
Кости въ кости застучали;
Пыль взвилася; обручь хлопъ!
Тихо, тихо вскрылся гробъ!....
Что же, что въ очахъ Людмилы!...
Ахъ, невѣста, гдѣ твой милый?
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой—гробъ; женихъ—мертвецъ!

Видитъ трупъ оцѣпенѣлый!
Прямъ, недвижимъ, посинѣлый,
Длиннымъ саваномъ обвитъ!
Страшенъ милый прежде видъ:

(*) Въ песочныхъ часахъ.

Впалы мертвыя ланиты;
Мутенъ взоръ полуоткрытый;
Руки сложены крестомъ.
Вдругъ... привсталъ... манитъ перстомъ:
«Конченъ путь! ко мнѣ, Людмила!
Намъ постель—темна могила!
Завѣсъ—саванъ гробовой!
Сладко спать въ землѣ сырой!»

Чтожъ Людмила!... Каменѣетъ;
Меркнутъ очи, кровь хладѣетъ;
Пала мертвая на прахъ!
Стонъ и вопли въ облакахъ!
Визгъ и скрежетъ подъ землею!
Вдругъ усопшіе, толпою,
Потянулись изъ могилъ;
Тихій, страшный хоръ завылъ:
«Смертныхъ ропотъ безразсуденъ;
Царь Всевышній правосуденъ;
Твой услышалъ стонъ Творецъ;
Часъ твой билъ—насталъ конецъ!

г. изъ повѣсти: двѣнадцать спящихъ дѣвъ (1811). (71).

Надъ пѣнистымъ Днѣпромъ рѣкой,
Надъ страшною стремниной,
Въ глухую полночь Громобой
Сидѣлъ одинъ съ кручиной.
Окрестъ его (72) дремучій боръ;
Утесы подъ ногами;
Туманенъ видъ полей и горъ;
Туманы надъ водами;
Подернутъ мглою сводъ небесъ;
Въ ущельяхъ вѣтеръ свищетъ;
Ужасно шепчетъ темный лѣсъ,
И волкъ во мракѣ рыщетъ.

Сидитъ съ поникнутой главой (73),
И думаетъ онъ думу:
«Печальный, горькій жребій мой!
Кляну судьбу угрюму!
Дала мнѣ крестъ тяжелый несть!
Всѣмъ людямъ жизнь отрада:
Тѣмъ злато, тѣмъ покой и честь;
А мнѣ—сума награда;

Нѣтъ крова защитить главу
 От бури, непогоды....
Усталъ я! въ помощь васъ зову,
 Днѣпровски быстры воды.»

Готовъ онъ прянуть съ крутизны...
 И вдругъ предъ нимъ явленье!
Изъ темной бора глубины
 Выходитъ привидѣнье.
Старикъ съ щетинистой ([74]) брадой,
 Съ блестящими глазами,
Въ дугу согнутый надъ клюкой,
 Съ хвостомъ, когтьми, рогами.
Идетъ, приближился ([75]), грозитъ
 Клюкою Громобою...
И тотъ какъ вкопаный стоитъ,
 Зря диво предъ собою.

—Куда? невѣдомый спросилъ.—
 «Въ волнахъ скончать мученья.»
—Почто жъ, безсмысленный, забылъ
 Во мнѣ искать спасенья?—
Кто ты? воскликнулъ. Громобой,
 Отъ страха цѣпенѣя.»
—Заступникъ, другъ, спаситель твой:
 Ты видишь Асмодея.—
«Творецъ небесный!»—Удержись!
 Въ молитвѣ нѣтъ отрады;
Забудь о Богѣ—мнѣ молись;
 Мои вѣрнѣй награды.

—Прими отъ дружбы, Громобой,
 Полезное ученье:
Постигнутъ ты судьбы рукой,
 И жизнь тебѣ мученье;
Но всѣмъ бѣдамъ найти конецъ
 Я способы имѣю;
Къ тебѣ нежалостливъ Творецъ—
 Прибѣгни къ Асмодею.
Могу тебѣ я силу дать,
 И честь и много злата,
И грудью буду я стоять
 За друга и за брата.

—Клянусь.... свидѣтель адскій богъ,
 Что клятвы не нарушу;
А ты, мой другъ, за то въ залогъ
 Свою отдай мнѣ душу.—
Невольно вздрогнулъ Громобой,
 По членамъ хладъ стремится,
Земли не взвидѣлъ подъ собой,
 Нѣтъ силъ перекреститься.
—О чемъ задумался, глупецъ?—
 «Страшусь мученій ада.»
—Но рано ль, поздно ль.... наконецъ
 Все адъ твоя награда.

—Тебѣ на свѣтѣ жить—бѣда;
 Покинуть свѣтъ—другая;
Останься здѣсь, поди туда—
 Вездѣ погибель злая.
Ханжи-причудники твердятъ:
 Лукавый бѣсъ опасенъ.
Не вѣрь имъ—бредни: веселъ адъ;
 Лишь въ сказкахъ онъ ужасенъ.
Мы жизнь пріятную ведемъ;
 Нашъ адъ не хуже рая;
Ты скажешь самъ, ликуя въ немъ:
 Лишь въ адѣ жизнь прямая.

—Тебѣ я теремъ пышный дамъ
 И тму людей на службу;
Къ бояранъ, витязямъ, князьямъ
 Тебя введу я въ дружбу;
Досель красавицъ ты пугалъ—
 Придутъ къ тебѣ толпою;
И словомъ—вздумалъ, загадалъ,
 И все передъ тобою.
И вотъ въ задатокъ кошелекъ:
 Въ немъ вѣчно будетъ злато.
Но десять лѣтъ—не болѣ—срокъ
 Тѣбѣ такъ жить богато.

—Когда жъ послѣдній день отъ глазъ
 Исчезнетъ за горою,—
Въ послѣдній полуночный часъ
 Приду я за тобою.—
Сталъ думу думать Громобой;
 Подумалъ, согласился,
И обольстителю душой
 За злато поклонился.
Разрѣзавъ руку, написалъ

Онъ кровью обѣщанье;
Лукавый принялъ—и пропалъ,
Сказавши: до свиданья!

Но вотъ.... насталъ десятый годъ;
Уже онъ на исходѣ;
И грѣшникъ горьки слезы льетъ:
Всему онъ чуждъ въ природѣ.
Опять украшены весной
Луга, пригорки, долы;
И пахарь веселъ надъ сохой,
И счастья полны селы.
Не зритъ лишь онъ златой весны:
Его померкли взоры;
Въ туманъ для нихъ погребены
Луга, долины, горы.

Денница ль красная взойдетъ—
«Прости, гласитъ, денница!»
Въ дубравѣ ль птичка пропоетъ—
«Прости, весны пѣвица!...
Прости, и мирные лѣса,
И нивы золотыя,
И неба свѣтлая краса,
И радости земныя!»
И вспомнилъ онъ забытыхъ чадъ;
Къ себѣ ихъ призываетъ;
И мнитъ: они Творца смягчатъ;
Невиннымъ Богъ внимаетъ.

И вотъ... насталъ послѣдній день;
Ужъ солнце за горою;
И стелется вечерня тѣнь
Прозрачной пеленою;
Ужъ сумракъ.... смерклось.... вотъ луна
Блеснула изъ-за тучи;
Легла на горы тишина;
Утихъ и лѣсъ дремучій;
Рѣка сравнялась въ берегахъ;
Зажглись свѣтила ночи;
И сонъ глубокій на поляхъ;
И близокъ часъ полночи...

И мучимъ смертною тоской,
У Спасовой иконы
Безъ вѣры ищетъ Громобой
Отъ ада обороны.
И юныхъ чадъ къ себѣ призвалъ—
Сердца ихъ близки раю.
«Увы! молитесь—(вопіялъ)!
Молитесь, погибаю!».
Младенца внятенъ небу стонъ;
Невинныя молились;
Но вдругъ... на нихъ находитъ сонъ...
Замолкли... усыпились.

И все въ ужасной тишинѣ;
Окрестность какъ могила;
Вотъ... каркнулъ воронъ на стѣнѣ;
Вотъ... стая псовъ завыла.
И вдругъ... протяжно полночь бьетъ;
Нашли на небо тучи;
Рѣка надулась, боръ реветъ,
И мчится прахъ летучій.
Увы! послѣдній страшный бой
Отгрянулъ за горами...
Гулъ тише... смолкъ... и Громобой
Зритъ бѣса предъ очами.

—Ты видѣлъ, рекъ онъ, день отъ (76) глазъ
Исчезнулъ (77) за горою;
Ты слышалъ: билъ полночный (78) часъ;
Пришелъ я за тобою.—
«О дай, молю, хоть малый срокъ;
Терзаюсь, адъ ужасенъ.»
—Свершилось! неизбѣженъ рокъ,
И поздній вопль напрасенъ.—
«Минуту!»—Слышишь? Цѣпь звучитъ.—
«О страшный часъ! помилуй!»
—И гробъ готовъ, и саванъ сшитъ,
И роютъ ужъ могилу.

—За-утро день взойдетъ во мглѣ:
Подымутся стенанья;
Увидятъ трупъ твой на столѣ,
Недвижный, безъ дыханья;
Кадилъ и свѣчъ въ дыму густомъ,
При тихомъ ликовъ пѣньѣ,
Тебя запрутъ въ подземный домъ
Навѣки въ заточенье;
И страшно заступъ застучитъ
Надъ кровлей гробовою;

И тихо клиръ провозгласитъ:
Усопшій, миръ съ тобою!

—И миръ не будетъ твой удѣлъ:
Ты адово стяжанье!
Но время.... идутъ.... часъ приспѣлъ...
Внимай ихъ завыванье;
Сошлись.... призывный слышу кличъ....
Ихъ челюсти зіяютъ;
Смола клокочетъ:... свищетъ бичъ...
Оковы разжигаютъ.—
Спаситель-Царь, вонми слезамъ!»
—Отринуто (79) моленье!—
Увы, позволь хоть сиротамъ
Мнѣ дать благословенье!»

Младенцевъ спящихъ видитъ бѣсъ—
Сверкнули страшно очи!
—Лишить ихъ царствія небесъ,
Предать геенской (80) ночи....
Вотъ слава! мнѣ восплещетъ адъ
И съ гордымъ сатаною.—
И, усмиривъ грозящій взглядъ,
Вѣщалъ (81) онъ Громобою:
—Я внялъ твоей печали гласъ;
Есть средство избавленья;
Покоренъ будь, иль въ адъ сей часъ
На скорби и мученья.

—Предай мнѣ души дочерей
За временну свободу,
И дамъ, по милости своей,
На каждую по году.—
«Злодѣй! губить невинныхъ чадъ!»
—Ты медлишь? приступите!
Низриньте грѣшника во адъ!
На части разорвите!
И вдругъ отвсюду крикъ и стонъ;
Земля затрепетала;
И грянулъ громъ со всѣхъ сторонъ;
И тма бѣсовъ предстала.

Чудовищъ адскихъ грозный сонмъ,
Бѣгутъ, гремятъ цѣпями,
И стали грѣшника кругомъ
Съ разверстыми когтями.
И ницъ повергся Громобой,
Безчувственъ, полумертвый;
И вопитъ: «страшный врагъ, постой!
Постой, готовы жертвы!»
И скрылись всѣ. Онъ будитъ чадъ...
Онъ пишетъ ихъ рукою...
О страхъ! свершилось!... плещетъ адъ
И съ гордымъ сатаною.

Д. ИЗЪ ПѢВЦА ВЪ СТАНѢ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ (1812). (82).

ПѢВЕЦЪ.

На полѣ бранномъ тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здѣсь свѣтитъ намъ луна,
Здѣсь кровъ небесъ надъ нами.
Наполнимъ кубокъ круговой!
Дружнѣе! руку въ руку!
Запьемъ виномъ кровавый бой,
И съ падшими разлуку.
Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя....
О всемогущее вино,
Веселіе героя!

ВОИНЫ.

Кто любитъ видѣть въ чашахъ дно,
Тотъ бодро ищетъ боя!
О всемогущее вино
Веселіе героя!

ПѢВЕЦЪ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды,
Друзья, уже могучихъ нѣтъ!
Ужъ нѣтъ вождей побѣды!
Ихъ домы вихоръ разметалъ,
Ихъ гробы срыли плуги,
И пламень ржавчины сожралъ
Ихъ шлемы и кольчуги;
Но духъ отцевъ воскресъ въ сынахъ:
Ихъ поприще предъ нами....
Мы тамъ найдемъ ихъ славный прахъ
Съ ихъ славными дѣлами.

Смотрите: въ грозной красотѣ,
Воздушными полками

Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами!
О Святославъ, бичъ древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлиной!
«Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!»
Гремитъ передъ дружиной!
И ты, невѣрнымъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ соименныхъ,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.

И ты, нашъ Петръ, въ толпѣ вождей.
Внимайте кличъ: Полтава!
Орды пришельца снѣдь мечей!
И міръ отгрянулъ (83): слава!
Давно ль, о хищникъ! пожиралъ
Ты взоромъ наши грады?
Бѣги! твой конь и всадникъ палъ;
Твой слѣдъ—костей громады!
Бѣги! и стыдъ и страхъ сокрой
Въ лѣсу съ твоимъ Сарматомъ;
Отчизны врагъ сопутникъ твой;
Злодѣй владыкѣ братомъ.

Но кто сей рьяный великанъ,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящій вражій станъ
Вперилъ онъ страшны очи!
Его завидя въ облакахъ,
Шумящимъ, смутнымъ роемъ,
На снѣжныхъ Альповъ высотахъ
Возникли (84) тѣни съ воемъ!
Блѣднѣетъ Галлъ, дрожитъ Сарматъ
Въ шатрахъ отъ гнѣвныхъ взоровъ....
О горе, горе, сопостатъ!
То грозный нашъ Суворовъ!

Хвала вамъ, чада прежнихъ лѣтъ!
Хвала вамъ, чада славы!
Дружиной смѣлой вамъ во слѣдъ
Бѣжимъ на пиръ кровавый.
Да мчится вашъ побѣдный строй
Предъ нашими орлами;
Да сѣетъ, намъ предтеча въ бой,
Погибель надъ врагами.
Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель!...
За гибель—гибель, брань—за брань,
И казнь тебѣ, губитель!

ВОИНЫ.

Наполнимъ кубокъ! мечъ во длань!
Внимай намъ, вѣчный Мститель!...
За гибель—гибель! брань—за брань!
И казнь тебѣ, губитель!

ПѢВЕЦЪ.

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя!

Тамъ все—тамъ родшихъ милый домъ;
Тамъ наши жены, чада;
О насъ ихъ слезы предъ Творцомъ;
Мы жизни ихъ ограда;
Тамъ дѣвы, прелесть нашихъ дней,
И сонмъ друзей безцѣнный,
И царскій тронъ, и прахъ Царей,
И предковъ прахъ священный.
За нихъ, друзья, всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы,
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы!

ВОИНЫ.

За нихъ, за нихъ всю нашу кровь!
На вражьи грянемъ силы,
Да въ чадахъ къ родинѣ любовь
Зажгутъ отцевъ могилы!

ПѢВЕЦЪ.

Тебѣ сей кубокъ, Русскій Царь!
Цвѣти Твоя держава!
Священный тронъ Твой намъ алтарь!
Предъ нимъ обѣтъ нашъ: слава!
Не измѣнимъ: мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью!

О Царь! здѣсь сонмъ Твоихъ сыновъ!
Къ Тебѣ горимъ любовью!
Нашъ каждый ратникъ—Славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ,
И чуждъ имъ малодушный ([85])!

ВОИНЫ.

Нашъ каждый ратникъ—Славянинъ;
Всѣ долгу здѣсь послушны;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ,
И чуждъ имъ малодушный!

Е. СВѢТЛАНА (1812). ([86]).

Разъ въ Крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачекъ,
Снявъ съ ноги, бросали:
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана;
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
«Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко!
«Слушай пѣсни круговой,
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: «кузнецъ,
«Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
«Скуй кольцо златое;
«Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
«Обручаться тѣмъ кольцомъ
«При святомъ налоѣ!»

—Какъ могу, подружки, пѣть!
Милый другъ далеко!
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался—вѣсти нѣтъ;
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышетъ.
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?
Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью:
Утоли печаль мою,
Ангелъ-утѣшитель!—

Вотъ въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою,
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою;
Два прибора на столѣ.
«Загадай, Свѣтлана!
Въ чистомъ зеркала стеклѣ,
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ;
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою.»

Вотъ красавица одна
Къ зеркалу садится;
Съ тайнымъ трепетомъ ([87]) она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть ліетъ сіянье;
Робость въ ней волнуетъ грудь;
Страшно ей назадъ взглянуть;
Страхъ туманитъ очи....
Съ трескомъ вспыхнулъ огонекъ;
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.

Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышетъ.
Вотъ—легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;

Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими очами ([88]).
Занялся отъ страха духъ;
Вдругъ, въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шопотъ:
«Я съ тобой, моя краса!
Укротились небеса;
«Твой услышанъ ропотъ!»

Оглянулась—милый къ ней
Простираетъ руки.
«Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки!
Ѣдемъ! попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками;
Ликъ ([89]) вѣнчальну пѣснь поетъ;
Храмъ блеститъ свѣчами!»—
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣли—кони съ мѣста въ разъ;
Пышутъ дымъ ноздрями;
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ—пусто все вокругъ!
Степь въ очахъ Свѣтланы!
На лунѣ туманный кругъ;
Чуть блестятъ поляны.
Сердце вѣщее дрожитъ:
Робко дѣва говоритъ:
«Что ты смолкнулъ, милый?»
Ни полслова ей въ отвѣтъ:
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ,
Топчутъ снѣгъ глубокій;
Вотъ въ сторонкѣ Божій храмъ
Виденъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ;
Тьма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ ѳиміамѣ;
На срединѣ черный гробъ;
И гласитъ протяжно попъ:
«Буди взятъ могилой!»
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ,
Блѣденъ и унылой!

Вдругъ мятелица кругомъ;
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный вранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями:
Вѣщій стонъ гласитъ ([90]) печаль;
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль,
Воздымая гривы;
Брезжетъ въ полѣ огонекъ;
Виденъ мирный уголокъ—
Хижинка подъ снѣгомъ;
Кони борзые быстрѣй,
Снѣгъ взрываютъ ([91]), прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися—и вмигъ
Изъ очей пропали;
Кони, сани и женихъ
Будто не бывали!
Одинокая, въ потьмахъ,
Брошена отъ друга
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
Вкругъ мятель и вьюга.
Возвратиться—слѣду нѣтъ.
Виденъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучитъ;
Дверь шатнулася, скрыпитъ,
Тихо растворилась.

Чтожъ? Въ избушкѣ гробъ; накрытъ
Бѣлою запоной;
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
Свѣчка предъ иконой.
Ахъ, Свѣтлана! что съ тобой?
Въ чью пришла обитель?

Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась;
Со крестомъ своимъ въ рукѣ,
Подъ святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло—вьюги нѣтъ;
Слабо свѣчка тлится:
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится;
Все въ глубокомъ, мертвомъ снѣ;
Страшное молчанье!...
Чу, Свѣтлана! въ тишинѣ
Легкое журчанье!
Вотъ глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ,
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ.
Вотъ Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится;
Сорвался покровъ; мертвецъ—
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Видѣнъ весь: на лбу вѣнецъ,
Затворенны очи.
Вдругъ въ устахъ сомкнутыхъ стонъ;
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы.
Что же дѣвица? дрожитъ,
Гибель близко... но не спитъ
Голубочикъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ,
Легкія онъ крилы;
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ....
Всей лишенный силы,
Возстенавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами,
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами....
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась!
Глядь, Свѣтлана—о Творецъ!
Милый другъ ея—мертвецъ!
Ахъ!—и пробудилась.

Гдѣжъ? У зеркала, одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы;
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.
«Ахъ! ужасный, грозный сонъ!
Не добро вѣщаетъ онъ—
Горькую судьбину!
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что сулишь душѣ моей —
Радость иль кручину?»

Сѣла—тяжко ноетъ грудь—
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Видѣнъ сквозь тумана;
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій....
Чу! въ дали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкой;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ, какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе.... вотъ ужь у воротъ....
Статный гость на дворъ идетъ....
Кто? женихъ Свѣтланы!

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
Прорицатель муки?
Другъ съ тобой: невреденъ ([92]) онъ
Въ опытѣ разлуки;
Тажъ любовь въ его очахъ,
Тѣжъ пріятны взоры,
Тѣжъ на сладостныхъ устахъ
Милы разговоры.

Отворяйся жъ, Божій храмъ!
Вы летите къ небесамъ,
Вѣрные обѣты!
Соберитесь, старъ и младъ!
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ
Пойте: многи лѣты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу!
Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу.
Взоромъ счастливый твоимъ,
Не хочу и славы!
Слава—насъ учили—дымъ!
Свѣтъ—судья лукавый!
Вотъ баллады толкъ моей:
«Лучшій другъ намъ въ жизни сей
Вѣра въ Провидѣнье!
Благъ Зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ,
Счастье—пробужденье.»

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана!...
Будь Создатель ей покровъ!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тѣнь
Къ ней да не коснется;
Въ ней душа какъ ясный день!
Ахъ! да пронесется
Мимо—бѣдствія рука!
Какъ пріятный ручейка
Блескъ на лонѣ луга,
Будь вся жизнь ея свѣтла!
Будь веселость, какъ была,
Дней ея подруга!

ж. ТЕОНЪ И ЭСХИНЪ (1815). (93).

Эсхинъ возвращался къ пенатамъ своимъ,
Къ брегамъ благовонныхъ Алфея.
Онъ долго по свѣту за счастьемъ бродилъ,
Но счастье, какъ тѣнь, убѣгало.

И роскошь, и слава, и Вакхъ, и Эротъ—
Лишь сердце они изнурили;
Цвѣтъ жизни былъ сорванъ, увяла душа:
Въ ней скука смѣнила надежду.

Ужъ взорамъ его тихоструйный Алфей
Въ цвѣтущихъ брегахъ открывался,
Предъ нимъ оживились минувшіе дни,
Давно улетѣвшая младость.

Все тѣжъ берега, и поля, и холмы,
И тоже прекрасное небо;
Но гдѣжъ озарявшая нѣкогда ихъ
Волшебнымъ сіяньемъ надежда?

Жилища Теонова ищетъ Эсхинъ.
Теонъ при домашнихъ пенатахъ,
Въ желаніяхъ скромный, безъ пышныхъ надеждъ,
Остался на брегѣ Алфея.

Близь мѣста, гдѣ въ море втекаетъ Алфей,
Подъ сѣнью оливъ и платановъ,
Смиренную хижину видитъ Эсхинъ:
То было жилище Теона.

Съ безоблачныхъ солнце сходило небесъ,
И тихое море горѣло;
На хижину сыпался розовый блескъ,
И мирты окрестны алѣли.

Изъ бѣлаго мрамора гробъ невдали,
Обсаженный миртами, зрѣлся;
Душистыя розы и гибкій ясминъ
Вѣтвями надъ нимъ соплетались.

На прагѣ сидѣлъ въ размышленьи Теонъ,
Смотря на багряное море....
Вдругъ видитъ Эсхина, и вмигъ узнаетъ
Сопутника юныя жизни.

«Да благостно взглянетъ хранитель-Зевесъ
На мирный возвратъ твой къ пенатамъ!»
Съ блистающимъ радостью взоромъ Теонъ
Сказалъ, обнимая Эсхина,

И взглядъ на него любопытный вперилъ:
Лице его скорбно и мрачно.

На друга внимательно смотритъ Эсхинъ:
Взоръ друга прискорбенъ, но ясенъ.

— Когда я съ тобой разлучался, Теонъ,
Надежда сулила мнѣ счастье;
Но опытъ иное мнѣ въ жизни явилъ:
Надежда—лукавый предатель!

Скажи, о Теонъ, твой задумчивый взглядъ
Не ту же ль судьбу возвѣщаетъ?
Ужель и тебя посѣтила печаль
При мирныхъ домашнихъ пенатахъ? —

Теонъ указалъ, воздыхая, на гробъ....
«Эсхинъ! вотъ безмолвный свидѣтель,
Что боги для счастья послали намъ жизнь—
Но съ нею печаль неразлучна!

«О, нѣтъ! не ропщу на Зевесовъ законъ:
И жизнь, и вселенна прекрасны!
Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ
Я видѣлъ земное блаженство.

«Что можетъ разрушить въ минуту судьба,
Эсхинъ, то на свѣтѣ не наше;
Но сердца нетлѣнныя блага: любовь
И сладость возвышенныхъ мыслей.

«Вотъ счастье, о другъ мой, оно не мечта!
Эсхинъ, я любилъ, и былъ счастливъ;
Любовью моя освятилась душа
И жизнь въ красотѣ мнѣ предстала!

«При блескѣ возвышенныхъ мыслей я зрѣлъ
Яснѣе великость творенья;
Я вѣрилъ, что путь мой лежитъ по землѣ
Къ прекрасной, возвышенной цѣли!

«Увы! я любилъ... и ея уже нѣтъ!
Но счастье, вдвоемъ столь живое,
На вѣки ль исчезло? и прежніе дни
Вотще ли столь были прелестны?

«О, нѣтъ! никогда не погибнетъ ихъ слѣдъ:
Для сердца прошедшее вѣчно.
Страданье въ разлукѣ есть та же любовь;
Надъ сердцемъ утраты безсильны (94).

«И скорбь о погибшемъ не есть ли, Эсхинъ,
Обѣтъ неизмѣнной надежды,
Что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ,
Погибшее намъ возвратится?

«Кто разъ полюбилъ, тотъ на свѣтѣ, мой другъ,
Уже одинокимъ не будетъ....
Ахъ! свѣтъ, гдѣ она предо мною цвѣла—
Онъ тотъ же! все ею онъ полонъ!

«По той же дорогѣ стремлюся одинъ,
И къ той же возвышенной цѣли,
Къ которой такъ бодро стремился вдвоемъ:
Сихъ узъ не разрушитъ могила.

«Сей мыслью высокой украшена жизнь;
Я взоромъ смотрю благодарнымъ
На землю, гдѣ столько разсыпано благъ,
На полное славы творенье.

«Спокойно смотрю я съ земли рубежа
На сторону лучшія жизни;
Сей сладкой надеждою міръ озаренъ,
Какъ небо сіяньемъ авроры!

«Съ сей сладкой надеждой я выше судьбы,
И жизнь мнѣ земная священна;
При мысли великой, что *я человѣкъ*,
Всегда возвышаюсь душою!

«А этотъ безмолвный, таинственный гробъ...
О другъ мой! онъ вѣрный свидѣтель,
Что лучшее жизни еще впереди,
Что вѣрно желанное будетъ!

«Сей гробъ—затворенная къ счастію дверь;
Отворится!... жду и надѣюсь!
За нимъ ожидаетъ сопутникъ меня,
На мигъ мнѣ явившійся въ жизни.

«О другъ мой! искавъ измѣняющихъ благъ,
Искавъ наслажденій минутныхъ,

Ты вѣрныя блага утратилъ свои—
Ты жизнь презирать научился!

«Съ симъ гибельнымъ чувствомъ ужасенъ и свѣтъ!
Дай руку! близь вѣрнаго друга
Съ природой и жизнью опять примирись!
О, вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!

«Все Небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ!
Все въ жизни къ великому средству!
И горесть и радость—все къ цѣли одной!
Хвала жизнодавцу Зевесу!»

3. ПРОЩАНІЕ ІОАННЫ Д'АРКЪ СЪ РОДИНОЮ (1818). (**).

Простите вы, холмы, поля родныя!
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости!
Съ Іоанной вамъ ужъ болѣ не видаться:
Навѣкъ она вамъ говоритъ: прости!
Друзья-луга, древа, мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть и доцвѣтать;
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечной,
Иду отъ васъ и не приду къ вамъ вѣчно!

Мѣста, гдѣ все бывало мнѣ усладой,
Отнынѣ вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вамъ оградой....
Безъ пастыря бродить вы суждены;
Досталось мнѣ пасти иное стадо
На пажитяхъ кровавыя войны.
Такъ вышнее назначило избранье;
Меня стремитъ не суетныхъ желанье.

Кто нѣкогда, гремя и пламенѣя,
Въ горящій кустъ къ пророку нисходилъ,
Кто на царя подвигнулъ Моисея,
Кто отрока Давида укрѣпилъ—
И съ сильнымъ въ бой сталъ пастырь не блѣднѣя,—
Кто пастырямъ всегда благоволилъ,
Тотъ здѣсь вѣщалъ ко мнѣ изъ сѣни древа:
«Иди о мнѣ свидѣтельствовать, дѣва!

«Надѣть должна ты латы боевыя,
Въ желѣзо грудь младую заковать;
Страшись надеждъ, не знай любви земныя...
Вѣнчальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;
Не быть тебѣ душой семьи родныя;
Цвѣтущаго младенца не ласкать....
Но въ битвахъ я главу твою прославлю:
Всѣхъ выше дѣвъ земныхъ тебя поставлю.

Когда начнетъ блѣднѣть и смѣлый въ брани,
И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ—
Возьмешь мою ты орифламму въ длани,
И мощь враговъ сорвешь, какъ жница класъ;
Поставишь ихъ надменной власти грани,
Преобратишь во плачъ побѣдный гласъ,
Дашь ратнымъ честь, дашь блескъ и силу трону,
И Карла въ Реймсъ введешь надѣть корону.»

Мнѣ обѣщалъ Небесный извѣщенье:
Исполнилось.... и шлемъ сей посланъ Имъ.
Какъ бранный огнь его прикосновенье,
Съ нимъ мужество, какъ Божій херувимъ....
Въ кипящій бой несетъ души стремленье;
Какъ буря, пылъ ея неукротимъ...
Се битвы кличъ! полки съ полками стали!
Взвились кони и трубы зазвучали!

4. ПЕРИ И АНГЕЛЪ (1821). (**).

Однажды Пери молодая
У вратъ потеряннаго рая
Стояла въ грустной тишинѣ;
Ей слышалось: въ той сторонѣ,
За неприступными вратами,
Журчали звонкими струями
Живые райскіе ключи,
И неба райскаго лучи
Лились въ полуотверсты двери

На крылья одинокой Пери.
И тихо плакала она
О томъ, что рая лишена:
«Тамъ духи свѣта обитаютъ!
Для нихъ цвѣты благоухаютъ
Въ неувядаемыхъ садахъ!
И на землѣ, и на водахъ,
И на свѣтилахъ поднебесныхъ,
Есть много мнѣ цвѣтовъ прелестныхъ,—
Но я чужда ихъ красоты:
Они не райскіе цвѣты!
Обитель роскоши и міра,
Свѣжа долина Кашемира:
Тамъ свѣтлы озера струи,
Тамъ сладкогласные ручьи,—
Но что ихъ блескъ передъ блистаньемъ,
Что сладкій гласъ ихъ предъ журчаньемъ
Эдемскихъ, жизни полныхъ водъ!
Направь стремительный полетъ
Къ безчисленнымъ звѣздамъ созданья,
Среди ихъ пышнаго блистанья
Неизмѣримость пролети,
Всѣ ихъ блаженства изочти,
И каждое пусть вѣчность длится....
И вся ихъ вѣчность не сравнится
Съ одной минутою небесъ!»
И быстрые потоки слезъ
Бѣжали по ланитамъ Пери.
Но Ангелъ, стражъ Эдемской двери,
Ее прискорбную узрѣлъ:
Онъ къ ней съ утѣхой подлетѣлъ,
Онъ вслушался въ ея стенанья,
И ангельскаго состраданья
Слезой блеснули очеса:
Такъ чистой каплею роса
Въ сіяньи райскаго востока,
Такъ капля райскаго потока
Блеститъ на цвѣтѣ голубомъ,
Который дышитъ лишь въ одномъ
Саду небесъ (гласитъ преданье).
И онъ сказалъ ей: «упованье!
Узнай, что небомъ рѣшено:
Той Пери будетъ прощено,
Которая ко входу рая
Изъ дальняго земнаго края
Съ достойнымъ даромъ прилетитъ!
Лети—найди—судьба проститъ;
Впускать утѣшно примиренныхъ!»

Быстрѣй кометъ воспламененныхъ,
Быстрѣе звѣздныхъ тѣхъ мечей,
Которые во тьмѣ ночей
Въ десницѣ ангеловъ блистаютъ,
Когда съ небесъ они свергаютъ
Духовъ, противныхъ небесамъ,—
По свѣтлоголубымъ полямъ
Эѳирнымъ Пери устремилась,
И скоро Пери очутилась
Съ лучемъ денницы молодой
Надъ пробужденною землей.
«Но гдѣ искать святаго дара?
Я знаю тайны Хильминара:
Столпы тамъ гордые стоятъ;
Подъ ними скрытые, горятъ
Въ сосудахъ геніевъ рубины.
Я знаю дно морской пучины:
Близь Аравійской стороны
Во глубинѣ погребены
Тамъ острова благоуханій.
Знакомъ мнѣ край очарованій:
Воды исполненный живой,
Сосудъ Ямхидовъ золотой
Таится тамъ, хранимъ духами....
Но съ сими ль въ рай войти дарами?
Сіи дары не для небесъ!
Что камней блескъ въ виду чудесъ,
Престолу Аллы предстоящихъ?
Что капля водъ животворящихъ
Предъ вѣчной бездной бытія!»
Такъ думая, она въ края
Святаго Инда низлетала:
Тамъ воздухъ сладокъ; цвѣтъ коралла,
Жемчугъ и злато янтарей
Тамъ украшаютъ дно морей;
Тамъ горы зноемъ пламенѣютъ
И въ нѣдрѣ ихъ алмазы рдѣютъ;
И рѣки въ брачномъ блескѣ тамъ,
Съ любовью къ пышнымъ берегамъ
Тѣснясь, приносятъ дани злата;
И долы, полны аромата,
И древъ сандальныхъ ѳиміамъ,
И купы розъ могли бы тамъ

Для Пери быть прекраснымъ раемъ...
Но что же?... Кровью обагряемъ
Потокъ увидѣла она!
Въ лугахъ прекрасная весна;
А люди-братья братій жертвы,
Обезображены и мертвы,
На вешней красотѣ луговъ,
Дыханье чистое цвѣтовъ
Дыханьемъ смерти заражали!
О, чьи стопы тебя попрали
Благословенный солнцевъ край!
Твоихъ садовъ тѣнистый рай,
Твоихъ боговъ святые лики,
Твои народы и владыки—
Какой рукой истреблены?
Свирѣпый Газна, вихрь войны,
Протекъ по Индіи бѣдою;
Свой путь усыпалъ за собою
Онъ прахомъ отнятыхъ коронъ;
На псовъ своихъ навѣсилъ онъ
Любимицъ царскихъ ожерелья;
Обитель чистую веселья,
Зенаны дѣвъ онъ осквернилъ,
Жрецовъ во храмахъ умертвилъ,
И золотыя ихъ пагоды
Въ священныя обрушилъ воды!...
Но видитъ Пери съ вышины:
На полѣ страха и войны
Боецъ въ крови, но съ бодрымъ окомъ,
Передъ отеческимъ потокомъ
Стоитъ одинъ, и за спиной
Колчанъ съ послѣднею стрѣлой;
Кругомъ товарищи сраженны....
Лицемъ безстрашнаго плѣненный,
«Живи!» тиранъ ему сказалъ;
Но воинъ, молча, указалъ
На обагренны кровью воды,
И истребителю свободы
Послалъ отвѣтъ своей стрѣлой:
По твердой бронѣ боевой
Стрѣла скользнула—живъ губитель,
На трупы братій палъ ихъ мститель,
И вдаль помчался шумный бой!...
Все тихо! воинъ молодой
Ужъ умиралъ, и кровь скудѣла...
И Пери къ юношѣ слетѣла
Въ сіяньи утреннихъ лучей,
Чтобъ вѣжды гаснущихъ очей
Ему смѣжить рукой любови
И, въ смертный мигъ, священной крови
Оставшуюся каплю взять.
Взяла... и на небо опять
Ее помчало упованье!
«Богамъ угодное даянье
(Она сказала) я нашла;
Пролита кровь сія была
Во искупленіе свободы;
Чистѣйшія Эдемски воды
Съ ней не сравнятся чистотой.
Такъ! если есть въ странѣ земной
Достойное небесъ воззрѣнья,
То чтожъ достойнѣй приношенья
Сей дани сердца, все свое
Утратившаго бытіе
За дѣло чести и свободу!»
И къ райскому стремится входу
Она съ добычею земной.
— О Пери! даръ прекрасенъ твой
(Сказалъ ей стражъ прекрасный рая,
Привѣтно очи къ ней склоняя);
Угоденъ смѣлый для небесъ,
Который родинѣ принесъ
На жертву жизнь... но видишь, Пери,
Кристальныя спокойны двери!
Не растворяется Эдемъ!...
Иной желаютъ дани въ немъ!

I. Рафаэлева Мадонна (1824). (*).

Я смотрѣлъ на нее нѣсколько разъ; но видѣлъ ее только однажды такъ, какъ мнѣ было надобно. Въ первое мое посѣщеніе я даже не захотѣлъ подойти къ ней: я увидѣлъ ее издали; увидѣлъ, что предъ нею торчала какая-то фигурка, съ пудренною головою, что эта проклятая фигурка еще держала въ своей дерзкой рукѣ кисть и безпощадно ругалась надъ великою душею Рафаэля, которая вся въ этомъ чудесномъ твореніи. Въ другой разъ испугалъ меня самъ директоръ галлереи (который за червонецъ показываетъ путешественникамъ

картины и къ которому я не разсудилъ прибѣгнуть): онъ стоялъ предъ нею съ своими слушателями и, какъ попугай, болталъ вытверженный наизусть вздоръ. Наконецъ однажды только-было я расположился дать волю глазамъ и душѣ, подошла ко мнѣ одна моя знакомка и принялась мнѣ нашептывать на ухо, что она предъ Мадонною видѣла Наполеона и что ея дочери похожи на Рафаэлевыхъ ангеловъ. Я рѣшился придти въ галерею какъ можно ранѣе, чтобы предупредить всѣхъ посѣтителей. Это удалось. Я сѣлъ на софу противъ картины и просидѣлъ цѣлый часъ, смотря на нее. Надобно признаться, что здѣсь поступаютъ съ нею также непочтительно, какъ и со всѣми другими картинами. Вопервыхъ она, не знаю для какой готтентотской причины, уменьшена: верхняя часть полотна, на которомъ она написана, и съ нею верхняя часть занавѣса, изображеннаго на картинѣ, загнуты назадъ, слѣдовательно и пропорція и самое дѣйствіе цѣлаго теперь уничтожены и не отвѣчаютъ намѣренію живописца. Второе, она вся въ пятнахъ, не вычищена, худо поставлена, такъ что сначала можешь подумать, что копіи, съ нея сдѣланныя, чистыя и блестящія, лучше самаго оригинала. Наконецъ (что не менѣе досадно) она, такъ сказать, теряется между другими картинами, которыя, окружая ее, развлекаютъ вниманіе: напримѣръ, рядомъ съ нею стоитъ портретъ сатирическаго поэта Аретина, Тиціановъ, прекрасный— но какое сосѣдство для Мадонны! И такова сила той души, которая дышитъ и вѣчно будетъ дышать въ этомъ божественномъ созданіи, что все окружающее пропадаетъ, какъ скоро посмотришь на нее со вниманіемъ. Сказываютъ, что Рафаэль, натянувъ полотно свое для этой картины, долго не зналъ, что на немъ будетъ: вдохновеніе не приходило. Однажды онъ заснулъ съ мыслію о Мадоннѣ, и вѣрно какой-нибудь ангелъ разбудилъ его. Онъ вскочилъ: *она здѣсь*, закричалъ онъ, указавъ на полотно, и начертилъ первый рисунокъ. И въ самомъ дѣлѣ, это не картина, а видѣніе: чѣмъ долѣе глядишь, тѣмъ живѣе увѣряешься, что передъ тобою что-то неестественное происходитъ (особливо, если смотришь такъ, что ни рамы, ни другихъ картинъ ни видишь). И это не обманъ воображенія: оно не обольщено здѣсь ни живостію красокъ, ни блескомъ наружнымъ. Здѣсь душа живописца, безъ всякихъ хитростей искуства, но съ удивительною простотою и легкостію, передала холстинѣ то чудо, которое во внутренности ея совершилось. Я описываю ее вамъ, какъ совершенно для васъ неизвѣстную. Вы не имѣете о ней никакого понятія, видѣвши ее только въ спискахъ, или въ Миллеровомъ эстампѣ. Не видавъ оригинала, я хотѣлъ купить себѣ въ Дрезденѣ этотъ эстампъ; но, увидѣвъ, не захотѣлъ и посмотрѣть на него: онъ, можно сказать, оскорбляетъ святыню воспоминанія. Часъ, который провелъ я передъ тою Мадонною, принадлежитъ къ счастливымъ часамъ жизни, если счастіемъ должно почитать наслажденіе самимъ собою. Я былъ одинъ; вокругъ меня все было тихо; сперва съ нѣкоторымъ усиліемъ вошелъ въ самого себя; потомъ ясно началъ чувствовать, что душа распространяется; какое-то трогательное чувство величія въ нее входило; неизобразимое было для нея изображено, и она была тамъ, гдѣ только въ лучшія минуты жизни быть можетъ. ***Геній чистой красоты*** былъ съ нею:

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
Благодатныя сердцамъ.
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Лучшей жизни покрывало
Приподъемлетъ онъ порой (**);
А когда насъ покидаетъ—
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

Не понимаю, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное; предъ глазами полотно, на немъ лица, обведенныя чертами, и все стѣснено въ маломъ пространствѣ, и, не смотря на то, все необъятно, все неограниченно! И точно приходитъ на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздернулся, и тайна неба открылась глазамъ человѣка. Все происходитъ на небѣ; оно кажется пустымъ и какъ будто туманнымъ, но это не пустота и не туманъ, а какой-то тихій, неестественный свѣтъ, полный ангелами, которыхъ присутствіе болѣе чувствуешь, нежели замѣчаешь: можно сказать, что все, и самый воздухъ, обращается въ чистаго ангела въ присутствіи этой небесной мимоидущей-Дѣвы. И Рафаэль прекрасно подписалъ свое имя на картинѣ: внизу ея, съ границы земли, одинъ изъ двухъ ангеловъ устремилъ задумчивыя глаза на высоту; важная, глубокая мысль царствуетъ на младенческомъ лицѣ: не таковъ-ли былъ и Рафаэль въ то время, когда онъ думалъ о своей Мадоннѣ? Будь младенцемъ, будь ангеломъ на землѣ, чтобъ имѣть доступъ къ тайнѣ небесной. И какъ мало средствъ нужно было живописцу, чтобы произвести нѣчто такое, чего нельзя истощить мыслію! Онъ писалъ не для глазъ, все обнимающихъ во мгновеніе и на мгновеніе, но для души, которая чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ. Въ Богоматери, идущей по небесамъ, не примѣтно никакого движенія; но чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ болѣе кажется, что она приближается. На лицѣ ея ничто не выражено, то есть на немъ нѣтъ выраженія *понятнаго*, имѣющаго *опредѣленное имя;* но въ немъ находишь, въ какомъ-то таинственномъ соединеніи, все: спокойствіе, чистоту, величіе и даже чувство, но чувство уже перешедшее за границу земнаго, слѣдовательно мирное, постоянное, не могущее уже возмутить ясности душевной. Въ глазахъ ея нѣтъ блистанія (блестящій взоръ человѣка всегда есть признакъ чего-то необыкновеннаго, случайнаго, а для нея уже нѣтъ случая— все совершилось): но въ нихъ есть какая-то глубокая, чудесная темнота; въ нихъ есть какой-то взоръ, никуда особенно не устремленный, но какъ будто видящій необъятное. Она не поддерживаетъ младенца; но руки ея смиренно и свободно служатъ ему престоломъ: и въ самомъ дѣлѣ, эта Богоматерь есть не иное что, какъ одушевленный престолъ Божій, чувствующій величіе сидящаго. И онъ, какъ царь земли и неба, сидитъ на этомъ престолѣ. И въ его глазахъ есть тотъ-же никуда не устремленный взоръ; но эти глаза блистаютъ, какъ молніи, блистаютъ тѣмъ вѣчнымъ блескомъ, котораго ничто ни произвести, ни измѣнить не можетъ. Одна рука Младенца съ могуществомъ Вседержителя оперлась на колѣно, другая какъ будто готова подняться и простерться надъ небомъ и землею. Тѣ, передъ которыми совершается это видѣніе, св. Сикстъ и мученица Варвара, стоятъ также на небесахъ: на землѣ этого не увидишь. Старикъ не въ восторгѣ: онъ полонъ обожанія мирнаго и счастливаго, какъ святость. Святая Варвара очаровательна своею красотою: великость того явленія, котораго она свидѣтель, дала и ея стану какое-то разительное величіе; но красота лица ея человѣческая, именно потому, что на немъ уже есть выраженіе *понятное*. Она въ глубокомъ размышленіи; она глядитъ на одного изъ ангеловъ, съ которымъ какъ будто дѣлится таинствомъ мысли. И въ этомъ нахожу я главную красоту Рафаэля картины (если слово *картина* здѣсь у мѣста). Когда-бы живописецъ представилъ обыкновеннаго человѣка зрителемъ того, что на картинѣ его видятъ одни ангелы и святые: онъ или далъ-бы лицу его выраженіе изумленнаго восторга (ибо восторгъ есть чувство здѣшнее: оно на минуту, быстро и неожиданно отрываетъ насъ

отъ земнаго), или представилъ-бы его падшаго на землю съ признаніемъ своего безсилія и ничтожества. Но состояніе души, уже покинувшей землю и достойной неба, есть глубокое, постоянное чувство, возвышенное и просвѣщенное мыслію, постигнувшею тайны неба, безмолвное, неизмѣняемое счастіе, которое все заключается въ двухъ словахъ: *чувствую и знаю!* И эта-то блаженствующая мысль царствуетъ на всѣхъ лицахъ Рафаэлевой картины (кромѣ, разумѣется, лица Спасителева и Мадонны): всѣ въ размышленіи, и святые и ангелы. Рафаэль какъ-будто хотѣлъ изобразить для глазъ верховное назначеніе души человѣческой. Одинъ только предметъ напоминаетъ въ картинѣ его о землѣ: это Сикстова тіара, покинутая на границѣ здѣшняго свѣта.

Вотъ то, что думалъ я въ тѣ счастливыя минуты, которыя провелъ передъ Мадонною Рафаэля. Какую душу надлежало имѣть, чтобы произвести подобное! Бѣдный Миллеръ! Онъ умеръ, сказывали мнѣ, въ домѣ сумасшедшихъ. Удивительно-ли? Онъ сравнилъ свое подражаніе съ оригиналомъ, и мысль, что онъ не понялъ великаго, что онъ его обезобразилъ, что оно для него недостижимо, убила его. И въ самомъ дѣлѣ надобно быть или безразсуднымъ, или просто механическимъ маляромъ безъ души, чтобы осмѣлиться списывать эту Мадонну: одинъ разъ душѣ человѣческой было подобное откровеніе; дважды случиться оно не можетъ.

к. ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕЙ (1829). (⁹⁹).

Палъ Пріамовъ градъ священный!
Грудой пепла сталъ Пергамъ!
И побѣдой насыщенны,
Къ острогрудымъ кораблямъ
Собрались Эллены—тризну
Въ честь минувшаго свершить,
И въ желанную отчизну
Къ берегамъ Эллады плыть.

Пойте, пойте гимнъ согласной!
Карабли обращены
Отъ враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной.

Брегомъ шла толпа густая
Иліонскихъ дѣвъ и женъ:
Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнъ.
И съ побѣдной пѣсней дикой
Ихъ сливался тяжкій (¹⁰⁰) стонъ
По тебѣ, святой, великой,
Невозвратный Иліонъ.

Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ болѣ не видать!
Будемъ въ рабствѣ увядать...
О, сколь мертвыя счастливы!

И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ
Жертву самъ Калхасъ заклалъ:
Грады-зиждущей Палладѣ
И губящей онъ воззвалъ;
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ;
И носящему Горгону,
Богу смертныхъ и боговъ.

Судъ оконченъ, споръ рѣшился,
Прекратилася борьба;
Все исполнила судьба!
Градъ великій сокрушился!

Царь народовъ, сынъ Атрея
Обозрѣлъ полковъ число:
Въ слѣдъ за нимъ на брегъ Сигея
Много, много ихъ пришло...
И незапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали!
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ!

Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,
Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!

И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтаремъ;
Часто Марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей!
Рекъ Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей.

Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшенъ.

И стоящій близь Елены
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительной измѣны!
Ею самъ измѣнникъ палъ.
И погибъ виной Парида
Отягченный Иліонъ:
Неизбѣженъ судъ Кронида,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ!

Злому злой конецъ бываетъ!
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.

Пусть веселый взоръ счастливыхъ —
Оилеевъ сынъ сказалъ—
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ!
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:
Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!...
Нѣтъ великаго Патрокла —
Живъ презрительный Терситъ!

Смертный! вѣчный Дій (101) Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ!
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердце втунѣ.

Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Подставлявшій твердо грудь!
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ!..
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.

Миръ тебѣ во тмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ пожалъ (102):
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.

О Ахиллъ! о мой родитель!
Возгласилъ Неоптолемъ:
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ!
Жить въ любви племенъ дѣлами—
Благо первое земли!
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!

Слава дней твоихъ нетлѣнна!
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она:
Жизнь живущихъ не вѣрна;
Жизнь отжившихъ неизмѣнна.

Смерть велитъ умолкнуть злобѣ,
Діомедъ превозгласилъ:
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Великодушно пролилъ кровь!
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему—любовь!

Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ,
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы!

Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіялъ,
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утоленье,
Добрый Вакховъ даръ вино!
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно (103).

Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ:
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ.
Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ!
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ!

Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи!
Спящій въ гробѣ, мирно спи!
Жизнью пользуйся, живущій!

Л. ЕЯ И. В. ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ АЛЕКСАНДРѢ НИКОЛАЕВНѢ (1843). ([101]).

Въ тѣ дни, когда мы вѣримъ нашимъ снамъ
И видимъ въ ихъ несбыточности быль,
Я видѣлъ сонъ. Казалось, будто я
Цвѣтущею долиной Кашемира
Иду одинъ; со всѣхъ сторонъ вздымались
Громады горъ, и въ глубинѣ долины, —
Какъ въ изумрудномъ, до краевъ лазурью
Наполненномъ сосудѣ небеса
Вечернія спокойно отражая—
Сіяло озеро; по склону горъ
Отъ запада сходила на долину
Дорога, шла къ востоку и въ дали
Терялася, сливаясь съ горизонтомъ.
Былъ вечеръ тихъ; все вкругъ меня молчало;
Лишь изрѣдка надъ головой моей,
Сіяя, голубь пролеталъ, и пѣли
Его волнующія воздухъ крылья.
Вдругъ вдалекѣ послышались мнѣ клики.
И вижу я: отъ запада идетъ
Блестящій ходъ; змѣю безконечной
Въ долину вьется онъ. И вдругъ, я слышу,
Играютъ маршъ торжественный: и сладкой
Моя душа наполнилася грустью.
Пока задумчиво я слушалъ, мимо
Прошелъ весь ходъ, и я лишь могъ примѣтить
На высотѣ, надъ радостно шумящимъ
Народомъ паланкинъ; какъ привидѣнье
Онъ мнѣ блеснулъ въ глаза; и въ паланкинѣ
Увидѣлъ я Царевну молодую,
Невѣсту сѣвера; и на меня
Она глаза склонила мимоходомъ;
И скрылось все.... Когда же я очнулся,
Ужъ царствовала ночь и надъ долиной
Горѣли звѣзды; но въ моей душѣ
Былъ свѣтлый день: я чувствовалъ, что въ ней
Свершилося какъ будто откровенье
Всего прекраснаго, въ одно живое
Лице сліяннаго.—И вдругъ мой сонъ
Перемѣнился: я себя увидѣлъ
Въ Царевомъ домѣ, и лицемъ къ лицу
Предстало мнѣ души моей видѣнье;
И мнилось мнѣ, что годы пролетѣли
Мгновеньемъ надо мной, оставивъ мнѣ
Воспоминанье какихъ-то свѣтлыхъ
Временъ, чего-то чуднаго, какой-то
Волшебной жизни.—И мой сонъ
Опять перемѣнился: я увидѣлъ
Себя на берегу рѣки широкой;
Садилось солнце; тихо по водамъ
Суда сіяя плыли, и за ними
Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи
Въ кустахъ свѣтился домикъ; на порогѣ
Его дверей хозяйка молодая
Съ младенцемъ, спящимъ на рукахъ, стояла....
И то была моя жена съ моею
Малюткой дочерью.... и я проснулся;
И милый сонъ мой сталъ блаженной былью.

И нынѣ тихо безъ волненья льется
Потокъ мой уединенной жизни.
Смотря въ лице подруги, данной Богомъ
На освященье сердца моего;
Смотря, какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,

Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
«Да не смущается твоя душа»,
Онъ говоритъ мнѣ, «вѣруй въ Бога, вѣруй
Въ меня». Мнѣ было суждено своею
Рукой на двухъ родныхъ, земной судьбиной
Разрозненныхъ, могилахъ тѣ слова
Спасителя святыя написать;
И вотъ теперь, на вечерѣ моемъ,
Рука жены и дочери рука
Еще на легкой жизненной страницѣ
Ихъ пишутъ для меня, дабы потомъ
На гробовой гостепріимный камень
Перенести въ успокоенье скорби,
Въ воспоминаніе земнаго счастья,
Въ вознагражденіе любви земныя
И жизни вѣчныя на упованье.
И въ тихій мой пріютъ, отъ всѣхъ заботъ
Житейскаго живой оградой сада
Отгороженный, другъ минувшихъ лѣтъ,
Поэзія ко мнѣ порой приходитъ
Разсказами досугъ мой веселить.
И живъ въ моей душѣ тотъ свѣтлый образъ,
Который такъ ее очаровалъ
Во время оно.... Часто на краю
Небесъ, когда ужъ солнце сѣло, видимъ
Мы облака; изъ-за пурпурныхъ ярко
Выглядываютъ золотыя, свѣтлымъ
Вершинамъ горъ подобныя; и видитъ
Воображенье тамъ какъ будто область
Инаго міра. Такъ теперь созданьемъ
Мечты, какой-то областью воздушной
Лежитъ вдали минувшее мое;
И мнится мнѣ, что благодатный образъ,
Мной встрѣченный на жизненномъ пути,
По прежнему оттуда мнѣ сіяетъ.
Но онъ ужъ не одинъ, ихъ два; и прежній
Въ коронѣ, а другой въ вѣнкѣ живомъ
Изъ бѣлыхъ розъ, и съ прежнимъ сходенъ онъ
Какъ расцвѣтающій съ расцвѣтшимъ цвѣтомъ;
И на меня онъ свѣтлый взоръ склоняетъ
Съ такою-же привѣтною улыбкой,
Какъ тотъ, когда его во снѣ я встрѣтилъ.
И имя имъ одно. И нынѣ я
Тѣмъ милымъ именемъ послѣдній цвѣтъ,
Поэзіей мнѣ данный, знаменую
Въ воспоминаніе всего, что было
Сокровищемъ тѣхъ свѣтлыхъ жизни лѣтъ,
И что теперь такъ сладостно чаруетъ
Покой моей отвечерѣвшей жизни.

м. изъ одиссеи (1849). [105]

...... Златотронная Эос явилась
На небѣ; въ домъ свой богиня [106] пошла, разлучившись со мною.
Я жъ, къ своему кораблю возвратясь, повелѣлъ, чтобъ не медля
Спутники всѣ на него собрались и канатъ отвязали;
Всѣ на него собралися и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Былъ намъ на темныхъ водахъ провожатымъ надежнымъ попутный
Вѣтеръ, пловцамъ благовѣющій другъ, парусовъ надуватель,
Посланъ привѣтнорѣчивою, свѣтлокудрявой богиней.
Всѣ корабельныя снасти порядкомъ убравъ, мы спокойно
Плыли; корабль нашъ бѣжалъ, повинуясь кормилу и вѣтру.
Я жъ, обратяся къ сопутникамъ, такъ имъ сказалъ сокрушенный:
Должно не мнѣ одному, и не двумъ лишь, товарищи, вѣдать
То, что намъ всѣмъ благосклонно богиня богинь предсказала:
Все вамъ открою, чтобъ, зная свой жребій, могли вы безстрашно
Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей избѣгнуть.

Прежде всего отъ волшебнаго пѣнья Сиренъ и отъ луга
Ихъ цвѣтоносного намъ уклониться велѣла богиня;
Мнѣ же ихъ голосъ услышать позволила; прежде однако
Къ мачтѣ меня корабельной веревкой надежною плотно
Вы привяжите, чтобъ былъ я совсѣмъ неподвиженъ; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтобъ сняли съ меня вы
Узы—двойными скрутите мнѣ узами руки и ноги.
Такъ говорилъ я, лишь нужное людямъ моимъ открывая.
Тою порой крѣпкозданный корабль нашъ, плывя, приближался
Къ острову страшныхъ Сиренъ, провожаемый легкимъ попутнымъ
Вѣтромъ; но вдругъ успокоился вѣтеръ и тишь воцарилась
На морѣ: Демонъ угладилъ пучины зыбучее лоно.
Вставши, товарищи парусъ ненужный свернули, сцѣпили
Съ мачты его, уложили на палубѣ, снова на лавки
Сѣли и гладкими веслами вспѣнили тихія воды.
Я же, не медля, медвянаго воску укругъ изрубивши
Въ мелкія части мечемъ, раздавилъ на могучей ладони
Воскъ; и мгновенно онъ сдѣлался мягкимъ; его благосклонно
Геліосъ, богъ жизнодатель, лучемъ разогрѣлъ теплоносным
Уши товарищамъ воскомъ тогда заклеилъ я; меня же
Плотной веревкой они по рукамъ и ногамъ привязали
Къ мачтѣ такъ крѣпко, что было нельзя мнѣ ничѣмъ шевельнуться.
Снова подъ сильными веслами вспѣнилась темная влага.
Но въ разстояньи, въ какомъ призывающій голосъ бываетъ
Внятенъ, Сирены увидѣли мимо плывущій корабль нашъ.
Съ брегомъ онъ ихъ поровнялся; онѣ звонкогласно запѣли:
«Къ намъ, Одиссей богоравный, великая слава Ахеянъ,
Къ намъ съ кораблемъ подойди; сладкопѣньемъ Сиренъ насладися;
Здѣсь ни одинъ не проходитъ съ своимъ кораблемъ мореходецъ,
Сердцеусладнаго пѣнья на нашемъ лугу не послушавъ;
Кто же насъ слышалъ, тотъ въ домъ возвращается, многое свѣдавъ.
Знаемъ мы все, что случилось въ Троянской землѣ, и какая
Участь по волѣ безсмертныхъ постигла Троянъ и Ахеянъ;
Знаемъ мы все, что на лонѣ земли многодарной творится».
Такъ насъ онѣ сладкопѣньемъ плѣнительнымъ звали. Влекомый
Сердцемъ ихъ слушать, товарищамъ подалъ я знакъ, чтобъ не медля
Узы мои разрѣшили: они же удвоенной силой
Начали гресть; а, ко мнѣ подошедъ, Перимедъ съ Эврилохомъ
Узами новыми крѣпче мнѣ руки и ноги стянули.
Но когда удалился корабль нашъ и болѣе слышать
Мы не могли ужъ ни гласа, ни пѣнья Сиренъ бѣдоносныхъ,
Вѣрные спутники вынули воскъ размягченный, которымъ
Уши я имъ заклеилъ и меня отвязали отъ мачты.
Островъ Сиренъ потеряли мы изъ виду. Вдругъ я увидѣлъ
Дымъ и волненья великаго шумъ повсемѣстный услышалъ.
Выпали весла изъ рукъ у гребцевъ устрашенныхъ; повиснувъ

Праздно, онѣ по волнамъ, колыхавшимъ ихъ, бились; а судно
Стало, понеже не двигались весла, его принуждавшія къ бѣгу.
Я же его обѣжалъ, чтобъ людей ободрить оробѣлыхъ;
Каждому сдѣлавъ привѣтствіе, ласково всѣмъ имъ сказалъ я:
Спутники, въ бѣдствіяхъ мы не безопытны; все мы сносили
Твердо; теперь же бѣда предстоитъ не страшнѣе постигшей
Насъ, заключенныхъ въ пещерѣ свирѣпою силой Циклопа.
Мужествомъ, хитрымъ умомъ и совѣтомъ разумнымъ тогда я
Всѣхъ васъ избавилъ; о томъ не забыли вы, думаю; будьте жъ
Смѣлы и нынѣ, исполнивъ покорно все то, что велю вамъ.
Силу удвойте, гребцы, и дружнѣе по влагѣ зыбучей
Острыми веслами бейте; быть можетъ, Зевесъ покровитель
Намъ отъ погибели близкой уйти невредимо поможетъ.
Ты же вниманіе, кормщикъ, удвой; на тебя попеченье
Главное я возлагаю—ты правишь кормой корабельной:
Въ сторону долженъ ты судно отвесть отъ волненья и дыма,
Видимыхъ близко; держися на этотъ утесъ, чтобъ не сбиться
Въ бокъ по стремленью — иначе корабль несомнѣнно погибнетъ.
Такъ я сказалъ: все исполнилось точно и скоро; о Скиллѣ жъ
Я помянуть не хотѣлъ: неизбѣжно чудовище было;
Весла бъ они побросали отъ страха и, гресть переставши,
Праздно бъ столпились внутри корабля въ ожиданьи напасти.
Самъ же я, вовсе забывъ повелѣніе строгой Цирцеи,
Мнѣ запретившей оружіе брать для напраснаго боя,
Славныя латы на плечи накинулъ и, два мѣдноострыхъ
Въ руки схвативши копья, подошелъ къ корабельному носу
Въ мысляхъ, что прежде туда изъ глубокаго жадная Скилла
Бросится лога и тамъ ей попавшихся первыхъ похититъ.
Тщетно искалъ я очами ее; утомилъ лишь напрасно
Очи, стараясь проникнуть въ глубокое нѣдро утеса.
Въ страхѣ великомъ тогда проходили мы тѣснымъ проливомъ;
Скилла грозила съ одной стороны, а съ другой пожирала
Жадно Харибда соленую влагу: когда извергались
Воды изъ чрева ея, какъ въ котлѣ, на огнѣ раскаленномъ,
Съ свистомъ кипѣли онѣ, клокоча и буровясь; и пѣна
Вихремъ взлетала на обѣ вершины утесовъ; когда же
Волны соленаго моря обратно глотала Харибда,
Внутренность вся открывалась ея: передъ зѣвомъ ужасно
Волны сшибались, а въ нѣдрѣ утробы открытомъ кипѣли
Тина и черный песокъ. Мы, объятые ужасомъ блѣднымъ,
Въ трепетѣ очи свои на грозящую гибель вперяли.
Тою порой съ корабля шестерыхъ, отличавшихся бодрой
Силой товарищей, разомъ схватя ихъ, похитила Скилла;
Взоръ на корабль и на схваченныхъ вдругъ обративши, успѣлъ я
Только ихъ руки и ноги вверху надъ своей головою
Мелькомъ примѣтить: они въ высотѣ призывающимъ гласомъ

Имя мое прокричали съ послѣднею скорбію
сердца.
Такъ рыболовъ, съ каменистаго берега
длинно-согбенной
Удой кидающій въ воду коварную рыбамъ
приманку,
Рогомъ быка луговаго ихъ ловитъ; потомъ, изъ воды ихъ
Выхвативъ, на берегъ жалко трепещущихъ
быстро бросаетъ:
Такъ трепетали они въ высотѣ, унесенные жадною Скиллой.
Тамъ передъ входомъ пещеры она сожрала
ихъ, кричащихъ
Громко и руки ко мнѣ простирающихъ въ
лютомъ терзаньи.
Страшное тутъ я очами узрѣлъ и страшнѣй ничего мнѣ
Зрѣть никогда въ продолженіи странствій
моихъ не случалось.

[1]) Отдѣльныя изданія сочиненій и переводовъ Жуковскаго, Василія Андреевича (1784—1852):

Мальчикъ у ручья, или постояннаа любовь, повѣсть Коцебу, пер. съ нѣм., 4 ч. (1801; 2-ое изд. 1819).

Донъ Кишотъ ла Манхскій, соч. Сервантеса, пер. съ франц. Флоріанова перевода, 6 ч. (1805; 2-ое изд. 1815).

Пѣснь барда надъ гробомъ Славянъ побѣдителей. Посвящается неустрашимымъ защитникамъ отечества (1807).

Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ (1813). См. ниже прим. 82.

Князю Смоленскому (1813).

Императору Александру (1815).

Пѣвецъ въ Кремлѣ (1816).

Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, старинная повѣсть (1817). См. ниже, прим. 71.

Für Wenige. Для немногихъ (1818). См. ниже прим. 95.

Е. И. В. Государынѣ Великой Княгинѣ Александрѣ Өеодоровнѣ (1818).

Подробный отчетъ о лунѣ, представленный Е. И. В. Государынѣ Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ 1820 іюня 18, въ Павловскѣ (1820).

Шильонскій узникъ, пер. изъ Байрона (1822).

Пустынникъ, Ангелъ и Пѣвецъ (1823). Тоже (1824).

Чувства предъ гробомъ Государыни Императрицы Маріи Өеодоровны въ ночи на канунѣ погребенія тѣла Ея Величества (1828).

На взятіе Варшавы. Три стихотворенія (одно А. Жуковскаго и два А. Пушкина). 1831.

Русская слава. Стихотвореніе (1831).

Князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну (1833).

Воспоминаніе о торжествѣ 30 августа 1834 г. (1834).

Ундина, старинная повѣсть, разсказанная на нѣм. яз. въ прозѣ барономъ Ламотъ-Фуке, на русскомъ въ стихахъ В. Жуковскимъ (1837).

Бородинская годовщина (1839).

Наль и Дамаянти, индійская повѣсть (1844).

Письмо къ кн. П. А. Вяземскому, объ его стихотвореніи: «Святая Русь» (1848).

Письмо В. А. Жуковскаго графу С. С. Уварову объ Одиссеѣ, вмѣстѣ съ отвѣтомъ Уварова (изъ 4-го выпуска 1-го тома Извѣстій 2-го отд. Ак. Н.).

Письмо къ А. Я. Булгакову (1858).

Вѣра и умъ. Истина. Статьи изъ ненапечатанныхъ сочиненій (1859).

Сказка объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ (1859).

Собраніе сочиненій Жуковскаго имѣло пять изданій. *Первое*: «Стихотворенія В. Жуковскаго», 2 ч. (1815—1816). *Второе*, подъ тѣмъ же названіемъ, 3 ч. (Спб. 1818); 4-ая часть: «Опыты въ прозѣ», нап. въ Москвѣ 1818 (второе, умноженное изданіе прозаическихъ сочиненій вышло въ Спб. 1826). *Третье*, исправленное и умноженное, содержащее въ себѣ одни стихотворенія, 3 ч. (1824). *Четвертое*, исправленное и умноженное, 9 ч., изъ коихъ 7-ая заключаетъ въ себѣ прозу (первыя восемь 1835—1837; послѣдняя—1844). *Пятое* въ 13 ч. (первыя девять въ Карлсруэ, 1849; послѣднія четыре въ Спб. 1857).

Кромѣ того баллады и повѣсти имѣли отдѣльное изданіе (2 ч., 1831).

Переводы въ прозѣ, 5 ч. (1816—1817; 2-е изд., въ 3 ч., 1827).

[2]) Пол. и пр. препровожденіе времени, ч. 16 (1797). Въ этомъ же году Жуковскій поступилъ въ универ. благородный пансіонъ. Извѣстный библіографъ С. Д. Полторацкій сообщилъ профессору Московскаго университета, Н. С. Тихонравову, что первымъ изъ напечатанныхъ произведеній Жуковскаго было слѣдующее четверостишіе «на случай рожденія в. к. Николая Павловича», помѣщенное въ журналѣ Мартынова: «Муза» (1796 г., іюль):

Грозамъ ли древо всколебать
Корнями въ Нордѣ укрѣпленно?
Для вѣчныхъ отраслей рожденно—
Дерзнутъ ли громы устрашать?

Издатель сдѣлалъ объ этихъ стихахъ такое замѣчаніе: «сочинитель сей аллегоріи—маленькій, крошечный стихотворецъ. Какой лучъ надежды блеститъ на зарѣ его!» Если сообщеніе г. Полторацкаго будетъ подтверждено болѣе подробными указаніями, то окажется, что стихи Жуковскаго сочинены на 14-мъ году жизни (Отеч. Зап. 1855, № 1, разборъ сочиненія Дмитріева: «Мелочи изъ запаса моей памяти»). Впрочемъ, четверостишіе подписано буквами В. Р., а не В. Ж. Начальные литературные опыты Жуковскаго печатались въ журналахъ: «Полез. и пріят. препровожденіе времени» и «Иппокрена», и потомъ въ 1-ой кн. Утренней Зари (1800). Въ первомъ журналѣ, прозаическія піесы: «Мысли при гробницѣ (1797, ч. 16), «Миръ и война», «Жизнь и источникъ» (1798, ч. 20), и стихотворенія: «Майское утро» (ч. 16) и «Добродѣтель» (1798, ч. 17); во второмъ: переводъ изъ Spectateur du Nord краткаго отчета о сочиненіяхъ Леонарда по поводу полнаго ихъ изданія (1798, ч. 4) и стихи «Платону неподражаемому, достойно славящему Господа» (1801, ч. 8); въ Ут. Зарѣ: «Могущество, слава и благоденствіе Россіи», «Къ Тибуллу на прошедшій вѣкъ» (стихотворенія), «Мысли на кладбищѣ», «Истинный герой» и «Къ Надеждѣ» (лирическая проза). Кромѣ того, въ 1798 г., онъ произнесъ благодарственную рѣчь на актѣ благор. пансіона (она нап. въ III ч. Москвитянина на 1847 г.) и написалъ стихи на новый 1800 г. (Моск. Вѣдом. 1800, № 1). Отрывки изъ этихъ сочиненій, съ нѣкоторыми объясненіями, я привелъ въ 1-ой ст. моей о Жуковскомъ (Отеч. Зап. 1852, № XI). Метръ стихотворенія «Майское утро» одинаковъ съ метромъ пьесы Державина: «На кончину великой княжны Ольги Павловны».

³) Вѣст. Евр. 1802, № 24. Отсюда перепечатано въ Утр. Зарѣ (1803, кн. 3) и въ Избран. сочиненіяхъ изъ Утр. Зари (1809, ч. 1). Переводъ элегіи англійскаго поэта Грея (+ 1771), посвященный Андрею Тургеневу, Жуковскій называетъ своимъ *первымъ напечатаннымъ* стихотвореніемъ (въ примѣчаніи къ 5 т. изд. 1849, въ Карлсруэ). Эти слова надобно понимать такъ, что «Сельское кладбище» было *первымъ* произведеніемъ, которое авторъ призналъ достойнымъ занять мѣсто въ собраніи его сочиненій. Оно замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ: имъ открывается, въ нашей поэзіи, господство элегическаго рода, смѣнившаго оду, и съ него же начался новый періодъ въ образованіи нашего стиха—періодъ стиха мелодическаго, свойственнаго романтизму. Слѣдующіе варіанты приведены по послѣднему (пятому) изд. сочиненій Жуковскаго.

⁴) Таясь.

⁵) Вм. двухъ предъидущихъ стиховъ:

Той башни, сѣтуетъ, внимаема луной,
На возмутившаго полуночнымъ приходомъ.

⁶) Подъ кровомъ.

⁷) Которые окрестъ, развѣсившись, стоятъ.

⁸) Денницы тихій гласъ, дня юнаго дыханье.

⁹) Ни звучный гулъ.

¹⁰) Ни ранней ласточки на кровлѣ щебетанье.

¹¹) На дымномъ очагѣ трескучій огнь сверкая.

¹²) И дѣти рѣзвыя, встрѣчать ихъ выбѣгая.

¹³) Унижаютъ.

¹⁴) Смѣяся въ слѣпотѣ.

¹⁵) Съ холодностью презрѣнія.

¹⁶) И путь.

¹⁷) Напрасно.

¹⁸) Спѣшите презирать.

¹⁹) Не мыслитъ.

²⁰) Гремитъ.

²¹) И гробожитель.

²²) Строгою нуждою (вм. не родясь, не волей).

²³) Сіяетъ.

²⁴) Сограждан (вм. сельскихъ правъ).

²⁵) Отечество хранить.

²⁶) Съ бурей.

²⁷) Того имъ не далъ.

²⁸) Кругъ тѣсный (вм. предѣлы).

²⁹) Совѣсти.

³⁰) И здѣсь спокойно спятъ подъ сѣнью гробовою.

³¹) Въ пріютѣ.

³²) Съ непышной надписью и рѣзьбою.

³³) Прохожаго зоветъ.

³⁴) Окрестъ библейскую мораль.

³⁵) По коей.

³⁶) Разставался.

³⁷) Предавалъ.

³⁸) Томнаго.

³⁹) Ахъ! нѣжная душа.

⁴⁰) Ихъ сердце милый гласъ.

⁴¹) Слышитъ.

⁴²) Нашъ.

⁴³) Для нихъ одушевленъ.

⁴⁴) Мечтой сопровожденный.

⁴⁵) Съ почтенной.

⁴⁶) Такъ будетъ о тебѣ пришельцу.

⁴⁷) Тамъ въ полдень.

⁴⁸) Задумавшись, надъ свѣтлою (вм. надъ тихою, прозрачною)

⁴⁹) Нерѣдко.

⁵⁰) Прискорбный, сумрачный, съ главою наклоненной.

⁵¹) Которому ничѣмъ души не усладить.

⁵²) Взошла заря, но онъ съ зарею.

[53]) Опять заря взошла.
[54]) Искалъ (вм. нигдѣ)
[55]) Мы слышимъ.
[56]) Несутъ.
[57]) Приблизься, прочитай.
[58]) Безвременно (вм. въ сырой землѣ).
[59]) Вм. послѣднихъ четырехъ стиховъ:

Прохожій, помолись надъ этою могилой;
Онъ въ ней нашелъ пріютъ отъ всѣхъ земныхъ тревогъ;
Здѣсь все оставилъ онъ, что въ немъ грѣховно было,
Съ надеждою, что живъ его Спаситель-Богъ.

Находясь, въ 1839 г., въ Виндзорѣ, Жуковскій посѣтилъ кладбище, подавшее Грею поводъ написать его элегію (оно находится неподалеку отъ Виндзора), перечиталъ ее и снова перевелъ какъ можно ближе къ подлиннику. Сличи этотъ новый переводъ (Стихотв. Жуковскаго, т. V, изд. 1849) съ прежнимъ переводомъ.

[60]) «Людмила, русская баллада. Подражаніе Биргеровой Ленорѣ» (В. Евр. 1808, № 9). Варіанты приведены по изд. 1849 г.
[61]) Возвратились незабвенны!
[62]) Вм. послѣднихъ трехъ стиховъ:

Гдѣ твоя, Людмила, радость?
Ахъ! прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нѣтъ!

[63]) Мать со страхомъ.
[64]) Райскій (вм. счастья).
[65]) Безотрадная.
[66]) Отъ.
[67]) По буграмъ.
[68]) Здѣсь быстрый бѣгъ коня изображенъ соотвѣтствующими быстротѣ словами.
[69]) Сравни съ этимъ хороводомъ тѣней рой бѣсовъ въ балладѣ А. Пушкина: «Бѣсы».
[70]) Какъ усопшихъ (Вар.).

Успѣхъ Людмилы почти равнялся успѣху Бѣдной Лизы, Карамзина: оба сочиненія производили на современныхъ читателей такое впечатлѣніе, какое мы теперь съ трудомъ можемъ себѣ представить. Самъ авторъ любилъ это стихотвореніе, отъ котораго баллада ведетъ свое начало въ нашей поэзіи («Громвалъ», Каменева, не нашелъ подражаній). Позднѣе (1829) онъ перевелъ Ленору, безъ всякихъ измѣненій. Сличи также этотъ переводъ (Соч. Жук., 1849, т. IV) съ Людмилой.

[71]) В. Евр. 1811, № 4. Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Русская баллада. Ал. Ан. Прат...вой (Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, въ послѣдствіи Воейковой):

Желала ты моихъ стиховъ—
Вотъ длинная баллада!
Пусть слава для другихъ пѣвцовъ;
Твой взоръ моя награда.
Но чѣмъ же кончу я куплетъ?
Еще одно желанье:
Цвѣти, мой несравненный цвѣтъ,
Сердецъ очарованье!
Печаль по слуху только знай,
Будь радостію свѣта,
Моихъ стиховъ хоть не читай,
Но другомъ будь поэта.

Варіанты приведены по изд. 1849.
[72]) Него.
[73]) Съ поникшей головой.
[74]) Съ шершавой.
[75]) Приблизился.
[76]) Изъ.
[77]) Сокрылся.
[78]) Послѣдній.
[79]) Напрасное.
[80]) Ихъ адской (вм. геенской).
[81]) Сказалъ.

Старинная повѣсть: «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», состоитъ изъ двухъ балладъ— «Громобоя» и «Вадима». Содержаніе первой баллады: Громобой, продавъ свою душу Асмодею за десять лѣтъ роскошной жизни, получаетъ отсрочку на двѣнадцать лѣтъ за души двѣнадцати дочерей. Послѣ того онъ началъ вести благочестивую жизнь и въ раскаяньи нашелъ спасенье. Святой угодникъ, котораго ликъ онъ чтилъ въ построенномъ имъ храмѣ, спасаетъ своимъ заступничествомъ и его и невинныхъ дѣвъ. По слову ангела-мстителя, отецъ умираетъ, а дѣвы погружаются въ безпробудный сонъ и переносятся въ чудесно-воздвигнутую обитель, огражденную гранитной стѣной. Искупителемъ ихъ будетъ чистый душой,

Кто ихъ не зрѣвши, распаленъ
Одной изъ нихъ красою,
Придетъ, житейское презрѣвъ,
Въ забвенну ихъ обитель.

Этотъ искупитель — новгородскій юноша Вадимъ, плѣнявшій всѣхъ красотою, мужествомъ и простосердечіемъ. Онъ есть герой второй баллады, посвященной авторомъ Д. Н. Блудову:

Вотъ повѣсти моей конецъ—
И другу посвященье!
Пѣвцу жъ смиренному вѣнецъ
Будь дружбы одобренье.
Вадимъ мой росъ въ твоихъ глазахъ;
Твой вкусъ былъ мнѣ учитель;
Въ моихъ запутанныхъ стихахъ,
Какъ тайный вождь-хранитель,
Онъ путь мнѣ къ цѣли проложилъ.
Но въ пользу ли услуга?
Не знаю.... Дѣвъ я разбудилъ:
Не усыпить бы друга.

Вадимъ изданъ въ 1817 г., вмѣстѣ съ первой половиной повѣсти. Переносясь мыслію за шесть или за семь лѣтъ назадъ (*), ко времени появленія Громобоя, поэтъ предпослалъ изданію превосходное стихотвореніе, въ которомъ самымъ задушевнымъ образомъ выражена «тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ». Вотъ эта элегія вполнѣ:

Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній,
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній
Тѣснишься ты, Мечта, въ душѣ моей....
Приди-жъ, о другъ! дай прежнихъ вдохновеній,
Минувшею мнѣ жизнію повѣй,
Побудь со мной, продли очарованья,
Дай сладкаго вкусить воспоминанья.

Ты образы веселыхъ лѣтъ примчала—
И много милыхъ тѣней возстаетъ;
И то, чѣмъ жизнь столь нѣкогда плѣняла,
Что рокъ, отнявъ, назадъ не отдаетъ,
То все опять душа моя узнала;
Проснулась Скорбь, и Жалоба зоветъ
Сопутниковъ, съ пути сошедшихъ прежде
И здѣсь вотще повѣрившихъ надеждѣ.

Къ нимъ не дойдутъ послѣдней пѣсни звуки;
Разсѣянъ кругъ, гдѣ первую я пѣлъ;
Не встрѣтятъ ихъ простертыя къ нимъ руки;
Прекрасный сонъ ихъ жизни улетѣлъ.
Другихъ умчалъ могущій Духъ разлуки;
Счастливый край, ихъ знавшій, опустѣлъ;
Разбросаны по всѣмъ дорогамъ міра—
Не имъ поетъ задумчивая лира.

И снова въ томномъ сердцѣ воскресаетъ
Стремленье въ оный таинственный свѣтъ;
Давнишній гласъ на лирѣ оживаетъ,
Чуть слышимый, какъ Генія полетъ;
И душу хладную разогрѣваетъ
Опять тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ;
Все близкое мнѣ зрится отдаленнымъ,
Отжившее, какъ прежде, оживленнымъ.

Элегія Жуковскаго—не оригинальная піеса, а вольное переложеніе «посвященія», которое Гете написалъ передъ Фаустомъ, когда кончилъ вторую часть этой драмы. Жуковскій воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что между началомъ и окончаніемъ баллады его также очутился значительный промежутокъ времени, какъ у Гете между 1-ою и 2-ою ч. Фауста. Прилагаемъ стихи нѣмецкаго поэта въ переводѣ Губера (Сочиненія Э. И. Губера, 1859, т. 2):

Со мной опять воздушный рой видѣній!
Ихъ образы я снова познаю!
Но удержу-ль таинственныя тѣни,
Приму-ли вновь ихъ на душу мою?
Вотъ ближе онъ, мой давній, милый геній!
Отъ грустныхъ думъ я снова возстаю;
Какъ прежде, грудь живымъ огнемъ согрѣта
Отъ дивнаго волшебнаго привѣта!

О прежнихъ дняхъ ко мнѣ мечта нисходитъ
И милыя я вижу тѣни вновь;
На память мнѣ, какъ будто сонъ приходитъ
И первый другъ, и первая любовь;
И снова грусть въ сѣдую даль уводитъ,
Былые дни напоминаетъ вновь,
И въ счастіи обманутыхъ могилой
Моихъ друзей сзываетъ образъ милый.

Они не слышатъ новыхъ пѣснопѣній,
Кто первыхъ пѣсенъ принялъ робкій звукъ;
Замолкъ привѣтъ сердечныхъ одобреній,
Моихъ друзей разсѣянъ тѣсный кругъ.
Чужой народъ—свидѣтель огорченій,
И страшенъ мнѣ вѣнецъ изъ этихъ рукъ!
Кто мнѣ внималъ, кто радовался лирѣ,
Въ чужихъ странахъ, въ иномъ блуждаетъ мірѣ.

И я стремлюсь невѣдомой мечтою
Въ туманный край невидимыхъ духовъ;
И въ робкій звукъ надъ трепетной струною
Сливается пѣснь; я полонъ смутныхъ сновъ;
Слеза въ очахъ смѣняется слезою;
Для новыхъ чувствъ уста не имутъ словъ;
Все близкое въ туманѣ исчезаетъ,
Все прежнее яснѣе оживаетъ.

(*) Громобой явился въ 4 № В. Евр. 1814, но сочиненъ, конечно, раньше: въ 5-мъ изд. Сочин. Жуковскаго (1849) выставленъ 1810 г.

[82]) «В. Евр. 1812, № 23 и 24. Писано послѣ отдачи Москвы передъ сраженіемъ при Тарутинѣ». Отдѣльныя изданія этого стихотворенія: «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ (1813)», безъ примѣчаній.—Второе, исправленное изданіе (1813). Съ примѣчаніями и съ описаніемъ виньета и кашки (т. е. заставки, выпечатываемой при концѣ главы или всей книги для украшенія). Примѣчанія написаны Д. Д. (Дмитріемъ Васильевичемъ Дашковымъ), а описаніе принадлежитъ А. О. (Алексѣю Николаевичу Оленину). Но ни виньетки, ни заставки нѣтъ.—Другое изданіе того же, съ виньеткой и заставкой (1813). Виньетка представляетъ ночь. При лунномъ сіяніи видно широкое поле, и на немъ вдали расположенъ станъ русскихъ воиновъ. Ближній планъ занятъ могильными холмами. На одномъ изъ нихъ отдыхающій земледѣлецъ оставилъ до другаго утра свою соху и заступъ, подлѣ которыхъ лежитъ заржавѣлый шлемъ, вырытый нечаянно этими мирными орудіями. Надъ станомъ, въ высотѣ, мчатся тѣни великихъ мужей нашихъ—Святослава, Донскаго, Петра.

[83]) Взываетъ (варіанты по изданію 1849 г.).

[84]) Взлетѣли.

[85]) Въ изд. 1849 г., вм. этихъ четырехъ стиховъ стоятъ предъидущіе четыре: «Не измѣнимъ: мы отъ отцовъ», и пр.

[86]) «В. Евр, 1813, № 1 и 2. (Ал. Ан-Пр....вой). См. прим. 71. Варіанты по изд. 1849.

[87]) Съ тайной робостью.

[88]) Глазами.

[89]) Хоръ.

[90]) Воронъ каркаетъ.

[91]) Взрывая.

[92]) Все тотъ же.

[93]) В. Евр. 1815, № 15. Одна изъ лучшихъ оригинальныхъ элегій Жуковскаго. Здѣсь ясно изображены неизмѣнныя чувства поэта. Это какъ бы сердечная его исповѣдь, которая неоднократно высказывалась имъ и прежде, и послѣ того. Сличи съ нею то мѣсто изъ разсужденія: «Кто истинно-добрый и счастливый человѣкъ» (1808), гдѣ предложены утѣшенія въ семейныхъ горестяхъ, и еще начало XVI-ой главы Ундины (1837). Въ 17 № В. Евр. 1819 нап. переводъ изъ нѣм. стихотворца Залиса (+ 1834): «Утѣшеніе добрыхъ», представляющій нѣчто родственное съ Теономъ и Эсхиномъ.

[94]) Вар.: утрата безсильна.

[95]) «Für Wenige. Для немногихъ», № 6-ой, іюнь (вновь напеч. въ Полярной звѣздѣ на 1823 г.). Вотъ что говоритъ П. А. Плетневъ о книжкахъ, выходившихъ подъ этимъ названіемъ: «Въ 1817 г. Жуковскій былъ избранъ для преподаванія уроковъ русскаго языка государынѣ великой княгинѣ (въ послѣдствіи императрицѣ) Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Августѣйшая слушательница его помнила наизусть лучшія небольшія стихотворенія изъ первоклассныхъ нѣмецкихъ поэтовъ. Жуковскій началъ переводить эти перлы поэзіи (Живописный Сборникъ, 1859, т. 3). Переводы съ приложеніемъ подлинниковъ (texte en regard) печатались въ Москвѣ (1818), гдѣ въ то время находился дворъ. Всего вышло шесть небольшихъ книжечекъ, за шесть мѣсяцевъ, съ январь по іюль. Въ продажѣ ихъ никогда не было: переводчикъ раздавалъ ихъ «немногимъ» особамъ, что и внушило А. Пушкину особое къ нему посланіе, гдѣ, между прочимъ, читаемъ:

Ты правъ, творишь ты для *немногихъ*:
Не для завистливыхъ судей,
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.

По рѣдкости изданія: «Für Wenige», выписываемъ оглавленіе помѣщенныхъ въ немъ піесъ:

№ 1. *Генварь*: Рыцарь Тогенбургъ; Утѣшеніе въ слезахъ; Жалоба пастуха; Пѣсня (Кольцо души дѣвицы я въ море уронилъ); Мина (я знаю край! тамъ нѣгой дышитъ лѣсъ); Рыбакъ, баллада.

№ 2. *Февраль*: Овсяный кисель; Новая любовь—новая жизнь; Воспоминаніе (съ франц.); Листокъ (съ франц.); «Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ»; Къ мѣсяцу.

№ 3. *Мартъ*: Тлѣнность; Утренняя звѣзда; Вѣрность до гроба; Юлія. Голосъ съ того свѣта.

№ 4. *Апрѣль*: Горная пѣсня: Деревенскій сторожъ въ полночь; Лѣсной царь; Лѣтній вечеръ.

№ 5. *Май*: Е. И. В. великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (оригинальное стихотвореніе); Графъ Габсбургскій.

№ 6. *Іюнь*: Прологъ изъ Орлеанской Дѣвы (безъ приложенія подлинника).

[96]) «Сынъ Отеч., 1821, № 20». Ангелъ и Пери есть одинъ изъ четырехъ разсказовъ въ поэмѣ англійскаго поэта Томаса Мура: «Лалла-Рукъ». Другіе разсказы: «Закрытый пророкъ Хорасана», «Свѣтъ Харема», «Поклонники огня» (послѣдній, въ прозаическомъ переводѣ Н. Бестужева, нап. въ 11 и 12 №№ Соревнователя просвѣщенія, 1821). Остальное содержаніе поэмы, которымъ связаны разсказы, также переведено на рус. яз. (см. Лалла-Рукъ, 1830). О времени, къ которому относится переводъ Ангела и Пери, мы читаемъ въ ст. г. Плетнева: «Жуковскій» (Живоп. Сбор., 1853, т. 3): «Наступилъ 1821 годъ— и Жуковскій, въ числѣ особъ, сопровождавшихъ великаго князя (въ послѣдствіи императора Николая I) и его супругу, отправился за границу... Великолѣпныя празднества, приготовленныя въ Берлинѣ въ честь августѣйшихъ гостей, вдохновляли поэта. «Лалла-Рукъ» Мура навела берлинскій дворъ на мысль устроить чудный маскарадъ въ восточномъ вкусѣ. Представленіе героини поэмы удостоила принять на себя великая княгиня. По этому случаю Жуковскій написалъ два стихотворенія: «Лалла-Рукъ» и «Явленіе поэзіи въ видѣ Лалла-Рукъ» (оба 1821 г.). Представляемъ здѣсь первое:

Милый сонъ, души плѣнитель,
Гость прекрасный съ вышины,
Благодатный посѣтитель
Поднебесной стороны!
Я тобою насладился
На минуту, но вполнѣ:
Добрымъ вѣстникомъ явился
Здѣсь небеснаго ты мнѣ.

Мнилъ я быть въ обѣтованной
Той землѣ, гдѣ вѣчный миръ;
Мнилъ я зрѣть благоуханный,
Безмятежный Кашемиръ;

Видѣлъ я: торжествовали
  Праздникъ розы и весны,
И пришелицу встрѣчали
  Изъ далекой стороны.

И блистая, и плѣняя—
  Словно Ангелъ неземной—
Непорочность молодая
  Появилась предо мной;
Свѣтлый завѣсъ покрывала
  Отѣнялъ ея черты,
И застѣнчиво склоняла
  Взоръ умильный съ высоты.

Все—и робкая стыдливость
  Подъ сіяніемъ вѣнца,
И младенческая живость,
  И величіе лица,
И въ чертахъ глубокость чувства
  Съ безмятежной тишиной—
Все въ ней было безъ искуства
  Неописанной красой.

Я смотрѣлъ—а призракъ мимо
  (Увлекая душу вслѣдъ)
Пролеталъ невозвратимо;
  Я за нимъ—его ужъ нѣтъ!
Посѣтилъ, какъ упованье;
  Жизнь минуту озарилъ;
И оставилъ лишь преданье,
  Что когда-то въ жизни былъ.

Ахъ! не съ нами обитаетъ
  Геній чистой красоты;
Лишь порой онъ навѣщаетъ
  Насъ съ небесной высоты;
Онъ поспѣшенъ, какъ мечтанье,
  Какъ воздушный утра сонъ;
Но въ святомъ воспоминаньѣ
  Неразлученъ съ сердцемъ онъ.

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
  Бытія бываетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
  Благотворныя сердцамъ;
Чтобъ о небѣ сердцѣ знало
  Въ темной области земной,
Намъ туда сквозь покрывало
  Онъ даетъ взглянуть порой;

И во всемъ, что здѣсь прекрасно,
  Что нашъ міръ животворитъ,
Убѣдительно и ясно
  Онъ съ душею говоритъ;
А когда насъ покидаетъ,
  Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
  Онъ прощальную звѣзду.

[97]) «Полярная Звѣзда на 1824 г.» Описаніе Рафаэлевой Мадонны внесено въ Хрестоматію, какъ образецъ изящной прозы, принявшей, подъ перомъ Жуковскаго, поэтическій колоритъ.

[98]) Вм. послѣднихъ двухъ стиховъ, по 5-му изд. сочиненій Жук—го:

Намъ туда сквозь покрывало
Онъ даетъ взглянуть порой (*).

[99]) Сѣверные Цвѣты на 1829 г.

[100]) Вар.: тихій.

[101]) Вар.: Царь Зевесъ (вм. вѣчный Дій).

[102]) Вар.: отнялъ.

[103]) Переводъ Шиллеровой піесы: «Das Siegesfest», вѣроятно, былъ нап. въ Сѣв. Цвѣтахъ съ неполнаго списка, въ которомъ недоставало слѣдующихъ 12 стиховъ, внесенныхъ потомъ въ Собр. сочин.:

Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.

Вспомни матерь Ніобею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ недаромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.

[104]) «Наль и Дамаянти. Индѣйская повѣсть (1844)». Посвященіе этой поэмы в. к. Александрѣ Николаевнѣ написано въ Дюссельдорфѣ, 1843 г., гдѣ Жуковскій жилъ съ женою. Чтобъ уяснить себѣ содержаніе посвятительныхъ стиховъ, см. прим. 96. «Благодатные образы одного и того же имени, встрѣченные поэтомъ на жизненномъ пути»—Императрица Александра Θеодоровна и в. к. Александра-Николаевна.

[105]) Одиссея (8 и 9 т.т. Соч. Ж—го, въ 5 изд.). Отрывокъ взятъ изъ 12-ой пѣсни и содержитъ въ себѣ описаніе встрѣчи Одиссея съ Сиренами и плаваніе между утесовъ Сциллы и Харибды.

[106]) Цирцея, описавшая Одиссею опасности, которыя ему на пути предстояли.

(*) Стихи эти заимствованы изъ піесы: Лалла-Рукъ (см. прим. 96).

XXXI.

БАТЮШКОВЪ. (1).

А. ПОСЛАНІЕ КЪ МОИМЪ СОЧИНЕНІЯМЪ (1805). (2).

Sifflez-moi librement, je vous le rends, mes frères.
Voltaire.

Стихи мои! опять за васъ я принимаюсь;
Съ тѣхъ поръ, какъ съ музами, къ несчастью, обращаюсь,
Покою ни на часъ.... О мой враждебный рокъ!
Во снѣ и на яву кастальскій льется токъ!
Но съ етрастію писать не я одинъ родился:
Чуть стопы размѣрять кто только научился,
За славою бѣжитъ. И бѣдный риѳмотворъ
Въ награду обрѣтетъ не славу, но позоръ.
Куда ни погляжу, вездѣ стихи мараютъ,
Подъ кровлей пѣсенки и оды сочиняютъ;
И бѣдный «стукодѣй», что̀ прежде былъ капралъ,
Не знаю для чего теперь поэтомъ сталъ;
Нѣтъ хлѣба ни куска, а роскошь выхваляетъ,
И граціямъ стихи, голодный, сочиняетъ;
Пьетъ воду, а вино въ стихахъ льетъ черезъ край;
Филису намъ твердитъ: «Филиса, ты мой рай!»
Потомъ, возвысивъ тонъ, героевъ воспѣваетъ:
Въ стихахъ его и самъ Суворовъ умираетъ!
Бѣдняга! удержись; брось, брось писать совсѣмъ.
Не лучше ли тебѣ маршировать съ ружьемъ?
Плаксивинъ на слезахъ съ ума у насъ сошелъ:
Все пишетъ, что друзей на свѣтѣ не нашелъ!
Повѣрю: вѣдь съ людьми нельзя ему ужиться,
И такъ не мудрено, что съ ними онъ бранится.
Безриѳминъ говоритъ о милыхъ.... о сердцахъ,
Чувствительность души твердитъ въ своихъ стихахъ;
Но книгъ его—увы!—никто не покупаетъ,
Хотя и ***въ (3) въ газетахъ выхваляетъ.
Глупонъ за деньги радъ намъ всякаго бранить,
И даже онъ готовъ поэмой уморить.
Иному въ умъ придетъ, что вкусъ возстановляетъ,
Мы вѣримъ всѣ ему—кругами утверждаетъ!
Другой уже спѣшитъ намъ драму написать,
За коей будемъ мы не плакать, а зѣвать;
А третій наконецъ.... но можно ли помыслить
Всѣ глупости людей въ подробности исчислить?...
Напрасный будетъ трудъ, но въ немъ и пользы нѣтъ:
Сатирою нельзя перемѣнить намъ свѣтъ.
Зачѣмъ Безриѳмину (4) бумагу не марать?
Всякъ пишетъ для себя: зачѣмъ же не писать?
Дымъ славы, хоть пустой, любезенъ намъ, пріятенъ;
Глазъ разума—увы!—къ несчастію, не внятенъ.
Поэты есть у насъ, есть скучные врали,
Они не вверхъ летятъ, не къ небу, но къ земли.
Давно я самъ въ себѣ, давно уже признался,
Что въ мирѣ, въ тишинѣ мой вѣкъ бы провождался,
Когда бъ проклятый Фебъ мнѣ не вскружилъ весь умъ.
Я презрѣлъ бы тогда и славы тщетный шумъ,
И жилъ бы такъ, какъ ханъ во славномъ Кашемирѣ,
Не мысля о стихахъ, о музахъ и о лирѣ.
Но нѣтъ, стихи мои! безъ васъ нельзя мнѣ жить,

И дня безъ риомъ, безъ стопъ не можно проводить.
Къ несчастью моему, мнѣ надобно признаться:
Стихи, какъ женщины—намъ съ ними ли разстаться?...
Когда не любятъ насъ, хотимъ ихъ презирать,
Но все не престаемъ прекрасныхъ обожать!

в. Элегія (1805). (⁵).

Какъ счастье медленно приходитъ!
Какъ скоро прочь отъ насъ летитъ!
Блаженъ, за нимъ кто не бѣжитъ,
Но самъ въ себѣ его находитъ!
Въ печальной юности моей
Я былъ счастливъ одну минуту,
За то—увы!—и горесть люту
Терпѣлъ отъ рока и людей.
Обманъ надежды намъ пріятенъ,
Пріятенъ намъ хоть и на часъ;
Блаженъ, кому надежды гласъ
Въ самомъ несчастьи сердцу внятенъ!
Но прочь уже теперь бѣжитъ
Мечта, что прежде сердцу льстила:
Надежда сердцу измѣнила,
И вздохъ за нею вслѣдъ летитъ!
Хочу я часто заблуждаться,
Забыть невѣрную.... но нѣтъ!
Несносной правды ясенъ свѣтъ,
И должно мнѣ съ мечтой разстаться!
На свѣтѣ все я потерялъ,
Цвѣтъ юности моей увялъ;
Любовь, что счастьемъ мнѣ мечталась,
Любовь одна во мнѣ осталась!

в. Совѣтъ друзьямъ (1806). (⁶).

Faut-il etre tant volage,
Ai-je dit au doux plaisir.

Подайте мнѣ свирѣль простую,
Друзья! и сядьте вкругъ меня,
Подъ эту вяза тѣнь густую,
Гдѣ свѣжесть дышитъ среди дня;
Приближьтесь, сядьте и внемлите
Совѣту Музы вы моей:
Когда счастливо жить хотите,
Среди весеннихъ краткихъ дней,
Друзья, оставьте призракъ славы,
Любите въ юности забавы
И сѣйте розы на пути.
О юность красная, цвѣти!
И, токомъ чистымъ окропленна,
Цвѣти хотя немного дней,
Какъ роза миртомъ осѣненна,
Среди смѣющихся полей;
Но дай намъ жизнью насладиться,
Цвѣты на тернахъ находить.
Жизнь—мигъ! недолго веселиться,
Недолго намъ и въ счастьи жить!
Недолго, но печаль забудемъ,
Мечтать во сладкой нѣгѣ будемъ:
Мечта—прямая счастья мать.
Ахъ! должно ли всегда вздыхать
И въ майскій день не улыбаться?
Нѣтъ: станемъ лучше наслаждаться,
Плясать подъ тѣнію густой,
Съ прекрасной нимфой молодой;
Потомъ, обнявъ ее рукою,
Дыша любовію одною,
Тихонько будемъ воздыхать
И сердце къ сердцу прижимать.

Какое счастье! Вакхъ веселой
Густое здѣсь вино намъ льетъ;
А тутъ, въ одеждѣ тонкой, бѣлой,
Эрата нѣжная поетъ!
Часы крылаты, не летите!...
Ахъ, счастье мигомъ хоть продлите!
Но нѣтъ! бѣгутъ счастливы дни,
Бѣгутъ, летятъ стрѣлой они.
Ни лѣнь, ни сердца наслажденья
Не могутъ ихъ сдержать стремленья,
И время сильною рукой
Губитъ и радость и покой!

Луга веселые, зелены!
Ручьи прозрачны, милый садъ!
Вѣтвисты ивы, дубы, клены!
Подъ тѣнью вашею прохладъ
Ужель вкушать не буду болѣ?
Ужели скоро въ тихомъ полѣ,

Подъ сѣрымъ камнемъ стану спать?
И лира, и свирѣль простая
На гробѣ будутъ тамъ лежать;
Покроетъ ихъ трава густая,
Покроетъ—и ни чьей слезой
Прахъ хладный мой не окропится.
Ахъ, должно ль мнѣ о томъ крушиться?
Умру, друзья! и все со мной.

Но парки томною рукою
Прядутъ, прядутъ дней тонку нить;
Коринна и друзья со мною:
О чемъ же мнѣ теперь грустить?

Когда жизнь наша скоротечна,
Когда и радость здѣсь не вѣчна,
То лучше въ жизни пѣть, плясать,
Искать веселья и забавы
И мудрость съ шутками мѣшать,
Чѣмъ, бѣгая за дымомъ славы,
Отъ скуки и заботъ зѣвать.

г. Хлоѣ сочинительницѣ (1809). (7).

Ты Сафо, я Фаонъ: объ этомъ и не спорю;
Да къ моему ты горю
Пути не знаешь къ морю.

д. Посланіе къ Д. В. Дашкову (1812). (8).

Мой другъ! Я видѣлъ море зла
И неба мстительнаго кары,
Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары;
Я видѣлъ сонмы богачей,
Бѣгущихъ въ рубищахъ издранныхъ;
Я видѣлъ блѣдныхъ матерей,
Изъ милой родины изгнанныхъ!
Я на распутьи видѣлъ ихъ,
Какъ, къ персямъ чадъ прижавъ грудныхъ,
Онѣ въ отчаяньи рыдали
И съ новымъ трепетомъ взирали
На небо рдяное кругомъ.
Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священной
Слезами скорби омочилъ;
И тамъ—гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней;
И тамъ—гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыни не касаясь ихъ;
И тамъ—гдѣ роскоши рукою,
Дней мира и трудовъ плоды,
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады—
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры!...
А ты, мой другъ, товарищъ мой,
Велишь мнѣ пѣть любовь и радость,
Безпечность, счастье и покой
И шумную за чашей младость!
Среди военныхъ непогодъ,
При страшномъ заревѣ столицы,
На голосъ мирныя цѣвницы
Сзывать пастушекъ въ хороводъ!
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы,
Мнѣ пѣть коварныя забавы
Въ столицѣ вѣтренныхъ Цирцей! (9) —
Нѣтъ, нѣтъ! Талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!
Нѣтъ, нѣтъ! пока на полѣ чести
За древній градъ моихъ отцовъ
Не понесу я въ жертву мести
И жизнь и къ родинѣ любовь;
Пока съ израненнымъ героемъ,
Кому извѣстенъ къ славѣ путь (10)
Три раза не поставлю грудь
Передъ врагомъ сомкнутымъ строемъ—
Мой другъ, дотолѣ будутъ мнѣ
Всѣ чужды Музы и Хариты,
Вѣнки, рукой любови свиты,
И радость шумная въ винѣ!

———

Е. МОИ ПЕНАТЫ ([11]).

Отечески Пенаты,
О пѣстуны мои!
Вы златомъ не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Гдѣ васъ на новосельи,
Смиренно здѣсь и тамъ
Разставилъ по угламъ;
Гдѣ странникъ я бездомный,
Всегда въ желаньяхъ скромный,
Сыскалъ себѣ пріютъ.
О боги! будьте тутъ
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный ѳиміамъ
Поэтъ приноситъ вамъ;
Но слезы умиленья,
Но сердца тихій жаръ
И сладки пѣснопѣнья,
Богинь Пермесскихъ даръ.
О Лары! уживитесь
Въ обители моей,
Поэту улыбнитесь—
И будетъ счастливъ въ ней!

Въ сей хижинѣ убогой
Стоитъ передъ окномъ
Столъ ветхій и треногой
Съ изорваннымъ сукномъ.
Въ углу, свидѣтель славы
И суеты мірской,
Виситъ полузаржавый
Мечъ прадѣдовъ тупой;
Здѣсь книги выписныя,
Тамъ жесткая постель—
Все утвари простыя,
Все рухлая скудель.
Скудель!... но мнѣ дороже,
Чѣмъ бархатное ложе
И вазы богачей!

Отеческіе боги!
Да къ хижинѣ моей
Не сыщетъ вѣкъ дороги
Богатство съ суетой;
Съ наемною душой
Развратные счастливцы,
Придворные друзья
И блѣдны горделивцы,
Надутые князья!
Но ты, о мой убогой
Калека и слѣпой,
Идя путемъ-дорогой
Съ смиренною клюкой,
Ты смѣло постучися,
О воинъ, у меня;
Войди и обсушися
У яркаго огня.
О старецъ, убѣленный
Годами и трудомъ,
Трикраты уязвленный
На приступѣ штыкомъ!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя съ нагайкой,
Что въ жупелъ и въ огни
Леталъ передъ полками,
Какъ вихорь на поляхъ,
И вкругъ его рядами
Враги ложились въ прахъ!

Безъ злата богачей ([12])
Доступенъ добрый геній
Поэзіи святой,
И часто, въ мирной сѣни,
Бесѣдуетъ со мной.
Небесно вдохновенье,
Порывъ крылатыхъ думъ!
(Когда страстей волненье
Уснетъ, и свѣтлый умъ,
Летая въ поднебесной,
Плотскихъ ([13]) свободенъ узъ,
Въ Аоніи прелестной
Срѣтаетъ хоры Музъ)
Небесно вдохновенье,
За чѣмъ летишь стрѣлой,
И сердца упоенье
Уносишь за собой?
До розовой денницы
Въ отрадной тишинѣ,

Парнасскія царицы,
Подруги будьте мнѣ!
Пускай веселы тѣни
Любимыхъ мнѣ пѣвцовъ,
Оставя тайны сѣни
Стигійскихъ береговъ,
Изъ области ѳеирной [14]
Воздушною толпой
Слетятъ на голосъ лирной
Бесѣдовать со мной!
И мертвые съ живыми
Вступили въ хоръ единъ!
Что вижу? ты предъ ними,
Парнасскій исполинъ,
Пѣвецъ героевъ, славы,
Въ слѣдъ вихрямъ и громамъ
Нашъ лебедь величавый
Плывешь по небесамъ.
Въ толпѣ и Музъ и Грацій
То съ лирой, то съ трубой,
Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій,
Сливаетъ голосъ свой.
Онъ громокъ, быстръ и силенъ,
Какъ Суна средь степей,
И нѣженъ, тихъ, умиленъ,
Какъ вешній соловей.
Фантазіи небесной
Давно любимый сынъ,
То повѣстью прелестной
Плѣняетъ Карамзинъ;
То мудраго Платона
Описываетъ намъ,
И ужинъ Агатона,
И наслажденья храмъ;
То древню Русь и нравы
Владиміра времянъ,
И въ колыбели славы
Рожденіе Славянъ.
За ними Сильфъ прекрасной,
Воспитанникъ Харитъ,
На цитрѣ сладкогласной
О Душенькѣ бренчитъ;
Мелецкаго съ собою
Улыбкою зоветъ,
И съ нимъ, рука съ рукою,
Гимнъ радости поетъ!
Съ Эротами играя,
Философъ и піитъ,
Близь Федра и Пильпая
Тамъ Дмитріевъ сидитъ;
Бесѣдуя съ звѣрями,
Какъ счастливый дитя,
Парнасскими цвѣтами
Скрылъ истину шутя.
За нимъ въ часы свободы
Поютъ среди пѣвцовъ
Два баловня природы,
Хемницеръ и Крыловъ.
Наставники-піиты,
О Фебовы жрецы!
Вамъ, вамъ плетутъ Хариты
Безсмертные вѣнцы!
Я вами здѣсь вкушаю
Восторги Піеридъ,
И въ радости взываю:
О Музы! я піитъ!

А вы, смиренной хаты
О Лары и Пенаты!
Отъ зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье
И нѣгу и покой!
Фортуна! прочь съ дарами
Блистательныхъ суетъ!
Спокойными очами
Смотрю на твой полетъ:
Я въ пристань отъ ненастья
Челнокъ мой проводилъ,
И васъ, любимцы счастья,
Навѣки позабылъ.
Но вы, любимцы славы,
Наперсники забавы,
Любви и важныхъ Музъ;
Безпечные счастливцы,
Философы-лѣнивцы,
Враги придворныхъ узъ,
Друзья мои сердечны!
Придите въ часъ безпечный
Мой домикъ навѣстить—
Поспорить и попить!
Сложи печалей бремя,

Жуковскій добрый мой!
Стрѣлою мчится время,
Веселіе—стрѣлой!
Позволь же дружбѣ слезы
И горесть усладить,
И счастья блеклы розы
Эротомъ оживить.
О Вяземскій! цвѣтами
Друзей твоихъ вѣнчай;
Даръ Вакха передъ нами:
Вотъ кубокъ—наливай!
Питомецъ Музъ надежный,
О Аристипповъ внукъ ([15]),
Ты любишь пѣсни нѣжны
И рюмокъ звонъ и стукъ!
Въ часъ нѣги и прохлады
На ужинахъ твоихъ
Ты любишь томны взгляды
Прелестницъ записныхъ:
И всѣ заботы славы,
Суетъ и шумъ и блажь
За быстрый мигъ забавы
Съ поклонами отдашь.
О, дай же ты мнѣ руку,
Товарищъ въ лѣни мой!
И мы... потопимъ скуку
Въ сей чашѣ золотой!
Пока бѣжитъ за нами
Богъ времени сѣдой,
И губитъ лугъ съ цвѣтами
Безжалостной косой,
Мой другъ! скорѣй за счастьемъ
Въ путь жизни полетимъ,
Упьемся сладострастьемъ,
И смерть опередимъ;
Сорвемъ цвѣты украдкой
Подъ лезвіемъ косы,
И лѣнью—жизни краткой
Продлимъ, продлимъ часы!
Когда же Парки тощи
Нить жизни допрядутъ,
И насъ въ обитель нощи
Ко прадѣдамъ снесутъ—
Товарищи любезны!
Не сѣтуйте о насъ.
Къ чему рыданья слезны?
Наемныхъ ликовъ гласъ?
Къ чему сіи куренья
И колокола вой,
И томны псалмопѣнья
Надъ хладною доской?
Къ чему?... но вы толпами
При мѣсячныхъ лучахъ
Сберитесь, и цвѣтами
Усѣйте мирный прахъ;
Иль бросьте на гробницы
Боговъ домашнихъ ликъ,
Двѣ чаши, двѣ цѣвницы,
Съ листами повиликъ.
И путникъ угадаетъ
Безъ надписей златыхъ,
Что прахъ тутъ почиваетъ
Счастливцевъ молодыхъ!

ж. ТѢНЬ ДРУГА (1816). ([16]).

Sunt alquid manes, letum non omuia finit;
Luridaque evictos effugit umbra rogos.
Propert. El. VIII.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона;
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ;
За кораблемъ вилася Гальціона,
И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,
И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ,
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный, у мачты я стоялъ
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ,
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли,
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели,
Мечты смѣнялися мечтами,
И вдругъ... то былъ ли сонъ?... предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію, надъ Плейсскими струями.
Но видъ не страшенъ былъ; чело

Глубокихъ ранъ не сохраняю,
Какъ утро майское веселіемъ цвѣло
И все небесное душѣ напоминало.
«Ты-ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней!
Ты-ль это?» я вскричалъ, «о воинъ, вѣчно милой!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечемъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ
И тѣнь въ небесную отчизну провождалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ!
Или протекшее все было сонъ, мечтанье,
Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
О, молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный слухъ ласкаетъ,
Пускай рука моя, о незабвенный другъ!
Твою съ любовію сжимаетъ!...»
И я летѣлъ къ нему... Но горній духъ исчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ огнистый ([17]) полуночи,
Исчезъ,—и сонъ покинулъ очи.

Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины;
Стихіи грозныя казалися безмолвны;
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны.
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла:
Тебя, о милый братъ, о лучшій изъ друзей!

8. УМИРАЮЩІЙ ТАССЪ (1817). ([18]).

Какое торжество готовитъ древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?
Къ чему сихъ ароматъ и мирры сладкій дымъ,
Душистыхъ травъ кругомъ кошницы полны?
До Капитолія отъ Тибровыхъ валовъ,
Надъ стогнами всемірныя столицы,
Къ чему раскинуты средь лавровъ и цвѣтовъ
Безцѣнные ковры и багряницы?
Къ чему сей шумъ? къ чему тимпановъ звукъ и громъ?
Веселья онъ, или побѣды вѣстникъ?
Почто съ хоругвіей течетъ въ молитвы домъ
Подъ митрою Апостоловъ намѣстникъ?
Кому въ рукѣ его сей зыблется вѣнецъ,
Безцѣнный даръ признательнаго Рима?
Кому тріумфъ? Тебѣ, божественный пѣвецъ!
Тебѣ сей даръ... пѣвецъ Ерусалима!
И шумъ веселія достигъ де кельи той,
Гдѣ борется съ кончиною Торквато;
Гдѣ надъ божественной страдальца головой
Духъ смерти носится крылатой.
Ни слезы дружества, ни иноковъ мольбы,
Ни почестей столь позднія награды,
Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Незнающей къ великому пощады.
Полуразрушенный, онъ видитъ грозный часъ,
Съ веселіемъ его благословляетъ,
И, лебедь сладостный, еще въ послѣдній разъ
Онъ, съ жизнію прощаясь, восклицаетъ:

«Друзья, о дайте мнѣ взглянуть на пышный Римъ,
Гдѣ ждетъ пѣвца безвременно кладбище,
Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ,
О древнее Квиритовъ пепелище!
Земля священная героевъ и чудесъ!
Развалины и прахъ краснорѣчивый!
Лазурь и пурпуры безоблачныхъ небесъ,
Вы, тополи, вы, древнія оливы,
И ты, о вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ,
Засѣянный костьми граждамъ вселенной:
Васъ, васъ привѣтствуетъ изъ сихъ унылыхъ стѣнъ
Безвременной кончинѣ обреченной!

Свершилось! Я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій;
И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли.
Отъ самой юности игралище людей,
Младенцемъ былъ уже изгнанникъ;
Подъ небомъ сладостнымъ Италіи моей
Скитаяся, какъ бѣдный странникъ,
Какихъ не испыталъ превратностей судебъ?
Гдѣ мой челнокъ волнами не носился?
Гдѣ успокоился? гдѣ мой насущный хлѣбъ
Слезами скорби не кропился?
Соренто! колыбель моихъ несчастныхъ дней,
Гдѣ я въ ночи, какъ трепетный Асканій,
Отторженъ былъ судьбой отъ матери моей,
Отъ сладостныхъ объятій и лобзаній,
Ты помнишь, сколько слезъ младенцемъ пролилъ я!
Увы! съ тѣхъ поръ добыча злой судьбины,
Всѣ горести узналъ, всю бѣдность бытія.
Фортуною изрытыя пучины
Разверзлись подо мной и громъ не умолкалъ!
Изъ веси въ весь, изъ странъ въ страну гонимый,
Я тщетно на земли пристанища искалъ:
Повсюду перстъ ея неотразимый!
Повсюду молніи карающей пѣвца!
Ни въ хижинѣ оратая простаго,
Ни подъ защитою Альфонсова дворца,
Ни въ тишинѣ безвѣстнѣйшаго крова,
Ни въ дебряхъ, ни въ горахъ, не спасъ главы моей,
Безславіемъ и славой удрученной,
Главы изгнанника, отъ колыбельныхъ дней
Карающей богинѣ обреченной...

Друзья! но что мою стѣсняетъ страшно грудь?
Что сердце такъ и ноетъ и трепещетъ?
Откуда я? какой прошелъ ужасный путь,
И что за мной еще во мракѣ блещетъ?
Феррара... Фуріи... и зависти змія!...
Куда? куда, убійцы дарованья?
Я въ пристани. Здѣсь Римъ. Здѣсь братья и семья!
Вотъ слезы ихъ и сладки лобызанья...
И въ Капитоліи—Виргиліевъ вѣнецъ!
Такъ, я свершилъ назначенное Фебомъ:
Отъ первой юности его усердный жрецъ,
Подъ молніей, подъ разъяреннымъ небомъ,
Я пѣлъ величіе и славу прежнихъ дней,
И въ узахъ я душой не измѣнился;
Музъ сладостный восторгъ не гасъ въ душѣ моей,
И геній мой въ страданьяхъ укрѣпился.
Онъ жилъ въ странѣ чудесъ, у стѣнъ твоихъ Сіонъ,
На берегахъ цвѣтущихъ Іордана;
Онъ вопрошалъ тебя, мутящійся Кедронъ,
Васъ, мирныя убѣжища Ливана!
Предъ нимъ воскресли вы, герои древнихъ дней,
Въ величіи и въ блескѣ грозной славы:
Онъ зрѣлъ тебя, Готфредъ, владыко, вождь царей,
Подъ свистомъ стрѣлъ спокойный, величавый;
Тебя, младый Ринальдъ, кипящій какъ Ахиллъ,
Въ любви, въ войнѣ счастливый побѣдитель;
Онъ зрѣлъ, какъ ты леталъ по трупамъ вражьихъ силъ,
Какъ огнь, какъ смерть, какъ ангелъ-истребитель...
И тартаръ низложенъ сіяющимъ крестомъ!
О доблести неслыханной примѣры!
О нашихъ праотцевъ, давно почившихъ сномъ
Тріумфъ святой, побѣда чистой вѣры!
Торквато васъ исторгъ изъ пропасти временъ:
Онъ пѣлъ—и вы не будете забвенны;
Онъ пѣлъ: ему вѣнецъ безсмертья обреченъ,
Рукою Музъ и славы соплетенный.

Но поздно! я стою надъ бездной роковой
И не вступлю при плескахъ въ Капитолій,

И лавры славные надъ дряхлой головой
Не усладятъ пѣвца свирѣпой доли!..—

Умолкъ. Унылый огнь въ очахъ его горѣлъ,
Послѣдній лучъ таланта предъ кончиной;
И умирающій, казалося, хотѣлъ
У Парки взять тріумфа день единой.
Онъ взоромъ все искалъ Капитолійскихъ стѣнъ,
Съ усиліемъ еще приподнимался;
Но, мукой страшною кончины изнуренъ,
Недвижимый на ложѣ оставался.
Свѣтило дневное ужъ къ западу текло,
И въ заревѣ багряномъ утопало;
Часъ смерти близился... и мрачное чело
Въ послѣдній разъ страдальца просіяло.
Съ улыбкой тихою на западъ онъ глядѣлъ...
И, оживленъ вечернею прохладой,
Десницу къ небесамъ внимающимъ воздѣлъ,
Какъ праведникъ, съ надеждой и отрадой.
—«Смотрите, онъ сказалъ рыдающимъ друзьямъ,
Какъ царь свѣтилъ на западѣ пылаетъ!
Онъ, онъ зоветъ меня къ безоблачнымъ странамъ,
Гдѣ вѣчное свѣтило засіяетъ...
Ужъ ангелъ предо мной, вожатай оныхъ мѣстъ;
Онъ осѣнилъ меня лазурными крылами...
Приближьте знакъ любви, сей таинственный крестъ...
Молитеся съ надеждой и слезами...
Земное гибнетъ все... и слава и вѣнецъ....
Искуствъ и Музъ творенья величавы:
Но тамъ все вѣчное, какъ вѣченъ самъ Творецъ,
Податель намъ вѣнца небренной славы!
Тамъ все великое, чѣмъ духъ питался мой,
Чѣмъ я дышалъ отъ самой колыбели.
О братья! о друзья! не плачьте надо мной:
Вашъ другъ достигъ давно желанной цѣли.
Отыдетъ съ миромъ онъ и, вѣрой укрѣпленъ,
Мучительной кончины не примѣтитъ:
Тамъ, тамъ... о счастіе!... средь непорочныхъ женъ,
Средь ангеловъ, Елеонора встрѣтитъ!»

И съ именемъ любви божественный погасъ;
Друзья надъ нимъ въ безмолвіи рыдали.
День тихо догоралъ... и колокола гласъ
Разнесъ кругомъ по стогнамъ вѣсть печали.
Погибъ Торквато нашъ! воскликнулъ съ плачемъ Римъ,
Погибъ пѣвецъ, достойный лучшей доли!...
На утро факеловъ узрѣли мрачный дымъ,
И трауромъ покрылся Капитолій.

II. Изъ греческой антологіи. (1820). (19).

а) Въ обители ничтожества унылой...

Въ обители ничтожества унылой,
О незабвенная! прими потоки слезъ,
И вопль отчаянья надъ хладною могилой,
И горсть, какъ ты, минутныхъ розъ.
Ахъ, тщетно все! Изъ вѣчной сѣни
Ничѣмъ не призовемъ твоей прискорбной тѣни;
Добычу не отдастъ завистливый Аидъ.
Здѣсь онѣмѣніе: все хладно, все молчитъ;
Надгробный факелъ мой лишь мраки освѣщаетъ...
Что, что вы сдѣлали, властители небесъ?
Скажите, что краса такъ рано погибаетъ?
Но ты, о мать-земля! съ сей данью горькихъ слезъ,
Прими почившую, поблеклый цвѣтъ весенній,
Прими, и успокой въ гостепріимной сѣни.

б) Свидѣтели любви и горести моей...

Свидѣтели любви и горести моей,
О розы юныя, слезами омоченны!
Красуйтеся въ вѣнкахъ надъ хижиной смиренной,
Гдѣ милая таится отъ очей.

Помедлите, вѣнки! еще не увядайте!
Но если явится—пролейте на нее
Все благовоніе свое,
И локоны ея слезами напитайте;
Пусть остановится въ раздумьѣ и вздохнетъ,
А вы, цвѣты, благоухайте,
И милой локоны слезами напитайте!

в) Яворъ къ прохожему.

Смотрите, виноградъ кругомъ меня какъ вьется!
Какъ любитъ мой полуистлѣвшій пень!
Я нѣкогда ему давалъ отрадну тѣнь,—
Завялъ—но виноградъ со мной не разстается.
Зевеса умоли,
Прохожій, если ты для дружества способенъ,
Чтобъ другъ твой моему былъ нѣкогда подобенъ
И пепелъ твой любилъ, оставшись на земли.

г) Сѣтованіе Нереидъ на развалинахъ Коринѳа.

Гдѣ слава, гдѣ краса, источникъ золъ твоихъ?
Гдѣ стогны шумныя и граждане счастливы?
Гдѣ зданья пышныя и храмы горделивы,
Мусія, золото, сіяющія въ нихъ?
Увы! погибъ на вѣкъ Коринѳъ столповѣнчанный!
И самый пепелъ твой разсѣянъ по полямъ!
Все пусто: мы однѣ взываемъ здѣсь къ богамъ,
И стонетъ Алкіонъ одинъ въ дали туманной!

I. ИЗРЕЧЕНІЕ МЕЛЬХИСЕДЕКА. (1834). (20).

Ты помнишь, что изрекъ,
Прощаясь съ жизнію, сѣдой Мельхиседекъ?
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ,
И смерть ему едвали ли скажетъ,
За чемъ онъ шелъ долиной скорбной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, исчезъ.

К. ПѢВЕЦЪ ВЪ БЕСѢДѢ СЛАВЯНОРОССОВЪ. (21).

ПѢВЕЦЪ.

Друзья! Всѣ гости по домамъ,
От чтенья охмѣлѣли:
Конецъ и прозѣ и стихамъ
До будущей недѣли.
Мы здѣсь одни.... Что дѣлать? пить
Вино изъ полной чаши.
Давайте взапуски хвалить
Славянски оды наши!

СОТРУДНИКИ.

Мы здѣсь одни, и пр.

ПѢВЕЦЪ.

Сей кубокъ чадамъ древнихъ лѣтъ!
Вамъ слава, наши дѣды!
Друзья! уже покойныхъ нѣтъ
Пѣвцовъ среди бесѣды.
Ихъ вирши сгнили въ кладовыхъ
Иль съѣдены мышами,
Иль продаютъ на рынкѣ въ нихъ
Салакушку съ сельдями (22).
Но духъ отцовъ воскресъ въ сынахъ:
Мы всѣ для славы дышемъ,
Равно здѣсь въ прозѣ и въ стихахъ,
Какъ Тредьяковскій, пишемъ.

СОТРУДНИКИ.

Но духъ отцовъ, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Чья тѣнь подъ самымъ потолкомъ
Предъ нашими глазами?
За нимъ, предъ нимъ—о страхъ!—полкомъ
Поэты со стихами.
Се Тредьяковскій въ парикѣ
Намасленномъ съ кудрями,
Съ Телемахидою въ рукѣ,
Съ Ролленемъ за плечами.
Почто на насъ, о мужъ сѣдой,
Вперилъ ты страшны очи?
Мы всѣ клялись—клялись тобой,
Съ утра до полуночи
Писать какъ ты, тебѣ служить;
Мы всѣ съ разсудкомъ въ ссорѣ.

Для славы будемъ жить и пить;
  Намъ по колѣни море.

СОТРУДНИКИ.

Писать какъ ты, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Напьемся пьяны—Музамъ въ дань,
  Какъ пили наши дѣды:
Разсудокъ—къ чорту, вкусу—брань,
  Хвала—сынамъ Бесѣды.
Пусть Ломоносовъ былъ уменъ,
  А мы еще умнѣе;
За пьянство сталъ умнѣе онъ,
  А мы еще пьянѣе.
Для славы будемъ жить и пить;
  Врагамъ бѣда и горе!
На что разсудокъ намъ щадить?
  Намъ по колѣни море.

СОТРУДНИКИ.

Для славы будемъ жить, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Друзья! большой бокалъ отцовъ,
  За лавку Глазунова!
Тамъ царство вѣчное стиховъ
  Шихматова (23) лихова.
Роднаго крова милый свѣтъ,
  Знакомые подвалы,
Златыя игры первыхъ лѣтъ—
  Невинны мадригалы:
Что вашу прелесть замѣнитъ?
  О лавка дорогая!
Какое сердце не дрожитъ,
  Тебя благословляя?

СОТРУДНИКИ.

Что вашу прелесть, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Тамъ все знакомо для пѣвцовъ:
  Тамъ наши дѣтки милы,
Кладбище милое стиховъ,
  Бумажныя могилы;
Тамъ царство тлѣнья и мышей;
  Тамъ Николевъ (24) почтенный,
И древній прахъ календарей,
  И прахъ газетъ священный.

СОТРУДНИКИ.

Тамъ царство, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Да здравствуетъ Бесѣды царь (25)!
  Цвѣти твоя держава!
Бумажный тронъ твой—нашъ алтарь;
  Предъ нимъ обѣтъ нашъ—слава!
Не измѣнимъ! Мы отъ отцовъ
  Пріяли глупость съ кровью.
Сумбуръ! здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
  Къ тебѣ горимъ любовью.
Нашъ каждый писарь Славянинъ,
  Галиматьею дышетъ;
Бѣжитъ предатель сихъ дружинъ,
  Кто галлицизмы пишетъ!

СОТРУДНИКИ.

Нашъ каждый писарь, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Тотъ нашъ, кто день и ночь кадитъ
  И намъ молебны служитъ.
Пусть публика его бранитъ;
  Но онъ о томъ не тужитъ,
За насъ всегда стоитъ горой,
  Въ Бесѣдѣ не зѣваетъ....
Прямой сотрудникъ, братъ прямой!
  И въ брани помогаетъ.

СОТРУДНИКИ.

За насъ всегда, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Хвала тебѣ, славянофилъ,
  О мужъ неукротимой!
Ты здѣсь разсудокъ побѣдилъ
  Рукой неутомимой.
О, сколь съ наморщеннымъ челомъ
  Въ Бесѣдѣ онъ прекрасенъ,
Сколь холоденъ передъ столомъ
  И критикамъ ужасенъ!
Упрямство въ немъ старинныхъ лѣтъ...
  Хвала сѣдому дѣду!
Друзья! онъ, онъ родилъ на свѣтъ
  Славянскую Бесѣду.

СОТРУДНИКИ.

Упрямство въ немъ, и проч.

ПѢВЕЦЪ.

Хвала тебѣ, о дѣдъ сѣдой!
  Хвала и многи лѣта!
Ошую пусть сидятъ съ тобой
  Осьмое чудо свѣта,

Твой сынъ, наперсникъ и клевретъ,
Шихматовъ безглагольный (²⁶),
Какъ ты—собой довольный!
сотрудники.
Твой сынъ и проч.

¹) Батюшковъ, Константинъ Николаевичъ (1787—1855), род. въ Вологдѣ, откуда еще въ дѣтствѣ былъ привезенъ въ Петербургъ и отданъ въ частный пансіонъ Жакино, гдѣ, пробывъ около четырехъ лѣтъ, выучился франц. и итал. языкамъ. Съ послѣднимъ онъ познакомился въ послѣдствіи короче, и это дало ему возможность читать въ подлинникѣ Аріоста, Петрарку, Тасса. Изъ пансіона Жакино поступилъ къ учителю Морскаго училища, Триполи: здѣсь къ первымъ двумъ языкамъ прибавились еще латинскій и нѣмецкій, такъ что онъ на 19-мъ году возраста пріобрѣлъ уже достаточный запасъ знаній, особенно по литературѣ. Образованіе его шло подъ руководствомъ его дяди, М. Н. Муравьева, знатока древнихъ и новыхъ языковъ, питавшаго любовь и уваженіе къ произведеніямъ слова. Служба Батюшкова началась въ канцеляріи гр. Завадовскаго, перваго министра народнаго просвѣщенія, а потомъ Муравьевъ, товарищъ министра и кураторъ московскаго университета, опредѣлилъ его къ себѣ въ письмоводители. Благодарность свою къ родственнику и благодѣтелю онъ выразилъ разборомъ его сочиненій (Письмо къ И. М. Муравьеву-Апостолу о сочиненіяхъ Муравьева. Сынъ От. 1814, № 35). Начальные литературные опыты Батюшкова относятся къ 1805 г. (см. прим. 2), слѣд. къ самому первому времени по окончаніи элементарнаго образованія. Въ 1806 г. онъ оставилъ гражданскую службу и поступилъ въ баталіонъ стрѣлковъ петербургской милиціи. Здѣсь онъ подружился съ Петинымъ, воспитанникомъ московскаго университетскаго пансіона, помѣщавшимъ въ Утренней Зарѣ свои ученическія стихотворенія, преимущественно басни. Дружба эта продолжалась до самой смерти Петина, убитаго, въ 1813 г., въ Лейпцигскомъ сраженіи. Нравственныя качества его, патріотизмъ, доброе и благородное сердце, любовь къ нему товарищей изображены Батюшковымъ въ «Воспоминаніи мѣстъ и сраженій» (Москвит., 1851, № 5). Въ 1807 г. Батюшковъ оставилъ столицу и пошелъ въ походъ; онъ участвовалъ въ сраженіяхъ на берегу Пассарги и Гейльсбергскомъ, которыя описалъ въ «Воспоминаніи» (В. Евр. 1809, №21). При Гейльсбергѣ онъ былъ раненъ; рана оказалась опасною и принудила его воротиться въ Петербургъ. Оправившись отъ болѣзни, онъ перешелъ въ гвардейскій егерскій полкъ. Въ 1808 г. баталіонъ этого полка былъ отряженъ въ Финляндію, и Батюшкову снова пришлось дѣлить ратные труды съ своимъ другомъ: «Посланіе къ Петину» воспоминаетъ Индесальмское дѣло. Природа Финляндіи и ея преданія произвели сильное впечатлѣніе на поэта, какъ доказывается «отрывкомъ изъ писемъ о Финляндіи» (В. Евр. 1810, № 8) и переводомъ Маттисоновой элегіи «на развалинахъ замка въ Швеціи» (Пантеонъ рус. поэзіи, Никольскаго, ч. 2-ая, 1814). По заключеніи мира, Батюшковъ воротился въ Петербургъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ (1809 и 1810) онъ написалъ много стихотвореній, которыя печатались въ Цвѣтникѣ и Вѣст. Европы. Общество Д. В. Дашкова и Д. П. Сѣверина замѣняло ему въ это время Петина. «Сколько пріятныхъ минутъ, проведенныхъ съ вами, даютъ мнѣ право на ваше воспоминаніе!» такъ онъ писалъ къ первому (изъ Парижа 1814 г.). Въ жизни своей я былъ обманутъ во многомъ, кромѣ дружбы: ею могу еще гордиться; она примиряетъ меня съ жизнью, часто печальною, и съ міромъ, который покрытъ развалинами, гробами и страшными воспоминаніями». Въ 1811 г. Батюшковъ получилъ мѣсто библіотекаря въ И. П. Библіотекѣ. Передъ нашествіемъ французовъ, онъ былъ въ Москвѣ, откуда уѣхалъ въ Нижній, гдѣ его и видѣлъ С. Н. Глинка (см. его Воспоминанія о 1812 г.) и гдѣ онъ опредѣлился адъютантомъ къ генералу Бахметеву, который лишился ноги на Бородинскомъ полѣ. Въ это-то время написалъ онъ столь извѣстное посланіе къ Дашкову (см. ниже, прим. 8—10). Онъ надѣялся отправиться на войну, но дѣло затянулось, за болѣзнію Бахметева, который наконецъ отпустилъ его одного. Получивъ отпускъ, Батюшковъ ѣздилъ изъ Нижняго на родину въ Вологду. Въ проѣздъ чрезъ Кострому онъ видѣлся съ Н. Ѳ. Грамматинымъ, къ которому потомъ писалъ изъ Вологды, 30 января 1813, благодаря за гостепріимство и извѣщая о полученіи посланія отъ Жуковскаго (Вѣст. Евр. 1813, № 9 и 10), въ отвѣтъ на «Пенатовъ» (см. ниже, прим. 11). Это письмо нап. въ 12 № Библ. Зап. 1859 г. Изъ Вологды онъ отправился за арміею и уже въ Германіи нагналъ генерала Раевскаго, при которомъ состоялъ неотлучно до самаго вступленія въ Парижъ. Посреди военныхъ трудовъ Батюшковъ находилъ время заниматься литературою: онъ выучился говорить по-нѣмецки и читалъ нѣмецкія книги. Въ 1814 г. написаны имъ: «Переходъ черезъ Рейнъ», «На развалинахъ замка въ Швеціи», «Плѣнный», «Письмо къ Дашкову о замкѣ Сирей», принадлежавшемъ Воль-

теру. Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу, описывая свое времепровожденіе, онъ называетъ себя «маленькимъ Тибулломъ»: намекъ на небольшой ростъ свой и на переводъ элегій римскаго поэта или на собственныя элегическія піесы. Изъ Парижа Батюшковъ вмѣстѣ съ Сѣвериньмъ отправился въ Англію, гдѣ пробылъ недолго и откуда уѣхалъ въ Швецію. Картина отплытія изъ Лондона представлена имъ въ элегіи: «Тѣнь друга» (см. прим. 16), а морское путешествіе до Готенбурга описано въ письмѣ къ Сѣверину (19 іюня 1814 г.). По возвращеніи въ Петербургъ, онъ, за усердную службу свою, былъ переведенъ въ измайловскій полкъ. Вскорѣ онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго ассесора, а потомъ (1816 г.) былъ назначенъ почетнымъ библіотекаремъ И. П. Библіотеки. По этому случаю онъ говоритъ въ посланіи къ В. Л. Пушкину (1817):

..... я не поэтъ;
Я не ученый, не профессоръ;
Меня въ календарѣ въ числѣ счастливцевъ нѣтъ,
Я... отставной ассессоръ.

Періодъ времени, съ увольненія отъ службы по 1818 г., прошелъ для Батюшкова въ занятіяхъ поэзіей. Онъ былъ членомъ литературнаго кружка: «Арзамасъ», гдѣ получилъ шутливое прозвище «Ахиллъ», въ противоположность своему небольшому росту и слабому здоровью; членомъ Московскаго общества любителей рос. словесности, при вступленіи въ которое читалъ рѣчь о вліяніи легкой поэзіи на языкъ» (Труды общества, 1816, ч. 6); участвовалъ въ литературныхъ вечерахъ у С. Д. Пономаревой, однохарактерныхъ своимъ направленіемъ съ бесѣдами «Арзамасцевъ». Сатирическій талантъ его обнаружился въ это время двумя стихотвореніями: «Видѣніемъ на берегахъ Леты» (Библ. Зап. 1861, № 20) и «Пѣвцомъ въ Бесѣдѣ Славяноросcовъ» (см. ниже прим. 21) Но, не смотря на покойную жизнь, пріятныя дружескія связи и громкую извѣстность, Батюшковъ былъ недоволенъ своею судьбою. Онъ страдалъ и физически и нравственно: нравственная болѣзнь заключалась въ борьбѣ поэтическаго призванія съ честолюбіемъ, которое не находило удовлетворенія въ одной литературной славѣ. Поэтому онъ охладѣлъ къ литературѣ. «Меня здѣсь (въ Спб.) ласкаютъ добрые люди», писалъ онъ къ своему родственнику Г:; «я на розахъ, какъ авторъ, и на шипахъ, какъ человѣкъ. Успѣхи въ словесности ни къ чему не ведутъ, и ими восхищаться не должно. Тѣ, которые хвалятъ, завтра бранить будутъ. Ничего вѣрнаго не имѣю, кромѣ 400 руб. доходу». Тоже настроеніе мысли высказываютъ и приведенные выше стихи изъ письма къ Пушкину. Одолѣваемый болѣзнію, Батюшковъ такъ повѣрялъ свою горесть А. И. Тургеневу (1818): «Сижу больной, въ колпакѣ и шлафорѣ, и часто думаю о васъ, часто грущу какъ звѣрокъ Лафонтена, cet animal est triste et le chagrin le ronge. Но чаще смѣюсь отъ добраго сердца. Вы столько разъ были мнѣ полезны и дѣломъ и совѣтомъ, что я имѣю право на наше дружество. Этотъ силлогизмъ не такъ дуренъ, какъ вамъ съ перваго взгляду покажется. Обнимаю васъ отъ всей души, и прошу любить вашего *Ахилла*, который ворчитъ про себя: *Ахъ! хилъ!* (*) и впрямь боленъ простудой, насморкомъ, головою; но не умомъ, ибо знаетъ цѣну Жуковскому и Карамзину; не сердцемъ, ибо любитъ васъ по старому». Разстроенное здоровье заставило Батюшкова отправиться въ Одессу, гдѣ онъ пользовался морскими купаньями и откуда (1818 іюня 30) написалъ письмо А. И. Тургеневу, чрезъ ходатайство котораго былъ причисленъ, въ чинѣ надворнаго совѣтника, къ неаполитанской миссіи. Пріѣхавъ изъ Одессы въ Петербургъ проститься съ друзьями, онъ отправился потомъ къ мѣсту своего назначенія. Изъ Неаполя писалъ онъ (въ 1819 г.) къ А. И. Тургеневу и С. С. Уварову, а съ острова Искіи—къ Жуковскому. Но Италія не помогла Батюшкову. «Здоровье мое (говоритъ онъ въ письмѣ къ Жуковскому) ветшаетъ безпрестанно: ни солнце, ни воды минеральныя, ни самая строгая діета, ничто его не можетъ исправить: оно, кажется, для меня погибло невозвратно, и грудь моя, которая меня до сихъ поръ очень рѣдко мучила, совершенно отказывается. Италія мнѣ не помогаетъ: здѣсь умираю отъ холода; что же со мною будетъ на сѣверѣ? не смѣю и думать о возвращеніи.» Возвратясь изъ за-границы, онъ писалъ мало; 1820 г. былъ послѣднимъ годомъ его литературной дѣятельности. Въ этомъ году онъ, вмѣстѣ съ Уваровымъ, издалъ книжку: «О Греческой Антологіи» (см. ниже, прим. 19). Въ 1823 г. былъ въ Симферополѣ, уже въ психической болѣзни (умственномъ разстройствѣ), какъ показываетъ письмо Жуковскаго, принимавшаго въ немъ участіе (Живоп. Сбор., т. 3-ій, 1853 г., стр. 370). Отсюда родные перевезли его въ Вологду, гдѣ онъ и провелъ все остальное время жизни, свыше тридцати лѣтъ. Пожизненная пенсія отъ Государя обезпечивала матеріальную судьбу его. Болѣзненное состояніе его, сначала тревожное, перешло потомъ въ болѣе спокойное и неопасное ни для кого. Профессоръ Шевыревъ видѣлъ

(*) Каламбуръ.

его въ 1847 г. (Поѣздка въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, ч. 1, стр. 109—115). Умственное просвѣтленіе поэта случалось чрезвычайно рѣдко; только послѣдній годъ жизни онъ провелъ въ нормальномъ состояніи. Но въ журналахъ, съ 1824 по 1861 г., являлись многія его стихотворенія и письма, написанныя, конечно прежде разстройства. Позднѣйшимъ изъ его сочиненій было, кажется, изреченіе Мельхиседека (см. ниже, прим. 20). Болѣе подробный біографическій очеркъ Батюшкова принадлежитъ г. Н. Бутакову (Москвит., 1855, № 23 и 24); см. также Вологодскія губернскія вѣдомости на 1855, и выписку изъ нихъ, о жизни и кончинѣ Батюшкова, въ 241 № Спб. Вѣдомостей 1855 г.

Изданія сочиненій Батюшкова:

Опыты въ стихахъ и прозѣ, 2 ч. (1817). Изданы Гнѣдичемъ.

Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, изд. 2-ое, 2 ч. (1834).

Сочиненія, изд. 3-ье (въ Полн. Собр. сочиненій рус. авторовъ, Смирдина), 2 ч., 1850.

Піесы, не вошедшія въ эти изданія, указаны М. Н. Лонгиновымъ въ «Матеріалахъ для полнаго изданія сочиненій Батюшкова» (Рус. Архивъ, 1862, вып. 12).

²) Первыя три піесы Батюшкова представляютъ начальные опыты трехъ направленій его таланта: сатирическаго, элегическаго и эпикурейскаго. «Посланіе къ сочиненіямъ» нап. въ 13-й ч. «Новостей русской литературы» (1802—1805); перепеч. въ Библ. Зап. Лонгинова (Соврем. 1856, № 5). Батюшковъ прислалъ стихотвореніе къ издателямъ «Новостей» (Сахацкому и Побѣдоносцеву) съ слѣдующей замѣткой: «C'est un méchant métier que celui de médire, сказалъ Боало, и, не смотря на то, продолжалъ браниться съ несчастнымъ Котеномъ и съ гармоническимъ Кинольтомъ. Знаю и я, что брань—самое худое ремесло, и что
Нѣтъ счастія тому, кто въ оное вдается:
Отъ брани завсегда лишь брань произведется.
Но легче знать пороки свои, нежели исправляться въ нихъ. Въ моей сатирѣ нѣтъ личности: самолюбіемъ играть опасно.»

³) Не слѣдуетъ ли это читать такимъ образомъ: «хотя ихъ Глазуновъ»?

⁴) На Безрнемина у Батюшкова есть эпиграмма (Вѣст. Евр. 1810, № 4):

Безрнемина совѣтъ:
Безъ жалости все сжечь мое стихотворенье!
Быть такъ! его жъ, друзья, невинное творенье
Своею смертію умреть.

⁵) Сѣверный Вѣстникъ 1805, ч V, № 3. (Журналъ этотъ издавался Мартыновымъ въ 1804 и 1805 г. г.). Перепеч. въ Биб. Зап. М. Н. Лонгинова (Совр. 1856, № 6). Элегія переведена изъ Парни.

⁶) «Лицей, изд. Мартынова, 1806 г. № 1». Переп. въ Биб. Зап. М. Н. Лонгинова (Соврем. 1856. № 6). Піеса эта, и по мысли, и по многимъ выраженіямъ, напоминаетъ другое стихотвореніе Батюшкова: «Веселый часъ» (Вѣст. Евр. 1810, № 4).

⁷) Цвѣтникъ 1809, № 9; переп. въ Вѣст. Евр. № 5. Въ 1-мъ изд. сочиненій Батюшкова озаглавлена: «Мадригалъ новой Сафѣ», съ перемѣною: *да* на *но* (*но* къ моему ты горю). Поводомъ къ появленію этой эпиграммы, гдѣ подъ Сафо разумѣется Анна Бунина, служило то, что эта стихотворица относилась съ горячимъ уваженіемъ къ И.И. Дмитріеву. Извѣстно преданіе о Сафо, будто бросившейся съ Левкадскаго утеса въ море отъ отчаянія, что любовь ея не раздѣляется Фаономъ. Эпиграмы Батюшкова принадлежатъ къ лучшимъ у насъ стихотвореніямъ въ этомъ родѣ. Мы уже имѣли случай привести одну изъ нихъ на стр. 163, прим. 2.

⁸) Спб. Вѣстникъ, 1812, № 10. См. прим. 1.

⁹) Четыре предъидущіе стиха такъ исправлены въ 1-мъ изд. сочиненій Б—ва:

Мнѣ пѣть коварныя забавы
Армидъ и вѣтренныхъ Цирцей
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!...

¹⁰) Генераломъ А. Н. Бахметевымъ (см. прим. 1). Въ 1814 г. Бахметевъ былъ назначенъ подольскимъ военнымъ губернаторомъ. Батюшковъ провелъ при немъ нѣсколько времени въ Каменецъ-Подольскѣ, въ званіи адъютанта. Здѣсь-то написалъ онъ «Воспоминаніе мѣстъ, сраженій и путешествій» и «Воспоминаніе о Петинѣ». Отрывки эти, сохранившіеся въ собственноручномъ спискѣ въ бумагахъ Д. В. Дашкова, были доставлены кн. П. А. Вяземскимъ въ Москвитянинъ, гдѣ и напечатаны (1851, № 5).

¹¹) Въ первый разъ нап. въ Пантеонѣ рос. словесности, Никольскаго, ч. 1-ая, но написаны раньше. Мы видѣли (прим. 1), что Батюшковъ еще въ январѣ 1813 г. извѣщалъ Грамматина о полученіи отвѣтнаго посланія отъ Жуковскаго. Это посланіе, явившееся въ Вѣст. Евр. 1813 г. (№№ 9 и 10), помѣчено въ 5-мъ изд. сочиненій Жуковскаго (1849)—1810-мъ годомъ, а въ 1-мъ изд. (1815)—1811-мъ. У французскаго трагика Дюси есть небольшое стихотвореніе: A mes pénates; оно внушило Батюшкову нѣсколько мыслей и, можетъ быть, дало поводъ выразить свои чувства именно въ этой, а не въ другой формѣ, хотя своимъ достоинствомъ далеко уступаетъ произведенію нашего поэта. Слѣдующіе варіанты приведены по 2-му изд. сочиненій Батюшкова (1834).

[10]) Безъ злата и честей.
[11]) Земныхъ.
[12]) Эѳирны.
[13]) Т. е. послѣдователь философа Аристиппа, полагавшаго истинную мудрость и счастіе въ разумныхъ наслажденіяхъ (см. мою Исторію Рус. Словесности, I, 516—517).
[16]) Вѣст. Евр. 1816, № 17. Эпиграфъ взятъ изъ Проперція (кн. 4, элегія 8: Тѣнь Цинтіи): «Души усопшихъ не призракъ; смертію не все оканчивается;загробная тѣнь избѣгаетъ костра». Любопытно сличить забвенье или сонъ Батюшкова съ разсказомъ Энея о сновидѣніи, въ которомъ предсталъ ему Гекторъ (Энеида, пѣснь 2, стихи 268—297). Но видъ троянскаго героя былъ печальный и страшный, совершенно - противоположный призраку, который явился Батюшкову. Элегія воспоминаетъ Петина (см. прим. 1); Плейсъ-рѣка, при которой стоитъ Лейпцигъ.
[17]) Вар.: какъ призракъ (вм. огнистый).
[18]) Опыты въ стихахъ и прозѣ (1817).
[19]) «О греческой Антологіи (1820)». Въ предисловіи сказано: «Сію рукопись получили мы изъ Арзамаса слѣдующимъ образомъ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ жили тамъ два пріятеля, оба любящіе страстно литературу. Во время, свободное отъ хозяйственныхъ занятій, читали они вмѣстѣ поэтовъ древнихъ и новыхъ, и не рѣдко старались имъ подражать для собственнаго наслажденія: не для публики, которая ихъ не знала и о коей они не помышляли. Но стеченію обстоятельствъ были они принуждены прекратить дружескія бесѣды свои: одинъ изъ нихъ былъ избранъ въ земскіе засѣдатели; другой поступилъ во внутреннюю стражу, и бумаги ихъ остались въ рукахъ арзамасскаго трактирщика, отъ котораго мы оныя получили. Въ томъ числѣ находилась статья, которую мы рѣшились напечатать. Она, конечно, не можетъ удовлетворить совершенно справедливое требованіе знатоковъ: бездѣлки двухъ безпечныхъ провинціаловъ могутъ ли не оскорбить невольно утонченный вкусъ столицы? Впрочемъ передаемъ мы ихъ на общій судъ безъ дальнѣйшихъ объясненій; статья была подписана такъ: С.... и А....» Эти подписи означаютъ: «Старушка» и «Ахиллъ». Первое названіе дано было, въ обществѣ Арзамасъ, гр. С. С. Уварову, второе—Батюшкову. Издателемъ брошюры былъ, вѣроятно, Д. В. Дашковъ. Переводъ греческихъ антологическихъ піесъ на французскій языкъ принадлежитъ Уварову, а съ французскаго на русскій переводилъ Батюшковъ.(Матеріалы для литературнаго общества Арзамасъ. Библ. Зап. М. Н. Лонгинова, Совр. 1856, № 8).
[20]) Библіотека для чтенія, 1834, № 2. Стихотвореніе было записано со словъ гр. Д. Н. Блудова.
[21]) Пѣвецъ въ станѣ Славяно-Россовъ. Эпико-лиро-комико-эпородическій гимнъ (Библ. Зап. г. Лонгинова. Совр. 1856, № 5). Пародія «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ». Сочиненіе ея относится къ 1814 г. Литераторы, о которыхъ въ ней говорится, были членами «Бесѣды любителей русскаго слова»—общества, основаннаго Державинымъ и Шишковымъ въ 1811 г. (Подробности объ этомъ обществѣ см. въ Библ. Зап. Лонгинова, Совр. 1856, № 5, стр. 6).
[22]) Подражаніе стиху Дмитріева: «И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ» (Чужой толкъ).
[23]) С. А. Шихматовъ, авторъ поэмы: Петръ Великій (см. выше, стр. 161).
[24]) Николевъ—авторъ трагедіи «Сорена» (см. мою Ист. Рус. Слов. 1, 448).
[25]) А. С. Шишковъ (см. выше, стр. 87).
[26]) См. выше, стр. 164, прим. 7.

XXXII.

ГНѢДИЧЪ. ([1]).

А. Идиллія: Рыбаки (1821). ([2]).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка.

На островѣ Невскомъ, омытомъ рѣкою и моремъ,
Подъ кущей одною два рыбаря жили пришельцы:
Одинъ престарѣлый, другой лишь брадой опушался.
Гонимые нуждой изъ милаго края роднаго,
На промыслъ товарищи вмѣстѣ пришли на чужбину.
Лишь честную бѣдность они принесли за спиною,
И вмѣстѣ и нужду и трудъ земляки раздѣляли.

Въ печальныхъ трудахъ для убогаго пѣсни услада;
И младшій прекрасно игралъ ихъ на звонкой свирѣли.
Въ тѣ тайныя чувства минуты, когда вдохновенье
Отъ неба нисходится и душу любимца тревожитъ:
Въ часъ утра златаго, какъ день загарался на небѣ,
И все на землѣ воскресало для счастія жизни;
Иль въ вечеръ, какъ солнце въ багряныя волны тонуло,
Иль въ ясныя ночи, смотря и безмолвный дивуясь
На мѣсяцъ, на звѣзды, на высь безпредѣльную неба,
То тайную радость, то тайныя грустныя чувства
Любилъ изливать онъ въ простыхъ, безъискуственныхъ звукахъ,
Но чистыхъ, но свѣжихъ, какъ юныя листья на вѣтвахъ.
Давно онъ окрестность плѣнялъ вдохновенной свирѣлью;
Онъ, звуками сердца по свѣтлой Невѣ разливаясь,
Не разъ у гребцовъ останавливалъ шумныя весла,
Но, сердцемъ невинный, чудесъ имъ творимыхъ не вѣдалъ.
Однажды, уставши отъ ловли несчастливой, оба
Сидѣли у кущи, изъ вѣтвей древесныхъ сложенной.
Старѣйшій работалъ изъ гибкія вербы кошницу;
А младшій у брега, главою на руку поникшій,
Уныло смотрѣлъ на бѣгущія, темныя волны.
Шумѣли, бѣжали въ пучину незримую волны:
Такъ юноши думы въ синѣвшуюсь даль уносились!
По долгомъ молчаньи къ устамъ поднесъ онъ цѣвницу
И въ пѣсни унылой излилъ вдохновенное сердце.
Но рыбарь старѣйшій, работая, началъ бесѣду:

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Любезный товарищъ, вѣдь пѣснями рыбы не ловятъ!
Ты сладко играешь, и мнѣ твои пѣсни отрадны;
Но вижу, ты часто работу мѣняешь на пѣсни;
Поешь ты до птицъ, для свирѣли и сонъ забываешь.
Охота другая неволя; но молвлю я слово:
Нашъ неводъ изорванъ и верша твоя не въ исправѣ.
Не пѣснями ль, милый, ты здѣсь затѣваешь кормиться?
Ты съ голоду сгибнешь, иль съ сумкой воротишься къ дому.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Не сгибну, товарищъ: насъ пѣсни до бѣдъ не доводятъ;
Любилъ ихъ, ты помнишь, и дѣдъ мой.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Пастухъ горемычный!
Что дѣтямъ оставилъ онъ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Доброе имя!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

И бѣдность.
Отецъ твой рыбакъ и дѣтей бы не въ скудѣ оставилъ,
Когдабъ не пришли на семью его черные годы:
Пожаръ за пожаромъ его разорилъ до основы.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

А кто же помогъ намъ? И кто на дорогу снабдилъ насъ,
Отдавши послѣднее? Дѣдъ мой, пастухъ горемычный.

Онъ, онъ подарилъ мнѣ и эту пастушью цѣвницу;
Онъ къ пѣснямъ меня заохотилъ.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Такъ что же, товарищъ!
Знать, хочешь ты кинуть наслѣдственный промыслъ отцовскій?
Но промыслъ рыбачій есть промыслъ и чистый и честный:
Рыбакъ не губитель, своей онъ руки не кровавитъ;
Рыбакъ не обманщикъ, товаръ продаетъ не поддѣльный.
Симъ промысломъ честнымъ отцы наши хлѣбъ добывали.
Знать, другъ мой любезный, тяжелъ тебѣ трудъ рыболова?
Такъ лучше бъ съ свирѣлью остался ты дома при стадѣ.
Тамъ ясное небо, тамъ ясныя души, и пѣсни
Тамъ милы людямъ; а здѣсь, братъ, и люди, какъ небо,
Суровы: здѣсь хлѣба не выпоешь, выплачешь легче.
Опомнись, землякъ! что скажетъ и мать, какъ услышитъ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Услышитъ, любезный, о мнѣ она добрыя вѣсти;
А ты понапрасну меня не кори, обижаешь.
Рыбачій я промыслъ люблю, и его не чуждаюсь:
Быть можетъ, лѣнивъ я, а больше того безталанливъ;
Но справлюсь, товарищъ. Сулитъ рыболовъ мнѣ приморскій
Клубъ нитокъ и вершу за выучку пѣсней свирѣльныхъ.
Вотъ, видишь ты, пѣсни любятъ и здѣшніе люди;
Ихъ слушаютъ часто, на шлюбкахъ по взморью гуляя,
Бояре градскіе, ихъ любятъ всѣ добрые люди!
Я помню изъ дѣтства, какъ въ нашемъ селеніи старецъ,
Захожій слѣпецъ наигрывалъ пѣсни на струнахъ
Про старыя войны, про воиновъ русскихъ могучихъ.
Какъ вижу его: и сума за плечами и кобза,
Сѣдая брада и волосы до плечъ сѣдые;
Съ клюкою въ рукахъ проходилъ онъ по нашей деревнѣ
И, зазванный дѣдомъ, подъ нашею хатой усѣлся.
Онъ долго сперва по струнамъ рокоталъ молчаливый,
То важною думой сѣдое чело осѣняя,
То къ небу подъемля незрячія, бѣлыя очи.
Какъ вдругъ просвѣтлѣло сѣдое чело пѣснопѣвца,
И вдругъ по струнамъ залетали костистые пальцы;
Въ рукахъ задрожала струнчатая кобза, и пѣсни,
Волшебныя пѣсни, изъ старцевыхъ устъ полетѣли!
Мы всѣ, ребятишки, какъ вкопаны въ землю, стояли;
А дѣдъ мой старикъ, на ладонь опираяся, думный,
На лавкѣ сидѣлъ, и изъ глазъ его капали слезы.
О, ктобы меня научилъ сладкогласнымъ тѣмъ пѣснямъ,
Тому бъ я отдалъ изъ счастливѣйшихъ всю мою тоню!
Вонъ тамъ, на Невѣ, подъ высокимъ теремомъ свѣтлымъ,
Изъ камня гдѣ львы у порога стоятъ, какъ живые,
Подъ теремомъ тѣмъ бояринъ живетъ именитый,
Уже престарѣлый, но знать въ немъ душа молодая:
Подъ теремомъ тѣмъ, ты слыхалъ ли, какъ въ лѣтнія ночи
И струны рокочутъ и вѣщіе носятся гласы?

Знать, старцы слѣпые бояриина пѣснями тѣшатъ.
Землякъ, и свирѣль тамъ слышна: соловьемъ распѣваетъ!
Всю душу проходитъ, какъ трель поведетъ и зальется!
Ты видишь, землякъ, и бояре разумные любятъ
Свирѣль. Не хули же моей ты сердечной забавы.
Люблю свое ремесло, но и пѣсни люблю я;
А дѣдъ мой говаривалъ: что въ кого Богъ поселяетъ,
То вѣрно не къ худу. И что же въ пѣсняхъ худаго?
Мнѣ сладко, мнѣ весело, радостно, словно я въ небѣ,
Когда на свирѣли играю! Да самъ ты, товарищъ,
Ты самъ, какъ пою я про сторону нашу родную,
Про рѣки знакомыя, гдѣ мы училися ловлѣ,
Про долы зеленые, гдѣ мы играли младые,
За чѣмъ ты, любезный, глаза закрываешь рукою?
Да ты же меня и коришь и сумою стращаешь!
Мнѣ бѣдность знакома изъ дѣтства: ее не боюся.
Поколѣжъ есть руки, я ихъ не простру за подачей.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Задѣлъ я тебя, да и самъ уже каюсь: рѣчистъ ты!
Но если бы столько въ сей день наловилъ ты и рыбы,
Какъ словъ насказалъ, повѣрнѣе была бъ наша прибыль.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Что правда, то правда, но день вѣдь еще не оконченъ;
А видишь ли, другъ, надо мною какъ ласточка вьется?
Вѣдь это не къ худу: о, ласточка вѣстница счастья!
Сегодня, сказалъ ты, не станемъ закидывать неводъ:
У берега рыба гуляетъ. Одинъ попытаюсь;
Сажуся на легкую лодку, беру я и сѣти и уды.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Берешь и свирѣль ты, землякъ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Разстаюсь ли я съ нею?

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Худое предвѣстье!

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Да ласточка вѣстница счастья!
Смотри, вѣдь опять надо мной, и щебечетъ и вьется.
О, ловля, счастливая ловля! лишь день вечерѣетъ,
Лишь солнце садится, и рыба стадами играетъ.
«Ловися мнѣ рыба, ловися и окунь и щука»,
И пѣснь рыболова исчезла у дальняго брега!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Уже надъ Невою сіяетъ беззнойное солнце,
Уже вечерѣетъ; а рыбаря нѣтъ молодаго.
Вотъ солнце зашло, загорѣлся безоблачный западъ;
Съ пылающимъ небомъ, сліясь, загорѣлося море,
И пурпуръ и золото залили рощи и домы.
Шпицъ тверди Петровой, возвышенный, вспыхнулъ надъ градомъ,
Какъ огненный столпъ, на лазури небесной играя.
Угасъ онъ, но пурпуръ на западномъ небѣ не гаснетъ;
Вотъ вечеръ, но сумракъ за нимъ не слетаетъ на землю;
Вотъ ночь, и свѣтла синевою покрытая дальность;
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца небо ночное сіяетъ,
И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока,

Какъ будто денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румяное утро. Была то година златая,
Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи;
Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ
Сліянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
Какимъ никогда не украшено небо полудня:
Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
Которой глаза голубые и алыя щеки
Едва отѣняются русыми локонъ волнами.
Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ видятъ
Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни;
Тогда филомела полночныя пѣсни лишь кончитъ,
И пѣсни заводитъ, привѣтствуя день восходящій.
Но поздно: повѣяла свѣжесть; на Невскія тундры
Роса опустилась, а рыбаря нѣтъ молодаго.
Вотъ полночь: шумѣвшая вечеромъ тысячью веселъ
Нева не колыхнетъ; разъѣхались гости градскіе;
Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ— все тихо;
Лишь изрѣдка гулъ отъ мостовъ надъ водой раздается,
Да изрѣдка крикъ изъ деревни, протяжный, промчится,
Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.
Все спитъ; надъ деревнею дымъ ни единый не вьется.
Огонь лишь дымится предъ кущею рыбаря старца.
Котелъ у огнища стоитъ уже снятый съ треногa:
Старикъ заварилъ въ немъ уху, въ ожиданіи друга;
Уха, ужъ остывши, подернулась пѣной янтарной.
Не ужиналъ онъ и скучалъ, земляка ожидая;
Лежалъ у огня, раскинувъ свой кожаный запонъ,
И часто посматривалъ вдоль по Невѣ сребродводной.
Но скучилъ старикъ, безпокоимый грустью и гладомъ,
И въ первый онъ разъ безъ товарища ужинать думалъ:
Взялъ чашу изъ древа, блестящую лакомъ златистымъ;
Лить началъ уху; черезъ край, призадумавшись, пролилъ,
И, въ сердцѣ на друга, промолвилъ суровое слово.
Присѣлъ и лишь руку для крестнаго знаменья поднялъ,—
Шумъ веселъ раздался, и крестъ сотворилъ онъ не къ яствѣ,
Но къ радости сердца: ладья на рѣкѣ показалась,
И голосъ знакомый ударился въ берегъ отзывный.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Ты спишь ли, товарищъ? Вставай, помогай выгружаться.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Люби тебя Богъ, наважденный свирѣльникъ несчастный!
Не сонъ на глаза, а кручину на сердце навелъ ты.
Пропасть до полночи? Я, Богъ знаетъ, что передумалъ.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

А что же ты думалъ?

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Что думалъ? свѣтаетъ, повѣса!
По Новой деревнѣ, ты слышишь, стучатъ ужъ телѣги.
И гдѣ разъѣзжалъ ты? Свѣтло, всѣ окольности видно;
А лодки твоей, просмотрѣлъ я глаза, не завидѣлъ.
Хожу, окликаю: съ Невы ни отвѣта, ни гласа.

Палъ на сердце страхъ: до бѣды далеко ль человѣку!
Такихъ, братъ, какъ ты подцѣпляли не разъ Водяные;
А мать за тебя у кого бы отвѣта спросила,
Негодный повѣса?.. Здорово! дай руку, товарищъ!

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Другъ милый, другъ милый! вѣдь ласточка намъ не солгала.
Иль сердцемъ не чулъ ты, что я привезу тебѣ радость?

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Что? щуку съ перомъ голубымъ, или лосося жирнаго пѣснью
Сманилъ ты на уду? О, рыба вѣдь лакома къ пѣснямъ!
Не рыбу, мой другъ, а сердца подгородныхъ красавицъ
Ловилъ ты свирѣлью. Удаченъ ли ловъ? признавайся,
Разсказывай все.... Но на челнѣ, какъ видится неводъ?
Ты невода не бралъ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

О неводѣ послѣ, товарищъ.
А эта свирѣль какова? посмотри, полюбуйся!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Свирѣль дорогая, сдается; уже ли купилъ ты?
Нѣтъ, поднялъ у мызъ понадрѣчныхъ; навѣрно бояринъ
Ее обронилъ. Дорогая, заморской работы,
Изъ пальмова древа, съ слоновою костью и златомъ;
А скважины въ ней, какъ пчела на сотахъ вылѣпляетъ!
На ней-то, землякъ, соловьиныя трели ты бъ вывелъ!
Сознай ты ее, объяви, чтобъ тебя не клепали;
Чужое добро не въ корысть.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Не присвою чужаго.
И эта свирѣль, мой любезный, и неводъ на челнѣ
Мои!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Перестань, молодой, старика ты морочишь.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Такъ счастью, землякъ, моему и не вѣришь ты?

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Счастью?
Ума приложить не могу, и не знаю—кому?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Вотъ этой простою, пастушеской дѣда свирѣлью
И неводъ, что въ лодкѣ, и эту свирѣль дорогую
Я выигралъ!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Что?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

И за что бы купилъ я?
За эту свирѣль рыболовнаго мало снаряда.
Нѣтъ, Богъ, о товарищъ, мнѣ Богъ даровалъ ихъ за пѣсни!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Да молви же, кто? Не томи, разскажи мнѣ скорѣе!
Отъ радости сердце играетъ; пропалъ мой и голодъ;
На умъ не идетъ мнѣ и ужинъ. Товарищъ, ты веселъ?
Скорѣй подѣлися весельемъ, порадуй и друга!

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

О, радостно будетъ объ этомъ всю жизнь говорить мнѣ.
Но сядемъ мы тамъ, на холмѣ, подъ душистою липой,
Гдѣ въ ясныя ночи съ тобою рыбу мы удимъ.
Оттолѣ намъ видны далекія рощи и мызы
По брегу Невы среброводной; оттолѣ увидимъ
И домъ, о которомъ тебѣ говеду мое слово,

Тотъ теремъ, котораго мнѣ не забыть до могилы!—
Какъ солнце садилось, подъѣхалъ я съ удами въ челнѣ
Къ противному берегу. Рыба, какъ день вечерѣетъ,
Тамъ рунами ходитъ; и въ правду, стадами металась;
Рука уставала закидывать гибкія уды;
Двухъ щукъ изловилъ, окунямъ и счетъ ужъ терялъ я;
Запасная верша кипѣла серебряной рыбой.
Но скоро, не вѣдаю какъ, противъ мызы боярской
Съ ладьей очутился. Ночь между тѣмъ наступала,
Чудесная ночь! ни единой звѣзды на лазури,
А сребряный свѣтъ разливался по небу ночному!
Все было такъ тихо! не дрогнулъ ни листъ на осинѣ;
Все было безмолвно! И вотъ, надъ Невою недвижной
Понесся изъ терема сладостный гулъ тихострунный,
Мнѣ радостно стало! и началъ я робкой свирѣлью
Подыгрывать тихо подъ струны; какъ вдругъ межъ древами
Почулся мнѣ шорохъ; и слуги боярскіе вышли,
И съ берега стали меня зазывать въ его теремъ.
Я сѣть отвязалъ, чтобъ боярину рыбу живую,
Огромную щуку и окуней несть краснoперыхъ.
«Не съ рыбой, съ свирѣлью!» веселые вскрикнули слуги:
«Въ свой теремъ высокій тебя призываетъ бояринъ.»

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Царю мой небесный! идти ты, землякъ, не боялся?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Боялся, товарищъ! въ груди моей дрогнуло сердце;
Какъ вотъ и бояринъ изъ теремныхъ оконъ хрустальныхъ
Свой ласковый голосъ мнѣ подалъ, и пролилъ онъ въ душу
Веселость и смѣлость. Вступилъ я въ хоромы; но страшно
Мнѣ стало опять, какъ я началъ идти по хоромамъ.
Со стѣнъ ихъ лики глядятъ на тебя какъ живые!
Изъ мрамора дѣвы, прелестныя, только не дышатъ!
Но диву я дался, увидѣвши теремъ высокій,
Чудесный, прозрачный! какъ въ сказкѣ, землякъ, говорится:
Что на небѣ звѣзды и въ теремѣ звѣзды! и мѣсяцъ,
И вся въ терему красота поднебесная видна (3)!
Въ немъ старецъ бояринъ (4) сидѣлъ сребровласый въ семействѣ
Цвѣтущихъ дѣтей, средь бояръ и вельможъ именитыхъ.
Смутился я, другъ; у порога стоялъ полумертвый;
Но ожило сердце, забилось весельемъ, и слезы
Изъ глазъ у меня проступили, какъ добрый бояринъ
Привѣтно взглянулъ на меня и ласково молвилъ:
«Люблю я невинныхъ сердецъ вдохновенья простыя,
Люблю я свирѣльныя пѣсни, а ты ихъ пріятно играешь;
Не разъ и ко мнѣ доходили ихъ сладкіе звуки.
Давно я желалъ насладиться твоею свирѣлью;
Давно приготовилъ награду, достойную пѣсней:

Тебя подарю я прекрасной свирѣлью изъ пальмы.
Сыграй намъ, о рыбарь, пріятную, сельскую пѣсню!»
За чѣмъ ты, товарищъ, подъ теремомъ не былъ со мною?
Напомнилъ бы ты мнѣ, какія я пѣсни играю;
Отъ радости все позабылъ я, стоялъ безотвѣтный;
Но очи лишь поднялъ и взоры боярина встрѣтилъ,
Безвѣстная, другъ, обняла меня дивная сила!
Взыгралъ я, и пѣснь разлилась по зеленому саду!
И вотъ мнѣ награда.

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Постой, товарищъ, ты видишь,
Досадныя слезы мѣшаютъ мнѣ слушать.—
Ну, далѣ?

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Но лучшей наградой мнѣ было боярское слово:
«Кто былъ твой учитель?» измолвилъ онъ.—Богъ, отвѣчалъ я.
Бояринъ, изъ рукъ подавая свирѣль дорогую:
«Играй, мнѣ примолвилъ, безъ Бога, какъ ты, не играютъ.
Но въ промыслѣ ты не лѣнишься ли, рыбарь, для пѣсней?
Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка.»
Нашъ промыслъ, я молвилъ, есть промыслъ и чистый и честный:
Твои предъ бояриномъ смѣло я высказалъ рѣчи.
«Разумныя рѣчи, бояринъ мнѣ весело молвилъ:
За нихъ я тебя дарю еще неводомъ новымъ;
Ты жъ лучшій твой ловъ продавай для меня на трапезу.»

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Какъ сказку я слышу! правдиво предвѣстіе птицы!

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

Не птицы, а дѣда правдиво мнѣ вѣщее слово.
Онъ, дѣдъ мой, говаривалъ: что въ кого Богъ поселяетъ,
То вѣрно не къ худу.—Молчишь ты, любезный!

РЫБАКЪ СТАРШІЙ.

Усталъ я
Отъ радости сердца; скажу я короткое слово:
Отъ дѣда въ наслѣдство ты принялъ цѣвницу изъ липы,
А внукамъ своимъ передай цѣвницу изъ пальмы.

РЫБАКЪ МЛАДШІЙ.

И имя того, кто почтилъ дарованіе Бога,
Я внукамъ моимъ передамъ съ любовію къ пѣснямъ!

В. ИЗЪ ИЛІАДЫ: ЕДИНОВОРСТВО ГЕКТОРА И АЯКСА (ПѢСНЬ 7). (*).

..... И восхитился Гекторъ услышанной рѣчью;
Вышелъ одинъ на средину и, взявши копье по срединѣ,
Спнулъ фаланги Троянскія; всѣ, успокоясь, возсѣли.
Царь Агамемнонъ равно удержалъ мѣднобронныхъ Данаевъ.
Тою порой Аѳина Паллада и Фебъ сребролукій,
Оба, вознесшиеся, словно какъ ястребы, хищныя птицы,
Сѣли на дубѣ высокомъ отца молненоснаго Зевса,
Ратями вмѣстѣ любуясь: ряды ихъ сидѣли густые,
Грозно щиты, и шеломы, и острыя копья вздымая.
Словно какъ Зефиръ порывистый по морю зыбь разливаетъ,

Если онъ вдругъ подымается; море чернѣетъ подъ нею:
Ратей ряды таковы и Троянъ и безстрашныхъ Данаевъ
Въ полѣ сидѣли; и Гекторъ вѣщалъ, между ратями стоя:
«Трои сыны и Ахеяне храбрые, слухъ приклоните;
Я вамъ повѣдаю, что мнѣ велитъ благородное сердце:
Нашихъ условій высокоцарящій Кронидъ не исполнилъ,
Но, бѣды совѣщающій, намъ обоюдно готовитъ
Битвы, покуда иль вы крѣпкобашенный градъ нашъ возьмете,
Или падете отъ насъ при своихъ корабляхъ мореходныхъ.
Здѣсь, о Ахеяне, съ вами храбрѣйшіе ваши герои.
Тотъ, у котораго сердце со мною сразиться пылаетъ,
Пусть изойдетъ и съ божественнымъ Гекторомъ станетъ на битву.
Такъ говорю я, и Зевсъ уговора свидѣтель намъ будетъ:
Если противникъ меня поразитъ сокрушительной мѣдью,
Снявъ онъ оружія, пусть отнесетъ къ кораблямъ мореходнымъ;
Тѣло-же пусть возвратитъ, чтобъ Трояне меня и Троянки,
Честь воздавая послѣднюю, въ домѣ огню пріобщили.
Если же я поражу, и меня Луконосецъ прославитъ,
Взявши доспѣхи его, внесу въ Иліонъ ихъ священный,
И повѣшу во храмѣ метателя стрѣлъ Аполлона;
Тѣло жъ назадъ возвращу къ кораблямъ обоюдувесельнымъ.
Пусть похоронятъ его кудреглавые мужи Ахейцы,
И на брегу Геллеспонта широкаго холмъ да насыплютъ.
Нѣкогда, видя его кто нибудь и отъ позднихъ потомковъ,
Скажетъ, плывя въ кораблѣ многовесломъ по черному Понту:
Вотъ ратоборца могила, умершаго въ древніе вѣки!
Въ браняхъ его знаменитаго свергнулъ божественный Гекторъ!
Такъ нерожденные скажутъ, и слава моя не погибнетъ.»

Рекъ—и молчанье глубокое всѣ Аргивяне хранили:
Вызовъ стыдились отвергнуть, равно и принять ужасались.
Вдругъ возсталъ Менелай и вѣщалъ между сонма Ахеянъ,
Всѣхъ упрекая жестоко и горестно сердцемъ стеная:

«Горе мнѣ! о самохвалы! Ахеянки вы, не Ахейцы!
Срамъ для Ахейскихъ мужей имъ ужаснѣйшій будетъ,
Если отъ нихъ ни одинъ не посмѣетъ на Гектора выдти!
Но погибните всѣ вы, разсыпьтесь водою и прахомъ,
Вы, сидящіе здѣсь, какъ народъ безъ души и безъ чести!
Я ополчуся и выйду на Гектора! знаю, что свыше
Жребій побѣды находится въ волѣ боговъ всемогущихъ.»

Такъ говоря, покрывался поспѣшно оружіемъ пышнымъ;
И тогда, Менелай, ты разстался-бы съ сладкою жизнью
Въ мощныхъ рукахъ Пріамида, далеко сильнѣйшаго мужа,
Если-бъ тебя удержать не воздвиглись цари и герои:
Самъ повелитель мужей, Агамемнонъ пространнодержавный

За руку брата схватилъ, называлъ и вѣщалъ убѣждая:

«Ты изступленъ, Менелай благородный! такое безумство
Вовсе тебя недостойно: смири огорченное сердце;
Въ ревности гордой съ сильнѣйшимъ тебя не дерзай состязаться,
Съ Гекторомъ, сыномъ Пріама: его и другіе трепещутъ!
Съ нимъ и Пелидъ быстроногій на славныхъ мужамъ ратоборствахъ
Съ страхомъ встрѣчается, воинъ тебя несравненно храбрѣйшій!
Сядь при дружинѣ своей, успокойся, питомецъ Зевеса.
Мы отъ Ахеянъ ему одноборца другаго возбудимъ;
Сколь онъ ни будетъ безстрашенъ и боя кроваваго жаденъ,
Съ радостью вѣрно колѣна преклонитъ, когда лишь безвреденъ
Выйдетъ изъ пламенной битвы и страшнаго единоборства!»

Такъ говорящій герой отвратилъ помышленіе брата,
Правду ему говоря; покорился Атридъ, и клевреты
Весело съ плечъ Менелая оружія свѣтлыя сняли.
Несторъ отъ сонма Ахеянъ возсталъ и вѣщалъ имъ печальный:

«Боги! великая скорбь на Ахейскую землю приходитъ!
Истинно горько восплачетъ Пелей, сѣдой конеборецъ,
Славный мужей Мирмидонскихъ витія и мудрый совѣтникъ.
Онъ восхищался, когда, вопрошая меня въ своемъ домѣ,
Каждаго порознь Ахейца развѣдывалъ родъ и потомство;
Нынѣ-жъ, когда онъ услышитъ, что всѣхъ ужасаетъ ихъ Гекторъ,
Вѣрно не разъ къ небожителямъ руки простретъ, да скорѣе
Духъ сокрушенный его погрузится въ обитель Аида!
Если-бы нынѣ, о Зевсъ, Аполлонъ и Паллада Аѳина,
Молодъ я былъ, какъ въ тѣ годы, когда у гремучаго брега
Билася рать Иліянъ и Аркадянъ, копейщиковъ славныхъ,
Около Фейскихъ твердынь, недалеко отъ струй Іордана!
Въ воинствѣ ихъ впереди Эреваліонъ, богу подобный,
Первый стоялъ, ополченный оружіемъ Арейѳоя,
Славнаго Арейѳоя, прозваніемъ палиценосца,
Даннымъ ему отъ мужей и отъ женъ опоясаньемъ красныхъ;
Мощный, не лукомъ тугимъ, не копьемъ длиннотѣннымъ сражался:
Онъ булавою желѣзной ряды разрывалъ сопротивныхъ.
Онаго храбрый Ликургъ одолѣлъ, но не силой—коварствомъ,
Въ тѣсномъ проходѣ; не могъ онъ себя булавой и желѣзной
Спасть отъ смерти: Ликургъ, на дорогѣ его упредивши,
Въ чрево копьемъ поразилъ, и объ долъ онъ ударился тыломъ.
Снялъ побѣдитель оружія, даръ душегубца Арея;
Послѣ и самъ онъ носилъ, выходя на Ареевы споры.
Но когда обезсилѣлъ герой, состарѣвшійся въ домѣ,
Отдалъ тяжелый доспѣхъ Эреваліону, ратному другу:
Сими доспѣхами гордый, выкликивалъ всѣхъ онъ храбрѣйшихъ;
Всѣ трепетали, страшились, никто не отважился выдти.

Вспыхнуло сердце во мнѣ, на свою уповая отвагу,
Съ гордымъ сразиться, хотя между сверстниковъ былъ я и младшій.
Я съ нимъ сразился, и мнѣ торжество даровала Аѳина:
Большаго всѣхъ и сильнѣйшаго всѣхъ я убилъ человѣка!
Въ прахѣ лежалъ онъ огромный, сюда и туда распростертый.
Если-бы такъ я былъ младъ и не чувствовалъ немощи въ силахъ,
Скоро противника встрѣтилъ-бы шлемомъ сверкающій Гекторъ!
Въ нашемъ-же воинствѣ сколько ни есть храбрѣйшихъ Данаевъ,
Сердцемъ никто не пылаетъ противникомъ Гектору выдти!»

Такъ ихъ старецъ стыдилъ, и мгновенно воспрянули девять:
Первый воздвигся Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ;
Послѣ воспрянулъ Тидидъ Діомедъ, воеватель могучій;
Оба Аякса вожди, облеченные бурною силой;
Дерзостный Идоменей и его совоинственникъ грозный,
Вождь Меріонъ, человѣковъ губитель равный Арею;
Послѣ герой Эврипилъ, блистательный сынъ Эвемона;
Въ слѣдъ Андремонидъ Ѳоасъ, и за нимъ Одиссей знаменитый.
Столько возстало ихъ жаждущихъ съ Гекторомъ славнымъ сразиться.
Слово опять обратилъ къ нимъ Несторъ, конникъ Геренскій:

«Жребій бросимъ, друзья, и котораго жребій назначитъ,
Тотъ несомнѣнно, я вѣрю, возрадуетъ души Ахеянъ,
И не менѣе радостенъ будетъ и самъ, коль спасенный
Выйдетъ изъ пламенной битвы и страшнаго единоборства.»

Такъ произнесъ онъ, и каждый, намѣтивши собственный жребій,
Бросилъ въ мѣдный шеломъ Агамемнона, сына Атрея.
Рати молились и длани къ безсмертнымъ горѣ воздѣвали;
Такъ не одинъ говорилъ, на пространное небо взирая:

«Даруй, о Зевсъ! да падетъ на Аякса, или Діомеда,
Иль на царя самого многозлатой Микены Атрида.»

Такъ говорили, а Несторъ шеломъ сотрясалъ предъ собраньемъ;
Вылетѣлъ жребій изъ шлема, Данаями всѣми желанный,
Жребій Аякса: и вѣстникъ, понесши кругомъ по собранью,
Всѣмъ, отъ десной стороны, показалъ воеводамъ Ахейскимъ:
Знака никто не призналъ, отрекался отъ жребія каждый.
Вѣстникъ предсталъ и къ тому, по собранію окрестъ носящій,
Кто и означилъ и въ шлемъ положилъ; Теламонидъ великій
Къ вѣстнику руку простеръ, и вѣстникъ, приближася, подалъ;
Жребій увидѣвши, знакъ свой узналъ, и въ восторгѣ сердечномъ
На землю бросилъ его и къ Ахеямъ вскричалъ Теламонидъ:

«Жребій, Ахеяне, мой: веселюся и самъ я сердечно!
Такъ, надъ божественнымъ Гекторомъ льщусь одержать я побѣду.
Други, пока я въ рядахъ боевые доспѣхи надѣну,
Вы молитеся Зевсу, могущему Кронову сыну,

Между собою, безмолвно, да васъ не услышатъ Трояне,
Или молитеся громко,—мы никого не страшимся!
Кто-бъ ни желалъ, противъ воли меня не подвигнетъ онъ съ поля
Силой, ни ратнымъ искуствомъ; и я не невѣждой, надѣюсь,
Самъ у отца моего въ Саламинѣ рожденъ и воспитанъ!»

Такъ говорилъ, а Данаи молили могущаго Зевса.
Такъ не одинъ возглашалъ, на пространное небо взирая:

«Зевсъ отецъ, обладающій съ Иды, преславный, великій,
Дай ты Аяксу обрѣсть и побѣду и свѣтлую славу!
Если-жъ и Гектора любишь, когда и объ немъ помышляешь,
Равныя имъ обоимъ и могущество даруй и славу!»

Такъ говорили. Аяксъ покрывался блистательной мѣдью;
И какъ скоро одѣялся весь въ боевые доспѣхи,
Началъ впередъ выступать, какъ Арей выступаетъ огромный,
Если онъ шествуетъ въ брани народовъ, которыхъ Кроніонъ
Духомъ вражды сердцегложущей свелъ на кровавую битву:
Вышелъ таковъ Теламонидъ огромный, твердыня Данаевъ,
Грознымъ лицемъ осклабляясь; и звучными сильный стопами
Шелъ, широко выступая, копьемъ длиннотѣннымъ колебля.
Всѣ Аргивяне, смотря на него, восхищалися духомъ;
Трепетъ невольный объялъ у Троянина каждаго члены;
Даже у Гектора сердце въ могучей груди задрожало;
Но, ни врага избѣжать, ни въ толпы ополченій укрыться,
Не было болѣ возможности: самъ на сраженіе вызвалъ.
Быстро Аяксъ подходилъ, предъ собою несущій, какъ башню,
Мѣдяный щитъ, семикожный, который художникъ составилъ,
Тихій, усмарь знаменитѣйшій, въ Гилѣ обителью жившій:
Онъ сей щитъ сотворилъ легкодвижный, семь сочетавши
Кожъ изъ тучнѣйшихъ воловъ, и восьмую изъ мѣди поверхность:
Щитъ сей неся передъ грудью, Аяксъ Теламонидъ могучій
Сталъ противъ Гектора близко и голосомъ грознымъ воскликнулъ:

«Гекторъ, теперь ты узнаешь, одинъ на одинъ подвизаясь,
Въ рати Ахейской земли каковы и другіе герои
Есть безъ Пелида, фалангъ разрывателя, съ львиной душею!
Онъ у своихъ кораблей, при дружинахъ своихъ Мирмидонскихъ,
Празденъ лежитъ, на царя Агамемнона злобу питая.
Насъ-же Ахеянъ, которые выдти съ тобою готовы,
Много такихъ! начинай, Пріамидъ, поединокъ и битву!»

Но ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ великій:
«Сынъ Теламоновъ, Аяксъ благородный, властитель народа,
Тщетно меня ты, какъ будто ребенка, испытывать хочешь,
Или какъ дѣву, которая дѣлъ ратоборныхъ не знаетъ.
Знаю довольно я брань и кровавое мужеубійство!

Щитъ мой умѣю на право, умѣю на лѣво метать я
Жесткую тяжесть, и съ нею могу неусталый сражаться;
Пѣшій, умѣю ходить я подъ грозные звуки Арея;
Конный, умѣю скача, съ кобылицъ быстроногихъ сражаться.
Но не хочу нападать на такого, какъ ты, ратоборца,
Скрытно высматривая, но открыто, когда лишь умѣчу».

Рекъ онъ и, мощно сотрясши, повергъ длиннотѣнную пику,
И поразилъ Теламонида въ выпуклый щитъ семикожный,
Въ яркую полосу мѣди, что сверху восьмая лежала!
Шесть въ немъ полосъ пробѣжала разсѣкши бурная пика,
Въ кожѣ седьмой увязла. Тогда Теламонидъ великій,
Мощный Аяксъ, размахнувши, послалъ длиннотѣнную пику,
И вогналъ Пріамиду оружіе въ щитъ круговидный:
Щитъ свѣтозарный насквозь пролетѣла могучая пика,
Броню насквозь, украшеньемъ изящную, быстро пронзила,
И на чревѣ, подъ ребрами, самый хитонъ растерзала
Бурная: Гекторъ отпрянулъ и гибели черной избѣгнулъ.
Оба исторгнули вновь длиннотѣнныя копья, и разомъ
Сшиблися вновь, какъ свирѣпые львы, пожиратели крови,
Или какъ звѣри лѣсовъ, не легко одолимые вепри.
Гекторъ копьемъ въ средину щита Теламонида грянулъ,
Но щита не прорвалъ: на мѣди изогнулося жало.
Въ щитъ, налетѣвши, ударилъ Аяксъ, и насквозь совершенно
Вышло копье, напиравшаго Гектора вспять отразило,
Вскользь пробѣжало по выѣ, и черная кровь заструилась.
Боя герой не прервалъ, шлемоблещущій, пламенный Гекторъ,
Но, назадъ онъ подавшися, камень рукою могучей
Сорвалъ, средь поля лежавшій, черный, жестокій, огромный:
Махомъ повергъ, и Аяксовъ блистательный щитъ семикожный
Глыбой въ средину ударилъ; взревѣла вся мѣдь щитовая.
Быстро Аяксъ подхватилъ несравненно огромнѣйшій камень;
Ринулъ его, размахавъ, и, напрягши безмѣрную силу,
Въ щитъ угодилъ и насквозь проломилъ его камнемъ жерновнымъ,
Ранилъ колѣна врагу. На хребетъ опрокинулся Гекторъ,
Сверху натиснутъ щитомъ, но внезапно воздвигъ Пріамида
Фебъ: и тогда рукопашно мечами-бъ они изрубились,
Если-бъ къ героямъ глашатаи, вѣстники бога и смертныхъ,
Вдругъ не предстали, одинъ отъ Троянъ, а другой отъ Ахеянъ,
Вѣстникъ Идей и Талфибій, мужи разумные оба.
Между героями скиптры они протянули, и рекъ имъ
Вѣстникъ Троянскій Идей, исполненный мудрыхъ совѣтовъ:

«Кончите, дѣти любезныя, кончите брань и сраженье;
Оба равно вы любезны гонителю облаковъ Зевсу;
Оба храбрѣйшіе воины: въ томъ убѣдилися всѣ мы.
Но приближается ночь: покориться и ночи пріятно.»

Быстро, къ нему обратясь, отвѣчалъ Теламонидъ великій:
«Вѣстникъ, что ты произнесъ, повели произнесть Пріамиду;
Онъ вызывалъ на сраженіе нашихъ храбрѣйшихъ героевъ;
Онъ и начни: покориться готовъ я, коль онъ пожелаетъ.»

И ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ великій:
«Такъ, Теламонидъ, тебѣ и великость, и силу, и разумъ
Богъ даровалъ; межъ Ахеями ты копьеборецъ славнѣйшій.
Кончимъ на нынѣшній день и борьбу и сраженіе наше;
Послѣ сойдемся и будемъ сражаться, пока уже Демонъ
Насъ не разлучитъ, изъ двухъ одному даровавши побѣду.
Нынѣ приближилась ночь: покориться и ночи пріятно.
Шествуй и предъ кораблями всѣхъ Аргивянъ ты обрадуй,
Болѣе-жъ друговъ любезныхъ, и ближнихъ, какихъ ты имѣешь;
Я же въ Пріамовомъ градѣ великомъ, обрадую въ Троѣ
Сердцѐ Троянъ и длинныя ризы влачащихъ Троянокъ,
Кои молиться о мнѣ соберутся въ божественномъ храмѣ.
Сынъ Телемановъ! почтимъ мы другъ друга дарами на память.
Нѣкогда пусть говорятъ и Троады сыны и Геллады:
Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце;
Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной.»

Гекторъ, слово окончивши, мечъ подаетъ сребrогвоздный,
Вмѣстѣ съ ножнами его и красивымъ ремнемъ перевѣснымъ.
Сынъ Теламона вручаетъ блистающій пурпуромъ поясъ.

Такъ разлучася герои, одинъ къ ополченьямъ Ахейскимъ
Шествовалъ; къ сонмамъ Троянскимъ другой поспѣшалъ. И Трояне,
Радуясь сердцемъ, смотрѣли, что шествуетъ здравъ и безвреденъ
Гекторъ, Аяксовой силы и рукъ необорныхъ избѣгшій;
Въ градъ повели Пріамида нeждавшіе видѣть живаго.
Такъ и Аякса красивопоножные мужи Данаи
Къ сыну Атрея вели, восхищеннаго славой побѣды.

[1]) Гнѣдичъ, Николай Ивановичъ (1784—1833), род. въ Полтавѣ и начальное образованіе получилъ въ тамошней семинаріи; по уничтоженіи ея, перешелъ въ Харьковскій коллегіумъ; а съ 1800 воспитывался въ Московскомъ университетѣ. Здѣсь обнаружилась его любовь къ сценическому искуству: на университетскомъ театрѣ, въ кругу товарищей, онъ представлялъ нѣкоторыя трагическія роли и своею игрою заслуживалъ похвалы. Первыми литературными его опытами были переводы трагедій Дюси «Абюфаръ» (1802) и Шиллера «Заговоръ Фіеска въ Генуѣ» (1803). Къ тому же времени относится оригинальный его романъ: «Донъ-Коррадо де Геррера, или духъ мщенія и варварства Гишпанцевъ», 2 ч. (1803). Окончивъ курсъ наукъ (1803), Гнѣдичъ переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ Департаментъ министерства народнаго просвѣщенія. Съ этого года, его сочиненія являются въ петербургскихъ журналахъ: Сѣвер. Вѣстникѣ (1804—1805), Журналѣ россійской словесности (1805), Лицеѣ (1805). Между этими сочиненіями отмѣтимъ Послѣднюю пѣснь Оссіана (1804 № 1), переведенную размѣромъ русскихъ пѣсенъ, и Красоты Оссіана (ib., № 4, и 1805, № 4). Въ 1805 г. онъ посѣтилъ Полтаву. «Пѣснь при гробѣ матери», написанная въ этомъ году; но напечатанная позднѣе (Цвѣтникъ, 1809, № 12), передаетъ намъ благоговѣйныя чувства сына, который «отъ колыбели остался сиротой и былъ усыновленъ суровой мачихой—судьбою» Небольшое имѣнье, оставшееся ему отъ отца, онъ передалъ своей сестрѣ. Когда же она умерла, вся его нѣжность перешла на ея дочь—«единствен-

ную вѣтвь родной крови, послѣднюю привязанность земную». Но и эта привязанность подъ конецъ измѣнила ему: элегія «на смерть дочери покойной сестры» (1826) раскрываетъ тоскующую душу человѣка, опустошенную двумя утратами. Одиночество было неисцѣлимою болью его сердца, причиною неизмѣнно печальнаго его настроенія. Съ 1807 г. начинается знакомство Гнѣдича съ трагической актрисой Семеновой, которое продолжалось 18 лѣтъ. Его просвѣщенной дружбѣ и постоянному участію въ изученіи съ нею драматическихъ характеровъ, эта артистка одолжена частію той славы, которою она блистала въ роляхъ Клитемнестры, Медеи, Меропы, Моины, Аменаиды, Ксеніи. Гнѣдичъ и самъ не оставлялъ тѣхъ занятій, которыми онъ дебютировалъ въ литературѣ: въ 1808 г. онъ напечаталъ переводъ Шекспировой трагедіи «Леаръ». а въ 1816-мъ переводъ трагедіи Вольтера «Танкредъ»; обѣ эти піесы, особенно вторая, имѣли большой успѣхъ въ представленіи. Важнѣйшимъ подвигомъ Гнѣдича, доставившимъ ему почетное мѣсто въ исторіи нашей словесности, былъ переводъ Иліады. Сначала онъ хотѣлъ продолжать и кончить трудъ Кострова (первыя 6 пѣсенъ, напечатанныя въ 1787 г.), почему и перевелъ 7, 8, 9, 10 и начало 11-ой пѣсни Гомеровой поэмы александрійскими стихами: изъ нихъ 7-ая пѣснь издана отдѣльно (1809), а 8-ая помѣщена въ Чтеніяхъ въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова (1812, кн. 5). Екатерина Павловна, принцесса ольденбургская (въ послѣдствіи королева виртембергская), оцѣнила намѣреніе Гнѣдича и, желая оказать ему пособіе, назначила ему 1000 руб. ежегодной пенсіи, выдача которой продолжалась и ея сыномъ, принцемъ Петромъ Георгіевичемъ, по самую смерть переводчика. «Забуду ль, когда ты склоняла твой слухъ къ слабымъ еще отголоскамъ Гомера?» говоритъ Гнѣдичъ въ «Приношеніи» (1821). Въ 1811 г. отыскалось продолженіе перевода Кострова, именно пѣсни 7, 8 и половина 9-ой (нап. въ Вѣстникѣ Европы 1811, №№ 14 и 15). Это открытіе не остановило Гнѣдича, но онъ уже ясно сознавалъ бѣдность выбраннаго имъ стихотворнаго метра и невозможность передать имъ въ точности красоты подлинника, хотя и не осмѣливался еще прибѣгнуть къ гексаметру, считая его несвойственнымъ русскому языку послѣ несчастнаго опыта Тредьяковскаго. Сомнѣнія Гнѣдича были разрѣшены С. С. Уваровымъ, по убѣжденію котораго онъ рѣшился замѣнить однообразный шестистопный ямбъ эпическимъ стихомъ Грековъ. Письмо Уварова къ Гнѣдичу по этому предмету нап. въ 13 книжкѣ «Чтеній», 1813 г. Гнѣдичъ, въ отвѣтѣ своемъ, изложилъ формы измѣненій гексаметрическихъ и представилъ опытъ перевода гексаметрами изъ 6-ой пѣсни (ib). Съ этого времени онъ неослабно предался выполненію принятой имъ на себя задачи, употребивъ на него болѣе 20 лѣтъ: переводъ Иліады вышелъ въ 1829 г. Въ теченіи главной работы являлись и другія сочиненія, напримѣръ: «Рожденіе Гомера, лирическая поэма въ двухъ пѣсняхъ» (1817), идиллія «Рыбаки» (1821, см. ниже прим. 2), «Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ» (1825). Служба Гнѣдича въ Департаментѣ продолжалась до 1817 г. Кромѣ того въ 1811 г. онъ занялъ должность библіотекаря въ И. П. Библіотекѣ, директоры которой, гр. А. С. Строгоновъ и А. Н. Оленинъ, много способствовали ему въ его предпріятіи. Они, по словамъ Лобанова, біографа Гнѣдича, требовали отъ него не столько службы, сколько Иліады, зная, что перенести подобное твореніе въ отечественную словесность есть служба тому же отечеству, но такая, для совершенія которой и въ цѣлыя столѣтія не всегда представляются достойные сподвижники. Не пользуясь крѣпкимъ здоровьемъ отъ природы, Гнѣдичъ еще болѣе ослабилъ его трудолюбивою, сидячею жизнію. Къ физическимъ болѣзнямъ присоединилась еще и душевная—тоска человѣка одинокаго. Это грустное одиночество выражено имъ въ одномъ изъ послѣднихъ его стихотвореній «Дума» (1832):

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ничьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ, сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
Прошелъ одинокъ его—тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной Ливійской юдоли,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ:
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

Гнѣдичу не суждено было испытать счастія супружества, котораго онъ пламенно желалъ, какъ видно изъ его собственныхъ словъ:

«Долго испытывая, что такое счастіе или, лучше сказать, на чемъ бы хотѣлъ я основать мое счастіе, нахожу, что постоянство и однообразіе жизни, спокойствіе духа и свобода, образованность сердца и раздѣленіе чувствъ его,—вотъ источники счастія, мною воображаемаго... Только воображаемаго?.. Какъ я бѣденъ!

«Главный предметъ моихъ желаній—домашнее счастіе.—Моихъ?... Едва ли это не цѣль и конецъ, къ которымъ стремятся предпріятія и труды каждаго человѣка. Но увы! я бездоменъ, я безроденъ. Кругъ се-

мейственный есть благо, котораго я никогда не вѣдалъ. Чуждый всего, что могло бы меня развеселить, ободрить, я ничего не находилъ въ пустотѣ домашней, кромѣ хлопотъ, усталости, унынія. Меня обременяли всѣ заботы жизни домашней безъ всякаго изъ ея наслажденій».

Въ 1825 г., по совѣту врачей, Гнѣдичъ пользовался кавказскими минеральными водами, но безъ успѣха. Въ 1826 г. онъ отправился въ Одессу, откуда возвратился въ 1828 г., значительно поправивъ свое здоровье. Въ 1830 г. припадки болѣзни возобновились. Облегченіе, принесенное искуственными минеральными водами въ Москвѣ (1831), было только временное. Гнѣдичъ уже чувствовалъ приближеніе смерти. Это предчувствіе, обратившееся въ увѣренность, выражено двустишіемъ при погребеніи Дельвига (1831):

Другъ, до свиданія! Скоро и я наслаждусь моей частью:
Жилъ я, чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить.

Гнѣдичъ похороненъ въ Петербургѣ, на кладбищѣ Невскаго монастыря. Надгробный памятникъ поставленъ ему друзьями и пріятелями, съ надписью:

Гнѣдичу,
обогатившему
Русскую Словесность
переводомъ Омира.
Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися.
(Иліада, пѣснь 1, стихъ 249).

Въ отвѣтѣ на посланіе гр. Хвостова, относящееся къ 1810 г., Гнѣдичъ изобразилъ свою личность, начиная съ внѣшняго вида и оканчивая внутренними свойствами. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ:

Мой духъ лишь воспаренъ любовію къ наукамъ,
Къ священной истинѣ, златыя лиры къ звукамъ...
Они отрада мнѣ въ прискорбныхъ дняхъ моихъ.

(Жизнь и сочиненія Н. И. Гнѣдича, статья М. Лобанова, въ 5 ч. Трудовъ Рос. Академіи, 1842; также въ Сынѣ Отеч., 1842, № XI).

Сочиненія Гнѣдича изданы два раза: а) Стихотворенія (1832); б) Сочиненія, 1854 (въ Полн. собр. сочиненій рус. авторовъ, Смирдина, вмѣстѣ съ сочиненіями Хемницера). Пьесы, пропущенныя въ этихъ изданіяхъ, исчислены г. Лонгиновымъ (Матеріалы для полнаго изданія сочиненій Гнѣдича. Русскій Архивъ 1863 г., вып. 11 и 12). Иліада имѣла три изданія: 1829, 1839 и 1861. Въ упомянутой статьѣ Лобанова напечатано извлеченіе изъ «Записокъ» Гнѣдича.

[2]) Соч. 1821 г., нап. 1822 въ 8 № С. От. перепеч. съ значительными перемѣнами и съ картинкой мѣста дѣйствія (Нева и дача гр. А. С. Строгонова), нарисованной художникомъ Воробьевымъ, въ Сѣв. Цвѣтахъ на 1827 г. Эта редакція и принята мною.

[3]) Подражаніе былинѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ, построившемъ чудный теремъ для племянницы князя Владиміра, Запавы Путятишны:

На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря—
И вся красота поднебесная.

[4]) Гр. А. С. Строгоновъ.

[5]) Иліада, изд. 3-ье (1861).

XXXIII.

ВОЕЙКОВЪ. ([1]).

А. САТИРА КЪ С..... ОБЪ ИСТИННОМЪ БЛАГОРОДСТВѢ (1806). ([2]).

С...., другъ людей, полезный гражданинъ,
Великій человѣкъ, хотя не дворянинъ!
Ты славно побѣдилъ людей несправедливость,
Собою посрамилъ и барство и кичливость.
Ты свой возвысилъ родъ: твой гербъ, твои чины,
И слава—собственно тобой сотворены;
Твои послѣ тебя наслѣдуютъ потомки
Любовь къ отечеству, не титлы только громки.
Однакоже не льзя дворянство вздоромъ счесть,

Когда, съ заслугами соединяя честь,
Почтенный дворянинъ, блистая орденами,
Быть хочетъ, такъ какъ ты, полезенъ намъ дѣлами;
Дворянство помнитъ онъ лишь только для того,
Чтобы достойнымъ быть отличія сего;
Заслуги праотцевъ своими умножаетъ—
И честь ихъ имени еще свѣтлѣй сіяетъ.
Напротивъ, не могу я вытерпѣть никакъ,
Чтобы воспитанный французами дуракъ
Чужимъ достоинствомъ безстыдно украшался,
И предковъ титлами предъ свѣтомъ величался.
Пусть праотцевъ его сіяетъ похвала;
Пускай въ исторіи безсмертны ихъ дѣла;
Пускай монархи имъ, за вѣрное служенье,
Пожаловали гербъ, дипломы въ награжденье:
Гербы и граматы въ глазахъ честныхъ людей—
Гнилой пергаментъ, пыль, объѣдки отъ червей,
Коль, предковъ славныя являя намъ дѣянья,
Въ ихъ внукѣ не возжгутъ къ честямъ поревнованья;
Когда безъ славныхъ дѣлъ тщеславіемъ набитъ,
Потомокъ глупый ихъ въ презрѣнной нѣгѣ спитъ.
А между тѣмъ сей князь, бояринъ этотъ гордой,
Надутый древнею высокою породой,
Глядитъ, какъ будто онъ насъ царствомъ подарилъ,
И Богъ не изъ одной насъ глины сотворилъ;
Какъ будто съ Минихомъ дѣлилъ труды и славу,
Или съ Суворовымъ взялъ гордую Варшаву.
Не ужъ ли вѣчно мнѣ глупца сего щадить?
Однажды навсегда хочу его спросить:
Скажи, о дивный мужъ, отличное творенье!
Какія у людей животныя въ почтеньѣ?
Мы дорого цѣнимъ ретиваго коня
За то, что статенъ онъ, горячъ, какъ пылъ огня;
За то, что никогда въ бѣгу не утомлялся,
И на ристалищѣ стократно отличался:
Но будь Алфановъ онъ или Баярдовъ внукъ,
Да кляча по себѣ, тотчасъ сбываютъ съ рукъ,—
Прощай почтеніе и къ племени и къ роду!
На немъ тащатъ дрова, или привозятъ воду:
За чѣмъ же хочешь ты слѣпить насъ мишурой?
Родня великимъ ты —примѣры предъ тобой:
Румянцовъ и Орловъ среди громовыхъ звуковъ;
Въ посольствѣ князь Репнинъ, въ сенатѣ Долгоруковъ;
Спаситель Еропкинъ отъ язвы, отъ враговъ;
Любители наукъ—Шуваловъ, Муравьевъ;
Херасковъ нашъ Гомеръ, воспѣвшій древни брани,
Россіи торжество, паденіе Казани;
Поэтовъ красота, вельможей образецъ,
Державинъ—славныхъ битвъ, любви, боговъ пѣвецъ:
Онъ движетъ въ насъ сердца, златыя движа струны;
Онъ нѣженъ, какъ любовь, и звученъ, какъ перуны.
Къ заслугамъ и честямъ премножество дорогъ.
Наслѣдникъ бабушкинъ и маменькинъ сынокъ,
Не на однихъ словахъ, будь бариномъ самымъ дѣломъ,
Великихъ сихъ мужей поставь себѣ примѣромъ:
Будь честенъ, какъ они—и княжествомъ хвались,
Полезенъ обществу—и предками гордись.
Пусть бабушка твоя отъ крови будетъ царской,
А дѣдушкой роднымъ князь Курбскій иль Пожарской:
Хоть ты не внучекъ ихъ, но можешь внучкомъ слыть;

Кто смѣетъ Минина породой укорить?
Но знай, что кто въ дѣдахъ считаетъ Геркулеса,
Не долженъ быть ни трусъ, ни глупая повѣса.
Но ты не внемлешь мнѣ!—ты вѣчное пятно,
Безчестье праотцевъ. Я вижу то одно,
Что ты дуракъ, подлецъ, бездѣльникъ благородный,
Отъ корня добраго гнилой сучекъ, негодный.... ([3]).

Притомъ, какъ Рускому, вамъ должно быть извѣстно,
Что мѣстничество здѣсь ни мало несовмѣстно;
Подъ скиптромъ благости для всѣмъ права даны:
Полезные сыны отечеству равны,
И самый древній родъ, богатое наслѣдство,
Не есть отличное для службы царской средство.
Но если какъ нибудь ошибкой, или такъ,
И выдетъ въ знатный чинъ лѣнивецъ и дуракъ:
Почтенія къ нему ни мало не прибудетъ,
Онъ изъ простыхъ глупцовъ глупцомъ чиновнымъ будетъ.
Отечество мое, ты будешь ввѣкъ цвѣсти!
Для всѣхъ сыновъ твоихъ отверстые пути
Ко смерти на бою, къ трофеямъ послѣ боя!
Изъ бѣднаго слуги содѣлалъ Петръ героя,
Который не родствомъ, а самъ собой блисталъ—
И выборъ мудраго заслугой оправдалъ.
Пускай же мальчики болтаютъ и танцуютъ,
Потомки воиновъ всю жизнь провальсируютъ;
Пусть эти гордецы, безъ чести, безъ заслугъ,
Стараются набрать толпу большую слугъ,
Лакеевъ отличить ливрейными цвѣтами
И съ ногъ до головы обшить ихъ галунами:
Невѣждѣ ([4]) нужно быть отличну отъ людей
Кафтановъ пестротой и статью лошадей;
Но горькіе плоды ихъ старость ожидаютъ,
Презрѣніе и смѣхъ на балъ сопровождаютъ.
Межъ тѣмъ, С.., ты, трудясь, какъ муравей,
Чинъ знатный заслужилъ прилежностью своей;
Твоею доблестью отечество гордится:
Осмѣлится ль съ тобой дворянскій сынъ сравниться,
Который газы лишь и фейерверки жжетъ,
Или на псарнѣ жизнь прекрасную ведетъ?
С....! ты наукъ, словесности любитель,
Отъ сильныхъ слабому покровъ и защититель;
Ты духомъ дворянинъ; трудися, продолжай,
Во слѣдъ за Сюлліемъ, за Кольбертомъ ступай;
Не орденской звѣздой, сіяй ты намъ дѣлами;
Превосходи другихъ душею, не чинами;
Монарху славному со славою служи;
Добромъ и пользою вселенной докажи,
Что Александръ къ дѣламъ людей избрать умѣетъ,
И ревностныхъ сыновъ отечество имѣетъ.

В. ДОМЪ СУМАСШЕДШИХЪ (1814). ([*])

Други милые, терпѣнье!
Разскажу вамъ чудный сонъ;
Не игра воображенья,
Не случайный призракъ онъ:
Нѣтъ, то мщенью предыдущій
И грозящій неба гласъ,
Къ покаянію зовущій
И пророческій для насъ.

Вечеромъ, разставшись съ вами,
Въ уголку сидѣлъ одинъ
И Кутузова стихами
Я растапливалъ каминъ;
Подбавлялъ изъ Глинки сору,
И твоихъ, о Мерзляковъ!
Изъ Омира по-сю-пору
Недописанныхъ стиховъ.

Дымъ отъ смѣси этой ѣдкой
Носъ мнѣ сажей закоптилъ,
Но въ награду крѣпко, крѣпко
И пріятно усыпилъ.
Снилось мнѣ, что въ Петроградѣ,
Чрезъ Обуховъ мостъ пѣшкомъ
Перешедъ, спѣшу къ оградѣ
И вступаю въ желтый домъ.

От любови сумасшедшихъ
Въ списокъ бѣгло я взглянулъ,
И твоихъ проказъ прошедшихъ
Длинный рядъ воспомянулъ,
О Каверинъ (6)! долгъ романамъ
Весь тобою заплаченъ;
Но, сказавъ «прости» обманамъ,
Ты давно ужъ сталъ уменъ.

Ахъ, и я.... но сновидѣнье
Прежде, други, разскажу.
Во второе отдѣленье
Я чиннехонько вхожу:
Тутъ одинъ желаетъ трона,
А другой владѣть луной,
И портретъ Наполеона
Намалеванъ какъ живой.

Я поспѣшными шагами
Черезъ залу перешелъ
И увидѣлъ надъ дверями
Очень четко: «Сей отдѣлъ
Прозаистамъ и поэтамъ,
Журналистамъ, авторамъ;
Не по чину, не по лѣтамъ,
Здѣсь мѣста по нумерамъ.»

Двери настежь надзиратель
Отворя мнѣ, говоритъ:
«Нумеръ первый—вашъ пріятель
Каченовскій (7) здѣсь сидитъ;
Букву *э* на эшафотѣ
Съ торжествомъ и пѣньемъ жжетъ;
Умъ его всегда въ работѣ:
По крюкамъ стихи поетъ.

То кавыки созерцаетъ;
То, обнюхивая гниль,
Духу розъ предпочитаетъ;
То стряхаетъ съ книжицъ пыль,
И, въ восторгѣ восклицая,
Набиваетъ ею ротъ:
«Соръ славянскій, пыль родная!
Слаще ты, чѣмъ медъ изъ сотъ!»

Вотъ на розовой цѣпочкѣ
Спичка Шаликовъ (8) въ слезахъ,
Разрумяненный, въ вѣночкѣ,
Въ ярко-бланжевыхъ чулкахъ.
Прижимаетъ вѣникъ страстно,
Кличетъ грацій здѣшнихъ мѣстъ,
И, мяуча сладострастно,
Размазню безъ масла ѣстъ.

Нумеръ третій—на лежанкѣ
Истый Глинка (9) возсѣдитъ,
Передъ нимъ духъ русскій въ склянкѣ
Не откупоренъ стоитъ;
Книга Кормчая отверста,
И уста отворены,
Сложены десной два перста,
Очи вверхъ устремлены:

«О Расинъ! откуда слава?
Я тебя, дружокъ, поймалъ:
Изъ россійскаго Стоглава
Ты Гоѳолію укралъ!
Чувствъ возвышенныхъ сіянье,
Выраженій красота
Въ Андромахѣ—подражанье
Погребенію кота!»

Ты ль, Хвостовъ (10)? къ нему вошедши,
Вскрикнулъ я. Тебѣ-ль здѣсь быть?
Ты ....—не сумасшедшій,
Не съ чего тебѣ сходить.
«Въ Буало я смыслъ добавилъ,
Лафонтена я убилъ
И Расина обезславилъ»...
Быстро онъ проговорилъ,

И читать мнѣ началъ оду.
Я искусно ускользнулъ

От мучителя, но въ воду
Прямо изъ огня юркнулъ.
Здѣсь старикъ съ лицемъ печальнымъ,—
Буквъ славянскихъ красоту,—
Мажетъ золотомъ сусальнымъ
Пресловутую *ѳиту*.

И на утвари повсюду
Коронованныя *кси*,
Старовѣрскихъ книжицъ груду
И въ окладѣ *юсъ* и *пси*,
Томъ, въ сафьянъ переплетенный,
Тредьяковскаго стиховъ
Я увидѣлъ изумленный—
И узналъ, что то Шишковъ ([11]).

Вотъ Сладковскій ([12]) восклицаетъ:
«Се, се Россы! се самъ Петръ!
Се со всѣхъ сторонъ зіяетъ
Молнія изъ тучныхъ нѣдръ;
И чрезъ Ворсклу при препавѣ,
Градовъ на сушѣ творецъ
Съ дерзостью пошелъ ко славѣ,
И поэмѣ сей конецъ!»

Вотъ Жуковскій: въ саванъ длинный
Скутанъ, лапочки крестомъ,
Ноги вытянуты чинно,
Чорта дразнитъ языкомъ;
Видѣть вѣдьму воображаетъ,
То глазкомъ ей подмигнетъ,
И кадитъ, и отпѣваетъ,
И трезвонитъ, и реветъ.

Вотъ Кутузовъ ([13]): онъ зубами
Бюстъ грызетъ Карамзина;
Пѣна съ устъ течетъ клубами,
Кровью грудь обагрена.
Но напрасно мраморъ гложетъ,
Только время тратитъ въ томъ:
Онъ вредить ему не можетъ
Ни зубами, ни перомъ.

Вотъ Станевичъ ([14]). Въ отдаленьи
Усмотрѣвъ, что это я,
Возопилъ въ остервененьи:
«Міръ! потомство! за меня
Злому критику отмстите;
Мой изъ бронзы выливъ ликъ,
Монументъ соорудите!
Я великъ, великъ, великъ!»

Чудо! подъ окномъ на вѣткѣ
Крошка Батюшковъ ([15]) сидитъ,
Въ свѣтлой проволочной клѣткѣ,
Въ баночку съ водой глядитъ,
И поетъ онъ сладкогласно:
«Тихъ, покоенъ сверху видъ,
Но спустись на дно—ужасно!
Крокодилъ на немъ лежитъ!»

Вотъ Грузинцевъ ([16]): онъ въ коронѣ
И въ сандаліяхъ, какъ царь,
Гордъ въ мишурномъ онъ хитонѣ,
Держитъ греческій букварь.
—Вѣрно ваше сочиненье?
Скромно сдѣлалъ я вопросъ.
—Нѣтъ, Софоклово творенье!
Отвѣчалъ онъ, вздернувъ носъ.

И бѣгомъ безъ дальнихъ сборовъ....
—Вотъ еще!—сказали мнѣ.
Я смотрю: Максимъ Невзоровъ ([17])
Углемъ пишетъ на стѣнѣ:
«Еслибъ такъ какъ на Вольтера,
Былъ на мой журналъ расходъ,
Пострадала бъ горько вѣра:
Я вреднѣй, чѣмъ Дидеротъ!»

Отъ досады и отъ смѣху
Утомленъ, я вонъ спѣшилъ,
Горькую прервать потѣху;
Но смотритель доложилъ:
«Рады вы или не рады,
Но указъ ужъ полученъ;
Вамъ отсель нельзя ни пяди!»
И указъ тотчасъ прочтенъ:

«Тотъ Воейковъ ([18]), что Делиля
Столь безбожно исказилъ,
Истерзать хотѣлъ «Эмиля»
И Виргилію грозилъ,—
Долженъ быть, какъ сумасшедшій,

Вовсе запертъ въ желтый домъ;
Темя все обрить поспѣшнѣй,
И тереть почаще льдомъ!»

Прочитавъ, я ужаснулся,
Хладъ по жиламъ пробѣжалъ,
И проснувшись не очнулся,
И не вѣрилъ самъ, что спалъ...
Други! вашего совѣту!
Безъ него я не рѣшусь:
Не писать—не жить поэту!
А писать начать—боюсь!

в. поэма: сады (1816). (**).

Приступимъ къ выбору земель и мѣстъ, готовыхъ
Принять благій уставъ твоихъ законовъ новыхъ.
Прошли тѣ времена, когда вездѣ въ садахъ
Искуство брань вело съ полями на поляхъ,
Срывало горъ верхи, овраги засыпало,
Отличныя мѣста въ природѣ искажало,
И живописный видъ пригорковъ и долинъ
Преобращало въ видъ безчувственныхъ равнинъ.
Вѣкъ новый—вкусъ другой! Художники-тираны
Теперь вездѣ творятъ пригорки и курганы.
Бѣги сихъ крайностей! Весь трудъ напрасенъ нашъ
Равнять и прорывать земли холмистый кряжъ;
И горка бѣдная надъ степью луговою,
Огромной силясь быть, лишь кажется смѣшною.

Желаешь ли земли успѣшной для трудовъ?
Бѣги сихъ плоскихъ мѣстъ, и вымоинъ, и рвовъ!
Пріятны высоты, гдѣ холмъ негорделивый
Надъ доломъ скатистымъ возноситъ верхъ красивый,
Гдѣ плодоносный кряжъ земли не каменистъ,
И сухъ, а не песчанъ; высокъ, а не гористъ;
Идешь—и горизонтъ простертъ великолѣпно;
Земля склоняется, иль всходитъ непримѣтно;
Раздастся, сдвинется; на каждомъ шагѣ тутъ
Явленья новыя пріятно развлекутъ.

Пусть грубый землемѣръ, компасомъ вооруженный,
Идетъ въ свой кабинетъ, отъ сада удаленный,
Соразмѣряя все, премудрый планъ чертитъ,
И пусть по правиламъ хорошій портитъ видъ;
А ты иди въ свой садъ: на бѣлый листъ бумаги
Снимай тамъ сколки съ мѣстъ, видъ въ даль, холмы, овраги;
Всѣ затрудненія умѣй предузнавать,
Предвидѣть способы и средства пріискать:
Чудотворенія изъ трудностей родятся.

Безплодный самый кряжъ готовъ повиноваться;
Безплодный самый кряжъ узнаетъ красоту.
Онъ нагъ—одѣнь лѣскомъ, кустами наготу;
Дремучъ—съ сѣкирою вступай ты въ лѣсъ дремучій;
Болотистъ—выкопай каналъ иль прудъ текучій;
Посредствомъ твоего полезнаго труда
Очистится земля, и воздухъ, и вода.
Онъ сухъ—ищи ключей; нѣтъ способа инова;
Быть можетъ, выступитъ вода уже готова.
Такъ я усиліемъ напраснымъ огорченъ,
Сухой подробностью предметовъ утомленъ,
Счастливую черту нечаянно встрѣчаю,
И въ радости свой путь бодрѣе продолжаю.

Къ урокамъ высшимъ намъ ужъ время поспѣшить,

Не взору одному,—и сердцу говорить.
Позналъ ли ты между бездушными вещами
И одаренными душею существами
Невидимую связь? Внималъ ли разговоръ,
Витійство безъ рѣчей воды, лѣсовъ и горъ?
Употреби же ихъ.—Сіянье мрака съ свѣтомъ,
Величья съ нѣжностью имѣй своимъ предметомъ.
Разнообразіе для насъ ужъ красота.
Чтобы величіе, пріятность, простота,
Для угожденья всѣмъ, въ саду твоемъ мѣнялись;
Чтобъ живописца кисть и вкусъ обогащались;
Чтобъ тамъ почувствовалъ восторгъ въ душѣ поэтъ;
Чтобъ въ садъ ходили твой, оставя шумный свѣтъ,
Мудрецъ обдумывать, красавицы рвать розы,
Счастливый вспоминать, несчастливый лить слезы.
Но дерзость зримъ вездѣ, умъ здравый не всегда;
Желая быть остры—мы странны иногда.
Страшись, не связывай предметовъ ты несвязныхъ,
Ты сдѣлаешь хаосъ вещей несообразныхъ.
Всѣ части цѣлаго обдумай не спѣша;
Та только истинно картина хороша,
Въ которой видимъ связь, совмѣстность и возможность:
Противорѣчіе не противоположность.

Большое полотно готовь для сихъ картинъ!
Не должно скалъ, озеръ, холмовъ, лѣсовъ, долинъ
Безъ вкуса помѣщать въ предѣлахъ рамы тѣсной;
Каррикатурою твой будетъ садъ чудесной
На сильныя черты, блестящи красотой,
Природы смѣлою разбросанны рукой;
Нельзя всѣхъ видовъ вдругъ представить на картинѣ,
И область цѣлую вмѣстить на десятинѣ.
На мѣсто множества запутанныхъ такихъ
Предметовъ, выбери ты лучшіе изъ нихъ;
Разнообразь, дѣли! сближая, отдаляя,
И въ двадцать видовъ видъ одинъ преображая,
Знай любопытный глазъ привлечь, воспламенить
И, тайно дѣйствуя, внезапно поразить;
Чтобъ украшенія со вкусомъ размѣщались,
Не слишкомъ крылися, или въ глаза бросались.

Въ картинѣ дѣйствіе потребно—безъ того
Задремлетъ праздный умъ: оно душа всего.
На мертвыя поля взираемъ мы безъ чувства.
Опять возьмемъ въ примѣръ изящныя искуства,
И станемъ замѣчать, какъ живописца кисть
Одушевляетъ холстъ, вливаетъ въ краски жизнь.
Предметы движутся на полотнѣ недвижномъ:
Тамъ вѣтръ ломаетъ лѣсъ въ стремленіи порывномъ;
Вотъ вьется дымъ изъ трубъ; тамъ слышенъ бури свистъ;
Тутъ овцы съ яблони ощипываютъ листъ;
Тамъ пляски пастуховъ, свирѣли, хороводы:
Вотъ жизнь, вотъ дѣйствіе! Съ согласія природы
Садите и кусты и гордыя древа;
Пусть колыхается отъ вѣтровъ ихъ глава;
Прохладную ихъ тѣнь въ садахъ вы берегите;
Желѣзу оскорблять природу запретите;
Она творитъ и дубъ и вязъ красой лѣсовъ;
Отъ корня до сучковъ, отъ вѣтвей до листовъ,
Все гибче, гибче ихъ она образовала,
И рощу, какъ рѣку отъ вѣтровъ, взволновала.

Я зрю невѣжество съ сѣкирою въ рукахъ....
Бѣгите, Нимфы рощъ!... нѣтъ помощи..., о страхъ!

Неумолимые срубили верхъ красивый!
Не видно, не слыхать, какъ вѣтерокъ игривый
Перебирается сквозь вѣтви ихъ, жужжитъ
И, нѣгой утомясь, на ихъ листочкахъ спитъ.
Однообразныя, недвижныя и мертвы,
Деревья прихоти бездушной стали жертвы.
Видъ сельскій есть ландшафтъ: пусть гордый лѣсъ шумитъ,
Пускай струится лугъ, пускай тростникъ звенитъ;
Все, все бездушное въ садахъ одушевите,
И даль предметами живыми населите.
Пусть водопадъ реветъ, пускай журчатъ ключи,
Пусть вьются по травѣ игривые ручьи.
Все живо! синій лугъ, уступы горъ съ кустами
Пестрѣютъ, движутся, красуются стадами.
Я вижу, какъ коза на крутизнѣ скалы
Виситъ на воздухѣ межъ неба и земли;
Я слышу ревъ быковъ, овецъ, ягнятъ блеянье,
Зыкъ рога по горамъ и эха хохотанье.
На жирной пажити, гдѣ ключъ съ холма бѣжитъ,
Колѣна подогнувъ, дебелый быкъ лежитъ;
Межъ тѣмъ ретивый конь, строптивый, разъяренный,
Трезубцемъ—гордый звѣрь—для браней порожденный,
Играетъ вкругъ него, бодръ, силенъ и красивъ;
Или бѣжитъ къ рѣкѣ и, съ розмаху вскочивъ,
Струи знакомыя съ храпѣньемъ возмущаетъ;
Иль гриву длинную по вѣтру распущаетъ,
Къ любовницамъ своимъ на паству онъ летитъ;
Трясется тучный лугъ отъ топота копытъ;
Глаза его горятъ и дымъ съ ноздрей клубится;
Летитъ—исчезъ, но взоръ мой въ слѣдъ за нимъ стремится.
Такъ вы, безмолвное пространство населя,
Одушевили все: пустынныя поля,
Дубравы мертвыя въ туманномъ отдаленьѣ,
Все ожило у васъ, и все пришло въ движенье.

Желаешь ли ты глазъ сильнѣй очаровать?
Движенью надобно свободный видъ придать:
Не означать нигдѣ границы точной саду;
Сломать или закрыть отъ насъ его ограду.
Очарованіе съ надеждою живетъ,
И предъ оградою прекрасныхъ мѣстъ умретъ.
Стѣна вселяетъ грусть и даже раздражаетъ.
Уже гуляющій въ саду воображаетъ,
Что скрыла новыя явленія она,
Что живописнѣй тамъ природа быть должна;
И негодуетъ умъ на цѣпь, которой скованъ,
И опечаленный мой взоръ разочарованъ.

Когда и славою и всѣхъ торжествъ душой
У предковъ нашихъ былъ кровавый только бой,
Для безопасности въ то время рвы, бойницы
Изъ замковъ рыцарскихъ содѣлали темницы;
А намъ что пользы ровъ и башня принесетъ?
Страхъ стѣны изобрѣлъ, а гордость бережетъ.
Онѣ стѣсняютъ видъ, печалятъ наши взгляды,
И я имъ предпочту иглистыя ограды,
Зеленые валы, гдѣ робкою рукой
Срываемъ дикій тернъ, шиповникъ полевой.
Перелетимъ скорѣй отъ скучнаго забора
Въ другихъ прекраснѣйшихъ мѣстахъ искать для взора
Неограниченныхъ преградами картинъ!
Въ семъ родѣ образецъ Эрменонвиль одинъ.
Доселѣ дикія поля въ сады вступали;

Теперь,—теперь сады въ поля вступать ужъ стали.

Сѣдя на высотахъ, отко907 объемлетъ взоръ
Разстланныя поля, необозримость горъ,
Природа генію сокровища вручаетъ,
Ихъ пышность дикую давъ обозрѣть, вѣщаетъ:
«Богатствамъ грубымъ симъ не достаетъ души;
Мой трудъ не совершенъ: иди и доверши!»
Скончала—онъ летитъ въ лѣса и долы спящи,
Преображаетъ все, льетъ духъ животворящій;
Одно соединилъ, другое раздѣлилъ;
Иное выставилъ, иное же сокрылъ;
Тамъ онъ раздвинулъ лѣсъ, а здѣсь навѣсилъ тѣни,
И душу далъ всему. Но сей художникъ-геній,
Какъ волхвъ невидимый, глазамъ умѣя льстить,
Не смѣетъ новаго въ садахъ своихъ творить;
Онъ только старое съ разборомъ поправляетъ,
Черты, природою начатыя, кончаетъ.
Велитъ—и мрачное стремнистыхъ горъ чело,
Лишившись ужасовъ, улыбкой расцвѣло,
Покрылся цвѣтнымъ ковромъ пески сыпучи;
Велитъ—суровый видъ теряетъ лѣсъ дремучій,
И, на воды склонясь, въ ихъ зеркало глядитъ;
Велитъ—падутъ древа: открылся новый видъ;
Ручей неровно текъ—онъ бѣгъ его исправилъ,
Прочистилъ озеро и бить ключи заставилъ.
Велитъ дорожкамъ онъ рѣзвиться и бѣжать,
Сходиться, путаться, искать, соединять
Далеко по саду разбросанныя части,
Которыя, досель невѣдомой имъ власти
Всеобладающа искуства покорясь,
Другъ съ другомъ сладкую почувствовали связь,
И, прежде чуждыя, составили едину,
Великолѣпную, всецѣлую картину.

[1]) Воейковъ, Александръ Өедоровичъ, род. въ 1778 г., а не въ 1773-мъ, какъ прежде полагали (*). Обучался въ Москвѣ, въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ (1791—1795) и считался однимъ изъ лучшихъ его воспитанниковъ: имя его было написано на золотой доскѣ, на ряду съ именемъ Жуковскаго. Здѣсь-же, вѣроятно, возникла и развилась въ немъ любовь къ литературѣ. Одни изъ первыхъ его стихотореній: «Къ живописцу» и «Осень» нап. въ «Пріят. и полез. препровожденіи времени» (1797, часть 16). Есть также нѣсколько переводовъ въ Новостяхъ рус. литературы (1802—1805). Чтеніе книгъ, преимущественно и, можно сказать, исключительно французскихъ, обогатило его умъ разнообразными, хотя и поверхностными, знаніями. По общему характеру своего образованія Воейковъ принадлежалъ къ людамъ XVIII вѣка. Онъ самъ о томъ свидѣтельствуетъ въ письмѣ къ кн. Волконской, отъ 14 марта 1824 г.: «Не знаю, какъ благодарить Господа Бога за то, что, проживъ три четвертыхъ доли жизни, я не попалъ ни въ одно тайное политическое или мистическое общество. Это видимый промыслъ Божій: ибо, судя по моему воспитанію, которое началось Вольтеромъ и Дидротомъ, я бы долженъ пройти сквозь всѣ степени масонства, иллюминатства.... Ничего этого со мною не случилось: я принадлежу просто къ обществу человѣковъ, русскихъ и христіанъ. Честь—вотъ мой grand-maître (т. е. гроссмейстеръ масонскихъ ложъ), а Евангеліе—мои статуты» (Библ. Зап. 1858, стр. 262). Воейковъ имѣлъ несомнѣнное, хотя и не серьезно направленное дарованіе; нельзя также отрицать въ немъ, какъ мы замѣтили, начитанности и энциклопедическихъ свѣдѣній, которыми онъ могъ хвалиться передъ многими современными ему авторами. Этимъ обстоятельствамъ, равно какъ и тому, что онъ былъ женатъ на племянницѣ Жуковскаго, Александрѣ Андреевнѣ Протасовой, объясняются его постоянныя связи съ лучшими тогдашними людьми: Карамзинымъ, Жуковскимъ, Дашковымъ,

(*) Въ письмѣ къ кн. Волконской отъ 21 іюня 1826 г., Воейковъ говоритъ: «вѣдь я не молодой человѣкъ, мнѣ 48 лѣтъ въ августѣ ударитъ». Въ дневникѣ его, подъ 1833 г., отмѣчено: «Воейкову исполнилось 54 года».

Батюшковымъ, Крыловымъ, Гнѣдичемъ, Тургеневыми, Перовскими. Нѣкоторое время онъ даже раздѣлялъ славу съ Жуковскимъ и Батюшковымъ. М. А. Дмитріевъ, въ своихъ «Мелочахъ», пишетъ, что когда приводили имена лучшихъ литераторовъ того времени, то говорили: Жуковскій, Батюшковъ и Воейковъ. Извѣстность свою, какъ литератора, Воейковъ положилъ «Посланіемъ къ Сперанскому объ истинномъ благородствѣ» (1806 г., см. ниже прим. 2). Послѣ того онъ перевелъ Вольтерову «Исторію царствованія Лудовика XIV и Лудовика XV» (4 ч., 1809). За тѣмъ онъ издалъ «Образцовыя сочиненія въ прозѣ знаменитыхъ древнихъ и новыхъ писателей» (5 ч., 1811). До войны 1812 г. Воейковъ жилъ въ Москвѣ, переводилъ Делилеву поэму «Сады» (см. ниже, прим. 19) и былъ постояннымъ членомъ кружка московскихъ литераторовъ—Мерзлякова, Кокошкина, Ѳ. Иванова (автора многихъ драматическихъ піесъ), Смирнова (переводчика трагедіи Шиллера: «Коварство и любовь»). Въ 1812 г. поступилъ въ военную службу, которую оставилъ по изгнаніи французовъ. На свободѣ отъ должностныхъ занятій, онъ путешествовалъ по Россіи; а возвратясь, снова поселился въ Москвѣ. Къ этому времени (1814) относится первая редакція знаменитаго его стихотворенія: «Домъ сумасшедшихъ» (см. ниже, прим. 5). Въ 1815 г., женившись на Протасовой, переѣхалъ въ Дерптъ, куда назначенъ былъ въ университетъ профессоромъ русской словесности. Каѳедру свою онъ занималъ до 1820 г., а въ этомъ году переѣхалъ къ Петербургъ и поступилъ на службу сначала въ департаментъ духовныхъ дѣлъ, а потомъ (1821) инспекторомъ классовъ въ Артиллерійскомъ училищѣ, гдѣ также преподавалъ русскую словесность. Въ періодъ времени, съ 1815 по 1826, онъ издалъ три «собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ»: первое, вмѣстѣ съ А. Тургеневымъ и Жуковскимъ, въ 12 ч., 1815—1817 (2-ое изд. 1822—1824); второе, одинъ, подъ названіемъ: «Новое собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ, вышедшихъ въ свѣтъ отъ 1816 по 1821 г.» (4 ч., 1821—1822); третье, также одинъ: «Собраніе новыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1821 по 1825 г.» (4 ч., 1824—1826). Съ 1821 г. Воейковъ сдѣлался журналистомъ. Болѣе года (съ 1821 по мартъ 1822) онъ раздѣлялъ труды съ Гречемъ по Сыну Отечества. Получивъ редакцію «Инвалида», въ 1822 г., велъ ее до 1828 г. Кромѣ того онъ издавалъ: «Новости русской литературы» (съ 1822 по 1825 съ И. Козловымъ, а на 1825 и 1826 одинъ), «Славянинъ» (1827—1830) и «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду» (1831—1836). Послѣдніе годы своей жизни Воейковъ проводилъ въ постоянномъ недовольствѣ судьбою и желчномъ раздраженіи. Въ его положеніи, литературномъ и общественномъ, произошелъ переворотъ. «Мы вдругъ потеряли всѣхъ земныхъ покровителей (пишетъ онъ кн. Волконской въ 1827 г.): императора Александра, императрицу Елисавету, Карамзина.... Тутъ открылось пространное поле для моихъ враговъ личныхъ, для завистниковъ моего благосостоянія, которые и по кончинѣ Александра I не могли простить намъ его неизреченныхъ милостей... Можетъ быть, нѣсколько колкихъ эпиграммъ, нѣсколько добавочныхъ строфъ къ «Дому сумасшедшихъ» возбудили мщеніе посредственности». Литературная его извѣстность, блестящая въ прежнее время, затмилась; редакція «Инвалида», доставлявшая ему значительный доходъ, была передана генералу Пезаровіусу; къ этому присоединились долги, слѣдствіе расточительности и хозяйственнаго безпорядка. Вину всѣхъ этихъ невзгодъ Воейковъ сваливалъ на другихъ, а себя выгораживалъ изъ-подъ отвѣтственности: напрасное самооправданіе тамъ, гдѣ корень зла лежитъ въ собственномъ характерѣ и неразуміи! Умеръ онъ 1839 г. (А. Ѳ. Воейковъ. Библіограф. замѣтка А. Лазаревскаго, въ 1-мъ вып. «Сборника, издав. студентами спб. университета»; Литературные дѣятели прежняго времени, Е. Колбасина; Письма Воейкова къ кн. Волконской, въ Библ. Зап. 1858, № 9).

Большая часть стихотвореній Воейкова разбросаны въ журналахъ (В. Евр., Сынѣ Отеч. и тѣхъ, которыхъ онъ былъ редакторомъ). Онъ думалъ издать ихъ въ четырехъ частяхъ: въ 1-ую ч. должны были войти посланія, сатиры, лирическія и мелкія стихотворенія; во 2-ую «Сады»; въ 3-ью переводъ Виргиліевыхъ эклогъ и Георгикъ; въ 4-ую—дидактическая поэма «Искуства и науки», отрывки изъ которой, равно какъ и нѣкоторыя мѣста изъ Виргилія, печатались въ періодич. изданіяхъ.

²) Вѣст. Евр. 1806, № 19. Сатира имѣетъ форму посланія къ Сперанскому, въ которомъ родовое дворянство не хотѣло видѣть себѣ ровни. Послѣ Воейковъ замѣнилъ букву С... словомъ «Эмилій».

³) Слѣдующіе за симъ 18 стиховъ исключены по уваженію къ педагогическимъ условіямъ.

⁴) Т. е. невѣждѣ. Слово «невѣжа» имѣло два значенія: «незнающій» и «невѣжливый». Потомъ оно стало употребляться только во второмъ смыслѣ, а для выраженія втораго

смысла начали употреблять слово «невѣжда».

⁵) «Домъ сумасшедшихъ. Сатира А. Ѳ. Воейкова». Мы приняли первую редакцію, нап. въ 1 вып. Сборника, изданнаго студентами спб. университета, выправивъ ее по указаніямъ Сына Отеч. 1857, № 45. Послѣдняя (третья) редакція относится къ 1838 г. Эпиграфомъ къ сатирѣ взяты два французскіе стиха:

La vie de l'homme n'est qu'un songe:
Un songe agréable est préférable à une triste réalité.

Она состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ одномъ изображены лица, извѣстныя по своей администраціи; второй посвященъ собственно литераторамъ. О первомъ отдѣлѣ въ первой редакціи сказано какъ бы мимоходомъ, только четырьмя стихами (Тутъ одинъ желаетъ трона, и пр.), но онъ значительно расширенъ въ двухъ позднѣйшихъ редакціяхъ. Равнымъ образомъ добавленъ и второй отдѣлъ; въ одно мѣсто съ прежними авторами Воейковъ посадилъ А. Измайлова, Свиньина, Булгарина, И. Козлова, Н. Полеваго, Каразина, Сенковскаго, Соколова (непремѣннаго секретаря Россійской Академіи), В. Строева, Карлгофа. Выпишемъ, изъ этой распространенной редакціи, портретъ А. Измайлова:

Вотъ Измайловъ—авторъ басенъ,
Разсужденій, эпиграммъ;
Онъ пищитъ мнѣ: «Я согласенъ,
Я писатель не для дамъ (*);
Мой предметъ—носы съ прыщами;
Ходимъ съ Музою въ трактиръ
Водку пить, ѣсть лукъ съ сельдями;
Міръ квартальныхъ—вотъ мой міръ!»

⁶) Каверинъ—тотъ самый, къ которому Пушкинъ написалъ посланіе (Соч. Пушкина, изд. Анненкова, II, 174).

⁷) Каченовскій, профессоръ моск. университета, почитавшій букву ѳ лишнею въ русской азбукѣ, и потому замѣнявшій ее буквою ѳ. «По крюкамъ стихи поетъ»—скандуетъ, дѣлитъ стихъ на такты, или стопы. «Крюки»—старинный нотный знакъ.

⁸) См. стр. 155 и слѣд. «Размазню безъ масла ѣстъ»—намекъ на бѣдное состояніе кн. Шаликова.

⁹) См. стр. 224 и слѣд.

¹⁰) Гр. Дмитрій Ивановичъ — плодовитый писатель, снискавшій себѣ извѣстность необычайною страстію къ стихотворству. Его-то Измайловъ выводилъ въ своихъ басняхъ, подъ именемъ Графоза (см. Измайлова).

(*) Сатирическая черта этого стиха заключается въ томъ, что Измайловъ, напротивъ, претендовалъ на званіе дамскаго писателя.

¹¹) См. о Шишковѣ.

¹²) Сладковскій — авторъ поэмы «Петръ Великій» (1803). Отсюда взяты стихи, отмѣченные вноснымъ знакомъ. Выше помѣщена эпиграмма Батюшкова на поэму С. Шихматова (стр. 163); приводимъ другую, соч. кн. Вяземскаго, «на поэмы въ честь П. В.»:

Не страненъ ли судебъ уставъ!
Пѣвцы Петра—несчастья жертвы:
Нашъ Пиндаръ (*) кончилъ вѣкъ, поэмы не скончавъ;
Другіе живы всѣ (**), но ихъ поэмы мертвы.

¹³) Голенищевъ-Кутузовъ, Павелъ Ивановичъ, бывшій попечителемъ Моск. университета и переводчикъ Сафо, Гезіода, Ѳеокрита, Пиндара. Письмо его (1810) къ министру народ. просвѣщенія, гр. А. К. Разумовскому, о сочиненіяхъ Карамзина нап. во 2 кн. «Чтеній въ Моск. обществѣ исторіи на 1858 г.» Карамзинъ выставляется здѣсь опаснымъ авторомъ; сочиненія его—исполненными вольнодумческаго и якобинического яда.

¹⁴) Станевичъ—жаркій приверженецъ Шишкова. Стихи его и проза, ч. 1, изд. въ 1805 г. Другое сочиненіе его: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души» (1818), было запрещено, но потомъ, по представленію Шишкова, запрещеніе снято и книга вышла 2-мъ изд. (1825).

¹⁵) Эти стихи Батюшкова взяты изъ его піесы: «Счастливецъ, подражаніе Касти» (1810).

¹⁶) Авторъ трагедій: «Эдипъ царь», «Электра и Орестъ» и другихъ.

¹⁷) О Невзоровѣ см. мою Исторію Рус. Слов. (I, 568). Онъ издавалъ, съ 1807 по 1815 г., журналъ: «Другъ юношества». Въ новой редакціи Сатиры читаемъ о немъ еще слѣдующее:

Слогъ мой сладокъ, какъ микстура;
Мысли громки—безъ ума;
Толстая моя фигура
Такъ пріятна, какъ чума.
Я въ твореніяхъ священныхъ
И въ большихъ пяти частяхъ
Книжекъ, мною сочиненныхъ,
Доказалъ, что я дуракъ.

¹⁸) Воейковъ переводилъ изъ Георгикъ и думалъ переводить «Эмиля, или о воспитаніи», Ж. Ж. Руссо.

¹⁹) Сады или искусство украшать сельскіе виды, сочиненіе Делиля. Перевелъ Александръ Воейковъ. Спб. 1816.

(*) Ломоносовъ, написавшій только двѣ пѣсни.

(**) Сладковскій, Шихматовъ, Грузинцевъ (авторъ Петріады, 1812).

XXXIV.

КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКІЙ. (1).

А. КЪ ПОРТРЕТУ ВЫСПРЕННЯГО ПОЭТА (1811). (2).

Нѣтъ спора, что Бибрисъ боговъ языкомъ пѣлъ:
Изъ смертныхъ-бо никто его не разумѣлъ.

Б. ОБЪЯСНЕННОЕ СОМНѢНІЕ (1811). (3).

Смѣяться вы властны, а я клянуся вамъ,
Что я въ своихъ стихахъ не краду, подражаю.
— Безспорно, я и самъ съ тобою утверждаю,
Что подражаешь ты.... ворамъ.

В. Картузовъ другомъ просвѣщенья... (*1814*). (4).

Картузовъ другомъ просвѣщенья
Въ листкахъ провозгласилъ себя.
О времена! о развращенье!
Вотъ каковы въ нашъ вѣкъ друзья!...

Г. Съ какою легкостью свободной... (*1815*). (5).

Съ какою легкостью свободной
Играешь ты въ стихахъ природой и собой!
Ты въ шубахъ Шутовской холодной,
Въ водахъ ты Шутовской сухой.

Д. КЪ КАЧЕНОВСКОМУ (1821). (6).

Передъ судомъ ума сколь, Каченовскій! жалокъ
Талантовъ низкій врагъ, завистливый Зоилъ.
Какъ оный вѣчный огнь при алтарѣ Весталокъ,
Такъ втайнѣ вѣчный ядъ, даръ лютый адскихъ силъ,
Въ груди несчастнаго неугасимо тлѣетъ.
На немъ чужой успѣхъ, какъ ноша, тяготѣетъ;
Счастливца свѣжій лавръ—колючій тернъ ему;
Всегда онъ ближняго довольствомъ недоволенъ
И, вольный мученикъ, чужимъ здоровьемъ боленъ.
Гдѣ жертвъ не обрекла господству своему
Слѣпая зависть, дочь надменности ничтожной?
Извѣстности боясь, зміею осторожной
Ползетъ, роняя въ слѣдъ ядъ гнусной клеветы.
Въ шатрахъ, въ дому царей, въ уборной красоты
Свирѣпствуетъ во тьмѣ коварная зараза;
Но въ мирной Музъ семьѣ, средь всадниковъ Пегаса
Господствуетъ она свирѣпѣй во сто кратъ:
Въ Элизій скромныхъ дѣвъ внесенъ мятежный адъ.
Будь Музы сестры, такъ! но авторы не братья;
Имъ съ Каиномъ равно на лбу печать проклятья
У многихъ врѣзала ревнивая вражда.
Достойнымъ похвала—ничтожеству обида.
«Скучаю слушать я, какъ онъ хвалимъ всегда!»
Вопрошенный сказалъ гонитель Аристида.
Не зная, какъ судить, ничтожные бранятъ,
И, понижая всѣхъ, возвыситься хотятъ.
Отъ Кяхты до Аѳинъ, отъ Лужниковъ (7) до Рима

Вражда къ достоинству была непримирима;
На Велисарія дерзаетъ мечь простерть,
И старцу мудрецу въ тюрьмѣ подноситъ смерть.
Внемлите, какъ теперь «пугливые невѣжды»
Поносятъ клеветой высокихъ душъ надежды (8).
На свѣтломъ поприщѣ гражданскаго ума,
Для нихъ лежитъ еще предубѣжденій тьма;
Враги того, что есть, и новыхъ бѣдъ пророки,
Успѣхамъ нашихъ дней старинныхъ лѣтъ пороки
Дерзаютъ предпочесть въ безумной слѣпотѣ
И правдой жертвовать обманчивой тщетѣ.
«Заброшенъ я въ пыли, какъ старый календарь:
Его наперерывъ читаютъ чернь и Царь;
Разнообразенъ онъ въ роскошествѣ таланта:
Я сухостью сожженъ безплоднаго педанта.
Чѣмъ отомщу ему? Орудьемъ клеветы!»
Сказалъ поденный враль и тискать сталъ листы.
Но можетъ ли вредить ревнивый пустомеля?
Пусть каждый слѣдуетъ примѣру Фонтенеля.
«Взгляни на сей сундукъ», онъ другу говорилъ,
Котораго враньемъ ругатель очернилъ:
«Онъ полонъ на меня сатиръ и небылицы,
Но въ нихъ я ни одной не развернулъ страницы».
Зачѣмъ искать чужихъ примѣровъ? скажешь ты:
Насъ учитъ Карамзинъ презрѣнью клеветы.
На вызовъ крикуновъ, со степени изящной
Сходилъ ли онъ въ ряды, гдѣ битвой рукопашной
Предъ праздною толпой, какъ жадные бойцы,
Свой унижаютъ санъ прекраснаго жрецы?
Нѣтъ! презря слабыхъ душъ корыстныя управы,
Онъ мелкой личностью не затмеваетъ славы;
Пусть скукой и враньемъ торгующій зоилъ
Безсильный поражать плодъ зрѣлый зрѣлыхъ силъ,
Что день, подъ острiе кладетъ тупаго жала
Досуговъ молодыхъ счастливыя начала;
Пусть сей оцѣнщикъ словъ и въ азбукѣ знатокъ
Теребитъ трудъ ума съ профессорскихъ досокъ,
Какъ посѣдѣвшая въ углахъ архивы пыльной
Мышь хартіи грызетъ со злостью щепетильной:
На славу опершись, не занятый молвой,
Онъ съ площаднымъ врагомъ не входитъ въ низкій бой.
На рубежѣ вѣковъ нашъ съ предками посредникъ,
Завѣтовъ опыта потомкамъ проповѣдникъ:
О суточныхъ враляхъ ему ли помышлять?
Ихъ жалкій жребій: чернь за деньги забавлять;
Его: въ потомствѣ жить, взывая къ жизни древность.
Ты правъ. Еще пойму соперничества ревность:
Корнелію бы могъ завидовать Расинъ,
Жуковскій Байрону, Фонъ-Визину Княжнинъ.
Въ безбрежныхъ областяхъ надоблачной державы
Орелъ не подѣлитъ съ другимъ участка славы;
На солнце хочетъ онъ одинъ отважно зрѣть;
Иль смерть иль воздуха господство безсовмѣстно,

И при сопернике ему подъ небомъ тесно.
У льва кровавый тигръ оспориваетъ снедь.
Но кто, скажите мне, видалъ, чтобъ черепаха
Кидалась тяжело съ неловкаго размаха
И силилась орлу путь къ солнцу заслонить?
Намъ должно бы умнѣй тупыхъ животныхъ быть;
А каждый день при насъ задорные пигмеи,
Въ союзѣ съ глупостью сообразя затѣи,
Богатырей ума зовутъ на бой чернилъ,
Нахальствомъ ополчась за недостаткомъ силъ.
Ошибки замѣчай: ошибки людямъ сродны;
Но въ поученіи пусть голосъ благородный
И благородство чувствъ показываетъ намъ.
Ты хочешь исправлять, но будь исправенъ самъ.
Уваженъ будешь ты, когда другихъ уважишь.
Когда жъ и правду ты языкомъ злости скажешь,
То правды свѣтлый лучъ, какъ въ зеркалѣ кривомъ,
Потускнетъ подъ твоимъ завистливымъ перомъ.
Случалось и глупцу отыскивать пороки;
Но взвѣсить трудъ ума лишь можетъ умъ высокій.
Насмѣшки рѣзкія—сатиры личной зло:
Цвѣтами увивалъ ихъ стрѣлы Боало.
Въ комъ нравиться есть даръ, то пусть одинъ злословитъ:
Пчела и жалитъ насъ и сладкій медъ готовитъ;
Но изъ вреда вредитъ комаръ досадный радъ:
Докучнаго ушамъ, презрѣннаго на взглядъ,
Его безъ жалости охотно давитъ каждый.
Слѣпцы! къ чему ведетъ тоска завистной жажды?
Какой богатый плодъ приноситъ вамъ раздоръ?
Таланту блескъ двойной, а вамъ двойной позоръ.
Успѣхъ есть общая достоинствъ принадлежность;
Къ нему вожатые—даръ свыше и прилежность.
Враговъ не клеветой, искуствомъ побѣди;
Затьми ихъ свѣтлый лавръ,—и лавръ твой впереди.
Соревнованья жаръ—источникъ дѣлъ высокихъ;
Но ревность—ядъ ума и страсть сердецъ жестокихъ.
Лишь древо здравое дать можетъ здравый плодъ,
Лишь пламень чистый въ насъ таланта огнь зажжетъ.
Счастливъ, кто могъ сказать: «друзей я въ славѣ нажилъ,
Враговъ своихъ не зналъ, соперниковъ уважилъ;
Искуства насъ въ одно семейство сопрягли,
На ровный жребій благъ и бѣдствій обрекли.
Причастенъ славѣ ихъ, они моей причастны;
Ихъ днями ясными мои дни были ясны.»
Такъ рядомъ щедрая земля изъ влажныхъ нѣдръ
Раститъ и гордый дубъ и сановитый кедръ.
Ихъ чела въ облакахъ; стопы ихъ съ адомъ смежны;
Природа съ каждымъ днемъ крѣпитъ союзъ надежный,
И сросшійся въ одинъ ихъ корень вѣковый
Смѣется наглости бунтующихъ стихій.
Столѣтья зрятъ они, другъ другомъ ограждены,
Тогда, какъ въ ихъ тѣни шипя змѣи презрѣнны,
Междоусобныхъ ссоръ питая гнусный ядъ,
Нечистой кровію подошвы ихъ багрятъ.

Е. Сѣтованіе (1824). (*).

Ее ужъ нѣтъ, моей весны!
Порывы бурь ее умчали!

И жертву мертвой тишины
Ужъ не волнуютъ счастья сны,
Ни сердцу сладкія печали!
Ее ужъ нѣтъ, моей весны!

Ее ужъ нѣтъ, моей весны!
Въ туманахъ ранняго заката
Потухло солнце старины;
Дни жизни сердца сочтены—
И нѣтъ утраченнымъ возврата!
Ее ужъ нѣтъ, моей весны!

Ее ужъ нѣтъ, моей весны!
Раздался въ сердцѣ гласъ печальной,
Какъ ропотъ порванной струны,
Какъ стонъ разбившейся волны,
Какъ тихій отзывъ флейты дальной:
Ее ужъ нѣтъ, моей весны!

Ж. СТАНЦІЯ (1825). (10).

Досадно слышать: Sta. viator (11)!
Иль, изъясняяся простѣй:
«Извольте ждать, нѣтъ лошадей»,
Когда губернскій регистраторъ,
Почтовой станціи диктаторъ
(Ему типунъ бы на языкъ!)
Сей рѣчью ставитъ васъ въ тупикъ.
Отъ этого-то русскимъ трактомъ
Ѣзда не слишкомъ веселитъ:
Какъ ѣдешь, дѣйствіе кипитъ:
Пріѣдешь—стынетъ за антрактомъ.
Да и скакать,—дождись пути.
Замѣтить должно мнѣ въ прибавку,
Чтобы точнѣй въ журналъ внести
Топографическую справку:
Дороги наши—садъ для глазъ,
Деревья, съ дерномъ валъ, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль: проѣзда нѣтъ подъ часъ.
Съ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,
Проѣзжимъ мало барыша:
Дорога, скажешь, хороша—
И вспомнишь стихъ: «для проходящихъ»(12)!
Свободна руская ѣзда
Въ двухъ только случаяхъ: когда—
Нашъ Макъ-Адамъ, или Макъ-Ева (13)—
Зима свершитъ, треща отъ гнѣва,
Опустошительный набѣгъ,
Путь окуетъ чугуномъ льдистымъ
И запорошитъ ранній снѣгъ
Слѣды ея пескомъ пушистымъ.
Или когда поля проймётъ
Такая знойная засуха,
Что черезъ лужу можетъ въ бродъ
Пройти, глаза зажмуря, муха.
Чтожъ дѣлать? время есть всему!
Гражданству, роскоши, уму
Рукой степенной ходъ размѣренъ:
Итогъ въ успѣхахъ нашихъ вѣренъ,
Пождемъ—и возрастетъ итогъ.
Давноль могучій Петръ природу,
Судьбу и смертныхъ перемогъ,
Прошелъ сквозь мракъ, сквозь огнь и воду,
И слѣдомъ богатырскихъ ногъ
Давно ли вдоль и поперегъ
Протоптана его Россія?
Исполнятся судьбы земныя—
И мы не будемъ безъ дорогъ.
За то военную дорогу
Прокладывать умѣемъ мы:
Въ Парижѣ были, слава Богу,
И можетъ, не боясь чумы,
Ни Магомета стражи райской,
За славной тѣнью Задунайской,
За тѣнью Царственной жены,
Мы доберемся до луны;
За Грековъ молвимъ рѣчь въ Стамбулѣ
И межъ собой, безъ дальнихъ ссоръ,
Миролюбиво кончимъ споръ,
Когда-то жаркій при Кагулѣ.

«Такъ лошадей мнѣ нѣтъ у васъ?»
—Смотрите въ книгѣ: счетъ тутъ ясенъ.—
«Ихъ въ книгѣ нѣтъ, я въ томъ согласенъ:
Въ конюшнѣ нѣтъ ли?»—Тройка съ часъ
Послѣдняя съ курьеромъ вышла;
Двѣ клячи на дворѣ и есть,
Да ихъ хоть выбылыми счесть:
Не ходитъ ни одна у дышла.—
«А долго ли прикажешь мнѣ,

Платя въ избѣ терпѣнью дани,
Исторіи «тьму-таракани»
Учиться по твоей стѣнѣ?»
— Да къ ночи кони придутъ, нѣтъ ли,
Тутъ ихъ покормимъ часъ, иль два.
Ей, ей, кружится голова;
Приходитъ жутко, хоть до петли!
И днемъ и ночью все разгонъ,
А всего на всего пять троекъ;
Тутъ, какъ ни будь смышленъ и боекъ,
А полѣзай изъ кожи вонъ!—

«Стой, путникъ, стой!» чтожъ молвить больше,
Когда подвинуться не льзя?

3. СТАРОЕ ПОКОЛѢНІЕ (1841). (11).

Смерть жатву жизни коситъ, коситъ
И каждый день, и каждый часъ
Добычи новой жадно проситъ
И грозно разрываетъ насъ.

Какъ много ужъ именъ прекрасныхъ
Она отторгла у живыхъ!
И сколько лиръ виситъ безгласныхъ
На кипарисахъ молодыхъ!

Какъ много сверстниковъ не стало,
Какъ много младшихъ ужъ сошло,
Которыхъ утро расцвѣтало,
Когда насъ знойнымъ полднемъ жгло!

А мы остались, уцѣлѣли
Изъ этой сѣчи роковой,
По смерти ближнихъ оскудѣли
И ужъ не рвемся въ жизнь, какъ въ бой.

Печально вѣкъ свой доживая,
Мы запоздавшей смѣны ждемъ,
Съ днемъ каждымъ сами умирая,
Пока не вовсе мы умремъ.

Сыны другаго поколѣнья,
Мы въ новомъ—прошлогодній цвѣтъ:
Живыхъ намъ чужды впечатлѣнья,
А нашимъ—въ нихъ сочувствій нѣтъ.

Они, что любимъ—разлюбили;
Страстямъ ихъ—насъ не волновать;
Ихъ не было тамъ, гдѣ мы были,
Гдѣ будутъ—намъ ужъ не бывать!

Нашъ міръ—имъ храмъ опустошенный,
Имъ баснословье—наша быль,
И то, что пепелъ намъ священный—
Для нихъ одна нѣмая пыль.

Такъ, мы развалинамъ подобны
И на распутіи живыхъ
Стоимъ, какъ памятникъ надгробный
Среди обителей людскихъ.

4. РУССКІЕ ПРОСЕЛКИ (1842). (12).

Скажите, знаете ль, честные господа,
Что значитъ русскими проселками ѣзда?
Вамъ сплошь Европа вся изъ края въ край знакома:
Въ Парижѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ вы какъ дома;
Докатитесь туда по гладкому шоссе
И думаете вы, что такъ и ѣздятъ всѣ,
И всѣ ѣзжали такъ; что, лежа, какъ на розахъ,
Родъ человѣческій всегда ѣзжалъ въ дормезахъ
И что, пожалуй, нашъ родоначальникъ самъ
Не кто иной, какъ всѣмъ извѣстный Макъ-Адамъ.
Счастливцы (какъ бы къ вамъ завербоваться въ секту?),
Россію знаете по Невскому проспекту
Да по Симбирскому бурмистру, въ вѣрный срокъ
Къ вамъ привозящему вашъ годовой оброкъ.
Вамъ жить легко. Судьба вамъ служитъ по контракту
И васъ возить должна все по большому тракту.
Для васъ проселковъ нѣтъ. Всегда предъ вами цѣль,

Хотя бъ вы занеслись за тридевять земель.
Нѣтъ, вызвалъ бы я васъ на русскіе проселки,
Чтобъ о людскомъ житьѣ прочистить ваши толки.
Тутъ міръ бы вы другой увидѣли! что шагъ,—
То яма, косогоръ, болото иль оврагъ.
Я твердо убѣжденъ, что со временъ потопа
Не прикасалась къ нимъ лопата землекопа.
Какъ почву вывернулъ, размылъ и растрепалъ
Съ небесъ сорвавшійся сей водяной обвалъ,
Такъ и теперь она все въ томъ же безпорядкѣ,
Вся исковеркана, какъ въ судорожной схваткѣ.
Дорога лѣсомъ ли? Такія кочки, пни,
Что крѣпче свой языкъ къ гортани ты прильпни—
Не то, такой толчекъ поддастъ тебѣ, что ой-ли!
И свой языкъ насквозь прокусишь ты. Рѣкой ли
Дорога? Мостъ на ней ужъ подлинно живой:
Такъ бревна въ запуски и пляшутъ подъ тобой,
И ты того и жди, что изъ за пляски этой
Къ русалкамъ попадешь съ багажемъ и каретой.
Есть перевозъ ли? Плотъ такое ужъ гнилье,
Что только бабамъ мыть на немъ свое бѣлье.
Кому на казнь даны чувствительные нервы
(Недугъ новѣйшихъ дней), тому совѣтъ мой первый:
Проселкомъ на Руси не ѣздить никогда.
Пройди сто верстъ пѣшкомъ; устанешь—не бѣда:
За то ты будешь цѣлъ и съ нервами въ покоѣ;
Не будетъ дергать ихъ, коробить въ перебоѣ,
И не начнешь въ сердцахъ, забывъ и страхъ и грѣхъ,
Какъ Демонъ Пушкина, злословить все и всѣхъ.
Опасность я видалъ, и передрягъ не мало
На сушѣ и водахъ въ мой вѣкъ мнѣ предстояло.
Былъ Бородинскій день, день жаркій, боевой!
Французское ядро визжало надо мной
И если мирнаго поэта пожалѣло,
За то хоть двухъ коней оно подъ нимъ заѣло.
Я на морѣ горѣлъ, и сквозь ночную тьму
(Не мнѣ бы тутъ стоять, а Данте самому),
Не сонный, наяву, я зрѣлъ двѣ смерти рядомъ
И каждую съ своимъ широкозѣвнымъ адомъ:
Одинъ весь огненный и пышущій, другой—
Холодный, сумрачный, бездонный и сырой;
И оставалось мнѣ на выборъ произвольной
Быть гусемъ жаренымъ иль рыбой малосольной.
Еще есть черная отмѣтка на счету.
Двухъ паровозовъ, двухъ волкановъ на лету
Я видѣлъ сшибку: лобъ со лбомъ они столкнулись,
И страшно крякнули, и страшно пошатнулись—
И смертоносенъ былъ напоръ сихъ двухъ громадъ.
Вотъ вамъ живописалъ я свой и третій адъ.
Но это случаи, несчастье, приключенье!
А здѣсь—такъ быть должно, такое заведенье,
Порядокъ искони нормальной, коренной,
Чтобъ быть, какъ на часахъ, безсмѣнно предъ бѣдой,
И если выйдешь сухъ нечаянно отъ Сциллы,
То у Харибды ждать увѣчья иль могилы.
Проселки адъ земной; но нашъ «авось» великъ!
Великъ, ужъ нечего сказать, и нашъ ямщикъ.

I. У страха глаза велики.
(1859). (16).

Есть люди,—и такихъ не мало,—
Вся жизнь ихъ безконечный страхъ,
Не Божій, мудрости начало,
А страхъ больной съ бѣльмомъ въ глазахъ.

Глаза ихъ чѣмъ тупѣй и лживѣй,
Тѣмъ дальновиднѣй быть хотятъ.
Ихъ мудрость въ томъ, что все пугливѣй
Они на все и всѣхъ глядятъ.

Они живутъ въ особомъ мірѣ;
Имъ мало видѣть то, что есть:
Гдѣ прочимъ дважды два четыре,
Тамъ имъ съ испугу—пять и шесть.

У нихъ всегда, какъ отъ угара,
Въ глазахъ рябитъ, въ ушахъ звенитъ;
Имъ свѣчка—зарево пожара,
Набатомъ—каждый шумъ звучитъ.

Предусмотрительность ихъ мучитъ,
Но прозорливость ихъ смѣшна:
Она въ быка лягушку пучитъ,
И муху жалуетъ въ слона.

Огонь ли дальній домъ затронетъ?
У нихъ ужъ дѣйствуетъ труба,
И, какъ во дни потопа, тонетъ
Ихъ неповинная изба.

Кто заболѣетъ въ дальнемъ царствѣ,
Хотя за тридевять земель,—
Они сидятъ ужъ на лекарствѣ
И лечь готовятся въ постель.

Закрыты ставни, чтобъ заразой
Къ нимъ внѣшній воздухъ не проникъ;
И смотритъ докторъ пучеглазый
Разъ двадцать на день ихъ языкъ.

Чтобъ оставаться невредимо,
Чтобъ съ мѣста тронуться, чтобъ встать,
Имъ напередъ необходимо
Себя зашить, запаковать.

Все озираясь, слѣва, справа,
На цыпкахъ выступаетъ трусъ,
Какъ будто подъ ногами лава
Иль землю взбудоражилъ трусъ.

Они готовы, въ ослѣпленьи,
Когдабъ ихъ страху волю дать,
На карантинномъ положеньи
Весь Божій міръ пересоздать.

Ихъ блажь себя дурманомъ кормитъ
И тотъ одинъ у нихъ съ умомъ,
Кто такъ себя захлороформитъ,
Чтобъ жизнь оцѣпенѣла въ немъ.

Нельзя глядѣть на нихъ безъ смѣха,
Но грусти этотъ смѣхъ сродни:
Въ вратахъ добра, въ вратахъ успѣха,—
Какъ пугала, торчатъ они.

Благоразумія личиной
Свой малодушный умъ прикрывъ,
Они ложатся тяжкой льдиной
На каждый доблестный порывъ.

Стращаютъ мысль и упованья,
Развязкой горькой имъ грозя;
На всѣ вопросы, всѣ призванья
Одинъ отвѣтъ у нихъ: нельзя!

Нельзя! твердятъ сыны коснѣнья;
Но въ человѣческой груди
Къ чему жъ сей лозунгъ Провидѣнья:
«Трудись, надѣйся и гряди?»

Самонадѣянность насъ губитъ,
И мнительность—болѣзнь ума:
Одна теряться въ тучахъ любитъ,
Другой—что новость, то чума.

Мужъ благодушья, воли твердой
Равно умѣетъ пренебречь
Пылъ опрометчивости гордой
И робость, сей Дамокловъ мечъ.

Въ душѣ его благое пламя,

Великихъ дѣлъ святой закалъ;
Онъ высоко подъемлетъ знамя,
Которымъ путь свой указалъ.

Судебъ избранникомъ послушнымъ
Идетъ онъ, вождь передовой,
Въ борьбѣ съ усердьемъ двоедушнымъ
И съ трусостью, поднявшей вой.

К. НѢМЕЦКАЯ ПРИРОДА (1862). (17).

Люблю нѣмецкую природу,
Она красива и скромна:
Туристамъ записнымъ въ угоду
Не на показъ глядитъ она.

Въ ней все уживчиво-сподручно,
Все такъ *гемютлихо*-свѣтло;
Все обстоитъ благополучно
И въ колею свою вошло.

Она не поражаетъ взоры
И не приводитъ насъ въ испугъ,
Съ Швейцаріей не лѣзетъ въ горы
И не изнѣжена какъ югъ.

Не холодно въ ней и не душно:
Во всемъ умѣренность храня,
Она даритъ насъ простодушно
Чѣмъ можетъ, на потребу дня.

Рукой хозяйки домовитой
Здѣсь все прилажено умно:
И наслажденье не забыто,
Но пользѣ не въ накладъ оно.

Обильно съ розой ароматной
Янтарный виноградъ растетъ,
А ужъ картофель благодатной —
Такъ самъ собой и лѣзетъ въ ротъ.

Златой посредственности царство!
Къ нему Господь благоволитъ;
Она не чернь, она не барство,
А бюргершафта средній бытъ.

Любуясь жизнью и счастлива,
Какъ добрый нѣмецъ, безъ заботъ,

Она себѣ, за кружкой пива,
«Du lieber Augustin» поетъ.

Легко здѣсь жить съ природой дружно;
Но вотъ въ чемъ трудность и напасть:
Переродиться въ нѣмца нужно,
Чтобъ на нѣмецкій ладъ попасть.

Л. Что такъ шумите вы? (*1862*). (18).

Что такъ шумите вы? Отстаиваемъ гласность.—
—Богъ въ помощь вамъ; но шумъ и гласность—не одно:
Цѣль гласности—привесть дѣла скорѣе во ясность,
А въ шумѣ истину разслушать мудрено.

Прекрасны могутъ быть и митинги, и спичи,
И Македонскій царь достоинъ похвалы,
Но какъ онъ ни великъ, а правъ и Городничій:
Нѣтъ повода ломать и стулья и столы!

М. Не рѣдко намъ — ктожъ не слыхалъ?—пеняли (*1862*). (19).

Не рѣдко намъ—ктожъ не слыхалъ?—пеняли,
Что мы кружкомъ, средь арзамасскихъ стѣнъ,
Олигархически себя держали,
Какъ говорятъ, въ республикѣ письменъ;

Не большинству угодливо служили
Свободные въ насъ чувства и умы;
Что личностью своею дорожили
И съ выборомъ съ людьми сближались мы.

Оно и такъ, но нѣтъ высокомѣрья
И тѣни здѣсь, ни мѣстничества музъ;
Здѣсь есть законъ взаимнаго довѣрья
И нравственныхъ сочувствій есть союзъ.

Извѣстно намъ, какъ ни пускайся въ предки,
Всѣ братья мы въ семьѣ дѣтей земныхъ;
Но въ дѣтяхъ есть и чистенькія дѣтки,
А есть при томъ и грязненькія въ нихъ.

Какимъ ни будь ты ярымъ коммунистомъ,
Такъ что тебя Прудону не догнать,
Все жъ отойдешь, встрѣчаясь съ трубочистомъ,
Чтобъ сажею себя не замарать.

Н. По мнѣ онъ—просто скучный враль (1862). ([20]).

По мнѣ онъ просто скучный враль;
У васъ—«умъ перваго разбора,
Онъ въ облакѣ пророкъ, но жаль
Цензура не даетъ простора.

Его читайте между строкъ
И мимо пропускайте строки:
Не въ нихъ есть смыслъ, не въ нихъ есть прокъ,
А въ заднихъ мысляхъ — смыслъ глубокій».

—Пусть такъ, но въ томъ-то и бѣда
И тутъ-то выводъ неуклюжій:
Умъ—сзади спрятанъ завсегда,
А глупость—вся глядитъ снаружи.

О. СЛОВО ПРИМИРЕНІЯ (1862). ([21]).

Кто говоритъ объ отступленьи?
Кто учитъ васъ назадъ идти?
Жизнь развивается въ движеньи
И нѣтъ обратнаго пути.

Течетъ и время безвозвратно.
Ни часу, ни минуты намъ
Не удержать, не взять обратно
По уплывающимъ волнамъ.

Въ порядкѣ вѣчномъ міозданья
Живущему застоя нѣтъ:
Въ самомъ законѣ увяданья
Есть обновленія завѣтъ.

Премудрость цѣль намъ положила,
День каждый къ цѣли переходъ;
Во всемъ есть жизненная сила,
И смерть сама—есть шагъ впередъ

Но постепеннаго развитья
Предупреждать намъ не дано;
Но прочны только тѣ событья,
Которыхъ вызрѣло зерно.

Не говорятъ вамъ: стой, равняйся
И въ неподвижности замри!
Не говорятъ: назадъ подайся
И дверь къ грядущему запри!

Но говорятъ вамъ: отрезвитесь,
Высокомѣрные умы,
Первоначальемъ не гордитесь
И не твердите: мы, да мы!

Вы, такъ же какъ и мы, пріяли
Свое наслѣдье отъ вѣковъ;
Вы продолжаете скрижали,
Начатыя рукой отцовъ.

Нашъ вѣкъ, дѣлецъ неугомонный,
Не выскочкой явился въ свѣтъ:
Законныхъ предковъ внукъ законный—
И онъ итогъ предшедшихъ лѣтъ.

Быть выскочкой совсѣмъ не лестно,
Да выскочкой и быть нельзя
Тамъ, гдѣ трудами предковъ честно
Пробита обществу стезя.

Успѣхамъ вашимъ и побѣдамъ
Готовы мы рукоплескать,
Но въ пѣсняхъ торжества—и дѣдамъ
Не грѣхъ поминомъ честь отдать.

Отцовъ не упрекайте въ лѣни:
Они на доблестныхъ плечахъ
Васъ вознесли на верхъ ступени,
Гдѣ, позабывъ объ ихъ трудахъ,

Съ самодовольствомъ не по чину
Вы озираетесь кругомъ:

Какъ будто сразу на вершину
Взлетѣли вы однимъ прыжкомъ.

Хозяинъ мудрый вертограда
Распредѣлилъ часы работъ;
Всѣмъ есть урокъ свой, всѣмъ награда,—
Кто раньше иль позднѣй придетъ.

Несите вы свою заботу;
Одно различье между насъ:
Мы утромъ вышли на работу,
А вы—въ одиннадцатый часъ.

Къ чему сбивать другъ съ друга цѣну?
На общій трудъ насъ обрекли:
Другіе придутъ вамъ на смѣну,
Какъ вы на смѣну намъ пришли.

Да, плодъ воздастъ благое сѣмя,
Чья ни посѣй его рука:
Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
И вамъ грядущіе вѣка!

*) Князь Вяземскій, Петръ Андреевичъ, род. въ 1792 г. Отецъ его, умирая, ввѣрилъ попеченіе о своемъ малолѣтнемъ сынѣ Карамзину. Молодой князь, связанный съ нимъ родствомъ, нашелъ въ немъ опытнаго наставника, а въ послѣдствіи вѣрнаго друга. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ часто говоритъ о Карамзинѣ съ любовью и благоговѣніемъ. Такъ, наприм., читаемъ въ отрывкѣ изъ стихотворенія: «Деревня» (Памятникъ отечественныхъ Музъ, 1827):

О Карамзинъ! ты здѣсь (*) съ любимыми творцами.
Въ душѣ твой образъ слитъ съ священными мечтами:
Родитель, на одрѣ болѣзни роковой,
Тебѣ ввѣрялъ меня хладѣющей рукой
И мыслью отдыхалъ въ страданіяхъ недуга,
Что сынъ его найдетъ въ тебѣ отца и друга.
О, какъ исполнилъ ты сей дружества завѣтъ!
Ты юности моей взлелѣялъ сирый цвѣтъ!
О мой второй отецъ! Любовью, дѣломъ, словомъ,
Ты былъ мнѣ отческимъ примѣромъ и покровомъ.

(*) Въ Остафьевѣ, подмосковномъ селѣ, родовомъ имѣніи кн. Вяземскаго, который провелъ въ немъ свое дѣтство. Карамзинъ иногда живалъ тамъ лѣтомъ и писалъ первые томы своей исторіи. Оно описано въ стихотвореніи кн. Вяземскаго: «Остафьево» (1857).

Первою школою молодаго князя былъ іезуитскій пансіонъ въ Петербургѣ, о чемъ онъ вспоминаетъ въ «Посланіи къ Д. Н. Сѣверину (1881)», своему соученику и старинному другу:

Тамъ жизни внутренней разсвѣтъ нашъ и начало,
Тамъ оперилась мысль, чутье тамъ чувствомъ стало.
Изъ просвѣщенныхъ рукъ наставниковъ-друзей
Запали въ нашу грудь, на жатву позднихъ дней
Зародыши добра и любознанья сѣмя.

Потомъ онъ продолжалъ ученіе въ Москвѣ, въ домѣ профессора Рейса, и пользовался лекціями другихъ профессоровъ Московскаго университета. Знаніемъ русскаго языка онъ былъ обязанъ учителю въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, П. И. Богданову. На службу поступилъ въ Межевую канцелярію юнкеромъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ (1807). Начало его служебной карьеры совпадаетъ съ началомъ карьеры литературной: въ 1807 г. сочинилъ онъ первое стихотвореніе: «Посланіе къ *** въ деревню» (Вѣст. Евр. 1808, ч. 41). Кн. Вяземскій началъ писать стихи съ самаго дѣтства, вопреки желанію отца, который безуспѣшно старался поселить въ немъ охоту къ наукамъ математическимъ. Любовь къ словесности усилилась въ немъ послѣ того, какъ онъ, по смерти отца, перешелъ подъ руководство Карамзина; но строгость сужденій попечителя пугала его самолюбіе и онъ боялся показывать ему опыты своего таланта. Тѣсная дружеская связь, въ юношескихъ лѣтахъ, съ Жуковскимъ и Батюшковымъ, закрѣпила въ душѣ кн. Вяземскаго наклонность къ литературѣ вообще и къ поэзіи въ частности, которыя считаютъ его имя въ числѣ своихъ искреннихъ, даровитыхъ и образованныхъ ревнителей. Въ 1812 г., съ дозволенія начальника своего, директора межевой канцеляріи Обрѣзкова, князь поступилъ въ Московское ополченіе, въ полкъ, сформированный гр. Мамоновымъ, и находился при Милорадовичѣ въ битвѣ при Бородинѣ, гдѣ подъ нимъ были убиты двѣ лошади. Стихи: «Русскіе проселки (1842)» воспоминаютъ этотъ день, знаменитый въ исторіи отечественной войны:

Былъ Бородинскій день—день жаркій, боевой!
Французское ядро визжало надо мной,
И если мирнаго поэта пожалѣло,
За то хоть двухъ коней оно подъ нимъ заѣло.

Уволенный, по прошенію, изъ вѣдомства Межевой канцеляріи, 1817 г., онъ въ томъ же году былъ опредѣленъ къ тайному совѣтнику Новосильцову, въ Варшаву, и состоялъ при немъ до 1821 г. Черезъ девять лѣтъ послѣ того началась его новая служба по министерству финансовъ чиновникомъ

особыхъ порученій и вскорѣ членомъ общаго присутствія департамента внѣшней торговли (1830). Въ 1833 г. онъ занялъ должность вице-директора этого департамента, а въ 1846-мъ—управляющаго заемнымъ банкомъ, откуда вышелъ въ 1853-мъ, получивъ мѣсто члена въ совѣтѣ министра финансовъ. Въ 1855 г. произведенъ въ тайные совѣтники, назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и сенаторомъ. Въ 1858 г. уволенъ по прошенію отъ этой должности, сохранивъ званіе сенатора. Въ 1861 г. пожалованъ въ гофмейстеры, съ назначеніемъ состоять при Государынѣ Императрицѣ.

Пятидесятилѣтній юбилей кн. Вяземскаго, какъ литератора (1807—1857), былъ празднованъ, по случаю поѣздки его за границу, не въ 1857-мъ, а въ 1861 г. въ Петербургѣ (см. «Юбилей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности академика князя П. А. Вяземскаго»). Къ сожалѣнію, сочиненія кн. Вяземскаго, разсѣянныя по журналамъ и сборникамъ, ожидаютъ еще полнаго изданія. Только небольшая часть его стихотвореній собраны въ книгѣ: «Въ дорогѣ и дома (1862)». Къ этому сборнику приложена по возможности полная и вездѣ почти вѣрно составленная библіографія сочиненій автора, въ стихахъ и прозѣ. Имя кн. Вяземскаго, какъ замѣчательнаго сатирика и критика, навсегда останется въ исторіи нашей словесности. По праву своего таланта и образованности, онъ занимаетъ мѣсто на самыхъ блистательныхъ ея страницахъ, рядомъ съ Жуковскимъ (своимъ названнымъ братомъ), Батюшковымъ, Пушкинымъ. Вмѣстѣ съ «лучшими» людьми онъ, во всѣ періоды своей жизни и на всѣхъ путяхъ ея, неизмѣнно сохранилъ горячую преданность просвѣщенію и литературѣ, видя въ нихъ главныя орудія для успѣховъ гражданскаго благоденствія и человѣческаго совершенства. Уклоненія отъ этого образа мыслей или превратное пониманіе такъ называемаго прогресса всегда встрѣчали въ немъ сильнаго, меткаго обличителя. Полное изданіе его сочиненій важно для исторіи нашей словесности послѣдняго пятидесятилѣтія во многихъ отношеніяхъ. Свидѣтельствуя о дарованіи, какихъ у насъ немного, оно послужило бы также живою лѣтописью литературнаго движенія въ то время, когда литература была главнымъ, вполнѣ достойнымъ интересомъ образованнаго общества.

Кромѣ указаннаго сборника, нѣкоторыя стихотворенія кн. Вяземскаго изданы въ отдѣльныхъ брошюрахъ: «Къ ружью» (1854), «Шесть стихотвореній» (1855), «За границею» (1859).

Важнѣйшія сочиненія въ прозѣ: о Державинѣ (С. От., ч. 32); Разборъ ком. Гоголя «Ревизоръ» (Соврем. 1836, т. 2); О жизни и сочиненіяхъ Озерова (при изданіи его сочиненій); О жизни и стихотвореніяхъ И Дмитріева (при 6-мъ изд. его сочиненій); Разговоръ между издателемъ и классикомъ (при 1-мъ изд. Бахчисарайскаго Фонтана Пушкина); Фонъ-Визинъ (отдѣльная книга). Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ, особенно въ послѣднемъ, кн. Вяземскій является замѣчательнымъ критикомъ.

[2]) Собраніе рус. стихотвореній, изданное Жуковскимъ (1811, ч. 5).

[3]) Ib.

[4]) Пантеонъ рус. поэзіи, изданный П. Никольскимъ (1814, кн. 2). Картузовъ—Голенищевъ-Кутузовъ (см. выше, стр. 385, прим. 13), издававшій съ гр. Д. Хвостовымъ и гр. С. Салтыковымъ журналъ: «Другъ просвѣщенія» (12 частей, 1804—1806).

[5]) Россійскій Музеумъ, 1815, № 12. Шутовской—кн. Шаховской. Почитатели Карамзина и друзья Жуковскаго не могли простить ему двухъ комедій: «Новаго Стерна», въ которой осмѣянъ сентиментализмъ (см. выше, стр. 157, прим. 5), и «Липецкихъ водъ», гдѣ выведенъ Жуковскій, подъ именемъ Фіалкина (см. ниже, примѣчанія къ кн. Шаховскому).

[6]) Сынъ От., 1821, № 2. Перепечатано во 2 № Вѣст. Евр. того же года, съ примѣчаніями его редактора, Каченовскаго, подъ заглавіемъ: «Посланіе ко мнѣ отъ кн. Вяземскаго». Современные читатели любовались рѣзкою сатирой, указывая на первые два стиха ея, какъ на образецъ колкости, къ которой впрочемъ нельзя было придраться, потому что слово «жалокъ» можно относить и къ Каченовскому и ко врагу талантовъ. Вѣстникъ по этому случаю замѣчаетъ: «Благодарность издателямъ Сына От.! Поставивъ запятую и знакъ восклицательный, они отвели ругательство отъ меня и подозрѣніе въ дурномъ умыслѣ отъ г-на Вяземскаго, котораго высиренній геній, презирающій правила и грамматики и синтаксиса, легко могъ просмотрѣть ничтожные знаки препинанія.» Посланіе (подражаніе Вольтерову стихотворенію: «De l'Envie» и частію переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ его) было вызвано критическими замѣчаніями Вѣстника на Исторію государства россійскаго: во 2, 3, 4, 5 и 6 №№ 1819 г. помѣщены письма отъ кіевскаго жителя къ его другу, содержащія въ себѣ разборъ предисловія къ Исторіи (подписано Ф.); кромѣ того «Житель Дѣвичьяго поля» (въ Москвѣ) выставилъ, въ 6-мъ же №, неточныя выраженія, встрѣчающіяся въ Исторіи.

[7]) Лужницкая слобода, что за Дѣвичьимъ полемъ, иначе Малые Лужники, гдѣ живетъ извѣстный старецъ. *Прим. редактора* В. Ев.

Этотъ Лужницкій старецъ былъ псевдонимъ Каченовскаго, который являлся подъ этимъ именемъ въ Вѣст. Евр.

[8]) «Пугливые невѣжды»—выраженіе Ломоносова.

[9]) Новости литературы, изданныя Воейковымъ и В. Козловымъ, кн. 7 (1824).

[10]) «Глава изъ путешествія въ стихахъ; писана 1825 г.» (альманахъ «Подснѣжникъ» 1829). Въ Христоматіи помѣщено начало стихотворенія; послѣ того слѣдуютъ воспоминанія о Польшѣ.

[11]) «Стой, путникъ!» (взято изъ латинской эпитафіи).

[12]) Полустишіе: «для проходящихъ» взято изъ басни Дмитріева: «Прохожій».

[13]) Такъ называется, по имени изобрѣтателя, англійскаго инженера, особенное устройство дороги.

[14]) Альманахъ: «Утренняя заря» 1841.

[15]) Современникъ, 1842, ч. 26.

[16]) Въ книжкѣ: «За границей 1859» (собраніе нѣсколькихъ стихотвореній кн. Вяземскаго). «Не Божій, мудрости начало» — въ Св. Писаніи сказано: Начало премудрости—страхъ Божій. «Иль землю взбудоражилъ трусъ» (землетрясенье).

[17]) «Въ дорогѣ и дома».

[18]) Ib.—«А правъ и городничій»—намекъ на слова Городничаго въ «Ревизорѣ» Гоголя («Оно конечно, Александръ Македонскій герой, но къ чему же стулья ломать?»).

[19]) Ib. Въ этой пьесѣ изображена отличительная черта литературнаго общества «Арзамасъ» (1815—1820), составленнаго изъ молодыхъ почитателей Карамзина въ насмѣшку надъ его противниками,—членами «Бесѣды любителей русскаго слова».

[20]) Ib.

[21]) Ib.

XXXV.

КНЯЗЬ ШАХОВСКОЙ. ([1]).

А. УРОКЪ КОКЕТКАМЪ, ИЛИ ЛИПЕЦКІЯ ВОДЫ (1815). ([2]).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 5.

Саша, Баронъ, Графиня, Угаровъ и Фіалкинъ. Графиня, показавшись въ аллеѣ окруженная обожателями, съ ними раскланивается. Всѣ уходятъ; остаются: Баронъ, несущій шаль, Угаровъ и Фіалкинъ съ парасолемъ и гитарою за плечами.

ГРАФИНЯ.

Я признаюся вамъ, что Липецкъ рай земной!
Любезность жителей и прелести природы
Мнѣ здѣсь полезнѣе, чѣмъ всѣ на свѣтѣ воды.
Нѣтъ! я вообразить безъ грусти не могу,
Что должно въ Петербургъ мнѣ будетъ возвратиться,
И важной знатности въ блистательномъ кругу
О Липецкѣ вздыхать и скукою томиться.
И что найду я тамъ? несносный этикетъ,
Обѣды званые и праздники нарядны,
Гдѣ съ скукой пополамъ кружится въ вальсахъ свѣтъ,
И ахъ! концерты тѣ, гдѣ голоса нескладны
И пальцы вялые хозяйскихъ дочерей
Безъ милосердія терзаютъ слухъ гостей;
Театры душные, въ которыхъ, для уморы
Несчастныхъ зрителей, злодѣи аматеры
Пищатъ, коверкаютъ французскіе стихи.
А если попадусь я за мои грѣхи
Въ собранье важныхъ дамъ, на тетушку похожихъ,
Которыя, отъ лѣтъ ударясь въ ханжество,
Въ разсказахъ не щадя ни дружбу, ни родство,
Бранятъ безъ милости проѣзжихъ и прохожихъ—
Тогда пропала я! Что можетъ быть скучнѣй
Злословья, клеветы, и сплетней, и вѣстей,
Которыхъ никогда такъ много не бывало,
Какъ нынче? Если же и этого все мало,

Чтобъ насъ морить тоской, политика сама
Въ минуту явится съ лганьемъ и новостями,
Засядетъ вкругъ стола и громкими словами
Начнетъ витiйствовать безъ толку, безъ ума;
И споры тѣмъ рѣшитъ, что съ болью головною
Прiѣдутъ всѣ домой.—Вотъ жизнiю какою
Мнѣ должно мучиться; а здѣсь, а съ вами я
Привыкла къ счастiю.... Ахъ! я цѣнить умѣю
Таланты, вкусъ и умъ.

УГАРОВЪ (въ сторону).

Острѣе быть нельзя.

ФIАЛКИНЪ (въ сторону).

Наивность райская!

БАРОНЪ (въ сторону).

Я отъ восторговъ тлѣю!

ГРАФИНЯ (взявъ шаль отъ Барона).

Благодарю, баронъ!

БАРОНЪ.

Ахъ! благодарнымъ быть
Тотъ долженъ, кто возмогъ хоть мало вамъ служить.

ГРАФИНЯ (Барону).

Къ несчастью, мы теперь встрѣчаемъ рѣдко въ свѣтѣ
Такую вѣжливость,—парижскiй старый тонъ.

БАРОНЪ.

И рѣдко кто найдетъ въ прелестномъ семъ отвѣтѣ
Сокровища души.

УГАРОВЪ.

Поберегись, баронъ:
Такъ сильно шаркая, подагру разбередишь.

ГРАФИНЯ (улыбаясь Угарову).

Какъ вы язвительны.

БАРОНЪ (тихо Графинѣ).

Несносный сорванецъ.

ФIАЛКИНЪ (отдавая парасоль Графинѣ).

Отъ солнца этотъ щитъ,—отъ васъ же для сердецъ,
Увы! защиты нѣтъ.

УГАРОВЪ (отдергивая Фiалкина).

Куда любезникъ лѣзешь?
Поди взыхать въ шалашъ.

ФIАЛКИНЪ.

Но и шалашъ тотъ храмъ,
Гдѣ божеству души курится енмiамъ!

ГРАФИНЯ (Фiалкину).

Вездѣ поэзiя.

БАРОНЪ (Угарову, который было зацѣпилъ шпорами Графинино платье).

Васъ предварить позвольте,
Чтобъ отъ оружiя воинскихъ вашихъ ногъ
Здѣсь случай бѣдственный произойти не могъ,
Невыгодный ея сiятельству.

УГАРОВЪ.

Увольте
Отъ воспитанiя.

БАРОНЪ.

Ахъ, нѣтъ!...

УГАРОВЪ.

Не такъ я простъ:
Насмѣшка не всегда со мною удается.

САША.

А вѣрно не одинъ на этихъ шпорахъ хвостъ
Изъ вальсовъ вынесли.

УГАРОВЪ.

Нашъ грѣхъ.

БАРОНЪ.

И признается!
О вѣкъ! о времена!

ГРАФИНЯ.

Баронъ, который часъ?

БАРОНЪ.

Ахъ! скоро два часа.

ГРАФИНЯ.

Какъ время пролетаетъ!
(Отдавая шаль Сашѣ).
Избавлюсь ли отъ нихъ?

ФIАЛКИНЪ.

Гдѣ роза расцвѣтаетъ,
Тамъ время мигъ одинъ.

БАРОНЪ.

Когдабъ оно для насъ
Остановилося и крылья потеряло.

УГАРОВЪ.

Да, если разъ другой оно крыломъ махнетъ,
Такъ и прощай, баронъ,—тебя какъ не бывало.

ГРАФИНЯ (Угарову).

Ахъ! полноте шутить: мнѣ смѣхъ на умъ нейдетъ.
(Сашѣ).
Вошла ли тетушка?

САША.

Давно.

ГРАФИНЯ.

А князь?

САША.

Онъ съ нею.

ГРАФИНЯ (понизя голосъ).

И Пронской?

САША.

Съ ними же.

ГРАФИНЯ.

Я, право, не успѣю
Окончить какъ нибудь къ обѣду туалетъ.
Вотъ случай тетушкѣ бранить.

БАРОНЪ.

Кто знаетъ свѣтъ,
Тотъ удаляется.

САША (въ сторону).

Хоть этотъ догадался.

ГРАФИНЯ (барону).

Ужъ вы уходите?

БАРОНЪ.

Себя могу ли льстить,
Что въ часъ гулянья вы....

ГРАФИНЯ.

Надѣюсь съ вами быть.

БАРОНЪ (цѣлуетъ руку и отходя, въ сторону).

Вотъ прелестей соборъ!

ГРАФИНЯ (въ сторону).

Насилу отвязался!

УГАРОВЪ.

Прощайте!

ГРАФИНЯ.

Какъ! и вы?

УГАРОВЪ.

Готовъ, хоть и не радъ.

ГРАФИНЯ.

На долголь?

УГАРОВЪ.

На лихихъ какъ разъ примчусь назадъ
(Уходя) Не женщина—соколъ!

ЯВЛЕНІЕ 6.

Графиня, Саша и Фіалкинъ (вздыхая издали).

ГРАФИНЯ.

Ушли? Ахъ, какъ я рада!

САША.

Поэтъ не отвздыхалъ.

ГРАФИНЯ.

Отправь его скорѣй.

САША (Фіалкину).

Придите къ намъ ужо съ гитарою своей
Попозже.

ФІАЛКИНЪ.

Внушена мнѣ геніемъ баллада,
И посвятить хочу графинѣ сердца плодъ.
(Графинѣ).
Примите....

ГРАФИНЯ.

Что, сударь?

ФІАЛКИНЪ.

Творенье небольшое;
Но есть въ немъ кое-что. Я выбралъ модный родъ
Балладъ.

ГРАФИНЯ.

Я ихъ люблю.

САША.

А прозвище какое?

ФІАЛКИНЪ.

Омиръ или Омеръ.—Еще не рѣшено,
Какъ должно звать его, и для того я *или*
Поставилъ, чтобъ меня журналы не бранили.

САША.

Да дѣло въ чемъ? а *мe* иль *ми*, намъ все равно.

ФІАЛКИНЪ.

Поэтъ безсмертный, кѣмъ была воспѣта Троя,
Лишенный глазъ, любви талантъ свой посвятилъ.

графиня.

Гомеръ влюбился!

фіалкинъ.

Ахъ! кто пѣлъ и не любилъ?
Ахилла славилъ онъ, чтобъ улыбнулась Хлоя.

графиня.

Вотъ это новое!

фіалкинъ.

Не думаетель вы,
Чтобы поэтомъ быть, довольно дарованья,
Воображенія, въ словесности познанья,
Души возвышенной, хорошей головы
И прочаго?—Ахъ! нѣтъ, нѣтъ! этого все мало.

графиня.

И даже прочаго!—Чтожъ нужно для него?

фіалкинъ.

Въ немъ сердце быть должно, которо бъ изливало
Слезу горячую въ грудь друга своего;
Чтобы онъ чувствовалъ, чтобъ чувствовалъ—какъ бьется
Любовью вѣщее; чтобы въ природѣ всей
Онъ видѣлъ милую, чтобъ жилъ одною ей;
Чтобъ тонкій вкусъ имѣлъ....

саша (въ сторону).

Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

фіалкинъ.

Чтобъ въ скромной хижинѣ вмѣщалъ онъ цѣлый міръ;
И утро бы ему наивно улыбалось,
И веселилъ его одной природы пиръ;
Чтобъ онъ любилъ.... какъ я!....

графиня.

Намъ времени осталось
Немного, такъ прошу....

фіалкинъ.

Увы! когдабъ я могъ
Баллады пѣніемъ тотъ выразить восторгъ,
Которымъ вспламененъ Омеръ, пѣвецъ всесвѣтный.

графиня (въ сторону).

Въ пѣньѣ сноснѣе вздоръ. (*Ему*) Пропойте.

фіалкинъ (настроивая гитару).

Я готовъ.

баллада.

Пѣлъ безсмертный славну Трою,
Пѣлъ родныхъ Пріама чадъ;
Пѣлъ Ахилла жадна къ бою,
Пѣлъ Елены милый взглядъ!
Но чувствительность слезами
Излила глаза пѣвца.
Ахъ! мы любимъ не глазами:
Для любви у насъ сердца,
И безсмертный подъ сѣтями
У безсмертнаго слѣпца.

Я мысли освѣжить хотѣлъ игрою словъ:
Поймалъ подъ сѣть свою Амуръ, слѣпецъ безсмертный,
Безсмертнаго слѣпца Омера.

графиня (въ сторону).

Что за-вздоръ!

саша.

Слѣпецъ слѣпца ведетъ—прекрасно!

фіалкинъ.

Ахъ! вашъ взоръ
Рѣшитъ судьбу слѣпца!

графиня.

Онъ очень милъ!

саша.

А сколько
Куплетовъ всѣхъ?

фіалкинъ.

Всего ихъ сорокъ восемь.

саша.

Только!

фіалкинъ.

Не больше.

графиня (Сашѣ).

Ахъ, спаси!

саша (Фіалкину).

Бездѣлица, да насъ
Ждетъ туалетъ, а вамъ не время ль на Парнасъ?

фіалкинъ.

Баллада въ чтеніи такъ милой быть не можетъ.

саша.

И одѣваться намъ баллада не поможетъ.

графиня (Сашѣ).

Какъ неучтива ты.

фіалкинъ (Графинѣ).

Эстетики въ ней нѣтъ.

ГРАФИНЯ.
Чтобъ наказать ее, не пойте жъ.
ФІАЛКИНЪ.
Весь эффектъ
Пропалъ безъ музыки.
ГРАФИНЯ.
Могу ль я быть въ надеждѣ,
Что нынче въ вечеру услышу....
ФІАЛКИНЪ.
А не прежде?
ГРАФИНЯ.
Не прежде; но прошу, скажите мнѣ пока
Сюжетъ.
ФІАЛКИНЪ.
Омеръ сидитъ въ лѣсу у ручейка
И къ Хлоѣ страсть поетъ....
САША.
Покуда перестанетъ.
ФІАЛКИНЪ.
Нѣтъ, ошибаетесь! покуда громъ не грянетъ,
Покуда бурями чреваты небеса
Не хлынутъ океанъ на землю!...
САША.
Ахъ, ужасно!
Какъ въ голову придутъ такія чудеса?
ФІАЛКИНЪ.
Я почерпнулъ изъ глазъ прелестныхъ....
ГРАФИНЯ.
Вотъ прекрасно!
Всѣ эти бури вы въ моихъ глазахъ нашли?
ФІАЛКИНЪ.
Что дивно въ небеси, что мило на земли,
Величіе боговъ, наивность, умъ чудесной,
Усредоточили вы все въ душѣ небесной!
САША.
Постойте-ка, сударь, да этотъ комплиментъ
Для молодой княжны былъ, кажется, пропѣтъ?
ГРАФИНЯ.
Ага, сударь! такъ вы....
ФІАЛКИНЪ.
Я не стыжусь нимало
Признаться. Олинька здѣсь прелестью своей
Плѣняла какъ луна, но солнце возсіяло—
И свѣтъ луны погасъ.
ГРАФИНЯ.
Не можетъ быть лестнѣй!
Да вы всѣмъ женщинамъ поете точно тоже.
ФІАЛКИНЪ.
Ахъ, вы единственны! что въ мірѣ съ вами схоже?
САША.
А барышня моя?
ФІАЛКИНЪ.
Конечно хороша:
Всѣ хвалятъ въ ней глаза.
ГРАФИНЯ (въ сторону).
Да гдѣ же въ нихъ душа?
Какъ фонари безъ свѣчъ.
САША.
Лице ея прекрасно,
Твердили вы въ стихахъ.
ГРАФИНЯ.
Лице бѣло и красно,
И точно херувимъ на вербѣ восковой.
САША.
Чтожъ, отопретесь ли?
ФІАЛКИНЪ.
Во-вѣкъ не отопрусь
Отъ тѣхъ моихъ стиховъ, что были всей Москвой
Съ восторгомъ читаны. На васъ самихъ пошлюся,
Графиня, что они....
ГРАФИНЯ (съ досадою).
Я не читала ихъ.
ФІАЛКИНЪ.
Угодно ль, я прочту.
ГРАФИНЯ (съ досадою).
Вы, кажется, забыли,
Что здѣсь обѣдаютъ. (Въ сторону) Какой несносный враль!
Стихи преплоскіе. (Ему) Мнѣ, право, очень жаль,
Что не могу теперь....
ФІАЛКИНЪ.
Дослушайте....
ГРАФИНЯ.
Прощайте.
ФІАЛКИНЪ.
Въ минуту кончу все.

ГРАФИНЯ (Сашѣ).

Съ тобой поговорить
Хотѣла я, но мнѣ поэта съ рукъ не сжить.
(Идетъ къ дому).

ФІАЛКИНЪ (бѣжа за нею).

Баллада вамъ....

ГРАФИНЯ.

Ее вы Олинькѣ читайте (Уходитъ).

ФІАЛКИНЪ.

Бѣжитъ!... И ахъ! за что прогнѣваться могла,
Не понимаю я.

САША.

А кажется понятно,
Что прелестямъ чужимъ воспѣтая хвала
Для женщинъ никогда не можетъ быть пріятна.

ФІАЛКИНЪ.

Что слышу? я погибъ! Да какъ же не прочесть
Прекрасные стихи, что дѣлаютъ мнѣ честь.
И кто бы вытерпѣлъ?...

САША.

Не плачьте безполезно,
Я горю вашему надѣюся помочь.
Попозже, какъ совсѣмъ глухая будетъ ночь,
Придите вы сюда съ гитарою.

ФІАЛКИНЪ.

Прелестно!

САША.

И, къ счастью, завтра день рожденія.

ФІАЛКИНЪ.

Чьего?

САША.

Графини.

ФІАЛКИНЪ.

Райска вѣсть! Въ минуту для него
Поспѣетъ новая баллада.

САША.

Ну же съ Богомъ
Проворнѣй на Парнасъ.

ФІАЛКИНЪ.

Лечу!

САША.

Лети скорѣй,
Да ночью прилетай и пой какъ соловей.

ФІАЛКИНЪ.

Я трону гордую души моей восторгомъ!

Дѣйствіе V, явленіе 2.

Семенъ и Фіалкинъ, въ темномъ плащѣ, съ гитарою, робко крадется.

СЕМЕНЪ (идетъ къ Фіалкину).

Кто крадется сюда?

ФІАЛКИНЪ (встрѣтясь съ Семеномъ, вскрикиваетъ).

О страхъ!

СЕМЕНЪ (испугавшись, отскакиваетъ).

Что сдѣлалось? Чего вы испугались?

ФІАЛКИНЪ.

На силу я дышу! Ахъ! вы мнѣ показались
Тѣмъ мертвецомъ, что въ гробъ невѣсту....

СЕМЕНЪ.

Вся бѣда
Отъ старыхъ мамушекъ.

ФІАЛКИНЪ.

Я мамушекъ не знаю.

СЕМЕНЪ.

Такъ мертвецами гдѣжъ напуганы?

ФІАЛКИНЪ.

Въ стихахъ,
Въ балладахъ: ими я свой нѣжный вкусъ питаю;
И полночь, и пѣтухъ, и звонъ костей въ гробахъ,
И чу!... Все страшно въ нихъ; но милымъ все пріятно,
Все восхитительно, хотя невѣроятно.

СЕМЕНЪ.

И въ сказкахъ таже гиль. Бывало, цѣлый день
Я слушать былъ готовъ о шестиглавомъ змѣѣ,
О вѣдьмахъ кіевскихъ, Полканѣ и кащеѣ;
За то всю ночь дрожу!...

ФІАЛКИНЪ.

Я вздрогиваю самъ
Въ просонкахъ иногда. Но то извѣстноль вамъ,
Что серенаду дать мнѣ Саша приказала?

СЕМЕНЪ.

Да страхомъ вышибли вы все изъ головы.

От Саши вамъ приказъ, чтобъ спрятали-
ся вы
И ждали отъ нея иль отъ меня сигнала.
ФІАЛКИНЪ.
Да гдѣжъ мнѣ спрятаться?
СЕМИНЪ.
Въ лѣсу у ручейка;
А чтобы вамъ меня смѣлѣе дожидаться,
Такъ пойте: мертвецы на смерть стиховъ
боятся.
ФІАЛКИНЪ.
Прекрасно вздумано: средь темнаго лѣска
Я буду повѣрять мои страданья ночи.
Прощайте!
СЕМИНЪ.
Добрый путь.
ФІАЛКИНЪ (возвращаясь).
Найдетель вы?
СЕМИНЪ.
Найду.
ФІАЛКИНЪ (возвращаясь).
Могуль надѣяться?
СЕМИНЪ.
Надѣйтесь.
ФІАЛКИНЪ.
Я иду.
СЕМИНЪ.
Идите.
ФІАЛКИНЪ (возвращаясь).
Скоро ли?
СЕМИНЪ.
Прескоро,—только мочи
Нѣтъ съ вами толковать.
ФІАЛКИНЪ.
Я нѣсколько смущенъ
Мечтаніемъ; иду....

В. ПУСТОДОМЫ (1819. (3).

ДѢЙСТВІЕ I.

Явленіе I. Ванюша, потомъ Ѳома.

ВАНЮША (показывая слугамъ, гдѣ поставить письменный столъ и кресла).
Къ окну поставьте столъ; подвиньте кре-
сла.... ладно.
Вотъ хлопоты Богъ далъ, за тѣмъ, что въ
Петергофъ
На праздникъ ѣдутъ всѣ, и князь нашъ
философъ,
Подъ шумъ, подъ стукъ, подъ крикъ пи-
сать не можетъ складно;
Намъ сдѣлать велѣно изъ залы кабинетъ.
Въ его учености большой догадки нѣтъ:
Не выдумалъ, пять разъ коверкая всю дачу,
Съ большой дороги въ садъ отвесть себѣ
покой;
А намъ твердитъ, что мы всѣ бродимъ
на удачу,
Что на святой Руси онъ только съ го-
ловой,
Что всѣ безграмотны, что онъ одинъ.....
ѲОМА (за кулисами).
Пустите!
ВАНЮША.
Ужъ не за долгомъ ли кого нелегкій шлетъ?
ѲОМА.
Я присланъ, слышитель?....
ВАНЮША.
О чемъ вы такъ шумите?
Что сдѣлалось?
ѲОМА (вырываясь).
Вѣдь здѣсь князь Радугинъ живетъ?
ВАНЮША.
Ба! дядюшка Ѳома!
ѲОМА.
Ахъ, Ванюшка!
ВАНЮША.
Вотъ чудо!
Давноль изъ вотчины? за чѣмъ пришелъ?
ѲОМА.
Охъ! худо!
Да говорить не льзя.
ВАНЮША (слугамъ).
Всѣ вещи по мѣстамъ.
Ступайте. (Слуги уходятъ.—Ѳомѣ). Нужъ
скажи.
ѲОМА.
Не смѣю, братъ....
ВАНЮША.
Пустое!
Я камердинеръ, ты прикащикъ былъ: такъ
намъ

Все можно знать.

ѲОМА.

Быть такъ, скажу. Село княжое
Заморской сволочью, что князь прислалъ въ него
Для экономіи, для фабрикъ, для заводовъ,
Разорено въ конецъ; а хуже и того....

ВАНЮША.

Не ужъ ли мудрецы не вышлютъ къ намъ доходовъ?

ѲОМА.

Охъ! хуже во-сто кратъ! Исправникъ пріѣзжалъ
И по закладнымъ все имѣнье описалъ.
Увидѣвши бѣду, я съ просьбою пустился
Къ княжому дядюшкѣ, Радимову....

ВАНЮША.

И онъ
Чай по военному—въ сикурсъ?

ѲОМА.

Нѣтъ, онъ взбѣсился,
Затопалъ, закричалъ и чуть не выгналъ вонъ.

ВАНЮША.

А ты?

ѲОМА.

А я стоялъ, не говоря ни слова,
И думалъ про себя: хоть нрава отъ крутова,
Но добрый генералъ и часомъ весельчакъ,
Авось либо.....

ВАНЮША.

Ну чтожъ, смягчилсяль онъ?

ѲОМА.

Никакъ,
А написалъ письмо,—и вотъ оно.

ВАНЮША.

Такъ стало
На дядюшкинъ сундукъ нельзя считать, пока
Къ намъ въ руки не придетъ наслѣдство....

ѲОМА.

А какое?
Да Глѣбъ Романовичъ имѣетъ самъ сынка,
Двухъ дочекъ....

ВАНЮША.

Итого въ приходѣ ровно трое,
Чтобъ князя нашего избавить отъ труда
Проматывать.....

ѲОМА.

Да какъ случилась вся бѣда?
Конечно праздники нашъ князь давалъ?....

ВАНЮША.

Нимало:
Не любитъ онъ пировъ.

ѲОМА.

Неужели въ картежъ?

ВАНЮША.

О, Боже упаси! и карты не бралъ въ руки.

ѲОМА.

Пустился въ откупа?

ВАНЮША.

О нѣтъ!

ѲОМА.

Ахти! въ поруки
Чортъ дернулъ за другихъ?

ВАНЮША.

Совсѣмъ не это.

ѲОМА.

Чтожъ
Онъ дѣлалъ?

ВАНЮША.

Ничего.

ѲОМА.

Да чемъ же разорился?

ВАНЮША.

Да такъ, почти ничѣмъ: онъ за моремъ учился,
И выученъ всему!

ѲОМА.

Ну чтожъ, ученье свѣтъ,
А неученье тьма.

ВАНЮША.

Оно и такъ и нѣтъ.

ѲОМА.

Кой чортъ! да растолкуй!

ВАНЮША.

Нашъ князь все въ мірѣ знаетъ,
Всѣ въ небѣ звѣздочки по имю называетъ,
Кто до потопа жилъ, извѣстно все ему;
А то, что дѣлаютъ теперь въ его дому,
Не вѣдаетъ и знать ему какъ будто стыдно.

ѲОМА.

У князя видно умъ зашелъ за разумъ?

ВАНЮША.

Видно.
Когда изъ за моря онъ въ свой явился полкъ,
То, году не служа, въ отставку сталъ проситься;
Толкуя вещи всѣ на свой ученый толкъ,
Его сіятельство нашелъ, что не годится
Ему, какъ всѣмъ, ходить и въ караулъ и въ строй;
Что офицерскій чинъ для мудреца ничтоженъ;
Что онъ фельдмаршаломъ, или ничѣмъ быть долженъ.
И такъ въ отставкѣ мы. Но, возвратясь домой,
Наскуча самъ себѣ, отъ скуки князь женился;
А чтобы не могла мѣшать ему жена
Дремать надъ книгами, въ которыхъ онъ зарылся,
Ей воля полная сорить казной дана.
И надобно сказать, попалъ ловецъ на звѣря:
Княгиня славится по свѣту мотовствомъ.

ѲОМА.

А князь что говоритъ?

ВАНЮША.

Ни слова. И повѣря
Преплуту Цаплину дѣла свои и домъ,
Хозяйничать въ село профессоровъ отправилъ;
А при лицѣ своемъ Инквартуса оставилъ,
Который прочихъ всѣхъ ученѣй и глупѣй.

ѲОМА.

Чтожъ дальше?

ВАНЮША.

Кажется и этого довольно,
Чтобъ по міру пустить.

ѲОМА.

Охъ! плохо, плохо больно!
Хоть ладноль онъ живетъ съ княжной, сестрой своей?

ВАНЮША.

Князь съ этимъ ангеломъ на часъ не разставался.

ѲОМА.

Когдабъ сыскался ей женихъ.

ВАНЮША.

Ужъ онъ сыскался.

ѲОМА.

Да не профессоръ ли? Избави Боже!

ВАНЮША.

Нѣтъ:
Прехрабрый офицеръ, съ немногимъ въ двадцать лѣтъ,
Графъ Вельской. Мать его княгиню воспитала
И замужъ выдала.

ѲОМА.

Да! къ намъ она ѣзжала;
Покойный князь ей былъ праправнучатый братъ.
Пройдоха!....

ВАНЮША.

Такъ, она. Вся знать ей кумъ и сватъ;
Она вездѣ за свой. Весь городъ ей приказанъ;
У ней лазутчики свои во всѣхъ домахъ;
Панфилъ, ея лакей, рапортовать обязанъ,
Что слуги говорятъ въ прихожихъ и сѣняхъ.
Когда она у насъ, мы всѣ по ниткѣ ходимъ,
Бѣжимъ ее встрѣчать, съ крыльца подъ ручку сводимъ;
Предъ нею ни гугу и Машенька сама,
Которая одна княгиней управляетъ,
Прельщаетъ Цаплина и сводитъ всѣхъ съ ума.

ѲОМА (увидя Инквартуса).

Кто это?

ВАНЮША.

Философъ Инквартусъ выступаетъ,
И скоро выдетъ князь. Ты, дядюшка, поди,
Пока не доложу, въ прихожей подожди.

ѲОМА (отходя).

Пришлося ждать.... ой, ой! (Уходитъ.)

Явленіе 2. Ванюша и Инквартусъ.

ИНКВАРТУСЪ.

Все кажется готово.

Но для чего не тамъ, а здѣсь поставленъ столъ?

ВАНЮША.

Здѣсь лучше.

ИНКВАРТУСЪ.

Почему?

ВАНЮША.

Да такъ.

ИНКВАРТУСЪ.

Пустое слово—
Не доказательство. Что это? (Показывая на полъ.)

ВАНЮША.

Это? полъ.

ИНКВАРТУСЪ.

А это?

ВАНЮША.

Полъ.

ИНКВАРТУСЪ.

И такъ, тебѣ равно удобно
Поставить столъ и тамъ и здѣсь.

ВАНЮША.

Да неспособно
Читать и сочинять далеко отъ окна.

ИНКВАРТУСЪ.

Тыбъ это объяснилъ не тратя словъ напрасно.

ВАНЮША.

Да что тутъ объяснять?

ИНКВАРТУСЪ.

Безъ смысла рѣчь темна;
А все же, что темно, то быть не можетъ ясно.

ВАНЮША.

Премудро!

ИНКВАРТУСЪ.

Князь идетъ.

Явленіе 3. Тѣже и Князь.

КНЯЗЬ.

Проклятый стукъ и шумъ
Вскружили голову. (Оглядывая) Все такъ—(Ванюшѣ) и признаюся,
Что вижу въ первый разъ въ тебѣ какой-то умъ.

ВАНЮША.

Не уже ль въ первый разъ?

КНЯЗЬ.

Я и тому дивлюся.
(Инквартусу).
И такъ займемся мы.—Вотъ планъ я начерталъ,
Когда, въ какіе дни, въ какомъ форматѣ, сколько
Нашъ политическо-хозяйственный журналъ
Въ свѣтъ долженъ выходить; теперь осталось только
Сыскать приличнѣе латинскій эпиграфъ.

ИНКВАРТУСЪ.

Не только: я вчера день цѣлый размышлявъ
О всемъ, что на себя пріемлютъ журналисты,
Открылъ препятствія.

КНЯЗЬ.

Какія?

ИНКВАРТУСЪ.

Да у насъ
Нѣтъ сочиненіевъ.

КНЯЗЬ.

Бездѣлка!

ИНКВАРТУСЪ.

Какъ?

КНЯЗЬ.

Сей часъ
Я ихъ найду.

ИНКВАРТУСЪ.

Да гдѣ?

КНЯЗЬ.

Вездѣ: экономисты,
Энциклопедіи, журналы, Монитеръ
Къ услугамъ нашимъ....

ИНКВАРТУСЪ.

Такъ, однако въ смыслѣ строгомъ
Чужое мы своимъ назвать не можемъ....

КНЯЗЬ.

Вздоръ.
Ты только извлекай, и я, занявшись слогомъ,
Извѣстнымъ мнѣніямъ давъ новый оборотъ,
И помѣщу свои статьи для домоводства.
Мои плантаціи, заводы, скотоводства,

Домы крестьянскіе, трехъ-верстный водоводъ,
Отопка турфами, овины, молотильни,
Свекольной сахаръ, все.... и самыя коптильни
Невѣжей просвѣтятъ. Я выставлять хочу
Всего полезнаго село мое въ образчикъ,
И только что рапортъ оттуда получу,
То и вмѣщу въ журналъ.

ВАНЮША.

Да прежній вашъ прикащикъ
Разскажетъ все: онъ здѣсь.

КНЯЗЬ.

Ну чтожъ, дивится ль онъ?

ВАНЮША.

Онъ что-то охаетъ.

КНЯЗЬ.

Отъ глупости.

ВАНЮША.

Не знаю.

КНЯЗЬ.

Пошли его сюда. (Ванюша уходитъ) Ужъ я воображаю,
Что все въ моемъ селѣ перемѣнило тонъ;
На европейскую поставлено все ногу.
И малый опытъ нашъ откроетъ мнѣ дорогу
Къ дѣламъ обширнѣйшимъ. (Входящему Ѳомѣ)
Ну что, какая вѣсть?
Что новаго?

Явленіе 4. Тѣже и Ѳома.

ѲОМА (подавая письмо).

Когда изволите прочесть
Письмо отъ дядюшки, узнаете вы сами.

КНЯЗЬ (бросивъ письмо на столъ).

Успѣю прочитать; но сельскими дѣлами
Займемся мы теперь. Ну что, пошелъ ли въ ходъ
Свекольный сахаръ?—А?

ѲОМА.

Пошелъ, и круглый годъ
Съ Покровки мужички день-деньской работали,
Подъ свеклу десятинъ до сотни распахали,
А сахаръ высланъ къ вамъ по вешнему пути.

КНЯЗЬ.

Три пуда?

ѲОМА.

Весь онъ тутъ.

ИНКВАРТУСЪ.

Невыгодно.

ВАНЮША.

А сладокъ
Онъ былъ какъ рафинатъ.

КНЯЗЬ.

Не можетъ быть!

ѲОМА.

Ахти!
Я чуть не позабылъ: газетчику въ подарокъ
Мусье въ Нѣмецію коробочку послалъ
За то, чтобъ онъ объ немъ въ газетахъ написалъ.

КНЯЗЬ.

Умно!

ИНКВАРТУСЪ.

А выходъ малъ; но видно люди ваши,
Не бывъ просвѣщены.....

КНЯЗЬ.

Ты правъ: невѣжды наши
За что ни примутся, испортятъ все тотчасъ,
И дѣло ихъ одно съ скотами обходиться....
А кстати: овцы тѣ плодятся ли у насъ,
Которыхъ я прислалъ?

ѲОМА.

Имъ какъ бы не плодиться;
Да только та бѣда, что негдѣ ихъ пасти.

КНЯЗЬ.

Какъ негдѣ?

ѲОМА.

Выгоны въ селѣ большіе были;
Да, турфы рѣжучи, ихъ нынче такъ изрыли,
Что сдѣлался у насъ и боръ сырой въ чести

КНЯЗЬ.

Такъ мериносы?....

ѲОМА.

Всѣ подохли.

ИНКВАРТУСЪ.

Вѣроятно....

КНЯЗЬ.

Невѣжды все морятъ!

ИНКВАРТУСЪ.

Но этотъ дефицитъ
Винокуреніе издѣльемъ возвратитъ:
Отъ турфовъ выгоды окупятъ мериносовъ.

ѲОМА.

Охъ, врядъ ли!

КНЯЗЬ.

Что еще?

ѲОМА (Инквартусу).

Да, господинъ философъ,
Будь сказано не въ гнѣвъ, а турфы такъ горятъ,
Что ими не вино, одну раку сидятъ.

КНЯЗЬ.

Невѣжды!

ИНКВАРТУСЪ.

Почему?

ѲОМА.

Отъ Ваньки кочегара
Я слышалъ, что изъ нихъ нельзя добиться жара;
Что сидка турфами лишь хлѣба переводъ,
И мастеръ самъ сказалъ, когда муки не стало;
Притомъ безводье......

КНЯЗЬ.

Какъ! но гдѣжъ мой водоводъ?

ѲОМА.

На диво всѣмъ стоитъ, воды въ немъ только мало;
Да и послѣдняя вся вымерзла зимой.

КНЯЗЬ.

Невѣжды!

ИНКВАРТУСЪ.

Кажется, климатъ тому виной.

КНЯЗЬ.

Климатъ! у насъ климатъ? не стыдноль звать климатомъ
Морозы, вьюгу, дождь и вѣчную зиму,
Гдѣ гибнетъ все, не льзя родиться ни чему;
И въ царствѣ клюквою, брусникою богатомъ,
Что можно завести?—Я знаю напередъ,
Что и ревень пропалъ.

ѲОМА.

Нѣтъ, славно онъ родится.

КНЯЗЬ.

Хоть это удалось!

ѲОМА.

Да худо съ рукъ идетъ.

ИНКВАРТУСЪ.

Какъ худо?

ѲОМА.

Видишь, онъ въ лекарство не годится.

КНЯЗЬ.

Невѣжды!

ИНКВАРТУСЪ.

Отъ чего?

ѲОМА.

То знаютъ лекаря,
Мы жъ люди темные.

ИНКВАРТУСЪ.

А! понимаю я:
На сѣверѣ продуктъ свое теряетъ свойство;
Объ этомъ много я читалъ.

КНЯЗЬ (въ бѣшенствѣ).

Читай, учись
И просвѣщай невѣждъ, и заводи устройство
На то, чтобъ лекаря, зима, морозъ нашлись,
Которые... (Ѳомѣ.) Хотя на мѣстѣ ли строенье?
Не провалилось ли сквозь землю все имѣнье?
И родился ли хлѣбъ?

ѲОМА.

Сосѣди говорятъ,
Что въ прошлый годъ у нихъ овесъ пришелъ самъ-пять,
Съ копны осьмина ржи, пшеница самъ-девята.

КНЯЗЬ.

А чтожъ у насъ?

ѲОМА.

Когдабъ у насъ не извели
На свеклу и ревень и нивѣсь что земли,
Когда бы не была отъ молотиленъ трата,
Когда бы жали рожь, когда бы....

КНЯЗЬ.

Ну, заврал!
Не разсуждай, молчи.

ӨОМА.

Дозволь промолвить слово:
Хоть нашъ холопскій умъ предъ вашимъ барскимъ малъ,
А кажется, не все то хорошо, что ново.

КНЯЗЬ.

Невѣжды умствуютъ! (Ивану) Возьми его съ собой
И накорми.

ӨОМА.

Письмо жъ?

КНЯЗЬ.

Я послѣ прочитаю.

ӨОМА.

Пренужное.....

КНЯЗЬ.

Поди.

ВАНЮША (Өомѣ).

Пойдемъ за столъ.

ӨОМА (отходя).

Ой! ой!

Явленіе 5. Князь и Инквартусъ.

КНЯЗЬ.

Ну! что ты скажешь? а?

ИНКВАРТУСЪ.

Молчу и разсуждаю.

КНЯЗЬ.

Да слышалъ ли ты все?

ИНКВАРТУСЪ.

Все слышалъ.

КНЯЗЬ.

Такъ скажи.

ИНКВАРТУСЪ.

Что?

КНЯЗЬ.

Мысль свою.

ИНКВАРТУСЪ.

О чемъ?

КНЯЗЬ.

О чемъ? вопросъ прекрасной!
Ты взбѣсишь стоика!

ИНКВАРТУСЪ.

Да развѣ гнѣвъ напрасной
Что можетъ доказать?

КНЯЗЬ.

Ты самъ мнѣ докажи
Возможность говорить съ тобою равнодушно.

ИНКВАРТУСЪ.

Извольте, докажу. Что быть должно послушно:
Разсудку страсть, или разсудокъ страсти?

КНЯЗЬ.

Страсть.

ИНКВАРТУСЪ.

Прекрасно! и когда надъ ней разсудка власть
Бездѣйственна, тогда врожденная свобода,
Съ которой....

КНЯЗЬ.

Боже мой!

ИНКВАРТУСЪ.

Насъ создала природа....

КНЯЗЬ.

Все знаю.....

ИНКВАРТУСЪ.

Нѣтъ, не все; и Кантъ....

КНЯЗЬ.

Оставь его.

ИНКВАРТУСЪ.

Позвольте доказать.

КНЯЗЬ.

Да мнѣ не до того.
Мой сахаръ, мой ревень и турфы..... нѣтъ сомнѣнья,
Все перепорчено отъ пьянства, нерадѣнья
И отъ невѣжества.....

ИНКВАРТУСЪ.

Невѣжество—есть врагъ
Всего полезнаго.

КНЯЗЬ.

Ты правъ.

ИНКВАРТУСЪ.

Источникъ благъ—
Есть воспитаніе.

КНЯЗЬ.

Такъ! школы я построю;
Насильно въ нихъ велю учить моихъ крестьянъ

Всему.... всему..... всему!.... Да кажется и планъ
О воспитаніи мы начали съ тобою.

ИНКВАРТУСЪ.

Какъ сынъ вашъ родился, мы занялись тогда.

КНЯЗЬ.

Найдешь ли ты его.

ИНКВАРТУСЪ (подходя къ столу).

Найду.

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, никогда!
Я мысль Инквартуса не находилъ такъ правой:
Все воспитаніе, а больше ничего.
Умъ, чувства, сердце, вкусъ родятся отъ него;
Безъ воспитанія, дуракъ разсудокъ здравый,
И это докажу.—Ну что? нашелъ ли?

ИНКВАРТУСЪ (разбирая бумаги).

Нѣтъ....
Здѣсь тысячи началъ....

КНЯЗЬ.

Да ты и во сто лѣтъ
Не сыщешь.... Это что?

ИНКВАРТУСЪ (смотря бумаги.)

Начало о видѣньяхъ,
Начало о червяхъ, начало. ...

КНЯЗЬ.

Боже мой!
Ты все мѣшаешь мнѣ.

Явленіе 6. Тѣже, Ванюша и Маша.

МАША.

Нѣтъ, я войду....

ВАНЮША.

Постой!
Ты видишь, нашъ мудрецъ зарылся въ сочиненьяхъ.

МАША.

Тѣмъ лучше для меня....

ВАНЮША.

А! понимаю.....

МАША.

Что?

ВАНЮША.

Тутъ пахнетъ Цаплина уроками.

МАША.

Нимало.

ВАНЮША.

Признайся, Машенька....

МАША.

Пусти!

КНЯЗЬ (разбирая бумаги).

Нѣтъ, все не то;
Гдѣ дѣлся?

ИНКВАРТУСЪ.

Я нашелъ.

КНЯЗЬ.

Подай. Такъ! вотъ начало
О чадолюбіи....

МАША.

Пусти же, мнѣ пора!

КНЯЗЬ (Инквартусу).

Садися, и нашъ планъ разсмотримъ мы съ тобою.
О чадолюбіи....

МАША.

Княгиня.....

КНЯЗЬ.

Нѣтъ покою!....
Ну! говори скорѣй!

МАША.

На праздникѣ вчера
Она разстроилась и спазмами страдала.

КНЯЗЬ.

И я разстроенъ самъ.

МАША.

Княгиня тосковала
Всю ночь, и бредила.... да знаете ли чѣмъ?

КНЯЗЬ.

Не знаю.

МАША.

Шалью той, въ которую влюбилась
Вчера на балѣ.

КНЯЗЬ.

Такъ, вотъ женщины!

МАША.

И тѣмъ
Я успокоила ее, что побожилась
Такую же найти.

КНЯЗЬ.

Сыщижъ скорѣй, ступай.

МАША.

Я бѣгала вездѣ.

КНЯЗЬ.

Еще бѣги. Прощай.

О чадолюбіи....

МАША.

Да я ужъ отыскала

Пять шалей щегольскихъ.

КНЯЗЬ.

Купи ихъ.

МАША.

Дѣло стало

За деньгами.

КНЯЗЬ.

Возьми у Цаплина.

МАША.

Сей часъ

Я говорила съ нимъ.

КНЯЗЬ.

Чтожъ онъ?

МАША.

Онъ проситъ васъ

Скорѣе подписать вотъ это.

КНЯЗЬ.

Что такое?

МАША.

Бумага, чтобъ достать вамъ деньги подъ закладъ.

КНЯЗЬ.

А, знаю! (Подписавъ) Ну, теперь оставь меня въ покоѣ.

МАША.

Дай Богъ успѣха вамъ! (Отходя, Ванюшѣ)

Что скажешь?

ВАНЮША.

Это кладъ!

Да въ долѣ ль я?

МАША.

Прощай!

Явленіе 7.

Князь, Инквартусъ, потомъ Княжна и Графъ.

КНЯЗЬ.

Ушла; теперь заняться

Свободно можемъ мы; и начинаю я:

О чадолюбіи....

КНЯЖНА (входя).

Ахъ, братецъ!

КНЯЗЬ (въ сторону).

Такъ, нельзя

Не помѣшать!—Ну, что сестрица?

КНЯЖНА.

Повидаться

Съ тобой желала я, чтобы узнать....

КНЯЗЬ.

О чемъ?

КНЯЖНА.

Ѳома къ тебѣ пришелъ отъ дядюшки съ письмомъ;

Здоровъ ли дядюшка?

КНЯЗЬ.

Здоровъ.

КНЯЖНА.

Ахъ, какъ я рада!

Онъ не сердитъ?

КНЯЗЬ.

За что?

КНЯЖНА.

Что ты въ пятнадцать лѣтъ

Съ нимъ видѣться не могъ и не писалъ.

КНЯЗЬ.

О, нѣтъ!

КНЯЖНА.

Однако же писать къ нему....

КНЯЗЬ.

Сегодня жъ надо.

КНЯЖНА.

Чтожъ пишетъ онъ къ тебѣ?

КНЯЗЬ.

Теперь мнѣ недосугъ,

А послѣ....

КНЯЖНА.

Хорошо, прощай!

КНЯЗЬ.

Прощай, мой другъ.

Начнемъ, чтобъ времени не потерять напрасно:

О чадолюбіи.....

КНЯЖНА (встрѣтясь съ Графомъ).

Ахъ, Графъ!

КНЯЗЬ (Инквартусу).
За чѣмъ ты всталъ?
ИНКВАРТУСЪ.
Женихъ сестрицынъ здѣсь.
КНЯЗЬ.
Злой духъ его прислалъ!
ГРАФЪ (Князю).
Я не мѣшаю ль вамъ? Вы заняты....
КНЯЗЬ.
Ужасно!
Графъ, извини меня.
КНЯЖНА.
Мы съ нимъ пойдемъ гулять.
КНЯЗЬ.
Да въ фермѣ не забудь ты Графу показать
Мои плантаціи. Прощайтежъ.—Ну, съ начала:
О чадолюбіи....
ГРАФИНЯ (за кулисами).
Княгиня не вставала?
ГРАФЪ (останавливаясь).
Вотъ голосъ матушкинъ....
КНЯЖНА (возвращаясь).
Графиня....
КНЯЗЬ (вскакивая).
Здѣсь она!
Уйдемъ.
ИНКВАРТУСЪ (собирая бумаги).
Уйдемъ скорѣй! (Уходятъ).

Явленіе 8.

Княжна, Графиня и Графъ.

(При входѣ Графини слуги, толкая другъ друга, отворяютъ ей двери).

ГРАФИНЯ (обнимая Княжну).
Здорова ли, Княжна?
Скажи, что дѣлаютъ твой братецъ и сестрица?
Сюда пріѣхавши, я къ дѣтямъ захожу,
И чтожъ, сударыня? Фифаша и Жужу
Дрожатъ, бѣдняжечки, и посинѣли лица!
Я ужаснулася! а толстая мадамъ,
Свой кушая ростбифъ, сказала мнѣ сквозь зубы:
Что дѣлать? Князь велѣлъ купать ихъ по утрамъ
Въ такой водѣ, какъ ледъ. Тотчасъ схвативши шубы,
Я замороженныхъ окутала дѣтей.
Фифаша кашляетъ,—а братъ твой десять дней
Не заглянулъ къ нему.
КНЯЖНА.
Онъ занятъ былъ.
ГРАФИНЯ.
Конечно
Изволилъ сочинять о должностяхъ отцовъ.
Однако надобно сказать чистосердечно,
Что если братецъ твой—поддѣльный философъ,
То и питомица моя, его супруга—
Сантиментальная мотовка; и они,
Мои голубчики, въ восторгѣ другъ отъ друга,
Хотя почти весь вѣкъ проводятъ розно дни:
Она на праздникахъ, а онъ въ библіотекѣ.
Нѣтъ! помнится, не такъ любили въ нашемъ вѣкѣ:
(Графу).
Покойный твой отецъ не восхищался мной,
А слишкомъ тридцать лѣтъ мы прожили съ нимъ дружно;
Онъ не былъ философъ, однако зналъ что нужно;
Служилъ и выслужилъ; (Княжнѣ) а такъ, какъ братецъ твой,
Не думалъ: я-дескать лампада просвѣщенья,
Меня-де слушать всѣ, разинувъ ротъ, должны,
И мнѣ-де одному таланты всѣ даны,
А всѣ-де вкругъ меня скоты безъ разсужденья.
Анъ нѣтъ, и эти всѣ по твоему скоты
Свой доживаютъ вѣкъ почтенно и счастливо;
Тебѣжъ, разумникъ мой, осьмое въ свѣтѣ диво,
Не миновать, повѣрь, стыда и нищеты,
И пустятъ въ міръ тебя проклятыя науки.

(Графу).
Когда своихъ дѣтей отдашь педантамъ въ руки,
То и не знай меня.

ГРАФЪ.

Сказать позвольте вамъ:
Вы сами, отсылавъ меня къ профессорамъ,
Твердили мнѣ всегда о пользѣ просвѣщенья.

ГРАФИНЯ.

Пусть такъ, однако же ученье безъ умѣнья
Не польза, а бѣда.

ГРАФЪ.

Не спорю.

ГРАФИНЯ.

И примѣръ
Сидитъ въ той комнатѣ: домашній нашъ Вольтеръ
Жену, себя, дѣтей лишаетъ пропитанья;
А мужики его ужъ по міру пошли.
Записку изъ суда вчера мнѣ принесли
Всѣмъ векселямъ его, вступившимъ для взысканья;
Онъ разоренъ въ конецъ.—Княгиня мнѣ жалка,
А дѣти бѣдные еще того жалчѣе.

КНЯЖНА.

Такъ должно всѣмъ роднымъ помочь ему скорѣе.

ГРАФИНЯ.

Пословицу, мой свѣтъ, ты знаешь: гдѣ рука,
Такъ тамъ и голова.

КНЯЖНА.

Я много разъ слыхала.

ГРАФИНЯ.

Дай Богъ, чтобъ на себѣ ее не испытала.

ГРАФЪ.

Что значитъ, матушка?

ГРАФИНЯ.

А значитъ то, сынокъ,
Что ежели княжна свою приложитъ руку
За братца своего по векселямъ въ поруку,
Тогда и ей самой ничто не будетъ въ прокъ.

ГРАФЪ.

Но если въ гибели она увидитъ брата?

ГРАФИНЯ.

Какъ быть! поплачетъ съ нимъ; а я не такъ богата,
Чтобъ ты, сударь, могъ взять жену безо всего.

КНЯЖНА.

Повѣрьте, что, лишась имѣнья моего,
Я откажусь сама.

ГРАФЪ.

Но матушка шутила.
(Графинѣ).
Не такъ ли?

ГРАФИНЯ.

Да, шутя я правду говорила;
Однакожъ, ангелъ мой....

КНЯЖНА.

Я понимаю васъ.

ГРАФИНЯ.

Тѣмъ лучше, милая. Ужъ скоро первый часъ;
Княгиня спитъ еще, а я лишь время трачу;
Въ двѣнадцатомъ часу мнѣ надобно на дачу
Къ министру побывать по тяжебнымъ дѣламъ.
Сегодня, помнится, Хапрова именины,
У Лидиной сговоръ, у Фрындина крестины,
Обѣдъ у Блескиной,—а мнѣ и тутъ и тамъ
Хотѣлось бы поспѣть,—какъ быть, сама не знаю.
А! вздумала: пока къ министру я слетаю,
Княгиня между тѣмъ свой кончитъ туалетъ.
Я ворочусь, и все, что на сердцѣ имѣю,
Ея сіятельству пропѣть еще успѣю.
Прощай же, ангелъ мой, и помни мой совѣтъ....
Карету.

КНЯЖНА.

Я его конечно не забуду,
И въ тягость никогда, Графиня, вамъ не буду.

ГРАФЪ (Графинѣ).

Но вы.....

ГРАФИНЯ.

Дай руку, сынъ.
(Графиня уводитъ сына).

ВАНЮША (входя).

Карета подана.

КНЯЖНА (отходя).

Такъ, брата изъ бѣды я выручить должна.

[1]) Князь Шаховской, Александръ Александровичъ (1777—1846), воспитывался въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, куда его отдали на восьмомъ году (1784). Шестнадцати лѣтъ (1793) поступилъ на службу лейбъ-гвардіи въ преображенскій полкъ, котораго офицерамъ—какъ онъ самъ говоритъ—былъ много обязанъ своимъ образованіемъ и которому, въ 1830 г., посвятилъ свои «Воспоминанія о Москвѣ и Парижѣ въ 1812 и 1814 г.г.» Не смотря на служебныя обязанности и общественныя развлеченія, онъ продолжалъ учиться и въ особенности пристрастился къ французской драмѣ. Изъ гвардіи кн. Шаховской перешелъ въ театральную дирекцію (1801) членомъ по репертуарной части. На русскій театръ тогда обращали небольшое вниманіе. Дирекція заботилась почти единственно объ иностранныхъ труппахъ, потому что онѣ служили къ забавѣ и развлеченію высшаго общества. А какъ въ это время, для пополненія французской труппы, оказалась надобность въ нѣкоторыхъ первостепенныхъ артистахъ, то директоръ театра, А. Л. Нарышкинъ, для ангажированія ихъ, отправилъ кн. Шаховскаго за границу (1801). Больше года провелъ онъ въ чужихъ краяхъ и воротился въ 1803 г., исполнивъ порученіе успѣшнымъ образомъ. Путешествіе развило его способности, какъ драматическаго писателя. Въ Парижѣ онъ видѣлъ сценическія преобразованія, сдѣланныя трагическимъ актеромъ Тальмою, и старался перенести ихъ на петербургскіе театры, въ особенности на русскій. Задумавъ улучшить сценическое искуство, онъ прежде всего приступилъ къ образованію театральной школы. Школа уже давно существовала, но больше для балета и оперы; драматическая часть была въ упадкѣ, по недостатку учителей. Надобно было все устроивать вновь: рвеніе кн. Шаховскаго и его искренняя любовь къ искуству преодолѣли многія препятствія. Къ числу полезныхъ идей его театральнаго управленія принадлежитъ формированіе русской «молодой труппы». Онъ понималъ, что молодые артисты, постоянно играя съ старыми, будутъ медленно совершенствоваться, такъ какъ не льзя лицамъ, только что выступающимъ на сцену, давать первыя роли, когда для этихъ ролей есть первоклассные сюжеты. Въ слѣдствіе этого молодому артисту приходилось лучшее время своей жизни оставаться при второстепенныхъ роляхъ, безъ возможности занять когда-либо первыя. Чтобъ устранить такое неудобство, кн. Шаховской придумалъ образовать изъ юныхъ артистовъ особую молодую труппу, которая бы сама по себѣ, независимо отъ главной труппы, давала представленія на другомъ театрѣ. Въ этихъ представленіяхъ развились многіе сценическіе таланты.—Въ 1812 г. кн. Шаховской вступилъ въ военную службу. Имѣя небольшое помѣстье въ тверской губерніи, онъ былъ назначенъ командиромъ казачьяго полка, сформированнаго изъ ратниковъ тверскаго ополченія, и находился при отрядѣ генералъ-адъютанта Винценгероде, съ которымъ вошелъ въ Москву, оставленную непріятелемъ. Въ то время, какъ русская армія преслѣдовала французовъ, онъ прибылъ съ своимъ полкомъ и поступилъ подъ начальство маркиза Паулуччи, который отправилъ его съ особыми порученіями въ Самогитію. По успѣшномъ выполненіи ихъ былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ при корпусѣ, стоявшемъ въ Лифляндіи и Курляндіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено ему было сформировать въ Ригѣ запасную дивизію, съ которою онъ и былъ посланъ въ резервную армію, стоявшую въ Польшѣ. Этимъ кончились его военные труды. Ни въ 1813, ни въ 1814 г. онъ не участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ; по распущеніи ополченій, воротился въ Петербургъ и занялъ прежнюю свою должность при театральной дирекціи. Въ 1818 г. вышелъ въ отставку, когда директоромъ театра былъ назначенъ князь Тюфякинъ. Новый за тѣмъ директоръ Майковъ приступилъ къ особеннымъ мѣрамъ для устройства финансовыхъ дѣлъ дирекціи. По представленію петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, гр. Милорадовича, образованъ былъ комитетъ, подъ названіемъ «комитета главной дирекціи» (1824). Князь Шаховской поступилъ въ число его членовъ. Онъ составилъ новый штатъ, Высочайше утвержденный. По кончинѣ Милорадовича, старшимъ членомъ комитета былъ назначенъ кн. Долгоруковъ, и кн. Шаховской получилъ увольненіе отъ службы (1826). Остальные 20 лѣтъ своей жизни провелъ онъ въ Москвѣ, принимая живое участіе въ постановкѣ новыхъ піесъ на сцену, давая полезные совѣты артистамъ, за которые были ему благодарны не только новички въ театральномъ искуствѣ, но и такіе первоклассные таланты, какъ Мочаловъ, Щепкинъ, Рязанцевъ. Директоры московскаго театра, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и М. Н. Загоскинъ, дорожили его опытностью и умѣли уважать его постоянную любовь въ драмѣ (Матеріалы для исторіи русскаго театра. Кн. А. А. Шаховской. Ст. Р. Зотова, въ 4-ой кн. Пантеона 1846 г.).

Сочиненія:

Новый Стернъ, ком. въ 1 д. (1807; изд. 2-ое—1822). См. выше, стр. 158.

Дебора, или торжество вѣры, тр. въ 5 д., подражаніе Гоѳоліи, Расина.

Иванъ Сусанинъ, оп. въ 2 д. (1815).

Казакъ-стихотворецъ, анекдотическая опера-водевиль въ 1 д. (три изданія: 1815, 1817 и 1822). Водевиль имѣлъ большой успѣхъ, благодаря сюжету и особенно мотивамъ малорусскихъ пѣсенъ, положеннымъ на музыку Кавосомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ долгое время были въ общемъ употребленіи и вошли въ пѣсенники, назначенные для средняго и низшаго классовъ грамотныхъ людей. Впрочемъ въ піесѣ нѣтъ ничего малорусскаго, какъ уже давно замѣтила критика (см. «Отрывки изъ моего журнала» въ 13 № Благонамѣреннаго на 1823 г.).

Крестьяне, или встрѣча незваныхъ, вод. въ 2 д. (1815). Прибавленіе новаго явленія къ этому водевилю, представляющему одинъ изъ эпизодовъ войны 1812 г., нап. въ 1817 г.

Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды, ком. въ 5 д. (два изданія: 1815 и 1819). См. ниже, прим. 2.

Ломоносовъ, или рекрутъ-стихотворецъ, опера-водевиль въ 3 д. (1816). Сюжетъ заимствованъ изъ жизни Ломоносова, который, возвращаясь изъ Марбурга на родину, попалъ-было въ руки прусскихъ вербовщиковъ.

Своя семья, или замужняя невѣста, ком. въ 3 д. (1818). Два явленія этой комедіи написаны Хмѣльницкимъ и Грибоѣдовымъ.

Не любо не слушай, а лгать не мѣшай, ком. въ 1 д. (1818). Подражаніе франц. піесѣ: «Le menteur».

Какаду или слѣдствіе Урока кокеткамъ, ком. въ 1 д. (1820).

Пустодомы, ком. въ 5 д. (1820). См. ниже, прим. 3.

Ссора или два сосѣда, ком. въ 1 д. (1821).

Любовная почта, ком. въ 1 д. (1821).

Актеръ на родинѣ или прерванная свадьба, опера-водевиль въ 1 д. (1822).

Урокъ женатымъ, ком. въ 1 д (1823).

Соколъ князя Ярослава Тверскаго или суженый на бѣломъ конѣ, русская быль въ 4 д. (1823). Сюжетъ піесы взятъ изъ преданія о построеніи Тверскаго Отроча монастыря.

Аристофанъ или всадники, ком. въ 3 д. (1828). Сюжетомъ послужило первое представленіе комедіи Аристофана: «Всадники».

Москва и Парижъ въ 1812 и 1814 г.г. Воспоминанія, въ разностопныхъ стихахъ (1830).

Двумужница, или за чѣмъ пойдешь, то и найдешь, романтическая драма (1836).

Чурова долина, или сонъ на яву, волшебная оп. въ 3 д. (1844).

Неизданныя піесы:

Китайскій сирота, тр. въ 5 д., изъ Вольтера.

Полубарскія затѣи, ком. въ 5 д. Она осмѣиваетъ страсть нѣкоторыхъ помѣщиковъ къ домашнимъ театрамъ.

Иваной, романт. ком. въ 5 д. (изъ романа В Скотта: Айвенго).

Буря, волшебно-романтическое зрѣлище, въ 3 д. (изъ Шекспира).

Керимъ-Гирей, драма въ 5 д. (изъ Бахчисараійскаго фонтана, Пушкина). Отрывокъ изъ нея нап. въ альманахѣ: Русская Талія (1825).

Финъ, волшебная трилогія (изъ Руслана и Людмилы, Пушкина). Нѣсколько сценъ помѣщено въ Рус. Таліи.

Судьба Нидажеля, драма въ 5 д. (изъ романа того же имени, В Скотта).

Таинственный Карла, романт. ком. въ 5 д. (изъ романа В. Скотта).

Юрій Милославскій, драма въ 5 д. (изъ романа Загоскина).

Рославлевъ, драма въ 5 д. (изъ романа Загоскина).

Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ, др. въ 3 д. (главное лице-основатель русскаго театра въ Ярославлѣ).

Смольяне, др. въ 5 д. (сюжетъ—защита Смоленска Шеиномъ отъ поляковъ).

Тетушка или она не такъ глупа, ком. (отрывки въ Рус. Таліи).

Ворожея или танцы духовъ, ком. водевиль (отрывки тамъ же).

Алепскій горбунъ, вод. въ 3 д. (сюжетъ взятъ изъ арабскихъ сказокъ).

Чванство Транжирина (подражаніе Полубарскимъ затѣямъ).

Езопъ у Ксанѳа, вод. (здѣсь вставлены цѣликомъ многія басни Дмитріева и Крылова).

Король и Пастухъ, вод. въ 1 д.

Прим. Здѣсь исчислены не всѣ піесы, число которыхъ доходитъ до ста.

Кромѣ того имъ написаны: сатиры и нѣсколько другихъ стихотвореній для Драматическаго Вѣстника (1808 г.); Расхищенныя шубы, ком. поэма въ 4 д. (Чтенія въ Бесѣдѣ любителей рус. слова), Письмо изъ Италіи къ Н. М. С. (Сынъ От. 1818 г.); отрывокъ изъ романа Ломоносовъ (Москвитянинъ), Нѣчто о театральной музыкѣ, отрывокъ изъ теоріи драматическаго искуства, которую онъ готовилъ къ печати (Рус. Талія), и многія другія статьи.

Предметъ «Расхищенныхъ Шубъ» указанъ названіемъ этой шуточной поэмы и первыми двумя ея стихами:

Пою крамолою забавы пресѣченны,
И муфты, и хвосты, и шубы расхищенны.

Содержаніе поэмы: Веселость, желая праздновать святки въ одномъ мѣщанскомъ клубѣ, входитъ въ него. Раздоръ, не впущенный ею въ собраніе, замыслилъ прервать пиръ и орудіемъ своего замысла выбралъ Крестьяна (Христіана) Гашпара, переплетчика и старшину собранія. Злой геній является ему въ видѣ умершаго его дѣда и внушаетъ мысль надѣлать двойныхъ ярлыковъ съ номерами, изъ которыхъ одни должны быть приколоты къ шубамъ, а другіе розданы посѣтителямъ для скорѣйшаго отысканія одежды. Съ этими ярлыками Гашпаръ является въ совѣтъ, гдѣ засѣдаютъ старшины общества: Цингилiусъ органистъ, Каратай лѣкарь, Спондей нотаріусъ, Курцъ аптекарь и Фрейтодъ гробовой мастеръ. Предложеніе Гашпара возбуждаетъ споръ между старшинами и ссоритъ его съ Каратаемъ, который въ бѣшенствѣ схватываетъ стулъ. Веселость невидимо влетаетъ въ собраніе, чтобы прекратить ссору, какъ въ Иліадѣ Минерва прекратила ссору Ахилла съ Агамемнономъ; она хватаетъ лѣкаря за волосы, не примѣтивъ, что на немъ былъ парикъ. Третья пѣснь описываетъ маскерадъ въ клубѣ. Представляемъ выписку изъ 2-ой пѣсни.

Возсѣли старшины; осмѣленный Раздоромъ,
Ихъ Гашпаръ оглядя высокоумнымъ взоромъ,
Всѣ ерлыки на столъ съ улыбкой положилъ
И хриплымъ голосомъ рѣчь громку возгласилъ.
Какъ въ водополь весной потоки съ горъ бѣгущи,
Съ рѣкою слившися и вмѣстѣ съ ней ревущи,
Избыткомъ шумныхъ водъ брега песчаны рвутъ,
Свергаютъ, ломятъ все, крутятъ, дробятъ, несутъ,
Плотины удержать не могутъ ихъ стремленье:
Такъ Гашпара изъ устъ обильное теченье
Высокопарныхъ словъ, напыщенныхъ рѣчей
Стремится и бѣжитъ чѣмъ далѣ, тѣмъ сильнѣй.

Цингильусъ кашляетъ, аптекарь Курцъ зѣваетъ,
Спондей свиститъ, Фрейтодъ стулъ съ скрипомъ подвигаетъ,
Съ напѣвомъ Петипа твердитъ свои скачки,
И лѣкарь Каратай чуть не отбилъ руки,
Стуча съ досады въ столъ; а Гашпаръ, безъ смущенья,
Воззванье окончавъ, вступаетъ въ предложенье.

Но изъ стѣнныхъ часовъ кукушки вѣщій гласъ,
Тогда прокуковавъ уныло десять разъ,
Далъ знакъ, да къ завтраку начнутъ приготовленья.
Спондей, любитель яствъ и врагъ многореченья,
Глаголы Гашпара стремительно пресѣкъ
И, трубку преломя, въ досадѣ быстро рекъ:
«Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье;
Словъ много затвердить не есть еще ученье.
Витійство безъ идей мою волнуетъ кровь;
Ношу въ душѣ моей къ изящному любовь,
И празднословіе всѣмъ сердцемъ ненавижу.
Я слышу много словъ, но толку въ нихъ не вижу;
Кто хочетъ ясенъ быть, тотъ кратчѣ говори.»

Предвѣстникъ бури, цвѣтъ багряныя зари
Ланиты Гашпара мгновенно покрываетъ;
Изъ подъ густыхъ бровей взоръ молніей сверкаетъ.
Спондей въ немъ зритъ уже на рѣчь свою отвѣтъ;
Но изъ среды старшинъ витія возстаетъ.
То мудрый органистъ, Цингильусъ долгодневный,
Первосѣдалищемъ въ собраніи почтенный;
Онъ въ пятилѣтіе двадцатое вступилъ,
На хорахъ шестерыхъ пасторовъ пережилъ,
И дѣдовъ, и отцовъ отправя погребенье,
Бракъ внуковъ воспѣвалъ, зрѣлъ правнучатъ крещенье.
Сей древній мужъ простеръ къ собранью тихій гласъ:
«О други! Мой совѣтъ да будетъ благъ для васъ;
И прежни старшины, что домъ сей основали,
Для пользы общества, словамъ моимъ внимали.
Въ дни младости моей, Данило Куперъ самъ
Склонялъ свой нѣжный слухъ всегда къ моимъ рѣчамъ;
Сей мужъ, котораго дотолѣ не забудутъ,
Доколѣ въ мірѣ семъ плясать кадрили будутъ,
И дружбой связанъ былъ и кумовствомъ со мной;
Я, здѣсь въ девятый разъ избранный старшиной,
Безъ страха вамъ могу подать совѣтъ нельстивый.
Спондей, смири свой духъ и пылкій, и строптивый;
Хотя эсѳетикой твой разумъ озаренъ,
Хотя въ Меркуріи романсъ твой помѣщенъ,
Хоть эпиграммою ты сдѣлался извѣстенъ:
Но не забудь того, сколь Гашпаръ добръ и честенъ,
Что старше онъ тебя. Пусть рѣчь его длинна:
Но кажется къ добру клонилася она;
А ты его прервалъ. Всегда то помнить должно,
Что, не дослушавъ рѣчь, понять ея не можно.
А ты витійства даръ, о Гашпаръ! воздержи,
Не трать безъ нужды словъ, и временемъ дорожи.
Увы, не знаешь ты, сколь всякій часъ безцѣненъ
Тому, кто дряхлостью болѣзненной увѣренъ,
Что мало сихъ часовъ ему осталось жить!
Должны ли время мы враждою коротить?
Повѣрьте, миръ худой хорошей лучше брани.»
Цингильусъ кончилъ рѣчь. Се простираетъ длани
Спондей къ противнику, и миръ возстановленъ.

Не столько былъ въ тотъ день восторгомъ упоенъ
Смиритель древнія Византскія гордыни,
Когда, враговъ поправъ, низринувъ ихъ твердыни,
Въ Царь-градъ съ хоругію россійскою вступилъ,
Въ вратахъ повѣсилъ щитъ, миръ данью утвердилъ:
Сколь добрый органистъ, то видя, восхищался,
Какъ Гашпаръ дружески съ Спондеемъ обнимался.

Но скоро прерванъ былъ сей радостный восторгъ;
Злой духъ между старшинъ согласье вновь расторгъ.
Ужъ Гашпаръ, убѣжденъ Цингильуса рѣчами,
Представилъ, сколько могъ, яснѣйшими словами,
Что сдѣлалъ онъ на то съ помѣткой ерлыки,
Чтобъ ими различить плащи, иль сюртуки;
И словомъ, все сказавъ, что слышалъ отъ Раздора,
Симъ Гашпаръ заключилъ: «И такъ, ни брань, ни ссора
Въ передней болѣе не возмутятъ нашъ слухъ,
И новымъ средствомъ симъ, на мѣсто многихъ слугъ,
Одинъ придверникъ Ганцъ съ истопникомъ Ѳадеемъ
Услужатъ всѣмъ гостямъ; а мы чрезъ то успѣемъ
Расходы уменьша, хозяйство сохранить;
И наконецъ никто не будетъ насъ винить,
Чтобы отъ нашего въ прихожей безпорядка,
Родился насморкъ, простуда, лихорадка.»

Болѣзней имена услышавъ, Каратай
Содрогся и вскричалъ: «Иди, переплетай
Зѣвототворныя, слезогонящи драмы,
Волшебны оперы, балетныя програмы,
Поэмы шуточны и весь печатный бредъ;
Но медицинскій ты не трогай факультетъ.
Тогда лишь общества бываетъ здраво тѣло,
Когда всякъ членъ его, свое свершая дѣло,
Не трогаетъ другихъ. Тебѣ что нужды въ томъ,
Хотя бы изъ гостей, пріѣхавшихъ въ сей домъ,
Иной нечаянно въ прихожей простудился?
Не у тебя бы онъ, а у меня лечился
И долгобъ не страдалъ; но эти ерлыки,
Произведеніе искусныя руки,
Расходы общества и твой приходъ умножатъ;
Вотъ отъ чего тебя болѣзни такъ тревожатъ:
Родъ человѣческій душею всей любя,
Какъ добрый филантропъ, ты любишь и себя.»
Сказалъ, и на своихъ клевретовъ оглянулся.
Фрейтодъ кивнулъ главой, аптекарь улыбнулся;
Но Гашпаръ гордо рекъ: «Корысть меня чужда;
А слава—моего возмездіе труда.
Отецъ стиховъ моей переплетенъ рукою,
И для того хожу съ возвышенной главою.
Сафьянны ерлыки я обществу дарю;
Не лѣкарь я, за то судьбу благодарю;
Питаясь ремесломъ хотя не такъ доходнымъ,
Не названъ я нигдѣ убійцею народнымъ.»

Тутъ, будто въ пеплѣ огнь, скрывая въ сердцѣ гнѣвъ,
Воспрянулъ Каратай, какъ разъяренный левъ,
Собранію вѣщалъ: «Ужель терпѣть намъ должно,
Чтобъ съ первой изъ наукъ онъ ремесло ничтожно
Безъ казни смѣлъ ровнять? и естьли хоть одинъ
Изъ благомыслящихъ сидящихъ здѣсь старшинъ,
Когобъ сей дерзкою онъ рѣчью не обидѣлъ,
Ктобъ безъ стыда его своимъ сочленомъ видѣлъ,
И признавалъ еще собранія главой?....»
Вскоча со стульевъ Курцъ и мастеръ гробовой
Мгновенно къ лѣкарю свои простерли руки,
Въ защиту милой имъ врачебныя науки.
Усердье жаркое сподвижниковъ узря,
Успѣхомъ ободренъ и яростью горя,
Воскрикнулъ Каратай: «А ты, о дерзновенный,
Презрѣнна ремесла ремесленникъ презрѣнный,
Толмачъ безсмысленный безсмысленныхъ газетъ,
Едва умѣющій на склянку этикетъ
Въ аптекѣ наклеить! Кого хулить дерзаешь?
Кого убійцею народнымъ называешь?»—
«Тебя!—Ты, Гашпаръ рекъ, одинъ убійца сей
Моихъ племянниковъ, сестры моей, дѣтей.
Тобою Петина съ женою разлучился,
Цингильусъ внучатъ трехъ и трехъ сыновъ лишился;
И кто изъ сихъ старшинъ, которымъ ты вѣщалъ,
Предъ коими меня такъ нагло порицалъ,
Какъ даже авторы въ журналахъ не бранятся,
И кто изъ нихъ, скажи, не долженъ былъ остаться
Отъ первой изъ наукъ вдовцомъ, или сиротой?
Но что я говорю? Убитыхъ всѣхъ тобой
Когда бы переплесть мнѣ списокъ надлежало,
То бъ въ городѣ на то сафьяну не достало!»—

Сей рѣчью дерзкою во сердце уязвленъ,
Затрясся Каратай и, стуломъ вооруженъ,
На переплетчика метнулся разъяренный;
И Гашпаръ, лѣкарской рукою пораженный,
Конечнобъ оправдалъ супруги страшный сонъ,
Коль вышней силою не охранился бъ онъ.

Веселость, облетѣвъ весь домъ, въ совѣтъ впорхнула
Въ тотъ самый мигъ, когда за спинку крѣпка стула
Схватился Каратай. Вдругъ вспомнила она,
Какъ битва нѣкогда была упреждена
Между царя царей и дивнаго Ахилла:
«Минерва, съ тылу вставъ, героя ухватила
За блещущи власы, бывъ зрима одному».
Веселость, изъ старшинъ незрима никому,
Какъ дщерь Зевесова схватила Каратая
За косу длинную, того не примѣчая,
Что былъ на немъ парикъ, который вдругъ слетѣлъ;
Воскрикнулъ Каратай; совѣтъ весь обомлѣлъ!
Веселость и сама сначала испугалась;
Взглянула на старшинъ: ихъ видя, засмѣялась,
Взвилася къ потолку, сквозь дверь порхнула въ мигъ,
И съ нею полетѣлъ восхищенный парикъ!

Остались старшины симъ чудомъ пораженны,
Имѣя страхомъ рты и очи растворенны:
И ктобъ изъ смертныхъ могъ съ неробкой зрѣть душой
Парикъ летающій, какъ птицу надъ собой?

Всѣхъ прежде Петина спокоилъ духъ смущенный;

Увидя лѣкаря съ главою обнаженной,
Невольнымъ смѣхомъ онъ прервалъ внезапный страхъ
И бодрость возбудилъ въ дрожащихъ старшинахъ.
Очнулся весь совѣтъ, взглянувъ на Каратая.
Но лѣкарь, и стыдомъ, и бѣшенствомъ пылая,
Возводитъ мрачный взоръ: узря жъ, что самъ Фрейтодъ,
Дабы не хохотать, свой закрываетъ ротъ,
Онъ въ лютой ярости собранье оставляетъ,
Идетъ, и Гашпару побѣду уступаетъ.

Поэма: «Расхищенныя Шубы» играла большую роль въ современной полемикѣ. Авторъ ея былъ членомъ «Бесѣды любителей россійскаго слова», раздѣлялъ литературныя понятія Шишкова, и комедіей: «Новый Стернъ» возбудилъ большое неудовольствіе въ друзьяхъ и послѣдователяхъ Карамзина, которые съ тѣхъ поръ обратили Шаховскаго въ Шутовскаго, назвали его злымъ Гашпаромъ (главное лице въ поэмѣ) и написали на него нѣсколько эпиграммъ. Въ «Опасномъ Сосѣдѣ», В. Пушкина, «Новый Стернъ» нашелъ весьма незавидную читательницу, почему и сказано тамъ иронически:

Прямой талантъ всегда защитниковъ найдетъ.

Этимъ объясняются слова Батюшкова въ посланіи къ В. Пушкину:

Ты злаго Гашпара однимъ стихомъ убилъ.

Кн. Шаховской не оставался безъ отвѣта. Рѣчь Спондея есть не что иное, какъ тирада изъ посланія В. Пушкина къ Жуковскому, съ нѣкоторыми отмѣнами и перестановкой стиховъ (послѣдніе шесть стиховъ, см. выше на стр. 143, также стр. 149, прим. 19).

Два стиха въ рѣчи Цингильуса:

Хотя въ Меркуріи романъ твой помѣщенъ,
Хоть эпиграммою ты сдѣлался извѣстенъ,

указываютъ на піесу В. Пушкина: «Къ Камину», напечатанную въ С.п—бургскомъ Меркуріи, и на его эпиграмму: «Какой-то стихотворъ»... (см. выше, стр. 142 и прим. 1-ое на стр. 146).

²) Главное лице піесы, заимствованной изъ французской: «La coquétte»—графиня Лелева. На Липецкихъ водахъ, куда она пріѣхала не лѣчиться, а блистать своею красотою и столичной модой, ее окружаетъ толпа влюбленныхъ чудаковъ—Барона, Угарова, Фіалкина. Но предметъ ея кокетства—полковникъ Пронскій, участвовавшій въ войнахъ 12, 13 и 14 годовъ. Она искусно отвлекаетъ его отъ своей двоюродной сестры, Оленьки Холмской, къ которой онъ чувствуетъ истинную привязанность и братъ которой (князь Холмскій) ему другъ и бывшій товарищъ по службѣ. Горничная Оленьки, Саша, управляетъ всѣмъ ходомъ піесы, съ помощью Семена, смотрителя за ваннами. Узнавъ, что Лелева назначила свиданіе Ольгину (двоюродному брату Пронскаго), прежнему своему поклоннику, случайно заѣхавшему на воды, она даетъ о томъ знать Пронскому, который изъ ихъ разговора узнаетъ все лукавство кокетки. День свиданія былъ вмѣстѣ и днемъ рожденія Лелевой. Поклонники ея устроили иллюминацію: огни должны были зажечься разомъ, какъ только заиграетъ оркестръ. На бѣду Лелевой, Фіалкинъ пришелъ также въ это мѣсто съ гитарой, чтобы пропѣть новорожденной балладу. Не вытерпѣвъ долгаго ожиданія, онъ заигралъ: слуги, принявъ игру за сигналъ, мгновенно освѣтили садъ, гдѣ Ольгинъ стоялъ на колѣняхъ передъ Лелевой. Это и названо урокомъ кокеткѣ, которая въ смущеніи и гнѣвѣ оставляетъ Липецкъ и уѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобы снова явиться, раскаявшейся и исправленной, въ другой комедіи: «Какаду, или слѣдствіе урока Кокеткамъ».

«Липецкія воды» имѣли успѣхъ, объясняемый, между прочимъ, и тѣмъ, что авторъ воспользовался недавно-минувшими политическими событіями: дѣйствующія лица его произносятъ патріотическіе монологи, въ которыхъ воспоминаютъ о Лейпцигѣ, Кульмѣ, Парижѣ. Но піеса имѣла и другой современный интересъ: въ лицѣ Фіалкина задѣтъ балладникъ. А какъ баллады писалъ въ то время Жуковскій, то разладъ между друзьями послѣдняго и кн. Шаховскимъ усилился. «Липецкія воды» послужили поводомъ къ основанію литературнаго общества: «Арзамасъ». На кн. Шаховскаго посыпались эпиграммы, въ которыхъ припоминалось ему и все прежнее. «Письмо съ Липецкихъ водъ», подписанное буквою В. (вѣроятно кн. Вяземскій) и напечатанное въ 12 № «Россійскаго Музеума, 1815 г.» (*), есть сатира—пасквиль на комедію Шаховскаго. Лица, съѣхавшіяся на воды, означены тѣми самыми буквами, съ которыхъ начинаются фамиліи дѣйствующихъ лицъ комедіи. По описанію сатирика, они вялы, скучны, безхарактерны. Выведенъ и самъ Шаховской, съ своими наружными и литературными отличіями: (плѣшивый, распухшій, одержимый водяною-горячкою); онъ затѣялъ маскерадъ въ пользу разорившихся книгопродавцевъ, передъ которыми считалъ себя виноватымъ и за себя самого и за свою братію; въ маскарадъ явился навьюченнымъ тулупами, которыя хочетъ выдать за *шубы*, и читаетъ стихи за *налоемъ* (**); потомъ переодѣлся Мольеромъ, но

(*) Съ оговоркою, что «въ письмѣ» говорится не о нашихъ Липецкихъ, а о нѣмецкихъ Лейпцигскихъ водахъ, такъ какъ Лейпцигъ въ старину назывался Липецкомъ.

(**) Пріятели Шаховскаго ставили «Расхищенныя Шубы» наравнѣ съ «Налоемъ» Буало.

былъ узнанъ по своимъ полубарскимъ затѣямъ (*), и пр. Въ Сынѣ Отеч. 1815, ч. 26, помѣщено «Мнѣніе посторонняго» (кн. Вяземскаго, съ подписью М.): изъ него видно, что кн. Шаховской публично извинялся передъ Жуковскимъ. Большая часть эпиграммъ написана также кн. Вяземскимъ. Представляемъ изъ нихъ пять. Первая нап. въ 40 № Сына Отеч. 1815, слѣдующія три въ Рос. Муз. 1815, № 12, послѣдняя въ 13 № С. От. 1816.

1.

Нашъ комикъ Шутовской хоть любитъ уязвить,
Но осторожности своей не измѣняетъ:
Умѣетъ онъ всегда сначала усыпить,
Да послѣ соннаго ужъ смѣло и ругаетъ.

2.

Цѣлительныя воды.

«Каковъ ты?»—Что-то все не спится,
Хоть пью лѣкарство по ночамъ.—
«Чтобъ отъ безсонницы лечиться,
Отправься къ Липецкимъ водамъ».

«Каковъ ты?»—Пламя потаенно
Жжетъ кровь мою, на зло врачамъ.—
«Чтобъ исцѣлиться совершенно,
Отправься къ Липецкимъ водамъ».

3.

Съ какою легкостью свободной
Играешь ты въ стихахъ природой и собой:
Ты *въ шубахъ* Шутовской холодной,
Въ *водахъ* ты Шутовской сухой.

4.

Къ переводчику Китайской Сироты (**).

Вольтеръ насъ трогаетъ Китайской Сиротой
И тѣмъ весельчаковъ заслуживаетъ пени;
Но слезы превратилъ въ забаву Шутовской:
Онъ изъ трагедіи удачною рукой
Китайскія подѣлалъ тѣни.

5.

Мадригалъ Гашпару.

Сбылось мое пророчество предъ свѣтомъ (***):
Обмолвился Гашпаръ; и за мои грѣхи
Онъ доказалъ изъ трехъ однимъ куплетомъ,
Что можно быть дурнымъ поэтомъ
И написать хорошіе стихи.

По замѣчанію г. Лонгинова, этотъ удачный куплетъ находится въ пѣснѣ: «Не указъ намъ чужеземный край», изъ 1-го дѣйствія водевиля: «Крестьяне, или встрѣча незваныхъ».

А. Пушкинъ, бывши еще воспитанникомъ Лицея, отмѣтилъ въ своихъ запискахъ, подъ 1815 г.: «8 ноября, Шишковъ и г-жа Бунина увѣнчали недавно кн. Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ». Послѣ этой отмѣтки, списаны имъ стихи, сочиненные Д. В. Дашковымъ, гдѣ между прочимъ говорится:

Вчера, въ торжественномъ вѣнчаньи
Творца затѣй (*),
Мы зрѣли полное собранье
Бесѣды (**) всей.
И всѣ въ одинъ кричали строй:
Хвала, хвала тебѣ, о Шаховской!
Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза баллад̂ъ,
Въ Бесѣдѣ бодрый усыпитель,
Хлыстову (***) братъ,
И врагъ талантовъ записной...
Хвала, хвала тебѣ, о Шаховской!

(Полемика о комедіи: «Липецкія воды», въ Библ. Зап. г. Лонгинова, Совр. 1856, № 7; Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина, въ 1 т. его сочиненій, изданіе П. Анненкова, стр. 22 и 23; Лѣтопись рус. театра, П. Арапова, стр. 241—242).

[3]) Главныя лица комедіи Пустодомы: князь Радугинъ, педантъ, не знающій нисколько русской жизни, и жена его, ведущая непосѣдную жизнь и мотовствомъ разоряющая свое имѣніе. Слабостями того и другаго пользуются горничная Маша и Цаплинъ, стряпчій и управитель дома. Радугинъ все дѣлаетъ по книгамъ и совѣтамъ своего библіотекаря Инквартуса. Онъ затѣваетъ проэкты, одинъ другаго непрактичнѣе, не занимается дѣтьми и входитъ въ долги. Живущая при немъ сестра его, княжна Наталья, отдаетъ въ закладъ свое наслѣдство, чтобы поправить его разстроенныя дѣла. Радимовъ, дядя Радугиныхъ, узнавъ о пустодомской ихъ жизни, пріѣзжаетъ въ городъ, выкупаетъ ихъ имѣніе и самихъ увозитъ въ деревню; но, говоритъ онъ князю:

... Я не дамъ тебѣ на вздоры разоряться;
Педантовъ не велю пускать къ тебѣ на дворъ
И мучить мужиковъ напрасно не дозволю.

(*) Названіе одной комедіи Шаховскаго: «Полубарскія затѣи».

(**) Кн. Шаховской перевелъ трагедію Вольтера: «Китайскій Сирота» (представлена 1809 г.).

(***) Въ «Посланіи къ друзьямъ», кн. Вяземскаго (Рос. Муз., 1815, № 2) находятся стихи:

И въ наши, можетъ, дни (чѣмъ не шутилъ лукавый?)
Порядочнымъ стихомъ обмолвился Гашпаръ.

(*) Ком. Шаховскаго: «Полубарскія затѣи».

(**) Бесѣда любителей Рус. Слова. Бунина была ея членомъ.

(***) Хвостову—метроману.

На благодарность племянника онъ замѣчаетъ: «и, братъ, своя семья: сочтемся». Наташа выходитъ за мужъ за графа Вельскаго, сына Вельской, у которой она воспитывалась.—Замѣтимъ, что педантъ Инквартусъ очень напоминаетъ другаго педанта—«Синекдохоса» въ ком. Княжнина: «Неудачный примиритель».

XXXVI.

КАТЕНИНЪ. (1).

А. Ольга (1816). (2).

Ольгу сонъ встревожилъ слезный,
Смутный рядъ мечтаній злыхъ:
«Измѣнилъ ли, другъ любезный?
Или нѣтъ тебя въ живыхъ?»
Войскъ дѣля Петровыхъ славу,
Съ нимъ ушелъ онъ подъ Полтаву,
И не пишетъ ни двухъ словъ:
Все ли живъ онъ и здоровъ?

На сраженьи пали Шведы,
Туркъ безъ брани побѣжденъ,
И, желанный плодъ побѣды,
Миръ Россіи возвращенъ;
И на родину съ вѣнками,
Съ пѣсньми, съ бубнами, съ трубами,
Рать, подъ звонъ колоколовъ,
Шла почить отъ всѣхъ трудовъ.

И вездѣ толпа народа;
Старый, малый, всѣ бѣгутъ
Посмотрѣть, какъ изъ похода
Побѣдители идутъ;
Всѣ на встрѣчу, на дорогу;
Кличутъ: «здравствуй! слава Богу!»
Ахъ! на Ольгинъ лишь привѣтъ
Ни отколь отвѣта нѣтъ.

Ищетъ, спрашиваетъ—худо!
Слухъ пропалъ о немъ давно;
Живъ ли, нѣтъ, не знаютъ; чудо!
Словно канулъ онъ на дно.
Тутъ, залившися слезами,
Въ перси бьетъ себя руками;
Рветъ, припавъ къ сырой землѣ,
Черны кудри на челѣ.

Мать къ ней кинулась поспѣшно:
«Что ты? что съ тобой, мой свѣтъ?
Развѣ горе неутѣшно?
Съ нами Бога развѣ нѣтъ?»—
«Ахъ, родима, все пропало!
Свѣту-радости не стало.
Богъ меня обидѣлъ самъ:
Горе, горе бѣднымъ намъ!»—

«Воля Божія! Создатель
Намъ помощникъ ко всему;
Онъ утѣхъ и благъ податель:
Помолись, мой свѣтъ, ему.»—
«Ахъ, родима, все пустое!
Богъ послалъ мнѣ горе злое,
Богъ безъ жалости къ мольбамъ:
Горе, горе бѣднымъ намъ!»—

«Слушай, дочь! въ Украйнѣ дальной,
Можетъ быть, женихъ ужъ твой
Обошелъ налой вѣнчальной
Съ красной дѣвицей иной.
Что измѣнника утрата?
Рано ль, поздно ль, будетъ плата,
И отъ Божьяго суда
Не уйдетъ онъ никогда.»—

«Ахъ, родима, все пропало!
Нѣтъ надежды, нѣтъ какъ нѣтъ;
Свѣту-радости не стало;

Что одной мнѣ бѣлый свѣтъ?
Хуже гроба, хуже ада.
Смерть одна—одна отрада;
Богъ безъ жалости къ слезамъ:
Горе, горе бѣднымъ намъ!»—

«Господи! прости несчастной,
Въ судъ съ безумной не входи;
Разумъ, слову непричастной,
Къ покаянью приведи.
Не кручися, дочь, чрезъ мѣру;
Бойся муки, вспомни вѣру:
Сыщетъ, чуждая грѣха,
Неземнаго жениха.»—

«Гдѣ жъ, родима, злѣе мука?
Или гдѣ мученью край?
Адъ мнѣ съ суженымъ разлука,
Вмѣстѣ съ нимъ мнѣ всюду рай.
Не боюсь смертей, ни ада.
Смерть одна—одна отрада:
Съ милымъ врозь несносенъ свѣтъ,
Здѣсь ни тамъ блаженства нѣтъ.»

Такъ весь день она рыдала,
Божій промыселъ кляла,
Руки бѣлыя ломала,
Черны волосы рвала;
И стемнѣло небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Всѣ къ покою улеглись,
Звѣзды яркія зажглись.

И дѣвица горько плачетъ,
Слезы градомъ по лицу;
И вдругъ полемъ кто-то скачетъ,
Кто-то всадникъ слѣзъ къ крыльцу;
Чу! за дверью зашумѣло,
Чу! кольцо въ ней зазвенѣло;
И знакомый голосъ вдругъ
Кличетъ Ольгу: «Встань, мой другъ!

«Отвори скорѣй безъ шуму.
Спишь ли, милая, во тьмѣ?
Слезну думаешь ли думу?
Смѣхъ иль горе на умѣ?»—

«Милый! ты! такъ поздно къ ночи!
Я всѣ выплакала очи
По тебѣ отъ горькихъ слезъ.
Какъ тебя къ намъ Богъ принесъ?»—

«Мы лишь ночью скачемъ въ полѣ.
Я съ Украйны за тобой;
Поздно выѣхалъ оттолѣ,
Чтобы взять тебя съ собой.»—
«Ахъ! войди, мой ненаглядный!
Въ полѣ свищетъ вѣтеръ хладный;
Здѣсь въ объятіяхъ моихъ
Обогрѣйся, мой женихъ!»—

«Пусть онъ свищетъ, пусть колышетъ:
Вѣтру воля, намъ пора.
Воронъ конь мой къ бѣгу пышетъ,
Мнѣ нельзя здѣсь ждать утра.
Встань, ступай, садись за мною,
Воронъ конь домчитъ стрѣлою;
Намъ сто верстъ еще: пора
Въ путь до брачнаго одра.»—

«Ахъ! какая въ ночь дорога!
И сто верстъ ѣзды для насъ!
Бьютъ часы... побойся Бога:
До полночи только часъ».—
«Мѣсяцъ свѣтитъ, ѣхать споро;
Я какъ мертвый ѣду скоро:
Довезу и до утра
Вплоть до брачнаго одра».—

«Какъ живешь? скажи нелестно;
Что твой домъ? великъ? высокъ?»—
«Домъ землянка».—«Какъ въ ней?»—
«Тѣсно.»—
«А кровать намъ?»—«Шесть досокъ.»—
«Въ ней уляжется ль невѣста?»—
«Намъ двоимъ довольно мѣста.
Встань, ступай, садись за мной:
Гости ждутъ меня съ женой.»—

Ольга встала, вышла, сѣла
На коня за женихомъ;
Обвила ему вкругъ тѣла
Руки бѣлыя кольцомъ.

Мчатся всадникъ и дѣвица
Какъ стрѣла, какъ пращъ, какъ птица;
Конь бѣжитъ, земля дрожитъ,
Искры бьютъ изъ подъ копытъ.

Справа, слѣва, сторонами,
Мимо глазъ ихъ вздадъ летятъ
Сушь и воды; подъ ногами
Конскими мосты гремятъ.
«Мѣсяцъ свѣтитъ, ѣхать споро;
Я какъ мертвый ѣду скоро.
Страшно ль, свѣтикъ, съ мертвымъ спать?»—
«Нѣтъ... что мертвыхъ поминать?

Что за звуки? что за пѣнье?
Что за врановъ крикъ во мглѣ?
Звонъ печальный! погребенье!»—
«Тѣло предаемъ землѣ.»
Ближе, видятъ: попъ съ соборомъ;
Гробъ неся, поютъ всѣмъ хоромъ;
Поступь медленна, тяжка,
Пѣснь нескладна и дика.

«Что вы воете не къ мѣсту?
Хоронить придетъ чреда;
Я къ вѣнцу везу невѣсту,
Вслѣдъ за мною всѣ туда!
У моей кровати спальной,
Клиръ! пропой мнѣ стихъ вѣнчальной;
Службу, попъ, и ты яви,
Насъ ко сну благослови.»—

Смолкли, гроба какъ не стало,
Все послушно вдругъ словамъ,
И поспѣшно побѣжало
Все за ними по слѣдамъ.
Мчатся всадникъ и дѣвица
Какъ стрѣла, какъ пращъ, какъ птица;
Конь бѣжитъ, земля дрожитъ;
Искры бьютъ изъ подъ копытъ.

Справа, слѣва, сторонами,
Горы, долы, и поля,
Взадъ летитъ все; подъ ногами
Конскими бѣжитъ земля.
«Мѣсяцъ свѣтитъ, ѣхать споро;
Я какъ мертвый ѣду скоро.
Страшно ль, свѣтикъ, съ мертвымъ спать?»—
«Полно мертвыхъ поминать.»

Казни столпъ; надъ нимъ за тучей
Брезжетъ трепетно луна;
Чей-то сволочи летучей
Пляска вкругъ его видна.
«Кто тамъ! сволочь! вся за мною!
Вслѣдъ бѣгите всѣ толпою,
Чтобъ подъ пляску вашу мнѣ
Веселѣй прилечь къ женѣ.»—

Сволочь съ пѣснью заунывной
Понеслась за сѣдокомъ,
Словно вихорь бы порывной
Зашумѣлъ въ бору сыромъ.
Мчатся всадникъ и дѣвица
Какъ стрѣла, какъ пращъ, какъ птица;
Конь бѣжитъ, земля дрожитъ,
Искры бьютъ изъ подъ копытъ.

Справа, слѣва, сторонами,
Взадъ летятъ луга, лѣса;
Все мелькаетъ предъ глазами:
Звѣзды, тучи, небеса.
«Мѣсяцъ свѣтитъ, ѣхать споро;
Я какъ мертвый ѣду скоро.
Страшно ль, свѣтикъ, съ мертвымъ спать?»—
«Ахъ! что мертвыхъ поминать!»—

«Конь мой! пѣтухи пропѣли;
Чуръ! заря чтобъ не взошла;
Горъ вершины забѣлѣли:
Мчись какъ изъ лука стрѣла.
Конченъ, конченъ путь нашъ дальный,
Уготовленъ одръ вѣнчальный;
Скоро съѣздилъ, какъ мертвецъ,
И доѣхалъ наконецъ.»

Наскакалъ въ стремленьи яромъ
Конь на каменный заборъ;
Съ двери вдругъ хлыста ударомъ

Спали петли и запоръ.
Конь въ ограду: тамъ кладбище,
Мертвыхъ вѣчное жилище;
Свѣтятъ камни на гробахъ
Въ блѣдныхъ мѣсяца лучахъ.

Что же мигомъ предъ собою
Видитъ Ольга? чудо! страхъ!
Латы всадника золою
Всѣ разсыпались на прахъ;
Голова, взглядъ, руки, тѣло,
Все на миломъ помертвѣло,
И стоитъ ужъ онъ съ косой,
Страшный оставъ костяной.

На дыбы конь воронъ взвился,
Дикимъ голосомъ заржалъ,
Стукнулъ въ землю, провалился,
И нивѣсть куда пропалъ.
Вой на воздухѣ высоко;
Скрежетъ подъ землей глубоко;
Ольга въ страхѣ безъ ума,
Неподвижна и нѣма.

Тутъ надъ мертвой заплясали
Адски духи при лунѣ,
И протяжно припѣвали
Ей въ воздушной вышинѣ:
«Съ Богомъ въ судъ нейди крамольно;
Скорбь терпи, хоть сердцу больно.
Казнена ты во плоти;
Грѣшну душу Богъ прости!»

в. АНДРОМАХА, ТРАГЕДІЯ (1818). (5).

дѣйствіе II, явленіе 4.

Пирръ, Алкимъ.

АЛКИМЪ.

Государь!

ПИРРЪ.

Иди, Алкимъ, поспѣшно,
И Гектора вдовѣ мой возвѣсти приказъ:
Да явится ко мнѣ.

явленіе 5.

ПИРРЪ.

Но если вновь отказъ
Услышать долженъ я; когда она въ надеждѣ,
Что сынъ ея спасенъ, отвергнетъ бракъ какъ прежде,
Тогда.... но нѣтъ, прошли отказовъ времена.
Теперь покорствовать кичливая должна,
Теперь.... но зрю ее.

явленіе 6.

Пирръ, Алкимъ, Андромаха.

ПИРРЪ.

Приближься, Андромаха,
И къ побѣдителю простри свой взоръ безъ страха.
Не съ тѣмъ тебя призвалъ, чтобъ ѣдкостью рѣчей
Ругаться бѣдствами и горестью твоей:
Несчастныхъ оскорблять не Пиррово есть свойство;
Но чтобы возвратить душѣ твоей спокойство,
Чтобъ сына твоего отъ Грековъ защитить
И можетъ быть тебя и Трою отомстить,
Чтобы скончать вражду межъ мною и тобою
И предложить тебѣ быть Пирровой женою.

АНДРОМАХА.

Мнѣ, государь!

ПИРРЪ.

Хочу забыть я тотъ отказъ,
Который нѣкогда услышалъ я отъ васъ.
Я мыслить не хочу, чтобъ ты меня презрѣла,
И быть супругою моей не восхотѣла;
Согласенъ вѣрить я, что Троя и Пріамъ
Союзы брачные свершить претили намъ;
И коль мое на нихъ правдиво подозрѣнье,
То я уже воздалъ имъ съ лихвой отомщенье.
Но, какъ бы ни было, все правится судьбой;

Тогда я былъ твой врагъ, теперь владыка твой:
Велю, коль восхочу, и ты свершишь велѣнье.
Но я бы самъ къ себѣ восчувствовалъ презрѣнье,
Когда бы, плѣнницу избравъ себѣ въ жену,
Надежду возлагалъ на власть свою одну,
Когда бы самъ собой не уважалъ дотолѣ;
И такъ согласіе твоей оставлю волѣ.
Рѣши, но не забудь, что я могу одинъ
Опасность отклонить, въ которой днесь твой сынъ.
Калхасу и враждѣ къ отцу его послушны,
На смерть его теперь всѣ Греки единодушны;
Но я пренебрегу угрозы ихъ и гнѣвъ.
Согласна будь, и я, ихъ множество презрѣвъ,
Одинъ противу всѣхъ вооружуся къ бою,
Скамандры на брегахъ воздвигну снова Трою,
И, сына твоего поставивъ въ ней царемъ,
Вѣнчаю здѣсь его родительскимъ вѣнцомъ.
Онъ сыномъ будетъ мнѣ и, мною наученный,
Отмститъ за тяжкій вредъ, отъ Грековъ понесенный.
Такъ, я клянуся въ томъ, и слова одного
Лишь жду, чтобы спасти иль погубить его,
И посвятить тебѣ, презрѣнный иль любимый,
Иль страсть безмѣрную иль гнѣвъ неукротимый.

АНДРОМАХА.

Ты рекъ, о государь, что я твоя раба.
Коль до того меня унизила судьба,
Могу ли отвѣчать? съ поникшею главою
Должна внимать приказъ, реченный мнѣ тобою.
Но волю полную отдай моимъ устамъ,
И я тебѣ тогда отвѣтъ нельстивый дамъ.

ПИРРЪ.

Вѣщай.

АНДРОМАХА.

Благодарю тебя, о сынъ Ахилла,
Что доблести душа твоя не измѣнила,
И что дозволилъ мнѣ, свободной бывъ на часъ,
Царевной отвѣчать тебѣ въ послѣдній разъ.
Ты предлагаешь мнѣ съ тобою съединиться,
Ты даже мнишь, что я должна на то склониться;
Я мыслить не могла, чтобы до дня сего
Такъ мало чувства зналъ ты сердца моего.
Не стану ужъ вѣщать о томъ, что твой родитель
Былъ родины моей свирѣпый разоритель,
Что въ немъ какъ и въ тебѣ зрю бѣдъ моихъ творца,
Что братьевъ, свекра, мать, супруга и отца
Вы у меня одни, жестокіе, отъяли;
Сей рѣчію мои лишь растравлю печали,
И, огорченнымъ давъ свободный токъ словамъ,
Я только повторю, что вѣдаешь ты самъ.
Но если бракъ съ тобой отвергла я въ то время,
Какъ чрезъ него могла спасти Фригійцевъ племя,
И, отклонивъ ударъ на насъ ниспадшихъ золъ,
Пріамовъ подкрѣпить колеблемый престолъ,
Теперь ли, какъ ничто не льститъ моей надеждѣ,
Какъ вмѣсто почестей, стяжанныхъ мною прежде,
И царства, коимъ здѣсь владѣть я рождена,
Тобой мнѣ часть рабы замѣною дана,
Теперь ли болѣе я къ Пирру склонна буду,
И честь свою, и долгъ, и родъ свой позабуду?
Забуду ль, что межъ насъ возженная вражда
Должна насъ раздѣлять повсюду и всегда,
Что я дочь мудраго Царя Геетіона,
Невѣстка мощнаго владыки Иліона,
И болѣе еще—я Гектора вдова?
Дивишься, Пирръ, внемля толь смѣлыя слова,
Пренебрегающи и хитрости и страхи;
Но ожидалъ какихъ, скажи, отъ Андромахи?

Быть можетъ, радуясь въ душѣ, ты уповалъ,
Какъ сына моего опасность мнѣ вѣщалъ,
Что сердце матери, терзаемо любовью,
Встрепещетъ ужасомъ и обольется кровью;
Что твердою пребыть тогда не возмогу,
И въ чувствахъ предъ тобой душевныхъ не солгу?
Твоей угрозой я устрашена за сына,
Съ его судьбой моя сопряжена судьбина,
Коль живъ онъ, я жива, коль мертвъ, умру и я;
Но въ благости боговъ надежда вся моя.
Они внушили мнѣ въ сей день его спасенье,
Они ему отъ васъ да будутъ защищенье.
Всещедрый, можетъ, Дій еще благоволилъ,
Чтобъ мой Астіанаксъ и царствовалъ и жилъ.
Но не тобой его исправится судьбина;
Ты ль можешь быть отцемъ для Гекторова сына?
Нѣтъ, если въ множествѣ Пріамовыхъ друзей
Хотя единый есть съ высокою душей
И съ сердцемъ, жребія премѣнамъ неподвластнымъ,
Хранящій дружество къ союзникамъ несчастнымъ,—
Вотъ сыну моему достойный лишь отецъ;
Онъ возвратитъ ему потерянный вѣнецъ,
Наставникъ будетъ онъ растущему герою
Въ искуствѣ побѣждать и Грекамъ мстить за Трою.
Пусть въ Фригіи собравъ войскъ многое число,
Мой возмужалый сынъ воздастъ вамъ зломъ за зло,
И чтобъ избавить мать воздвигшійся къ Эпиру,
Цѣною крови тамъ мой плѣнъ заплатитъ Пирру.

ПИРРЪ.

Неблагодарная! такъ вотъ мнѣ твой отвѣтъ!
Ты льстилася еще найти во мнѣ.... но нѣтъ,
Въ словахъ съ рабынею не буду унижаться.
Иди, и не дерзай очамъ моимъ являться.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Пирръ, Алкимъ.

ПИРРЪ.

Что скажешь ты, Алкимъ?

АЛКИМЪ.

Я предвѣщалъ тебѣ,
Чего ты, государь, былъ долженъ ждать себѣ.
Я знаю, сколь внимать отказъ такой обидно;
Но страсти одолѣй влеченіе постыдно,
Потщись ее забыть.

ПИРРЪ.

Забыть ее! нѣтъ, нѣтъ.
Пусть въ памяти моей отказъ ея живетъ.
Хочу, о немъ всегда храня воспоминанье,
Сугубить ненависть и мщенія желанье;
Улисса съ Греками хочу предупредить;
Астіанакса я хочу теперь открыть;
Высокомѣрную хочу узрѣть рабыню
Влачащую свою у ногъ моихъ гордыню,
Молящую въ слезахъ за сына своего,
И въ тотъ же самый мигъ мечемъ сразить его.
Съ восторгомъ вопль ея отчаянный предвижу.
Узнаетъ гордая, какъ слабо ненавижу,
Какъ власть моя мала, какъ гнѣвъ ничтоженъ мой,
И какъ привыкъ терпѣть, чтобы ругались мной.
Алкимъ, пойдемъ отсель, устроимъ все къ отмщенью,
Изыщемъ средства всѣ ей къ вящему мученью;
Не знаю, отъ какихъ я пользу обрѣту,
Но жесточайшія всѣмъ прочимъ предпочту.

¹) Катенинъ, Павелъ Александровичъ (1792—1853), воспитывался въ домѣ родителей и началъ службу очень рано. До восьмнадцатилѣтняго возраста онъ находился въ министерствѣ народнаго просвѣщенія,

а въ 1810 г. перешелъ въ преображенскій полкъ. Отечественная война была блистательной эпохой его славы: онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Бородинѣ, Люценѣ, Бауценѣ, Кульмѣ и Лейпцигѣ. Съ молодыхъ также лѣтъ Катенинъ началъ писать стихи. Къ 1809 и 1810 г.г. относятся «Пѣсни въ Сельмѣ», поэма Оссіана, переложенная съ прозы Кострова, «Ночь» (подражаніе Геснеру), «Смерть Пріама» (изъ Виргилія). Піесы эти нап. въ Цвѣтникѣ, Бенитцкаго и Измайлова. Чувствуя особенную наклонность къ драмѣ, Катенинъ перевелъ трагедію Корнеля: «Аріадна», которая и была представлена 1811 г. Онъ оказалъ важную услугу русской сценѣ образованіемъ трагическаго актера Каратыгина, который былъ одолженъ ему почти столько же, сколько Семенова была одолжена Гнѣдичу. За Аріадной слѣдовали переводы и сочиненія другихъ театральныхъ піесъ (см. ниже). Изъ лирическаго рода, Катенинъ сначала выбралъ балладу: онъ перевелъ Бюргерову Ленору, назвавъ ее Ольгой (см. ниже, прим. 2), и написалъ три стихотворенія: Наташа (1814), Убійца (1815), Лѣшій (1816). Въ 1822 г. Катенинъ, по непріятностямъ съ трагической актрисой Семеновой, былъ высланъ изъ Спб. и прожилъ десять лѣтъ въ своей деревнѣ (костромской губ.). Здѣсь онъ занялся изученіемъ правилъ и исторіи литературы. Зная основательно языки франц., нѣм., итал., испан. и лат., онъ имѣлъ возможность пользоваться иностранными источниками по этому предмету. Плодомъ изученія были «Размышленія и разборы», помѣщенные въ Литературной Газетѣ, Дельвига, 1830 г. (всего шесть статей). Въ 1832 г. Катенинъ воротился въ Петербургъ. Въ слѣдующемъ году Россійская Академія выбрала его своимъ членомъ, и онъ вскорѣ отправился на Кавказъ, поступивъ въ эриванскій карабинерный полкъ. Въ 1836 г. его назначили коммендантомъ въ крѣпость Кизляръ. Черезъ два года, онъ, въ чинѣ генералъ-маіора, вышелъ снова въ отставку, переѣхалъ опять въ свою деревню, гдѣ и провелъ остатокъ своей жизни. (Отчетъ Ак. Н. по отдѣленію рус. языка и словесности за 1853 г., П. А. Плетнева, въ 1-ой кн. Ученыхъ Записокъ этого отдѣленія, 1854).

Сочиненія и переводы Катенина въ стихахъ изданы въ 2 ч., 1832 г. Первая часть содержитъ въ себѣ сочиненія, вторая—подражанія и переводы. Между сочиненіями, кромѣ упомянутыхъ, укажемъ еще: Мстиславъ Мстиславичъ (1819), Пиръ Іоанна Безземельнаго (1820), прологъ, написанный для драмы кн. Шаховскаго: «Ивангой» и вмѣстѣ съ этою драмою представленный въ 1821 г.; отрывокъ изъ ком. «Вражда и любовь» (1827). Въ подражаніяхъ и переводахъ: 4-ое дѣйствіе Горацієвъ, Корнеля, 1817 (1-ое дѣйствіе переводилъ Чепеговъ, 2-ое Жандръ, 3-ье кн. Шаховской, 5-ое, какъ совершенный hors d'oeuvre, было оставлено безъ перевода); 4-ое дѣйствіе Медеи, трагедіи Лонжъ-пьера, 1819 (1-ое д. было переведено Маринымъ и П. Озеровымъ, 2-ое—Дельвигомъ, 3-ье—Гнѣдичемъ, 5-ое—Поморскимъ), Романсы о Сидѣ, изъ Гердера (1822—1823), три пѣсни Дантова ада (1827—1830). Издатель сочиненій, Н. Бахтинъ, въ предисловіи, указалъ отличительныя, по его мнѣнію, свойства поэзіи Катенина.

Отдѣльно изданные труды Катенина:

Есѳирь, тр. Расина (1816).

Сплетни, ком. Грессе: Le méchant (1821).

Сидъ, тр. Корнеля (1822).

Андромаха, ориг. тр. 1826 (см. ниже, прим. 3).

Обманъ въ пользу любви, ком. Мариво: Les fausses confidences (1827).

Труды неизданные:

Аріадна, тр. Корнеля.

Баязетъ, его же.

Комедія: «Недовѣрчивый», «Говорить правду—потерять дружбу», «Нечаянный Закладъ», «Студентъ» (послѣдняя написана вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ).

²) Нап. въ 24 № С. Отеч. 1816, и въ 9 № Вѣст. Евр. того же года. Переводъ этой баллады, мало замѣчательный самъ по себѣ, замѣчателенъ по той полемикѣ, которую онъ возбудилъ при своемъ появленіи и въ которой сказалось различіе литературныхъ направленій. Гнѣдичъ, подъ именемъ жителя Тентелевой деревни, въ остроумномъ разборѣ (О вольномъ переводѣ Бюргеровой баллады: «Ленора», Сынъ От. 1816, № 27), показалъ различіе между двумя переводами этой піесы—Катенина и Жуковскаго. Ему отвѣчалъ Грибоѣдовъ (ib., № 30), доказывавшій, что переводъ Жуковскаго невѣренъ и что въ «Ольгѣ» Катенина сохраненъ элементъ народности. Къ тому же предмету возвратился неизвѣстный авторъ начатой, по неконченной статьи: «О стихотвореніяхъ Катенина» (В. Евр. 1823, №№ 3 и 4); защищая автора отъ его критиковъ, онъ кстати припомнилъ прежнюю исторію объ Ольгѣ. Не столько замѣчательна литературная дѣятельность Катенина, сколько замѣчательно его достойное держаніе передъ неблагосклонностью критики. Оно вытекало изъ его твердой преданности литературѣ, равно какъ изъ благороднаго сознанія, что каждый долженъ служить выбранному имъ дѣлу по своимъ силамъ и разумѣнію. Вотъ что, по этому поводу, замѣтилъ А. Пушкинъ: «Холодность, оказываемая публикой сочиненіямъ Катенина, дѣлаетъ ему честь: во-

первыхъ,она доказываетъ отвращеніе поэта отъ мелочныхъ способовъ добывать успѣхи, а во-вторыхъ и его самостоятельность. Никогда не старался онъ угождать господствующему вкусу въ публикѣ; напротивъ, шелъ всегда своимъ путемъ, творя для самого себя, что и какъ ему угодно. Онъ даже до того простеръ свою гордую независимость, что оставлялъ одну отрасль поэзіи, какъ скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождали его ни пристрастіе толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающаго за собою другихъ» (О сочиненіяхъ Катенина, въ сочиненіяхъ Пушкина, изд. Анненкова, V, 551).

³) Андромаха, трагедія въ 5 д., въ стихахъ. Спб. 1827 (сочинена 1818, представлена 1827). Содержаніе: Троя разорена и Пріамъ убитъ. Андромаха скрываетъ своего сына Астіанакса въ Гекторовой гробницѣ, страшась, что Греки изберутъ его очистительною жертвой въ возмездіе за соотечественниковъ, погибшихъ отъ руки его отца. Пирръ требуетъ себѣ на долю Андромаху и Астіанакса. Онъ хочетъ спасти сына и тѣмъ заслужить благодарность и любовь матери. Съ Агамемнономъ и Улиссомъ онъ въ ссорѣ: перваго онъ ненавидитъ за властолюбіе и кичливость; втораго за то, что судъ вождей приговорилъ отдать ему Ахилловы доспѣхи. Онъ даже покушался вступить въ дружественный союзъ съ Пріамомъ противъ Грековъ, но получилъ отказъ. Андромаха также не согласилась быть его женою. Она и теперь, ставъ его плѣнницей, осталась вѣрна отказу (см. сцены, помѣщенныя въ Христоматіи). Между тѣмъ Улиссъ открылъ Астіанакса и отправилъ его къ Атриду. Пирръ остановилъ ударъ, уже занесенный надъ отрокомъ, и отдалъ его на храненіе Калхасу до того времени, когда прекратится распря съ Атридомъ или когда голосъ самихъ боговъ рѣшитъ его судьбу. Андромахи предстоитъ одно изъ двухъ: или видѣть смерть сына, или сдѣлаться супругой Пирра. Она выбираетъ послѣднее. Тогда Пирръ даетъ волю своей ненависти къ вождю греческихъ силъ; онъ готовитъ Мирмидонянъ для боя съ Аргивянами. Несторъ утишаетъ вражду и вмѣстѣ возбуждаетъ фанатизмъ Грековъ: они требуютъ смерти всѣхъ греческихъ плѣнниковъ. Калхасъ, вопросивъ боговъ, объявляетъ ихъ волю: смертію одного отрока искупить всю Фригію. Совершается чудо: Зевесовъ громъ ударилъ въ палатку, гдѣ находился подъ стражей Астіанаксъ, и поразилъ его. Андромаха покоряется также велѣнію небесъ—вступить въ бракъ съ Ахилловымъ сыномъ и вмѣстѣ съ нимъ царствовать надъ Эпирской землей.—Катенинъ почиталъ эту трагедію первымъ изъ своихъ сочиненій, по величинѣ и объему, по важности рода и содержанія.

XXXVII.

КОКОШКИНЪ. (¹).

ВОСПИТАНІЕ, ИЛИ ВОТЪ ПРИДАНОЕ, КОМЕДІЯ (1824). (²).

Дѣйствіе III, явленіе 1.

Въ правой сторонѣ театра **Панфилъ** навеселѣ и **Даша** сидятъ за ломбернымъ столомъ и обѣдаютъ. Слуги изъ столовой приносятъ имъ кушанье на тарелкахъ и потомъ **Панфилу** бокалъ шампанскаго.

Панфилъ (держа бокалъ, поетъ).

Vive le vin! vive l'amour!
Amant et buveur tour à tour. ..

(Выпивъ нѣсколько).
Да, что жъ ты, милая, меня не угощаешь?

Даша.

Не нужно,—безъ того ты блюдами глотаешь;
Бутылку цѣлую мадеры осушилъ.

Панфилъ.

Здоровье жениховъ съ невѣстами я пилъ:
Такъ водится, мой другъ, въ большомъ, межъ нами, свѣтѣ.
Двѣ свадьбы вдругъ—charmant! Не худо быть и третьей.
Послушай (наливаетъ), я твое здоровье, Даша, пью;
Ну, выпей за мое и ручку дай свою.
Какъ два голубчика мы проживемъ съ тобою.

ДАША.

Ужъ камердинера я сдѣлаюсь женою!
Нѣтъ, счастіемъ такимъ себя, дружокъ, не льсти:
Ты скоро, можетъ быть, и въ славѣ и въ чести
Меня увидишь, такъ что кланяться мнѣ станешь.

ПАНФИЛЪ.

Вотъ что! и на меня несчастнаго не взглянешь?
Ужъ не въ актрисы ли опять? Тѣмъ лучше: я
Ужаснѣйшій актеръ! Театръ есть страсть моя:
Люблю на сценѣ громъ, пальбу, а пуще—драку.
Въ трагедіи, я съѣлъ, какъ говорятъ, собаку.
Игра моя страшна, какъ рукопашный бой:
Что стихъ, то жестовъ пять; реву, стучу ногой;
Отстануль?—жестами мой стихъ я догоняю;
Дрожу—и зрителей дрожать я заставляю!
(Вскакиваетъ вдругъ со стула и декламируетъ съ смѣшнымъ жаромъ, махая руками и топая ногой).
«Раскаянье въ душѣ! Ахъ! что я говорю?
«Оно въ крови моей! снѣдаемъ имъ, горю!
«И фурій мстительныхъ терзающія руки,
«Ихъ змѣи, ихъ бичи, ничто противъ сей муки;
«Ничто въ сравненіи и весь ужасный адъ!»—
Тутъ всякъ захлопаетъ, хоть радъ, или не радъ.
Любимцу публики тотчасъ въ ладоши грянутъ,
И вызывать меня съ начала пьесы станутъ.

ДАША.

Ты пьянъ, голубчикъ мой!

ПАНФИЛЪ.

И, вздоръ! совсѣмъ не пьянъ,
А веселъ, какъ французъ: въ игрѣ, горячь и рьянъ,
Такъ точно какъ въ любви; ну, самъ не понимаю,
Что сдѣлалось со мной: я таю, я сгараю!
И отъ чего тобой я вдвое страстенъ сталъ?

ДАША (поднявъ пустую бутылку).

Да, вотъ мадера вся; шампанскаго бокалъ!

ПАНФИЛЪ (на колѣняхъ трагически).

Тронись, жестокая! свирѣпѣйшая львица!

ДАША (вставая изъ-за стола).

Поди же прочь, и знай: я буду откупщица!

ПАНФИЛЪ (вскочивъ).

Вотъ на! Ведеркинъ нашъ знать женится на двухъ?

ДАША.

Все врешь!

ПАНФИЛЪ.

Эй, Дашенька, не ошибись, мой другъ.
Ведеркинъ за двумя вдругъ зайцами погнался;
А я боюсь, чтобъ онъ вѣкъ вдовымъ не остался.
Вѣрь мнѣ, вѣдь я Лафлешъ; а флешъ—смотри, стрѣла!
(Слышно, что встаютъ изъ за стола).

ДАША.

Чу! кофе подавать: встаютъ изъ за стола.
(Уходитъ).

Явленіе 2.

ЛІЯ И ФЛЮГЕРОВА (въ полной радости), ВЕДЕРКИНЪ (примѣтно пьянъ), КНЯЗЬ (пилъ шампанское), СОФЬЯ (уныла), ПАНФИЛЪ (въ сторонѣ).

ФЛЮГЕРОВА (Панфилу).

Обѣдалъ ли, мой другъ Лафлешъ?

ПАНФИЛЪ (кланяясь).

Чрезъ чуръ доволенъ.

ВЕДЕРКИНЪ.

А я, такъ сытъ....

КНЯЗЬ (Ліи).

И пьянъ.

ВЕДЕРКИНЪ.

Что право.... будто боленъ.

КНЯЗЬ.

Что жъ чувствуете вы?

ВЕДЕРКИНЪ.

Кружится голова.

(Подходитъ къ Софьѣ).

И сердце бьется—ахъ!

ЛІЯ.

Вотъ нѣжныя слова!

КНЯЗЬ (насмѣхаясь).

Ну, полноте—къ чему тутъ хитрость и коварство?

Вы больны отъ любви.

ВЕДЕРКИНЪ (указывая на Софью).

И вотъ мое лѣкарство.

КНЯЗЬ.

Прелестный комплиментъ!

ЛІЯ.

Что можетъ быть страстнѣй!

ВЕДЕРКИНЪ.

О! я всегда бывалъ большой галантерей:
Дѣвицамъ отпускать всегда моя охота.
Бывало, что скажу—и смѣхъ.

КНЯЗЬ (Ліи, которая тихонько хохочетъ).

Или зѣвота.

СОФЬЯ (встаетъ и хочетъ идти).

ФЛЮГИРОВА (сурово).

Куда, сударыня?

СОФЬЯ.

Я—кофе разливать.

ВЕДЕРКИНЪ.

Пусть, матушка, идетъ: мнѣ слаще попивать,
Чѣмъ съ ромомъ, изъ ея прекрасныхъ бѣлыхъ ручекъ.

ЛІЯ.

Часъ отъ часу нѣжнѣй.

КНЯЗЬ (Ліи).

Каковъ же Вакховъ внучекъ!

(Вслухъ).

Невѣстинъ кофе все! ничто предъ нимъ и ромъ!
Мысль безподобная! замѣтно, что знакомъ
Племянникъ мой съ большимъ, какъ говорится, свѣтомъ
И даже могъ бы быть изящнѣйшимъ поэтомъ!
Ну, чтобъ вамъ, написавъ полсотни одъ, балладъ,
Словесность русскую взять также на подрядъ;
Или компаніей—для выгоды каржановъ—
Надѣлать сотню драмъ изъ сказокъ, изъ романовъ?
И тутъ, чтобъ барыша побольше нажить,
Кто помѣшаетъ вамъ водицей разводить,
Какъ крѣпкое вино, писанія чужія?
Я вижу въ васъ талантъ, способности большія!

ВЕДЕРКИНЪ.

Да это что еще? Я былъ бы философъ,
Когда бы удалось мнѣ, съ будущихъ торговъ,
Снять откупъ въ Питерѣ: вѣдь тамъ мнѣ всѣ знакомы.

КНЯЗЬ.

Я думаю, вамъ всѣ открыты были домы?
И вѣрно съ знатными со всѣми вы въ связи?

ВЕДЕРКИНЪ.

А какъ же? золото блеститъ и на грязи:
Такъ что намъ знатные! подъ часъ, мы ихъ честуемъ;
А впрочемъ, будь хоть графъ, а мы и въ усъ не дуемъ.

КНЯЗЬ.

Я эту спѣсь весьма приличной нахожу.

ВЕДЕРКИНЪ.

Да вотъ, пять лѣтъ назадъ, формально вамъ скажу,
Я былъ откупщикомъ въ губерніи не здѣшней.
Графъ Звонкинъ въ городъ къ намъ порой пріѣхалъ вешней—
Такъ въ маѣ мѣсяцѣ: я съ нимъ давно знакомъ.
«Я буду-де къ тебѣ въ твой загородный домъ.»—
А я тогда купилъ съ аукціона дачу.
«Въ покупкѣ-де твоей хочу смотрѣть удачу.»
Пожалуй-молъ: большой диковинки въ томъ нѣтъ ...
Велика важность—графъ! Чтожъ? ужинъ иль обѣдъ?

«На ужинъ-де.» Ну, я за стерлядью почтовыхъ,
За ананасами, за винами, да новыхъ
Велѣлъ я мебелей три дюжины привезть,
Музыку, фейерверкъ,—не важная-молъ честь,
Что графъ пожалуетъ,—намъ это вѣдь не диво.

КНЯЗЬ.

Что вамъ! (Лiи). Каковъ разсказъ?

ЛІЯ.

Ахъ! какъ краснорѣчиво!

ВЕДЕРКИНЪ.

Вотъ, день пришелъ, созвалъ гостей; а самъ сижу:
Мнѣ нужды нѣтъ—въ окно къ воротамъ все гляжу.
Такъ къ сумеркамъ, кричатъ: «ужь графъ-де ѣдетъ близко.»
Ну, чтожъ? сбѣжалъ съ крыльца, поклонъ ему пренизкой,
Подъ ручку на крыльцо, все дѣло чередомъ:
Музыка грянула, изъ пушекъ трескъ и громъ.
Графъ въ карты сѣлъ играть; а мнѣ-то что за дѣло?

КНЯЗЬ.

Какая нужда вамъ!

ВЕДЕРКИНЪ.

Глядь: солнышко ужъ сѣло;
Я въ садъ бѣгомъ: люблю потѣшные огни!
Самъ радъ сгорѣть. Ну, вотъ какъ на бѣду, все дни
Стояли красные,—вдругъ тучка набѣжала:
Повѣрите ль? душа вотъ такъ и задрожала.
Что дѣлать? фейерверкъ чтобъ мой не отсырѣлъ,
Пустить сигнальную ракетку я велѣлъ:
Пошла голубушка! Вотъ жду я графа смѣло.
Идетъ сiятельный,—а мнѣ какое дѣло?
Большiя кресла есть: пусть сядетъ безъ меня.
Я суечусь вокругъ потѣшнаго огня.
Графъ сѣлъ и гости всѣ: пошла моя потѣха!

КНЯЗЬ.

Ну, слава Богу!

ФЛЮГЕРОВА (Князю).

Я умру, mon cher, отъ смѣха!

ЛІЯ.

Да чѣмъ же кончилось?

ВЕДЕРКИНЪ (вздохнувъ).

Ужъ и не помню какъ.
Сталъ нѣмецъ зажигать послѣднiй ужъ буракъ;
А я до бураковъ охотникъ пресмертельный!
Ну, вспомнить не могу: буракъ-атъ—самый цѣльный!
Смотрю—бѣда! шипитъ; фитиль за фитилемъ—
Онъ все шипитъ. Вотъ, я и самъ къ нему съ огнемъ:
Ни тутъ-то было! Я надулся, да какъ дунулъ!
Какъ словно чортъ его мнѣ прямо въ рожу сунулъ!
Не взвидѣлъ ничего! тутъ замертво упалъ.
Какъ графъ отправился.... какъ... что.... ужъ не слыхалъ!
Богъ съ нимъ! что онъ.... что я.... что сѣро, и что бѣло,
Не все ль равно? Онъ графъ! а мнѣ какое дѣло!

КНЯЗЬ (съ важнымъ видомъ.)

Что вамъ до этого? (Лiи). Безъ памяти лежалъ;
А тобы провожать къ воротамъ побѣжалъ.
(Ведеркину).
Да какъ же раздувать буракъ хотѣли сами?
Какъ носъ вашъ уцѣлѣлъ? и какъ еще съ глазами?
И свѣжи такъ въ лицѣ?

(Флюгерова и Лiя, не въ силахъ будучи удерживаться, хохочутъ; Князь и самъ Ведеркинъ также).

ВЕДЕРКИНЪ.

Вотъ, барышнямъ-то смѣхъ!
Ну какъ быть! Часъ такой: попуталъ видно грѣхъ.

Какъ не ослѣпъ? и всѣ тому подивовались.
Вотъ знаки и теперь на лбу моемъ остались.
Вѣдь отъ того-то я кажусь и старобразъ.—
Вы, Софья Дмитревна, мой слышали разсказъ?

СОФЬЯ.

Я слышала-съ....

ФЛЮГЕРОВА (сурово).

Поди, сядь здѣсь.

СОФЬЯ.

Сей часъ я встану.
(Садится близь тетки).

ВЕДЕРКИНЪ.

Вотъ такъ-то, матушка, и васъ я тѣшить стану.
Я радъ для васъ пиры и балы хоть давать,
Готовъ и бураки для васъ я....

КНЯЗЬ (особо).

Раздувать.

ВЕДЕРКИНЪ.

Пускать по вечерамъ на каждый лѣтній праздникъ.
Вѣдь я превесельчакъ, а часомъ и проказникъ.
Готовъ во всѣ игры—и въ жмурки, и въ жгуты.

ФЛЮГЕРОВА.

Чтожъ, Софья, жениху не отвѣчаешь ты?

СОФЬЯ.

Что отвѣчать-съ?

ФЛЮГЕРОВА.

Какъ что? Не кстати ужъ сурова!

СОФЬЯ.

Простите, тетушка,—я право не здорова.
(Хочетъ идти).

ФЛЮГЕРОВА.

Все вздоръ! будь здѣсь.—Больна! лицо какъ жаръ горитъ!

ВЕДЕРКИНЪ.

Сіятельный, смекнулъ?—Вѣдь это говоритъ
Она мнѣ куплиментъ: я давича былъ боленъ,
Теперь она.

КНЯЗЬ.

Да, да. (Лін). Не многимъ же доволенъ.

ВЕДЕРКИНЪ.

И, матушка, пройдетъ! кому жъ, коли не вамъ,
Здоровымъ быть? Всего вѣдь вдоволь будетъ намъ.
Богатыхъ солнышко, ей! грѣетъ и въ ненастье.

СОФЬЯ.

Богатство можетъ быть и составляетъ счастье;
Да кто богатъ? одинъ довольный, иль никто;
А безъ взаимныхъ чувствъ оно, сударь, ничто.

ФЛЮГЕРОВА (почти съ удовольствіемъ).

Ага! романъ!

СОФЬЯ.

Ахъ! нѣтъ, наставницъ попеченьемъ,
Романовъ я никакъ не занималась чтеньемъ,
И романическимъ не вѣрю я мечтамъ.
Прямая гдѣ любовь—почтенье вѣрно тамъ.
Она послѣдствіе достоинствъ уваженья;
Она есть жизнь души,—не плодъ воображенья.

КНЯЗЬ (особо).

Она умна!

ФЛЮГЕРОВА.

Вотъ чѣмъ ея набита голова!
Все непонятный вздоръ! пустыя все слова!
Почтенье, то, да се!—А если жить въ столицѣ?
Кому, сударыня, пріятнѣй?....

ВЕДЕРКИНЪ.

Откупщицѣ,
Тутъ спорить нечего.

ФЛЮГЕРОВА.

Понятій никакихъ
О счастьѣ нѣтъ у ней.

СОФЬЯ.

Оно лишь въ насъ самихъ;
И счастье женщины въ кругу ея семейства.

ВЕДЕРКИНЪ.

А наше, какъ беремъ сикурсъ изъ казначейства.

СОФЬЯ.

Позвольте же, сударь, мнѣ откровенной быть:
Не разъ слыхала я, чтобъ счастливо прожить,
Супругамъ должно быть и одинакихъ мнѣній.
Богатство умножать—верхъ вашихъ наслажденій,
Чтобъ расточать потомъ въ дымъ ваше серебро;
По мнѣ, такъ счастье въ томъ, чтобъ дѣлать всѣмъ добро.
Лишеньемъ прихотей купить души блаженство,
Возстановить судьбой гонимыхъ благоденство
И нужное дѣлить съ лишенными всего—
Есть, признаюся вамъ, верхъ счастья моего!
Замѣтьте же, сударь, какъ думаемъ мы розно.

ФЛЮГЕРОВА.

Вѣдь экой вздоръ! Теперь, сударыня, ужъ поздно
Пустое говорить: не кстати вдругъ умна.
Мужъ долженъ думать тожъ, что думаетъ жена,
Когда она не такъ, какъ ты, ужъ безтолкова.
Не всякій вѣдь похожъ на чорта Прямикова,
Который всякаго не въ бровь, а въ самый глазъ,
Радъ правдою колоть—хоть будь природный князь;
Который здѣсь за всѣхъ непрошеный ораторъ;
Кого избаловалъ нашъ добрый губернаторъ.

ВЕДЕРКИНЪ.

То правда, матушка: бывало, завсегда
У предводителя съ начальникомъ вражда;
А нынче, срамъ смотрѣть! одно его лишь слово:
Вонъ тамъ-де воровство, — и слѣдствіе готово.
И въ наши вѣдь дѣла уткнуть изволилъ носъ;
Ну.... было кое что.... пронюхалъ и донесъ.
А защищаетъ все—добро бъ людей?—нѣтъ, бѣдныхъ,
Опальныхъ, да сиротъ, незначущихъ и вредныхъ.
Я, право, звалъ его разъ десять на обѣдъ,—
Губернскій вѣдь, нельзя ужъ не позвать,—такъ нѣтъ,
Ни разу; а подъ часъ кормлю я городъ цѣлой!
Онъ предводитель здѣсь! а мнѣ какое дѣло?
Мы сами у себя, ктобъ ни былъ онъ таковъ.

[1]) Кокошкинъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, род. 1773 г., обучался въ московскомъ университетѣ. Сначала служилъ въ гвардіи, а потомъ перешелъ въ статскую службу. Въ министерство И. И. Дмитріева (1810—1813), онъ получилъ мѣсто губернскаго прокурора въ Москвѣ, но не долго занималъ его. Въ 1818 г. назначенъ членомъ театральной конторы по репертуарной части, при петербургскомъ театрѣ. Въ 1823 г., когда московскій театръ получилъ особое образованіе и особаго директора, Кокошкинъ поступилъ на эту должность, въ которой онъ принесъ много пользы. Онъ пригласилъ лучшихъ актеровъ: достаточно сказать, что Щепкинъ былъ вызванъ имъ на московскую сцену; давалъ полезные совѣты артистамъ, уже пріобрѣтшимъ прочную славу (въ томъ числѣ трагику Мочалову), образовалъ нѣсколько новыхъ сюжетовъ, обучалъ сценическому искуству воспитанниковъ театральной школы. Онъ былъ не простой начальникъ, но и знатокъ драматическаго искуства. Выборомъ лучшихъ піесъ, отчетливой ихъ постановкой, онъ старался сдѣлать изъ театра эстетическое удовольствіе для публики, и въ самихъ артистахъ развить любовь и уваженіе къ своему дѣлу. «Главнымъ призваніемъ Кокошкина», говоритъ М. А. Дмитріевъ (Мелочи изъ запаса моей памяти), главною его страстію былъ театръ. Онъ и самъ, игравшій въ благородныхъ спектакляхъ, былъ хорошимъ актеромъ. Всѣ роли его были обдуманы, всѣ шаги разочтены; искуства было много, но натура иногда скрывалась

за искуствомъ.... Онъ былъ хорошій чтецъ и большой охотникъ до чтенія въ слухъ и декламаціи. Остроумный А. И. Писаревъ (авторъ ком.: «Лукавинъ») говаривалъ даже, что онъ любитъ и литературу, какъ средство громко читать. Это было не совсѣмъ правда, а отчасти и такъ. Голосъ у него былъ звучный, интонація обдуманная, но нѣсколько однообразная. Особенное свойство его голоса была необыкновенная гибкость; когда онъ игралъ на театрѣ, то у него были слышны даже и тихіе тоны: онъ умѣлъ какъ-то и ихъ послать на далекое пространство. Но много вредила ему на сценѣ какая-то важность и торжественность, которая была въ немъ и въ обыкновенномъ обращеніи». Въ домѣ своемъ Кокошкинъ постоянно устроивалъ благородные спектакли и литературные вечера, на которые сбирались московскіе профессора и драматическіе писатели: Каченовскій, Мерзляковъ, Смирновъ, Ѳ. Ивановъ (авторъ многихъ драмъ), Н. Ильинъ (также сочинившій многія драматическія піесы). У него же Мерзляковъ читалъ публичныя лекціи о словесности. Кокошкинъ пользовался общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ умный и образованный, какъ литераторъ, какъ знаменитый декламаторъ, любитель и покровитель театральнаго искуства, какъ благородный артистъ и какъ гостепріимный хозяинъ. Ему много вредила какая-то натянутость, искуственная расчитанность обращенія, которая выказывалась во всемъ—въ голосѣ, манерахъ, даже въ одеждѣ, почему кн. Шаховскій называлъ его накрахмаленнымъ галстукомъ, не умѣющимъ разинуть рта по человѣчески. Впрочемъ эта внѣшняя искуственность, которая въ жизни его имѣла такое же значеніе, какъ французская, псевдо-классическая трагедія въ драматической поэзіи, или какъ игра французскихъ актеровъ прошлаго столѣтія въ сценическомъ искуствѣ, не была холодностью (см. Литературныя и театральныя воспоминанія С. Аксакова, въ 4-ой кн. Русской Бесѣды 1856 г.).

Сочиненія и переводы:

Перегородка, или много труда по пустому, ком. въ 1 д., пер. съ фр. (1806; 2-ое изд.—1820).

Мизантропъ, ком. въ 5 д., въ стихахъ, Мольера, пер. съ фр., 1816 (представлена 1815). Кокошкинъ переложилъ піесу, какъ говорится, на русскіе нравы, отъ чего она не сдѣлалась русскою, хотя и перестала быть французскою. Альцеста переименовалъ онъ въ Крутона, Филинта въ Людмила, Селимену въ Прелестину; вмѣсто старинной французской пѣсни Крутонъ читаетъ русскую; процессъ его рѣшается въ палатѣ, и пр. Не смотря на это, піеса имѣла большой успѣхъ, благодаря прекрасной игрѣ Мочалова (Крутонъ) и Львовой-Синецкой (Прелестина), и Кокошкинъ пріобрѣлъ извѣстность въ литературѣ, какъ «переводчикъ Мизантропа».

Романъ на одинъ часъ или чудный закладъ, ком. въ 1 д., пер. съ франц. (1820).

Воспитаніе, или вотъ приданое, ком. въ 4 д., въ стихахъ (1824). (См. ниже, прим. 2).

Кромѣ того Кокошкинъ перевелъ отрывокъ изъ трагедіи Вольтера: «Смерть Цезаря» (Труды Общества Любителей Рос. Слов., ч. 2); отрывокъ изъ ком. Фабра д'Еглантина: «Филинтъ Мольеровъ» (ib., ч. XI), мелодраму Виктора Дюканжа: «Жизнь игрока» (другой переводъ той же піесы сдѣланъ въ Петербургѣ).

Лирическія піесы его: «На бѣгство Наполеона» (1812), «Изліяніе чувствъ глубочайшей благодарности» (1814), «Изліяніе чувствъ вѣрноподданнаго» (1826) и другія не заслуживаютъ вниманія по напыщенному тону и шероховатымъ стихамъ.

²) Въ концѣ предъувѣдомленія къ комедіи, Кокошкинъ говоритъ слѣдующее: «Комедія моя, кромѣ 6-ой сцены 1-го дѣйствія, которую подражательно взялъ изъ театра французскаго, точно моя, и оригинальная. Скажу болѣе: въ главныхъ характерахъ истина управляла перомъ моимъ. Находясь по службамъ моимъ въ провинціяхъ нашихъ, я былъ свидѣтелемъ неисчислимыхъ и вѣчно благотворныхъ плодовъ превосходнаго воспитанія подъ руководствомъ матери сирыхъ и безпомощныхъ (императрицы Маріи Ѳеодоровны). Повсюду видѣлъ я образцы примѣрныхъ супругъ и матерей, или дѣвицъ, украшающихъ собою общества, видѣлъ, близко наблюдалъ различіе столько разнообразныхъ у насъ воспитаній и въ восторгѣ души повторяю: плоды благодѣяній государыни императрицы неисчислимы и вѣчны, ибо неминуемо должны имѣть вѣрное и быстрое вліяніе на нравственность цѣлаго народа».

Дѣйствующія лица: Флюгерова, сорокалѣтняя дѣвица; племянницы ея: Софья, воспитанная въ институтѣ, и Лія, воспитанная въ пансіонѣ парижской фигурантки; князь Бирюлевъ, молодой повѣса, отданный подъ присмотръ губернскаго предводителя Прямикова, друга и сослуживца брата Флюгеровой; Славинъ поручикъ, воспитанный у отца въ правилахъ строгой нравственности, женихъ Софьи; откупщикъ Ведеркинъ и неизбѣжные въ прежнихъ комедіяхъ слуга (Памфилъ, подъ именемъ Лафлеша), и горничная (Даша).

Содержаніе піесы. Флюгерова дала слово Прямикову выдать Софью за Славина. На бѣду институтки, въ нее влюбился откупщикъ Ведеркинъ. Съ помощью Даши онъ устроиваетъ дѣло такъ, что Флюгерова беретъ

назадъ свое слово: Софья должна быть женою откупщика, который за это уступилъ князю долгъ (30 тысячъ руб.). Князь же, со своей стороны, согласился жениться на влюбленной въ него Флюгеровой. Но онъ заинтересованъ не теткой, а ея племянницей Ліей. Устроивъ загородную прогулку, онъ Флюгерову оставляетъ въ полѣ, а Лію увозитъ въ село, гдѣ и обвѣнчивается съ нею. Не помня дурнаго съ собой обращенія, Софья проситъ Славина устроить жизнь тетки и хочетъ отдать ей свое отцовское наслѣдство. Прямиковъ по этому случаю говоритъ: «вотъ воспитанія божественнаго плодъ!» Поступокъ же Ліи, воспитанной совершенно другимъ образомъ, заставляетъ его сказать въ концѣ піесы:

От воспитанья здѣсь вся сдѣлалась бѣда;
А отъ развратныхъ слугъ не меньше жди вреда.

XXXVIII.

ХМѢЛЬНИЦКІЙ. (1).

А. ГОВОРУНЪ, КОМЕДІЯ (1817). (2).

Явленіе 9.

Споркина, Вздоркина, Громова, Свахина, Вѣстина, Чванова, графъ Звоновъ, Лиза.

СПОРКИНА, ВЗДОРКИНА (входятъ первыя и говорятъ вмѣстѣ).

Мы спорить не хотимъ, но странны увѣренья!...

ГРОМОВА (съ жаромъ).

Вы вѣрьте или нѣтъ, но я не соглашусь.

(Лакеи и Лиза ставятъ стулья; всѣ садятся, и графъ садится въ серединѣ, подлѣ Чвановой).

ГРАФЪ (Чвановой).

Всѣ сѣли, очень радъ; я подлѣ васъ сажусь.
Теперь займитеся; я право съ нетерпеньемъ
Готовъ хоть цѣлый день васъ слушать съ восхищеньемъ!

ВѢСТИНА (Чвановой).

И такъ, я вамъ скажу, что, ѣхавши отъ васъ,
Мнѣ Хлоеву пришлось увидѣть въ первый разъ;
Она.....

СВАХИНА.

Была мила, но нынче подурнѣла.

ВЗДОРКИНА.

Ужъ слишкомъ рядится!

СПОРКИНА.

И слишкомъ постарѣла.

ЧВАНОВА (говоритъ протяжно).

А я такъ разскажу вамъ новый анекдотъ....

ГРАФЪ.

Прекрасно, я люблю ужасно этотъ родъ....
И знаю самъ....

ГРОМОВА.

И я....

СПОРКИНА.

И я....

ЧВАНОВА.

Все это вѣроятно;
Но я....

СПОРКИНА.

Я слушаю.

ГРАФЪ (Чвановой).

Васъ слушать всѣмъ пріятно!

ГРОМОВА (тихо Вздоркиной).

Она скучна!

ВЗДОРКИНА.

И страхъ протяжно говоритъ!

ЧВАНОВА.

И такъ, прошу молчать, чтобъ было безъ обидъ.
Послушайте жъ: одна изъ здѣшнихъ дамъ въ собраньи....

ГРАФЪ (Чвановой).

Въ собраньи? а въ какомъ?

ЧВАНОВА.

Что нужды вамъ въ названьи?
Въ какомъ бы ни было, а дѣло только въ томъ:

Въ собраніи—съ однимъ военнымъ молодцомъ...

ГРАФЪ.

Съ военнымъ? такъ! они преловкіе мужчины.

ЧВАНОВА.

Чтобъ вамъ ихъ не назвать, на это есть причины:
Особа знатная, а мальчикъ также князь.

СВАХИНА.

Теперь я поняла.

ГРАФЪ.

Я знаю эту связь
Съ Аглаевой?....

ВѢСТИНА (въ сторону).

Да онъ старушку право взбѣситъ!

ЧВАНОВА (въ сердцахъ).

Нѣтъ, нѣтъ, сударь! пустякъ; нѣтъ, эта не чудеситъ,
Хотя и молода,—а той ужъ сорокъ лѣтъ.

ГРАФЪ.

Такъ это Знатова?

СПОРКИНА.

Брызгалова?

ЧВАНОВА.

Нѣтъ! нѣтъ!

ГРОМОВА.

Вѣтрова?

ВЗДОРКИНА.

Лелева?

СВАХИНА.

Ильмена, можетъ статься?

ЧВАНОВА.

Да дайте жъ досказать.

ГРАФЪ (Чвановой).

Я радъ повиноваться,
Но я.....

ЧВАНОВА.

Да что за срамъ! уймися, мой отецъ!
Мнѣ эдакъ замолчать придется наконецъ.

ГРАФЪ.

Помилуйте!

ЧВАНОВА.

Меня такъ это удивляетъ!

ГРАФЪ.

Ни слова—я молчу.

ЧВАНОВА (Вѣстиной).

И все-таки болтаетъ!

СПОРКИНА.

Чтобъ споровъ избѣжать, не лучше ль положить
Намъ очередь, чтобъ знать, кто долженъ говорить?

ГРАФЪ.

Клянусь, что сохраню всю святость договора!

ЧВАНОВА.

Условье первое: чтобы зачинщикъ спора
Платилъ за это штрафъ.

ГРАФЪ.

Какъ, штрафъ?

СПОРКИНА.

И штрафъ большой.

ГРАФЪ.

Что я не провинюсь, ручаюсь вамъ душой.

ВѢСТИНА.

Не лучше ль намъ въ театръ поѣхать посмѣяться?

ВЗДОРКИНА.

Да что вамъ вздумалось?

ГРАФЪ.

Что будетъ тамъ играться?

ВѢСТИНА.

Комедья: Говорунъ.

ГРАФЪ.

Комедья Говорунъ?
Вотъ новость для меня!—Да кто же тотъ шалунъ,
Кто смѣлъ безъ моего и плана и совѣта
Всю важность поддержать столь труднаго сюжета?
Тутъ надобенъ языкъ, пріятный, легкій слогъ;
Спросился бъ у меня—и я бъ ему помогъ.

СПОРКИНА.

Ахъ! я охотница большая до комедій.

СВАХИНА.

А я—до жалкихъ драмъ.

ЧВАНОВА.

А я—такъ до трагедій,
И мнѣ, по счастью, здѣсь всѣ видѣть удалось.

ГРАФЪ.

Да, нынче ихъ у насъ довольно развелось;
Но я всегда жалѣлъ объ ихъ несчастной долѣ:
Сыграютъ раза два, и бросятъ по неволѣ.

ЧВАНОВА (графу).

Вы вѣрно пишете? И вашъ по дружбѣ долгъ...

ГРАФЪ.

Писать—я не пишу, но знаю въ этомъ толкъ...
Я пользуюсь умомъ, другихъ не безпокоя;
Но разъ въ трагедіи, играя роль героя,
Я слезы проливать заставилъ всѣхъ рѣкой!....

(Вскакивая со стула).

«О гордый Орбасанъ! тебя зову на бой!»

ЧВАНОВА.

И полноте, сударь!

ВѢСТИНА (Чвановой).

Да намъ приходитъ худо.

ГРАФЪ.

Когда бъ я былъ актеръ—я бъ былъ осьмое чудо!

ВѢСТИНА.

Дошло и до чудесъ!—Скажу я вамъ теперь,
Что къ намъ изъ-за моря....

ГРАФЪ.

А! это вѣрно звѣрь,
Который на показъ къ намъ привезенъ въ столицу?
Я видѣлъ ужъ его: онъ страхъ похожъ на птицу.
И можетъ, говорятъ,—мы вѣрить не могли,—
И плавать, и летать, и бѣгать по земли!
Я тотчасъ опишу вамъ всю его фигуру:
Во-первыхъ....

ЧВАНОВА.

Чтобъ меня не приняли за дуру,
Прошу не докучать мнѣ странностью такой.

ВѢСТИНА (въ-сторону).

И лучше бы молчать, чѣмъ мучить всѣхъ собой. (Въ слухъ).
Да, кстати—говорятъ, что будто Пустякова
Теперь....

ГРАФЪ.

Разводится, чтобъ выдти за другова.

СВАХИНА.

Да съ кѣмъ? она вдова.

СПОРКИНА.

Вы слишкомъ не въ-попадъ
Вмѣшались въ разговоръ.

ГРАФЪ.

Я точно виноватъ.

ВѢСТИНА.

Купила, говорятъ, имѣнье пребольшое,
И чуть ли наконецъ....

ГРАФЪ.

Вотъ это ужъ пустое.
Я въ этомъ побожусь.

ВѢСТИНА.

Да дайте жъ досказать!

ГРАФЪ.

Позвольте....

ВѢСТИНА.

Нѣтъ, сударь...

ГРАФЪ.

Но можно ль увѣрять!...

ЧВАНОВА.

Молчите....

ГРАФЪ.

Нѣтъ, никакъ.

СПОРКИНА.

Имѣйте же терпѣнье.

ГРАФЪ.

Я долго ужъ терпѣлъ....

ЧВАНОВА.

Хотя изъ уваженья....

ВѢСТИНА.

Я знать должна....

ГРАФЪ.

И я.... я знаю это все.

ГРОМОВА.

О, Боже!

СВАХИНА.

О злодѣй!

ГРАФЪ.

Прибавлю вамъ еще,
Что я....

ВѢСТИНА.

Она всегда....

ГРАФЪ.

Съ родни....

ВѢСТИНА.

Она со мною
Дружна, и пишетъ мнѣ....

ГРАФЪ.

Она съ моей сестрою
Училась, и вчера....

ЧВАНОВА.

Помилуйте!...

ГРАФЪ.

Я вамъ....

ГРОМОВА.

Уймитесь.

СПОРКИНА.

Что за шумъ?

ВѢСТИНА.

Клянусь!....

ГРАФЪ.

Я самъ—я самъ
Вчера....

ВѢСТИНА.

Нѣтъ....

ЧВАНОВА.

Нѣтъ....

ГРАФЪ.

Она....

СПОРКИНА.

Помилуйте!

ГРОМОВА.

Тревога!

ЧВАНОВА.

Нѣтъ силъ!

ВѢСТИНА.

Взбѣшусь!

ЧВАНОВА.

Умру!

ГРОМОВА.

Побойтеся хоть Бога!

Всѣ вмѣстѣ.

ГРАФЪ.

Нѣтъ, въ этомъ ужъ меня никакъ не убѣдить!
И истинѣ моей вамъ должно уступить;
И именно, съ моей фамиліей блестящей
Она родня, родня—по линьи нисходящей!

ВѢСТИНА.

Я съ ней, я съ ней, сударь, съ ребячества дружна;
Меня ли увѣрять? я знать ее должна,
И вѣрно ужъ ко мнѣ о купленномъ помѣстьѣ
По почтѣ отъ нее получится извѣстье.

СПОРКИНА.

Нѣтъ силы! у меня кружится голова.
Я даже бы могла.... но я не такова;
Я споровъ не терплю, всегда ихъ убѣгаю,
И для того и вамъ охотно уступаю.

ЧВАНОВА.

Вотъ ловкость, вотъ вашъ умъ, вотъ ваша острота:
Почтенной женщинѣ не дать разинуть рта!
Да гдѣ жъ учтивость тутъ, тѣ милые разсказы?
Хваленый человѣкъ!—и вотъ его проказы!

СВАХИНА.

Позвольте! дайте намъ перевести хоть духъ.
Покойный Пустяковъ мой былъ старинный другъ:
Я знаю лучше всѣхъ, чѣмъ онъ себя прославилъ,
И какъ онъ нажился, и что женѣ оставилъ.

ГРАФЪ.

Божусь, божусь, божусь! я знаю весь ихъ родъ;
Мнѣ всѣ они родня. Ихъ предокъ былъ Федотъ;
Федотъ родилъ Ѳому, Ѳома родилъ Ивана,
Иванъ родилъ Кузьму, Кузьма родилъ Демьяна,
Демьянъ—у этого родился сынъ Борисъ;
У этого Егоръ, у этого Денисъ;
Денисъ родилъ Илью, Илья родилъ Сергѣя,
Сергѣй родилъ Луку, Лука родилъ Андрея,
Андрей...... (кашляетъ).

ГРОМОВА.

Андрей, Андрей—чтобъ чортъ его побралъ!
Нѣтъ силы—я бѣгу. (Уходитъ).

Явленіе 10.

Тѣже, кромѣ Громовой.

ГРАФЪ (продолжая).

Я вамъ не досказалъ:
Андрей былъ человѣкъ, несчастливо женатой;
Но кто жъ ему велѣлъ жениться на богатой?
Отъ денежныхъ невѣстъ накладны барыши,
И часто при душахъ—невѣста безъ души!
Къ тому-жъ она была фамильи очень знатной
И съ нашею въ родствѣ..... (кашляетъ).

СВАХИНА (въ-сторопу).

Болтунъ невѣроятной!
Бѣгу! (Уходитъ).

Явленіе 11.

Тѣже, кромѣ Свахиной.

ГРАФЪ (продолжая).

Отецъ ея былъ съ молода шалунъ,
Но славный человѣкъ и страшный говорунъ!
И онъ-то, наконецъ, по матушкѣ покойной
Придется дѣдомъ мнѣ. (Чихаетъ).

ВЗДОРКИНА.

Вотъ внукъ его достойной!
Невѣжа! (Уходитъ).

Явленіе 12.

Тѣже, кромѣ Вздоркиной.

ГРАФЪ (продолжая).

Признаюсь, что этотъ человѣкъ
И славно, и умно, и чудно прожилъ вѣкъ!
Онъ славы достигалъ различными путями:
И счастьемъ, и мечемъ, и прозой, и стихами,
И, словомъ вамъ сказать, былъ воинъ и поэтъ.
Да что-жъ онъ написалъ? вы спросите въ отвѣтъ.
О! прозы и стиховъ ужасную громаду.
Я могъ бы вамъ прочесть одну его тираду,
Но этимъ услужить въ другой ужъ лучше разъ—
Теперь мнѣ недосугъ.... (нюхаетъ табакъ).

СПОРКИНА (въ-сторону).

Теперь—онъ мучитъ насъ!
Мнѣ дурно.... (уходитъ).

Явленіе 13.

Тѣже, кромѣ Споркиной.

ГРАФЪ (продолжая).

Наконецъ, что этого чуднѣе!
Прибавлю вамъ еще, чтобъ кончить поскорѣе,
Что этотъ говорунъ, намъ родственникъ и другъ,—
Простите вы меня, всего не вспомнишь вдругъ,—
Имѣлъ двухъ сыновей, и милыхъ и прекрасныхъ,
Хоть равныхъ по уму, но нравомъ несогласныхъ:
Одинъ.... (сморкаетъ).

ЧВАНОВА (въ-сторону).

Мнѣ тошно!.... я умру.... (уходитъ съ Вѣстиною).

Явленіе 14.

ГРАФЪ ЗВОНОВЪ (не примѣчая, что онъ остался одинъ, продолжаетъ разсказывать).

Онъ былъ юристъ;
Прекрасный человѣкъ, но на руку не чистъ!
За взятки онъ подъ судъ нечаянно попался,
Но сколько ни хваталъ, хитро онъ оправдался,
И снова, наконецъ—кто могъ бы ожидать?—
Съ друзьями распростясь, поѣхалъ воровать!

Явленіе 15.

графъ звоновъ, лиза (подкрадываясь на цыпочкахъ, становится за его стуломъ).

графъ.

Другой прославился совсѣмъ путемъ различнымъ:
Сынъ воина-отца, былъ воиномъ отличнымъ,
Служилъ, терпѣлъ, дрался какъ истинный герой,
И, въ полѣ посѣдѣвъ, поѣхалъ на покой.
Онъ женщинъ не терпѣлъ—я признаюсь невольно,
Простите вы меня—мнѣ право очень больно!
Что-жъ дѣлать? мой чудакъ....

лиза (изъ-за стула).

Помилуйте! Божусь,
Учтивость лишняя—я право не сержусь!

графъ (вскакивая со стула).

Что вижу? это ты, но гдѣ жъ мои старушки?
Ихъ нѣтъ—и я одинъ; о вздорные болтушки!
Вообрази себѣ, замучивши меня,
Изволили уйти! Но, глупость извиня,
Я вѣрю, наконецъ, что самый даръ счастливой,
Даръ первый въ женщинѣ—не слишкомъ быть болтливой.

лиза.

За ваше торжество имъ должно вамъ отмстить:
Одинъ противъ шести и всѣхъ заговорить,
Замучить, разозлить, оспорить, обезславить,
И даже, наконецъ—ихъ всѣхъ бѣжать заставить!

в. воздушные замки, комедія (1818). (3).

Явленіе 8.

аглаева.

Ахъ, Боже мой! я васъ, заставя дожидаться,
Себя ничѣмъ почти не смѣю извинить.

альнаскаровъ.

Помилуйте, не вы, я долженъ васъ просить
Не гнѣваться, что васъ собою безпокою.

аглаева.

Напротивъ, видѣть васъ я рада всей душою.

альнаскаровъ (въ сторону).

Вѣдь надобно жъ, чтобъ такъ она была мила!

(Аглаевой)

Я ѣду въ Петербургъ, гдѣ ждутъ меня дѣла,
Какъ вдругъ у васъ моя ломается карета;
Но я не ожидалъ, чтобъ непріятность эта
Такимъ свиданіемъ была награждена.

аглаева.

И я вамъ точно жъ тѣмъ равно одолжена.

(Тихо Сашѣ)

Ахъ, какъ онъ милъ! (въ-слухъ) Подай намъ стулья поскорѣе.

(Альнаскарову.)

Я признаюсь, всего въ деревнѣ веселѣе,
Когда любезный гость пустынницъ посѣтитъ.

(Саша становитъ стулья.)

альнаскаровъ (всторону).

Да это хоть кого, ей Богу, соблазнитъ!

аглаева.

Но сядемте, и мнѣ, пожалуйста, скажите,
Что новаго у насъ?

альнаскаровъ.

Ахъ, вы меня простите,
Я самъ три мѣсяца не вижу ужъ газетъ.

аглаева.

Вы шутите! и въ васъ терпѣнья вѣрно нѣтъ
Читать извѣстія объ островѣ Еленѣ,
О буряхъ, о дождяхъ—не то, такъ объ измѣнѣ
Алжирцевъ....

альнаскаровъ.

Боже мой! Алжирцы все шалятъ!
Алжирцы! Это стыдъ; ихъ надобно унять.
Но, между тѣмъ, мое представьте положенье:
Я, напримѣръ, лечу въ ужасномъ нетерпѣньѣ
Изъ Крыма въ Петербургъ для самыхъ важныхъ дѣлъ,

Но только выѣхать оттуда я успѣлъ,
Какъ вдругъ болѣзнь моя всѣ планы разрушаетъ:
Три мѣсяца меня изъ рукъ не выпускаетъ,
И въ это время я не слышу ни о чемъ!
Но, бывши твердъ, идя рѣшительнымъ путемъ,
Опять я, наконецъ, къ моей стремлюся цѣли.
Быть можетъ, тьму вещей надѣлать ужъ успѣли,
Но я никакъ, нигдѣ не могъ объ нихъ узнать.

АГЛАЕВА (смѣясь).

Такъ потрудитеся газеты прочитать;
Ихъ два раза ко мнѣ въ недѣлю присылаютъ.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Ахъ, съ радостью: меня газеты восхищаютъ!

АГЛАЕВА (тихо Сашѣ).

Какъ все обдумано!... Что, Саша, каково?

САША (тихо Аглаевой).

О, мастерски! но мы ужъ проведемъ его.

АГЛАЕВА.

Я примѣчаю въ васъ большое нетерпѣнье
Увидѣть Петербургъ.

САША (въ сторону, примѣтя, что Альнаскаровъ задумывается).

Опять за сочиненье!
Послушаемъ.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Скажу чистосердечно вамъ,
Чтобъ путь себѣ открыть и къ славѣ и къ чинамъ,
Съ ребячества служить рѣшился я во флотѣ.
Окончивъ курсъ наукъ, по собственной охотѣ,
На Черномъ морѣ мнѣ хотѣлось послужить;
Но, признаюся вамъ, съ лѣтами, можетъ быть,
Мнѣ море Черное страхъ показалось тѣсно!
Въ два года все кругомъ мнѣ сдѣлалось извѣстно;
А съ Турками никакъ до дѣла не дойдетъ!
Куда ни поплывешь—все знаешь напередъ,
И изъ Кафы весь путь не дальше Дарданеловъ!
Мой геній требовалъ обширнѣйшихъ предѣловъ!
Вдругъ слышу, наконецъ, что снова ужъ хотятъ
Вкругъ свѣта, славы въ путь, отправить нашъ фрегатъ:
Хвала ревнителямъ полезныхъ предпріятій!
И я, чтобъ ускорить плоды моихъ занятій
И экспедицію собою подкрѣпить,
Рѣшаюся надъ ней начальство испросить.
Я жду скорѣйшаго на это разрѣшенья,
И въ Петербургъ лечу на крыльяхъ восхищенья!

АГЛАЕВА.

Объ этомъ, кажется, слухъ носится давно.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Да, съ полгода,—но что-жъ? вѣдь это все равно;
Не подождать меня—ужъ это невозможно.

АГЛАЕВА.

О! я увѣрена, и согласиться должно,
Что эдакой вояжъ ужасно можетъ льстить;
Но, послужа, вѣдь вы устанете служить,
И наконецъ, когда вы лавры всѣ пожнете,
Въ отставку вышедши, что-жъ дѣлать вы начнете?

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Тогда бъ.... я кѣмъ нибудь былъ также побѣжденъ;
Ахъ, признаюсь, я разъ ужасно былъ влюбленъ!

АГЛАЕВА.

Неужли не шутя?

САША (въ сторону).

А, а, проговорился!

АГЛАЕВА.

Но чѣмъ же кончилось?

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Другой на ней женился;
А я утѣшился и—воротился въ Крымъ.

АГЛАЕВА.

Но хладнокровіемъ, клянуса вамъ, такимъ
Самъ ангелъ—такъ и тотъ насъ всѣхъ перепугаетъ.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Что-жъ дѣлать? иначе все служба потеряетъ.
Мы флотскіе—всегда отъ женщинъ далеки.

САША (тихо Аглаевой).

Его сіятельство васъ сердитъ мастерски!

АГЛАЕВА (тихо Сашѣ).

Я слушать этого не въ силахъ равнодушно!....

(Альнаскарову)

Но если вамъ самимъ съ женою будетъ скучно,
Такъ скоро и женѣ такой наскучитъ мужъ.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Сомнительно; но вамъ однако почему жъ
Такъ заключать? На все есть въ обществахъ законы:
Безъ насъ, для насъ, вездѣ женатыхъ милліоны!
Но сами геніи не терпятъ брачныхъ узъ.
Колумбъ и Робинзонъ, и Кукъ, и Лаперузъ,
Они, я думаю, всѣ не были женаты.

АГЛАЕВА.

Я радуюсь, а то мы были бъ виноваты.
Но лучше этотъ намъ оставить разговоръ,
А то у васъ со мной престрашный выйдетъ споръ:
Я разсержусь и все нарочно изурочу,
И даже, можетъ быть, на зло вамъ напророчу,
Что вамъ на этотъ разъ не ѣхать воевать.

АЛЬНАСКАРОВЪ (вскакивая со стула.)

Не ѣхать? почему жъ, позвольте мнѣ узнать?

АГЛАЕВА.

Да такъ, предчувствіе мнѣ что-то говорило,
Что вы....

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Предчувствіе! вотъ это очень мило!

АГЛАЕВА.

И сонъ....

АЛЬНАСКАРОВЪ.

И сонъ! а что-жъ вы видѣли во снѣ?

АГЛАЕВА.

Да множество вещей.

АЛЬНАСКАРОВЪ (въ-сторону).

Чего же больше мнѣ?
Одно свиданіе—и такъ влюбиться страстно!

САША (тихо Аглаевой).

Да полноте, а то ужъ будетъ слишкомъ ясно,
И лучше погодить нашъ открывать секретъ;
Онъ догадается.

АГЛАЕВА (тихо Сашѣ).

Да почему жъ?—о, нѣтъ!

(Альнаскарову)

Но знаете, мнѣ жаль, мы время здѣсь теряемъ.
Пойдемте лучше въ садъ; я напою васъ чаемъ,
И это вѣрно насъ съ пріятностью займетъ.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Ахъ, съ радостью! Но мнѣ позвольте напередъ
Здѣсь моему слугѣ отдать лишь приказанья.

АГЛАЕВА.

А я васъ жду. Теперь прощайте, до свиданья.

(Въ-сторону.)

Я влюблена! (Аглаева и Саша уходятъ).

Явленіе 9.

АЛЬНАСКАРОВЪ (одинъ).

И такъ все случай довершилъ.
Каковъ же я? пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!
Вотъ, господа, кружить какъ головы имъ должно.
Но этимъ вздоромъ мнѣ прельщаться не возможно:
Судя по всѣмъ вещамъ, я твердо убѣжденъ,
Что я къ чему нибудь чудесному рожденъ!
Не помню гдѣ.... читалъ я анекдотъ прекрасной:
Что кто-то изъ морскихъ, въ часъ бури преужасной,
Присталъ къ землѣ, дотолѣ незнаемой никѣмъ...
Онъ поселился тамъ—и кончилося тѣмъ,
Что вскорѣ жители рѣшили межъ собою
Республики своей избрать его главою.

Явленіе 10.

АЛЬНАСКАРОВЪ, ВИКТОРЪ (входить и подслушиваетъ).

АЛЬНАСКАРОВЪ (продолжая).

Онъ мудро управлялъ и, въ честь ему, потомъ
Народа общій гласъ избралъ его царемъ!
Что если бъ?... почему жъ! на счастье нѣтъ закона:
Да чѣмъ же, Боже мой, я хуже Робинзона?
И я могу открыть прелестный островокъ.
Тамъ, сдѣлавшись царемъ.... построю городокъ,
Займусь прожектами, народными дѣлами;
Устрою гавани, наполню ихъ судами—
И тутъ-то я до васъ, Алжирцы, доберусь!
Смиритеся!—не то.... пойду, вооружусь—
И вы познаете воителя десницу!
Рѣшивши бой, лечу съ трофеями въ столицу:
Я встрѣченъ въ гавани народною толпой,
Иду.... прохода нѣтъ! все ницъ передо мной!
Какой восторгъ! вездѣ одни лишь слышны клики:
Да здравствуетъ нашъ царь! да здравствуетъ великій!....

ВИКТОРЪ.

Монархъ!

АЛЬНАСКАРОВЪ (въ жару мечтанья).

Что хочешь ты!.... надѣйся и вѣщай!

ВИКТОРЪ.

Великій государь! васъ просятъ—кушать чай.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Ахъ, Викторъ, это ты! я въ прелестяхъ мечтанья
Блаженствовалъ! мои свершалися желанья—
И ты, злодѣй, и ты всего меня лишилъ!

ВИКТОРЪ.

И царство и вашъ флотъ я на мель посадилъ!

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Вѣдь надобно жъ, когда мы якорь лишь спускаемъ....

ВИКТОРЪ.

Мечтанія никакъ не напоятъ васъ чаемъ;
И, право, лучше вамъ, чтобъ время не терять,
Пойти къ хозяюшкѣ, заняться, погулять,
И, распростившися, пуститься въ путь счастливо.

АЛЬНАСКАРОВЪ.

Ты судишь иногда довольно справедливо.
Пойду (уходитъ).

Явленіе 11.

ВИКТОРЪ (одинъ).

Ну,—баринъ мой проказитъ не путемъ:
Онъ хочетъ сдѣлаться, бездѣлица—царемъ!
Вотъ мѣсто славное для мичмана въ отставкѣ!
Тогда бъ не грѣхъ царя.... просить мнѣ о прибавкѣ
Сотняги лишней въ годъ.—Но, что ни говори,
А вѣрно не прыгнешь изъ мичмановъ въ цари.
Какъ въ голову войдетъ дурачество такое?
Вотъ я такъ, напримѣръ, оно совсѣмъ другое:
Я лотерейный взялъ дорогою билетъ;
И какъ не взять, когда увидѣлъ изъ газетъ,
Что скоро разыграть хотятъ часы съ лихими
Курантами, ну такъ, что не разстался бъ съ ними!
Рискнулъ—и за билетъ взнесъ кровныхъ пять рублей.
Въ сто тысячъ выигрышъ! да кто жъ себѣ злодѣй?
Сто тысячъ! Боже мой! въ Твоей все это волѣ!
Пусть баринъ мой себѣ храбрится на престолѣ,
Да сто-то тысячъ Ты пошли его слугѣ!
А подлинно бъ, онѣ пришлись мнѣ по рукѣ.
Что если бъ мнѣ.... хоть часть досталася на долю....

Что сдѣлаю?... тотчасъ я выкуплюсь на волю,
Тутъ въ службу, выслужусь, и черезъ годъ какъ разъ
Вдругъ Викторъ нашъ махнетъ въ четырнадцатый классъ!
О честолюбіе! оставь меня въ покоѣ.
Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, мой другъ, затѣялъ ты пустое:
Изъ службы не всегда вѣдь выдешь съ барышомъ.
Такъ, лучше... рѣшено: я дѣлаюсь купцомъ,
Хоть третьей гильдіи, чтобы поменьше сумму
Съ имѣнія платить мнѣ въ Городскую Думу.
Тутъ я, благословясь, пущусь тотчасъ въ торги;
По лавочкамъ мои всѣ заплачу долги;
Потомъ куплю себѣ я домикъ презатѣйной
Сперва въ Полку, а тамъ, пожалуй, на Литейной,
Обзаведусь и—самъ женюся наконецъ....
И Саша мнѣ жена! и Викторъ ужъ отецъ!
И вотъ, вокругъ меня цыпляточки, малютки,
Я стану говорить имъ сказки, прибаутки,
И въ счастьи проживу конечно до ста лѣтъ!....
Однако-жъ посмотрѣть, здоровъ ли мой билетъ?

(Шаритъ въ карманахъ).

Гдѣ жъ онъ? кой чортъ! не то все въ руки попадаетъ!
Билетъ! билетъ!—меня по кожѣ подираетъ!
Ахъ, Боже мой!

Явленіе 12.

ВИКТОРЪ, САША.

САША (вбѣгая).

Сей-часъ васъ баринъ приказалъ
Позвать къ себѣ.

ВИКТОРЪ.

Я все билета не сыскалъ...
Безъ васъ, со мной ударъ убійственный случился!

САША.

Да что-же сдѣлалось!

ВИКТОРЪ (въ отчаяніи).

Супругъ вашъ разорился!
Что будетъ съ вашими несчастными дѣтьми! (Убѣгаетъ).

[1]) Хмѣльницкій (Николай Ивановичъ) род. 1789, ум. 1846 г. Отецъ его былъ однимъ изъ замѣчательныхъ лицъ своего времени. Онъ получилъ званіе доктора кенигсбергскаго университета; въ Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ на 1726 г. напечатаны имъ диссертаціи на лат. языкѣ: «Объ основаніяхъ философіи» и «Возраженіе на Шлегеля»; кромѣ того онъ много переводилъ и писалъ на рус. яз.; императрица Екатерина II оказывала ему особенное вниманіе и въ награду за потерю родовыхъ имѣній, принадлежавшихъ нѣкогда роду Хмѣльницкихъ, дала ему средства выстроить въ Петербургѣ домъ. Сынъ его начальное образованіе получилъ въ родительскомъ домѣ, подъ руководствомъ своего родственника, извѣстнаго литератора, Н. Ѳ. Эмина; а потомъ кончилъ курсъ наукъ въ Горномъ корпусѣ. Службу свою началъ онъ въ иностранной коллегіи переводчикомъ. Въ 1808 г. былъ откомандированъ, для иностранной переписки, къ главнокомандующему финляндскою арміеіі гр. Буксгевдену; въ 1811-мъ перешелъ въ министерство юстиціи. Въ 1812-мъ поступилъ въ петербургское ополченіе и въ скоромъ времени былъ назначенъ адъютантомъ къ командующему ополченіемъ, Кутузову, а потомъ къ преемнику его, Меллеру-Закомельскому. Въ кампанію 1813 г. Хмѣльницкій состоялъ при генералѣ Оппериманѣ, начальникѣ штаба одной изъ дѣйствующихъ арміи и кромѣ того былъ употребляемъ по дипломатической переспискѣ. Въ это время онъ имѣлъ случай познакомиться съ гр. Милорадовичемъ, который, оцѣнивъ его способности, предложилъ ему мѣсто правителя канцеляріи, когда, по окончаніи войны съ Французами, былъ назначенъ с.п.бургскимъ генералъ-губернаторомъ. Литературное свое поприще Хмѣльницкій началъ, въ 1817 г., комедіей Говорунъ (см. ниже, прим. 2), за которой, въ томъ же году, слѣдовала другая ком. «Шалости влюбленныхъ», а въ 1818-мъ ком. «Воздушные замки» (см. ниже, прим. 3). Въ 1824 г. онъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ 1829 г. назначенъ

губернаторомъ въ Смоленскъ, откуда, въ 1837 г., переведенъ въ Архангельскъ; но здѣсь онъ оставался недолго: обстоятельства и разстроенное здоровье заставили его выдти въ отставку. Въ 1843 г. онъ ѣздилъ за границу; цѣлью его поѣздки было—«взять курсъ на водахъ, налюбоваться живописною Швейцаріей и отогрѣться подъ небомъ Италіи» (Нѣсколько словъ о Н. И. Хмѣльницкомъ, С. Дурова, въ 1 т. Соч. Хмѣльницкаго, въ Смирд. изданіи Полнаго собранія сочиненій рус. авторовъ, 1849; кромѣ того, см.: Пантеонъ, 1848, №№ 8 и 9, и Воспоминаніе о Хмѣльницкомъ, Аладьина).

Сочиненія и переводы Хмѣльницкаго имѣли два изданія: первое, въ 2-хъ ч., подъ названіемъ «Театръ Н. И. Хмѣльницкаго» (1829), а второе, вышеупомянутое, въ 3-хъ т. (1849).

[2]) Говорунъ, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, передѣланная съ французскаго. Спб. 1817 (представлена въ томъ же году). Французскій подлинникъ: «Le Babillard», соч. Буасси. Н. Ильинъ переложилъ эту піесу на русскіе нравы, въ 1807 г. Прелеста (молодая вдова), за которою ухаживаетъ болтунъ гр. Звоновъ, увѣренный въ своихъ высокихъ качествахъ, отдаетъ свою руку скромному и дѣльному Модесту: такова развязка комедіи, главная цѣль которой осмѣять страсть къ болтовнѣ, почти прирожденную Французамъ и преимущественно ими развитую.

[3]) Воздушные замки, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Спб. 1818. Представленная въ томъ же году, имѣла большой успѣхъ, долго держалась на сценѣ и была любимою піесою въ благородныхъ спектакляхъ. Она передѣлана изъ пяти-актной комедіи Коленъ-д'Арлевиля (Les Châteaux en Espagne). Планъ моей комедіи совсѣмъ другой, говоритъ предисловіе автора; въ ней нѣтъ стиховъ переводныхъ, а удержаны только нѣкоторыя мысли французскаго автора. Главное лице—мичманъ Альнаскаровъ, фамилія котораго произведена отъ имени Альнаскаръ (въ сказкѣ И. Дмитріева: «Воздушныя башни»). Онъ мечтаетъ объ адмиральскомъ чинѣ, объ открытіи земель и народовъ, даже о коронѣ на какомъ-нибудь новооткрытомъ островѣ, а слуга его Викторъ о богатомъ лотерейномъ выигрышѣ. Починка сломаннаго экипажа заставила его остановиться въ домѣ помѣщицы Аглаевой, молодой вдовы. Аглаева принимаетъ его за графа Лестова, который, увидавъ ея портретъ у тетки, влюбился въ нее и рѣшился подъ чужимъ именемъ пріѣхать къ ней въ деревню. Когда же ошибка открылась, Аглаева холодно разстается съ мичманомъ. Онъ хочетъ искать счастія по сухопутной части и для того намѣренъ ѣхать въ Индію. Когда Викторъ горюетъ о томъ, что всѣ ихъ воздушные замки рушились:

Флотилія, престолъ, невѣста, мой билетъ—
Пропало все, и намъ ни въ чемъ удачи нѣтъ!
Ахъ, Боже мой, за что я погибаю съ вами?

Альнаскаровъ утѣшаетъ его новымъ замкомъ:

Утѣшься! Индія осталася за нами.

Этотъ стихъ обратился въ поговорку.

Комедія д'Арлевиля была передѣлана на русскіе нравы Н. Ильинымъ (1807).

XXXIX.

ДУХОВНЫЕ ПИСАТЕЛИ.

АМВРОСІЙ ПОДОБѢДОВЪ. ([1]).

СЛОВО НАДГРОБНОЕ ПРИ ПОГРЕБЕНІИ АРХІЕПИСКОПА МОСКОВСКАГО АМВРОСІЯ (1771). ([2]).

Видя васъ, печальные слушатели, съ особеннымъ сердецъ вашихъ болѣзнованіемъ гробу сему предстоящихъ, и самъ сострадая, что̀ къ утѣшенію вашему сказать теперь могу я, несчастный въ семъ случаѣ проповѣдникъ? О времена! о нравы! о жизнь человѣческая! океанъ перемѣнъ неизмѣримый! Когда мы располагаемся къ веселію и надѣемся препровождать жизнь свою сладко; тогда часто встрѣчаютъ насъ несчастія, болѣзни, и наполняется сердце наше раствореніемъ горестей. Когда при бурномъ оныхъ волнованіи скоро уповаемъ

достигнуть тишины и спокойствія; тогда не рѣдко возстають на насъ другія безпокойства обуреванія. *Отяготѣ на насъ рука Божія* въ видѣ извѣстной болѣзни: но се, при чувствованіи еще оной, се новый предметъ болѣзнованія и возмятенія сердецъ нашихъ! Боже всеблагій! ослаби гнѣвъ Твой и не вниди въ судъ съ рабы Твоими!....

Судьба бездыханно во гробѣ семъ лежащаго по существу своему хотя для всѣхъ есть общая,—смерти, то есть, никто изъ насъ избѣжать не можетъ. Да что говорю, избѣжать? Иные нѣкоторымъ образомъ и желаютъ оныя. *Окаянень азъ человѣкъ! кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* вопіетъ Павелъ (Римл. VII, 24). *Увы мнѣ, яко пришельствіе мое*, то есть странствованіе въ жизни сей *продолжися*, взываетъ и Давидъ (Псал. CXIX, 5). Сіе желаніе врожденному животолюбію непротивно потому, что смерть по непостыдному христіанскому упованію есть кончина всѣхъ золъ и дверь во храмъ неотъемлемыя радости. А по сему объ успшемъ о Господѣ, яко о преплывшемъ воздвизаемое напастей бурею житейское море и достигшемъ въ тихое пристанище, не столько бы, кажется, соболѣзновать, сколько радоваться надлежало: но то несчастіе наше, что единымъ образомъ мы на свѣтъ раждаемся, а тысящами умираемъ. Одинъ самъ отъ неосторожности и небреженія своего подвергается смерти; другой пропадаетъ нечаянно и безвѣстно; третій лишается живота отъ другихъ насильственно и тогда, когда надобенъ бываетъ на пользу многимъ и цѣлому обществу. Между сими, насильственно кончину живота причинствующими образами, бываютъ въ предосужденіе всѣмъ Божескимъ уставамъ и такіе, кои предпріемлются подъ видомъ справедливости, или и самой святости, какъ-то и Спаситель нашъ о таковыхъ неразумныхъ по святости ревнителяхъ предвозвѣстилъ ученикамъ своимъ, сказавъ: *всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу* (Іоанн. XVI, 2).

Таковымъ гнуснымъ и богоненавистнымъ, но подъ видомъ служенія Богу на погубленіе жизни самой иногда предпріемлемымъ образомъ, по справедливости, кажется, должно почесться одно суевѣріе, которое состоитъ въ привязанности къ нѣкоторымъ наружностямъ, при заключеніи въ нихъ особенныя, не знаю, какія святости и самаго спасенія. Суевѣры въ нуждахъ своихъ, оставляя Бога, вѣру и законъ, прибѣгаютъ токмо къ однимъ свято почитаемымъ мѣстамъ; а того и не думаютъ, что можетъ насъ спасти единая чистая и живая къ Богу вѣра, и что привязанностію къ прочему отлагаются они и отъ Бога и отъ вѣры, поелику тѣмъ предвосхищается слава Божія и тварь предпочитается Творцу. Добро есть почитать святыню, но безъ суевѣрія, но съ отношеніемъ усердія къ Богу и покореніемъ духа единому живущему на небесѣхъ.

Суевѣры при опасныхъ случаяхъ просятъ также и Бога, но съ излишнимъ на Него упованіемъ и по большей части ищутъ, чтобъ исцѣленіе ихъ возсіяло чрезъ какое нибудь чудотвореніе: а того и не воображаютъ бѣдные, что Богъ со гнѣвомъ отвращается такихъ прошеній нашихъ, коими просимъ исцѣленія отъ того, отъ чего можемъ избавляться, или по крайней мѣрѣ предостерегать себя помощію средствъ, предписуемыхъ отъ даннаго намъ разума. На что тамъ Богу дѣлать чудо, гдѣ естественнымъ порядкомъ поврежденное исправлено быть можетъ? На что мнѣ, надѣясь на Его могущество, безъ нужной причины вдаваться видимой опасности? Для чего, не принимая никакихъ наставленій, отвращаться, а не паче употреблять съ благодареніемъ тѣ врачества, которыя Онъ по премудрому своему строенію, положилъ подъ ноги наша съ тѣмъ, чтобъ мы, по внушенію вліяннаго намъ отъ Него ума,

прилагали ихъ ко исцѣленію язвъ и болѣзней нашихъ? Сіе-то Божескихъ уставовъ пренебреженіе и излишное на благость Божію упованіе и бываетъ причиною продолженія язвъ и другихъ болѣзней нашихъ. Почему можно сказать, что и сей великій градъ, градъ Москва, не претерпѣвалъ бы, кажется, столько опустошенія отъ извѣстной болѣзни, ежели бы всѣ, отбросивъ злобу и возложивъ твердое упованіе на Бога, повиновались благоразумнѣйшимъ правительства наставленіямъ и исполняли оныя.

Суевѣры, наконецъ, не рѣдко дѣлаютъ и то, что за спасительное дѣло признаютъ не токмо не уклоняться отъ очевидной смерти, но и добровольно предаваться оной, сожигать себя, заморить гладомъ и другія дѣлать самоубійства; да и тѣхъ, кои или изъ человѣколюбія къ нимъ, или по долгу стараются, обличая ихъ заблужденіе, отвратить, тѣхъ называютъ еретиками, жидами, діавольскими орудіями и когда можно, то и живота самаго лишить почитаютъ святою и богоугодною жертвою. Что всѣхъ поношеній и самыхъ мучительнѣйшихъ смертей апостоламъ святымъ причиною было? что, ежели не привязанность безумная къ поганымъ идоламъ? Отъ чего воспослѣдовало толикое умноженіе мученическаго хора? отъ чего, ежели не по большой части отъ сердецъ, суевѣрію порабощенныхъ? Таковыхъ-то золъ суевѣріе виновно бываетъ!

Сего-то проклятаго суевѣрія дѣйствіемъ умерщвленъ и сей бездыханенъ лежащій предъ очами нашими почтенный старецъ, царствующаго града архипастырь и истинный всего отечества патріотъ. Когда онъ, яко добрый пастырь, предпріималъ въ паствѣ своей ненаказанныхъ церкви служителей приводить во исправленіе, тогда разсѣваемъ былъ противъ его ядъ злобы и ненависти. Когда, яко истинный христіанинъ, слѣдуя внушенію Евангельскаго ученія, повинуясь монаршимъ повелѣніямъ и образуясь съ самымъ здравымъ разумомъ, не соглашался на безплодныя хотѣнія и дѣла суевѣровъ; когда тѣмъ самымъ о доставленіи паствѣ и всему обществу безопасности державствующей власти вспомоществовать по долгу и обязанности своей старался: тогда, о нечувствительности! тогда силою суевѣрія пригвожденныя къ наружнымъ святынямъ и въ нихъ единственно спасенія ищущія сердца исполнялись на него ярости, роптанія, поношеній, клеветъ, и искали самой его столь полезнѣйшей для общества жизни; а наконецъ, о страха и ужаса, неудобовмѣстительнаго воображенію! наконецъ обладающему сердцемъ ихъ идолу принесли его въ жертву, излили на него ядъ злобы и ненависти своея; въ крови архипастыря своего обагрили руки, поносно умучили и тѣло архіерея Божія безчестно повергли на распутіи... О, паки говорю, позорища варварскаго, звѣрскаго, а не человѣческаго дѣйствія!

О, вы недостойные имени человѣческаго злодѣи! не уже ли и утверждаетеся въ томъ, что убіеніемъ сего, толико отечеству послужившаго мужа пріятную принесли Богу жертву? Не убиваетъ ли паче васъ, обличая въ неслыханномъ почти беззаконіи, самая ваша совѣсть? Раны сіи и заушенія не пронзаютъ ли звѣрскаго сердца вашего? Земля, обагренная отъ рукъ вашихъ кровію, не свидѣтельствуетъ ли и предъ ангелы и предъ человѣки, что кровь сія пролита невинно и что достойна была она всякаго вашего охраненія? Лишенныя добраго своего пастыря благовѣрныя души и вся россійская церковь, не видя уже старѣйшаго и ревностнаго въ правительствѣ своемъ служителя, не испускаютъ ли на васъ сердечнаго вопля, проницающаго своды небесные и достизающаго до престола Божія правосудія? Разграбленіе не особеннаго токмо, но и общаго имѣнія, опустошеніе обители, раздробленіе святыхъ иконъ и потоптаніе самыхъ освященнѣйшихъ даровъ, да гдѣ? во своемъ отече-

ствѣ, во градѣ единыя вѣры и единаго исповѣданія, не проповѣдуютъ ли васъ худшими язычниковъ и самыхъ варваровъ, яко николиже почитаемая собою за свято тако попиравшихъ? Угрожающее, наконецъ, казнію вамъ правительство, или и безъ того бывшее на васъ за злодѣйство ваше довольное постиженіе праведнаго гнѣва: вся, говорю, сія не доказываютъ ли, что поступокъ сей вашъ есть пребеззаконный, безчеловѣчный и достойный имени діавольскаго, а не христіанскаго?

Впрочемъ, пусть бы вы по невѣжеству своему въ происходящія изъ того для васъ слѣдствія и не вникнули; пусть бы и находили въ пастырѣ что ни есть осужденія достойнаго: но осуждать и казни подвергать властей есть дѣло, а не наше. Есть у насъ монархиня, отъ устъ коея исходитъ законъ и правда; а паче всего есть всевидящій и праведный судія Богъ, который чрезъ лице монархини даровалъ ему и власть архипастырства; *нѣсть бо власть, аще не отъ Бога* (Римл. XIII, 1). Есть Богъ, который устами избраннаго своего сосуда, апостола Павла, велитъ повиноватися и самымъ строптивымъ властямъ (Колосс. III, 24, и 1 Петр. II, 18); судъ же и мщеніе оставлять единому себѣ: *мнѣ*, гласитъ Онъ, *отмщеніе, азъ воздамъ* (Римл. XII, 19). Такъ не предвосхитили ль вы Божеской власти къ вящшему своему осужденію, хотя бы, говорю, и виновенъ былъ, по мнѣнію вашему, сей страдалецъ?

О бѣдныя и несчастныя въ родѣ человѣческомъ исчадія! Жалки вы намъ по человѣчеству: но достойны будете сожалѣнія нашего тогда, когда размыслите о своемъ злодѣяніи, и съ истиннымъ онаго признаніемъ усмирите духъ вашъ, отбросите злобу, и будете при чистой вѣрѣ и при сердечномъ раскаяніи проливать предъ Богомъ теплыя свои молитвы.

Но какъ бы уже ни было, слушатели, а намъ, могу сказать, больше жаль Амвросія, Амвросія, вѣры твердаго защитника, церкви великаго украшенія, благочестія поборника и всего отечества вѣрнаго сына; больше жаль, ибо уже видимъ его въ послѣдній разъ, и то изъязвленна, поруганна и бездыханна въ гробѣ лежаща!

Велико, подлинно, есть сіе сожалѣніе: однако можно намъ утѣшить сердца свои тѣмъ (ибо впрочемъ другаго способа не остается), въ чемъ находить при такомъ случаѣ утѣшеніе имѣетъ счастіе одно благословенное христіанство.

Сомнѣваться, кажется, не для чего, что сей страстотерпецъ не токмо во святой вѣчности лику блаженныхъ причтенъ, но и мученическаго вѣнца удостоенъ будетъ отъ праведнаго Мздовоздателя. Ибо кромѣ того, что онъ во время жизни сей, за ревностное званій своихъ исполненіе, у самыхъ державныхъ особъ отличное заслуживалъ благоволеніе, и что при послѣднемъ часѣ, исполнивъ долгъ христіанскій, благодушно отдался на заколеніе, увѣряетъ въ томъ достойное памяти предъ кончиною сдѣланное имъ изреченіе, коимъ изъ нелицемѣрной любви къ отечеству молилъ Всевышняго о томъ, что *хотя бы и попустилъ Онъ злодѣйскимъ рукамъ жизнь его похитить, только чтобы былъ онъ, какъ Іона, въ разсужденіи народнаго волненія.*

О святче Божій! что мы при семъ послѣднемъ цѣлованіи воздадимъ тебѣ за вся твоя благодѣянія, на насъ бывшая? Богъ, въ егоже десницѣ душа твоя, да откроетъ тебѣ наше усердіе; да возложитъ онъ на тя дѣйствительно вѣнецъ правды; да вознаградитъ вcѣ подвиги твои и страданія вѣчнымъ покоемъ и радостію неотъемлемою! Сего мы желаемъ тебѣ искренно; о семъ молимъ Его со всею церковію всеприлежно и молить одолжаемся непрестанно. Аминь.

¹) Амвросій Подобѣдовъ (1742—1818), митрополитъ новгородскій, обучался въ семинаріи Троицкой Сергіевой Лавры; по окон-

чанія курса поступилъ проповѣдникомъ въ Московскую Духовную Академію и въ это-то время произнесъ выше помѣщенное слово; потомъ былъ префектомъ и ректоромъ той же академіи, епископомъ сѣвскимъ, епископомъ крутицкимъ, архіепископомъ казанскимъ, архіепископомъ и митрополитомъ новгородскимъ и с.п.бургскимъ, и наконецъ по просьбѣ своей уволенъ отъ петербургской епархіи, съ предоставленіемъ ему одной новогородской. Сочиненія его: а) Собраніе поучительныхъ словъ (три изданія: 1810 въ 3 ч., 1816 тоже, 1825 въ 4 ч.); б) Собраніе рѣчей (два изд.: 1810 и 1816). Переводы: а) Руководство къ чтенію св. писанія, соч. Гофмана (2 изд.: 1799 и 1803); б) Потерянный рай Мильтона 1780.

*) Амвросій Зертисъ-Каменскій, архіепископъ московскій и калужскій, былъ убитъ въ Москвѣ, во время моровой язвы (1771) разъяренною чернію. Императрица Екатерина II, въ письмѣ къ Вольтеру (6 октября 1771), говоритъ о причинѣ этого печальнаго событія слѣдующее:

«L'archevêque de cette ville (*) ayant appris qu'il y avait depuis quelques jours une grande affluence de populace devant une image (**) et qu'on y portait beaucoup d'argent, envoya mettre son sceau sur cette caisse, pour l'employer ensuite à quelques oeuvres pieuses: arrangement économique, que chaque évêque est très en droit de faire dans son diocèse. Il est à supposer qu'il avait intention d'ôter cette image, comme cela s'est pratiqué plus d'une fois, et que ceci n'était qu'un préambule. Effectivement, cette foule de monde rassemblée dans un temps d'épidemie ne pouvait que l'augmenter.

(*) Москвы.

(**) Образъ Боголюбской Божіей Матери, у Варварскихъ воротъ.

АВГУСТИНЪ ВИНОГРАДСКІЙ. (¹).

СЛОВО ВЪ БОРОДИНСКУЮ ГОДОВЩИНУ (1813). (²).

Смерть есть общій всѣхъ человѣковъ жребій. Но умереть за вѣру, за царя, за отечество, есть подвигъ, исполненный безсмертія и славы. Герой, вооружающійся для защищенія святыни, имъ почитаемой, ради спасенія соплеменныхъ своихъ, любезенъ и великъ предъ очами Божіими и человѣческими, и *память его во благословеніихъ* (Іисуса сына Сирах. 45. 1).

Какая брань можетъ сравниться съ тою ужасною бранію, которая въ сей день россійскихъ воиновъ покрыла славою на поляхъ Бородинскихъ? Гордый и ненасытный завоеватель кровавый мечъ свой внесъ уже во внутренность отечества нашего, уже разрушилъ древнюю твердыню, уже достигъ предѣловъ той счастливой области, гдѣ возноситъ златые верхи свои первопрестольная, величественная, священная столица россійской державы. Восхищенный успѣхами, онъ воскликнулъ: еще шагъ— и Москва падетъ къ ногамъ нашимъ. Но чтожъ? Посѣдѣвшій во бранѣхъ вождь противопоставляетъ ему твердыню крѣпче мѣди и мрамора; противопоставляетъ ему собственную опытность, благоразуміе и мужество; противопоставляетъ вѣрность и храбрость воиновъ, имъ предводительствуемыхъ. Засверкали мечи, загремѣли громы, восколебался воздухъ, потряслися сердца горъ; *крѣпкая Моавля пріятъ трепетъ.* Самый врагъ, который заставлялъ все трепетать предъ собою, вострепеталъ, и неустрашимый устрашился, и непобѣдимый отчаялся въ побѣдѣ. Вселенная, взирая на сіе кровавое позорище, познала могущество и храбрость Россовъ; гадая, она рекла въ сердцѣ своемъ: рано-ли, поздно-ли, кроткій Давидъ побѣдитъ гордаго Голіафа. Поля Бородинскія! откуда безчисленные холмы сіи, которые доселѣ не покрывали васъ? Не могилы-ли избіенныхъ враговъ, стремившихся разрушить россійское царство, и подъ развалинами оныхъ погребсти блаженство наше? Чѣмъ наполнены пространныя нѣдра ваши? Не костями-ли злодѣевъ нечестивыхъ, хотѣвшихъ истребить вѣру отецъ нашихъ? *Тьмы*

темъ падоша иноплеменныхъ и сокрушишася оружія бранная (2 кн. Царст. 1. 27).

Но ахъ! въ семъ, толь славномъ для воинства нашего сраженіи, сколь великія потери претерпѣли мы сами! Сколько погибло опытныхъ и мощныхъ воиновъ! Сколько благороднаго дворянства еще въ цвѣтѣ юности, подобно нѣжной розѣ, увяло отъ громовъ сея кровопролитныя брани! Сколько пало или уязвлено искусныхъ и мужественныхъ вождей! Храбрый Багратіонъ! и твои геройскіе подвиги кончились на поляхъ Бородинскихъ.

Православные воины, положившіе животъ свой за вѣру, за царя, за отечество! кіими похвальными вѣнцы увяземъ васъ? Какія почести воздадимъ безсмертнымъ подвигамъ вашимъ? Какую жертву благодаренія и признательности принесемъ? Защитники церкви и отечества, *возлюбленніи и прекрасніи, неразлучни въ вѣрѣ и вѣрности, благолѣпни въ животѣ своемъ, и въ смерти своей не разлучистеся, паче орловъ легцы и паче львовъ крѣпцы* (2 кн. Царст. 1. 23). Такъ, пали они отъ ударовъ врага, но гласъ крове ихъ, яко гласъ крове Авелевой, возопіялъ отъ земли, умоляя Господа силъ о отмщеніи. Такъ, ихъ пламенное рвеніе и мужество не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, и сынъ нечестія плѣнилъ столицу; съ мечемъ и пламенникомъ вошелъ въ достояніе Господне, и осквернилъ храмъ святый Его: но силы его уже были ослаблены, лукъ преломленъ, щитъ сокрушенъ. Пораженные врагомъ положили начало того ужаснаго пораженія, которое ожидало его самого. Среди пламени, пожиравшаго градъ сей, смущаемый страхомъ, терзаемый злобою, онъ, яко Каинъ, трясся и трепеталъ. Наконецъ, гонимый свыше, предался постыдному бѣгству,—и вои его, колесницы, тристаты его, погрязли въ пучинахъ снѣжныхъ. *Кто Богъ велій яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса* (Псал. 76. 14 и 15).

И такъ много потеряло отечество въ брани сей: но можно ли цѣнить то, что оно пріобрѣло? Сею жестокою битвою спасена цѣлость государства, сохранено величіе и слава народа, возвращена безопасность и тишина, и гордый Фараонъ позналъ, что Россіяне суть языкъ избранный, людіе Божіи, и Россія есть страна, покровительствуемая Небомъ.

Сколь убо ни велики потери наши, утѣшимся, прекратимъ стенанія, отремъ слезы!—Но ахъ! нѣжная супруга! гдѣ отецъ милыхъ дѣтей твоихъ? Онъ не возвращался еще съ полей Бородинскихъ. Онъ тамъ—и дѣти твои сироты. Прижми ихъ къ сердцу своему, ороси слезами. Онъ тамъ—да почіетъ съ миромъ почтенный прахъ его! Ты разлучилась съ нимъ навѣки, но любовь его къ тебѣ и дѣтямъ прешла съ нимъ въ вѣчность. Небесный Отецъ будетъ отцемъ сиротъ твоихъ и утѣшителемъ тебя самой. Отецъ отечества, помазанникъ Господень призритъ на васъ окомъ своея всеобъемлющія благости, и милостями своими усладитъ горести ваши. Сердобольные родители! и вашъ сынъ палъ среди кровавой брани: оплачьте его, но вмѣстѣ и утѣшьтесь тою вѣрою, въ которой вы сами наставляли и утверждали его и словомъ и примѣромъ. Онъ убитъ еще въ цвѣтѣ юности; но онъ довольно жилъ для отечества, довольно для чести своей и вашей. Онъ не достигъ высшихъ и знаменитыхъ почестей; но вѣнецъ страдальческій уготованъ ему въ небеси. Онъ не наслѣдуетъ достоянія вашего, но получитъ наслѣдіе Іисусъ Христово. Святая церковь не престанетъ молить Господа, какъ о немъ, такъ и о всѣхъ сподвижникахъ его, да воздастъ имъ за временные труды и язвы животъ вѣчный и блага вѣчная, да проліетъ имъ источники блаженства небеснаго, и увѣнчаетъ славою у Себе Самого.

Земля отечественная! храни въ нѣдрахъ своихъ любезные останки поборниковъ и спасителей отечества: не отяготи собою праха ихъ; вмѣсто росы и дождя, окропятъ тебя благодарныя слезы сыновъ Россійскихъ. Зеленѣй и цвѣти до того великаго и просвѣщеннаго дне, когда возсіяетъ заря вѣчности, когда солнце правды оживотворитъ вся сущая во гробѣхъ. Аминь.

¹) Августинъ Виноградскій (1766—1819), архіепископъ московскій, воспитанникъ московской духовной Академіи и потомъ ея ректоръ. Изъ епископа дмитровскаго, онъ въ 1811, по кончинѣ митрополита Платона, вступилъ въ управленіе московскою эпархіей. Въ 1812 г. благословилъ московское ополченіе на священную брань и вручилъ ему хоругвь; сдѣлалъ всѣ распоряженія къ сохраненію святынь и драгоцѣнностей московскихъ церквей, отправилъ нужнѣйшія дѣла, патріаршую ризницу, синодальную библіотеку въ Вологду; своими поученіями утѣшалъ и ободрялъ народъ, предъ нашествіемъ и по нашествіи французовъ. Біографія его написана И. Снегиревымъ (Очерки жизни московскаго архіепископа Августина, 1848). Сочиненія изданы въ 1856 г.

²) «Слово при совершеніи годичнаго поминовенія по воинахъ, на брани Бородинской животъ свой положившихъ». Произнесенное въ Срѣтенскомъ монастырѣ, произвело сильное дѣйствіе, какъ выраженіе общихъ чувствованій: «Церковь, полная народа, исполнилась рыданіемъ; самъ пастырь-утѣшитель плакалъ среди сиротъ и осиротѣвшихъ родителей, такъ что слезы прерывали слова его (Очерки жизни).

АМВРОСІЙ ПРОТАСОВЪ. (¹).

СЛОВО НА СЛУЧАЙ ПРИСЯГИ ИЗБРАННЫХЪ ПО ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ СУДЕЙ (1815). (²).

Болій въ васъ да будетъ вамъ слуга (Матѳ. 23. 11).

И почтожъ восходить на высоту честей въ чинѣ общества, и не желать быть у всѣхъ во уваженіи?—говоритъ самолюбіе. И почтожъ превозноситься надъ другими, и не обонять оиміамъ почтенія, воскуряемый предъ вознесенными земли?—говоритъ честолюбіе. И почтожъ искать мѣста, на которомъ разсыпаются дары счастія, и не наслаждаться ими?—говоритъ любостяжаніе. И почтожъ быть вождемъ народа, и не пользоваться отъ народа? судіею, и остаться только съ одною бѣдною правдою? пастыремъ, и отъ млека стада не ясть? большимъ другихъ, и не требовать, чтобъ тысяща услужливыхъ рукъ и сердецъ раболѣпныхъ готовы были угождать воли моей?—говоритъ самоугодіе.

Но такъ говорятъ страсти, л. б. Послушаемъ, что глаголетъ Тотъ, Который *пришелъ, не да послужатъ Ему, но послужити и дати душу Свою избавленіе за многихъ* (Матѳ. 20. 28). *Болій въ васъ да будетъ вамъ слуга*, вѣщаетъ Владыка міра Христосъ!

Когда мудрая десница промысла возноситъ избранныхъ отъ людей своихъ, вѣнчаетъ ихъ славою и честію, препоясуетъ властію и отличаетъ именами правителей, вождей народа, повелителей, пастырей, яко отличіями благознаменитыми: то не для того-ли, да, облекшись правдою, яко бронею, препоясавшись истиною, яко мечемъ, покрывшись страхомъ Господнимъ, яко шлемомъ, облекутся они во уготованіе благотворити людямъ, и благоугодни будутъ предъ Богомъ и человѣки?—Какъ! неужели сіи свѣтила водружены на тверди нравственнаго міра, да не разливаютъ они свѣта и теплоты окрестъ себя, и да вси, приближающіеся къ нимъ, не ощутятъ благотворныхъ лучей ихъ? Сіи свѣтильницы возжены на свѣщницѣ, да не свѣтятъ никому? Сіи грады поставлены верху горы, да не будутъ они прибѣжищемъ утомленному путнику жизни, покровомъ обуреваемому напастей бурею, оградою гонимому звѣрями дивіими, страстями хищными,

алчностію ненасытимою, корыстолюбіемъ всепожирающимъ, неправдою неистощимою во изворотахъ лукавыхъ?

Или добродѣтель должна обитать точію въ смиренныхъ хижинахъ, а не въ чертогахъ; укрываться подъ рубищами, а не подъ сіяніемъ отличій знаменитыхъ; быть печатію низкихъ состояній, а не высокихъ? Не уже ли вознесенные предъ братіею своею и призванные пріяти честь или довѣріемъ общимъ, или властію предержащею, должны жить уже точію для самихъ себя? Нѣтъ, п. м., вы призваны на почтенное дѣло служенія общаго не для того, *да послужатъ вамъ, но послужити;* вамъ дацы отъ лица общества преимущества власти, отличія, уваженія, да кійждо въ кругѣ своемъ разливаете толико благъ, коль велика важность служенія, вамъ ввѣреннаго, коль велики достоинства ваши, коль велики преимущества. Сіе размышленіе да предшествуетъ вамъ въ поприщѣ служенія, въ которое вступаете нынѣ.

Быть въ обществѣ отличнымъ предъ другими или мѣстомъ возвышеннымъ, или чиномъ знаменитымъ, или уваженіемъ особеннымъ, значитъ быть полезнымъ обществу. Наружныя отличія суть или, по крайней мѣрѣ, быть долженствуютъ знаменіемъ внутреннихъ достоинствъ, добродѣтели, заслуги. Я вижу мечъ при бедрѣ твоемъ? Вижу—и мню, что ты или, яко воинъ, поражаешь имъ полчища противныхъ, возстающихъ низложить миръ, покой и благо страны твоея, да бѣжатъ отъ лица ея враги ея; или, яко судія, разгоняешь имъ сонмы лукавыхъ, кои, подъ кроткою личиною брата и гражданина, яко звѣри хищные подъ одеждою агнца, устремляются на расхищеніе согражданъ твоихъ; разсѣкаешь имъ сѣти коварства, которыя поставляетъ ухищренная корысть простотѣ неопытной, и сокрушаешь всякій союзъ неправды. Я вижу сіяющія отличія на груди твоей? И вижу въ нихъ или сіяніе добродѣтелей твоихъ, или блескъ талантовъ полезныхъ, или лучи заслугъ знаменитыхъ. Я зрю повелительный жезлъ въ десницѣ твоей? И уразумѣваю, что пасешь ты люди Божія въ преподобіи и правдѣ, смиряешь вознесенный порокъ, ограждаешь притѣсненную добродѣтель. Я зрю тебя посажденна при ногу закона во святилищѣ правосудія? И вѣрую, что ты судишь людемъ въ правду, изъемлеши обидимаго изъ десницы сильнаго, избавляеши сираго отъ руки грѣшничи, спасаеши добродушную простоту отъ сѣтей корысти алчныя, творяши судъ царевъ, творяши судъ Божій.

На семъ залогѣ ввѣряетъ намъ или общество, или власть предержащая и силу, и могущество, и честь, и отличія, и поставляетъ насъ превыше другихъ.

Такъ свѣтило міра сіяетъ, яко исполинъ, на тверди небесной среди звѣздъ малосвѣтлыхъ, да разливаетъ животворные лучи свои отъ края небесе до края его! Такъ возносятся высокіе кедры надъ быліемъ сельнымъ, да закрываютъ оное отъ зноя палящаго и бурь ревущихъ! Такъ горы Божія возвышаютъ чело свое надъ смиренными долинами, да осѣняютъ ихъ главами своими отъ палящаго солнца и напояютъ пустыни жаждущія водами, на главахъ и въ нѣдрахъ ихъ собираемыми.

Желаніе отличаться предъ другими есть желаніе всеобщее. Червь сей грызетъ сердца и на престолѣ, и въ хижинѣ. Кто не хочетъ быть почтенъ, уваженъ? Завоеватель опустошаетъ землю, разрушаетъ грады и превращаетъ все въ развалины безобразныя, дабы водрузить на нихъ величіе имени своего и трофеи побѣдъ своихъ; убогій, въ рубищѣ своемъ, по крайней мѣрѣ ищетъ отличить себя чѣмъ либо среди собратовъ своихъ, покрытыхъ подобными рубищами. Таково стремленіе сердца восходить выше и выше! Но чтобъ оправдать стремленіе сіе предъ Богомъ и человѣки, надлежитъ исполнить обязанности, къ коимъ призываетъ насъ промыслъ

Божій, польза сочеловѣковъ, братій нашихъ, власть предержащая.

Въ свѣтѣ больше занимаются наружностію: тѣми знаменитыми отличіями, кои ослѣпляютъ очи; тѣми блестящими украшеніями, кои привлекаютъ взоры; тѣми очаровательными величаніями, кои поражаютъ воображеніе, мечтами величія, нежели исполненіемъ долга, чести и добродѣтели.

Что слышимъ мы? Чтобъ поддержать свое мѣсто, чтобъ содѣлать значительнымъ свой чинъ, чтобъ гремѣть своимъ именемъ, чтобъ быть чиноначальникомъ по сердцу свѣта, надлежитъ имѣть, говорятъ, пышный столъ, избранными яствами уставленный, надлежитъ имѣть великолѣпную колесницу, надлежитъ облачаться въ блестящую златомъ одежду, надлежитъ быть украшену отличіями, привлекающими взоры народные, надлежитъ окружать себя ласкателями раболѣпными, кои-бы непрестанно воскуряли кадило самоугодію, надлежитъ обиловать сребромъ и златомъ, надлежитъ богатѣть, роскошествовать, веселиться!—А добродѣтель? О, вооруженному мечемъ власти не нуженъ утлый посохъ добродѣтели! А попеченіе о благѣ сущихъ подъ рукою нашею? О, когда ими заниматься тамъ, гдѣ все призываетъ къ удовольствію, къ забавамъ, къ разсѣянности! Довольно исполнить и обязанности свѣта: быть во всѣхъ собраніяхъ, предсѣдать за всѣми столами, не опущать ни одной игры, сдѣлать всѣмъ знаемымъ посѣщеніе! А дѣла служенія общественнаго? О, ихъ можно утверждать именемъ власти и не читавши! А творить судъ и милость? Можно, когда сіе входитъ въ расчетъ власти, выгодъ жизни, или уваженія свѣта!

Но обиженные вопіютъ о правосудіи? Пусть вопіютъ они: вопли ихъ можно заглушить силою власти! Но притѣсненные неправдою проливаютъ слезы горести, страданія—слезы, отъ коихъ каменная душа должна растаять, яко воскъ? Пусть проливаютъ они слезы, яко воду, только бъ намъ было весело, говорятъ въ свѣтѣ. Но прозорливое правительство объиметъ наконецъ неправды твои и востребуетъ отчета въ дѣлахъ власти твоея? Пусть требуетъ оно: можно все выставить глазамъ правительства въ привлекательныхъ красках, можно всему дать иной видъ, можно и неправду украсить цвѣтами правды. Но совѣсть, яко стражъ недремлющій на стражѣ своей, будетъ угрызать душу твою? О, совѣсть есть страшилище простодушныхъ, а не приставникъ дѣламъ нашимъ! Но Богъ, предъ очами котораго *вся нага и откровенна* (Евр. 4. 13), Богъ, *къ которому не приселится лукавнующій*, и предъ которымъ *не пребудетъ беззаконнующій* (Псал. 5. 5 и 6)? *О, не взыщетъ!* (Псал. 9. 25). Онъ милосердъ.

Согласимся, бр., что все сіе такъ будетъ: пусть *пути нечестиваго сп҃ются* и вкупѣ *оскверняются* во *всяко время* (Псал. 9. 26) и успѣхи вѣнчаютъ неправду; пусть все течетъ по теченію воли его и исполняется по желанію его сердца; пусть Господь коснитъ судъ Свой, люди полагаютъ перстъ на уста,—однакожъ собственная честь его не страдаетъ-ли? Что, ежели возлежитъ онъ на лонѣ безпечности, упоенный чашею утѣхъ, и спитъ сномъ крѣпкимъ, а корабль правленія его влается въ волнахъ и неправдъ, и безпорядковъ, и неустройствъ, и треволненій бури житейскія?

Учителю, или *не радиши*, *яко погибаемъ* (Марк. 4. 38)? вопіяли ученики Іисусовы, когда корабль, несшій ихъ по водамъ Гадаринскимъ, погружался среди сна Его; когда волны морскія, яко горы, готовы были низринуться на нихъ; когда глубина водная разверзалась поглотить ихъ.

Не сей ли же упрекъ могутъ рещи начальнику безпечному, или неправедному, сущіе подъ рукою его? *Наставниче!* или *нерадиши*, *яко погибаемъ?* Ты уто-

наешь въ утѣхахъ—мы утопаемъ въ слезахъ; ты пресыщаешься—мы гибнемъ гладомъ; вѣтръ разсѣянія восхищаетъ тебя отъ предмета къ предмету, отъ забавъ къ забавамъ, отъ суеты къ суетѣ, и сей вѣтръ разсѣянія твоего есть для насъ буря зельная, потопляющая насъ въ волнахъ бѣдъ и страданій! У тебя то столы, то собранія, то веселія, то праздность: а намъ столы твои стоятъ послѣднихъ крупицъ нашихъ; а веселія твои наполняютъ чашу жизни нашей и плачемъ, и стенаніемъ! Ты празденъ, а приставники, поставленные тобою, или тобою управляемые, непраздны: они бдятъ, неусыпно бдятъ, еже восхитити нищаго, обогатиться на счетъ безпомощнаго, умножить сокровища свои корыстію неправедною! *Востани! вскую спиши?* (Псал. 43. 24). Пробудись отъ сна твоего, стани на стражѣ твоей, сотвори судъ и милость, покрой щитомъ правды обидимаго, разрѣши узы невинности страждущія, разсѣки мечемъ истины сѣти, поставляемыя на судѣ крамолою хитрою и корыстію ненасытимою!—*Востани! вскую спиши?* Десница предержащая поставила тебя стражемъ покоя нашего, и мы мнили, что ты не даси очима своима сна и вѣждома дреманія, да мы въ мирѣ уснемъ и почіемъ; власть и могущество, которое видимъ въ рукахъ твоихъ, есть покровъ твердый, подъ которымъ мы должны наслаждаться покоемъ, яко подъ покровомъ отеческимъ; сіяніе славы твоея есть тотъ благотворный свѣтъ, который долженъ согрѣвать насъ, яко лучъ солнца. *Востани! вскую спиши?* Но ахъ! мы вопіемъ и— ты спиши. Вопли страданія не расторгаютъ глубокій сонъ, въ объятіяхъ коего покоишься ты; очи твои закрыты, и ты не видишь слезъ болѣзни, ліющихся окрестъ тебя; и неправда творится на судѣ, и притѣсняется невинность, и пріемлются лица грѣшниковъ, и алчная корысть собираетъ корысти неправедныя. Ахъ! доколѣ продолжится сонъ сей? Мы полагали въ тебѣ ангела-хранителя круга, ввѣреннаго промышленію твоему; мы полагали, что ты будешь *око слѣпымъ, нога хромымъ, отецъ немощнымъ* (Іов. 29. 15 и 16); *вразумиши безчинныя, утѣшиши малодушныя, заступиши немощныя* (1 Сол. 5. 14), будеши *всѣмъ вся*(1 Кор. 9. 22). Взирая на знаменія владычества, тебя окружающія, на отличія, на тебѣ сіяющія, на довѣріе царево, на уваженіе собратій твоихъ, мы вѣрили, что ты вѣстникъ мира,—ангелъ, весь день ополчающійся окрестъ людей Божіихъ, посланникъ отъ престола, имѣющій изглаголать намъ судъ и правду, пастырь по сердцу Божію, по сердцу цареву: и чтожъ должны мы рещи нынѣ? То, что нѣкогда Ааронъ о тельцѣ златомъ: *и ввергохъ злато во огнь, и излiяся телецъ* (Исход. 32. 24).

Наша любовь текла во срѣтеніе тебѣ, наша готовность раздѣлять съ тобою дѣло служенія общаго была предъ очами твоими, наша раболѣпность не коснила, наши ѳиміамы готовы были куриться во знаменіе благодарности предъ тобою, наши уста разверсты были, дабы вѣщати хвалы и твоему служенію, и твоей добродѣтели, и твоей ревности во благо общее; одного точію ожидали мы отъ тебя, да *будеши Божій слуга всѣмъ во благое*: и что-же видимъ?... Ахъ! съ прискорбіемъ должны рещи, якоже и Ааронъ: *ввергохомъ злато во огнь, и изліяся телецъ*!

Правительство мудрое возводило тебя по степенямъ заслугъ отъ чести къ чести, отъ славы къ славѣ, отъ отличія къ отличію, отъ воздаяній къ воздаяніямъ. Оно мнило, что ты будешь приставникъ въ дому царствія его ревностный, пастырь, пасущій стадо ввѣренное тебѣ, неусыпный, хранитель правды непорочный, блюститель закона неустрашимый, судія безкорыстный; что будеши ты жезлъ въ десницѣ его, наказующій неправды, уста его, глаголющія миръ людемъ, отблескъ благости его, сіяющія на благія; оно мнило, что всѣ, сущіе

въ предѣлахъ дѣятельности твоей, десницею скиптроносною тебѣ начертанныхъ, будутъ ублажать жребій свой, яко дѣти, возсѣдящія окрестъ трапезы отеческія: и чтожъ испытываемъ мы? Ахъ, должны сознаться со Аарономъ, что всѣ надежды сіи повержены, *яко злато въ пещь и изліяся телецъ*!

Общее избраніе согражданъ—собратовъ твоихъ—единодушно метнуло жребій свой: и жребій паде на тебя, да будешь ты предъ лицемъ ихъ, яко свѣтило озаряющее свѣтомъ закона темные и стропотные пути жизни, да совратиши съ распутій порока заблуждающаго, покажеши путь правый слѣпотствующему, отреши рукою состраданія слезу притѣсненнаго, смириши гордыню порока, вознесеши смиренную добродѣтель, разсудиши между правдою и лжею, между немощнымъ и сильнымъ, водвориши миръ и тишину въ семействахъ, спокойствіе во градѣхъ, безопасность въ смиренныхъ весяхъ. Речеши? и речеши устами закона. Повелиши? и повелиши гласомъ отчимъ, а не гласомъ властелина гордаго. Положиши дѣла ищущихъ суда на вѣсы? и вѣсы преклонятся на страну правды, и злато въ очахъ твоихъ будетъ яко перо предъ тяготою истины. Сего ожидаетъ отъ тебя сословіе собратовъ твоихъ, обувшее нозѣ твои во уготованіе благотворити людемъ и препоясавшее тебя мечемъ правосудія. Ахъ, ежели всѣ надежды сіи исчезнутъ, яко мечта! ахъ, ежели уготованный судити людемъ въ правду самъ обрящется на странѣ неправды! ахъ, ежели свѣтъ будетъ тьма, и свѣтильникъ, поставленный свѣтити на пути добродѣтели, будетъ точію освѣщать стези неправды! не рекутъ-ли тогда о немъ, яко-же и Ааронъ о тельцѣ своемъ: *повергохомъ злато во огнь, и изліяся телецъ*.

Неправда, стоящая на мѣстѣ высокомъ, мнитъ въ заблужденіи своемъ укрыть себя отъ стрѣлъ порицанія справедливаго и недреманнаго ока сужденія общаго или за щитомъ власти своея, которая возложитъ молчаніе на уста людей, или подъ великолѣпнымъ блескомъ наружности очаровательной, или подъ именами и титлами пышными, кои украшаютъ великихъ, или подъ сѣнію роскоши и забавъ, кои въ очахъ простоты недальновидной представляютъ его человѣкомъ, умѣющимъ жить въ свѣтѣ, и другомъ согражданъ его. Но какъ невѣренъ расчетъ сей! Закрывай себя, какъ угодно тебѣ; но не закроешь ничѣмъ тѣхъ пятенъ, кои омрачаютъ картину жизни твоей. Украшай цвѣтами добродѣтели терніе пороковъ твоихъ: терніе навсегда пребудетъ терніе и порокъ порокомъ. Нарицай гордость твою благороднымъ честолюбіемъ, лихоимство благодарностію судимыхъ тобою, роскошь услажденіемъ жизни, сребролюбіе бережливостію, игры утѣхою невинною, праздность отдохновеніемъ позволеннымъ: симъ не ослѣпишь очи свѣта. Сколь сердце человѣческое ни преклонно къ злу; однакожъ есть истина, которая противъ воли исторгаетъ у него презрѣніе къ тѣмъ, кои или нерадятъ о дѣлахъ служенія своего, или употребляютъ оныя во зло. Возсѣдаютъ за столомъ пышнымъ, на корысти неправедныя уготованномъ, хвалятъ яствы избранныя, но гнушаются въ душѣ домувладыки неправеднаго. Ищутъ въ судѣ у блюстителей законокорыстныхъ защиты блескомъ злата, но клянутъ руку, пріемлющую злато. Богатый порокъ искупаетъ себѣ оправданіе мздою, но смѣется мздоимству, продающему совѣсть.

Нѣтъ! нѣтъ! никогда еще отъ сердца благоговѣйнаго не было приносимо кадило пороку; одна точію добродѣтель имѣетъ на него неотъемлемое право. Никогда не былъ воздвигаемъ жертвенникъ неправдѣ отъ любви удивленной, отъ души признательной; одной только истинѣ воскуряются ѳиміамы сердецъ! Человѣкъ! будь добродѣтеленъ, и тогда точію будешь почтенъ: се гласъ всѣхъ вѣковъ, всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ. *Хощеши ли не боятися*

власти, мнѣнія общаго, гласа народнаго? *благое твори, и будеши имѣти похвалу* (Рим. 13. 3). Се гласъ самого Бога. Вождь народа! веди люди, ввѣренные тебѣ, во храмъ блаженства, не уклоняясь ни на десно, ни на шуее съ пути правды, закона, совѣсти, чести: и благословенія тобою правимыхъ пребудутъ присно на главѣ твоей. Судія! суди судъ *правый, оправдай смиренна и нища, изми нища и убога изъ руки грѣшничи*! (Псал. 81. 3 и 4). Да будетъ корысть твоя правда, воздаяніе совѣсть, мѣрило дѣлъ твоихъ законъ: тогда любовь непритворная, благоговѣніе нелестное благословятъ входы и исходы твои на чредѣ служенія твоего. Гражданинъ мирный! исходи на дѣланія твои выну, яко предъ Богомъ, умывъ руцѣ въ неповинности и обязавъ сердце твое союзомъ любве братнія: тогда будеши почтенъ и безъ отличій наружныхъ. Почести на недостойномъ суть зрѣлищныя украшенія: только достойный украсить можетъ и самыя почести; и высокій санъ для мужа неразумнаго есть то высокое мѣсто, на которое поставляется онъ, яко истуканъ, облеченный въ утварь златую для того только, дабы свѣтъ узрѣлъ его и рекъ: се человѣкъ, иже очи имать, и не видитъ; уши имать, и не слышитъ; уста имать, и не речетъ ни суда, ни правды! Ахъ! не сама-ли истина должна рещи таковому вождю народа: брате! добро тебѣ будетъ отъити на село твое?... Тамъ неизвѣстность покроетъ завѣсою забвенія и имя и недостатки твои; здѣсь, стоя превыше другихъ, содѣлаешися притчею во языцѣ твоемъ....

Нѣтъ, п. м.! исходя предъ лицемъ Бога, предъ лицемъ отечества, предъ лицемъ сословія, избравшаго васъ понести бремя служенія вашего, вы не попустите, да подобный упрекъ падетъ на главу вашу, и, призванные братіею вашею пріяти честь, не снидете съ безчестіемъ съ поприща чести! Мы обозрѣваемъ васъ, и—се! зримъ среди васъ мужей, обратившихъ къ себѣ во времена бурныя, постигшія насъ, и сердца и души не сословія точію вашего, но и всѣхъ, и безкорыстіемъ примѣрнымъ, и ревностію къ правдѣ неукоризненною, и любовію къ собратіи своей пламенною. Мы видѣли въ нихъ, въ предшествовавшемъ сему поприщу, защиту притѣсненному, бичъ на неправду, грозу ужасную корыстолюбію: како не увѣруемъ, что и они и всѣ избранные нынѣ едиными усты и единымъ сердцемъ возвѣстите судъ и милость прибѣгающимъ къ суду и защитѣ вашей? како не увѣруемъ, что будете вы слуги Божіи всѣмъ во благое, и *воздадите* яже *Кесарева Кесареви*, яже *Божія Богови* (Матѳ. 22. 21), и яже ближнихъ вашихъ ближнимъ вашимъ?

Такъ, вамъ предлежатъ подвиги многотрудные; вамъ предстоятъ искушенія обольстительныя! Тамъ хитрая корысть выставитъ предъ вами сокровища свои, дабы ослѣпить очи ваши, еже не видѣти правды; здѣсь покровительство сильныхъ будетъ преклонять васъ на страну неправды. Тамъ лукавая ябеда сплететъ вамъ ухищренные узлы лжи и обмана, кои только неутомимою бодростію и безпристрастіемъ нелицепріемнымъ разсѣщи возможете; здѣсь лесть воскуритъ предъ вами жертвы свои, да омрачитъ души ваши ядовитыми парами самоугодія и померкнетъ предъ вами лучъ истины. Тамъ родство, дружба, пріязнь будутъ преклонять вѣсы правды въ десницѣ вашей въ пользу свою; здѣсь разверзетъ на васъ ядовитыя уста злословіе, да поне грызеніями своими совратитъ васъ съ пути праваго. Но бодрствуйте, стойте, сражайтеся, побѣждайте! поприще ваше есть для васъ какъ бы ратное поле. Надлежитъ или побѣдить и прославиться, или быть побѣждену и сniти съ него, покрывшись безславіемъ.—И вы побѣдите, если подвигомъ добрымъ подвизатися будете, вѣру, вѣрность, законъ сохраните. Да будетъ для сего присно

долгъ вашъ предъ очами вашими, честь сопутницею дѣлъ вашихъ, страхъ Господень наставникъ вашъ, истина препоясаніе, совѣсть руковождь, Богъ мздовоздаятель: и тогда побѣдите и прославитесь у Бога и человѣкъ! Аминь.

²) Амвросій Протасовъ (1762—1831), воспитанникъ Перервинской семинаріи, а потомъ Троицкой Сергіевой, кончившій курсъ въ московской Славяно-греко-латинской Академіи, былъ въ послѣдствіи проповѣдникомъ и префектомъ въ этой Академіи, ректоромъ Александроневской Академіи, епископомъ тульскимъ (1803—1816), архіепископомъ казанскимъ (1816—1826) и тверскимъ (1826—1831). Слова и рѣчи его изд. въ Спб. 1856 г. О достоинствѣ ихъ митр. Платонъ отозвался такимъ образомъ: «если бы я писалъ такъ, какъ Амвросій, то вся Россія сходилась бы меня слушать.» Филаретъ во 2-ой кн. Обзора рус. духов. литературы, говоритъ, что слово его о пользѣ чтенія св. Писанія, переведенное на франц. языкъ въ Парижѣ, обратило на проповѣдника особенное вниманіе императора Александра I. (Свѣдѣнія о жизни и служеніи преосвященнаго Амвросія, Е. Л—на, въ началѣ его «Словъ и рѣчей»).

¹) Поученія Амвросія къ тульской паствѣ почитаются лучшими изъ всѣхъ его проповѣдей, а между ними первое мѣсто занимаетъ слово, помѣщенное въ Христоматіи. Оно произнесено 17 января 1815 и содержитъ въ себѣ обличенія нѣкоторыхъ современныхъ Амвросію губернскихъ властей и злоупотребленій дворянскихъ выборовъ. Въ «Мелочахъ», М. Дмитріева, читаемъ: «Амвросій, будучи недоволенъ казанскимъ губернаторомъ, И. И. Богдановымъ, каждый разъ обращался къ нему глазами и движеніемъ руки, когда произносилъ слова: *и ввергохъ злато во огнь, и изліяся телецъ*». Словарь достопамятныхъ людей рус. земли, Бантышъ-Каменскаго, разсказываетъ, что Александръ I далъ это слово, какъ руководство управленія губерніей, одному губернатору, просившему себѣ инструкціи. Другія слова Амвросія на тотъ же предметъ были произнесены въ Твери: 18 и 23 декабря 1804 г., 11 января 1815-го, и въ Казани: 16 декабря 1823-го.

ІОАННЪ ЛЕВАНДА. (¹).

РѢЧЬ НА ПОГРЕБЕНІЕ КІЕВСКАГО МИТРОПОЛИТА САМУИЛА (1796). (²).

Пастырь успе! дѣлатель винограда Христова отъ трудовъ своихъ почилъ!.... Но что за новое покоище его? Тутъ ли сонъ поспѣлъ, гдѣ мы видѣли его приступающаго къ престолу благодати, слушали славословящаго имя Божіе, окружали воздѣвающаго руки о насъ и низводящаго небесныя благословенія на насъ? Что за сонъ, страшный природѣ и сердцамъ! Утро не пробудило пастыря къ стыду своему. Солнце не взошло для дѣлъ званія его. Дни уклонились отъ пастыря на вѣкъ. За вечеромъ жизни наступила безпредѣльная ночь. Гдѣ жъ Спаситель, который говорилъ: *иду и возбужду его?* Нѣтъ! послѣдняя уже труба, воскрешающая мертвыхъ, возбудитъ его. Спаситель недавно глашалъ пастыря по имени; пастырь, услышавъ гласъ Господа своего, поспѣшилъ къ Нему. Чтожъ намъ на дорогѣ во гробъ приказалъ? Остаться сиротами. Перемѣна горькая! горесть извѣстная тому, кѣмъ овладѣла смерть—зло, выпущенное изъ нѣдръ адовыхъ на насъ. Сердце бѣдное оставлено себѣ. Прощаются съ сердцемъ нашимъ, когда оно, влекомое на крестъ, распинаемое положеніемъ печальнымъ, воззываетъ со Христомъ: *Боже мой! Боже мой! почто мя оставляеши?* Гласъ сѣтующія Матери церкви разитъ пораженныхъ. Она, собирая насъ, говоритъ: *пріидите чада!* отдайте *послѣднее цѣлованіе* нашему Отцу! Онъ послѣдній разъ являлъ вамъ лице и сердце отеческое, бесѣдовалъ, повелѣвалъ духомъ любви и кротости: сердце сіе теперь спѣшитъ съ нимъ во гробъ. Пріидите, учащіеся сироты! отдайте послѣднее цѣлованіе вашему руководителю, просвѣтителю, покровителю! Послѣдній разъ вы видѣли его усердіе, его милосердіе къ вамъ: мысли и попеченіе его о васъ скрываются съ нимъ

во гробъ. Пріидите нищіе, меньшая братія Христова! отдайте послѣднее цѣлованіе вашему сострадателю, человѣколюбцу, милователю! Онъ въ послѣднее простиралъ руки свои на облегченіе вашего тягостнаго жребія: щедрота его вселяется съ нимъ во гробъ. Пріидите невинные, оправданные на судѣ! отдайте послѣднее цѣлованіе вашей судьбы скорому рѣшителю, вашей невинности оправдателю, избавителю: готовость сія ко избавленію нисходитъ съ нимъ во гробъ. Пріидите невинные, оправданные на судѣ! отдайте послѣднее цѣлованіе вашей судьбы скорому рѣшителю, вашей невинности оправдателю, избавителю: готовость сія ко избавленію нисходитъ съ нимъ во гробъ. Пріидите наслаждавшіеся въ паствѣ сей правленіемъ кроткимъ, немздоимнымъ, нелицепріятнымъ! отдайте послѣднее цѣлованіе вашему пастырю! Кротость и благость сія познала западъ свой, удаляется съ пастыремъ во гробъ. Пріидите вѣры поборники, истины Христовой ревнители, добродѣтелей Христовыхъ подражатели! отдайте послѣднее цѣлованіе сему рѣдкому любителю Христа, рачителю истины Его, вѣры, терпѣнія, благотворенія, правилъ Его послѣдователю: все сіе сокровище сердца его сокрывается отъ очей нашихъ въ сей мрачный гробъ. Свѣтильникъ, возженный для свѣта, горѣвшій и свѣтившій доселѣ, нынѣ для наведенія мрака полагается подъ спудъ. Остается имя любимое и память благъ пресѣкшихся съ жизнію. Отдайте долгъ послѣдній! Но чѣмъ, кромѣ слезъ, слезъ оправданныхъ тогда, когда Спаситель у гроба Лазарева прослезился, и сказано: *виждь! како любляше его* (Іоан. XI. 31)?

Просили ученики Христа: *облязи съ нама, яко къ вечеру есть, и преклонился есть день*. Не хотѣлось имъ разлучаться со Христомъ тогда, когда ночь темная постигла ихъ; когда при собесѣдникѣ семъ *горѣло сердце ихъ, егда глаголаше съ ними на пути: Онъ же творяшеся далечайше идти*. Просили и мы того же пастыреначальника Христа, наградившаго насъ пастыремъ симъ, дабы Онъ, взирая на сердце наше къ нему, не отзывалъ его отъ насъ. Но пастырь творится далечайше идти; далечайше: ибо въ вѣчность, гдѣ тонутъ вѣки и не оставляютъ къ измѣренію ея ни мгновенія одного, гдѣ входъ намъ неизбѣженъ, исходъ невозможенъ. Кажется, что любящая насъ душа его еще единожды остановилась въ человѣколюбивомъ его сердцѣ, оживотворяетъ оное и говоритъ: «сила любви и духъ благодарности съ нами есть. Любите и во гробѣ преданнаго вамъ. Сопутствуйте мнѣ сердцемъ ко Христу; но не лейте слезъ, яко *неимущіи упованія*. Мы скоро соединимся у Христа для торжества надъ смертію. Я *потщусь и всегда имѣти васъ по моемъ исходѣ память о сихъ творити* (2 Петр. I, 15). Довлѣетъ помнить, кто жизнію жертвовалъ вашимъ пользамъ, вашему вѣчному благу.»

Бѣдное сердце для того ли счастливо таковыми отцами, плѣнено ихъ благотвореніями, любитъ ихъ дарованія, добродѣтель, совершенства, дабы лишаться и стенать? Горести, коими отягощается сердце въ цѣлой жизни, должны по закону тлѣнія довершиться разрушеніемъ бытія сердца самаго и любимыхъ ему. Есть ли убо что бѣднѣе того, кто рожденъ чувствовать?

Но посредѣ бѣдствій быть безсмертну— не новое ли и не стерпимѣйшее бѣдствіе есть? А посему неминуемо надобно, для безсмертія, другой и лучшей жизни быть. Се при горестяхъ нашихъ намѣреніе Всеблагаго Творца! Иначе правда и премудрость Его вѣчно не допустили бы столько зла на насъ; не позволили бы ни Христу на главѣ своей, ни намъ на сердцѣ терновый вѣнецъ носить.

Явись намъ, награжденная душа, изъ свѣтлостей святыхъ! Гдѣ, если не тутъ,

застала ты исполненіе обѣтовъ Отца небеснаго, о коихъ въ жизни воздыхала къ Нему? Гдѣ остановилась вѣра твоя, какъ не тутъ, когда увидѣла ты откровенно славу вѣруемаго твоего? Гдѣ надежды твои, подвиги, терпѣнія увѣнчались, какъ не тутъ, куда недавно препроводилъ тебя Духъ Божій, укрѣплявшій тебя въ вѣрѣ и подвигахъ житія, утѣшавшій тебя въ часъ непостыдныя кончины? Тутъ увидѣла ты предшественниковъ, свѣтилъ церкви, великихъ Васильевъ, ревнительныхъ Григоріевъ, златословесныхъ Іоанновъ. Предстань поне нашимъ очамъ! если печаль о лишеніи твоемъ отнятою быть не можетъ, растворена будетъ отрадою сею.

Но вѣра видитъ его ясно тутъ. На кого бо вѣры начальникъ и совершитель Іисусъ указываетъ намъ, глаголя: *сей на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ?*

Боже жизни! у котораго мертвыхъ нѣтъ, вси бо нисходящіи во гробъ къ Тебѣ текутъ, у Тебя собираются въ невидимомъ мірѣ, Тебѣ живи суть; котораго воля одна святая, одна благая и совершенная; ей повиноваться, значитъ—блаженство! мы, увидѣвъ пастыря близь гроба, говорили къ Тебѣ, источнику живота: мимо неси чашу сію отъ насъ! *обаче не яко мы хощемъ, но яко же Ты:* буди воля Твоя! Се постигъ часъ воли Твоея! Ты Самъ воззвалъ его съ небесъ, вторицею глаголя: *Самуиле! Се азъ Господи!* онъ въ послѣднее то изрекъ, и успе, и уже нѣтъ его для насъ. Да водворяется убо онъ, да начинаетъ радость и торжество свое въ селеніяхъ Твоихъ предъ лицемъ Твоимъ! Но сира и вдову пріемляй, пошли благодать Твою, исцѣляющую наши сердца, съ любовію пріемли пастыря во славу твою; и помянувъ жалость, съ коею оставлялъ онъ насъ сиротами, покровительствуй насъ; положи на сердце царево, которое, давно будучи въ руцѣ Твоей, народамъ благотворитъ, дать намъ пастыря,—болѣе желать не дерзаемъ,—подобнаго Самуилу. Тако милостей Твоихъ и любви возлюбленнаго пастыря будетъ вѣчная память.

[1]) Леванда, Іоаннъ Васильевичъ (1736—1814), протоіерей кіевскаго софійскаго собора. Слова и рѣчи его изданы въ 3 ч. (Спб. 1821), но не всѣ; притомъ, по замѣчанію митр. Евгенія, неисправно и даже не вездѣ согласно съ подлинникомъ (Словарь духов. писателей).

[2]) Леванда пользовался громкою извѣстностію, какъ проповѣдникъ. Эта извѣстность отчасти объясняется внѣшними качествами оратора: онъ имѣлъ открытый благородный видъ и удивительную способность произносить. Слово на погребеніе Самуила было читаемо во всей Россіи и признано образцовымъ. Вигель, бывшій на похоронахъ архипастыря, говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Я не спускалъ глаcъ съ неподвижнаго лица усопшаго; но что со мною было, когда протоіерей Леванда, его возлюбленное чадо, приблизился ко гробу и началъ произносить рѣчь свою! Съ прекрасною наружностію Леванда соединялъ звонкій и отмѣнно пріятный голосъ, и проповѣди свои говорилъ онъ еще лучше, нежели писалъ. Въ эту минуту онъ былъ очарователенъ: слезы текли ручьями изъ глазъ его и отъ рыданій онъ долженъ былъ по временамъ останавливаться. Я никогда не забуду этого трогательнаго часа (Рус. Вѣст. 1864, № 1).

МИХАИЛЪ ДЕСНИЦКІЙ. ([1]).

БЕСѢДА О ТОМЪ, ЧТО ЕСТЬ ВОСКРЕСЕНІЕ МЕРТВЫХЪ ([2]).

Се тайну вамъ глаголю: вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся. Вскорѣ, во мгновеніи ока въ послѣдней трубѣ; вострубитъ бо, и мертвіи востанутъ нетлѣнни, и мы измѣнимся (1 Кор. 15.—51, 52).

Какъ ежегодно, по окончаніи жестокія зимы и при наступленіи пріятныя весны,—

ежегодно при возвращеніи и приближеніи солнца къ нашей поверхности земнаго шара всегда великая бываетъ перемѣна; именно: силою сего приблизившагося къ землѣ великаго свѣтила вся низшая натура воскресаетъ, всѣ земныя вещи, и растенія, и нѣкоторыя животныя какъ-бы полумертвыя, а иногда и мертвыя оживаютъ и къ дѣйствованію новыя силы получаютъ, и при сихъ новыхъ силахъ новое растеніе, новое цвѣтеніе и новое плодотвореніе произносятъ: такимъ точно образомъ, и по прошествіи жестокой зимы послѣднихъ антихристовыхъ скорбей, и при вторичномъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа, истиннаго Богочеловѣка, въ міръ сей, при возвращеніи великаго духовнаго Свѣтила, Солнца правды, въ полномъ сіяніи и свѣтѣ, въ неизреченномъ великолѣпіи и славѣ,— при возвращеніи, говорю, сего Свѣтила къ нашему земному кругу, всѣ разумныхъ тварей низшія части, всѣ человѣческія мертвыя тѣла сокровенною силою Его оживутъ, воскреснутъ, возстанутъ, новый видъ, новую жизнь и новыя дѣйствія получатъ.

Но что такое есть воскресеніе мертвыхъ, въ чемъ оно состоять будетъ,—сіе мы при благосклонномъ вашемъ вниманіи разсмотримъ въ настоящей бесѣдѣ.

Что такое есть воскресеніе мертвыхъ, въ чемъ будетъ состоять существенность его? на сіе мы не можемъ дать лучшаго разсужденія, и имѣть яснѣйшаго свидѣтельства и достовѣрнѣйшаго доказательства, кромѣ примѣра воскресенія самого же Спасителя нашего Іисуса Христа. Онъ воскресеніемъ своимъ доказалъ, что и наше воскресеніе возможно, и безъ сомнѣнія будетъ; Онъ ученіемъ своимъ изъявилъ, когда оно будетъ; Его-же самого примѣръ можетъ научить насъ, что оно такое будетъ.

И такъ чтобы намъ узнать, въ чемъ будетъ состоять наше воскресеніе, то разсмотримъ, въ чемъ состояло славное воскресеніе Христово.

Въ чемъ-же оно состояло?

Воскресеніе Христово въ томъ состояло, что Онъ, яко совершенный человѣкъ, будучи преданъ отъ Іуды, мученъ и распятъ отъ Іудеевъ, умерши на крестѣ, снятъ со древа и положенъ во гробъ,—что Онъ послѣ своей смерти, бывши по Божеству со Отцемъ на небеси, человѣческою душею во адѣ, а мертвымъ тѣломъ во гробѣ, явилъ свою Божественную силу,—что Онъ, паки вышедши душею изъ ада, и выведши съ Собою бывшихъ во адѣ и съ вѣрою ожидавшихъ Его, соединилъ душу свою съ тѣломъ своимъ, по трехъ днехъ оживилъ оное, возставилъ, воскресилъ силою Божества своего,—Онъ, воскресивъ плоть свою и соединивъ съ Божествомъ, паки явилъ Себя истиннымъ Богочеловѣкомъ.

Возставилъ-же Онъ изъ гроба плоть Свою уже не такою, какова Она была прежде, но гораздо благороднѣйшею и величественнѣйшею, возставилъ совсѣмъ въ отмѣнномъ видѣ. Плоть Его прежде, такъ какъ и прочихъ человѣковъ, была подвержена земной чувственности и земнымъ склонностямъ; хотя Онъ и не послѣдовалъ чувственности, но владѣлъ оною: послѣ-же смерти и послѣ воскресенія, чувственность сія отпала, и земныя склонности существовать въ ней перестали и уничтожились. Плоть Его прежде была видима, осязаема: въ воскресеніи-же учинилась невидимою, тончайшею, изъ земной и плотской тѣломъ небеснымъ, духовнымъ; кратко, такою, что могла и видима и осязаема быть отъ учениковъ, и невидима и неосязаема, грубыми тѣлами неодержима, всюду проходна; она имѣла видъ плоти и костей, когда Ѳома осязалъ, имѣла видъ и духа, когда пришелъ *Господь ко ученикамъ дверемъ затворєннымъ* (Іоан. 20.—19, 27). Плоть Его прежде была *немощна, душевна*, страданіямъ и смерти подвержена: въ вос-

кресеніи-же возстала *нетлѣнною*, *сильною*, *безсмертною*, *славною*, *духовною* (1 Кор. 15—42, 43, 44), прославленною, въ божественный свѣтъ облеченною, словомъ, такою, которая совершенно способна была вознестися съ Божествомъ Сына на небеса, вступить въ ангельскія, безплотнымъ духамъ приличныя мѣста, и сѣсть одесную самого Небеснаго Отца.

Вотъ въ чемъ состояло воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа! А когда Его воскресеніе въ сихъ состояло дѣйствіяхъ: то весьма правильное можно сдѣлать изъ того заключеніе, что и наше воскресеніе будетъ состоять въ подобной перемѣнѣ и въ подобныхъ дѣйствіяхъ. И именно:

Когда паки возсіяетъ солнце правды на горизонтѣ сего видимаго міра; когда паки пріидетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ на землю сдѣлать послѣднее въ разсужденіи человѣческаго состоянія рѣшеніе, пріидетъ или наградить, или наказать каждаго по дѣламъ его, пріидетъ и повелитъ святымъ ангеламъ трубнымъ гласомъ воззвати мертвыхъ: тогда, такъ какъ при началѣ міра по произнесеніи устами Божіими вседѣйствующаго слова сего, *да будетъ, да будетъ свѣтъ*, и всѣ вещи, все и *бысть* (Быт. 1. 3), всѣ вещи явились, всѣ изъ небытія въ бытіе произошли и существованіе получили,—тогда, говорю, послѣ ангельскаго трубнаго гласа силою всемогущаго Бога всѣ отъ начала міра умершихъ человѣковъ тѣла, землѣ преданныя, согнившія, на стихіи свои раздѣлившіяся, въ огонь, въ воду, въ воздухъ и въ землю преобратившіяся, тѣла въ водѣ потонувшія и въ огнѣ сгорѣвшія, всѣ мертвыя тѣла малыя и великія, мужскія и женскія, паки составятся изъ тѣхъ частей, которыя прежде имѣли и на которыя раздѣлились; отдадутъ бо стихіи взятыя отъ нихъ части, *огонь, и море, и смерть, и адъ отдадутъ мертвецы своя*, всѣ сухія кости получатъ жилы, облекутся плотію, оживотворятся духомъ, соединятся паки съ душами своими, съ которыми разлучились при смерти, соединятся и возстанутъ изъ гробовъ, воскреснутъ мертвіи, и изыдутъ, и станутъ предъ престоломъ нелицепріемнаго судіи, *воскреснутъ, и судъ пріимутъ отъ написанныхъ въ книгахъ по дѣломъ своимъ* (Апок. 20. 13).

Воскреснутъ мертвіи, возстанутъ умершихъ тѣла; но возстанутъ не въ такомъ видѣ, въ какомъ они находятся нынѣ отъ паденія. Нынѣ они грубы, тверды, тяжестны, тлѣнны, немощны, смертны, видимы, земны; но возстанутъ въ общее всѣхъ воскресеніе совсѣмъ въ другомъ видѣ, въ видѣ отмѣнномъ отъ сего. Они вмѣсто грубыхъ будутъ утонченными, вмѣсто твердыхъ прозрачными и всюду проходными, вмѣсто тяжелыхъ легкими, скоро парящими, такъ что въ единое мгновеніе ока отъ всѣхъ странъ вселенныя якоже орли соберутся предъ престолъ Божій. Они вмѣсто тлѣнныхъ будутъ нетлѣнными, вмѣсто немощныхъ сильными, вмѣсто смертныхъ безсмертными, вмѣсто видимыхъ тѣлеснымъ очамъ невидимыми, вмѣсто земныхъ и плотскихъ точно небесными и духовными.

Однакожъ при всей таковой перемѣнѣ своей они будутъ не привидѣніями какими или зракомъ, и не духами, но будутъ истинными тѣлами, виды тѣхъ-же человѣковъ имѣющими; а только будутъ они истинными тѣлами, духовными. Ибо апостолъ Павелъ, свидѣтельствуя о воскресеніи мертвыхъ, говоритъ: *сѣется* теперь *тѣло въ тлѣніе, востанетъ въ нетлѣніи; сѣется въ немощи, востанетъ въ силѣ; сѣется не въ честь, востанетъ въ славѣ; сѣется тѣло душевное*, плотское, *востанетъ тѣло духовное. Есть бо тѣло душевное, и есть тѣло духовное* (1 Кор. 15—42. 43, 44).

Въ семъ-то будетъ состоять воскресеніе наше! Въ сей перемѣнѣ будетъ состоять, что тѣла наши изъ мертвыхъ воскреснутъ,

оживутъ, возстанутъ изъ гробовъ, изыдутъ изъ земли;—въ сей перемѣнѣ будетъ состоять, что они изъ грубыхъ, земныхъ, тлѣнныхъ, плотскихъ учинятся тончайшими, какъ-бы совершенно небесными, нетлѣнными, безсмертными, духовными;—въ сей перемѣнѣ будетъ состоять наше изъ мертвыхъ воскресеніе.

И въ сей перемѣнѣ будутъ участвовать не только мертвые, отъ начала міра и до того времени умершіе люди, но и самые живые, тѣ, которые живыми останутся въ сей послѣдній часъ, тѣ, которыхъ въ живыхъ постигнетъ страшный день Господень. Ибо живые, имѣющіе дожить и дождаться втораго славнаго пришествія Христова, уже не умрутъ въ то время: смерти бо наружной не будетъ къ тому. Но понеже невозможно имъ будетъ и съ грубою плотію своею вступить въ духовное царство; то для сего вмѣсто наружной смерти воспослѣдуетъ въ наружномъ человѣкѣ ихъ сія всеобщаго воскресенія перемѣна. То есть, когда живые также, какъ и мертвые услышатъ трубный ангельскій гласъ, услышатъ громогласную послѣдняго часа вѣсть: тогда какъ мертвые яко отъ сна возстанутъ и увидятъ себя совсѣмъ въ другомъ видѣ, во образѣ духовныхъ существъ, такъ и живые, якобы отъ малаго сна воспрянувъ, увидятъ себя совершенно въ другомъ образѣ, въ другомъ положеніи и въ другихъ чувствованіяхъ. Понеже живые хотя въ то время уже и не умрутъ, однакоже измѣнятся; *вси таковые не успнутъ, вси же измѣнятся* (1 Кор. 15. 51), всѣ совершенно перемѣнятся.

Сіе грубое тѣло, яко толстая одежда, тогда какъ-бы спадетъ, и плоть сдѣлается утонченною, чувственность вся отойдетъ, плотскія похоти уничтожатся, страстныя склонности дѣйствовать престанутъ; и тако живые безъ смерти увидятъ на себѣ смерть, не умерши узрятъ себя и по наружной части своей, по самому тѣлу, новыми человѣками, духовными тварями. Ибо тѣла, отложивъ плотскія склонности, скинувъ съ себя чувственность и тлѣніе, облекутся въ нетлѣніе; оставивъ мертвенность, воспріимутъ безсмертіе; такъ-же какъ и мертвыхъ тѣлеса учинятся духовными, всюду проходными и способными къ вѣчному пребыванію въ духовномъ царствѣ.

Въ какомъ удивленіи и изумленіи будутъ находиться тогда человѣки, увидѣвъ себя въ новомъ видѣ, въ новомъ положеніи и въ новомъ состояніи! Какимъ страхомъ объяты они тогда будутъ, ожидая себѣ послѣдняго Господня рѣшенія, ожидая опредѣлительнаго отъ Господа повелѣнія, во что еще облещися, куда идти и гдѣ пребывать,—ожидая, говорю, во что Господь повелитъ еще облещися сему новому тѣлу, во свѣтъ или во тьму, въ честь или въ безчестіе, въ славу или въ поношеніе,—ожидая, куда Господь повелитъ идти, въ превыспренняя небеса или въ преисподняя мѣста, въ рай или во адъ, въ Царство Божіе или во область сатаны,—ожидая, гдѣ Господь повелитъ пребывать, горѣ или долу, одесную Себя или ошую, предъ престоломъ своимъ въ вѣчномъ благѣ или у человѣкоубійцы и мучителя діавола въ безконечномъ злѣ.

Поистинѣ великимъ страхомъ объяты будутъ всѣ тако измѣнившіеся человѣки, ожидая сего послѣдняго отъ Господа опредѣленія. Ибо всѣ вѣрующіе человѣки и нынѣ изъ Слова Божія знаютъ, что *иные воскреснутъ въ воскрешеніе живота, а другіе въ воскрешеніе суда* (Іоан. 5. 29); *иные въ жизнь вѣчную, другіе же въ укоризну и въ стыдѣніе вѣчное* (Дан. 12. 2); *иные просвѣтятся аки свѣтлость тверди, какъ звѣзды, или якоже самое солнце на вѣки* (Матѳ. 13. 43), а другіе помрачатся, какъ самая густая, черная тьма. А тогда еще гораздо яснѣе познаютъ, живѣе почувствуютъ и сильнѣе увѣрятся, что послѣдствіе за воскресеніемъ ихъ точно двоякое будетъ, одно

славное, другое безчестное, одно во свѣтъ, другое во тьму, одно въ вѣчный животъ, другое въ безконечную смерть.

Всѣ, возставшіе и обновившіеся, человѣки объяты будутъ великимъ страхомъ, безъ всякаго сомнѣнія ожидая, что Господь Богъ, праведный судія, сказавъ послѣднее всѣмъ общее опредѣленіе, то есть праведнымъ: *пріидите ко Мнѣ благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ созданія міра*; грѣшнымъ-же: *отъидите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его* (Матѳ. 25—34, 41) – сказавъ, говорю, сіе, тотчасъ силою всемогущества своего первыхъ дѣйствительно во свѣтъ облечетъ, другихъ во тьму преобратитъ; первымъ свой образъ сообщитъ, другимъ видъ сатаны дастъ; первыхъ съ собою въ царство Божіе введетъ и пользоваться вѣчнымъ блаженствомъ благословитъ; другихъ, связавъ узами мрака, ввержетъ во адъ и въ ономъ вѣчно мучиться назначитъ.

А наипаче страшно будетъ ожидать отъ Господа таковаго опредѣленія тѣмъ, которымъ совѣсть, внутренній судія, не будетъ подавать ни малѣйшаго оправданія предъ Богомъ, и посему не будетъ сообщать упованія на полученіе перваго, но станетъ только угрожать послѣднимъ. Таковые прежде еще Христова изреченія тьмою покроются и начнутъ адски мучиться. Какъ-же скоро изречетъ Господь опредѣленіе свое, тотчасъ уже, совершенно въ густѣйшій мракъ облекшися, *и идутъ сіи въ муку вѣчную; праведницы же*, одѣявшеся во свѣтъ, идутъ *въ животъ вѣчный* (Матѳ. 25. 46). Аминь!

[1]) Михаилъ Десницкій (1761—1821), митрополитъ новгородскій и с.п.бургскій, обучался въ виѳанской семинаріи, съ 1782 г. поступилъ въ филологическую семинарію, устроенную «Дружескимъ ученымъ обществомъ», гдѣ слушалъ лекціи философіи и новыхъ языковъ (франц. и нѣм.); богословіе же слушалъ въ Московской Духовной Академіи. Съ 1785 г. былъ священникомъ въ московскомъ храмѣ Іоанна Воина и своими проповѣдями обратилъ на себя вниманіе любителей христіанскаго ученія. Въ 1796 г. вызванъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ число придворныхъ пресвитеровъ. Принялъ монашество 1799 г. Въ 1802 г. поставленъ въ епископа старорусскаго; въ 1803-мъ переведенъ въ черниговскую губернію и въ 1806 пожалованъ архіепископомъ; въ 1815-мъ управлялъ псковскою епархіей; съ 1818 г. митрополитъ. Сочиненія Михаила имѣли 3 изданія: первое, въ 10 т. (1817—1820); второе, въ 9 т. (1822—1824); третье, въ 16 т. (1854—1857).

[2]) Бесѣда о воскресеніи мертвыхъ состоитъ изъ 4-хъ ч.: а) приступа (сравненіе воскресенія природы, по прошествіи зимы и при наступленіи весны, съ воскресеніемъ мертвыхъ тѣлъ, по прошествіи зимы антихристовыхъ скорбей и при вторичномъ пришествіи І. Х.); б) предложенія (что есть воскресеніе мертвыхъ? въ чемъ оно состоять будетъ?); в) изложенія (въ немъ двѣ части: первая – разсмотрѣніе того, въ чемъ состояло воскресеніе Христово, вторая—разсмотрѣніе того, въ чемъ будетъ состоять наше воскресеніе); г) заключенія (изображеніе удивленія и страха людей, когда они увидятъ себя въ новомъ видѣ).

XL.

НЕВЗОРОВЪ. ([1]).

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РАЗГОВОРУ НАТУРЫ, МЕРКУРІЯ И АЛХИМИСТА (1810). ([2]).

Было время, когда Европа наполнена была искателями философскаго камня и книгами о немъ. Общее понятіе, и до сихъ поръ по крайней мѣрѣ у многихъ продолжающееся о семъ камнѣ, есть то, что этотъ камень есть нѣкоторое тайное химическое произведеніе, посредствомъ котораго будто всѣ металлы обращаются въ золото, а по мнѣнію иныхъ всѣ болѣзни вылѣчи-

ваются, или то и другое дѣлается. Я имѣлъ случай видѣть довольно книгъ, въ которыхъ пишется о семъ чудномъ камнѣ, имѣлъ весьма много времени размышлять и соображать все съ правилами здраваго разсудка и чистой истины, съ опытами людей, отъ всякой лживости удаленныхъ, и съ порядкомъ естества, Богомъ уставленнымъ и разными образами намъ отъ Него открываемымъ; а потому почитаю для себя возможнымъ дать безпристрастное и для читателей своихъ, особливо молодыхъ и неопытныхъ, полезное мнѣніе. — Ежели все преимущество и польза камня сего состоитъ въ томъ, чтобъ обращать металлы въ золото: то, по мнѣнію моему, еслибы то и можно было и таинство такое существовало, не заслуживаетъ онъ названія философскаго; ибо это свойственно не философамъ, искателямъ мудрости, но скрягамъ и сребролюбцамъ, или по крайней мѣрѣ мотамъ, ищущимъ только, на чтобы можно было повеселиться и роскошно жить. Философъ, такъ какъ любитель мудрости, старается довольнымъ быть тѣмъ, что у него есть, и проситъ, чтобъ Богъ ему въ томъ помогъ и снабдилъ бы его только для жизни необходимымъ. У истиннаго философа не годятся тѣ извиненія и пустыя причины, что будто бы нужно имѣть такое таинство, чтобъ помогать ближнимъ. Онъ помогаетъ тѣмъ, что у него есть, и старается употреблять въ добро достатокъ, которымъ Богъ его наградилъ безъ таковаго таинственнаго исканія золота. Ежели бы гдѣ нужно было такое необыкновенное дѣйствіе, то Богъ самъ силою Своего всемогущества превратилъ бы землю, металлы и камни въ серебро, золото, или въ хлѣбъ; если же для какихъ нибудь Его мудрости свѣдомыхъ причинъ не благоугодно было бы Ему самому непосредственно произвести такое чудо, то Онъ далъ бы силу Свою и могущество какому нибудь избранному любимцу своему дѣлать то единымъ словомъ, или другимъ какимъ простымъ, уму человѣческому непонятнымъ и правиламъ обыкновенной химіи неподверженнымъ образомъ. Есть другія причины, имѣющія съ перваго взгляда наружность благовидную, для которыхъ, говорятъ, нужно производить таковыя таинственныя химическія работы, и особливо то, что должно испытывать и познавать натуру; а исканіе и познаніе таковаго философскаго камня принадлежитъ къ первымъ и высокимъ степенямъ познанія натуры. Нѣтъ спора въ томъ, что натуру должно испытывать и познавать для двухъ особливо причинъ: во первыхъ, чтобъ познаніемъ ея открывать и доставлять себѣ способы жить въ мірѣ, въ которомъ мы находимся, и таковымъ образомъ взаимно другъ другу помогать; во вторыхъ, для созерцанія славы Божія и таинствъ его творенія. Что касается до перваго, то въ публичныхъ школахъ и университетахъ болѣе гораздо стараются знать, нежели бы что нужно было для общежительскаго состоянія. Что касается до втораго, то прежде знать и непрестанно памятовать должно, что «въ злохудожную душу невходитъ премудрость»; что въ такомъ случаѣ неоспоримое правило и законъ Богомъ уставленный есть тотъ, чтобы познать себя, исправить себя въ духѣ и очистить себя отъ страстей; иначе, плавая въ морѣ таинствъ, мы будемъ слѣпы и ничего не видѣть. Чтобъ созерцать славу Божію и видѣть таинства его творенія, для сего не нужны великихъ издержекъ стоящія лабораторіи и пышные химическіе снаряды; иди безъ всего смотрѣть, какъ сѣмя брошенное въ землю гніетъ, возраждается, растетъ и дѣлается новымъ сѣменемъ; поди всякій бѣдный съ пастушьимъ посохомъ къ муравью, пчелѣ, бобру и другимъ животнымъ, и смотри, какъ всеобщій промыслительный Отецъ всякой твари далъ свой смыслъ и способность свойственнымъ себѣ образомъ пещись о своемъ благосостояніи и пропи-

таніи; поди ко всякому насѣкомому и смотри, какъ оно родится въ яйцѣ, дѣлается червячкомъ, личинкою, получаетъ крылья и въ прекрасномъ видѣ и нарядѣ летаетъ по воздуху. Исправь себя, откинь всѣ злыя склонности, брось гордость, самолюбіе, алчность къ пріобрѣтеніямъ и грубую чувственность, и изъ злохудожной души сдѣлай добрую: тогда вся природа явится тебѣ въ новомъ видѣ, и милліоны откроются таинствъ ея, которыя ты въ противномъ случаѣ ногами топчешь и не видишь. Да что тебѣ будетъ пользы, ежели бы ты, будучи злымъ и неисправленнымъ человѣкомъ, позналъ всю природу и таинства ея? Какъ скупому нѣтъ пользы въ деньгахъ, моту въ доходахъ, горделивцу въ царствахъ; такъ всякому злому и неисправленному духомъ человѣку не было бы пользы, если бы онъ зналъ въ тонкость небо и землю, умѣлъ выпить море и переставлять словомъ горы съ мѣста на мѣсто. Смотрятъ Фенелонъ, Василій Великій, Соломонъ и Давидъ на природу; смотрятъ на нее Даламбертъ, Гельвецій, Лаландъ и Галль: но какая разница въ глазахъ и какіе различные плоды! Египетскіе волхвы умѣли спорить въ чудесахъ съ посланникомъ Божіимъ Моисеемъ, претворяя жезлы въ зміевъ и воды въ кровь; но умѣли ль они спасти себя и Египетъ отъ бичей небомъ посылаемыхъ, и съ воинствомъ Фараона, предъ которымъ они знаніемъ своимъ хвастались, отъ потопленія?—Замѣтить надобно, что нерѣдко простодушные люди, не имѣвшіе еще большихъ опытовъ, большаго обхожденія въ свѣтѣ, не свѣдущіе объ открытіяхъ ученыхъ во всѣхъ царствахъ природы и изслѣдованіяхъ ея по разнымъ частямъ, почитаютъ для себя чуднымъ и удивительнымъ открытіемъ то, что во всѣхъ школахъ и аптекахъ всякому почти ученику извѣстно; а неблагонамѣренные промышленники и тщеславные самохвалы могутъ пользоваться такою простотою къ выгодамъ своего корыстолюбія или гордости, выдавая себя знающими такія таинства, о которыхъ будто кромѣ ихъ или никто, или весьма рѣдкіе знаютъ. Случиться можетъ и то, что учитель, самъ начитавши гдѣ либо, особливо въ старинной книгѣ, любопытный какой нибудь опытъ, и не вѣдая, что его иногда послѣдніе школьники знаютъ, почитаетъ открытіе сіе и для себя рѣдкою находкою, и другимъ ее выдаетъ за тоже: такимъ образомъ и самъ себя льститъ по-напрасну, и другихъ вводитъ въ грѣхъ невѣдѣнія.—Что же должно сказать о всеобщей медицинѣ? Ежели она есть, то навѣрно и утвердительнѣйшимъ образомъ сказать можно, что не въ лабораторіяхъ ее искать надобно, какія бы они ни были, публичныя или таинственныя. По моему мнѣнію, истинная всеобщая медицина есть школа христіанская, гдѣ учатъ людей съ помощію Божіею исправлять дурную свою природу, побѣждать страсти, не поддавать себя самовольно чувственности, питающейся всякими развратами и тѣмъ самымъ становящейся источникомъ всѣхъ болѣзней, самими нами добываемыхъ, сносить всякія противности и оскорбленія, какимъ либо образомъ наносимыя нашей тѣлесной природѣ, просить о подкрѣпленіи въ томъ помощи верховнаго врача и владыки, и умѣть при ней употреблять и пользоваться врачествомъ простымъ, которое можно сыскать и въ большихъ городахъ и въ малыхъ деревняхъ. Кромѣ сей медицины, всеобщей нѣтъ медицины. Кто будетъ утверждать, что есть такое произведеніе химіи, или какой нибудь другой части естественной науки, которое лѣчитъ безъ исключенія всѣ болѣзни, тотъ или по невѣдѣнію самъ обманывается, или есть шарлатанъ, старающійся пользоваться выгодами съ ущербомъ другихъ и неправильнымъ образомъ. Не спорю я, что всемогущій Богъ можетъ сообщить таковую всецѣлительную силу какой нибудь физи-

ческой вещи; но въ такомъ случаѣ всякая видимая вещь, вода, огонь, хлѣбъ, камень, всякая трава и все можетъ быть всеобщею медициною, а не именно какой-нибудь элексиръ, эссенція, порошокъ или какой нибудь другой химическій составъ, къ произведенію котораго необходимо требуются руки какого нибудь будто искуснаго алхимика, великолѣпные препараты и необходимая для того издержка денегъ. И тогда простой рыбакъ, плотникъ, каменьщикъ и земледѣлецъ, ничему не учившись, возьмутъ верхъ надъ самымъ искуснымъ докторомъ, самымъ Бургавомъ и надъ всѣми славнѣйшими въ свѣтѣ физиками, химиками и алхимиками.—Читая книги таковаго рода, найти можно, что многіе изъ сочинителей, писавшихъ о сей матеріи, обманывались, водимы будучи желаніемъ лишнимъ или умножить свою корысть, или удовольствовать пытливую свою страсть узнать таинства, къ познанію которыхъ не приготовили они себя предварительнымъ исправленіемъ нравственности своей и призываніемъ помощи Божіей, или напитать свое честолюбіе и самохвальство; а многихъ простота и одно воображеніе, будто бы они стоятъ на прямомъ пути испытанія природы, заводила въ лабиринтъ умствованій, которыя практикою повѣрить едва можно. Есть, можетъ быть, но по крайней мѣрѣ я не хочу сказать, чтобъ были многіе, которые съ намѣреніемъ писали обманъ для другихъ; большая часть обманывали сами себя. Лучшіе и самые истинные по моему мнѣнію изъ таковыхъ писателей суть тѣ, которые въ книгахъ сего рода скрыли аллегорію нравственности человѣческой для причинъ имъ извѣстныхъ, и, если не ошибаюсь, подъ видомъ химическихъ операцій разумѣли ходъ и обороты исправленія и совершенствованія человѣческаго духа, и касающіяся до сего таинства. Но беречься надобно читателямъ, чтобъ вмѣсто золота не напасть на дрянь, а вмѣсто руководителей и указателей не напасть или на слѣпыхъ, или на зрячихъ, но для своихъ выгодъ. Свѣтъ всегда полонъ былъ соблазновъ и обмановъ, а нынѣ, кажется, еще болѣе. Чтожъ дѣлать въ такомъ случаѣ? Я осмѣлюсь предложить самое простое, но самое вѣрное средство: *быть просту*. Хотѣть быть добрымъ, хотѣть любить Бога и ближняго, хотѣть ничего не искать другаго, какъ только того, что ведетъ къ симъ двумъ обязанностямъ человѣческимъ, на которыхъ виситъ все прошедшее, настоящее и будущее, всѣ учрежденія, установленія и изобрѣтенія въ человѣчествѣ какого бы они рода ни были: вотъ истинное средство и вѣрный способъ предостеречь себя отъ всякихъ обмановъ и лжи, въ чемъ при помощи Божіей, которой во всѣхъ своихъ желаніяхъ, намѣреніяхъ и предпріятіяхъ испрашивать должно, всегда успѣемъ, и будемъ или сначала предостережены, или если на время попускающу Богу, безъ сомнѣнія для нашего же блага, и попадемъ въ какія сѣти, рано или поздо освободимся. Теперь я осмѣливаюся читателямъ своимъ предложить слѣдующія предосторожности: если кто обѣщаетъ вамъ доставить средство превращать металлы въ золото, или всеобщую физическую медицину: отъ того, не думая ничего, бѣгите какъ отъ человѣка, который или самъ себя обманываетъ и другихъ по невѣдѣнію ведетъ къ заблужденію, или съ намѣренія и для собственной прибыли шарлатанствуетъ. Касательно познанія натуры старайся всякъ узнать самого себя, въ другихъ познаніяхъ не желай на первый случай знать, какъ только что необходимо нужно для собственнаго твоего состоянія и для помощи ближнимъ; а прочее, когда устроишь себя въ такомъ царственномъ духа состояніи, если нужно, все къ тому будетъ приложено.

[1]) Невзоровъ, Максимъ Ивановичъ (1763—1827), происходя отъ родителей духовнаго званія, былъ отданъ въ рязанскую семина-

рію, гдѣ въ теченіи десяти лѣтъ прошелъ полный курсъ наукъ. Когда московское Дружеское общество обратилось къ эпархіальнымъ начальствамъ, испрашивая, на свое иждивеніе, питомцевъ для университета, Невзоровъ, какъ отличившійся, былъ присланъ изъ Рязани въ Москву, въ 1779 году вступилъ въ университетъ и въ слѣдующемъ году произведенъ въ студенты. Здѣсь, подъ надзоромъ Новикова, онъ слушалъ лекціи около девяти лѣтъ, въ юридическомъ и медицинскомъ факультетахъ, и изъ обоихъ получилъ по золотой медали. Великій мастеръ въ ложѣ «Блистающей звѣзды», И. В. Лопухинъ принялъ Невзорова въ масоны, о чемъ послѣдній съ удовольствіемъ воспоминаетъ при посвященіи ему журнала: «Другъ юношества и всякихъ лѣтъ» (1813), своему отцу и благодѣтелю, какъ онъ обыкновенно называлъ Лопухина: «Болѣе тридцати лѣтъ я наслаждался отеческими вашими милостями... Вы мой Іосифъ, воспитавшій меня нравственно и питавшій меня физически... Первыя ваши наставленія были свѣтлые и благодѣтельные лучи *блистающей звѣзды*». Обративъ на себя особенное вниманіе тогдашнихъ ревнителей просвѣщенія, Невзоровъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Колокольниковымъ, посланъ былъ для усовершенствованія въ наукахъ за границу (1788), на иждивеніи Лопухина. Въ Лейденѣ выслушалъ онъ полный курсъ лекцій и въ 1790 г. получилъ степень доктора медицины. Послѣ того началось его путешествіе по Германіи; болѣе всего пробылъ онъ въ Геттингенѣ. Германія произвела на него непріятное впечатлѣніе образомъ мыслей въ тамошнихъ университетахъ, совершенно противоположнымъ его строгимъ правиламъ христіанскимъ и убѣжденіямъ, образовавшимся въ мистико-масонской школѣ Новикова. «Славные нѣмецкіе университеты» (писалъ онъ въ 1817 г.): «берлинскій, гальскій, лейпцигскій, вѣнскій, іенскій и болѣе всего геттингенскій — сіе молодое, но слишкомъ далѣе другихъ въ новомъ безуміи забѣжавшее дитя Германіи— были первѣйшими орудіями, разсадниками и распространителями всякаго разврата и безбожія и послѣдовавшаго отъ того несчастія своего отечества». Въ Геттингенѣ Невзоровъ заболѣлъ, болѣе духовно, нежели тѣлесно, и во время внутренняго страданія перевелъ съ франц. нѣсколько главъ изъ знаменитой въ свое время книги: «Таинство креста». Когда Новиковъ, Лопухинъ, Тургеневъ и другіе члены Дружескаго общества подверглись подозрѣніямъ и преслѣдованію, тогда пострадалъ и Невзоровъ, вмѣстѣ съ своимъ сотоварищемъ. На возвратномъ пути въ отечество, они были арестованы въ Ригѣ, какъ молодые люди, только что вернувшіеся изъ-за границы, гдѣ они жили будто для исполненія какихъ-то порученій со стороны мартинистовъ. Притомъ же ходилъ слухъ, что они въ Парижѣ (въ которомъ вовсе не были) находились въ числѣ депутатовъ, поздравлявшихъ французское національное собраніе съ успѣхомъ революціи. Ихъ привезли въ Петербургъ. Здѣсь, послѣ распросовъ, при посредствѣ И. И. Шувалова, куратора московскаго университета, къ которому принадлежали молодые люди, дѣло ихъ разъяснено въ хорошую сторону. Они были помѣщены въ больницѣ, гдѣ Колокольниковъ умеръ, а Невзоровъ, по болѣзни, оставался до 1798 г. «Страданія свои, говорилъ Невзоровъ черезъ 25 лѣтъ послѣ того, считалъ и считаю милостію Божіею, по словамъ Свящ. Писанія, что браздою и уздою востязаются челюсти не приближающихся къ Богу. Бывши въ плѣненіи, на пути духовности своей я много узналъ таинствъ всякаго рода, скрываемыхъ отъ премудрыхъ міра сего и открываемыхъ младенцамъ». Императоръ Павелъ I, по вступленіи на престолъ, нѣсколько разъ посѣтилъ Невзорова, какъ невинно пострадавшаго. Въ 1798 г. Невзоровъ, хотя несовершенно оправившійся отъ болѣзни, выпущенъ изъ больницы и переѣхалъ въ Москву къ Лопухину, у котораго жилъ и лечился. Въ началѣ 1800 г. отправлены были сенаторы для осмотра губерній; Лопухина и Спиридова назначили въ губерніи казанскую, вятскую и оренбургскую. Невзоровъ сопровождалъ ихъ, посылая съ дороги письма въ Москву къ И. П. Тургеневу. Первая часть этихъ путевыхъ писемъ вышла подъ заглавіемъ: «Путешествіе въ Казань, Вятку и Оренбургъ въ 1800 г.» (1803). Возвратившись изъ путешествія (1801), Невзоровъ былъ опредѣленъ членомъ въ канцелярію университета, съ употребленіемъ по ученой части. Того же года назначенъ инспекторомъ надъ репетиторами и репетиціею университетскихъ учениковъ въ пансіонѣ; въ 1802 г.—помощникомъ цензора книгъ, печатаемыхъ въ университетской типографіи. По открытіи министерства народнаго просвѣщенія, опредѣленъ членомъ училищнаго комитета (1803) и обозрѣвалъ училища смоленской и тверской губерній. Того же 1803 г. занялъ мѣсто члена въ цензурномъ комитетѣ. Когда университетская типографія перешла въ управленіе самого университета, Невзоровъ, сохраняя званіе цензора, назначенъ былъ (1805) ея директоромъ, «по своей репутаціи честности и безкорыстности», которыя онъ, дѣйствительно, выказалъ въ полной мѣрѣ: скопивъ извѣстную сумму изъ слѣдующихъ ему процентныхъ денегъ за 1806—1809 г.г., онъ, въ 1812 г., пожертвовалъ въ поль-

зу университета 4,316 руб.; того же года, когда типографскіе чиновники и рабочіе люди не удовлетворены были жалованьемъ, онъ, соболѣзнуя объ ихъ участи, принесъ на раздачу имъ 6,000 руб. изъ своихъ процентныхъ денегъ за 1810—1812 г.; въ теченіе семи лѣтъ (1805—1812) доставилъ университету доходу отъ типографіи до 200,000 руб. сверхъ наибольшей суммы, какую только платили университету послѣдніе содержатели типографіи; по выходѣ французовъ изъ Москвы, исходатайствовалъ вспоможеніе разореннымъ типографскимъ чиновникамъ и рабочимъ, равно какъ и уплату невыплаченныхъ, по причинѣ нашествія непріятеля, долговъ купцамъ и художникамъ, которые, въ слѣдствіе того, взялись за новые подряды и работы. Въ 1807 г. началъ издавать журналъ: «Другъ юношества», существовавшій девять лѣтъ (1807—1815). Кромѣ своей работы, онъ принималъ на себя и другіе труды. Когда редакторъ историческаго, статистическаго и географическаго журнала, профессоръ Гавриловъ, уѣхалъ въ Нижній, отказавшись отъ продолженія занятій, а подписчики требовали или журнала или возвращенія денегъ,—Невзоровъ, «для сохраненія чести университета и не желая лишить читателей прерваніемъ столькихъ лѣтъ современной исторіи», издавалъ журналъ за весь 1813 г., выдавъ и четыре недостававшія за 1812 г. книжки. Должность начальника типографіи Невзоровъ отправлялъ до февраля 1815 г. Въ это время, говоримъ собственными его словами, безъ всякой просьбы, безъ всякаго суда и слѣдствія и безъ всякой причины (*), по предложенію попечителя П. И. Голенищева-Кутузова, въ силу отношенія къ нему министра просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго, отставленъ отъ университета съ пенсіей (1816). Невзоровъ, принадлежа къ кругу Новикова, находился въ сношеніяхъ со многими замѣчательными лицами своего времени, покровительствомъ которыхъ пользовался и къ которымъ сохранялъ всегда глубокое почтеніе и признательность. Таковы, кромѣ Лопухина и Тургенева, были: митр. Платонъ, М. Н. Муравьевъ, кн. Н. В. Репнинъ, Шварцъ, Походяшинъ. По описанію Лопухина, Невзоровъ ревностно исполнялъ заповѣдь: «просящему у тебя дай и хотящаго отъ тебя заяти не отврати». Почти всю свою пенсію онъ раздавалъ бѣднымъ, а самъ ходилъ въ поношенной фризовой шинели, хотя и могъ бы составить себѣ изрядный капиталъ. О будущемъ не заботился, говоря: «довлѣетъ дневи злоба его». Постоянно посѣщая церковь, онъ, послѣ словъ: «оглашенніи, изыдите!» не считалъ себя достойнымъ присутствовать долѣе при литургіи и постоянно выходилъ вонъ. Когда онъ умеръ, друзья нашли у него нѣсколько копѣекъ и сдѣлали похороны на свой счетъ (Максимъ Ивановичъ Невзоровъ, ст. г. Безсонова, въ 3-ей кн. Рус. Бесѣды 1856; Отрывокъ изъ посланія Невзорова къ О. А. Поздѣеву, въ 21 № Библ. Записокъ 1858 г.).

(*) Причиною было выставлено слѣдующее: медленность отчетовъ по типографіи и небрежность печатанія Москов. Вѣдомостей, гдѣ встрѣчалось много опечатокъ.

Сочиненія и переводы:

Притчи или изрѣченія Секстія Пиѳагорейца, пер. съ лат. (1801).

Путешествіе въ Казань, Вятку и Оренбургъ въ 1800 г., ч. 1 (1803). Авторъ предполагалъ выдать 5 частей.

Стихотворенія, изд. 2 (1804). Всего XI стихотвореній. Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны отдѣльно.

Другъ юношества, еженедѣльное изданіе съ 1807 г. по маій 1815., всего 100 книгъ. Посвященъ М. Н. Муравьеву, по желанію котораго онъ и возникъ, назначенный быть органомъ мыслей о воспитаніи. Главная цѣль изданія состояла въ томъ, чтобы способствовать образованію сердецъ и умовъ, и споспѣшествовать сколько можно къ соблюденію тѣлесныхъ способностей. Съ 1813 г. къ заглавію: «Другъ юношества», Невзоровъ прибавилъ слова: «и всякихъ лѣтъ», и посвятилъ журналъ свой И. В. Лопухину.

Въ 1813 г. Невзоровъ, какъ выше сказано, издавалъ «Историч., статист. и геогр. журналъ или Современную исторію свѣта». Изъ статей его, здѣсь появившихся, напечатаны, въ томъ же году, отдѣльной книжкой: «Наполеонова политика или царство гибели народной и состояніе европейскихъ государствъ до начатія французской войны 1812 г.» (изд. 2-ое, 1813).

Три оды: На случай войны съ французами 1812 г.; На новый 1814 г.; На чудесныя побѣды россійскія (1814, изд. 2). Въ первый разъ нап. въ Другѣ Юношества и Москов. Вѣдомостяхъ.

Отрывокъ изъ посланія къ О. А. Поздѣеву (о немъ сказано выше).

*) «Другъ юношества, 1810, ноябрь». Это предисловіе написано по поводу повѣсти о философскомъ камнѣ и алхимистѣ, помѣщенной въ статьѣ: «Китайскіе анекдоты» (тоже ноябрьская книжка), «Отрывокъ изъ посланія къ Поздѣеву» объясняетъ цѣль, съ какою Невзоровъ перевелъ «Разговоръ Натуры, Меркурія и Аполлона» (изъ сочиненій Сендивогія):

Вступивши въ отправленіе должности члена канцеляріи университета, услышалъ я, что въ

Москвѣ заводятся опять ложи масонскія; наконецъ начали и меня приглашать вступить въ оныя. Но люди, представлявшіе себя правителями ихъ здѣсь, по репутаціи своей не могли для меня быть приманкою для вступленія съ ними въ масонскій союзъ; это были не Иванъ Владиміровичъ (Лопухинъ) и подобные ему свободные каменьщики. Притомъ же въ сіе время я находилъ не нужнымъ заводить такія формальныя масонскія ложи, такъ какъ и благодѣтель мой Иванъ Владиміровичъ съ искренними своими друзьями былъ сходнаго со мною въ томъ мнѣнія.

Отказавшись отъ вступленія въ новозаводимыя масонскія ложи, по прошествіи нѣкотораго времени началъ я слышать разные слухи о сихъ ложахъ: имѣя же случай быть вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами, наконецъ и изъ ихъ собственныхъ разсужденій и образа мыслей узналъ, что эти ложи не походятъ на тѣ, въ которыхъ я учился, и онѣ весьма далеки отъ того духа, который долженъ царствовать особенно въ таковыхъ собраніяхъ, такъ что онѣ, по всѣмъ сказаніямъ, были истинно похожими на тѣ, которые Штиллингъ негдѣ въ «Угрозѣ» своемъ (*) называетъ дикими поростами масонства. О сущности христіанства тутъ мало было слышно, а по всему видимому члены таковыхъ собраній занимаются одною пустою суетностію и какими-то загадочными познаніями кабалистическими, алхимическими и тому подобными, которыхъ, какъ навѣрное можно сказать, они и сами не разумѣли, и другихъ только въ грѣхъ невѣдѣнія вводили. Я издавалъ тогда уже журналъ подъ названіемъ «Другъ юношества», и какъ желалъ, чтобъ онъ по всей возможности былъ полезенъ моимъ читателямъ, то я счелъ нужнымъ въ ономъ предостеречь читателей своихъ отъ таковаго мнимаго свободнаго каменьщичества, особливо въ которомъ обѣщаютъ незнающимъ много и ненужныхъ существенно для человѣка, да почти и невозможныхъ, въ нынѣшнемъ порядкѣ тварей и человѣка, таинствъ; и для сей причины помѣстилъ переведенный изъ сочиненій Сендивогія, опытнаго въ истинныхъ познаніяхъ, разговоръ Натуры, Меркурія и Алхимиста, въ которомъ онъ осмѣиваетъ такихъ пустоискателей, и прибавилъ къ нему собственное предисловіе.... Члены новаго свободнаго каменьщичества многіе, и особливо выдающіе себя за знатоковъ таинствъ, были крайне недовольны симъ моимъ поступкомъ; но я былъ крайне доволенъ, что, можетъ быть, хотя не многое число неопытныхъ людей предостеречь могу отъ криваго пути.

(*) См. ниже о Лабзинѣ.

XLI.

ЛАБЗИНЪ. (1).

О чтеніи книгъ.

Когда упадаетъ религія, упадаютъ съ нею и науки; ибо разумъ сбивается тогда съ прямаго пути и вступаетъ на распутія, ловитъ тамо мечты и грезы, и выдаетъ ихъ за истины, которымъ и поклоняются поклонники разума.

Разумъ нашъ, и самъ по себѣ, удобенъ запутываться въ странныя заблужденія, а заблужденія другихъ, разсѣваемыя во многочисленныхъ книгахъ, разстилаютъ ему новыя сѣти. Кто не испыталъ на самомъ себѣ, сколько онъ понесъ вреда отъ того только, что читалъ, не имѣвъ еще способности дѣлать разборъ книгамъ! Мы не боимся выговорить сего слова; ибо способность сія не состоитъ въ природныхъ дарованіяхъ, но пріобрѣтается ученіемъ и навыкомъ, и—удобнѣе всего—руководствомъ опытныхъ людей. Вольтеровы софизмы, напримѣръ, легко разсыпаются предъ осторожнымъ умомъ, не увлекаемымъ прелестію новизны, блескомъ игривыхъ мыслей и красивыхъ словъ; а Гельвеціевы умствованія такъ приноровлены къ обыкновенному человѣческому разуму, что и самый разсудительный читатель обольститься иногда ими можетъ. При сихъ преткновеніяхъ, если они не вольныя, удобно ощутишь, сколь нуженъ свѣтъ откровенія равно и для разума, какъ для сердца!

Еще сочинитель книжки, называемой

«2440 годъ», замѣтилъ, что «науки въ книжномъ лабиринтѣ кружились только вокругъ, и всегда возвращались къ прежней точкѣ, отъ которой пошли; и что богатство книжное служитъ только къ закрытію нищеты разума». А потому и совѣтуетъ онъ: всѣ книги, которыя найдутся или глупыми, или вредными, или опасными, предать торжественно на всесожженіе въ умилостивительную жертву добродѣтели и истинѣ.

Мы не такіе охотники до auto da fe, какъ г. Мерсье, который и самъ послѣ на яву бредилъ; однакожъ признаемся, что когда посмотришь на множество выходящихъ въ свѣтѣ книгъ, то иногда приходитъ искушеніе пожелать имъ чистилища.

До изобрѣтенія книгопечатанія, одни творенія великихъ умовъ, или особливыхъ геніевъ, разносились въ народѣ и сохранялись въ памяти, преданіяхъ и лѣтописяхъ; прочія же рѣдко пользовались сею честію. Тогда писалъ только тотъ, кто имѣлъ особенныя дарованія, и тогда книга была плодъ глубокаго размышленія и опыта, и была дѣйствительно подарокъ для человѣчества; чувство и истина были видны на каждомъ листѣ ея: потому-то сіи книги пережили вѣки, не смотря на непостоянство разума человѣческаго, не смотря на политическія превратности, не смотря на разность обычаевъ и языковъ разныхъ народовъ.

Съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, знанія полились рѣкою во всѣ концы и быстрымъ своимъ потокомъ испровергли многія зданія ума, подмыли и подрыли самыя основанія долголѣтнихъ опытовъ, и наводненіемъ своимъ иныя мѣста запрудили, другія опустошили. Мелочи всплыли на верхъ и скрыли подъ собою не мелочныя произведенія; люди стали ловить что всплывало; а что всплывало, то стало ловить людей; родилась страсть къ писанію, явились подражатели и кописты, явились подражанія подражаніямъ и копіи съ копій: а оригиналы изчезли, и творческій умъ какъ бы притиснутъ сталъ типографскимъ станкомъ.

Прежде, страсти и заблужденія имѣли свой предѣлъ; развратникъ и заблужденный могъ заражать только свой кругъ, свой вѣкъ, и пороки его исчезали и погребались вмѣстѣ съ нимъ во гробѣ: злоупотребленіе же книгопечатанія увѣковѣчило развратъ и глупости, посрамляющія человѣчество, и воздвигло имъ памятники. Все, что только исходитъ изъ разгоряченной головы какого либо бумагомарателя, все то печатается, обнародывается, разсылается, и идетъ во всѣ страны свѣта заражать и будущее потомство отдаленныхъ краевъ. Одному вздумается испровергать вѣру, другой захочетъ потрясти столбы законовъ, третій передать свои грезы, четвертый порочныя ощущенія сердца, и—все это читается, поглощается; читается слабыми умами, поглощается страстными сердцами. Повѣримъ ли, что самыя нелѣпости были уважаемы? что былъ писатель, который доказывалъ даже, что хлѣбъ есть самый ядъ для человѣка, а ядъ есть наилучшая его пища. И сей писатель былъ изъ высокоименитыхъ. Онъ такъ извѣстенъ, что называть его именемъ нѣтъ нужды (*). Каковы же мы, просвѣщающіеся отъ такихъ писателей? Чего мы ищемъ, дивяся таковой мудрости? И что собственно даетъ именитость и славу таковымъ писателямъ? Вольтеръ больше выигралъ тѣмъ, что смѣшилъ, нежели что училъ; что забавлялъ, а не что наставлялъ. Смѣяться и забавляться сколько охотниковъ! А разсуждать? А мыслить?— Шуты и балагуры и между писателями пройдутъ далѣе, пройдутъ всюду: вотъ дверь къ счастію и писателя, буде кто такого счастья желаетъ!

Первыя сочиненія въ древности были піитическія. Хотя оныя состояли изъ простыхъ стиховъ, но сіи простенькія

(*) Лингетъ.

стихотворенія посвящены были Божеству и нравоученію; тогда поэзія была наука, а учителемъ ея сама натура: нынѣ же и наука и натура стали романъ, вымышленное похожденіе. Таковыя науки и ихъ разсадники—библіотеки—задавили природный умъ въ человѣкѣ и нарядили его въ чужія дарованія, которыми онъ и тщеславится, какъ въ баснѣ ворона павлиными перьями. Великіе люди всякаго столѣтія выходили не изъ школъ и училищъ, а образовались сами. Гомеры не имѣли библіотекъ, а почерпали истину изъ натуры, изъ глубины сердца человѣческаго, и чрезъ то пріобрѣтали ту силу, которая сдѣлалась свѣтильникомъ другимъ умамъ. Минины, Пожарскіе были, когда не было воспитательныхъ институтовъ. Школы, училищныя и воспитательныя заведенія служатъ вспомогательными средствами умамъ и сердцамъ, а сила и крѣпость оныхъ должна заключаться въ нихъ самихъ. Потому и надлежало бы оберегать сіи силы отъ разслабленія. Но гордость нынѣшняго вѣка состоитъ въ томъ, чтобы все прочесть; и библіотеки, выкладывая свои товары на показъ, часто производятъ тоже бѣдствіе, что и роскошные столы, уставленные тысячами различныхъ яствъ, подъ разными приправами, для одного желудка. Всякій ли желудокъ въ состояніи порядочно переварить все, что человѣкъ съѣстъ? Всякій ли также разсудокъ въ состояніи порядочно разсудить все, что человѣкъ прочтетъ? И какъ не занемочь? какъ не прибѣгнуть къ рвотному?—Какія же дурныя мокроты пойдутъ тогда изъ желудка! Такія же дурныя матеріи пойдутъ въ такомъ же случаѣ и изъ головы и сердца.

Какъ умѣренная и здоровая пища содержитъ въ здоровьѣ тѣло, такъ умѣренное и разсудительное чтеніе содержитъ въ здравости умъ. Но какъ прожорливый ѣстъ не для того, чтобъ утолить голодъ: такъ и мы читаемъ не для того, чтобъ научиться, но изъ любопытства, или чтобъ прогнать скучное время и укоротить длинные часы; а литераторы, какъ исправные повара, приправляютъ стряпанье свое всякимъ снадобьемъ, чтобъ расщекотать притупѣвшій вкусъ читателей.

И книги измѣняются, какъ модные товары, и ученые также суетны; и тѣ и другіе хотятъ по модѣ убирать голову и наряжаться въ модные цвѣта и въ платье новаго покроя; стараются также по модѣ мыслить, по модѣ говорить, по модѣ умствовать.

Чтеніе по справедливости не можетъ имѣть иной цѣли, какъ только открывать истину; когда же мы въ чемъ обрѣли ее, то другія книги о томъ будутъ уже лишними. Истина есть та высокая цѣль, на которую ученые и писатели должны метить. Натура выставила ее для испытанія стрѣлковъ; каждый отваживается пустить въ цѣль свою стрѣлу; но изъ пущенныхъ стрѣлъ одна далеко не долетаетъ, другая отлетаетъ въ сторону, третья падаетъ у самой цѣли. Но стрѣлкомъ почитается тотъ, кто попадетъ въ цѣль, и если я нашелъ такого, то что мнѣ нужды до тысячи другихъ стрѣлковъ, опоражнивающихъ свои колчаны по пустому?—Такъ и многое чтеніе есть иногда напрасная трата времени,—значитъ малое уваженіе истины и малую склонность къ разсужденію;—значитъ, что хотятъ не насыщаться, а пресыщаться и лакомиться; лакомство же и обжорство столь же вредно и для разума, какъ и для желудка, и разборъ въ пищѣ и того и другаго весьма полезенъ и нуженъ.

Мы сказали въ началѣ, что когда падаетъ религія, тогда упадаютъ и науки, и настаетъ варварство. Нужно ли на сіе доказательство? Во всѣхъ временахъ и у всѣхъ народовъ такъ бывало; новѣйшій же примѣръ намъ Франція. Когда отступничество отъ вѣры содѣлалось въ ней правомъ гражданскимъ, какіе наступили

нравы, какое настало варварство и въ сердцахъ и умахъ! Академія и университеты истреблялись также, кахъ церкви и парламенты; славный Лавуазье кончилъ жизнь также на эшафотѣ, какъ и добродѣтельный Мальзербъ, какъ и многіе служители вѣры. Злонравному на что просвѣщеніе и науки? Онъ либо во зло употребитъ ихъ, либо вознерадитъ о нихъ. Добронравнымъ же безъ религіи никто быть не можетъ: религія должна быть въ человѣкѣ непремѣнно, и религія истинная—христіанская. Христіанская нація не можетъ уже обратиться въ языческую, такъ чтобы сохранила и добрые нравы, ибо переходъ сей будетъ паденіе, а не возстаніе: паденіе же не есть благополучіе. И такъ христіанская нація, упадая въ язычество, не можетъ быть ни благонравною, ни благополучною, по естественной причинѣ и по непреложному закону: точно такъ, какъ птица, летающая по воздуху, не можетъ жить въ водѣ, хотя рыба тамъ и живетъ спокойно. Чрезъ сіи наши замѣчанія мы хотимъ сказать, что чтеніе книгъ, подкапывающихъ вѣру и нравы, по-истинѣ вредно; что ложное просвѣщеніе, проліявшееся всюду, есть та рѣка, которая стремится поглотить истину, хотящую породить намъ мужественное чадо и бѣгущую для того изъ градовъ въ пустыни и степи; наконецъ, что состояніе человѣчества, по нынѣшнему невѣрію, находится въ такомъ же отношеніи, въ какомъ было прежде по суевѣрію, и переломъ необходимо послѣдовать долженъ; и избавленіе какъ отъ невѣрія, такъ и отъ суевѣрія, безъ сомнѣнія добрымъ сердцамъ желательно.

Чтожъ изъ сего слѣдуетъ?—Каждому надлежитъ размыслить въ сердцѣ, поискать истиннаго блага и обратиться къ вѣрнѣйшему пути, Божественной религіи, которая даритъ человѣка истинною нравственностію. Нужны, при этомъ, полезныя книги.

Книги предъ словеснымъ объясненіемъ могутъ имѣть преимущество то, что, во 1-хъ, въ нихъ матерія лучше можетъ быть выработана и объяснена, нежели на словахъ въ разговорѣ; во 2-хъ, что чрезъ книги можно говорить съ большимъ числомъ людей, нежели чрезъ словесныя бесѣды, и можно быть полезнымъ пріятелю и непріятелю, и знакомому и незнакомому, и отдаленному потомству; въ 3-хъ, чрезъ книги говорить можно прямѣе и слушать терпѣливѣе. Въ книгѣ можетъ меня наставлять и тотъ, кого бы гордость моя и слушать не стала, если бы онъ заговорилъ; и можно высказать и то, что житейскія приличія и разныя обстоятельства выговорить запрещали бы. Особливо, когда я точно не знаю автора, тогда я наиболѣе бываю безпристрастенъ, и пріемлю ли, отвергаю ли что у него, точно и пріемлю и отвергаю по чувству и по понятію моему; а безъ того, я часто отвергаю истину потому только, что мнѣ говоритъ *такой-то*, или уважаю что нибудь потому только, что сказалъ то *такой-то*: но въ такой истинѣ прямой истины нѣтъ.—Вотъ преимущество чтенія предъ разговоромъ; но вотъ также и невыгоды его.

Слѣдовательно и въ выборѣ чтенія полезно было бы руководство старшаго опыта. Издатель имѣлъ счастіе, бывъ еще 15 лѣтъ, предостереженъ быть отъ такихъ преткновеній благодѣяніемъ одного просвѣщеннаго мужа, который въ самое то время, когда модные писатели поглощались съ жадностію незрѣлыми умами, принялъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи возстающіе мраки, и безъ всякаго инаго призыва, по сему единственно побужденію, въ партикулярномъ домѣ, открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ла Метри и проч., сличалъ ихъ съ противными имъ философами и, показывая разность между ними, училъ находить и

достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направленіе и умамъ и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ! Издатель съ благодарными чувствованіями воспоминаетъ сію счастливую эпоху, составляющую и понынѣ первое благо въ его жизни. Главное, и для тогдашняго времени поразительное, явленіе было то, съ какою силою простое слово его исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ—казалось тогда—весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ святую Библію, которую до того—если кто и не презиралъ вовсе—по крайней мѣрѣ почиталъ книгою, для церквей только потребною, для поповъ однихъ годною; а если кто и читалъ, то развѣ историческую только ея часть для любопытства, или много что для примѣра въ поведеніи; впрочемъ никто къ чтенію Библіи не увѣщевался, и никто не предполагалъ, что Библія служитъ даже и къ просвѣщенію разума; напротивъ того самые набожные люди имѣли тогда несчастную мысль, что отъ чтенія священной сей книги люди съ ума сходятъ. Въ малолѣтствѣ моемъ я разъ наказанъ былъ отъ матери моей изъ набожности за то, что читалъ Библію и прелагалъ въ стихи плачъ Іереміинъ.

Направленіе, которое далъ умамъ и сердцамъ сей благодѣтельный мужъ, открылось въ силѣ и дѣйствіи. Вдругъ явились любители, стали искать духовныхъ книгъ и, по малому тогда числу у насъ оныхъ, стали искать людей, которые бы взялись переводить ихъ съ иностранныхъ языковъ. Нашлись охотники трудиться, охотники жертвовать сему дѣлу своимъ имуществомъ. Я говорю *жертвовать*, въ точномъ смыслѣ сего слова; ибо число читающей публики было тогда такъ мало и число самыхъ предметовъ чтенія такъ ограниченно, что библіотеку каждаго, кто имѣлъ оную, легко было перечесть всю наизусть. Въ цѣлой Москвѣ существовала одна только университетская типографія, и та стояла почти безъ дѣла: книжныя—не лавки, но лавочки—были только на Спасскомъ мосту; новая книга была тогда рѣдкость, и наконецъ весь запасъ чтенія состоялъ изъ однихъ романовъ и нѣсколькихъ историческихъ книжекъ, такъ что предпріятіе печатанія книгъ духовнаго содержанія не только не представляло никакихъ выгодъ, но еще вело къ явнымъ убыткамъ, ибо надлежало родить прежде въ читателяхъ новый вкусъ. Я помню, какъ одинъ любитель чтенія, пришедши въ университетскую книжную лавку купить новенькихъ *хорошенькихъ* книжекъ и находя въ оной творенія Августина, Ѳомы Кемпійскаго и подобныя, съ досадою вышелъ вонъ и пошелъ къ содержателю типографіи съ выговоромъ: для чего нынѣ не печатаются хорошія книги?—Какія подъ симъ названіемъ вы разумѣете? спросилъ скромно хозяинъ гостя. «Напримѣръ: *Маркизъ Глаголь*, *Клевеландъ*, *Желѣзная маска*, *Дѣвица Гарви*,» отвѣчалъ посѣтитель.—«Что дѣлать—отвѣчалъ смиренно содержатель типографіи—мы печатаемъ то, что переводчики намъ принесутъ; а нынѣ они такихъ книгъ намъ не приносятъ: но за неимѣніемъ такихъ, какихъ вы желаете, прошу принять отъ меня, какія есть,» и—отпустилъ его съ связкою духовныхъ книгъ. И такъ, кромѣ издержекъ на плату переводчикамъ и на напечатаніе книгъ, надлежало еще дарить книгами и богатыхъ людей, чтобы пріучить ихъ къ чтенію оныхъ. Таковы выгоды представляло сіе предпріятіе, и однакожъ нашлись люди, которые для общаго блага согласились и на потери.

Предпріятіе сіе благословлено было свыше. Книги духовнаго содержанія стали выходить на нашемъ обыкновенномъ языкѣ одна за другою и, такъ сказать, пролились рѣкою, хотя по несовершенству, сопряженному съ началомъ всякаго дѣла, по неимѣнію еще хорошихъ переводчиковъ

и по самой поспѣшности изданія оныхъ, являлись онѣ въ весьма неисправныхъ переводахъ (*). Сія скоропостижная перемѣна обратила на себя вниманіе всей публики и—какъ обыкновенно со всякою новостью бываетъ—сужденія пошли самыя пристрастныя, самыя непріязненныя. Извѣстно, что сіи люди, за дѣло сіе, потерпѣли не только хулы и поруганія, но и самые тяжкіе кресты—печать, коею ознаменовываются истинно христіанскіе подвиги по обреченію самого Господа (Іоан. XV. 19; Матѳ. X. 22).

Но дѣло самое подъ крестами созрѣвало: вкусъ образовался, охотники до сего чтенія, охотники трудиться надъ переводомъ таковыхъ книгъ, размножались; и теперь, ежели кто читаетъ оныя,—хотя бы и на иностранныхъ языкахъ,—то симъ чтеніемъ и тѣмъ случаемъ, что онъ узналъ о таковыхъ книгахъ и что онѣ вошли въ Россію, по справедливости обязанъ онъ тому пламенному усердію и твердости духа, которые оказали въ началѣ предпринявшіе сіе дѣло во имя Божіе и въ упованіи на милость Его, для пользы братій своихъ.

Какая поразительная перемѣна произошла отъ того въ 30 лѣтъ! Вмѣсто одной академической типографіи здѣсь и университетской въ Москвѣ, сколько теперь имѣемъ мы типографій и въ другихъ городахъ, и сколько появилось книжныхъ лавокъ! Вмѣсто того, что святая Библія считалась за книгу, которую будто бы читать опасно и которую только въ церквахъ для формы предлагать можно—нынѣ всякому стараются доставить ее въ руки по цѣнамъ самымъ дешевымъ, или даже даромъ, такъ что въ пословицу вошло говорить, что *теперь нѣтъ ничего дешеваго, кромѣ Библіи*. Нынѣ Новый Завѣтъ переводится на простой русскій языкъ. Какія важныя отъ того происходятъ и произойти еще могутъ послѣдствія, издатель во свидѣтельство того приведетъ нѣсколько строкъ изъ письма къ нему одного корреспондента его по Библейскому обществу, изъ такого отдѣленія, которое учредить было весьма трудно и въ которомъ теперь открывается совсѣмъ иное. Вотъ что сей корреспондентъ пишетъ:

«По письменнымъ и словеснымъ требованіямъ, и по усмотрѣннымъ надобностямъ, оказалось, что намъ нужно немедленно выписать 500 стереотипныхъ и 100 листовыхъ Библій. Слава Богу! Воля Его, Духомъ Святымъ о Христѣ, приводится въ дѣйствіе. Вмѣсто картъ и шашекъ, и другихъ, въ отвращеніе скуки, упражненій праздности, занимаются здѣсь и должностные, и торговые, и промышленные люди, и заключенные въ тюрьмахъ и острогѣ, чтеніемъ и слышаніемъ Слова Божія. 130 экземпляровъ Московскаго изданія, присланные вами, расхвачены у насъ, какъ и первые; почему покорнѣйше прошу отправленіе требуемыхъ вновь привесть немедленно въ исполненіе.»

(*) Въ примѣръ искуства тогдашнихъ переводчиковъ приведу я одно то, что титулъ римскаго сената, Patres conscripti, переводимъ тогда былъ: *Отцы сонаписанные*.

[1]) Лабзинъ, Александръ Ѳедоровичъ (1776—1824), обучался въ Московскомъ университетѣ и съ молодыхъ лѣтъ принадлежалъ къ обществу Новикова. На шестнадцатомъ году (1782) онъ слушалъ приватныя лекціи профессора Шварца, произведшія на него сильное вліяніе, о которомъ онъ черезъ 35 лѣтъ воспоминалъ съ благодарностью, въ статьѣ: «О чтеніи книгъ» (Сіонскій Вѣстникъ, 1818, февраль, стр. 222—224): «Въ выборѣ чтенія полезно было бы руководство старшаго опыта. Издатель *(т. е. самъ Лабзинъ)* имѣлъ счастіе, бывъ еще 15 лѣтъ, предостереженъ быть отъ такихъ преткновеній *(отъ чтенія вредныхъ книгъ)* благодѣяніемъ одного просвѣщеннаго мужа, который въ самое то время, когда модные писатели поглощались съ жадностію незрѣлыми умами, принялъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи возстающіе мраки, и безъ всякаго инаго призыва, по сему единственно побужденію, въ партикулярномъ домѣ, открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу,

Ламетри и пр., сличалъ ихъ съ противными имъ философами и, показывая разность между ними, училъ находить и достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направленіе и умамъ и сердцамъ далъ сей благодѣтельный мужъ! Издатель съ благодарными чувствованіями воспоминаетъ сію счастливую эпоху, составляющую и понынѣ первое благо въ его жизни. Главное, и для тогдашняго времени поразительное, явленіе было то, съ какою силою простое слово его исторгло изъ рукъ многихъ соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ—казалось тогда—весь умъ заключался, и помѣстило на мѣсто ихъ святую Библію, которую до того, если кто и не презиралъ вовсе, по крайней мѣрѣ почиталъ книгою, для церквей только потребною, для поповъ однихъ годною; а если кто и читалъ, то развѣ историческую только ея часть для любопытства, или много что для примѣра въ поведеніи. Впрочемъ никто къ чтенію Библіи не увѣщевался и никто не предполагалъ, что Библія служитъ даже и къ просвѣщенію разума; напротивъ того, самые набожные люди имѣли тогда несчастную мысль, что отъ чтенія священной сей книги люди съ ума сходятъ. Въ малолѣтствѣ моемъ я разъ наказанъ былъ отъ матери изъ набожности за то,что читалъ Библію и прелагалъ въ стихи плачъ Іереміинъ». Того же 1782г. Лабзинъ, вмѣстѣ съ другими питомцами университета, трудился по изданію «Вечерней Зари»—журнала, служившаго продолженіемъ «Утреннему Свѣту» (см. мою Ист. рус. Слов., I, 556). Переводы свои онъ помѣчалъ буквами: *У. М.*, что значитъ «ученикъ масоновъ» (Встрѣча съ мартинистами, въ Русской Бесѣдѣ, 1859, кн. 1). Эта подпись была сохранена имъ и въ послѣдствіи (*). По окончаніи университетскаго курса, Лабзинъ поступилъ на службу переводчикомъ при московскомъ губернскомъ правленіи, потомъ служилъ при университетской конференціи, и отсюда перешелъ въ секретную экспедицію петербургскаго почтамта. До переѣзда своего въ Петербургъ онъ написалъ «Торжественную пѣснь Екатеринѣ II на прибытіе ея въ Москву изъ путешествія въ Тавриду» 1787) и перевелъ двѣ піесы: «Женитьба Фигаро», Бомарше (1787), и «Судья», Мерсье (1788). Въ 1799 г. былъ опредѣленъ конференцъ-секретаремъ академіи художествъ. Императоръ Павелъ I, принявъ на себя званіе гроссъ-мейстера Мальтійскихъ кавалеровъ, наименовалъ Лабзина исторіографомъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и повелѣлъ ему составить полную его исторію. Она вышла въ 5 ч. (1799—1801), и послѣдняя часть посвящена Александру I. Занимая должность въ академіи, Лабзинъ въ 1804 г. былъ произведенъ въ дѣйств. ст. совѣтники и въ томъ же году получилъ мѣсто директора департамента въ министерствѣ морскихъ силъ. Въ 1806 году издавалъ ежемѣсячный христіанско-нравственный журналъ «Сіонскій Вѣстникъ», который остановился было на четвертой (апрѣльской) книжкѣ, но покровительство и доброжелательство нѣкоторыхъ важныхъ особъ спасли его, какъ объявлялъ самъ издатель. Послѣ того вышло еще четыре книжки (съ мая по сентябрь), и журналъ былъ прекращенъ, «по обстоятельствамъ немаловажнымъ и не отъ воли издателя зависѣвшимъ». Огорченный издатель писалъ къ знаменитому въ то время нѣмецкому мистику Штиллингу и получалъ отъ него утѣшенія и совѣты. Это мы узнаемъ отъ самого Лабзина, въ 14-ой книжкѣ (1807) переведеннаго имъ Штиллингова сочиненія: «Угрозъ Свѣтовостоковъ». Авторъ, жалуясь на то. что профессорская каѳедра мѣшаетъ ему заниматься христіанскими сочиненіями, которыми онъ могъ бы приносить гораздо больше пользы, чѣмъ лекціями, и что справедливѣе было бы отказаться отъ профессорства и жалованья, говоритъ: «Но чѣмъ же платить долги? Какой государь станетъ кормить тунеядца, хотящаго служить только для царствія Божія,—человѣка, покрытаго поношеніемъ за имя Христово, который отъ просвѣщеннаго свѣта считается архимечтателемъ и сумасбродомъ?» (стр. 80 и 81). При этихъ словахъ, переводчикъ сдѣлалъ въ выноскѣ обращеніе къ Штиллингу: «любезный Штиллингъ! не одинъ ты пользуешься честію сего поношенія. И ты самъ ободрялъ меня къ тому же въ дружескомъ письмѣ твоемъ, за что и благодарю тебя». Какія именно особы (или особа) оказывали благосклонное покровительство издателю Сіонскаго Вѣстника, мы сказать не можемъ; знаемъ только, по воспоминаніямъ С. Аксакова изъ петербургской жизни 1808 г., что Лабзинъ былъ «великій братъ и начальникъ секты мартинистовъ», и что между нимъ и Н. Н. Новосильцевымъ «шла секретная переписка о Сіонскомъ Вѣстникѣ, которую читалъ самъ Государь» (см. указанную статью: Встрѣча съ мартинистами). Въ періодъ времени, отъ прекращенія Вѣстника до возобновленія его (1806—1817), Лабзинъ занимался переводами сочиненій Бема, Эккартсгаузена, Штиллинга и другихъ мистическихъ книгъ, которыя будутъ ниже исчислены. За эти труды онъ получилъ орденъ св. Владимира 2-ой степени, какъ выражено въ грамотѣ при пожалованіи ему ордена. Возобновленный

(*) Другія его подписи: «Безъеровъ», такъ какъ онъ не писалъ *еровъ*, а въ Сіонскомъ Вѣстникѣ: «Ѳеопемптъ Мисаиловъ».

Сіонскій Вѣстникъ началъ издаваться въ 1817 г. съ апрѣля, также по одной книжкѣ въ мѣсяцъ, и посвященъ имени Спасителя: «Господу Іисусу Христу, бывшему, сущему и грядущему, вѣчному возродителю и обновителю всяческихъ, о Его же имени всяко колѣно поклонится небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, прахъ и пепелъ, чающій обновленія своего, со всѣми купно припадая и поклоняяся, въ недостоинствѣ своемъ, съ трепетнымъ благоговѣніемъ сей трудъ свой и самого себя посвятить дерзаетъ». Въ числѣ особъ, подписавшихся на журналъ, стоятъ, въ первой же книжкѣ, имена Государя Императора и цесаревича Константина Павловича. Обстоятельства, затруднявшія изданіе журнала въ первый годъ его существованія, дѣйствовали и въ послѣдствіи, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста въ посланіи Невзорова къ Поздѣеву, 1817 г.: «Касательно письма моего къ симоновскому архимандриту, съ котораго вы имѣете у себя копію, я нужнымъ почитаю вамъ сказать, что причиною его была истинно одна ревность защитить книги, христіанство проповѣдующія (*), противъ которыхъ опять начинаютъ уже злиться по причинамъ, истинно не христіанскимъ, а по видамъ только барышничества и самолюбія. И подлинно не только возстаютъ противъ книгъ христіанскихъ, но и издателей ихъ терпѣть не могутъ, и теперь особливо всячески поносить стараются А. Ѳ. Лабзина, столько въ пользу христіанства изданіемъ спасительныхъ книгъ потрудившагося, вмѣсто того, что они вмѣстѣ съ нами должны бы отъ чистаго сердца благодарить почтеннаго сего издателя и радоваться, что Богъ благоволилъ снова открыть ему свободный путь къ распространенію евангельскихъ истинъ чрезъ продолженіе и изданіе сихъ книгъ. Кажется, буквальные и сущность христіанства составляющей мистики нетерпящіе книжники и фарисеи и нынѣ суть тѣже, которые судили верховнаго начальника нашего Спасителя Іисуса во дворѣ Каіафы. Папежцы не усумнятся и теперь кого угодно сжечь такъ, какъ они сожгли Гусса и многихъ другихъ служителей и свидѣтелей истины. Но ангелъ, царствующій у насъ на престолѣ, христіанскими своими учрежденіями и явнымъ покровительствомъ и защитою трудящихся въ служеніи истинной христіанской церкви связываетъ сатану, искони козни дѣлающаго апостоламъ, ученикамъ и послѣдователямъ Христовымъ». (Библ. Записки, 1858, № 21, стр. 643—645). Сіонскій Вѣстникъ 1818 кончился іюльской книжкой, такъ что изданіе его за три года составляетъ 8 частей, или 24 книжки. Покончивъ съ журналомъ, Лабзинъ снова принялся за переводъ мистическихъ сочиненій. Въ 1818 г., изъ конференцъ-секретаря академіи художествъ онъ былъ назначенъ ея вице-президентомъ. Въ 1822 г., по неудовольствію гр. Аракчеева, былъ отставленъ отъ службы и, кажется, висланъ изъ столицы въ Симбирскъ. По этому случаю, архимандритъ Фотій, одинъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ мистико-масонскаго направленія, въ письмѣ къ Д. А. Д—ой, говоритъ: «Помяни, о святая душе, гдѣ гордый Лабзинъ, отецъ и ересіархъ? Яко трава, яко прахъ погибе: то будетъ и дѣткамъ его нечестивымъ и буйнымъ». (Рус. Архивъ, 1863, вып. 4). Вотъ какъ Лабзина изобразилъ С. Аксаковъ: «Лабзинъ былъ средняго роста и крѣпкаго сложенія; выразительныя черты лица, орлиный взглядъ темныхъ, глубоко-знаменательныхъ глазъ, и голосъ, въ которомъ слышна была привычка повелѣвать, произвели на меня сильное впечатлѣніе. Въ обращеніи онъ былъ совершенно простъ и любилъ употреблять рѣзкія, такъ называемыя тривіальныя или простонародныя выраженія, какъ напримѣръ: выцарапать глаза, заткнуть за поясъ, разорвать глотку и т. п.... Сей часъ можно было замѣтить, что А. Ѳ. Лабзинъ—человѣкъ необыкновенно умный, властолюбивый, пылкій по природѣ, но умѣющій владѣть собою. Въ разговорахъ, онъ ни однимъ словомъ не обнаружилъ своего исключительнаго, мистическаго направленія; онъ не касался никакихъ духовныхъ предметовъ, и очень весело, остроумно, не скупясь на эпиграммы, разсуждалъ о дѣлахъ общественныхъ и житейскихъ... Въ обращеніи его съ «братьями» слышенъ былъ тонъ господина, а «братья» относились къ нему почтительно, какъ будто къ существу высшей природы (Встрѣча съ мартинистами). Въ воспоминаніяхъ былаго: Знакомые (журналъ «Время», 1861, № 7), Марья Каменская вывела Лабзина, подъ именемъ Лазина, который, своимъ ученіемъ до того будто бы увлекъ дочь Головастова, инспектора училища рисованья (вѣроятно, разумѣется академія художествъ), что она сдѣлалась полусумасшедшею и въ смиреніи, рано по утрамъ, мыла крыльцо своего просвѣтителя. Правда ли это, или вымыселъ для прикрасы воспоминаній—пусть рѣшитъ сама писательница (Кромѣ Словаря митр. Евгенія, ч. 2, Встрѣчи съ мартинистами С. Аксакова и разныхъ указаній въ переводахъ и изданіяхъ Лабзина, я пользовался нѣкоторыми свѣдѣніями, сообщенными мнѣ Я. К. Гротомъ).

Сочиненія и переводы:

Фигарова женитьба, ком. въ 5 д., сочиненія

(*) Подъ этимъ словомъ Невзоровъ разумѣетъ мистико-масонскія книги.

Петра Августина Карона де Бомарше, пер. съ фр. (М. 1787). Въ обширномъ предисловіи къ первому опыту своихъ трудовъ въ драматическомъ родѣ, Лабзинъ говоритъ о причинахъ, побудившихъ его къ знакомству съ Фигаро, объ успѣхѣ представленія піесы на московской сценѣ, который всего болѣе былъ одолженъ игрѣ двухъ сестеръ Синявскихъ и Померанцевой (въ роляхъ Графини, Пажа и Сусанны), наконецъ о критикахъ какъ на самую комедію, такъ и на переводъ ея. Переводчикъ защищаетъ и длинноту комедіи, и ея вольность.

Торжественная пѣснь Екатеринѣ II на прибытіе въ Москву изъ предпріятаго путешествія въ Тавриду, въ день восшествія на престолъ, совершающій двадцатипятилѣтіе ея царствованія, іюня 28 дня 1787 г. поднесенная Александромъ Лабзинымъ (М. 1787).

Судья, драма, переводъ изъ сочиненій господина Марсьера (М. 1788). Въ предисловіи, объяснивъ значеніе піесы, Лабзинъ сравниваетъ свой переводъ съ другимъ переводомъ той же драмы, принадлежащимъ г. К.

Исторія ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, 5 ч. (1799—1801).

Путешествіе младаго Костиса отъ Востока къ Полудню, соч. Эккартсгаузена, пер. съ нѣм. (Спб. 1801; 2-ое изд. 1803; 3-ье—1816). Первый опытъ перевода Лабзина изъ сочиненій нѣмецкаго мистика, заслужившій «отмѣнно благосклонный пріемъ публикою». Къ 3-му изданію прибавленъ переводъ изъ сочиненій того же автора: «Извѣстія изъ страны истины отъ путешественниковъ».

Важнѣйшіе іероглифы для человѣческаго сердца, твореніе Карла Эккартсгаузена, 2 ч., пер. съ нѣм. (Спб. 1803; 2-ое изд.—1816). Съ русскаго перевода эта книжка была переведена на польскій языкъ.

Наставленіе мудраго испытанному другу, изъ сочиненій г. Эккартсгаузена, пер. съ нѣм. (Спб. 1803; 2-ое изд. 1817). Опытъ библіографіи Сопикова (V, 12697) замѣчаетъ, что переводъ этой книжки приложенъ также къ 1-му изд. «Важнѣйшихъ іероглифовъ». Съ русскаго перевода «Наставленіе» переведено на франц. и пол. языки.

Отрывки изъ сочиненій г. Эккартсгаузена, съ силуэтомъ автора, пер. съ нѣм. (Спб. 1803). Пять отрывковъ: а) Наставленіе жреца натуры Клоаса Софрониму (переведено съ рукописи, присланной авторомъ Лабзину); б) о языкѣ и письмѣ; в) приложеніе вышней математики къ химіи; г) о способности рода человѣческаго къ совершенству: д) нѣчто изъ внутреннѣйшаго.

Диѳирамбъ на безсмертіе души. Сочиненіе г-на Делиля (Спб. 1804). Переводъ посвященъ императору Александру I, въ первый день новаго 1804 г.

Облако надъ святилищемъ, или нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ, соч. Эккартсгаузена, пер. съ нѣм. (Спб. 1804).

Ключъ къ таинствамъ натуры, соч. г. Эккартсгаузена, 4 ч., пер. съ нѣм. (Спб. 1804; 2-ое изд. 1821).

Ночи, или бесѣды мудраго съ другомъ, изъ сочиненій г-на Эккартсгаузена (М. 1804; 2-ое изд. Спб. 1816).

Краткія нравоучительныя правила на каждый день года для друзей христіанства, пер. съ нѣм. изъ сочиненій Штиллинга (Спб. 1805).

Приключенія по смерти, соч. Штиллинга, 3 ч., пер. съ нѣм. (Спб. 1805).

Угрозъ Свѣтовостоковъ, сочиненіе Іоанна Генриха Юнга, называющагося иначе Генрихомъ Штиллингомъ, 8 частей или 30 книжекъ (Спб. 1806—1815). Двѣ первыя части, или 8 книжекъ, нап. 2-мъ изданіемъ въ Спб. 1815 г.

Сіонскій Вѣстникъ на 1806 г.

Просвѣщенный пастухъ, или духовный разговоръ одного благочестиваго священника съ Пастухомъ, въ которомъ открываются дивныя тайны Божественной и таинственной премудрости, являемой отъ Бога чистымъ и простымъ душамъ (Спб. 1806). Приписываю сочиненіе или, по крайней мѣрѣ, изданіе этой книжки Лабзину на основаніи замѣтки о молитвѣ (въ выноскѣ на стр. 42—43), такъ какъ здѣсь выражаются понятія, сходныя съ тѣми, какія выражались неоднократно въ Сіонскомъ Вѣстникѣ по поводу того же предмета.

Пастырское посланіе (Спб. 1806). Объ этой книжкѣ говоритъ Невзоровъ въ посланіи къ Поздѣеву.

О фосфорной кислотѣ, яко вѣрнѣйшемъ средствѣ противъ гнилости, соч. Эккартсгаузена, пер. съ нѣм. (Спб. 1811).

Наука числъ, соч. Эккартсгаузена, 2 ч., пер. съ нѣм. (Спб. 1815). Продолженіе «Ключа къ таинствамъ натуры», составленное переводчикомъ изъ двухъ книгъ автора: а) Наука числъ природы, или ключъ къ іероглифамъ природы, и б) Пробазеологія, или практическая часть науки числъ.

Christosophia, или Путь ко Христу, въ 9 книгахъ, твореніе Іакова Бема, прозваннаго тевтоническимъ философомъ, пер. съ нѣм. (Спб. 1815).

Побѣдная пѣснь, соч. Штиллинга, пер. съ нѣм. (Спб. 1815).

Путеводитель къ совершенству жизни христіанской, 2 ч. (Спб. 1816). Часть 1: Брань духовная, или наука побѣждать свои страсти и торжествовать надъ пороками, пер. съ франц. Часть 2: О внутреннемъ мирѣ, Амвросія Ломбеза, пер. съ фр.

Жизнь Генриха Штиллинга, истинная повѣсть, пер. съ нѣм., 2 ч. (Спб. 1816).

Молитвы, почерпнутыя изъ псалмовъ Давидовыхъ, для христіанской души изданныя Карломъ Эккартсгаузеномъ, пер. съ нѣм. (Спб. 1817).

Сіонскій Вѣстникъ на 1817 и 1818 г.

Послѣдніе дни Юнга Штиллинга, или шестая книжка его жизни, начатая имъ самимъ, а оконченная внукомъ и зятемъ его (Спб. 1818).

Слова воспоминанія о усопшемъ, незабвенномъ другѣ Іоаннѣ Генрихѣ Юнгѣ, прозванномъ Штиллингомъ, отъ нѣкоторыхъ друзей его (Спб. 1818).

Зеркало внутренняго человѣка, въ которомъ каждый себя видѣть, состояніе души своей познавать, и исправленіе свое потому располагать можетъ, въ десяти картинахъ представленное съ объясненіемъ оныхъ. Пер. съ нѣм. (Спб. 1819).

[2]) Сіон. Вѣст., 1818, февраль. Просвѣщенный мужъ, о которомъ говорится въ этой статьѣ на стр. 472-ой,—профессоръ московскаго университета Шварцъ. Онъ читалъ въ 1782—83 г. два курса: одинъ публичный—«о трехъ познаніяхъ: любопытномъ, пріятномъ и полезномъ», а другой приватный, у себя на дому, для студентовъ филологической семинаріи, по исторіи философіи. Лабзинъ, вѣроятно, слушалъ послѣдній крусъ, содержаніе котораго, по отзыву г. Ешевскаго (см. Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, въ 8 № Рус. Вѣст. на 1864 г.), проникнуто направленіемъ, отличающимъ масонскія сочиненія, такъ что лекціи Шварца могли служить лучшимъ приготовленіемъ къ масонству.

XLII.

Ѳ. Н. ГЛИНКА. ([1]).

А. ПИСЬМА РУССКАГО ОФИЦЕРА (1812). ([2]).

16 Іюля, 1812.—Смоленскъ.

Сей часъ пріѣхалъ я въ Смоленскъ. Какое смятеніе распространилось было въ народѣ!... Получили извѣстіе, что непріятель уже близь Орши. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ корпуса арміи нашей, проходя различными путями къ одной цѣли, соединились въ чрезвычайно укрѣпленномъ лагерѣ при Дриссѣ, и нажидали непріятеля. Полагали, что онъ непремѣнно пойдетъ на то мѣсто, чтобъ купить себѣ входъ въ древніе предѣлы Россіи цѣною сраженія съ нашими войсками; ибо какъ отважиться завоевывать государство, не разбивъ его войскъ? Но дерзкій Наполеонъ, надѣясь на неисчислимое воинство свое, ломится прямо въ грудь отечества нашего. Видѣть врага въ предѣлахъ нашихъ, видѣть его попирающаго родныя наши поля.... Руские болѣе уже столѣтія отъ этого отвыкли. Умы и души въ страшномъ волненіи. Уже потянулись длинные обозы; всякій развѣдываетъ, гдѣ безопаснѣе. Никто не хочетъ достаться въ руки непріятелю. Кажется въ Россіи, равно какъ и въ Испаніи, будетъ онъ покорять только землю, а не людей. До сихъ поръ Смоленскъ совершенно опустѣлъ бы, еслибъ не успокоило встревоженныхъ гражданъ его вожделѣнное присутствіе Государя. Проѣзжая изъ арміи въ Москву, онъ посѣтилъ и нашъ городъ. При особѣ Его Величества находились: графъ Аракчеевъ, министръ полиціи Балашевъ и Александръ Семеновичъ Шишковъ, который недавно написалъ столь превосходное твореніе о «любви къ отечеству» ([3]). Я узналъ отъ живущихъ на большой дорогѣ, что Государь, проѣзжая тамъ вчерашній день, весьма ласково разговаривалъ съ поселянами, заходилъ въ церкви, молился и приказывалъ народу молиться.

---

17 Іюля. Смоленскъ.

Мой другъ! настаютъ времена Минина и Пожарскаго! Вездѣ гремитъ оружіе, вездѣ движутся люди! Духъ народный, по-

слѣ двухъ сотъ-лѣтняго сна, пробуждается, чуя грозу военную. Равно какъ и при нашихъ предкахъ, сей духъ прежде всего ознаменовался въ стѣнахъ Смоленска. Я сообщу тебѣ о всемъ томъ, что происходило тамъ въ бытность Государя.

Губернскій предводитель нашъ, маіоръ Лесли, отъ лица всего дворянства, испрашивалъ у Государя позволеніе вооружить 20,000 ратниковъ на собственный коштъ владѣльцевъ. Государь принялъ важную жертву сію. Находящіяся здѣсь войска и многочисленная артиллерія были обозрѣваемы самимъ Государемъ. Къ нимъ, по высочайшему повелѣнію, должны немедленно присоединиться идущіе изъ Дорогобужа и другихъ депо рекрутскіе баталіоны. Уже передовой отрядъ, подъ начальствомъ храбраго генерала Оленина, выступилъ къ Красному. Старый генералъ Лесли, поспѣшно вооруживъ четырехъ сыновъ своихъ и нѣсколько десятковъ ратниковъ, послалъ ихъ присоединиться къ сему же отряду, чтобъ быть впереди. Вчера принятъ изъ отставки въ службу г. м. Пассекъ и получилъ начальство надъ частію здѣшнихъ войскъ. Смоленскъ принимаетъ видъ военнаго города. Безпрестанно звенятъ колокольчики, скачутъ курьеры, провозятъ плѣнныхъ и шпіоновъ. Нѣсколько польскихъ губерній подняли знамя возмущенія. Не даромъ они твердили пословицу: «слышитъ птичка весну?» Они думаютъ воскреснуть среди всеобщаго разрушенія!... Обстоятельства становятся бурны. Не знаю, буду ли съ тобою видѣться; но письменное сношеніе замѣняетъ половину свиданія—такъ говоритъ персіянинъ Бекали; я вѣрю ему—и буду стараться къ тебѣ писать.—Прощай!...

---

18 Іюля 1812. Село Сутоки.

Наконецъ поля наши, покрытыя обильнѣйшею жатвою, должны будутъ вскорѣ содѣлаться полями сраженій. Но счастливы онѣ, что послужатъ мѣстомъ соединенія обѣихъ армій и пріобрѣтутъ, можетъ быть, въ потомствѣ славу полтавскихъ: ибо первая западная армія, подъ начальствомъ Барклая де Толли, а вторая князя Багратіона, послѣ неисчислимыхъ препятствій со стороны непріятеля, соединились наконецъ у Смоленска. Платовъ прибылъ сюда же съ 15,000 донскаго войска. Армія наша немногочисленна, но войска никогда не бывали въ такомъ устройствѣ и полки никогда не имѣли такихъ прекрасныхъ людей. Войска получаютъ наилучшее продовольствіе; дворяне жертвуютъ всѣмъ. Со всѣхъ сторонъ везутъ печеный хлѣбъ, гонятъ скотъ и доставляютъ все нужное добрымъ нашимъ солдатамъ, которые горятъ желаніемъ сразиться у стѣнъ Смоленскихъ. Нѣкоторые изъ нихъ изъясняютъ желаніе сіе самымъ простымъ, но конечно изъ глубины сердца исходящимъ выраженіемъ: «мы уже видимъ сѣдыя бороды отцовъ нашихъ», говорятъ они: «отдадимъ ли ихъ на поруганіе? Нѣтъ, не бывать тому! сыны ихъ умѣютъ сражаться и умирать.»

Августа 4. Село Сутоки, въ 2 часа за полдень.

Въ сіи минуты, какъ я пишу къ тебѣ дрожащею рукою, рѣшается судьба Смоленска. Непріятель, сосредоточивъ гдѣ-то великія силы, ворвался вчера въ Красное; и между тѣмъ, какъ наши смотрѣли на Рудню, онъ полетѣлъ къ Смоленску, чтобъ овладѣть имъ внезапно. Дивизія Неверовскаго принесла сегодня французовъ на плечахъ; а храбрый генералъ Раевскій встрѣтилъ ихъ съ горстію войскъ и не впустилъ въ городъ. Батареи разставлены. Всѣ жители переселились не въ страну дальнюю, но на вершину горы Покровской, чтобы видѣть или спасеніе или погибель роднаго города.

Непріятель съ двумя стами тысячъ наступаетъ на Смоленскъ. 150,000 нашихъ уже подоспѣли къ оборонѣ онаго. Сраженіе горитъ подъ самыми стѣнами. Когда получишь сіи строки, то знай, что чей-

нибудь жребій уже рѣшился: или отбить Наполеонъ, или дверь въ Россію отперта.

Я сей часъ иду помолиться въ послѣдній разъ на гробахъ родителей.

Августа 8. Село Цуриково.

Я видѣлъ ужаснѣйшую картину—я былъ свидѣтелемъ гибели Смоленска. Погубленіе Лиссабона не могло быть ужаснѣе. 4 числа непріятель устремился къ Смоленску и встрѣченъ, подъ стѣнами его, горстью неустрашимыхъ Россіянъ. 5 числа, съ ранней зари до поздняго вечера, двѣнадцать часовъ, продолжалось сраженіе подъ стѣнами, на стѣнахъ и за стѣнами Смоленска. Рускіе не уступали ни на шагъ, дрались какъ львы. Французы, или, лучше сказать, поляки, въ бѣшеномъ изступленіи лѣзли на стѣны, ломились въ ворота, бросались на валы и въ безчисленныхъ рядахъ тѣснились около города по ту сторону Днѣпра. Наконецъ, утомленный противоборствіемъ нашихъ, Наполеонъ приказалъ жечь городъ, котораго никакъ не могъ взять грудью. Тучи бомбъ, гранатъ и чиненыхъ ядеръ полетѣли на домы, башни, магазейны, церкви. И домы, церкви и башни обнялись пламенемъ—и все, что можетъ горѣть, запылало! Опламененныя окрестности, густой, разноцвѣтный дымъ, багровыя зори, трескъ лопающихся бомбъ, громъ пушекъ, кипящая ружейная пальба, стукъ барабановъ, вопль старцевъ, стоны женъ и дѣтей, цѣлый народъ, упадающій на колѣни съ воздѣтыми къ небу руками: вотъ что представлялось нашимъ глазамъ, что поражало слухъ и что раздирало сердце!.. Толпы жителей бѣжали изъ огня, полки русскіе шли въ огонь; одни спасали жизнь, другіе несли ее на жертву. Длинный рядъ подводъ тянулся съ тяжело-ранеными.

Въ глубокія сумерки вынесли изъ города икону Смоленскія Божія Матери. Унылый звонъ колоколовъ, сливаясь съ трескомъ распадающихся зданій и громомъ сраженія, сопровождалъ печальное шествіе сіе. Блескъ пожаровъ освѣщалъ оное. Между тѣмъ черно-багровое облако дыма засѣло надъ городомъ, и ночь присоединила темноту ко мраку, и ужасъ къ ужасу. Смятеніе людей было столь велико, что многіе выбѣгали полунагими, и матери теряли дѣтей своихъ. Козаки вывозили на сѣдлахъ младенцевъ изъ мѣстъ, гдѣ свирѣпствовалъ адъ. Наполеонъ отдалъ приказъ, чтобъ Смоленскъ взятъ былъ непремѣнно 5 числа; однакожъ Рускіе отстояли его грудью—и 5 числа городъ не былъ взятъ. Но 6-го рано, о превратность судьбы!—то, что удерживали съ такимъ усиліемъ, отдали добровольно! Главнокомандующій имѣлъ на то причины. Теперь Смоленскъ—огромная груда пепла; окрестности его суть окрестности Везувія послѣ изверженія. Наши поспѣшно отступаютъ къ Дорогобужу; но сей часъ, то есть 8-го числа къ вечеру, пріостановились недалеко отъ Бредихи. Третьяго дня дрались, вчера дрались, сегодня дерутся и завтра будутъ драться. Враги берутъ однимъ многолюдствомъ. Вооружайтесь всѣ, вооружайся всякъ, кто только можетъ, гласитъ наконецъ главнокомандующій въ послѣдней прокламаціи своей. И такъ—народная война!

в. Завѣтная книга (1821). (1)

Въ пустынѣ далекой былъ старецъ сѣдой,
Пещера въ утесѣ—жилище его;
И дубъ устарѣлый и кленъ молодой
Укромную келью, шумя, осѣняли;
И теплилась тихо на сумрачномъ сводѣ
Лампада; въ срединѣ налой, и на немъ
Лежала, какъ тайна, «завѣтная книга»;
И къ ней только старецъ одинъ прикасался.
Три части вмѣщала та книга въ себѣ;
Три разныя ленты тѣ части дѣлили:
Какъ свѣжая роза, алѣла одна;
Другая, какъ небо, была голубая;
Но черная третья, какъ врана крыло.

И съ каждымъ разсвѣтомъ пустынникъ-мудрецъ
Съ почтеніемъ къ книгѣ завѣтной подходитъ
И листъ, но не болѣ, читаетъ одинъ.
И онъ ужь за черной прочитывалъ лентой;
Немного ему оставалось читать.
Читаетъ—и книгу, со вздохомъ, закрывъ,
Идетъ онъ, склоненный въ глубокую думу,
Какъ будто прощаться съ природой.—
Такъ мирно
И тихо въ немъ жизнь погасала, какъ день
На ясномъ безоблачномъ небѣ.—И вотъ
Пришелъ къ нему гость изъ мятежнаго свѣта:
То юноша свѣжій, какъ цвѣтъ молодой;
Румянецъ пылалъ на лилейныхъ щекахъ,
И свѣтлыя искры сіяли въ очахъ,
И кудри играли вкругъ шеи прямой.
«Отецъ! благодатью святой осѣни
Пришельца изъ бурнаго свѣта. Открой
Высокую тайну; скажи мнѣ, мудрецъ:
Какъ въ мірѣ мятежномъ безъ бури прожить?
И гдѣ обитаетъ блаженство? скажи:
Гдѣ съ пылкой душою я счастье найду?
Пусть мудрости хладной созрѣлый совѣтъ
Кипящую жажду въ груди утолитъ.
Напой меня свѣтомъ вѣщаній святыхъ;
Открой, благодатный, мнѣ тайны судьбы
И жизни науку.»—И старецъ въ отвѣтъ:
«О, посланный сердцу наслѣдникъ младой!
Приди, мой желанный! и тайну прими,
Высокую тайну.... Въ сей книгѣ она:
Вся жизни премудрость въ сей книгѣ святой,
Завѣтной: ты каждый читай ее день,
И листъ, но не болѣ, для каждаго дня!
Не болѣе, помни!»... Съ симъ словомъ почилъ,
Какъ тихій младенецъ, столѣтній мудрецъ.
И было преданье, что ангелъ пустынь
Восхитилъ земные остатки его.
Вотъ ночь протекаетъ, какъ вѣчность....
Съ зарей
Къ завѣтной подходитъ пылающій чтецъ
И къ розовой лентѣ душою летитъ.
Читаетъ—и сердце весельемъ зажглось:
Все розовымъ свѣтомъ сіяетъ въ очахъ;
Всѣ жилы, какъ струны, дрожатъ, и ключемъ
Кипитъ молодая, румяная кровь;
Улыбка играетъ на свѣжемъ лицѣ;
Онъ, кажется, слышитъ надежды привѣтъ
И голосъ знакомыхъ мечтаній: онъ весь
Восторгъ и желанье... Ужъ листъ пробѣжалъ
И далѣ, все далѣ, какъ вспыхнувшій огнь
При вѣяньѣ вѣтра на полѣ сухомъ;
И вотъ въ упоеньѣ всю первую часть
Прочелъ, поглотилъ онъ—и розовый свѣтъ
Угасъ, и поблекла улыбка.... Онъ стихъ.
Но слышитъ онъ новый заманчивый гласъ:
«Все далѣе, далѣ!» Эѳиръ голубой
Сіяетъ, какъ небо, въ завѣтныхъ листахъ.
И все постояннѣй, и все тамъ вѣрнѣй,
И счастья обѣты слышнѣе, и цѣль
Вдали, за туманомъ, яснѣе горитъ...
Спокойнѣе взоры чтеца, но унылъ
И пасмуренъ сталъ онъ, когда перешелъ
За черную ленту.... Тамъ вялая жизнь,
Какъ сонныя воды въ пустынныхъ брегахъ...
Прочелъ—и со вздохомъ воспомнилъ завѣтъ,
И тихо побрелъ онъ къ родной сторонѣ.
Но тамъ не надолго онъ гость у друзей!
Онъ сохнетъ, онъ вянетъ отцвѣтшей душой,
Линяетъ румянецъ на впалыхъ щекахъ,
И жизнь догораетъ во взорахъ—и вотъ,
Унылый, онъ рано въ могилу сошелъ.
Постигнули тайну кончины его.
И братья и други, по лѣтамъ забавъ,
Вздыхая, жалѣли о пылкомъ чтецѣ,
Что книгу онъ жизни такъ рано прочелъ!

6. ИСКАНІЕ БОГА (1822). (5).

Я видѣлъ: смерклись небеса;
Земля дала глухіе стоны;
Возсталъ духъ бурь, сломилъ препоны,
Стопой, какъ жатву, смялъ лѣса;

И горы съ мѣстъ, и горъ обломки
Онъ, мощный, въ дебряхъ разметалъ!
Воззвалъ я Бога гласомъ громкимъ—
Но Бога въ буряхъ не видалъ!

Я видѣлъ: ровныя поля
То гнулись въ долы, то холмились,
И волновалася земля,
И камни градомъ съ горъ катились,
И грозно небеса дымились...
И, трепетный, звалъ Бога я—
Но въ бурныхъ мятежахъ земныхъ
Не зрѣлъ слѣдовъ Его святыхъ!

Свидѣтель новыхъ я чудесъ:
Отъ молній рдѣетъ сводъ небесъ,
И пышутъ огненные токи,
И на лицѣ полей широкихъ
Все стало пыломъ, все огнемъ—
Но Бога я не видѣлъ въ немъ!

И въ слѣдъ за бурей—тишина;
Душа предчувствіемъ полна;
Какъ молодой зари мерцанье,
Въ дыму серебряномъ горитъ
Святое алое сіянье.
На тайный зовъ душа летитъ
И дышитъ жизнью неземною...
Все стало сладкой тишиною,
И я вдали, какъ въ дивномъ снѣ,
Услышалъ Бога—въ тишинѣ!

г. Гласъ (1827). (6).

Чей шопотъ въ душу проникаетъ?
Кто говоритъ мнѣ: «веселись!
«Година счастья наступаетъ,
Ужъ годы скорби пронеслись.
Уже грѣховъ истерлись цѣпи
И расклепались кандалы;
Одѣнутся дубравой степи
И жатвы взыдутъ на скалы.
Настанетъ новыхъ думъ порядокъ;
Свершится рядъ завѣтныхъ числъ;
И тайны вѣковыхъ загадокъ,
И прорицаній темныхъ смыслъ
Постигнутъ люди,—и мгновенно
Воспрянетъ всякъ, какъ пробужденный
Отъ тяжкихъ, воспаленныхъ сновъ.
Пройдетъ піянство шумной злобы,
И въ пяти-чувственные гробы
Войдетъ вторая жизнь—любовь!
Повѣетъ сладкое прощенье
Надъ осужденною землей;
И потечетъ благословенье
На широту земныхъ полей;
И люди встрѣтятся какъ братья,
И—дѣти предъ лицемъ Отца—
Другъ другу кинутся въ объятья
И сложатъ въ длань его сердца.»

д. Карелія (1830). (7)

а) Природа Кареліи.

Пуста въ Карелѣ (8) сторона,
Безмолвны сѣвера поляны:
Въ тиши ночной, какъ великаны,
Возставъ озеръ своихъ со дна,
Въ выси рисуются обломки—
Чуть уцѣлѣвшіе потомки
Былыхъ, первоначальныхъ горъ.
Но рѣдко человѣка взоръ
Скользитъ, заходитъ въ ихъ изгибы;
Однѣ, встревожась, плещутъ рыбы,
Иль крики чаекъ на водахъ
Пустынный отзывъ оживляютъ.
Порою, на пустыхъ брегахъ,
Сквозь млечновидные туманы,
Мелькаетъ тѣнь передъ огнемъ,
Иль въ челнокѣ, златымъ столпомъ,
Огонь. И въ сумеркахъ, румяный,
Онъ стелетъ ленты подъ водой:
То сынъ Карелы молчаливый,
Безпечныхъ лоховъ (9) станъ сонливый
Тревожитъ меткой острогой.
За чѣмъ лукавый рой порхаетъ
Огней, на зыбкихъ персяхъ блатъ,
И легковѣрныхъ обольщаетъ
Искать, гдѣ спитъ завѣтный кладъ?
Зачѣмъ стекло озеръ сіяетъ,
И ярки радужный нарядъ
И льдистые лѣсовъ алмазы?

Въ сихъ дебряхъ, дикихъ и пустыхъ,
Никто картинъ не видитъ сихъ!
Ночное небо—тутъ бываетъ—
Вдругъ разгорится, все въ лучахъ—
Зажжется сѣверъ и пылаетъ ([10]).
Огни то въ пламенныхъ столпахъ,
То колосистыми снопами,
Или кудрявыми дугами,
Яснѣя въ хладной высотѣ,
Выходятъ, строятся рядами,
Какъ рати въ грозной красотѣ.....
Ночную даль пожаръ узритъ,
И золото съ румянцемъ споритъ.
Въ выси и въ зеркалѣ озеръ
Все пышно: край небесъ обвѣшенъ
Парчей и тканьми, какъ шатеръ.

Дика Карелія, дика!
Надутый парусъ челнока
Меня промчалъ по симъ озерамъ;
Я проходилъ по симъ хребтамъ,
Зеленымъ дебрямъ и пещерамъ:
Вездѣ пустыня! здѣсь и тамъ
Отъ Саломейскаго пролива
Къ семьѣ Сюйсарскихъ острововъ,
До рѣчки, съ жемчугомъ игривой (*),
До дальнихъ сѣверныхъ лѣсовъ,
Нигдѣ ни городовъ, ни башень
Пловецъ унылый не видалъ,
Лишь изрѣдка отрывки пашень
Висятъ на тощихъ ребрахъ скалъ;
И мертво все, пока шелойникъ ([11])
Въ Онегу, съ свистомъ, сквозь лѣса
И нагло къ челнамъ, какъ разбойникъ,
И рветъ на соймахъ ([12]) паруса,
Подъ скрипомъ набережныхъ сосенъ.
Но живописна ваша осень,
Страны Кареліи пустой:
Съ своей палитры, дивной кистью,
Неизъяснимой пестротой
Она златитъ, малюетъ листья:
Янтарь, и яхонтъ, и рубинъ
Горятъ на сихъ древесныхъ купахъ,
И кудри алыя рябинъ
Висятъ на мраморныхъ уступахъ ([13]).
И вотъ, межъ каменныхъ громадъ,
Порой, я слышу шорохъ стадъ,
Бродящихъ лѣсовой тропою,
И подъ рогатой головою
Привѣски звонкія брянчатъ ([14]).

Здѣсь поздно настаетъ весна;
Глубокихъ доловъ, межъ горами,
Карела дикая полна:
Тамъ долго снѣгъ лежитъ буграми,
И долго ледъ надъ озерами
Упрямо жмется къ берегамъ.
Ужъ часто видятъ, по лугамъ
Цвѣтокъ синѣется подснѣжный,
И мохъ цвѣтистый оживетъ
Надъ трещиной скалы прибрежной;
А сѣрый, безобразный ледъ
(Когда глядимъ на даль съ высотъ)
Большими пятнами темнѣетъ,
И отъ озеръ студенымъ вѣетъ;
И жизнь молчитъ, и по горамъ
Бѣдна карельская береза;
И въ самомъ маѣ, по утрамъ,
Блистаетъ серебро мороза...
Мертвѣетъ долго все ... Но вдругъ
Проснулось здѣсь и тамъ движенье;
Дохнулъ какой-то теплый духъ
И вмигъ свершилось возрожденье:
Помчались лебедей полки,
Къ пріютамъ вѣдомымъ влекомыхъ;
Снуютъ по соснамъ пауки;
И тучи, тучи насѣкомыхъ
Въ веселомъ воздухѣ жужжатъ.
Взлетаетъ жаворонокъ высоко
И отъ черемухъ ароматъ
Ліется долго и далеко....
И въ тайнѣ дикихъ сихъ лѣсовъ
Живутъ малиновки семьями;
Въ тиши безтѣнныхъ вечеровъ,
Луга, и боръ, и дичь бугровъ
Полны кругомъ ихъ голосами;
Поютъ... поютъ... поютъ онѣ
И только съ утромъ замолкаютъ:
Знать, въ пѣснѣ высказать желаютъ,
Что въ теплой видѣли странѣ,

(*) Въ рѣчкѣ Повѣнчанкѣ находятъ жемчугъ, иногда довольно оватистый и крупный.

Гдѣ часто провождали зимы;
Или предчувствіемъ томимы,
Что скоро, изъ лѣсовъ густыхъ,
Дохнетъ, какъ смерть, неотвратимый,
Отъ Бѣломорскихъ странъ пустыхъ,
Губитель роскоши и цвѣта:
Онъ вмигъ, какъ недугъ, все сожметъ,
И часто въ самой нѣгѣ лѣта
Природа смолкнетъ и замретъ.

б) Сказка о богатырѣ Заонегѣ.

Зачѣмъ тутъ ели вдругъ не стало?
Ее унесъ нашъ богатырь:
На Мурму шелъ онъ въ монастырь ([15]),
Вдругъ стадо на него напало,
Какъ войско цѣлое, волковъ
(Конечно посланныхъ духами);
Но, въ-мигъ управившись съ волками,
Добрался онъ и до духовъ,
И видимыхъ своей дубиной
Громилъ и билъ онъ, какъ пестомъ;
А невидимокъ гналъ крестомъ,
Считалъ ихъ козни паутиной!...
И силой честнаго креста
Онъ ихъ—воздушныхъ скомороховъ!
Ихъ не спасла и высота!
И онъ—правдива повѣсть та—
Изъ озера сонливыхъ лоховъ
Пробилъ въ Онегу ворота:
И сталъ проливъ тамъ Саломейскій.
Пускай съ насмѣшкою злодѣйской
Клевещутъ духи на него:
Онъ не боялся ничего.
Мы помнимъ змѣя Тугарина:
Онъ триста сажень былъ длиной,
И горы подымалъ спиной;
Но Заонегина дубина
Ему далась порядкомъ знать.
Мы помнимъ, изо всей Карелы
Сошлась, какъ туча, нашихъ рать:
Метали камни, копья, стрѣлы,
А змѣй бойцевъ и не слыхалъ,
И, лежа на скалахъ Онѣги,
Имъ въ уши бурею свисталъ
И полъ-Онеги расплескалъ
Хвостомъ. Но все отъ Заонеги
Онъ не ушелъ. Избитый, чуть
Чертя густою кровью путь,
Чуть сонный, въ укшу дотащился
И тамъ у Коссалмы ([16]) свалился.
И онъ лежитъ тамъ и теперь;
И съ той поры, огромнымъ тѣломъ,
Загородилъ на Кончу ([17]) дверь
И легъ, какъ толстая плотина:
Его покрыла пыль и тина;
На немъ скопилася земля
И выросъ лѣсъ. Теперь тамъ пашня,
Два дома, мельница, поля.
Такъ нашъ силачъ—живая башня—
Свою отчизну сторожилъ,
Возвысилъ насъ, себя прославилъ
И рати всѣхъ воздушныхъ силъ,
(Онъ съ ними крѣпко не дружился!)
И страшныхъ лѣшихъ въ грошъ не ставилъ;
Подъ часъ щелчки давалъ горамъ;
Двѣ сосны съ корнемъ—вмѣсто веселъ,
И сойму на плеча—и веселъ,
Не дуетъ въ усъ Водяникамъ ([18])!

в) Рѣчи монаха ([19]).

Что вдругъ душа моя грустить
И пала, въ думѣ боязливой,
Какъ птица робкая подъ нивой,
Когда орелъ надъ ней шумитъ?
Смутился умъ, прильпнулъ языкъ,
Невольно движутся колѣни....
Но Ты послышалъ сердца крикъ—
И свѣтъ Твой вспыхнулъ въ смертной сѣни.
Ты озарилъ меня лучемъ—
И я, во тьмѣ, увидѣлъ ясно:
Съ Тобой нѣтъ бѣдъ нигдѣ, ни въ чемъ;
А безъ Тебя вездѣ опасно.

Такъ, есть таинственныя блага!
Ихъ взоръ не зритъ, не слышитъ слухъ;
Млека и меда слаще, влага
Изъ высшихъ кладязей въ нашъ духъ
Стезями тайными втекаетъ.
Но плоть груба: она не знаетъ
Сихъ невещественныхъ утѣхъ!

Какъ радостно нашъ духъ играетъ,
Когда къ нему нисходитъ миръ!
Тогда въ душѣ совсѣмъ иное,—
И что предъ тѣмъ инымъ земное?
И чувствій упоенныхъ пиръ,
И пылкіе порывы страсти,
И славы блескъ, и прелесть власти,—
Что ни сулитъ лукавый міръ....
И все ничто!.... Хотя бъ я бездны
Вскрывалъ и словомъ закрывалъ;
Хотя бъ надсолнечныя звѣзды,
Какъ съ древъ плоды, рукой срывалъ:
Я не вкусилъ бы той отрады,
Которой жаждетъ такъ душа,
Когда, небесностью дыша,
Летитъ, паритъ въ святые грады.
Какой тамъ міръ?.... Но чей языкъ
Неизглаголанность разскажетъ?
Мнѣ скудость слова мысли вяжетъ.
Вамъ слышенъ ли поющій ликъ?
Вамъ видѣнъ ли сей садъ чудесный?
Понятна ль эта тишина?
Какой, безъ вечера, прелестной
Она зарей освѣщена?
И этотъ воздухъ ароматный,
Который нѣжитъ и сладитъ,
И кровь и страсти холодитъ?
Но нѣтъ! я вижу, необъятны
Для мертвыхъ буквъ, для тѣсныхъ словъ
Блаженство съ радостью незримой.
Но что уму непостижимо,
То можетъ разгадать любовь!

Надъ Кивачемъ, на выси дальной
Горитъ алмазная звѣзда:
Такъ и въ душѣ моей печальной
Звѣздится радость иногда.
Но скоро думъ докучныхъ тучи
Ложатся на минутный свѣтъ:
Вотъ подо мной песокъ зыбучій
И мнѣ въ земномъ опоры нѣтъ!
Подай, съ небесъ, Отецъ, мнѣ руку,
Меня на скользкомъ укрѣпи;
Отвѣй, любви дыханьемъ, муку
И посвѣти въ глухой степи!
Я безъ пріюта, безъ вожатыхъ,
Въ потьмахъ, надъ бездной я стою!
Тутъ глубь, тамъ грома перекаты—
Я твой! храни главу мою!

Лѣсная ночь была темна,
Тѣней и ужасовъ полна,
Не смѣла выглянуть луна,
Какъ гробъ молчала глубина!
У нихъ въ рукахъ была страна:
Она во власть имъ отдана.
И вотъ съ арканомъ и ножемъ,
Въ краю, мнѣ страннику, чужемъ,
Ползя изгибистымъ ужемъ,
Мнѣ путь широкій залегли,
Меня, какъ птицу, стерегли...
Сердца ихъ злобою тряслись,
Глаза отвагою зажглись;
Ужъ сѣти цѣпкія плелись....
Въ пустынѣ движутся скалы,
Куютъ, при кликахъ, кандалы;
И ставятъ съ яствами столы,
Чтобъ пировать промежъ собой
Мою погибель, мой убой...
Я шагъ впередъ.... остановился,
Припалъ, съ тоской, къ землѣ сырой
Какъ нищій, Богу помолился—
И страхъ съ души моей скатился
Огромной, черною горой.
Нашла моя молитва Бога,
Сошла къ молящему любовь—
И агнцу бѣдному прорѣзалась дорога
Сквозь стражу гладную волковъ!

Ужъ близокъ день, ужъ близокъ день
Твоей непотемнимой славы!
Пройдутъ какъ сонъ, пройдутъ какъ тѣнь
Земные, ветхіе уставы!
Увидимъ мы, узнаемъ мы,
Чего досель не знали,
Надъ чѣмъ ломалися умы,
Что дѣтскимъ сердцемъ постигали
Лишь нищіе умомъ. Пора!
Что быть имѣло—все сбылося,
И все протекшее слилося
Въ одно туманное вчера.

Господь повелъ меня изъ града ([20])
Въ пустыя, дальнія поля:
Костей мертвѣла тамъ громада,
Бѣлѣлась отъ костей земля;
Глухой, безгласный и могильной
Лежалъ раскатъ пустой страны;
Ни звѣздъ, ни солнца, ни луны,
Ни жатвы, класами обильной.
Въ какой-то полутемнотѣ,
Все тлѣло въ страшной наготѣ.
И Богъ сказалъ: «Сынъ человѣка!
Воззри на груды сихъ костей!
Жильцы исчезнувшаго вѣка,
Въ пылу ихъ преній и страстей,
Они землей моей владѣли;
И въ нихъ играла въ жилахъ кровь;
И къ нимъ въ сердца тѣснилась радость
И на лицѣ свѣжѣла младость,
И чувства нѣжила любовь.
Теперь изсохли и хладѣютъ....
Но я велю—и оживутъ!
Другъ друга кости ихъ созовутъ,
Надѣнутъ плоть и омладѣютъ.
Пророки же имъ, да имутъ слухъ:
«Истлѣвшіе, готовьтесь къ жизни,
И къ новой, радостной отчизнѣ:
Всемощный вводитъ въ васъ свой Духъ!»
Вѣщалъ—и, страшная тревога!....
Все встало: кость о кость стучитъ
И движется по волѣ Бога,
Кто ихъ сзываетъ? Кто клеитъ?
Кто имъ даетъ живое тѣло,
И тѣлу жилы, жиламъ кровь?
Встаютъ, какъ тысячи полковъ,
Кипятъ, какъ движимыя рати...
Израиль! въ вѣчности есть часъ,
Когда и ты услышишь гласъ
Святой, живящей благодати!

Е. ОЧЕРКИ БОРОДИНСКАГО СРАЖЕНІЯ (1839). ([21]).

Видите-ли вы это возвышеніе передъ деревнею Семеновскою? Всмотритесь въ него. Это достопамятное мѣсто. Вонъ тамъ, на самомъ краю глубокаго оврага, въ простой сѣрой шинели, въ треугольной шляпѣ, одинъ, безъ свиты, только съ однимъ еще человѣкомъ, стоитъ всадникъ. Недалеко перейдя за черту среднихъ лѣтъ, онъ, кажется, еще пользуется лучшимъ здоровьемъ. Онъ не великъ ростомъ, дороденъ, сложенъ плотно и, по привычкѣ или съ природы, имѣетъ плеча немного вздернутыя къ верху; отъ того шея кажется короткою. Голова его, видно по уму, а не по росту, очень велика; лице широкое. Цвѣтъ лица изжелта-блѣдноватый. Его волосы черные, гладкіе; глаза изсѣра-голубоватые, обогнутые густыми бровями. Улыбка выказываетъ рядъ прекрасныхъ зубовъ. Онъ имѣлъ еще что-то прекрасное: это его полныя, нѣжныя руки, и, кажется, онъ любилъ дорожить этимъ мелочнымъ преимуществомъ. Профиль его лица греческій. Его взглядъ молнія; но черты лица неподвижны, видъ молчаливо задумчивъ. Только двѣ страсти ярко выражались на этомъ лицѣ: радость и гнѣвъ. Онъ говорилъ, какъ будто все приказывалъ: отрывисто, сухо. Его рѣчи—фразы сжатыя, полныя мысли, часто поэзіи. Иногда въ его разговорѣ, даже въ произношеніи и поступкахъ, проглядывалъ корсиканецъ. Теперь вы догадываетесь, о комъ я говорю: это Наполеонъ. Онъ носилъ, и какъ-то по своему, мундиръ одного изъ своихъ полковъ и шляпу трехъгранную, низкую, какія нашивали до революціи. По этой единственной шляпѣ и по оригинальной обрисовкѣ его особы, армія узнавала императора-полководца издалека. По этой шляпѣ и обрисовкѣ, спустя 20 лѣтъ, когда однажды, на одномъ изъ парижскихъ театровъ, являлись на сценѣ океанъ и скала, и на эту скалу взошелъ актеръ небольшаго роста въ треугольной шляпѣ, съ скрещенными на грудь руками, весь партеръ, всѣ зрители ложъ вскочили съ мѣстъ, закипѣли воспоминаніемъ и клики восторженныхъ сли-

лись въ одно: «это онъ! это онъ!» (c'est lui! c'est lui!)

И это былъ точно онъ, тамъ, вблизи Шевардинскаго редута, на возвышеніи достопамятномъ, въ простой сѣрой шинели, которую надѣвалъ въ полѣ, и въ своей примѣтной шляпѣ.

Теперь, видите-ли, онъ сошелъ съ лошади и, взявъ подъ-руку одного изъ генераловъ, котораго называлъ своимъ рупоромъ (слуховая труба у моряковъ), потому что онъ всегда вѣрно повторялъ его слова, его приказанія (другіе называли его эхомъ Наполеона),—взявъ подъ-руку Бертье, ибо это былъ онъ, Наполеонъ, о чемъ-то съ нимъ совѣщаясь, расхаживаетъ по самому краю оврага. На этотъ разъ, при стонѣ поля Бородинскаго, заботливая нерѣшительность изображается на лицѣ полководца. Замѣчаете ли вы поступь его, довольно мѣрную, но тяжелую? Это тяжелое ступанье по землѣ, которую онъ какъ будто хотѣлъ раздавить, замѣчали въ немъ издавна. И это-то подавало поводъ находить черту сравненія съ апокалипсическимъ Аполліономъ, которому народное преданіе придаетъ также ноги крѣпкія, походку тяжелую. Эта же черта замѣчается и въ описаніи Мамая, другаго предводителя нашествія на Россію. Но обратимся къ Наполеону Бородинскому. Вотъ прискакалъ къ нему стройный французскій офицеръ, весь въ порохѣ, лошадь въ мылѣ. Это Готпуль (Hautpoul), посланный Неемъ за секурсомъ. На его донесеніе Наполеонъ отвѣчаетъ нерѣшимостью. Онъ посматриваетъ на Бертье, говоритъ съ нимъ что-то въ полголоса, совѣтуется и все не рѣшается.... «Государь!», сказалъ присланный: «минуты дороги!... По линіямъ разбѣгается молва, что Багратіонъ бьетъ Нея!»—«Спѣшите!» сказалъ Наполеонъ, «къ Клапареду, отведите дивизію его къ Нею.» Готпуль поворотилъ лошадь и мчится. Но припадокъ нерѣшительности возобновляется. Видите-ли? Наполеонъ дѣлаетъ движеніе рукою: двадцать адъютантовъ летятъ и ворочаютъ посланнаго. Опять совѣтуются съ Бертье и, вмѣсто Клапареда, велятъ вести къ Нею Фріана. Французскіе тактики говорятъ: «Наполеонъ, поддавшись раздумью, упустилъ роковую ¼ часа и «упустилъ много!...» Ему бы самому (такъ какъ онъ то сдѣлалъ позже, и тогда было уже поздно!) помчаться къ редантамъ и магическимъ появленіемъ своимъ удвоить силу своихъ. Онъ не сдѣлалъ этого. Однакожъ онъ участвуетъ въ переходахъ боя, въ порывистомъ наѣздѣ кавалеріи, участвуетъ.... издалека. Смотрите! Онъ весь превратился въ зрѣніе и.... (что это значитъ?) видите? видите? Наполеонъ захлопалъ въ ладоши, Наполеонъ аплодируетъ? Король неаполитанскій помчался на реданты. Наполеонъ увидѣлъ его и захлопалъ. Король атакуетъ, императоръ аплодируетъ: «ils y vont, ils y vont: ils y sont»! (*), восклицаетъ Наполеонъ и приказываетъ подать себѣ (la caisse d'ordonnance) ящикъ съ крестами. Награды сыплются на храбрыхъ. Такъ орлинымъ взоромъ слѣдитъ онъ за роковыми переходами сраженія, которое самъ назвалъ исполинскимъ.

Теперь перенесемся мысленно на противуположную высоту, сосѣдственную съ курганомъ Горецкимъ. Ее легко отыскать у корпуса Дохтурова. Тамъ также есть человѣкъ замѣчательный. Онъ все на той же маленькой лошадкѣ, все въ той же одеждѣ. Онъ окруженъ множествомъ офицеровъ, которыхъ безпрестанно разсылаетъ съ приказаніями. Одни скачутъ отъ него, другіе къ нему. Онъ спокоенъ, совершенно спокоенъ, видитъ однимъ глазомъ, а глядитъ въ оба, хозяйственно распоряжается битвою; иногда весело потираетъ рука объ руку (это его привычка) и по временамъ

(*) Они поѣхали, они поѣхали.... Они ужъ тамъ!

разговариваетъ съ окружающими, но чаще молчитъ и наблюдаетъ. Это Кутузовъ. Къ нему подъѣзжаютъ генералы. Остановимся на одномъ изъ нихъ. Вотъ онъ, на прекрасно прыгающей лошади сидитъ свободно и весело. Лошадь осѣдлана богато: чапракъ залитъ золотомъ, украшенъ орденскими звѣздами. Онъ самъ одѣтъ щегольски, въ блестящемъ генеральскомъ мундирѣ; на шеѣ кресты (и сколько крестовъ!), на груди звѣзды, на эфесѣ шпаги горитъ крупный алмазъ. Но дороже всѣхъ алмазовъ слова, вырѣзанныя на этой достопамятной шпагѣ. На ней написано: «Спасителю Бухареста!» Благодарный народъ поднесъ этотъ трофей побѣдителю при Обилейтши. Средній ростъ, ширина въ плечахъ, грудь высокая, холмистая, черты лица, обличающія происхожденіе сербское: вотъ примѣты генерала пріятной наружности, тогда еще въ среднихъ лѣтахъ. Довольно большой сербскій носъ не портилъ лица его продолговато округлаго, веселаго, открытаго. Русые волосы легко оттѣняли чело, слегка прочеркнутое морщинами. Очеркъ голубыхъ глазъ былъ продолговатый, что придавало имъ особенную пріятность. Улыбка скрашивала губы узкія, даже поджатыя. У иныхъ это означаетъ скупость; въ немъ оно могло означать какую-то внутреннюю силу, потому что щедрость его доходила до расточительности. Высокій султанъ волновался на высокой шляпѣ. Онъ, казалось, одѣлся на званый пиръ!... Бодрый, говорливый (таковъ онъ всегда бывалъ въ сраженіи), онъ разъѣзжалъ на полѣ смерти какъ въ своемъ домашнемъ паркѣ: заставлялъ лошадь дѣлать лансады, спокойно набивалъ себѣ трубку, еще спокойнѣе раскуривалъ ее и дружески разговаривалъ съ солдатами. «Стой, ребята, не шевелись! дерись гдѣ стоишь!... Я далеко уѣзжалъ назадъ: нѣтъ пріюта, нѣтъ спасенія! Вездѣ долетаютъ ядра, вездѣ бьетъ! Въ этомъ сраженіи и трусу нѣтъ мѣста!» Солдаты любовались такими выходками и добрымъ видомъ генерала, котораго знали еще съ итальянскихъ походовъ. «Тутъ все въ безпорядкѣ!» говорили ему, указывая на разбитыя колонны. «Богъ мой! (его привычное слово), я люблю это: порядокъ въ безпорядкѣ!», повторялъ онъ протяжно, какъ будто на распѣвъ. Пули сшибали султанъ съ его шляпы, ранили и били подъ нимъ лошадей; онъ не смущался: перемѣнялъ лошадь, закуривалъ трубку, поправлялъ свои кресты и обвивалъ около шеи амарантовую шаль, которой концы живописно развѣвались по воздуху. Французы называли его «Русскимъ Баярдомъ»; у насъ, за удальство, немного щеголеватое, сравнивали его съ французскимъ Мюратомъ. И онъ не уступалъ въ храбрости обоимъ! Одинъ изъ самыхъ неустрашимыхъ генераловъ, А. П. Ермоловъ, писалъ къ нему: «чтобъ быть вездѣ при вашемъ превосходительствѣ, надобно имѣть запасную жизнь». Это былъ генералъ Милорадовичъ! Вызываемый на служеніе отечеству нарочными письмами прежняго главнокомандующаго, Барклая де Толли, онъ, за два дня предъ великимъ сраженіемъ, съ Суворовскою быстротою, привелъ или, лучше сказать, привезъ изъ Калуги 15,000 набранныхъ имъ войскъ.

Другой, подъѣхавшій къ главнокомандующему, былъ росту высокаго, лѣтъ приближавшихся къ среднимъ. Это былъ мужчина сухощавый, съ темными, нѣсколько кудреватыми волосами, съ орлинымъ носомъ, съ темно-голубыми глазами, въ которыхъ мелькала задумчивость, чаще разсѣянность. Важныя, рѣзкія черты отличали его смуглое, значительное лице, по которому можно было отгадывать характеръ самостоятельный (*). На этомъ

(*) Въ слѣдствіе котораго, гораздо позднѣе, онъ предпринялъ и совершилъ огромное путешествіе по Востоку: видѣлъ Іерусалимъ, проѣхалъ Сирію и обозрѣлъ многія земли Оттоманской имперіи. Его сопровождали ученые и художники, для пользы наукъ и просвѣщенія.

лицѣ воинственно-красивомъ, примѣтны слѣды какого-то внутренняго томленія: это слѣды недавней болѣзни! Звукъ трубы военной поднялъ генерала съ одра и ринулъ его прямо въ битву. Осанка и пріемы обличали въ немъ человѣка высшей аристократіи, но въ одеждѣ былъ онъ небреженъ, лошадь имѣлъ простую. Онъ носилъ въ сраженіи очки, въ рукѣ держалъ нагайку; бурка или шинель свѣшивалась съ плеча его. Отвага не разъ увлекала его за предѣлы всякаго благоразумія. Часто, видя отстающаго солдата, онъ замахивался нагайкою, солдатъ на него оглядывался, и чтожъ?... Оказывалось, что онъ понукалъ впередъ французскаго стрѣлка! Обманутый зрѣніемъ, привычною разсѣянностію, а еще болѣе врожденною запальчивостію, онъ миновалъ своихъ и заѣзжалъ въ линію стрѣлковъ французскихъ, хозяйничая у непріятеля, какъ дома. Онъ командовалъ подъ Витебскомъ и велѣлъ удерживать одинъ важный пунктъ. Долго крѣпились наши; наконецъ къ нему присланъ адъютантъ, съ словами: «непріятель одолѣваетъ; что прикажете дѣлать?» Понимая всю важность удерживаемаго пункта, онъ отвѣчалъ не обинуясь: «стоять и умирать!» Это былъ графъ Остерманъ. Онъ командовалъ корпусомъ въ Бородинскомъ сраженіи. Безпрерывный приливъ и отливъ лицъ и мундировъ происходилъ около главнокомандующаго. Физіономія окружавшей его толпы безпрестанно измѣнялась.

И вотъ подскакалъ какой-то стройный гвардейскій адъютантъ, съ легкими рябинами на лицѣ; лѣвою сдержалъ коня, правою приподнялъ фуражку и, наклонясь къ самому лицу главнокомандующаго, доложилъ о чемъ-то тихо и сталъ на ряду съ другими. На лицѣ Кутузова мелькнуло легкое сомнѣніе. Но послѣ минутной задумчивости, онъ просіялъ, оборотился къ своимъ, снялъ фуражку, перекрестился и сказалъ громко: «мнѣ донесли, что король неаполитанскій взятъ въ плѣнъ!» и прибавилъ: «надобно подождать подтвержденія». Вотъ подъѣзжаютъ два казака и между ними кто-то на маленькомъ крестьянскомъ конькѣ (которыхъ французы называли *коньякъ*); этотъ кто-то малорослый, тучный, конечно не сановитый король неаполитанскій. Это генералъ Бонъ-Ами. Въ порывахъ отчаянной храбрости, впереди 30-го линейнаго полка, онъ вскочилъ на большой редутъ и взятъ въ плѣнъ, покрытый ранами. Солдаты, изумленные такою храбростію, почтили его, ошибкою, названіемъ Мюрата. И вотъ онъ, въ страшномъ растрепѣ, подъѣзжаетъ, пошатываясь то на ту, то на другую сторону отъ ранъ или какой другой причины. «Доктора!» закричалъ Кутузовъ и, сказавъ нѣсколько словъ съ плѣннымъ, велѣлъ его перевязать. Подъ мундиромъ французскаго храбреца нашли двѣ фуфайки, а подъ ними все тѣло исцарапанное штыками. Раны были легки, но многочисленны: ихъ насчитывали болѣе 20-ти.

Кутузовъ остается все на томъ же мѣстѣ. Къ нему, какъ къ центру, стекаются всѣ нити, всѣ радіусы. Подлѣ него стоятъ длинныя пушки, готовыя заговорить. Далѣе и ниже выставлены еще пушки, которыя иногда палятъ и распугиваютъ толпы французовъ въ Бородинѣ. Красныя космы пламя вырываются оттуда изъ-за дыма. Бородино горитъ! Люди, съ высоты кажущіеся маленькими, шевелятся между распадающихся домовъ и лопающихъ гранатъ. И такъ два вождя стояли на двухъ возвышеніяхъ. Оба, по положенію своему, были выше всего, что совершалось подъ ними. Двѣ воли сильныхъ, двѣ мысли могучихъ встрѣчались между собою, останавливались, мѣрили одна другую, и потомъ схватывались и вступали въ борьбу небывалую. Движеніе 300,000 воиновъ, громъ 1,600 орудій, бой, какого не видала земля русская послѣ побоища Задонскаго, были только болѣе или

менѣе близкими развитіями встрѣчи и борьбы этихъ двухъ властительныхъ мыслей.

¹) Глинка, Ѳедоръ Николаевичъ, родной братъ Сергѣя Николаевича (см. стр. 224), род. 1788 г. Воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ офицеромъ (1803 г.) въ абшеронскій полкъ. Въ 1805—1806 г.г. находился въ походѣ противъ французовъ, состоя адъютантомъ при генералѣ Милорадовичѣ, который командовалъ отдѣльной бригадой. События этой войны описаны имъ въ «Письмахъ русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи» (см. ниже). «Шесть мѣсяцевъ скитался я по свѣту», говоритъ онъ въ этихъ письмахъ, «и девятнатцати лѣтъ отъ роду имѣлъ уже много случаевъ познать свѣтъ и людей». По окончаніи кампаніи, Глинка вышелъ въ отставку и удалился въ свою деревню (смоленской губ.), гдѣ оставался цѣлыхъ шесть лѣтъ, занимаясь науками и литературой. Необходимость упражнять умъ чтеніемъ и мышленіемъ для полезной дѣятельности въ жизни часто указывается Глинкою, и онъ любилъ вспоминать слова Сципіона: «я всего менѣе уединенъ, когда остаюсь въ совершенномъ уединеніи». Стихотворенія его, сочиненныя въ періодъ деревенской жизни, помѣщались въ Русскомъ Вѣстникѣ. Въ 1810 и 1811 г. онъ объѣхалъ нѣкоторыя мѣста губерній смоленской и тверской и посѣтилъ Кіевъ. Замѣчанія, мысли и разсужденія по поводу этой поѣздки вошли въ «Письма русскаго офицера» (изд. 1815—1816), а плаваніе по Волгѣ описано въ стихахъ: «Мечтанія на берегу Волги» (см. ниже). Въ 1812 г., съ приближеніемъ непріятеля къ его деревнѣ, Глинка слѣдовалъ за арміей отъ Смоленска до Тарутина: здѣсь онъ снова поступилъ на службу и былъ адъютантомъ Милорадовича до конца кампаніи (1814 г.). Письма его о событіяхъ отечественной и заграничной войны составляютъ 6 томовъ (см. ниже). Въ 1815 г. переведенъ въ гвардію и находился при начальникѣ гвардейскаго штаба, генералъ-адъютантѣ Сипягинѣ. Въ домѣ штаба положено было основаніе библіотеки (1816), гдѣ офицеры могли свободно заниматься чтеніемъ отборныхъ и полезныхъ книгъ; вмѣстѣ съ библіотекой составилось, подъ Высочайшимъ покровительствомъ, «Общество военныхъ людей», которое положило издавать «Военный журналъ» и издавало его въ теченіе трехъ лѣтъ (1817—1819). Глинка принималъ дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ этого общества. Онъ написалъ «Краткое начертаніе (программу) Военнаго журнала»; помѣщалъ въ немъ многія прозаическія статьи: въ 1817 г., въ торжественномъ собраніи «Общества», читалъ «Разсужденіе о необходимости дѣятельной жизни, ученыхъ упражненій и чтенія книгъ». Съ 1818 г. Глинка состоялъ при с.-петербургскомъ генералъ-губернаторѣ Милорадовичѣ, бывшемъ командирѣ гвардейскаго корпуса, и занялъ впослѣдствіи должность правителя канцеляріи. Въ томъ же 1818 г., Общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія, учрежденное 1816 г. и называвшееся потомъ «Вольнымъ обществомъ любителей россійской словесности», основало журналъ, подъ названіемъ «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія» (1817—1825). Доходы съ журнала назначались на пособіе тѣмъ лицамъ, которые, занимаясь науками и художествами, требуютъ подпоры и призрѣнія, равно ихъ вдовамъ и сиротамъ. Глинка былъ выбранъ въ вице-председатели общества, а потомъ и въ предсѣдатели. Многія его сочиненія помѣщались въ Соревнователѣ и другихъ журналахъ. Съ 1826 года онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ олонецкой губерніи, гдѣ сочинилъ описательную поэму «Карелія». Проведя многіе годы въ походахъ и разъѣздахъ, онъ имѣлъ право говорить о себѣ, какъ о человѣкѣ бываломъ: «на пространствѣ отъ Волги до Сены, отъ Дуная до береговъ сѣверныхъ морей мнѣ случалось знакомиться съ человѣкомъ въ палатахъ и въ хижинахъ, въ тишинѣ кабинета и въ шумной грозѣ воинскаго стана». Альманахи и журналы принимали съ удовольствіемъ литературные труды Глинки; особенно много его стихотвореній въ Сынѣ Отечества и Соревнователѣ.

Сочиненія и переводы:

Письма русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи, съ подробнымъ описаніемъ похода россіянъ противу французовъ, въ 1805 и 1806 годахъ. 2 ч (М. 1808).

Подвиги графа М. А. Милорадовича въ отечественную войну 1812 г., съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ писемъ отъ разныхъ особъ (М. 1814).

Черты изъ жизни Тадеуса Костюшки (Спб 1815).

Письма русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ, Пруссіи и Франціи, съ подробнымъ описаніемъ похода россіянъ противу французовъ въ 1805 и 1806 г., также отечественной и заграничной войны съ 1812 по 1815 г., съ присовокупленіемъ замѣчаній, мыслей и разсужденій во время

поѣздки въ нѣкоторыя отечественныя губерніи. 8 частей (М. 1815—1816). (*).

Плутархъ для молодыхъ дѣвицъ, или краткія жизнеописанія славныхъ женъ, съ объяснительными уроками о ихъ дѣяніяхъ и твореніяхъ, пер. съ фр. 4 ч. (М. 1816).

Письма къ другу, содержащія въ себѣ замѣчанія, мысли и разсужденія о разныхъ предметахъ, съ присовокупленіемъ историческаго повѣствованія: Зинобей Богданъ Хмѣльницкій, или освобожденная Малороссія. 3 ч. (Спб. 1816—1817). (**).

Краткое начертаніе Военнаго журнала (Спб. 1817). См. выше.

Гимнъ величію и всемогуществу Божію (Спб. 1818). Нап. также въ «Опытахъ священной поэзіи» (см. дальше).

Краткое обозрѣніе военной жизни и подвиговъ гр. Милорадовича (Спб. 1818).

Разсужденіе о необходимости дѣятельной жизни, ученыхъ упражненій и чтенія книгъ (Спб. 1818). См. выше.

Подарокъ русскому солдату (Спб. 1818).

Лука да Марья, народная повѣсть (два изданія: М. 1818 и Спб. 1845).

Добродѣтель и порокъ, нравоучительная аллегорія (Спб. 1819). Нап. также въ «Опытахъ аллегорій» (см. ниже).

Зиновій Богданъ Хмѣльницкій, или освобожденная Малороссія, 2 ч. (Спб. 1819). Отдѣльное изданіе исторической повѣсти, напечатанной въ «Письмахъ къ другу» (см. выше).

Нѣсколько мыслей о пользѣ политическихъ наукъ, по случаю новаго изданія книги: «Опытъ теоріи налоговъ» (Н. Тургенева). Спб. 1819.

Мечтанія на берегахъ Волги (Спб. 1821).

Опыты священной поэзіи (Спб. 1826).

Опыты аллегорій (Спб. 1826).

Карелія или заточеніе Мароы Іоанновны Романовой. Описательное стихотвореніе (Спб. 1830).

О древностяхъ въ Тверской Кареліи (Спб. 1836).

Воспоминаніе о піитической жизни Пушкина (М. 1837).

Очерки Бородинскаго сраженія (воспоминанія о 1812 г.). 2 ч. М. 1839.

(*) Часть этихъ писемъ, именно «Письма о Польшѣ и Австрійскихъ владѣніяхъ, съ описаніемъ похода 1805—1806 г.г.», была напечатана прежде, въ 1808 г. (см. выше); другая часть: «Письма русскаго офицера о военныхъ происшествіяхъ 1812 г.» съ переводомъ на франц. языкъ, вышла въ М. 1821 г. Переводъ сдѣланъ братомъ автора, С. Глинкою.

(**) Эти письма вошли въ 8 ч. Писемъ русскаго офицера, 1815—1816 (см. выше). Здѣсь они напечатаны отдѣльно, съ прибавленіемъ повѣствованія.

[2]) «Письма русскаго офицера о военныхъ происшествіяхъ 1812 г. (1821)». См. выше, въ спискѣ сочиненій. Переводчикъ этихъ писемъ на франц. яз., С. Глинка, приложилъ къ переводу свои «замѣчанія на произведенія сочинителя писемъ русскаго офицера». Между замѣчаніями есть нѣсколько біографическихъ данныхъ.

[3]) См. стр. 116, прим. 18.

[4]) Опыты аллегорій (см. исчисленіе сочиненій).—Вотъ какъ авторъ объясняетъ значеніе и цѣль своихъ аллегорій:

> Нельзя сказать, чтобы люди вовсе не любили истины, но, скучая всѣмъ, что представляетъ видъ поучительности и не имѣя никакого понятія о высокихъ наслажденіяхъ уединенной и созерцательной жизни, они охотнѣе предаются вѣтряному легкомыслію, увлекательной разсѣянности, ловя минуту, забывая вѣчность. Притомъ же истина не всегда довольно ощутительна, чтобъ могла быть довольно постигнута. А между тѣмъ, отъ поколѣнія до поколѣнія, съ ходомъ ума, съ развитіемъ гражданственности, умножается кипучее движеніе страстей, пожеланій, суетной волнуемости во внѣшней жизни, и болѣе и болѣе забываются тѣ непреложныя начала, на которыхъ зиждется спокойное, внутреннее счастіе человѣка. Въ такомъ положеніи вещей, кажется, настоитъ необходимость сколько можно чаще останавливать вниманіе людей на высокихъ истинахъ вѣры и нравственности. Но какъ сіе сдѣлать безъ того, чтобы имъ не наскучить? Я всегда объ этомъ думалъ и полагалъ, что если сами люди не охотно подаются къ истинамъ, то не худо бы подвести рядъ истинъ къ людямъ и показать ихъ такъ ясно, какъ показываютъ безпечнымъ зрителямъ, посредствомъ оптическаго стекла, рядъ красивыхъ явленій неосязаемыхъ, но видимыхъ и памятныхъ... Мнѣ хотѣлось составить родъ нравственной фантасмагоріи. Я старался облечь въ одежду поэзіи сокровеннѣйшія ощущенія, высшія истины, и давъ имъ, по возможности, цѣль и существенность, приблизить ихъ къ людямъ въ видѣ болѣе осязаемомъ. «Надежда», «совѣсть», «мысль о духовности человѣка, о его безсмертіи», сія утѣшительная мысль, столь справедливо названная «приданымъ души человѣческой», и наконецъ самая «истина» получили какъ бы нѣкоторую тѣлесность и сдѣлались болѣе ощутительными въ тѣхъ разновидныхъ описаніяхъ, гдѣ заманчивость загадки соединена съ пользою поучительности.

[5]) Распространеніе слѣдующихъ стиховъ изъ 3 кн. Царствъ: «И духъ великъ и крѣпокъ разоряя горы, и сокрушая каменіе въ горѣ предъ Господемъ, но не въ дусѣ Господь; и по дусѣ трусъ и не въ трусѣ Господь; и по трусѣ огнь, и не во огни Гос-

подь; и по огни гласъ хлада тонка, и тамо Господь (гл. 19, ст. 11—13).

[6]) Изъ псалма 50-го, ст. 10: «Слуху моему даси радость и веселіе: возрадуются кости смиренныя».

[7]) «Карелія» (см. списокъ сочиненій).

Марѳа Іоанновна Романова, мать Михаила Ѳеодоровича, заточена была, по волѣ Бориса Годунова, на Выгоозерѣ, въ Обонежской пятинѣ (принадлежавшей Новгороду), въ Егорьевскомъ погостѣ, близь Толвуи и Чолмузи. Содержаніе разсказа изложено, во введеніи, самимъ авторомъ:

Знаменитая затворница обращаетъ на себя вниманіе окрестныхъ поселянъ. Одинъ изъ нихъ проникаетъ въ ея уединеніе. Добрый крестьянинъ (Никаноръ), стараясь разсѣять тоску одиночества заключенной, предлагаетъ ввести къ ней монаха для собесѣдованія. Монахъ разсказываетъ ей свою жизнь. Между тѣмъ Никаноръ отправляется въ Русь съ тайнымъ посланіемъ. Монахъ въ теремѣ, гдѣ жила Марѳа, является въ другой разъ, доканчиваетъ разсказъ, заключая его духовною аллегоріею, и удаляется надолго. Въ теремъ, гдѣ жила Марѳа, приходитъ Маша, дочь Никанора, и разсказываетъ ей карельскія сказки. Монахъ является въ третій разъ. Изъ рѣчей и поступковъ его видно, что онъ проходилъ то состояніе души, въ которомъ бореніе внутренняго со внѣшнимъ, ветхаго съ новымъ означается рѣзкими чертами. Послѣ этого третьяго появленія, онъ опять уходитъ въ свои лѣса. Спустя три дня возвращается и Никаноръ. Привезенный отвѣтъ рѣшаетъ судьбу матери Михаила: ея заточеніе оканчивается.

Г. Безсоновъ разъяснилъ, что лице отшельника, въ «Кареліи», есть второобразъ, снятый съ Лазаря Мурмскаго. Поэтъ не рѣшился высказать этого прямо, но это видно, во-первыхъ, изъ 40-го примѣчанія о Лазарѣ, присоединеннаго къ стихотворенію, и во-вторыхъ, изъ слѣдующей замѣтки на стр. 10-ой: «разсказъ объ отшельникѣ, о его переселеніи съ востока на сѣверъ не есть просто вымыселъ, но здѣсь не мѣсто о семъ распространяться». При Онежскомъ озерѣ, въ Мурмскомъ урочищѣ, есть обитель, основанная Лазаремъ Мурмскимъ. Житіе, описанное Лазаремъ, находилось въ рукахъ Глинки и дало ему мысль воспользоваться разсказами, тѣмъ болѣе, что въ мѣстныхъ преданіяхъ имя и вліяніе Лазаря играли значительную роль. Тотъ же подвижникъ, который передавалъ повѣсть своей жизни изгнанницѣ, въ разсказахъ Маши является, по народному представленію, богатыремъ, подъ именемъ Заонеги (т. е. поселенца Заонежья), уничтожившаго въ этомъ краю страшилищъ, злыхъ духовъ, змѣя Тугарина (у Олочанъ есть свой Тугаринъ, Шаркъ-великанъ, получившій имя отъ историческаго Шарукана). (См. «Замѣтку» г. Безсонова, въ 5-мъ вып. Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ, 1863, стр. CXXXIV—CXXXVII).

[8]) Подъ именемъ Кареліи, въ этомъ стихотвореніи, разумѣть должно только ту часть нынѣшней Олонецкой губерніи, которая еще и донынѣ погружена въ лѣсахъ, идущихъ мимо Повѣнца къ Бѣлому морю. *Ѳ. Глинка.*

[9]) Лохъ-рыба изъ рода лососей. *Id.*

[10]) Картина небольшаго сѣвернаго сіянія и морознаго утра, снятая съ натуры въ зиму 1827 г. *Id.*

[11]) Шелойникомъ Онежане называютъ вѣтеръ, дующій съ юго-запада. Есть пословица: «вѣтеръ шелойникъ на Онегѣ разбойникъ», ибо онъ причиняетъ много вреда судамъ. *Id.*

[12]) Сойма — особаго рода крытая лодка, употребляемая на Онегѣ, часто бурной. *Id.*

[13]) Карельскій мраморъ извѣстенъ. Онъ добывается въ Тивдіи, гдѣ давно устроены правильныя ломки и находится контора для управленія симъ дѣломъ. *Id.*

[14]) Пастбища находятся здѣсь въ лѣсахъ, и потому на шею коровамъ и лошадямъ привѣшиваются гремушки и колокольчики. *Id.*

[15]) Этотъ стихъ показываетъ, что Заонега и отшельникъ, въ повѣствованіи Глинки, одно и то же лице.

[16] и [17]) Между озерами Лохъ и Конче, или, говоря по здѣшнему, Лохмозеромъ и Кончезеромъ, есть, въ видѣ плотины, узкая перемычка, называемая Коссалмою, которая одна только и препятствуетъ соединенію сихъ двухъ озеръ. *Ѳ. Г.*

[18]) Царь Водяникъ изображенъ въ одной изъ пѣсенъ о Садкѣ.

[19]) Эти рѣчи—слѣдствіе «духовнаго боя», выдержаннаго отшельникомъ въ пустынѣ. Авторъ говоритъ о нихъ слѣдующее: «Въ рѣчахъ отшельника, несвязныхъ, отрывистыхъ, виденъ лиризмъ: иначе и быть не можетъ; ибо вдохновеніе его (слѣдствіе развитія духовной жизни)—непритворное. Кромѣ дикой пустыни и внутренней распри, самое размышленіе о тогдашнемъ настоящемъ могло привести отшельника въ нѣкоторую тоскливую тревогу за человѣчество. Раскрывая Исторію Карамзина, подъ годами 1601—1605 (т. XI), мы встрѣчаемъ рѣзкія черты въ мрачной картинѣ того времени».

[20]) Близкое подражаніе 37-ой главѣ книги пророка Іезекіиля, ст. 1—10.

[21]) Очерки Бородинскаго сраженія (см. списокъ сочиненій).

XLIII.

ГРИБОѢДОВЪ. ([1]).

А. ИЗЪ КОМЕДІИ: СВОЯ СЕМЬЯ (1818). ([2]).

Варвара Савишна, Любимъ, Наташа.

ЛЮБИМЪ.

Да! я обѣгалъ всю почтенную родню,
И счастья своего покамѣстъ не виню:
Гдѣ ни былъ, никого найти не удавалось,
Кромѣ одной.—За то ужъ отъ нея досталось.
Къ Раисѣ Савишнѣ, какъ слѣдуетъ, зашелъ;
Глядь, у себя. Слуга тотчасъ меня повелъ
Къ ней въ образную; тамъ въ очкахъ она читала,
Вспрыгнула, ахнула и въ обморокъ упала.
Оттерли. Боже мой! тутъ только что держись:
Увѣщаванія рѣкою полились,
И все печатное, что только вышло вновѣ,
Все знаетъ наизусть, не ошибется въ словѣ;
Ну, такъ и сыплетъ вздоръ. Рѣчь о тебѣ зашла.
Тутъ длинную она статью о томъ прочла,
Какъ вѣрно въ дѣвушкѣ, вертушкѣ новомодной,
Нѣтъ пламенной души, ни нѣжности природной,
Ни сердца простоты.... а я, безъ дальнихъ словъ,
Не выслушавъ всего, взялъ шляпу, былъ таковъ.
Наташа, какъ я глупъ! зачѣмъ, не понимаю,
Привезъ тебя сюда?

ВАРВАРА САВИШНА.

Вотъ такъ-то! поздравляю!
Всѣ виноваты мы....

ЛЮБИМЪ.

Ахъ, нѣтъ! всегда женѣ
Твердилъ я, что у насъ порядочныхъ въ роднѣ
Есть двое: вы да я.

ВАРВАРА САВИШНА.

Повѣрь мнѣ: помаленьку
На свой поставишь ладъ ты всю свою роденьку.
Нашъ опытъ удался съ секундъ-маіоромъ. Ну,
Полюбятъ также всѣ они твою жену;
Дай срокъ.

НАТАША.

А съ дядюшкой сдружились мы случайно....
Онъ на тебя похожъ, Любимъ, да, чрезвычайно!
И видно по всему, что съ молоду онъ былъ
Такой же вѣтряный, и также добръ и милъ.
Максимъ Меркуловичъ—тотъ не того разбора,
Да и двѣ тетушки! Не сладить съ ними скоро!
Ну, если не пойдутъ никакъ онѣ на ладъ,
Я, пусть онѣ меня расцѣнятъ какъ хотятъ,
Скажу имъ на отрѣзъ: пожалуй, мной гнушайтесь,
Для мужа все стерплю.

ЛЮБИМЪ (обращаясь къ Варварѣ Савишнѣ).

А! какова! признайтесь,
Что будьте сами вы мужчиной.... вы какъ разъ
Женились бы на ней.—Всѣ передъ нею пасъ.

ВАРВАРА САВИШНА (посмотрѣвъ въ окошко).

Ахъ! Мавра Савишна сюда идетъ!

НАТАША.

Какая?
Что сварливая?

ВАРВАРА САВИШНА.

Да, крикуша!

ЛЮБИМЪ.

И скупая,

И тѣмъ упрямѣе, что денегъ тьма у ней.

НАТАША.

Ахъ! нѣтъ ли, тетушка, здѣсь въ домѣ попростѣй
Какого платьица, чтобъ мнѣ пришлось по тальи?

ВАРВАРА САВИШНА.

У Груньки въ дѣвичьей спросить... Нѣтъ! у Натальи
Передничекъ ея, да шемизетку взять,
Что въ праздничные дни велю ей надѣвать.
Уйдите же... она ужъ подошла къ порогу.

НАТАША (уходя).

Любимъ!

ЛЮБИМЪ.

Я за тобой (Уходятъ вмѣстѣ).

Мавра Савишна, Варвара Савишна.

МАВРА САВИШНА.

Скажи-ка: слава Богу!
Вѣдь нашъ Любимъ сюда изволилъ прикатить.
Хоть, правда, поспѣшилъ меня онъ навѣстить,
Да вишь пожаловалъ въ тотъ самый часъ, въ который
Къ вечернѣ я хожу. Охъ, эти мнѣ проворы!
Я чай, развѣдывалъ, когда-де побывать,
Когда потрафить такъ, чтобъ дома не застать?

ВАРВАРА САВИШНА.

Ну, можно ли...

МАВРА САВИШНА.

Чего? Онъ развѣ малой путный?
Я одному дивлюсь, что карточкой визитной
Меня не наградилъ; а то вѣдь таковой
Обычай водится въ столицахъ объ святой
И въ рождество. Да что? тамъ вѣчно наглость таже.
Знатнѣйшіе дома и родственниковъ даже
Вотъ посѣщаютъ какъ: самъ баринъ дома спитъ,
Карету и пошлетъ, а въ ней холопъ сидитъ,
Какъ будто господитъ обрыскаетъ край свѣта,
Швыряетъ карточки!... Спасибо, мерзость эта
Что не дошла до насъ—помиловалъ Господь!
Да и племяннику нельзя глаза колоть,
Не подражаетъ въ томъ столичному онъ краю,
А все таки спѣсивъ! увижу, разрушаю,
Вѣдь нѣтъ, чтобъ подождать полчаса... бѣда,
Никакъ нельзя, спѣшитъ. Спроси его: куда?
Не бойсь, не думаетъ угодность сдѣлать теткѣ,
А кабы въ Питерѣ, къ какой-нибудь красоткѣ....

Мавра Савишна, Варвара Савишна, Наташа.

НАТАША.

Ахъ, вы здѣсь не однѣ! простите!

ВАРВАРА САВИШНА.

Ничего.

МАВРА САВИШНА.

Кто это? здѣшняя?

ВАРВАРА САВИШНА.

Нѣтъ, мужа моего,
Покойнаго родня, пріѣхала недавно.
Знакома вамъ была Ѳедосья Николавна?

МАВРА САВИШНА.

Твоя заловка?

ВАРВАРА САВИЩНА.

Да, ея въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Вотъ дочь ея.

МАВРА САВИШНА.

Она?—Прошу! какихъ ужъ лѣтъ!
Невѣста хоть куда!—Мы вмѣстѣ выростали
Съ твоею матушкой, дружнехонько живали,
И батюшка въ Москвѣ къ намъ часто въ домъ ходилъ.
При мнѣ онъ сватался, при мнѣ помолвленъ былъ.
Ахъ! на семъ свѣтѣ я куды давно таскаюсь!

Ты съ нами долго ли пробудешь? а?

НАТАША.

Не знаю-съ.
Какъ будетъ тетушкѣ угодно....

ВАРВАРА САВИШНА.

Мнѣ, другъ мой?
Весь вѣкъ радехонька я вмѣстѣ жить съ тобой.

(Обращаясь къ Маврѣ Савишнѣ).

Въ глаза и за глаза скажу: неприхотлива
И[illegible]одительна; ловка и бережлива.
Желаю всякому такую дочь имѣть.

НАТАША.

Угодно, тетушка, вамъ будетъ посмотрѣть?
Тамъ приготовила для васъ одно я блюдо.

ВАРВАРА САВИШНА.

А! знаю, хорошо.—Останься здѣсь покуда.
Сестрица, кажется, не гостьи вы у насъ,
Не взыщете, а я назадъ приду сей часъ.
(Уходитъ).

Мавра Савишна, Наташа.

МАВРА САВИШНА.

Что это, матушка? неслыханное дѣло!
Кто стряпаетъ теперь?

НАТАША.

Къ обѣду не поспѣло,
Хватилися поздно мы. Такъ какъ-то не пришлось.

МАВРА САВИШНА.

Какое жъ кушанье?

НАТАША.

Пирожное одно-съ
И выдумки моей.

МАВРА САВИШНА.

Твоей?—оно бъ не худо,
Да вѣдь пирожное затѣйливое блюдо.
Насущный хлѣбъ теперь одинъ составитъ счетъ,
Такъ лакомство, ей, ей! на умъ ужъ не пойдетъ.

НАТАША.

Да-съ, у меня за то все снадобье простое:
Морковка, яицы и кое-что другое,
Да соку положить лимоннаго чуть-чуть.

МАВРА САВИШНА.

Ну, сахаръ входитъ же? (Наташа качаетъ головой). Хоть крошечка?

НАТАША.

Отнюдь!
Какъ, сахаръ? штука ли? что вы? побойтесь Бога!
Нѣтъ! и безъ сахару расходовъ нынче много.

МАВРА САВИШНА.

Да, согрѣшили мы! крутыя времена!

НАТАША.

Я какъ-то съ малыхъ лѣтъ къ тому пріучена,
Что дорогой кусокъ мнѣ видѣть даже грустно:
Я такъ люблю поѣсть, чтобъ дешево и вкусно.

МАВРА САВИШНА.

Какъ судишь ты умно! не по лѣтамъ, мой свѣтъ.
Въ иной и пожилой такого смысла нѣтъ.

НАТАША.

Помилуйте....

МАВРА САВИШНА.

Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-то сестрино не явная ль улика,
Что прожила весь вѣкъ, не нажила ума?
Расчету ни на грошъ, увидишь ты сама;
Всегда столы у ней,—зачѣмъ? кому на диво?

НАТАША.

А будто трудно жить, какъ надо, бережливо?
Я вотъ и не въ нуждѣ воспитана была,
Хоть матушка моя покойная жила
Куда не роскошно, я чай и вамъ извѣстно?

МАВРА САВИШНА.

Умна была—дай Богъ ей царствіе небесно!

НАТАША.

Однако странность я одну вамъ разскажу.

МАВРА САВИШНА.

Какъ, другъ мой? что?—Садись.

НАТАША.

Вотъ что....

МАВРА САВИШНА.

Да сядь!

НАТАША (сѣвши на краюшкѣ стула).

Сижу.
Вотъ что.... спросить у васъ позвольте: вы давно ли
Разстались съ матушкой?

МАВРА САВИШНА.

Лѣтъ двадцать пять, поболѣ;
Мы молоды тогда, невѣсты были съ ней.
(Со вздохомъ).
И схоронила я съ тѣхъ поръ ужъ трехъ мужей.

НАТАША.

Такъ можетъ никогда вамъ слышать не случалось
Объ томъ, что къ Ладовой, къ графинѣ, я попалась
На воспитаніе?

МАВРА САВИШНА.

Нѣтъ, не слыхала я.

НАТАША.

Ужъ странность подлинно!—Она и мать моя
Вѣкъ были по всему противныхъ свойствъ и правилъ;
Не знаю между нхъ какъ случай связь составилъ,
А только матушка съ ней такъ дружна была,
Что на руки меня къ ней вовсе отдала.
Представьте же себѣ, я въ домъ попала знатный;
У Ладовой на все расходъ невѣроятный!
И шляпкамъ, и шалямъ, и платьямъ счету нѣтъ,
И собирается у ней весь модный свѣтъ:
Вчера концертный день, а нынче танцовальной,
А завтра что-нибудь другое.—Натурально,
Вы можете судить, что въ эдакомъ дому
До бережливости нѣтъ дѣла никому.

МАВРА САВИШНА.

Зараза! истинно зараза! жаль, родная,
Смерть жалко! хоть кого испортитъ жизнь такая.

НАТАША.

Позвольте досказать. Мнѣ скоро щегольство
И весь графининъ бытъ: шумъ, пышность, мотовство
И давка вѣчная въ передней за долгами
Такъ опротивѣли, что рада, между нами,
Была я убѣжать Богъ вѣдаетъ куда!
Такъ опротивѣли, что лучше бы всегда
Я ѣла черный хлѣбъ, въ серпянкѣ бы ходила,
Да лишь бы суетно такъ время не губила!

МАВРА САВИШНА.

Ужъ ли, голубушка! да какъ же это ты?
Я, я свертѣлась бы отъ этой суеты!
Вотъ умъ не дѣвичій!—Къ чему ты наклонилась?
Что потеряла?

НАТАША.

Здѣсь булавочка свѣтилась,
Сей часъ я видѣла. Вотъ тутъ она была,
На этомъ мѣстѣ, здѣсь.—А, вотъ она! нашла.
(Поднявши, прикалываетъ къ косынкѣ).
Вѣдь и булавочка намъ можетъ пригодиться.

МАВРА САВИШНА.

Какъ! изъ булавки ты изволила трудиться?
Чѣмъ больше думаю и на тебя гляжу,
И слушаю тебя, ума не приложу.
Диковина, мой свѣтъ! Ужъ ты ли не водилась
Съ большими барами? а все съ пути не сбилась!

НАТАША.

Напротивъ, многимъ я обязана тому,
Что столько времени жила въ большомъ дому:
Когда къ француженкамъ поѣдемъ мы бывало,
Графинѣ только бы купить что ни попало,
А я тихохонько высматриваю все,
Какъ тамъ работаютъ, кроятъ и то и се,
И выпрошу себѣ остатковъ, ласкуточковъ,
Отрѣзочковъ отъ лентъ, матерьицы кусочковъ,
И, дома заперлись, крою себѣ, крою.
Теперь же, вѣрите ль? я что угодно шью,
Вы не увидите на мнѣ чужой работы

Вотъ ни на столько. (Показываетъ на кончикъ шемизетки или фартука).

МАВРА САВИШНА.

Помилуй, другъ мой, что ты?
Кладъ сущій, и тебѣ подобной не сыскать!

НАТАША.

Я шелкомъ, золотомъ умѣю вышивать.
Бывало, прочіе лишь заняты весельемъ,
На балахъ день и ночь, а я за рукодельемъ:
Что вышью, продаю; работою своей
Скопила наконецъ до тысячи рублей.

МАВРА САВИШНА.

Теперь на свѣтѣ нѣтъ вещей невѣроятныхъ.
Скопила!—чѣмъ?—трудомъ! воспитана у знатныхъ!
Свершилась надъ тобой Господня благодать.
Дай, радость, дай скорѣй себя разцѣловать!
(Обнимаются).
Вотъ, если бъ былъ Любимъ степенный и толковый!
Вотъ счастье! вотъ оно! вотъ случай здѣсь готовый!
И услужилъ бы всѣмъ, роднымъ бы и себѣ,
Когда женился бы онъ, другъ мой, на тебѣ.
Уму бы разуму его ты научала,
Любила бы его, мотать бы не давала;
А то, слышь, въ Питерѣ онъ сватанье завелъ!
Тамъ русскую мамзель какую-то нашелъ!
Преакуратная головушка, я чаю.

НАТАША.

А почему же знать?

МАВРА САВИШНА.

Какъ почему?—Я знаю.

НАТАША.

Конечно это вамъ извѣстнѣе, чѣмъ мнѣ.

МАВРА САВИШНА.

Вотъ то-то, видишь ли, что всей его роднѣ
Она не по-нутру.—Не можетъ, чай, дождаться,
Когда Любимовы родные всѣ свалятся,
Чтобъ поскорѣй по нихъ наслѣдство получить.
Того не думаетъ, чтобы самой нажить.
Хоть объ себѣ скажу: не безъ труда скопила
Я кое-что. Нѣтъ, тремъ мужьямъ, тремъ угодила!
Легко ли вытерпѣть отъ нихъ мнѣ довелось—
При жизни что хлопотъ! по смерти сколько слезъ!
(Останавливается отъ избытка чувствъ).
Я, другъ мой, кажется, въ тебѣ не обманулась.
По волѣ Божіей, когда бъ ты приглянулась
Любиму нашему и вышла бъ за него,
Не расточила бы наслѣдства моего.
Да и полюбишься ему ты вѣроятно:
Свѣжа какъ маковъ цвѣтъ, ведешь себя опрятно,
А франтовъ нынѣшнихъ не мудрено прельстить.
Ты по французскому умѣешь говорить?

НАТАША.

Умѣю нѣсколько.

МАВРА САВИШНА.

И вѣрно мастерица.
Имъ только надобно.

Варвара Савишна, Мавра Савишна, Наташа.

МАВРА САВИШНА.

Послушай-ка, сестрица!
Вотъ толкъ объ чемъ у насъ. Не правда ли, она
Любиму нашему вѣдь по всему жена?

ВАРВАРА САВИШНА.

Я тоже говорю.

МАВРА САВИШНА.

Ты говоришь.... Я знаю,
Что это быть должно, я этого желаю,
На этомъ настою. Какъ хочетъ онъ, Любимъ,
Я вразумлю его, и по словамъ моимъ

Онъ петербургскія всѣ шашни позабудетъ.
Пожалуй-ка, сестра, когда къ тебѣ онъ будетъ,
Пришли его ко мнѣ. А между тѣмъ прощай!
Къ тебѣ, признаться, я попала вевзначай;
Шла къ теткѣ Звонкиной, съ ней перемолвить нужно
Такъ кой объ чемъ. Прости! (Обращаясь къ Наташѣ).
Ахъ! жаль, что недосужно,
А то бы мы съ тобой.... прошу насъ навѣщать.
Ты говорила мнѣ, что любишь вышивать;
На это мастерство у насъ есть заведенье.
Туда свожу тебя, увидишь: заглядѣнье,
Отцу Пафнутію какія ризы шьютъ! (Варварѣ Савишнѣ).
Скажи жъ Любимушкѣ, чтобъ на себя взялъ трудъ,
Заѣхалъ бы ко мнѣ.—Быть можетъ и безъ брани,
Авось!... загадывать я не хочу заранѣ;
Авось!... не вѣдаетъ никто, что впереди.
Сестра, безъ проводовъ! останься, не ходи!

в. ГОРЕ ОТЪ УМА (1822—23). (³).

Дѣйствіе I, явленіе 7.

Софья, Лиза и Чацкій.

ЧАЦКІЙ.

Чуть свѣтъ—ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ.
(Съ жаромъ цѣлуетъ ея руку).
Ну, поцѣлуйте-же. Не ждали? Говорите:
Чтожъ, рады? Нѣтъ? Въ лице мнѣ посмотрите:
Удивлены—и только? Вотъ пріемъ!
Какъ будто не прошло недѣли,
Какъ будто бы вчера, вдвоемъ
Мы мочи-нѣтъ другъ другу надоѣли!
Ни на волосъ любви! Куда какъ хороши!
А между тѣмъ, не вспомнясь, безъ души,
Я сорокъ пять часовъ, глазъ мигомъ не прищуря,
Верстъ больше семисотъ пронесся; вѣтеръ, буря....
И растерялся весь, и падалъ сколько разъ—
И вотъ за подвиги награда!

СОФЬЯ.

Ахъ, Чацкій, я вамъ очень рада!

ЧАЦКІЙ.

Вы рады? Въ добрый часъ!
Однакожъ, искренно: кто радуется этакъ?
Мнѣ кажется, что напослѣдокъ,
Людей и лошадей знобя,
Я только тѣшилъ самъ себя.

ЛИЗА.

Вотъ, сударь, если бы вы были за дверями:
Ей Богу, нѣтъ пяти минутъ,
Какъ поминали мы васъ тутъ.
Сударыня, скажите сами.

СОФЬЯ.

Всегда, не только что теперь.
Не можете вы сдѣлать мнѣ упрека:
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изчужа, издалека,
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ,
Не повстрѣчалъ-ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ.

ЧАЦКІЙ.

Положимте, что такъ.
Блаженъ, кто вѣруетъ: тепло ему на свѣтѣ!
Ахъ, Боже мой, ужель я здѣсь опять,
Въ Москвѣ, у васъ? Да какъ же васъ узнать!
Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда, бывало, въ вечеръ длинный
Мы съ вами явимся, исчезнемъ тутъ и тамъ,
Играемъ и шумимъ по стульямъ и столамъ?...
Или: вашъ батюшка съ мадамой за пикетомъ,
Мы, въ темномъ уголкѣ, и кажется что въ этомъ?

Вы помните? Вздрогнемъ, чуть скрипнетъ
столикъ, дверь.

СОФЬЯ.

Ребячество!

ЧАЦКІЙ.

Да-съ, а теперь—
Въ семнадцать лѣтъ вы расцвѣли прелестно,
Неподражаемо, и это вамъ извѣстно;
И потому скромны, не смотрите на свѣтъ.
Не влюблены ли вы? прошу мнѣ дать
отвѣтъ.
Безъ думы, полноте смущаться....

СОФЬЯ.

Да хоть кого смутятъ
Вопросы быстрые и любопытный взглядъ.

ЧАЦКІЙ.

Помилуйте, не вамъ—чему же удивляться?
Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два;
Тотъ сватался—успѣлъ, а тотъ далъ про-
махъ;
Все тотъ же толкъ, и тѣ жъ стихи въ
альбомахъ.

СОФЬЯ.

Гоненье на Москву! Что значитъ видѣть
свѣтъ!
Гдѣ жъ лучше?

ЧАЦКІЙ.

Гдѣ насъ нѣтъ!
Ну, что вашъ батюшка? Все Англійскаго
клоба
Старинный, вѣрный членъ до гроба?
Вашъ дядюшка отпрыгалъ-ли свой вѣкъ?
А этотъ—какъ его—онъ турокъ или грекъ...
Тотъ черномазенькій, на ножкахъ журав-
линыхъ...
Не знаю, какъ его зовутъ...
Куда ни сунься: тутъ какъ тутъ,
Въ столовыхъ и гостиныхъ?
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся?
Родныхъ мильонъ у нихъ, и съ помощью
сестрицъ
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? нашъ кладъ?
На лбу написано: «театръ и маскарадъ»;
Домъ зеленью расписанъ въ видѣ рощи;
Самъ толстъ, его артисты тощи.
На балѣ, помните, открыли мы вдоемъ
За ширмами, въ одной изъ комнатъ по-
секретнѣй,
Былъ спрятанъ человѣкъ и щелкалъ со-
ловьемъ—
Пѣвецъ зимой погоды лѣтней.
А тотъ чахоточный, родня вашъ, книгамъ
врагъ,
Въ ученый комитетъ который поселился
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился?
Опять увидѣть ихъ мнѣ суждено судьбой!
Жить съ ними надоѣстъ, и въ комъ не
сыщешь пятенъ?
Когда жъ постранствуешь, воротишься до-
мой—
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

СОФЬЯ.

Вотъ васъ бы съ тетушкою свесть,
Чтобъ всѣхъ знакомыхъ перечесть.

ЧАЦКІЙ.

А тетушка? Все дѣвушкой, Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ, къ воспитанью перейдемъ.
Что, нынче такъ-же, какъ издревле,
Хлопочутъ набирать учителей полки,
Числомъ поболѣе; цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи, подъ великимъ штрафомъ,
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ.
Нашъ менторъ... помните: колпакъ его, ха-
латъ,
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!...
Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!
А Гильоме, французъ, подбитый вѣ-
теркомъ,
Онъ не женатъ еще?

СОФЬЯ.

На комъ?

ЧАЦКІЙ.

Хоть на какой нибудь княгинѣ,
Пульхеріи Андревнѣ, напримѣръ.

СОФЬЯ.

Танцмейстеръ? Можно-ли!

ЧАЦКІЙ.

Чтожъ? Онъ и кавалеръ.
Отъ васъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ;
А Гильоме... Здѣсь нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ, на балахъ, по праздникамъ приходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ
Французскаго съ нижегородскимъ?

СОФЬЯ.

Смѣсь языковъ?

ЧАЦКІЙ.

Да, двухъ,—безъ этого нельзя-жъ.

ЛИЗА.

Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ!

ЧАЦКІЙ.

Покрайней мѣрѣ, не надутый.
Вотъ новости! Я пользуюсь минутой,
Свиданьемъ съ вами оживленъ
И говорливъ; а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе?—Гдѣ онъ, кстати?
Еще-ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ, пристаетъ: «пожалуйте списать!»
А впрочемъ онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ:
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.

СОФЬЯ (въ сторону).

Не человѣкъ—змѣя! (громко) Хочу у васъ спросить:
Случалось-ли, чтобъ вы, смѣясь или въ печали,
Ошибкою добро о комъ нибудь сказали—
Хоть не теперь, а въ дѣтствѣ, можетъ быть?

ЧАЦКІЙ.

Когда все мягко такъ, и нѣжно, и незрѣло?
На что же такъ давно? Вотъ доброе вамъ дѣло:
Звонками только что гремя,
И день и ночь по снѣговой пустынѣ
Спѣшу къ вамъ, голову сломя,
И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю,—
Лице святѣйшей богомолки!....
А все таки я васъ безъ памяти люблю.
(Минутное молчаніе).
Послушайте, уже-ль слова мои всѣ колки,
И клонятся къ чьему нибудь вреду?
Но если такъ, умъ съ сердцемъ не въ ладу:
Я въ чудакахъ иному чуду
Разъ посмѣюсь, потомъ забуду;
Велите жъ мнѣ въ огонь—пойду какъ на обѣдъ.

СОФЬЯ.

Да, хорошо, сгорите... если-жъ нѣтъ?

Явленіе 8.

Тѣже и Фамусовъ.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ и другой!

СОФЬЯ.

Ахъ, батюшка, сонъ въ руку! (Уходитъ съ Лизой)

ФАМУСОВЪ (Ей въ слѣдъ, вполголоса).

Проклятый сонъ!

Явленіе 9.

Фамусовъ и Чацкій (смотрятъ на дверь, въ которую Софья вышла.)

ФАМУСОВЪ.

Ну, выкинулъ ты штуку!
Три года не писалъ двухъ словъ,
И грянулъ вдругъ какъ съ облаковъ (обнимаются).
Здорово, другъ; здорово, братъ, здорово!
Разсказывай: чай у тебя готово
Собранье важное вѣстей?
Садись-ка, объяви скорѣй (садятся).

ЧАЦКІЙ.

Какъ Софья Павловна у васъ похорошѣла!

ФАМУСОВЪ.

Вамъ, людямъ молодымъ, другаго нѣту дѣла,
Какъ замѣчать дѣвичьи красоты:
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я чай, надеждами занесся, заколдованъ!

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, нѣтъ! Надеждами я мало избалованъ.

ФАМУСОВЪ.

«Сонъ въ руку?»—мнѣ она изволила шепнуть...
Вотъ ты задумалъ....

ЧАЦКІЙ.

Я? ничуть.

ФАМУСОВЪ.

О комъ ей снилось? Что такое?

ЧАЦКІЙ.

Я не отгадчикъ сновъ.

ФАМУСОВЪ.

Не вѣрь ей, все пустое.

ЧАЦКІЙ.

Я вѣрю собственнымъ глазамъ:
Вѣкъ не встрѣчалъ, подписку дамъ,
Чтобъ было ей хоть нѣсколько подобно.

ФАМУСОВЪ.

Онъ все свое. Да раскажи подробно,
Гдѣ былъ, скитался сколько лѣтъ?
Откудова теперь?

ЧАЦКІЙ.

Теперь мнѣ до того-ли!
Хотѣлъ объѣхать цѣлый свѣтъ,
И не объѣхалъ сотой доли (Встаетъ поспѣшно).
Простите! я спѣшилъ скорѣе видѣть васъ,
Не заѣзжалъ домой. Прощайте! черезъ часъ
Явлюсь, подробности малѣйшей не забуду.
Вамъ первымъ: вы потомъ разсказывайте всюду.
(Въ дверяхъ) Какъ хороша! (уходитъ).

Явленіе 10.

Фамусовъ (одинъ).

Который же изъ двухъ?
«Ахъ, батюшка, сонъ въ руку!»
И говоритъ мнѣ это вслухъ!
Ну, виноватъ, какого-жъ далъ я крюку!
Молчалинъ давича въ сомнѣнье ввелъ меня;
Теперь.... да въ полмя изъ огня:
Тотъ нищій, этотъ франтъ-пріятель,
Отъявленъ мотомъ, сорванцомъ.
Что за коммиссія, Создатель,
Быть взрослой дочери отцомъ! (уходитъ).

Дѣйствіе II, явленіе 1.

Фамусовъ и Слуга.

ФАМУСОВЪ.

Петрушка! вѣчно ты съ обновкой,
Съ разодраннымъ локтемъ! Достань-ка календарь.
Читай, смотри, не такъ, какъ пономарь,
А съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.
Постой-же. На листѣ черкни на записномъ,
Противу будущей недѣли:
«Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ,
Во вторникъ званъ я на форели».
Куда какъ чуденъ созданъ свѣтъ!
Пофилософствуй—умъ вскружится!
То бережешься, то обѣдъ;
Ѣшь три часа, а въ три дни не сварится!
Отмѣть—ка, въ тотъ же день.... нѣтъ, нѣтъ...
«Въ четвергъ я званъ на погребенье».
Охъ, родъ людской! пришло въ забвенье,
Что всякій долженъ самъ туда же лѣзть,
Въ тотъ ларчикъ, гдѣ ни стать, ни сѣсть!
Но память по себѣ намѣренъ кто оставить
Житьемъ похвальнымъ—вотъ примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный каммергеръ,
Съ ключемъ,—и сыну ключъ умѣлъ доставить;
Богатъ—и на богатой былъ женатъ;
Переженилъ дѣтей, внучатъ;
Скончался—всѣ о немъ съ прискорбьемъ вспоминаютъ:
Максимъ Петровичъ! миръ ему!

Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!
Пиши: въ четвергъ, одно ужъ къ одному,
А можетъ въ пятницу, а можетъ и въ субботу,
«Я долженъ у вдовы, у докторши, крестить.»
Она не родила, но по расчету
По моему, должна родить.

Явленіе 2.

Фамусовъ, Слуга и Чацкій.

ФАМУСОВЪ.

А, Александръ Андреичъ, просимъ,
Садитесь-ка.

ЧАЦКІЙ.

Вы заняты?

ФАМУСОВЪ (слугѣ).

Поди (слуга уходитъ).
Да, разныя дѣла на память въ книгу вносимъ:
Забудется, того гляди.

ЧАЦКІЙ.

Вы что-то невеселы стали?
Скажите, отъ чего? Пріѣздъ не въ пору мой?
Ужъ Софьѣ Павловнѣ какой
Не приключилось ли печали?
У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета.

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, батюшка! нашелъ загадку:
Не веселъ я!... Въ мои лѣта
Не можно же пускаться мнѣ въ присядку.

ЧАЦКІЙ.

Никто не приглашаетъ васъ;
Я только что спросилъ два слова
Объ Софьѣ Павловнѣ: быть можетъ, нездорова?

ФАМУСОВЪ.

Тьфу, Господи прости! Пять тысячъ разъ
Твердитъ одно и тоже!
То Софьи Павловны на свѣтѣ нѣтъ пригоже;
То Софья Павловна больна!
Скажи: тебѣ понравилась она?
Обрыскалъ свѣтъ, не хочешь-ли жениться?

ЧАЦКІЙ.

А вамъ на что?

ФАМУСОВЪ.

Меня не худо бы спроситься:
Вѣдь я ей нѣсколько сродни;
По крайней мѣрѣ искони
Отцомъ не даромъ называли.

ЧАЦКІЙ.

Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?

ФАМУСОВЪ.

Сказалъ бы я: во первыхъ, не блажи,
Имѣньемъ, братъ, не управляй оплошно;
А главное—поди-ка послужи.

ЧАЦКІЙ.

Служить бы радъ, прислуживаться тошно.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы, какъ дѣлали отцы,
Учились бы, на старшихъ глядя.
Мы, напримѣръ... или покойникъ дядя,
Максимъ Петровичъ! Онъ не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ...
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ:
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры всѣ важны... въ сорокъ пудъ...
Раскланяйся—тупеемъ не кивнутъ;
Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой: и пилъ, и ѣлъ иначе!
А дядя—что твой князь, что графъ!
Серьезный видъ, надменный нравъ;
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ.
На куртагѣ ему случилось оступиться:
Упалъ, да такъ, что чуть затылка не прошибъ...

Старикъ заохалъ... голосъ хрипкой...
Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой—
Изволили смѣяться.... Что же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ,
Упалъ вдругорядь—ужъ нарочно;
А хохотъ пуще—онъ и въ третій также точно!
А? какъ по вашему? По нашему—смышленъ:
Упалъ онъ больно—всталъ здорово.
За то, бывало, въ вистъ кто чаще приглашенъ?
Кто слышитъ при дворѣ привѣтливое слово?
Максимъ Петровичъ! Кто предъ всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ! Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи даетъ?
Максимъ Петровичъ!... Да!... Вы, нынѣшніе,—нутка!

ЧАЦКІЙ.

И точно, началъ свѣтъ глупѣть,
Сказать вы можете, вздохнувши;
Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!
Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея,
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ брали лбомъ:
Стучали объ полъ, не жалѣя!
Кому нужда—тѣмъ спѣсь, лежи они въ пыли;
А тѣмъ, кто выше—лесть, какъ кружево, плели.
Прямой былъ вѣкъ покорности и страха—
Все подъ личиною усердія къ царю!
Я не о дядюшкѣ о вашемъ говорю:
Его не возмутимъ мы праха.
Но, между тѣмъ, кого охота заберетъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пылкомъ,
Теперь, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать залтылкомъ!
А сверстничекъ, а старичекъ
Иной, глядя на тотъ скачекъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,
Чай приговаривалъ: ахъ, еслибы мнѣ тоже!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въ уздѣ.
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи!

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, Боже мой, онъ карбонарій!

ЧАЦКІЙ.

Нѣтъ, нынче свѣтъ ужъ не таковъ.

ФАМУСОВЪ.

Опасный человѣкъ!

ЧАЦКІЙ.

Вольнѣе всякій дышитъ
И не торопится вписаться въ полкъ шутовъ.

ФАМУСОВЪ.

Что говоритъ!—и говоритъ какъ пишетъ.

ЧАЦКІЙ.

У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ....

ФАМУСОВЪ.

Онъ вольность хочетъ проповѣдать!

ЧАЦКІЙ.

Кто путешествуетъ, въ деревнѣ кто живетъ....

ФАМУСОВЪ.

Да онъ властей не признаетъ!

ЧАЦКІЙ.

Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ...

ФАМУСОВЪ.

Строжайше бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ!

ЧАЦКІЙ.

Я наконецъ вамъ отдыхъ дамъ....

ФАМУСОВЪ.

Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно!

ЧАЦКІЙ.

Вашъ вѣкъ бранилъ я безпощадно;
Предоставляю вамъ во власть:
Откиньте часть

Хоть нашимъ временамъ въ придачу;
Ужъ такъ и быть, я не заплачу.

ФАМУСОВЪ.

И знать васъ не хочу: разврата не терплю!

ЧАЦКІЙ.

Я досказалъ.

ФАМУСОВЪ.

Добро, заткнулъ я уши.

ЧАЦКІЙ.

На чтожъ? Я ихъ не оскорблю.

ФАМУСОВЪ (скороговоркою).

Вотъ рыскаютъ по свѣту, бьютъ баклуши;
Воротятся—отъ нихъ порядка жди!

ЧАЦКІЙ.

Я пересталъ....

ФАМУСОВЪ.

Пожалуй пощади!

ЧАЦКІЙ.

Длить споры не мое желанье....

ФАМУСОВЪ.

Хоть душу отпусти на покаянье!

Явленіе 3.

Тѣже и Слуга.

СЛУГА.

Полковникъ Скалозубъ.

ФАМУСОВЪ (ничего не видитъ и не слышитъ).

Тебя ужъ упекутъ
Подъ судъ! Какъ пить дадутъ.

ЧАЦКІЙ.

Пожаловалъ къ вамъ кто-то на домъ.

ФАМУСОВЪ.

Не слушаю: подъ судъ!

ЧАЦКІЙ.

Къ вамъ человѣкъ съ докладомъ.

ФАМУСОВЪ.

Не слушаю: подъ судъ, подъ судъ!

ЧАЦКІЙ.

Да обернитесь, васъ зовутъ.

ФАМУСОВЪ (оборачивается).

А? бунтъ! Ну, такъ и жду содома!...

СЛУГА.

Полковникъ Скалозубъ. Прикажете принять?

ФАМУСОВЪ (встаетъ).

Ослы! Сто разъ вамъ повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ. Пошелъ-же, торопись!
(слуга уходитъ).
Пожалуйста, сударь, при немъ остерегись:
Извѣстный человѣкъ, солидный,
И знаковъ тму отличья нахваталъ;
Не по лѣтамъ и чинъ завидный:
Не нынче, завтра—генералъ!
Пожалуйста, при немъ веди себя скромненько...
Эхъ, Александръ Андреичъ, дурно, братъ!
Ко мнѣ онъ жалуетъ частенько:
Я всякому, ты знаешь, радъ.
Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое:
Вотъ будто женится на Сонюшкѣ. Пустое!
Онъ можетъ, быть, и радъ душой,
Да надобности самъ не вижу я большой
Дочь выдавать, ни завтра, ни сегодня:
Вѣдь Софья молода. А впрочемъ—власть Господня!
Пожалуйста, при немъ не спорь ты вкривь и вкось,
И завиральныя идеи эти брось.
Однако, нѣтъ его! какую бы причину?....
А! знать пошелъ ко мнѣ въ другую половину (поспѣшно уходитъ).

Явленіе 4.

ЧАЦКІЙ (одинъ).

Какъ суетится! что за прыть!
А Софья?... нѣтъ ли впрямь тутъ жениха какого?
Съ которыхъ поръ меня дичится, какъ чужого?
Какъ здѣсь бы ей не быть?...
Кто этотъ Скалозубъ? Отецъ имъ сильно бредитъ,
А можетъ быть, не только что отецъ...
Ахъ, тотъ скажи любви конецъ,
Кто на три года вдаль уѣдетъ!

Явленіе 5.

Чацкій, Фамусовъ и Скалозубъ.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, къ намъ, сюда—съ
Прошу покорно,—здѣсь теплѣе;
Прозябли вы—согрѣемъ васъ,
Отдушничекъ отворимъ поскорѣе...

СКАЛОЗУБЪ (басомъ).

За чѣмъ же лазить, напримѣръ,
Самимъ?.. мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ.

ФАМУСОВЪ.

Неужто для друзей не дѣлать мнѣ ни шагу?
Сергѣй Сергѣичъ дорогой!
Кладите шляпу, сдѣньте шпагу.
Вотъ вамъ софа, раскиньтесь на покой.

СКАЛОЗУБЪ.

Куда прикажете, лишь только бы усѣсться.

(Всѣ трое садятся; Чацкій поодаль).

ФАМУСОВЪ.

Ахъ, батюшка, сказать, чтобъ не забыть:
Позвольте намъ своими счесться,
Хоть дальними—наслѣдства не дѣлить.
Не знали вы, а я подавно,—
Спасибо научилъ двоюродный вашъ братъ:
Какъ вамъ доводится Настасья Николавна?

СКАЛОЗУБЪ.

Незнаю-съ, виноватъ:
Мы съ нею вмѣстѣ не служили.

ФАМУСОВЪ.

Сергѣй Сергѣичъ, это вы-ли?
Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
Сыщу ее на днѣ морскомъ!
При мнѣ служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки;
Одинъ Молчалинъ мнѣ не свой,
И то за тѣмъ, что дѣловой.
Какъ станешь представлять къ крестишкули, къ мѣстечку,—
Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку!
Однако братецъ вашъ мнѣ другъ и говорилъ,
Что вами выгодъ тьму по службѣ получилъ.

СКАЛОЗУБЪ.

Въ тринадцатомъ году мы отличались съ братомъ
Въ тридцатомъ егерскомъ, а послѣ въ сорокъ пятомъ.

ФАМУСОВЪ.

Да, счастье, у кого есть этакой сынокъ!
Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ?

СКАЛОЗУБЪ.

За третье августа; засѣли мы въ траншею:
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ на шею.

ФАМУСОВЪ.

Любезный человѣкъ! И посмотрѣть, такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ!

СКАЛОЗУБЪ.

Но крѣпко набрался какихъ-то новыхъ правилъ:
Чинъ слѣдовалъ ему,—онъ службу вдругъ оставилъ,
Въ деревнѣ книги сталъ читать.

ФАМУСОВЪ.

Вотъ молодость!... читать... а послѣ хватъ!
Вы повели себя исправно:
Давно полковники, а служите недавно.

СКАЛОЗУБЪ.

Довольно счастливъ я въ товарищахъ моихъ;
Вакансіи какъ разъ открыты:
То старшихъ выключатъ иныхъ,
Другіе, смотришь, перебиты.

ФАМУСОВЪ.

Да, чѣмъ Господь кого поищетъ, вознесетъ!

СКАЛОЗУБЪ.

Бываетъ, моего счастливѣе везетъ:
У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ,
Объ нашемъ хоть сказать бригадномъ генералѣ.

ФАМУСОВЪ.

Помилуйте, а вамъ чего не достаетъ?

СКАЛОЗУБЪ.

Не жалуюсь, не обходили;
Однако за полкомъ два года поводили.

ФАМУСОВЪ.

Въ погонь-ли за полкомъ!
За то, конечно, въ чемъ другомъ
За вами далеко тянуться.

СКАЛОЗУБЪ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятаго служу.
Да, чтобъ чины добыть, есть многіе каналы;
Объ нихъ какъ истинный философъ я сужу:
Мнѣ только бы досталось въ генералы.

ФАМУСОВЪ.

И славно судите; дай Богъ здоровья вамъ,
И генеральскій чинъ,—а тамъ
Зачѣмъ откладывать бы дальше—
Рѣчь завести о генеральшѣ....

СКАЛОЗУБЪ.

Жениться? Я ничуть не прочь.

ФАМУСОВЪ.

Чтожъ? у кого сестра, племянница есть, дочь...
Въ Москвѣ вѣдь нѣтъ невѣстамъ перевода;
Чего! плодятся годъ отъ года!
А, батюшка, признайтесь, что едва
Гдѣ сыщется еще столица, какъ Москва?

СКАЛОЗУБЪ.

Дистанція огромнаго размѣра.

ФАМУСОВЪ.

Вкусъ, батюшка, отмѣнная манера,
На все свои законы есть.
Вотъ, напримѣръ: у насъ ужъ исстари ведется,
Что по отцѣ и сыну честь;
Будь плохенькой, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ.
Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,—
Пускай себѣ разумникомъ слыви,—
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви!
Вѣдь только здѣсь еще и дорожатъ дворянствомъ.
Да это-ли одно!... возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать—изволь!
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ,
Особенно изъ иностранныхъ;
Хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ,
Для насъ ровнехонько, про всѣхъ готовъ обѣдъ.
Возьмите вы, отъ головы до пятокъ,
На всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ.
Извольте посмотрѣть на нашу молодежь:
На юношей, сынковъ и внучатъ;
Журимъ мы ихъ, а если разберешь—
Въ пятнадцать лѣтъ учителей научатъ!
А наши старички? Какъ ихъ возьметъ задоръ,
Засудятъ о дѣлахъ... что слово—приговоръ.
Вѣдь столбовые всѣ; въ усъ никому не дуютъ
И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что еслибъ кто подслушалъ ихъ.... бѣда!
Не то, чтобъ новизны вводили—никогда!
Спаси насъ Боже! Нѣтъ! А придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ и....разойдутся.
Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму.
Я вамъ скажу: знать время не приспѣло,
Но что безъ нихъ не обойдется дѣло.
А дамы? Сунься кто, попробуй, овладѣй!
Судьи всему, вездѣ; надъ ними нѣтъ судей.
За картами когда возстанутъ общимъ бунтомъ,
Дай Богъ терпѣнія,—вѣдь самъ я былъ женатъ!
Скомандовать велите передъ фрунтомъ!
Присутствовать пошлите ихъ въ сенатъ!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексѣвна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерія Андревна!
А дочки? Можно ли воспитаннѣе быть?
Умѣютъ же себя онѣ принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой
Французскіе романсы вамъ поютъ,
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,—
А потому, что патріотки.
Рѣшительно скажу: едва
Другая сыщется столица, какъ Москва!

СКАЛОЗУБЪ.

По моему сужденью,

Пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью.

ФАМУСОВЪ.

Не поминайте намъ! ужъ мало ли крехтятъ!
Съ тѣхъ поръ дороги, тротуары,
Дома и все—на новый ладъ.

ЧАЦКІЙ.

Дома новы, но предразсудки стары.
Порадуйтесь: не истребятъ
Ни годы ихъ, ни моды, ни пожары.

ФАМУСОВЪ (Чацкому).

Эй, завяжи на память узелокъ!
Просилъ я помолчать,—не велика услуга.
(Скалозубу).
Позвольте, батюшка, вотъ-съ Чацкаго, мнѣ друга,
Андрея Ильича покойнаго сынокъ;
Не служитъ, то есть въ томъ онъ пользы не находитъ;
Но захоти, такъ былъ бы дѣловой;
Жаль, очень жаль: онъ малый съ головой,
И славно пишетъ, переводитъ...
Нельзя не пожалѣть, что съ этакимъ умомъ...

ЧАЦКІЙ.

Нельзя-ли пожалѣть о комъ нибудь другомъ?
И похвалы мнѣ ваши досаждаютъ.

ФАМУСОВЪ.

Не я одинъ—всѣ такъ-же осуждаютъ.

ЧАЦКІЙ.

А судьи кто?... За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима;
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма.
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и туже,
Не замѣчая о себѣ:
Что старѣе, то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не эти-ли, грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя соорудя палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не воскресятъ кліенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты!
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?
Не тотъ-ли, вы къ кому меня, еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ,—
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И честь и жизнь его не разъ спасали... вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или вонъ тотъ еще, который, для затѣй,
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ!
Но кредиторовъ тѣмъ не согласилъ къ отсрочкѣ:
Амуры и зефиры всѣ
Распроданы по-одиночкѣ!
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!
Теперь пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей найдется врагъ исканій:
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науки онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искуствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,—
Они тотчасъ: разбой! пожаръ!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ.

фамусовъ (про себя).

Ужъ втянетъ онъ меня въ бѣду!
(Громко) Сергѣй Сергѣичъ, я пойду
И буду ждать васъ въ кабинетѣ. (Уходитъ).

явленіе 6.

Скалозубъ и Чацкій.

скалозубъ.

Мнѣ нравится: при этой смѣтѣ,
Искусно какъ коснулись вы
Предубѣжденія Москвы....

Дѣйствіе III, явленіе 3.

Чацкій и Молчалинъ.

чацкій.

Намъ, Алексѣй Степанычъ, съ вами
Не удалось сказать двухъ словъ.
Ну, образъ жизни вашъ каковъ?
Безъ горя ныньче? безъ печали?

молчалинъ.

По прежнему-съ.

чацкій.

А прежде какъ живали?

молчалинъ.

День за-день, ныньче какъ вчера.

чацкій.

Къ перу отъ картъ и къ картамъ отъ пера?
И положенный часъ приливамъ и отливамъ?

молчалинъ.

По мѣрѣ я трудовъ и силъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ числюсь по архивамъ,
Три награжденья получилъ.

чацкій.

Взманили почести и знатность?

молчалинъ.

Нѣтъ-съ, свой талантъ у всѣхъ....

чацкій.

У васъ?

молчалинъ.

Два-съ:
Умѣренность и акуратность.

чацкій.

Чудеснѣйшіе два! и стоятъ нашихъ всѣхъ!

молчалинъ.

Вамъ не дались чины? по службѣ неуспѣхъ?

чацкій.

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться.

молчалинъ.

Какъ удивлялись мы!

чацкій.

Какое жъ диво тутъ?

молчалинъ.

Жалѣли васъ.

чацкій.

Напрасный трудъ.

молчалинъ.

Татьяна Юрьевна разсказывала что-то,
Изъ Петербурга воротясь,
Съ министрами про вашу связь,
Потомъ разрывъ...

чацкій.

Ей почему забота?

молчалинъ.

Татьянѣ Юрьевнѣ?

чацкій.

Я съ нею незнакомъ.

молчалинъ.

Съ Татьяной Юрьевной?

чацкій.

Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались:
Слыхалъ, что вздорная.

молчалинъ.

Да это, полно, та ли-съ?
Татьяна Юрьевна!... извѣстная... притомъ
Чиновные и должностные
Всѣ ей друзья и всѣ родные.
Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хоть разъ бы съѣздить вамъ...

чацкій.

На что-же?

молчалинъ.

Такъ.... Частенько тамъ
Мы покровительство находимъ, гдѣ не мѣтимъ.

чацкій.

Я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.

молчалинъ.

Какъ обходительна, добра, мила, проста!
Балы даетъ нельзя богаче,
Отъ Рождества и до поста,

И лѣтомъ праздники на дачѣ.
Ну, право, чтобы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
И награжденья брать и весело пожить.

ЧАЦКІЙ.

Когда въ дѣлахъ—я отъ веселій прячусь;
Когда дурачиться—дурачусь;
А смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма искусниковъ,—я не изъ ихъ числа.

МОЛЧАЛИНЪ.

Простите. Впрочемъ тутъ не вижу преступленья;
Вотъ самъ Ѳома Ѳомичъ... знакомъ онъ вамъ?

ЧАЦКІЙ.

Ну что жъ?

МОЛЧАЛИНЪ.

Отличнаго ума и поведенья;
Изъ Петербурга къ намъ переведенъ.

ЧАЦКІЙ.

Хорошъ!
Пустѣйшій человѣкъ изъ самыхъ безтолковыхъ!

МОЛЧАЛИНЪ.

Какъ можно! Слогъ его здѣсь ставятъ въ образецъ.
Читали вы?

ЧАЦКІЙ.

Я глупостей не чтецъ,
А пуще образцовыхъ.

МОЛЧАЛИНЪ.

Нѣтъ, мнѣ такъ довелось съ пріятностью прочесть.
Не сочинитель я...

ЧАЦКІЙ.

И по всему замѣтно.

МОЛЧАЛИНЪ.

Не смѣю моего сужденья произнесть....

ЧАЦКІЙ.

За чѣмъ же такъ секретно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

ЧАЦКІЙ.

Помилуйте, мы съ вами не ребяты!
Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы?

МОЛЧАЛИНЪ.

Вѣдь надобно-жъ зависѣть отъ другихъ.

ЧАЦКІЙ.

Зачѣмъ же надобно?

МОЛЧАЛИНЪ.

Въ чинахъ мы небольшихъ.

ЧАЦКІЙ (почти громко).

Съ такими чувствами, съ такой душою,
Любимъ!.. Обманщица смѣялась надо мною!

Явленіе 4.

Вечеръ. Всѣ двери настежь, кромѣ двери въ спальню къ Софьѣ. Въ перспективѣ открывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ; слуги суетятся; одинъ изъ нихъ, главный, говоритъ:

Эй, Филька! Ѳомка! ну, ловчѣй!
Столы для картъ, мѣлъ, щетки и свѣчей.
(Стучится къ Софьѣ въ дверь).
Скажите барышнѣ скорѣе, Лизавета:
Наталья Дмитревна, и съ мужемъ; и къ крыльцу
Еще подъѣхала карета. (Расходятся; остается одинъ Чацкій).

Явленіе 5.

Чацкій, Наталья Дмитріевна.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Не ошибаюсь-ли?... онъ точно по лицу!
Ахъ, Александръ Андреичъ, вы-ли?

ЧАЦКІЙ.

Съ сомнѣньемъ смотрите отъ ногъ до головы—
Неужто тамъ меня три года измѣнили?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Я полагала васъ далеко отъ Москвы.
Давно-ли?

ЧАЦКІЙ.

Ныньче лишь....

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Надолго?

ЧАЦКІЙ.

Какъ случится.
Однако кто, смотря на васъ, не подивится?
Полнѣе прежняго, похорошѣли страхъ,
Моложе вы, свѣжѣе стали;

Огонь, румянецъ, смѣхъ, игра во всѣхъ чертахъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Я замужемъ.

ЧАЦКІЙ.

Давно бы вы сказали.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Мой мужъ—прелестный мужъ; вотъ онъ сейчасъ войдетъ;
Я познакомлю васъ, хотите?

ЧАЦКІЙ.

Прошу.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

И знаю напередъ,
Что вамъ понравится. Взгляните и судите.

ЧАЦКІЙ.

Я вѣрю: онъ вамъ мужъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

О, нѣтъ-съ! не потому:
Самъ по себѣ, по нраву, по уму.
Платонъ Михайлычъ мой единственный, безцѣнный!
Теперь въ отставкѣ, былъ военный;
И утверждаютъ всѣ, кто только прежде зналъ,
Что съ храбростью его, съ талантомъ,
Когда бы службу продолжалъ,
Конечно былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

Явленіе 6.

Чацкій, Наталья Дмитріевна и Платонъ Михайловичъ.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Вотъ мой Платонъ Михайлычъ!

ЧАЦКІЙ.

Ба!
Другъ старый! Мы давно знакомы. Вотъ судьба!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Здорово, Чацкій, братъ!

ЧАЦКІЙ.

Платонъ любезный, славно!
Похвальный листъ тебѣ: ведешь себя исправно!

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Какъ видишь, братъ:
Московскій житель и женатъ.

ЧАЦКІЙ.

Забытъ шумъ лагерный, товарищи и братья?
Спокоенъ и лѣнивъ?

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Нѣтъ, есть таки занятья:
На флейтѣ я твержу дуэтъ
А-мольный....

ЧАЦКІЙ.

Что твердилъ назадъ тому пять лѣтъ?
Ну, постоянный вкусъ въ мужьяхъ всего дороже.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Братъ, женишься, тогда меня вспомянь:
Отъ скуки будешь ты свистать одно и тоже.

ЧАЦКІЙ.

Отъ скуки? какъ? ужъ ты ей платишь дань?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Платонъ Михайлычъ мой къ занятьямъ склоненъ разнымъ,
Которыхъ нѣтъ теперь: къ ученьямъ и смотрамъ,
Къ манежу.... иногда скучаетъ по утрамъ.

ЧАЦКІЙ.

А кто, любезный другъ, велитъ тебѣ быть празднымъ?
Въ полкъ! эскадронъ дадутъ. Ты оберъ или штабъ?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Платонъ Михайлычъ мой здоровьемъ очень слабъ.

ЧАЦКІЙ.

Здоровьемъ слабъ? Давно-ли?

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Все ревматизмъ и головныя боли.

ЧАЦКІЙ.

Движенья болѣе! Въ деревню, въ теплый край!
Будь чаще на конѣ. Деревня лѣтомъ рай.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Платонъ Михайлычъ городъ любитъ,
Москву; за что въ глуши онъ дни свои погубитъ?

чацкій.

Москву и городъ!.. ты чудакъ,
А помнишь прежнее?

платонъ михайловичъ.

Да, братъ, теперь не такъ!...

наталья дмитріевна.

Ахъ, мой дружочекъ!
Здѣсь такъ свѣжо, что мочи нѣтъ!
Ты распахнулся весь и разстегнулъ жилетъ.

платонъ михайловичъ.

Теперь, братъ, я не тотъ...

наталья дмитріевна.

Послушайся разочекъ,
Мой милый: застегнись скорѣй.

платонъ михайловичъ (равнодушно).

Сейчасъ.

наталья дмитріевна.

Да отойди подальше отъ дверей:
Сквозной тамъ вѣтеръ дуетъ сзади.

платонъ михайловичъ.

Теперь, братъ, я не тотъ....

наталья дмитріевна.

Мой ангелъ, Бога ради,
Отъ двери дальше отойди!

платонъ михайловичъ (глаза къ небу).

Ахъ, матушка!

чацкій.

Ну, Богъ тебя суди:
Ужъ точно сталъ не тотъ въ короткое ты время!
Не въ прошломъ ли году, въ концѣ,
Въ полку тебя я зналъ? Лишь утро—ногу въ стремя
И носишься на борзомъ жеребцѣ;
Осенній вѣтеръ дуй хоть спереди, хоть съ тыла.

платонъ михайловичъ (вздыхаетъ).

Эхъ, братецъ! славное тогда житье-то было!

Явленіе 7.

Тѣ-же, Князь Тугоуховскій и Княгиня, съ шестью дочерьми.

наталья дмитріевна (тоненькимъ голоскомъ).

Князь Петръ Ильичъ, Княгиня! Боже мой!
Княжна Зизи! Мими! (Громкія лобызанія; потомъ усаживаются и осматриваютъ одна другую съ головы до ногъ).

1-я княжна.

Какой фасонъ прекрасный!

2-я княжна.

Какія складочки!

1-я княжна.

Обшито фалбарой.

наталья дмитріевна.

Нѣтъ, еслибъ видѣли мой тюрлюрлю атласный!

3-я княжна.

Какой эшарпъ cousin мнѣ подарилъ!

4-я княжна.

Ахъ, да, барежевый!

5-я княжна.

Ахъ, прелесть!

6-я княжна.

Ахъ, какъ милъ!

княгиня.

Тсъ! Кто это въ углу, вошли мы, поклонился?

наталья дмитріевна.

Пріѣзжій, Чацкій.

княгиня.

От-ста-вной?

наталья дмитріевна.

Да, путешествовалъ, недавно воротился.

княгиня.

И хо-ло-стой?

наталья дмитріевна.

Да, не женатъ.

княгиня.

Князь, князь! сюда, живѣе!

князь (обращаетъ къ ней слуховую трубу).

О, хмъ!

княгиня.

Къ намъ на вечеръ, въ четвергъ, проси скорѣе
Натальи Дмитревны знакомаго: вотъ онъ.

князь.

И—хмъ! (Отправляется, вьется около Чацкаго и покашливаетъ).

княгиня.

Вотъ то-то дѣтки!
Имъ балъ, а батюшка таскайся на поклонъ!
Танцовщики ужасно стали рѣдки!...

Онъ камеръ-юнкеръ?

наталья дмитріевна.

Нѣтъ.

княгиня.

Богатъ?

наталья дмитріевна.

О, нѣтъ!

княгиня (громко, что есть мочи).

Князь! князь! назадъ!

Явленіе 8.

Тѣже и графини Хрюмины, бабушка и внучка.

графиня внучка.

Ахъ, grand'maman! ну кто такъ рано пріѣзжаетъ?
Мы первыя. (Пропадаетъ въ боковую комнату).

княгиня.

Вотъ насъ честитъ!
Вотъ первая, а насъ за никого считаетъ?
Зла: въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ; ужъ Богъ ее проститъ!

графиня внучка (вернувшись, направляетъ на Чацкаго двойной лорнетъ).

Мсье Чацкій, вы въ Москвѣ? какъ были, все такіе?

чацкій.

На что мѣняться мнѣ?

графиня внучка.

Вернулись холостые?

чацкій.

На комъ жениться мнѣ!

графиня внучка.

Въ чужихъ краяхъ на комъ!
О! нашихъ тьма, безъ дальнихъ справокъ,
Тамъ женятся и насъ дарятъ родствомъ
Съ искусницами модныхъ лавокъ.

чацкій.

Несчастные! должны упреки несть
Отъ подражательницъ модисткамъ,
За то, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамъ!

Явленіе 9.

Тѣже и множество другихъ гостей. Между прочими Загорѣцкій. Мужчины являются, шаркаютъ, отходятъ въ сторону, кочуютъ изъ комнаты въ комнату и проч. Софья выходитъ отъ себя. Всѣ къ ней на встрѣчу.

наталья дмитріевна.

Eh, bon soir! vous voilà! jamais trop diligente!
Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attente!

загорѣцкій.

На завтрашній спектакль имѣете билетъ?

софья.

Нѣтъ.

загорѣцкій.

Позвольте вамъ вручить. Напрасно бы кто взялся
Другой вамъ услужить; за то
Куда я ни кидался?
Въ контору—все взято;
Къ директору—онъ мнѣ пріятель—
Съ зарей въ шестомъ часу: и кстати-ль?
Ужъ съ вечера никто достать не могъ;
Къ тому, къ сему,—всѣхъ сбилъ я съ ногъ.
И этотъ наконецъ похитилъ уже силой
У одного—старикъ онъ хилой,
Мнѣ другъ, извѣстный домосѣдъ:
Пусть дома просидитъ въ покоѣ.

софья.

Благодарю васъ за билетъ,
А за старанье вдвое.

(Являются еще кое-какіе; Загорѣцкій отходитъ къ мужчинамъ).

загорѣцкій.

Платонъ Михайловичъ!

платонъ михайловичъ.

Прочь!
Поди ты къ женщинамъ, лги имъ и ихъ морочь;
Я правду о тебѣ поразскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вотъ, братъ (Чацкому) рекомендую:
Какъ этакихъ людей учтивѣе зовутъ,
Нѣжнѣе? Человѣкъ отъ свѣтскій,

Отъявленный мошенникъ, плутъ—
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
При немъ остерегись: переноситъ гораздъ!
И въ карты не садись: продастъ!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Оригиналъ! брюзгливъ, а безъ малѣйшей злобы.

ЧАЦКІЙ.

И оскорбляться вамъ смѣшно-бы.
Окромѣ честности есть множество отрадъ:
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

ПЛАТОНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Охъ, нѣтъ, братецъ! у насъ ругаютъ
Вездѣ, а всюду принимаютъ. (Загорѣцкій мѣшается въ толпу).

Явленіе 10.

Тѣже и Хлестова.

ХЛЕСТОВА.

Легко-ли въ шестьдесятъ пять лѣтъ
Тащиться мнѣ къ тебѣ, племянница?... Мученье!
Часъ битый ѣхала съ Покровки, силы нѣтъ!
Ночь—свѣта преставленье!
Отъ скуки я взяла съ собой
Арабку-дѣвку да собачку;
Вели ихъ накормить ужо, дружочекъ мой,
Отъ ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте! (садятся). Ну, Софьюшка, мой другъ,
Какая у меня арабка для услугъ!
Курчавая! горбомъ лопатки!
Сердитая! всѣ кошачьи ухватки!
Да какъ черна! да какъ страшна,
Вѣдь создалъ же Господь такое племя!
Чортъ сущій! Въ дѣвичьей она;
Позвать-ли?

СОФЬЯ.

Нѣтъ-съ, въ другое время.

ХЛЕСТОВА.

Представь: ихъ какъ звѣрей вывозятъ напоказъ,
Я слышала.... тамъ.... городъ есть турецкій...
А знаешь-ли, кто мнѣ припасъ?
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій (Онъ выставляется впередъ).
Лгунишка онъ, картежникъ, воръ (Загорѣцкій исчезаетъ).
Я отъ него было и двери на запоръ,
Да мастеръ услужить: мнѣ и сестрѣ Прасковьѣ
Двоихъ арабченковъ на ярмаркѣ досталъ;
Купилъ, онъ говоритъ,—чай, въ карты сплутовалъ;
А мнѣ подарочекъ, дай Богъ ему здоровье!

ЧАЦКІЙ (съ хохотомъ Платону Михайловичу).

Не поздоровится отъ этакихъ похвалъ!
И Загорѣцкій самъ не выдержалъ: пропалъ.

ХЛЕСТОВА.

Кто этотъ весельчакъ? изъ званія какого?

СОФЬЯ.

Вонъ этотъ? Чацкій.

ХЛЕСТОВА.

Ну, а что нашелъ смѣшнаго?
Чему онъ радъ? какой тутъ смѣхъ?
Надъ старостью смѣяться грѣхъ!
Я помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала;
Я за уши его дирала—только мало!

Явленіе 11.

Тѣже и Фамусовъ.

ФАМУСОВЪ (громогласно).

Ждемъ князь Петръ-Ильича,
А князь ужъ здѣсь! А я забился тамъ въ портретной.
Гдѣ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣичъ? а?
Нѣтъ? кажется, что нѣтъ: онъ человѣкъ замѣтной,
Сергѣй Сергѣичъ Скалозубъ.

ХЛЕСТОВА.

Творецъ мой! оглушилъ: звончѣе всякихъ трубъ!

Явленіе 12.

Тѣже и Скалозубъ, потомъ Молчалинъ.

фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ, запоздали!
А мы васъ ждали, ждали, ждали!
(Подводитъ къ Хлестовой).
Моя невѣстушка, которой ужъ давно
Объ васъ говорено.

хлестова (сидя).

Вы прежде были здѣсь... въ полку....
въ томъ.... гренадерскомъ?

скалозубъ (басомъ).

Въ Его Высочества, хотите вы сказать,
Новоземлянскомъ мушкатерскомъ?

хлестова.

Не мастерица я полки-то различать.

скалозубъ.

А форменныя есть отлички:
Въ мундирахъ выпушки, погончики, петлички.

фамусовъ.

Пойдемте, батюшка; тамъ васъ я насмѣшу:
Курьезный вистъ у насъ. За нами, князь, прошу!
(Уводитъ съ собою Скалозуба и князя).

хлестова (Софьѣ).

Ухъ! я точнехонько избавилась отъ петли.
Вѣдь полоумный твой отецъ:
Дался ему трехъ сажень удалецъ!
Знакомитъ, не спросясь, пріятно-ли намъ, нѣтъ-ли!

молчалинъ (подаетъ ей руку).

Я вашу партію составилъ: мосье Кокъ,
Ѳома Ѳомичъ и я.

хлестова.

Спасибо, мой дружокъ (встаетъ).

молчалинъ.

Вашъ шпицъ—прелестный шпицъ! не болѣе наперстка!
Я гладилъ все его: какъ шелковая шерстка!

хлестова.

Спасибо, мой родной! (Уходитъ; за нею Молчалинъ и многіе другіе).

Явленіе 13.

Чацкій, Софья и нѣсколько постороннихъ, которые въ продолженіе сцены расходятся.

чацкій.

Ну, тучу разогналъ....

софья.

Нельзя-ль не продолжать?

чацкій.

Чѣмъ я васъ напугалъ?
За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью,
Хотѣлъ я похвалить.

софья.

А кончили-бы злостью.

чацкій.

Сказать вамъ, что я думалъ? Вотъ:
Старушки всѣ народъ сердитый;
Не худо, чтобъ при нихъ услужникъ знаменитый
Тутъ былъ, какъ громовой отводъ.
Молчалинъ! кто другой такъ мирно все уладитъ?
Тамъ моську во-время погладитъ,
Тутъ въ пору карточку вотретъ....
Въ немъ Загорѣцкій не умретъ!
Вы давича его мнѣ исчисляли свойства,
Но многія забыли! да? (Уходитъ).

Явленіе 14.

Софья, потомъ г. N.

софья (про себя).

Ахъ, этотъ человѣкъ всегда
Причиной мнѣ ужаснаго разстройства!
Унизить радъ, кольнуть: завистливъ, гордъ и золъ!

г. N. (подходитъ).

Вы въ размышленьи?

софья.

Объ Чацкомъ.

г. N.

Какъ его нашли по возвращеньи?

софья.

Онъ не въ своемъ умѣ.

г. N.

Ужель съ ума сошелъ?

софья (помолчавъ).

Не то, чтобы совсѣмъ....

г. N.

Однако есть примѣты?

софья (смотритъ на него пристально).

Мнѣ кажется.

г. N.

Какъ можно, въ эти лѣта!

софья.

Какъ быть! (въ сторону).

Готовъ онъ вѣрить!

А, Чацкій! Любите вы всѣхъ въ шуты рядить,—

Угодно-ль на себя примѣрить? (уходитъ).

Явленіе 15.

Г. N., потомъ г. D.

г. N.

Съ ума сошелъ!... Ей кажется? Вотъ на!

Не даромъ стало быть.... съ чего-бъ взяла она!

Ты слышалъ?

г. D.

Что?

г. N.

Объ Чацкомъ.

г. D.

Что такое?

г. N.

Съ ума сошелъ!

г. D.

Пустое.

г. N.

Не я сказалъ, другіе говорятъ.

г. D.

А ты разславить это радъ?

г. N.

Пойду, освѣдомлюсь: чай кто нибудь да знаетъ! (Уходитъ).

———

Явленіе 16.

Г. D., потомъ Загорѣцкій.

г. D.

Вѣрь болтуну!

Услышитъ вздоръ и тотчасъ повторяетъ!

Ты знаешь-ли объ Чацкомъ?

загорѣцкій.

Ну?

г. D.

Съ ума сошелъ!

загорѣцкій.

А, знаю, помню, слышалъ!

Какъ мнѣ не знать? Примѣрный случай вышелъ:

Его въ безумные упряталъ дядя-плутъ;

Схватили, въ желтый домъ и на цѣпь посадили.

г. D.

Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ!

загорѣцкій.

Такъ съ цѣпи стало быть спустили.

г. D.

Ну, милый другъ, съ тобой не надобно газетъ.

Пойду-ка я, расправлю крылья,

У всѣхъ повыспрошу; однако, чуръ, секретъ! (Уходитъ).

Явленіе 17.

Загорѣцкій, потомъ Графиня внучка.

загорѣцкій.

Который Чацкій тутъ? Извѣстная фамилья:

Съ какимъ-то Чацкимъ я когда-то былъ знакомъ.

Вы слышали объ немъ?

графиня внучка.

Объ комъ?

загорѣцкій.

Объ Чацкомъ... онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.

графиня внучка.

Знаю,

Я говорила съ нимъ.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Такъ я васъ поздравляю:
Онъ сумасшедшій....

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Что?...

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Да, онъ сошелъ съ ума.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Представьте! я замѣтила сама;
И хоть пари держать, со мной въ одно вы слово.

Явленіе 18.

Тѣже и Графиня бабушка.

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Ахъ, grand'maman! Вотъ чудеса! вотъ ново!
Вы не слыхали здѣшнихъ бѣдъ?
Послушайте! вотъ прелести, вотъ мило!

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Мой другъ, мнѣ уши заложило!
Скажи погромче....

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Время нѣтъ?
Il vous dira toute l'histoire!
Пойду, спрошу. (Уходитъ).

Явленіе 19.

Загорѣцкій и Графиня бабушка.

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Что? что? Ужъ нѣтъ-ли здѣсь пожара?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Нѣтъ! Чацкій произвелъ всю эту кутерьму.

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Какъ? Чацкаго кто свелъ въ тюрьму?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Въ горахъ былъ раненъ въ лобъ,
Сошелъ съ ума отъ раны.

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Что? къ фармазонамъ въ клобъ
Пошелъ онъ? въ басурманы?

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Ее не вразумишь! (Уходитъ).

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Антонъ Антонычъ! Ахъ,
И онъ бѣжитъ! всѣ въ страхѣ, въ попыхахъ.

Явленіе 20.

Графиня бабушка и Князь Тугоуховскій.

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Князь! князь! Охъ, этотъ князь!—по баламъ, самъ чуть дышитъ!
Князь, слышали?

КНЯЗЬ.

А? хмъ!

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Онъ ничего не слышитъ.
Хоть, можетъ, видѣли: здѣсь полицмейстеръ былъ?

КНЯЗЬ.

Э? хмъ!

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Въ тюрьму то, князь, кто Чацкаго схватилъ?

КНЯЗЬ.

И? хмъ?

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Тесакъ ему да ранецъ!
Въ солдаты!—шутка-ли? перемѣнилъ законъ!

КНЯЗЬ.

У? хмъ?

ГРАФИНЯ БАБУШКА.

Да!... въ басурманахъ онъ!
Ахъ, окаянный волтерьянецъ!
Что? а? Глухъ, мой отецъ! достаньте свой рожокъ.
Охъ, глухота большой порокъ!

Явленіе 21.

Тѣже и Хлестова, Софья, Молчалинъ, Платонъ Михайловичъ, Наталья Дмитріевна, Графиня внучка, Княгиня съ дочерьми, Загорѣцкій, Скалозубъ, потомъ Фамусовъ и многіе другіе.

ХЛЕСТОВА.

Съ ума сошелъ! прошу покорно!

Да невзначай, да какъ проворно!
Ты, Софья, слышала?

платонъ михайловичъ.

Кто первый разгласилъ?

наталья дмитріевна.

Ахъ, другъ мой, всѣ!

платонъ михайловичъ.

Ну, всѣ, такъ вѣришь поневолѣ;
А мнѣ сомнительно.

фамусовъ (входитъ).

О комъ? о Чацкомъ, что-ли?
Чего сомнительно? я первый, я открылъ.
Давно дивлюсь я, какъ никто его не свяжетъ?
Попробуй о властяхъ,— и невѣсть что наскажетъ!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцомъ,
Хоть предъ какимъ ни есть лицомъ—
Такъ назоветъ онъ подлецомъ!...

хлестова.

Туда же изъ смѣшливыхъ!
Сказала что-то я,—онъ началъ хохотать.

молчалинъ.

Мнѣ отсовѣтовалъ въ Москвѣ служить въ архивахъ!

графиня внучка.

Меня модисткою изволилъ величать!

наталья дмитріевна.

А мужу моему совѣтъ далъ жить въ деревнѣ!

загорѣцкій.

Безумный по всему!

графиня внучка.

Я видѣла изъ глазъ.

фамусовъ.

По матери пошелъ, по Аннѣ Алексѣвнѣ:
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

хлестова.

На свѣтѣ дивныя бываютъ приключенья!
Въ его лѣта съ ума спрыгнулъ!
Чай, пилъ не по лѣтамъ?

княгиня.

О, вѣрно!

графиня внучка.

Безъ сомнѣнья!

хлестова.

Шампанское стаканами тянулъ.

наталья дмитріевна.

Бутылками-съ, и пребольшими!

загорѣцкій (съ жаромъ).

Нѣтъ-съ, бочками сороковыми!

фамусовъ.

Ну, вотъ великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина!
Ученье—вотъ чума! ученость—вотъ причина,
Что нынче пуще, чѣмъ когда,
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній....

хлестова.

И впрямь съ ума сойдешь отъ этихъ отъ одныхъ
Отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ.... какъ бишь ихъ?
Да отъ ланкарточныхъ взаимныхъ обученій.

княгиня.

Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ
Пе...да...го...ическій—такъ, кажется, зовутъ...
Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи
Профессора! У нихъ учился мой родня—
И вышелъ! хоть сей часъ въ аптеку, въ подмастерьи:
Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня!
Чиновъ не хочетъ знать! онъ химикъ, онъ ботаникъ!
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ.

скалозубъ.

Я васъ обрадую: всеобщая молва,
Что есть проэктъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій.
Тамъ будутъ лишь учить по-нашему: разъ, два,—
А книги сохранятъ такъ, для большихъ оказій.

фамусовъ.

Сергѣй Сергѣичъ! нѣтъ, ужъ коли зло пресѣчь,—
Собрать всѣ книги бы, да сжечь.

хлестова.

Отцы мои! ужъ кто въ умѣ разстроенъ,

Такъ все равно—отъ книгъ ли, отъ питья-ль.
А Чацкаго мнѣ жаль!
По христіански, такъ онъ жалости достоинъ:
Былъ острый человѣкъ, имѣлъ душъ сотни три.

ФАМУСОВЪ.

Четыре.

ХЛЕСТОВА.

Три, сударь!

ФАМУСОВЪ.

Четыреста!

ХЛЕСТОВА.

Нѣтъ, триста.

ФАМУСОВЪ.

Въ моемъ календарѣ....

ХЛЕСТОВА.

Всѣ врутъ календари!

ФАМУСОВЪ.

Какъ разъ четыреста! Охъ, спорить голосиста!

ХЛЕСТОВА.

Нѣтъ, триста! Ужъ чужихъ имѣній мнѣ не знать!

ФАМУСОВЪ.

Четыреста, прошу понять!

ХЛЕСТОВА.

Нѣтъ: триста! триста! триста!

Явленіе 22.

Тѣ же и Чацкій.

НАТАЛЬЯ ДМИТРІЕВНА.

Вотъ онъ!

ГРАФИНЯ ВНУЧКА.

Штъ!

ВСѢ.

Штъ! (Пятятся отъ него въ противную сторону).

ХЛЕСТОВА.

Ну, какъ съ безумныхъ глазъ
Затѣетъ драться онъ: потребуютъ къ раздѣлкѣ!

ФАМУСОВЪ.

О Господи, помилуй грѣшныхъ насъ! (Опасливо).
Любезнѣйшій! ты не въ своей тарелкѣ.
Съ дороги нуженъ сонъ. Дай пульсъ,—ты нездоровъ.

ЧАЦКІЙ.

Да, мочи нѣтъ! мильонъ терзаній
Груди отъ дружескихъ тисковъ,
Ногамъ отъ шарканья, ушамъ отъ восклицаній,
А пуще головѣ отъ всякихъ пустяковъ!
(Подходитъ къ Софьѣ).
Душа здѣсь у меня какимъ-то горемъ сжата,
И въ многолюдствѣ я потерянъ, самъ не свой.
Нѣтъ! недоволенъ я Москвой!

ХЛЕСТОВА.

Москва вишь виновата!

ФАМУСОВЪ.

Подальше отъ него! (Дѣлаетъ знаки Софьѣ).
Г-мъ! Софья! не глядитъ!

СОФЬЯ (Чацкому).

Скажите, что васъ такъ гнѣвитъ?

ЧАЦКІЙ.

Въ той комнатѣ незначущая встрѣча.
Французикъ изъ Бордо, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча,
И сказывалъ, какъ снаряжался въ путь
Въ Россію, къ варварамъ, со страхомъ и слезами;
Пріѣхалъ и нашелъ, что ласкамъ нѣтъ конца;
Ни звука русскаго, ни русскаго лица
Не встрѣтилъ; будто-бы въ отечествѣ, съ друзьями,—
Своя провинція; посмотришь—вечеркомъ
Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ.
Такой-же толкъ у дамъ, такіе же наряды:
Онъ радъ, но мы не рады.
Умолкъ.—И тутъ со всѣхъ сторонъ
Тоска, и оханье, и стонъ.
«Ахъ, Франція! нѣтъ въ мірѣ лучше края!»
Рѣшили двѣ княжны, сестрицы, повторяя
Урокъ, который имъ изъ дѣтства натверженъ.
Куда дѣваться отъ княженъ!
Я одаль возсылалъ желанья,

Смиренныя, однако вслухъ,
Чтобъ истребилъ Господь нечистый этотъ духъ
Пустаго, рабскаго, слѣпаго подражанья;
Чтобъ искру заронилъ Онъ въ комъ-нибудь съ душой,
Кто могъ бы словомъ, иль примѣромъ,
Насъ удержать, какъ крѣпкою возжей,
Отъ жалкой тошноты по сторонѣ чужой!
Пускай меня отъявятъ старовѣромъ,—
Но хуже для меня нашъ сѣверъ во-сто-кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ:
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду—на другую,
По шутовскому образцу:
Хвостъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ;
Движенья связаны и не краса лицу;
Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки....
Какъ платья, волосы, такъ и умы коротки!
Ахъ, если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ!
Воскреснемъ-ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ?
«Какъ европейское поставить въ параллель
Съ національнымъ,—странно что-то!
Ну, какъ перевести: мадамъ и мадмуазель?
Ужель: сударыня?»—забормоталъ мнѣ кто-то....
Вообразите: тутъ у всѣхъ
На мой же счетъ поднялся смѣхъ.
«Сударыня! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! ха! ха! ужасно!....»
Я, разсердясь и жизнь кляня,
Готовилъ имъ отвѣтъ громовый;
Но всѣ оставили меня.
Вотъ случай вамъ со мною,—онъ не новый:
Москва и Петербургъ во всей Россіи-то,
Что человѣкъ изъ города Бордо:
Лишь ротъ открылъ—имѣетъ счастье
Во всѣхъ княженъ вселять участье.
И въ Петербургѣ и Москвѣ
Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять-шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять,—
Глядь....
(Оглядывается: всѣ вальсируютъ, старики усѣлись за карты).

Дѣйствіе IV.

Ночь.

У Фамусова въ домѣ; парадныя сѣни; большая лѣстница изъ втораго жилья, къ которой примыкаютъ многія побочныя изъ антресолей. Внизу, справа выходъ на крыльцо и швейцарская ложа; слѣва, на томъ же планѣ, комната Молчалина. Слабое освѣщеніе. Лакеи—иные суетятся, иные спятъ въ ожиданіи господъ своихъ.

Явленіе 1.

Графиня бабушка и внучка.

лакей.

Графини Хрюминой карета!

графиня внучка (пока ее укутываютъ).

Ну, балъ! ну, Фамусовъ! умѣлъ гостей созвать!
Какіе-то уроды съ того свѣта!
И не съ кѣмъ говорить, и не съ кѣмъ танцовать!

графиня бабушка.

Поѣдемъ, матушка, мнѣ право не подъ силу.
Когда нибудь я съ бала да въ могилу.
(Обѣ уходятъ).

явленіе 2.

Горичевы. Одинъ лакей около нихъ хлопочетъ, другой у подъѣзда кричитъ:

Карета Горича!

наталья дмитріевна.

Мой ангелъ! жизнь моя!
Безцѣнный, душенька, что смотришь такъ уныло?
Признайся, весело у Фамусовыхъ было?

платонъ михайловичъ.

Наташа, матушка, дремлю на балахъ я:
До нихъ смертельный неохотникъ;
А не противлюсь: твой работникъ!
Дежурю за полночь; подъ часъ,
Тебѣ въ угодность, какъ ни грустно,
Пускаюсь по командѣ въ плясъ.

наталья дмитріевна.

Ты притворяешься и очень неискусно:
Охота смертная—прослыть за старика.
(Уходитъ съ лакеемъ).

платонъ михайловичъ (хладнокровно).

Балъ вещь хорошая; неволя-то горька!
И кто жениться насъ неволитъ?
Вѣдь сказано жъ иному на роду..

лакей (съ крыльца).

Въ каретѣ барыня-съ и гнѣваться изволитъ.

платонъ михайловичъ.

Иду, иду! (Уходитъ).

Явленіе 3.

Чацкій и его Лакей впереди.

чацкій.

Кричи, чтобы скорѣе подавали! (лакей уходитъ).
Ну вотъ и день прошелъ, и съ нимъ
Всѣ призраки, весь чадъ и дымъ
Надеждъ, которыя мнѣ душу наполняли!
Чего я ждалъ, что думалъ здѣсь найти?
Гдѣ прелесть эта встрѣчъ? участье въ комъ живое?
Крикъ, радость, обнялись... Пустое!
Въ повозкѣ такъ-то, на пути,
Необозримою равниной, сидя праздно,
Все что-то видно впереди;
Свѣтло, сине, разнообразно...
И ѣдешь часъ, и два, день цѣлый. Вотъ рѣзво
Домчались къ отдыху—ночлегъ; куда ни взглянешь—
Все таже степь и гладь, и пусто и мертво...
Досадно, мочи нѣтъ, чѣмъ больше думать станешь! (Лакей возвращается).
Готово?...

лакей.

Кучера нигдѣ, вишь, не найдутъ.

чацкій.

Пошелъ, ищи: не ночевать же тутъ.
(Лакей уходитъ).

Явленіе 4.

Чацкій и Репетиловъ.

репетиловъ (сбѣгаетъ съ крыльца, падаетъ и оправляется).

Тьфу! оплошалъ! Ахъ, мой Создатель!
Дай протереть глаза. Откудова, пріятель?
Сердечный другъ! Любезный другъ! mon cher!
Вотъ фарсы мнѣ какъ часто были пѣты,
Что пустомеля я, что глупъ, что суевѣръ,
Что у меня на все предчувствія, примѣты!
Сей часъ... растолковать прошу:
Какъ будто зналъ, сюда спѣшу....
Хвать, объ порогъ задѣлъ ногою
И растянулся во весь ростъ...
Пожалуй, смѣйся надо мною,
Что Репетиловъ вретъ, что Репетиловъ простъ,—
А у меня къ тебѣ влеченье, родъ недуга,
Любовь какая-то и страсть:
Готовъ я душу прозакласть,
Что въ мірѣ не найдешь себѣ такого друга,
Такого вѣрнаго—ей, ей!
Пускай лишусь жены, дѣтей,
Оставленъ буду цѣлымъ свѣтомъ,
Пускай умру на мѣстѣ этомъ,
Да разразитъ меня Господь....

чацкій.

Да полно вздоръ молоть!

репетиловъ.

Не любишь ты меня! естественное дѣло!
Съ другими—я и такъ, и сякъ;
Съ тобою—говорю не смѣло,

Я жалокъ, я смѣшонъ, я неучъ, я дуракъ!....

ЧАЦКІЙ.

Вотъ странное уничиженье!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Брани меня: я самъ кляну свое рожденье,
Когда подумаю, какъ время убивалъ...
Скажи, который часъ?

ЧАЦКІЙ.

Часъ ѣхать спать ложиться.
Коли явился ты на балъ,
Такъ можешь воротиться.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что, братецъ, балъ, гдѣ мы всю ночь, до бѣла дня,
Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!
Читалъ ли ты, есть книга...

ЧАЦКІЙ.

А ты читалъ?—задача для меня!
Ты Репетиловъ ли?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Зови меня вандаломъ—
Я это имя заслужилъ:
Людьми пустыми дорожилъ;
Самъ бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ;
О дѣтяхъ забывалъ, обманывалъ жену,
Игралъ, проигрывалъ, въ опеку взятъ указомъ,
Танцовщицу держалъ, да не одну—
Трехъ разомъ!
Пилъ мертвую! Не спалъ ночей по десяти;
Все отвергалъ: законы, совѣсть, вѣру....

ЧАЦКІЙ.

Послушай: ври, да знай же мѣру!
Есть отъ чего въ отчаянье придти!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Поздравь меня: теперь съ людьми я знаюсь
Съ умнѣйшими! Всю ночь не рыщу на пролетъ....

ЧАЦКІЙ.

Вотъ нынче, напримѣръ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Что ночь одна—не въ счетъ!
За то спроси, гдѣ былъ?

ЧАЦКІЙ.

И самъ я догадаюсь:
Чай въ клубѣ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Въ Англійскомъ, чтобъ исповѣдь начать!
Изъ шумнаго я засѣданья.
Пожалуйста молчи,—я слово далъ молчать:
У насъ есть общество и тайныя собранья
По четвергамъ. Секретнѣйшій союзъ!

ЧАЦКІЙ.

Ахъ, братецъ, я боюсь!
Какъ, въ клубѣ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Именно.

ЧАЦКІЙ.

Вотъ мѣры чрезвычайны,
Чтобъ взашеи прогнать и васъ, и ваши тайны.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Напрасно страхъ тебя беретъ:
Вслухъ громко говоримъ—никто не разберетъ.
Я самъ,—какъ схватятся объ камерахъ, присяжныхъ,
Объ Байронѣ... ну, объ матерьяхъ важныхъ,—
Частенько слушаю, не разжимая губъ.
Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую, что глупъ!
Ахъ, Александръ, у насъ тебя недоставало!
Послушай, миленькій, потѣшь меня хоть мало:
Поѣдемъ-ка сейчасъ,—мы благо на ходу.
Съ какими я тебя сведу
Людьми!—Ужъ на меня нисколько не похожи.
Что за люди, mon cher! сокъ умной молодежи!

ЧАЦКІЙ.

Богъ съ ними и съ тобой! Куда я поскачу?
Зачѣмъ? въ глухую ночь?... Домой—я спать хочу.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Э, брось! Кто нынче спитъ? Ну, полно, безъ прелюдій!
Рѣшись, а мы... у насъ рѣшительные люди,
Горячихъ дюжина головъ:
Кричимъ—подумаешь, что сотни голосовъ.

ЧАЦКІЙ.

Да изъ чего, скажи, бѣснуетесь вы столько?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Шумимъ, братецъ, шумимъ!....

ЧАЦКІЙ.

Шумите вы—и только?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Не мѣсто объяснять теперь и недосугъ,
Но важное есть дѣло.
Оно, вотъ видишь, не созрѣло—
Нельзя же вдругъ.
Что за люди, mon cher! безъ дальнихъ я исторій
Скажу тебѣ: во первыхъ—князь Григорій,
Чудакъ единственный! насъ со смѣху моритъ!
Вѣкъ съ англичанами, вся англійская складка,
И также онъ сквозь зубы говоритъ,
И также коротко обстриженъ, для порядка.
Ты незнакомъ? О, познакомься съ нимъ!
Другой—Воркуловъ Евдокимъ.
Ты не слыхалъ, какъ онъ поетъ? О, диво!
Послушай, милый! Особливо
Есть у него любимое одно:
«А нонъ ла-шьяръ ми но-но-но!»
Еще у насъ два брата,
Леонъ и Боренька—чудесные ребята!
Объ нихъ не знаешь что сказать!
Но если генія прикажете назвать:
Улушьевъ Ипполитъ Маркелычъ!
Ты сочиненія его
Читалъ ли что нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братецъ! Да онъ не пишетъ ничего!
Вотъ этакихъ людей бы сѣчь-то
И приговаривать: писать, писать, писать!
Въ журналахъ можешь ты однако отыскать
Его отрывокъ: «Взглядъ и Нѣчто»;
Объ чемъ бишь «Нѣчто?»—Обо всемъ,
Все знаетъ: мы его на черный день пасемъ.
Но голова у насъ, какой въ Россіи нѣту...
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойникъ, дуэлистъ;
Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ
И крѣпко на руку нечистъ!
Да умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!...
Когда жъ о честности высокой говоритъ,
Какимъ-то демономъ внушаемъ—
Глаза въ крови, лице горитъ,
Самъ плачетъ, а мы всѣ рыдаемъ!
Вотъ люди! Есть ли имъ подобные? Наврядъ!
Ну, между ними, я, конечно, за-урядъ—
Немножко поотсталъ, лѣнивъ—подумать ужасъ!
Однакожъ я, когда, умишкомъ понатужась,
Засяду—часу не сижу,
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу.
Другіе у меня мысль эту же подцѣпятъ,
И въ-шестеромъ, глядь, водевильчикъ слѣпятъ;
Другіе шестеро на музыку кладутъ;
Другіе хлопаютъ, когда его даютъ...
Братъ, смѣйся! а что любо—любо!
Способностями Богъ меня не наградилъ;
Далъ сердце доброе—вотъ чѣмъ я людямъ милъ!
Совру—простятъ.....

ЛАКЕЙ (у подъѣзда).

Карета Скалозуба!

РЕПЕТИЛОВЪ.

Чья?

Явленіе 5.

Тѣже и Скалозубъ (спускается съ лѣстницы).

РЕПЕТИЛОВЪ.

А, Скалозубъ! душа моя!
Постой, куда же? сдѣлай дружбу!...
(Душитъ его въ объятіяхъ)

ЧАЦКІЙ.

Куда дѣваться мнѣ отъ нихъ? (Входитъ въ швейцарскую).

РЕПЕТИЛОВЪ.

Слухъ о тебѣ давно затихъ.
Сказали, что ты въ полкъ отправился, на службу.
Знакомы вы? (ищетъ глазами Чацкаго). Упрямецъ, ускакалъ!
Нѣтъ нужды.—Я тебя нечаянно сыскалъ,
И просимъ-ка со мной, сейчасъ, безъ отговорокъ!
У князь Григорія теперь народу тьма!
Увидишь человѣкъ насъ сорокъ.
Фу, сколько, братецъ, тамъ ума!
Всю ночь толкуютъ, не наскучатъ:
Во первыхъ, напоятъ шампанскимъ на убой,
А во вторыхъ, такимъ вещамъ научатъ,
Какихъ, конечно, намъ не выдумать съ тобой.

СКАЛОЗУБЪ.

Избавь. Ученостью меня не обморочишь;
Скликай другихъ; а если хочешь,
Я князь Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Вольтеры дамъ:
Онъ въ три шеренги васъ построитъ;
А пикнете—такъ мигомъ успокоитъ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Все служба на умѣ! Mon cher, гляди сюда:
И я въ чины бы лѣзъ, да неудачи встрѣтилъ,
Какъ, можетъ быть, никто и никогда.
По статской я служилъ: тогда
Баронъ фонъ Клокъ въ министры мѣтилъ,
А я
Къ нему въ зятья
Шелъ на-прямикъ, безъ дальней думы.
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси;
Ему и ей такія суммы
Спустилъ, что Боже упаси;
Онъ на Фонтанкѣ жилъ,—я возлѣ домъ построилъ,
Съ колоннами, огромный—сколько стоилъ!
Женился, наконецъ, на дочери его;
Приданаго взялъ—шишъ, по службѣ—ничего!
Тесть нѣмецъ,—а что проку?
Боялся, видишь, онъ упреку
За слабость будто бы къ роднѣ!
Боялся, прахъ его возьми! да легчель мнѣ?
(Останавливается, увидя, что Загорѣцкій заступилъ мѣсто Скалозуба, который покуда уѣхалъ).

Явленіе 6.

Репетиловъ и Загорѣцкій.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Извольте продолжать. Вамъ искренно признаюсь:
Такой же я, какъ вы, ужасный либералъ.
И отъ того, что прямъ и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ!

РЕПЕТИЛОВЪ (съ досадою).

Всѣ врозь, не говоря ни слова!
Чуть изъ виду одинъ,—гляди, ужъ нѣтъ другова:
Былъ Чацкій—вдругъ исчезъ; потомъ и Скалозубъ...

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Какъ думаете вы объ Чацкомъ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Онъ не глупъ.
Сейчасъ столкнулись мы; тутъ всякія турусы,
И дѣльный разговоръ зашелъ про водевиль...
Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль!
Мы съ нимъ.. у насъ... одни и тѣже вкусы.

ЗАГОРѢЦКІЙ.

А вы замѣтили, что онъ
Въ умѣ серьезно поврежденъ?

РЕПЕТИЛОВЪ.

Какая чепуха!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Объ немъ всѣ этой вѣры.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Вранье!

ЗАГОРѢЦКІЙ.

Спросите всѣхъ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Химеры!

ЗАГОРЕЦКІЙ.

А, кстати! Вотъ князь Петръ Ильичъ,
Княгиня и съ княжнами.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Дичь!

Явленіе 7.

Репетиловъ, Загорѣцкій, князь Тугоуховскій, княгиня съ шестью дочерьми; немного погодя, Хлестова спускается съ парадной лѣстницы; Молчалинъ ведетъ ее подъ руку; Лакеи въ суетахъ.

ЗАГОРЕЦКІЙ.

Княжны, пожалуйте, скажите ваше мнѣнье:
Безумный Чацкій или нѣтъ?

1 княжна.

Какое-жъ въ этомъ есть сомнѣнье?

2 княжна.

Про это знаетъ цѣлый свѣтъ!

3 княжна.

Дрянскіе, Хворовы, Ворленскіе, Скачковы!.

4 княжна.

И, вѣсти старыя! кому онѣ ужъ новы?

5 княжна.

Кто сомнѣвается?

ЗАГОРЕЦКІЙ.

Да вотъ не вѣритъ!

6 княжна.

Вы?

ВСѢ ВМѢСТѢ.

М-сье Репетиловъ! Вы? М-сье Репетиловъ! что вы?
Да, какъ вы? Можно-ль противъ всѣхъ?
Да почему вы?—Стыдъ и смѣхъ!

РЕПЕТИЛОВЪ (затыкая уши).

Простите: я не зналъ, что это слишкомъ гласно.

КНЯГИНЯ.

Еще не гласно бы! съ нимъ говорить опасно!
Давно бы запереть пора!
Послушать, такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ и даже князь Петра!
Я думаю, онъ просто якобинецъ—
Вашъ Чацкій! Ѣдемте! Князь, ты вести бы могъ
Катишь или Зизи; мы ѣдемъ въ шестимѣстной.

ХЛЕСТОВА (съ лѣстницы).

Княгиня, карточный должокъ.

КНЯГИНЯ.

За мною, матушка!

ВСѢ ДРУГЪ ДРУГУ.

Прощайте! (Княжеская фамилія уѣзжаетъ и Загорѣцкій тоже).

Явленіе 8.

Репетиловъ, Хлестова и Молчалинъ.

РЕПЕТИЛОВЪ.

Царь небесный!
Анфиса Ниловна! Ахъ, Чацкій бѣдный!.. вотъ,
Что нашъ высокій умъ и тысячи заботъ!
Скажите, изъ чего на свѣтѣ мы хлопочемъ?

ХЛЕСТОВА.

Такъ Богъ ему судилъ, а впрочемъ
Полечатъ—вылечатъ авось.
А ты, мой батюшка, неизлечимъ, хоть брось!
Изволилъ во время явиться!
Молчалинъ, вонъ чуланчикъ твой;
Не нужны проводы: поди, Господь съ тобой.
(Молчалинъ уходитъ къ себѣ).
Прощайте, батюшка; пора перебѣситься! (Уѣзжаетъ).

Явленіе 9.

Репетиловъ (съ своимъ лакеемъ).

РЕПЕТИЛОВЪ.

Куда теперь направить путь?
А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту.
Поди, сажай меня въ карету,
Вези куда нибудь. (Уѣзжаетъ. Послѣдняя лампа гаснетъ).

Явленіе 10.

ЧАЦКІЙ (выходитъ изъ швейцарской).

Что это? Слышалъ я моими ли ушами?
Не смѣхъ, а явно злость! Какими чудесами,

Черезъ какое колдовство,
Нелѣпость обо мнѣ всѣ въ голосъ повторяютъ?
И для иныхъ—какъ словно торжество,
Другіе—будто сострадаютъ!
О, еслибъ кто въ людей проникъ!
Что хуже въ нихъ: душа или языкъ?
Чье это сочиненье?
Повѣрили глупцы, другимъ передаютъ;
Старухи въ-мигъ тревогу бьютъ—
И вотъ общественное мнѣнье!

в. ОТРЫВКИ ИЗЪ ТРАГЕДІИ: «ГРУЗИНСКАЯ НОЧЬ» (4).

1.

(Кормилица, какъ надо судить, уже успѣла объяснить князю свою просьбу о возвращеніи сына и свою печаль. Князь отвѣчаетъ.)

К.

Но самъ я развѣ радъ твоей печали?
Вини себя и старость лѣтъ своихъ.
Давно съ тебя и платы не бирали....

Т.

Ругаться старостью—то въ лютыхъ вашихъ нравахъ.
Стара я, да,—но не отъ лѣтъ однихъ!
Состарѣлась не въ играхъ, не въ забавахъ:
Твой домъ блюла, тебя, дѣтей твоихъ.
Какъ ринулся въ мятежъ ты противъ русской силы,
Укрыла я тебя живаго отъ могилы,
Моимъ-же рубищемъ отъ тысячи смертей.
Когда-жъ былъ многія годины въ заточеньи,
Безславью преданный въ отеческомъ краю,
И вѣтеръ здѣсь свисталъ въ хоромахъ опустѣлыхъ,
Вынашивала я, кормила дочь твою.
Такъ знай-же повѣсть ты волосъ сихъ посѣдѣлыхъ,
Колѣнъ моихъ согбенныхъ и морщинъ,
Которыя въ щекахъ моихъ изрыты
Трудами о тебѣ. Виною ты одинъ.
Вотъ въ подвигахъ какихъ младые дни убиты.
А ты? Ты совѣсти и Богу вопреки
Полсердца вырвалъ изъ утробы!
Что мнѣ твой гнѣвъ? гроза твоей руки?
Пылай, гори огнемъ несправедливой злобы....
И кочетъ (5), если взять его птенца,
Кричитъ, крылами бьетъ съ свирѣпостью борца;
Онъ похитителя зоветъ на бой неравный,
А мнѣ передъ тобой не можно умолчать,—
О сынѣ я скорблю. Я человѣкъ, я мать...
Гдѣ громъ твой, власть твоя, о Боже вседержавный!

К.

Творецъ, пошли мнѣ вновь изгнанье, нищету,
И на главу мою всѣ ужасы природы!
Скорѣе въ томъ ущельи пропаду,
Гдѣ бурный Ксань крутитъ сѣдыя воды,
Терпѣть разбойниковъ гоненья, голодъ, страхъ,
Отъ стужи, непогодъ не бывъ укрытымъ,
Чѣмъ этой фуріи присутствіе сносить
И злость души и ядъ ея упрековъ.

Т.

Ничѣмъ тебя не можно умилить!
Ни памятью добра, ни силой слезныхъ токовъ!
Подумай: самъ отецъ—и сына ты лишенъ.
Когда, застрѣленный, къ тебѣ онъ былъ внесенъ
И ты въ послѣдній разъ прощался съ трупомъ милымъ,
Безъ памяти приникъ къ очамъ застылымъ
И оживить хотѣлъ потухшій взоръ,
Весь воздухъ потрясалъ дѣтей и женъ вой дикій,
И вторили раскаты этихъ горъ
Съ утра до вечера пронзительные крики,—
Ты самъ хотѣлъ зарыться въ землю съ нимъ.
Но, взятый смертію, во-вѣкъ невозвратимъ!

Когда-же бъ искупить ты могъ его изъ плѣна,
Какой тогда казны-бы пожалѣлъ?
На чей-бы гнѣвъ суровый не посмѣлъ?
Ты чьи тогда не обнялъ-бы колѣна?

К.

И нѣтъ еще къ тебѣ вражды!...
Я помню о людяхъ, о Богѣ,
И сына твоего не далъ-бы безъ нужды,
Но честь моя была въ залогѣ:
Его цѣной я выкупилъ коня,
Который подо мной въ бояхъ меня прославилъ,
Изъ жаркихъ битвъ онъ выносилъ меня....
Тотъ подлъ, кто бы его въ чужихъ рукахъ оставилъ.

Т.

Ни конь твой боевой всей крѣпостію жилъ,
Никто, изъ слугъ твоихъ любимыхъ,
Такъ вѣрой, правдою тебѣ не послужилъ,
Какъ я въ трудахъ неисчислимыхъ.
Мой отрокъ, если-бъ возмужалъ,
За славу твоего онъ княжескаго дома
Сто разъ-бы притупилъ и саблю и кинжалъ,
Не убоялся-бы онъ язвъ и пушекъ грома.
Какъ матерью его ты былъ не разъ спасенъ,
Такъ на плечахъ своихъ тебя-бы вынесъ онъ.

К.

Прочь отъ меня! Поди ты прочь, старуха!
Не раздражай меня, не вызывай на гнѣвъ,
И не терзай мнѣ жалобами слуха,—
Безвременёнъ кому твой вопль, и стонъ, и ревъ.
Ужь сынъ твой рабъ другаго господина,
И нѣтъ его, онъ мой оставилъ домъ,
Онъ проданъ мной и я былъ воленъ въ томъ,—
Онъ былъ мой крѣпостной....

Т. (падаетъ на колѣна)

Онъ сынъ мой! Дай мнѣ сына!
И я твоя раба,—зачѣмъ-же мать
Отъ дѣтища ты разлучилъ роднаго?
Дай разъ еще къ груди его прижать!...
Ахъ, ради Бога имени святаго,
Чтобъ не видать кровавыхъ слезъ моихъ,
Соедини ты снова насъ двоихъ.

К.

Не повторяй мнѣ горькіе упреки!
Въ поля и въ горы вотъ пути широки,
Тамъ мчится шумная рѣка:
Садись надъ пропастью, бесѣдуй съ-высока
О сынѣ съ мраками ночными
И степь буди стенаньями своими,
Но въ домъ не возвращайся мой....
Уймись, или исчезни съ глазъ долой.

Т.

Достойное заслугамъ воздаянье!
Такъ будь-же проклятъ ты и весь твой родъ,
И дочь твоя, и все твое стяженье!
Какъ ловчіе,—ни быстриною водъ,
Ни крутизною скалъ неудержимы,
Но скачутъ, по вѣтрамъ носимы,
Покуда звѣрь отъ ихъ ударовъ не падетъ,
Истекшій кровію и пѣной,—
Пускай истерзана такъ будетъ жизнь твоя,
Пускай преслѣдуютъ тебя ножемъ, измѣной
И слуги, и родные, и друзья!
Неблагодарности въ награду,
Конца не знай мученья своего;
Тогда продай ты душу аду,
Какъ продалъ сына моего;
Отступникъ, самъ себя карая,
Въ безумьи плоть свою гложи,
И ночью майся, днемъ дрожи,
На церковь Божію взирая.
Твой прахъ землѣ не предадутъ,
Лишь путники произнесутъ
Ругательства надъ трупомъ хладнымъ,
И будь добычею чекаламъ плотояднымъ....
А тамъ, передъ судомъ Всевышняго Творца,
Ты обреченъ уже на муки безъ конца!

2.

(Кормилица призываетъ, въ помощь своей мести, Али—злыхъ духовъ Грузіи).

О люди! Кто назвалъ людьми исчадій зла,
Которыхъ, отъ кровей утробныхъ,
Судьба на то произвела,
Чтобъ были гибелью, бичемъ себѣ подобныхъ!
Но силы свыше есть! Прочь совѣсть и боязнь!....
Ночныя чудеса! Али! Али!
Явите мнѣ свою пріязнь,
Какъ вы всегда являли
Предавшимъ вѣру и законъ,
Душей преступнымъ и безсильнымъ;
Свѣтите мнѣ огнемъ могильнымъ,
Несите вѣтеръ, свистъ и стонъ,
Дружины Али! Знакъ условный—
Вотъ пять волосъ
Отъ васъ унесъ
Вашъ хитрый, смѣлый врагъ, мой братъ единокровный,
Когда въ .... ([6]) онъ блуждалъ,
На мшистыхъ высотахъ уединенныхъ скалъ.
Я крестнымъ знаменьемъ отъ васъ оборонялась,
Я матерью тогда счастливой называлась.
А нынѣ кинутой быть горько сиротой!
Равны страданія въ сей жизни или въ той?...
Слетайтеся, слетайтесь,
Отколѣ въ темну ночь исходятъ привидѣнья.
Изъ снѣжныхъ горъ,
Изъ дикихъ норъ,
Изъ груды, тли и разрушенья,
Изъ сонныхъ тинистыхъ зыбей,
Изъ тѣхъ пустыней многогробныхъ,
Гдѣ служатъ пиршествомъ червей
Остатки праведныхъ и злобныхъ.
Но нѣтъ ихъ! Непокорны мнѣ!
На мой призывъ не отзовутся!
Лишь тучи на небѣ несутся
И воетъ вѣтръ.... Ахъ, вотъ онѣ!
(Прислоняется къ утесу и не глядитъ на нихъ)

Али (плаваютъ въ туманѣ у подошвы горъ).
Въ парахъ вечернихъ, передъ всходомъ
Печальной, дѣвственной луны,
Мы выступаемъ хороводомъ
Изъ недозримой глубины.

Т.
Робѣетъ духъ, языкъ прикованъ мой!
Земля, не разступайся подо мной.....

Али.
Таятся въ мрачной глубинѣ
Непримиримыхъ оскорбленья,
И созрѣваютъ въ тишинѣ
До дня рѣшительнаго мщенья.
Но тотъ, чей замыселъ не скрытъ,
Какъ темная гробовъ обитель,
Вражды вовѣкъ не утолитъ,
Нетерпѣливый мститель.
....
.... ([7])
Настанетъ день и часъ пробьетъ.

Али.
Неизъяснимое свершится:
Тогда мать сына обрѣтетъ
И ближній ближняго лишится.
(Молчаніе).
Куда мы, Али? Въ эту ночь
Бѣжитъ отъ глазъ успокоенье.

одна изъ нихъ.
Спѣшу родильницѣ помочь,
Чтобъ задушить грѣха рожденье.

другія.
А мы въ загорскіе края,
Гдѣ пиръ пируютъ кровопійцы.

послѣдняя.
Тамъ замокъ есть.... Тамъ сяду я
На смертный одръ отцеубійцы.

[1]) Грибоѣдовъ, Александръ Сергѣевичъ (1795—1829), получилъ первоначальное воспитаніе въ Москвѣ, въ домѣ родителей, которые ревностно заботились о томъ, чтобы дать своему сыну основательное образованіе. Потомъ (1810) поступилъ вольнымъ слушателемъ въ университетъ, откуда, по экзамену, выпущенъ кандидатомъ правъ. Развитію его способностей наиболѣе способствовалъ профессоръ естественнаго права и теоріи изящныхъ искуствъ, Буле. При разно-

образныхъ свѣдѣніяхъ, какими не могли похвалиться многіе литераторы того времени, Грибоѣдовъ зналъ нѣсколько языковъ. Собственная его записка, относящаяся къ позднѣйшему времени (1820), показываетъ, что, кромѣ русскаго и славянскаго, ему были извѣстны франц., нѣм. и англ. языки. Изъ искуствъ онъ страстно любилъ музыку и отлично игралъ на фортепьяно. Онъ изучалъ ее не практически только, но и какъ науку. Учителемъ его, по указанію кн. В. Ѳ. Одоевскаго, былъ знаменитый петербургскій артистъ Іоганнъ Миллеръ. Въ 1812 г., Грибоѣдовъ вступилъ корнетомъ въ московскій гусарскій полкъ, сформированный гр. Салтыковымъ. По смерти графа и по распущеніи его полка, перешелъ въ иркутскій гусарскій полкъ (въ декабрѣ того же 1812 г.). Эскадронъ, въ который онъ поступилъ, находился тогда въ Литвѣ, въ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ генерала Кологривова. Главная корпусная квартира была въ Брестѣ-Литовскомъ. Отсюда Грибоѣдовъ послалъ къ издателю Вѣстника Европы (Влад. Измайлову) описаніе праздника, даннаго офицерами Кологривову, по случаю полученія послѣднимъ ордена св. Владиміра первой степени (1814). Въ томъ же году онъ написалъ статью: «о кавалерійскихъ резервахъ». Ни родъ службы, ни мѣсто, ни обстоятельства не могли удовлетворить Грибоѣдова, стремившагося къ умственнымъ занятіямъ и соотвѣтственной его дарованіямъ дѣятельности. Онъ былъ крайне недоволенъ своимъ положеніемъ и сообществомъ, и съ горечью вспоминалъ о Брестъ-Литовскомъ житьѣ-бытьѣ, которое истрачивалось на пустое и вредное разсѣяніе. «Я въ этой дружинѣ всего побылъ четыре мѣсяца, а теперь четвертый годъ, какъ не могу попасть на путь истинный», писалъ онъ въ 1817 г. Дружба, говоритъ одинъ изъ его біографовъ (Булгаринъ), спасла его отъ сѣтей, въ которыя часто попадаютъ пылкіе и благородные, но неопытные юноши, въ началѣ свѣтскаго поприща. Грибоѣдовъ познакомился и подружился съ Степаномъ Никитичемъ Бѣгичевымъ, бывшимъ тогда адъютантомъ при Кологривовѣ, и нашелъ въ немъ не только преданнаго друга, но и благодѣтельнаго ментора. Нравственное вліяніе Бѣгичева было дѣйствительно велико, судя по собственнымъ признаніямъ Грибоѣдова, который часто упоминаетъ объ этомъ въ своихъ письмахъ. «Ты, мой другъ, поселилъ въ меня или, лучше сказать, развернулъ свойства, любовь къ добру; я съ тѣхъ поръ только началъ дорожить честностью и всѣмъ, что составляетъ истинную красоту души, съ того времени, какъ съ тобою познакомился, и—ей Богу—когда съ тобою нѣсколько побываю вмѣстѣ, становлюсь несравненно лучше, добрѣе».... «Я привыкъ тебя уважать; это чувство къ тебѣ вселяю въ каждаго новаго моего знакомца.... Ты вспомни, что я себя совершенно поработилъ нравственному твоему превосходству. Ты правилами, силою здраваго разсудка и характера всегда стоялъ выше меня, да и коли я талантомъ и чѣмъ нибудь сдѣлаюсь извѣстенъ свѣту, то и это глубокое, благочестивое чувство къ тебѣ перелью въ моего почитателя». При обязанностяхъ службы, въ удаленіи отъ столицъ, Грибоѣдовъ не имѣлъ возможности ни продолжать своего образованія, важность котораго для службы отечеству онъ сознавалъ вполнѣ, ни слѣдить за успѣхами русской литературы, которую горячо любилъ, — и потому переѣхалъ въ Петербургъ въ 1815 г. Здѣсь, 29 сентября того же года, была играна его ком.: «Молодые супруги», написанная имъ въ мѣстѣ его служенія. Въ 1816 г. вышелъ въ отставку изъ военной службы и думалъ отправиться въ Дерптъ, вѣроятно для слушанія лекцій въ тамошнемъ университетѣ; однакожъ не отправился и—какъ онъ выразился въ письмѣ къ Бѣгичеву — засѣлъ въ Петербургѣ, очень довольный своей судьбой, искренно признаваясь другу, что онъ все такой же «пасынокъ здраваго разсудка», какимъ былъ и прежде. Кругъ его знакомства состоялъ преимущественно изъ драматическихъ писателей и артистовъ. Онъ постоянно находился въ обществѣ кн. Шаховскаго, котораго еще узналъ въ Литвѣ, до пріѣзда своего въ Петербургъ, Катенина, Жандра, Корсакова, Хмѣльницкаго и другихъ. Пріятельскими его отношеніями къ этимъ лицамъ объясняются его непріязненныя отношенія къ Карамзину, Жуковскому и нѣкоторымъ членамъ литературнаго общества «Арзамасъ». Онъ защищалъ кн. Шаховскаго отъ эпиграммъ и сатиръ, посыпавшихся на него за «Липецкія воды» (стихотвореніе: «отъ Аполлона), возражалъ Гнѣдичу на разборъ перевода Бюргеровой «Леноры», сдѣланнаго Катенинымъ, и вмѣстѣ указывалъ недостатки въ переводѣ той же баллады, Жуковскаго. Въ 1817 г. онъ познакомился съ А. Пушкинымъ. Связь съ драматическими литераторами заставила его трудиться общими силами для театра. Въ 1818 г. были представлены: переведенная имъ и Жандромъ, ком.: «Притворная невѣрность», и ком. въ 3 д. кн. Шаховскаго: «Своя семья или замужняя невѣста», въ которой Грибоѣдову принадлежитъ нѣсколько сценъ 2-го акта, а Хмѣльницкому—сцена экзамена Наташи, главнаго лица піесы. Когда Загоскинъ, также по своимъ литературнымъ понятіямъ примкнувшій къ обществу Шаховскаго, вы.

писалъ слабые стихи изъ комедіи: «Молодые супруги», которая давалась очень часто, и напечаталъ ихъ, съ своими примѣчаніями, въ «Сѣверномъ наблюдателѣ» (1817, № 15), Грибоѣдовъ, въ отвѣтъ своему рецензенту, сочинилъ шуточное стихотвореніе: «Лубочный театръ», долго остававшееся въ рукописи. Впрочемъ, по словамъ Булгарина, Грибоѣдовъ не столько занимался литературою, сколько побуждала его къ тому врожденная склонность, и только малые урывки посвящалъ музамъ. Свѣтская жизнь была причиною непріятныхъ съ нимъ случаевъ: такъ, въ 1817 г., онъ былъ секундантомъ у кавалергардскаго офицера Шереметева, на дуэли его съ гр. Завадовскимъ. Того же года поступилъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, съ чиномъ губернскаго секретаря, а въ 1818-мъ опредѣленъ секретаремъ персидскаго посольства, произведенъ въ титулярные совѣтники и отправился въ Таврисъ. Жаль ему было разставаться съ Петербургомъ, гдѣ онъ «хотя и имѣлъ огорченія, но иногда былъ и счастливъ». Горестныя предчувствія осаждали его воображеніе; ничто веселое не шло ему на умъ. Въ письмѣ къ Бѣгичеву изъ Новгорода, въ день своихъ именинъ (30 августа 1818 г.), онъ воспоминаетъ, что благовѣрный князь Александръ Невскій скончался на возвратномъ пути изъ Азіи: «можетъ быть», замѣчаетъ онъ, «и соименнаго ему секретаря посольства ожидаетъ таже участь». Москва, въ которую онъ пріѣхалъ 3-го октября, крайне ему не понравились: «Въ Москвѣ все не по мнѣ — праздность, роскошь, не сопряженныя ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку: ныньче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному». Особенное негодованіе возбуждалъ въ немъ московскій театръ и его посѣтители: «Здѣшніе Готентоты ничему не аплодируютъ, какъ будто на перекоръ петербургскимъ, которые рады, что Богъ далъ имъ ужасныя ладони,и при всякомъ случаѣ готовы гремѣть; надобно однако согласиться, что тотъ, кто у васъ Льва играетъ, Росцій въ сравненіи съ первѣйшими здѣшними актерами». Ко времени этого перваго выѣзда Грибоѣдова изъ Россіи должно отнести стихотвореніе: «Прости отечество!» представляющее рядъ печальныхъ, мрачныхъ размышленій. Вотъ взглядъ автора на судьбу человѣка:

Не наслажденье—жизни цѣль,
Не утѣшенье — наша жизнь.—
Насъ цѣпь угрюмыхъ должностей
Опутываетъ неразрывно.—
Премудрость! вотъ урокъ ея:
Чужихъ законовъ несть ярмо,
Свободу схоронить въ могилу,
Не вѣрить въ собственную силу,
Отвагу, дружбу, честь, любовь.

Въ Тифлисѣ, куда онъ прибылъ въ сентябрѣ 1818 г., временемъ его завладѣли: дуэль, карты и болѣзнь. Такъ говоритъ онъ самъ въ путевыхъ запискахъ. Дуэль происходила между имъ и Якубовичемъ, бывшимъ секундантомъ у гр. Завадовскаго и находившимся въ это время также въ Тифлисѣ. Якубовичъ обвинялъ Грибоѣдова въ дуели и смерти Шереметева, дрался съ нимъ и ранилъ въ лѣвую руку. Въ Тифлисѣ же Грибоѣдовъ познакомился съ А. П. Ермоловымъ, который оцѣнилъ и полюбилъ его. «Что это за славный человѣкъ»! писалъ онъ Бѣгичеву. «Мало того, что уменъ (ныньче всѣ умны), но совершенно по-русски; на все годенъ, не на одни великія дѣла, не на однѣ мелочи — замѣть это. Притомъ тьма краснорѣчія, да не нынѣшнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство; его слова хоть сей часъ положить на бумагу. Любитъ много говорить, однако позволяетъ говорить и другимъ. Иногда (кто безъ грѣха?) много толкуетъ о вещахъ, которыя мало понимаетъ; однако и тогда, если не убѣдится, все-таки заставляетъ себя слушать.» Послѣ четырехмѣсячной жизни въ Тифлисѣ, при Ермоловѣ, Грибоѣдовъ отправился къ своему посту, въ Персію, куда и прибылъ въ февралѣ 1819 г. На пути отъ Тифлиса до Тегерана, онъ велъ дорожныя замѣтки, въ формѣ писемъ къ Бѣгичеву, не назначая ихъ для печати: «Ни строчки моего путешествія не выдамъ въ свѣтъ, даромъ что Катенинъ жалѣетъ объ этомъ и поощряетъ меня дѣлать замѣчанія, что для меня чрезвычайно лестно, но я не умѣю разбалтывать ученость; книги мои въ чемоданахъ и некогда ихъ разрывать; жмусь когда холодно, разстегиваюсь когда тепло; не справляюсь съ термометромъ и не записываю, на сколько ртуть поднимается или опускается; не припадаю къ землѣ, чтобы распознать ея свойство; не придумываю по обнаженнымъ кустамъ, къ какому роду принадлежитъ ихъ зелень.» Въ Персіи Грибоѣдовъ занялся изученіемъ персидскаго и арабскаго языковъ, и въ скоромъ времени не только объяснялся свободно на первомъ изъ нихъ, но и понималъ персидскихъ поэтовъ. Онъ пріобрѣлъ особенную благосклонность наслѣдника престола, принца Аббаса-Мирзы, который полюбилъ его и находилъ удовольствіе въ его бесѣдѣ. Въ первый годъ своего посольства (1819), онъ убѣдилъ многихъ плѣнныхъ русскихъ, поселившихся въ Персіи и вступившихъ въ военную службу къ шаху, воз-

вратиться въ отечество. Ему поручено было проводить этотъ отрядъ въ наши предѣлы, и онъ въ походѣ подвергался опасности лишиться жизни отъ озлобленныхъ персіанъ, которымъ непріятно было возвращеніе переселенцевъ. Можетъ быть съ этого времени персіане возъимѣли къ нему ненависть, которая въ послѣдствіи разрѣшилась столь гибельною для него катастрофой. Грибоѣдовъ ровно три года пробылъ въ Персіи (1819—1822), изъ которой иногда уѣзжалъ къ Ермолову за совѣтами и наставленіями: такъ, въ сентябрѣ 1819 г., онъ находился при немъ въ Чечнѣ. Отдаленность отъ родины, откуда «извѣстія доходили, какъ лучи отъ Сиріуса», разлука со всѣмъ и всѣми, что дорого сердцу, жизнь въ странѣ, которую Грибоѣдовъ называлъ то печальною, то «дурацкою,» и въ которой онъ, какъ человѣкъ просвѣщенный, чувствовалъ себя совершенно одинокимъ, тяготили его, не давали ему покоя. Къ службѣ, имъ же самимъ выбранной, у него не лежало сердце, почему, въ одномъ письмѣ Катенину, онъ назвалъ себя «добровольнымъ изгнанникомъ». Онъ началъ рѣшительно думать о возвратѣ въ отечество, или, покрайней мѣрѣ, о перемѣнѣ мѣста. Сохранилась на франц. яз. его записка (1820), содержащая въ себѣ черновую просьбу объ увольненіи отъ службы. Начавъ съ того, что ему знакомы многіе иностранные языки, онъ продолжаетъ: «Но для того, кто хочетъ быть полезенъ обществу, еще недостаточно владѣть нѣсколькими словами для выраженія одной и той же мысли, какъ говоритъ Ривароль. Чѣмъ мы просвѣщеннѣе, тѣмъ можемъ быть полезнѣе отечеству. И для того-то именно, чтобы имѣть способъ къ пріобрѣтенію познаній, я прошу объ увольненіи отъ службы или объ отозваніи изъ печальной страны, гдѣ не только что ничему не научишься, но еще забудешь то, что знаешь. Я предпочелъ сказать вамъ истину, вмѣсто того, чтобъ выставлять причиной нездоровье или разстройство домашнихъ дѣлъ — эти общія мѣста, которымъ никто уже не вѣритъ.» Задушевное желаніе его исполнилось черезъ пятнадцать мѣсяцевъ. Въ 1822 г. получивъ за отличіе чинъ коллежскаго ассесора, онъ, по собственному желанію, въ февралѣ того же года, изъ персидской миссіи переведенъ къ главноуправлявшему въ Грузіи, Ермолову, для занятій при немъ по дипломатической части. Ермоловъ любилъ и отличалъ своею довѣренностію Грибоѣдова, который также былъ искренно привязанъ къ своему начальнику и даже сопутствовалъ ему въ военныхъ экспедиціяхъ. Между черновыми бумагами его сохранился, между прочимъ, путевой журналъ, веденный во время переходовъ черезъ горы. «При Алексѣ Петровичѣ», писалъ онъ Булгарину, «у меня много досуга было, и если я немного наслужилъ, такъ вдоволь начитался». Въ Грузіи же (1822) написалъ онъ знаменитую комедію «Горе отъ ума», первая мысль о которой, по свидѣтельству Булгарина, относится ко времени пребыванія автора въ Персіи, и именно къ 1821 г. Задумавъ отправиться за границу для излеченія болѣзни, Грибоѣдовъ взялъ отпускъ и пріѣхалъ въ Москву въ мартѣ 1823 г., гдѣ пробылъ по іюнь слѣдующаго 1824 г. Здѣсь онъ докончилъ свою комедію, передѣлалъ нѣкоторыя сцены и написалъ вновь другія. Письма его къ кн. В. Ѳ. Одоевскому показываютъ, что онъ, кромѣ того, прилежно занимался изученіемъ русской старины. Въ Петербургѣ онъ прожилъ почти ровно годъ, съ іюня 1824 г. до половины или конца мая 1825-го, все сбираясь въ чужіе краи. Онъ сообщилъ Катенину и маршрутъ предполагаемаго путешествія: «изъ Петербурга въ Парижъ, потомъ въ южную Францію; коли денегъ и времени достанетъ, захвачу нѣсколько приморскихъ городовъ Италіи и Ѳракійскимъ Босфоромъ въ Черное море и къ берегамъ Колхиды». Но этой заграничной поѣздкѣ не было суждено осуществиться, можетъ быть потому въ особенности, что Грибоѣдовъ не имѣлъ сильнаго къ ней побужденія или не считалъ ее настоятельно-нужною. Видимъ изъ его писемъ, что онъ сбирался въ путь сначала съ Жомини, а потомъ съ Столыпинымъ; mais en attendant qu'il (Жомини) faisait les malles, je faisais l'amour,» писалъ онъ Бѣгичеву; а Столыпинъ умеръ, и отъѣздъ, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ, затягивался. Въ Петербургѣ Грибоѣдовъ преимущественно обращался въ кругу литераторовъ и артистовъ, читалъ имъ свою комедію и безуспѣшно хлопоталъ о ея пропускѣ цензурой. Піеса его приватнымъ образомъ была разъиграна въ театральной школѣ. Въ 1824 г. написалъ онъ стихотвореніе «Телешовой», исполнявшей роль Людмилы въ балетѣ «Русланъ и Людмила», и перевелъ «Прологъ къ Гетеву Фаусту». Письма Грибоѣдова къ Катенину и Бѣгичеву изъ Петербурга часто содержатъ въ себѣ ѣдкіе отзывы объ окружавшихъ его людяхъ, недовольство самимъ собою и тревожно-мрачное расположеніе души. Какъ прежде не щадилъ онъ Москвичей, такъ теперь достается отъ него петербургскимъ литераторамъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма къ Бѣгичеву (4 января 1825): «Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться: отовсюду колѣнопреклоненія и ѳиміамъ; но вмѣстѣ съ этимъ—сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетень, ихъ мишурныхъ талантовъ и мел-

кихъ ихъ душишекъ. Не отчаявайся, другъ почтенный, я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ трясинномъ государствѣ.... Ты меня зовешь въ деревню. Коли не теперь, не нынѣшнимъ лѣтомъ, такъ вѣрно со временемъ у тебя поищу прибѣжища не отъ бурей, не отъ угрожающихъ скорбей, но рѣшительно отъ пустоты душевной. Какой міръ! кѣмъ населенъ! и какая дурацкая исторія!» А вотъ что онъ писалъ къ Катенину, высланному на житье въ костромскую деревню: «было бы о чемъ расписаться, но мелочи—главныя черты Петербурга и его глупцовъ—тебѣ болѣе, чѣмъ мнѣ, извѣстны.. Милый другъ, не тужи: право не о чемъ и не объ комъ. Тебѣ грустить не должно: всѣ мы здѣсь ужаснѣйшая дрянь. Боже мой! когда я вырвусь изъ этого мертваго города?» Правда, бичуя другихъ, Грибоѣдовъ разоблачаетъ и свои собственные недостатки: «Мнѣ невесело, скучно, отвратительно, несносно! (восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Бѣгичеву изъ Симферополя, отъ 9 сентября 1825 г.). Подожду, авось придутъ въ равновѣсіе мои замыслы безпредѣльные и ограниченныя способности». Иногда эта несносная грусть переходила даже въ отчаяніе: «Пора умирать! Не знаю, отъ чего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная! воля твоя, если это долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ: пускай оно остается добродѣтелью тяглаго скота... Сдѣлай одолженіе, подай совѣтъ, чѣмъ мнѣ избавить себя отъ сумасшествія или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди» (письмо къ Бѣгичеву, изъ Ѳеодосіи, отъ 12 сентября 1825). А. Пушкинъ вѣрнѣе самого Грибоѣдова опредѣлилъ источникъ такого невыносимаго состоянія духа: не столько замыслы безпредѣльныя и ограниченныя способности, сколько отличныя, необыкновенныя дарованія и равное имъ честолюбіе—были тому причиною. Честолюбіе требовало дѣятельности, но эта дѣятельность выбиралась не по мѣрѣ и характеру способностей, не по сердечной потребности, а по заказу общественнаго положенія и другимъ соображеніямъ. Грибоѣдовъ былъ, такъ сказать, подъ гнетомъ постояннаго душевнаго насилія—или самъ навязывая на себя такія обязанности, къ которымъ не лежала его душа, или по волѣ, отъ него независимой, занимаясь тѣмъ, къ чему не чувствовалъ призванія, и откладывая въ сторону то, къ чему питалъ пристрастіе и что въ его мнѣніи и по его наклонностямъ было самымъ важнымъ и самымъ пріятнымъ дѣломъ жизни. Онъ хотѣлъ учиться, а учиться было некогда; онъ хотѣлъ заниматься литературой, и не могъ заниматься ею, сколько бы того хотѣлось. Обыкновенная жизнь, не представлявшая особенныхъ даровъ ни ума, ни чувства, равно какъ и обыкновенная канцелярская работа безъ особенно-важныхъ политическихъ или административныхъ дѣйствій—тяготили его, сердили, вызывали сарказмы, отъ которыхъ не избавлялись ни враги, ни пріятели, ни жалкая посредственность, ни люди въ сущности добрые и полезные. Отсюда озлобленный умъ, съ явственною и сильною наклонностью къ деспотизму; отсюда внутренній раздоръ съ самимъ собою, постоянное ношеніе самого себя,—это тревожное кочевье духа, ищущаго осѣдлости, но получающаго осѣдлость только временную, и то не въ привольныхъ мѣстахъ, а тамъ, гдѣ ему не думалось и не хотѣлось останавливаться. Отказавшись отъ намѣренія ѣхать за границу, Грибоѣдовъ рѣшился воротиться въ Грузію. На пути побывалъ онъ въ южной Россіи и въ Крыму, который давно желалъ видѣть. Путевыя замѣтки его о Крымѣ идутъ съ 24-го іюня по 12-ое іюля. Пріѣхавъ осенью того же 1825 г. въ Грузію, онъ былъ въ экспедиціи съ генераломъ Вельяминовымъ противъ горцевъ, и въ виду кавказскихъ горъ и непріятельскаго стана написалъ стихотвореніе «Хищникина Чегемѣ» (горной рѣкѣ, при сѣверномъ склонѣ Кавказа). Въ началѣ 1826 г. Грибоѣдовъ былъ отправленъ Ермоловымъ по дѣламъ службы въ Петербургъ, представлялся Государю Императору и получилъ въ награду чинъ надворнаго совѣтника. Въ это время онъ жилъ съ Булгаринымъ, который пишетъ о немъ слѣдующее: Часто онъ бывалъ недоволенъ собою, говоря, что чувствуетъ, какъ мало сдѣлалъ для словесности: «время летитъ, въ душѣ моей горитъ пламя, въ головѣ раждаются мысли, а между тѣмъ я не могу приняться за дѣло, ибо науки идутъ впередъ, а я не успѣваю даже учиться, не только работать». Воротясь въ Грузію почти при самомъ началѣ войны съ Персіей, Грибоѣдовъ состоялъ сначала при Ермоловѣ, а потомъ (1827) при графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ, своемъ родственникѣ, которому онъ былъ крайне полезенъ, какъ человѣкъ, хорошо знавшій персіанъ, ихъ языкъ и находившійся въ близкихъ связяхъ съ главнымъ тогдашнимъ военнымъ и политическимъ со стороны Персіи дѣятелемъ, Аббасомъ-Мирзою. Вотъ что писалъ онъ о своей службѣ къ Булгарину (16 апрѣля 1827 г.): «Не ожидай отъ меня стиховъ: горцы, персіяне, турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальника, поглощаютъ все мое вниманіе—не надолго, разумѣется: кончится кампанія, и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не гожусь, и не моя вина: люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмевается и нравственность

гибнетъ безъ пользы ближнему. Я рожденъ для другаго поприща». Въ походъ 1827 г., Грибоѣдовъ велъ короткія замѣтки, съ 12-го мая по 1-ое іюля. По окончаніи кампаніи, награжденъ чиномъ коллежскаго совѣтника. За труды же при веденіи переговоровъ о мирѣ и заключеніи туркманчайскаго трактата, былъ избранъ главнокомандующимъ поднести мирный трактатъ Государю. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ мартѣ 1828 г. Государь пожаловалъ ему чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны 2-й степени съ алмазами, медаль за персидскую войну и 4000 червонныхъ. Въ апрѣлѣ того же года онъ былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при дворѣ персидскомъ. Грибоѣдовъ не предугадывалъ этого назначенія, разсказываетъ Булгаринъ: онъ намѣревался выйти въ отставку и посвятить себя наукамъ и словесности. Съ мрачнымъ предчувствіемъ вспоминалъ онъ о Персіи, часто повторяя: «тамъ моя могила! чувствую, что не увижу болѣе Россіи». Тѣ же предчувствія выражалъ онъ и передъ Пушкинымъ, который напрасно старался его успокоить: «Vous ne connaissez pas ces gens-là», сказалъ Грибоѣдовъ: «vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux». Въ этотъ послѣдній пріѣздъ свой въ Петербургъ, Грибоѣдовъ читалъ своимъ друзьямъ отрывки изъ романтической трагедіи или драмы: «Грузинская ночь», планъ которой составленъ въ Грузіи, вѣроятно въ 1825 — 1826 гг. Еще въ 1824 г., занимаясь Шекспиромъ, онъ задумалъ сочинить трагедію, о чемъ и упоминаетъ въ письмѣ къ Бѣгичеву. Проѣзжая черезъ Тифлисъ, Грибоѣдовъ предложилъ руку дочери генералъ-лейтенанта Чевчевадзе, княжнѣ Нинѣ Александровнѣ, на которой вскорѣ и женился, свидѣвшись прежде съ главнокомандующимъ и приведя къ нему небольшой отрядъ войска подъ крѣпость Ахалкалаки (тогда началась уже война съ турками въ Азіи). Казалось, счастіе поэта было полное: литературная слава, значительность общественнаго положенія, радости семейной жизни—все соединилъ для него 1828 г. Однакожъ письма его въ эту, по видимому самую счастливую, эпоху жизни постоянно выражаютъ печальное настроеніе духа. Мрачныя предчувствія стѣсняли его сердце болѣе, нежели когда-нибудь, и онъ съ каждымъ днемъ становился грустнѣе, какъ будто зналъ, что приближается къ гробу. При отъѣздѣ изъ Тавриса въ Тегеранъ, нѣсколько разъ вырывались у него слова: «Я не ворочусь оттуда; не оставляйте костей моихъ въ Персіи, похороните въ Грузіи». Эти предчувствія сбылись: 30 января 1829 г., онъ былъ убитъ въ Тегеранѣ чернію, раздраженною тѣмъ, что въ домѣ посланника укрывались армяне и армянки— русскіе подданные, которыхъ хотѣли воротить на родину. Обезображенный трупъ убитаго былъ узнанъ только по рукѣ, простреленной пулею на дуели съ Якубовичемъ. Останки его перевезли изъ Тегерана въ Тифлисъ. А. С. Пушкинъ, во время путешествія своего въ Арзрумъ, встрѣтилъ ихъ на границѣ Персіи, у крѣпости Гергеры. Прахъ Грибоѣдова покоится въ Тифлисѣ, въ монастырѣ св. Давида, построенномъ на крутой горѣ, замыкающей городъ къ западу. Мѣстоположеніе всегда нравилось покойному, который называлъ его поэтическою принадлежностью Тифлиса и упоминаетъ о немъ въ «Грузинской ночи». Надъ могилою Грибоѣдова, супруга его воздвигла памятникъ, на пьедесталѣ котораго, съ одной стороны, подъ портретомъ, написано: «Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, родился 1795 года января 4 дня; убитъ въ Тегеранѣ 1829 г. января 30 дня», а на другой: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя»! (Воспоминанія о незабвенномъ А. С. Грибоѣдовѣ, Ѳ. Булгарина, въ 1 № Сына Отеч. и Сѣвер. Архива, 1830 г.; О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова, ст. К. Полеваго, при ком. «Горе отъ ума», 2-ое изд., 1839; А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія, изд. Е. Серчевскаго, 1858; Черновая тетрадь Грибоѣдова, двѣ статьи Д. Смирнова въ 4 и 5 №№ Рус. Слова, 1859 г.; Письма Карамзина къ А. Ѳ. Малиновскому и письма Грибоѣдова къ С. Н. Бѣгичеву, 1860). Для знакомства съ личностью Грибоѣдова, представляемъ отзывы о ней А. Пушкина и К. Полеваго. Первый говоритъ: «Его меланхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣчества, — все въ немъ было необыкновенно привлекательно. Рожденный съ честолюбіемъ, равнымъ его дарованіямъ, долго былъ онъ опутанъ сѣтями мелочныхъ нуждъ и неизвѣстности. Способности человѣка государственнаго оставались безъ употребленія; талантъ поэта былъ не признанъ; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась нѣкоторое время въ подозрѣніи. Нѣсколько друзей знали ему цѣну и видѣли улыбку недовѣрчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось имъ говорить о человѣкѣ необыкновенномъ. Люди вѣрятъ только славѣ и не понимаютъ, что между ними можетъ находиться какой-нибудь Наполеонъ, не предводительствовавшій ни одною егерскою ротою, или другой Декартъ, не напечатавшій ни одной строчки въ Московскомъ Телеграфѣ». К. А. Полевой такъ изображаетъ Грибоѣдова въ упомянутой статьѣ, приложенной ко 2-му изд. «Горя отъ ума»: «Его

обращеніе всегда отличалось рѣдкимъ свойствомъ, какою-то искренностью, которая однакожъ не переходила свѣтскихъ формъ. Слушая Грибоѣдова, можно было вѣрить каждому слову его потому, что онъ не терпѣлъ преувеличеній и будто мыслилъ въ слухъ, не скрывая своихъ чувствъ. Образованность и свѣтскость придавали ему характеръ обворожительный. Еще больше увидѣлъ я справедливость своихъ замѣчаній, встрѣтившись съ Грибоѣдовымъ у князя В. Ѳ. Одоевскаго. Разговоры и сужденія Грибоѣдова были чрезвычайно замѣчательны. Между прочимъ рѣчь зашла о власти человѣка надъ самимъ собою. Грибоѣдовъ утверждалъ, что власть его ограничена только физическою невозможностью, но что во всемъ другомъ человѣкъ можетъ повелѣвать собою совершенно и даже сдѣлать изъ себя все. «Говорю такъ потому (собственныя слова Грибоѣдова), что многое испыталъ надъ самимъ собою. На примѣръ, въ послѣднюю персидскую кампанію, во время одного сраженія, мнѣ случилось быть вмѣстѣ съ княземъ Суворовымъ. Ядро съ непріятельской батареи ударилось подлѣ князя, осыпало его землей, и въ первый мигъ я подумалъ, что онъ убитъ. Это разлило во мнѣ такое содроганіе, что я задрожалъ. Князя только оконтузило, но я чувствовалъ невольный трепетъ и не могъ прогнать гадкаго чувства робости. Это ужасно оскорбило меня самого. Стало быть я трусъ въ душѣ? Мысль нестерпимая для порядочнаго человѣка, и я рѣшился, чего бы то ни стоило, вылечить себя отъ робости. Я хотѣлъ не дрожать передъ ядрами, въ виду смерти, и при первомъ случаѣ сталъ въ такомъ мѣстѣ, куда доставали выстрѣлы съ непріятельской батареи. Тамъ сосчиталъ я назначенное мной самимъ число выстрѣловъ и потомъ тихо поворотилъ лошадь и спокойно отъѣхалъ прочь. Знаете ли, что это прогнало мою робость? Послѣ я не робѣлъ ни отъ какой военной опасности. Но поддайся чувству страха—оно усилится и утвердится. «—» Главными, отличительными его свойствами были большая сила воли и самостоятельность въ сужденіяхъ и образѣ жизни. Онъ не находилъ ничего невозможнаго для ума и воли: не хотѣлъ, чтобы человѣкъ робѣлъ передъ непріятельскою батареею, или, потворствуя лѣни, читалъ въ переводѣ то, что можетъ читать въ подлинникѣ. Блестящія обстоятельства не перемѣнили его образа жизни. Въ немъ также не было ни малѣйшаго признака несноснаго, приторнаго желанія играть роль свѣтскаго человѣка и поэта, которое прививается ко многимъ отличнымъ людямъ. А между тѣмъ, онъ былъ и поэтъ и свѣтскій человѣкъ самой высшей степени. Искренность, простота и благородство его характера привязывали къ нему неразрывною цѣпью уваженія; всякій, кто былъ къ нему близокъ, любилъ его искренно».

Сочиненія Грибоѣдова въ хронологическомъ порядкѣ:

Письмо изъ Брестъ-Литовска (Вѣст. Европы, 1814, № 15).

О кавалерійскихъ резервахъ (Jb. № 22).

Молодые супруги, ком. въ 1 д., въ стихахъ (представлена 29 сентября 1815 г.; нап. въ томъ же году). Франц. подлинникъ этой піесы, соч. Крёзе де Лессе, называется: Le secret de ménage.

Отъ Аполлона, стихотвореніе (Сынъ Отеч. 1815, № 45).

О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады: Ленора (Jb. 1816, № 30). См. выше, стр. 426, прим. 2.

Отрывокъ изъ ком.: «Своя семья или замужняя невѣста» (Ib. 1817, № 48). См. ниже, прим. 2.

Лубочный театръ, стихотвореніе, 1817 г. (Лѣтопись русскаго театра, г. Арапова, стр. 260—261).

Притворная невѣрность, ком. въ 1 д., въ стихахъ (представлена 11 февраля 1818, нап. 1818). Передѣлка франц. піесы Барта: «Les fausses infidélités». Въ трудѣ Грибоѣдова принималъ участіе Жандръ. Вотъ какъ первый объясняетъ, въ письмѣ къ Бѣгичеву (15 апрѣля 1818), почему комедія переведена двумя: «При отъѣздѣ моемъ въ Нарву, Семенова торопила меня, чтобъ я не задержалъ ея бенефиса; а чтобъ меня это не задержало въ Петербургѣ, я съ просьбой прибѣгнулъ къ другу нашему Жандру. Возвратясь изъ Нарвы, я нашелъ, что у него только переведены сцены 12 и 13-ая; остальное съ того мѣста, какъ Рославлевъ говоритъ: «я здѣсь, все слышалъ и все знаю», я самъ кончилъ. Впрочемъ и въ его сценахъ есть иное мое, такъ какъ и въ моихъ его перемѣны». — Старинный переводъ піесы Барта — 1772 г. (Роспись Смирдина, № 7310).

«Прости, отечество»! стихотвореніе (черновая тетрадь Грибоѣдова, ст. 2-ая, въ 5 № Рус. Слова, 1859). Авторъ статьи, г. Д. Смирновъ, относитъ это стихотвореніе къ 1818 г.

Письмо къ издателю Сына Отечества (Н. И. Гречу), изъ Тифлиса, отъ 21 января 1819 г. (Сынъ Отеч. 1819, № 10).

Путевыя замѣтки изъ Тифлиса въ Тегеранъ, 1819 г. (Черн. тетрадь, ст. 1, въ 4 № Рус. Слова, 1859).

Путевыя замѣтки во время перехода черезъ горы, 1822 (Черн. тетрадь, ст. 2, въ 5 № Рус. Слова, 1859).

Горе отъ ума, ком. въ 4 д., въ стихахъ

(1823). Разныя изданія этой комедіи исчислены ниже, въ прим. 3-мъ.

Романсъ, написанный для водевиля кн. П. А. Вяземскаго: «Кто братъ, кто сестра»? (1823). Нап. въ Москов. Телеграфѣ 1831 г., № 11.

Телешовой, на игру ея въ балетѣ: Русланъ и Людмила, стихотвореніе (Сынъ Отеч. 1825, № 1).

Отрывокъ изъ Гете, переводъ втораго пролога изъ Фауста (Полярная звѣзда на 1825 г.).

Путевыя замѣтки о Крымѣ, 1825 (Чернов. тетрадь Грибоѣдова, Рус. Слово, 1859, № 5).

Хищники на Чегемѣ, стихотвореніе. Другое его названіе: «Дѣлежъ добычи» (Сѣв. Пчела 1826, № 143, и Черн. тетрадь, Рус. Слово, 1859, № 5).

Короткія замѣтки во время персидскаго похода 1827 (Черн. тетрадь, Рус. Слово, 1859, № 5).

Сочиненія неизвѣстнаго времени:

Освобожденный, стихотвореніе (написано не позднѣе 1822 г., нап. въ Черн. тетради, Рус. Слово, 1859, № 5).

Радамистъ и Зенобія, проэктъ трагедіи (Jb.).

«Къ 1812 г.», проэктъ другой драмы (Jb.).

Частные случаи петербургскаго наводненія (Jb.). Вѣроятно относится къ 1824 г.

Разговоръ двухъ половецкихъ мужей, въ стихахъ, отрывокъ изъ какой-то драмы (Jb.).

Отецъ и дочь, драмат. отрывокъ, въ стихахъ (не позднѣе 1822 г., ib.).

Отрывокъ изъ пролога: «Юность вѣщаго», который Грибоѣдовъ намѣревался написать для открытія новаго театра въ Москвѣ осенью 1823 г. (Jb.).

А. О. (Александру Ивановичу Одоевскому), стихотвореніе, вѣроятно 1826 (Jb.).

Отрывки изъ Грузинской ночи (Jb.). Объ этой трагедіи Булгаринъ пишетъ: *«Въ послѣднее пребываніе свое въ Грузіи*, Грибоѣдовъ сочинилъ планъ романтической трагедіи и нѣсколько сценъ. Трагедію назвалъ онъ «Грузинская ночь».

Душа, стихотвореніе (Библ. для чтенія, 1835, № 2).

Востокъ, стихотвореніе (Ib., 1836, № 2).

Отрывокъ изъ поэмы: «Кальянчи» (Сынъ Отеч., 1838, т. I).

Эпиграмма (во 2-мъ изд. Горя отъ ума, 1839, въ ст. К. Полеваго: «О жизни и сочиненіяхъ Грибоѣдова»). Написана, вѣроятно, между 1823 и 1825 г.г., во время перваго появленія комедіи и возникшихъ о ней толковъ.

Грибоѣдову приписываютъ также два стихотворенія, подъ коими подписаны буквы А. Г. Первое: «Давидъ», нап. въ Мнемозинѣ, сборникѣ кн. Одоевскаго и Кюхельбекера 1824 г. (Ч. I, стр. 24); второе: «Элегія изъ Леонара», въ альманахѣ на 1830 г.: «Радуга», изданномъ г.г. Араповымъ и Новиковымъ.

Изданія сочиненій Грибоѣдова:

Первое—Смирдинское, въ Полн. собраніи сочиненій русскихъ авторовъ, вмѣстѣ съ сочиненіями Крюковскаго (Спб. 1854).

Второе—Евграфа Серчевскаго: «А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія, съ приложеніями: портрета автора, изображенія памятника надъ его могилою, автографа, герба Грибоѣдовыхъ, трехъ картинъ къ сценамъ изъ Горя и ума, и журнальныхъ статей объ этой комедіи» (Спб. 1857). Изданіе крайне небрежное; между приложеніями любопытны: три письма Грибоѣдова къ Катенину и разсказъ персіанина о происшествіяхъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ убіеніе россійскаго посольства въ 1829 г.

Третье—Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова. Съ портретомъ автора и 5-ю картинами (Спб. 1860).

Четвертое—Сочиненія А. С. Грибоѣдова, первое полное изданіе, съ примѣчаніями (Берлинъ, 1860).

2) Содержаніе ком. Шаховскаго: «Своя семья или замужняя невѣста»:

Любимъ, молодой человѣкъ, въ бытность свою въ Петербугѣ, женился по страсти безъ согласія своихъ родственниковъ. Онъ привозитъ жену въ тотъ городъ, гдѣ живутъ его тетки и дяди: Марья Савишна, Раиса Савишна, Варвара Савишна, Карпъ Савичъ, Максимъ Меркуловичъ. Всѣ думаютъ, что онъ сговоренъ; никто не знаетъ, что онъ женатъ, кромѣ Варвары Савишны, которая всѣхъ добрѣе и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайною, и между тѣмъ Наташа, жена его, подъ чужимъ именемъ, знакомится со всею мужниною родней, старается каждому изъ нихъ угодить и понравиться, и въ томъ успѣваетъ.

3) Изданія «Горя отъ ума»:

«Горе отъ ума, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Грибоѣдова». Безъ означенія мѣста и года печати и безъ цензурнаго разрѣшенія. Авторъ статьи: Объ изданіяхъ «Горя отъ ума» (Библ. Зап., 1861), полагаетъ, что это изданіе появилось въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, можетъ быть даже прежде перваго изданія этой комедіи, напечатаннаго въ 1833 г.

Изданіе 1833 г., въ Москвѣ, съ портретомъ автора, гравированнымъ Уткинымъ. Оно считается первымъ.

Второе изданіе (Спб. 1839) съ литографированнымъ портретомъ автора и статьею

К. Полеваго: о жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова.

Изданія 1854 г.: третье (М., въ типографіи Александра Семена); третье, книгопродавца Терскова (Спб. въ типографіи Трея); Смирдина (Спб. въ типогр. Акад. Наукъ); Черноглазова (Спб. въ тип. Военно-Учебныхъ заведеній); Черноглазова, съ біографіею автора, написанною Булгаринымъ (Спб.); четвертое (М. въ тип. А. Семена); въ Библіотекѣ романовъ, повѣстей, путешествій и записокъ, издаваемой въ Москвѣ книгопродавцемъ Н. Улитинымъ; въ Смирд. изд. сочиненій Грибоѣдова.

1855 г.: изд. четвертое (М. въ типографіи Смирновой).

1857 г.: изд. пятое (М. въ тип. Эрнста); пятое же (М. въ тип. А. Семена); Смирдина, напечатанное по рукописи, употребляемой при представленіи этой комедіи на Императорскихъ театрахъ (въ тип. Ак. Н.).

1858 г.: изд. пятое (М. въ тип. Попова); полное изданіе Юрія Приваловскаго (Лейпцигъ, у Густава Бера); въ книгѣ Серчевскаго: «Грибоѣдовъ и его сочиненія».

1860 г.: въ Берлинскомъ изд. сочиненій Грибоѣдова.

1861 г.: Спб., въ тип. Н. Тиблена и К.

1862 г.: А. С. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. Ком. въ 4 д., въ стихахъ. Полный текстъ съ 25 рисунками М. С. Башилова, рѣзанными на деревѣ Августомъ Габеромъ въ Дрезденѣ. Изданіе Н. Тиблена, въ 4-ую д. л. (Спб. 1862); первое полное изд. Николая Тиблена (Спб., въ тип. Н. Тиблена и К.); второе полное (исправленное) изд. того же (нап. тамъ же).

1863 г.: А. С. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума, ком. въ 4 д., въ стихахъ. Полное иллюстрированное изд. Рисунки рисовалъ Іогансонъ, рѣзалъ на деревѣ Михайловъ (М. въ тип. Степановой).

4) Рус. Слово, 1859, май (Черновая тетрадь Грибоѣдова, ст. 2). Содержаніе Грузинской ночи: «Одинъ грузинскій князь, за выкупъ любимаго коня, отдалъ другому князю отрока, раба своего. Это было дѣломъ обыкновеннымъ, а потому князь не думалъ о слѣдствіяхъ. Вдругъ является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его, упрекаетъ его въ безчеловѣчномъ поступкѣ, припоминаетъ службу свою, и требуетъ или возврата сына или позволенія быть рабою одного съ нимъ господина и угрожаетъ ему мщеніемъ ада. Князь сперва гнѣвается, потомъ обѣщаетъ выкупить сына кормилицы, и наконецъ по княжескому обычаю,—забываетъ обѣщаніе. Но мать помнитъ, что у нея отторжено отъ сердца дѣтище, и, какъ азіатка, умышляетъ жестокую месть. Она идетъ въ лѣсъ, призываетъ Али, злыхъ духовъ Грузіи, и составляетъ адскій союзъ на пагубу рода своего господина. Появляется русскій офицеръ въ домѣ, таинственное существо по чувствамъ и образу мыслей. Кормилица заставляетъ Али вселить любовь къ офицеру въ питомицѣ своей, дочери князя. Она уходитъ съ любовникомъ изъ родительскаго дома. Князь жаждетъ мести, ищетъ любовниковъ и видитъ ихъ на вершинѣ горы Св. Давида. Онъ беретъ ружье, прицѣливается въ офицера, но Али несутъ пулю въ сердце его дочери. Еще не свершилось мщеніе озлобленной кормилицы. Она требуетъ ружья, чтобъ поразить князя, и убиваетъ своего сына. Безчеловѣчный князь наказанъ небомъ за презрѣніе чувствъ родительскихъ и познаетъ цѣну потери дѣтища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила местью. Они гибнутъ въ отчаяніи.

5) Областное слово—пѣтухъ.

6) Въ рукописи не разобрано.

7) Двѣ строки точекъ поставлены самимъ Грибоѣдовымъ.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Стр. 124. Первые литературные опыты Дашкова нап. въ Трудахъ воспитанниковъ Университетскаго благороднаго пансіона («Утренняя заря», «И отдыхъ въ пользу»). Когда извѣстный метроманъ, гр. Д. И. Хвостовъ, былъ выбранъ въ почетные члены С. П. бургскаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, Дашковъ произнесъ ему привѣтственную рѣчь, исполненную ироніи, за что былъ исключенъ изъ списка членовъ, Отрывки изъ этой рѣчи помѣщены въ «Мелочахъ» М. Дмитріева.

Стр. 180. Востоковъ ум. въ 1863 г.

Стр. 295. Свѣдѣнія, сообщенвыя мнѣ сыномъ Нарѣжнаго, Владиміромъ Васильевичемъ (за что приношу ему чувствительную благодарность), дозволяютъ мнѣ частію исправить, частію пополнить біографическій очеркъ этого писателя.

В. Т. Нарѣжный род. 1780 г., полтавской губерніи въ Миргородскомъ уѣздѣ. Находясь при своихъ родителяхъ до одинадцати-лѣтняго возраста, онъ обучался подъ руководствомъ своего дяди, Андріевскаго-Нарѣжнаго, который въ 1792 г. помѣстилъ его въ дворянскую гимназію при москов. университетѣ. Въ 1798 г. Нарѣжный произведенъ въ студенты, а въ слѣдующемъ переведенъ въ университетъ. Въ 1801 г., при выпускѣ изъ университета, награжденъ серебряной медалью и офицерскимъ чиномъ. Тогоже 1801 г. поступилъ на службу чиновникомъ по особымъ порученіямъ къ правителю Грузіи, дѣйствительному статскому совѣтнику Коваленскому, а потомъ опредѣленъ секретаремъ въ Лорійскую управу, гдѣ и находился до 1804 г. Отсюда онъ поступилъ въ экспедицію государственнаго хозяйства (по министерству внутреннихъ дѣлъ); произведенный 1806 г. въ титулярные совѣтники, назначенъ кабинета Его Величества въ горную экспедицію помощникомъ экспедитора. Въ 1811 г. получилъ чинъ коллежскаго ассесора, а въ 1813 г. вышелъ въ отставку и женился. Въ это-то время написалъ онъ романъ: «Россійскій Жильблазъ», котораго первыя три части были напечатаны, а остальныя три запрещены. Это обстоятельство крайне огорчило Нарѣжнаго и даже было причиною, что онъ почти оставилъ авторство и началъ думать о поступленіи вновь на службу. Черезъ два года послѣ отставки, онъ былъ опредѣленъ, въ 1815 г., въ инспекторскій департаментъ главнаго штаба Е. И. В.; въ 1816-мъ, за быстрое приведеніе запущенныхъ дѣлъ въ порядокъ, награжденъ орденомъ св. Анны 3-ей степени, съ назначеніемъ исправлять должность начальника отдѣленія; въ 1818-мъ, произведенъ въ надворные совѣтники. Съ этого времени до 1821 г. онъ утро посвящалъ службѣ, а вечера исключительно литературѣ. Сидячая жизнь при напряженномъ трудѣ оказала гибельное вліяніе на его здоровье и сократила его жизнь. Онъ умеръ 1825 г., сорока пяти лѣтъ отъ роду. Отличительными его свойствами были простота, непринужденное обращеніе со всѣми, веселый и шутливый нравъ. Онъ чрезвычайно любилъ дружескія бесѣды, которыя оживлялъ чтеніемъ собственныхъ произведеній или юмористическими разсказами. Изъ языковъ онъ зналъ лат., франц. и нѣм.

Къ стр. 473. Изъ разсказовъ о Лабзинѣ, которые я слышалъ отъ бывшихъ его сослуживцевъ, находившихся съ нимъ въ короткомъ знакомствѣ и частыхъ сношеніяхъ, открывается, что С. Т. Аксаковъ не ошибся въ его характеристикѣ. Лабзинъ былъ замѣчательно умный, образованный и трудолюбивый человѣкъ, хорошо владѣвшій даромъ слова, но характера жесткаго и деспотическихъ наклонностей. Онъ любилъ господствовать надъ другими своимъ

умственнымъ вліяніемъ, но не привлекать ихъ къ себѣ добрыми качествами сердца. Лица, зависѣшія отъ него по службѣ, не замѣчали въ немъ гуманнаго съ собою обращенія. Нѣкоторые поступки его совершенно противорѣчили терпимости и вообще правиламъ христіанской нравственности. Упомянутый разсказъ г-жи Каменской совершенно справедливъ. Въ немъ представлена судьба семейства, котораго всѣ члены уже умерли и о которомъ слѣд. можно говорить: это—семейство Г. бывшаго инспектора Академіи Художествъ. Самъ онъ выносилъ многія непріятности по службѣ отъ Лабзина; дочь его, обращенная послѣднимъ къ мистицизму, въ то время какъ страдала тяжкою болѣзнію, кончила дни свои въ сумасшествіи.

ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ.

I.

КУРГАНОВЪ. (1).

ПИСЬМОВНИКЪ (1769). (2).

А. КРАТКІЯ ЗАМЫСЛОВАТЫЯ ПОВѢСТИ.

Молодой звѣздочетъ, будучи въ бесѣдѣ, увѣрялъ, что солнце, а не земля обращается, и хотя выдти. Тогда одинъ шутникъ ему сказалъ: пожалуй, побудьте съ нами немного; я хочу доказать противное вашему мнѣнію. Знаете ли, что солнце оживотворяетъ, грѣетъ и печетъ все на земли. Правда, отвѣчалъ на то звѣздарь. Такъ видно, продолжалъ шутъ, что не солнце, а земля вертится; ибо когда жарятъ птицъ, тогда вертятъ ихъ, а не очагъ. Это правдѣ подобно, сказалъ другой, но весьма далеко отъ мнѣнія многихъ великихъ мужей и отъ истины, и я знаю многихъ писателей, кои разумно утверждаются на томъ мнѣніи. Можетъ статься, отвѣчалъ шутъ. Да вѣришь ли, что правда въ винѣ? Слыхалъ... Хорошо, такъ напейся же до пьяна, тогда увидишь, что земля, а не солнце вертится. Тоже доказано въ слѣдующихъ стихахъ:

Случились вмѣстѣ два астронома въ пиру
И спорили весьма между собой въ жару.
Одинъ твердилъ: земля, вертясь кругъ солнца, ходитъ;
Другой, что солнце всѣ съ собой планеты водитъ:
Одинъ Коперникъ былъ, другой слылъ Птоломей.
Тутъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.
Хозяинъ спрашивалъ: ты звѣздъ теченье знаешь?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣньѣ разсуждаешь?
Онъ далъ такой отвѣтъ, что въ томъ Коперникъ правъ;
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ.
Кто видѣлъ простяка изъ поваровъ такова,
Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркова? (3)

Велезрячій, идучи вмѣстѣ на охоту съ кривымъ, молвилъ оному: сказываютъ, что ты болѣе, нежели я ловишь. Правда, отвѣчалъ кривой; понеже я больше тебя вижу. Нельзя статься, сказалъ другой. А кривой ему: о чемъ ты ни изволишь биться, я выиграю, потому что я у тебя вижу два глаза, а ты у меня одинъ.

Стряпчій, очень гнуснаго виду и весьма курносъ, не могъ почти окончать своимъ чтеніемъ одного дѣла въ судѣ. Тогда совѣтникъ, имѣющій сановитый носъ, сказалъ: нѣтъ ли у кого очковъ для сего господина? Но онъ, осердясь на то, отвѣчалъ: да пожалуйте, сударь, уже ссудите меня и вашимъ носомъ.

Въ нѣкоей бесѣдѣ говорили, что доктора ни къ чему годны. Тогда одинъ стряпчій сказалъ: неправда, они по крайней мѣрѣ надобны для убавки многолюдства. Но я, не защищая себя скажу, врачъ молвилъ, что на меня никто не жалуется. Статься можетъ, повторилъ сутяга; ибо ты своихъ соперниковъ отправилъ на тотъ свѣтъ (4).

Старуха, хватя добрую чарку вина, пришла къ вечернѣ, и тамъ, задремавъ, всхрапнула; другіе толкнули ее, чтобъ проснулась; тогда она возгласила: подносите внучкѣ, а я болѣе не стану.

Трое, идучи за старикомъ, захотѣли ему посмѣяться; и такъ 1-й говорилъ: это праотецъ Авраамъ; 2-й, нѣтъ, это Исаакъ; 3-й, никакъ, это Іаковъ. Тогда старикъ сказалъ: всѣ вы меня не знаете; азъ есмь Саулъ, ищу ословъ отца моего и, нашедъ ихъ здѣсь, оставляю.

Подьячій, при допросѣ нѣкоего раскольника, говорилъ: буде у тебя совѣсть столь велика, какъ твоя борода, такъ сказывай правду. Государь мой, отвѣчалъ суевѣръ: ежели вы совѣсти бородами измѣряете, то видно вы безсовѣстны, для того что голобороды.

Умирающей жены спрашивалъ мужъ, на комъ онъ женится. Она отвѣчала: на чортовой матери. А онъ: нѣтъ, сіе противно закону, я теперь женатъ на ея дочери.

Одноглазый, ставъ рано, пошелъ въ поле и на пути встрѣтился съ горбатымъ, котораго онъ, поздравя съ добрымъ утромъ, сказалъ насмѣхаясь: рано ты поднялся съ ношею. Правда, отвѣчалъ горбатый: я нагрузился прежде нежели у тебя еще одно окно было отворено.

Во время обѣда нѣкто, захотя посмѣяться надъ шутомъ, стоящимъ по другую сторону стола, спросилъ его: какая есть разность между тобою и дуракомъ? Шутъ отвѣтствовалъ: только столъ.

Французъ, захотя посмѣяться Русаку, пріѣзжему въ Парижъ, спросилъ: что такое значитъ параболъ, фариболъ и оболъ? Но тотъ вскорѣ ему отвѣчалъ: параболъ есть то, что ты не разумѣешь; фариболъ то, что ты говоришь; а оболъ, чего ты стоишь (5).

Никакой народъ не получаетъ столько именъ при крещеніи, какъ Испанцы. Случилось одному Испанцу, пришедшему ночью въ сильный дождь, который его пробилъ до кожи, въ корчмѣ просить ночлега и стучаться у воротъ. Тогда хозяинъ, вставъ, спросилъ: кто? А онъ отвѣчалъ: Донъ Санхо, Альфонсъ, Рамиръ, Педро, Карлосъ, Францискъ, Доминикъ, Стунига и пр. Хозяинъ, имѣя у себя только одну порожжую постелю, отвѣчалъ грубо, что у него для такой ватаги ночлега нѣтъ, и опять легъ спать, а тотъ глупецъ принужденъ брести до другой корчмы.

Попъ, на заутрени примѣтя одного, весьма дремлющаго богомольца и двухъ госпожъ, по близости его очень громко разговаривающихъ, сказалъ: боярыни, пожалуйте не разбудите сего господина.

Къ забавному бѣдняку пришли ночною порою воры; тогда онъ, ни мало не осердясь, сказалъ имъ: не знаю, что вы можете, братцы, найти здѣсь въ такое время, гдѣ я и днемъ самъ ничего не нахожу.

Шляхтичъ, собравшись ѣхать рано на охоту, приказалъ слугѣ разбудить себя въ 6 часовъ. Слуга, вставши за часъ, увидѣлъ боярина своего еще спящаго и, разбудя его, сказалъ: извольте, сударь, поскорѣе выспаться, уже одинъ только часъ вамъ опочивать остался.

Матроса, идущаго на корабль, отправляющійся въ Остъ-Индію, спросилъ философъ: постой, братецъ, скажи мнѣ, гдѣ твой отецъ умеръ? Въ потопленіи корабля.... А дѣдъ? Потонулъ же, ловя рыбу въ бурную погоду.... А прадѣдъ? Также пропалъ съ кораблемъ... Какъ же ты смѣешь вдаваться морю, вѣдая, что всѣ твои предки тамъ погибли? это признакъ безразсудной отваги. Г. мудрецъ, отвѣчалъ матросъ, какъ то ни есть, однако и я имѣю столько же причинъ: пожалуй скажите, какъ ваши предки переставились? Весьма блаженно на своихъ перинахъ! Ахъ! для чего же вы не боитесь ложиться на вашъ одръ?

Нѣкая госпожа, безпокойная въ своемъ болтаніи, спросила лѣкаря, отъ чего у ней зубы падаютъ. Онъ ей на то: отъ того, сударыня, что ты ихъ часто своимъ языкомъ колотить изволишь.

Талесъ мудрецъ, на вопросъ, сколько далеко отстоитъ правда отъ лжи, отвѣчалъ: какъ глаза отъ ушей, т. е. гораздо то вѣрнѣе, что видимъ, нежели что слышимъ.

Старикъ говорилъ: когда дѣти бываютъ остроумны въ юношествѣ, то подъ старость дѣлаются великими глупцами. А ему на то сказали: ежели это правда, то ты былъ младенцемъ превосходный разумникъ.

Нѣкто, насмѣхаясь одной госпожѣ, которая оказывалась ложною знатностію и высокорѣчіемъ, сказалъ при ней своему слугѣ: господинъ мой лакей! доложи господину моему кучеру, чтобъ онъ изволилъ господъ моихъ лошадей заложить въ госпожу мою карету.

Одинъ судья назвалъ своего секретаря: экой ты дуракъ. Тотъ, оборотясь, молвилъ; это правда, сударь, я тоже хочу сказать.

Курносый богачъ подалъ нищему полушку. Сохрани Богъ ваше зрѣніе, сказалъ бѣдный. Но скупець спросилъ его о причинѣ сея молитвы. Для того, отвѣчалъ онъ, когда притупѣютъ ваши глаза, то вамъ уже нельзя будетъ носить очковъ.

Портной, кроя себѣ платье и употребя сукна больше надлежащаго, сказалъ своей женѣ, вопрошающей о причинѣ: чтобъ не потерять доброй моей привычки въ надлежащемъ воровствѣ.

Одинъ мудрецъ, будучи вопрошенъ, для чего онъ не членомъ такого-то училища, отвѣчалъ: мнѣ, какъ Катону, сей вопросъ пріятенъ, котораго спросили, для чего ему не поставятъ статуй? отвѣчалъ: для меня сіе честнѣе, нежели спросили бы, для чего поставлены.

В. ДОСТОПАМЯТНЫЯ РѢЧИ.

Четыре вещи лишаютъ человѣка разсужденія: любовь, сребролюбіе, гнѣвъ и пьянство.

Три вещи Богу и людямъ весьма ненавистныя: нищъ гордъ, богатъ скупъ и лживъ, старъ прелюбодѣй.

Четыре вещи человѣка приводятъ въ убожество: роскошь, лакомство, лѣность и вражда.

Четыре дѣйствія приличныя тиранамъ: добрыхъ разорять, убогихъ ненавидѣть, злыхъ возвышать и добродѣтель опровергать.

Четыре вещи скрыты быть не могутъ: любовь, кашель, огонь и печаль.

Знаки надменна человѣка: гордости и свирѣпства онъ сынъ, во устахъ имѣетъ всегда угрозы и досады, косой взглядъ и нахмуренную бровь.

Три ласточки (звѣрька) живутъ собачій вѣкъ; три собаки лошадиный; три лошади человѣчій; три вѣка человѣчья равняются одному оленьему; трехъ оленей воронову; три ворона живутъ время несмѣтное.

Для сисканія мудрости, не надобно лишно есть, ни лишно спать, ни лишно пить и ни лишно говорить. Притомъ, должно признавать единаго Бога, обуздать свой языкъ, укрощать свой гнѣвъ, снискивать науки, быть тверду въ своемъ законѣ, знаться съ добрыми, сносить порокъ ближняго, вспомогать бѣднымъ и ожидать вѣчность въ награжденіе.

В. ОПРЕДѢЛЕНІЯ И СРАВНЕНІЯ ИЛИ УПОДОБЛЕНІЯ.

Душа и тѣло суть два неразлучные непріятеля, и два друга, всегда несогласные между собою. Великая фортуна есть великое порабощеніе. Молитвы праведныхъ подобны парамъ, кои, восходя къ небу, составляютъ облака и тамъ превращаются въ цѣлебную воду. Война есть искуство, показывающее намъ правила, какъ себя порядочно убивать. Зависть есть печаль о благополучіи другаго. Лѣность есть ржа разума. Храбрость есть бѣдственное ремесло: многіе люди для ея снисканія ли-

шаются своей жизни. Лице есть нѣмый отголосокъ нашего сердца. Міръ есть великая книга, писана рукою Божіею; въ ней только три листа: небо, земля и море. Царскія дѣла подобны большимъ рѣкамъ, коихъ теченіе всякъ видитъ, а источника немногіе знаютъ. Загрубелость, или предувѣреніе есть ядъ разсужденія. Въ высокой фортунѣ жить, какъ по стеклянному полу ходить. Привычка есть другая природа. Скупость есть бѣдность тюремная. Надежда есть сонъ бдящихъ людей. Совѣсть есть Евангеліе сердца и гласъ благодати, или зерцало суда Божія. Лесть, лицемѣріе, естьароматъ, увеселяющій всегда сердца, причиняя головную болѣзнь. Лошадь не бываетъ лучше отъ златой узды, ни дуракъ умнѣе отъ богатаго платья. Предусмотрѣніе есть мудрый душевный шпіонъ. Молчаніе есть маска невѣждества. Незнаю что есть убѣжище невѣждества. Воинъ трусъ есть вооруженный мундиръ. Живопись и поэзія суть сестры: первая есть поэзія нѣмая, вторая есть живопись голосная. Не имѣть чтенія есть тщета разума, а излишество, какъ тѣла дебелость. Погрѣшности лекарскія суть ошибки смертельныя. Злаго хвала есть хула. Любовь есть солнце сердца и глупая страсть. Дружба есть красная добродѣтель. Своенравство есть причина любви. Красота есть маловременная лучезарность, скороминуемое мученіе, письмо одобрительное, писанное на челѣ, читаемое всѣми, но онаго кредитъ непроченъ. Разумъ подобенъ рѣкѣ, имѣющей свой покой въ движеніи. Сундукъ безъ замка—знакъ, что нѣтъ въ немъ сокровища; всегда открытый ротъ значитъ пустой мозгъ. Докторъ есть имя за урядъ: часто при гнусномъ кабакѣ бываетъ хорошая вывѣска. Невѣжды подобны Самаритянкѣ, коя, будучи близь боевыхъ часовъ, а не знаетъ, который часъ. Фортуна есть великіе господа, кои болѣе любятъ оказывать щедрость, нежели платить свои долги. Нашъ разумъ есть всевидящее око, кромѣ себя, развѣ чрезъ отраженіе въ зеркалѣ. Буря на морѣ есть наука мореплавателямъ, а печаль есть школа отважностей. Слава по смерти, какъ добрый вѣтръ послѣ потопленія корабля. Секретъ есть сокровище, кое вполовину открыто, когда знаютъ, что оно скрыто. Слава человѣческая подобна его тѣни, коя бываетъ иногда больше, иногда меньше его росту. Поклоны суть пріятная мечта, бывающая средствомъ обмана. Наука есть ясное познаніе истины, просвѣщеніе разума, непорочное увеселеніе въ жизни, похвала юности, старости подпора, строительница градовъ, полковъ крѣпость, утѣха въ несчастіи, въ счастіи украшеніе, вездѣ вѣрный и безотлучный спутникъ. Книга есть лучшій другъ: она не открываетъ нашихъ таинствъ и научаетъ мудрости.

г. Хорошія мнѣнія.

Знатность больше отъ счастія, нежели отъ породы зависитъ. Нѣсть честенъ пророкъ во отечествѣ. Въ тщеславномъ человѣкѣ любовь и дружество непостоянны. Всякая вещь отъ рѣдкаго употребленія пріятна. Хорошая ложь бываетъ утѣшнѣе правды. Порода безъ достоинства мало сіятельна. Есть и на чорта громъ, который его убиваетъ. Обманъ и невѣжество нынѣ дорого покупаются. У гордаго вельможи и туфли чинъ имѣютъ. Довольство часто бываетъ препоною воздержанія. Добродѣтельнымъ сердцамъ трусость неприлична, а осторожность необходимо потребна. Глупостію бѣдный приводитъ въ смѣхъ, а сильный въ слезы. Бѣдный больше другимъ, нежели себѣ пользы приноситъ. Кто живетъ всего надѣясь, тотъ умираетъ ничего не имѣя. Хитрый ласкатель повелителемъ своимъ повелѣваетъ. Чѣмъ далѣ отъ Юпитера, тѣмъ далѣ отъ его грому. Притворство есть большая для добродѣтели опасность. Многіе люди дѣлаются часто злыми, полагаясь на наружность честнаго человѣка.

Кто породою хвалится, тотъ чужимъ хвастаетъ. Счастіе мудрыхъ боится, глупыхъ угнетаетъ. Тѣ не такъ боятся, коимъ страхъ ближе. Кто противнаго природѣ желаетъ, тотъ на самого Бога ропщетъ. Кто двухъ сторонъ держится, тотъ ни одной невѣренъ. Трудно оправдаться, у кого истецъ самъ судья. Съ совѣту многихъ не можно того сдѣлать, что должно, но то, что можно. Фортуна такъ дѣлаетъ, что комаръ льва побѣждаетъ. Ежели хитраго обманщика похвалить, то и самый простякъ его обманетъ. Почитающій отца возвеселится о своихъ дѣтяхъ. Къ юношескимъ разумамъ не перья и крылья, но свинецъ и гири должно привязывать. Мудрость состоитъ не въ наказаніи за зло, но въ предохраненіи отъ зла. Голода ни въ чемъ уговорить не можно. Воину должно вдесятеро быть умнѣе другаго; потому что въ семъ ремеслѣ вдесятеро чаще можно обмануться, нежели въ другомъ. Старое вино, старая монета, старые друзья берутъ преимущество. Исторія полезнѣе романцовъ, а особливо съ нравоученіемъ; ибо пчелы не могутъ брать соку съ нарисованныхъ цвѣтовъ. Подлѣйшіе ([6]) люди бываютъ великими у Бога, какъ звѣзды, кои намъ кажутся малы за дальностію ихъ въ небѣ. Душевное украшеніе несравненно полезнѣе тѣлеснаго. Другъ—не земной рай, гдѣ росли плоды безъ нашего призрѣнія. Порода, чинъ, пѣть, играть, плясать, разноязычно говорить суть дарованія нули, къ коимъ надобно числа, дабы они что значили, то есть потребны къ тому прочія качества, чтобъ быть честнымъ человѣкомъ. Не можно сыскать малыхъ погрѣшностей въ великихъ людяхъ: малѣйшія пятна суть велики, когда они видны на дорогихъ штофахъ. Иногда одно неосторожное слово все дѣло портитъ. Какъ дождь усмиряетъ вѣтръ, такъ слезы утишаютъ вздохи. Вельможи употребляютъ людей, какъ деньги, коихъ они цѣнятъ во что хотятъ; но мы принуждены принимать оныхъ по ихъ курсу, а не по истинной цѣнѣ. Честное убожество предпочтительно излишнему богатству. Правда сама собою побѣждаетъ, а мнѣніе чрезъ другихъ. Великія библіотеки, какъ аптекарскія лавки, гдѣ есть ядъ и лѣкарство: добрыя и худыя книги. Укоряя порокъ, надобно стараться не озлобить порочнаго. Въ корысти пропадаютъ всѣ добродѣтели, какъ рѣки въ морѣ. Предпочитающіе глупцовъ разумнымъ людямъ должны меньше дивиться солнцу, нежели затменіямъ. Только чистая совѣсть о добрыхъ дѣлахъ человѣка умирающаго утѣшить можетъ.

Д. РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ КНИЖНИКОМЪ И МАЛЬЧИКОМЪ.

Юноша гулялъ по берегу рѣки и, встрѣтясь съ грамматеемъ, зѣло задумчивымъ, сказалъ ему: господинъ мудрецъ! отъ чего вы такъ задумчивы? Я думаю, отвѣчалъ книжникъ, о томъ, гдѣ можно найти новыхъ книгъ; ибо всѣ книги, сколько оныхъ ни есть, я прочелъ и знаю ихъ наизусть. М. Я хочу тебѣ предложить нѣсколько вопросовъ: и ежели вы мнѣ ихъ рѣшите исправно, то я вамъ отдамъ мой Катехизисъ, вѣдая, что вы его еще не читали и долго не прочтете. К , усмѣхнувшись, сказалъ ребенку: изволь спрашивать, мой другъ. Тогда М. началъ: г. философъ, скажите, какая есть лучшая вещь въ свѣтѣ? К. Вѣрный другъ. М. Нѣтъ, добрая совѣсть и того лучше. Какая есть первая Божія заповѣдь? К. Сія: да не будутъ тебѣ бози иніи, развѣ мене. М. Не та; ибо, во первыхъ, по сотвореніи Адама, запретилъ Богъ ему отъ древа добра и зла не яждь. Кто ученѣйшій всѣхъ? К. Кто много читалъ книгъ и знаетъ свѣтское житіе. М. Неправда: но кто читалъ только одну книгу, и довольно знаетъ себя. М. Кто же глупѣе всѣхъ? К., смѣясь, сказалъ: кто ничего не разумѣетъ. М. Никакъ, Г. К.,

да тотъ, кто хвалится всѣми науками. М. Какое есть лучшее упражненіе въ свѣтѣ? К. философа. М. А то хрістіанина. А какая есть славнѣйшая добродѣтель? К. Военная храбрость. М. Но твердость мирнаго союза ее превосходитъ. Какое есть труднѣйшее знаніе? К. Хорошо управлять худымъ народомъ. М. Нѣтъ, знаніе управлять самимъ собою и того труднѣе. Кто былъ славнѣйшій богачь? К. Крезусъ. М. Удовольствіе и того богатѣе. Кто свободнѣйшій изъ человѣкъ? К. Самодержавный Царь и побѣдитель всѣхъ своихъ непріятелей. М. А я слыхалъ, что тотъ, кто не имѣетъ страха, ни желанія, но покорнется Богу и разуму. Скажи пожалуй, Г. Ф., какой есть свирѣпѣйшій звѣрь въ свѣтѣ? К. Левъ. М. Нѣтъ, черви, снѣдающіе льва и людей. Какое есть пребольшее зеркало въ свѣтѣ? К. Солнце. М. Не погнѣвайтесь, г. мудрецъ, это око человѣческое; ибо въ немъ представляется не только солнце и луна, но и вся вселенная. К. устыдясь и сталъ краснѣть, сказалъ: слушай, мальчикъ! скажи мнѣ, кто тебя научилъ такой мудрости? М. Мой отецъ и мать. К. Какъ ихъ зовутъ? М. Отецъ мой называется правда, а мать простота.

Книжникъ, захотѣвъ его пристыдить самого, сказалъ: изрядно, другъ мой, и я тебя также хочу нѣчто спросить; и ежели ты въ состояніи будешь на то исправно отвѣчать, то я отдамъ тебѣ всѣ мои книги. Я готовъ, извольте, отвѣчалъ юноша. К. Сколь велика или какой величины вселенная? М. Она такъ велика, что Богъ можетъ ее обнять своею дланію. К. Пускай такъ; но скажи, мой другъ, земля на воздухѣ ли виситъ, или кто ее поддерживаетъ? М. Никакъ; ибо кто оную сотворилъ, тотъ и поддерживаетъ. К. Изрядно; слушай же, дружокъ, когда ты столько свѣдомъ о Богѣ, то скажи мнѣ, что Богъ дѣлалъ до сотворенія міра? М. Готовилъ адъ, чтобъ его населить тѣми, кто о семъ безполезно любопытствуетъ. К. Правда, сей вопросъ трудноватъ, я и самъ признаюсь; однако я тебя спрошу проще: скажи же, что то за животное, кое сперва на четырехъ, потомъ на двухъ, а напослѣдокъ на трехъ ногахъ ходитъ? М. Сказываютъ, что это человѣкъ, дожившій до глубокой старости, который сперва ползалъ, потомъ о себѣ, а послѣ о посохѣ ходитъ. К. подумалъ: что мнѣ дѣлать? онъ еще ребенокъ и меньше читалъ книгъ и ученъ, нежели я; однако я его могу еще поймать, и спросилъ его: узнай, кто это, что бѣжитъ безъ ногъ, глядитъ безъ глазъ, поетъ безъ рта, стучитъ безъ рукъ и ѣздитъ безъ лошадей? М. Солнце и вѣтръ бѣгутъ безъ ногъ, портретъ или образъ глядитъ безъ глазъ, музыка поетъ безъ рта, часъ и громъ стучатъ безъ рукъ, а корабли ѣздятъ безъ лошадей. К. Неспорно; скажи жь теперь, какія есть четыре животныя, кои не для себя, но для другихъ трудятся? М. Скупые копятъ богатство; птицы вьютъ гнѣзды; коровы работаютъ; пчелы дѣлаютъ медъ; овцы носятъ шерсть не для себя, но для прочихъ животныхъ. К. Постой, я тебя спрошу помудренѣя: можешь ли мнѣ сказать, для чего мышь называется мышью, а вошь вошью? М. Ежели бы мышь называлась кошкою, то бы она не была мышью; а когда бы вошь могла прыгать, тогда бы ее называли блохою. Книжнику стало стыдно и началъ сердиться, и потому спросилъ со гнѣвомъ: чѣмъ правится приказное дѣло? М. Тридцатью одною буквою азбуки. К., осердясь больше, сказалъ: какимъ способомъ управляютъ народомъ? М. Мнѣніями. К., очень осердясь, спросилъ еще по латински: Dic mihi omnium doctorum subjectum? М. Наука. К. отошелъ съ великимъ стыдомъ, а М. кричалъ ему въ слѣдъ: г. философъ, мои книги! мои книги! Но книжникъ не хотя о томъ и слышать, ушелъ.

Е. ВСЕОБЩІЙ ЧЕРТЕЖЪ НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

Знаніе вещей есть троякое: 1) знаемъ, что сдѣлано или сдѣлаться можетъ; 2) причину вещей, кои есть или бываютъ, ясно усматриваемъ; 3) познаемъ количество вещей и силы оныхъ измѣрять можемъ.

Знаніе раздѣляется на *историческое* и *философское*. Познаніе повѣстное или простое есть свѣдѣніе дѣйствъ или вещей сущихъ. А когда въ причины вещей проникаемъ, тогда знаніе наше выше становится и называется мудрственное, т. е. знаніемъ причинъ всякой истины. Напр. слышитъ простой человѣкъ громкій звукъ отъ выстрѣльной пушки, а ради чего отъ зажженнаго пороху происходитъ такой громъ, какъ невѣжда, не знаетъ. *Вотъ познаніе повѣстное*. Философъ, тоже слыша, знаетъ совершенно причины, отъ чего всякое пороховое зерно вдругъ загорается и пушка выстрѣливаетъ, и для чего отъ великаго звуку трясутся зданія и, кажется, дрожитъ земля. *Вотъ познаніе мудрственное* или *ученое*. Математикъ знаетъ, сколько потребно пороху, чтобъ то ядро на извѣстное разстояніе брошено быть могло.

Знаніе повѣстное пріобрѣтается помощію внѣшнихъ чувствъ, коихъ есть пять: видѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе, осязаніе, и внутреннихъ чувствованій, чрезъ кои мы чувствительныя вещи чувствуемъ, какъ совѣсть и проч., для того, *что есть* или *бываетъ*, токмо посредствомъ чувствъ мы познаваемъ, и оно есть основаніе ученаго познанія; ибо совсѣмъ знать не можно причины вещей, ежели прежде самой вещи не узнаемъ. И такъ къ оному не довольно однихъ чувствъ, но паче должно присовокупить и разумъ, т. е. науку.

Наука есть извѣстное и ясное познаніе какой нибудь вещи; а Художество есть знаніе, показывающее намъ правила, какъ что либо исправно сдѣлать.

Науки раздѣляются на *свободныя* и *механическія*, или *рукотворныя*. Свободныя суть: Математика, Физика, Музыка, Живописное и Рѣзное искуство; словесныя науки, какъ то: Грамматика, Логика и проч.

Свободными названы потому, что въ древнія времена упражнялись въ нихъ свободнаго состоянія люди, и что они болѣе зависятъ отъ дѣйствій разума, нежели отъ руки; а механическія больше руками и тѣла движеніемъ, нежели разумомъ производятся, какъ Токарное, Столярное дѣло и проч., кои просто рукодѣльями или рукомеслами именуются.

Отдѣлъ I.

Происхожденіе человѣческихъ знаній.

Естественныя вещи, или твари, дѣйствуютъ на чувства. Дѣйствія сихъ вещей производятъ понятія въ разумѣ. Разумъ упражняется въ сихъ понятіяхъ тремя только способами, по своимъ главнымъ тремъ качествамъ, кои суть: *память*, *воображеніе* и *разсужденіе*. Разумъ есть способность души нашей— союзъ всеобщихъ истинъ подробно понимать: и потому онъ дѣлаетъ либо чистое и простое исчисленіе своихъ понятій о вещахъ чрезъ память; или старается имъ подражать чрезъ воображеніе; или ихъ разсматриваетъ, сравниваетъ и приводитъ въ порядокъ чрезъ разсужденіе. Отъ сего происходитъ общее и основательное раздѣленіе знаній человѣческихъ: на Исторію, принадлежащую къ памяти; на Поэзію, которая раждается отъ воображенія; на Философію, происходящую отъ разсужденія.

ж. Признаки о будущихъ погодахъ, взятые изъ достовѣрныхъ примѣчаній.

По солнцу.

Когда солнце кажется блѣдно—къ дождю; чисто и ярко—къ доброй погодѣ; красновато—къ вѣтру. Ежели оно при восходѣ видится болѣ обыкновеннаго, надобно ожидать дождя; а буде чисто и ярко сінетъ, къ ведру; когда же красновато или такъ велико, какъ сквозь тонкій туманъ кажется, или около его кругъ бѣлой или *поле*, къ дождю. Когда при восхожденіи солнца видимый около его кругъ помалу исчезать станетъ, признакъ къ доброй погодѣ. Когда будутъ при восхожденіи солнца лучи его красноваты или долги, или когда оно красноватыми облаками окружено, сильные вѣтры воспослѣдуютъ. Когда солнечные лучи мѣстами зеленоваты, или блѣдноваты, или черноваты, будетъ скоро дождь. Ежели около солнца одинъ или больше круговъ ясныхъ и скороисчезаемыхъ, будетъ добрая погода; а многіе красноватые круга—къ вѣтрамъ, и чѣмъ они краснѣе, то бурнѣе вѣтры. Буде оные круги мѣстами перерваны, и притомъ густы и темноваты, будетъ холодный вѣтръ или снѣгъ. Ежели за темное облако зайдетъ солнце при горизонтѣ, будетъ дождь; а буде при захожденіи же появится близко солнца темное облако, то либо въ ту ночь, или на утро будетъ дождь. Когда оно заходитъ красновато, или нѣтъ около его облаковъ, то къ хорошей погодѣ; ежели же оно при восхожденіи видится разноцвѣтно, или облака около его водянаго цвѣту, къ дождю. Буде съ вечера пойдетъ дождь—признакъ непостоянной погоды. Ежели солнце при захожденіи покажется какъ съ огненными пятнами—знакъ къ долговременнымъ вѣтрамъ.

По лунѣ.

Когда луна блѣдна—къ дождю; чиста и ярка—къ ведру; красновата или румяна—будетъ вѣтръ и буря. Ежели луна мутновата, къ дождю. Естьли по трехъ дняхъ отъ новомѣсячія видятся лунные рога тупы, то до конца той четверти будетъ дождливая погода, а къ полнолунію умѣренная. Когда луна пяти дней, а роги ея тупы, къ дождю, а остры къ бурѣ; видимый же около ея красный кругъ, къ дождю и къ вѣтру.

По звѣздамъ.

Буде на чистомъ небѣ малыхъ звѣздъ не видно, то послѣдуетъ буря; въ которой сторонѣ кажутся звѣзды очень блестящія, оттуду жди вѣтра; а гдѣ онѣ видятся больше и яснѣе обыкновеннаго, оттуду ожидать сильныхъ вѣтровъ съ мокротою лѣтомъ, а зимою съ большими морозами. Звѣзды кажутся мутны и едва видны, къ дождю. Когда неясныя звѣзды кажутся съ долгими огненными хвостами, то ожидай сильныхъ вѣтровъ и великихъ дождей. Ежели звѣзды мѣстами видятся какъ стрѣляютъ своимъ свѣтомъ, будутъ перемѣнные съ разныхъ сторонъ вѣтры. Буде же то дѣлается по всему небу, тогда ждать грому съ молніею и страшной бури.

[1]) Кургановъ Николай Гавриловичъ (1726—1796), сынъ унтеръ-офицера, обучался сначала въ Московской Навигацкой школѣ (на Сухаревой башнѣ, въ Москвѣ), потомъ въ Морской Академіи, въ Петербургѣ. Здѣсь въ 1746 г. произведенъ въ подмастерьи математическихъ и навигацкихъ наукъ, въ 1764-мъ переименованъ въ учители, и черезъ нѣсколько лѣтъ былъ профессоромъ, удостоенный этого званія по экзамену въ Академіи наукъ. Въ 1771 г. исправлялъ обязанности инспектора классовъ, а въ 1792-мъ назначенъ инспекторомъ, въ которой должности и оставался до самой смерти. Около 50 лѣтъ занимаясь преподаваніемъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, Кургановъ частію сочинилъ и частію перевелъ цѣлую математическую и морскую учебную энциклопедію. Г. Веселаго, въ «Очеркѣ исторіи Морскаго кадетскаго корпуса», говоритъ о Кургановѣ слѣдующее: «Кургановъ зналъ хорошо фран-

цузскій и нѣмецкій языкъ, и могъ читать по своему предмету латинскія и англійскія книги. Науки математическія и морскія ему были извѣстны въ совершенствѣ, и множество сочиненій и переводовъ его по этой части доказываютъ, что онъ умѣлъ съ пользою употреблять свою ученую дѣятельность. Какъ писатель, Николай Гавриловичъ отличался необыкновенною добросовѣстностію и яснымъ взглядомъ на науки. Почти въ каждомъ его трудѣ, тѣ страницы, въ которыхъ говоритъ онъ отъ своего лица, дышатъ искреннимъ, теплымъ желаніемъ пользы читателю, отсутствіемъ мысли выказать самого себя и произвести эффектъ. Своей наивной, но безпощадной ироніей Кургановъ казнилъ современный ему педантизмъ и умышленную темноту науки, и самъ старался по возможности упрощать ее и передавать занимательно... Ученики любили и уважали его.... Морской корпусъ долженъ гордиться Кургановымъ: въ темное время Морской Академіи, онъ умѣлъ пріобрѣсти обширное современное образованіе, и относительно пользы принесенной корпусу, а чрезъ него и флоту, на ряду съ Кургановымъ можетъ стать развѣ только одинъ Гамалея» (Платонъ Яковлевичъ, инспекторъ классовъ съ 1795 по 1809 г.).

[2]) «Россійская Универсальная Грамматика, или всеобщее письмословіе, предлагающее легчайшій способъ основательнаго ученія рускому языку съ седмью присовокупленіями разныхъ учебныхъ и полезно-забавныхъ вещей. Издано въ градѣ святаго Петра 1769 года». Съ латинскимъ эпиграмомъ: «Clericus es! legito hoec. Laicus! legito ista libenter. Crede mihi, invenies hic quod uterque voles» (D. Collis) (*). Подъ такимъ заглавіемъ явилось первое изданіе «Письмовника», Курганова, знаменитой популярной книги второй половины XVIII вѣка и первыхъ десятилѣтій XIX-го (см. мою Исторію Рус. Слов., I, 585 и 586). Потомъ онъ перепечатывался многократно, съ нѣкоторыми дополненіями и перемѣнами, и съ раздѣленіемъ на двѣ части. «Очеркъ исторіи Морскаго корпуса (1852)» говоритъ, что онъ имѣлъ 18 изданій. Послѣднимъ изъ тѣхъ, которые вышли при жизни автора, было шестое (1796). За тѣмъ онъ печатался съ присовокупленіемъ книги: «Неустрашимость духа, геройскіе подвиги и примѣрные анекдоты Русскихъ». Чтобы дать читателямъ понятіе о первомъ изданіи книги, ставшемъ большою рѣдкостью, выписываемъ его содержаніе.

На оборотѣ заглавія свидѣтельства св. Іоанна Дамаскина, Аристотеля, Виргилія Урбина, Ломоносова и Сумарокова о важности и пользѣ грамматики. «Приношеніе» благочестивому читателю, доброму человѣку. «Предсловіе», въ которомъ объясняется поводъ къ преобразованію прежде изданной Грамматики. Краткой повѣстной лѣтописецъ. Грамматика въ трехъ чистяхъ (о произведеніи словъ, о сочиненіи словъ и рѣчей, о ороографіи или правописаніи). За Грамматикою семь притовокупленій. Первое: сборъ разныхъ пословицъ и поговорокъ. Второе: краткія замысловатыя повѣсти, различныя шутки, разномысленныя предложенія, достапамятныя рѣчи, опредѣленія и сравненія или уподобленія, хорошія мнѣнія, опись качествъ знатнѣйшихъ европейскихъ народовъ, загадки. Третье: древнія (исправленныя и умноженныя) апоѳегмы, Епиктитово нравоученіе. Четвертое: разные учебные разговоры (между книжникомъ и мальчикомъ, о употребленіи времени, о образѣ житія человѣческаго, о миѳологіи, о различіи изреченія и писанія). Пятое: сборъ разныхъ стиходѣйствъ. Шестое: обстоятельное изъясненіе порядка знаній человѣческихъ, или всеобщій чертежъ наукъ и художествъ (вступленіе, отдѣлъ первый: происхожденіе человѣческихъ знаній, отдѣлъ второй: о употребленіи наукъ). Седьмое: словарь разноязычный, или толкованіе еврейскихъ, греческихъ, латинскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и прочихъ иноземныхъ, употребляемыхъ въ русскомъ языкѣ, и нѣкоторыхъ славянскихъ словъ (русскій словотолкъ); толкъ седмичнымъ днямъ, толкъ мѣсяцамъ; заключеніе или оговорка.

Письмовникъ Курганова—не первая въ своемъ родѣ книга. За пять лѣтъ до его появленія, именно въ 1764 г., былъ напечатанъ, въ 2 ч., «Товарищъ разумный и замысловатый, или собраніе хорошихъ словъ, разумныхъ замысловъ, скорыхъ отвѣтовъ, учтивыхъ насмѣшекъ и пріятныхъ приключеній знатныхъ мужей древняго и нынѣшняго вѣковъ, переведенной съ французскаго и умноженной изъ разныхъ латинскихъ, къ сей же матеріи принадлежащихъ, писателей, какъ для пользы, такъ и для увеселенія общества, Петромъ Семеновымъ». Съ эпиграфомъ изъ Горація: «Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci, то есть: Тотъ всякому угождаетъ, кто вдругъ и полезное и пріятное предлагаетъ». Къ третьему изданію (1787), сынъ собирателя, Михайло Семеновъ, прибавилъ «нѣсколько непосредственно принадлежащихъ къ той же матеріи» и переведенныхъ съ франц. и нѣм. языковъ ста-

(*) Въ другихъ изданіяхъ эпиграфъ переложенъ въ русскіе стихи:

Духовной ли, мірской ли ты? прилежно се читай!
Все найдешь здѣсь, тотъ и другой; но разумѣть смѣкай.

тей, которыя и составили третью часть «Товарища». Въ предисловіи къ этой новой части говорится, что «Товарищъ» имѣлъ счастіе понравиться публикѣ и что нѣкоторые, пріобыкшіе пользоваться чужими трудами, выдали его въ свѣтъ вторымъ тисненіемъ, въ Москвѣ, безъ вѣдома трудившагося и съ его обидою, но чаятельно и къ предосужденію самихъ себя. Кургановъ многое заимствовалъ изъ этого сборника въ отдѣлъ краткихъ замысловатыхъ повѣстей и достопамятныхъ рѣчей. Любопытно «введеніе» къ Товарищу, «на подобіе предисловія, касающагося до превосходства, свойства и употребленія мнѣній, скорыхъ отвѣтовъ, замысловатыхъ рѣчей и увеселительныхъ сказокъ». Печатаемъ его здѣсь сполна:

Мнѣнія, скорые отвѣты и замысловатыя рѣчи были всегда у всѣхъ политичныхъ народовъ въ почтеніи. Греки и Римляне оказались въ томъ первые чрезъ стараніе, которое они имѣли въ собираніи и употребленіи оныхъ. Юлій Кесарь собралъ довольное число замысловатыхъ рѣчей отъ своихъ современщиковъ. Славный историкъ Плутархъ съ немалымъ тщаніемъ старался собирать замысловатыя рѣчи, сказанныя знатными людьми, коихъ онъ описывалъ жизни; въ чемъ также и Діогенъ Лаэрцій не преминулъ ему послѣдовать, описывая жизни философовъ; а изъ нынѣшнихъ милордъ Баконъ Гишарденъ и многіе другіе оными набогатили свои писанія.

Сіи свидѣтельства суть столь велики и столь важны, что мы не можемъ преминуть, чтобъ и съ нашей стороны славному сему предпріятію достодолжной не приписать похвалы, взирая на столь знатныхъ мужей. Остается только теперь дѣлать хорошей выборъ, и не смѣшивать разума и хорошаго смысла съ нѣкоторыми подлыми мнѣніями и непристойными и общенародными шутками, обращающимися въ свѣтѣ.

Древніе подъ именемъ Апофѳегматъ разумѣли то, что мы называемъ мнѣніями, благородными замыслами, замысловатыми рѣчьми и разумными отвѣтами. Однако по нашимъ мнѣніямъ Апофѳегматъ отличествуетъ отъ замысловатой рѣчи, или отъ скораго отвѣта тѣмъ, что первой бываетъ обыкновенно важенъ и подавающъ наставленіе, а замысловатыя рѣчи и скорые отвѣты насъ наставляютъ и увеселяютъ въ одно время; иногда также бываютъ онѣ совсемъ увеселительныя, а иногда язвительныя и сатирическія.

Французы называютъ замысловатыми рѣчьми всѣ тѣ мнѣнія и разумные отвѣты, которые происходятъ отъ хорошаго разсужденія и отъ скораго и удачливаго воображенія.

Первое и извѣстнѣйшее правило для отличенія истинной замысловатой рѣчи отъ ложнаго мнѣнія состоитъ въ томъ, чтобъ оно могло быть переведено на другой языкъ безъ потерянія точнаго своего свойства и своей пріятности; потому что оно состоитъ на самомъ выраженіи мысли, а не на словѣ, кое значитъ двоякое знаменованіе.

Слова, значащія двоякое знаменованіе, познаются потому, что оныя, будучи переведены на другой языкъ, теряютъ совсемъ точность своего подобія, въ которомъ сила онаго заключается; а какъ такія выраженія касаются больше до ушей, нежели до разума, то мы въ семъ случаѣ должны остерегаться того, чтобъ не смѣшивать оныя съ истинными замысловатыми рѣчьми. Мнимая красота словъ, значущихъ двоякое знаменованіе, ничто иное есть, какъ только удачливой случай, производящей то, что одна рѣчь значитъ многія знаменованія. Такимъ образомъ двоякое имъ приложеніе бываетъ почти всегда принужденно; но положимъ, что оно и справедливо, то замысловатая рѣчь будетъ несовершенна тогда, когда она будетъ только состоять на одномъ выраженіи, а не на мысли. Признаюсь, что слово, значущее двоякое знаменованіе, можетъ быть терпимо тогда, когда оно представляетъ двѣ различныя идеи нашему разуму, изъ коихъ одна состоитъ въ собственномъ смыслѣ, а другая въ метафорическомъ. Но что касается до тѣхъ негодныхъ двоякихъ знаменованій, которыя ничто иное суть, какъ только по французскому наименованію пустота; то оныя должны быть вовсе истреблены изъ общества ученыхъ людей, потому что оныя служатъ только для увеселенія подлаго народа.

Замысловатыя рѣчи и скорые отвѣты были гораздо употребительнѣе между древними Греками, нежели между другими народами, что можно приписать во первыхъ живости ихъ разума, глубокому ихъ знанію и доброму ихъ воспитанію, во вторыхъ доброму учрежденію ихъ правленія; ибо большая часть, живучи въ республикахъ, не обуздана была достодолжнымъ къ Государямъ своимъ почтеніемъ, также и къ тѣмъ, коихъ оные Государи удостоивали своею въ правленіи Государства повѣренностью; и по той причинѣ разныя степени, учрежденныя между людьми, не дозволяютъ часто нижнихъ чиновъ людямъ говорить то, что они думаютъ смѣшнова о тѣхъ, кои выше ихъ находятся.

Изъ замысловатыхъ рѣчей сугубую можно получать пользу; ибо кромѣ того, что онѣ служатъ къ нашему увеселенію и къ ободренію въ задумчивость пришедшей компаніи, есть много такихъ рѣчей, которыя изобилуютъ хорошими наставленіями, принадлежащими къ различнымъ состояніямъ жизни человѣческой какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи.

Чтожъ касается до сказокъ, то онѣ отличествуютъ отъ замысловатыхъ рѣчей тѣмъ, что онѣ изъясняютъ свою силу во всей своей обширности и угадывать слушателю ничего не оставляютъ, какъ то въ замысловатыхъ рѣчахъ случается. Онѣ научаютъ иногда шутками; но главной ихъ предметъ состоитъ въ томъ, чтобъ

увеселять слушателей, объявляя иногда какой нибудь забавной случай, иногда какую простосердечность, или какое невѣжество, а иногда и хитрыя выдумки, служащія для увеселенія прочихъ не безъ обиды другому. Въ сказкахъ должно имѣть ту же предосторожность, о которой мы говорили въ разсужденіи замысловатыхъ рѣчей, то есть, что мы должны стараться, чтобъ не смѣшивать хорошія сказки со многими шутками, подлыми и непріятными слуху человѣческому по причинѣ ихъ неистовства, скрытаго подъ негодными словами, значащими двоякое разумѣніе.

Употребленіе, кое честной человѣкъ долженъ дѣлать изъ замысловатыхъ рѣчей и изъ сказокъ, состоитъ въ томъ, чтобъ ихъ упоминать только тогда, когда онѣ придутъ къ статѣ и къ слову, притомъ и при такихъ людяхъ, которые охоту имѣютъ ихъ слушать и ими веселиться; сверьхъ сего, чтобъ не стараться изыскивать случая представить себя смѣшнымъ или, лучше сказать, шутомъ въ разсказываніи оныхъ; ибо люди, имѣющіе хорошую во всякихъ вещахъ разборчивость, познаютъ скоро принужденное ихъ къ разсказыванію оныхъ стараніе: «И что неприлично», какъ то говоритъ славный господинъ де Ла-Брюеръ, «тому, кто хочетъ сдѣлать смѣхъ, думать себя чрезъ то привесть въ почтеніе».

Надобно также опасаться, чтобъ не вводить сказокъ и замысловатыхъ рѣчей чрезъ похвалы, сродныя Риторамъ, которыя препятствуютъ слушателямъ быть въ восторгѣ удивленія; потому что самое то удивленіе причиняетъ веселость, которую они возбуждаютъ въ слушателяхъ. Надобно еще примѣчать, чтобъ тотъ, кто найдетъ благопристойное время разсказывать оныя, не смѣялся самъ перьвой, если онъ хочетъ въ смѣхъ привесть компанію; ибо случается часто, что тѣ, кои обѣщаются намъ сказать что нибудь забавное и привесть насъ въ смѣхъ, не уставаютъ въ своемъ словѣ, и нѣтъ глупѣе и посмѣшнѣе того человѣка, которой, зачавши только разсказывать что нибудь, смѣется одинъ во время, какъ прочимъ едва усмѣхнуться сыскивается причина, и та только для того, чтобъ не лишить его намѣреннаго предпріятія. Наконецъ не безполезно убѣгать и того, чтобъ не сказывать одной сказки, или одной замысловатой рѣчи нѣсколько разъ однимъ людямъ, что почитается за смѣхъ, причиняющей не малую скуку компаніи.

Не сумнѣваюсь притомъ, чтобъ не сыскались, читая сію книжку, и такіе, которые скажутъ что, де, большая часть изъ сихъ Апофеегматъ, замысловатыхъ рѣчей, скорыхъ отвѣтовъ и сказокъ уже довольно извѣстна людямъ ученымъ и знающимъ свѣтъ. На сіе и я не противорѣчу, а отвѣтствую такъ: что хотя бы то и правда была, однако надѣяться можно, что читатели въ противность себѣ то не поставятъ, когда ихъ опять здѣсь найдутъ, по той причинѣ, что всегда слушаютъ съ охотою ту арію, которую уже нѣсколько разъ слыхали, съ тѣмъ только, чтобъ ее пѣли хорошо. Впрочемъ сіе собраніе есть столько велико и столько изобильно, что трудно (не говорю не возможно), чтобъ одинъ читатель могъ знать все то, что въ ономъ содержится, и чтобъ онъ, читая оное, не получилъ себѣ отъ того какого нибудь полезнаго наставленія, или увеселенія, а особливо въ препровожденіи празднаго времени.

Ощутительная разница между «Товарищемъ» и «Письмовникомъ» состоитъ въ томъ, что послѣдній гораздо обширнѣе и разнообразнѣе, будучи и энциклопедіей наукъ, и сборникомъ статей, служащихъ для забавы читателей, тогда какъ Товарищъ удовлетворяетъ преимущественно второй цѣли, хотя и выбралъ себѣ эпиграфомъ правило Горація о соединеніи пріятнаго съ полезнымъ. Письмовникъ не только читали, но и учили; Товарищъ же былъ сборникомъ собственно для чтенія.

Въ 1790 г. явился «Старичокъ весельчакъ, разсказывающій давнія московскія были». Это также народная книга, хотя и низшаго разряда, сравнительно съ «Товарищемъ» и «Письмовникомъ», имѣвшая множество изданій (въ моихъ рукахъ было ихъ пятнадцать, съ 1790 по 1857 г.). Неизвѣстный авторъ ея переложилъ въ стихи нѣсколько замысловатыхъ повѣстей, назвавъ ихъ былями.

[3]) Это стихи Ломоносова, взятые изъ разсужденія о явленіи Венеры на солнцѣ (см. 1-ый т. моей Истор. Христ., стр. 209).

[4]) Сличи эпиграмму И. Дмитріева: «Мнѣ лѣкарь говорилъ».

[5]) Параболъ — притча, аллегорія; фариболъ—вздорная, пустая рѣчь; оболъ—мелкая монета.

[6]) Самаго низкаго званія.

II.

ЧУЛКОВЪ. (1).

А. СТИХИ НА СЕМИКЪ (1769). (2).

Не смѣйся, Муза, мнѣ, а я не хохочу,
Что изъ пустаго класть въ порожнее хочу.
Намѣренье мое—горохъ лепити въ стѣну,
Березкамъ положить въ семикъ привозным цѣну,
Чтобъ красны дѣвушки, по утру пробудясь
И лучше, какъ онѣ умѣютъ, нарядясь,
Безъ торгу брали ихъ и ставили въ кружечикъ,
Сбираясь на берегъ иль индѣ на лужечикъ.
Но прежде нежели онѣ плясать начнутъ,
Я мысленно еще слетаю въ Волховъ прудъ,
Что Мутная рѣка сперва именовалась
И послѣ Волховомъ она уже назвалась;
Разсыплю на брегу наметанный бугоръ,
Гдѣ спитъ тотъ князь и Волхвъ и съ нимъ боговъ соборъ (3),
Которыхъ прежде здѣсь Славяне почитали
И кои ужъ давно почтенье потеряли,
Какъ молвить, напримѣръ, Перунъ, громовый богъ,
Котораго они дубьемъ свалили съ ногъ
И бросили въ рѣку на-вѣки тамъ купаться,
Чтобъ перестали ихъ невѣжеству смѣяться.
Второй степенный богъ Волосъ, или Велесъ,
Изъ храма своего чуть ноги лишь унесъ,
Какъ начали тузить въ бока, и въ лобъ, и въ зубы;
Завыли Лада, Дидъ, Бѣлбоги и Дашубы,
Догода, Коляда, Купало и Усладъ;
Святовичь, дѣланный весьма на чудный складъ,
Ягая баба, Чуръ, Полканъ и Симаергла,
Ужасный Чернобогъ, что въ адъ судьбина свергла,
Летѣли изъ домовъ, какъ черти съ небеси,
Пощады не было, хоть сколько ни проси,
Очистили они и улицы и храмы,
Невѣжество боговъ и все повергли въ ямы.
Язычество сіе мѣщане здѣсь клянутъ;
Незнаньемъ же къ нему довольно льнутъ.
Семикъ—веселый день: его не пропускаютъ
И въ пѣсняхъ тѣхъ боговъ почасту вспоминаютъ.

О томъ-то предлежитъ сегодня рѣчь моя,
Хотя и не совсемъ успѣю въ оному я,
Понеже неученъ, понеже я не знаю,
Во вторники рожусь, а въ среды умираю
И бытіе мое имѣю съ января (4);
Однакъ ужъ знаю всѣ и рѣки, и моря,
Деревни, города, и степи, буераки.
Въ Санктпетербургѣ есть и устерсы и раки,
Въ Москвѣ съ полдюжины даютъ за гривну дынь,
И вѣдаю опять, чѣмъ славится Медынь.
Клинъ городъ лаптями, а Муромъ калачами,
Замками славенъ Тверь, а Новгородъ сытами,
Гусями Арзамасъ, а Угличь толокномъ,
Россія Малая волами и виномъ,
Валдай баранками, еще гористымъ мѣстомъ,
Калуга грѣшневымъ съ духами жидкимъ тѣстомъ,
Рѣка Яикъ икрой, Ростовъ же чеснокомъ,
А Глуховъ древній градъ папушнымъ табакомъ;
Изъ Вязьмы пряники, изъ Шуи крѣпко мыло,
Изъ Вологды свѣчи иль сальное свѣтило;
Бѣлоезерскіе всѣхъ славнѣе снятки;
Олонецъ нитяны пускаетъ къ намъ мотки,
А Псковъ сушоными снятками насъ питаетъ;
Ружьемъ и шпагами—то Тула снабдѣваетъ;
Арбузы Астрахань, а Боровъ лукъ даетъ;
Изъ Краснаго Села набойка къ намъ идетъ,

Елецъ раждаетъ соль, а Кашинъ градъ бѣлилы;
Миноги нарвскіе, а не други намъ милы;
Козлами, лошадьми прославился Казань,
А изъ Украины всѣхъ лучшая рязань (5),
Изъ Павловска ножи и ножницы оттуда,
Изъ Соловецкихъ странъ приходитъ семги груда,
Архангелогородскія селедки къ намъ
Хоть въ бочкахъ поплывутъ, какъ рыба по водамъ.
Я самъ себѣ дивлюсь, что столько разумѣю
И слишкомъ тысячу пересчитать умѣю,
По нуждѣ разбирать и календарь могу,
И что я такъ уменъ, то истинно не лгу,
А въ доказательство едино представляю,
Что прозой и стихомъ бумагу я мараю;
Съ Парнасса внизъ я одами дышу,
Безъ дѣйствія души и разума пишу,
Стараюсь вѣчность я достать себѣ стихами,
Кроплю мои труды парижскими духами,
Чтобъ запахъ таковой читатель мой, внуша,
Сказалъ, что выдумка довольно хороша.
За вкусъ я не берусь, а что же горяченько,
То сдѣлаю тотчасъ, и нѣсколько смѣшненько.
Извѣстіе сіе во первыхъ я даю,
Что авторство мое за деньги продаю:
Копѣйка мадригалъ, съ полушкой эпиграмма,
Три денежки рондо, а пять копѣекъ драма,
Элегія алтынъ, пять денежекъ сонетъ,
Идиллія хоть грошъ, полушка за билетъ.
Дешевлѣ всѣхъ стиховъ спускаю съ рукъ я оды:
Причина такова, что оные уроды
Ни смысла добраго, ни правильныхъ стиховъ,
Ни должной похвалы, ниже завистныхъ строфъ
Съ начала до конца въ сложеньи не имѣютъ
И денежку давать за оныхъ мнѣ жалѣютъ.
Чтожъ дешево стихи мои я продаю,
Такъ знайте всѣ, что я безъ мѣрки ихъ крою.
Эклоги, въ коихъ я всѣхъ болѣе тружуся,
Беру по всячинѣ и долго не ряжуся,
Понеже, выключа премножество стиховъ,
Не только разума—не сыщешь годныхъ словъ.
Элегіи опять искусно такъ мараю,—
Что въ оныхъ напишу, то право самъ не знаю;
Трагедіи писать хотѣлось было мнѣ,
Но, какъ пригрезилось сраженіе во снѣ,
Въ которомъ страшные славенскіе герои
Водили по степямъ неустрашимы строи,
Какъ нѣкто, разъярясь, весь полкъ мечемъ пожралъ,
Я чуть было тогда съ постели не упалъ;
Отъ страху сердце все съ недѣлю трепетало:
Такъ дѣйствіи писать желаніе пропало.
Комедію еще потщился я скроить,
Обшилъ и обметалъ, но какъ ее сслонить (6),
По истинѣ сказать, не смышлю и не знаю,
И для того еще въ продажу не пускаю.
Когда прославился въ приходѣ я перомъ,
То Слава надъ моимъ воскликнула дворомъ.
Иные говорятъ, ища стихамъ урона,
Что будто каркала не Слава то,—ворона,
Предвѣстница у насъ дождливыя поры.
Однако я, какъ кротъ, стремлюся изъ норы;
Нѣтъ нужды, что пою теперь я гласомъ дикимъ,
Однако мышлю быть писателямъ великимъ,
И думаю я такъ, что я уже не малъ,
И чуть-чуть до неба разсудкомъ не досталъ;
Стихами я пишу, и риему ставлю ту же:
Такъ чѣмъ же я людей великихъ въ знаньѣ хуже?
Я также, какъ они, скриплю моимъ перомъ,
И словъ не вырубитъ никто и топоромъ.

Я мимоходомъ дамъ читателю примѣтить,
Какъ дьяволъ, злясь, людей старается осѣтить,
Какъ Римлянинъ, и Грекъ, и древній Славянинъ,
Всѣ вѣровали такъ, какъ вѣровалъ одинъ:
Лягушку божествомъ и рака почитали,
Предъ деревомъ они колѣна преклоняли,

И рѣки божью честь носили на себѣ,
И, словомъ, жило все въ почтеннѣйшей судьбѣ;
Болванчики въ печи иль въ устьяхъ обитали,
И сажу, какъ муку, несчастные зобали.
Такой замаранный боговъ увидя сортъ,
Конечнобъ я сказалъ, что это черный чортъ,
И, вмѣсто чтобъ имѣть къ сему почтенье богу,
Я бъ тотчасъ указалъ изъ горницы дорогу.
Но суевѣрство ихъ въ дурачество ввело,
Что чтили иногда лахань и помело,
Ухваты, кочерги, скребки и съ ними вилы;
Имъ рыбы, такъ какъ намъ, довольно были милы,
Однако вытащить боялись завсегда
Изъ рѣкъ ихъ божества, не ѣли никогда;
Хоть слюнка и течетъ, что рыбка тамъ играетъ,
Однако онъ рѣку какъ бога почитаетъ.
Пришедши въ огородъ, Египтянинъ другой
Боится согрѣшить предъ всякою травой:
Чеснокъ ихъ богъ, и лукъ ихъ чтится за-велико;
Цвѣтки, бобы, горохъ, хотя и слушать дико,
Однако божествомъ считалися они
Во всѣ прошедшіе до православья дни.
Куда бы ни хотѣлъ ступити ты ногою,
Вездѣ бы наступилъ на святости ихъ тою.
Съ презрѣніемъ сіе внимаемъ мы теперь,
Намъ къ просвѣщенію отверста нынѣ дверь,
Однако пѣсенки старинны попѣваемъ
И древнихъ тѣхъ боговъ частенько величаемъ,
Изъ коихъ нѣсколько поставлю я въ примѣръ:
Пусть видитъ свой порокъ усердный суевѣръ.

«Во ржи береза зелененька стояла,
Ой Дидъ и Лада! зелена кудревата,
Подъ той подъ березой соловейко щекочетъ,
Ой Дидъ и Лада! молодое щекочетъ»,
и проч.

«И я выду молода
За новыя ворота;
Дидо калина!
Лельо малина.

И я выпущу
Сокола изъ рукава,
Дидо калина!
Лельо малина», и пр.

Да чтожъ за крикъ такой народы затѣваютъ?
Неужто пѣсенки къ березкѣ припѣваютъ?
Вишь только что теперь во градѣ разсвѣло
И солнце изъ-за-горъ недавно какъ взошло.
Я чаю, многіе отъ сна не пробудились,
Которые вчерась по рощамъ веселились;
Трактирщики теперь еще ложатся спать,
Хоть цѣловальникамъ вы дайте, матки, встать;
Постойте, дѣвушки, вѣдь рано забавляться.
Позвольте съ разумомъ и мнѣ, друзья, собраться...
Не слушаете вы, крича разинувъ ротъ,
И вижу, васъ идетъ ужасный короводъ.
Да что же личики ужъ ваши покраснѣли?
Конечно отъ того, что рано вы запѣли;
Однако, осмотрясь, прощенія прошу,
И извиненіе дѣвицамъ приношу:
Я бабъ почелъ за нихъ, не зная въ этомъ моды,
Что рано дѣвушки не ходятъ въ короводы;
А вы, веселыя пріятельницы намъ,
Вы пьете къ вечеру и пьете по утрамъ,
Вино и сердце въ васъ и духъ увеселяетъ,
И совѣсть, думаю, совсѣмъ не зазираетъ.
Березка шествуетъ въ различныхъ лоскуткахъ:
Въ тафтѣ, и въ бархатѣ, и въ шелковыхъ платкахъ.
Вина не пьетъ она, однако пляшетъ,
И, вѣтвями тряся, такъ какъ руками машетъ;

Предъ нею скоморохъ неправильно кричитъ,
Ногами въ землю онъ, какъ добрый конь, стучитъ,
Танцуетъ и пылитъ иль грязь ногами мѣситъ,
Доколѣ хмѣль его совсѣмъ не перевѣситъ.
Тамъ дама голоситъ, сивухой нагрузясь,
Въ присядку пляшучи, валится скоро въ грязь;
Потомъ другая вмигъ то мѣсто заступаетъ,
Которая плясать вельми искусно знаетъ,
Танцуетъ голубца, танцуетъ и бычка,
Но если хватитъ вдругъ ржанова молочка,
То скоро плясея изрядная схилится ([7]),
И также, какъ и та, на землю повалится.
Ходя по городу, воспѣвая цѣлый день,
Ко вечеру онѣ шатаются какъ тѣнь,
Разлучку сдѣлаютъ березкѣ со платками,
Останется она съ одними лоскутками,
Платки по одному съ несчастной той сберутъ
И въ разныхъ кабакахъ при пѣсенкахъ пропьютъ.

Хоть городъ и одинъ, но разные обряды,
Подобно какъ у насъ различные наряды.
Въ семикъ въ почтенный день на рынокъ я ходилъ
И тамъ противные обряды находилъ;
Лишь только хмѣль одинъ согласенъ былъ съ собою
И баба всякая пила своей рукою.
Тамъ сдѣланъ огородъ, березки всѣ въ кругу,
Верхушки же у нихъ согнуты всѣ въ дугу,
Въ срединѣ столъ стоитъ, безъ скатерти поставленъ,
Но только кушаньемъ казался мнѣ задавленъ.
Что хлѣбъ-соль хороша, тому свидѣтель я:
Ватрушки были тутъ, подовые съ огня,
Оладьи, калачи, блины, пирогъ и пышки,
И, можно такъ сказать, всѣ праздничны излишки.
Баханки таковы попляшутъ, покричатъ,
Приступятъ ко столу и множество съѣдятъ;
Но только кушаютъ, казалось мнѣ, безъ вилки,
Однако съ помощью наполненной бутылки.
Какъ кушанье онѣ до крошки поплѣнятъ,
То новаго опять на столъ настановятъ,
Частенько на кабакъ съ бутылкой посылаютъ,
Въ складчинку всѣ ее сивухой наполняютъ;
Народъ, ихъ обступивъ, разинувъ ротъ глядятъ,
А тутъ карманы ихъ и мошны порожнятъ,
А если кто возьметъ плясавицу въ охабку,
То потеряетъ тотъ кафтанъ, камзолъ и шапку.

Колико написалъ въ семъ листикѣ я словъ,
Толико думаю въ семикъ пропьютъ платковъ,
Толикожъ плясуновъ, плясавицъ произвольныхъ,
И столькожъ пьяныхъ есть веселыхъ и довольныхъ,
И столько же еще порубленныхъ берез
Убытокъ лѣсу сей семикъ честной нанесъ.
Прощай, честной семикъ! скажите человѣки,
И бросьте, поплясавъ, березочки вы въ рѣки:
Пускай къ своимъ мѣстамъ обратно поплывутъ;
Авось хорошій плодъ и срубленны дадутъ.

в. Драгоцѣнная щука (1785). ([8]).

По древнему названію посулъ, по нынѣшнему взятки, а по иностранному акциденція когда начало свое воспріяла, въ томъ всѣ ученые между собою несогласны; да и въ гражданской исторіи эпоху сію не скоро сыскать возможно: а потому и нельзя достовѣрно утвердить, какой народъ преимущество въ томъ изобрѣтеніи взять долженъ.

Не заимствуя изъ исторіи другихъ государствъ, удоволимся мы бытіемъ дѣлъ

и случаевъ своего отечества. Въ древнія времена позволены были у насъ взятки, что доказывается челобитными, подаванными отъ тѣхъ людей, которые желали опредѣлиться на городъ воеводою; въ нихъ писали обыкновенно: надежа Государь, отпусти на городъ покормиться. А потомъ и отъ дѣлъ акциденція была дозволена; но какъ государственные доходы приведены въ совершенную извѣстность и мѣру, а потому учинены штаты и опредѣлено всѣмъ находящимся у дѣлъ жалованье, то взятки, или учтивѣе акциденція, вовсе отмѣнены и строго запрещены.

Важная сія перемѣна учинилась причиною великихъ изобрѣтеній, и заботливые умы къ накопленію имѣнія дробными правилами не давали себѣ покоя и составили изъ себя цѣлыя академіи проэктовъ, какимъ образомъ подкопаться подъ храмину, сооруженную на твердомъ и глубокомъ каменномъ фундаментѣ. Многимъ было предпріятіе сіе неудачно, а другіе, поосновательнѣе ихъ во изобрѣтеніяхъ, получили довольные успѣхи. Явно брать взятки не дерзнули, но направили ихъ теченіе потаеннымъ каналомъ, прикрывъ его такимъ покрываломъ, что иногда и самые прозорливые люди увидѣть и дойти до того никакъ не могутъ. Исчисленіе коихъ хитростей, ежели оныя описывать, составитъ пять частей Пересмѣшника, а намъ не достаетъ здѣсь только двадцатой главы; слѣдовательно описаніе ихъ должны мы оставить до другаго случая, а теперь удоволимся одною только изъ нихъ хитростію, а именно—похожденіемъ драгоцѣнной щуки.

Около того времени нѣкто основательный человѣкъ, съ расчетомъ экономъ, приказенъ, прозорливъ, искателенъ и заботливъ, отставной надворный совѣтникъ опредѣленъ былъ воеводою въ городъ, стоящій подлѣ рѣки изъ знатныхъ въ Россіи, изъ котораго обыватели отправляли торговлю къ портамъ и были нарочито зажиточны, не токмо собственно для себя, но могли служить и начальникамъ, что вновь опредѣленному воеводѣ не безъизвѣстно было. Онъ прибылъ въ городъ со всею своею фамиліею въ половинѣ дня и помѣстился въ домѣ, нарочно для него заготовленномъ, убранномъ и всею домашнею утварью снабденномъ. Магистратъ, испросивъ дозволеніе, пришли къ нему на поклонъ съ хлѣбомъ и солью. Хлѣбъ лежалъ на серебрянномъ блюдѣ, а соль въ золотой солонкѣ. Воевода, принявъ хлѣбъ и высыпавъ на оный столъ, блюдо и солонку отдавалъ имъ назадъ; купцы, не принимая, кланялись и говорили, что хлѣбъ отъ посудины не отлучается, и они кланяются всѣмъ его высокоблагородію, который, принявъ на себя суровый видъ, говорилъ имъ гнѣвно, чтобы они и впредь такъ поступать не отваживались, и когда до него пріучены къ такимъ неблагопристойнымъ поступкамъ, то во время правленія его должны отвыкнуть. Купцы, какъ громомъ поражены будучи, взявъ блюдо и солонку, пошли въ магистратъ, и, уподобясь черной землѣ, не могли другъ другу и сообщить своего отчаянія, по причинѣ той, что воевода уже не по нихъ, который не принимаетъ отъ нихъ такихъ поклоновъ, а особливо при первомъ случаѣ, каковое ихъ сердечное предчувствованіе вскорѣ потомъ и сбылось.

На другой день поутру разлилась великая и непомѣрная строгость по городу. Мѣщане, кои были попростѣе купечества, думали, что правительство вмѣсто воеводы впустило къ нимъ въ городъ неученаго лѣснаго медвѣдя, съ которымъ они сладить не могутъ; а поразумнѣе обыватели пришли отъ того въ отчаяніе и не знали, что начать: собралися въ магистратъ, сидѣли повѣся головы, и одинъ другому не говорилъ ни слова. Старикъ лѣтъ семидесяти, подошедъ въ то время къ собранію, говорилъ: не отчаявайтесь, друзья, не вѣшайте головъ и не печаль-

те хозяина; огладится звѣрокъ, ручнѣе будетъ. Я уже доживаю седьмой десятокъ, и воеводъ здѣсь много видалъ; тутъ есть, можетъ быть, какая нибудь уловка; сыщите кого нибудь изъ его домашнихъ на свою сторону и выспросите, не охотникъ ли его высокоблагородіе до чего нибудь особо... такъ дѣло все и перевернется на другой манеръ. Совѣтъ стариковъ принятъ былъ за благо, и отряженъ въ ту коммиссію молодой купецъ, человѣкъ проворный, говорунъ, торгующій виноградными напитками: то съ помощію нихъ и пятидесяти рублей серебряной монеты на другой день ко удовольствію всего города, купечества, мѣщанства, ремесленныхъ и прочихъ обывателей, объявлено было отъ него, что онъ чрезъ камердинера воеводскаго провѣдалъ, что его высокоблагородіе неслыханный охотникъ до щукъ. Безъ всякаго промедленія времени найдена была въ городѣ самая большая щука, заплачено за нее безъ ряды и поднесена воеводѣ, который съ превеликимъ восторгомъ принялъ ее своими руками, и сказалъ магистрату: вотъ подарокъ, которымъ вы меня крайне одолжили, и я вамъ чистосердечно долженъ признаться, что я такой до нихъ охотникъ, что все то, что вамъ ни угодно, дѣлать буду, и вы отъ меня ни въ чемъ отказу не получите.

Догадка изрядная, опытъ съ успѣхомъ, и купцы были весьма обрадованы, что они такою малостію могутъ имѣть воеводу всегда на своей сторонѣ. На другой день купецъ, имѣвшій домашнее дѣло свое въ канцеляріи еще нерѣшеннымъ, вознамѣрился утруждать о томъ новоопредѣленнаго воеводу; просьбы же своей никогда они безъ приносу не употребляютъ; а извѣстенъ уже будучи, что судья кромѣ щукъ ничего не принимаетъ, пошелъ онъ на садки и спрашивалъ отмѣнной величины щуки. Ему показана была похожая на вчерашнюю, за какую отъ магистрата заплачено было четыре рубли; но съ него просили уже восемьдесятъ рублей. Зналъ онъ, вѣрно, что нужда законъ перемѣняетъ, а притомъ, можетъ быть, имѣлъ уже и сію догадку, что для воеводы малоцѣнная щука невкусна,—заплатилъ требуемую цѣну, и отнесъ къ градодержателю, которымъ онъ и щука его приняты были благосклонно и продолжавшееся дѣло обѣщано было кончить. На третій день магистратъ, собравшись попросить воеводу о нѣкоторомъ общественномъ дѣлѣ, за такую же щуку заплатили уже триста рублей. Наконецъ дошло до свѣдѣнія всего города и уѣзда, что щуки, подносимыя воеводѣ, не составляютъ изъ себя множества, но есть оная одна, которая, по принесеніи къ нему, отправляема была обратно въ садокъ, и продавалась различными цѣнами, потому что дѣла просителей имѣли разныя качества: напримѣръ, магистратъ, прося объ общественныхъ дѣлахъ, всякій разъ покупалъ ее по триста рублей; купцы для собственныхъ своихъ дѣлъ, кои побогатѣе, по сту, а понедостаточнѣе—по пятидесяти рублей; дворяня также покупали ее разными цѣнами для подносу воеводѣ, смотря по состоянію своего дѣла; а откупщикъ или коронный повѣренный того города и уѣзда, когда случалась ему по откупу надобность, которая не рѣдко бывала, а особливо для выемокъ (9) корчемнаго вина, генерально платилъ за нее по пяти сотъ рублей, а иногда и болѣе, смотря на надобность собственнаго своего прибытка.

Къ сей отмѣнной продажѣ опредѣленъ былъ отъ воеводы самый исправный приказный служитель, знающій совершенную цѣну подаваемыхъ челобитенъ и дѣлъ нерѣшенныхъ, сверхъ того состоянія и капиталы всѣхъ въ городѣ и въ уѣздѣ живущихъ. Онъ для каждаго покупщика назначалъ цѣну щукѣ и посылалъ записку на садокъ, гдѣ оная хранилась, за содержаніе и сбереженіе которой платили

за каждый мѣсяцъ рыбаку по десяти рублей, и сей рыбакъ былъ крѣпостной воеводской, выписанный для того нарочно изъ другой губерніи, дабы дѣло содержать втайнѣ.

Сія тварь орудіемъ взятокъ избрана была, какъ кажется, потому первое, что имѣетъ она острые и многочисленные зубы, въ которые ежели случится какой нибудь другой рыбѣ или иному животному попасться, то уже спасенія живота и возврату на сей свѣтъ не ожидай; второе, столь прожорлива, что втрое больше себя животное съѣдаетъ и опустошаетъ цѣлые пруда другой рыбы, не спуская и своему роду; третіе, жизнь продолжаетъ долѣе всѣхъ ей подобныхъ, и мнѣ кажется, можно бы назначить ее изображеніемъ эхидной ябеды и неправосудія.

Въ пять лѣтъ воеводства надворнаго совѣтника, по собственнымъ его выкладкамъ и достовѣрнымъ приказнаго служителя запискамъ, щука сія стоила около двадцати тысячъ; но превзошлабъ она и сію цѣну, ежелибъ сему добросовѣстному воеводѣ не послѣдовала смѣна, по причинѣ, какъ сказываютъ, притѣсненія неимущихъ, которымъ за настоящую цѣну щуки оной продавать не хотѣли, а требовали всегда назначенную приказнымъ служителемъ, но недостатки ихъ лишали той покупки, а отъ того, сказываютъ, многіе растеряли деревнишки и дворишки, которые и причислены къ селамъ, сельцамъ и дворамъ обширнымъ и знаменитымъ.

Разставаясь съ воеводствомъ, угощалъ онъ дворянъ и знаменитыхъ купцовъ, гдѣ между прочимъ употреблена была въ пищу и та драгоцѣнная щука, которой куски, доставшіеся каждому, цѣнены были, въ шутку, иной въ тысячу, иной болѣе и менѣе, какъ кому совѣсть дозволяла. Но смѣненный воевода при семъ случаѣ, такъ какъ и прежде, пришучивать умѣя, отвѣтствовалъ каждому безъ застѣнчивости, что онъ служилъ за то, чѣмъ только могъ и умѣлъ; а можетъ-де получите, примолвилъ онъ, какого-нибудь военнаго безграмотнаго воеводу, который, не смысля силы законовъ, ни себѣ, ни людямъ добра не сдѣлаетъ; самъ будетъ безъ хлѣба, да и другихъ не накормитъ; а я оставляю многихъ здѣшнихъ обывателей, а особливо приказныхъ служителей до послѣдняго, такими, которые неусыпнымъ моимъ стараніемъ, въ производствѣ по большой части трудныхъ и сомнительныхъ дѣлъ, довольно руки понагрѣли и запасли не только себѣ, но и дѣткамъ чемездину ([10]).

[4]) Чулковъ, Михайло Дмитріевичъ, секретарь сената († 1793), обучался въ москов. университетѣ, гдѣ узналъ только начальныя основанія словесныхъ наукъ и откуда, по именному указу, опредѣленъ въ статскую службу, въ которой находился до самой смерти. Не смотря на свое поверхностное образованіе и служебныя обязанности, онъ, по особенной любви къ чтенію и литературнымъ занятіямъ, много потрудился въ пользу народнаго чтенія (см. мою Исторію Рус. Слов., I, 586). Труды его, какъ издателя сатирическихъ журналовъ: «И то, и се» и «Парнасскій Щепетильникъ», какъ собирателя русскихъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ и повѣрій, заслуживаютъ полнаго вниманія. Перечисляемъ тѣ изъ нихъ, которые относятся къ нашему предмету, не упоминая о многихъ другихъ по исторіи русской торговли, по сельскому хозяйству и юриспруденціи и пр.

Краткій миѳологическій лексиконъ (1767).

«И то, и се», еженедѣльный сатирическій журналъ на 1769 г. (Чулковъ издавалъ его вмѣстѣ съ Семеномъ Башиловымъ, издателемъ двухъ частей Русской лѣтописи по Никонову списку).

Похожденіе Ахиллесово, подъ именемъ Пирры, до Троянскія осады (1769; 2-ое изд. 1788).

Парнасскій Щепетильникъ. Ежемѣсячное изданіе 1770 г.

Пригожая повариха, или похожденіе развратной женщины, часть I (1770). Содержаніе этого романа изложено г. Лонгиновымъ въ Библ. Зап. (Соврем. 1856, № 7).

Собраніе разныхъ пѣсенъ, 4 ч. (1770—1774). Другія изданія: второе, 4 ч. (1776), третье, 6 ч. (1780—1781), четвертое, 4 ч. (1788). См. Библ. Сопикова (IV, 10942—10945).

Плачевное паденіе стихотворцевъ, сатирическая поэма, въ 3 пѣсняхъ. Стихи на качели. Стихи на семикъ. На масленицу (Время изданія этихъ четырехъ стихотвореній не означено. Митр. Евгеній относитъ его къ 1775 г. Первыя два стихотворенія перепечатаны изъ журнала «И то, и се»).

Пересмѣшникъ, или Славенскія сказки, 4 ч., 1766—1768 (Библ. Сопикова, IV, 8118). Изд. второе, въ 5 ч. (1783—1785); третье, въ 5 ч. (1789).

Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти приключенія, 10 ч. (1780—1783). Второе изд. 1807 г.; третье, въ 6 ч., 1820.

Словарь русскихъ суевѣрій (1782). Второе дополненное изданіе, подъ названіемъ: «Абевега русскихъ суевѣрій, идолопоклонническихъ жертвоприношеній, свадебныхъ простонародныхъ обрядовъ, колдовства, шеманства, и проч.» (1786).

Вечерніе часы или древнія сказки Славянъ древлянскихъ, 6 ч. (1787—1788).

Не напечатаны:

Письма Петрарки къ любовницѣ его Лорѣ, переводъ стихами съ франц.

Самозванецъ Гришка Отрепьевъ, сатирическая поэма въ 9 пѣсняхъ.

Двѣ комедіи: «Добровольно нерадивый», въ 3 д. (Сочинено только первое дѣйствіе и утрачено); «Какъ хочешъ назови» (неоднократно давалась въ Петербургѣ на придворномъ театрѣ).

[2]) «И то и се, іюнь, двадцать вторая недѣля» и въ отдѣльномъ изданіи поэмы: «Плачевное паденіе стихотворцевъ». Стихотвореніе «Семикъ» состоитъ изъ двухъ частей: въ первой осмѣивается демонологія вообще и славяно-русская въ особенности; вторая описываетъ народное гулянье, называемое семикомъ. Взглядъ Чулкова на миѳологію ясно выраженъ въ эпиграфѣ и предувѣдомленіи къ «Словарю русскихъ суевѣрій». «Суевѣріе,» сказано въ эпиграфѣ, «отводя отъ Создателя, кажется приближаетъ ко оному и для того душепагубное наноситъ безопаство. Въ прочихъ грѣхахъ признаетъ себя человѣкъ грѣшнымъ, а въ суевѣріи мнится службу приносити Богу и, тако погибая, мыслитъ о себѣ, что онъ спасается, и, завязавши себѣ глаза, приближается къ стремнинѣ адскоіі. Предувѣдомленіе объясняетъ цѣль издаваемой книги:» Многобожіе, т. е. идолопоклонство и суевѣріе древнихъ Славянъ и нынѣ многихъ въ Россіи живущихъ народовъ, было и есть таково же, какъ и у прочихъ всего свѣта народовъ, понеже заблужденіе можно полагать вездѣ равное, и сей великій непріятель человѣческаго разума содержалъ прежде и нынѣ частію содержитъ подъ своимъ игомъ многіе народы, не выключая и людей ученыхъ. Предметъ изданія сей книги есть тотъ, чтобъ къ симъ посмѣянія достойнымъ суевѣріямъ частымъ возрѣніемъ на оныя произвести нѣкоторое отвращеніе и истребить оныя вовсе, ежели до того возможность допуститъ; ибо нынѣ наибольшая часть земныхъ обитателей отъ онаго благополучно освободилась, чего сердечно желаетъ сочинитель, а съ нимъ и всѣ просвѣщенные люди.

[3]) «Абевега» объясняетъ вычисляемыя стихотвореніемъ миѳическія существа:

Волхвъ, или Волховецъ—сынъ князя Славена, создавшаго Славенскъ. Древніе наши писатели придавали ему знаніе чародѣйства и силу волхвованія. Новгородскій лѣтописецъ объявляетъ объ немъ, что онъ на берегу рѣки, именемъ Мутной, прозванной по немъ Волховымъ, построилъ городокъ и разбойничалъ по сей рѣкѣ, превращаяся въ крокодила и производя многія чудесныя дѣйствія силою своего волхвованія. Почему сочли его нѣкоторые тогдашніе язычники богомъ, но наконецъ, повѣствуетъ тотъ же лѣтописецъ, задавили его черти.

Вологъ (Велесъ)—богъ скотовъ; его считали на второй степени по Перунѣ; имѣлъ храмъ въ Кіевѣ и по многимъ другимъ городамъ.

Лада—богиня браковъ, любви и веселія.

Дидъ (Дидо)—почитаемъ былъ богомъ отвращенія любовной страсти, тогда какъ братъ его Лельо, сынъ Ладинъ, воспламенялъ любовную страсть.

Бѣлбогъ—божество Славянъ варяжскихъ, имѣлъ кровавый образъ, покрытый множествомъ мухъ. Мухи означали его питателемъ тварей; жертвовали ему веселіемъ, играми и радостнымъ пированіемъ.

Дашуба (Дажбогъ, Дажба)—богъ податель благъ и также богъ богатства.

Догода — славянскій Зефиръ.

Коляда — богъ мира; праздникъ ему совершали 24 декабря играми, веселіемъ и пированіями (колядки, колядскія пѣсни).

Купало — сей идолъ почитался третьимъ по Перунѣ. Въ день его праздника (24 и 29 іюля) приносили ему жертвы.

Усладъ (Осладъ) — богъ пированій и всякихъ роскошей.

Святовичъ (Святовидъ, Свѣтовидъ) — богъ солнца и войны, имѣлъ храмъ на островѣ Ругенѣ, въ городѣ Ахронѣ, жители котораго каждогодно приносили во храмъ подати по пенязю.

Ягая баба — адская богиня, страшилище, сидящее на желѣзной ступѣ и имѣющее въ рукахъ желѣзный пестъ. Ей приносили кровавую жертву, думая, что она питаетъ ею

двухъ своихъ внучекъ и услаждается притомъ сама проліяніемъ крови.

Чуръ—хранитель межей, полей и пашенъ; больше всѣхъ прочихъ боговъ имѣлъ власти надъ чертями.

Полканъ—получеловѣкъ и полуконь, обладавшій необычайною прытостью въ бѣганьѣ.

Симаергла (Семарглъ) — иначе Зимцерла.

Чернобогъ—признавался за адскаго бога; приносили ему кровавую жертву, печальное моленіе, и дѣлали страшныя заклятія, дабы отвратить отъ себя его ярость или свирѣпость.

Семикъ въ Абевегѣ описывается такимъ образомъ: сей день и слѣдующіе по немъ еще три, древніе Славяне праздновали сладострастному богу Туру, употребляя при томъ всякую роскошь и веселіе. Дѣвки и бабы, собираясь хороводами, плясали и, свивая изъ вѣтвія вѣнки, цѣловались сквозь оные съ мущинами, а потомъ бросали въ воду, загадавши: ежели вѣнокъ потонетъ, то быть ей тотъ годъ за мужемъ, а когда не потонетъ, то остаться еще дома.

[4]) Еженедѣльникъ «И то и се» началъ издаваться съ января 1769 и выходилъ только по вторникамъ.

[5]) Рязань — мороженыя яблоки.

[6]) Сслапывать—сшивать.

[7]) Сдѣлаться хилымъ, ослабѣть.

[8]) Нап. по 3-му изд. Пересмѣшника (1789).

[9]) См. Ист. Хр., т. I, стр. 308, прим. 26.

[10]) Чемеза, чемезина—значительное количество денегъ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.